А. И. ПОКРОВСКІЙ,

приватъ-доцентъ Императорскаго Московскаго Университета.

СОБОРЫ ДРЕВНЕЙ ЦЕРКВИ

ЭПОХИ ПЕРВЫХЪ ТРЕХЪ ВѢКОВЪ.

Историко-каноническое изслѣдованіе.

Съ тремя приложеніями и двумя картами.

Сергіевъ Посадъ
Моск. губ.

ТИПОГРАФІЯ И. И. ИВАНОВА.
1914.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Литературный перечень . . . . . V—XIV
Введеніе . . . . . XV—XXIV

Глава первая. Апостольскій соборъ въ Іерусалимѣ (между 50—52 г.).

I. Историческая роль и современное значеніе собора . . 3—24
II. Источники собора и его хронологія . . . . . 25—33
III. Поводъ собора и его предметъ . . . . . 33—52
IV. Характеръ Апостольскаго собора и его составъ . . . 52—73
V. Роль на соборѣ „пресвитеровъ“ и „мірянъ“. . . . . 74—83
VI. Апостольскій декретъ. . . . . 83—94

Глава вторая. Соборы по борьбѣ церквк съ монтанизмомъ (второй половины 2-го вѣка).

I. Раннѣйшіе „малые“ противомонтанистическіе соборы (60—70 годовъ 2-го вѣка). . . . . 97—111
II. Большой Іерапольскій соборъ противъ монтанизма (въ 70-хъ год. 2 в.). . . . . 111—134
III. Сущность монтанизма и необходимость напряженной церковно-соборной борьбы съ нимъ . . . . . 134—156
IV. Хронологія ранняго монтанизма и соборовъ противъ него. 156—166

Глава третья. Соборы по поводу споровъ о Пасхѣ (конца 2-го вѣка).

I. Сущность пасхальныхъ споровъ. . . . . 169—187
II. Очеркъ развитія пасхальныхъ споровъ 2-го вѣка. . . . 188—207
III. Пасхальные соборы въ Италіи, Палестинѣ, Понтѣ, Галліи, Месопотаміи и Ахаіи (конца 2-го вѣка). . . . . 207—227
IV. Ефесскій оппозиціонный соборъ „азійскихъ“ четыренадесятниковъ. . . . . 227—252

Глава четвертая. Малоизвѣстные соборы первой половины третьяго вѣка.

I. Характеристика новаго, переходнаго періода въ исторіи древне-церковныхъ соборовъ. . . . . 255—260
II. Карѳагенскій соборъ Агриппина (около 220 г.). . . . 261—271
III. Соборы въ Иконіи и Синаадѣ. . . . . 272—288
IV. Александрійскіе соборы противъ Оригена (ок. 230—231 г.). 288—327
V. Соборы: Бострійскій (противъ еп. Берилла) и Аравійскій (противъ „ѳнетопсихитовъ“) въ 40-хъ годахъ 3-го вѣка. 328—348

Глава пятая. Соборы по поводу спора о „падшихъ“ и расколовъ Новата, Фелициссима и Новаціана (эпохи св. Кипріана карѳаг.). *Стр.*

Общая характеристика соборовъ кипріановой эпохи. . . 351—354
I. Вопросъ о „падшихъ“ (lapsi) въ Карѳагенской церкви при Кипріанѣ. . . . . 355—385
II. Карѳагено-римская схизма Новата, Фелиц. и Новаціана. 386—406
III. Первый Карѳаг. соборъ при еп. Кипріанѣ (весной 251 г.). 406—437
IV. Второй Карѳаг. соборъ при еп. Кипріанѣ (осенью 251 г.). 438—448
V. Составъ и характеръ Карѳагенскихъ соборовъ 251 года. 449—468
VI. Проблема происхожденія церковныхъ соборовъ. Изложеніе и разборъ соборной теоріи R. Sohm'a. . . . . 469—506
VII. Большой Римскій соборъ при еп. Корнеліи (251 г.) и неизвѣстный восточный (вѣроятно, Антіохійскій, ок. 252 г.). 506—525
VIII. Третій Карѳаген. соборъ при еп. Кипріанѣ (съ 15 мая 252 г.). 525—543
IX. Сомнительность существованія Карѳаг. собора 253-го года. 543—551
X. Четвертый Карѳ. соборъ при Кипріанѣ (осенью 254 г.). 551—564

Глава шестая. Соборы по поводу спора о „крещеніи еретиковъ“ (эпохи св. Кипріана карѳаг.).

I. Характеристика „крещальныхъ споровъ“ кипріан. эпохи. 567—573
II. Пятый Карѳаген. соборъ при еп. Кипріанѣ (весн. 255 г.). 573—583
III. Шестой Карѳаг. соборъ при еп. Кипріанѣ (весн. 256 г.). 584—600
IV. Большой Карѳагенскій соборъ при еп. Кипріанѣ (седьмой соборъ при немъ, съ 1-го Сентября 256-го года). . . 600—610
V. Хронологія собора и его объемъ. . . . . 610—633
VI. Составъ собора, самый его процессъ и его эпилогъ. . 634—648

Глава седьмая. Антіохійскіе соборы по дѣлу мѣстнаго еп. Павла (самосатскаго) съ 264—269 г.

I. Характеристика Антіохійск. соборовъ и личности еп. Павла. 651—666
II. Два первыхъ собора по дѣлу еп. Павла (самосатскаго). 666—680
III. Большой Антіохійскій соборъ противъ мѣстнаго еп. Павла (самосатскаго). . . . . 680—695
IV. Заключительная характеристика всего дѣла Павла (самосатскаго). Послѣдующіе отголоски его въ древне-церковной литературѣ. . . . . 695—720

Приложеніе первое. Переводъ протокола большого Карѳагенскаго собора осен. 256 г., или, такъ называемыхъ, Sententiae episcoporum.

Приложеніе второе. Краткій историко-топографическій анализъ каѳедръ и именъ епископовъ по Sententiae episcoporum.

Приложеніе третье. Таблицы соборныхъ списковъ кипріановой эпохи.

Указатели:

а) именной: лицъ и мѣстностей.
б) предметный.

Дополненія и исправленія.

Двѣ географическихъ карты:

1) Христіанскій Востокъ въ до-никейскій періодъ. (По Harnack'у).
2) Сѣверо-Африканская церковь кипріановой эпохи. (По Benson'у).

Литературный перечень [1]).

I. Источники:

Eusebius „Die Kirchengeschichte“, barbeitet im Auftrage der Kirchenväter Commission der Königlich-Preussischen Akademie der Wissenschaften von *Dr. Eduard Schwartz*. Die latenische Uebersetzung des Rufinus, bearbeitet im gleichen Auftrage von *Dr. Theodor Mommsen*. Zweiter Band, erste Hälfte, Buch I bis V Leipzig 1903. Zweit. B. zweite Theil, Buch VI bis X, Leipzig 1908. Einleitungen, Uebersichten und Register zu Eusebius Kirchengeschichte. Zweite B. dritter Theil, Leipzig 1909.

Eusebius „Die Kirchengeschichte“ aus dem syrischen übersetzt von *Eberhard Nestle*. Texte und Untersuchungen, N. F. VI, 2. Leipzig 1901.

Eusebius „Kirchengeschichte“ Buch VI—VII. Aus dem armenischen übersetzt von *Erwin Preusschen*. Texte und Untersuch. N. F. VIII, 3. Leipzig 1902.

Евсевія Памфила „Церковная исторія“. Сочиненія Евсевія Памфила, переведенныя съ греческаго при Санктпетербургской Духовной Академіи. Томъ 1. Санктпетербургъ 1848.

Thasci Caecili Cypriani „Opera omnia, recensuit et commentario critico instruxit *Gulelmus Hartel* Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum latinorum, editum consilio et impensis Academiae litterarum. Caesareae Vindobonensis. Volum III, pars I, Vindobon. MDCCCLXVIII (1868 г.), pars II. Epistulae, Vind. 1871, pars III. Appendix, Vind. 1871. (CSEL).

Св. Священномученика Кипріана, еп. Карѳагенскаго Творенія. Библіотека твореній св. отцевъ и учителей церкви западныхъ, издаваемая при Кіевской Духовной Академіи. Книга 1. ч. 1. Изданіе второе. Ч. 1-ая. Письма, Кіевъ 1891. Ч. 2-ая, Кіевъ 1891.

S. Hieronymus „Opera omnia“, ed. *Migne* Patrologiae Cursus completus, Seriae Latinae (PL) t. XXII, Epistolae t. XXIII. „De viris illustribus“, t. XXVII. Chronic. in Euseb. Pamphil.“ „Epistolae“. Ожидается новѣйшее критич. изданіе „Вѣнской Академіи, гдѣ, въ частности, важнѣйшая для насъ книга „De viris illustribus“ будетъ рецензирована *J. Huemer*'омъ. Epistulae—recen. *Is. Hilberg*'а.

Бл. Іеронима Стридонскаго „Творенія“. „Книга о знаменитыхъ мужахъ“. „Изложеніе хроники Евсевія Памфила“. Изданіе Библіотеки западн. отцовъ, при Кіев. Дух. Ак. ч. 5-ая. Кіевъ 1879 г. Письма, томъ первый, изд. 1863 г. Изданіе 2-ое, Кіевъ 1893—1894.

[1]) Въ виду довольно подробной цитаціи въ самомъ текстѣ книги и спеціальныхъ указателей литературы въ началѣ каждой главы, мы смѣло могли-бы и освободить себя отъ труда давать настоящій перечень всѣхъ главныхъ источниковъ и пособій. Но желая поддержать похвальную традицію, все болѣе и болѣе укореняющуюся въ нашей научной практикѣ, а также учитывая интересы другихъ работниковъ на томъ-же поприщѣ, мы находимъ нужнымъ и полезнымъ для дѣла приложить и такой сводный перечень. На абсолютную полноту этотъ перечень все-же не претендуетъ, такъ какъ въ него сознательно не введены нѣкоторыя случайныя и второстепенныя для насъ цитаты.

Quinti Aureli Augustini „Opera“, ed. Academiae Vindobon. (CSEL) rec. *M. Petschening*, sect, VII, pars. I—II, Volum. LI—LIII, Vindobonae-Lipsiae, 1908—1910. Epistula—recens. *Ad. Goldhaber*—XXXIV.

Origenes „Der Johanneskommentar“. Herausgeb. *v. E. Preusschen.* Mit Einleitung uud vierf. Register. Ed. Kirchenväter—Commiss. Berlin. Akademie. Orig. Band. IV, *Τόμος A.* Leipzig 1903.

Ab. Migne „Patrologiae cursus completus“.

Series graeca (PG.):

Clemens Romanus. Hermas T. I—II.
Ignatius, S. Polycarp. Smirn. Melito Sardiensis T V.
Cl. Alexandr—T. VIII—IX.
Gregor. Thaumaturgus, Hippolyt. Portuensis, Malch. presb.
Dion. Alexandrinus. T. X.
Origenes. Tt. XIX.
Athanasius Alexandrinus. Tt. XXVI.
Basilius Caesariensis. Tt. XXXII.
Gregorius Nasians. T. XXXVIII.
Didymus—T XXXIX.
Gregor. Nyssensus. Tt.—XLVI.
Epiphanius in Cypro. T. XLI—XLII.
Socrates et Sozomenus T. LXVII.
Theodoretus Cyprensis. T. LXXXII—LXXXIII.
Leontius Bysant. T. LXXXVI.
Nicephorus—T. C.
Photius, Patriarcha T. CIII—CIV.

Series Latina (PL):

Tertullianus, T. I—III.
S. Hilarii Pictavens. IX—X.
S. Vincent. Lirinensis t. L.
Liberatus, archid. eccl. Carthag. LXVIII.

„Didiascalia et constitutiones apostolorum“, edid. Franciscus Xaverius *Funk* vol. I—II. Paderborn 1906.

Постановленія Апостольскія (въ русскомъ переводѣ) І. Н. Казань 1864.

„Ученіе двѣнадцати апостоловъ“, греч. текстъ и его русскій переводъ М. С. Соловьева, съ вступит. очеркомъ Вл. С. Соловьева. Прил. къ „Прав. Обозрѣнію“ 1886 г.

Chronicon Paschale ad exemplar vaticanum, recens. Ludovicus Dindorfius. Vol. I—II. Bonnae MDCCCXXXII (1832 г.).

Mansi „Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio“. Tomus primus, Florentiae MDCCLIX (1759). По этому-же изданію мы цитуемъ и другой важный соборный памятникъ—Libellus synodicus, или *Συνοδικόν* (Synodicum).

Hardouinus J. „Conciliorum collectio regia maxima“. Index. Tom. I. Parisii MDCCXV (1715).

Pitra J. B. „Juris eccles. Graec. historia et monumenta“ I. Rom. 1864. *Ejusdem* „Analecta sacra“, II t. 1884.

P. de-Lagarde „Reliquiae juris ecclesiastici antiquissimae graece“. Lipsiae 1856.

Routh M. J. „Reliquae Sacrae“, editio altera, vol. I—IV. Oxonii MDCCCXLVI (1846).

„Die Kanones der wichtigsten Altkirchlichen Concilien“ nebst den Apostolischen Kanones. Herausg. v. *Friedrich Lauchert.* Sammlung... Krügers. Zwölftes Heft, Leip. 1896.

Правила святыхъ апостолъ, святыхъ соборовъ, вселенскихъ и помѣстныхъ и святыхъ отецъ съ толкованіями. Изд. Моск. Общ. Люб. Дух. Просвѣщ. Первое изданіе I—III т. съ 1876—1884. Существуетъ 2-е изд. а для нѣкотор. выпусковъ и 3-ье.

Правила (κανόνες) Православной церкви съ толкованіями“ Никодима (Милаша) еп. Далматинско-Истрійскаго. Томъ I. СПБ. 1911. Прил. къ журн. „Церк. Вѣстн.“ и „Хр. Чт.“

„Дѣянія св. вселенскихъ соборовъ, изданныя при Каз. Дух. Академіи 1859—1873 г. 1, 3, 4 и 6 вып.—во 2 изд. 1877 г.

„Inscriptiones Africae Latinae“ coll. G. Wilmans, 1891. Supplementum, pars I—II, ed. Dagnat et Johs. Schmidt. 1891—1894. Corpus Inscript. Latinarum, vol. VIII.

Кромѣ помѣченныхъ особо, какъ использованныхъ болѣе широко, нами постоянно въ соотвѣтствующихъ случаяхъ цитуются существующіе русскіе переводы и другихъ отцовъ и учителей церкви, равно какъ древнихъ авторитетныхъ церковныхъ писателей и историковъ, какъ-то: *Св. Аѳанасія александрійскаго, Св. Василія Вел., св. Григорія нисскаго; св. Діонисія александрійскаго, св. Ефрема Сирина, Епифанія кипрскаго, св. Іоанна Злат., Климента александрійскаго, Оригена, бл. Ѳеодорита, Сократа, Созомена, патріарха Фотія* и др. А также въ изданіи *о. Преображенскаго П. А.*, „Памятники древне-христіанской письменности“ т. II-ой. *„Писанія мужей апостольскихъ“* (2 изд. СПБ. 1895 г.), т. III-й: *„Апологеты“* и т. VIII: *„Ириней Ліонскій“*, Москва 1860—1861.

II. Пособія:

а) Курсы, монографіи, статьи.

Achelis, Hans. „Das Christentum in den ersten drei Jahrhunderten“. I—II b. Leipzig 1912.

„Hyppolitstudien“. Texte und Untersuchungen. (TU) XVI, 1. Paderborn, 1907. *Achelis* und *Fleming* „Die syrische Didascalia übersetzt und erklärt“ TU. XXV, 2. 1904.

Ажаковъ, Н. П. „Преданіе церкви и преданія школы“. Серг. Пос. 1910.

D'Alès, Adhémar „La Question baptismal au temps de saint Cyprien“. (Rev. d. question. historiq. 1907. Avril.).

Алмазовъ А. И. профессоръ „Тайная исповѣдь въ православ. восточной церкви“. Одесса 1894.

Артоболевскій, И. А. проф. „Первое путешествіе св. ап. Павла“. Сергіева Лавра 1900.

Аѳанасадовъ, Ѳ. „Іерусалимскій синедріонъ“. Казань 1903.

Aubé „L'église et l'état dans la seconde moitié du III-e siecle“. Paris 1885.

Bardenhewer, Otto „Geschichte der altkirchlichen Litteratur“, I—II. Freib. im Breisgau 1902—1903.

Barns, Thomas „The apostolic conference at Jerusalem“. (The Expositor, 1896, IV).

Барсовъ, М. „Сборникъ статей по истолк. и назид. чтенію Дѣяній св. ап—въ“. Симбирскъ 1894.

Benson, E. W. „Cyprian. His Life. His Times. His Work.“ Lond 1897.

Benzinger „Aelteste in Israel“ in RE^3, 1, 224 s.

Berendts, A. „Das Verhältniss d. römisch. Kirche zu den Kleinasiatischen“. Leipzig 1898.

Bickel, J. W. „Gesch. des Kirchenrechts“. Erst. Band. Giessen 1843.

Благоразумовъ, Н. В. прот. „О постановленіяхъ Апостольскихъ“. (Правосл. Обозрѣніе, 1862 г. I—II т.).

Le-Blant „L' Epigraphie chrétienne en Gaule et dans l'Afrique romaine“. Paris 1890.

Blass, Fried. „Acta apostolorum“. Göttingen 1895.

Болотовъ, В. В. проф. „Ученіе Оригена о Святой Троицѣ“. С.-Петербургъ 1879.

„Лекціи по исторіи древн. церкви“. Посмертное изд. подъ ред. проф. А. Бриллиантова. Введеніе и I—III т. СПБ. 1907—1913.

„Изъ эпохи споровъ о Пасхѣ въ концѣ II в.“ (Хр. Чт. 1900 г. 1 кн.).

„День и годъ мученической кончины св. еванг. Марка“ (Хр. Чт. 1893 г. 2 кн.).

„Къ вопросу объ Acta Martyr. Scilitan.“ (Хр. Чт. 1903. II т.).

Bonwetsch, Nathanael G. „Die Geschichte des Montanismus“. Erlangen 1881. „Zur Gesch. d. Montanis.“ Dorpat, 1881.

„Montanismus“ in RE^3, 13, 417 sq.

Bruders, H, „Die Verfassung der Kirche v. den ersten Jahrzenten... an bis zum Jahre 175 n. Chr.“ Mainz 1904,

Burkitt, F. C. „Early Eastern Christianity“. London 1904. Начатъ перев. на рус. языкъ проф. А. И. Сагарда. (Хр. Чт. 1914. Мартъ, Май).

Caspari, C. P. „Alte und neue Quellen zur Geschichte d. Taufsymb. und Glaubensregel“. Christiania 1879.

Clemen, C. „Die Chronol. der paulin. Briefe auf neue unters.“ Halle 1893.

Cnabenbauer, „Commentarius in Acta apostolornm“, 1899 (Cursus Scripturae Sacrae).

Cornely, R. Introductio specialis in sing. N. T. libros, p. III. Ed. altera. Parisiis 1896.

Deismann, Ad. „Bible Studies“. Autorised Translation *A. Grieve.* Edinburg 1901.

Добронравовъ, Н. П. прот. „Участіе клира и мірянъ на соборахъ въ первые девять вѣковъ христіанства“. (Богосл. Вѣстн. 1906 г. Февр. и въ москов. сборникѣ „Передъ церковнымъ соборомъ“).

Dobschütz, Ernst „Die urchristlichen Gemeinden“, Leipzig 1902. Есть и русскій переводъ „Древнѣйшія христіанскія общины“. СПБ. 1909.

Döllinger. J. „Hippolytus und Kallistus“. Regensburg 1853.

Дружининъ, А. свящ. „Жизнь и труды св. Діонисія Великаго, еп. Александрійскаго“. Казань 1900.

Дюшенъ, Л. „Исторія древней церкви“. Перев. съ пят. фр. изд. подъ ред. профф. И. В. Попова и А. П. Орлова, I—II. М. 1912.

Duchesne, L. „La Question de la Paque au concile de Nicée“. (Revue d. quest. historiques, 28 t. Paris 1880.

„Origines du culte chretien“, 3 ed. Paris 1903.

Евдокимъ, іером. (нынѣ епископъ). „Св. Апостолъ и Евангелистъ Іоаннъ Богословъ“. Сергіевъ Посадъ 1898.

Ehrhard „Die altchristl. Litteratur und ihre Erforschung v. 1884—1900.

Ernst, Johan. „Die Echtheit d. Briefes Firmilians über den Ketzertaufstreit in neuer Beleuchtung“ (Zeitschr. f. kath. Th.“. 1894. s. 209—259).

„Zu Frage über die Echtheit d. Briefes Firmilian an Cyprian im Ketzertaufstreit“ (ebendaselb. 1896).

„War der hl. Cyprian exkommuniziert?“ (ebendas. 1894, s. 473—499).

„Die Ketzertaufangelegenheit in d. altchristl. Kirche nach Cyprian“. Mainz 1901.

„Papst Stephan I und der Ketzertaufstreit“. Mainz 1905.

Журналы и протоколы засѣданій Предсоборнаго Присутствія. Томы I—IV и Алфав. указатель, СПБ. 1906—1909.

Заозерскій, Н. А. проф. „Объ источникахъ церковнаго права въ первые два вѣка“. (Приб. къ тв. св. о.о. 1884. I. 170—235 стр.).

„О сущности церков. права“. (Бог. Вѣстн. 1909—1911 г.) и отдѣльно.

Fechtrup, Bernhard. Der heilige Cyprian. Sein Leben und seine Lehre“. Münster 1878.

Freppel, Ch. E. „Saint Cyprien et l'Eglise d'Afrique au III-me siècle“. 3 ed. Paris, 1890.

Функъ, Фр. Кс. „Исторія христіан. церкви отъ временъ апостольскихъ до нашихъ дней. Переводъ съ 5 нѣм. изд. съ предисл. проф. П. В. Гидулянова. Москва 1911.

Funk, F. X. „Die Bischofswahl im christlichen Altertum und im Anfang des Mittelalters“. Kirchengesch. Abhandlungen und Untersuchungen. I, Paderborn 1897.

„Zur altchristlichen Bussdisciplin“ (ebendaselbst. 155—181 s.).

„Die Entwicklung des Osterfastens“ (ebendasel, 241—278).

Гиббонъ „Исторія упадка и разрушенія римской имперіи“, I—IV ч. Перев. Невѣдомскаго. М. 1886.

Гидуляновъ, П. В. проф. „Митрополиты въ первые три вѣка“. Москва 1905.

Глаголевъ, С. С. проф. „Очерки по исторіи религій“. Ч. 1-ая. Религ. древнѣйш. культурн. народовъ“ 1902.

Глубоковскій, Н. Н. проф. „Іерусалимскій апостольскій соборъ“. Прав. Бог. Энциклопедія, VI т. СПБ. 1905.

„Благовѣстіе христіан. свободы въ посл. ап. Павла къ Гал.“ СПБ. 1902.

„Благовѣстіе ап. Павла по его происхожденію и существу“. Книги I—III. СПБ. 1906—1912.

„Къ вопросу о пасхальной вечери Христовой“. (Хр. Чт. 1893 г. ч. II).

„Историч. положен. и значен. личности бл. Ѳеодорита, еп. Киррскаго“. Рѣчь и новѣйшая библіографія. СПБ. 1911.

Горскій, А. В. прот. „Академическія лекціи“. Истор. еванг. и церкви апостольской“. 2 изд. Серг. Лавра, 1902.

Grisar, H. „Cyprians „Oppositionskonzil“ gegen Papst Stephan“ (Zeitschr. f. kathol. Theolog. t. V, 1881).

Guiraud, Paul „Les assemblées provinciales dans l'empire romaine“. Paris, MDCCCLXXXVII (1887 г.).

Gutschmid, Alfred „Kleine Schriften“. Zw. b. Schrift. z. Gesch. und Litter. d. semit. Völker und zur älteren Kirchengesch.“ Leip. 1890.

Gwatkin, H. M. „Early church history to A.D. 313“. I—II t. London 1909.

Harnack, Adolf, prof. „Geschichte der altchristlichen Litteratur bis Eusebius“, 1, Theil, 1—2 Hälfte, Leipzig, 1893.

„Die Chronologie der altchristlichen Litteratur bis Eusebius, Erst. Band. Leipzig. 1897. Zweiter Band. Leipzig 1904.

„Die Mission und Ausbreitung des Christentums in den ersten drei Jahrhunderten". Zweite neu durchgearb. Auflage mit elf Karten". I—II. Leipzig 1906.

„Entstehung und Entwicklung der Kirchenfassung und des Kirchenrechts in den zwei ersten Jahrhunderten". Leipzig 1910.

„Die Lehre der zwölf Apostel nebst Unters. z. ältest. Geschichte Kirchenfassung". TU. II, 1884.

„Lukas der Arzt". Leipzig 1906.

„Die Apostelgeschichte". Leipzig 1908.

„Monarchianismus" in RE³, 13, 303 sq.

„Lapsi" in RE³, 11, 283 sq.

„Novatian" in RE³, 14, 223 sq.

„Lehrbuch der Dogmengeschichte". Vierte Auflage. B. I. Tübingen 1909.

„Die Briefe d. römisch. Klerus aus d. Sedisvacanz im Jahre 250". Freiburg 1896. Sammlung im der Fhre Weisszäckers.

„Ueber verlorene Briefe und Actenstücke die sich aus der cyprianischen Briefsammlung ermitteln lassen". T. N. 7 VIII, 2. Leipz. 1902.

Hatsch, Edwin „Die Gesellschaftsverfassung der christl. Kirchen im Alterthum". Autoris. Uebezertzung v. *A. Harnack*. Giesen 1883.

Hauck, Alb. „Synoden" in RE³, 19, 263 sq.

„Anicet, papst", RE³, 1 b. 552.

Hefele, K. J. „Conciliengeschichte" I b. 1855. 2 Auf. 1873. Французскій переводъ ав. *Leclercq*'a, съ его добавочнымъ научн. аппаратомъ и спец. Appendic'ами. Мы предпочитаемъ цитов. именно по этому послѣди. пер. *Hefele-Leclercq*'a tom. I, priem. par. et second. p. Paris 1907.

Heinrici, Georg „Das Urchristentum". Göttingen 1902.

Hergenröther-Kirsch „Handbuch der allgemeinen Kirchengeschichte", 4 Aufl. I. b. Freib. im Breisgau 1902.

Hilgenfeld, A. „Der Apostel-Convent, 15, 1—34" (Zeitschr. für wissensch. Theol. 1895—1896.

„Das Apostelconcil nach seinem ursprünglichen Wortlaut" (ebend. 1899).

„Der Paschalstreit der alten Kirche nach seiner Bedeutung für die Kirchengeschichte". Halle 1860.

„Ketzergeschichte des Urchristentums". Leipzig 1884.

„Judenthum und Judenchristentum". Leipz. 1886.

Hinschius „Das Kirchenrecht der Katoliken und Protestanten in Deuscthland" I—IV b. Berl. 1869—1897.

Иванцовъ-Платоновъ, А. М. прот. „Ереси и расколы перв. трехъ вѣковъ христіанства", ч. 1. Москва 1877.

Касицынъ, Д. Ѳ. прот. „Расколы первыхъ вѣковъ христіанства". (Приб. къ тв. св. отц. ч. 43. 1889).

Кипарисовъ, В. Ѳ. „О церковной дисциплинѣ". Сергіевъ Пос. 1897.

Knopf, R. „Das nachapostolische Zeitalter". Tübingen 1905.

Koch, Hugo „Cyprian und der röm. Primat". TU. XXXV, I, Leip. 1910.

Krüger, G. „Serapion v. Antiochen", RE³, 18, 219.

Labriolle, P. „La polemique antimontaniste contre la prophetie extatique". (Rev. L'hist. et de litt. rel. XI, 1906).

Langen Ios. „Gesch. der römisch. Kirche b. z. Pontificat Leos I". Bonn 1881.

Лапинъ, П. „Соборъ, какъ высшій органъ церковной власти". Историко-канонич. очеркъ. Казань 1909.

Лебедевъ, А. П. проф. „Такъ называемые церковные каноны и ихъ

значеніе въ вопросѣ о церковныхъ должностяхъ въ древности". (Приб. къ тв. св. от. ч. 40-ая, 1887).

„Братья Господни. Обзоръ и разборъ древн. и новыхъ мнѣній по вопросу". Москва 1905.

„Духовенство древней церкви отъ врем. ап-ихъ до IX в." Москва 1905.

„Эпоха гоненій на христіанъ". Изд. 2-ое. Москва 1897.

„Греческіе церковные историки IV—VI в." Москва 1890.

Leclercq, H. „Le concile apostolique de Jerusalem" Appendice I an *Hefele* „Histoir d. concile" I, II, 1047—1070 p. 1097.

„Chronologie des conciles de Carthage"—Appendice III. *Hefele*, t. I, p. II, 1088—1118 p. Paris 1907.

„L'Afrique chrétienne" I, Paris 1904.

„L'Espagne chrétienne", Paris 1906.

Leimbach, K. L. „Cyprianus v. Karthago" in RE³, 4 b. 367 sq.

Lightfoot, J. B. „Dissertations on the apostolic age". London 1892.

Lindsay, Th. „The church and the ministry in the early centuries". London 1903.

Lipsius „Chronologie der römischen Bischöfe". Kiel 1869.

Loening, Edg. „Die Gemeindeverfas. des Urchristentums". Halle 1889.

Loofs, Fried. „Leitfaden zum Studium der Dogmengeschichte", 4 Aufl. Halle 1906.

Lübeck, Konr. „Reichseinteilung und kirchl. Hierarchie d. Orients b. z. Ausg. IV Jahrhund." Münster 1901,

Marquardt, Joach. „Römische Staatsverwalt.", I b. Zw. Aufl. Leipz. 1881.

Mesnage, P. I. „L' Afrique chrétienne. Evêchés et ruines antiques". Paris 1912.

Meyer-Wendt „Kritisch-exeget. Kommen. über d. N. T." 8 Aufl. 1899.

Мининъ, П. М. „Догматич. основы соборности". Въ москов. сборникѣ „Передъ церковнымъ соборомъ". М. 1906.

Мищенко, Ѳ. И, проф. „Рѣчи св. ап. Петра въ кн. Дѣяній апостольскихъ". Кіевъ 1907.

„О составѣ помѣстнаго собора Всероссійской церкви" (Тр. Кіев. Д. Ак. 1906 г. Январь).

Möller-Schubert „Lehrbuch der Kirchengeschichte". Frst. b. Zw. Aufl. Tübingen 1902.

Молчановъ, Алек. свящ. „Св. Кипріанъ карѳ. и его ученіе о церкви". Казань 1888.

Mommsen, Th. „Romische Geschichte", b. V. Provinzien. Русскій переводъ Н. Невѣдомскаго. 5 т. Москва 1885.

Monceaux, Paul „De Communi Asiae provinciae". Parisiis 1885.

„Historiae littéraire de l'Afrique chrétienne". Tome deuxiem. S. Cyprien et son temps. Paris 1902.

„Chronologie des oeuvres de St. Cyprien et des conciles africains". (Rev. de philol. de litter et d'hist. 1900 an.).

Mosheimus I. L. Commentarius de rebus christianorum ante Constantinum". Helmst. 1753.

Müller, K. „Die Büssinstitut. in Karthago unter Cyprian" (Zeitschr. f. Kirchengesch. XVI. 1896.

Муретовъ, М. Д. проф. „Критич. замѣч. на кн. Ѳ. И. Мищенко: Рѣчи ап. Петра". Сергіевъ Посадъ 1911.

Мышцынъ, В. Н. проф. „Устройство христіан. церкви въ первые два вѣка". Сергіевъ Посадъ 1909.

Neale J. M. „A history of the holy eastern church. The patriarchat of Alexandria". Vol. I. London 1847.

Neander, Aug. „Allgemeine Geschichte der christlichen Religion und Kirche". Dritte Aufl. I, I, Gotha, 1856.

Nelke, Leo „Die Chronologie der Corrrespondenz Cyprians". Thorn 1902.

Николинъ, И. П. „Дѣянія св. апостоловъ". Сергіевъ посадъ 1895.

Орловъ, Анат. П. проф. „Тринитарныя воззрѣнія Иларія Пиктавійскаго". Сергіевъ Посадъ 1908.

Павловъ, А. С. проф. „Объ участіи мірянъ въ дѣлахъ церкви, съ точки зрѣнія православн. каноническаго права". Актовая рѣчь. Извѣст. и Ученыя Зап. Каз. Универ. I вып. за 1866 г.

Pape, P. „Die Synoden von Antiochien" 264—269 an." Berlin 1903.

Парвовъ, А. И. „Постъ четыредесятн. по древн. прав. и обыч." (Хр. Чт. 1863 г.).

Петровскій, А. В. проф. „Предпасхальный постъ въ исторіи его развитія", (Хр. Чт. 1900 г. I ч.).

Pfleiderer, Otto „Der Apostelconvent. Paulun. Studien", (Jahrbuch. f. Protestan. Theologie. Leipz 1883).

Писаревъ, Л. проф. „Каноны церковные святыхъ Апостоловъ". Правосл. Богосл. Энцикл. VIII, СПБ. 1907.

„Кипріанъ, Фасцій Цецилій".—Тамъ-же, X т. СПБ. 1909.

Poschmann, Bernhard „Zur Bussfrage in d. cyprianischen Zeit". (Zeitschr. f. kathol. Theol. I—II Quartalheft. 1913.

Preusschen, Erw. „Tertullian. De paenitentia. De pudicitia". Freib. im Bresgau, 1891. 2 Auf. Tübingen 1910.

„Origenes" RE^3, 14 b. 467 sq.

„Passah, altkirchliches und Passahstreitigkeiten" RE^3, 14 b. 725 sq.

Pressansé, E. „Histoire des trois premiers siecles d. Eglise chrétienne" I—III t. Paris 1863—1866.

Pusey, E. B. „The council of the Church from the council of Jerusalem to the c. of Const. 381 an." Oxford 1857.

Ramsay, W. M. „The church in the roman empire befor A. D. 170". Ninth ed. London 1907.

„The cities and bischoprics of Thrygia". Vol. I, par, 1—II. Oxford 1897.

Ренанъ, Эрн. „Маркъ Аврелій и конецъ античнаго міра". Перев. съ фр. Л. Гуревичъ. СПБ. 1906.

Resch. Gotll, „Das Aposteldecret nach seiner ausserkanonisch. Textgestalt untersucht". TU. N. F. XIII, 3. Leipz. 1905.

Rettberg, Fr. W. „Thascius Cäcil. Cyprianus, Bischof v. Karthago". Göttingen 1831.

Ritschl, Otto „Cyprian von Carthago und die Verfassung d. Kirche". Göttingen 1885.

Робертсонъ, „Исторія христ. церкви", пер. проф. Лопухина т. I-ый СПБ. 1890.

Rolffs, Ernst „Urkunden aus dem antimontan. Kampfe d. Abendlandes". TU. XII, Heft 4. Leipzig 1895.

Сагарда Н. И. проф. „Св. ап. Іоаннъ (соборныя посланія, 1-ое)". Прав. Бог. Энц. VI т. СПБ. 1905.

Schenz, Wilhelm „Historisch-exegetische Abhandlung über d. erste allg. Concil in Jerusalem". Regensburg 1869.

Schmidt, K. „De Apostolorum decreti sententia et concilio". Erlangen 1874. И еще „Apostelconvent" RE^3, I, 703.

Schmid, Jos. „Die Osterfestfrage auf d. erst. allgem. Konzil v. Nicäa". Wien 1905.

Schürer, Emil „Geschichte des jüdischen Volkes im Zeitalter Jesu Christi". 3 Auf. Zw. b. Leipzig 1898.

„De controversiis paschalibus", Leipzig 1869.

Schwartz v. Karl „Die Entstehung der Synoden in den alten Kirche". Leipzig 1898.

Schwartz, E. „Christl. und Judische Ostertafeln", Berlin 1905.

Schwarze, Alexis „Untersuchungen über die äussere Entwickl. der afrikanischen Kirche". Göttingen 1892.

„Nordafrikanische Kirche" in RE^3, b. 13, 110 sq.

Schwegler, F. C. „Der Montanismus und d. christl. Kirche d. zweit. Jahrhunderts". Tübingen 1841.

Schwane, Jos. „Dogmengeschichte der vornicänischen Zeit". 2 Auf. Freib. im Breisgau, 1892.

Selwyn, E. C. „The christian prophets and the prophetic Apocalypse". London 1900.

Six, K. „Das Aposteldecret (Act. XV, 28—29). Seine Entstehung und Geltung in den ersten vier Jahrhunderten". Insbruck 1912.

De-Smedt „L'Organisation der églises chrétiennes au III-e siècle"; Compte reudu d. congres scientifique internat. des catholiques. Paris 1891.

Смирновъ, С. И. проф. „Духовный отецъ въ древней восточной церкви". Ч. I. Сергіевъ Посадъ 1906.

Соболевскій, С. И. проф. „*Коινή*, „общій" греч. языкъ (по связи съ библ.). Пр. Бог. Энцикл. IX т. СПБ. 1908.

Soden, Hans „Streit zwischen Rom und Karthago über die Ketzertaufe". Rom 1909.

Sohm, Rudolf „Kirchenrecht". Erst. b. Die geschichtliiche Grundlagen. Leipzig 1892.

Соколовъ, В. А. проф. „Предстоящій Всерос. церк. соборъ; его составъ и задачи". Въ москов. сборн. „Передъ церк. соборомъ". М. 1906.

Спасскій, Анатол. А. проф. „Исторія догматическихъ движеній въ эпоху вселенскихъ соборовъ" I. Сер. Пос. 1906. 2 изд. 1914.

Steitz „Differenz d. Occident. und Kleiasiaten in Pashafeier (Theol. Stud. u. Kritik. 1856, I Heft.).

Stufler, Johan „Die Behandlung der Gefallenen z. Zeit d. decischen Verfolgung". (Zeitsch. f. kath. Theol. 1907).

Суворовъ, Н. С. проф. Критика и библіографія. О магистер. диссерт. проф. П. В. Гидулянова „Митрополиты въ первые три вѣка". Журн. Мин. Нар. Просв. 1906 Февр.

Thomas, J. L'eglise et les judaïsants a l'age apostolique. La réunion de Jerusalem". (Revue des question. historiques, 1889, 46 t.).

Thibaud, I. B. „Question du baptême des hérétiques, discutée entre le pape s. Etienne I et s. Cypriene de Carthage". Paris 1863.

Терновскіе, бр. Ф. и С. „Три первые вѣка христіанства". Кіевъ 1878.

Tillemont, Nain de Seb. „Memoires pour servir a l'histoire ecclesiastique des six prem. siecles" II—IV. Paris 1694—1696.

Toulotte „Geographie de l'Afrique chrétienne", I—II. Paris 1892—1894.

Treppner, Max „Das Patriarchat von Antiochien". Würzburg 1891.

Владиміръ (архим. Иларіонъ) Троицкій, проф. „Очерки изъ исторіи догмата о церкви". Сергіевъ Посадъ 1912.

Venables, E. „Paul of Samosata“ in A Dictionnary of Christ. Biography and Litterature—*Wace-Piercy*. Lond. 1911.

Völter, D. „Das Ursprungsjahr des Montanismus“. (Zeitschr. für wissenschaft. Theol. XXVII, 23—37 s.).

Voigt, H. G. „Eine verschollene Urkunde d. antimontanistischen Kampfes“. Leipzig 1891.

Weinel, „Die Wirkungen des Geistes und die Geister in nachapostol. Zeitalter“. Freiburg 1899.

Фарраръ „Жизнь и труды свв. оо. и учителей церкви“, въ пер. Лопухина. СПБ. 1891.

Zahn, Theod. „Geschichte des neutestamentlichen Kanons“ I—II b. Erlangen und Leipzig 1880—1892.

„Einleitung in des Neue Testament“. 3 Aufl. Leipz. 1907.

„Weltverkehr und Kirche wärend d. drei ersten Jahrhunderte“. Hannover 1887.

„Forschungen zur Geschichte d. neut. Kan. Th. V. Chronol. Montanism. Appolinaris. Erlan.—Leip, 1893.

„Forschungen“ Th. IV Sendschreiben d. Irenäus an Victor v. Rom“ 1891.

„Johannes der Apostel“ in RE^3, b. 9, 281 sq.

Zhisman, Jos. „Die Synoden und die Episkopal-Aemter in der morgenländ. Kirche“. Wien 1867.

Живейский, М. свящ. „Духовныя дарованія въ первоначальной христіанской церкви“. Москва 1907.

б) Энциклопедіи и словари:

Realencyklopädie für protestantische Theologie und Kirche,—begründet von *Herzog*. 3 Aufl. *Alb. Hauck*, 21 b. und Register. Leip. 1896—1909.

Kirchenlexikon oder Encyklopädie der Katholischen Theologie—2 Aufl. von *Hergenröther-Kaulen* XII t. Freib. im Breisgau, 1882—1903.

The Dictionary of Christian Biography, Literature, Sects and Doctrines—*Wace-Smith* I—IV t. London 1877—1887.

A Dictionary of christian Biography and Literature—*Wace-Piercy*, London 1911. Это изданіе является какъ-бы сокращеніемъ и освѣженіемъ предыдущаго.

Dictionnaire de théologie catholique—*Vacant-Mangenot*. Paris съ 1899. Продолжается.

Dictionnaire de la Bible—*Vigouroux*. Paris, съ 1895. Окончено.

Dictionnaire d'histoire et Geographie ecclesiastique—*Baudrillard Richard-Rouziès-Vogt*. Съ 1909. Изданіе еще въ началѣ

Dictionnaire d'Archeologie chrétienne et de liturgie—*Cabrol—Leclercq* Paris. съ 1907.

Encyclopedie des scienҫes religieuses,—*Lichtenberger* I—XIII t. Paris 1877—1892.

Dictionary of sects, heresies, ecclesiastical parties and school—*J. H. Blunt*. I b. London 1903.

Dictionnaire universel et complet (?) des conciles—*Ab. Migne*, I t. Paris 1846.

Real-Encyclopädie der classischen Altertumwissenschaften—*Paulus-Wissowa*, съ 1894. Stuttgart. Продолжается.

Православная Богословская Энциклопедія, подъ ред. профессоровъ *Лопухина-Глубоковскаго*. СПБ. I—XII. Съ 1900. Изданіе не окончено.

Греческо-русскій словарь, по Бензелеру, Кіевъ 1881.

Латинско-русскій словарь Г. Шульца. Изданіе 8-ое 1894 г.

ВВЕДЕНІЕ.

Разрабатывая въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ для своихъ университетскихъ лекцій спеціальный курсъ: „Три первые вѣка христіанства“, авторъ настоящаго изслѣдованія имѣлъ возможность довольно близко подойти къ знакомству со многими, весьма важными и глубоко интересными сторонами этой, единственной въ своемъ родѣ, и несравнимой эпохи, уже давно и вполнѣ заслуженно получившей славное имя „свѣтлой зари“ христіанской исторіи.

Почти съ первыхъ-же лѣтъ работы автора надъ этимъ курсомъ его особое вниманіе привлекъ и остановилъ на себѣ одинъ знаменательный церковный институтъ, который, несмотря на свою огромную роль въ историческихъ судьбахъ всей церкви, у изслѣдователей начальнаго ея періода до сихъ поръ стоялъ какъ будто-бы въ тѣни и, можно сказать, почти вовсе не подвергался планомѣрной и систематической научной обработкѣ. Нетрудно, конечно, догадаться, что мы говоримъ о церковномъ соборѣ—этомъ основномъ жизненномъ нервѣ всей исторической церкви и главномъ средоточіи ея внутренняго, идейно-догматическаго самоопредѣленія и ея внѣшняго, церковно-каноническаго устроенія. И хотя, разумѣется, безспорно, что высшій расцвѣтъ и наиболѣе напряженная работа церковныхъ соборовъ принадлежатъ лишь слѣдующему, второму періоду церковной исторіи, получившему отъ нихъ и самое свое имя—„эпохи вселенскихъ соборовъ“, тѣмъ не менѣе, какъ прочный фундаментъ церковныхъ соборовъ, такъ и всѣ основныя ступени ихъ послѣдовательнаго развитія и роста, доведеннаго почти до полной формировки ихъ главныхъ типическихъ видовъ, всецѣло должны быть отнесены на долю предыдущаго періода, т. е. поставлены въ заслугу эпохѣ первыхъ трехъ вѣковъ, которая во всѣхъ отношеніяхъ, а въ томъ числѣ и въ соборномъ, подготовила и опредѣлила собой послѣдующій періодъ—„эпоху вселенскихъ соборовъ“.

Въ наше время, очевидно, подъ вліяніемъ цѣлаго ряда крупныхъ изслѣдованій и открытій въ области церковной археологіи, эпиграфики и литературы, западная наука переживаетъ періодъ усиленнаго интереса къ первымъ вѣкамъ христіанства. А это, въ свою очередь, повлекло за собой и болѣе ясное сознаніе нетолько чисто историческаго интереса той эпохи, но и глубоко идейнаго, жизненно-нормативнаго ея значенія. Чтобы не показаться голословными, сошлемся, въ подтвержденіе сказаннаго, на авторитетъ одного изъ крупнѣйшихъ современныхъ канонистовъ—лейпцигскаго профессора *R. Sohm'a:* „Исторія церковнаго права—говоритъ онъ—имѣетъ своей задачей сдѣлать возможнымъ пониманіе нынѣ дѣйствующаго церковнаго права, выявить его историческія основы, изъ которыхъ возникла вся правовая жизнь современности... Съ этой точки зрѣнія, само собою понятно, величайшее значеніе выпадаетъ на долю первыхъ христіанскихъ временъ. Какія идеи относительно внѣшней организаціи получила церковь отъ своего Господа и Учителя и какъ осуществила ихъ во дни первохристіанства?... Какъ произошло, что возникло церковное право и какое дѣйствіе оказали первоначальныя христіанскія идеи на образующееся церковное право и на все послѣдующее развитіе отъ начала до нашихъ дней"? Вотъ вопросы, которые самъ R. Sohm признаетъ настолько принципіально важными для всей современной церковно-исторической и канонической науки, что ради нихъ онъ считаетъ „научно необходимымъ (ist es wissenschaftlich notwendig) перемѣстить теперь исходный пунктъ исторіи церковнаго устройства на древнѣйшее время", мотивируя это тѣмъ основательнымъ соображеніемъ, что „въ теченіе трехъ первыхъ вѣковъ имѣло мѣсто неизмѣримо важнѣйшее (die weitaus wichtigste) развитіе церкви въ области, какъ ученія, такъ и устройства. *Все послѣдующее* (к. а.) зависитъ отъ нихъ. Отказъ отъ самостоятельнаго изслѣдованія перваго времени есть отказъ отъ рѣшенія задачи, которая поставлена здѣсь наукой" [1]). Отсюда съ полной очевидностью

[1]) *R. Sohm* „Kirchenrecht". Erster Band. Die Geschichtliche Grundlagen. Leipzig, 1892. Vorrede—s. VII—IX. Первая половина этого тома имѣется и въ русскомъ переводѣ *А. Петровскаго и П. Флоренскаго*: „Церковный строй въ первые вѣка христіанства". Изданіе Религіозно-общественной библіотеки. Москва 1906.

Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи сослаться здѣсь и еще на одну, небольшую, но горячо и убѣжденно написанную статейку проф. *П. В. Верховскаго*: „О храненіи преданія первыхъ вѣковъ христіанства", талантливый авторъ которой не безъ основанія винитъ нашу церковно-общественную современность за печальное забвеніе ею своего христіанскаго Іерусалима, и въ воскрешеніи

вытекаетъ, что изслѣдованіе древнѣйшихъ церковныхъ соборовъ эпохи первыхъ трехъ вѣковъ, составляетъ ближайшую, очередную задачу историко-канонической науки, стремленіе къ посильному разрѣшенію которой и явилось для насъ первымъ и главнымъ стимуломъ приступить къ настоящему труду.

Къ этому принципіальному, научно-теоретическому мотиву не замедлилъ вскорѣ присоединиться для насъ еще и другой, побочный, жизненно-практическаго, прикладного характера. Имѣемъ въ виду тотъ повышенный и даже обостренный интересъ къ вопросамъ соборной организаціи и исторіи соборовъ, вообще, какой сталъ ясно наблюдаться въ широкихъ кругахъ нетолько церковнаго, но и свѣтскаго общества, за послѣднее время, начиная еще съ знаменитаго мартовскаго доклада (1905 г.) самого Святѣйшаго синода „О преобразованіи управленія Россійской церковью на соборномъ началѣ", гдѣ такъ убѣдительно и авторитетно раскрыта вся настоятельная необходимость поскорѣе вернуться къ практикѣ соборовъ, какъ „основной формѣ церковнаго управленія по каноническимъ началамъ" [1]) (1 всел. соб. пр. 5, Ант. 16). Тогда-же, какъ извѣстно, для предварительной разработки вопросовъ предстоящаго всероссійскаго собора было организовано и первое „Предсоборное Присутствіе", въ составъ котораго входило всего около ста членовъ, изъ числа нашего высшаго архіерейства, извѣстныхъ ученыхъ богослововъ, канонистовъ и практическихъ знатоковъ церковнаго быта. Памятникомъ работъ этого Присутствія, являются четыре большихъ, печатныхъ тома „Журналовъ и Протоколовъ", представляющіе богатый матеріалъ по самымъ разнообразнымъ вопросамъ и сторонамъ церковной исторіи, ея каноники, современной церковной жизни и различныхъ проэктовъ ея лучшаго устройства.

При всемъ нашемъ уваженіи къ почтенной работѣ „Предсоборнаго Присутствія 1905—1906 г.", на которомъ были собраны церковные „мужи совѣта и разума" чуть-ли не со всей русской земли, мы все-же не можемъ не отмѣтить одного, бросающагося въ глаза крупнаго дефекта въ его работѣ, который, судя по выпущеннымъ въ свѣтъ „Протоколамъ", состоитъ въ полной разрозненности, несогласованности, а нерѣдко даже и прямо въ противорѣчивости взглядовъ, высказываемыхъ равноавторитетными спеціалистами по однимъ и тѣмъ-же вопросамъ. И лично

его завѣтовъ видитъ главное условіе нашего духовно-нравственнаго и церковно-общественнаго возрожденія. „Церковная Правда", № 7, 1914.

[1]) См. Всеподданѣйшій докладъ Св. Синода отъ 18—22 Марта 1905 г.

мы примѣровъ такого рода всего больше наблюдали, именно, въ вопросахъ исторіи первыхъ трехъ вѣковъ, въ частности, и по преимуществу—даже въ сужденіяхъ и взглядахъ на церковные соборы этого періода, по отношенію къ которымъ крупными спеціалистами высказывались самые разнообразные, порой чуть-ли не діаметрально противоположныя и, къ сожалѣнію, иногда почти одинаково далекія отъ исторической правды мнѣнія, какъ это было, напр. въ дебатахъ объ Апостольскомъ соборѣ, въ сужденіяхъ о составѣ карѳагенскихъ соборовъ и въ цѣломъ рядѣ другихъ, аналогичныхъ случаевъ. Если исключить отсюда всѣ привходящія вліянія, болѣе или менѣе, случайнаго происхожденія и субъективнаго характера, то основную причину всего этого надо искать опять все въ той-же недостаточности научной разработки начальной исторіи соборовъ, на которую мы уже сѣтовали выше. Стремленіе восполнить указанный недостатокъ, желаніе пойдти на встрѣчу назрѣвшей нетолько научной, но вмѣстѣ и церковно-жизненной потребности въ болѣе точномъ, полномъ, исторически-правдивомъ и строго объективномъ воспроизведеніи начальной поры исторіи соборовъ и послужило для автора, какъ исходнымъ побудительнымъ мотивомъ, такъ и конечной, идеальной цѣлью его настоящаго труда, которая, какъ и всякій идеалъ, больше осталось для него, конечно, въ области стремленій, чѣмъ перешла въ сферу достиженій.

Что касается того пути, какимъ авторъ шелъ къ выполненію своей задачи, т. е. плана и метода его работы, то они естественно опредѣлялись самымъ существомъ темы и характеромъ изслѣдованія. Тема книги—церковные соборы, разсматриваемые въ плоскости ихъ исторіи. А эта исторія имѣетъ двѣ стороны: одну, которую условно можно назвать внутренней, или предметной и которая касается поводовъ и самаго существа соборныхъ преній и рѣшеній, и другую—внѣшнюю, или формальную, которая относится къ вопросамъ организаціи собора и его фактическаго процесса. Центръ тяжести нашего изслѣдованія падаетъ на вторую, формально-каноническую сторону исторіи соборовъ. Но намъ приходилось все-же немало вниманія удѣлять и первой, внутренно-предметной (догматической или чаще дисциплинарной) сторонѣ соборной исторіи, поскольку знакомство съ ней оказывалось необходимымъ, въ интересахъ болѣе широкаго и правдиваго воспроизведенія всего цѣлаго и, въ частности, для освѣщенія той-же организаціонной стороны соборовъ. И мы съ тѣмъ бо́льшей готовностью и даже охотой, становились на такой путь, что вопросы о сущности монтанизма или о пасхальныхъ, покаянныхъ

и крещальныхъ спорахъ древнѣйшей церкви, съ которыми связано бо́льшинство нашихъ соборовъ, крайне важны и интересны и сами по себѣ, а между тѣмъ освѣщеніе ихъ въ русской литературѣ еще далеко нельзя признать исчерпывающимъ и полнымъ.

Ближе опредѣляя самыя детали нашего метода, мы должны сказать, что онѣ состоятъ, во-первыхъ, въ извлеченіи всѣхъ сохранившихся источниковъ по тому или другому древнѣйшему собору или цѣлой однородной группѣ ихъ; во-вторыхъ, въ тщательномъ историческомъ, филологическомъ и логическомъ анализѣ и комментированіи такихъ источниковъ; въ-третьихъ, въ дополнительномъ освѣщеніи первоисточниковъ другими данными, взятыми или изъ аналогичной церковной-же, или изъ синхронистичной общественно-гражданской и политической исторіи; въ-четвертыхъ, въ сводкѣ и классификаціи всего добытаго такимъ путемъ матеріала по извѣстнымъ рубрикамъ (напр. составъ, объемъ, характеръ собора и т. д.); и въ-пятыхъ, (иногда) въ ознакомленіи или съ послѣдующими историческими отголосками соборовъ, или съ тѣмъ вліяніемъ, какое они оказывали на общую эволюцію церковно-административнаго строя. Наконецъ, въ самомъ расположеніи всего этого матеріала мы довольно строго держались предметно-хронологической нити изслѣдованія, благодаря чему весь нашъ трудъ представляетъ изъ себя рядъ связныхъ, послѣдовательныхъ монографій, или главъ, изъ которыхъ каждая разсматриваетъ свой спеціальный циклъ соборовъ. Начавъ съ іерусалимскаго Апостольскаго собора, которому мы посвящаемъ первую, такъ сказать, вступительную главу книги, дальше мы ведемъ изслѣдованіе въ такомъ порядкѣ, что, прежде всего, трактуемъ о противомонтанистическихъ соборахъ половины 2-го вѣка (II гл.), затѣмъ, о пасхальныхъ соборахъ конца 2 в. (III), далѣе, о малоизвѣстныхъ соборахъ первой половины третьяго вѣка (IV гл.), потомъ, о карѳагенскихъ соборахъ кипріановой эпохи по дѣлу падшихъ (V гл.) и по спорамъ о крещеніи (VI гл.) и заканчиваемъ все это Антіохійскими соборами по дѣлу Павла самосатскаго (VII гл.).

Въ такой своей работѣ мы почти не имѣли никакихъ аналогичныхъ прецедентовъ или готовыхъ образцовъ, нетолько въ довольно еще бѣдной по исторіи первыхъ трехъ вѣковъ русской литературѣ, но и въ сравнительно уже богатой иностранной церковно-исторической или канонической литературѣ даннаго періода. Правда, одно время мы возлагали большія надежды на книгу небезызвѣстнаго англійскаго богослова *E. D. Pusey'я*, прельстясь ея крайне заманчивымъ для насъ заголовкомъ: „The Councils of church from the council of Ierusalam A. D. 51 be the council of Constantinopol

A. D. 381". Но когда, послѣ долгихъ поисковъ, намъ удалось, въ концѣ концовъ, заполучить самый экземпляръ этой книги изъ-за границы, то пришлось жестоко разочароваться. Книга Pusey'я оказалась довольно устарѣвшей (1857 г.) поверхностной и легковѣсной компиляціей, гдѣ интересующимъ насъ соборамъ хотя и отведено около ста страницъ, но изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, семьдесятъ посвящены не исторіи соборовъ, а соборной теоріи, которая къ тому-же трактуется авторомъ въ какомъ-то совершенно непріемлемомъ, специфическо-католическомъ, вѣрнѣе, даже ультрамонтантскомъ духѣ.

Ближе всего, какъ по общей своей структурѣ, такъ и по своему характеру, методу и плану наша работа стоитъ къ классической серіи Conciliengeschichte почтеннаго католическаго историка еп. Hefele († 1893 г.), именно, къ двумъ первымъ главамъ первой книги изъ этой серіи. Но чтобы уяснить различіе нашей работы отъ этого наиболѣе родственнаго ей прецедента позволимъ себѣ указать хотя-бы только на тотъ, чисто внѣшній признакъ, что наше изслѣдованіе ровно въ двѣнадцать разъ, по своему объему, превышаетъ размѣры соотвѣтствующаго отдѣла у Hefele: то, что у него заняло мѣсто всего на протяженіи шестидесяти страницъ (83—143), у насъ разрослось уже въ цѣлую монографію, свыше семисотъ страницъ.

Работа наша всецѣло состоитъ на почвѣ текста Евсевія и Кипріана. Къ выясненію и освѣщенію дѣла привлечено, насколько это оказалось для насъ возможнымъ, все то, чѣмъ располагаетъ современная западно-европейская наука по исторіи первохристіанства, вообще, и его соборовъ, въ частности и по преимуществу. Изъ не одной сотни именъ почтенныхъ тружениковъ науки, плодами работъ которыхъ мы съ благодарностью воспользовались, считаемъ своимъ нравственнымъ долгомъ особо выдѣлить и подчеркнуть три крупныхъ имени, которымъ мы обязаны больше всего, это—имя почтеннаго католическаго ученаго еп. *Hefele*—корифея исторіи соборовъ, имя лейпцигскаго профессора *R. Sohm'a*—виднѣйшаго и талантливѣйшаго современнаго канониста и имя знаменитаго берлинскаго профессора *Ad. Harnack'a*—настоящаго отца новѣйшей церковно-исторической науки.

А. Покровскій.

Москва, 1914 года,
Іюня 1-го дня.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

АПОСТОЛЬСКІЙ СОБОРЪ ВЪ ІЕРУСАЛИМѢ (между 50—52 г.).

I.

Историческая роль и современное значеніе собора.

Историка соборовъ древней церкви, задавшагося цѣлью воспроизвести возможно реально и полно подлинную картину первоначальнаго обнаруженія и постепеннаго развитія этого важнѣйшаго церковнаго института, на самомъ-же порогѣ его изслѣдованія, или, пожалуй, даже въ преддверіи къ нему, встрѣчаетъ соборъ исключительный по своей важности и по своему типологическому значенію. Это—такъ называемый, „Апостольскій соборъ", или, опредѣляя его ближе и точнѣе—соборъ Іерусалимской церкви, состоявшійся при участіи делегатовъ отъ церкви Антіохійской и происходившій подъ верховнымъ руководствомъ святыхъ апостоловъ [1]).

[1]) Литература даннаго собора, въ силу его выдающагося значенія и пререкаемости его нѣкоторыхъ сторонъ, исключительно обширна, можно сказать, почти необъятна. Чтобы дать извѣстное представленіе о ней, достаточно отмѣтить, что объ „Апостольскомъ соборѣ" говорятъ почти всѣ спеціальные сборники по исторіи церковныхъ соборовъ (напр. *Labbe, Coletti, Mansi,* etc. но *Hardouin* обходитъ его полнымъ молчаніемъ) и ихъ позднѣйшія прагматическія обработки (наиболѣе цѣнна—*Hefele* „Conciliengeschichte" 1 Aufl. 1855, 2—1873 и въ особенности, новѣйшій франц. переводъ, съ важными примѣчаніями и дополненіями ученаго аббата *H. Leclercq*'а съ 1907 г.). Затѣмъ, его неизбѣжно касаются всѣ общіе курсы церковной исторіи *Neander, Hergenröter-Kirsch, Möller-Schubert, Duschesne* etc.) и церковнаго права *(Bickel, Hinschius, Friedberg, Sohm, K. Schwartz, Löening etc.).* На немъ останавливаютъ свое, болѣе или менѣе, пристальное вниманіе всѣ лучшіе комментаторы кн. Дѣяній и посланія къ Галатамъ (изъ святоотеч.—*Злат., Θеофил. Епиф., Θеодоритъ, Икум., Еф. Сиринъ, Кирил. Алекс. Исид. Пел., Макс. Испов.;* изъ иностранныхъ: *Cornelius a Lapide, Calmet, Baumg. Olshaus., De-Wette, Lange-Lechler, Meyer-Wendt, Holtzmann, Felten, Blass, Cnabenbauer, Lightfoot etc.;* изъ русскихъ—*Барсовъ, Еп. Михаилъ, Еп. Никаноръ, Еп. Виссаріонъ, Еп. Θеоф., свящ. І. Галаховъ, проф. Н. Н. Глубоковскій, проф. Θ. И. Мищенко* и др.). Ему отводятся значительныя трактаціи и во всѣхъ, общихъ и частныхъ, исагогическихъ трудахъ по Новому Завѣту *(Eichhorn, Schneckenburger, Hilgenfeld, Clemen, I. Weiss, Gregory,* въ особенности *Cornely* и

Ближайшимъ, непосредственнымъ предметомъ Апостольскаго собора послужилъ важный частный споръ *объ обрѣзаніи*, за

Zahn; а изъ русскихъ — *Еп. Михаилъ — Герикэ., проф. А. А. Олесницкій, И. Николинъ* и др.). Далѣе, Апостольскій соборъ, такъ или иначе, почти всегда фигурируетъ въ серьезныхъ монографіяхъ объ апостолахъ Павлѣ, Петрѣ, Іаковѣ и Лукѣ, а также и во всѣхъ трудахъ по исторіи апостольскаго вѣка и раннѣйшаго христіанства, въ особенности, въ точкахъ его соприкосновенія съ позднѣйшимъ іудействомъ *(Baur, Rothe, Renan, Schürer, Zahn, Harnack, Heinrici, Dobschütz, Lechler, Knopf, Berendts, Hilgenfeld, Bruders, Lighfoot, Ramsay, Lindsday, Guatkin, O. Pfleiderer, Wellhausen, I. Reville, Keim, Weissäcker, H. Achelis* etc); изъ русскихъ оригинальныхъ и переводныхъ—*прот. А. В. Горскій, Фарраръ, Фуккъ, Дюшенъ, проф. М. Д. Муретовъ, проф. Н. Н. Глубоковскій, проф. А. П. Лебедевъ, проф. В. Н. Мышцынъ, Іер. (нынѣ еп.) Георгій (Ярошевскій), А. Никитинъ, Арфаксадовъ* и др.). Объ Апостольскомъ соборѣ—и въ спеціальныхъ артикляхъ и попутно въ другихъ отдѣлахъ — немало интереснаго матеріала даютъ всѣ лучшіе библейскіе и церковно-историческіе словари и энциклопедіи *(Herzog-Hauck, Hastings, Cheyne-Black, Smith-Wace, Wetzer-Welte, Vigouroux, Vacant-Mangenot, Baudrillart-Vogt-Rouziés, Cabrol, Kraus, Migne* „Dictionnaire de consiles" etc, изъ русскихъ—*„Православная Богословская Энциклопедія"*, издававшаяся при редакціи журн. „Странникъ").

Такова только главная, общая литература для научнаго знакомства съ Апостольскимъ соборомъ. Чтобы еще полнѣе обслѣдовать эту литературу, а главное—лучше въ ней оріентироваться, мы въ особенности, рекомендуемъ обстоятельный литературный перечень, помѣщенный въ началѣ книги у *Meyer-Wendt*'а „Kritisch-exegetischer Kommentar über das Neue Testament, 8 Aufl. 1899. „Die Apostelgeschichte". Главное достоинство этого перечня, помимо его полноты, въ томъ, что онъ разбитъ на предметные отдѣлы: исагогика, комментарій, текстуально-критич. пособія, курсы общаго характера. Менѣе обстоятеленъ указатель *Cnabenbauer*'а, помѣщенный въ Prolegomena къ Commentar. in Acta Apostolorum, 1899. (Cursus Scripturae Sacrae). Но и онъ полезенъ тѣмъ, что характеризуетъ указываемые труды со стороны ихъ направленія и ихъ научнаго значенія. Необходимымъ продолженіемъ и цѣннымъ добавленіемъ къ двумъ названнымъ перечнямъ являются важныя (въ особенности, въ области новѣйшей литературы, послѣ 1899 г.) библіографическія указанія проф. *М. Д. Муретова* въ его критической брошюрѣ: „Критическія замѣчанія на кн. проф. Мищенко: „Рѣчи ап. Петра въ кн. Дѣяній апостольскихъ съ приложеніями: 1) объ Апостольскомъ соборѣ (Дѣян. XV гл. и 2) объ отнош. христіанъ къ мірской власти". Сергіевъ Посадъ. 1911 г. 14—16 стр. Оттискъ изъ журнала „Богословскій Вѣстникъ" за Февр., Апр., Май, Іюнь 1911 г. Для ознакомленія съ литературой посланія къ Галатамъ укажемъ на монографію проф. *Н. Н. Глубоковскаго* „Благовѣстіе христіанской свободы въ посланіи ап. Павла къ Галатамъ", СПБ. 1902, въ особенности на прилагаемый въ концѣ ея перечень литературы 153—156 стр. А для болѣе спеціальнаго изученія многихъ частныхъ вопросовъ исторіи и философіи ранняго іудео-христіанства, такъ или иначе соприкасающихся и съ „Апостольскимъ соборомъ", не можемъ не указать на монументальный трехтомный трудъ того-же проф. *Н. Н. Глубоковскаго* „Благовѣстіе св. апостола Павла по его происхожденію и существу" СПБ. 1905—1912 г.

Наконецъ, Апостольскому собору въ Іерусалимѣ посвященъ цѣлый рядъ спеціальныхъ моногрій и въ особенности, журіальныхъ статей, изъ числа

которымъ стоялъ и болѣе общій вопросъ — о legalia (технич. терминъ см. у Cnabenbauer, Bruders, Reville etc), т. е. объ отноше-

которыхъ мы назовемъ только важнѣйшія и новѣйшія. Такова, прежде всего, наиболѣе отвѣчающая цѣлямъ и характеру нашего изслѣдованія прекрасная статья *H. Leclercq*'а „Le concile apostolique de Jérusalem", помѣщенная въ качествѣ Appendice I къ предпринятому имъ новѣйшему франц. переводу извѣстной исторіи соборовъ *Hefele* „Histoire des Conciles" I t., II p. съ 1047—1070 p. Paris 1907 an. Въ самомъ же началѣ этой статьи далъ обстоятельный перечень всей новѣйшей литературы вопроса, который, впрочемъ, необходимо восполнить, особенно со стороны раннѣйшей литературы, указаніями самого *Hefele* (съ добавленіями того же *Leclercq*'а), помѣщенными въ примѣчаніяхъ къ его тексту объ Апостольскомъ соборѣ—Livre I, p. I, cap. I, 125 — 127 p. Затѣмъ, цѣнной, не утратившей своего значенія и въ наше время, является премированная монографія *Wilgelm Schenz*'а „Historisch-exegetische Abhandlung über das Erste allgemeine Concil in Ierusalem (52 nach Chr.) nebst einer gedräng. Würdigung der neuern Kritik der Gegner aus der Tübingener Schule". Regensburg 1869. Въ смыслѣ общей, идейно-богословской и исторической интерпретаціи собора, особеннаго вниманія заслуживаютъ двѣ статьи: *I. Thomas* „L'eglise et les judaisants a l'age apostolique. La réunion de Jerusalem" (Revue des Questions Historiques, 1889, 46 t. 400—460 p.) и *A. Hilgenfeld*'а „Der Apostel-Convent. 15, 1—34" (часть его комм. „Die Apostelgeschichte", nach ihren Quellenschriften untersucht", печатавшагося на стран. журнала „Zeitschrift für wissenschaft. Theologie" за 1895—1896 гг. Въ частности, Apostelconvent—1896, 39, 4, 59—79 s.). Текстуально-критическое дополненіе къ этому представляютъ и помѣщенныя въ томъ-же журналѣ еще двѣ статьи *A. Hilgenfeld*'а: „Das Apostelconcil nach seinem ursprünglichen Wortlaute... (Zeit. für wissen. Theol. 1899, 138—149 s.) и „Nachwort zu Acta apostolorum gracce et latine" (Ibidem 1900, 382—399 s.) Сюда-же должна быть отнесена и болѣе ранняя монографія, съ спеціальной задачей примиренія двухъ библ. версій Апостольскаго собора: *„A. Noyer* „La conférence de Jérusalem, Etude sur Actes XV et Galates II. Geneve 1875. А также серьезная и, въ общемъ, довольно умѣренная статья *O. Pfleiderer*'а „Paulinische Studien. Der Apostelconvent" („Jahrbuch. für Protestant. Theologie". Leipzig 1883, 78 sq.). Послѣдней новинкой является статья *H. Achelis*'а „Das Apostelconzil und das Aposteldecret", помѣщенная въ первомъ томѣ его недавней монографіи „Das Christentum in den ersten drei Jahrhunderten" I, 45—64 s. Leipzig 1912.

Спеціально по хронологіи Апостольскаго собора можно назвать двѣ англ. статьи: *Thomas Barns* „The apostolic conference at Jerusalem" A study in chronology and criticism". (The Expositor. 1896, IV v. 298—308 p.) и *S. C. Gayford* „The date of the Epistle to the Galatians" (The Journal of theological Studies, 1902. III t. 630—633 p.). Преобладающее же большинство изслѣдованій и статей объ Апостольскомъ соборѣ посвящено всестороннему разбору его постановленія, или, такъ называемаго „апостольскаго декрета". Изъ массы относящейся сюда литературы мы назовемъ только два труда: одинъ, сравнительно ранній—*K. Schmidt*'а „De Apostolorum decreti sententia et concilio". Erlangen 1874. (Кстати отмѣтимъ, что онъ-же является и авторомъ обстоятельной статьи „Apostelconvent in RE³, I, 703 711 s. Leipz. 1896), другой — сравнительно недавній, какъ-бы подводящій итоги вопросу—*Pf. G. Resch*'а: „Das Apostelconcil nach seiner kanonischen und ausserkanonischen Textgestalt" (Texte und Untersuchungen XXVIII, H. 3 и XIII. 3, Leipz. 1905). Самой новой монографіей по этому во-

нiи ветхозавѣтнаго обрядоваго закона и культа къ условiямъ жизни новозавѣтной церкви, о степени обязательности, или, наоборотъ, необязательности стараго Моисеева закона для членовъ новой Христовой церкви. Принципiально, данный вопросъ рѣшенъ былъ здѣсь отрицательно, т. е. въ смыслѣ освобожденiя христiанъ отъ бремени ветхозавѣтнаго закона, ограниченнаго лишь нѣкоторымъ, нечувствительнымъ minimum'омъ того, что, по условiямъ переживаемаго историческаго момента, по мотивамъ жизненно-практическаго и педагогическаго свойства, оказалось нужнымъ и полезнымъ сохранить изъ отмѣняемаго закона, чтобы напрасно не „бить немощную совѣсть“ iудействующихъ братiй (I Кор. VIII, 12) и сдѣлать болѣе прiемлемымъ и легкимъ послѣдующiй переходъ ихъ къ новымъ, универсально-христiанскимъ взглядамъ.

Нетрудно убѣдиться, что подобное принципiальное рѣшенiе этой

просу является работа *K. Six* „Das Apostoldecret (Act. XV, 28—29). Seine Entstehung und Geltung in der ersten vier Jahrhunderten. Insbruck 1912. На русскомъ языкѣ лучшая спецiальная статья объ Апостольскомъ соборѣ принадлежитъ проф. *Н. Н. Глубоковскому*: „Iерусалимскiй соборъ апостольскiй (Православ. Богосл. Энцикл. VI т. 427—441 стр. СПБ. 1905 г.). Сводку наиболѣе цѣннаго изъ предшествующей нашей литературы даетъ *М. Барсовъ* въ своемъ „Сборникѣ статей по истолковательному и назидательному чтенiю Дѣянiй свв. апостоловъ“ Симбирскъ 1894 г. 316—354 стр. (выдержки изъ статей прот. А. В. Горскаго, Фаррара, Н. Комарова, В. Михайловскаго, Еп. Iустина, Еп. Михаила, Еп. Никанора Херсон. и др.). Немало отдѣльныхъ цѣнныхъ выводовъ и замѣчанiй по разнымъ сторонамъ Апостольскаго собора разсѣяно въ магистерской диссертацiи проф. *Ѳ. И. Мищенко* „Рѣчи св. апостола Петра въ кн. Дѣянiй апостольскихъ“. Кiевъ 1907 г. (въ особенности IX гл. „Рѣчь на соборѣ“, Д. 15, 7—11, 309—332 ст.), цѣннымъ дополненiемъ къ чему служитъ вышеупом. брошюра проф. *М. Д. Муретова* „Критическiя замѣчанiя на кн. проф. Мищенко“... съ спецiальнымъ приложенiемъ: „объ Апостольскомъ соборѣ“ 51—52 стр. Сергiевъ Посадъ 1911 г. Ученый авторъ послѣдней брошюры, между прочимъ, совершенно правильно подчеркиваетъ „огромную важность и захватывающiй интересъ“ вопроса объ Апостольскомъ соборѣ для нашего времени (33 стр.) и даже намѣчаетъ рамки для желательной спецiальной монографiи о немъ (51—52 стр.). Наконецъ, нельзя пройдти молчанiемъ и интересныхъ преній по вопросу объ Апостольскомъ соборѣ, имѣвшихъ мѣсто въ Предсоборномъ присутствiи 1905—1906 г. и напечатанныхъ въ его Протоколахъ, изданныхъ въ качествѣ прилож. къ Церковнымъ Синодскимъ Вѣдомостямъ за 1906 г. №№ 16 и сл. Изданы также и отдѣльно „Журналы и протоколы засѣданiй Высочайше учрежд. Предс. Присутствiя“ I—IV т. и V томъ указатель, СПБ. 1906—1909. Особеннаго вниманiя заслуживаютъ взгляды и споры нашихъ извѣстн. канонистовъ и экзегетовъ—профф. Глубоковскаго, Бердникова, Суворова, о. Свѣтлова, о. Рождественскаго, Архiеп. Сергiя Финлянд., Н. П. Аксакова и др. Наконецъ, для характеристики общаго духа и строя раннѣйшей церкви не лишена извѣстнаго значенiя и популярная брошюра *Ѳеодора Самарина* „Первоначальная христiанская церковь въ Iерусалимѣ“, Москва 1908. Религiозно-философ. библiотека, вып. XVI.

коренной проблемы первохристiанства имѣло огромное значенiе для судебъ всей, только что слагавшейся новозавѣтной церкви: христiанская церковь, рожденная въ нѣдрахъ iудейства и до сей поры сплетенная съ нимъ такъ тѣсно, что ихъ почти не различали, теперь, здѣсь, на этомъ Iерусалимскомъ соборѣ торжественно провозглашаетъ свою особность отъ iудейства и eo ipso утверждаетъ свою историческую самостоятельность. Строгое и точное исполненiе всего Моисеева закона являлось непремѣннымъ долгомъ и главной заботой всякаго правовѣрнаго Израильтянина. Соблюденiе-же обрѣзанiя было настолько важнымъ и необходимымъ дѣломъ, что *внѣ* этого „знаменiя завѣта“ ни одинъ Iудей положительно былъ не мыслимъ, въ качествѣ сына „народа Божiя“ и члена ветхозавѣтной церкви (Быт. XVII, 10—14; Исх. XII, 15, 19; Лев. VII, 20, 21, 25; XXIII, 29; Числ. IX, 13; XV, 30; Ис. LVI, 3—6 и проч.). И если теперь, на Апостольскомъ соборѣ, отмѣняется обязательность Моисеева закона и открывается широкая возможность вступать въ новозавѣтную церковь даже и необрѣзаннымъ, то совершенно ясно, что это—уже не прежняя iудейская церковь, подверженная игу Моисеева закона и проникнутая духомъ нетерпимаго, узконацiоналистическаго партикуляризма, а совершенно другая, новая, пользующаяся благодатной свободой во Христѣ и зовущая все человѣчество къ всемiрно-космополитическому объединенiю и братству. И потому вполнѣ правымъ оказывается, напр. K. Schmidt, который на рѣшенiе Апостольскаго собора смотритъ, какъ на epochenmachende Thatsache, т. е. какъ на своего рода, поворотный пунктъ въ исторiи христiанской, новозавѣтной церкви, съ котораго начинается новая эра ея собственнаго, независимаго отъ iудейства, самостоятельнаго историческаго бытiя [1]).

Въ этомъ заключается главнѣйшая предметная или матерiальная сторона Апостольскаго собора, раскрывающая его религiозно-историческое и идейно-богословское значенiе. Вполнѣ естественно, что, именно, она и стоитъ въ центрѣ научныхъ интересовъ всей обширной, какъ общей, такъ и спецiальной литературы объ Апостольскомъ соборѣ, задающейся цѣлью прослѣдить историческую эволюцiю христiанства, въ особенности, въ данномъ, начальномъ моментѣ его первичнаго обособленiя отъ iудейства и его идейнаго собственнаго самоопредѣленiя. Центральнымъ пунктомъ всѣхъ изслѣдованiй этого типа является, такъ называемый, „апостольскiй де-

[1]) *K. Schmidt* „Apostelkonvent“ in RE³, I b. 704 s. 15. Leipz. 1896. Сравни *H. Achelis* „Das Christentum in den ersten drei Jahrhunderten, I b., 47 s. Leipzig 1912.

кретъ", т. е. постановленіе іерусалимскаго собора съ его четырьмя извѣстными запрещеніями (воздержаніе отъ идоложертвеннаго, крови, удавленины и блуда—Дѣян. XV, 28—29), откуда и вся предметно-матеріальная сторона Апостольскаго собора получаетъ техническое названіе „декретной".

Но въ исторіи Апостольскаго собора, кромѣ только-что указанной внутренней, матеріальной, или предметно-декретной стороны, очень видное мѣсто занимаетъ и другая—внѣшняя, формальная, или организаціонно-соборная сторона дѣла, т. е. вопросъ объ исторической обстановкѣ этого собора, его составѣ, организаціи, самомъ его процессѣ, или ходѣ соборныхъ разсужденій и его значеніи для всѣхъ послѣдующихъ временъ, въ особенности, для нашего настоящаго, предсоборнаго момента. Вѣдь, Апостольскій соборъ это—единственный соборъ, о которомъ свидѣтельствуетъ намъ само Священное Писаніе. Онъ—первый, не только по времени, но и по своему несравнимо-высокому авторитету, какъ происходившій при жизни святыхъ апостоловъ—этихъ самовидцевъ Господа и Его непосредственныхъ ставленниковъ—и даже подъ ихъ личнымъ, верховнымъ руководствомъ. Само собою понятно, что такой, исключительно-высокій характеръ Апостольскаго іерусалимскаго собора выдвигаетъ его изъ ряда всѣхъ остальныхъ, а насъ заставляетъ посвятить ему особую спеціальную главу въ историческомъ обзорѣ церковно-соборнаго института. Для историка церковныхъ соборовъ Апостольскій соборъ—нетолько первый опытъ и, такъ сказать, источникъ всѣхъ послѣдующихъ соборовъ, но вмѣстѣ и идеальный образецъ и высокоавторитетная норма собора, являющаяся таковой, какъ со стороны своего предмета (прототипъ для рѣшенія всѣхъ важнѣйшихъ общецерковныхъ дѣлъ), такъ и еще больше со стороны своей организаціи, какъ лучшее выраженіе идеи живого церковнаго тѣла, возглавляемаго Христомъ и одушевляемаго Св. Духомъ, при дѣйствіи, въ свою мѣру, каждаго члена церкви (Ефес. IV, 15—16).

Къ сожалѣнію, эта послѣдняя, т. е. внѣшне-формальная, или собственно „соборная" сторона Апостольскаго собора почти совершенно заслоняется первой, декретной стороной соборныхъ разсужденій; и, насколько намъ извѣстно, она, во всякомъ случаѣ, не была предметомъ особаго спеціальнаго изслѣдованія во всей обширной литературѣ по данному собору. Даже авторы наиболѣе близко подходившіе къ данной темѣ предпочитали или отдѣлываться отъ нея нѣсколькими общими фразами, или даже вовсе обходить ее молчаніемъ, за что одинъ изъ нихъ получилъ недавно, нельзя сказать, чтобы незаслуженный, упрекъ отъ своего

почтеннаго критика [1]). Мы-же, сообразно со всѣмъ планомъ и характеромъ своего изслѣдованія должны поступить какъ разъ наоборотъ: оставляя въ тѣни первую, такъ называемую „декретную" сторону вопроса, на первый планъ выдвинуть вторую—собственно „соборную".

Исходя изъ такого намѣренія и плана, мы хотимъ начать свое изслѣдованіе съ рѣшенія одного предварительнаго вопроса. Какъ смотрѣть на Апостольскій соборъ: считать-ли его первымъ въ длинной исторической цѣпи послѣдующихъ церковныхъ соборовъ, или признавать его только идеальной нормой, несравнимымъ и неповторимымъ образцомъ, единственнымъ продуктомъ совершенно исключительной эпохи? Каждая изъ этихъ принципіальныхъ точекъ зрѣнія имѣетъ своихъ представителей и защитниковъ. Перваго воззрѣнія держатся, преимущественно, католическіе богословы, которые видятъ въ Апостольскомъ соборѣ „плепарную форму собора, потомъ верховными первосвященниками и святыми отцами сохраняемую и долженствующую быть сохраняемой" [2]), и ведутъ съ него начало происхожденія церковныхъ соборовъ [3]).

Совершенно иначе смотритъ на Апостольскій соборъ большинство протестантскихъ богослововъ, даже и изъ числа тѣхъ,

---

[1]) Разумѣемъ упрекъ проф. *М. Д. Муретова,* сдѣланный по адресу проф. Ѳ. И. Мищенко. Отмѣтивъ, что авторъ „явно и намѣренно уклонился отъ трехъ, надо сказать, весьма трудныхъ темъ, безъ разслѣдованія коихъ не можетъ быть рѣшенъ и вопросъ, вызываемый указанными мѣстами изъ рѣчей ап. Петра" проф. Муретовъ частнѣе указываетъ: „совершенно также относится авторъ и къ другому, не менѣе трудному вопросу, на тщательное изслѣдованіе коего вызывала его работа, именно: объ отношеніи христіанъ къ общественной жизни уже внутри самой церкви. Говоримъ объ Апостольскомъ соборѣ, описанномъ въ 15 гл. кн. Дѣяній, на которомъ ап. Петръ принималъ видное участіе и сказалъ толкуемую авторомъ рѣчь (стр. 309—332). Обстановка собора, условія его, составъ, ходъ и, особенно, значеніе собора для настоящаго времени, въ качествѣ образца,—все это вопросы такой огромной важности и такого захватывающаго интереса, что остается только удивляться тому научному самоотверженію, съ какимъ нашъ авторъ уклонился отъ этихъ темъ". *Цит. брошюра*—33 стр.

[2]) *Mansi* „Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio... Tomus I, MDCCLIX. Florentiae. „De tertia conventione apostolorum, quae fuit plenaria conciliorum forma, postmodum a summis pontificibus et sanctis patribus observata et observanda, legimus Act. XV" 23 p.

[3]) *Hefele-Leclercq* „Histoire des conciles d'apres les documents originaux par Ch. Ios. Hefele... nouvelle traduction française faite sur la deuxième édition allemande corrigée et augmentée de notes critiques et bibliografiques" Paris, 1907 г. T. I, 2 page: *„L'origine de concile* remonte au synode des apôtres à Jerusalem en 52 an." И еще: „Le premier concile, *type et modele* de tous les autres, fut tenu par les apôtres, à Jerusalem, entre les années 50 et 52 après Iésus-Christ..." Ibidem, 125 p.

которые признаютъ его серьезную значимость и историческую достовѣрность. Они или считаютъ его особымъ совѣщательнымъ собраніемъ іерусалимской церкви, ничего общаго съ послѣдующимъ историческимъ развитіемъ церковныхъ соборовъ не имѣющимъ, какъ напр. Bickel и Schmidt [1]), или, самое большее—усвояютъ ему идеальное, типологическое значеніе, для послѣдующихъ церковныхъ соборовъ, лишенное непосредственной, историко-генетической связи съ ними, какъ то дѣлаютъ Knopf, Bruders, Heinrici и осторожный Ad. Harnack, неопредѣленно-уклончивый отвѣтъ котораго въ особенности характеренъ: „изъ 15 гл. Дѣяній—говоритъ проф. Harnack,—слѣдуетъ, что въ серьезныхъ жизненныхъ вопросахъ ἐκκλησία (въ союзѣ съ двѣнадцатью уважаемыми апостолами) постановляла извѣстное рѣшеніе. Но какъ судить объ этомъ „синодѣ“ т. е. большомъ собраніи общины (т. е. именно „церкви“ въ тѣсномъ и активномъ ея выраженіи, совершенно ошибочно названномъ „апостольскимъ соборомъ“), собиралсяли онъ періодически, и какъ внутри самаго собора разграничивались компетенціи Петра, Іакова и пресвитеровъ, наконецъ, послужилъ-ли іерусалимскій соборъ, какъ прочное учрежденіе, образцомъ для языческо-христіанскихъ „соборовъ“ (т. е. первоначально торжественныхъ собраній каждой отдѣльной общины), обо всемъ этомъ мы не знаемъ ничего вѣрнаго“ [2]).

[1]) *Bickel. Ioh. W.* „Geschichte des Kirchenrechts“ Giessen 1843 r. Erster Band, 43 s.: „Dass indessen Versammlungen (Ap. G. Cap. I, 6, 15 и 21) der Apostel, Aeltesten und Brüder zu Jerusalem nicht den Charakter der erst im Laufe des zweiten Jahrhunderts nach gehöriger Ausbildung des bischöflichen Amts entstandenen Synoden hatten, bedarf keines weiteren Beweises“.

Hauck art. „Synoden“ in Real-Encyklopedie für Prot. Theol. und Kirche“ Herzog-Hauck 3 Auf. 19 b. Leipzig. 1907. 263 s. 42—43: „Sieht man von dem sog. Apostelkonzil ab, das für die Entstehung der Synoden belanglos ist, da die weitere Entwicklung nicht daran anknüpft“...

[2]) *Knopf R.* „Das nachapostolische Zeitalter. Geschichte der christl. Gemeinden von Beginn der Flaviendyn. b. z. Ende Hadrians“. Tübingen 1905 r. 8—9 и 23 s.

Bruders, I. I. „Die Verfassung der Kirche von den ersten Jarhund. d. apostol. Wirksamkeit an bis 175. Mainz, 1904. 192 s.

Heinrici Georg „Das Urchristenthum“ Göttingen 1902. 47, 51, 61, 84.

Harnack Ad. „Entstehung und Entwickelung der Kirchenverfassung und d. Kirchenrechts in den zwei Jahrhunderten“ Leipzig, 1910. „Aber aus AG. 15 ergibt sich, dass in grossen Lebensfragen bei der ἐκκλησία (im Verein mit den Zwölfen resp. den Aposteln) die Entscheidung lag. Wie dabei die „Synode“ d. h. die grosse Gemeindeversammlung (d. h. eben die ἐκκλησία in einheitlicher und aktiver Darstellung, sehr irreführend „Apostelkonzil“ gennant), zu beurteilen ist, ob sie regelmässig zusammentrat, wie sich innerhalb dieser „Synode“ die Kompetenzen der Apostel (Petrus) bezw. des Jakobus bezw. der Presbyter abgrenzten, endlich ob „die jerusalemische Synode“ als stetige Einrichtung vorbildlich gewesen ist für die heidenchristlichen „Synoden“ (d. h. ursprünglich die solennen Versammlungen jeder einzelnen Gemeinde), wissen wir nicht sicher“, 14—15 s.

Среди православныхъ богослововъ мы также далеко не находимъ желательнаго согласія во взглядѣ на Апостольскій соборъ. Въ академическихъ лекціяхъ извѣстнаго протоіерея А. В. Горскаго Апостольскій соборъ выступаетъ въ значеніи не только идеальнаго образца, но и историческаго примѣра соборовъ: „но полнѣйшій образъ производства оныхъ соборовъ показанъ на томъ соборѣ Іерусалимскомъ, на которомъ разсуждаемо было о законѣ Моисеевомъ обрядовомъ“; причемъ, далѣе, и излагается поучительная картина самого собора [1]). Еще ярче и сильнѣе выражаетъ ту-же самую мысль проф. протоіерей П. Я. Свѣтловъ, говоря такъ: „восходя къ самому началу (разумѣется, исторія христіанской церкви) мы упираемся въ фактъ величайшей законодательной важности на всѣ вѣка христіанской церкви. Это іерусалимскій Апостольскій соборъ. Онъ долженъ служить нормой, образцомъ, идеаломъ для послѣдующихъ временъ, во 1-хъ, какъ первое выраженіе наиболѣе чистое, принципа любви, положеннаго въ основу христіанской жизни, какъ первый законодательный опытъ примѣненія этого творчески-созидательнаго начала жизни; во 2-хъ, какъ событіе особой важности, заключающееся въ Св. Писаніи. Все, что говоритъ слово Божіе, говорится въ назиданіе намъ“, почему ораторъ и предлагаетъ далѣе, взять Апостольскій соборъ за норму, или образецъ для устройства и русскаго помѣстнаго собора [2]). Позднѣе, впрочемъ, и самъ о. Свѣтловъ нѣсколько ограничилъ свое первоначальное утвержденіе, перенеся центръ тяжести съ внѣшней организаціи апостольскаго собора на проникавшій и объединявшій его внутренній духъ: „главное значеніе имѣетъ не то, чтобы мы скопировали апостольскій соборъ, а усвоили тотъ принципъ, какой выразился въ Апостольскомъ соборѣ. Принципъ этотъ—любовь“ [3]).

Совершенно иной, почти діаметрально противоположный взглядъ на значеніе Апостольскаго собора провелъ покойный профессоръ Н. С. Суворовъ, который находилъ, что этотъ соборъ ни въ какомъ отношеніи не можетъ служить для насъ нормой или образцомъ, такъ какъ онъ происходилъ при исключительныхъ об-

[1]) *А. В. Горскій.* „Исторія Евангельская и церкви апостольской. Академическія лекціи по подлиннымъ и собственноручнымъ его записямъ. Изданіе второе. Св.-Троицкая Сергіева Лавра. 1902 г., стр. 437-ая.

[2]) Журналы засѣданій 1-го отдѣла Высочайше учрежденнаго Особаго Присутствія, I т. 16 стр. № 2. 16-го Марта 1906 г. Прибавл. къ Церковнымъ Вѣдомостямъ, издаваемымъ при Св. Правит. Синодѣ. 1906 г. № 16-й, 844 стр.

[3]) *Ibidem*—859 стр. I т. 31 стр.

стоятельствахъ, когда церковью управляли еще святые апостолы, а никакой другой, должностной іерархіи не было и когда всѣ вѣрующіе обильно были надѣлены чрезвычайными дарами Св. Духа („харисматическая эпоха"). „Во всякомъ случаѣ—заключалъ отсюда проф. Суворовъ—рискованно брать примѣръ изъ апостольской церкви", принимать за норму то, что являлось специфическимъ продуктомъ своей несравнимой и неповторяемой эпохи [1]).

Среднюю примирительную позицію между двумя вышеуказанными взглядами заняли въ дебатахъ Предсоборнаго присутствія на ту-же тему два другихъ оратора—проф. Н. Н. Глубоковскій и Н. П. Аксаковъ. Несмотря на то, что въ вопросѣ о болѣе детальной группировкѣ членовъ Апостольскаго собора оба эти оратора выступали, скорѣй, какъ лидеры противоположныхъ партій, въ общей его оцѣнкѣ они сошлись довольно близко. Такъ проф. Глубоковскій, хотя и считаетъ апостольскій вѣкъ исключительной эпохой „чрезвычайныхъ факторовъ и преизобильныхъ благодатныхъ дарованій",—почему и предостерегаетъ отъ механическаго копированія всѣхъ его обнаруженій,—однако признаетъ апостольскій церковный строй „первоисточникомъ церковныхъ формъ", обязывается къ благоговѣйному послушанію апостольскимъ писаніямъ и въ частности, въ извѣстіяхъ объ Апостольскомъ соборѣ ищетъ и для себя „авторитетно-руководственныхъ нормъ", признавая за ними не одно моральное, но также и юридически-фактическое значеніе [2]). А вся пространная рѣчь г. Аксакова и вовсе направлена къ тому выводу, чтобы „установить значеніе апостольскаго собора, какъ прототипа соборности", понимаемаго не только въ общемъ идейно-принципіальномъ смыслѣ (какъ у проф. Глубоковскаго и о. Свѣтлова), но и въ болѣе частныхъ, фактически-конкретныхъ формахъ, въ чемъ, какъ увидимъ это ниже, авторъ даже нѣсколько и увлекался [3]).

Каковы-же будутъ наши собственные выводы изъ всѣхъ этихъ разсужденій? Намъ думается, что логически вытекаютъ отсюда три главныхъ вывода: два отрицательныхъ и одинъ положительный. Нельзя, прежде всего, уничтожать всякую связь Апостольскаго собора, съ послѣдующими, рядовыми церковными соборами, безразлично, будетъ-ли это зависѣть отъ *недооцѣнки* апостольской эпохи (еще слишкомъ примитивной и неразвитой, по мнѣнію либеральныхъ протестантовъ), или отъ ея *переоцѣнки* (совершенно исключительной и неповторяемой какъ, напр. у проф. Суворова). Допустить это—значило-бы вырвать первую, самую свѣтлую и яркую страницу изъ исторіи христіанской церкви, значило-бы зачеркнуть цѣлый рядъ безспорныхъ, какъ идейныхъ, такъ и фактическихъ аналогій, пренебречь высокимъ примѣромъ святыхъ апостоловъ и матери-церкви, наконецъ—игнорировать авторитетъ самого Св. Писанія, въ которомъ все пишется въ наше наученіе и наставленіе (Римл. XV, 4 ст.).

Но нельзя, съ другой стороны и сливать Апостольскаго собора съ послѣдующими до степени ихъ полнаго тождества и безразличія. Не слѣдуетъ этого дѣлать и по принципіальнымъ соображеніямъ и по историческимъ мотивамъ. Подъ первыми мы разумѣемъ, главнымъ образомъ, идею постепеннаго органическаго роста какъ всей церкви, такъ и ея соборнаго института, идею, заставляющую на апостольскій вѣкъ смотрѣть, какъ на эмбріональный періодъ всего послѣдующаго развитія, исключающій возможность полнаго конкретнаго сходства столь различныхъ ступеней развитія, какъ апостольскій вѣкъ, вѣкъ полнаго развитія іерархически-областной системы (III в.), періодъ новаго государственно-правоваго положенія церкви (съ IV в.), или эпоху ея современнаго церковно-государственнаго уклада. Главнымъ же *историческимъ* аргументомъ противъ такого отождествленія мы считаемъ тотъ убѣдительный фактъ, что между Апостольскимъ соборомъ, происходившимъ въ самой половинѣ перваго вѣка (наиболѣе вѣроятная дата—между 50—52 г.) и послѣдующими церковными соборами (по поводу монтанизма),—откуда уже начинается ихъ почти непрерывная цѣпь,—существуетъ внушительный перерывъ, болѣе, чѣмъ во сто лѣтъ (дальнѣйшіе противомонтанистическіе соборы относятся къ 70-ымъ годамъ 2-го вѣка) [1]).

Перерывъ этотъ нельзя объяснять случайнымъ умолчаніемъ или пропускомъ церковнаго историка Евсевія, хотя-бы уже по одному тому, что Евсевій не даетъ ни малѣйшаго повода къ подобному упреку, такъ какъ онъ подробно и правдиво описываетъ другіе, гораздо менѣе значительные факты изъ исторіи

---

[1]) *Ibidem*—845 стр. I т. 17 ст. Сюда-же, пожалуй, долженъ быть отнесенъ и *проф. Болотовъ*, считающій весь апостольскій періодъ переходнымъ между ветхозавѣтно-библейской и новозавѣтно-христіанской эпохой и потому нетипичнымъ для послѣдней. См. „Лекціи по исторіи древней церкви", I. Введеніе, 227–228 стр. СПБ. 1907.

[2]) *Ibidem*—846–850 стр. I т. 18—23 стр.

[3]) *Ibidem*—Рѣчи Н. П. Аксакова съ 851—859 стр. I т. 23–31 стр.

[1]) Указанія древнихъ католическихъ источниковъ (Libellus synodicus, Mansi) на нѣсколько промежуточныхъ соборовъ, будто-бы происходившихъ за этотъ періодъ, напр. на соборъ Сицилійскій 125 г. на римскій соборъ при папѣ Телесфорѣ (127–139), на Пергамскій соборъ противъ Ѳедота Кожевника—150 г., на какой-то восточный соборъ противъ гностика Кердона—160 г. никогда никѣмъ въ серьезъ не принимались, а теперь они и вовсе оставлены. См. у *Hefele-Leclercq*'а I, I р. 3 с. „Conciles douteux du II-e siecle"—151 р.

той-же самой начальной поры христіанства. Въ особенности слѣдуетъ учесть, что онъ первый-же сталъ тщательно отмѣчать всѣ церковные соборы, коль скоро они снова начались со второй половины 2-го вѣка. Да, наконецъ, если не отъ исхода 1-го, то ужъ отъ начала второго вѣка существуетъ цѣлый рядъ и другихъ авторитетныхъ писателей, т. н. „мужей апостольскихъ“, которые, конечно, не преминули-бы сохранить намъ извѣстія о церковныхъ соборахъ, если-бы послѣдніе при нихъ происходили. Ясно, что соборный институтъ въ теченіе цѣлаго столѣтія не функціонировалъ въ церкви, на что были и свои серьезныя причины, о которыхъ мы надѣемся подробнѣе сказать въ свое время и въ своемъ мѣстѣ. А коль скоро въ теченіе цѣлаго столѣтія (разумѣется, послѣ Апостольскаго собора) соборовъ въ древней церкви не происходило, то, слѣдовательно, нельзя говорить и о непосредственной историко-генетической связи послѣдующихъ соборовъ (отъ конца второго вѣка) съ предыдущимъ, Апостольскимъ соборомъ: наличность связи исключала-бы возможность столь длительнаго перерыва, а фактъ перерыва исключаетъ существованіе непосредственной связи. Все это, въ свою очередь, уполномачиваетъ насъ на конечный выводъ, что условія церковной жизни, породившія собой Апостольскій соборъ, вскорѣ затѣмъ исчезли, или сильно измѣнились, и нужно было цѣлое столѣтіе, чтобы народились новыя, или, во всякомъ случаѣ, видоизмѣненныя условія, вызвавшія въ жизни и новые церковные соборы.

Выясненіе двухъ только-что разсмотрѣнныхъ отрицательныхъ выводовъ расчистило почву для третьяго—положительнаго. Сущность его кратко можетъ быть формулирована такъ. Хотя Апостольскій соборъ, имѣя много своеобразнаго [1]), и не стоитъ къ непосредственной историко-генетической связи съ послѣдующими церковными соборами, однако онъ получилъ для нихъ значеніе руководственно-авторитетной нормы, идейнаго, типологическаго образца. Слѣдовательно, между соборами Апостольскимъ и послѣдующими существуетъ не внѣшне-историческая, а внутренно-идейная связь. Но эта связь выяснилась и окрѣпла далеко не сразу, а лишь послѣ того, какъ, относительно говоря, завершилось развитіе церковнаго строя, сталъ возможенъ сознательный

[1]) Подкрѣпимъ это и авторитетомъ проф. *Муретова*, который съ рѣшительностью заявляетъ, что въ Іерусалим. Апостольскомъ соборѣ есть сторона „новозавѣтно-апостольская и неповторяемая въ исторіи Церкви, поскольку на соборѣ присутствовали и руководили сами апостолы—самовидцы Слова, Спасителемъ самолично поставленные на апостольское служеніе и имѣвшіе исключительныя сверхъестественно-божественныя полномочія“. *Цитов. брошюра*—51—52 стр.

ретроспективный взглядъ на раннѣйшую исторію христіанства, упрочилась теорія апостольскаго преемства епископата, опредѣлился составъ новозавѣтнаго канона, а слѣдовательно получили общецерковное распространеніе и признаніе и самыя извѣстія Св. Писанія объ Апостольскомъ соборѣ. Все это окончательно сложилось въ древней церкви приблизительно къ эпохѣ Кипріана Карѳагенскаго т. е. не раньше половины 3-го вѣка, когда впервые становится замѣтной и церковная рецепція Апостольскаго собора. А что такая рецепція, дѣйствительно, существовала въ церковномъ сознаніи и даже утвердилась въ немъ очень прочно, яснымъ доказательствомъ этого служитъ, ставшая, можно сказать, стереотипной формула соборныхъ опредѣленій, заимствованная изъ апостольскаго декрета: „изволися Духу Святому и намъ“... (Дѣян. XV, 28) [1]). Точнаго хронологическаго начала употребленія этой формулы въ соборной практикѣ церкви мы, къ сожалѣнію, опредѣлить не можемъ, по отсутствію какихъ-бы то ни было протокольныхъ записей отъ соборовъ конца II-го и начала III-го вѣка. Но съ эпохи Кипріана, когда впервые появились записи подобнаго рода, мы имѣемъ уже безспорныя доказательства того, что вышеназванная формула вошла въ соборный обиходъ, употребляясь или буквально въ томъ-же видѣ, какъ и въ кн. Дѣяній, или, чаще, въ болѣе или менѣе свободномъ перифразѣ.

Самый первый изъ исторически извѣстныхъ опытовъ соборнаго примѣненія интересующей насъ формулы представляетъ собой опредѣленіе Карѳагенскаго собора по дѣлу „падшихъ“, происходившаго подъ предсѣдательствомъ знаменитаго Карѳагенскаго епископа Св. Кипріана, 15-го мая 252-го года. [2]). Отъ лица 42 епископовъ, присутствовавшихъ на этомъ соборѣ, было сдѣ-

[1]) *Hefele-Leclercq*: „Les conciles postérieurs sont deumeurés convaincus que leurs délibérations étaient guidées par le Saint-Esprit“ Op. cit. I, I, 2 p. Особенно характеристиченъ въ данномъ отношеніи текстъ Вульгаты: „*Visum est* Spiritui sancto et nobis“, Д. XV, 28.

[2]) Столь точная дата этого собора устанавливается на основаніи анализа писемъ еп. Кипріана и ихъ сравнительнаго сопоставленія, главнымъ образомъ 49 и 47 пис., по русскому изданію, или, по болѣе принятому изданію *Hartel*'я 57 и 59 ер. Для года—рѣшающее значеніе имѣетъ указаніе на близость новой вспышки утихшаго было гоненія, а для мѣсяца и числа—подлинныя слова Кипріана о Приватѣ, „который хотѣлъ защищать предъ нами свое дѣло на соборѣ, который былъ у насъ 15-го числа прошлаго Мая“ (47 п. рус. пер. 259 стр. *Hartel*—59 ер., 653 р.). Потому указаиная дата у всѣхъ ученыхъ считается безспорной—*L. Nelke* „Die Chronologie der Correspondenz Cyprians“ 76 s. Thorn 1902. Ср. *P. Monceaux* „Histoire litteraire de l'Afrique chrétienne. Tome deuxiem. Saint Cyprien et son temps“ 44 p. Paris 1902. *E. W. Benson* „Cyprian. His life, His times, His Work“ 224 p. London 1897.

лано подробно мотивированное постановленіе, которое дошло до насъ въ формѣ письма еп. Кипріана къ папѣ Корнелію, озаглавленнаго въ русскомъ переводѣ „Письмо къ Корнелію о дарованіи мира падшимъ“. Въ немъ, послѣ довольно подробной мотивировки принятаго соборомъ рѣшенія по дѣлу „падшихъ“, самое опредѣленіе собора начинается такими знаменательными словами: „мы, по внушенію Св. Духа и слѣдуя указаніямъ Господа... заблагоразсудили“... сдѣлать то-то и то-то, въ чемъ нельзя не видѣть очень близкой аналогіи со вступительной фразой апостольскаго декрета: „ибо угодно Св. Духу и намъ“... (Дѣян. XV 28) [1]). А что на указанную аналогію нельзя смотрѣть, какъ на случайное вербальное совпаденіе, доказывается хотя-бы тѣмъ, что вѣроятный редакторъ опредѣленія даннаго карѳагенскаго собора еп. Кипріанъ,—прекрасный знатокъ Св. Писанія, вообще,—отлично былъ знакомъ и съ подлиннымъ текстомъ апостольскаго декрета, который имъ воспроизводится съ буквальной точностью въ одномъ изъ его, несомнѣнно, подлинныхъ сочиненій [2]). И вообще, слѣдуетъ подчеркнуть, что мысль о руководящей роли Св. Духа въ жизни Христовой церкви и даже болѣе частная,—что церковныя заповѣди и соборныя опредѣленія „суть истины Св. Духа“—одна изъ устойчивыхъ и основныхъ въ трактатахъ и письмахъ св. Кипріана [3]). Отсюда, на эпоху Кипріана мы вправѣ смотрѣть, какъ на то время, когда общецерковная рецепція Апо

[1]) Въ подлинникѣ эта фраза звучитъ еще торжественнѣй и ближе къ тексту Апост. собора: „Placuit nobis sancto spiritu suggregente et Domino... *S. Thasci Caecilii Cypriani* Opera omnia. Recensuit et comment. critico instruxit *Guilelmus Hartel*. Epistulae. (Corpus Script. ecclesiasticorum, latinorum. Academiae litter. caesareae Vindbonensis) Vol. III, pars II Epist. LVII, c. 5, 7—8, 655 p. MDCCCLXXI.

[2]) *Св. еп. Кипріанъ:* „И въ дѣяніяхъ апостольскихъ: изволися Святому Духу и намъ, ничтоже множае возложити вамъ тяготы, развѣ нужныхъ сихъ: огрѣбаются отъ идоложертвенныхъ и крове и удавленины и блуда; и елика не хощете вамъ быти, другимъ не творите“. Творенія св. священном. Кипріана епископа Карѳ. Изданіе второе, часть II, Трактаты. 3-я книга „Свидѣтельствъ противъ Іудеевъ“ 125 стр. Кіевъ 1891 годъ. По изданію *Hartel'я* это мѣсто читается такъ: „iterum in Actibus apostolorum: Visum est sancto spiritui et nobis nullam uobis imponere, sarcinam, quam ista quae ex necessitate sunt, abstinere uos ab idolatriis et sanguine et fornicatione, et quaecumque nobis fieri non uultis, aliis ne feceritis“. Vol. III. pars I, 184 p. MDCCCLXVIII.

[3]) См. напр. въ книгѣ „О единствѣ церкви“. 183 стр. 190, рус. изд. Ч. I. Изд. 2-ое. Кіевъ 1891. Въ книгѣ „о молитвѣ Господней“—225 стр. Въ особенности характерно выраженіе перваго письма Кипріана къ папѣ Стефану: „и потому явно, что тотъ не сохраняетъ вмѣстѣ съ другими *истины Св. Духа* (рѣчь идетъ о соборныхъ опредѣленіяхъ по дѣлу раскольниковъ), кто, какъ видимъ мыслитъ противное“—55-ое письмо (по *Hartel'у* 68 ср. 748 р.) 313 стр. I ч. Письма Кіевъ 1891.

стольскаго собора стали какъ бы регулирующимъ и опредѣляющимъ началомъ соборной работы церкви, послѣ чего слѣды извѣстной, соборно-апостольской формулы начинаютъ встрѣчаться замѣтнѣе и чаще въ опредѣленіяхъ соборовъ, до тѣхъ поръ, пока вся эта формула цѣликомъ не превратилась въ безусловно-необходимый соборный стереотипъ, которымъ неизмѣнно открываются всѣ опредѣленія церковныхъ соборовъ, что началось еще очень давно и свято соблюдается до нашихъ дней [1]).

Вѣское косвенное подтвержденіе той мысли, что рецепція Апостольскаго собора началась не раньше половины 3-го вѣка усматриваемъ мы и въ широкомъ развитіи, такъ называемой, „апостолической литературы“, разцвѣтъ которой падаетъ, приблизительно, на ту-же самую эпоху. Въ объемъ этой литературы входитъ цѣлый рядъ другъ къ другу примыкающихъ и, несомнѣнно, родственныхъ памятниковъ, какъ-то: „Дидахэ“ (*„Διδαχὴ τῶν δώδεκα ἀποστόλων“*), „Дидаскалія“ („Didaskalia der Apostel“ въ трехъ ея редакціяхъ—сирской, арабской и ефіопской, изъ которыхъ самостоятельное значеніе имѣетъ только первая), „Церковные каноны

[1]) Ближайшіе къ эпохѣ Кипріана опыты примѣненія данной формулы представляютъ собой постановленія соборовъ—помѣстнаго Арелатскаго (314 г.) и перваго вселенскаго, Никейскаго (325 г.), по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ они изложены у Mansi. Такъ, заключительное постановленіе Арелатскаго собора начинается у него со словъ; „Placuit ergo, praesente Spiritu sancto et angelis ejus... (*Epist.* Sinodi Arelatensis ad Silvestrum papam—469 p.). Подлинныхъ актовъ перваго вселенскаго собора, какъ извѣстно, не сохранилось. Но о томъ, какъ современники этого собора смотрѣли на его постановленія и кого считали, такъ сказать, главнымъ ихъ авторомъ, убѣдительно говорятъ многія характерныя выдержки изъ распоряженій и писемъ императора Константина Великаго, гдѣ эта сторона собора выясняется достаточно опредѣленно. Такъ, напр. въ письмѣ къ александр. церкви по дѣлу Арія и состоявшагося о немъ соборнаго постановленія императоръ Константинъ пишетъ: „Nam quod frecentis sanctis episcopis *visum est*, von est aliud putandam, quam solius Filii Dei sententia: praesertim, cum in talium et tam praeclarorum virorum mentibus sacer insideret Spiritus, qui illis divinam voluntatem aperuerit“. *Mansi*. Op. cit. II, 922 s. Не менѣе въ данномъ смыслѣ характерна и другая выдержка изъ письма того-же Константина къ „церквамъ и епископамъ“, не имѣвшимъ представительства на Никейскомъ соборѣ (qui sancto et magno concilio non interfuerunt): „Salvator noster nobis traddidit, unamque ecclesiam catholicam esse voluit, cujus quidem membra, tametsi in multis variisque locis congregentur, tamen uno Spiritu, hoc est divino voluntate et metu foventur... His itaque divino judicio a tot tantisque sanctis episcopis ad hunc modum constitutis, ea velut dona caelitus demissa, et divina vere mandatu accipite“ *Mansi*—923 и 926 р. Окончательное-же упроченіе въ соборномъ обиходѣ самой формулы апостольскаго собора произошло еще въ эпоху вселенскихъ соборовъ, какъ въ этомъ можно убѣдиться изъ дошедшихъ до насъ ихъ актовъ—*Mansi* VII t. 79. 118, 203 p. и „Дѣяній вселенскихъ соборовъ“, издан. при Казанск. дух. академіи, въ 60-ыхъ годахъ.

святыхъ апостоловъ“ (*Κανόνες ἐκκλεσιαστικοὶ τῶν ἁγίων ἀποστόλων*, они же у нѣмцевъ болѣе извѣстны подъ именемъ „Apostolische Kirchenordnung“)—„Апостольскія Постановленія“ (*Διαταγαὶ τῶν ἁγίων ἀποστόλων διὰ Κλήμεντος τοῦ Ῥωμαίων ἐπισκόπου τε καὶ πολίτου*“, у нѣмцевъ они извѣстны подъ терминомъ „Apostolische Konstitutionen“). „Правила святыхъ апостолъ“ (*„Κανόνες τῶν ἁγίων ἀποστόλων*“) „Каноны св. Ипполита Римскаго“ (*Διατάξεις τῶν ἁγίων ἀποστόλων περὶ χειροτονιῶν διὰ Ἱππολύτου*, у нѣмцевъ „Canones Hyppolyti“) и нѣсколько аналогичныхъ мелкихъ фрагментовъ („Каноничъ. законъ св. апостоловъ“, „Каноны апост. собора въ Антіохіи“ и др.).

Крайне трудный, запутанный и сложный вопросъ объ историческомъ происхожденіи и взаимномъ отношеніи памятниковъ „апостолической“ (или, по Harnack'у „конституціонно-апостольской“) литературы былъ едва-ли не главнымъ предметомъ научныхъ изслѣдованій въ западной богословской наукѣ за послѣднюю четверть вѣка и породилъ тамъ огромную литературу съ именами первоклассныхъ ученыхъ (Harnack, Funk, Zahn, Achelis, Lightfoot и др.). Не имѣя никакой возможности входить здѣсь въ подробное ознакомленіе со всей этой литературой, ограничимся лишь краткимъ изложеніемъ тѣхъ выводовъ, которые считаютъ наиболѣе общепризнанными въ наукѣ и имѣютъ ближайшее отношеніе къ нашей темѣ.

Первоисточникомъ названной литературы, давнимъ, по выраженію Harnack'а „толчекъ къ развитію апостольскихъ каноновъ и конституціонной литературы (Anstoss... su der Entwicklung der apostolischen Kanones und Konstitutional Litteratur)“ послужило „Дидахэ“—памятникъ глубокой христіанской древности, эпохи литературы „мужей апостольскихъ“ (Варнавы, Ерма), т. е. или конца 1-го вѣка (Funk, Zahn, Schaff, Lightfoot), или начала второго (Harnack, Bryennios, Achelis etc.) и во всякомъ случаѣ не позднѣе 160 г. (terminus ad quem—ссылка на Дидахэ Кл. Александрійскаго, въ его комментаріи на притч. XXI, 11 и Іо. VII, 18). Для насъ важно подчеркнуть, что въ этомъ раннѣйшемъ памятникѣ „апостолической“ литературы еще нѣтъ никакого намека на исторію апостольскаго собора [1]).

[1]) Честь открытія даннаго памятника и его перваго научнаго изданія принадлежитъ никомидійскому митрополиту Филофею Вріеннію, нашедшему памятникъ еще въ 1875 г. и издавшему его въ 1883. Лучшія послѣдующія изданія, съ соотвѣтствующимъ ученымъ аппаратомъ, были сдѣланы:—*Ad. Harnack*'омъ дважды: въ 1884 г. „Die Lehre der zwölfe Apostel nebst Unters. z. ältest. Geschichte der Kirchenfassung and d. Kirchenrechts“ (полное, T. u. U. II, 11), и въ 1895 г. „Apostellehre“ (сокращенное, но не въ самомъ текстѣ, а въ ученомъ аппаратѣ къ нему T. u. U, 5). А такъ же—*Funk*'омъ „Doctrina duodecim apostolorum“, Paderb. 1887. Очень полный перечень литературы о Дидахэ см. въ извѣстномъ

Вторымъ этапомъ въ развитіи „апостолической“ литературы ученые теперь считаютъ, такъ называемую, „Сирскую Дидаскалію“—памятникъ половины 3-го вѣка, представляющій собою сильно увеличенную и расширенную переработку Дидахэ, и послужившій источникомъ, или вѣрнѣе, почти буквальнымъ содержаніемъ, первыхъ шести главъ позднѣйшаго церковнаго памятника—„Апостольскихъ Постановленій“. По общему почти убѣжденію ученыхъ, данный памятникъ первоначально былъ написанъ на греческомъ языкѣ, а затѣмъ переведенъ на сирскій и древне-латинскій. Греческій оригиналъ его до насъ не сохранился, а дошли лишь переводы. Древнѣйшій, сирскій переводъ былъ обратно переведенъ на греческій языкъ и изданъ ученымъ de Lagarde „Didascalia apostolorum syriace“ Lipsiae 1854, и повторенъ *Bunsen*'омъ въ „Analecta ante-Nicaena, vol. II, 1854; а латинскій, по рукописи IV—VI в. изданъ *Hauler*'омъ „Didascalia Apost. fragmenta Veronensia Latina“ 1900. На почвѣ этихъ открытій сдѣланы были и другія критическія изданія „Дидаскаліи“ и выросла огромная научная литература, въ созданіи которой ближайшее участіе принимали: *Ad. Harnack, Funk, Zahn, Achelis, Flemming, Holzhey, Gibson etc* [1]). „Что этотъ памятникъ составляетъ основной текстъ (Grundschrift) шести первыхъ книгъ „Апостольскихъ Постановленій“ и что онъ принадлежитъ 3-му вѣку, никѣмъ изъ ученыхъ не оспаривается“ [2])—авторитетно заявляетъ Harnack. Поэтому, съ содержаніемъ Дидаскаліи легко познакомиться по тексту „Апостольскихъ Постановленій“, существующему во множествѣ различныхъ изданій и переводовъ, въ томъ числѣ и въ русскомъ переводѣ [3]). И вотъ, при самомъ общемъ знакомствѣ съ Дида-

трудѣ *O. Bardenhewer*'а „Gesch. d. alt. Litteratur“ I, 83—86 s. 1902. На русскомъ языкѣ прекрасное изданіе Дидахэ съ двойнымъ текстомъ (греч. и русск.) сдѣлано *Вл. и М. С. Соловьевыми* „Ученіе двѣнадцати апостоловъ“ (Правосл. Обозрѣніе 1886 г.). Кромѣ того, всестороннее литературное освѣщеніе памятника дано въ превосходной статьѣ *Ad. Harnack*'а „Apostellehre“ in RE³, 711—730 s. I, Leipz. 1896 и въ его-же „Die Chronologie der altchr. Litteratur bis Eusebius“ I, 428—438. Leipz. 1897. На русскомъ языкѣ есть еще магистер. диссертація *А. Карашева* „О новооткрытомъ памятникѣ—Ученіе двѣнадцати апостоловъ“. Москва 1896 г. и особый отдѣлъ въ докторской диссертаціи проф. *В. Н. Мышцына* „Устройство христіанской церкви въ первые два вѣка“ 268—289 с. Серг. Посадъ 1909 г.

[1]) Самое новое и лучшее изданіе „Дидаскалія“, съ солиднымъ научнымъ аппаратомъ это—трудъ *Achelis und Flemming* „Die syrische Didascalia übersetzt und erklärt“ (Texte und Unters. 25 band, Hef. 2, 1904). Тамъ-же перечислена и вся соотвѣтствующая литература, которую можно восполнить статьей и указателемъ *Ad. Harnack*'а „Die Chronologie“ II, „Die sog. Apostolische Didascalia“ 488—501. Leipzig 1904.

[2]) *Ad. Harnack*—„Die Chronologie“ II, 489 s.

[3]) *„Апостольскія Постановленія“*—какъ памятникъ компилятивный и сборный изъ Дидаскаліи, Дидахэ и Каноновъ св. Ипполита новѣйшими учеными издается и изслѣдуется, именно, подъ этими частными заголовками. Въ пол-

скаліей легко убѣдиться, что этотъ памятникъ не только знаетъ объ іерусалимскомъ Апостольскомъ соборѣ, но всецѣло на него опирается и отъ него исходитъ. „Авторъ говоритъ объ апостолахъ въ первомъ лицѣ и много разъ подтверждаетъ, что эта Апостольская Дидаскалія возникла на Апостольскомъ соборѣ въ Іерусалимѣ"—отмѣчаетъ одинъ изъ главныхъ научныхъ изслѣдователей памятника—извѣстный ученый Achelis [1]). Чтобы убѣдиться въ этомъ достаточно будетъ ознакомиться только съ 12-ой и 14-ой главами VI кн. „Апостольскихъ Постановленій (или что-тоже „Дидаскаліи"), гдѣ подробно излагается вся исторія іерусалимскаго собора, съ предшествующей антіохійской распрей и послѣдующимъ апостольскимъ умиротвореніемъ церкви, и гдѣ самая эта Дидаскалія выставляется, какъ „каѳолическое ученіе", выработанное сошедшимися на соборъ апостолами, которые и перечисляются здѣсь по-именно. [2]).

Такимъ образомъ, „Апостольская Дидаскалія"—вотъ тотъ памятникъ древней церкви, который впервые опирается на верховный авторитетъ іерусалимско-апостольскаго собора и тѣмъ самымъ прочно устанавливаетъ его общецерковную рецепцію. А такъ такъ Дидаскалія всѣми учеными считается памятникомъ 3-го вѣка и относится къ около-кипріановской эпохѣ [3]), то получается для насъ краснорѣчивое совпаденіе

номъ-же видѣ, кромѣ старыхъ изданій *I. Merlin*'а, *F. Turriani, Cotelerius*'а и др. существуетъ изданіе *G. Ueltzen*'а „Constitution. Apostolorum". Lipsiae 1853. *P. de-Lagarde* „Constitutiones apostolorum". Lipsiae—Londoni 1862 и *J. Pitra* in „Juris ecclesiastici Graecorum historia et monumenta" I, Romae 1864. А также и *Migne* S. G. I, 509—1156 col. Русскій переводъ—„Постановленія Апостольскія" Казань 1864 г.—сдѣланъ по устарѣлымъ изданіямъ Ueltzen'а и Cotelerius'а. Лучшая статья объ нихъ—*H. Achelis* „Apostolische Konstitutionen und Kanones" in RE³. I, 734—741. На русскомъ языкѣ существуетъ обстоятельная, но уже значительно устарѣвшая статья *Н. В. Благоразумова* „О постановленіяхъ Апостольскихъ" (Правосл. Обозрѣніе 1862 г. I—II томы).

[1]) *H. Achelis* „Apostol. Konstitution u. Kanones" RE³, I, 735, 37—38.

[2]) *Achelis und Flemming* „Die syrische Didascalia übersetz und erklärt" cap. XII и XIV. (T. und U. 25 band, 2 Heft, 1904). См. и въ русск. переводѣ „Постановленія Апостольскія" I. Н. Казань 1864 г. 179—184 стр. „Собравшись теперь вмѣстѣ мы, Петръ и Андрей, Іаковъ и Іоаннъ, сыновья Заведеевы, Филиппъ и Варѳоломей, Ѳома и Матѳей, Іаковъ Алфеевъ и Левій, прозванный Ѳаддеемъ, и Симонъ Кананитъ и Матѳей, причисленный къ намъ вмѣсто Іуды, также Іаковъ, братъ Господень и епископъ Іерусалимскій, и Павелъ, учитель язычниковъ, избранный сосудъ, собравшись всѣ вмѣстѣ, написали вамъ это каѳолическое ученіе"... 183—184 ст.

[3]) Мы уже видѣли, что 3-й вѣкъ считается безспорной хронологической рамкой для Дидаскаліи. Разногласія ученыхъ касаются болѣе точной фиксаціи въ ея предѣлахъ, причемъ Achelis и Funk стоятъ за вторую половину 3-го в., а Harnack рѣшительно указываетъ на его первую половину. Впрочемъ, въ одномъ изъ послѣдующихъ своихъ сочиненій—„La date de la Didascalie des Apôtres" 1901—и *Funk* перешелъ на сторону *Harnack*'а, о чемъ послѣдній спѣшитъ заявить съ чувствомъ понятнаго удовлетворенія (Die Chronologie II, 490 s.). Главное

и цѣнный выводъ. Совпаденіе именно въ томъ, что, какъ мы уже видѣли выше, формула апостольскаго декрета „изволися Св. Духу и намъ"... начинаетъ также встрѣчаться лишь въ соборахъ Кипріановой эпохи. Отсюда самъ собою вытекаетъ весьма правдоподобный выводъ, что, именно, эта эпоха, нѣсколько раздвинутая въ ту или другую сторону, (вѣроятнѣе, въ до-Кипріановскій періодъ) и была тѣмъ временемъ, когда традиція Апостольскаго собора была окончательно усвоена древней церковью, и принята въ качествѣ историческаго образца и идеальной нормы собора.

Только что разсмотрѣнный нами памятникъ „Сирская Дидаскалія", конечно, можетъ служить надежной гарантіей преимущественно за традицію мѣстной, восточно-сирійской церкви. Но что аналогичная-же традиція существовала тогда и въ прочихъ древне-церковныхъ областяхъ, это доказывается двумя другими авторитетными памятниками древности—„Церковными канонами" (Apostolische Kirchenordnung) и „Канонами св. Ипполита", подобно двумъ предыдущимъ памятникамъ (Дидахэ и Дидаскаліи) также оказавшими сильное вліяніе на композицію „Апостольскихъ Постановленій". Оба новыхъ памятника точно также имѣютъ обширную, освѣщающую ихъ литературу, частію самостоятельную, а главнымъ образомъ, общую съ вышеназванными памятниками [1]). Въ частности, „Церковные каноны", по отзыву Harnack'а и Bardenhewer'а, представляетъ изъ себя компиляцію, составленную

основаніе Achelis'а—упоминаніе о новаціанствѣ—Harnack считаетъ позднѣйшей интерполяціей, отъ которой, къ сожалѣнію, немало пострадали и всѣ, вообще, разсматриваемые намъ памятники.

[1]) Первое научное изданіе „Церковныхъ каноновъ" на двухъ языкахъ (греч. и нѣмец.) сдѣлано извѣстнымъ канонистомъ *Bickel*'емъ „Geschichte des Kirchenrechs" I, Giessen 1843, Beilage I, 107—132 s. Два лучшихъ позднѣйшихъ принадлежатъ *Ad. Harnack*'у: первое въ его уже цитиров. изданіи Didache—Die Lehre der zwölf Apostel... 193—238 s. (T. und U. II, 1, Leipzig 1886) второе—„Die Quellen der sogennannten apostolische Kirchenordnung nebst einer Untersuchung über den Ursprung des Lectorats und anderen nieder. Weihen" (T. und U. II, 5. Leipz. 1886). Дополнительныя свѣдѣнія *Harnack*'а о томъ-же см. въ его „Die Chronologie" II, 484—488 s. Leipzig 1904. „Каноны Ипполита", сначала полностью были изданы *D. B. Haneberg*'омъ „Die Canones Hippolyti" 1870, а затѣмъ переизданы и тщательно научно освѣщены *H. Achelis*'омъ „Die aeltesten Quellen des orientalischen Kirchenrechts. Die Canones Hippolyti" (T. und U. VI, 4, Leipzig 1891). Вся научная литература о нихъ очень полно указана *Harnack*'омъ „Die Chronologie"... II, 502—503 s. Vorbem. 3. Leip. 1904. На русскомъ языкѣ существуетъ обстоятельная статья проф. *А. П. Лебедева* „Такъ называемые церковные каноны и ихъ значеніе въ вопросѣ о церковныхъ должностяхъ въ древности" (Приб. къ тв. св. от. 40 т. 1887 г. 375—437 стр). А также краткая, но дѣльная статья проф. *Л. Писарева* „Каноны церковные святыхъ Апостоловъ" (Правосл. Богосл. Энциклопедія VIII т. 448—455 стр. СПБ. 1907), и отдѣлъ въ доктор. диссертаціи проф. *В. Н. Мышцына* „Устройство христіанской церкви въ первые два вѣка", 362—371 стр., Сергіевъ Посадъ, 1909.

на основаніи первыхъ четырехъ главъ Дидахэ, посланія Варнавы и двухъ небольшихъ древнихъ анонимовъ, одинъ изъ которыхъ касался положенія клира *(κατάστασις τοῦ κλήρου)*, а другой—положенія остальной церкви, или мірянъ *κατάστασις τῆς ἐκκλησίας)* [1]). Родиной этой компиляціи почти всѣ ученые признаютъ Египетъ, (почему Harnack прежде называлъ ее даже Aegyptische Kirchenordnung въ GAL. I, I, 451 sq.), а временемъ ея появленія большинство считаетъ вторую половину 3-го или самое начало 4-го вѣка[2]). Для нашей цѣли важнѣе всего отмѣтить и подчеркнуть въ этомъ памятникѣ собственную работу компилятора, которая, по словамъ проф. А. П. Лебедева (популяризовавшаго взгляды Harnack'а) „заключалась въ томъ, что онъ, раздѣлилъ свою работу на отдѣльные параграфы или члены, вложилъ ихъ въ уста того или другого изъ 12 апостоловъ, т. е. старался дать своей работѣ важный авторитетъ апостольской древности“ [3]), чѣмъ—добавимъ мы—оставилъ намъ непререкаемое свидѣтельство существованія рецепціи Апостольскаго собора и для египетско-александрійской церкви.

Существованіе аналогичной традиціи для западной, римско-карѳагенской церкви доказывается послѣднимъ важнымъ памятникомъ этой литературы—„Канонами Ипполита“, давшими главное содержаніе VIII книгѣ Апостольскихъ Постановленій. Исторія этого интереснаго церковно-каноническаго памятника, въ особенности, запутанна и сложна, такъ какъ онъ, по словамъ его главнѣйшаго изслѣдователя *Achelis*'а, испыталъ не меньше трехъ переводовъ: сначала, съ греческаго оригинала на коптскій языкъ, затѣмъ, съ коптскаго на арабскій и наконецъ, съ арабскаго на латинскій. Однако тотъ-же Achelis, послѣ продолжительнаго и тщательнаго анализа „Каноновъ Ипполита“ приходитъ къ довольно рѣшительному заключенію, что родина этого памятника—Западъ, а время—эпоха близкая къ Кипріану (einige Zeit vor Cyprian) и что онъ, вообще, имѣетъ весьма вѣроятное родство съ утраченнымъ подлиннымъ произведеніемъ извѣстнаго Ипполита Римскаго *περὶ χαριζμάτων ἀποστολικὴ παράδοσις* [4]). Что-же ка-

[1]) *Ad. Harnack* „Die Lehre der zwölf Apostel... Die Apostol. Kirchenordnung. Die Quellen derselben—215 s. (T. und U. II, 1. Leipz. 1884). *O. Bardenhewer* „Gechichte der altkirch. Litteratur“, I, 82 s. Freib. im Breisgau 1902.

[2]) „In bezug auf das Alter der Schrift in ihrer gegenwärtigen Gestalt besteht noch eine kleine Kontroverse. *Achelis, Ehrhard und Bardenhewer* wollen nicht über das I. c. 300 heruntergehen, wärend ich auch den Anfang des 4 Jahrhunderts offen gelassen, ja ihn empfohlen habe und *Funk,* der früher das Büchlein bis in die erste Hälfte des 3 Jahrh. hinaufgerückt hatte, sich mir angeschlossen hat“. *Ad. Harnack* „Die Chronol.“ II, 485 s.

[3]) *Л. (проф. А. П. Лебедевъ).* „Такъ называемые церковные каноны“... 387 стр. Приб. къ тв. Св. Отцевъ, 40 ч. 1887 г.

[4]) *H. Achelis* „Die Canones Hippolyti“ 215 s. 236, 245 s. (T. und U. VI, 4. Leipz. 1891). Ср. статью того-же *Achelis*'а „Apostolische Konstitutionen und Kanones“ in RE[3], I, 736 s. Leipz. 1896. Въ ней авторъ, между прочимъ, говоритъ: „подозрѣніе,

сается самаго содержанія „Каноновъ Ипполита“, то это—наиболѣе полный сводъ догматико-литургическихъ и церковно-практическихъ взглядовъ и обычаевъ древней церкви, основывающійся на авторитетѣ апостоловъ и претендующій на отраженіе въ нихъ традиціи іерусалимскаго Апостольскаго собора. По крайней мѣрѣ, въ той обработкѣ, какую получилъ этотъ памятникъ въ VIII кн. Апостольскихъ Постановленій, все содержаніе его разбито на рядъ рѣчей, будто-бы произнесенныхъ самими апостолами на ихъ знаменитомъ соборѣ въ Іерусалимѣ. Все это даетъ новое безспорное доказательство рецепціи Апостольскаго собора и на Западѣ, не позже конца 3-го вѣка.

Послѣ представленнаго нами сжатаго обзора всѣхъ главныхъ церковныхъ памятниковъ, входящихъ въ составъ „Апостольскихъ Постановленій“ (I—VI кн. Дидаскалія, VII—Дидахэ, VIII—Каноны Ипполита, Церковные каноны и др. мелкіе фрагменты) [1]) едва-ли нужно говорить о нихъ отдѣльно. Извлечемъ лишь отсюда два главныхъ и нужныхъ для насъ вывода. Во первыхъ, что въ „Апостольскихъ Постановленіяхъ“ роль Апостольскаго іерусалимскаго собора всюду усиленно выдвигается на первый планъ: очевидно, главной своей задачей редакторъ-компиляторъ этого памятника ставилъ стремленіе во чтобы то ни стало приложить къ нему печать Апостольскаго собора, чего онъ и достигаетъ всѣми, имѣющимися въ его распоряженіи средствами, съ нашей точки зрѣнія иногда очень наивными (какъ, напр. длиннѣйшія рѣчи апостоловъ—членовъ іерусалимскаго собора, о позднѣйшихъ фактахъ церковной жизни). Во вторыхъ, считаемъ не лишнимъ подчеркнуть то широкое распространеніе и тотъ высокій авторитетъ, какимъ долгое время пользовался этотъ памятникъ въ древней церкви. По свидѣтельству Евсевія, Аѳанасія Великаго и Епифанія, „Апостольскія Постановленія“, наряду съ „Пастыремъ“ Ерма, были самымъ популярнымъ и любимымъ чтеніемъ народа, охотно одобряемымъ и пастырями церкви, такъ что они первоначально включались даже въ составъ новозавѣтнаго канона, ясный слѣдъ

что въ VIII кн. Ап. Постановленій использовано сочиненіе Ипполита, лежитъ близко къ истинѣ и подтверждается непосредственнымъ изслѣдованіемъ: глава дышетъ духомъ Ипполита и проникнута церковными отношеніями Рима его времени“, 736 s. 37—40.

[1]) *H. Achelis*: „Die erste seschs Bücher beruhen auf der syrischen Didascalia, der erste Theil des siebensten Buches auf der Didache, das achte Buch auf Schriften des Hyppolitus von Rom“ in RE, I, 735, 18—20. См. также спеціальную монографію *I. S. Drey* „Neue Untersuchungen über die Constitutionen und Kanones der Apostel“ I. Untersuchungen über die Bestandtheile, Enstehung und Zusammensetzung und Kirchl. Werth der Apost. Constitutionen“.

чего сохранился въ 85-омъ апостольскомъ правилѣ[1]). Даже и извѣстное 2-ое прав. Трулльскаго собора, развѣнчавшее „Апостольскія Постановленія", не осудило этого памятника, по существу, а лишь рѣшило его „благоразсмотрительно отложить", въ виду нѣкоторыхъ, позднѣйшихъ еретическихъ интерполяцій въ его догматической части[2]). Отдѣлы-же историко-канонической, литургическій и нравственно-практическій нисколько этимъ сужденіемъ не затронуты и по прежнему продолжаютъ пользоваться высокимъ авторитетомъ у всѣхъ непредубѣжденныхъ ученыхъ [3]).

Такимъ образомъ, нашъ окончательный выводъ по вопросу о значеніи и роли Апостольскаго собора въ длинномъ ряду другихъ церковныхъ соборовъ будетъ такимъ. Іерусалимскій Апостольскій соборъ не имѣлъ не прямой историко-генетической связи, ни косвеннаго, идейнаго вліянія на церковные соборы конца II-го вѣка, которые возникли и сложились подъ иными вліяніями и сами дали начало новой церковно-соборной традиціи. Но позднѣе, приблизительно съ половины III в., на эту модифицированную соборную традицію оказала сильное вліяніе и раннѣйшая традиція перваго, Апостольскаго собора, ставшая могучимъ факторомъ соборной дѣятельности церкви [4]).

---

[1]) Рядъ относящихся сюда древнихъ свидѣтельствъ приведенъ въ статьѣ *Н. В. Благоразумова* „О Постановленіяхъ Апостольскихъ", Прав. Обозрѣніе 1862, I, 446 стр. и сл.

[2]) *F. Lauchert-Krüger* „Die Kanones der Wichtigsten Concilien nebst den apostolischen Kanones. Concil. quinisextum, 101 s. Freib. im B. und Leipzig 1896. Ср. *Никодима,* еп. Далматинскаго: „Правила православной церкви съ толкованіями", томъ I, 434 и 440—444 стр. СПБ. 1911.

[3]) Доказательства этого см. у проф. *Н. А. Заозерскаго* „Объ источникахъ церковнаго права въ первые два вѣка", Прибав. къ тв. св. отцевъ 1894 г. I, 170—235 и 476—523 и у *Н. И. Аксакова* „Преданіе церкви и преданія школы" II гл. „Авторитетъ Апостольскихъ Постановленій, какъ каноническаго памятника", 17—22 стр. Серг. Пос. 1910 г.

[4]) Любопытную аналогію данному факту представляетъ и исторія другого апостольскаго установленія,—такъ называемаго „института семи" (Дѣян. VI гл. 1—6). Будучи чисто мѣстнымъ и временнымъ явленіемъ іерусалимской церкви, вызваннымъ къ бытію особыми, случайными обстоятельствами (*Злат.* Бесѣда XIV-ая на VI г. Дѣян. IX, 1 кн. 133 стр. и сл. СПБ. 1903 г.), институтъ этотъ вскорѣ же исчезъ изъ жизни, уступивъ свое мѣсто другимъ, болѣе развитымъ служеніямъ харизматической и должностной іерархіи (проф. *В. Н. Мышцынъ* Цит. соч. 36—37 стр.). Но спустя два вѣка, т. е. въ ту-же „около-кипріановскую эпоху" память о немъ снова ожила въ церковномъ сознаніи, которое соединило этотъ институтъ съ іерархическимъ „діаконатомъ", и притомъ, столь тѣсно и прочно, что древняя церковь строго держалась и самой цифры „семь" въ исчисленіи діаконовъ, закрѣпивъ ее даже особымъ соборнымъ канономъ (Неокес соб. 15-ое правило).

II.

Источники собора и его хронологія.

По отношенію къ первому, іерусалимско-Апостольскому собору православный историкъ соборовъ находится въ довольно исключительномъ, во всякомъ случаѣ, несовсѣмъ обычномъ для него положеніи. При изслѣдованіи всѣхъ другихъ соборовъ, въ томъ числѣ и вселенскихъ, ему всегда приходится оперировать съ болѣе или менѣе привычнымъ церковно-историческимъ или каноническимъ матеріаломъ—съ дѣяніями, или актами соборовъ, ихъ канонами, письмами или воспоминаніями ихъ участниковъ и современниковъ, спеціальными извѣстіями о нихъ церковныхъ историковъ или, наконецъ, просто съ какими-либо случайными о нихъ замѣтками. Весь этотъ матеріалъ соборному историку приходится отыскивать и группировать, критически очищать, сравнивать, сопоставлять, иное откидывать, другое дополнять, и въ заключеніе—все это гармонически объединять, подъ извѣстнымъ церковно-правовымъ угломъ зрѣнія; т. е. говоря другими словами, онъ все время долженъ выступать въ роли историка-критика и канониста-интерпретатора. При обозрѣніи-же Апостольскаго собора его историкъ имѣетъ дѣло съ матеріаломъ существенно иной природы—съ библейскимъ текстомъ Св. Писанія, окруженнымъ ореоломъ богодухновенности. Слѣдовательно, здѣсь обычные пріемы исторической критики и интерпретаціи уже не пригодны и должны быть замѣнены иными—частію, полемической защитой библейскаго текста отъ ударовъ раціоналистической критики, а главное—возможно полнымъ и глубокимъ богословскимъ и филологическимъ экзегесисомъ самого текста. Такъ что историкъ соборовъ въ данномъ случаѣ volens-volens долженъ превращаться, до извѣстной степени, въ библеиста-апологета и филолога-экзегета. Но, разумѣется, все это и возможно и нужно ему лишь до извѣстной степени, безъ утраты для него своего собственнаго лица. Историкъ соборовъ никогда не долженъ забывать, что библейскій экзегесисъ текста—для него не самодовлѣющая цѣль, а лишь служебное орудіе для достиженія его спеціальныхъ задачъ. По тому-же самому, конечно, и ученые филологи и библеисты не въ правѣ предъявлять къ историку-канонисту тѣхъ повышенныхъ требованій утонченнаго филологическаго и богословскаго экзегесиса, которыя умѣстны и необходимы лишь относительно трудовъ ихъ прямой спеціальности.

Авторитетнымъ источникомъ нашихъ свѣдѣній объ Апостольскомъ іерусалимскомъ соборѣ служатъ два отдѣла новозавѣтно-священныхъ Писаній—Дѣян. XV, 1—35 и Галат. II, 1—10,—изъ сравнительнаго сопоставленія которыхъ и возсоздастся его, болѣе или менѣе, полная реальная картина. Протестантская отрицательная критика положила немало безплодныхъ усилій, чтобы скомпромметтировать значеніе этихъ источниковъ, дать имъ своеобразное освѣщеніе, усмотрѣть въ нихъ непримиримое противорѣчіе и даже придти отсюда къ отрицанію самаго факта Апостольскаго собора.

Прежде всякой характеристики и оцѣнки этихъ доводовъ, считаемъ нужнымъ заявить, что всѣ эти выпады и удары раціоналистической критики почти нисколько насъ не задѣваютъ. И это не только потому, что они чаще всего оказываются покушеніемъ съ негодными средствами, но главнымъ образомъ потому, что они бьютъ мимо нашей цѣли. Для насъ существенно важенъ и необходимъ лишь фактъ позднѣйшей церковной рецепціи Апостольскаго собора, поскольку, именно, онъ легъ въ основу церковно-соборной традиціи и послужилъ однимъ изъ вліятельныхъ факторовъ самой конституціи соборовъ. А этого факта, краснорѣчиво засвидѣтельствованнаго, какъ мы только-что видѣли, всей обширной „апостолической“ литературой и могуче отразившагося на опредѣленіяхъ древне-церковныхъ соборовъ (начиная съ эпохи св. Кипріана), не въ силахъ поколебать никакая ультра-раціоналистическая критика. Поэтому, какъ ни обширна и порой какъ ни радикальна направленная противъ Апостольскаго собора отрицательно-критическая литература, мы на полемикѣ съ ней задерживаться особенно не будемъ, тѣмъ болѣе что въ серьезномъ критическомъ разборѣ этой литературы нѣтъ недостатка и въ нашей русской, богословской наукѣ [1]). Ограничимся лишь немногимъ и самымъ главнымъ.

[1]) Недурной разборъ ихъ данъ еще въ старыхъ статьяхъ *Н. Комарова* и *В. Михайловскаго* „объ Апостольскомъ соборѣ и мнимой распрѣ апп. Петра и Павла“, частично приведенныхъ въ сборникѣ *М. Барсова* „Сборн. по истолк. и назид. чтенію Дѣяній св. апостоловъ“, Симбирскъ 1894, съ 316—354 стр. Съ современнымъ состояніемъ вопроса знакомятъ профессоры: *Ѳ. И. Мищенко* „Рѣчи ап. Петра по кн. Дѣяній“, гл. IX, Рѣчь на соборѣ, 311—325, Кіевъ 1907 и *В. Н. Мышцынъ* „Устройство христіанской церкви въ первые два вѣка“ 2—10 стр. Сергіевъ Посадъ 1909. Обстоятельный обзоръ и разборъ всѣхъ критическихъ теорій относительно источниковъ Апостольскаго собора неоднократно предложенъ проф. *Н. Н. Глубоковскимъ*: „Благовѣстіе христіанской свободы въ посланіи ап. Павла къ Галатамъ“ 56—80 стр. СПБ. 1902 и „Благовѣстіе св. Апостола Павла по его происхожденію и существу“, кн. I, 111 и 132 стр. СПБ. 1906. Сжатый, но прекрасный очеркъ этого данъ и въ его вышеупомянутой статьѣ „Іерусалимскій апостольскій соборъ“ (Прав. Богосл. Энциклопедія, VI т. стр. 427 и сл. СПБ. 1905).

Исторія раціоналистическихъ нападокъ на фактъ іерусалимскаго Апостольскаго собора удобнѣе всего дѣлится на два періода, изъ которыхъ первый мы условно назовемъ старшей *критикой тюбингенцевъ* (Baur, Schwegler, Zeller etc.), второй—младшей *критикой фрагментаристовъ*. Характерно подчеркнуть, что двѣ этихъ родственныхъ по духу школы, стоятъ въ довольно рѣзкомъ идейномъ антагонизмѣ: младшая школа критиковъ-фрагментаристовъ едва-ли не больше всѣхъ потрудилась надъ тѣмъ, чтобы развѣнчать своихъ предшественниковъ,—тюбингенцевъ, чтобы показать всю апріористичность и всю неисторичность ихъ предвзятыхъ построеній. Вотъ, напр. слова *C. Clemena*—одного изъ видныхъ фрагментаристовъ: „древняя критика Дѣяній выходила изъ философскихъ предпосылокъ гегельянства (тезисъ—петринизмъ, антитезисъ—павлинизмъ, нужна ихъ вражда, а не примиреніе,—пояснительная глосса принадл. намъ). Но новѣйшая эволюціонная теорія требуетъ развитія не черезъ борьбу тезиса съ антитезисомъ, а путемъ плапомѣрно, одна за другой слѣдующихъ, ступеней развитія“ [1]). Здѣсь дано рѣшительное осужденіе тенденціозно-апріорной критики тюбингенцевъ-гегельянцевъ. Но здѣсь же заключается и самоосужденіе фрагментаристовъ, построенія которыхъ точно также апріористичны, отправляются не отъ факта, а отъ теоріи (въ данномъ случаѣ эволюціонной), и только позже ищутъ опоры въ субъективно-перетолковываемыхъ и подставляемыхъ фактахъ. Для тюбингенцевъ такимъ подставнымъ фактомъ долгое время служило ихъ собственное толкованіе антіохійской распри апп. Петра и Павла, якобы исключавшей возможность ихъ солидарныхъ выступленій на Апостольскомъ соборѣ (Гал. II, 11—14), откуда выводился фактъ болѣе общаго характера—полное и непримиримое противорѣчіе между двумя версіями библейскаго разсказа объ Апостольскомъ соборѣ, т. е. между повѣствованіями Луки (Дѣян. XV гл.) и разсказомъ ап. Павла (Гал. II, 1—10). Однако ошибочность, или точнѣе крайнюю и тенденціозную преувеличенность даннаго факта, довольно рано стали сознавать многіе, наиболѣе объективные представители самой-же критической школы. Такъ, еще въ 1883 г. одинъ изъ виднѣйшихъ ея представителей — *O. Pfleiderer* свою спеціальную журнальную статью объ Апостольскомъ соборѣ начинаетъ такимъ характернымъ признаніемъ: „какъ я уже и старался показать въ своемъ

[1]) *Carl Clemen* „Die Chronologie der paulinischen Briefe auf neue untersucht“ § 6. Die Bestreitung der paulinischen Briefe“, 28 sq. Halle 1893.

трактатѣ о павлинизмѣ, разница между кн. Дѣяній и посланіями ап. Павла вовсе не такъ ужъ велика, какъ она казалась прежнимъ тюбингенцамъ... Одновременно съ моей книгой вышелъ остроумный очеркъ Weizsäcker'a объ Apostelconcil (Jahrb. für die Teologie, XVIII b.), въ которомъ развивается мнѣніе, очень сходное съ моимъ... А Keim, въ его послѣднемъ сочиненіи Urchristentum идетъ на уступки еще дальше Weisszäcker'a" [1]). Слѣдовательно, первую и очень чувствительную брешь въ построеніяхъ критической школы пробили ея-же позднѣйшіе адепты. По ихъ пути пошла вся дальнѣйшая не только католическая и православная, но и свободомыслящая протестантская наука, причемъ послѣдняя замѣнила бауровско-гегельянскій тезисъ борьбы павлинизма съ петринизмомъ принципомъ ихъ послѣдовательнаго и планомѣрнаго эволюціоннаго развитія и объединенія. Такъ что теперь взгляды старо-тюбингенцевъ называются „антикварными" и признаются сошедшими со сцены [2]).

Даже наиболѣе казалось-бы убѣдительный и осязательный фактъ антіохійской распри двухъ первоверховныхъ апостоловъ, будучи поставленъ въ болѣе правильную историческую перспективу, теряетъ теперь свое прежнее, одіозное значеніе и низводится до степени совершенно яснаго и понятнаго, индивидуально-тактическаго различія. Повѣствованія-же кн. Дѣяній и посл. къ Галатамъ большинствомъ ученыхъ признаются не противорѣчивыми, а лишь взаимно восполняющими другъ друга, написанными двумя различными авторами, по разнымъ побужденіямъ и съ неодинаковыми цѣлями. Авторъ книги Дѣяній, какъ историкъ апостольской церкви, пишетъ тономъ спокойнаго, объективнаго повѣствователя и, естественно, съ большей подробностью и полнотой останавливается на чисто внѣшнихъ, фактическихъ моментахъ исторіи Апостольскаго собора. Посланіе же къ Галатамъ представляетъ изъ себя защитительно-полемическій трактатъ ап. Павла, въ которомъ онъ утверждаетъ и доказываетъ истину своего апостольскаго достоинства и благовѣствованія. Естественно, поэтому, что оно написано въ иныхъ, болѣе субъективныхъ тонахъ; а въ исторіи Апостольскаго собора отмѣчаетъ, главнымъ образомъ, тѣ моменты, которые ближе касались личности автора посланія и нужны были для его цѣли. Итогъ всей этой критикѣ подводитъ авторъ одной изъ лучшихъ новѣйшихъ монографій объ Апостольскомъ декретѣ—небезъизвѣстный протестантскій ученый G. Resch, говоря такъ: „представленіе Баура, что Апостольскій соборъ не имѣлъ мѣста въ описанномъ Дѣяніями видѣ.... въ настоящее время повсюду оставлено; и признается возможнымъ, даже вѣроятнымъ, что соборъ происходилъ приблизительно описаннымъ въ Дѣяніяхъ ходомъ и что собранныя о немъ свѣдѣнія Дѣяній и данное ап. Павломъ представленіе (II Гал.) объясняются различными точками зрѣнія и различнымъ положеніемъ" [1]).

[1]) *O. Pfleiderer* „Paulinische Studien. Der Apostelconvent. (Jahrbüch. für Protestant. Theologie. Leipzig 1883).

[2]) *K. Schmidt* „Annahme jetzt als *antiquiert* betrachtet werden" in RE[3], „Apostelconvent" 704, 23. *Meyer-Wendt* выражается о подобныхъ тенденціяхъ, что они теперь „merklich geschwunden"—Kritisch-exegetische Kommentar... Apostelgeschichte 14 s. 8 Auf. Göttin. 1899.

Въ виду сказаннаго, представители современной раціоналистической критики, даже изъ наиболѣе радикальныхъ (Spitta, Jungst, Voelter etc.) уже не находятъ возможнымъ полностію отрицать достовѣрности Апостольскаго собора. Всѣ они—*фрагментаристы*, т. е. признаютъ текстъ кн. Дѣяній мозаикой, составленной изъ фрагментовъ нѣсколькихъ авторовъ, прошедшихъ обработку одного, или тоже нѣсколькихъ редакторовъ, Подобной композиціей является, по ихъ мнѣнію, и разсказъ XV гл. кн. Дѣяній, различныя составныя части или фрагменты котораго имѣютъ далеко не одинаковую историческую цѣнность. Наименѣе достовѣрными признаются рѣчи апостоловъ Петра и Іакова, а затѣмъ—самый текстъ „апостольскаго декрета". А наиболѣе вѣроятнымъ считается извѣстіе о самомъ фактѣ іерусалимскаго собора, который лишь переносится нѣсколькими годами раньше, (помѣщается не передъ вторымъ, а передъ первымъ миссіонерскимъ путешествіемъ ап. Павла) и ставится въ связь съ раннѣйшими главами кн. Дѣяній (или съ IX, 26 и сл. или съ XI, 29). Но коль скоро самый фактъ Апостольскаго собора принимается, то такія, больше, хронологическія детали, для насъ почти вовсе безразличны. Однако, оказывается, и онѣ не имѣютъ подъ собой никакой солидной фактической почвы, а представляютъ рядъ болѣе или менѣе произвольныхъ догадокъ и умозаключеній, несостоятельность которой убѣдительно доказывается ихъ постоянными внутренними противорѣчіями и прекрасно разоблачается соотвѣтствующей западной и русской литературой [2]). Той-же литературой твердо

[1]) *G. Resch* „Das Aposteldecret nach seiner kanon. und ausserkanon. Textgestalt untersucht", XXVIII, 3 H. II ser. XIII, 3. 2 s. Leipzig 1905.

[2]) Лучшій разборъ возраженій старо-тюбингенской школы данъ въ монографіи *Wilgelm Schenz*'a „Historische-exeget. Abhandlung über das Erste allgemeine

установлена и непререкаемая подлинность всѣхъ соборныхъ деталей XV-й гл. кн. Дѣяній, ихъ прямая логическая связь съ предыдущимъ и послѣдующимъ контекстомъ и ихъ полная внутренняя солидарность съ данными посланія къ Галатамъ (II, 1—14) [1]).

Переходя теперь къ хронологіи апостольскаго Іерусалимскаго собора, мы должны прежде всего, сдѣлать одно предварительное замѣчаніе,—что хронологія эта тѣсно связана съ предыдущимъ вопросомъ—объ источникахъ. Тѣ ученые, которые критически относятся къ общепризнаннымъ источникамъ (т. е. къ Дѣян. XV гл. и Гал. II) Апостольскаго собора и указываютъ для него другіе, по большей части, предыдущіе отдѣлы Дѣяній (XI или IX гл.), называютъ и болѣе раннія хронологическія даты собора: такъ *Th. Barnc* говоритъ, напр., что „конференція имѣла мѣсто въ Іерусалимѣ зимою 46—47 года [2]), *H. Soden* относитъ ее еще раньше—къ 45 г. [1]), *O. Holzmann*—къ 46 [2]), *C. Clemen*—къ 49 [3]), и др. причемъ у нихъ замѣчается и полный разбродъ въ опредѣленіи этихъ датъ (нерѣдко одинъ и тотъ же авторъ называетъ двѣ, раздѣленныхъ значительнымъ промежуткомъ даты, какъ напр. Soden, который, кромѣ 45 г. допускаетъ еще и 49 г.). Наоборотъ, у защитниковъ положительнаго взгляда на источники видна сравнительная солидарность и наблюдается болѣе поздняя дата собора. Такъ *Schenz* указываетъ, вообще, 52-й годъ [4]). *Zahn*—частнѣе,—весну 52-го года [5]), *Ligthfoot*—51 г. [6]), проф. *Мышцынъ*—52 г. [7]), *Глубоковскій* [8]) *и Мищенко* [9])—помѣщаютъ его, вообще, между 50—52 г., хотя, впрочемъ, послѣдній и отмѣчаетъ, что „большинство (?) изслѣдователей сходится на времени около 51-го года". *Hefele-Leclercq* [10]) также отводитъ для Ап. собора періодъ между 50—52 г., съ перевѣсомъ на 51-й г. *Mansi*—51 г. [11]) (или даже въ Notae Sever. Binii—49 г.), *Функъ* [12])—50 г., *Дюшенъ* [13])—къ 51 г., *K. Schmidt*—къ 51—52 г. [14]) *Meyer-Wendt*—къ 52 г. [15]) и т. д. Въ общемъ, какъ видно, всѣ эти ученые согласны, что Апостольскій соборъ падаетъ на время между 50—52 г. и большинство ихъ показаній—на сторонѣ конца этого періода—51-52 года.

Такая, сравнительно точная и согласная дата Апостольскаго

Concil in Ierusalem, nebst einer gedrängten Würdigung der neuren Kritik der Gegner aus der Tübingen Schule (разобраны Бауръ, Швегперъ, Целлеръ и Гильгенфельдъ). Послѣдующая отрицательная литература критически освѣщена въ трудахъ *Thomas* „L' Eglise et les Judaisants à l'âge apostolique. La reunion de Jerusalem (Revue des questions historiques, t. XLVI, 400—461 1889); *R. Cornely* „Introductio specialis in sing. N. T. libros. III p. Ed. altera, Parisiis 1896. 329 p. и sq. *M. Gotth. Resch* „Das Aposteldekret nach seiner ausserkanonischen Textgestalt, 1905 (Texte und Untersuchungen. XXVIII, 3 и XIII, 3). *Alf. Seeberg* „Die beiden Wege und das Aposteldekret", Leipzig 1906. *Theod. Zahn* Einleitung in das Neue Testament" Zweite Aufl. Leipzig 1900. I b.—120, 121 и 127 s. и II b.—346 s. *Harnack* „Luckas, der Arzt, der Verfasser der dritten Evangeliums und der Apostelgeschichte", Leipzig 1906, 90—96 s. И его-же „Die Apostelgeschichte", Leipzig 1908. Въ русской литературѣ сжатые, но обстоятельные разборы и старыхъ и новыхъ возраженій сдѣланы въ трехъ уже названныхъ трудахъ профессоровъ *Глубоковскаго, Мышцына и Мищенко*. Такъ у послѣдняго мы между прочимъ, читаемъ; „Обозрѣвая всѣ эти теоріи (новѣйшихъ фрагментаристовъ), можно подумать, что въ позднѣйшее время сдѣланы какія-нибудь выдающіяся открытія и найдены древнѣйшіе источники кн. Дѣяній... Но въ дѣйствительности ничего подобнаго не случилось. Всѣ эти сложныя, иногда претендующія едва-ли не на математическую точность, построенія созданы исключительно путемъ силлогизмовъ и выводовъ на почвѣ единственнаго и единаго фактически существующаго текста кн. Дѣяній". „Рѣчи ап. Петра по кн. Дѣяній" 313—314 стр.

[1]) Въ дополненіе къ предыдущей литературѣ, сошлемся еще и на статью *K. Schmidt*'а написанную, въ общемъ очень умѣренно и объективно и удостовѣряющую подлинность извѣстій Луки объ Апостольскомъ соборѣ: „Lukanische Bericht von AK durchaus geschichtlich treu ist" (RE. „Apostelkonvent", I b.—705 s. 3 Auf. Leipz. 1896). На русскомъ языкѣ общій вопросъ о композиціи кн. Дѣяній обстоятельно разработанъ въ магистерской диссертаціи *Ивана Николина* „Дѣянія святыхъ апостоловъ", Сперг. Посадъ 1895.

[2]) *Th. Barnc* „The apostolic conference at Ierusalem: a study in chronology and criticism" 307 p. The Expositor, 1896, 4.

[1]) *H. Soden* — „Hand-Kommentar zum Neuen Testament". Apostelgeschichte [2]. Freib. in Breisg. 1893.

[2]) *O. Holzmann*—„Der Apostelconvent" (Zeit. f. wissen. Theolog. 1882, Hef. 4 и 1883, H. 2.

[3]) *C. Clemen*—„Die Chronologie der paulinischen Briefe" Halle, 1893. *Ejusdem* „Paulus, sein Leben und Wirken" I—II, Th. Giessen 1904.

[4]) *Schenz*—Opus citir. 39 s.

[5]) *Zahn*—Op. cit. См. Хронологич. таблицу, прилож. въ концѣ II тома.

[6]) *Ligthfoot*—„Dissertation of the Apostolic age", London 1892, 151 и 156 p.

[7]) *Мышцынъ*—Цит. соч.—38 стр.

[8]) *Глубоковскій*—„Іерусалимскій апост. соборъ". *Бог. Энцикл.* VI т. 431 стр.

[9]) *Мищенко*—Цит. соч., 309 стр.

[10]) *Hefele-Lecrcq* „Histoire des Conciles" T. I, pars I, 125 p. и pars II, Appendic 1, p. 1047.

[11]) *Mansi*—Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio—24 p.

[12]) *Фр. К. Функъ*—„Исторія христіан. церкви отъ временъ апостольскихъ до нашихъ дней". Въ русск. переводѣ, съ значит. измѣн.. дополн. и предисловіемъ проф. П. В. Гидулянова. Москва 1911 г. стр. 28.

[13]) *Дюшенъ*—„Исторія древней церкви", 31 стр. томъ I, перев. съ пятаго франц. изд. подъ ред. профф. И. В. Попова и А. П. Орлова". Книгоизд. „Путь", Москва 1912.

[14]) *K. Schmidt* „Apostelconvent" in RE [3]. 705, 56.

[15]) *Meyer-Wendt* Kritisch-exegetische Kommentar über N. T. III Abth. Apostelgeschichte, 66 s. 8 Aufl. Göttingen 1899. За 52 г. довольно рѣшительно высказывается и *L. Achelis* „Das Christentum in den ersten drei Jahrhunderten" I, 45 и 61 s. Leipzig 1912.

собора (50—52 г.) устанавливается путемъ довольно тонкаго и сложнаго анализа цѣлаго ряда внутреннихъ и внѣшнихъ признаковъ, заключающихся въ текстѣ библейскихъ повѣствованій о немъ, въ особенности въ текстѣ кн. Дѣяній. Не имѣя возможности входить во всѣ подробности этого, прикладнаго и побочнаго для насъ вопроса, кратко отмѣтимъ лишь самую методологію искомой хронологіи.

Прежде всего, роль общаго фона разсужденій и крайнихъ хронологическихъ рамокъ играетъ здѣсь вопросъ объ авторѣ и времени написанія кн. Дѣяній. Онъ рѣшается путемъ объединенія всѣхъ, имѣющихся въ новозавѣтныхъ Св. Писаніяхъ (преимущ. въ Дѣян. и въ посланіяхъ ап. Павла) біографическихъ свѣдѣній объ евангелистѣ Лукѣ и путемъ тщательнаго историческаго и филологическаго анализа самаго текста Дѣяній, откуда выводится полное совпаденіе біографическихъ данныхъ съ особенностями стиля, языка и съ самымъ содержаніемъ сюжетовъ, трактуемыхъ въ кн. Дѣяній. Одновременно такой научный, текстуально-критическій анализъ даетъ твердую базу и для хронологіи кн. Дѣяній, въ смыслѣ отнесенія ея къ 60—70 годамъ перваго вѣка, чѣмъ, разумѣется, устанавливается и для Апостольскаго собора его terminus ad quem [1]).

Дальнѣйшій методологическій пріемъ это—идейно-историческій анализъ текста кн. Дѣяній и синхронистичныхъ ему Павловыхъ посланій (Галат. Римл. Коринѳ. и др.), путемъ котораго устанавливается хронологическая послѣдовательность всѣхъ важнѣйшихъ событій апостольскаго вѣка и, въ частности, опредѣляется мѣсто Апостольскаго собора, какъ событія, бывшаго *послѣ* ряда однихъ, его обусловившихъ фактовъ, (напр. крещенія Корнилія, успѣховъ перваго миссіонерскаго путешествія ап. Павла и Варнавы, антіохійскихъ споровъ объ обрѣзаніи и пр.) и *прежде* ряда другихъ, уже на немъ основанныхъ и изъ него вытекавшихъ (напримѣръ, второго миссіонерскаго путешествія ап. Павла, его спора съ ап. Петромъ, фактовъ

[1]) Лучшимъ руководителемъ на этомъ весьма трудномъ и отвѣтственномъ пути, требующемъ также и солидной филологической эрудиціи, является универсальный *Ad. Harnack* въ двухъ своихъ спеціальныхъ новыхъ работахъ: „Lukas der Arzt“. Leipzig 1906 и „Die Apostelgeschichte“, Leipz. 1908. Въ предисловіи къ послѣдней Harnack, упомянувъ о томъ, что еще предшествующей работой (Lukas...) ему удалось снять значительную часть неосновательныхъ упрековъ съ ев. Луки, говоритъ, что по тому-же пути должны идти и дальнѣйшіе труды—nicht durch historisirende, mehr oder weniger, subjective Apologetik, sondern durch den pünktlichen Aufweis von Tatsachen und einander stützenden Beobachtungen“, 20 s. На русскомъ языкѣ полезна здѣсь вся „глава восьмая“ диссертаціи *И. Николина* 299—355 стр.

соблюденія имъ апостольскаго декрета и т. п.). Наконецъ, рѣшающее значеніе для окончательной установки даже года Іерусалимскаго собора имѣетъ рядъ внѣшнихъ фактически-хронологическихъ указаній на событія предыдущей и послѣдующей исторіи, напр. указаніе Дѣян. XXIII, 24 и XXV, 27 на смѣну римскихъ прокураторовъ въ Іудеѣ—Феликса (управлявшаго съ 52—60 г.) Фестомъ (60—62 г.), ссылка кн. Д. XVIII, 12 на проконсульство Галліона въ Ахаіи (53 г.) и въ особенности, упоминаніе Дѣян. XVIII, 20 о „недавнемъ“ изгнаніи Іудеевъ изъ Рима, имѣвшемъ мѣсто при императорѣ Клавдіи [1]), а также еще болѣе важное упоминаніе Дѣян. XIII, 7—12 о Сергіи Павлѣ, какъ проконсулѣ Кипра, что падаетъ на время около 50 года [2]). Сюда же относится точная установка довольно спорной хронологической даты Гал. II, 1, которая большинствомъ авторитетныхъ ученыхъ пріурочивается теперь къ 51—52 году [3]).

III.

Поводъ собора и его предметъ.

Въ интересахъ большей полноты и отчетливости изслѣдованія, самую исторію Апостольскаго собора мы намѣрены разбить на нѣсколько отдѣловъ и разсмотрѣть ихъ въ такомъ порядкѣ: сначала,—поводъ къ собору и самый его предметъ, затѣмъ—характеръ собора и его составъ, далѣе—роль нѣкоторыхъ отдѣльныхъ членовъ собора и цѣлыхъ ихъ группъ и наконецъ—заключительное постановленіе собора, или, такъ называемый, „апостольскій декретъ“, разсматриваемый въ связи съ его антіохійскимъ отголоскомъ.

Ближайшимъ поводомъ Апостольскаго собора въ Іерусалимѣ послужило прибытіе туда депутаціи отъ антіохійской церкви, состоявшей изъ Павла, Варнавы и „нѣкоторыхъ другихъ“, въ числѣ которыхъ апостолъ Павелъ позднѣе называетъ Тита (Гал.

[1]) *Schürer E.* Geschichte des israelitischen Volkes im Zeitalter Jesu Christi“3 III, 32 s. Leipzig 1902. Онъ относитъ событіе Juden-Austreibung aus Rom къ 49 году по Р. Х.

[2]) Прекраснымъ пособіемъ для установки внѣшнихъ хронологическихъ данныхъ служитъ Chronologische Übersicht *Zahn*'а приложенный къ его замѣчательному „Einleitung in das Neue Testament“, II, 629—645, Leipz. 1900. А также и § 10 De temporibus rerum narratum у *F. Blass*'а въ „Acta apostolorum“ 21—24. Göttingen 1895.

[3]) *Zahn* „Einleitung...“, II, 629—631, и проф. *Н. Н. Глубоковскій* „Благовѣстіе христіанской свободы въ посл. къ Галатамъ“, 72—74 стр. СПБ. 1902.

II, 3). Цѣль прихода этой депутаціи, по извѣстіямъ кн. Дѣяній, стояла въ непосредственной связи съ возникшими внутри антіохійской церкви волненіями и спорами по вопросу объ обрѣзаніи и значеніи Моисеева обрядоваго закона, вообще. А версія посланія къ Галатамъ въ дополненіе къ этому указываетъ и еще два важныхъ мотива—во первыхъ, спеціальное „откровеніе Духа", полученное ап. Павломъ, а во вторыхъ, его собственное желаніе повидаться и побесѣдовать съ старѣйшими апостолами, чтобы ихъ признаніемъ и авторитетомъ санкціонировать плоды своей миссіонерской проповѣди и утвердить свое апостольское достоинство (Гал. II, 2 и 3). Во исполненіе такого намѣренія, ап. Павелъ и антіохійцы, прежде всего, направляются къ апостоламъ, именно, даже къ тремъ изъ нихъ, наиболѣе вліятельнымъ и авторитетнымъ—Петру, Іакову и Іоанну, почитавшимися „столпами церкви" (Гал. II, 9), и въ подробной „частной" (*κατ' ἰδίαν*, наединѣ) бесѣдѣ съ ними раскрываютъ характерныя особенности своей, свободной отъ законническаго ига, чисто-христіанской проповѣди, на что получаютъ полное согласіе и одобреніе іерусалимскихъ апостоловъ („знаменитые на нихъ ничего не возложили болѣе" Гал. II, 6). Но когда слухъ о такомъ благосклонно-сочувственномъ пріемѣ старѣйшими апостолами Павла и антіохійцевъ дошелъ до членовъ іудействующей іерусалимской церкви, то онъ произвелъ въ ней сильное волненіе, для успокоенія котораго св. апостолы, быть можетъ, тоже по внушенію отъ Св. Духа, и рѣшили устроить іерусалимскій соборъ—самый первый изъ всѣхъ, какіе только извѣстны въ исторіи христіанской церкви.

Чтобы яснѣе и правильнѣе судить объ Апостольскомъ соборѣ, необходимо, хотя бы кратко, сказать о той исторической обстановкѣ, въ атмосферѣ которой онъ происходилъ, т. е. дать небольшой, историческій экскурсъ объ условіяхъ распространенія и отличительномъ характерѣ христіанства въ Іерусалимѣ, Антіохіи и другихъ сосѣднихъ областяхъ.

Христіанская церковь впервые, какъ извѣстно, съорганизовалась въ Іерусалимѣ (Дѣян. I, 4. 13. 16; II, 1—12. 44—47; IV, 32; V, 11—12, 14. 28; I Кор. XV, 6 и др.), откуда, какъ изъ церкви-матери, она стала постепенно распространяться и по другимъ, сначала, ближайшимъ (Галлилея, Самарія, Сирія, Финикія, Антіохія), а затѣмъ и болѣе отдаленнымъ пунктамъ (о. Кипръ, Месопотамія, Александрія, Римъ и др.) [1]. Первыми піонерами и,

[1]) О крѣпкой внутренней связи, которая первоначально существовала между названными христіанскими общинами и ихъ церковью-матерью въ Іерусалимѣ

такъ сказать, какъ-бы проводниками христіанства во всѣхъ этихъ мѣстахъ были іудеи (т. н. „іудеи разсѣянія", или-же „эллинисты"), составлявшіе повсюду основное зерно и главную массу первоначальныхъ христіанъ (Дѣян. XI, 19), къ которой лишь позднѣе, послѣ чуда съ сотникомъ Корниліемъ (Дѣян. X, 1—35 ст.) и выступленія на проповѣдь ап. Павла (Д. XIII гл.), стали мало по малу присоединяться и коренные язычники. Сама-же іерусалимская церковь, по прежнему, продолжала оставаться исключительно іудейской, какъ это можно усматривать изъ того указанія кн. Дѣяній, что ап. Павелъ, зайдя при третьемъ своемъ миссіонерскомъ путешествіи въ Іерусалимъ, (Zahn—ок. 58 года) нашелъ тамъ хотя и многотысячную, но почти сплошь іудействующую церковь (Дѣян. XXI, 19—21). Между іудеями—коренными жителями Іерусалима и іудеями разсѣянія („пришельцами") уже давно и прежде замѣчалась серьезная и вполнѣ понятная разница, въ смыслѣ ихъ преданности Моисееву закону. Въ то время какъ жители Іерусалима находились постоянно возлѣ храма и имѣли всѣ удобства правильно съорганизованнаго жертвеннаго культа и прекрасно устроенныхъ синагогъ, іудеи разсѣянія были или вовсе лишены всего этого, или имѣли лишь сравнительно немногое и жалкое (небольшія синагоги, плохо устроенныя). Отсюда естественно, что іудеи разсѣянія, сначала по необходимости, а затѣмъ уже и по привычкѣ, стали охладѣвать къ своему храму, жертвамъ и, вообще, закону. Лучшимъ свидѣтельствомъ такого охлажденія является забвеніе ими священнаго языка „книги закона" (арамейскаго), вынудившее предпринять переводъ ее на греческій языкъ (переводъ LXX) [1]).

Принятіе христіанства обѣими этими іудейскими группами не-

убѣдительно свидѣтельствуетъ авторитетный и древній варіантъ текста Дѣян. IX, 31. Современный text. recept., слѣдуя кодексамъ EHLP, имѣетъ здѣсь форму: *Αἱ ἐκκλησίαι*... Но научно-критическія изданія текста считаютъ это неправильнымъ и основываясь на болѣе древнихъ кодексахъ ℵABC возстанавливаютъ первоначальное чтеніе *ἡ ἐκκλησία*, чѣмъ удостовѣряется тотъ важный фактъ, что въ болѣе раннее время всѣ палестинскія христіанскія общины (Іуд. Гал. и Самарія) не образовывали отдѣльныхъ самостоятельныхъ церквей, а входили въ составъ *одной*—Іерусалимской церкви. Измѣненіе этого, по признанію F. Blassa, послѣдовало лишь позднѣе (*Αἱ ἐκκλησίαι*—Дѣян. XV, 41; I Кор. XVI, 1; Гал. I, 22). *Frider. Blass*—„Acta apostolorum"... 121 p. Göttingen 1895. Ср. *Ѳ. Мищенко*—Цит. соч., стр. 276-ая, прим. 2-ое. Смотри также въ диссертаціи *Вл. Троицкаго* (нынѣ архим. Иларіона) „Очерки по исторіи догмата о церкви", 15 стр. и 54—56 стр. Сергіевъ Посадъ 1912.

[1]) *Möller-Schubert:* „Греческая библія В. З. (Septuaginta) сама по себѣ уже—памятникъ начавшагося сплава (Verschmelzung) еврейскаго духа съ эллинистическими элементами". Lehrbuch der Kirchengeschichte"[2]—48 s. Tübingen 1902.

только ничуть не сгладило существовавшей между ними разницы, но, напротивъ, еще сильнѣе ее увеличило и обострило. Доказательствомъ этого служитъ напр. тотъ „ропотъ эллинистовъ“, о которомъ говоритъ кн. Дѣяній, какъ о поводѣ къ учрежденію института „семи мужей“ (Дѣян. VI, 1—6). Іерусалимскіе іудео-христіане стали еще строже, въ смыслѣ ревнивой преданности закону (Дѣян. XXI, 20—*ζηλωταὶ τοῦ νόμου*). Въ этомъ отношеніи на нихъ, быть можетъ, повліялъ еще примѣръ самого Господа, учившаго о непреходящемъ характерѣ Моисеева закона (Мѳ. V, 18 с. но закона нравственнаго, а не обрядоваго, чего не поняли здѣсь іудеи) и лично исполнявшаго предписанія этого закона (Мѳ. III, 15; XXVI, 18; Іо. X, 22—23); а также несомнѣнное вліяніе оказало и все поведеніе апостоловъ, посѣщавшихъ, по прежнему, въ опредѣленные дни и часы храмъ Соломоновъ и іудейскую синагогу (Дѣян. III, 1; V, 12; X, 9 и др.) [1]. Связь новаго со старымъ, т. е. христіанства съ іудействомъ была въ Іерусалимѣ такъ сильна, и главное одностороння, что доходила почти до полнаго поглощенія перваго послѣднимъ: христіанская церковь лишалась возможности развить свою собственную организацію и являлась прямымъ продолженіемъ ветхозавѣтнаго іудейства, его вторымъ изданіемъ, самое большее, его новой разновидностью или сектой [2]. Старыя привычныя формы жизни настолько прочно владѣли здѣсь умами, что по нимъ іерусалимскіе христіане строили всю свою религіозную и общественно-политическую жизнь. По аналогіи съ современными іудеями, управлявшимися синедріономъ, гдѣ засѣдали „архіереи и старцы людскія“ (Лук. XXII, 66), во главѣ іерусалимскихъ христіанъ также, повидимому, стоялъ свой совѣтъ изъ „апостоловъ и старцевъ“ (Дѣян. XV, 2. 4. 6 и др.). Былъ у нихъ

[1]) *Th. Tomas*: „Фактически іерусалимская церковь, во главѣ съ апостолами и старцами, долгое время сохраняла всецѣло іудейскую физіономію (phisionomie toute juive). Она продолжала участвовать въ церемоніяхъ храма и имѣла тѣ-же часы молитвы (Дѣян. II, 46; III, 1; XXI, 24. 26; XXIV, 17—18). Первые христіане по внѣшности ничѣмъ не отличались отъ іудеевъ, развѣ только, какъ люди болѣе усердные и преданные (plus fervents et plus dévots)... Они ничѣмъ не отличались отъ своихъ соотечественниковъ въ послушаніи закону и культу и не отрицали ничего изъ того, на что прежде имѣли обычай смотрѣть, какъ на религіозную обязанность“. L'eglise et les judaisants a l'age apostolique“. (Revue des questions historiques—407, 408 p. 46 t. 1889. *Möller-Schubert:* „Само собою понятно, что они (іерус. іудео-христіане) оставались въ формахъ освященнаго отеческаго закона, не только въ области нравовъ и житейскаго обихода, но и въ сферѣ богопочтенія“. Lehrbuch der Kirchengeschichte. Leipz. 1902. I, 2 Auf. 55 s. Tübing.

[2]) *H. Achelis:* Soweit es in ihren Kräften („ѕилотствующихъ“) stand, stellen sie es wiederum zu einer innerjudischen Sekte machten“ *Op. cit.* I, 55 s.

даже, опять таки по примѣру древнихъ іудеевъ, и свой теократическій вождь, въ лицѣ ап. Іакова, брата Господня по плоти [1]), совмѣщавшаго въ себѣ достоинство и епископа-первосвященника и—національнаго главы, въ качествѣ потомка изъ дому Давидова. Партія зилотствующихъ іудео-христіанъ взяла рѣшительный перевѣсъ надъ группой эллинистовъ и добилась даже ихъ изгнанія изъ Іерусалима (Дѣян. VIII, 1) [2]).

Совершенно иную картину давали христіанскія церкви, возникшія среди внѣ-іерусалимскихъ и внѣ-палестинскихъ круговъ, между іудеями разсѣянія, вкрапленными въ греко-римское языческое населеніе. Ветхозавѣтное іудейство, какъ мы видѣли, не было здѣсь активной жизненной силой, а потому не могло конкуррировать съ вновь нарождавшимся христіанствомъ. Скорѣе наоборотъ, христіанство само оказалось здѣсь опаснымъ соперникомъ іудейства и грозило его поглотить. Значительно эллинизованные уже и раньше, благодаря продолжительному и тѣсному сожительству съ язычниками, іудеи разсѣянія, по мѣрѣ того, какъ съ распространеніемъ христіанства среди нихъ и среди ихъ сосѣдей—язычниковъ, падала послѣдняя раздѣлявшая ихъ стѣна (*μεσότοιχον*—Ефес. II, 14 т. е. различіе религіи), стали быстрѣе терять свои отеческія преданія и тѣснѣе сливаться съ господствующимъ языческимъ населеніемъ. „Сближаясь съ обращенными язычниками въ церковной и домашней жизни, съ ними вмѣстѣ принимали пищу; оттого и правила іудейскія о пищѣ и очищеніяхъ мало-по-малу приходили въ забвеніе. Черезъ нѣсколько лѣтъ (лѣтъ черезъ 10) мы увидимъ, что нѣкоторые іудеи, обращенные въ христіанство внѣ Палестины, перестали совершать обрѣзаніе и надъ своими дѣтьми—послѣдній рѣшительный признакъ того, что они совсѣмъ отказывались отъ іудейства“ [3]).

Таково было различное положеніе христіанскихъ церквей въ Іерусалимѣ и внѣ Палестины ко времени Апостольскаго собора, или точнѣе, къ началу той антіохійско-іерусалимской распри, ко-

[1]) Этотъ Іаковъ, получившій названіе „Праведнаго“, былъ, по всей вѣроятности, сыномъ Клеопы и Маріи и приходился, такимъ образомъ, двоюроднымъ братомъ Господа по плоти. См. обстоятельное изслѣдованіе даннаго вопроса въ брошюрѣ проф. *А. П. Лебедева* „Братья Господни. Обзоръ и разборъ древнихъ и новыхъ мнѣній по вопросу“. Москва 1905. Ср. *Th. Zahn* „Brüder und Vettern Jesri in Forschungen“ VI t. 1900.

[2]) *H. Achelis* „In der Gemeinde Ierusalem ein Radikalpartei gab, ehemalige Pharisäer, die auch als Christen den Eifer um des Väterliche Gesetz sich bewahrt hatten“ Op. cit. 46 s.

[3]) *А. В. Горскій.* „Исторія евангельская и церкви апостольской. Академич. лекціи по подлиннымъ и собственноручнымъ его записямъ“. 279 стр. Изданіе второе. Свято-Троицкая Сергіева Лавра, 1902 г.

торая послужила поводомъ собора. Самую исторію этой распри, основываясь на многочисленныхъ, хотя и разрозненныхъ показаніяхъ новозавѣтныхъ книгъ и другой древней литературы, (Іо. Фл. Фил. Евсевій и др.), мы можемъ сжато воспроизвести въ такомъ видѣ. Началась эта распря въ Антіохіи, что очень характерно для нея. Большой, торговый и богатый пунктъ Антіохія была метрополемъ римской провинціи Сиріи (точнѣе Цѣлесиріи, Cölesyreiη) и главной столицей всего римскаго Востока [1]). Хотя коренное ея населеніе было семитическимъ [2]), но оно съ глубокой древности постоянно подвергалось сильному притоку иныхъ народностей, поочередно политически владѣвшихъ Сиріей (съ VIII до Р. Х.—по VI ассирійско-вавилонское владычество, съ VI—IV в. до Р. Х. персидское, съ IV в. до Р. Х.—64 послѣ Р. Х.—греческое, съ 64—римское). Самымъ сильнымъ изъ этихъ вліяній было культурное вліяніе Грековъ, превратившее Антіохію въ настоящій центръ эллинизма на Востокѣ. Само собою понятно, что общему духу эллинизаціи должны были подпасть и проживавшіе въ Антіохіи іудеи разсѣянія. И эта эллинизація должна была сказаться здѣсь тѣмъ сильнѣе, чѣмъ крупнѣе былъ центръ языческо-греческой культуры, подчиняясь общему закону—меньшаго сопротивленія при болѣе сильномъ давленіи. Вскорѣ антіохійскіе іудеи познакомились и съ христіанствомъ. Случилось это тогда, когда послѣ убіенія арх. Стефана въ Іерусалимѣ началось гоненіе на христіанъ и многіе его покинули. Нѣкоторые изъ этихъ іерусалимскихъ выходцевъ, поднявшись на сѣверъ, достигли и предѣловъ Антіохіи, гдѣ обратились съ проповѣдью христіанства, сначала, къ мѣстнымъ іудеямъ разсѣянія, а затѣмъ, и къ эллинизированнымъ язычникамъ (Дѣян. XI, 19). Можно съ вѣроятностью предполагать, что эти первоначальные проповѣдники христіанства въ Антіохіи, если не всѣ, то въ значительной своей части, были не коренными іерусалимскими іудеями, а также іудеями разсѣянія (изъ Кипра и Киренаики—Дѣян. XI, 20), проживавшими въ Іерусалимѣ лишь временно и случайно и поспѣшившими его покинуть, при первой же серьезной опасности. А это еще больше утверждаетъ насъ въ той мысли, что не только та среда, въ которую попали первыя сѣмена антіохійскаго христіанства, но и самыя эти сѣмена не носили въ себѣ строго-іудейской закваски, а отличались духомъ широкой свободы и независимости отъ ветхозавѣтнаго закона. Вотъ почему и возникшая въ Антіохіи большая община новопросвѣщенныхъ была настолько непохожа на Іерусалимскую общину, что это свое различіе поспѣшила закрѣпить особымъ новымъ именемъ—„христіанъ“, на что выразительно указываетъ и авторъ кн. Дѣяній (XI, 26) [1]).

Когда извѣстіе о начавшемся распространеніи христіанства въ такомъ крупномъ центрѣ, какъ г. Антіохія, дошло до Іерусалима,

[1]) *Э. Ренанъ* „Антіохія—„столица Востока—третій городъ всего міра (послѣ Рима и Александріи—*Ios. Flav.* De bello jud. III, II, 4 et Strabon XVI, II, 5) была центромъ христіанства сѣверной Сиріи. Въ этомъ городѣ насчитывалось свыше 500 тыс. жителей, другими словами, онъ почти равнялся Парижу, до его недавняго разростанія. Въ немъ же была и резиденція римскаго намѣстника Сиріи. „Апостолы“, перев. съ франц. М. А. Шишмаревой, изд. Н. Глаголева, СПБ. 151 стр. Сравн. въ извѣстномъ трудѣ *H. Achelis*'a „Das Christentum...—спеціальный экскурсъ Die drei Weltstädte, II, 430 s. Leipz. 1912.

[2]) Въ Ветхозавѣтныхъ книгахъ оно извѣстно подъ совершенно инымъ именемъ אֲרָמִית или „Арама“ или „Арамитовъ“, служившимъ одновременно обозначеніемъ и самой страны и населявшаго ее народа (IV Цар. XVIII, 26; Ездр. IV, 7; Дан. II, 4). Но еще LXX перевели это греческимъ терминомъ ἡ Συρία и Συριστί, что представляетъ изъ себя сокращенную форму словъ Ἀσσύρια и Ἀσσύριοι—первыхъ и главныхъ поработителей Арама, сообщившихъ ему и свое имя. Въ такой, именно, или аналогичной съ ней формѣ (Su-ri, Su-edin) фигурируетъ это имя и въ клинообразной, древне-вавилонской литературѣ. См. *G. Beer* „Syrien“ in RE³, 281 sq. 19 b. Leipz. 1907.

[1]) Сходясь въ признаніи того факта, что послѣдователи новозавѣтной религіи, именно, здѣсь и въ это время получили имя „христіанъ“, ставшее для нихъ главнымъ и собственнымъ именемъ, ученые историки и экзегеты сильно разногласятъ въ опредѣленіи источника этого термина и его первоначальнаго смысла. Одни считаютъ его почетнымъ именемъ, которымъ назвала себя самоопредѣлившаяся община христіанъ, въ отличіе отъ родственной ей группы іудеевъ. „Такъ какъ въ Антіохіи было много необрѣзанныхъ послѣдователей новой религіи, то они не захотѣли считаться сектой іудейства и почувствовали потребность въ новомъ наименованіи“—говоритъ напр. популярный протестантскій комментарій *Meyer-Wendt*'a—214 s. Но другой, не менѣе популярный, католическій комментарій освѣщаетъ вопросъ совершенно иначе: „такъ какъ союзъ (coetus) вѣрныхъ былъ составленъ здѣсь, по большей части, изъ язычниковъ и людей чуждой націи, то онъ уже ео ipso отличался отъ іудейской синагоги, почему и получилъ отъ *жителей города* новое наименованіе. Сами христіане называли себя „братья“, „ученики“, „святые“, „вѣрные“... а Іудеи называли ихъ „назорэями“. Слѣдовательно, новое имя дано было язычниками, по аналогіи съ „іродіанами“, „каіпократіанами“, „симоніанами“ (см. у Тацита, Свѣтонія и др.). *Cnabenbauer* Comment. in Actus Apostolorum, 204, Parisiis 1899. Не трудно видѣть, что католическій экзегетъ, здѣсь почти всецѣло повторяетъ то, подробно филологически и исторически мотивированное объясненіе термина „христіане“, какое далъ еще Э. Ренанъ, который изъ *латинской* (christianus), а не греческой формы этого термина остроумно вывелъ, что оно „было дано римскими властями, какъ полицейская кличка“ (*Э. Ренанъ* „Апостолы“—161 стр.). Къ такому объясненію примыкаетъ и Harnack, который также склоненъ видѣть въ имени „христіанинъ“ первоначально даже чуть-ли не презрительную кличку (Spottnamen), опирая эту догадку и на свидѣтельство одного христіанскаго писателя II в. (*Θεοφ.* Ad Autolic. I, 12 *„περὶ τοῦ σε καταγελᾶν μου, καλυδνιά με Χριστιανόν, οὐκ οἶδας ὃ λέγεις“*, см. „Mission und Ausbreitung d. Christentums“ ². II, 102 s.

то мѣстная церковь отправила туда эллиниста Варнаву, по преданію (Кл. Алек. „Стром.“ II, 20; Евсев. I, 12) одного изъ семидесяти учениковъ Господа (Д. XI, 22). Варнава, повидимому, одобрилъ то направленіе христіанства, которое здѣсь сложилось, и укрѣпилъ его (23 ст.). Затѣмъ, онъ пошелъ изъ Антіохіи въ Тарсъ искать извѣстнаго ему новаго ревнителя христіанства—Савла (Дѣян. IX, 26—27) и вмѣстѣ съ нимъ снова вернулся въ Антіохію, гдѣ они еще миссіонерствовали въ теченіе цѣлаго года, обративши ко Христу „немалое число людей“ (Д. XI, 25—26). Однако самый фактъ прихода первыхъ проповѣдниковъ въ Антіохію, именно, изъ Іерусалима, и особенно, нарочитое посольство сюда Варнавы, содѣйствовали тому, что между христіанами Іерусалима и Антіохіи возникли оживленныя, благожелательныя сношенія. Такъ въ „тѣ дни“ (Д. XI, 26—судя по контексту во время проповѣди Варнавы и Савла) прибыли въ Антіохію изъ Іерусалима особые „пророки“ (наиболѣе популярный видъ первоначальной, т. н. „харисматической“ іерархіи христіанства), во главѣ съ пророкомъ Агавомъ [1]). Этотъ послѣдній, между прочимъ, сталъ предсказывать великій голодъ, имѣющій вскорѣ постигнуть римскую имперію („по всей вселенной“) и Палестину, съ Іудеей и Іерусалимомъ [2]). На пророческую проповѣдь Агава живо откликнулись богатые антіохійскіе христіане и каждый, сообразно со своимъ достаткомъ, выразилъ готовность послать пособіе братьямъ, живущимъ въ Іудеѣ (29 ст.). Когда всѣ обѣщанные дары были собраны, то антіохійская церковь („ученики“) переправила ихъ по назначенію, спеціально для этого отрядивъ къ іерусалимскимъ пресвитерамъ Варнаву и Савла (30 ст.), которые, исполнивши порученіе, вскорѣ вернулись обратно въ Антіохію, захвативъ съ собою изъ Іерусалима еще и Іоанна-Марка (племянника Варнавы).

Установивъ такія живыя и сердечныя связи съ іерусалимской общиной, антіохійская церковь вскорѣ начала развивать усиленную миссіонерскую дѣятельность. Побужденіемъ къ этому послужило спеціальное „откровеніе Духа“, полученное „пророками“ антіохійской церкви, чтобы изъ среды ея были выдѣлены Варнава и Савлъ на дѣло миссіонерскаго служенія (Дѣян. XIII, 1—3).

[1]) *Евсевій* „Церковная исторія“, кн. 2, гл. 3-я, стр. 66-я. *Euseb.* „Kirchengeschichte“ II, 3, 4, 114 s. Die Griechischen Christlichen Schriftsteller der ersten drei Jahrhunderten, herausgegeben von der Kirchenväter-Commision der Königlich-Preussischen Akademie der Wissensehaften. Recen. *E. Schwartz und Th. Mommsen* (Rufin.) 1906 г.

[2]) По Zeittafel'ю *Th. Zahn'a* (Einleitung in d. NT, II, 644 s. Leipz. 1900) голодъ этотъ имѣлъ мѣсто въ Іудеѣ около 46—48 г. А путешествіе Павла и Варнавы въ Іерусалимъ приходилось на осень 44 года.

Результатомъ этого и явилось первое миссіонерское путешествіе Ап. Павла, вмѣстѣ съ Варнавою и Іоанномъ-Маркомъ, въ теченіе котораго они огласили проповѣдью христіанства все южное и западное побережье Малой Азіи (Сирію, Киликію, Памфилію, Исаврію, Писидію, Ликаонію и проч.), разнося повсюду сѣмена, именно, антіохійскаго, т. е. болѣе широкаго, свободнаго и независимаго отъ іудейства, христіанства [1]). И хотя они вездѣ начинали проповѣдь съ іудейской синагоги, но бо́льшій успѣхъ, обыкновенно, имѣли среди язычниковъ. Такимъ образомъ, Антіохія стала центромъ и вмѣстѣ разсадникомъ распространенія христіанства среди эллино-языческаго міра. „Что доселѣ былъ Іерусалимъ для распространенія христіанства между Іудеями, то стала теперь Антіохія для распространенія христіанства между язычниками“ [2]).

Вскорѣ тѣ мирныя, дружественныя отношенія, которыя существовали между двумя названными христіанскими центрами подверглись серьезной опасности. Въ Антіохію пришли „нѣкоторые изъ Іудеи“ (Дѣян. XV, 1), т. е. нѣсколько іерусалимскихъ іудео-христіанъ, строгихъ номиналистовъ, „ревнителей закона“ [3]). За-

[1]) *I. Thomas* „Проповѣдь Варнавы и Павла звучала, какъ новая религія, гдѣ іудеи и язычники принимались безразлично и гдѣ іудаизмъ мало по малу поглощался и пропадалъ (absorbe et perdu)“. Op. cit. 412 p.

[2]) *А. В. Горскій.* „Цит. сочин.“ 273 стр. Ср. *Schenz'a*: „Теперь осуществилась вся совокупность условій, которая дѣлала Антіохію плодоносной матерью многочисленныхъ языческо-христіанъ, подобно тому какъ Іерусалимъ всего больше произрастилъ іудео-христіанскихъ насажденій“. Op. cit. *Э. Ренанъ*: „Именно здѣсь (въ Антіохіи) впервые основалась христіанская церковь, свободная отъ связи съ іудаизмомъ, здѣсь началась великая проповѣдь апостольской эпохи, здѣсь окончательно сформировалась личность св. Павла. Антіохію можно назвать вторымъ этапомъ развитія христіанства. Въ смыслѣ чистоты (?) христіанской идеи съ ней нельзя сравнить ни Римъ, ни Александрію, ни Константинополь“. „Апостолы“—156 стр.

[3]) Такъ какъ въ первомъ стихѣ XV гл. Дѣяній данъ, такъ сказать, casus belli антіохійской распри и самого Апостольскаго собора, то точная установка его текста и правильная его интерпретація имѣютъ особенную важность и для нашей цѣли. Со стороны текста, здѣсь есть серьезные варіанты. Основной текстъ по критич. изданію *F. Blass'a* имѣетъ здѣсь слѣдующую форму: *Καὶ τίνες κατελθόντες ἀπὸ τῆς (Ἰουδαίας) ἐδίδασκον τοὺς ἀδελφούς, ὅτι ἐὰν μὴ περιτμηθῆτε [τῷ ἔθει τῷ Μωϋσέως], οὐ δύνασθε σωθῆναι.* Къ нему онъ указываетъ, во-первыхъ, одну важную пояснительную вставку, имѣющуюся въ кодексахъ Syr. ph. mg. послѣ *Ἰουδαίας—τῶν πεπιστευκότων ἀπὸ τῆς αἱρέσεως τῶν Φαρισαίων*, и одну незначительную замѣну, по код. D, Sah. Syr. ph. mg. послѣ слова *καὶ τῷ ἔθει—Μωϋσέως περιπατῆτε*. Первая вставка (она завѣрена Зл.) относительно того, что „нѣкоторые пришедшіе изъ Іудеи были и увѣровавшими отъ фарисейской ереси“ представляетъ изъ себя, очевидно, конъектуру на основаніи послѣдующаго контекста (5 ст.) и совершенно согласна съ истиной. Дѣйствительно, христіане изъ бывшихъ „фарисеевъ“ были самыми нетерпимыми „ревнителями“ закона, при-

ключая по аналогіи съ подобнымъ-же случаемъ въ Галатіи, можно даже думать, что они попали въ Антіохію не случайно, а пришли съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ — выслѣдить нарушеніе Моисеева закона и стать на его защиту, подобно тѣмъ „вкравшимся лжебратіямъ“, о которыхъ говоритъ ап. Павелъ въ посл. къ Галатамъ, какъ о „скрытно приходившихъ подсмотрѣть за нашей свободой, которую мы имѣемъ во Христѣ Іисусѣ, чтобы поработить насъ“ (Гал. II, 4). Пришедшимъ въ Антіохію соглядатаямъ не стоило, конечно, никакого труда убѣдиться въ томъ, что ветхозавѣтный обрядовый законъ утратилъ здѣсь почти всякое значеніе, и что даже главное требованіе этого закона—обрѣзаніе, бывшее не только религіознымъ знаменіемъ завѣта, но вмѣстѣ и какъ-бы національно-политической печатью іудейства, и оно почти не соблюдалось. Понятно, и религіозное чувство и національная гордость іерусалимскихъ іудео-христіанъ были всѣмъ этимъ кровно оскорблены и требовали соотвѣтствующаго реванша. Онъ и былъ данъ ими въ проповѣди о безусловной необходимости для всѣхъ „обрѣзанія по обряду Моисееву“, безъ чего будто-бы и само христіанство становилось недостаточнымъ для спасенія (Д. XI, 1) [1]. Ясно, что такая проповѣдь унижала христіанство и ставила его въ подчиненное, зависимое отъ іудейства положеніе, что кореннымъ образомъ противорѣчило всему духу антіохійскаго христіанства и основнымъ началамъ проповѣди апостоловъ Павла и Варнавы. Естественно, что они съ жаромъ выступили на полемику противъ этихъ „лжебратій“ и ни въ чемъ имъ не покорились, дабы отстоять истину своего благовѣствованія (Дѣян. XV, 2 и Гал. II, 5). „Произошло—говоритъ Дѣписатель—„разногласіе и немалое состязаніе“ у Павла и Варнавы съ ними“ [2]), закончившееся, повидимому торжествомъ антіохійскихъ взглядовъ.

несшими съ собой и въ христіанство тотъ „квасъ фарисейскій“, отъ котораго предостерегаетъ и ап. Павелъ (I Кор. V, 6—7; Гал. V, 9). „Что въ Іерусалимѣ были такіе неумѣренные ревнители закона это ясно и изъ Гал. II, 4—5; что они могли придти въ Антіохію—это косвенно можно вывести оттуда-же—Гал. II, 12. Въ Антіохію-же они пришли, какъ въ главный центръ языко-христіанъ“. *Cnabenbauer*—254—255.

[1]) *H. Achelis* въ своей статьѣ Das Apostelkonzil und das Aposteldecret (in Das Christentum in den ersten drei Jahhunderten, I, 51 sq. Leipz. 1912) остроумно подмѣчаетъ существовавшее тогда раздѣленіе христіанъ на „великихъ“ и „малыхъ“—die Grossen und Geringen,—основанное, повидимому, на неправильномъ толкованіи словъ Спасителя (Мѳ. V, 19 ст.).

[2]) Критич. изданіе Blassa даетъ къ этому стиху такіе важные варіанты. Во-первыхъ, начало этого стиха вмѣсто род. самостоятельнаго, по второй редакціи основнаго текста имѣетъ и полную форму: *ἐγένετο δὲ* (или *οὖν*) *στάσις καὶ ζήτησις οὐκ ὀλίγη*. Въ код. E. 68 слово *ζήτησις* опущено. Самъ Blass указываетъ въ качествѣ

Однако, все-же и іерусалимскіе взгляды не остались безъ вліянія на умы антіохійцевъ, въ особенности, вѣроятно потому, что они, кромѣ религіознаго чувства, затрогивали еще и національно-политическое, къ чему ни одинъ іудей никогда не можетъ остаться равнодушнымъ [1]). И однимъ изъ главныхъ средствъ своей номистической борьбы съ новымъ свободнымъ благовѣстіемъ христіанскимъ они, какъ это ясно изъ снесенія съ параллелью посланія къ Галатамъ (II. 2 и др.), избрали подрывъ довѣрія къ ап. Павлу и его опороченіе, какъ новаго человѣка, не бывшаго ученикомъ и самовидцемъ Христа, а потому и проповѣдующаго новое, ложное ученіе, совершенно не похожее на ученіе истинныхъ, іерусалимскихъ апостоловъ. А такъ какъ іерусалимскіе пришельцы говорили, вѣроятно, не отъ своего имени, а прикрывались авторитетомъ іерусалимскихъ учителей—„апостоловъ и старцевъ“ [2])—то и рѣшено было, для окончательнаго выясненія спорнаго вопроса, снарядить къ нимъ спеціальное посольство, въ составъ котораго вошли Павелъ съ Варнавой и „нѣкоторые другіе“ (Д. XV, 2), между прочимъ, эллинистъ Титъ (Гал. II, 1). Фактъ этотъ имѣетъ для насъ важное значеніе, такъ какъ нѣкоторые уже съ него начинаютъ исторію перваго церковнаго собора [3]). Поэтому позволимъ себѣ нѣсколько на немъ задержаться.

параллели къ нему Io. III, 25, гдѣ стоитъ *συζήτησις*. Далѣе, вмѣсто *πρὸς αὐτούς* въ код. D—*σὺν αὐτοῖς*. Но особенно важна слѣдующая послѣ этихъ словъ вставка Sur. ph. mg. Gig.: *„ἔλεγεν γὰρ ὁ Π. μένειν (Bl.* manere jubebat) *οὕτως καθὼς ἐπίστευσαν διαχωριζόμενος οἱ δὲ ἑλληνιζόντες ἀπὸ Ἱερουσ. παρήγγειλαν αὐτοῖς τῷ Π. καὶ Β. τισιν ἄλλοις ἀναβαίνειν, ὅπως κριθῶσιν ἐπ' αὐτῶν περὶ τούτου*. Здѣсь споръ Павла и Варнавы съ іудаистами очерчивается рѣзче и конкретнѣе; но путешествіе въ Іерусалимъ выставляется, какъ прямой результатъ вызова іудаистовъ, что по мнѣнію Blassa, противорѣчитъ Гал. II, 2 *(κατὰ ἀποκάλυψιν—Blass* 165 s.).

[1]) Мысль о томъ, что здѣсь затрогивалась и національная гордость іудеевъ подробно развита св. *Іоан. Златоустымъ* въ XXXII бесѣдѣ на Дѣянія Апост. Изд. Петерб. Дух. Акад. IX т. 289—294 стр. 1903. См. также статью *В. Троицкаго* „Понятіе о церкви въ противоіудейской полемикѣ первыхъ двухъ вѣковъ“, стр. 2: „іудейство того времени, когда встрѣтилось съ нимъ христіанство, можно охарактеризовать двумя чертами. Это, во-первыхъ,—строгій національзмъ іудейской религіи, во-вторыхъ, внѣшній обрядовый характеръ этой религіи... Національзмъ религіи тѣсно былъ связанъ съ обрядовой жизнью іудейства; обряды дѣлали іудеемъ (прозелитизмъ), а безъ обрядовъ іудей былъ ренегатомъ своего племени“. *Богосл. Вѣстн.* Май, 1912. Статья эта—отдѣлъ изъ вышеназванной диссертаціи „Очерки изъ исторіи догмата о церкви“, см. стр. 64-ю.

[2]) *Cnabenbauer* „Isti Judaisantes provocabant ad apostolos in Jerusalem“, т. е. они ложно провоцировали авторитетъ іерус. апостоловъ... Commentarius 256 p.

[3]) *Н. П. Ахеаковъ*: „Итакъ уже съ Антіохійскаго собранія, постановляющаго и избирающаго, открывается соборная дѣятельность нераздѣлимой церкви“. Прибавл. къ Церков. Синод. Вѣдомостямъ—1906 г. № 16, 851 стр. Журналы и Протоколы засѣданій“... I, 23 стр. СПБ. 1906.

Авторъ кн. Дѣяній говоритъ объ этомъ посольствѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Когда же произошло разногласіе и немалое состязаніе у Павла и Варнавы съ ними (т. е. іудействующими пришельцами), то положили Павлу и Варнавѣ и нѣкоторымъ другимъ изъ нихъ отправиться по сему дѣлу къ апостоламъ и пресвитерамъ въ Іерусалимъ. Итакъ, бывъ провожены церковью, они проходили Финикію и Самарію, разсказывая объ обращеніи язычниковъ; и производили радость великую во всѣхъ братіяхъ. По прибытіи-же въ Іерусалимъ, они были приняты церковью, апостолами и пресвитерами, и возвѣстили все, что Богъ сотворилъ съ ними и какъ отверзъ дверь вѣры язычникамъ“ (XV гл. 2—4 ст.). Несомнѣнно, что первое впечатлѣніе отъ этого разсказа таково, что онъ рисуетъ намъ картину мѣстнаго антіохійскаго собора, такъ какъ налицо всѣ его элементы—и немалое состязаніе, и опредѣленное рѣшеніе („положили...“), и проводы всей *церковью* снаряженнаго соборомъ посольства. Но болѣе внимательный анализъ текста не подтверждаетъ такого впечатлѣнія. Во-первыхъ, здѣсь ничего не говорится объ устройствѣ, или началѣ самаго собора. Если же за таковое принять „немалое состязаніе“ Павла и Варнавы съ іудействующими пришельцами, то не будетъ выдержана ни логическая, ни хронологическая нить событій. Споръ объ обрѣзаніи, несомнѣнно, долженъ быть помѣщенъ *раньше* предполагаемаго собора: потому что онъ, именно, и далъ матеріалъ для возможнаго собора, послужилъ предварительнымъ поводомъ къ нему. Да и въ самомъ библейскомъ текстѣ два этихъ факта—„состязаніе“ и „рѣшеніе“ отправить посольство въ Іерусалимъ,—даны какъ два хронологически раздѣльныхъ момента. Затѣмъ, если-бы „состязаніе“ происходило на соборѣ и закончилось-бы снаряженіемъ посольства, то это свидѣтельствовало-бы лишь о томъ, что распря соборомъ не ликвидирована, и что достигнуто пока только, такъ сказать, временное перемиріе для того, чтобы искать третейскаго суда въ Іерусалимѣ. Въ такомъ случаѣ и составъ антіохійскаго посольства и все его поведеніе были бы совершенно иными, нисколько не похожими на то, какъ рисуются они въ текстѣ. Если-бы двѣ состязавшихся на соборѣ партіи рѣшили-бы искать авторитетнаго третейскаго суда въ Іерусалимѣ, то ясно, что и посольство было бы избрано изъ представителей обѣихъ партій и при томъ такъ, чтобы интересы каждой изъ нихъ были представлены, по возможности, равномѣрно. Этого мы не наблюдаемъ въ данномъ случаѣ: посольство составлено изъ однихъ антіохійцевъ, сторонниковъ Павла и возглавлено даже самимъ Павломъ и его ближайшимъ собратомъ—Варнавой; ни о какомъ

представительствѣ отъ другой, враждебной группы „іерусалимскихъ пришельцевъ“ нѣтъ въ библейскомъ текстѣ ни одного намека. Существуетъ, впрочемъ, попытка вывести такой намекъ изъ глухого упоминанія текста „о нѣкоторыхъ другихъ“ членахъ посольства, не названныхъ здѣсь по-именно. Выше, говорятъ, „нѣкоторыми“ названы были іерусалимскіе пришельцы; возможно, что и здѣсь подъ „нѣкоторыми другими“ разумѣются они-же. Но не говоря уже о томъ, что одинъ изъ числа этихъ „нѣкоторыхъ другихъ“,—именно Титъ—становится потомъ опредѣленно намъ извѣстенъ (Гал. II, 1 и 3), подобная догадка противорѣчитъ филологіи и исключается всѣмъ послѣдующимъ поведеніемъ антіохійскаго посольства [1]). Если-бы посольство было смѣшаннымъ, т. е. состояло изъ представителей двухъ враждебныхъ группъ, то оно, разумѣется, хранило-бы строгій нейтралитетъ и такіе факты, какъ односторонніе разсказы (въ Финикіи, Самаріи и въ самомъ Іерусалимѣ) объ успѣхахъ quasi еще пререкаемой Павловой проповѣди среди язычниковъ, были-бы абсолютно тогда не мыслимы.

Отсюда становится несомнѣннымъ, что посольство не было результатомъ воображаемаго, будто-бы не пришедшаго къ соглашенію собора, а явилось слѣдствіемъ собственнаго, внутренняго рѣшенія антіохійской церкви, или вѣрнѣе, было даже дѣломъ личной иниціативы ап. Павла. Прямое и ясное указаніе, именно, на этотъ послѣдній мотивъ посольства находимъ мы въ параллельномъ текстѣ посланія къ Галатамъ, гдѣ ап. Павелъ очень опредѣленно вскрываетъ и причину и цѣль этого посольства: „потомъ черезъ 14 лѣтъ (послѣ перваго визита въ Іерусалимъ, падавшаго на 37-й годъ по Р. Х.) ходилъ я въ Іерусалимъ съ Варнавою, взявъ съ собою и Тита. Ходилъ-же *по откровенію* и предложилъ тамъ особо знаменитѣйшимъ благовѣствованіе, проповѣдуемое мною язычникамъ, не напрасно-ли я подвизаюсь, или подвизался“ (Гал. II, 1—2 ст.). Значитъ, это было не столько общественное посольство, сколько личное путешествіе ап. Павла съ его обычными спутниками (Варнавой, Титомъ), предпринятое имъ въ силу особаго откровенія для обмѣна мнѣній съ верховными апостолами и полученія отъ нихъ санкціи на дѣло своего служенія [2]). Все это, разумѣется, нисколько не исключаетъ воз-

[1]) Основная критическая редакція текста имѣетъ здѣсь форму *τίνας ἄλλους ἐξ αὐτῶν*, что Blass совершенно справедливо относитъ къ антіохійскимъ братьямъ (*Bl.* 165). Вторая редакція (D sur. ph.) имѣетъ менѣе опредѣленное *αὐτοῖς*; но и ее только одно, сравнительно, мало авторитетное изданіе Gig., переводитъ, какъ aliquis ex *illis*, т. е. съ намекомъ на іудействующихъ.

[2]) Полную аналогію этому Thomas остроумно видитъ въ фактѣ раннѣйшаго

можности того, что личное желаніе ап. Павла какъ нельзя болѣе отвѣчало и намѣреніямъ антіохійскихъ христіанъ [1]), для которыхъ, несомнѣнно, было въ высшей степени желательно, чтобы авторитетъ ихъ главнаго учителя—ап. Павла, который пытались поколебать іерусалимскіе пришельцы, былъ-бы твердо признанъ и знаменитѣйшими столпами старѣйшей, іерусалимской церкви. Потому-то, очевидно, антіохійская церковь такъ радостно и привѣтствовала это добровольное рѣшеніе ап. Павла, выразивъ свою радость торжественными проводами отправлявшагося посольства. Да и самое это посольство имѣло характеръ нестолько оффиціальнаго и спѣшнаго порученія, сколько неторопливаго, тріумфально-миссіонерскаго путешествія. Такимъ образомъ, отъ воображаемаго нѣкоторыми *антіохійскаго собора*, якобы разбиравшаго въ общемъ собраніи мѣстной церкви распрю Павла и Варнавы съ іудействующими, и рѣшившаго отдать эту распрю на третейскій судъ іерусалимской церкви чрезъ особо избранную самимъ-же соборомъ депутацію, не остается почти ничего, кромѣ двухъ голыхъ фактовъ: во-первыхъ, что въ антіохійской церкви происходили жаркіе дебаты на тему объ обрѣзаніи, и во-вторыхъ, что ап. Павелъ—глава антіохійскихъ христіанъ—рѣшилъ послѣ сего идти въ Іерусалимъ (вмѣстѣ съ главными своими сотрудниками—Варнавою, Титомъ и др.), чтобы тамъ авторитетомъ верховныхъ апостоловъ еще больше возвысить и утвердить свое апостольское достоинство, подъ которое усиленно подкапывались его многочисленные іудействующіе антагонисты [2]).

укрывательства ап. Павла изъ Іерусалима и его поспѣшнаго бѣгства въ Кесарію, которое въ одномъ случаѣ мотивируется настойчивыми просьбами „братій“ (Д. IX, 29—30), а въ другомъ—спеціальнымъ божественнымъ откровеніемъ (Д. XXII, 17—21). *Thomas* 422 s.

[1]) При такомъ взглядѣ на антіохійское посольство, проясняется и смыслъ довольно загадочной безличной фразы текста: „то положили Павлу, Варнавѣ и нѣкоторымъ другимъ изъ нихъ отправиться по сему дѣлу“... (Д. XV, 2). Фразу эту, очевидно, надо превратить въ личную и тогда она получитъ такой видъ и смыслъ: „Павелъ, Варнава и нѣкоторые другіе изъ нихъ (т. е. антіохійцевъ) положили, или рѣшили отправиться по сему дѣлу“. Догадка-же г. Аксакова, что при сказуемомъ „положили“ надо разумѣть подлежащее „смущенные братья“, т. е. вся антіохійская церковь, якобы увлеченная іерусалимскими пришельцами, и не имѣетъ надежной опоры въ текстѣ и, главное, совсѣмъ не вяжется съ выясненной нами внутренней логикой фактовъ. Въ полномъ согласіи съ нами освѣщается вся исторія антіохійскаго посольства и у протоіерея *А. В. Горскаго* „Цит. сочиненіе“ 279—280 стр.

[2]) Недаромъ, поэтому, *проф. Глубоковскій* подчеркиваетъ „необычайное значеніе разбираемаго эпизода въ личной исторіи Павловой, такъ какъ здѣсь затрогивался ея жизненный нервъ. Поэтому отмѣчается и особый мотивъ божественнаго откровенія (Гал. II, 2), которымъ апостолу внушено было свыше, что

Когда ап. Павелъ и его антіохійскіе спутники прибыли въ Іерусалимъ, то здѣсь „они были приняты церковью, апостолами и пресвитерами и возвѣстили все, что Онъ сотворилъ съ ними и какъ отверзъ дверь вѣры язычникамъ“ (Д. XV, 4). Фраза слишкомъ обща и неопредѣленна. Поэтому она даетъ поводъ къ превратнымъ толкованіямъ. Нѣкоторые, напр. склонны видѣть въ ней указаніе уже на начало іерусалимскаго собора, чуть-ли не рисуя въ своемъ воображеніи торжественную встрѣчу, оказанную начавшимся іерусалимскимъ соборомъ только-что прибывавшему антіохійскому посольству [1]). Но думать такъ—опять же значитъ поддаваться больше импульсивнымъ впечатлѣніямъ, чѣмъ руководиться строго логической провѣркой фактовъ. Ни о какой торжественно-соборной встрѣчѣ антіохійскаго посольства не можетъ быть рѣчи, хотя-бы уже по одному тому, что іерусалимскій соборъ несомнѣнно начался *не прежде*, а лишь *послѣ* прибытія посольства. Да не было, строго говоря, и повода къ такой исключительно-радушной встрѣчѣ. Скорѣй, наоборотъ — іудействующее большинство іерусалимской церкви должно было подозрительно и холодно встрѣтить антіохійскую депутацію, о характерѣ и цѣли которой оно, конечно, было прекрасно освѣдомлено своими коллегами, вернувшимися изъ Антіохіи. Потому и на воображаемую встрѣчу гораздо естественнѣе и логичнѣе будетъ смотрѣть не какъ на какой-нибудь частный конкретный фактъ, а просто, какъ на общее выраженіе мысли о приходѣ въ Іерусалимъ Павла и антіохійцевъ, стоящее въ чисто-вербальной связи съ мыслью предыдущаго стиха: въ томъ говорилось *о проводахъ* отправлявшихся всей *антіохійской церковью*, здѣсь, въ точномъ соотвѣтствіи съ предыдущимъ, говорится *о пріемѣ* прибывшихъ такъ-же всей *іерусалимской церковью*. Если-же въ послѣднемъ стихѣ, кромѣ церкви, называются еще и „апостолы съ пресвитерами“, то и это вполнѣ понятно, потому что къ нимъ-то, именно, спеціально и направлялись антіохійцы.

Слишкомъ общую и потому мало говорящую фразу кн. Дѣяній (XV, 4) значительно проясняетъ соотвѣтствующая параллель посланія къ Галатамъ: „и предложилъ тамъ особо знаменитѣйшимъ благовѣствованіе, проповѣдуемое мною язычникамъ... И знаменитые не возложили на меня ничего болѣе. Напротивъ того, уви-

исполняя порученіе Антіохійцевъ, онъ получитъ удовлетвореніе и личныхъ и миссіонерско-благовѣстническихъ запросовъ“. „Благов. хр. свободы“—76—77 стр.

[1]) Такому соблазну поддается, между прочимъ, и одинъ изъ лучшихъ комментаріевъ даннаго текста *Meyer-Wendt*'а: „der feirlichen Entsendung aus Antiochie entspriht die feirliche Aufnahme in Jerusalem.“—258 s.

дѣвъ, что мнѣ ввѣрено благовѣствованіе для необрѣзанныхъ, какъ Петру для обрѣзанныхъ.., и узнавъ о благодати, данной мнѣ, Іаковъ и Кифа и Іоаннъ, почитаемые столпами, подали мнѣ и Варнавѣ руку общенія"... (Гал. II, 2. 6. 7. 9). Изъ этихъ вполнѣ опредѣленныхъ словъ священнаго текста ясно открывается, что предварительная фаза антіохійско-іерусалимскихъ переговоровъ носила не оффиціально-торжественный (т. е. собственно „соборный"), а наоборотъ,—скорѣе частный характеръ: ап. Павелъ, пришедшій въ Іерусалимъ за авторитетнымъ для себя совѣтомъ и за импонирующимъ на другихъ одобреніемъ его дѣла, обратился съ этой цѣлью къ апостоламъ и даже, повидимому, не ко всѣмъ, а къ тремъ главнымъ и особенно авторитетнымъ—Іакову, епископу іерусалимской церкви, Петру—главному миссіонеру церквей обрѣзанія и Іоанну—любимому ученику Господа, и обратился къ нимъ не въ какомъ-либо большомъ, торжественномъ собраніи, а „особо", „наединѣ", *κατ' ἰδίαν*, безъ излишнихъ, докучливыхъ свидѣтелей, имѣя при себѣ, повидимому, только Варнаву и Тита; перваго—какъ своего главнаго сотрудника по миссіи среди язычниковъ, а второго, какъ лучшій плодъ проповѣди среди необрѣзанныхъ и живое доказательство ея успѣшности. Въ этой частной бесѣдѣ съ „знаменитѣйшими столпами церкви" [1] ап. Павелъ и его спутники подробно раскрыли всю исторію своего „благовѣствованія" (Гал. II, 2) и „возвѣстили все, что Богъ сотворилъ съ ними и какъ отверзъ дверь вѣры язычникамъ" (Д. XV, 4 ст.), несомнѣнно подчеркивая въ своихъ разсказахъ и то, что они нигдѣ не требовали соблюденія Моисеева закона и въ частности никого не принуждали къ обрѣзанію. Намекъ на это данъ въ посл. къ Гал., гдѣ про старѣйшихъ апостоловъ замѣчено, что и они, въ полномъ согласіи съ ап. Павломъ, „бывшаго съ ними Тита, хотя и эллина, не принуждали обрѣзаться" (II, 3). Итакъ, результатъ предварительной частной бесѣды ап. Павла съ „знаменитѣйшими" былъ вполнѣ благопріятенъ для него и его дѣла: вер-

[1] Термины *οἱ δοκοῦντες*", „*στύλοι*", „qui videbantur", „мниміи"—нѣкоторыми принимаются за оттѣнокъ ироніи, будто-бы сквозящей въ словахъ и отзывахъ ап. Павла о старѣйшихъ апостолахъ, главное основаніе къ чему усматриваютъ въ Гал. II, 6 ст. Но весь контекстъ повѣствованія и самый характеръ взаимныхъ отношеній апостоловъ исключаютъ возможность подобнаго предположенія. Несомнѣнно, что ап. Павелъ отзывался о старѣйшихъ апостолахъ bona fide, какъ это ясно и изъ цѣлаго ряда параллелей (I Кор. XI, 5; XII, 11 и др.). Поэтому, если даже, въ согласіи съ Гал. II, 6, тутъ и допустить возможность нѣкоторой ироніи, то необходимо относить ее не къ самимъ апостоламъ, но къ манерѣ іудействующихъ трактовать это слишкомъ внѣшне и показно. См. *Thomas*—420 р. и проф. *Глубоковскій*—73 стр.

ховные столпы церкви вполнѣ одобрили характеръ антіохійской миссіи, ничего новаго на нее не возложили (разумѣется, изъ „ига Моисеева закона") и, такъ сказать, окончательно признали Павла и Варнаву равными себѣ апостолами, отдѣливъ имъ и спеціальную область благовѣствованія (миссія среди язычниковъ). Единственное условіе, которое іерусалимскіе апостолы поставили антіохійской церкви, это то, чтобы она не забывала благотворенія относительно іерусалимской церкви (Гал. II, 10), что, какъ мы знаемъ, она уже и безъ того практиковала. (Дѣян. XI, 30). Такимъ образомъ, цѣль путешествія ап. Павла и антіохійцевъ въ Іерусалимъ была блестяще достигнута и имъ оставалось только вернуться назадъ, чтобы порадовать свою церковь. Но здѣсь-то и произошли тѣ обстоятельства, которыя осложнили дѣло и довели его до созыва собора.

Изъ частной бесѣды ап. Павла и его спутниковъ съ Іаковомъ и старѣйшими апостолами никто, разумѣется, не хотѣлъ дѣлать секрета. Поэтому данное обстоятельство скоро стало предметомъ оживленныхъ толковъ среди членовъ іерусалимской церкви. А такъ какъ огромное большинство ея, какъ мы видѣли, состояло изъ строгихъ номиналистовъ, „ревнителей Моисеева закона", то имъ, разумѣется, пришлось очень не по вкусу такое сочувственное отношеніе старѣйшихъ апостоловъ къ Павлу и антіохійцамъ: въ немъ они усматривали неуваженіе къ своему отеческому закону и его полное игнорированіе, безъ чего немыслима была и національно-іудейская теократія, мечтами о которой, конечно, еще продолжали жить и эти іудео-христіанскіе зилоты. Повторилась, очевидно, та же самая исторія, что и въ антіохійской церкви, только, надо полагать, въ значительно увеличенномъ масштабѣ. Тамъ, въ Антіохіи на сторонѣ іудействующихъ ревнителей было ничтожное меньшинство іерусалимскихъ пришельцевъ; вся-же мѣстная церковь держалась, скорѣй, другихъ, противоположныхъ взглядовъ. Здѣсь, въ Іерусалимѣ было почти наоборотъ: большинство мѣстной церкви состояло изъ зилотовъ (*ζηλῶται*, aemulatores), на сторонѣ же болѣе свободнаго пониманія христіанства стояли, главнымъ образомъ, немногочисленные антіохійскіе пришельцы, во главѣ съ Павломъ, и примкнувшіе къ нимъ старѣйшіе апостолы. Активными дѣятелями со стороны зилотствующаго большинства выступили „нѣкоторые изъ фарисейской ереси увѣровавшіе", т. е. такія лица, которыя даже среди самихъ іудеевъ выдѣлялись своей приверженностью къ внѣшнему обрядовому благочестію, такъ какъ они были фарисеями—типъ которыхъ хорошо знакомъ намъ и по Евангелію (Мѳ. VI, 5; IX, 14. 20. Д. XXIII. 6.

XII, 2. 9—13; Мр. VII, 2—5; Лук. XIII, 10—17; Мѳ. XXIII и др.) и по раннѣйшей исторіи Савла-Павла (Д. IX, 9, 1. Гал. I, 13). За свое наружное, показное благочестіе и за свою образованность въ законѣ фарисеи пользовались большимъ почетомъ и уваженіемъ народа, являясь его главными, авторитетными наставниками въ религіозной и руководителями въ общественно-политической жизни; такъ что понятія „фарисеи", „книжники" и „старцы" постоянно употребляются въ Новомъ Завѣтѣ, какъ синонимы [1]).

Немало, по свидѣтельству кн. Дѣяній, этихъ фарисействующихъ старцевъ обратилось и въ христіанство (VI, 7). Но и перейдя въ него, они, очевидно, упорно продолжали держаться своей прежней сектантской идеологіи, отъ которой такъ настойчиво предостерегаетъ вѣрующихъ ап. Павелъ, говоря: „берегитесь фарисейской закваски" (1 Кор. V, 8). Вмѣстѣ съ тѣмъ они, вѣроятно, и сами не хотѣли разставаться со своимъ прежнимъ начальственно-руководственнымъ положеніемъ, да и народъ, по старой привычкѣ, охотно сохранялъ это положеніе за ними [2]). Въ виду этого, въ высокой степени вѣроятной является та догадка, что большинство „старцевъ" іерусалимской церкви принадлежало къ виднымъ и вліятельнымъ ея членамъ, обратившимся изъ фарисеевъ, которые, совмѣстно съ апостолами и, быть можетъ еще „семью избранными мужами", составляли руководящій органъ мѣстной церкви, своего рода іудео-христіанскій, іерусалимскій синедріонъ [3]).

[1]) Развитіе и доказательства этого смотри въ обстоятельной статьѣ *Sieffert'a* in RE³ „Pharisäer und Sadducäer", въ особенности 268 и 279 s. 15 b. Leipz. 1904.

[2]) Такъ, именно смотритъ на дѣло и св. Іо. Златоустъ: „возстали-же нѣкоторые изъ фарисеевъ, еще страдавшіе любоначаліемъ и желавшіе подчинить себѣ вѣрующихъ изъ язычниковъ"—Бесѣда XXXII, 291 стр. IX т. СПБ. 1903. Твердое основаніе для сего даетъ и Евсевій, когда говоритъ, что въ числѣ увѣровавшихъ іерусалимскихъ іудеевъ находилось „много и изъ бывшихъ старѣйшинъ"—*πολλῶν οὖν καὶ τῶν ἀρχόντων πιστευόντων... Euseb.* II, 23, 10, 168 s. Евсев. II, XXIII, 103 стр.

[3]) *Hefele-Leclercq* Op. cit. Appendice I. Le concile apostolique de Jerusalem, 1057 p. Наоборотъ, догадка Mansi, Calmet и Cornelius a Lapide, основанная, въ свою очередь на Епифаніи и Филастріи, что во главѣ іудействующихъ зилотовъ стоялъ извѣстный еретикъ апостольскаго вѣка Керинѳъ, не выдерживаетъ исторической критики: во-первыхъ, по полному молчанію объ этомъ священныхъ авторовъ и наиболѣе авторитетныхъ ересеологовъ (Иринея и Ѳеодорита); а во вторыхъ, и потому, что выступленіе Керинѳа, по свидѣтельству Евсевія и Ѳеодорита падаетъ на эпоху Домиціана, или даже Траяна, т. е. тридцатью—сорока годами позднѣе іерусалимскаго собора, когда уже никого изъ 12 апостоловъ, за исключеніемъ Іо. Богослова, не было даже и въ живыхъ (*Mansi* „Op. cit." I, 24. Notae Sev. Binii. *Schenz* „Op. cit." 23 и 43 s. *Евсевій Памфилъ* „Церковная исторія" III кн. XXVIII гл. 160—162 стр. срав. *Euseb. Werke* II b. 255—259 s.

Ревнителей Моисеева закона здѣсь, такъ же, какъ раньше и въ Антіохіи, больше всего возмущало отношеніе ап. Павла къ обрѣзанію. Онъ не только теоретически, въ своей миссіонерской проповѣди, отвергъ нужду въ обрѣзаніи для христіанъ, но доказалъ это и фактически, приведя сюда, въ Іерусалимъ—главный центръ обрѣзанія,—необрѣзаннаго эллиниста Тита. Повидимому, іудействующіе довольно настойчиво требовали отъ Павла, чтобы тотъ подвергъ Тита обрѣзанію. Но Павелъ не согласился сдѣлать имъ такой уступки, потому что уступить въ этомъ—значило-бы, вообще, отказаться отъ основъ своей проповѣди, отъ новаго взгляда на христіанство, какъ на универсально-космополитическую религію, а сбиться на старую тропу его узко-національнаго трактовки [1]).

Кромѣ главнаго пункта собора—вопроса объ обрѣзаніи, поднимались здѣсь, надо полагать, и многіе другіе, болѣе частные вопросы, главнымъ образомъ такіе, которые обусловливались болѣе тѣснымъ бытовымъ сліяніемъ въ христіанствѣ іудеевъ и язычниковъ. „Для христіанъ изъ іудеевъ вопросъ объ обязательности Моисеева закона не былъ теоретической проблеммой, но живой практической злобой дня, проникающей всѣ жизненныя отношенія" [2]). Вопросы эти, какъ можно заключать изъ анализа апостольскаго декрета (Д. XV, 29), касались еще двухъ важныхъ пунктовъ: во первыхъ, закона о смѣшанныхъ бракахъ, а во вторыхъ, законовъ о пищѣ. Такимъ образомъ, коренной принципіальный вопросъ—о взаимоотношеніи іудейства и христіанства—вылился здѣсь въ форму спора о трехъ конкретныхъ, жизненно-практическихъ предметахъ: объ обрѣзаніи, о смѣшанныхъ бракахъ и о родахъ дозволенной и недозволенной пищи [3]). И само собою понятно, что подобные споры не были только мѣстнымъ явленіемъ іерусалимской церкви: они имѣли подъ собой болѣе общую и глубокую почву, которая давала себя чувствовать вездѣ, гдѣ строгій номиналистическій ригоризмъ іудейства сталкивался съ широкой свободой христіанства. По край-

[1]) *Meyer-Wendt*: „Требованіе обрѣзанія имѣло принципіальное значеніе: съ нимъ былъ соединенъ весь законъ Моисея" (Гал. V, 3). Krit.-exet. Kom. Apostelgesch ⁸.—259 s.

[2]) *H. Bruders* „Die Verfassung der Kirche von den ersten Jahrzehnten der apostol. Wirksamkeit an bis sum Jahre 175 n. Chr. 191 s. Mainz, 1904.

[3]) L'exlusivisme juif se maintenait à l'aide d'une triple barricade qui rendait l'affiliation au Judaisme illusoire quand elle n'etait pas absolument impraticable. Cette triple barrière c'etait la circoncision, l'interdiction des mariages mixtes et la distinction entre viandes permises et viandes défendues" *Hefele-Leclercq* Op. cit. 1050 p.

ней мѣрѣ намъ, въ связи съ исторіей разсматриваемаго собора, изъ данныхъ самой-же библейской литературы, опредѣленно извѣстны еще два такихъ пункта—Антіохія и Галатія (Дѣян. XV, 1—2 и Гал. III, 1—3), не говоря уже о почти повсюдномъ противодѣйствіи проповѣди ап. Павла со стороны мѣстныхъ іудеевъ, злобно обвинявшихъ его въ томъ, что онъ „учитъ противъ народа и закона“ (Дѣян. XXI, 28). Въ Іерусалимѣ-же, какъ столицѣ іудейства и главной цитадели законническаго буквализма, всѣ эти споры, естественно, должны были принять наиболѣе острый характеръ. Тогда, видя сильное общее смущеніе умовъ, грозившее чуть-ли не расколомъ юной христіанской церкви, апостолы и рѣшили устроить большое торжественное общецерковное совѣщаніе, или такъ называемый, іерусалимско-апостольскій соборъ, получивъ на это, по примѣру ап. Павла (Гал. II, 2), вѣроятно, и особое „откровеніе Духа“, что было такъ обычно для той пневматической эпохи, и намекъ на что можно видѣть и въ заключительномъ постановленіи собора („Изволися Духу Святому... Дѣян. XV, 28).

IV.

Характеръ Апостольскаго собора и его составъ.

Сообразно съ характеромъ всего нашего историко-каноническаго изслѣдованія, намъ крайне важно предварительно выяснить еще одинъ принципіальный вопросъ—какъ смотрѣть на іерусалимскій Апостольскій соборъ? Считать-ли его мѣстнымъ собраніемъ только одной іерусалимской церкви, т. е. приравнивать его къ епархіальному собору, какъ дѣлаютъ многіе изъ протестантскихъ богослововъ, а у насъ—Арх. Сергій Финляндскій и проф. И. С. Бердниковъ? [1]). Или же лучше относить его къ типу болѣе обширныхъ, такъ называемыхъ, „провинціальныхъ“, или даже „вселенскихъ“ соборовъ, какъ поступаетъ большинство католическихъ и православныхъ богослововъ? [2]) Намъ лично оба этихъ

[1]) Изъ протестантскихъ канонистовъ сошлемся на *K. Schwartz*'а, *R. Sohm*'а, *Bickel*'я и *A. Harnack*'а, а изъ русскихъ приведемъ мнѣніе проф. *Бердникова* „Считать апостольскій соборъ вселенскимъ едва-ли возможно. Архіепископъ Финляндскій Сергій приравниваетъ его къ епархіальному, такъ какъ тутъ одна община—іерусалимская отвѣчаетъ другой—антіохійской“. Цер. Син. Вѣдом. 1906 г. № 16, 844 стр. I т. 17 стр. Здѣсь, кромѣ неправильности исторической перспективы, допущена и еще одна неточность: *мѣстнымъ* названъ соборъ касающійся, по взгляду самого же автора, нестолько мѣстныхъ, сколько *постороннихъ* интересовъ (антіох. церкви), что ведетъ къ нежелательной путаницѣ терминологіи.

[2]) Это мнѣніе защищаютъ *Mansi* „Op. cit.“ I, 23 p., *Schenz* „Op. cit.“—въ особенности § 16—17 „Generdlsynode“ и „Der encyklische Charakter des Schreibens“ 60—98 s. *H. Leclercq* „Manuel d'archeologie chretienne“ Paris 1907, I t. 103 s. и его-же Appendice I въ „Histoire de conciles“ *Hefele-Leclercq* „I. II, 1047 и сл. Изъ русскихъ—прот. *А. В. Горскій, П. Я. Свѣтловъ, Н. П. Аксаковъ*. Отчасти профессора—*Н. Н. Глубоковскій* и *Н. А. Заозерскій*.

мнѣнія кажутся крайними и не выражающими настоящей природы іерусалимскаго собора. Послѣдняя, на нашъ взглядъ, ближе къ истинѣ дана въ слѣдующемъ компромиссномъ мнѣніи проф. Глубоковскаго: „хотя соборъ іерусалимскій былъ мѣстный, но ему искони усвоялась болѣе широкая церковная обязательность“ (ср. Дѣян. XVI, 4). [1]). Мы даже предпочли-бы еще больше ослабить „мѣстный“ характеръ іерусалимскаго собора и еще сильнѣе выдвинуть его „вселенское“ значеніе. Что, въ сущности, было *мѣстнаго* въ іерусалимскомъ соборѣ? Развѣ только то, что онъ происходилъ нигдѣ либо еще, а именно въ Іерусалимѣ, и состоялъ главнымъ образомъ, изъ членовъ іерусалимской церкви? Но первое, во всѣхъ отношеніяхъ, вполнѣ естественно и понятно—ибо гдѣ-же было и собираться для выясненія отношеній христіанства къ іудейству, какъ не въ центрѣ послѣдняго? Второй-же пунктъ,—касающійся состава собора,—нуждается въ большихъ ограниченіяхъ. Уже не говоря о томъ, что вмѣстѣ съ членами іерусалимской церкви на соборѣ этомъ были и представители антіохійской церкви, самыми главными дѣятелями собора, давшими ему и свое имя, выступаютъ св. апостолы, ближайшіе ученики Іисуса Христа и устроители новозавѣтной церкви. А ихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать мѣстными дѣятелями, отнести къ одной іерусалимской церкви, такъ какъ они въ равной мѣрѣ принадлежали и всѣмъ другимъ, основаннымъ ими церквамъ, точнѣе, были выразителями *вселенскаго духа* церкви, разумѣется въ той его формѣ и въ томъ объемѣ, какіе тогда были на лицо. Итакъ, что-же остается на долю „мѣстнаго“-то характера іерусалимскаго собора? Одно только то, что на немъ присутствовала мѣстная церковная община, въ лицѣ „старцевъ“ и „народа“ (*πρεσβύτεροι καὶ πλῆθος*). Но и этотъ признакъ отнюдь не характеренъ для „мѣстнаго“ собора, такъ какъ извѣстно, что клиръ и паства того города, въ которомъ происходили великіе областные и даже вселенскіе соборы, обыкновенно, присутствовали на этихъ соборахъ.

Наоборотъ, считать іерусалимскій соборъ великимъ и сближать его по значенію съ вселенскимъ имѣется немало основаній. За это, прежде всего, говоритъ кардинальная важность дебатиро-

[1]) *Проф. Н. Н. Глубоковскій* „Журналы Предсоб. присутствія“ въ Приб. къ Церк. Синод. Вѣдомостямъ за 1906 г. № 16, стр. 847-ая. См. также I т. 19 стр.

вавшихся на немъ вопросовъ. Вѣдь здѣсь, за неособенно важными, съ нашей точки зрѣнія, обрядовыми спорами, (напр. о смѣшанныхъ бракахъ и о родахъ пищи) стоялъ, въ сущности принципіальный вопросъ о томъ, быть или не быть христіанству? Явиться-ли ему новой, независимой, свободной отъ обрядовыхъ и національныхъ рамокъ, міровой религіей, или остаться въ скорлупѣ ветхозавѣтной исключительности, оказаться внѣшнимъ, болѣе или менѣе, механическимъ придаткомъ позднѣйшаго, іудейства [1])? Совершенно очевидно, что подобный вопросъ, по степени своей важности, далеко превосходилъ послѣдующіе, напр. монтанистическіе или пасхальные споры, и нисколько не уступалъ позднѣйшимъ христологическимъ движеніямъ вселенско-соборной эпохи.

Наконецъ, едва-ли не сильнѣе всего за такое значеніе іерусалимскаго собора говоритъ и послѣдующая общецерковная его рецепція. Въ этомъ отношеніи характерно уже одно то, что сами участники этого собора, даже такіе, которыхъ можно было-бы, выражаясь современнымъ языкомъ, скорѣе, относить къ оппозиціи (ап. Павелъ), признаютъ его авторитетъ обязательнымъ для себя и распространяютъ его на *всѣ* церкви, не ограничиваясь одной только іерусалимской, или антіохійской церковью, что имѣло-бы мѣсто въ томъ случаѣ, если-бы они считали этотъ соборъ только частнымъ (Д. XVI, 4). А всего важнѣе то, что постановленія даннаго собора глубоко вошли во вселенско-церковное сознаніе, послужили источникомъ цѣлаго ряда моральныхъ требованій Св. Писанія (Д. XV, 21—29 ср. Д. XVI, 4; XXI, 25; Римл. XIV г. I Кор. VIII и IX, 18—33; II Кор. VI, 14; VII, 1; I Тим. IV, 2—9 и др.) и легли въ основу всей, такъ называемой, „апостолической“ древне-церковной литературы, пользовавшейся огромнымъ значеніемъ и авторитетомъ и широко распространенной въ древней церкви, какъ это мы уже видѣли выше. По всѣмъ указаннымъ основаніямъ мы съ полнымъ убѣжденіемъ признаемъ іерусалимскій Апостольскій соборъ далеко выходящимъ за предѣлы частнаго, мѣстнаго собора и считаемъ его, скорѣе приближающимся къ типу послѣдующихъ, вселенскихъ соборовъ [2]).

[1]) *Н. Аксаковъ* „Не вопросы одной только антіохійской церкви или внутренній раздоръ самой іерусалимской церкви занимали Апостольскій соборъ; но міровой вопросъ о томъ, быть-ли христіанству только сектой іудейства, какъ представляли его іудеи, или явиться новой вѣрой и новой тварью, въ которыхъ законъ упраздненъ благодатью“? Протоколы... I, 26 стр.

[2]) За аналогію іерусалимскаго Апостольскаго собора, именно, со вселенскими, а не съ ближайшими послѣ него монтанистическими, или пасхальными соборами говоритъ и то общее состояніе церковной жизни, при которомъ происходили всѣ эти соборы. Несомнѣнно, что въ эпоху іерусалимскаго собора, когда христіанскихъ

Приступаемъ теперь къ самому важному, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самому трудному, наиболѣе спорному вопросу,—кто и съ какимъ правомъ голоса присутствовалъ на іерусалимскомъ апостольскомъ соборѣ? Отвѣты на этотъ вопросъ различны до поразительности—erstaunlich weit auseinander, по замѣчанію одного изслѣдователя [1]). Здѣсь сказалась вся сила давленія конфессіональныхъ убѣжденій на научный объективизмъ авторовъ. Такъ, большинство протестантскихъ теологовъ, заинтересованныхъ, очевидно, въ томъ, чтобы, такъ или иначе, оправдать свою тенденцію безіерархическаго состоянія и всеобщаго священства, приходитъ къ заключенію, что всѣ три присутствовавшихъ на іерусалимскомъ соборѣ группы—апостолы, старцы и народъ—имѣли одинаково-активное участіе и значеніе. *Baumgarten* и *Meyer* [2]), въ своихъ комментаріяхъ на исторію собора, по кн. Дѣяній апостольскихъ, не задумываются утверждать, что на соборѣ присутствовала и дѣйствовала вся іерусалимская община, in corpore (исходя изъ буквальнаго истолкованія словъ *πᾶν τὸ πλῆθος*). *Mosgeim* [3])—же, принимая во вниманіе лишь чисто пространственныя условія (величину общины и тѣсноту помѣщенія) соглашается нѣсколько ограничить представительство отъ послѣдней группы—т. е. народа, особыми, предварительно избранными имъ-же самимъ депутатами. Изъ новѣйшихъ протестантскихъ экзегетовъ большинство также усиленно подчеркиваетъ элементъ активнаго участія на соборѣ всего народа, „всей церкви“, „множества братій“, надѣляя ихъ правами, одинаковыми съ двумя другими соборными группами („апостолы и старцы“) [4]).

церквей было немного и когда онѣ были сосредоточены, приблизительно, въ одной и той-же территоріи, а главное, когда всѣ онѣ были объединены верховнымъ авторитетомъ самихъ апостоловъ, всѣ условія церковной жизни благопріятствовали, именно, росту вселенской идеи церкви. Иначе было во 2—3 вѣкахъ, когда прежнія духовныя связи сильно ослабѣли, а новыя, начавшія дѣйствовать со времени торжества христіанства въ IV в., еще не сложились. Мы, разумѣется, исключаемъ здѣсь тенденціозную протестантскую теорію—что „каѳоличность“ церкви, какъ искаженіе ея чистой примитивной формы—явилась будто-бы позднѣе и не могла существовать въ первоначальной апостольской церкви. Косвенное-же подтвержденіе нашего взгляда укажемъ еще и у проф. *Суворова* „Пріб. къ Церк. Синод. Вѣдомостямъ“ 1906 г., № 21, стр. 1035.

[1]) *Schenz* „Opus cit.“ 61 s.

[2]) *Baumgarten* M. Apostelgeschichte, oder Entwickelungsgang von Jerusalem bis Rom“ I—II b. Zweite Aufl. 1859. *Meyer, H. A. Wilgelm* „Apostelgeschichte“ (Commentar...) Göttingen. 1838. 1 Aufl. Но *Meyer-Wendt*, 8 Aufl. Gottingen 1899, мнѣніе это нѣсколько смягчилъ и измѣнилъ, какъ увидимъ ниже.

[3]) *Mosheim I. L.* Commentarii De rebus Christianorum ante Constantinum Magnum“. Helmst. 1753.

[4]) *Weiss. B.* „Die Apostelgeschichte“. Leipzig 1893. *Fr. Spitta* „Die Apostel-

Богословы католической школы, отправляясь отъ совершенно противоположныхъ, клерикально-ультрамонтантскихъ тенденцій (папѣ и іерархіи—вся полнота церковныхъ правъ, народу-же—одно пассивное, чисто рабское послушаніе), заявляютъ, что все дѣло на Апостольскомъ соборѣ вершилось исключительно апостолами, при нѣкоторой помощи „пресвитеровъ". Присутствовавшій же на соборѣ народъ игралъ роль статистовъ, былъ не болѣе, какъ пассивной толпой, безмолвно внимавшей мудрому рѣшенію своихъ іерархическихъ вождей. Откровеннѣе и рѣшительнѣе всего это мнѣніе выражено у Mansi, въ его Notae Binii на исторію Апостольскаго собора: „апостолы были какъ-бы судьями возникшаго спора, которые должны были его разъяснить и окончательно рѣшить; пресвитеры, какъ-бы изслѣдователи истины, призваны были къ разсужденію и совѣщанію; народъ же не голосовалъ и не испытывалъ, но долженъ былъ, по выслушаніи рѣшенія апостоловъ, ему повиноваться (подчиниться)" [1]).

Справедливость требуетъ, однако, отмѣтить, что такое, слишкомъ грубо-папистическое воззрѣніе значительно смягчено въ трудахъ позднѣйшихъ католическихъ ученыхъ. Въ этомъ смыслѣ характерна позиція Schenz'a, который въ своей извѣстной монографіи объ Апостольскомъ соборѣ, остроумно переходитъ въ рѣшеніи даннаго вопроса съ *юридической* почвы на *моральную*. „Со стороны католической—говоритъ онъ—существуетъ полнѣйшая готовность (höchstens herbeigelassen) трактовать вопросъ не юридически, а морально, и давать соотвѣтственное право участія мірянамъ", въ подтвержденіе

geschichte, ihre Quellen und deren geschichtlichen Werth". Halle 1891. *A. Hilgenfeld* „Die Apostelgeschichte nach ihren Quellenschriften untersucht". 1896. *Weizsäcker* „Die apostolische Zeitalter der christliche Kirche". Freiburg im Beisgau 1892. *Meyer-Wendt* „Die Apostelgeschichte" 8 Aufl. Göttingen 1899. Впрочемъ, послѣдній авторъ, какъ умѣренный протестантъ, хотя и допускаетъ присутствіе на соборѣ всей церкви, но активную роль народа нѣсколько ограничиваетъ. Такъ, въ комментаріи на 6 ст. мы у него читаемъ: „присутствіе болѣе широкаго представительства общины при собраніи болѣе почетныхъ" (по его терминологіи Honoratioren) здѣсь не отмѣчено; но судя по 12 и 22 стихамъ оно предполагается. Фарисеи предъявили свое требованіе о соблюденіи моисеева закона въ открытомъ собраніи общины, гдѣ Павелъ и Варнава возвѣщали о своей благословенной миссіи. Услыхавъ это, „болѣе почетные" собрались для обсужденія даннаго пункта. При этомъ обсужденіи присутствовали и прочіе члены общины". 259 s. Изъ членовъ Предсоборнаго присутствія такіе взгляды проводили: Аксаковъ, о. Рождественскій, о. Свѣтловъ и „Особое мнѣніе меньшинства".

[1]) „Apostoli tamquam hujus controversiae judices, ad decidendum et definiendum; presbyteri, velut inquisitores veritatis, ad disputandum et consultandum; plebs autem non vocata interfuit, non quidem ad examinandum, sed ad audiendam apostolorum sententiam, cui obtemperare deberet"—*Mansi* „Op. cit." 24 s.

чего онъ ссылается на авторитетъ Schmidt'a, автора монографіи объ „епископальномъ соборѣ", который говоритъ: „древняя церковь управлялась, имѣя, совокупнымъ напряженіемъ (Zusammenraffung) моральныхъ силъ, въ силу чего она всего дальше (im entferntesten) отстояла отъ всякой юридической рѣчи о цѣломъ или половинномъ народѣ и священствѣ" [1]). Еще болѣе остороженъ въ своихъ предположеніяхъ на этотъ счетъ современный католическій ученый Leclercq, который отдѣлывается отъ даннаго вопроса сравненіями, обиняками и даже полнымъ невѣденіемъ. „Изъ кого состояла аудиторія?—спрашиваетъ онъ, и отвѣчаетъ такъ: „вѣроятно, изъ цѣлаго собранія вѣрующихъ; „бюро", какъ сказали-бы мы теперь, должно было состоять изъ апостоловъ и старцевъ, которые одни только были компетентны составлять рѣшеніе. Однако не были-ли, какъ это случается въ большинствѣ оффиціальныхъ собраній, заранѣе распредѣленныя роли какъ либо неожиданно спутаны? этого мы не знаемъ. Извѣстно только, что разсужденіе (discussion) было живымъ. Но разсказъ Дѣяній, къ сожалѣнію, не подробный протоколъ (procès-verbal), въ которомъ были-бы зарегистрованы всѣ перепетіи аргументаціи и физіономія слушателей" [2]).

Взгляды православныхъ богослововъ на тотъ-же самый предметъ представляютъ, по общему печальному правилу, какой-то недостаточно увѣренный компромиссъ между двумя изложенными крайностями, съ перевѣсомъ то на ту, то на другую сторону, но съ большимъ, впрочемъ, наклономъ въ сторону католическаго объясненія. Такъ, протоіерей А. В. Горскій говоритъ объ этомъ въ слишкомъ общей формѣ: „стало необходимымъ разсмотрѣть это дѣло цѣлою церковью. Собраны были избранные члены ея" [3]). Проф. *Н. Суворовъ* уже болѣе рѣшительно склоняется въ сторону католическаго взгляда: „изъ того, что говорится въ Св. Писаніи

[1]) *Schenz* „Op. cit." 62 s. У него же и цитата изъ *Schmidt'a* „Die Bisthumsynode" I, 175 s. Anmerk. 1. Кстати, любопытно здѣсь отмѣтить, что со взглядами двухъ приведенныхъ нами католическихъ богослововъ совпадаетъ и мнѣніе профессора-протоіерея *П. Я. Свѣтлова*, говорившаго, буквально слѣдующее: „безспорно, что этотъ первый вселенскій соборъ представлялъ всю церковь: епископовъ—апостоловъ, пресвитеровъ и мірянъ. Здѣсь только не ясно рѣшено, какую юридическую цѣнность имѣли участіе пресвитеровъ и мірянъ. Но юридическая обстановка исключалась обстоятельствами, при которыхъ состоялся соборъ, характеромъ эпохи, когда дѣйствовало начало любви, когда у вѣрующихъ было одно сердце и одинъ духъ" (Приб. къ Церк. Синод. Вѣд. 1906 г., № 16, стр. 844. См. также I, 16 стр.). Не поторопились-ли, поэтому, нѣкоторые изъ членовъ Предсоб. присутствія обвинять о. Свѣтлова въ симпатіяхъ къ протестантизму?

[2]) *Leclercq* Op. cit. Appendice I, 1057 p.

[3]) *А. В. Горскій* „Цит. сочин." 281 стр.

объ Апостольскомъ соборѣ... рѣшительно не вытекаетъ равенства голосовъ всѣхъ присутствовавшихъ на соборѣ и тѣмъ болѣе не вытекаетъ какихъ-либо основаній для представительства“ [1]).

Сравнительно подробнѣе и ближе другихъ къ истинѣ говоритъ объ этомъ въ своихъ репликахъ и въ своей спеціальной статьѣ проф. Глубоковскій. Но и его рѣчь въ данномъ случаѣ не отличается полной опредѣленностію и, наводитъ иногда на нѣкоторыя серьезныя недоумѣнія. Такъ, въ статьѣ у него мы читаемъ слѣдующее: „послѣ неоднократныхъ общихъ разсужденій при *равноправномъ участіи* (курсивъ нашъ) всѣхъ вѣрующихъ, теперь открывается нарочитое собраніе, гдѣ дѣйствующими являются собственно апостолы іерусалимскіе и мѣстный совѣтъ изъ пресвитеровъ, а всѣ прочіе были лишь присутствующими свидѣтелями, которые, не будучи только пассивными слушателями (ср. 15, 12), однако не вліяли своимъ голосомъ на ходъ рѣшеній.... Тѣмъ не менѣе, сначала, было „многое взысканіе“ (15, 17), причемъ всѣ свободно высказывали свои соображенія и возраженія, входили въ пренія, взвѣшивали основанія pro и contra и т. п.“ [2]). При всемъ нашемъ уваженіи къ выдающемуся ученому, мы не можемъ, однако, признать приведеннаго разсужденія внутренно согласованнымъ и свободнымъ отъ противорѣчій: для насъ, напр. не понятно, какъ можно говорить о равноправномъ участіи всѣхъ вѣрующихъ въ предсоборныхъ преніяхъ и объ ихъ свободно-пытливомъ обсужденіи вопросовъ на самомъ соборѣ, и въ то-же время называть этихъ вѣрующихъ какими-то лишь „присутствующими свидѣтелями“, и утверждать, что ихъ голосъ нисколько не вліялъ на ходъ соборныхъ преній и рѣшеній? На насъ лично приведенная цитата производитъ впечатлѣніе какого-то логическаго тупика, изъ котораго мы не видимъ выхода, если, разумѣется, не прибѣгать къ перетолкованіямъ и натяжкамъ [3]). Такая недостаточная ясность, и даже неопредѣленность получилась у почтеннаго профессора, какъ намъ думается, потому, что онъ слилъ въ одно *два* различныхъ момента: моментъ частной бесѣды антіохійцевъ съ одними только апостолами (вѣроятно, лишь съ тремя столпами церкви) и болѣе длительный предсоборный-же періодъ общихъ, нерегулярныхъ, такъ сказать, бытовыхъ преній, которыя велись у вновь прибывшихъ антіохійцевъ съ мѣстными іерусалимскими христіанами [1]).

[1]) *Проф. Н. С. Суворовъ* „Журналы и Протоколы Предсобориаго присутствія“ приб. къ Церк. Синод. Вѣд. 1906 г. № 21, 1305 стр.

[2]) *Проф. Н. Н. Глубоковскій* „Іерусалимскій соборъ апостольскій“, Прав. Бог. Энцикл. VI т. 432 стр.

[3]) Нѣсколько позднѣе, именно, на засѣданіяхъ Предсобориаго присутствія проф. *Н. Н. Глубоковскій* сдѣлалъ попытку углубить экзегесисъ соотвѣтствующаго отдѣла кн. Дѣяній и вывести отсюда рядъ болѣе опредѣленныхъ заключеній. Но едвали и эту попытку можно признать вполнѣ удавшейся, такъ какъ она хотя и вноситъ бо́льшую опредѣленность въ его окончательные выводы, но также далеко не свободна со стороны своихъ посылокъ отъ упрека во внутренней несогласованности и въ противорѣчіи съ тѣмъ, что сказано было раньше. Такъ, напр., мы очень затрудняемся опредѣлить то крайне тонкое, можно сказать, неуловимое различіе, какое онъ проводитъ въ двухъ своихъ выводахъ (подъ цифрами 2-й 3-ей) между прелиминарными разсужденіями антіохійцевъ 1) со всей іерусалимской церковью и 2) лишь съ одними апостолами. Антіохійцы и по отзыву проф. Глубоковскаго, „апеллируютъ ко всей іерусалимской церкви и со всей съ нею дѣлятся своими сообщеніями“; но съ другой стороны, онъ тутъ-же добавляетъ, что *„фактически* антіохійцы обращаются *лишь* къ апостоламъ и пресвитерамъ“ (I т. 19 стр.). А какъ-же, спрашивается, если не тоже *фактически* обращались они ко всей церкви и предварительно диспутировали съ ней, о чемъ такъ сильно и такъ хорошо онъ самъ-же говорилъ въ вышеприведенной цитатѣ: „послѣ неодпократныхъ общихъ разсужденій при равноправномъ участіи всѣхъ вѣрующихъ“? и т. д. При чемъ-же теперь вновь вводимое ограниченіе, что фактически и до собора антіохійцы обратились *лишь* къ однимъ апостоламъ и старцамъ? Если *только* это послѣднее обращеніе считать фактическимъ, то какже смотрѣть на признаваемыя авторомъ (слѣдов. тоже *фактическія*) „неоднократныя общія разсужденія со всей церковью?“ Вѣдь не считать ихъ-же ихъ, въ самомъ дѣлѣ, въ отличіе отъ первыхъ, „оффиціальными“ или „юридическими“ такъ какъ это кореннымъ образомъ противорѣчило-бы самому существу взглядовъ автора. Значитъ и эти „общія разсужденія“ можно назвать только фактическими. Тогда исчезаетъ всякое различіе между тѣми и другими прелиминарными, предсоборными разсужденіями (т. е. между частной бесѣдой съ апостолами и между общими разсужденіями со всѣми). Авторъ, повидимому, и самъ прекрасно чувствовалъ недостаточную логическую спаянность всѣхъ своихъ посылокъ, почему и вынужденъ былъ прибѣгать здѣсь къ множеству уступительныхъ и ограничительныхъ частицъ—„однакоже“. „но“. „лишь“. „тѣмъ не менѣе“.

[1]) Затрудняемся мы также понять и еще одну, по счету четвертую, посылку проф. Глубоковскаго, и установить ея связь съ предшествующими. Въ тѣхъ онъ призналъ, что для разслѣдованія дѣла на соборѣ присутствовали *только* (курсивъ автора) „апостолы и пресвитеры“ (3-й выводъ). А здѣсь онъ рядомъ съ апостолами Петромъ и Іаковомъ допускаетъ и активное участіе на соборѣ „прочихъ“ (конечно, не апостоловъ-же, а старцевъ и братій). Еще непонятнѣе та роль, какую почтенный авторъ отводитъ на соборѣ этимъ „прочимъ“. „Опредѣляющія мнѣнія и заключенія—справедливо говоритъ онъ — даются именно апостолами Петромъ и Іаковомъ, *а прочіе соучаствуютъ лишь въ побочныхъ разсужденіяхъ*, которыя были внѣ хода соборнаго рѣшенія“ (4-й выводъ, курсивъ нашъ)“. Можно и даже должно различать голоса на всякомъ церковномъ и, въ особенности, на этомъ, Апостольскомъ соборѣ (не по юридической ихъ силѣ, а по ихъ моральному вѣсу). Но вводить гипотезу какихъ-то дополнительныхъ, „побочныхъ разсужденій“—это значитъ фантазировать уже *внѣ* почвы текста и модернизировать древнѣйшій соборъ по типу чуть не современныхъ парламентарныхъ учрежденій съ ихъ редакціонными комиссіями и подкомиссіями и ихъ пресловутыми кулуарами. Наконецъ, мы совершенно не можемъ себѣ представить, какъ жаркіе дебаты *(πολλὴ συνζήτησις*, или только *ζήτησις)*

Исходнымъ пунктомъ своего изслѣдованія о составѣ Апостольскаго собора мы возьмемъ 6-й стихъ XV гл. Дѣяній, съ котораго начинается самая его исторія: „апостолы и пресвитеры собрались для разсмотрѣнія сего дѣла“: (*Συνήχθησαν δὲ οἱ ἀπόστολοι καὶ οἱ πρεσβύτεροι...*) [1]). Вотъ, совершенно опредѣленное указаніе библейскаго текста на двѣ главныхъ и наиболѣе активныхъ соборныхъ группы. Весь вопросъ теперь въ томъ, какъ представлять себѣ ихъ взаимное отношеніе? Считать ли ихъ одной, совершенно солидарной іерархической группой, собравшейся для составленія авторитетной церковной декларації, или-же видѣть въ ней обозначеніе такихъ двухъ группъ, между которыми, собственно говоря, и происходили соборныя пренія, приведшія къ единодушному рѣшенію (*γενομένοις ὁμοθύμαδον* XV, 28)? Огромное большинство изслѣдователей, не только католической, но и протестантской школы, рѣшительно высказывается за первую часть предложенной альтернативы. Точнѣе говоря, въ ихъ сознаніи, повидимому даже и не возникаетъ самой возможности второй ея части, настолько сильно укоренилось традиціонное, іерархическое пониманіе термина „пресвитеры“. Заключая по аналогіи съ позднѣйшимъ апостольскимъ пресвитератомъ, сложившимся въ языческо-христіанскихъ церквахъ, изслѣдователи подобнаго рода тѣ-же самыя черты—ближайшаго сотрудничества и помощи апостоламъ—безсознательно переносятъ и на іерусалимскихъ пресвитеровъ эпохи Апостольскаго собора, нисколько не учитывая существующаго между ними коренного различія [2]). Коль скоро и въ Антіохіи, и въ Римѣ, и въ Коринѳѣ, и въ Ефесѣ и во всѣхъ прочихъ апостольскихъ церквахъ, мѣстные пресвитеры являются

ведшіеся хотя-бы и въ побочныхъ сессіяхъ собора (такъ сказать, въ его „кулуарахъ“, выражаясь современнымъ техническимъ языкомъ) могли остаться *внѣ хода* (курсивъ нашъ) соборнаго рѣшенія, когда извѣстно, что всякое соборно-общественное рѣшеніе обусловливается всѣмъ ходомъ преній и, такъ называемыхъ, закулисныхъ преній, пожалуй, даже больше, чѣмъ открытыхъ. Не будь здѣсь этихъ преній, или лишись они всякаго значенія и смысла, не было-бы и самаго собора, а была-бы одна торжественная апостольская декларація, безапелляціонно рѣшающая спорный вопросъ. Но апостолы не того хотѣли и не то дали, какъ это ясно видно изъ библейскаго текста, раскрывающаго предъ нами картину настоящаго, подлиннаго собора.

[1]) Въ кодексѣ Syr. ph. послѣ словъ *οἱ πρεσβύτεροι* слѣдуетъ добавленіе *σὺν τῷ πλήθει*, что Blass, основываясь на дальнѣйшемъ контекстѣ (12 ст.), считаетъ даже болѣе правильнымъ. Но во всѣхъ остальныхъ кодексахъ указаніе на *πλῆθος* опущено и это имѣетъ свой глубокій смыслъ, молчаливо подчеркивая тѣмъ самымъ меньшую активность народа, сравнительно съ апостолами и старцами.

[2]) Въ этомъ повинны также и всѣ члены нашего Предсоборнаго присутствія, безпочвенно, а потому и безрезультатно споривше о составѣ Апостольскаго собора.

первыми и главными помощниками апостоловъ, которымъ они поручаютъ управленіе церковью на время своего отсутствія, то, говорятъ, ясно, что въ подобномъ-же положеніи относительно апостоловъ находились и пресвитеры Іерусалима [1]). А потому, если и тѣ и другіе т. е. и апостолы и пресвитеры обозначаются, какъ активные дѣятели іерусалимскаго собора, то ео ipso они мыслятся и въ качествѣ одной, іерархически-объединенной группы церковныхъ управителей. Самая-же картина Апостольскаго собора получаетъ такой видъ, что гдѣ-то за предѣлами собора, быть можетъ, даже на площади предъ нимъ, стоитъ волнующаяся толпа, подстрекаемая „нѣкіими отъ фарисей“ и настроенная, въ общемъ, враждебно къ нарушителямъ Моисеева закона. Съ другой стороны, внутри дома идетъ таинственное засѣданіе сонма апостоловъ и ихъ помощниковъ-пресвитеровъ, которое послѣ нѣкотораго обмѣна мнѣній (двухъ-трехъ, замѣчательно согласныхъ рѣчей) выноситъ свое авторитетное рѣшеніе, послѣ чего успокоенная толпа мирно расходится по домамъ [2]).

Но подобная картина іерусалимскаго собора далека отъ истины, такъ какъ она совершенно не отвѣчаетъ тексту, который въ центрѣ всего собора помѣщаетъ *сильныя пренія (πολλῆς συζητήσεως)*, происходившія на самомъ соборѣ, а не на площади предъ нимъ и ни въ какихъ-либо побочныхъ его отдѣленіяхъ. А такъ какъ библейскій текстъ наиболѣе активную роль на соборѣ отводитъ, дѣйствительно, лишь апостоламъ и пресвитерамъ, то мы логически вынуждаемся признать, что и великое соборное „стязаніе“ происходило также, именно, между ними, т. е. между апостолами и антіохійцами, съ одной стороны, и „нѣкоторыми“ изъ іерусалимскихъ старцевъ, съ другой. Чтобы и фактически оправдать возможность подобнаго, пока еще теоретическаго предположенія, мы

[1]) Такой взглядъ раздѣляетъ, повидимому, и *проф. Глубоковскій*, когда іерусалимскихъ пресвитеровъ называетъ „носителями апостольства и епископства“. Протоколы... I, 21—22 стр.

[2]) Вотъ, напр. какъ рисуетъ себѣ картину Апостольскаго собора умѣренно-либеральный авторъ одной спеціальной и, въ общемъ, очень хорошей монографіи: „На названномъ соборѣ въ Іерусалимѣ сначала происходилъ родъ „общаго собранія“ (Generalversammlung); затѣмъ апостолы и пресвитеры предприняли особое обсужденіе въ своемъ болѣе тѣсномъ кругу; и наконецъ свое рѣшеніе они сообщили уже третьему собранію—всего народа“. *H. Bruders* „Die Verfassung der Kirche von d. erst. Jahrzeit. d. apostol. Wirksamkeit bis 175 an. 192 s. Forgschungen Cristl. Litteratur IV, 1—2 Hef. Mainz 1904. Вообще, мысль о трехъ фазахъ собора—одна изъ самыхъ популярныхъ, въ особенности у католическихъ авторовъ. Напр. извѣстн. *Cnabenbauer* относящійся сюда комментарій такъ и заглавляетъ—„Conventus triplex“—257—267, причемъ на второмъ соборѣ онъ допускаетъ участіе только апостоловъ и пресвитеровъ—261 s.

должны доказать, что современный Апостольскому собору іерусалимскій пресвитератъ не вполнѣ идентиченъ съ остальнымъ древнимъ пресвитератомъ (языческо-христіанскихъ церквей) и разнится отъ него, по крайней мѣрѣ, настолько, чтобы можно было допустить наличность оппозиціи апостоламъ со стороны іерусалимскихъ пресвитеровъ, вмѣсто той полной солидарности и безусловной покорности авторитету апостоловъ, которыя обычно характеризуютъ собой этническо-христіанскій пресвитератъ.

Своеобразіе іерусалимскаго, іудео-христіанскаго пресвитерата за послѣднее время обратило на себя серьезное вниманіе въ западной наукѣ, и послѣ авторитетныхъ изслѣдованій такихъ ученыхъ, какъ E. Schürer, Hatsch-Harnack, Ligtfoot, Zahn, Deissmann, Sohm, Löning, Bruders, Reville etc.—его можно считать научно-установленнымъ фактомъ. Къ сожалѣнію, русская литература до сей поры не удѣляла ему должнаго вниманія. Насколько намъ извѣстно, онъ попутно затронутъ лишь двумя авторами—покойнымъ проф. А. П. Лебедевымъ [1]) и проф. В. Н. Мышцынымъ [2]). А такъ какъ въ изслѣдованіи объ Апостольскомъ соборѣ данный вопросъ имѣетъ кардинальную важность, то мы и позволимъ себѣ остановиться на немъ съ нѣсколько бо́льшей подробностью.

Главнымъ источникомъ нашихъ свѣдѣній объ іерусалимскихъ христіанскихъ пресвитерахъ является кн. Дѣяній, гдѣ они упоминаются всего трижды. Первый разъ, они выступаютъ въ качествѣ лицъ, принимающихъ дары вспоможенія, присланные отъ антіохійской церкви въ Іерусалимъ чрезъ Варнаву и Павла, по случаю голода, бывшаго при императорѣ Клавдіи, (Д. XI, 30). Второе, наиболѣе полное упоминаніе о нихъ, принадлежитъ разсматриваемой нами исторіи Апостольскаго собора (Д. XV. 4. 6. 12. 22. 24; XVI, 4). Наконецъ, третье упоминаніе относится къ факту послѣдняго посѣщенія ап. Павломъ Іерусалима (ок. 58 г.), когда пресвитеры потребовали отъ апостола языковъ яснаго доказательства его уваженія къ Моисееву закону и тотъ силою принужденъ былъ сдѣлать имъ эту уступку (Д. XXI. 18—26). Но ни о происхожденіи, ни о функціяхъ, и ни о какомъ-либо учредительномъ актѣ (по подобію, напр, установленія іерусалимскаго-же института „семи“) *іерусалимскаго пресвитерата* Дѣписатель не сообщаетъ рѣшительно ничего; такъ что у нѣкоторыхъ изъ ученыхъ возникло даже сомнѣніе въ самомъ существованіи подобнаго института на

[1]) *Проф. А. П. Лебедевъ* „Духовенство древней церкви (отъ временъ апостольскихъ до IX в.)“, X т. полн. собр. сочиненій. Москва 1905. 57—64 стр.

[2]) *Проф. В. Н. Мышцынъ* „Устройство христіанской церкви въ первые два вѣка“. Сергіевъ Посадъ 1909. См. главу „Пресвитеры“ съ 37—49 стр. Очень обстоятельный и дѣльный очеркъ.

христіанской почвѣ въ первоначальной іерусалимской церкви [1]). Но, разумѣется, подобное сомнѣніе не умѣстно, въ виду вышеприведенныхъ положительныхъ указаній кн. Дѣяній на его существованіе. Гораздо убѣдительнѣе объясненіе проф. Мышцына: „молчаніе дѣписателя о первоначальномъ учрежденіи пресвитерія можетъ быть объяснено лишь тѣмъ, что такого учрежденія, какъ акта, привязаннаго къ одному опредѣленному моменту исторіи іерусалимской общины, не было, и что пресвитерій іерусалимскій произошелъ постепенно, а не сразу, вызванный къ жизни не какимъ-либо опредѣленнымъ событіемъ въ іерусалимской церкви, а медленно созрѣвавшими собственными ея нуждами и сторонними вліяніями“ [2]). Самый же процессъ этой естественной, медленной эволюціи авторъ, въ полномъ согласіи съ авторитетными учеными, изображаетъ въ такой правдоподобной схемѣ. Первоначально небольшая іерусалимская община управлялась, какъ извѣстно, самими апостолами и почти не выдѣлялась изъ обще-іудейскаго строя жизни. Затѣмъ, съ начавшимся ея увеличеніемъ и нѣкоторымъ разслоеніемъ (крещенные іудеи и іудеи эллинисты) возникла нужда въ особомъ вспомогательномъ для апостоловъ органѣ, которая и была удовлетворена учрежденіемъ института „семи“ (обслуживалъ, повидимому, преимущественно нужды эллинистовъ). Разразившееся, затѣмъ, послѣ убіенія архидіакона Стефана, гоненіе на эллинистовъ, заставило ихъ покинуть Іерусалимъ, причемъ вмѣстѣ съ ними ушли и всѣ „семь“; а преемниковъ имъ, повидимому, не избирали, такъ что это установленіе, такъ сказать, совершенно выбыло изъ строя іерусалимской церкви [3]). А между тѣмъ многія изъ тѣхъ нуждъ, которыя имъ обслуживались (пріемъ и раздача пожертвованій, устройство общихъ столовъ и т. п.) остались, и даже еще больше возросли, вслѣдствіе постояннаго численнаго роста самой общины. Большинство апостоловъ также, повидимому, покинуло Іерусалимъ, ради мис-

[1]) *Weizsäcker* „Das apostolische Zeitalter der Christlichen Kirche[3]“, 604 s. Freib. im Breisgau 1902.

[2]) *Проф. В. Н. Мышцынъ* „Цит. сочиненіе“, 41 стр.

[3]) *Meyer-Wendt* „Всего правильнѣе судить, что должность „семи“ была учреждена ближайшимъ образомъ лишь для конкретныхъ нуждъ еще небольшой іерусалимской общины, и что она вслѣдствіе гоненія, послѣдовавшаго за смертію архид. Стефана, прекратилась и, повидимому, никакого прямого продолженія въ позднѣйшихъ общественныхъ должностяхъ не имѣла (*Vitringa* „De synagoga vetere 2, 1726, 920, *Sohm* „Kirchenrecht, I, 73 и 122). Но, какъ первый примѣръ церковно-административной должности, онъ (институтъ „семи“) стоитъ въ нѣкоторой аналогіи съ послѣдующими—*ἐπίσκοποι* и *διάκονοι*“ Comment. die Apostelgesch.[8]—144—145 s.

сіонерскихъ цѣлей. Такимъ образомъ, назрѣла настоятельная, жизненная потребность въ такихъ лицахъ, которыя могли-бы стать на мѣсто ушедшихъ „семи“, а также, хотя отчасти, замѣнить собою и отсутствовавшихъ апостоловъ. Все это и привело къ возникновенію своеобразнаго іерусалимскаго пресвитерата. „Естественно, мало-по-малу, должны были выдѣляться лица, имѣвшія бо́льшее сравнительно съ другими вліяніе. Оно могло обусловливаться различными причинами: родствомъ съ Господомъ, близостью къ Нему во время Его земной жизни, давностью принадлежности къ общинѣ, болѣе высокимъ положеніемъ среди іерусалимскаго іудейства, возрастомъ и т. д.“ [1]).

Что касается самой физіогноміи вновь сложившагося іудео-христіанскаго института, то на опредѣленіе ея, конечно, должны были оказать рѣшающее вліяніе существовавшія раньше аналогіи и бытовыя традиціи [2]), среди которыхъ самое видное мѣсто безспорно принадлежало религіозно-гражданскому институту ветхозавѣтныхъ *іудейскихъ старѣйшинъ*. Авторитетнѣйшій изслѣдователь исторіи позднѣйшаго іудейства E. Schürer [3]) не безъ основанія считаетъ этотъ институтъ самымъ устойчивымъ и характернымъ для всей исторіи Израиля. Имѣя прочныя основанія въ самомъ законодательствѣ Моисея (корнями-же уходя еще глубже—Исх. XVII, 5; XIX, 7; Числ. XII, 2; Втор. XIX, 12; XXI, 2; XXII, 15 и др.), онъ проходитъ черезъ всю исторію народа Божія (I. Нав. XX, 4; Суд. VIII, 14; I Цар. IV, 3; XI, 3; II Цар. XIX, 11; III Цар. VIII, 1; XXI, 8; IV Цар. XXIII, 1; Ездр. X, 14; Іудиѳь VI, 16; VIII, 10; X, 6 и мн. др.) и сохраняетъ свое значеніе и въ современную Іисусу

[1]) *Проф. Мышцынъ* Цит. соч. 41 стр.

[2]) Прекрасное выраженіе этой мысли въ болѣе общей формѣ — въ формѣ активнаго усвоенія и претворенія христіанской церковью лучшихъ элементовъ окружающей его мѣстно-исторической среды—далъ извѣстный ученый *W. M. Ramsay* „The Church in the roman empire histoire A. D. 170⁹, London 1907, 361 p.: „административныя формы, въ которыя церковь постепенно начала организоваться, опредѣлялись положеніемъ общества и духомъ вѣка... Церковь ростетъ, какъ крѣпкій, здоровый организмъ, который вбираетъ въ себя окружающія вліянія и перерабатываетъ ихъ, приспособительно къ своимъ цѣлямъ. Но самая линія этого роста опредѣляется тѣмъ, что его окружаетъ. Аналогія между церковью и государств. организаціей—тѣсная и реальная. Но было бы ошибкой объяснять это сознательными подражаніями, тѣмъ болѣе видѣть здѣсь прямое заимствованіе“.

[3]) *E. Schürer* „Geschichte des Judischen Volkes im Zeitalter Jesu Christi“ II,³. Leipzig 1898. 176 s. „Diese Organisation wird nun im Wesentlichen auch für die spätere Zeit anzunehmen sein. Auch in der persischen und griechischen Zeit werden öfters „die Aeltesten“ der Stadt erwähnt (Esra 10, 14. Judith 6, 16. 21. 7, 23. 8, 10. 10, 6. 13, 12).

Христу эпоху (Мѳ. XV, 1; XVI, 21, XXI, 23; Мр. XI, 27; Лук. XX, 1; XXII, 66; Іо. III, 1; XI, 47; XII, 42 и др.), такъ-же, какъ и въ вѣкъ апостольскій (Дѣян. IV, 5. 8. 23; V, 21; VI, 12; XXIII, 14 и др.). Само собою понятно, что еврейскій институтъ старѣйшинъ за свою длинную, многовѣковую исторію претерпѣлъ немало измѣненій, которыя и обусловили собою ту его форму, которую онъ получилъ къ эпохѣ Іисуса Христа и св. апостоловъ. Поэтому, сжатый историческій очеркъ іудейскаго института „старѣйшинъ“ лучше всего поможетъ намъ уяснить и ту его форму, которая современна была іерусалимскому собору и непосредственно воздѣйствовала на іудео-христіанское сознаніе.

Прежде всего, серьезной поправки требуетъ самое обозначеніе этого института какъ „специфически-іудейскаго“. Benzinger [1]) указываетъ библейскіе-же слѣды существованія его еще у древнихъ аборигеновъ Палестины (Іис. Нав. 9, 11; Числ. 22, 4. 7), а Deissmann [2]),

[1]) *Benzinger* „Aelteste in Israel“ in RE³. I, 224 s. 31—34.

[2]) Главный интересъ документальныхъ изслѣдованій *Deissmann'a* заключается въ томъ, что онъ, повидимому, открылъ происхожденіе самаго термина *πρεσβύτερος*. Терминъ этотъ представляетъ comparat. отъ *πρεσβύτης*, „старый“, что параллельно евр. זָקֵן. Откуда-же спрашивается взялась сравнительная степень „старѣйшій“? На это Deissmann отвѣчаетъ—она египетскаго происхожденія, гдѣ уже давно служила техническимъ обозначеніемъ носителей коммунальной службы. Такъ въ Pap. Lugd. A. 35 t. (Птоломеева періода) сдѣлано упоминаніе *ὁ πρεσβύτερος τῆς κώμης*,—безъ сомнѣнія, оффиціальное обозначеніе. То-же подтверждается и двумя другими египетскими папирусами, гдѣ стоитъ множ. форма *οἱ πρεσβύτεροι* (Pap. Flind. Petr. II, IV, 6, 13—255—254 до Р. Х. и декретъ жрецамъ Діасполиса, въ честь Каллимаха—40 г. до Р. Х.). На основаніи документальныхъ-же открытій Leeman'a, Peyron'a и Wilcken'a авторъ даже заключаетъ, что во II в. до Р. Х. египетскіе деревенскіе магистраты состояли изъ *коллегіи* этихъ пресвитеровъ (не меньше 3 лицъ). Отсюда, по мнѣнію Deissmann'a, терминъ *πρεσβύτερος* былъ занесенъ и въ греческій переводъ LXX для обозначенія евр. „старѣйшинъ“ (זְקֵנִים); а чрезъ его посредство онъ попалъ и въ церковно-христіанское употребленіе. Изъ того-же египетскаго источника онъ, въ послѣптоломеевскую эпоху, началъ распространяться и по провинціямъ Малой Азіи, какъ это удостовѣряется многочисленными надписями, открытыми Krebs'омъ, Wilcken'омъ, Fränkel'емъ и др. Такъ что, при своемъ сравнительно очень раннемъ распространеніи по малоазійскимъ городамъ, христіанство и здѣсь постоянно сталкивалось съ этимъ техническимъ терминомъ. *Ad. Deissmann* „Bible Studies“ Autorised Translation *Alexander Grieve* Edinburg 1901, 154—155 и 233—235. Все это, въ болѣе полной и развитой формѣ, повторено и у *H. Bruders'a* „Die Verfassung der Kirche“... 373—386. Mainz 1904: „In Aegypten leiteten zur Zeit der Ptolemäer fünfundzwanzig Presbyter oder Buleuten die Geschäfte die Priesterschaft; diese teilte sich nach der Abstammung in fünf Phylen. Das Presbyterkollegium änderte sich jedes Jahr“. 375 s. Сравни спеціальный очеркъ *Hauschildt'a* „*Πρεσβύτεροι* in Aegypten im I—III Jahrh. n. Chr. (Zeitschrift für die Neutestam. Wissenschaft und die Kunde des Urchristentum, 1903, 3, 235—242 s.). См. еще статью проф. *С. И. Соболевскаго „Κοινὴ διάλεκτος“* въ Богосл. Энциклопедіи, т. IX. 1909. СПБ.

на основаніи древнихъ папирусовъ и надписей, устанавливаетъ безспорное существованіе его, и притомъ даже съ спеціально-сакральной окраской, для Египта и Малой Азіи. Очевидно, происхожденіе этого института скрывается въ глубинѣ патріархальной эпохи, когда „старшій“ въ родѣ былъ его естественнымъ главой, его верховнымъ жрецомъ и общественно-политическимъ вождемъ. Но несомнѣнно, что въ то время, какъ у большинства древнихъ народовъ этотъ патріархальный институтъ или вовсе атрофировался, или радикально измѣнился, въ теократически настроенномъ Израилѣ онъ больше всего и дольше всего сохранялъ свои примитивныя черты.

Въ самый ранній періодъ организаціи народа Божія — въ эпоху Моисея — институтъ старѣйшинъ выступаетъ уже существующимъ, но не въ видѣ какой-либо опредѣленной должности, а въ формѣ почетнаго народнаго представительства. „Старѣйшины народа“—это естественные посредники между Моисеемъ и народомъ, на которыхъ онъ постоянно опирается и чрезъ которыхъ ведетъ все дѣло религіозно-политическаго устроенія Израиля (Исх. XVIII, 21; Числ. XI, 25; XVI, 2 и др.). Одновременно съ тѣмъ, „старѣйшины“ и главные представители народа, выразители его желаній и нуждъ и защитники его интересовъ (Исх. XIX, 7; XXIV, 1; Второз. XXXI, 9; Іис. Нав. VIII, 10). И что особенно важно отмѣтить, своимъ положеніемъ и значеніемъ въ общинѣ „старѣйшины народа“ были обязаны отнюдь не законодательству Моисея, (которое само съ ними считается, какъ уже съ ранѣе даннымъ фактомъ), но себѣ самимъ, точнѣе, своему рожденію и положенію, какъ главъ или начальниковъ родовъ. Поэтому еще въ моисееву эпоху рядомъ съ терминомъ זְקֵנִים сталъ употребляться и другой רָאשִׁים („главы“, „начальники“—Втор. I, 15 и др.)—обозначавшій „старѣйшинъ“, какъ „главъ фамилій“ и „начальниковъ родовъ“. На патріархальный характеръ этихъ древнѣйшихъ еврейскихъ старѣйшинъ указываетъ, между прочимъ, и то, что первоначально всѣ они отправляли функціи суда (Исх. XVIII, 33. Числ. XI, 16, Втор. I, 9), что, какъ извѣстно, характеризуетъ собой, вообще, строй первобытно-патріархальной семьи, а въ частности, и еврейскаго патріархально-родоваго быта (Быт. XXXVIII, 28; II Цар. XIV, 7).

Въ послѣдствіи, когда по завоеваніи земли ханаанской, евреи стали вводить у себя болѣе упорядоченную общественно-политическую организацію, мы видимъ, что главные ряды должностной іерархіи (судьи, военачальники, распорядители) пополняются, именно, изъ этого кадра „старѣйшинъ“ — родовой аристократіи

еврейства. Но эта аристократія далеко не вся была, такъ сказать, служилымъ сословіемъ, а въ большей своей массѣ продолжала оставаться почетнымъ, общественно-народнымъ представительствомъ: это были первенцы народа (припомнимъ значеніе всякаго первенца въ теократическо-мессіанскомъ царствѣ Израиля — недаромъ, они были пощажены даже ангеломъ губителемъ—Исх. XII, 12. 23), его излюбленные люди, на которыхъ покоились слава и мессіанскія надежды Израиля. Когда народъ еврейскій разселился по ханаанскимъ городамъ и зажилъ болѣе осѣдлой, мирной жизнью, то коллегія этихъ почетныхъ старцевъ, повидимому, въ каждомъ городѣ объединялась въ своеобразную муниципію, заправлявшую дѣлами города; отсюда и сами старѣйшины стали называться „старѣйшинами города“ (זִקְנֵי הָעִיר): были старѣйшины Сокхоѳа (Суд. VIII, 14), старѣйшины Іависа (I Цар. XI, 3), старѣйшины Виѳлеема (I Цар. XVI, 4) и проч. Періодъ царей характеризуется борьбой ихъ съ этимъ общественнымъ представительствомъ и попытками замѣнить его назначеннымъ чиновничествомъ. Институтъ старѣйшинъ видимо ослабѣлъ, утратилъ большую часть своихъ административно-судебныхъ и, вообще, начальственныхъ прерогативъ; но все же никогда не исчезалъ изъ народнаго обихода и неизмѣнно выступалъ въ случаѣ какихъ-либо особенно важныхъ событій его жизни, напр. при воцареніи Давида (II Цар. V, 3), при бунтѣ Авессалома (II Цар. XVII, 3, 15), при построеніи перваго храма (III Цар. VIII, 1—3) въ эпоху надвигавшихся политическихъ бѣдствій (Іер. XXIX, 1; Езек. XX, 1; VIII, 1; XIV, 1).

Съ паденіемъ царской власти, еще въ самомъ вавилонскомъ плѣну, институтъ старѣйшинъ замѣтно начинаетъ снова оживать и въ моментъ возвращенія Іудеевъ изъ плѣна онъ опять становится во главѣ народа (Ездр. I, 5; II, 68; Неем. VII, 70). „Старѣйшины іудейскіе (שֵׁבִי יְהוּדָיֵא) руководятъ постройкой новаго храма, сносятся съ персидскимъ правительствомъ и выдѣляютъ изъ своего состава особую правящую коллегію изъ 12 мужей (Ездр. II, 2; V, 4; Неем. VII, 7), которой подчиняются и мѣстныя коллегіи „городскихъ старѣйшинъ“ (Ездр. X, 14). Вообще, по замѣчанію E. Schürer'a „въ персидское и греческое время снова чаще упоминаются „старѣйшины“ города (Ездр. X, 14; Іудиѳь VI, 16, 21; VII, 23; VIII, 10; X, 6, XIII, 12)“ [1]. Въ эпоху Нееміи вышеупомянутые 12 главныхъ старѣйшинъ, называемыхъ שָׂרִים („князья“) хотя и являлись представителями

[1]) *E. Schürer*[3]—II, 176 s. Op. cit.

отдѣльныхъ мѣстныхъ родовъ (нѣтъ-ли здѣсь воспоминанія о 12-ти колѣнахъ Израилевыхъ?), но уже сосредоточены были въ одномъ пунктѣ—именно въ Іерусалимѣ, гдѣ представляли изъ себя какъ-бы центральный органъ власти, распространявшійся на всю Іудею (Неем. XI, 1) [1]).

Въ послѣдующую эпоху греко-римскаго владычества на конституцію этого органа, повидимому, повліяли аналогичныя античныя учрежденія—греческая *γερουσία* и римскій Senatus. Раннѣйшее свидѣтельство объ этой эволюціи мы имѣемъ отъ эпохи Маккавеевъ, гдѣ есть уже опредѣленное упоминаніе о герусіи [2]). Нѣсколько позднѣе, съ эпохи Ирода Великаго терминъ *γερουσία* сталъ вытѣсняться новымъ, *συνέδριον*—который во времена Христа окончательно получилъ права гражданства [3]). Вмѣстѣ съ нимъ, однако, существовали и другія, хотя и менѣе популярныя названія—*πρεσβυτέριον* (Лук. XXII, 66 и Дѣян. XXII, 5) и *βουλή* (Дѣян. V, 21). Но терминъ *συνέδριον* безусловно господствовалъ надъ ними и постоянно встрѣчается на страницахъ Евангелія и кн. Дѣяній. Завоевавшій Іерусалимъ въ 37 г. до Р. Х. Иродъ Великій окончательно, такъ сказать, призналъ іерусалимскій синедріонъ, въ качествѣ высшаго судебнаго и административнаго органа Іудеевъ, истолкователя Моисеева закона и хранителя обычаевъ страны.

Въ современную Христу и апостоламъ эпоху въ составъ великаго синедріона входили *οἱ ἀρχιερεῖς καὶ οἱ γραμματεῖς καὶ οἱ πρεσβύτεροι*. Начальственное положеніе занимали въ немъ *ἀρχιερεῖς*,

[1]) *Ibidem*—190 s. „Такъ какъ у Ездры II, 2=Неем. VII, 7, 12 мужей названы вождями выходцевъ, то можно полагать, что въ первое время послѣ плѣна двѣнадцать старѣйшинъ—родовъ (Geschlechts—Aelteste) были поставлены во главѣ общины (такъ *Stade* „Geschichte des Volkes Israel. II, 102, 195; подобнымъ образомъ *Köhler* „Lehrbuch der bibl. Geschichte II, 2, 1893).

[2]) *Ibidem*—191 s. Первое упоминаніе объ іудейской *γερουσία* находимъ мы у Іосифа отъ времени Антіоха Великаго (223—187—Antiquit. XII, 33). Ея аристократическій характеръ очевиденъ изъ самаго ея имени. Но яснѣе всего герусія выступаетъ въ эпоху Маккавеевъ—*Іуды* II Мак. I, 10; IV, 44; XI, 27), гдѣ она же обозначается и какъ *πρεσβύτεροι τοῦ λαοῦ* (I Мак. VII, 33), *Іонаѳана* (I Мак. XII, 6: *ἡ γερουσία τοῦ ἔθνους*, XI, 23, *οἱ πρεσβύτεροι Ἰσραήλ*, XII, 35: *οἱ πρεσβύτεροι τοῦ λαοῦ)* и *Симона* (I Мак. XIII, 36; XIV, 20 и 28).

[3]) *Strack H. L.* „Synedrione“ in RE³, 19 b. 228, 26 u. sq. со ссылками на Іо. Флавія. Antiquit. XIV, 9, 3—5, и XV, 1, 1; 6, 2) и Талмудъ (трактаты Sota 1, 4; 9, 1 и Sanhedrin XI, 2, 4). Весьма любопытно здѣсь отмѣтить и наблюденіе *E. Schürer*'а, что Іо. Фл. впервые лишь въ Antiquit. XIV, 9, 3—5 употребилъ терминъ *συνέδριον* для обозначенія іерусалимскаго сената (der Senatus von Ierusalem), а съ того времени пользуется имъ довольно часто“ *Op. cit.* II. 193. Ср. *Арфаксадовъ Ѳ.* „Іерусалимскій синедріонъ“, 12 стр. Казань 1903.

которые постоянно выдвигаются на первый планъ и у современнаго историка—Іо. Флавія сопоставляются съ такими параллельными терминами, какъ *ἄρχοντες, γνώριμοι, δύνατοι* [1]). Это—члены привеллигированныхъ священническихъ фамилій, вмѣстѣ съ бывшими (такъ сказать, заштатными) и активно-дѣйствующими первосвященниками [2]). Большинство ихъ принадлежало къ аристократической партіи саддукеевъ. *Γραμματεῖς*—это новый, болѣе демократическій классъ—„книжниковъ“, т. е. ученыхъ знатоковъ закона, принадлежавшихъ, преимущественно, къ партіи фарисеевъ. Въ вѣкъ Христа и апостоловъ эта демократическая группа „книжниковъ-фарисеевъ“ была особенно популярна у народа и пользовалась наибольшимъ вліяніемъ въ синедріонѣ [3]). Третья группа—*πρεσβύτεροι*—довольно неопредѣленна: Schürer просто замѣчаетъ, что „ее образовывали тѣ духовные и свѣтскіе члены синедріона, которые не принадлежали къ двумъ вышеуказаннымъ, господствовавшимъ въ синедріонѣ группамъ [4]). Вотъ, этой-то, такъ сказать, добавочной, группѣ „пресвитеровъ“ и пришлось сыграть главную роль въ организаціи іерусалимско-христіанскаго строя

[1]) *Schürer*³, II, 199—200: „объ отдѣльныхъ категоріяхъ членовъ синедріона мы имѣемъ надежное свидѣтельство въ многочисленныхъ показаніяхъ Новаго Завѣта и Іосифа. Оба они согласны въ томъ, что *ἀρχιερεῖς* были собственно руководящими личностями. Почти повсюду, гдѣ въ Н. З. перечисляются отдѣльныя категоріи, *ἀρχιερεῖς* называются на первомъ мѣстѣ“ (и далѣе многочисл. новозавѣтныя цитаты, а также и параллели изъ Іо. Флавія, съ терминами *ἀρχιερεῖς=δύνατοι=γνώριμοι=βουλευταί*). Здѣсь-же на стр. 200, въ примѣч. 34 данъ богатый подборъ, преимущественно, евангельскихъ цитатъ, доказывающій очень раннее существованіе у іудеевъ формулы *ἀρχιερεῖς καὶ πρεσβύτεροι*. въ виду чего, совершенно страннымъ оказывается заявленіе *H. Achelis*'а о томъ, что терминъ „пресвитеръ“ іуден чуть-ли не заимствовали у христіанъ“. Das Christentum... I, 103 s. 1912.

[2]) *Арфаксадовъ*—61 стр. и 64: „*ἀρχιερεῖς*—члены привеллигированныхъ священническихъ фамилій: Фабія, Боэта, Каѳара, Анана и др. Это—бывшіе первосвященники и члены ихъ фамилій“.

[3]) *E. Schürer*³—II, 201. „*Γραμματεῖς*—партія *знатоковъ закона* (die Gesetzkundigen von Fach), пользовавшаяся большимъ вліяніемъ въ синедріонѣ... Фактически, именно, они въ эту эпоху играла преобладающую роль въ немъ“. Объ аристократизмѣ саддукеевъ—*ἀρχιερεῖς* и демократизмѣ фарисеевъ—*γραμματεῖς* см. и у *Арфаксадова* 73 стр. и сл.

[4]) *E. Schürer*³ II, 201: „тѣ засѣдатели синедріона, которые ни подъ одну изъ двухъ спеціальныхъ категорій не подходили, назывались просто *πρεσβύτεροι*, каковое общее обозначеніе могло включать въ себя одинаково, какъ священническихъ, такъ и несвященническихъ сочленовъ“. (Sowol priesterliche als nichtpriesterliche Mitglieder). Но *Арфаксадовъ* почему-то говоритъ, что они были только „міряне изъ свѣтской аристократіи“ 65. Хотя раньше и самъ признавался, что точно опредѣлить эту группу невозможно.

въ качествѣ его первоначальнаго образца. И это вполнѣ понятно: тѣ двѣ группы—*ἀρχιερεῖς* и *γραμματεῖς* были слишкомъ рѣзко очерчены и опредѣленны, чтобы можно было пересаживать ихъ на новую почву—христіанской церкви. Наоборотъ, группа *πρεσβύτεροι* не имѣла опредѣленности и въ то-же время была достаточно широка и эластична, такъ что представляла изъ себя наиболѣе благодарный матеріалъ для прививки и на новой, іудейско-христіанской почвѣ Іерусалима.

Представленный нами сжатый очеркъ исторіи института старѣйшинъ у Евреевъ убѣдительно доказываетъ, что этотъ институтъ, дѣйствительно, былъ главнымъ жизненнымъ устоемъ всей исторіи народа Божія: мѣнялись времена, мѣнялись условія жизни и параллельно съ ними видоизмѣнялся и самый этотъ институтъ; но внутренній его духъ, самая его основа, старѣйшинство, какъ жизненный базисъ, проходитъ, положительно, чрезъ всю исторію Евреевъ и сохраняетъ свою силу до сихъ поръ. Это былъ привычный, стародавній типъ общественно-религіознаго строя, съ которымъ прочно сжились Іудеи, который вошелъ, что называется, въ ихъ плоть и кровь. Болѣе, чѣмъ естественно, что и по переходѣ въ христіанство, іерусалимскіе Іудеи, которые вообще сильно тяготѣли „къ отеческимъ преданіямъ", продолжали поддерживать и привычный институтъ „старѣйшинъ". Тутъ нѣтъ необходимости непремѣнно видѣть сознательное заимствованіе и подражаніе, на чемъ, въ ущербъ исторической правдѣ, готовы иногда настаивать раціоналисты (Baudissin, Kuenen, Jacoby, E. Hatsch, Beyschlag, Weissäcker etc.). А просто люди по привычкѣ, какъ-бы, такъ сказать, по инерціи продолжали управляться и жить такъ, какъ привыкли они дѣлать это и раньше. Отсюда, какъ только лишь у іерусалимскихъ іудео-христіанъ,—этихъ вчерашнихъ правовѣрныхъ іудеевъ,—начала слагаться своя собственная организація, она тотъ-часъ же получила знакомыя прежнія черты, да вмѣстѣ съ ними усвоила и привычное наименованіе, лишь съ нѣкоторыми варіаціями, въ зависимости отъ новыхъ условій.

Такъ, вмѣсто прежней формулы *ἀρχιερεῖς καὶ πρεσβύτεροι* получилась новая, или нѣсколько видоизмѣненная—*ἀπόστολοι καὶ πρεσβύτεροι*—въ роли той начальственной группы, которой принадлежало руководство всѣми дѣлами общины. Подобная роль апостоловъ, какъ ближайшихъ учениковъ Христа и продолжателей Его дѣла, разумѣется, вполнѣ понятна. Но вмѣстѣ съ ними мы очень рано видимъ и другую вліятельную группу—*πρεσβύτεροι*. Во всякомъ случаѣ, какъ справедливо подчеркиваетъ это Löning, коллегія іерусалимскихъ пресвитеровъ активно заявила о себѣ еще до

Апостольскаго собора, и она принимала участіе не въ однихъ только внѣшне-административныхъ дѣлахъ, но и въ спорныхъ вопросахъ ученія и жизни [1]). А проф. А. П. Лебедевъ пытается даже опредѣлить и тотъ историческій моментъ, когда эта коллегія особенно окрѣпла, указывая его въ томъ гоненіи, которое воздвигнуто было на христіанъ послѣ убіенія архидіакона Стефана и которое заставило даже и самихъ апостоловъ временно покинуть Іерусалимъ [2]). Итакъ, мы, въ согласіи съ большинствомъ авторитетныхъ ученыхъ, признаемъ, что имя и самая организація іерусалимскаго пресвитерата изслѣдуемой нами эпохи были прямымъ сколкомъ съ аналогичной организаціи іудейской общины. Причемъ вполнѣ пріемлема и догадка проф. Мышцына, что „возникшіе сначала изъ собственныхъ нуждъ христіанской церкви подъ безсознательнымъ іудейскимъ вліяніемъ, іерусалимскіе пресвитеры—старцы съ теченіемъ времени могли сознательно ставить себя въ параллель съ старѣйшинами синедріона" [3]). Напомнимъ и высказанную нами ранѣе догадку, основанную на библейскомъ текстѣ, что естественной связью между іудейскимъ и іудео-христіанскимъ пресвитератомъ Іерусалима, могли послужить нѣкоторые изъ „старѣйшинъ", принявшихъ христіанство (Іо. XII, 42 и Дѣян. VI, 7) [4]).

Первые кандидаты христіанскихъ старѣйшинъ Іерусалима могли вербоваться изъ числа наиболѣе вліятельныхъ и уважаемыхъ лицъ, (*δύνατοι* и *γνώριμοι* у Іо. Фл. являются синонимами *πρεσβύτεροι*—De bello jud. II, 15, 3; II, 17, 2), преимущественно старшихъ и по возрасту, или, вообще, выдѣлявшихся

---

[1]) *Dr. E. Löning* „Die Gemeindeverfassung der Urchristentums" 61 s. Halle 1889.

[2]) *Проф. А. П. Лебедевъ* „Когда іудеи порвали связь съ христіанами и даже воздвигли на нихъ гоненіе, то христіане іерусалимскіе остались, такъ сказать, безъ начальства: синедріонъ пересталъ ихъ считать своими чадами; въ виду этого христіанамъ ничего не оставалось дѣлать, какъ установить у себя начальство: такъ они и сдѣлали. Образца искать не приходилось: іудейскій синедріонъ былъ на лицо. Копію съ него и представлялъ іерусалимскій пресвитерій". „Духовенство древней церкви..." 60—61 стр.

[3]) *Проф. В. П. Мышцынъ* „Цит. сочин." 45 стр. Вѣское подтвержденіе этому даетъ и одинъ изъ древнѣйшихъ и авторитетнѣйшихъ церковныхъ писателей, начала II в.—Игнатій Богоносецъ, у котораго мы неоднократно встрѣчаемся съ уподобленіемъ христіанскаго *πρεσβυτέριον* іудейскому—*συνέδριον* (Ad. Trall. c. 3. *Magn.* c. 6 и Philad.—c. 8. Editio *Ligthfoot* „The Apostolic Father" II, London 1889).

[4]) Данный фактъ отмѣчаетъ и Евсевій въ той главѣ своей исторіи, которую онъ спеціально посвящаетъ разсказу о мученической кончинѣ перваго іерусалимскаго епископа Іакова Праведнаго, брата Господня. Здѣсь мы читаемъ: „когда-же увѣровавшихъ оказалось много—даже и между *старѣйшинами*"... *Евсев.* II кн. XXIII гл. 103 стр.

своими заслугами. Но больше всего шансовъ на такое почетное положеніе въ общинѣ, естественно, должны были получить главы тѣхъ фамилій, или даже опредѣленныхъ домовъ, гдѣ иногда, кромѣ іерусалимскаго храма, христіане собирались для своей молитвы и преломленія хлѣба (Дѣян. II, 46 и V, 42. Ср. „домашнюю церковь“ у ап. Павла Рим. XVI; 4, I Кор. XVI, 9; Филим. 2). Въ кн. Дѣяній названы два такихъ іерусалимскихъ дома для христіанскихъ собраній—домъ Маріи, матери одного изъ спутниковъ Варнавы и Павла—Іоанна Марка (XII, 12), и домъ Іакова, брата Господня, перваго іерусалимскаго епископа (XII, 17). Но весьма правдоподобно, что при многихъ тысячахъ іерусалимскихъ христіанъ, существовалъ, быть можетъ, ни одинъ десятокъ такихъ домовъ, выдвигавшихъ своихъ хозяевъ на положеніе особо уважаемыхъ и вліятельныхъ лицъ, т. е. „старѣйшинъ“ *(πρεσβύτεροι)* [1]).

Послѣдній вопросъ—какъ смотрѣть на іерусалимскихъ пресвитеровъ? Считать-ли ихъ чинами христіанской новозавѣтной іерархіи (и при томъ въ какомъ санѣ—„епископа“ или „пресвитера?), или усвоять имъ своеобразное, общественно-религіозное значеніе? Намъ думается, что на почвѣ предыдущаго изслѣдованія, онъ рѣшается уже самъ собою, и именно, во второмъ смыслѣ. Нѣтъ возможности видѣть здѣсь позднѣйшихъ христіанскихъ пресвитеровъ, хотя-бы по одному тому, что эти послѣдніе и явились, надо думать, нѣсколько позднѣе и главное—назывались инымъ, болѣе опредѣленнымъ именемъ *πρεσβύτεροι τῆς ἐκκλησίας*—„пресвитеровъ церковныхъ“ (въ соборномъ посл. ап. Іакова, епископа іерусалимскаго и вѣроятнаго предсѣдателя іерус. собора V, 14). Епископовъ-же нельзя видѣть здѣсь потому, что іерусалимской церкви не свойствененъ былъ коллегіальный епископатъ, а она всегда держалась монархическаго. Да и трудно было-бы допустить столь сильное развитіе епископата при жизни всѣхъ апостоловъ, такъ какъ епископатъ, по самой своей идеѣ, является какъ-бы замѣной и продолженіемъ уже заканчивающагося апостолата, чего нельзя было еще сказать про апостолатъ данной эпохи. Поэтому, естественнѣе и логичнѣе всего въ „пресвитерахъ“ Апостольскаго собора видѣть уважаемыхъ народныхъ представителей, его главъ или старѣйшинъ, облеченныхъ морально-теократическими полномочіями; и проф. Мышцынъ глубоко правъ, когда говоритъ, что „нашъ славянскій переводчикъ, всегда обозначающій ихъ, какъ *старцевъ*, въ отличіе отъ пресвитеровъ другихъ церквей, вѣроятно смотрѣлъ на нихъ, именно, такимъ образомъ. Однако—добавляетъ онъ—слѣдуетъ помнить, что и іудейскіе старѣйшины обычно поставлялись въ должность чрезъ возложеніе рукъ. Отсюда, если іерусалимскіе пресвитеры возникли отчасти изъ безсознательнаго подражанія іудейскимъ старѣйшинамъ, то это еще не значило, что они не получали посвященія“ [1]). Еще ближе къ истинѣ кажется намъ взглядъ извѣстнаго комментатора *Meyer-Wendt'a*, который въ „пресвитерахъ“ іерусалимской общины видитъ почетныхъ представителей общины и терминъ *πρεσβύτεροι* замѣняетъ его синонимомъ—Honoratioren [2]).

Итакъ, іерусалимскій пресвитератъ, былъ достаточно самобытнымъ явленіемъ іерусалимской церкви. Возникши на іудейской почвѣ и сложившись подъ преобладающимъ вліяніемъ іудейскихъ-же традицій, онъ призванъ былъ нести новую службу въ христіанской общинѣ, что, конечно, должно было наложить на него и соотвѣтствующій новый отпечатокъ, сказывавшійся, главнымъ образомъ, въ томъ, что онъ какъ-бы явился замѣной исчезнувшаго института „семи“ (пріемъ и раздача приношеній—Дѣян. XI, 30). Если-же принять догадку, что въ домахъ этихъ старѣйшинъ совершалось богослуженіе и преломленіе хлѣба, то слѣдуетъ допустить, болѣе или менѣе, активное отношеніе ихъ и ко всему этому, откуда уже недалекъ былъ переходъ и къ послѣдующей эволюціи—переходу нѣкоторыхъ изъ этихъ „народныхъ пресвитеровъ“ *(πρεσβύτεροι τοῦ λαοῦ)* на степень „пресвитеровъ церковныхъ“ *(πρεσβύτεροι τῆς ἐκκλσίας)* [3]). Но несомнѣнно лишь одно, что тѣ и другіе пресвитеры не выступали единолично, а дѣйствовали только сообща, представляя собою тѣсно сплоченную корпорацію [4]).

[1]) Главное своеобразіе іерусалимскаго пресвитерата въ томъ и заключается, что онъ гораздо больше былъ еще продолженіемъ іудейскаго старѣйшинства, чѣмъ предвосхищеніемъ этическо-христіанскаго пресвитерата, хотя онъ-же, вѣроятно, послужилъ и естественнымъ мостомъ между ними.

[1]) *Проф. Мышцынъ* Цит. соч. 43 стр.

[2]) *Meyer-Wendt* Op. cit. 144 и 257 s.

[3]) *Рудольфъ Зомъ* „Церковный строй въ первые вѣка христіанства“ § 11 Старѣйшины. Съ 224—254. Впрочемъ, взгляды Зома на данный вопросъ не отличаются желательной опредѣленностью, вслѣдствіе того, что онъ не проводитъ рѣзкой грани между іерусалимскими старѣйшинами и древне-христіанскими пресвитерами, вообще.

[4]) *Проф. А. П. Лебедевъ* „Духовенство древней вселенской церкви“. Москва 1905 г. 57 стр.

V.

Роль на соборѣ „пресвитеровъ“ и „мірянъ“.

Теперь, послѣ довольно продолжительнаго библейско-историческаго экскурса о пресвитерахъ іерусалимскихъ, намъ становится яснымъ ихъ отношеніе и къ народу, и къ апостоламъ и самая роль ихъ на соборѣ. Въ глазахъ народа „старѣйшины“ были его авторитетными вождями, довѣренными представителями и надежными охранителями его интересовъ, тѣмъ самымъ, что Meyer-Wendt такъ удачно опредѣлилъ терминомъ Honoratioren, т. е. болѣе почетныхъ представителей. Среди іудаистически настроенной іерусалимской паствы они, какъ ученые законники („фарисеи и книжники“) были самымъ консервативнымъ элементомъ, главными „ревнителями закона“. По отношенію къ апостоламъ, они, надо полагать, держались, хотя и почтительно, но довольно самостоятельно, такъ какъ источникъ ихъ особаго положенія не зависѣлъ отъ апостоловъ. Такая независимость, какъ извѣстно, доходила даже до того, что когда поведеніе какого-либо апостола оказывалось въ глазахъ „старѣйшинъ“ соблазнительнымъ для народа, или оскорбительнымъ для закона, то они не боялись выступать съ открытымъ его обличеніемъ и съ требованіемъ исправиться, какъ это было, напр. съ ап. Павломъ, во время его послѣдняго посѣщенія Іерусалима (Дѣян. XXI, 18—27). Подобный-же фактъ имѣлъ мѣсто и съ самимъ ап. обрѣзанія—Петромъ, которому пришлось защищаться передъ іерусалимскими собратьями въ томъ, что онъ крестилъ необрѣзаннаго (именно, Кесарійскаго сотника Корнилія—Д. XI, 2—18). Случай этотъ, вообще, представляетъ наиболѣе близкую аналогію съ исторіей іерусалимскаго собора. Здѣсь поставленъ былъ тотъ-же самый, больной вопросъ объ обрѣзаніи и выступили тѣ же двѣ различныхъ точки зрѣнія на него: старая, строго-іудейская, упрекавшая даже за одно общеніе съ необрѣзаннымъ („ты ходилъ къ людямъ необрѣзаннымъ и ѣлъ съ ними“ Д. XI, 3) и новая, только что начинавшая прививаться въ христіанствѣ, въ силу особаго божественнаго о томъ откровенія (Д. X, 11—28). Продолжая эту аналогію дальше, мы чисто логическимъ путемъ должны вывести и тождество самихъ спорящихъ сторонъ. Въ первомъ случаѣ (по поводу сотника Корнилія) этими сторонами были „обрѣзанные“ и ап. Петръ. Во второмъ (исторія Апостольск. собора)—вполнѣ опредѣленно извѣстна только одна сторона—„нѣкоторые изъ фарисейской ереси увѣровавшіе“. Между „обрѣзанными“ X гл. Д. и „нѣкоторыми изъ фарисейской ереси“ XV гл. мы имѣемъ основаніе провести знакъ полнаго равенства. Слѣдовательно, въ правѣ распространить этотъ знакъ и на два другихъ члена уравненія—ап. Петра, въ первомъ случаѣ, и апостоловъ Петра, Павла, Іакова и Іоанна, во второмъ. Подъ „обрѣзанными“ же и фарисейски настроенными оппонентами апостоловъ всего естественнѣе разумѣть главнѣйшихъ представителей обрѣзанія—іудео-христіанскихъ старѣйшинъ Іерусалима, какъ это мы уже и доказывали раньше [1]). Такимъ образомъ, получается совершенно естественная, согласная и съ текстомъ и со всѣмъ строемъ іерусалимской церкви, ситуація членовъ іерусалимскаго собора: онъ состоялъ изъ двухъ основныхъ, состязавшихся группъ: *изъ апостоловъ* (Петра, Іакова, Іоанна,—солидарно объединившихся съ антіохійцами—Павломъ Варнавою и Титомъ въ предварительной частной бесѣдѣ—Гал. II, 2, 6—8) съ одной стороны, и—іерусалимскихъ, іудео-христіанскихъ *старцевъ*,—представителей іудействующей іерусалимской общины, съ другой стороны.

Самую возможность подобнаго состязанія и исторію его постепеннаго наростанія представить довольно не трудно, на почвѣ тѣхъ-же библейско-новозавѣтныхъ данныхъ. Несогласія и ссоры между обрѣзанными и необрѣзанными замѣчались чуть-ли не съ первыхъ дней существованія іерусалимской церкви. Впервые болѣе опредѣленно они выступили въ формѣ ропота эллинистовъ, жаловавшихся на то, что іудеи обижаютъ ихъ вдовицъ, при „ежедневномъ раздаяніи потребностей“, подъ чѣмъ, повидимому, нужно было понимать, главнымъ образомъ, недоразумѣнія, происходившія при общихъ трапезахъ, для упорядоченія чего и были избраны „семь мужей“ (Дѣян. VI, 1—7). Недоразумѣнія эти, очевидно, исходили изъ очень невысокаго взгляда обрѣзанныхъ Евреевъ на всѣхъ необрѣзанныхъ, не исключая и прозелитовъ, взгляда, имѣвшаго для себя опору и въ самомъ законѣ Моисеевомъ, запрещавшемъ подобныя общенія даже и въ обычныхъ, бытовыхъ отношеніяхъ (въ пищѣ и питьѣ—Дѣян. X, 28; ср. Мѳ. IX, 1; Іо. IV, 9. Ср. Исх. XXIII, 32; XXXIV, 15; Втор. VII, 3) [2]). Дальнѣйшее развитіе этого

[1]) Подобная догадка получаетъ тѣмъ бо́льшую убѣдительность, что въ составъ растяжимой іудейской группы *πρεσβύτεροι* мы легко предположительно можемъ включить и „ученыхъ книжниковъ“ (*γραμματεῖς*), знатоковъ и ревнителей закона, и представителей „фарисейской партіи“, этой партіи національно-религіозныхъ демократовъ, весьма популярной въ то время у простонародной массы.

[2]) О степени пренебрежительности взгляда Евреевъ на прозелитовъ краснорѣчиво говоритъ такое, напр. опредѣленіе ихъ въ Талмудѣ: proselyti sunt sicut scabies (парша, лишай) Israeli“—Цит. взята у проф. *Мищенко* Цит. соч. 277 стр.

кризиса можно видѣть въ исторіи мученической кончины архид. Стефана, и послѣдовавшаго за ней гоненія на іерусалимскихъ христіанъ (VII—IX гл.). Хотя несомнѣнно, что въ роли гонителей здѣсь выступали лишь невѣровавшіе іудеи, однако то, обстоятельство, что оно обрушилось только на эллинистовъ (убіеніе арх. Стефана и уходъ изъ іерусалима всѣхъ „семи“), а коренные іерусалимскіе іудео-христіане, повидимому, нисколько отъ него не пострадали, даетъ, болѣе или менѣе, ясно чувствовать, что гоненіе это воздвигнуто было на почвѣ борьбы нестолько за самое христіанство, сколько за обрѣзаніе, т. е. за оскорбленіе іудейства (прямой вызовъ іудейству сдѣланъ былъ и въ заключительной части рѣчи арх. Стефана, которая особенно озлобила слушателей—Д. VII, 51—57) [1]. И къ этой кровавой борьбѣ за обрѣзаніе и законъ Моисеевъ, едва-ли могли остаться совершенно равнодушными и увѣровавшіе изъ коренныхъ іудеевъ. Судя по всему ихъ поведенію, скорѣй надо полагать, что ихъ симпатіи клонились больше въ сторону строгихъ іудеевъ, чѣмъ либеральныхъ эллинистовъ.

Новый, болѣе ясный фазисъ въ развитіи и обостреніи споровъ изъ-за обрѣзанія представляетъ собой случай крещенія ап. Петромъ сотника Корнилія и вызванное имъ недовольство. Самый фактъ крещенія былъ настолько экстраординарнымъ, что смутилъ первоначально и самого ап. Петра, для котораго потребовалось даже особое божественное откровеніе, чтобы его вразумить и успокоить (Д. X, 14—17). Еще бо́льшее смущеніе вызвалъ онъ среди іерусалимскихъ христіанъ обрѣзанія, которые нѣсколько примирились съ нимъ лишь послѣ подробной защитительной рѣчи ап. Петра (Д. XI, 18). Но и этимъ чудеснымъ случаемъ іерусалимскіе іудео-христіане еще не могли окончательно вразумиться, такъ какъ продолжали ревнивымъ окомъ наблюдать за успѣхами христіанской миссіи среди язычниковъ,ославъ въ главный центръ этой миссіи—г. Антіохію, даже особыхъ соглядатаевъ, вызвавшихъ извѣстное намъ волненіе и тамъ. И вотъ, постепенно нараставшій кризисъ окончательно созрѣлъ ко времени Апостольскаго собора, когда старое, никогда въ сущности, неумиравшее недовольство получило обильную новую пищу. Вернувшіеся изъ Антіохіи іерусалимскіе соглядатаи принесли весьма неутѣшительныя вѣсти объ антиномистическомъ настроеніи тамошней церкви. Приходъ въ Іерусалимъ антіохійцевъ, во главѣ съ Павломъ

[1]) Такой взглядъ на это гоненіе проводится у прот. *Горскаго* Цит. соч. 256 и въ коммеитаріи *Meyer-Wendt*—150—122 s.

и Варнавой, и въ особенности, ихъ вызывающіе разсказы о своихъ успѣхахъ, фактически подтвердилъ принесенныя вѣсти. Наконецъ, сочувственный пріемъ, оказанный антіохійцамъ у апостоловъ и выяснившаяся ихъ идейная солидарность, обострили хроническій кризисъ до того, что потребовалась радикальная операція. Іудейскіе старѣйшины, надо думать, обратились ко всѣмъ апостоламъ приблизительно съ тѣмъ самымъ укоромъ, какой раньше они сдѣлали одному ап. Петру (Д. XI, 2), и потребовали публичнаго обсужденія и категорическаго рѣшенія смущающаго всѣхъ вопроса. Апостолы охотно пошли на это предложеніе и такимъ образомъ состоялся первый іерусалимскій соборъ—соборъ апостоловъ и антіохійцевъ, съ одной сторны и союза іудейско-христіанскихъ старѣйшинъ, съ другой [1]).

Остается окончательно выяснить положеніе на іерусалимскомъ соборѣ третьей группы—„вѣрующихъ братій“, или по современному, простыхъ „мірянъ“. Библейскій текстъ опредѣленно упоминаетъ о нихъ только однажды, именно, въ заголовкѣ соборнаго посланія, написаннаго отъ лица „апостоловъ, пресвитеровъ и *братій*“ (Д. XV, 23). Но и это указаніе еще не особенно категорично, по крайней мѣрѣ, не настолько, чтобы не допускать возможности истолкованія его, въ смыслѣ оффиціальнаго общаго заголовка того документа, который, хотя редактируется лишь одними законными представителями церкви, но издается отъ лица всего ея состава [2]). Еще менѣе категоричны два другихъ текстуальныхъ указанія на мірянъ, изъ которыхъ одно говоритъ о „большомъ состязаніи“ или словопреніи на соборѣ (Д. XV, 7), а другое—о полной тишинѣ „всего собравшаго множества“ (*πᾶν τὸ πλῆθος*), наступившей передъ рѣчами антіохійскихъ миссіонеровъ—Павла

[1]) Разумѣется, нѣтъ никакой нужды обострять спора апостоловъ со старцами и раздувать его до степени открытой вражды или упорной оппозиціи со стороны послѣднихъ. Совершенно достаточно для цѣли представить его себѣ въ видѣ серьезнаго идейнаго разногласія по принципіальному вопросу; причемъ не исключена возможность, что до собора не было полнаго единомыслія по данному пункту даже и среди представителей каждой изъ этихъ двухъ группъ, что, конечно, только еще болѣе увеличивало необходимость въ авторитетномъ соборномъ обсужденіи и рѣшеніи вопроса.

[2]) Нельзя не обратить здѣсь серьезнаго вниманія и на спорную, текстуально-критическую сторону дѣла. Чтеніе *οἱ ἀπόστολοι καὶ οἱ πρεσβύτεροι καὶ οἱ ἀδελφοί* подвергается сомнѣнію, и у Blassa, напр. категорически замѣняется *ἀδελφοῖς*, т. е. указаніемъ на адресатовъ. Спабепбауег подкрѣпляетъ это и параллелью—Дѣян. XVI, 4. *Meyer-Wendt* предлагаетъ видѣть здѣсь аппозицію и читать *καὶ οἱ πρεσβύτεροι—ἀδελφοί*, въ параллель съ обычн. въ Дѣян. *ἄνδρες — ἀδελφοί* (XV, 7. Ср. I, 29, 37 и др.). Такъ что чтеніе *καὶ οἱ ἀδελφοί* слѣдуетъ признать, по меньшей мѣрѣ, довольно спорнымъ.

и Варнавы (12 ст.). Большое состязаніе, разумѣется, отнюдь не требуетъ и большаго количества состязающихся: оно указываетъ только на оживленный темпъ споровъ, который еще даже съ бо́льшимъ удобствомъ могъ развиться среди, сравнительно немногочисленныхъ, но хорошо съорганизованныхъ соборныхъ группъ, чѣмъ среди большой, но всегда недостаточно дисциплинированной, толпы [1]. Еще менѣе, конечно, убѣдительно заключеніе *о бесѣдѣ* народа изъ того, что *онъ молчалъ*, дающее только пищу для остроумія католическихъ критиковъ [2]).

Но не находя въ самомъ библейскомъ текстѣ ясныхъ и безспорныхъ указаній на активную роль мірянъ на соборѣ, мы все-же далеки отъ мысли вовсе отрицать ихъ присутствіе на немъ. Да этого, какъ мы видѣли выше, не дѣлаютъ даже и современные католическіе богословы, допускающіе присутствованіе мірянъ на Апостольскомъ соборѣ, но только совершенно молчаливое, пассивное. Мы-же, исходя изъ точнаго смысла библейскаго текста и

[1]) Послѣ того, какъ заподозрѣна правильность чтеніе *καὶ ἀδελφοί* (23 стр.) единственнымъ текстуальнымъ основаніемъ предполагать участіе на соборѣ и „мірянъ“ служитъ терминъ *τὸ πλῆθος* „множество“ (12 ст.), который въ сопоставленіи съ *πλῆθος* (30 ст. „народъ“) этой же главы, понимается въ смыслѣ указанія, именно, на множество присутствовавшаго на соборѣ народа. Но и эта почва ускользаетъ изъ-подъ ногъ послѣ документальныхъ изслѣдованій извѣстнаго лингвиста берлинскаго профессора *A. Deissmann*'а. Онъ доказалъ, что терминъ *τὸ πλῆθος* отнюдь не синонимъ латинскаго multitudo, т. е. не показатель простого, безпорядочнаго множества, или случайной народной толпы, а технический терминъ, служащій обозначеніемъ народа, какъ политически съорганизованнаго цѣлаго (I Макк. 8, 20; II Макк. 11, 66, срав. *ὁ δῆμος τῶν Ἰουδαίων*—Дѣян. 25, 24). То-же подтверждается и анализомъ современныхъ той эпохѣ греческихъ надписей, отрытыхъ на о. Родосѣ *(τὸ πλῆθος τὸ Ῥοδίων, τὸ πλῆθος τό Λινδίων)*. Причемъ, наблюдается и тотъ любопытный фактъ, что терминъ *τό πλῆθος* преимущественно употребляется для обозначенія религіозныхъ ассоціацій, служа обозначеніемъ религіозной конгрегаціи, въ ея цѣломъ. Съ такимъ, именно, значеніемъ перешелъ этотъ терминъ и въ новозавѣтное употребленіе (Лук. I, 10; XIX, 37; Дѣян. II, 6), гдѣ онъ означаетъ не простое множество народа, но организованное, упорядоченное церковно-религіозное общество. *Deissmann-Grieve*, Op. cit. 232—233 p. Въ частности для іерусалимской церковной общины такая организованность, какъ мы видѣли, достигалась ничѣмъ инымъ, какъ институтомъ „почетныхъ старѣйшинъ“, или „пресвитеровъ“, являвшихся уполномоченными представителями общины.

[2]) См. напр. *Schenz* Op. cit. 61 s. Однако. не смущаясь ироніей католиковъ, мы готовы признать, что фраза *ἐσίγησεν τὸ πλῆθος*—все-же показательна: въ меньшемъ случаѣ, она говоритъ о гласномъ, открытомъ ходѣ соборныхъ преній, позволявшемъ членамъ іерусал. общины такъ или иначе реагировать на нихъ. Впрочемъ, *Meyer-Wendt* видитъ здѣсь молчаніе не народа, а лишь іудействующей оппозиціи антіохійцамъ, которая, замолчала потому, что признала себя побѣжденной—261 s.

всѣхъ предыдущихъ изысканій, представляемъ себѣ участіе мірянъ въ такомъ видѣ. Никто и не думалъ отгораживаться отъ мірянъ—не пускать ихъ на соборъ или ограничивать ихъ права на немъ. Поэтому мірянъ пришло на соборъ столько, сколько нашлось желающихъ, или сколько могло вмѣстить самое мѣсто соборнаго засѣданія (точнѣе тотъ домъ или площадь, гдѣ соборъ происходилъ) [1]. По существовавшая среди іудеевъ общественно-религіозная организація (институтъ старѣйшинъ), а также и правильно понятый собственный интересъ мірянъ заставилъ ихъ воздержать отъ активнаго личнаго участія на соборѣ, а внушилъ поручить это дѣло своимъ довѣреннымъ представителямъ, своимъ-же излюбленнымъ, лучшимъ людямъ, т. е. старѣйшинамъ, которые впереди всѣхъ стояли и по ревности въ законѣ, и по искусству его отстаивать и защищать. Однако и передовѣривши свои права старѣйшинамъ, вѣрующій народъ не оказался въ положеніи чисто пассивнаго элемента на соборѣ. Наоборотъ, такъ какъ соборъ былъ публичнымъ и открытымъ для всѣхъ состязаніемъ, то присутствовавшее множество народа внимательно слѣдило за ходомъ соборныхъ преній и, видимо, такъ или иначе на нихъ реагировало. При этомъ въ самомъ поведеніи народа нельзя не отмѣтить высокой, такъ сказать, культурности его поведенія: онъ не проявлялъ никакихъ предвзятыхъ тенденцій, никакихъ симпатій или антипатій и даже съ особенно почтительнымъ вниманіемъ выслушалъ рѣчи Павла и Варнавы—лидеровъ противоположной ему, антиномистической партіи (Д. XV, 12). Но заключая по аналогіи со всѣми общественно-народными собраніями той эпохи, надо думать, что присутствовавшій народъ, тѣмъ или инымъ способомъ (вѣроятнѣе всего, прямо криками—per acclamationem) выражалъ свое сочувствіе или несочувствіе говорившимъ ораторамъ, что и помогло собору, въ концѣ концовъ, достигнуть общаго единодушія, т. е. блестяще выполнить свою задачу. Это *γενομένοις ὁμοθυμαδόν*—одинъ изъ лучшихъ завѣтовъ іерусалим-

[1]) Здѣсь мы усматриваемъ новый вѣскій доводъ противъ мысли о непосредственномъ, личномъ участіи на соборѣ всей іерусалимской общины in corpore. Количество ея членовъ, по скромнымъ разчетамъ, должно было ко времени собора даже превышать цифру 10.000 (Дѣян. III, 41; IV, 4; V, 14; VI, 7 и др.). Такую огромную массу народа трудно было, прежде всего, сосредоточить въ какомъ-либо одномъ пунктѣ, хотя бы даже и на площади. Еще труднѣе было сдѣлать ее продуктивной для собора. Наконецъ, такого сборища не допустили-бы и тогдашнія іерусалимскія власти, которыя, какъ извѣстно, не отличались расположеніемъ къ христіанамъ, и не разъ уже обрушивались на нихъ съ гоненіемъ.

скаго Апостольскаго собора, оставленный имъ въ назиданіе всѣмъ послѣдующимъ.

Такимъ образомъ, при нашемъ освѣщеніи картины іерусалимскаго собора, сами собой отпадаютъ всѣ споры объ активномъ или пассивномъ характерѣ соборнаго участія, о рѣшающемъ или совѣщательномъ голосѣ участниковъ и о различныхъ другихъ, иногда чисто филологическихъ тонкостяхъ, въ родѣ спора о *ζήτησις* или *συνζήτισις*, произшедшаго между видными членами предсоборнаго присутствія 1906 г. [1]). Ясно, что всѣ голоса были рѣшающими, поскольку всѣ они вліяли на выработку окончательнаго рѣшенія, и всѣ участники собора были активными его дѣятелями, такъ какъ пассивно-молчаливое присутствіе ихъ подчеркивается лишь въ видѣ исключенія (12 гл.). Но удѣльный вѣсъ голосовъ и самая степень этой активности были не одинаковы, что зависѣло, впрочемъ, не отъ какихъ-либо стороннихъ причинъ, а опредѣлялось самымъ существомъ дѣла и наличнымъ религіозно-общественнымъ строемъ. Это подтверждается и самымъ ходомъ соборныхъ разсужденій. Мы видимъ, что главная роль на соборѣ, какъ и слѣдовало ожидать, принадлежала апостоламъ, по ихъ исключительному положенію въ христіанской общинѣ, какъ достовѣрныхъ свидѣтелей Христа, предъизбранныхъ отъ Бога (Д. X, 41). Но изъ среды апостоловъ не всѣ проявляли одинаковую активность на соборѣ, а лишь трое—Петръ, Павелъ и Іаковъ, по ихъ ближайшему, непосредственному отношенію къ тѣмъ вопросамъ, которые обсуждались на соборѣ. Ап. Петръ выступаетъ, какъ видно изъ его рѣчи, въ качествѣ *перваго*, кому самъ Богъ открылъ необходимость принятія въ христіанскую церковь и необрѣзанныхъ. Ап. Павелъ, въ качествѣ имѣвшаго наиболѣе богатый опытъ на этомъ поприщѣ. Апостолъ же Іаковъ—въ качествѣ главы іерусалимской церкви и ея всѣми уважаемаго теократическаго вождя, сдѣлавшаго заключительное, предсѣдательское резюмэ всѣхъ соборныхъ преній и предложившаго формулу окончательнаго соборнаго рѣшенія, которая и была принята всѣми присутствующими [2]).

Сравнительно далеко уже не такъ активна была роль іудейско-христіанскихъ старѣйшинъ. Изъ нихъ никто не выступаетъ единолично, что вполнѣ естественно и понятно, если принять во вниманіе, что самый этотъ институтъ былъ коллегіальнымъ органомъ. Но что коллегія старѣйшинъ, несомнѣнно, выступала на іерусалимскомъ соборѣ и выступала, надо полагать, довольно энергично, слѣды этого отпечатлѣлись и на рѣчахъ апостоловъ и особенно—на содержаніи соборнаго постановленія, носящаго явно компромиссный характеръ. Въ рѣчи ап. Петра слѣды эти можно видѣть въ двухъ косвенныхъ намекахъ: во первыхъ въ томъ, что сердцевѣдецъ Богъ не положилъ никакого различія, по словамъ ап. Петра, между обрѣзанными и необрѣзанными, на что могли съ особеннымъ удареніемъ указывать, именно, іудействующіе старѣйшины, исходя изъ прямого смысла своего закона (Исх. XXXIV, 8—24; Втор. VII, 3—26 и др.). Другой, еще болѣе ясный намекъ на іудействующую оппозицію звучитъ въ томъ укорѣ, съ которымъ ап. Павелъ обратился къ нимъ: „что-же вы нынѣ искушаете Бога, желая возложить на выи учениковъ иго, котораго не могли понести ни отцы наши, ни мы“? (10 с.). Ни къ другимъ апостоламъ, ни къ Павлу и Варнавѣ подобный упрекъ не приложимъ. Не могъ онъ быть обращенъ и ко всему множеству присутствовавшаго на соборѣ народа, хотя бы уже по одному тому, что такое огульное обвиненіе лицъ, непосредственно не участвовавшихъ въ дебатахъ (Д. XV, 6), вообще, не допустимо. Ясно, что упрекъ этотъ могъ быть направленъ только по адресу тѣхъ старѣйшинъ, которые, какъ опредѣленно намъ извѣстно, еще и до собора пытались повсюду (Антіохія, Галатія, Іерусалимъ) и на всѣхъ распространить иго Моисеева закона, чего и сами они, по замѣчанію еще Господа (Мѳ. XXIII, 4), никогда, какъ слѣдуетъ, не исполняли и не исполняютъ.

Отголосокъ, или даже, точнѣе, сводку положительныхъ предложеній, вносимыхъ партіей іудействующихъ старѣйшинъ представляетъ собой заключительная рѣчь ап. Іакова, легшая и въ основу всего соборнаго рѣшенія (т. н. „апостольскаго декрета“). Въ резолютивной рѣчи предсѣдателя собора мы видимъ искусное объединеніе двухъ главныхъ состязавшихся теченій [1]): именно,

[1]) См. ученые дебаты объ этомъ между проф. Н. Н. Глубоковскимъ и Н. П. Аксаковымъ въ Приб. къ Церк. Синод. Вѣдом. 1906, № 16 стр. 847 примѣч. и 852—853. Ср. „Журналы и Протоколы“ I, 21, 24—25 стр.

[2]) Не можемъ не отмѣтить здѣсь, что даже католическій экзегетъ—*Cnabenbauer* и тотъ считаетъ эту рѣчь ап. Іакова публичной, произнесенной предъ всѣмъ множествомъ собравшагося на соборѣ народа и разсчитанной на то, чтобы ему объяснить и его убѣдить (explicare et persuadere) 262 s.

[1]) „Jacques, frère du Seigneur, était évêque de Jerusalem. C' était un saint, mais d'un type particulier. Chrétien demeuré inviolablement attaché aux observances traditionnelles du judaïsme, il réalisait en sa persone la fusion de la Loi ancienne et de la Loi nouvelle, s'attirant le respect et la consideration de tous... Jacques se replia dans son rôle de consultant et limita sa réponse aux proportions du débats... Par un projets de mutuelles concessions il prépara habilement un terrain d'entente“. *Leclercq*—Op. cit. 1059.

въ первой половинѣ рѣчи повторяется аргументація ап. Петра и дѣлается изъ нея окончательный выводъ объ отмѣнѣ обрѣзанія для язычниковъ, какъ излишняго и затруднительнаго для нихъ стѣсненія. Вторая-же половина рѣчи ап. Іакова, судя по аналогіи, съ первой, заключаетъ въ себѣ главные доводы сторонниковъ обрядовѣрческаго номинализма. А такъ какъ никто изъ ранѣе названныхъ Дѣписателемъ соборныхъ ораторовъ—ни ап. Петръ, ни тѣмъ болѣе Павелъ и Варнава—не давали предсѣдателю ни малѣйшаго основанія къ подобной резолюціи, то ясно, что въ резюмэ предсѣдательской рѣчи она могла попасть только изъ рѣчей другихъ, анонимныхъ ораторовъ, т. е. именно, іудействующихъ старцевъ. Предположеніе, что ап. Іаковъ, какъ глава церкви обрѣзанія, могъ и лично отъ себя внести подобныя компромиссныя предложенія, должно быть на нашъ взглядъ, исключено, потому, что это, во первыхъ, недостаточно-бы гармонировало съ идеаломъ предсѣдательскаго безпристрастія, а во вторыхъ и потому, что раньше, въ частной бесѣдѣ съ ап. Павломъ, Іаковъ, какъ и другіе знаменитые столпы церкви, никакихъ такихъ ограниченій не ставилъ и не защищалъ (Гал. II, 6).

Умѣстенъ, конечно, вопросъ, почему-же Дѣписатель совершенно умолчалъ о рѣчахъ старѣйшинъ, разъ они присутствовали на соборѣ и говорили тамъ? Ужъ не состояли-ли они, какъ думаетъ Mansi [1]) и другіе ультрамонтантскіе авторы, только второстепенными помощниками, консультантами и коадъюторами апостоловъ, этихъ будто-бы единственно полноправныхъ членовъ собора? Но на него готовъ ужъ и отвѣтъ въ ссылкѣ на характеръ даннаго повѣствованія и основную задачу автора. Мы уже имѣли случай отмѣтить, что разсказъ бытописателя объ Апостольскомъ соборѣ отнюдь не носитъ характера подробной протокольной записи; это—не болѣе, какъ резюмэ рѣчей, произнесенныхъ главными руководителями преній. Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что кромѣ трехъ, опредѣленно названныхъ апостоловъ, на соборѣ выступали и другіе апостолы, которые едва-ли могли сохранять молчаніе при живомъ обсужденіи *(ἡ πολλὴ συνζήτησις)* столь важныхъ и существенныхъ вопросовъ (напр. ап. Іо. Богословъ) [2]). И

[1]) *Mansi*—Op. cit. 24.

[2]) Въ протестантской литературѣ существуетъ тенденція ограничивать присутствіе на Апостольскомъ соборѣ самихъ-то апостоловъ только четырьмя опредѣленно названными въ библ. текстѣ (Петръ, Павелъ, Іаковъ Іоаннъ). Но никакихъ объективныхъ основаній для такого отвода она не указываетъ. Предположеніе-же о миссіонерствѣ остальныхъ апостоловъ плохо достигаетъ цѣли, ибо и „столпы“ церкви также служили дѣлу миссіи. Древнецерковная традиція свидѣ-

однако, Дѣписатель, не видѣлъ необходимости отмѣчать разсужденія и замѣчанія этихъ апостоловъ. Что-же удивительнаго въ томъ, что онъ не нашелъ нужнымъ удѣлять особаго вниманія и рѣчамъ іудейскихъ старѣйшинъ? Такое умолчаніе станетъ для насъ еще понятнѣе, если мы обратимъ вниманіе на автора кн. Дѣяній и цѣль ея написанія. Авторомъ ея былъ ев. Лука, одинъ изъ ближайшихъ учениковъ и спутниковъ апостола языковъ—Павла. Слѣдовательно, по своимъ воззрѣніямъ, онъ былъ сторонникомъ не іудаистической, а христіанской сотеріологіи, и уже по одному этому не могъ питать симпатій къ аргументаціи іудействующихъ старцевъ. А во вторыхъ, цѣлью написанія имъ кн. Дѣяній апостольскихъ служило намѣреніе изобразить постепенный ростъ христіанской церкви за ея начальный, апостольскій періодъ. Іудаистическая реакція, тормозившая ростъ новозавѣтной церкви, могла только отрицательно интересовать Дѣписателя, а потому онъ избѣгаетъ говорить о ней самостоятельно и подробно, что, очевидно, имѣло мѣсто и въ данномъ случаѣ. Однако и здѣсь Дѣписатель совершенно свободенъ отъ упрека въ тенденціозности: главныхъ пунктовъ іудаистической аргументаціи іерусалимскихъ старцевъ онъ все же не замолчалъ, но отмѣтилъ ихъ постольку, поскольку они нашли себѣ окончательное выраженіе въ заключительной рѣчи ап. Іакова и въ постановленіи собора.

VI.

Апостольскій декретъ.

Заключительный отдѣлъ исторіи іерусалимскаго собора, извѣстный въ библейско-исторической наукѣ подъ именемъ „апостольскаго декрета“, разработанъ въ ней особенно тщательно и подробно, преимущественно, съ внѣшней, текстуально-критической и библейско-исторической стороны [1]). Наше же вниманіе онъ

тельствуетъ, напримѣръ, объ активной роли на этомъ соборѣ св. ап. Іоанна Богослова *(Ирин. Лионскій* Adv. haeres. III, 12, 15). „Есть нѣкоторыя основанія даже полагать, что онъ дѣйствовалъ здѣсь примиряюще“ *Іером. (нынѣ епископъ) Евдокимъ* „Св. Апостолъ и Евангелистъ Іоаннъ Богословъ“, стр. 210. Сергіевъ Посадъ 1898 г.

[1]) Кромѣ обширной спеціальной литературы, указанной выше, въ самомъ началѣ нашего очерка, отмѣтимъ краткій, но содержательный экстрактъ *Leclercq'a* Op. cit. Appendice I, IV, 1060—1066 p.

привлекаетъ по своей внутренней сторонѣ, какъ идеальное выраженіе всей высоты истинно-соборнаго духа.

Самый текстъ соборнаго опредѣленія читается такъ: „ибо угодно Святому Духу и намъ не возлагать на васъ никакого бремени болѣе, кромѣ сего необходимаго: воздерживаться отъ идоложертвеннаго и крови, и удавленины и блуда, и не дѣлать другимъ того, чего себѣ не хотите“ [1]). Независимо отъ различнаго пониманія деталей декрета, большинство ученыхъ сходится въ признаніи его общаго родства съ такъ называемыми, „ноевыми заповѣдями“ [2]), соблюденіе которыхъ законъ Моисеевъ считалъ обязательнымъ для „пришельцевъ“, извѣстныхъ, позднѣе подъ именемъ „прозелитовъ вратъ“ (Лев. XVII—XVIII гл.) [3]). Всѣ четыре заповѣди декрета: воздержаніе отъ 1) идоложертвеннаго, 2) крови, 3) удавленины и 4) блуда имѣютъ характеръ не общеморальныхъ христіанскихъ предписаній, а временныхъ, чисто-историческихъ запрещеній, обусловленныхъ потребностями историческаго момента: они устанавливаютъ minimum тѣхъ требованій, исполненіе которыхъ необходимо было для возможности жизненно-практическаго общенія споривших сторонъ [4]). Даже наиболѣе, казалось-бы, обще-этическое предписаніе—воздерживаться отъ блуда *(πορνεία)* и то, по мнѣнію экзегетовъ, или касалось объема брачныхъ запрещеній (ограниченіе слишкомъ широкой свободы брака и развода, практиковавшейся у язычниковъ), или даже, вмѣстѣ съ тремя остальными заповѣдями, относилось къ языческому идолослуженію (направлено было противъ религіозныхъ непотребствъ). Словомъ, въ постановленіи

[1]) Окончанія фразы со словъ „не дѣлать другимъ того“... многіе кодексы не имѣютъ и потому оно считается позднѣйшимъ добавленіемъ, заимствованнымъ изъ Ев. Мѳ. VII, 12. „Что это позднѣйшее дополненіе, можно видѣть изъ самаго опредѣленія по греч. тексту *ἐξ ὧν διατηροῦντες* нельзя перевести: *„соблюдая* сіе, но *удерживаясь* отъ сего, а это можно отнести только къ *ἀπέχεσθαι τῶν εἰδωλοθύτων“. А. В. Горскій*—Цит. соч. 284 стр. прим.

[2]) См. объ этихъ „новыхъ заповѣдяхъ у *E. Schürer*'а „Op. cit.“[3] III, 128 s.

[3]) „Четыре заповѣди декрета съ такъ называемыми семью Ноевыми заповѣдями стоятъ въ такомъ взаимоотношеніи и связи, что черезъ принятіе ихъ языческо-христіанская церковь становилась къ іудейско-христіанской приблизительно въ тѣ-же отношенія, въ какихъ прежде находился прозелитизмъ къ древнему Израилю“ *Schenz*, 132. *Meyer-Wendt*[8]: „Большинство экзегетовъ теперь принимаетъ, что эти четыре заповѣди примыкаютъ къ тѣмъ требованіямъ, которыя здѣсь ставили необрѣзаннымъ прозелитамъ и подъ условіемъ которыхъ только и соглашались входить съ ними въ жизненное общеніе (Ritschl, Lipsius, Overbeck, Pfleid. Holzmann, Weissäcker, Zöckler etc),—265 s.

[4]) *H. Achelis* „Das Christentum... I, 57 s.: „das sollte die Bedingung sein, unter der die Judenchristen ihrerseits die pharisäischen Speiseregeln fallen liessen und unbefangen mit den geborenen Heiden Lebens und Tischgemeinschaft übten“.

іерусалимскаго собора нельзя не видѣть извѣстной уступки ветхозавѣтному номинализму, сдѣланной ему какъ-бы въ возмѣщеніе той главной его утраты, которую онъ понесъ съ отмѣной обязательности обрѣзанія.

Въ такой редакціи соборнаго опредѣленія должно признать высокую мудрость апостоловъ и глубокое проникновеніе ихъ истинно соборнымъ духомъ. Строго говоря, собственная мораль христіанства нисколько не нуждалась въ четырехъ этихъ, съ абсолютной точки зрѣнія, далеко не существенныхъ, заповѣдяхъ собора. Къ тѣмъ перламъ возвышенной христіанской этики, которые даны въ знаменитой нагорной бесѣдѣ Господа, четыре отрицательныхъ тезиса іерусалимскаго собора не прибавляли ровно ничего, недаромъ они, позднѣе, и вовсе атрофировались въ общехристіанскомъ сознаніи. Ниоткуда не видно, чтобы и на соборѣ кто-либо ставилъ ихъ особенно высоко и авторитетно. Однако, они все-же вошли въ соборное опредѣленіе и заняли въ немъ даже доминирующее положеніе. Чѣмъ-же можно объяснить все это? Единственно только любвеобильнымъ снисхожденіемъ апостоловъ къ немощной совѣсти іудействующихъ братій, во главѣ съ ихъ старцами. Полная отмѣна не только обрѣзанія, но и всего Моисеева закона, даже послѣдняго его minimum'а, въ видѣ требованій отъ прозелитовъ вратъ, нанесла-бы слишкомъ сильный ударъ религіозно-національному чувству іудействующихъ христіанъ и кто знаетъ, быть можетъ, даже вовсе оттолкнула-бы ихъ отъ христіанской церкви, или произвела-бы въ ней серьезный расколъ. Послѣдующая церковная исторія знаетъ немало такихъ примѣровъ, когда излишне рѣзкая прямолинейность и недостаточная снисходительность къ чужимъ мнѣніямъ, пускай даже заблужденіямъ, (разумѣется, сравнительно невиннымъ) вызывала лишь еще большее озлобленіе упорствующихъ и приводила къ полному расколу ихъ съ Церковью (монтанизмъ, новаціанство, донатизмъ и др.). Въ этомъ отношеніи іерусалимскій Апостольскій соборъ преподалъ на всѣ времена великій, незабываемый урокъ крайне бережнаго отношенія къ всякому искреннему мнѣнію, чуткой отзывчивости на жгучіе вопросы времени и мудрой тактичности въ ихъ разрѣшеніи [1]).

Постановленіе свое іерусалимскій Апостольскій соборъ изложилъ въ письменной формѣ, а для доставки его другимъ, нуждающимся въ немъ церковнымъ общинамъ, избралъ изъ своей

[1]) Внутренній смыслъ соборнаго постановленія и его значеніе для тогдашнихъ іудеевъ и христіанъ обстоятельно раскрыты въ лекціяхъ покойнаго прот. *А. В. Горскаго* „Цит. соч.“ 282—283 стр.

среды спеціальное посольство. Обѣ эти черты знаменательныя и сами по себѣ, останавливаютъ наше вниманіе еще и потому, что онѣ получили свое отраженіе въ исторіи послѣдующихъ церковныхъ соборовъ.

Не безъ основанія нѣкоторыми ставится вопросъ: зачѣмъ собору понадобилась письменная редакція декрета, разъ снаряжалась спеціальная депутація, которая могла передать его устно? На это Schenz, напр., отвѣчаетъ, что такъ было поступлено для приданія рѣшенію собора большей торжественности и авторитетности (Akt der Solemnisation) [1]. Meyer же и мн. другіе экзегеты считаютъ это даже дѣломъ практической необходимости. Отправка соборной депутаціи устроилась совершенно естественно, такъ какъ въ основаніи ея уже лежало антіохійское посольство, которому предстояло теперь возвращаться домой. Соборъ только дополнилъ это посольство двумя новыми своими депутатами—Іудой, прозываемымъ Варнавой, и Силой, „мужами начальствующими между братіями“ [2]. А подобная добавка къ антіохійскому посольству двухъ авторитетныхъ соборныхъ депутатовъ, какъ можно заключить изъ послѣдующаго контекста, вызывалась, главнымъ образомъ, происками іудействующихъ лжебратій, которые, придя въ Антіохію смутили и поколебали многихъ, говоря якобы отъ лица іерусалимской церкви то, чего она имъ отнюдь не поручала. Вотъ, теперь, чтобы окончательно парализовать вліяніе этихъ вредныхъ рѣчей, іерусалимская Церковь и посылаетъ своихъ собственныхъ депутатовъ, облеченныхъ къ тому-же авторитетнымъ полномочіемъ собора,

Но зачѣмъ-же, спрашивается, потребовалось еще и *особое посланіе (ἡ ἐπιστολή)* при столь авторитетной и полной депутаціи? На это отвѣчать приходится только предположительно. Вѣроятно, все опять по той-же причинѣ, т. е. изъ боязни какихъ-либо интригъ со стороны іудействующихъ лжебратій. Постановленіе іерусалимскаго собора съ его почти полной отмѣной Моисеева закона для язычниковъ, было слишкомъ не похоже на коварныя рѣчи іерусалимскихъ выходцевъ, настаивавшія на безусловной обязательности закона и для принимающихъ христіанство язычниковъ. Такая кардинальная разница, при устной передачѣ декрета, естественно могла порождать нѣкоторую недовѣрчивость, которую поспѣшили-бы использовать въ своихъ цѣляхъ іудействующіе. Чтобы пресѣчь всякую возможность подобнаго соблазна, іерусалимскій соборъ и рѣшилъ облечь свое постановленіе въ письменную форму, не допускавшую никакихъ увертокъ и кривотолковъ. Это было первое, въ буквальномъ смыслѣ, *соборное* посланіе, посланіе Церкви матери ея ближайшимъ дочерями—церквамъ Антіохіи, Сиріи и Киликіи—указаннымъ въ самомъ заголовкѣ посланія (Д. XV, 23). Такимъ образомъ и *посланіе*, и въ особенности *посольство* возникли на іерусалимскомъ соборѣ, болѣе или менѣе, случайно—благодаря примѣру антіохійскаго посольства, съ одной стороны, и происками іудействующихъ лжебратій, съ другой. Но возникшіе здѣсь, на этомъ примѣрномъ соборѣ, случайно, они создали уже довольно устойчивую, можно сказать, типическую черту древнихъ соборовъ, съ которой мы еще не разъ встрѣтимся при дальнѣйшемъ историческомъ обзорѣ ихъ.

Въ самомъ текстѣ соборнаго декрета есть еще одна знаменательная фраза, получившая значеніе достоподражательнаго стереотипа въ канонахъ послѣдующихъ соборовъ. Это извѣстныя слова соборнаго опредѣленія: „ибо угодно Святому Духу и намъ—*ἔδοξεν γὰρ τῷ ἁγίῳ πνεύματι καὶ ἡμῖν*... (28 ст.). При разности въ оттѣнкахъ мысли, почти всѣ экзегеты толкуютъ эти слова согласно, именно въ смыслѣ гармоніи человѣческой индивидуальности съ божественнымъ внушеніемъ по откровенію отъ Св. Духа. Такимъ образомъ, она устанавливаетъ весьма возвышенный взглядъ на соборную работу церкви, какъ-бы приравнивая продукты этой работы къ произведеніямъ священной, богодухновенной литературы. Отсюда, очевидно, ведетъ свое начало и нѣсколько преувеличенный взглядъ на соборные каноны, какъ на нѣчто почти равноцѣнное съ Св. Писаніемъ. Но независимо отъ всѣхъ крайностей и преувеличеній, ясное указаніе Св. Писанія на синергизмъ Св. Духа съ активной работой членовъ собора (ибо въ XV гл. Дѣян. говорится о многомъ состязаніи и тщательномъ изслѣдованіи вопроса) сильно возвышаетъ соборную работу церкви и окружаетъ ее ореоломъ относительной богодухновенности [1]. Не лишено, наконецъ,

[1]) *Schenz*—Op. cit. 96 s.

[2]) Въ характеристикѣ соборныхъ депутатовъ, какъ „мужей начальствующихъ между братіями“ мы находимъ новое, вѣское подтвержденіе своей гипотезы, что подъ „пресвитерами“ Іерусалима должно разумѣть здѣсь „іудейско-христіанскихъ старѣйшинъ“. Депутаты эти, извѣстные намъ даже по-именно не были ни апостолами, ни простыми рядовыми мірянами. Слѣдовательно, они были только „пресвитерами“. А черезъ это самъ дѣписатель проводитъ знакъ полнаго равенства между понятіями „пресвитеры“ и „мужи начальствующіе между братій“. А такими „начальствующими“, т. е. особо вліятельными въ іудействѣ лицами были, какъ мы доказали это выше „іерусалимскіе старѣйшины“ (Honoratioren—*Meyer-Wendt*, notables—*J. Reville*). Значитъ и „пресвитеры“ суть тѣ-же самые старѣйшины.

[1]) Однако мы все-же не можемъ, напр. признать убѣдительнымъ аргу-

значенія и указаніе на спеціальный характеръ той пневматической эпохи, изобиловавшей различными духовными дарованіями, когда откровеніе отъ Духа, хожденіе въ Духѣ и внушеніе отъ Него было довольно обычнымъ, рядовымъ явленіемъ церковной жизни [1]). Тѣмъ болѣе, конечно, оно должно было имѣть мѣсто въ такомъ чрезвычайномъ и исключительномъ собраніи духовнообладатствованныхъ столповъ церкви, какимъ былъ іерусалимскій апостольскій соборъ, санкціонировавшій собой этотъ церковный институтъ и давшій его первый, идеальный образецъ.

Проф. Harnack въ одной изъ своихъ послѣднихъ работъ формулу *ἔδοξεν τῷ πνεύματι τῷ ἁγίῳ καὶ ἡμῖν* (начало 28 ст.) сближаетъ съ аналогической формулой *ἔδοξε τοῖς ἀποστόλοις καὶ τοῖς πρεσβυτέροις σὺν ὅλῃ τῇ ἐκκλησίᾳ* нач. 22 ст.) и говоритъ, что „если обѣ эти формулы Ев. Лука употребляетъ правильно и точно (richtig und genau), то слѣдовательно онъ и весь соборъ считаетъ органомъ Св. Духа. При чемъ способъ его обнаруженія былъ таковъ, что сначала особо рѣшали апостолы и пресвитеры (besonders vorschlagen), а затѣмъ община (*πλῆθος* Д. IV, 32, VI, 2. 5; XV, 12. 30 въ Антіохіи XXI, 22) или присоединялась къ этому рѣшенію, или его отвергала (zustimmte oder ablehnte)“ [2]). Нетрудно отсюда видѣть, что проф. Harnack, какъ и многіе другіе, преимущественно протестантскіе теологи, усматриваетъ въ исторіи Апостольскаго собора начало и еще одного весьма важнаго элемента соборности, ея такъ называемой—„рецепціи“, т. е. послѣдующаго общецерковнаго признанія, или непризнанія постановленій извѣстнаго собора. При всемъ нашемъ идейномъ убѣжденіи въ глубокой значимости церковной рецепціи и ея сильной роли въ исторіи соборовъ, мы все же еще не усматриваемъ слѣдовъ рецепціи

мента Pusey о непогрѣшимости іерусалимскаго собора, на томъ основаніи, что здѣсь присутствовали непогрѣшимые апостолы, устами которыхъ говорилъ самъ Св. Духъ: The Council of Ierusalem would be a precedent, not for Council which (as all admit even of General Councils) may err, but for infalliable Provincial Councils.... in which Aposteles „filled wish the Holy Ghost“ the commissioned and inspired teachers of the Church. the instruments of the Holy Spirit in giving to us the Holy Scriptures“... *E. R. Pusey,* The councils of the Church from the council of Ierusalem a. d. 51 to the Counsil of Constantinopole a. d. 381 Oxford 1857 г. 28—29 p. Авторъ ставитъ вопросъ въ совершенно ложную перспективу, когда къ вопросамъ, имѣющимъ временное, историческое значеніе (дисциплинарнымъ, а не догматическимъ), прилагаетъ критерій апостольской непогрѣшимости.

[1]) *Свящ. Михаилъ Овсѣйскій* „Духовныя дарованія въ первоначальной христіанской церкви“ стр. 4, 10, 86 и сл. Москва 1907.

[2]) *Ad. Harnack* „Entstehung und Entwickelung der Kirchenfassung und des Kirchenrechts in den zwei ersten Jahrhunderten“ 95 s. Leipzig 1910.

въ исторіи, перваго іерусалимскаго собора. Проф. Harnack, какъ видно, базируется на прежнемъ, ложномъ представленіи о составѣ Апостольскаго собора, согласно которому апостолы и пресвитеры представляли одну сплоченную, іерархическую группу, а вѣрующій народъ—другую, до извѣстной степени ей противоположную группу,—мірянъ. При такой ситуаціи собора, чтобы достигнуть общаго „единодушнаго“ рѣшенія, необходимо было рѣшеніе первой группы предлагать на обсужденіе второй и уже только послѣ этого вырабатывать какую-либо общую согласительную формулу. Но подобный взглядъ на составъ іерусалимскаго собора совершенно ошибоченъ, какъ это старались мы доказать выше: на соборѣ присутствовала не одна сплоченая іерархическая группа, а цѣлыхъ двѣ—апостольско-іерархическая и народно-представительная, въ лицѣ іерусалимскихъ старѣйшинъ. Слѣдовательно, народъ уже имѣлъ своихъ лучшихъ представителей на самомъ соборѣ, такъ что никакой послѣсоборной рецепціи для него вовсе и не требовалось. Мы не хотимъ этимъ сказать, что церковной рецепціи Апостольскаго собора не было вовсе; нѣтъ, такая рецепція несомнѣнно была, потому что апостольскій декретъ былъ принятъ всею церковью и вошелъ прочно въ общецерковное сознаніе, какъ можно видѣть изъ Св. Писанія (Д. XVI, 4: XXI, 25: I Кор. VIII гл. и X, 28 и др.) и еще больше изъ произведеній послѣдующей церковной литературы. Но только эта рецепція implicite мыслилась уже въ вотумѣ народныхъ представителей на соборѣ—іерусалимскихъ старцевъ, а не выразилась еще и explicite въ послѣ-соборной „гласъ народа“, что стало развиваться позднѣе, по мѣрѣ сокращенія общецерковнаго представительства на самыхъ соборахъ. Апостольскій іерусалимскій соборъ слишкомъ идеально представлялъ собою всю тогдашнюю церковь, всѣ существовавшія въ ней теченія и настроенія, почему онъ и исключалъ нужду въ послѣдующей, особой его рецепціи.

Подобному тому, какъ прологъ іерусалимскаго Апостольскаго собора имѣлъ мѣсто въ Антіохіи, такъ и эпилогъ его произошелъ тамъ-же. Дѣписатель, правда, говоритъ объ этомъ слишкомъ кратко, языкомъ простой лѣтописной отмѣтки: „итакъ, отправленные (соборомъ) пришли въ Антіохію, и собравъ людей, вручили письмо“ (30 ст.). Но эта небольшая замѣтка даетъ Sohm'y основаніе къ очень серьезнымъ заключеніямъ и выводамъ. Опираясь на нее, онъ вовсе отрицаетъ дѣйствительность іерусалимскаго собора и говоритъ, что настоящій соборъ былъ лишь *теперь и здѣсь*, въ Антіохіи. „Такъ называемый Апостольскій соборъ вообще не есть соборъ, но обыкновенное церковное собраніе и такъ назы-

ваемый апостольскій декретъ не соборное постановленіе, а простое заключеніе общины... Это частное заключеніе одной іерусалимской общины, стоящее въ полномъ противорѣчіи съ общецерковнымъ ученіемъ (mit der katholischen Lehre) [1]. Настоящій соборъ произошелъ лишь въ Антіохіи, послѣ возвращенія антіохійскаго посольства и прибытія изъ Іерусалима двухъ полномочныхъ депутатовъ, которые, созвавъ всю мѣстную церковь, вмѣстѣ съ нею прекратили раздоры въ антіохійской церкви и утвердили желанный церковный „миръ“, послѣ чего и возвратились снова въ Іерусалимъ (Дѣян. XV, 30—31 ст.).

Мы напрасно стали бы искать у Sohm'a какихъ-либо твердыхъ текстуальныхъ опоръ для столь парадоксальнаго его взгляда на взаимоотношеніе іерусалимскаго и антіохійскаго церковныхъ собраній. Отличительная черта соборной теоріи Sohm'a, съ которой мы еще будемъ въ послѣдствіи имѣть болѣе подробное знакомство, это—логическій кругъ въ доказательствахъ автора: въ основаніи всѣхъ и фактическихъ выводовъ и теоретическихъ разсужденій онъ кладетъ то самое, что и требуется доказать, именно, что церковный соборъ есть видъ помощи, оказываемой меньшей и слабѣйшей церкви со стороны бо́льшей и сильнѣйшей[2]). Благодаря этому у Sohm'a и получилось отрицаніе собора въ Іерусалимской церкви (какъ сильнѣйшей) и признаніе его въ церкви Антіохійской, какъ слабѣйшей. Такимъ образомъ, теорія Sohm'a какъ бы перевертываетъ на изнанку всѣ обычныя представленія о соборѣ, согласно которымъ соборы происходили не въ малыхъ и слабыхъ, но въ главнѣйшихъ и сильнѣйшихъ церквахъ. Не входя пока въ критику этой своеобразной теоріи по существу, отмѣтимъ только, что въ данномъ случаѣ, т. е. въ исторіи іерусалимскаго собора и антіохійскаго собранія, она не выдерживаетъ ни малѣйшей фактической критики. Довольно только безпристрастно сравнить большой торжественный и полномочно-авторитетный іерусалимскій соборъ съ совершенно почти незамѣтнымъ, вскользь упомянутымъ собраніемъ антіохійской церкви, чтобы ясно видѣть, гдѣ происходилъ настоящій, подлинный соборъ, (который не безъ основанія сближаютъ по значенію со вселенскимъ) и гдѣ только обычное, частное собраніе церковной общины? Затѣмъ, если-бы не взирая на очевидность, отстаивать все-же наличность собора и въ Антіохіи, то тогда потребовалась-бы радикальная передѣлка и всего библейскаго текста, излагающаго исторію этихъ двухъ собраній. Торжественность обстановки собранія изъ Іерусалима мы должны бы перенесть въ Антіохію; такъ называемый апостольскій декретъ, т. е. заключительно - соборное рѣшеніе должны были-бы приписать также больше антіохійской, чѣмъ іерусалимской церкви (іерусалимская церковь могла выразить лишь свой взглядъ на дѣло, а рѣшить вопросъ въ окончательной формѣ долженъ былъ антіохійскій соборъ). Непосредственное участіе въ этомъ соборѣ апостоловъ пришлось-бы вовсе исключить; посылка письменнаго заключенія іерусалимской церкви утрачивала-бы всякій смыслъ; наконецъ, послѣдующая очень опредѣленная и ясная традиція, именно, объ *іерусалимскомъ* соборѣ, оказывалась-бы совершенно необъяснимой. Ясно, вмѣсто того, чтобы допускать такую массу историческихъ и логическихъ nonsens'овъ, гораздо лучше пожертвовать только однимъ—именно, самой теоріей Sohm'a.

Идея антіохійскаго апостольскаго собора, получившая у Sohm'a столь своеобразное и превратное выраженіе, имѣетъ, однако и болѣе глубокіе историческіе корни. Мы имѣемъ здѣсь въ виду широко распространенное въ XVI—XVIII убѣжденіе, что нѣсколькими годами позже іерусалимскаго состоялся другой Апостольскій соборъ (ок. 57-го года) и именно, въ Антіохіи, отъ котораго дошло до насъ девять каноновъ. Чтобы судить о распространенности и силѣ этого убѣжденія, достаточно сказать, что изъ раннѣйшихъ авторовъ въ него вѣрили не только малокритическій Mansi [1]), но и гораздо болѣе осторожный Hardouin [2]), и также Fr. Torrés [3]), D. Coustant [4]), Baronius [5]), Fabricius [6]) и др., а изъ болѣе новыхъ Pitra [7]), de-Lagarde [8]) и одно время—даже самъ осторожный и многоученый Harnack [9]).

[1]) *Rud. Sohm* „Kirchenrecht“ Erster band. Die geschichtlichen Grundlagen. Leipzig 1892, 293 s.

[2]) *R. Sohm*—294 s.

[1]) *Mansi*—Op. cit. 67—68 p.

[2]) *Hardouini I.*„Conciliorum collectio regia maxima“ I t. In Indice. Parisii MDCCXV.

[3]) *Fr. Torrès*, или латинизированное *Turannius* „Adversus Magdeburgenses centuriatores pro canonibus apostolorum et pro epistoiis decretalibus I t. XXV c. Florentiae 1572.

[4]) *D. Coustant* „Epistolae roman. Pontificium“ Parisiis, 1721, col. 851.

[5]) *Baronius* „Annales“ ed. Mansi, II t. 22 p. editio. *Aug. Theiner* II t. 188 p. Parisiis 1876.

[6]) *Fabricius* „Bibliotheca graeca“ t. VII 23—24 p. edit. *Harlès* t. XII, 153—155 p. и 361.

[7]) *Pitra* „Juris eccl. Graec. historia et monumenta“ I t. XXXI p. Rom. 1864. Въ этомъ изданіи собрано цѣлыхъ пять манускриптовъ каноновъ антіохійскаго собора, изъ которыхъ четыре греческихъ, съ XI—XIV в. и одинъ—латинскій, начала XVI вѣка.

[8]) *P. de Lagarde* „Reliquiae Jur. ecclesiastici ansiquissimae“ Leipzig 1856, 18—20 p.

[9]) *Ad. Harnack* „Geschichte der altchristlichen Literatur bis Eusebius“ I t.

Дѣло началось съ того, что въ 1572 г. ученый іезуитъ Fr. Torrés, (латинизиров. форма Turrianus) въ своемъ критико-полемическомъ трудѣ противъ Магдебургскихъ центурій сослался на новый памятникъ—каноны антіохійскаго Апостольскаго собора, списокъ которыхъ будто-бы найденъ былъ извѣстнымъ кесарійскимъ ученымъ Памфиломъ († 308 г.) въ доставшейся ему библіотекѣ Оригена. Въ подтвержденіе подлинности этихъ списковъ еще тотъ же Torrés привелъ и два довольно авторитетныхъ свидѣтельства—одно начала V-го вѣка, принадлежащее папѣ Иннокентію I (401—407), другое—извлеченное изъ дѣяній VII-го вселенскаго собора, въ качествѣ мнѣнія одного изъ его членовъ—Григорія еп. Питсундскаго [1]). Такое обстоятельство, разумѣется создавало извѣстную историческую почву для антіохійскаго собора и цѣлый рядъ вышеназванныхъ, преимущественно, католическихъ ученыхъ сдѣлались его горячими сторонниками.

Но протестантская критика уже давно къ этому собору отнеслась скептически. Такъ еще протестантскій теологъ половины XVII в. J. Daillé [2]) назвалъ каноны антіохійскаго собора фальсификаторской „поддѣлкой“ іезуитовъ. Къ нему присоединились съ менѣе рѣзкой, но еще болѣе основательной критикой два другихъ ученыхъ историка—Noële Alexandre [3]) и Tillemont [4]), а въ половинѣ XIX в.

775 s. Leipzig 1893. Въ этомъ трудѣ Гарнакъ готовъ былъ допустить происхожденіе отъ апостольскаго антіохійскаго собора одного фрагмента, сохраненнаго у Иринея—*Δευτέραι τῶν ἀποστόλων διατάξεις*. Позднѣе, впрочемъ, Гарнакъ отказался отъ вѣры въ историчность и фрагмента и самого антіохійскаго собора, посвятивъ этому вопросу цѣлую главу. Das angebliche Apostelkonzil zu Antiochien и въ своемъ извѣстномъ, недавнемъ трудѣ Die Mission und Ausbreitung des Christentums in der ersten drei Jahrhunderten, Leipzig 1902. 52—60 s. Во второмъ изданіи—1906 г. этотъ экскурсъ, къ сожалѣнію, выпущенъ авторомъ.

[1]) Папа Иннокентій I въ письмѣ къ Александру, еп. Антіохійскому, писалъ: „Advertimus non tam pro civitatis (Antiochiae) magnificentia hoc eidem attributum, quam quod prima primi apostoli sedes esse monstretur ubi et nomen accepit religio christiana et quae conventum apostolorum apud se fieri celeberrimum meruit“. *Mansi* t. III, 1055 p. *Hardouin*, I, 1012. Дѣянія VII вс. собора, по Mansi, XII, 1018: *„Γρηγόριος ἐπίσκοπος Πισινοῦντος εἶπεν· Ἐν τῇ κατὰ Ἀντιόχειαν συνόδῳ τῶν ἁγίων ἀποστόλων εἴρεται. τοῦ μηκέτι πλανᾶσθαι εἰς τὰ εἴδωλα τοὺς σωζομένους, ἀλλ' ἀντεικονίζειν τὴν θεανδρικὴν ἀχραντον στήλην τοῦ Κυρίου ἡμῶν I. X.“*

[2]) *J. Daille* „De pseudepigraphis apostolicis libri III“. Lib. III, 687 sq. Harderwick 1653.

[3]) *Noël Alexandre* Histor. eccles. saec. I, dissert. XVIII—XIX. 198—212. Luccae 1749.

[4]) *Tillemont* „Memoires pour servir à l' histoire ecclesiastique“ I t. n. XXXIV. 524 p. Paris 1701.

и небезъизвѣстный умѣренный протестантскій канонистъ—Bickel [1]). Главнѣйшіе аргументы критики—это, во первыхъ, полное отсутствіе всякихъ слѣдовъ антіохійскаго собора въ сочиненіяхъ Оригена, въ библіотекѣ котораго будто бы былъ найденъ Памфиломъ первый списокъ его каноновъ; затѣмъ—абсолютное молчаніе объ этомъ соборѣ авторовъ древнѣйшихъ каноническихъ сборниковъ, по крайней мѣрѣ, до IX в., т. е. до эпохи лжеисидоровыхъ декреталій, и наконецъ, неоригинальный, явно компилятивный характеръ самыхъ этихъ каноновъ. Такъ что теперь и католическая наука отказалась отъ вѣры въ подлинность антіохійскаго собора, выставивъ изъ своей среды трехъ ученыхъ—P. Lejay [2]), F. Nau [3]) и Leclercq [4]) давнихъ, вмѣстѣ съ Harnack'омъ, лучшее, исчерпывающее рѣшеніе вопроса.

Въ девяти канонахъ антіохійскаго собора говорится: о перемѣнѣ имени „галлилеянъ“ на „христіанъ“, о запрещеніи для христіанъ обрѣзываться по закону Моисееву, о полной свободѣ доступа въ христіанство для язычниковъ, о воздержаніи отъ всякихъ іудейскихъ обычаевъ, о безразличіи чистой и нечистой пищи, объ удаленіи отъ идоловъ и языческихъ обычаевъ, объ осужденіи корыстолюбія, объяденія, языческихъ зрѣлищъ и гаданій и наконецъ, о воздержаніи христіанъ отъ крови, удавленины и блуда. Уже самое общее ознакомленіе съ канонами антіохійскаго собора даетъ чувствовать двѣ отличительныхъ черты ихъ: во первыхъ, отсутствіе въ нихъ всякой оригинальности и наличность сплошной мозаики, какъ изъ новозавѣтныхъ книгъ, такъ и изъ древнецерковной литературы; а во вторыхъ, ближайшую связь этихъ каноновъ съ апостольскимъ декретомъ, по отношенію къ которому они являются, съ одной стороны, его расширеннымъ свободнымъ перифразомъ, а съ другой—его противоположной, анти-іудаистической редакціей, по справедливому отзыву Leclercq'а [5]). Если

[1]) *Bickel J. U.* „Geschichte des Kirchenrechts“ Erstl. B. Giessen 1843. 101—104. und Beilage III, 138—143 s.

[2]) *P Lejay* „Le concile apostolique d'Antioche“ (Revue de Clergè français, 1903. XXXVI, 343—355.

[3]) *F. Nau* „Canons des apotres“ art. in Dictionair. de theol. cathol. II t. col. 1619—1625. 1905.

[4]) *Leclercq-Hefele* Op. cit. Appendice II à I t. II pars. 1071—1087. Авторомъ данъ французскій переводъ самаго текста каноновъ и блестящій историческій анализъ ихъ, откуда открывается, что они представляютъ собою сплошную мозаику изъ Ев. Дѣян. посл. ап. Павла, Варнавы, Іустина, Дидахэ, Дидаскаліи, Ап. Постановленій, Оригена и проч.

[5]) *Leclercq*—Op. cit. 1078: „le pseudo-concile d'Antioche reproduit presque textuellment les prescriptions du concile apostolique de Ierusalem, les développe,

въ постановленіи іерусалимскаго собора звучитъ, какъ мы видѣли, довольно сильно выраженная іудаистическая тенденція, то здѣсь, въ канонѣ псевдо-антіохійскаго собора не менѣе замѣтна противоположная тенденція—воздержаніе отъ іудейскихъ обычаевъ и законовъ. Хотя P. Lejay, основываясь на полномъ молчаніи объ этомъ документѣ церковнаго историка Евсевія, преданнаго ученика Памфила Кесар., которому не могла-бы быть неизвѣстна библіотека его учителя, и приходитъ къ выводу, что редакція этого памятника позднѣе Евсевія [1]), однако большинство ученыхъ, исходя изъ анализа самаго текста памятника, относитъ его къ гораздо болѣе древнему времени—къ первой половинѣ III в. или даже концу II в. и считаетъ его справочнымъ руководствомъ какого-либо благочестиваго христіанина, составленнымъ имъ для своего личнаго употребленія и редактированнымъ имъ по „заповѣдямъ св. апостоловъ“ [2]).

Но будучи даже и доказаннымъ апокрифомъ, каноны псевдоантіохійскаго собора не теряютъ для насъ своего значенія и интереса, такъ какъ они даютъ новое и, безспорно, вѣское доказательство того, насколько традиція іерусалимскаго Апостольскаго собора была жива и интенсивна въ сознаніи древней церкви, если она могла создать и вторую, такъ сказать, отраженную его копію (аналогія съ двойной радугой), не говоря уже объ огромной, такъ называемой, „апостолической“ литературѣ, непосредственно базирующейся на іерусалимскомъ соборѣ и апостольскомъ декретѣ [3]).

Такова, насколько намъ удалось ее вскрыть, подлинная, фактическая исторія самаго перваго церковнаго собора и таково его типологическое, руководственное на всѣ времена значеніе.

---

les fortifie et les complete par les dispositions dirigées contre les judaisants sur lesquels il prend la revanche“.

[1]) *Lejay* Op. cit. 346 s.

[2]) Такъ смотритъ на него *F. Nau*—авторъ спец. статьи въ Dictionnaire de theol. christien. t. II, col. 1625.

[3]) Общее понятіе объ этой литературѣ мы дали въ самомъ началѣ своего настоящаго изслѣдованія, (17—24 стр.) Болѣе же подробное знакомство съ ней мы считаемъ уже выходящимъ за предѣлы нашей прямой задачи. Для тѣхъ-же, кто интересуется послѣдующей судьбой апостольскаго декрета и его отраженіемъ въ жизни и литературѣ древнихъ христіанъ, укажемъ три спеціальныхъ монографіи; *K. Böckenhoff* „Das apostolische Speizegesetz in den ersten fünf Jahrhunderten“ Paderborn 1903, *G. Resch*'a „Das Aposteldecret nach seiner ausserkanonischen Textgestalt“ (T. und U. XXVIII, 3, 1905) и *K. Six* „Das Aposteldecret (Act. XV, 28—29). Seine Entstehung und Geltung in den ersten vier Jahrhunderten“ Insbruck 1912.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

СОБОРЫ ПО БОРЬБѢ ЦЕРКВИ СЪ МОНТАНИЗМОМЪ (втор. пол. 2-го вѣка).

I.

Раннѣйшіе „малые“ противомонтанистическіе соборы (60—70-хъ годовъ 2-го в.). [1])

Послѣ столь блестящаго и вмѣстѣ столь исключительнаго начала, какимъ былъ іерусалимскій Апостольскій соборъ (между 50—52 г.), исторія церковныхъ соборовъ довольно долго не имѣла

[1]) Главнѣйшая литература о монтанизмѣ и вызванныхъ имъ церковныхъ соборахъ. *Источники: Eusebii* „Die Kirchengeschichte“ bearbeit. von *Dr. Ed. Schwartz* mit latenische Uebersetz. des Rufinus, bearb. Dr. *Th. Mommsen“* Zweit. Band, Erste Hälfte, Editio der Kirchenväter-Commission der königlichen preussischen Akademie der Wissenschaften“. IV, 27, 388 s. V, 3 432 s. и 14 cap. 456 16—19 cap. 458—480 s. Leipzig 1903. Срав. *Евсевія Памфила* „Церковная исторія“, томъ I, 241 стр. 270 стр. 287—301 стр. Спб. 1848 г. *Tertulliani* „De pudicitia“, „De jeunio“, „De monogamia“, „De virginib. velandis“ Ausg. der Wiener Academie von A. *Reifferscheid und G. Wissowa*, Erst. band, Wien 1890, (Corpus script. eclesiast. latinor. vol. XX). *Martyr. Carpi et Passion. Perpetuae*, 13 s. 61 s. ed. *Gebhardt'a*, Acta martyr. selecta, Berlin 1902. *Hyppol.* „Philosophumena“ VIII, 19, X, 25. *Pseudo-Tertull.* Advers. omn. haeres. 21, *Epiphan.* „Haer.“ 48—49. *Philastr.* De haeres“. c. 49. *Didym.* „De trinitate“ III, 41, *Hieron.* Epist. ad Marcell. 41. *Augustin.* „De haeres.“ 26, 62, 86. *Praedestin.* 26, 86. *Theodor.* Haeret. fab. III, 2, 4. *Mansi.* „S. Concilior. nova et amplissima collectio I, 692—693: Concilium Hierapolitanum. *Harduini* „Collectio conciliorum V. col. 1493. *Routh* „Reliquiae Sacrae“ II p.^{2}, 39—73 и 183—217 *H. G. Voigt.* „Eine verschollene Urkunde des antimontanistischen Kampfes“ Leipzig 1891. Здѣсь, въ особомъ приложеніи полностью приведены тексты Епифанія, Ипполита, Родона (?) и неизвѣстнаго автора, имѣющіе отношеніе къ монтанизму, 331—345 стр. *E. Rolffs* „Urkunden aus dem antimontan. Kampfes des Abendlandes (T. U. XII, 4. Leip. 1895) *Ad. Harnack* „Geschichte der altchristlichen Litteratur bis Eusebius“ Erst. Theil, I. Hälf. III Abt. Christliche Schrift. aus Kleinasien, Gallien und Griechenland, 2 Hälfte des 2 Jahrhunderts, 235 sq. Leipzig 1893 и II, 1, 363—381. *O. Bardenhewer* „Geschichte der altkirchlichen Litteratur“ I в. § 29 „Die montanistische Litteratur 363—365 s. и § 37 „Antimontanisten“ 522—528 s. Freib. im Breisgau 1902. II в. § 89 „Die ältesten Märtyrakten“ Acta Carpi, Papyli et Agaphon. Epistola ecclesiarum Viennensis et Lugdunensis. Acta ss. Perpet. et Felicit. Acta Montani. Lucii et aliorum, 611—641 s. 1903.

Литература. Лучшая монографія о монтанизмѣ, съ критич. обзоромъ прежнихъ (Magdeb. Centur. Baron. Tillemont. Mosg. Walch. Neand. Schweg. Ritschl,

своего дальнѣйшаго развитія, получивъ перерывъ болѣе, чѣмъ во сто лѣтъ. Не входя здѣсь въ подробное объясненіе даннаго факта, отмѣтимъ только, что онъ является совершенно понятнымъ и логичнымъ, какъ съ точки зрѣнія общей эволюціи церковнаго строя, такъ и еще больше съ точки зрѣнія развитія, именно, соборнаго института той эпохи, когда прежнія, примитивныя формы церковной жизни мало-по-малу атрофировывались и

Baur. Hilg. Gottw. Möller, Reville, de-Soyres, Renan, Harn.) и съ приложеніемъ подлинныхъ изреченій монтанистич. пророковъ принадлежитъ *G. Nathanael Bonwetsch* „Die Geschichte des Montanismus" Erlangen 1881. Пересмотръ и восполненіе ея сдѣланы самимъ авторомъ въ RE³. art. „Montanismus" XIII, 417 usw. Dr. *F. C. A. Schwegler* „Der Montanismus und die christl. Kirche des zweiten Jahrhunderts" Tübingen 1841. *W. Belck* „Geschichte des Montanismus". Leipz. 1883 (сильно зависима отъ Bonwetsch'a). *A. Hilgenfeld* „Die Ketzergeschichte des Urchristentums" Leipz. 1884. *Ad. Harnack* „Das Mönchtum, seine Ideale und seine Geschichte"[7], 1907. *Ejusd.* Lehrbuch der Dogmengeschichte[4] Tubingen 1909, I в. „Der ursprüngliche Montanismus" 427 s. usw. *Ejusd.* „Die Chronologie der altkirch. Litteratur bis Euseb." Erst. b. 362—381 s. Leipzig. 1897. *Ejusd.* „Die Mission und Ausbreit. des Christentums in den ersten drei Jahrhunderten[2]. I—176 s. и II—180, 190. Leipzig 1906. *Th. Zahn* „Forschungen zur Geschichte des neutest. Kanons und der altkirchl. Litteratur" V. Die Chronologie des Montanismus 3—57 s. „Avercius" Marcellus von Hierapolis, 57—99 и „Apollinaris, Apollinarius, Apolinarius" 99—109. Erlangen und Leipzig 1893. *D. Völter* „Das Ursprungsjahr des Montanismus" (Zeitschr. für wissen. Theol. XXVII, 23—37 s.). *W. M. Ramsay* „The Cities and Bischoprics of Phrygia" I—II. Oxford 1897 (лучшее пособіе по географ. номенклатурѣ и анализу древне-фриг. надписей). *Weinel* „Die Wirkungen des Geistes und die Geister in nachapostolischen Zeitalter bis auf Irenäus" Freiburg 1899. E. C. *Selwyn* „The christian prophets and the prophetic Apocalypse" London 1900. *P. de Labriolle.* La polemique antimontaniste contre la prophetie extatique (Revue d' histoire et litter. religieus.) 1906 XI t. *Hefele-Leclercq* „Histoire des Conciles" I, 127—132 p. Paris, 1907. См. также соотвѣтствующіе отдѣлы въ церковныхъ исторіяхъ *Hergenröther—Kirsch, Möller—Schubert, Duschesne* и, въ особенности, *H. M. Gwatkin* „Early church history to A. D. 313" II t. XVI ch. Montanism, 73—96 p. London 1909. *На русскомъ языкѣ: аб. В. Гетлэ* „Исторія церкви отъ рождества Господа нашего І. Х. до нашихъ дней" I, 486 и сл. Спб. 1872. *Бр. Ф. и С. Терновскіе* „Три первые вѣка христіанства" 18 чт. по Гизлеру и Гагенбаху 153—156 стр. Кіевъ 1878. *А. М. Иванцовъ-Платоновъ* „Ереси и расколы первыхъ трехъ вѣковъ христіанства" 62 стр. 142 и сл. I ч. Москва 1877 г. *Прот. Д. Ѳ. Касицынъ* „Расколы первыхъ вѣковъ христіанства". Гл. I-ая монтанизмъ. Приб. къ тв. св. от. 43 ч. 1889. *Фр. Кс. Функъ* „Исторія христіанской церкви отъ временъ апостольскихъ до нашихъ дней" перев. проф. Гидулянова Москва 1911 г. *Л. Дюшенъ* „Исторія древней церкви", перев. съ V фр. изд. подъ редакціей проф. Попова и Орлова, I, 180—190 стр. 1912. *В. В. Болотовъ* „Лекціи по исторіи древней церкви" посмерт. изд. подъ редак. проф. А. Бриліантова. Томъ II, гл. III-ья Монтанизмъ 348—367 стр. Спб. 1910 г. (лучшее пособіе на русскомъ языкѣ). *Вл. Троицкій* (архим. Иларіонъ) „Очерки изъ исторіи догмата о церкви". IV-ая гл. ученіе о святости Церкви и борьба съ монтанизмомъ" 255—360 стр. Сергіевъ Посадъ 1912 г.

исчезали, а новыя еще не сразу сложились и окрѣпли. Столѣтній перерывъ здѣсь, именно, и былъ необходимъ для такой естественно-постепенной, всегда довольно медленной, исторической смѣны.

Церковно-соборный институтъ вновь проявилъ свое дѣйствіе лишь послѣ половины второго вѣка, въ рядѣ соборовъ, связанныхъ съ начальной исторіей монтанизма; и такъ какъ съ этого времени начинается его уже непрерывная церковно-историческая работа, то большинство новыхъ церковныхъ историковъ и каноистовъ, именно, отсюда, съ эпохи монтанистическаго движенія, предпочитаетъ вести и самую исторію церковныхъ соборовъ [1]). Въ качествѣ основанія для этой хронологіи они выдвигаютъ еще и такіе безспорные факты, какъ чрезвычайный характеръ, или, вѣрнѣе, составъ Апостольскаго собора (руководящая роль самихъ св. апостоловъ), отсутствіе непосредственной историко-генетиче-

[1]) *Ad. Harnack.* „Въ качествѣ перваго христіанскаго собора прежде обыкновенно указывали на іерусалимскій Апостольскій соборъ, о которомъ говорится въ 15 гл. Д. и канонами котораго считается т. н. „апостольскій декретъ" (Д. XV, 24—29)... Но при принципіальномъ сопоставленіи его съ параллельнымъ мѣстомъ (Галат. II, 1 и сл.), скорѣе можно признать въ немъ первообразъ пастырской конференціи (das Urbild einer Pastoraleonferenz), чѣмъ собора... Первыя извѣстія, которыми мы владѣемъ о соборахъ, исходятъ отъ времени послѣ середины втораго вѣка. Они были вызваны распространеніемъ монтанистическаго движенія". „Geschichte der Altkirchl. Litteratur bis Eusebius" I, 2, Concilien—797 s. Leipzig 1893. *Hauck:* „Не взирая на Апостольскій соборъ, который въ вопросѣ о возникновеніи соборовъ значенія не имѣетъ, такъ какъ послѣдующее развитіе соборовъ къ нему не примыкаетъ, древнѣйшіе соборы, которые упоминаются, это, прежде всего,—малоазійскіе, по поводу монтанизма"... RE³ „Synoden" XIX, 263,42—44. Leipzig 1907. *K. V. Schwartz:* „соборы, вызванные монтанизмомъ, это—первые, о которыхъ мы, вообще, слышимъ въ церковной исторіи". „Die Entstehung der Synoden in den alten Kirche" 51 s. Leipzig 1898. *W. Möller-Schubert:* „принято считать, что противъ монтанизма были организованы первые соборы, о которыхъ мы знаемъ". Lehrbuch der Kirchengeschichte[2], 171 s. Tüb. u. Leip. 1902. *N. Bonwetsch:* „первые соборы въ церкви Малой Азіи, о которыхъ стало намъ извѣстнымъ, были вызваны монтанизмомъ". Die Geschichte des Montanismus 154—155 s. Erlangen 1881. *Проф. П. В. Гидулянов:* „древнѣйшими извѣстными намъ соборами были соборы по поводу ученія Монтана"... „Митрополиты въ первые три вѣка христіанства" 149 стр. Москва 1905. Но, впрочемъ, тотъ же ученый въ идейномъ смыслѣ ведетъ исторію церковныхъ соборовъ съ Апостольскаго: „въ этомъ случаѣ Гефеле совершенно правъ признавая несомнѣннымъ происхожденіе соборовъ отъ Апостольскаго собора въ Іерусалимѣ". *Тамъ-же*—146 стр. *Проф. В. В. Болотов:* „многократные соборы въ Малой Азіи,—первые соборы, о которыхъ знаетъ церковная исторія (такъ, напр. въ Іераполѣ, подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго епископа Аполлинарія), осудили фригійскихъ сектантовъ". „Лекціи по исторіи древней церкви" II, 353 стр. СПБ. 1910.

ской связи между первымъ Апостольскимъ соборомъ и послѣдовавшими за нимъ противомонтанистическими, и наоборотъ—несомнѣнную наличность этой связи между только что названными соборами и всей дальнѣйшей исторіей древне-церковныхъ соборовъ. Примиряя взгляды старой и новой школы на начало исторіи соборовъ,—его terminus a quo,—мы полагаемъ, что истинное взаимоотношеніе двухъ указываемыхъ началъ (въ старой школѣ—Апостольскій соборъ, въ новой—противомонтанистическіе соборы) всего правильнѣе можетъ быть выяснено путемъ одного сравненія, именно—сравненія общаго заголовка исторіи съ началомъ самого ея изложенія: Апостольскій соборъ въ Іерусалимѣ является какъ бы общимъ, выразительнымъ заглавіемъ всей исторіи соборовъ; а рядовые противомонтанистическіе соборы второго вѣка были уже началомъ сплошного текста самой этой исторіи. Говоря другими словами, Апостольскій соборъ послужилъ больше идейнымъ, а противомонтанистическіе—непосредственнымъ, фактическимъ началомъ всей соборной исторіи церкви. Всѣмъ этимъ окончательно обусловливается и нашъ повышенный интересъ къ начальной фазѣ монтанизма (преимущественно, малоазійской) и къ исторіи первыхъ, вызванныхъ имъ церковныхъ соборовъ.

Главнымъ и, въ сущности, даже единственно авторитетнымъ источникомъ нашихъ свѣдѣній о раннѣйшихъ антимонтанистическихъ соборахъ является извѣстный церковный историкъ Евсевій, который приводитъ одну характерную цитату по данному вопросу, заимствуя ее изъ сочиненія древняго анонимнаго писателя-антимонтаниста. Въ виду особенной важности для насъ этой выдержки, приведемъ ее, сначала, по греческому тексту, а затѣмъ, и по русскому переводу. Она заканчиваетъ собою довольно обширное „вступленіе“ изъ книги анонима о виновникѣ монтановой ереси и ея первыхъ успѣхахъ во Фригіи, Мизіи, Анкирѣ и Галатіи, а также и о начавшемся въ этихъ церквахъ противодѣйствіи ей, и буквально читается такъ: *τῶν γὰρ κατὰ τὴν Ἀσίαν πιστῶν πολλάκις καὶ πολλαχῇ τῆς Ἀσίας εἰς τοῦτο συνελθόντων καὶ τοὺς πφοσφάτους λόγους ἐξετασάντων καὶ βεβήλους ἀποφηνάντων καὶ ἀποδοκιμασάντων τὴν αἵρεσιν, οὕτω δὴ τῆς τε ἐκκλησίας ἐξεώσθησαν καὶ τῆς κοινωνίας εἴρχθησαν* [1]). Въ русскомъ переводѣ это, не вполнѣ точно,

[1]) *Euseb.* Kirchengeschichte V, 16, 10 *Ed. Schwartz* II, I, 464 s. 10—14 s. Leipzig 1903. Изъ помѣщ. здѣсь научно-критич. аппарата отмѣтимъ въ 10 s. *γὰρ*—лишняя вставка, 11 s. *τῆς Ἀσίας*—отсутств. въ *Σ*, вмѣсто *τοῦτο*—вар. *ταὐτὸ*, 14 s. *εἴρχθησαν* AT′ BD *ἀπείρχθησαν*. Ср. также текстъ *Rufini:* „frequenter tamen adventantibus ex Asia fratribus vesani, et contra fidem Christi bacchantes confutati

передано такъ: „когда, то-есть, по сему случаю, вѣрующіе начали часто и во многихъ мѣстахъ Азіи собираться и, изслѣдовавъ новое ученіе, объявили его нечестивымъ и отвергли, какъ еретическое; тогда преданные ему отлучены были отъ Церкви и лишены общенія съ нею“ [1]). Нельзя, конечно, сказать, чтобы эта выдержка отличалась желательной опредѣленностью и полнотой; но она, во, всякомъ случаѣ, устанавливаетъ съ достаточной категоричностью самый фактъ какихъ-то „съѣздовъ вѣрующихъ“ *(τῶν πιστῶν... συνελθόντων)*, происходившихъ многократно и въ нѣсколькихъ пунктахъ Малой Азіи *(πολλάκις καὶ πολλαχῇ)*, закончившихся рѣшительнымъ осужденіемъ ереси и отлученіемъ ея послѣдователей отъ общенія съ церковью.

Съѣзды или сходы вѣрующихъ, обсужденіе здѣсь волнующихъ и спорныхъ церковно-религіозныхъ вопросовъ и принятіе относительно нихъ того или иного опредѣленнаго рѣшенія, все это—типичныя черты церковныхъ соборовъ, предикатъ которыхъ мы въ правѣ, слѣдовательно, распространить и на названныя противомонтанистическія совѣщанія. Такимъ образомъ, можно считать, болѣе или менѣе, доказаннымъ, что вышеприведенная цитата, дѣйствительно, относится къ исторіи соборовъ и, именно, содержитъ въ себѣ *отпечатокъ, такъ называемыхъ, антимонтанистическихъ соборовъ*. Къ сожалѣнію, крайній лаконизмъ этой важной для насъ замѣтки стеръ съ нея чуть ли не всѣ конкретныя, историческія краски, такъ что она нуждается въ подробномъ реально-историческомъ комментаріи, чтобы хотя сколько-нибудь возстановить ея содержаніе.

Первый вопросъ—кто авторъ этой замѣтки? Насколько онъ свѣдущъ и авторитетенъ и можно ли, слѣдовательно, ему вѣрить? Отвѣтъ не на все это одинаково легокъ и простъ. Что касается самого имени автора, то надо признать, что оно остается для насъ неизвѣстнымъ, несмотря на всѣ догадки такихъ авторитетныхъ писателей, какъ Руфинъ и бл. Іеронимъ. Первый, т. е. Руфинъ, видитъ здѣсь указаніе на Аполлинарія Іерапольскаго [2]),

ut haeretici corruptoresque veritatis ab ecclesiae conventu et societate depulsi sunt“. *Ed. Mommsen*'a Ibidem 465 s. 10—13.

[1]) *Евсевія Памфила* „Церковная исторія“. Перев. С.-Петерб. Дух. Академіи. Томъ I, 291 стр. СПБ. 1848 г. Лично мы позволимъ здѣсь предложить и свой, болѣе точный переводъ даннаго текста: „послѣ-же того, какъ вѣрующіе въ Азіи часто и во многихъ мѣстахъ Азіи сходились относительно этого (т. е. монтанизма) и изслѣдовали нелѣпыя ученія и объявили ихъ вредными и признали за ересь, то они (т. е. монтанисты) были изгнаны изъ церкви и лишены общенія“.

[2]) *Rufinus* „Kirchengeschichte“ V, 16, 2—5, 461 s. 3 s: *Ed. Th. Momsen* Im Auftrage d. Kirchenväter—Commision der köngl. Preuss. Akademie. Leipz. 1903.

а второй, т. е. бл. Іеронимъ—на писателя-антимонтаниста Родона [1]). „Но то и другое—неправильно", по компетентному отзыву *Ad. Harnack'a:* „Евсевій самъ не зналъ автора письма; а эти писатели, дѣлавшіе выписки изъ Евсевія, или строили свои собственныя догадки, или поверхностно читали текстъ его церковной исторіи" [2]). Такъ что авторъ анализируемой выдержки, по прежнему, сохраняетъ для насъ одно названіе—„анонима". Но анонимность автора нисколько не вредитъ достоинству и авторитетности сообщаемыхъ имъ свѣдѣній, которая говоритъ за себя сама. Евсевій опредѣленно отмѣчаетъ *три* книги противомонтанистическаго сочиненія анонима, причемъ изъ каждой его книги онъ приводитъ по нѣскольку выдержекъ (изъ первыхъ двухъ—по двѣ, а изъ третьей—три). И выдержки эти настолько обстоятельны и характерны, что онѣ почти исчерпываютъ собою содержаніе XVI XVII гл. V книги исторіи Евсевія, гдѣ у него излагается „сказаніе о Монтанѣ и ложныхъ его пророчицахъ". Такъ что мы нисколько не преувеличимъ, если скажемъ, что анонимъ послужилъ главнымъ и лучшимъ источникомъ для Евсевія, при характеристикѣ имъ монтанизма и изложеніи его исторіи; даже еще больше—весь этотъ отдѣлъ у Евсевія ведется по тексту анонима, состоитъ изъ его буквальныхъ фрагментовъ, лишь по мѣстамъ искусно связанныхъ самимъ редакторомъ отдѣла—Евсевіемъ.

Нельзя не отмѣтить какъ широкой освѣдомленности анонима относительно внѣшней исторіи монтанистическаго движенія въ Малой Азіи, такъ и еще болѣе его глубокаго проникновенія въ самую внутреннюю сущность названнаго движенія, его умѣнья вскрыть и правильно оцѣнить отличительную черту монтанизма—проповѣдь новаго пророчества. Все это выдаетъ въ анонимѣ лицо высоко образованное по тому времени, а главное—прекрасно освѣдомленное во всѣхъ перепетіяхъ внѣшней и внутренней исторіи монтанизма. Такъ что Евсевій имѣлъ полное право назвать своего анонима однимъ изъ „ученѣйшихъ мужей" (eruditissimi viri—*Ruf.*), жившихъ въ то самое время, т. е. въ разгаръ церковной борьбы съ монтанизмомъ, и полемизировавшихъ съ нимъ не только „на письмѣ" (очевидный намекъ на участіе и въ соборахъ) [3]). А изъ различныхъ случайныхъ указаній и намековъ самого анонима

[1]) *Hieronimus* „De viris illustribus" 37 и 39. Ср. *Бл. Іеронима Стридонскаго,* творенія, ч. 5-ая, 311—312 стр. Кіевъ 1879 г.

[2]) *Ad. Harnack.* Geschichte der altchristl. Litteratur... I, 241 s. Leipz. 1893.

[3]) *Euseb.* V, 16, 2—460 s. 5. *Евсев.* V, XVI, 288 стр.: „начиная свое сочиненіе противъ еретиковъ, прежде всего замѣчаетъ, что онъ состязался съ ними *и не на письмѣ*".

видно, что онъ былъ лицомъ настолько авторитетнымъ, чтобы назидать чужую церковь (понтійскую, въ Анкирѣ Галатійской), и дѣлать это съ такимъ крупнымъ успѣхомъ, что мнѣніемъ его дорожили всѣ „тамошніе пресвитеры" и даже самъ сопресвитеръ *(συμπρεσβύτερος)*—Зотикъ отринскій" [1]). Послѣднее указаніе на „сопресвитера нашего" Зотика ведетъ, по мнѣнію Zahn'a, къ вѣроятному предположенію объ епископствѣ и самого анонима [2]). Наконецъ, па современность анонима тѣмъ движеніямъ, которыя онъ такъ вѣрно и живо изображаетъ, указываетъ цѣлый рядъ внутреннихъ признаковъ, важнѣйшими изъ которыхъ признаются упоминаніе объ Аверкіѣ Маркеллѣ (Аверкій, еп. Іерапольскій?), ссылка па писателя-антимонтаниста Мильтіада и особенно — точная хронологическая дата, что анонимъ писалъ свою работу на четырнадцатомъ году послѣ смерти послѣдней знаменитой сподвижницы Монтана—пророчицы Максимиллы, когда имперія въ теченіе тринадцати лѣтъ наслаждалась невозмутимымъ миромъ [3]). Подробнымъ спеціальнымъ анализомъ всѣхъ этихъ показаній, въ особенности, послѣднягѳ занимались два крупнѣйшихъ ученыхъ авторитета въ данной области—Th. Zahn и Ad. Harnack—и оба они пришли къ совершенно-согласному выводу, что анонимъ писалъ свою полемическую работу или въ концѣ 192 г. или въ самомъ началѣ 193-го года [4]). Такимъ образомъ, полная компетентность,

[1]) *Ibidem* V, 16, 5. 460, 25—26: *καὶ τοῦ συμπρεσβυτέρου ἡμῶν Ζωτικοῦ τοῦ Ὀτρηνοῦ*"...

[2]) „Когда анонимъ извѣстнаго Зотика Отринскаго называетъ *ὁ συμπρεσβύτερος ἡμῶν* (Eus. h. e. V, 16, 5), то изъ контекста ясно слѣдуетъ, что онъ въ этомъ *ἡμῶν* не Аверкія Маркелла объединяетъ съ собой, но обозначаетъ или только себя одного, или со включеніемъ какого-либо третьяго лица, или многихъ другихъ лицъ... Изъ этого мѣста слѣдуетъ, что анонимъ, какъ и Зотикъ, былъ пресвитеромъ, или вѣроятнѣе, епископомъ. Такъ какъ по примѣру I Петр. V, 1 и позднѣйшіе епископы (напр. еп. Кипріанъ Каре.) нерѣдко именовали себя *συμπρεσβύτερος... Th. Zahn* Forschungen zur Geschichte des neutestamentlichen Kanons... V, 91—92 s. und P. S. 93 s. Erlan. и Leipz. 1893.

[3]) *Th. Zahn* находитъ наиболѣе пріемлемой гипотезой допущеніе, что адресатъ, которому анонимъ писалъ свой трактатъ—Аверкій Маркеллъ—былъ никто иной, какъ извѣстный борецъ противъ монтанизма, Аверкій, еп. Іерапольскій. „Avercius Marcellus von Hierapolis" in Forschungen V, 57 usw. besond. 91 s.

[4]) *Th. Zahn.* „Chronologie des Montanismus" Forschungen... V, 3—57 s. Schlüsse—56 s. *Ad. Harnack* „Die Chronologie der altkirch. Litteratur" I, 362—381 s. besond. 365 и 381 s. Рѣшающее значеніе оба автора придаютъ указанію анонима на тринадцать лѣтъ сплошного мира, что, по ихъ мнѣнію, можетъ быть отнесено въ концѣ втораго вѣка только къ царствованію императора Коммода (17 марта 180 г. † Маркъ Аврелій и 31 дек. 192 г. † Коммодъ, процарствовавъ $12^{3}/_{4}$ лѣтъ), годъ смерти котораго и былъ вѣроятнымъ хронологическимъ терминомъ для трактата анонима.

широкая освѣдомленность и близкая современность анонима къ описываемымъ имъ событіямъ стоятъ въ наукѣ внѣ спора и превращаютъ его трактатъ въ источникъ перваго ранга, по начальной исторіи монтанизма.

Второй, еще болѣе важный для насъ вопросъ, касается самаго анализа вышеприведенной цитаты анонима о противомонтанистическихъ соборахъ. Какъ понимать эту цитату? О чемъ, собственно, идетъ въ ней рѣчь? О соборахъ ли, въ ихъ техническомъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ, болѣе или менѣе, значительнаго собранія въ одномъ мѣстѣ представителей многихъ церквей? Или же, быть можетъ, всего только о внутреннихъ собраніяхъ мѣстныхъ религіозныхъ общинъ, о такъ называемыхъ пленарныхъ или общихъ собраніяхъ (Generalversammlungen) отдѣльныхъ церквей? Многое въ цитатѣ анонима говоритъ, скорѣе, въ пользу второго предположенія. И, прежде всего, то, что участниками данныхъ собраній называются просто „вѣрующіе“, а не епископы, какъ это обычно у Евсевія относительно членовъ другихъ соборовъ. Болѣе естественный выводъ отсюда тотъ, что на противомонтанистическихъ соборахъ преобладающее большинство ихъ членовъ состояло изъ простыхъ мірянъ („вѣрующіе“). А это, разумѣется, ближе всего могло имѣть мѣсто въ пленарныхъ собраніяхъ отдѣльныхъ церквей, гдѣ объединялись всѣ міряне извѣстной религіозной общины, подъ руководствомъ одного ея епископа и состоявшаго при немъ клира.

Останавливаетъ на себѣ вниманіе также и то обстоятельство, что соборы эти происходили *часто* и во *многихъ мѣстахъ*, въ чемъ едва ли ощущалась бы потребность, если бы эти собранія были настоящими соборами, т. е. концетрированнымъ представительствомъ цѣлой, болѣе или менѣе обширной церковной территоріи. Отсюда, заключая къ противному, мы логически вынуждаемся признать, что частые и многочисленные противомонтанистическіе соборики еще мало походили на настоящіе церковные соборы и, приближались, скорѣе, къ типу обычныхъ, общихъ собраній мѣстныхъ церквей. Да, наконецъ, говорятъ, и самъ анонимъ даетъ намъ лучшую интерпретацію своей цитаты о соборахъ, въ формѣ той живой иллюстраціи одного изъ нихъ, изображеніе которой у него предлагается всего лишь нѣсколькими строками ниже и заключаетъ въ себѣ слѣдующее повѣствованіе: „бывъ недавно въ Анкирѣ галатійской и нашедши, что понтійская церковь оглушена крикомъ объ этомъ новомъ, не какъ сами они называютъ—пророчествѣ, а лучше, какъ есть на самомъ дѣлѣ, лжепророчествѣ, я, сколько могъ, при помощи Божіей, бесѣдовалъ въ церкви въ теченіе многихъ дней и разсматривалъ отдѣльно, какъ это, такъ и все другое, что мнѣ предлагали; церковь торжествовала отъ радости и утверждалась въ истинѣ; а противники тогда же были отвергнуты, и враги возскорбѣли“ [1]. Здѣсь, какъ видно, рѣчь идетъ о такомъ случаѣ, когда по поводу пріѣзда анонима въ г. Анкиру, метрополь Галатіи, вся мѣстная понтійская церковь собралась вмѣстѣ, чтобы въ бесѣдѣ съ своимъ авторитетнымъ путешественникомъ подѣлиться различными своими сомнѣніями, въ ряду которыхъ на первомъ мѣстѣ стояло и смущеніе умовъ, вызванное монтанистическимъ движеніемъ. Вліятельный гость понтійской церкви оказался лицомъ свѣдующимъ и опытнымъ въ дѣлахъ такого рода: онъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней спокойно и терпѣливо велъ эти религіозно-церковные диспуты и въ концѣ концовъ достигъ яснаго раскрытія всѣхъ заблужденій и полнаго торжества истины къ общей радости понтійской церкви и къ великой досадѣ извергнутыхъ изъ нея монтанистовъ (*τοὺς δ' ἐξ ἐναντίας* — людей съ противоположной стороны, противниковъ).

Не были ли, спрашивается, и другія антимонтанистическія собранія вѣрующихъ подобными же мѣстно-церковными, пленарными засѣданіями, съ приглашенными, или нарочито разъѣзжавшими свѣдующими и авторитетными представителями отъ другихъ церквей? Прямой намекъ на такое, именно, рѣшеніе спорнаго вопроса дѣлаетъ латинскій переводчикъ исторіи Евсевія—церковный историкъ V в. Руфинъ, который вышеприведенный случай Евсевія обобщаетъ и возводитъ чуть ли не въ систему тогдашней церковной борьбы съ монтанизмомъ [2]. Да и вообще, надо сказать, примѣры подобныхъ свободныхъ бесѣдъ, а иногда даже горячихъ преній мѣстной церкви съ авторитетными путешественниками, далеко нерѣдки въ практикѣ древней церкви: и у того же Евсевія мы встрѣчаемъ ихъ нѣсколько, въ родѣ бесѣдъ знаменитаго Оригена—тогда еще мірянина—въ Кесарійской церкви, или продол-

[1]) *Евсевія Памфила* „Церковная исторія“ СПБ. 1848 г. 288—289 стр. Ср. *Euseb. Werke* KG. V. 16. 4. 460 s.

[2]) „Sed adversum haeresim Catafrygarum scutum validissimum protulit Apollinaris Hierapolites, de quo supra memoravimus, aliique quam plurimi ad id locorum eruditissimi viri adversum eos pro veritatis defensione certarunt, qui etiam nobis ad historiae textum monumenta validissima reliquerunt. Interim, ut diximus, Apollinaris scribens adversum hanc haeresim et designans in praefatione, quod per ecclesias Galatiae vicinarumque provinciarum digrediens et plurimos ab eis inretitos videns multos quidem et coram disputando correxerit.“ *Rufinus* V, 16, 1—5. *Ibidem*—459—461 s.

жительныхъ, многодневныхъ бесѣдъ извѣстнаго еп. Діонисія Александрійскаго, съ пресвитеромъ Коракіономъ, главой хиліастовъ арсинойской церкви [1]). Недаромъ, видный современный западный канонистъ К. Sohm усматриваетъ въ противомонтанистическихъ соборахъ одну изъ главныхъ опоръ своей оригинальной теоріи происхожденія церковныхъ соборовъ, по смыслу которой первичное зерно церковныхъ соборовъ это—собраніе мѣстной церковной общины, непремѣнно усиливаемое депутатами со стороны, отъ болѣе знаменитой и авторитетной церкви. „Тѣ собранія вѣрующихъ“ (о которыхъ говоритъ Евсевій въ вышеприв. цитатѣ V, 16, 10) и были, именно, такими общими собраніями мѣстныхъ церквей (Gemeindeversammlungen), что подтверждается также и фактомъ *отлученія* (Exkommunikation) инако-вѣрующихъ, каковое для своей силы необходимо требовало заключенія всей общины“ [2]).

При всей кажущейся убѣдительности вышеизложенной аргументаціи въ защиту взгляда на противомонтанистическіе соборы, какъ на общія собранія отдѣльныхъ мѣстныхъ церквей, она все же не свободна отъ серьезныхъ выраженій. Нельзя, прежде всего, придавать какого-либо особаго значенія довольно случайному указанію Евсевія на „вѣрующихъ“, какъ на членовъ этихъ соборовъ и выводить отсюда заключенія объ особомъ характерѣ данныхъ соборовъ (неепископальномъ). На подобное заключеніе не отваживается даже и R. Sohm, хотя оно было бы ему очень на-руку: „что между собранными „вѣрными“ Малой Азіи прежде всего были епископы, это—говоритъ Sohm—понятно само собою; но столь же самоочевидно, что выраженіе „вѣрующіе“ обозначаетъ *не только* епископовъ“ [3]). Слѣдовательно, терминъ „вѣрующіе“ употребленъ здѣсь Евсевіемъ въ самомъ общемъ и широкомъ смыслѣ, одинаково обнимающимъ собою какъ епископовъ съ клириками, такъ и простыхъ мірянъ.

Затѣмъ, если бы разсматриваемыя собранія „вѣрующихъ“ были бы обычными, такъ сказать, рядовыми собраніями мѣстныхъ общинъ, то врядъ ли бы настояла нужда Евсевію о нихъ и упомина-

[1]) *Евсевій*—Цит. сл.—VI, XX.—353 стр. VII, XXIV, 434—437.

[2]) *Rud. Sohm* Kirchenrecht. Erster Band. Die geschichtlichen Grundlagen. 279 s. и примѣч. 62. Leipzig 1892.

[3]) *Ibidem*—279 s. Самъ-же Sohm безспорно отдаетъ предпочтеніе чисто мірскому элементу разсматриваемыхъ собраній, приводя въ подкрѣпленіе этого и выдержку изъ письма Сераціона, еп. Антіохійскаго о томъ отвращеніи къ монтанизму, которое питало къ нему „все, живущее на землѣ *братство*“. Евсевій V, XIX, 2.

нать. Вѣдь такія, болѣе или менѣе, полныя собранія мѣстныхъ церковныхъ общинъ, подъ предсѣдательствомъ своего епископа и въ союзѣ съ своимъ клиромъ, происходили въ то время довольно часто: въ дни воскресные, въ дни памяти мучениковъ, по случаю выбора епископа и клириковъ. Если же Евсевій, или, точнѣе, анонимъ спеціально подчеркиваетъ какія-то особыя собранія „вѣрующихъ“, то тѣмъ самымъ онъ уже выдѣляетъ ихъ изъ ряда обычныхъ собраній для богослуженія, выборовъ и, вообще, рѣшенія текущихъ дѣлъ. Такъ что, во всякомъ случаѣ, основываясь на текстѣ Евсевія, мы не можемъ признать этихъ соборовъ за обычныя рядовыя собранія только мѣстныхъ церквей.

Но быть можетъ, то были не обычныя, а такъ сказать экстроординарныя собранія мѣстныхъ церковныхъ общинъ, усиленныя представителями отъ другихъ церквей, какъ думаетъ R. Sohm? Нѣтъ спора, что такая догадка гораздо болѣе правдоподобна. Весьма вѣроятно, что многократныя и повсюдныя собранія вѣрующихъ по поводу монтанизма могли быть именно тѣми, нѣсколько расширенными и увеличенными со стороны, пленарными собраніями мѣстныхъ церковныхъ общинъ, о которыхъ говоритъ Sohm и образецъ которыхъ представляетъ анонимъ у Евсевія на примѣрѣ понтійской церкви. Но ни откуда не видно, чтобы единичный случай, разсказанный анонимомъ у Евсевія, должно было возводить въ систему. Да нельзя не отмѣтить, что и этотъ случай не вполнѣ совпадаетъ съ теоріей Sohm'а, по требованію которой число депутатовъ, присланныхъ со стороны, должно быть не меньше трехъ, или въ крайнемъ случаѣ двухъ, а ужъ никакъ не ограничиваться однимъ лицомъ, что мы имѣемъ въ данномъ примѣрѣ [1]).

Но даже и допуская существованіе расширенныхъ мѣстныхъ церковныхъ собраній, какъ одной изъ формъ противомонтанистическихъ соборовъ, мы нисколько тѣмъ самымъ не отрицаемъ существованія и другихъ, уже болѣе обширныхъ соборовъ, на которыхъ сходились (*συνέρχομαι* Евсев. V, 16, 10) представители нѣсколькихъ сосѣднихъ церковныхъ общинъ для совмѣстнаго рѣшенія одного и того же, одинаково волнующаго всѣхъ вопроса. Такое предположеніе имѣетъ за себя цѣлый рядъ довольно вѣскихъ данныхъ. Во-первыхъ, въ самомъ анализируемомъ текстѣ Евсевія содержится нѣчто бо́льшее, чѣмъ указаніе на мѣстныя церковныя собранія. Въ немъ говорится о торжественномъ публичномъ *изслѣдованіи и обсужденіи* монтанизма, послѣ котораго

[1]) *R. Sohm* „Op. cit. 282 s.

онъ окончательно былъ признанъ ересью, а всѣ его сторонники отлучены отъ церкви. Всѣ эти дѣйствія, какъ справедливо отмѣчаетъ K. Schwartz, такого рода, что они превышаютъ компетенцію каждой отдѣльной частной церкви [1]). Послѣдняя сдва ли бы рискнула такъ авторитетно и такъ безапелляціонно осудить *новое ученіе*, тѣмъ болѣе такое, которое съ внѣшней стороны имѣло много подкупающаго въ свою пользу и ничего такого, что могло бы прямо оттолкнуть отъ него, или обнаружить его неправильность. Тутъ нужна была продолжительная и внимательная работа многихъ церквей, въ особенности ихъ свѣдущихъ и авторитетныхъ предстоятелей, чтобы обнаружить монтанистическую „прелесть“ и найти твердыя основанія для ея осужденія. А для всего этого и нужны были соединенныя собранія нѣсколькихъ церквей. во главѣ съ ихъ предстоятелями-епископами, т. е. именно то самое, что на языкѣ церковнаго права стало позднѣе называться *провинціальнымъ, или областнымъ соборомъ*. При этомъ, конечно, вполнѣ естественно, что подобныя собранія происходили въ болѣе видныхъ и крупныхъ церковно-политическихъ центрахъ, стягивавшихъ къ себѣ сосѣднія окраинныя церкви, а не наоборотъ, какъ полагаетъ то Sohm, въ угоду своей предзанятой теоріи [2]), но безъ всякихъ серьезныхъ доказательствъ.

Важно подчеркнуть въ свидѣтельствѣ анонима и еще одну характерную деталь. Здѣсь говорится, что по обнаруженіи монтанистической ереси послѣдователи ея „были изгоняемы изъ церкви—*τῆς τε ἐκκλησίας ἐξεώσθησαν*“. Если бы здѣсь дѣло шло о частныхъ собраніяхъ мѣстныхъ церквей, то, какъ совершенно справедливо догадывается K. Schwartz, на нихъ разсуждали бы *не принципіально-теоретически, а жизненно-практически*, т. е. имѣли бы въ виду не отвлеченное ученіе монтанизма, вообще, а проповѣдь опредѣленныхъ, конкретныхъ монтанистовъ, или находившихся въ составѣ данной общины, или почему-либо смущавшихъ ея покой [1]). Отсюда и самое осужденіе ереси неизбѣжно получило бы характеръ опредѣленнаго указанія на отдѣльныхъ, конкретныхъ личностей. А разъ этого нѣтъ, разъ осужденіе ереси носитъ болѣе общій и, такъ сказать, принципіальный, а не конкретный характеръ, то это—ясный знакъ того, что и самое обсужденіе или осужденіе ереси произносилось отъ имени болѣе широкаго и общаго собора, непосредственно не заинтересованнаго въ указаніяхъ на личности. Значеніе даннаго факта возрастетъ еще больше, если мы обратимъ вниманіе на то, что противники собора отлучаются не только отъ „общенія“ (*κοινωνίας*), но и „отъ церкви“ (*τῆς τε ἐκκλησίας*). При значительной разобщенности мѣстныхъ церквей въ древности, при ихъ самозамкнутости и мѣстной автономности [2]), при господствѣ такой практики, когда осужденный въ одной церкви шелъ въ другую и нерѣдко свободно принимался въ ней, было вполнѣ естественно, что всякая мѣстная церковь могла отлучать только отъ своего общенія (*κοινωνία*), а не претендовать на то, чтобы ея осужденіе распространялось и на всѣ другія церковныя общины, т. е. было общимъ отлученіемъ отъ церкви. Этотъ послѣдній характеръ пріобрѣтали лишь общія рѣшенія нѣсколькихъ церквей, причемъ и степень обязательности такого рѣшенія была прямо пропорціональна объему его общности. Отсюда, если антимонтанистическіе соборы рѣшались изгонять монтанистовъ *и изъ церкви*, то, значитъ, они были достаточно широки и общи, чтобы диктовать свои обязательныя постановленія всей церкви, или, по крайней мѣрѣ, извѣстной значительной ея части (напр. въ данномъ примѣрѣ, церквамъ Фригіи, Галатіи и Понта).

Кромѣ историко-филологическаго анализа разобраннаго свидѣтельства Евсевіева анонима, весьма важное, можно сказать, даже рѣшающее значеніе въ данномъ вопросѣ должно имѣть и указаніе на обычную соборную практику той эпохи. Правда, раннѣйшихъ соборныхъ прецедентовъ мы не знаемъ; да ихъ, по всей вѣроятности, и не было. Но что касается ближайшихъ послѣдующихъ соборовъ, то они достаточно хорошо извѣстны. Это были знаменитые, преимущественно, восточные же и, именно, малоазійскіе соборы по поводу споровъ о времени празднованія Пасхи, происходившіе въ самомъ концѣ 2-го вѣка. Со-

[1]) *K. von Schwartz* „Die Entstehung der Synoden“ Leipzig 1898. „Dies that aber die Einzelgemeinde nur dann, wenn sie in der Synode nicht die Erweiterung irgend einer Gemeindeversammlung sah, sondern nur wenn sie entweder selbst irgendwie auf derselben vertreten war, oder wenn sie in der Zahl und Stellung der Versammelten genügende Garantie für die Richtigkeit des Beschlüsses hatte“.—52 s.

[2]) По теоріи *R. Sohm*'а, зарожденіе церковно-соборнаго института произошло не въ крупныхъ церковно-политическихъ центрахъ, а какъ разъ наоборотъ, въ незначительныхъ и захолустныхъ, которыя безсильны были справляться съ своими дѣлами сами и нуждались въ подкрѣпленіяхъ извнѣ, отъ болѣе сильныхъ и вліятельныхъ церквей.

[1]) *Karl v. Schwartz* „Op. cit.“ 52 s.

[2]) *В. Троицкій* (архим. Иларіонъ) „Очерки по исторіи догмата о Церкви“ стр. 363: „даже у св. Иринея и Тертулліана каждая отдѣльная церковная община разсматривается въ отношеніи ученія, какъ нѣчто самостоятельное и самодовлѣющее“.

боры эти, какъ мы надѣемся доказать въ послѣдствіи, были общими, или провинціальными и состояли, главнымъ образомъ, изъ епископовъ сосѣднихъ церквей, собиравшихся въ наиболѣе крупныхъ церковно-политическихъ центрахъ. А такъ какъ пасхальные соборы происходили почти на той-же самой территоріи, что и антимонтанистическіе и были раздѣлены отъ послѣднихъ всего двумя, много тремя, десятилѣтіями, то есть полное основаніе думать, что тѣ и другіе соборы были приблизительно одинаковы и по характеру и по составу.

Впрочемъ, мы не безъ особаго намѣренія вставляемъ здѣсь слово „приблизительно", такъ какъ охотно допускаемъ наличность нѣкотораго различія между монтанистическими и пасхальными соборами, именно, въ смыслѣ меньшаго объема первыхъ и ихъ болѣе узкой территоріи. Признаніе такого различія имѣетъ за себя и теоретическіе и практическіе доводы. Главный теоретическій доводъ это—требованіе закона развитія, въ силу котораго всякій новый, въ томъ числѣ и церковный институтъ лишь постепенно растетъ и крѣпнетъ: такъ и церковные соборы, начавшись въ сравнительно небольшомъ масштабѣ, въ территоріи, быть можетъ, только двухъ, трехъ сосѣднихъ церквей, постепенно становились все шире и полнѣе, до тѣхъ поръ, пока не развились до объема, такъ называемаго, вселенскаго собора, включавшаго въ себѣ (если не всегда фактически, то, по крайней мѣрѣ, по самой идеѣ) организованное представительство всей Христовой церкви (соборно-каѳолической). А сравненіе съ ростомъ другихъ аналогичныхъ институтовъ, въ свою очередь, устанавливаетъ, какъ почти общее правило, что разница между начальными фазами развитія сказывается всегда отчетливѣе и рѣзче, чѣмъ между послѣдующими его формами, гдѣ эволюція идетъ уже болѣе замедленнымъ темпомъ. А такъ какъ и противомонтанистическіе и пасхальные соборы относятся къ начальному періоду историческаго развитія соборнаго института въ церкви, являются какъ бы двумя первыми его ступенями, то мы уже a priori должны допустить возможность между ними извѣстнаго, достаточно замѣтнаго различія. Отсюда, если пасхальные соборы были уже провинціальными и даже областными, объединявшими церкви одной или нѣсколькихъ провинцій, то противомонтанистическіе соборы, навѣрное, были лишь объединявшими церкви только части извѣстной провинціи. Въ этомъ смыслѣ нельзя не признать нѣкотораго здороваго зерна и въ соборной теоріи R. Sohma, принимающей за эмбріональную форму собора общее, пленарное собраніе одной мѣстной церкви. Вся ошибка Sohma,—и ошибка,

надо признать, роковая для всей его теоріи,—состоитъ на нашъ взглядъ, въ томъ, что онъ не съ того конца ведетъ линію соборнаго развитія—не съ центра къ периферіи, какъ бы слѣдовало, а съ периферіи къ центру, чего дѣлать не слѣдуетъ. И примѣръ понтійской церкви, собравшейся не гдѣ либо на окраинѣ а въ своемъ метрополѣ—Анкирѣ Галатійской является лучшимъ опроверженіемъ ошибочной тенденціи Sohm'a.

Наконецъ, наиболѣе вѣскимъ практическимъ аргументомъ за сравнительную незначительность объема первыхъ противомонтанистическихъ соборовъ мы признаемъ выразительное указаніе анонима на то, что соборы эти составлялись „часто и повсюду въ Азіи". (πολλάκις καὶ πολλαχῆ). Какъ бы мы ни старались ослабить силу этихъ категорическихъ указаній современнаго историка, мы все же не можемъ отрицать ни многочисленности данныхъ соборовъ, ни ихъ территоріальной близости [1]). А то и другое возможно было лишь при одномъ условіи, что раннѣйшіе антимонтанистическіе соборики объединяли на себѣ лишь сравнительно небольшія группы ближайшихъ, сосѣднихъ церквей. Таковъ нашъ послѣдній, заключительный выводъ изъ всего анализа крайне важной цитаты Евсевіева анонима о противомонтанистическихъ соборахъ.

II.

Большой Іерапольскій соборъ противъ монтанизма (въ 70-хъ год. 2 в.).

Анализъ основного источника нашихъ свѣдѣній о раннѣйшихъ антимонтанистическихъ соборахъ 2 в.—цитаты Евсевіева анонима[2])—привелъ насъ къ двумъ главнымъ выводамъ: одному—положительному, что соборы эти, дѣйствительно, происходили, а другому, вѣроятному—что они были еще и не типичные по составу (всѣ „вѣрующіе", а не представители ихъ епископы) и главное—не велики по объему. Впрочемъ, оба названныхъ свойства этихъ соборовъ органически нераздѣлимы: коль скоро объемъ раннѣйшихъ антимонтанистическихъ соборовъ опредѣлялся двумя,

[1]) Они происходили приблизительно въ одно и то-же время и главное—на пространствѣ одной и той-же, не особенно обширной территоріи.

[2]) *Euseb.* V, 16, 10, 460—464 s.; Евсев. V, XVI, 291 стр.

много тремя сосѣдними церковными общинами, то ясно, что и составъ ихъ не могъ ограничиваться одними только епископами этихъ церквей (ибо ихъ тогда было-бы всего 2—3 чел.); а необходимо требовалъ восполненія со стороны остальныхъ членовъ этихъ церквей, т. е. какъ прочихъ клириковъ, такъ и „вѣрующихъ“ мірянъ.

Нельзя, однако, не признать такихъ выводовъ слишкомъ скромными и далеко не удовлетворяющими законнаго любопытства соборнаго историка, не отвѣчающими даже на такіе казалось-бы необходимые вопросы, какъ—кто-же, когда и гдѣ, именно, собирался на соборы для борьбы съ монтанизмомъ? Поэтому, мы нисколько не удивляемся, когда узнаемъ, что позднѣйшіе церковные историки и канонисты, въ особенности, составители католическихъ соборныхъ сборниковъ, пытаются дать болѣе полные и опредѣленные отвѣты на поставленные вопросы. Изъ числа ихъ наибольшей опредѣленностью и полнотой отличается традиція объ Іерапольскомъ противомонтанистическомъ соборѣ, занесенная въ Libellus synodicus, а отсюда перешедшая и въ большинство позднѣйшихъ соборныхъ сборниковъ и исторій (Balus. Labb. Mansi, Harduin, Hefele etc.). По тексту изданія Mansi, традиція эта содержитъ въ себѣ буквально слѣдующее: *„авторъ Libelli synodici повѣствуетъ, что въ городѣ Іерополѣ (Азійскомъ) происходилъ святой соборъ, состоявшій изъ епископа этого города — Аполлинарія и двадцати шести епископовъ той-же провинціи, и что соборъ этотъ осудилъ и извергнулъ Монтана и Максимиллу, ложныхъ пророковъ, а вмѣстѣ съ ними осудилъ и Ѳеодота Кожевника“*. Самъ Mansi озаглавляетъ это извѣстіе такъ: *„соборъ Іерапольскій, бывшій около 173 года по Р. Х.“* [1]). Почти буквально то-же повторяетъ Mansi и еще разъ, нѣсколькими страницами ниже, гдѣ онъ даетъ греческій текстъ указанной традиціи, съ его латинскимъ переводомъ. Но здѣсь къ Hierapolitana Apollinarii онъ

[1]) *Mansi:* „Op. cit.“ Concilium Hierapolitanum. Habitum circa annum Christi CLXXIII. „Auctor libelli synodici narrat sanctum synodum Hierapoli Asiae civitate celebratam ab Apollinario urbis illius episcopo aliisque viginti sex episcopis ejusdem provinciae, abdicasse et extirpasse Montanum et Maximillam pseudoprophetas, simulque cum illis damnavisse Theodotum Coriarium“. 691 стр. Нѣсколькими страницами ниже Mansi даетъ изъ того-же libelo synodico, вмѣстѣ съ латинскимъ переводомъ, и греческій текстъ этой традиціи: *„Σύνοδος θεία καὶ ἱερὰ τοπική, ἐν Ἱεράπολει τῆς Ἀσίας, συναθροισθεῖσα ὑπὸ Ἀπολιναρίου, τοῦ ταύτης ὁσιωτάτου ἐπισκόπου, καὶ ἑτέρων εἰκοσιἑξ ἐπισκόπων, ἀποκηρύξασά τε καὶ ἐκκάψασα Μοντανὸν καὶ Μαξιμίλλαν, τοὺς ψευδοπροφήτας. Οἳ καὶ βλασφήμως, ἤτοι δαιμονιῶντες, καθὼς φησιν ὁ αὐτὸς πατήρ, τὸν βίον κατέστρεψαν. Σὺν αὐτοῖς δέ, κατέκρινε καὶ Θεοδότον τὸν σκυτέα“*.—723.

присоединяетъ и еще одно интересное добавленіе—Achilliana Sotae,—слѣдующаго содержанія: „божественный и священный провинціальный соборъ былъ созванъ святѣйшимъ епископомъ (города?) Ахиллъ—Сотой и двѣнадцатью другими епископами. Онъ отрекся отъ отвергнутаго Ѳеодота Кожевника, а также и отъ Монтана съ Максимиллой, который училъ о восьми стахъ семидесяти восьми эонахъ и провозгласилъ себя самого за Св. Духа“ [1]). Такимъ образомъ, глухая ссылка Евсевіева анонима на частыя и повсемѣстныя собранія малоазійскихъ христіанъ получаетъ здѣсь характеръ конкретнаго указанія на два противомонтанистическихъ собора: на Іерапольскій, происходившій въ городѣ Іерополѣ, подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго епископа Аполлинарія, въ составѣ 26-ти епископовъ, и на Ахилліанскій, или, правильнѣе, Анхіальскій (отъ Ѳракійскаго города Анхіалъ, на берегу Чернаго моря), подъ предсѣдательствомъ тамошняго епископа Соты, въ составѣ 12-ти другихъ епископовъ. Первый соборъ Mansi помѣщаетъ около 173 г., а второй—болѣе неопредѣленно относитъ къ концу правленія папы Виктора (189—199 г.).

Намъ ничего больше не оставалось-бы дѣлать, какъ съ благодарностью принять эту традицію и считать самый вопросъ о соборахъ противъ монтанизма, такимъ путемъ исчерпаннымъ, если-бы приведенная версія была достаточно авторитетна и внушала-бы къ себѣ довѣріе. Къ сожалѣнію, этого-то, какъ разъ, о ней сказать и нельзя, такъ какъ тотъ источникъ, откуда она заимствована, довольно подозрителенъ и стоитъ на плохомъ счету у серьезныхъ, независимыхъ ученыхъ.

Впрочемъ, католическіе ученые держатся совсѣмъ иного взгляда на Libellum synodicum: они считаютъ его авторитетнымъ церковнымъ памятникомъ и преимущественно изъ него черпаютъ свои свѣдѣнія о древнѣйшихъ соборахъ первыхъ восьми вѣковъ. Даже такой серьезно образованный и далеко не крайній католикъ, какъ Hefele и тотъ находитъ нужнымъ взять данный памятникъ подъ свою защиту и заявить, что онъ, „хотя и довольно поздней редакціи (конца IX в.), но основанъ на болѣе древнихъ и подлинныхъ источникахъ“ [2]). Въ виду такого разногласія ученыхъ, а также еще больше и потому, что намъ съ этимъ памятникомъ,

[1]) *Ibidem:* „Synodus divina et sacra particularis, congregata a sanctissimo Achilliarum episcopo Sota, aliisque duodecim episcopis: quae refutatum Theodotum Coriarium abdicavit: Montanum item cum Maximilla, qui octingentos septuaginta octo Aeonas docebat, seque ipsum pro Spiritu sancto venditabat“ 724 s.

[2]) *Hefele-Leclercq* „Op. cit.“ I, I, 128 p.

лежащимъ въ основѣ всѣхъ католическихъ соборныхъ сборниковъ (въ особенности Mansi), придется постоянно встрѣчаться въ настоящей своей работѣ, мы считаемъ необходимымъ остановиться на данномъ вопросѣ нѣсколько поподробнѣе, и теперь-же, разъ навсегда, опредѣлить свое отношеніе къ нему.

Именемъ Libellus synodicus, или *Συνοδικόν* (Synodicum) называется сборникъ, содержащій въ себѣ краткія замѣтки о 158 соборахъ древней церкви, начиная съ іерусалимскаго Апостольскаго собора и кончая соборами по дѣлу патр. Фотія. Соборный матеріалъ его, по отзыву Ad. Harnack'a, почерпнутъ, главнымъ образомъ, изъ церковной исторіи Евсевія; но иногда онъ, видимо, основанъ и на какихъ-то другихъ, еще неизвѣстныхъ намъ источникахъ [1]). Въ научный оборотъ онъ попалъ довольно поздно, въ самомъ началѣ XVII в., будучи впервые изданъ страссбургскимъ богословомъ Іоанномъ Паппусомъ (Ioannes Pappus Argentoratensis) въ 1601-омъ году, сразу на двухъ языкахъ—греческомъ подлинникѣ и латинскомъ переводѣ. Затѣмъ, Libellus synodicus былъ переизданъ Justell'омъ въ его Biblioth. Canonum, откуда перепесенъ былъ и въ извѣстный соборный сборникъ Labbeus-Cossart'a (съ 1661—1672 г.). Здѣсь онъ впервые былъ разбитъ на части, въ зависимости отъ количества упоминаемыхъ въ немъ соборовъ, причемъ каждая изъ этихъ частей отнесена была къ исторіи соотвѣтствующаго ей собора. Такой распорядокъ, очевидно, не понравился послѣдующему издателю сборника соборовъ,—галликанскому богослову Hardouin'у, который Libellus synodicus помѣстилъ цѣликомъ въ пятомъ томѣ своего изданія (1714—1724 г.). Но послѣдующій издатель самаго обширнаго собранія соборовъ—католическій аббатъ Mansi (1759—1798)—снова разбилъ содержаніе Lib. synod. по отдѣльнымъ соборамъ, слѣдуя примѣру Labbeus-Cossart'a [2]). Нельзя не отмѣтить, что Mansi положительно преклоняется предъ авторитетомъ Lib. syn. и аппелируетъ къ нему, какъ къ безспорному источнику древности.

Однако ближайшее знакомство съ Libellus synod. не оправдываетъ такого отношенія къ нему: анализъ его краткихъ свѣдѣній о соборахъ первыхъ трехъ вѣковъ показываетъ, что въ немъ несомнѣнная историческая правда перемѣшана съ различными домыслами и интерполяціями автора, въ духѣ позднѣйшаго католицизма. Почти все то, что есть въ немъ подлинно историческаго—не оригинально и не ново, такъ какъ представляетъ свободный перифразъ Евсе-

[1]) *Ad. Harnack* „Geschichte der altchr. Litteratur" I, I, 801. Leipz. 1893.
[2]) *Mansi*—„Op. cit." I, 25—26, not. I.

вія; а то, что сравнительно оригинально и ново—не подлинно и не исторично, такъ-какъ составлено по извѣстному католическо-соборному шаблону, непремѣнно требующему указать мѣсто собора, точную цифру присутствовавшихъ на немъ епископовъ (и только ихъ однихъ), назвать имя предсѣдательствующаго и подчеркнуть, насколько то возможно, преобладающее значеніе римскаго епископа. Съ этой послѣдней стороны Libellus synod. невольно напоминаетъ собой продукты той тенденціозно-ультрамонтантской, прикрывающейся авторитетомъ древности, литературы, типичнѣйшимъ образчикомъ которой является, т. н. „лжеисидоровскій сборникъ"; хотя и нельзя здѣсь не отмѣтить, что въ Libellus synod. нѣтъ какихъ-либо особенно грубыхъ фальсификацій и поддѣлокъ, а его домыслы и украшенія—сравнительно невиннаго свойства.

Проф. Harnack задается вопросомъ, не является-ли данный сборникъ „безстыдной поддѣлкой" (unverschämte Fälschung—очевидно, въ смыслѣ беззастѣнчиваго выдаванія за древній памятникъ результата собственной компановки) Darmari'я, который будто-бы вывезъ его изъ Греціи въ концѣ XVI в. и съумѣлъ выгодно продать Pappus'у [1])? Конечно, при пробудившейся, подъ вліяніемъ реформаціи, любви къ памятникамъ церковной древности, и при отсутствіи серьезной исторической критики, не исключена возможность и такой корыстной эксплоатаціи ученой любознательности со стороны какихъ-либо темныхъ спекулянтовъ. Но Libellus synod., пожалуй, не даетъ основанія къ столь крайнимъ предположеніямъ, а самъ Harnack на нихъ нисколько не настаиваетъ. Въ 1893 г. Harnack высказалъ только сожалѣніе, что эта книга „до сихъ поръ еще ближе не изслѣдована и не освѣщена", что буквально долженъ былъ повторить, почти въ наши дни, и католическій ученый—Leclercq [2]). То обстоятельство, что повѣствованіе Libellus synod. заканчивается константинопольскимъ соборомъ 872 г. даетъ основаніе думать, что въ основѣ его, дѣйствительно, лежитъ довольно древній греческій подлинникъ, редактированный какимъ-либо грекомъ IX в. и украшенный позднѣе различными католическими вставками. Mansi предположительно называетъ, въ качествѣ греческаго редактора, константинопольскаго патріарха—Никифора, а L. Allatius—намекаетъ на самого Фотія [3]). Въ конечномъ итогѣ, нашъ собственный выводъ о Libello synodico, какъ соборномъ источникѣ, будетъ такимъ. Па-

[1]) *Ad. Harnack* „Geschichte d. altchr. Litt. 801 s.
[2]) *Leclercq-Hefele* „Histoire des conciles" I, I, 128 nota 3.
[3]) *Mansi* Op. cit.—25—26, nota 1.

мятникъ этотъ—не высокой исторической цѣнности, не только потому, что онъ украшенъ позднѣйшими католическими вымыслами (ихъ не такъ много и они сравнительно невинны), но главнымъ образомъ потому, что онъ не оригиналенъ и слишкомъ зависимъ отъ Евсевія. Однако въ этой-то близости къ Евсевію и кроется небезразличное значеніе даннаго памятника и для насъ: онъ даетъ намъ, сравнительно древнюю и уже по тому самому, болѣе или менѣе, авторитетную интерпретацію Евсевія. Текстъ Евсевія иногда слишкомъ кратокъ, состоитъ больше изъ намековъ, чѣмъ изъ связнаго повѣствованія; да еще изъ такихъ намековъ, которые бываютъ разсѣяны, въ видѣ случайныхъ замѣтокъ, на пространствѣ нѣсколькихъ главъ и даже книгъ. Заслуга автора Libelli synodici и состоитъ въ томъ, что онъ прекрасно изучилъ весь матеріалъ Евсевія о древнѣйшихъ соборахъ, довольно тщательно его объединилъ и, въ общемъ, сжато и умѣло его прокомментировалъ. Такъ, что Libellus synod. для насъ цѣненъ и важенъ главнымъ образомъ, какъ хорошій комментарій къ извѣстіямъ Евсевія о соборахъ древней церкви. Тамъ-же, гдѣ Libellus synod. дѣлаетъ собственныя добавленія къ Евсевію, какъ относительно цѣлыхъ новыхъ соборовъ, такъ и относительно различныхъ деталей прежнихъ, извѣстныхъ и по Евсевію, онъ почти не имѣетъ никакой исторической цѣны, по крайней мѣрѣ, въ рѣчи о соборахъ первыхъ трехъ вѣковъ.

Типичнымъ примѣромъ сильной зависимости Libelli synodici отъ Евсевія и его своеобразныхъ пріемовъ соборной композиціи являются и вышеприведенные отрывки изъ него о двухъ антимонтанистическихъ соборахъ—Іерапольскомъ и Анхіальскомъ. Что оба этихъ отрывка—не оригинальны и стоятъ въ полной зависимости отъ Евсевія, этого не отрицаютъ и католическіе поклонники Libelli synod., какъ напр. Hefele, который на этомъ строитъ даже его защиту: „въ частности то, что онъ (L. s.) говоритъ о двухъ вышеназванныхъ соборахъ, заслуживаетъ полнаго довѣрія, такъ какъ всецѣло согласуется съ данными исторіи Евсевія“ [1]). Но съ точки зрѣнія безпристрастной исторической критики въ этомъ-то поразительномъ совпаденіи Libelli synod. съ Евсевіемъ и заключается разгадка всего его значенія въ данномъ случаѣ.

[1]) *Hefele-Leclercq* „Op. cit.“ I, I, 128. Довольно рѣзкую замѣтку объ этомъ дѣлаетъ Ad Harnack въ одной изъ позднѣйшихъ спеціальныхъ статей объ Аполлинаріи Клавдіи: „показаніе въ высшей степени подозрительнаго (des höchst verdächtigen) Пашовскаго Lib. Synod. „что Аполлинарій держалъ соборъ въ Іераполѣ противъ монтанистовъ, защищается Hefele“ RE[3] „Apollinarius, Claudius“ I, 676, 51—53.

Сопоставленіе Libelli synod. съ соотвѣтствующими мѣстами изъ церковной исторіи Евсевія, гдѣ говорится о преимущественной роли въ борьбѣ съ монтанизмомъ двухъ современныхъ епископовъ—Аполлинарія Іерапольскаго и Соты Анхіальскаго—и дало, очевидно, автору Libelli synodici поводъ сочинить свой правдоподобный вымыселъ о двухъ соборахъ, будто-бы организованныхъ двумя только что названными видными борцами противъ монтанизма. Конечно, это еще нисколько не исключаетъ возможности того, что названные соборы существовали и на самомъ дѣлѣ. Мы готовы признаться даже въ большемъ, что субъективно, т. е. лично для насъ возможность ихъ, въ особенности, перваго—Іерапольскаго собора стоитъ довольно твердо. Но новыхъ объективныхъ основаній, помимо отдаленныхъ намековъ Евсевія, Libel. synod., во всякомъ случаѣ, не даетъ никакихъ. А если, впрочемъ, кое что въ этомъ смыслѣ и предлагаетъ, напр. точную цифру присутствовавшихъ епископовъ, то дѣлаетъ это безъ всякихъ основаній и eo ipso только выдаетъ свое произвольное сочинительство. Такимъ образомъ, серьезный, научно-безпристрастный анализъ версіи Libel. synod. о двухъ противомонтанистическихъ соборахъ снова возвращаетъ насъ къ Евсевію и заставляетъ, именно, у него доискиваться окончательнаго рѣшенія затронутаго здѣсь вопроса [1]).

Личность Аполлинарія, епископа Іерапольскаго, съ именемъ котораго Libel. synod. связываетъ первый большой противомонтанистическій соборъ, выступаетъ въ сочиненіяхъ Евсевія („Церков. исторіи“ и „Хроникѣ“), а за нимъ и у другихъ древне-церковныхъ авторовъ, съ достаточной опредѣленностью, именно, какъ убѣжденнаго апологета и мужественнаго защитника церкви отъ ея внѣшнихъ (языческая власть) и внутреннихъ враговъ (монтанисты). Евсевій называетъ Аполлинарія, епископа церкви Іерапольской (г. Іераполь былъ метрополемъ провинціи Фригіи), вмѣстѣ съ Мелитономъ, епископомъ Сардійскимъ (Сарды—метрополь провинціи Лидіи) наиболѣе прославленными церковными

[1]) Такъ, именно, смотритъ на данный вопросъ и *Ad. Harnack,* который, приведя выдержку изъ Lib. Synod. (и также по изданію Mansi) объ Іерапольскомъ противомонтантскомъ соборѣ, сопровождаетъ ее слѣдующимъ комментаріемъ: „не касаясь происхожденія и достовѣрности всей книги, датируемой обычно около 900 года, нельзя однако не отмѣтить, что уже одно то, что ее впервые открылъ Andreas Damarius, возбуждаетъ сильнѣйшее подозрѣніе (den stärksten Verdacht)—относительно приведеннаго мѣста, и заставляетъ утверждать, что онъ предлагаетъ свободное извлеченіе изъ Евсевія — Ц. И. V, 16“. GAL. I, I, 245 s.

дѣятелями эпохи римскаго императора Марка Аврелія (161—180 г.), которому оба они, между прочимъ, подавали защитительныя апологіи [1]). И Мелитонъ и Аполлинарій были также плодовитѣйшими церковными писателями, откликавшимися на всѣ нужды своего времени. Не прошли они и мимо новой, тогда еще только что возникавшей, катафригійской (по мѣсту, отъ Фригіи) ереси, или монтанизма (по имени основателя—Монтана). Въ частности, Аполлинарій Іерапольскій отозвался на это новое антицерковное движеніе, вспыхнувшее, прежде всего, въ его области, особымъ сочиненіемъ „о фригійской ереси“ *(κατὰ τῆς τῶν Φρυγῶν αἱρέσεως)*, написаннымъ имъ позднѣе другихъ его сочиненій *(μετὰ ταῦτα)*, но однако еще раньше того, чѣмъ эта ересь успѣла вызвать сильное церковное броженіе въ малоазійскихъ провинціяхъ [2]). Характерно отмѣтить, что въ этомъ первомъ извѣстіи объ Аполлинаріи Іерапольскомъ, какъ писателѣ-антимонтанистѣ, Евсевій для обозначенія самыхъ его писаній употребляетъ такіе термины *(συγγράμματα, συνέγραψε)*, которые, ближайшимъ образомъ, говорятъ о сборникѣ писемъ, пастырскихъ посланій, или самое большее—о собраніи отдѣльныхъ, болѣе или менѣе, случайныхъ и отрывочныхъ записей, объединенныхъ лишь единствомъ предмета—критикой монтанизма [3]). Объ одномъ изъ такихъ, именно, пастырско-полемическихъ посланій Аполлинарія Іерапольскаго, Евсевій и говоритъ дальше, посвящая ему цѣлую особую главу въ своей исторіи (V. 19). Въ виду огромной важности для насъ данной главы, приведемъ ее полностію и дадимъ ея посильный анализъ.

Въ девятнадцатой главѣ пятой книги „церковной исторіи“ Евсевія мы читаемъ слѣдующее: „о сочиненіяхъ Аполлинарія противъ фригійской ереси упоминаетъ Серапіонъ, который въ то время, послѣ Максима, былъ, говорятъ, епископомъ антіохійской церкви. Это упоминаніе находится въ его посланіи къ Карику и Понтику, гдѣ опровергая ту-же ересь, онъ прибавляетъ слѣдующее: „чтобы вы знали, съ какимъ сильнымъ отвращеніемъ смотрѣло все живущее на землѣ братство на это ложное училище такъ называемаго новаго пророчества, я посылаю къ вамъ сочиненіе *(γράμματα)* Клавдія Аполлинарія, блаженнѣйшаго епископа Іерапольскаго въ Азіи“. На этомъ-же посланіи Серапіона можно видѣть и подписи разныхъ епископовъ. Одинъ изъ нихъ подписался такъ: „Аврелій Кириній мученикъ—молюсь о вашемъ здравіи“; а другой — слѣдующимъ образомъ: „Элій Публій Юлій, епископъ поселенія Девельты во Ѳракіи: призываю во свидѣтели Бога, что блаженный Сотасъ, епископъ анхіальскій, хотѣлъ было изгнать нечистаго духа Прискиллы, но лицемѣры не допустили его“. Въ означенномъ посланіи есть, говорятъ, собственноручныя подписи и многихъ другихъ, единомыслящихъ съ ними епископовъ. Такъ вотъ что написано объ этихъ еретикахъ“ [1]). Чтобы лучше оріентироваться въ этомъ богатомъ, но крайне сжатомъ, историческомъ матеріалѣ, остановимся, прежде всего, на выясненіи имѣющихся въ немъ довольно многочисленныхъ собственныхъ именъ. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является здѣсь авторъ посланія къ Карику и Понтику *Серапіонъ, епископъ антіохійскій*. Это—личность вполнѣ опредѣленная. Онъ былъ восьмымъ, по преем-

---

[1]) *Euseb.* IV, 26, 1, 380 s. *Rufinus:* „Metito.... et Apollinaris... celeberrimi inter ceteros habebanturr“. Ibidem—381 s. Ср. *Евсевій* IV, XXVI, 236 стр. *Ruth* „Reliquiae Sacrae“[2], Vol. I, 174 p. — склоненъ считать Аполлинарія чуть-ли не непосредственнымъ преемникомъ извѣстнаго мужа апостольскаго—Папія Іерапольскаго.

[2]) *Euseb.* IV, 27, 388 s. Ср. *Евсевій* IV, XXVII, 241 стр.

[3]) На это насъ наводитъ, главнымъ образомъ, терминъ *συγγράμματα*, который употребляется Евсевіемъ довольно часто и обозначаетъ не отдѣльное законченное цѣлое *(λόγος, βίβλος, ἐπιστολή)*, а именно, сборникъ цѣлаго ряда писемъ, посланій или замѣтокъ, какъ, напр. собраніе замѣтокъ Папія „о Господнихъ изреченіяхъ“ *(Euseb.* III, 39, 1. 284 s.), или сборникъ полемическихъ трактатовъ антимонтаниста Мильтіада (здѣсь совершенно тѣ-же оба термина *συγγραφέως... συγγράματι—Euseb.* V, 17, 1—470 s.). Позднѣе мы съ удовольствіемъ убѣдились, что совершенно того-же взгляда на сочиненіе Аполлинарія держится и извѣстный *Th. Zahn*, который буквально говоритъ: diese Schrift des Apollinarius nicht ein eigentliches Buch, sondern ein kirchliches Sendschreiben gewesen ist. „Die Chronol. d. Montanismus“—5 s. Forschungen V, 1893.

---

[1]) *Евсевій Памф.*—V, XIX, 300—301 стр. Ср. *Euseb.*—V, 19, 478—480 s. *„Τῶν δὲ Ἀπολιναρίου κατὰ τῆς δηλωθείσης αἱρέσεως μνήμην πεποίηται Σεραπίων, ὃν ἐπὶ τῶν δηλουμένων χρόνων μετὰ Μαξιμῖνον ἐπίσκοπον τῆς Ἀντιοχέων ἐκκλησίας γενέσθαι κατέχει λόγος, μέμνηται δ' αὐτοῦ ἐν ἰδίᾳ ἐπιστολῇ τῇ πρὸς Καρικὸν καὶ Πόντιον (πόντιον BAΣ, Hier. ποντικὸν ATERM), ἐν ᾗ διευθύνων καὶ αὐτὸς τὴν αὐτὴν αἵρεσιν, ἐπιλέγει ταῦτα: „ὅπως δὲ καὶ τοῦτο εἰδῆτε (ἴδητε—AT) ὅτι τῆς ψευδοῦς ταύτης τάξεως τῆς ἐπικαλουμένης νέας προφητείας ἐβδέλυκται ἡ ἐνέργεια παρὰ πάσῃ τῇ ἐν κόσμῳ ἀδελφότητι (κόσμοι ἀδελφότητι—ATER, τῷ κόσμῳ ἀδελφότητι—M, χῶ ἀδελφότητι τῇ ἀνὰ τὴν οἰκουμένην ὅλην, BD) πέπομφα ὑμῖν καὶ Κλαυδίου Ἀπολιναρίου, τοῦ μακαριωτάτου γενομένου ἐν Ἱεραπόλει τῆς Ἀσίας ἐπισκόπου, γράμματα. Ἐν ταύτῃ δὲ τῇ τοῦ Σεραπίωνος ἐπιστολῇ καὶ ὑποσημειώσεις φέρονται διαφόρων ἐπισκόπων, ὧν ὁ μέν τις ὧδέ πως ὑποσεσημείωται (ὑπεσημήνατο A): „Αὐρήλιος Κυρίνιος μάρτυς ἐρρῶσθαι ὑμᾶς εὔχομαι“. Ὁ δέ τις τοῦτον τὸν τρόπον: „Αἴλιος (αἴλιος—Π, αὐρήλιος Σ, aelius. aemilius, aurelius, uarelius Λ, HSS) Πούπλιος Ἰούλιος ἀπὸ Δεβελτοῦ κολωνίας τῆς Θρᾴκης ἐπίσκοπος· ζῇ ὁ θεὸς ὁ ἐν τοῖς οὐρανοῖς ὅτι Σωτᾶς ὁ μακάριος ὁ ἐν Ἀγχιάλῳ ἠθέλησε τὸν δαίμονα τὸν Πρισκίλλης (Πρίσκης—Σ) ἐκβαλεῖν, καὶ οἱ ὑποκριταὶ οὐκ ἀφῆκαν“. Καὶ ἄλλων δὲ πλειόνων τὸν ἀριθμὸν ἐπισκόπων συμψήφων τούτοις ἐν τοῖς δηλωθεῖσιν γράμμασιν αὐτόγραφοι φέρονται συμειώσεις. Καὶ τὰ μὲν κατὰ τούτους ἦν τοιαῦτα“.*

ственному порядку, епископомъ антіохійской церкви (великой Антіохіи Сирійской), слѣдовавшимъ за Максимомъ (Евсев. V, XIX) и предшествовавшимъ Асклепіаду (Евсев. VI, XI) [1]. Время его епископства, на основаніи замѣчательно согласныхъ показаній Евсевія и Іеронима, устанавливается почти съ абсолютной точностью: то было послѣднее десятилѣтіе втораго вѣка и первое третьяго, или, по болѣе детальному показанію Harnack'a періодъ времени съ 190—212 (191—211) [2].

Что касается хронологической даты самаго вышеприведеннаго письма, то ее можно установить лишь предположительно, ближе отодвигая ко второй половинѣ епископата Серапіона, т. е. къ началу 3-го вѣка. Право такъ думать даетъ, главнымъ образомъ, перечень сочиненій Серапіона, помѣщенный у Евсевія (VI, XII), гдѣ письмо его къ Понтію и Карику поставлено послѣ посланія къ нѣкоему Домну (а не Домнину, какъ въ рус. переводѣ), павшему во время недавно бывшаго гоненія, подъ которымъ, по общему мнѣнію историковъ (Harnack. Zahn, Bonwetsch), разумѣется гоненіе Септимія Севера (по указу 203 г.). Но строго говоря, у насъ нѣтъ гарантіи того, что перечень Евсевія держится хронологическаго распорядка, а слѣдовательно и нѣтъ прочныхъ данныхъ для точной хронологіи разсматриваемаго письма. Однако самый фактъ новаго упоминанія объ этомъ письмѣ не теряетъ для насъ своего важнаго значенія, во-первыхъ, какъ повторное подтвержденіе вышесказаннаго (Евс. V, XIX), а во-вторыхъ—и какъ нѣкоторое добавленіе къ нему, важное для установки лич-

[1]) *Бл. Іеронимъ:* „197 г. Рукополагается VIII-ой епископъ Антіохіи—Серапіонъ". „Изложеніе хроники Евсевія Памфила". Творенія бл. Іеронима Стридонскаго. Ч. 5. 378 стр. Кіевъ 1879 г. „Серапіонъ, поставленный въ одинадцатый годъ царствованія императора Коммода (180—192 г.) епископомъ Антіохійскимъ, написалъ посланіе къ Карику и Понтію объ ереси Монтана"—*Бл. Іеронимъ* „Книга о знаменитыхъ мужахъ". Тамъ-же, стр. 303-я гл. XLI-ая. *Euseb.* Chronic. вступленіе Серапіона Антіох. на каѳедру помѣщаетъ надъ 2206 годомъ, отъ Авраама, что=(2206—2015) 191-му году по Р. Х.—см. *Harnack* GAL, I, II, 503 s. „Тогда (послѣ 10-го года царств. имп. Коммода и почти одновременно съ вступленіемъ римскаго папы Виктора и александр. еп. Димитрія) въ церкви Антіохійской знаменитъ былъ осьмой отъ апостоловъ епископъ Серапіонъ *(Евсевій—* V, XXII). „Въ Антіохійской-же церкви, по упокоеніи Серапіона, принялъ епископство Асклепіадъ и во время гоненія прославился" *(Евсев.* VI, XI—разумѣется гоненіе въ первый годъ правленія Каракаллы, Февр. 211 г.—*Harnack* ChAL, I, 212 s.

[2]) *Harnack*—ChAL, I, 212 s. Ср. *Schwartz* „Einleit. und Uebersicht. und Register zu *Euseb.* Kirchengeschichte. CCXLI s. Leipzig 1909. *O. Bardenhewer* GAL, I, 534 s. *G. Krüger* „Serapion, Bischop v. Antiochien" RE³, 18b. 219 s. 25—26.

ности адресатовъ. Евсевій буквально говоритъ здѣсь такъ: „у многихъ, вѣроятно, сохраняются многіе памятники письменныхъ трудовъ Серапіона; но до насъ дошли только его посланія; во-первыхъ, къ нѣкоему Домну..... во-вторыхъ *къ духовнымъ лицамъ* (курсивъ нашъ)—Понтію и Карику (а не Кирику, какъ въ русск. переводѣ) и нѣкоторымъ другимъ" [1]. Отсюда съ несомнѣнностью вытекаетъ лишь то, что адресаты изслѣдуемаго Серапіонова посланія—*Понтій и Карикъ*—были лицами духовными *„ἐκκλησιαστικοὶ ἄνδρες.*

Къ сожалѣнію, больше намъ ничего о нихъ неизвѣстно, кромѣ только развѣ еще филологическаго анализа самыхъ этихъ именъ, изъ которыхъ первое, повидимому, римско-латинскаго происхожденія (*Πόντιος*=Pontius, ср. Понтій Пилатъ), а второе — типично-малоазійское, съ семитическимъ оттѣнкомъ (малоаз. провинція „Карія" и евр. קָרָאִים „Караимы") [2]. Равнымъ образомъ, нѣтъ возможности точнѣе раскрыть и смыслъ эпитета „церковные мужи". Можно только строить догадку, что они не были епископами, потому что при епископахъ Евсевій, обычно, ставитъ и обозначеніе ихъ каѳедръ, чего нѣтъ въ данномъ случаѣ. Вѣроятно, это были только пресвитеры и возможно, что—пресвитеры временно вдовствующихъ каѳедръ, которыхъ сосѣдній авторитетный епископъ Серапіонъ счелъ нужнымъ и полезнымъ предостеречь отъ опасности зараженія монтанизмомъ, опасности, при отсутствіи епископа, особенно грозной [3]).

[1]) *„Τοῦ μὲν οὖν Σεραπίωνος τῆς περὶ λόγους ἀσκήσεως καὶ ἄλλα μὲν εἰκὸς σῴζεσθαι παρ' ἑτέροις ὑπομνήματα, εἰς ἡμᾶς δὲ μόνα κατῆλθεν τὰ πρὸς Δόμνον.... καὶ τὰ πρὸς Πόντιον καὶ Καρικόν, ἐκκλησιαστικοὺς ἄνδρας, καὶ ἄλλαι πρὸς ἑτέρους ἐπιστολαί. Euseb.* „Kirchengeschichte" VI, 12, 1—2, 544 s.

[2]) О сильномъ распространеніи здѣсь іудейства см. у *Harnack*'а Mission und Ausbreitung d. Christentums², II, 181—182 и въ особенности, у *W. M. Ramsay* „The Cities and Bischoprics of Phrygia" I, II, 667 p. Oxford 1897.

[3]) Давая еще бо́льшій просторъ своей фантазіи, мы склонны даже предположить, что Понтій и Карикъ, въ сущности, не два различныхъ лица, а одно, которое надо читать или „понтійскій Карикъ", или „карійскій Понтій". На такое предположеніе насъ наводятъ, во первыхъ, чисто апріорныя предположенія: трудно допустить, чтобы еп. Серапіонъ Антіохійскій буквально тождественныя посланія отправлялъ „церковнымъ мужамъ" двухъ различныхъ провинцій: различіе провинцій, казалось-бы всегда отразилось и на различіи, адресованныхъ къ нимъ посланій, даже и при сходствѣ основного содержанія. Еще труднѣе предположить, что оба этихъ адресата принадлежали къ составу одного и того-же клира, такъ какъ двойственность адресатовъ являлась-бы тогда излишней. Но догадка наша не лишена и нѣкоторой фактической оноры—мы, разумѣемъ тѣ авторитетные варіанты текста, гдѣ вмѣсто существительнаго *Πόντιος*, стоятъ прилагательныя—*πόντιος ΒΔΣ* и даже *ποντικός* ATERM. Въ такомъ случаѣ у насъ получился-бы

Слѣдующее собственное имя—*Αὐρήλιος Κυρήνιος μάρτυς*—совершенно лишено какихъ-либо топографическихъ и хронологическихъ предикатовъ [1]). Единственная характеристика Аврелія та, что онъ былъ *μάρτυς*, „исповѣдникъ", (а не мученикъ, какъ стоитъ въ русск. переводѣ, ибо онъ остался живъ послѣ гоненія), т. е. лицо, претерпѣвшее тяжкія мученія за свое исповѣданіе христіанства въ одно изъ происходившихъ въ Малой Азіи (такъ какъ вся рѣчь идетъ о ней) гоненій. Но въ какое, именно, гоненіе?—Это вопросъ. Нѣкоторымъ отвѣтомъ на него является лишь то, что самая подпись учинена на посланіи Клавдія Аполлинарія Іерапольскаго; слѣдовательно она свидѣтельствуетъ о гоненіи, бывшемъ при немъ, или передъ нимъ; а такимъ, именно, и является гоненіе Марка Аврелія, во время котораго пострадало немало доблестныхъ малоазійскихъ христіанъ, во главѣ съ ихъ знаменитымъ вождемъ—Поликарпомъ, еп. Смирнскимъ († 167 г.).

Сравнительно болѣе всего опредѣленными являются два послѣднихъ собственныхъ имени въ анализируемомъ нами текстѣ: это—*Эліи Публіи Юліи*, епископъ ѳракійской колоніи Девельты и *Сота*, епископъ ѳракійскаго-же города Анхіалъ. Латинская форма имени перваго епископа (Aelius Publius Julius) и греческая — второго (*Σωτᾶς*) еще ничего особеннаго намъ не говорятъ. Но два географическихъ термина—Девельты и Анхіалъ—опредѣленно указываютъ на два, почти сосѣднихъ городка, расположенныхъ на ѳракійскомъ побережьѣ Чернаго моря, сѣвернѣе г. Византіи. Изъ нихъ г. Девельты существуетъ и теперь, хотя и подъ другимъ названіемъ—подъ именемъ города Burgas, виднаго портоваго центра Восточной Румеліи. А г. Анхіалъ, лежавшій нѣсколькими милями на сѣверъ отъ Девельты, не сохранилъ слѣдовъ своего историческаго существованія. Th. Zahn подчеркиваетъ здѣсь, наконецъ, и еще одно обстоятельство, что Анхіальскаго епископа Соты ко времени свидѣтельства о немъ его коллеги и сосѣда — девельтскаго епископа Элія Публія Юлія, по всей вѣроятности, уже не существовало въ живыхъ; иначе не было-бы нужды епископу Элію Публію клятвенно удостовѣрять то, что всегда устно или письменно могъ-бы подтвердить и самъ еп. Сота [1]).

Представленный нами анализъ собственныхъ именъ, заключающихся въ посланіи Серапіона Антіохійскаго, значительно уяснилъ намъ и все содержаніе изслѣдуемаго текста. Рѣчь идетъ въ немъ, очевидно, объ одномъ изъ пастырскихъ посланій вліятельнаго антіохійскаго епископа Серапіона, написанномъ имъ въ самомъ началѣ III-го вѣка и адресованномъ къ двумъ (или одному?) какимъ-то клирикамъ — Понтію и Карику, по всей вѣроятности, пресвитерамъ вдовствующей церкви (понтійской?). При этомъ, для большей убѣдительности, Серапіонъ къ своему письму (*ἐπιστολή*) присоединилъ и посланіе (*γράμματα*) другаго прославленнаго борца съ монтанизмомъ — Аполлинарія, еп. Іерапольскаго. „На этомъ-же посланіи Серапіона—читаемъ мы дальше у Евсевія—можно видѣть и подписи другихъ разныхъ епископовъ" (V, XIX), въ качествѣ примѣра чего онъ и приводитъ подписи Аврелія Квиринія и Элія Публія, съ разсказомъ послѣдняго о Сотѣ, епископѣ анхіальскомъ. Весь вопросъ теперь въ томъ, на чьемъ посланіи имѣлись двѣ послѣднихъ подписи? на *γράμματα* ли Аполлинарія Іерапольскаго, или на *ἐπιστολή* Серапіона Антіохійскаго? Прямой буквальный смыслъ фразы: *ἐν ταύτῃ δὲ τῇ τοῦ Σεραπίωνος ἐπιστολῇ*, повидимому, говоритъ больше за письмо Серапіона. Вотъ почему многіе ученые первоначально и склонялись къ мысли, что коль скоро подъ посланіемъ Серапіона антіохійскаго имѣются подписи такихъ, сравнительно отдаленныхъ епископовъ, какъ ѳракійскіе, то подобный фактъ неизбѣжно ведетъ къ предположенію, что Серапіонъ собиралъ у себя въ Антіохіи противомонтанистическій соборъ, какъ-либо около 200 г. Довольно категорично такую догадку высказывалъ напр. Ad. Harnack, а болѣе условно—Bonwetsch [2]). Однако на этомъ соборѣ нигдѣ не

болѣе опредѣленный и естественный адресатъ—*клирикъ Карикъ изъ понтійской церкви*, т. е. изъ той самой, которая, по словамъ Евсевія, была особенно сильно увлечена монтанизмомъ (Евс. V, XVI, 288 стр.).

[1]) Останавливаетъ на себѣ вниманіе и типично латинская форма имени Аврелія (Aurelius Quirinius). Но при той сильной романизаціи, которой подверглись всѣ малоазійскія провинціи въ періодъ второй римской имперіи, это обстоятельство, само по себѣ, ни на какіе особенно цѣнные выводы насъ еще не уполномачиваетъ.

[1]) *Td. Zahn* „Die Chronologie des Montanismus" 6 s., Vorbemerk. 2. Forschungen V. Прежде придавали еще особое значеніе и термину *μακάριος*, приложенному къ Сотѣ и указывающему на него будто-бы, какъ уже на „покойнаго". Но самъ-же Zahn, а также еще и Bonwetsch убѣдительно доказали, что данный терминъ съ равнымъ правомъ прилагается Евсевіемъ и къ живымъ лицамъ (VI, 11, 6; VI, 19, 18 и др.).

[2]) *Ad. Harnack* „Тотъ фактъ, что письмо Серапіона снабжено подписями другихъ епископовъ, дѣлаетъ близкимъ предположеніе, что отъ него ведетъ происхожденіе какой-то соборъ" GAL, I, II, 504 s. *Bonwetsch*-же болѣе склоненъ видѣть здѣсь результатъ спеціальной переписки Серапіона съ другими епископами, по вопросу о монтанизмѣ, подобно аналогичной перепискѣ галльскихъ исповѣдниковъ съ малоазійскими церквами—Op. cit. 312 s.

имѣется ни одного намека, не только ужъ у Евсевія, но даже и въ Libello synodico, такъ охотно распространяющемся о всякихъ бывшихъ и не бывшихъ древнихъ соборахъ.

Но Th. Zahn въ своей прекрасной монографіи Die Chronologie des Montanismus подвергъ данное мнѣніе основательной критикѣ и убѣдительно доказалъ обратное—что подписи сдѣланы не на письмѣ Серапіона Антіохійскаго, а на посланіи Клавдія Аполлинарія Іерапольскаго. Рѣшающими аргументами для него оказались филолологія и общій контекстъ рѣчи. „Что здѣсь разумѣется не письмо Серапіона, но посланіе Аполлинарія, достаточно ясно уже изъ того, что только послѣднее (Аполлинаріево) обозначалось раньше, какъ *γράμματα*, тогда какъ, напротивъ, то — Серапіоново дважды обозначено, какъ *ἐπιστολή*“ [1]). Нисколько не свидѣтельствуетъ противъэтого и греческая фраза *ἐν ταύτῃ... Σεραπίωνος ἐπιστολῇ*, за которой слѣдуютъ интересующія насъ подписи. Слово *ταύτη* еще не означаетъ непремѣнно понятія „собственнаго“ письма Серапіона, для чего былъ-бы употребленъ другой терминъ—*ἐν ἰδίᾳ ἐπιστολῇ*, какъ это мы и имѣемъ въ началѣ даннаго отрывка, гдѣ дѣйствительно, говорится о письмѣ Серапіона. Здѣсь-же обозначенію—*ταύτῃ... ἐπιστολῇ* приданъ болѣе общій и широкій смыслъ, со включеніемъ въ объемъ Серапіонова письма и всѣхъ приложенныхъ къ нему документовъ, т. е. посланія Аполлинарія съ подписями епископовъ [2]).

Не менѣе рѣшительно, чѣмъ филологія, въ защиту взгляда Zahna говоритъ и контекстъ рѣчи. Серапіонъ, въ доказательство полной несостоятельности монтанизма, обѣщаетъ сослаться на авторитеты. Едвали-бы такими авторитетами явились современные ему епископы какихъ-то отдаленныхъ ѳракійскихъ провинцій. Въ качествѣ современника извѣстныхъ епископовъ видныхъ каѳедръ (Димитрія Александрійскаго, Виктора— римскаго, Наркисса и Александа—іерусалимскихъ) онъ, разумѣется, предпочелъ-бы сослаться, именно, на нихъ. Если-же онъ этого не дѣлаетъ, то ясно, лишь потому, что онъ былъ связанъ какимъ-то опредѣленнымъ документомъ, обязывавшимъ его ссылаться на

[1]) *Th. Zahn* „Die Chronologie des Montanismus“ Forschungen zur Geschichte des neutestamentlichen Kanons und der altkirchlichen Litteratur V, 5 s. Erlangen und Leipzig 1893.

[2]) *Ruth* „Reliquiae Sacrae“[2], I, 458: Apollinarii scripta *(γράμματα)* contra Montanistas hic designari videntur, quae quidem missa sunt cum subscriptionibus a Serapione, quo certiores Caricus et Pontius fierent, quantopere *universa* ecclesia noram detestata sit atque aversata prophetiam“.

менѣе извѣстныхъ епископовъ захолустныхъ каѳедръ. А такимъ документомъ и было, надо полагать, посланіе Аполлинарія Іерапольскаго.

Послѣднее обстоятельство, въ связи съ цѣлымъ рядомъ другихъ, проливаетъ свѣтъ и на посланіе самого Клавдія Аполлинарія іерапольскаго, именно, не какъ на личное, а какъ на *коллективно-соборное* произведеніе. Подписи какого-то неизвѣстнаго исповѣдника Авреліа Квиринія и отдаленнаго ѳракійскаго епископа Элія Публія Юлія могли имѣть вѣсъ и убѣдительность только въ томъ случаѣ, если онѣ были сдѣланы ими, какъ членами собра. Косвенно объ этомъ свидѣтельствуетъ и сравнительная отдаленность отъ малоазійскаго Іераполя ѳракійской Девельты, епископъ которой могъ попасть въ Іераполь только по спеціальному вызову на соборъ. Еще болѣе рѣшительно, именно, о соборѣ говорятъ и два выразительныхъ указанія текста: это, во-первыхъ,— на голосъ *„всего живущаго на землѣ братства“ (ἡ ενέργεια παρὰ πάσῃ τῇ ἐν κόσμῳ ἀδελφότητι*, срав. вар. BD *ἀδελφότητι τῇ ἀνὰ τὴν οἰκουμένην ὅλην)*, а во-вторыхъ—*„на подписи множества другихъ епископовъ“ (καὶ ἄλλων δὲ πλειόνων τὸν ἀριθμὸν ἐπισκόπων συμφήφων)*. Ясный смыслъ этихъ опредѣленныхъ указаній обязываетъ насъ признать, что по мысли Серапіона и Евсевія, Клавдій Аполлинарій въ своемъ антимонтанистическомъ посланіи выражалъ не свое личное мнѣніе, а голосъ всего христіанскаго братства, *соборный приговоръ* всей церкви, или очень значительной ея части (малоазійскаго востока и европейской Ѳракіи [1]). Къ этимъ взглядамъ, впервые обстоятельно развитымъ у Zahn'a, примкнулъ теперь и проф. Harnack, и большинство современныхъ авторитетовъ, такъ что вопросъ о существованіи *большаго противомонтанистическаго собора въ Іераполѣ, подъ предсѣдательствомъ епископа Клавдія Аполлинарія*, теперь можно считать почти безспорнымъ для церковно-канонической науки [2]).

Впрочемъ, совершенно твердымъ можно считать пока лишь одно положеніе—что противомонтанистическій соборъ, при дѣятельномъ участіи Клавдія Аполлинарія Іерапольскаго, дѣйствительно, былъ. Но гдѣ онъ происходилъ, когда, подъ чьимъ предсѣдательствомъ, въ какомъ составѣ, что на немъ дѣлалось, и какія приняты рѣшенія?—обо всемъ этомъ приходится говорить особо, и на многое отвѣчать лишь предположительно. Что соборъ

[1]) *Th. Zahn* „Op. cit.“ 5 s.

[2]) *Ad. Harnack* „Apollinarius, Claudius“ in RE[3]—676 s. 40—43. *O. Bardenhewer* „Op. cit.“ I, 535 s.

происходилъ въ Іераполѣ и подъ предсѣдательствомъ Клавдія Аполлинарія, это—прямой логическій выводъ изъ всего ранѣе нами выясненнаго текста. Евсевій, со словъ Сераціона, называетъ это соборное посланіе *Аполлинаріевымъ* посланіемъ, очевидно, потому, что епископу Аполлинарію принадлежала самая редактура посланія; а это, въ свою очередь, свидѣтельствуетъ о руководящей роли Аполлинарія и на самомъ соборѣ, въ качествѣ его предсѣдателя. Косвенно то-же самое подтверждаютъ и всѣ тѣ отзывы Евсевія объ Аполлинаріи, которые характеризуютъ его, какъ главнаго борца противъ монтанизма, какъ „крѣпкое и непобѣдимое оружіе", которое „сила, поборающая по истинѣ (т. е. сила церкви и ея органа—собора) противопоставила упомянутой катафригійской ереси" (Евс. V. XVI).

Признаніе Клавдія Аполлинарія предсѣдателемъ собора само собой рѣшаетъ и вопросъ о мѣстѣ этого собора, въ смыслѣ каѳедральнаго города аполлинаріевой церкви—Іераполя Фригійскаго. И это тѣмъ болѣе естественно, что Іераполь, даже и независимо отъ знаменитаго своего епископа, былъ въ то время виднымъ политическимъ и религіознымъ центромъ не одной только Фригіи, (гдѣ онъ являлся метрополемъ), но и всего сѣверо-запада Малой Азіи [1]). Точно также имя епископа Клавдія Аполлинарія опредѣляетъ, до извѣстной степени, и хронологическія рамки собора: авторитетный изслѣдователь Фригіи—Ramsay отводитъ Аполлинарію третье мѣсто въ спискѣ извѣстныхъ іерапольскихъ епископовъ и помѣщаетъ его непосредственно за мужемъ апостольскимъ—Папіемъ Іерапольскимъ [2]). Конечно, списокъ этотъ далеко не полонъ и въ немъ много пропусковъ, такъ какъ большинство рядовыхъ епископовъ Іераполя не оставило по себѣ слѣдовъ въ исторіи. Но даже учитывая и это обстоятельство, мы все-же не можемъ время епископства Аполлинарія

[1]) Въ долинѣ Ликоса расположены были три римскихъ провинціи, естественно взаимно тяготѣвшихъ: Лидія, Карія и Фригія. Въ древней исторіи послѣдней извѣстны были три главныхъ центра—Лаодикія, Іераполь и Колоссы. Изъ нихъ Іераполь, какъ „священный городъ" *(ἱερὸς πόλις)* и въ языческой древности игралъ роль главнаго религіознаго центра. Въ древнехристіанскую эпоху ту-же славу упрочилъ за нимъ рядъ выдающихся христіанъ, во главѣ съ ап. Филиппомъ и его пророчествующими дочерьми. См. *Ramsay* „The Cities and Bishopric of Phrygia" I, ch. III. Hierapolis. Holy City 84 sq. *I. Weiss* „Kleinasien" RE³, X, 547. *Harnack* Miss. u. Ausbr.² I, 72 s. II, 60, 73. 156. 189.

[2]) *Ramsay* „Op. cit." I, 120 p. Appendix II, Bishops of Hierapolis Срав. *Ruth* „Reliquiae Sacrae"² I, 174, который называетъ Apollinarem, Papiae in sede Hierapolitana successorem...

отодвинуть дальше начала второй половины 2-го вѣка (60—70 г.) [1]). Болѣе-же точную дату Іерапольскаго собора постараемся опредѣлить позднѣе, когда будемъ говорить о хронологіи ранняго монтанизма и связанныхъ съ нимъ соборовъ.

По весьма важному вопросу *о составѣ* членовъ Іерапольскаго собора и ихъ количествѣ мы располагаемъ немногими, но цѣнными свѣдѣніями, дающими ключъ, если и не къ категорическому, то все-же къ весьма вѣроятному его разрѣшенію. Подъ соборнымъ посланіемъ еп. Аполлинарія мы имѣемъ двѣ собственноручныхъ подписи (или точныя копіи съ нихъ), изъ которыхъ одна принадлежитъ *епископу*, а другая—*исповѣднику;* кромѣ того здѣсь сдѣлано упоминаніе и о подписяхъ многихъ другихъ епископовъ. Выводъ отсюда, повидимому, тотъ, что епископы были преобладающими членами Іерапольскаго собора, такъ какъ упоминается объ ихъ множествѣ и приводится мотивированная подпись одного изъ нихъ (Элія Публія Юлія, еп. Девельты, мотивированная разсказомъ о случаѣ съ еп. Сотой Анхіальскимъ). Но, являясь преобладающимъ въ составѣ собора, епископы все-же не были его единственнымъ элементомъ: на соборѣ, кромѣ нихъ, дѣйствовалъ еще одинъ классъ уважаемыхъ представителей древней церкви—мученики, или точнѣе „исповѣдники", какъ это непосредственно вытекаетъ изъ подписи „исповѣдника" Аврелія Квиринія. Конечно, Аврелій Квириній, являясь исповѣдникомъ, могъ въ одно и то-же время быть и епископомъ. Но тогда онъ, вѣроятно, не скрылъ-бы такого важнаго своего титула въ сдѣланной имъ подписи и къ слову „исповѣдникъ" не преминулъ-бы добавить: „епископъ такого-то города". Поэтому и мы не имѣемъ никакого основанія считать Аврелія Квиринія епископомъ. Да и вообще говоря, мы не должны сходить съ почвы Евсевіева текста: разъ онъ нашелъ нужнымъ обозначить его только какъ „исповѣдника", то и мы должны принять его *только* въ этомъ качествѣ, произвольно не навязывая ему никакого другого. Отсюда мы должны сдѣлать тотъ необходимый выводъ, что „исповѣдники", какъ и епископы, были членами Іерапольскаго собора.

При такомъ предположеніи, получаетъ свой разумный смыслъ и наличность на соборномъ посланіи Аполлинарія какихъ-то двухъ, повидимому, случайныхъ подписей. Подписи эти, позволительно думать, далеко не случайны, а принадлежатъ, вѣроятно, первымъ

[1]) *Zahn* періодъ времени, въ которое дѣйствовалъ Аполлинарій, ограничиваетъ предѣлами 160—190 г., а въ частности, редакцію интересующаго насъ посланія относитъ къ 80-ымъ годамъ. Op. cit. 12 и 8 s.

подписавшимся отъ двухъ различныхъ соборныхъ группъ — отъ группы „исповѣдниковъ“ и отъ группы „епископовъ“. Вторая группа, т. е. епископская, надо полагать, численно была гораздо больше первой—„исповѣднической“, такъ какъ въ текстѣ Евсевія отмѣчается множество, именно, епископскихъ подписей, а не чьихъ либо еще [1]). Да это и вполнѣ понятно: епископы являлись основнымъ соборнымъ элементомъ, въ качествѣ главныхъ представителей своихъ церквей, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ были и приходами. Во главѣ каждаго такого прихода, основывавшагося обычно, въ городѣ, непремѣнно стоялъ епископъ, съ окружавшимъ его клиромъ; а его паству составляли не только мѣстные горожане, но и христіане всѣхъ окрестныхъ селеній и мѣстечекъ, окружающихъ данный городъ и тяготѣвшихъ къ нему, какъ къ своему естественному политическому, экономическому и религіозному центру. При густотѣ населенія и частотѣ городовъ на римско-малоазійскомъ востокѣ той эпохи, а также при сравнительно быстромъ и сильномъ распространеніи тамъ христіанства, нисколько не удивительно, что такихъ городскихъ церквей-приходовъ, возглавленныхъ епископами, тамъ было не мало, и послѣдніе легко могли сходиться на совмѣстные церковные соборы.

Епископальный-же строй древне-церковныхъ приходовъ прекрасно объясняетъ и то, почему на древнѣйшихъ соборахъ, въ роли представителей церквей-приходовъ, выступали только епископы, а не пресвитеры и не другіе низшіе клирики? Да естественно потому, что пресвитеры и прочіе клирики лишены были всякаго самостоятельнаго значенія и представительства: они включены были въ составъ приходско-епископскаго клира и *внѣ* его не имѣли рѣшительно никакой самостоятельности. Ничего подобнаго позднѣйшимъ приходскимъ пресвитерамъ, а тѣмъ болѣе окружнымъ пресвитерамъ, облеченнымъ нѣкоторой, хотя и делегированной отъ епископа, административной властью, (наподобіе древнихъ періодевтовъ и нашихъ современныхъ благочинныхъ), тогда еще не существовало; а потому не возникало даже и самого вопроса о представительствѣ на соборѣ отъ пресвитеровъ и низшихъ клириковъ. Настоятелемъ церкви-прихода былъ епископъ и потому онъ былъ и естественнымъ представителемъ своей церкви на соборѣ. Представительство на соборѣ епископовъ не было съ ихъ стороны узурпаціей, или посягательствомъ на чьи-либо права, а оно явля-

[1]) *Euseb.* V, 19, 4, 480: *καὶ ἄλλων δὲ πλειόνων τὸν ἀριθμὸν ἐπισκόπων συμψήφων τούτοις ἐν τοῖς δηλωθεῖσιν γράμμασιν αὐτόγραφοι φέρονται σημειώσεις.* Евсев. V, XIX, 300—301 стр.

лось простымъ законномѣрнымъ историческимъ фактомъ, логическимъ выводомъ изъ всего, довольно еще примитивнаго строя тогдашняго церковнаго управленія, при которомъ не возникало даже и потребности ни у клириковъ, ни у мірянъ въ самостоятельномъ соборномъ представительствѣ, что началó чувствоваться лишь значительно позднѣе, со времени образованія особыхъ сельскихъ приходовъ и ихъ сравнительнаго усиленія.

Но что въ ту отдаленную эпоху у епископата не было даже и мысли о какой-либо сознательной монополіи церковнаго представительства и намѣренномъ удаленіи отъ него другихъ церковно-общественныхъ группъ, это блестяще доказываетъ фактъ присутствія на Іерапольскомъ соборѣ группы „исповѣдниковъ“ (даже хотя-бы одного изъ нихъ, названнаго здѣсь по имени—Аврелія Квиринія) [1]). Присутствію „исповѣдниковъ“ на церковномъ соборѣ мы придаемъ особенно важное значеніе и глубокій внутренній смыслъ: они нужны были тамъ, какъ носители высшаго моральнаго авторитета и нравственной доблести церкви, которая во всю эпоху гонимой церкви (три первые вѣка христіанства) полагалась, главнымъ образомъ въ мученичествѣ и исповѣдничествѣ за Христа. Вотъ почему, на церковномъ соборѣ,—этомъ средоточіи, авторитета и моральной мощи церкви,—вполнѣ умѣстно было и участіе представителей отъ исповѣдниковъ. Въ особенности важно, и полезно, можно сказать, даже необходимо было присутствіе исповѣдниковъ на соборахъ по поводу монтанизма, въ виду той преувеличенной роли, какую приписывали монтанисты исповѣдникамъ. Общій духъ ригористическаго аскетизма монтанистовъ и ихъ экзальтированный фанатизмъ неудержимо влекли ихъ къ мученичеству [2]). Поэтому, количество исповѣдниковъ и мучениковъ у монтанистовъ всегда было значительно, чѣмъ они постоянно хвалились и въ чемъ видѣли одно изъ главнѣйшихъ доказательствъ своей правоты (Евсев. V, XVI, 293 стр.). А такъ какъ моральное обаяніе исповѣдниковъ велико было и въ православной

[1]) Предположительно можемъ мы назвать и еще одного исповѣдника навѣрное присутствовавшаго на этомъ соборѣ, именно—*исповѣдника Праксея*, прибывшаго въ Римъ изъ Малой Азіи при папѣ Елевѳеріи (175—189) и энергично сражавшагося здѣсь съ монтанистами. Очевидно, за это Праксей впалъ въ немилость у Тертулліана написавшаго противъ него спеціальный трактатъ, въ которомъ онъ представилъ его чуть-ли не главой модалистовъ-патрипассіанъ. (Tertul. „Advers. Praxeas“). Но проф. *Болотовъ* удачно его реабилитируетъ. *Лекціи*... II, 309—312 стр.

[2]) *Проф. В. В. Болотовъ:* „обыкновенно они (монтанисты) рьяно стремились къ мученическому вѣнцу, лишь только открывалось гоненіе“. Лекціи..... II, 364 стр.

церкви, то понятно, что и она искала у нихъ опоры въ борьбѣ съ преувеличеніями и искаженіями на той же почвѣ (религіозной экзальтаціи). Если епископы — настоятели и главы своихъ церквей-приходовъ были естественными представителями іерархическо-административной власти церкви, то исповѣдники являлись не менѣе законными носителями и, такъ сказать, живымъ воплощеніемъ ея моральнаго авторитета [1]). И даже то обстоятельство, что подпись исповѣдника Аврелія Квиринія поставлена въ текстѣ выше подписи епископа — Элія Публія Юлія невольно наводитъ насъ на мысль, что исповѣдническая группа, количественно несомнѣнно уступавшая епископской, качественно стояла нисколько не ниже послѣдней, соотвѣтственно своему высокому удѣльно-моральному вѣсу.

Для сужденія о томъ, какъ великъ и численъ былъ Іерапольскій соборъ мы имѣемъ два, и притомъ, недостаточно согласныхъ показанія. Первое показаніе говоритъ довольно ясно за внушительный объемъ собора.—за объединеніе на немъ представителей чуть-ли не отъ всѣхъ христіанскихъ церквей: разумѣемъ выдержку изъ письма антіохійскаго еп. Серапіона, въ которой онъ выражаетъ намѣреніе познакомить своихъ адресатовъ со взглядами на монтанизмъ „*всего живущаго на землѣ братства*“. И такъ какъ непосредственно за симъ слѣдуетъ рѣчь о соборномъ посланіи Аполлинарія, то естественнѣе всего выраженіе взглядовъ вселенскаго братства видѣть, именно, въ этомъ посланіи,

[1]) Прекраснымъ свидѣтельствомъ, именно, такого взгляда церкви на значеніе исповѣдниковъ служитъ письмо галльскихъ исповѣдниковъ къ малоазійскимъ христіанамъ (провинцій Азіи и Фригіи), относящееся къ той же самой эпохѣ (177 г.) и, до извѣстной степени, санкціонирующее моральное право мучениковъ „вязать и рѣшить“ (Евс. V, I—II гл. въ особенности 268 стр. гдѣ буквально читаемъ: „они всѣхъ разрѣшали и никого не вязали“)... Нельзя, конечно, утрировать этого, чисто моральнаго права мучениковъ до степени ихъ какой-то харисматической монополіи, якобы неправильно узурпированной у нихъ позднѣе епископатомъ, какъ это дѣлаетъ большинство современныхъ протестантскихъ ученыхъ. Но нельзя впадать и въ противоположную крайность чисто ультрамонтантской тенденціи, унижающей дисциплинарныя права мучениковъ до степени простаго, обыкновеннаго ходатайства ихъ предъ епископомъ. Противъ этого рѣшительно свидѣтельствуетъ вся логика покаянно-дисциплинарныхъ споровъ древней церкви эпохи Каллиста и Ипполита и еще больше эпохи Кипріана Карѳагенскаго. Вотъ почему даже авторъ, въ общемъ далеко не склонный преувеличивать роли мучениковъ и исповѣдниковъ древнихъ временъ церкви принужденъ все-же согласиться, что „мученики были въ большомъ почитаніи въ древней церкви, можетъ быть ихъ Тертулліанъ называетъ Cari Dei“. *Владиміръ Троицкій* (архим. Иларіонъ). „Очерки изъ исторіи догмата о церкви“ 336 стр. Сер. Пос. 1912.

откуда столь-же логиченъ выводъ и о весьма значительномъ количественномъ объемѣ Іерапольскаго собора. Но другое показаніе—ссылка на подписи подъ соборнымъ посланіемъ, въ особенности, на епископскую, говоритъ какъ будто-бы о противномъ, т. е. о незначительности членовъ этого собора и небольшомъ его объемѣ. Въ самомъ дѣлѣ, въ качествѣ образчика епископской подписи въ исторіи Евсевія приводится подпись какого-то ничѣмъ неизвѣстнаго епископа Элія Публія изъ незначительнаго Ѳракійскаго городка Девельты, и нѣтъ рѣшительно никакихъ слѣдовъ присутствованія на Іерапольскомъ соборѣ не только сравнительно отдаленныхъ епископовъ главныхъ религіозныхъ центровъ—Рима (папа Сотеръ или Елевѳерій), Александріи (еп. Юліанъ?) Антіохіи (вѣроятно еп. Ѳеофилъ), Іерусалима (еп. Антонинъ? Валентъ? Долихіанъ? Коринѳа (еп. Діонисій); но и епископовъ ближайшихъ, малоазійскихъ же городовъ (Поликрата Ефесскаго, Мелитона Сардійскаго, Тразея Тральскаго, Сагириса Лаодикійскаго и др. современниковъ Аполлинарія Іерапольскаго, въ томъ числѣ и такихъ видныхъ борцовъ противъ монтанизма, какъ крупный писатель-антимонтанистъ того времени—епископъ, или риторъ Мильтіадъ [1]). Однако, отсутствіе опредѣленныхъ указаній въ данномъ текстѣ Евсевія на перечисленныхъ лицъ еще не можетъ служить аргументомъ *противъ* ихъ присутствія на Іерапольскомъ соборѣ. Разсказъ Евсевія вовсе и не задается цѣлью привести намъ подлинный текстъ посланія Іерапольскаго собора и дать полныя перечень всѣхъ имѣющихся подъ нимъ подписей: онъ лишь кратко отмѣчаетъ самый фактъ отправки такого посланія и для примѣра приводитъ всего двѣ подписи, глухо говоря и о множествѣ другихъ.

Вся недоумѣнность вопроса можетъ сводиться теперь лишь къ тому, почему въ число примѣрной епископской подписи попала подпись совершеннаго неизвѣстнаго ѳракійскаго епископа [2]), вмѣ-

[1]) Всѣ эти свѣдѣнія объ епископахъ современникахъ Клавдія Аполлинарія почерпнуты нами у Евсевія (преимущ. IV, 19—20 V, 8 и 26 гл.) и взяты въ обработкѣ ихъ *Ad. Harnack*'омъ „Die Chronologie“ I. Viertes Capitel. Die ältesten Bischofslisten, 70 sq. besonders 75—76. 89, 201. 213. 221. 224. Leipz. 1897.

[2]) Задается даннымъ вопросомъ и извѣстный комментаторъ древнихъ авторовъ *M. I. Ruth.*: „Sed non sine causa mirari subit, cur in hac epistola Serapionis Antiocheni episcopi, subscriptiones episcoporum Thraciae fuerint adjectae... Praeterea qua ratione fieri posset ut episcopi Thraciae subscriberent litteris episcopi Antiocheni“? И самъ-же отвѣчаетъ на него въ томъ смыслѣ, что подпись Девельтскаго епископа была выраженіемъ коллективнаго голоса всѣхъ церквей Ѳракіи, обмѣнивавшихся, въ той или иной формѣ, своими сужденіями о монтанизмѣ съ церквами Азіи и Фригіи: „Credibilis itaque est id quod dixi, epi-

сто болѣе авторитетныхъ подписей Поликрата Ефесскаго, Мелитона Сардійскаго или Тразея Тральскаго? На это можетъ быть дано нѣсколько предположительныхъ отвѣтовъ и ни одного категорическаго. Наиболѣе вѣроятнымъ лично намъ кажется то предположеніе, что подпись Элія Публія (Aelius Publius) стояла первой въ ряду епископскихъ подписей. А первой она могла быть, именно, въ силу наибольшей молодости этого епископа, или наименьшаго значенія его каѳедры, если предположить, что и на Іерапольскомъ соборѣ, какъ это принято на современныхъ коллегіальныхъ засѣданіяхъ, голосованіе начиналось съ младшихъ членовъ собора. Возможна еще и та догадка, что подпись Элія Публія остановила на себѣ преимущественное вниманіе Евсевія своей наиболѣе обстоятельной мотивировкой (ссылка на случай съ епископомъ Сотой Анхіальскимъ). Какъ бы то ни было, но достовѣрно лишь одно: подпись еп. Элія Публія не исключаетъ собой существованія другихъ епископскихъ подписей, а текстъ Евсевія даже прямо о нихъ говоритъ, хотя и въ неопредѣленно-общей формѣ. Во всякомъ случаѣ, подпись отдаленнаго Девельтскаго епископа довольно рѣшительно свидѣтельствуетъ о томъ, что вліяніе Іерапольскаго собора не ограничивалось ближайшими малоазіатскими церквами, а простиралось и на церкви Ѳракіи. А это заставляетъ предполагать внушительный объемъ Іерапольскаго собора и значительное количество его членовъ.

Наконецъ, изъ краткихъ намековъ Евсевія мы можемъ составить себѣ нѣкоторое представленіе какъ о самомъ ходѣ преній на Іерапольскомъ соборѣ, такъ и о характерѣ принятаго на немъ рѣшенія. Наиболѣе показательной въ этомъ смыслѣ мы считаемъ подпись того-же девельтскаго епископа—Элія Публія Юлія. Подпись его, какъ мы ужъ отмѣчали, представляетъ собой мотивированный вотумъ. Отсюда мы въ правѣ, во-первыхъ, выводить, что заключительныя голосованія членовъ собора обыкновенно мотивировались ими, причемъ слѣды этой мотивировки отражались иногда и на самыхъ подписяхъ ихъ подъ актами собора. Во-вторыхъ отсюда-же мы можемъ судить и о характерѣ происходившихъ на соборѣ разсужденій: вѣдь, заключительный вотумъ

scopos scilicet Thraciae communi nomine scripsisse ad ecclesias Asiae et Phrygiae". Причемъ Ruth приводитъ здѣсь и догадку Baronii (Annal. ad annum Christi 173, num. 19) относительно того, что извѣстная цитата Тертулліана „о соборахъ по всей Греціи" (de jeuniis c. 13) относится будто-бы, именно, къ Ѳракійскимъ соборамъ. Хотя, впрочемъ, самъ-же Ruth эту догадку и ограничиваетъ говоря, что цитата Тертулліана свидѣтельствуетъ не о православныхъ, но о монтанистическихъ соборахъ. Reliquiae Sacrae², I, 456—457.

того или другого лица, безъ сомнѣнія, долженъ отражать въ себѣ сжатый экстрактъ того, что данное лицо болѣе пространно излагало и на самомъ соборѣ. Слѣдовательно, соборная дѣятельность еп. Элія Публія Юлія сводилась, главнымъ образомъ, къ разсказамъ о случаяхъ разоблаченія монтанизма. Отсюда по аналогіи, мы въ правѣ распространить это и на большинство остальныхъ членовъ собора. А изъ всего этого уже сама собой получается такая картина засѣданій Іерапольскаго собора, что они состояли, главнымъ образомъ, изъ передачи и анализа тѣхъ фактовъ и примѣровъ, которые убѣдительно доказывали-бы несостоятельность „новой профетіи" монтанизма и разоблачали-бы лицемѣріе его вождей. Въ справедливости такой характеристики собора рѣшительно убѣждаютъ насъ и соотвѣтствующія параллели изъ исторіи Евсевія, гдѣ приводятся аналогичные же случаи публичнаго изобличенія монтанизма со стороны православныхъ епископовъ и примѣры открытаго сопротивленія имъ со стороны лживыхъ и лицемѣрныхъ расколовождей [1]).

Что-же касается заключительнаго постановленія Іерапольскаго собора, то оно содержало въ себѣ самое категорическое осужденіе монтанизма, какъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ объ этомъ приведенное Евсевіемъ начало письма Сераціона антіохійскаго къ Карику и Понтію: *„чтобы вы знали, съ какимъ сильнымъ отвращеніемъ смотрѣло все живущее на землѣ братство на это ложное училище такъ называемаго новаго пророчества, я посылаю къ вамъ сочиненіе Клавдія Аполлинарія, блаженнѣйшаго епископа Іерапольскаго въ Азіи"* [2]). Основной тонъ соборнаго посланія—это „сильное отвращеніе" къ монтанизму, явившееся очевидно въ результатѣ его рѣшительнаго осужденія на названномъ соборѣ.

Возвращаясь теперь къ тому, съ чего мы и начали данный отдѣлъ, т. е. къ рѣчи о Libel. synod. мы должны признать, что всѣ его показанія объ антимонтанистическихъ соборахъ основаны исключительно на только-что проанализированномъ нами текстѣ Евсевія. Причемъ картина Іерапольскаго собора воспроизведена имъ довольно правильно, (хотя слишкомъ сжато, а по мѣстамъ даже и произвольно, напр. въ вопросѣ о составѣ собора); разсказъ же

[1]) *Евсевій* V, XVI, 292—3 стр. Здѣсь говорится о томъ, какъ святые епископы обличали духа, пребывавшаго въ Максимиллѣ, но встрѣтили противодѣйствіе въ лицѣ ея сторонниковъ. Разсказываетъ также о томъ, какъ монтанистич. „духъ" оказался безсильнымъ въ борьбѣ съ команскимъ епископомъ Зотикомъ и апамейскимъ Юліаномъ и какъ монтанистъ Ѳемизонъ со своими приверженцами заграждали уста епископовъ, очевидно, опасаясь своего полнаго изобличенія.

[2]) *Евс.* V, XIX, 300 стр. Ср. *Euseb.* V, 19, 2, 478—480 s.

объ Анхіальскомъ соборѣ—чистѣйшая выдумка автора Synodicon'a, основанная на случайномъ упоминаніи въ текстѣ Евсевія имени Соты, еп. Анхіальскаго.

Итакъ, изъ начальной поры монтанизма мы съ значительной увѣренностью можемъ говорить о цѣломъ рядѣ небольшихъ малоазійскихъ соборіковъ (въ составѣ двухъ-трехъ сосѣднихъ церквей-приходовъ) и всего лишь объ одномъ, сравнительно большомъ—Іерапольскомъ соборѣ, объединившемъ на себѣ двойное представительство (епископовъ и исповѣдниковъ) многихъ малоазійскихъ церквей и даже церквей отдаленной Ѳракіи, и вынесшемъ авторитетное, рѣшительное осужденіе новоявленнаго лжепророчества.

III.

Сущность монтанизма и необходимость напряженной церковно-соборной борьбы съ нимъ.

То, что въ предидущихъ отдѣлахъ могли мы предложить по вопросу о соборахъ древней церкви противъ монтанизма, въ сущности, основано всего лишь на двухъ, сравнительно небольшихъ, отрывкахъ изъ церковной исторіи Евсевія (V, 16, 10 и V, 19). Поэтому наши, довольно обширныя рѣчи на эту тему представляютъ изъ себя, главнымъ образомъ, подробный аналитическій и реально-историческій комментарій указанныхъ важныхъ свидѣтельствъ Евсевія, а частію—и рядъ нашихъ собственныхъ, такъ или иначе мотивированныхъ, заключеній и догадокъ о болѣе конкретныхъ формахъ тѣхъ соборовъ, которые намѣчены въ текстѣ Евсевія слишкомъ неопредѣленно и обще. Отсюда въ нашемъ изслѣдованіи объ антимонтанистическихъ соборахъ видное мѣсто занялъ элементъ, который, въ извѣстномъ смыслѣ, можетъ быть названъ субъективнымъ, поскольку дѣло касается нашей личной обработки историческаго текста и извлеченія изъ него соотвѣтствующихъ выводовъ, путемъ нашего-же собственнаго освѣщенія текста и построенія на такой основѣ нашихъ-же, болѣе или менѣе, субъективныхъ выводовъ. Вполнѣ понимая, что такой, хотя и вынужденный необходимостью (отсутствіемъ другаго, болѣе опредѣленнаго матеріала), нѣсколько субъективный методъ изслѣдованія можетъ встрѣтить серьезныя возраженія со стороны болѣе строгихъ историковъ и канонистовъ, мы и хотѣлибы настоящимъ своимъ очеркомъ, если не вовсе устранить, то

значительно ослабить подобный упрекъ и придать своимъ выводамъ и утвержденіямъ возможно бо́льшую, чисто-объективную убѣдительность и силу. И самымъ надежнымъ средствомъ для достиженія такой цѣли мы считаемъ сжатую общую характеристику начальнаго монтанизма, которая ясно, опредѣленно, а главное, научно-объективно отвѣтила-бы намъ на вопросы: что такое монтанизмъ? представлялъ-ли онъ какую-либо реальную опасность для тогдашней Христовой Церкви? и слѣдовательно, вынуждалъли ее на столь напряженную соборную работу и борьбу съ нимъ?

Если-бы мы захотѣли, какъ можно короче отвѣтить на первый, важнѣйшій изъ поставленныхъ вопросовъ, то должны были-бы сдѣлать это всего въ двухъ словахъ: монтанизмъ это — *„новое пророчество“*. „Новымъ пророчествомъ монтанизмъ называетъ себя самъ и этимъ самообозначеніемъ даетъ знать, чѣмъ быть онъ претендуетъ“ [1]). Вотъ нѣсколько убѣдительныхъ примѣровъ такого пророчества, взятыхъ изъ спеціальнаго приложенія къ монографіи Bonwetsch'a [2]). „Человѣкъ, какъ лира—говоритъ Монтанъ—а я накатываю *(κἀγὼ ἐφίπταμαι)*, какъ бряцало. Человѣкъ спитъ, а я бодрствую. Вотъ Господь приводитъ въ экстазъ сердца людей и даетъ сердце людямъ“ [3]). Про того-же Монтана Епифаній свидѣтельствуетъ: „Монтанъ говоритъ въ такъ называемомъ своемъ пророчествѣ *(ἐν τῇ ἑαυτοῦ λεγομένῃ προφητείᾳ)*: „я Господь Богъ Вседержитель, вселившійся въ человѣка“, и ещѐ: „ни ангелъ, ни пресвитеръ, но пришелъ я Господь Богъ Отецъ“ [4]). Тоже подтверждаетъ и св. Дидимъ: „ибо Монтанъ, говорятъ, сказалъ: „я—Отецъ и Сынъ и Утѣшитель *(ὁ παράκλητος)*“ [5]). Не менѣе притязательны и изреченія ближайшихъ сподвижницъ Монтана—пророчицъ Прискиллы и Максимиллы. Прискилла, напримѣръ, по свидѣтельству Епифанія, говорила о себѣ: „въ образѣ воплощенной женщины, въ блестящей одеждѣ подошелъ ко мнѣ Христосъ и вложилъ въ меня премудрость и открылъ мнѣ тотъ способъ, какъ быть святымъ и какимъ образомъ свести Іеруса-

[1]) *G. Nathanael Bonwetsch* „Die Geschichte des Montanismus“—127 s. Erlangen, 1881.

[2]) *Ibidem.* Beilage I. Die Aussprüche montanistischer Propheten. 197—200 s. Всѣ послѣдующія цитаты взяты отсюда. Онѣ-же, въ связи съ самымъ текстомъ Епифанія, Ипполита и др. приведены и въ Beilagen къ монографіи *G. Voigt*'a „Eine verschollene Urkunde des antimontanistischen Kampfes“ 331—345 s. Leipzig, 1891.

[3]) *Epiph.* haeres. 48. 4. P. 430. ed. G. Dindorf, Lipsiae 1860.

[4]) *Ibidem.* 10. 437 s. 11, 437 и 439.

[5]) *Didym.* de trinit. 41, 1. (PG, 39, 984).

лимъ съ неба“ [1]). Отъ Максимиллы сохранилось изреченіе: „меня преслѣдуютъ, какъ волка среди овецъ; но я не волкъ; я—слово, духъ и сила *(ῥῆμα εἰμι καὶ πνεῦμα καὶ δύναμις)*“ [2]); и той же Максимиллѣ приписываютъ слова: „послѣ меня не будетъ ужъ пророка, но конецъ міра *(συντέλεια)*“ [3]). Очень выразительны и свидѣтельства извѣстнаго церковнаго писателя Тертулліана, уклонившагося подъ конецъ своей жизни въ монтанизмъ и ставшаго его главнымъ идеологомъ: „имѣю я (свидѣтельство) самого Параклета, въ новыхъ пророкахъ говорящаго (in prophetis novis... dicentem)“ [4]). Тотъ-же Тертулліанъ въ полемическомъ трактатѣ противъ Праксея обѣщаетъ всѣ дары Св. Духа, включительно до истолкованія тайнъ божественнаго домостроительства *(οἰκονομίας* interpretatorem) тому, „кто приметъ рѣчи *новаго пророчества*“ (quis sermones novae prophetiae ejus admiserit) и изберетъ его своимъ жизненнымъ руководствомъ [5]). О новоявленныхъ монтанистахъ, какъ именно, о „пророкахъ“, или точнѣе „ляже-пророкахъ“, говорятъ и современные имъ православные писатели—антимонтанисты (Мелитонъ, Мильтіадъ, Аполлинарій, Анонимъ, Аполлоній, Кл. Алекс. Ориг. Ипполитъ Рим.), а также и послѣдующіе церковные историки и ересеологи (Евсевій, Епифаній, бл. Іероним, Филастр. и др. [6]). Такъ что, по глубоко справедливому

[1]) *Epiph.* haer. 49, 1. 444 s.

[2]) *Euseb.* h. e. V, 16, 17.

[3]) *Epiph.* haer. 48, 2, 427.

[4]) *Tertul.* de pudic. 21.

[5]) *Tertull.* Adv. Prax. 8.

[6]) Такъ, Мелитонъ, еп. Сардійскій свои полемическія сочиненія противъ монтанистовъ спеціально заглавлялъ: „о пророкахъ“ и „о пророчествѣ“ *(Евсевій* IV, XXVI, 237 стр. Ср. *Euseb.* Kirchengeschichte IV, 26, 1, 380—382). Это подтверждаетъ и бл. Іеронимъ, который говоритъ, что Мелитонъ написалъ „о жизни пророковъ одну книгу“ и „о пророчествѣ одну книгу“ („о знамен. мужахъ“ XXIV, рус. пер. Твор. бл. Іеронима Стридонскаго, 5 ч. 306 стр. Кіевъ 1879 г.); причемъ здѣсь Іеронимъ добавляетъ, что критикой данныхъ сочиненій служитъ трактатъ Тертулліана „de extasi, lib. VII (до насъ не дошедшій), въ которомъ онъ отдаетъ дань тонкому уму и литературному таланту (elegans et declamatoriam ingenium) Мелитона. Впрочемъ, A. Harnack, наоборотъ, говоритъ объ ироническомъ отношеніи Тертулліана къ труду Мелитона (предпочитаетъ чтеніе cavillatur diciens вмѣсто laudans dicet—„Metito und seine Schriften“ Die Ueberlief. der griechischen Apologeten d. 2 Jahrh. in der alten Kirche und im Mittelalter. TU, I, 241 s. Leipzig 1883). Другой видный писатель антимонтанистъ—Мильтіадъ, (вѣроятно, современникъ Іуст. Фил. и Иринея Лионскаго) котораго Тертулліанъ называлъ „софистомъ“, т. е. дидаскаломъ, или учителемъ церковнаго краснорѣчія (ecclesiarum sophista—*Tertull.* adv. Valentin. c. 5.) писалъ спеціальную книгу о *ложномъ пророчествѣ* монтанистовъ, въ отличіе отъ истиннаго, содержимаго церковью (*Евсевій* V, XVII, 294—295. Ср. *Euseb.* V, 17, 470 s.).

отзыву проф. Болотова, „признать монтанизмъ, значило признать пророчества Монтана и Максимиллы, признать открывшіяся въ

О Клавдіи Аполлинаріи, еп. Іерапольскомъ, какъ видномъ полемистѣ противъ монтанизма, мы знаемъ лишь со словъ Евсевія, который называетъ его „несокрушимымъ оружіемъ“ *(ὅπλον ἰσχυρόν,* твердымъ оплотомъ) въ этой борьбѣ и упоминаетъ о немъ неоднократно *Euseb.* IV, 26, 1, V, 16, 1 и V, 19. 1 sq.). Самое важное изъ этихъ упоминаній, соединяющее съ именемъ Аполлинарія и имя его младшаго современника—Сераціона, еп. антіохійскаго, мы уже подробно анализировали выше (117—125). Въ данномъ случаѣ еще разъ подчеркнемъ въ письмѣ Сераціона слова „ложное училище такъ называемаго *новаго пророчества“ (Euseb.* V, 19, 2, 478 s.), которыми характеризуетъ здѣсь монтанизмъ еп. Серапіонъ, въ полномъ согласіи съ еп. Аполлинаріемъ, на авторитетъ котораго онъ и ссылается.

Подъ именемъ „Анонима“ въ данномъ случаѣ разумѣется тотъ неизвѣстный по имени писатель антимонтанистъ, на сочиненіяхъ котораго Евсевій, главнымъ образомъ, и основываетъ все свое повѣствованіе о начальной исторической фазѣ восточно-фригійскаго монтанизма *(Euseb.* V, 16, 458—468 s.). Изъ сочиненія этого „анонима“ Евсевій приводитъ цѣлый рядъ убѣдительныхъ выдержекъ, прекрасно характеризующихъ собой монтанизмъ. И главной, доминирующей чертой этой характеристики опять-же является притязаніе еретиковъ на „пророчество“, въ дѣйствительности оказывавшееся „лженророчествомъ“ *(ψευδοπροφητείας“ Euseb.* V, 16, 4, 460 s.). Такимъ изступленнымъ пророкомъ, подпавшимъ вліянію „противника“ *(τῷ ἀντικειμένῳ*—очевидно разумѣется „діаволъ“) былъ самъ родоначальникъ ереси—Монтанъ и такими-же одержимыми „зломыслящимъ, льстивымъ и обманчивымъ духомъ“ *(τὸ βλαψίφρον καὶ ἀποκοριστικὸν καὶ λαοπλάνον πνεῦμα)* были и всѣ послѣдователи Монтана, во главѣ съ двумя какими-то женщинами (Прискиллой и Максимиллой, какъ открывается изъ дальнѣйшаго), исполненными „подложнаго духа“ *(τοῦ νόθου πνεύματος)* и говорившими поэтому „безсмысленно, неумѣстно и странно“ (*ἐκφρόνως καὶ ἀκαίρως καὶ ἀλλοτριοτρόπως*). Наконецъ, тотъ-же „анонимъ“, передавая одинъ, довольно легендарный разсказъ о другомъ расколовождѣ- Ѳеодотѣ, называетъ его *οἷον ἐπιτρόπον λεγομένης προφητείας*, „какъ-бы блюстителемъ, или попечителемъ (казначеемъ?) такъ называемаго *пророчества*“, т. е. новоявленной монтанистической организаціи, въ которой, слѣдовательно, признакъ „пророчества“ былъ наиболѣе характернымъ, сообщавшимъ свое имя и всей этой сектѣ. Очень сильную критику начальнаго монтанизма даетъ, дальше, антимонтанистъ самаго конца II-го или даже начала III в.—нѣкто Аполлоній (по Harnack'у—еп. Ефесскій), написавшій эту критику, какъ самъ онъ замѣчаетъ, „черезъ сорокъ лѣтъ“ по выступленіи Монтана, (т. е. по *Zahn'у* и *Harnack'у* ок. 196—197 г. „Die Chronologie I, 380—381 s.). Критика эта не дошла до насъ; но съ содержаніемъ ея довольно подробно знакомитъ Евсевій, отводящій ей цѣлую главу въ своей исторіи (*Euseb.* V, 18, 473—478). И здѣсь мы снова видимъ, что вся эта критика состоитъ или въ доказательствахъ лживости монтанистическихъ пророчествъ, или въ разоблаченіи недостойной жизни самихъ этихъ новоявленныхъ пророковъ (Монтана, Приски, Ѳемизона, Александра, Максимиллы), откуда опять слѣдуетъ, что „пророчество и пророки“ были центромъ и душой монтанизма. Въ полномъ согласіи со спеціальными критиками монтанизма стоятъ и, болѣе или менѣе, случайныя замѣтки о монтанизмѣ, принадлежащія другимъ

нихъ духовныя дарованія *(χαρίσματα)*, признать самого Св. Духа Утѣшителя. По мнѣнію монтанистовъ, именно теперь наступила та эпоха, о которой предсказывалъ пророкъ Іоиль (II, 28): „въ послѣдніе дни излію отъ Духа Моего на всяку плоть". Теперь настало время полнаго откровенія Параклета, Духа Утѣшителя: пришелъ Духъ истины, чтобы научить вѣрующихъ всему" (Іо. XIV, 26) [1]).

Сама по себѣ идея „откровеній Духа" *(ἀποκάλυψις τοῦ πνεύματος)* и изліяній благодатной харисмы *(τὰ χαρίσματα)* была, какъ извѣстно, далеко не нова и не чужда сознанію древней Христовой церкви: она нашла себѣ отраженіе, не только во многихъ авторитетныхъ памятникахъ церковной литературы, но и въ самихъ новозавѣтно-апостольскихъ писаніяхъ [2]). Можно даже сказать еще больше—въ первенствующей церкви представители благодатной харисмы—апостолы, пророки и дидаскалы—образовывали изъ себя родъ особой, такъ называемой, „харисматической

древнимъ писателямъ. Такъ Климентъ Ал. († 216 г.) самой типической чертой лжеученія „фригійцевъ" (т. е. монтанистовъ) выставляетъ ихъ преклоненіе передъ „новымъ пророчествомъ" *τῇ νέᾳ προφητείᾳ*—Strom. IV, 13, 93, ed. Dind. II, t. 369 s. Oxf. 1869). Оригенъ, въ толкованіи на посл. къ Коринѳ. оспариваетъ право монтанистическихъ пророчицъ на публичное выступленіе въ церкви (Catenae in Pauli, ep. ad Corinth. ed. *Cramer*, Oxonii, 1841, 279 p.). Ипполитъ Рим. († 220—240 г.) лишь кратко отмѣчаетъ неосновательныя и ставшія въ его время уже безопасными, притязанія монтанистовъ на то, чтобы сборники изреченій ихъ йовыхъ пророковъ поставить выше апостольскихъ писаній *(Philosoph.* lib. VIII, 19). Изъ послѣдующихъ древнихъ церковныхъ писателей ересеологовъ, всего больше удѣляетъ вниманія монтанизму Епифаній, который точно также характеризуетъ его, преимущественно, какъ „новое пророчество" *(Epiph.* Haeres. 48, 1—10 sq.), какъ ученіе, претендовавшее на возрожденіе новозавѣтной апостольской харизмы, во всѣхъ ея чрезвычайныхъ проявленіяхъ, въ особенности, въ дарѣ пророчества (Ibidem). Мы не говоримъ уже о Тертуліанѣ, всѣ монтанистическія сочиненія котораго самымъ рѣшительнымъ образомъ свидѣтельствуютъ, что монтанизмъ онъ считалъ за „новое пророчество" (nova prophetia) и что въ признаніи Параклета, какъ первоисточника этого пророчества, онъ видѣлъ главную черту, отличающую монтанистовъ („пневматиковъ") отъ православныхъ („психиковъ"). *Tertulliani* Opera „Adv. Marc." IV, 22, „Adv. Prax." 30. „De monog." XIV c. etc.

[1]) *В. В. Болотовъ*—II, 356—357 стр.

[2]) I Петра IV, 10; Рим. XII, 6; I Кор. I, 7 и XII, 4. 31. Спеціальная харисма исцѣленій—I Кор. XII, 9. 28: харисма евангельской проповѣди—I Тим. IV, 14; II Тим. I, 6 и др. Изъ памятниковъ древней литературы см. *Διδαχη*—XI, 8 „говорить въ духѣ"; „Пастырь" Ермы. XI-ая зап. и IX подоб. См. объ этомъ книгу проф. *А. П. Лебедева* „Духовенство древней вселенской церкви" I гл. томъ X-й, Москва 1905 г. 3—26 стр., а также монографію свящ. *М. П. Овсѣйскаго* „Духовныя дарованія въ первоначальной христіанской церкви" Москва 1907 г.

іерархіи", которая не только существовала рядомъ съ „должностной" трехчинной іерархіей (епископъ, пресвитеръ и діаконъ), но, первое время даже и превалировала надъ послѣдней [1]). Но, приблизительно, съ середины II-го вѣка (или даже съ его первой половины—эпохи Игнатія Богоносца и *Διδαχή*) замѣчается упадокъ харисматической іерархіи и усиленіе на ея счетъ мѣстной, должностной: „пророки"—наиболѣе видные представители харисматиковъ—берутся уже подъ сильное подозрѣніе авторомъ *Διδαχή*, преподающимъ вѣрующимъ цѣлый рядъ практическихъ совѣтовъ, какъ отличить истиннаго пророка отъ ложнаго [2]). И вотъ, какъ это нерѣдко случается, явленіе, исчезающее изъ жизни, подъ конецъ своего существованія даетъ послѣднюю, яркую вспышку, Такой, именно, вспышкой харисматической эпохи и былъ, повидимому, монтанизмъ. Такъ какъ онъ не имѣлъ здоровыхъ жизненныхъ соковъ первенствующей царкви, то могъ дать одну только показную внѣшность, лишь искаженную, патологическую реакцію.

Болѣзненная ненормальность монтанистической псевдо-харисмы рѣзче всего сказалась въ патологическо-аффективномъ состояніи ихъ экстатическихъ пророковъ. „По историческимъ даннымъ, монтанистическое пророчество было исключительно экстатическимъ, при которомъ человѣкъ былъ только лирой. Пророки монтанистическіе не владѣли собой, не соблюдали послѣдовательности въ мысли; говорили „безсмысленно, неумѣстно и странно"; ихъ слова были словами экстатиковъ (по Епиф. буквально—*ἐκστατικοῦ ῥήματα*, 48, 4)" [3]). Недаромъ, всѣ серьезные изслѣдователи монтанизма, начиная съ Neander'a, Bonwetsch'a и Harnack'a и кончая нашимъ Болотовымъ и англичаниномъ Gwatkin'омъ, считаютъ монтанистическое пророчество типичнѣйшимъ продуктомъ болѣзненно-религіозной экзальтаціи [4]). Проф. Болотовъ, напр. категорически утверждаетъ, что „эксцентричныя фигуры фригійскихъ пророковъ.....

---

[1]) Мѳ. XVI, 4; Дѣян. II, 16; XIII, 1; XV, 22. 32; I Кор. XIV, 29—30, 32; Еф. IV, 20; IV, 11. *Διδαχή*—X—XI гл. и XV гл. 1—2. Въ дополненіе къ вышеуказ. трудамъ проф. *Лебедева и о. Овсѣйскаго* см. еще диссертацію проф. *В. Н. Мышцына*, „Устройство христіан. церкви въ первые два вѣка" Сер. Пос. 1909 г. 93—120 стр.

[2]) *Διδαχή*, „Ученіе двѣнад. апостоловъ" гл. XI—XIII. На греч. и рус. языкъ, изд. „Прав. Обоз." 1886 г. 34—36 стр.

[3]) *Вл. Троицкій* „Очерки изъ исторіи догмата о церкви" 293 стр. Сер. Пос. 1912 г.

[4]) *Neander* Allgem. Geschichte d. chr. Rel. und Kirche"[3], I b. 278 sq. *Bonwetsch* „Die Geschichte d. Montanismus" Erlan. 1881. *Harnack*—Lehrb. der Dogmengeschichte[3], I, 390 sq. и „Mission und Ausbreit. Christentums"[2]... I, 176; II, 180 sq.

весьма сильно походили на помѣшанныхъ“ [1]), а проф. Н. М. Gwatkin говоритъ, что монтанисты какъ бы объединяли въ себѣ черты религіозно-изувѣрныхъ культовъ Аттиса и Кибеллы (языческой Фригіи) съ фанатизмомъ древняго хиліазма и съ психологіей раннѣйшихъ англійскихъ квакеровъ и методистовъ [2]). Наиболѣе популярные монтанистическіе пророки и особенно пророчицы имѣли видъ „безумныхъ или бѣсноватыхъ“ людей, религіозныхъ маньяковъ, доходящихъ до полной утраты собственнаго разума и воли, и въ такомъ состояніи произносящихъ безсвязныя, нелѣпыя рѣчи, близко напоминающія собою изреченія языческихъ оракуловъ и ихъ одурманенныхъ пиѳій. Понятно, почему Евсевій такую дурную манеру *(τοῦτον δὲ τὸν τρόπον)* „новаго пророчества“ называетъ „неслыханной ни въ ветхомъ, ни въ новомъ завѣтѣ“ *(οὔτε τινὰ τῶν κατὰ τὴν παλαιὰν οὔτε τῶν κατὰ τὴν καινὴν πνευματοφορηθέντα προφήτην δεῖξαι δυνήσονται—Euseb.* V, 17, 3, 470 s.) и происходящей „вопреки обычаю, издревле преданному“ *(παρὰ τὸ κατὰ παράδοσιν καὶ κατὰ διαδοχὴν ἄνωθεν τῆς ἐκκλησίας ἔθος δῆθεν προφητεύοντα—Ibid.* V, 16, 7. 462 s.), т. е. вопреки неизмѣнно содержимому ветхозавѣтной и новозавѣтной церковью ученію объ истинномъ вдохновеніи отъ Бога. Согласно послѣднему, божественное вдохновеніе, озаряющее того или другого пророка не подавляетъ и не унижаетъ его личности до какого-то болѣзненно-пассивнаго состоянія, а наоборотъ, возводитъ ее на высшую ступень духовнаго просвѣтленія, при которой она въ самой полной и наиболѣе совершенной формѣ пользуется всѣми своими индивидуальными способностями. У монтанистовъ-же, какъ разъ, наоборотъ: сознаніе и умъ ихъ экстатическихъ пророковъ, какъ говорили они сами, „помрачаемы были“ (obumbrati sunt) обиліемъ божественнаго свѣта, изливавшагося на нихъ; такъ что въ подобныхъ случаяхъ говорили и дѣйствовали уже не люди, а вселявшійся въ нихъ Духъ, или, какъ обычно называли его монтанисты, самъ Параклетъ [3]).

[1]) Проф. *В. В. Болотовъ.* „Лекціи по исторіи древней церкви“ II ч. 358 стр. СПБ. 1910.

[2]) *H. M. Gwatkin* „Early church History“ II vol. ch. XV, Montanism 74—75 p. Oxford 1909. А авторъ спеціальной статьи о монтанизмѣ (in Dictionary of Sects, Heresies, Ecclesiastical Parties and Schools of religious thought, edit. T. H. Blunt, 1903) ставитъ его въ параллель со всѣми визіонерно-ригористическими движеніями, въ родѣ ученія аббата Іоахима, или проповѣди Петра Оливера и „фратричелловъ“, а также Георга Фокса и ирвингіанъ. 537 p.

[3]) „In spiritu enim homo constitutus praesertim cum gloriam Dei conspirit, vel cum per ipsum Deus loquitur, necesse est excidat sensu, obumbratus scilicet

Понятно, что не всѣ монтанисты были способны къ такому патологическому психозу, а лишь лица съ повышенной нервной возбудимостью и съ наклонностью къ истеріи. Вотъ, почему, вѣроятно, среди нихъ получили такое видное значеніе женщины (Максимилла и Прискилла), какъ натуры менѣе сильныя болѣе предрасположенныя къ различнымъ формамъ патологической реакціи. Само собою разумѣется, что такіе чрезвычайные экстатики пользовались у монтанистовъ и особеннымъ почетомъ: въ нихъ видѣли избранные сосуды Божіи, совершенные органы Духа, какъ-бы воплощеніе самого Параклета. „Я—отецъ пришелъ—говоритъ, напр. о себѣ самъ Монтанъ: „Я Господь Богъ вседержитель, открывшійся въ человѣкѣ“ [1]). Этого не слѣдуетъ понимать буквально, въ томъ смыслѣ, что Монтанъ, именно, себя выдавалъ за Бога, или Параклета, въ чемъ упрекали его православные полемисты. А нужно видѣть здѣсь выраженіе основнаго монтанистическаго убѣжденія, что устами Монтана и подобныхъ ему пророковъ говорилъ Самъ Богъ, или Его Святый Духъ. И такое убѣжденіе было у монтанистовъ столь сильно, что даже женщины-пророчицы въ моменты экстатическихъ прорицаній обычно говорили не въ женскомъ, а въ мужскомъ родѣ, какъ-бы отъ лица вселявшагося въ нихъ Духа. Такъ, напр. Максимилла пророчествовала: „Господь послалъ меня благовѣстителемъ *(μηνυτήν)* и истолкователемъ *(ἑρμηνευτήν)* этого новаго обѣтованія, послалъ меня вынужденнаго *(ἠναγκασμένον)*, хотящаго *(θέλοντο)* и не хотящаго познать вѣдѣніе Божіе“ [2]).

Отправляясь отъ такого преувеличенно-возвышеннаго взгляда на достоинство своихъ пророковъ, какъ чистыхъ органовъ Божества, монтанисты совершенно естественно приходили и къ соотвѣтствующему взгляду на авторитетъ новыхъ пророчествъ. Это были слова Самого Бога, чистыя и безпримѣсныя откровенія Его Духа. Поэтому, не отрицая низшей, относительной истины за ветхозавѣтнымъ и новозавѣтнымъ откровеніемъ, монтанисты безусловно выше ставили и цѣнили свое новое, болѣе совершенное откровеніе, въ которомъ будто-бы давалось дальнѣйшее раскрытіе божественной истины. Отсюда и продукты этого откровенія—изреченія монтанистическихъ пророковъ и пророчицъ—получали у нихъ огромный авторитетъ: они бережно хранились, заучивались на-

virtutute divina, de quo inter nos et psychicos quaestio est“ *Tertul.* „Adv. Marc.“ IV, 22.

[1]) *Epiph.* 84, 4. См. у *Bonwetsch'a* Op. cit. 57.

[2]) *Epiph.* Haer. 48, 13. Вз. у Bonwetsch „Op. cit.“ Beil. I, 190 s.

изусть и записывались въ особые сборники, предназначенные, по взгляду монтанистовъ, пополнить и завершить канонъ священныхъ книгъ [1]).

На почвѣ такихъ взглядовъ сложилась у монтанистовъ и своеобразная теорія различныхъ возрастовъ Христовой церкви, подробно формулированная нѣсколько позднѣе Тертулліаномъ. Исходя изъ положенія nigil sine aetate" и изъ словъ Екклезіаста „время всякой вещи" (Еккл. III, 17), онъ различаетъ слѣдующіе „возрасты" въ исторіи божественнаго откровенія: сначала, во времена патріархальныя, оно находилось въ состояніи младенчества; при Моисеѣ и пророкахъ—въ возрастѣ дѣтскомъ; чрезъ Евангеліе перешло въ возрастъ юношескій и наконецъ чрезъ Параклета достигло возмужалости" [2]). Вслѣдствіе всего этого, у монтанистовъ развилось также самомнѣніе, высокомѣріе и горделивопрезрительное отношеніе къ остальнымъ вѣрующимъ, какъ людямъ стоящимъ еще на низшихъ ступеняхъ духовнаго развитія [3]). Самихъ себя они именовали „духовными" совершенными христіанами („πνευματικοί"), а всѣхъ „остальныхъ" „душевными" („Психиками"), несовершенными (*Кл. Алек.* „Строматы" IV, 13. 93).

„Что касается *содержанія* монтанистическаго ученія, то, по совершенно справедливому замѣчанію проф. Болотова, въ вопросахъ догматическихъ, какъ категорично признаютъ всѣ полемисты противъ монтанизма и сами монтанисты, не существовало никакого различія между каѳолической церковью и монтанистами. Regula fidei была одна и та-же... Весь смыслъ монтанистическаго движенія лежитъ не въ этой области: все содержаніе пророчествъ монтанизма касалось нравственной стороны христіанства. Оно затронуло глубоко практическую сторону христіанской церковной жизни" [4]). Въ этой сферѣ первоначально монтанизмъ за-

[1]) О сборникахъ монтанистическихъ пророчествъ, на подобіе Евангелія и апостольскихъ посланій, неоднократно, какъ мы видимъ, упоминаетъ Евсевій (V, 3; V, 16; VI, 20 и др.), а также и многіе другіе церковные авторы, приводящіе даже и примѣры монтан. изреченій *Epiph.* 48 и 49. *Hippol.* Philos. VIII, 19. *Did.* De trinitate III, 11, 3. Niceph. IV, 22. См. *Bonwetsch* in Real-Encycl. XIII, 423. Aufl.

[2]) Прот. *Д. Касицынъ.* Расколы первыхъ вѣковъ христіанства. „Монтанизмъ", приб. къ тв. св. о. 43 ч. 1889 г. 434 стр. Ср. *Bonwetsch* Op. cit. 121—123 s. Основанія этого см. у *Tertull.* „De virgin. veland." 1 c.

[3]) Припомнимъ характерную выдержку Евсевія изъ анонима, что „этотъ гордый духъ училъ злословить всю каѳолическую поднебесную церковь" (Ев. V, 16) стр. 290.

[4]) Проф. *В. Болотовъ* „Цит. сочиненіе"—359 стр. То-же самое говоритъ и *Bonwetsch:* Das Gebiet seiner (Montanis) reformatorischen Tätigkeit ist vielmehr nicht das Dogma sondern die Sitte, er ist novae disciplinae institutor". *Op. cit.*

явилъ себя, главнымъ образомъ, тѣмъ, что воскресилъ самыя живыя и напряженныя эсхатологическія ожиданія, т. е. ожиданія близкаго конца міра и грядущаго страшнаго суда, съ послѣдующимъ, чисто хиліастическомъ раемъ на землѣ и новымъ Іерусалимомъ въ его центрѣ. Припомнимъ, что по свидѣтельству Евсевіева анонима, такъ именно училъ самъ Монтанъ, который два незначительныхъ фригійскихъ городка — Пепузу и Тиміонъ — назвалъ Іерусалимомъ и приглашалъ идти туда всѣхъ своихъ послѣдователей, чтобы они могли принять участіе въ имѣющемся скоро открыться мессіанскомъ царствѣ [1]). Близкое ожиданіе конца нынѣшняго міра настойчиво проповѣдывала и главнѣйшая сподвижница Монтана—Максимилла, которая, по словамъ Епифанія и Евсевія утверждала, что она—послѣдняя пророчица, такъ какъ послѣ нея наступитъ конецъ міра [2]). И всѣ эти эсхатологическія ожиданія монтанистовъ были настолько напряжены, что они чуть не грезили ими на яву. По крайней мѣрѣ, тотъ-же Епифаній свидѣтельствуетъ, что и въ обычныхъ церковныхъ собраніяхъ монтанистовъ нерѣдко *(πολλάκις)* выступали юныя дѣвы, одѣтыя въ бѣлыя одежды и несущія возженные свѣтильники, очевидно, въ подражаніе мудрымъ евангельскимъ дѣвамъ, изшедшимъ въ срѣтеніе своего Жениха (Мѳ. XXV, 1 и Апок. III, 18, 7, 9) [3]). Недаромъ, наконецъ, и Тертулліанъ—главный идеологъ монтанизма—„вкратцѣ обозначаетъ все ученіе Монтана, какъ предсказаніе о *будущемъ судѣ*" [4]).

81 s. Но *Вл. Троицкій* думаетъ иначе и цѣлымъ рядомъ свидѣтельствъ устанавливаетъ фактъ несоотвѣтствія у монтанистовъ, въ особенности, у Тертулліана, слова съ дѣломъ. Однако и самъ г. Троицкій вынужденъ признать, что это развилось сравнительно позднѣе. „Цит. сочин." 295—296 стр.

[1]) *Евсевій*—цит. сочин. V, 18, 296 стр. Любопытны аналогіи, приведенныя *Дюшеномъ.* „Монтанистическое переселеніе не представляетъ исключительнаго явленія. Ипполитъ (in Daniel IV, 8) разсказываетъ объ анологичномъ фактѣ, случившемся въ его время. Одинъ сирійскій епископъ увелъ въ пустыню на срѣтеніе Христа громадную толпу христіанъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Кончилось тѣмъ, что несчастныхъ арестовали, какъ разбойниковъ. Другой епископъ изъ Понта, предсказалъ кончину міра, имѣющую наступить въ теченіе ближайшаго года; его паства распродала свой скотъ и побросала поля, чтобы приготовиться къ великому дню. Въ III в. въ Каппадокіи возникаетъ вопросъ о какой-то пророчицѣ, двинувшей цѣлыя толпы народа на дорогу къ Іерусалиму (Сург. ер. LXXV, 10)". *Дюшенъ* „Цит. соч." 181 стр. прим.

[2]) *„Μετ' ἐμὲ προφῆτις οὐκετι ἔσται, ἀλλὰ συντέλεια" Epiphan.* haeres. 48, 2 ed. *Dindorf* II p. 427, Ср. *Euseb.* V, 16, 18.

[3]) *„Πολλάκις δε ἐν τῇ αὐτῶν ἐκκλησίᾳ εἰσέρχονται λαμπαδηφοροῦσαι ἑπτά τινες παρθένοι, λευλεμμονες, δῆθεν ἐρχόμεναι, ἵνα προφητεύσωσι τῷ λαῷ" Ibid.* Haer. 49, 2.

[4]) См. у *Болотова* „Цит. сочиненіе" 359 стр.

Напряженность эсхатологіи, при высотѣ самомнѣнія, породили и третью характеристическую черту монтанизма—*ригористическую суровость* въ вопросахъ нравственной дисциплины. Ссылаясь на высшія, абсолютныя требованія своего новаго закона и на близость конца міра, монтанисты предъявляли христіанамъ крайне строгія, можно сказать, аскетическія требованія. Это выразилось въ предпочтеніи дѣвства передъ бракомъ, въ отмѣнѣ повторныхъ браковъ, въ суровости постовъ, въ строгости покаянной дисциплины и въ усиленномъ исканіи мученическихъ вѣнцовъ [1]). Всѣ эти строго-моральныя черты, въ особенности послѣдняя, сильно возвышали обаяніе монтанизма въ глазахъ ревнителей христіанства. Недаромъ, по свидѣтельству анонима, сами монтанисты хвалились количествомъ своихъ мучениковъ и въ этомъ полагали чуть-ли не главное доказательство своей высшей правоты [2]). Несомнѣнно, этими, именно, своими чертами—высокой моральной настроенности и геройской твердости духа при мученіяхъ,—монтанизмъ увлекъ и суроваго аскета—Тертулліана, ставшаго горячимъ его адептомъ, а также и доблестныхъ галльскихъ исповѣдниковъ, пытавшихся реабилитировать своихъ восточныхъ собратьевъ передъ папой Елевѳеріемъ особымъ посланіемъ и достигшихъ извѣстнаго успѣха въ этомъ.

Сдѣлаемъ теперь попытку, основываясь на только что приведенной характеристикѣ ранняго монтанизма, кратко отвѣтить на вопросы: чѣмъ-же, въ концѣ концовъ, былъ этотъ монтанизмъ? и въ какомъ отношеніи онъ представлялъ опасность для современной ему Христовой Церкви? На первый изъ этихъ вопросовъ всѣ ученые историки и богословы, при незначительной разницѣ въ оттѣнкахъ мысли, даютъ, въ общемъ, замѣчательно согласный отвѣтъ, именно тотъ, что монтанизмъ былъ аскетической реакціей гностическо-эллинистическому омірщенію христіанства и попыткой оживить угасающую харисму первенствующей Церкви [3]). Въ христіанской

[1]) Подробный обзоръ каждаго изъ этихъ пунктовъ см. въ монографіи *Bonwetsch*'а 81—118 s. Кратко о томъ-же у *Болотова* 361—365.

[2]) *Евсевій*—V, 16, 293 стр. „Die ganze Aufgabe der Neuen Prophetie aber galt der Vorbereitung für das nahe Ende"—говоритъ также и Bonwetsch in K-E art. „Montanismus" XIII в. 421 s. 43.

[3]) „Принципіально, монтанизмъ—обратная сторона (the exact revers) гностицизма... Это—аскетическая реакція матеріалистическому вѣку, хотя и навѣянная аристократическимъ духомъ древняго міра" *Gwatkin* „Early Church"... II, 77 and 78 p. Oxford 1909. „Монтанизмъ—реакція съ энергичнымъ требованіемъ утвердить первоначальный видъ церкви" *Bonwetsch* „Montanismus" RE³, 13, 420, 10. „Вообще, должно быть признано, что монтанизмъ обозначаетъ серьезный (bedeutsame, значительный) кризисъ въ отношеніи церкви къ міру, что

церкви той эпохи (т. е. половины второго вѣка, когда впервые обнаружился монтанизмъ), замѣтно выступали два основныхъ теченія: одно—широкое, либеральное, стремившееся создать безобидный компромиссъ между ученіемъ новой, христіанской религіи и укладомъ жизни старой, языческой культуры. Типичнымъ выраженіемъ этого теченія былъ эллинизованный гностицизмъ. Другое теченіе,—болѣе узкое и консервативное—тянуло въ сто-

онъ есть реакція за возстановленіе истиннаго первоначальнаго христіанства противъ омірщенія церкви". *Bonwetsch* „Die Geschichte Montanismus" 15 s. „Монтанизмъ возсталъ съ силой элементарнаго религіознаго движенія, въ качествѣ крайней реакціи древняго христіанства. Монтанизмъ полярно противоположенъ (Gegenpol) гностицизму, поскольку послѣдній представляетъ острую эллинизацію Евангелія". *Harnack* „Miss. und Ausbreit."², I, 367. „Проникновеніе христіанства въ міръ вызвало вскорѣ послѣ середины 2-го вѣка, сначала, въ Малой Азіи, а потомъ также и въ другихъ областяхъ христіанства, особую реакцію, которая пыталась сохранить древнія настроенія и состоянія (Stimmungen und Zustände), или, точнѣе, снова ихъ возстановить, и оградить христіанство отъ обмірщенія (vor Verweltlichung)—*Harnack* „Dogmengeschichte"⁴, I, 425—426 s. „Монтанизмъ есть реакція дисциплинарная, ригористическая, притягательная (attirant), концентрированная, возвеличивающая старыя формы и старые обычаи, отъ которыхъ церковь, скорѣй, всегда имѣла тенденцію освободиться". *Reville* „Tertul. et montanisme" Revue des deux mondes, 1864, Novem. 166 p. „На границѣ двухъ періодовъ развитія (чрезвычайной, первенствующей эпохи и послѣдующаго, историческаго періода) возникла реакція, которая вопреки естественной эволюціи (Umschwunge) христіанства, желала навсегда закрѣпить его первенствующую форму" *Aug. Neander* „Allg. Geschichte..³ I, 281 s. „Монтанисты, замкнувшись послѣ осужденія ихъ церковію, въ свой тѣсный кружокъ, представляли изъ себя партію строгихъ ригористовъ и пуританъ. Они претендовали на роль истинныхъ представителей древне-христіанской традиціи" *Aubé* „L' Eglise et l' Etat" Paris, 1885, 193 p. „Мы помѣщаемъ монтанизмъ въ категорію іудействующихъ ересей, хотя онъ по происхожденію своему и не имѣетъ отношенія къ синагогѣ, какъ эвіонизмъ. Тѣмъ не менѣе и онъ обращенъ къ мозаизму по своей общей тенденціи, по своимъ формамъ и по частнымъ обрядамъ.... Номизмъ, мечтательность, апокалиптика, аскетизмъ—все это основы іудействующаго христіанства, которое подъ разными именами часто вновь появлялось въ церкви, но никогда съ большей силой, чѣмъ въ монтанизмѣ". *E. de-Pressensé* Histoire des trois premieres siécles d. Eglise chretienne" I, 131—132 p. Paris 1861. Въ большинствѣ приведенныхъ нами характеристикъ монтанизма (особенно, у протестантскихъ авторовъ) подчеркивается та мысль, что монтанизмъ былъ реакціей противъ омірщенія церкви и ея моральнаго упадка, предпринятой во имя идеала изначальной, первенствующей церкви. Но если даже и принять такой взглядъ, то его необходимо сильно ограничить, чрезъ добавленіе той мысли, что тѣ пути, при помощи которыхъ монтанизмъ хотѣлъ возродить угасающую харизму апостольскаго вѣка, были лишь покушеніемъ съ негодными средствами. Болѣе подробное развитіе и обоснованіе такой, вполнѣ правдивой оцѣнки монтанизма смотри въ диссертаціи *Владиміра Троицкаго* (архим. Иларіона) 327—360 стр.

рону ригористическихъ требованій суроваго іудаистическаго номинализма. Рѣзко выступивши еще въ вѣкъ апостольскій (іерусалимскій Апостольскій соборъ, борьба ап. Павла съ іудействующими, по кн. Дѣян. и посл. къ Римл., Галат. и др.), теченіе это красной нитью проходитъ чрезъ литературу мужей апостольскихъ (Кл. Рим. Варнава, Игн. Бог.), сильно чувствуется въ *Διδαχή* и еще сильнѣе въ „Пастырѣ“ Ермы. Оно-же очевидно конденсируется теперь и въ монтанизмѣ, представляющемъ по взгляду большинства авторитетовъ (Harnack, Bonwetsch, Gwatkin ect.) какъ-бы противоположность либеральному, язычествующему гностицизму. Въ полномъ согласіи съ такимъ взглядомъ стоятъ и слѣдующія выразительныя строки нашего виднаго церковнаго историка, проф. Болотова: „По своему началу, монтанизмъ представляетъ явленіе во многихъ отношеніяхъ противоположное гносису. Насколько въ гносисѣ преобладаетъ характеръ теоретическій, настолько монтанизмъ отличается характеромъ практическимъ. Гносисъ—это доктрина аристократовъ мысли. Центры, изъ которыхъ онъ распространяется,—Александрія, Антіохія, Римъ. Монтанизмъ, такъ сказать, демократиченъ и зарождается въ захолустьѣ“ [1]. Но эта демократичность монтанизма не только не уменьшала, а скорѣй даже увеличивала опасность отъ него: если гностицизмъ привлекалъ верхніе, болѣе образованные и культурные слои населенія, обычно, сравнительно, малочисленные; то монтанизмъ импонировалъ широкимъ простонароднымъ массамъ, всегда такъ падкимъ до разныхъ видѣній, пророчаній и экстатическихъ возбужденій, къ чему влечетъ ихъ благочестиво настроенное чувство, лишенное просвѣщеннаго контроля разума. И далеко не случайно то явленіе, что монтанизмъ, почва для котораго была достаточно готова повсюду, зародился, именно, здѣсь, въ захолустной деревушкѣ, на границѣ Мизіи и Фригіи, т. е. въ странѣ наименѣе культурной и даже дикой, да къ тому-же еще издавна наиболѣе склонной къ проявленіямъ религіозной экзальтаціи и фанатизма [2]).

[1]) Проф. *В. В. Болотовъ* „Лекціи....“ II, 351 стр.

[2]) Еще *Цицеронъ* называетъ фригійцевъ пародомъ „незначительнымъ и пустымъ“—Pro Flacco, 27. Это подтверждаетъ и христіан. писатель *Іустинъ Фил.* въ своемъ „Діалогѣ“ 119. „Фригія была одной изъ странъ древности, наиболѣе склонныхъ къ религіознымъ мечтаніямъ... Христіанство приняло у нихъ съ самаго начала характеръ, по преимуществу, мистическій и аскетическій. Уже Павелъ опровергаетъ въ посланіи къ Колоссянамъ тѣ заблужденія ихъ, въ которыхъ можно было усмотрѣть признаки развившагося впослѣдствіи гностицизма и крайности плохо понятаго аскетизма. Въ другихъ странахъ христіанство почти повсюду стало религіей большихъ городовъ; здѣсь-же, какъ и въ заіорданской Сиріи, оно было религіей маленькихъ городковъ и деревень. Нѣкто Монтанъ, изъ городка Ардабавъ, въ Мидіи, на границѣ Фригіи, съумѣлъ придать этимъ религіознымъ безумствамъ заразительный характеръ, какого они до той поры не имѣли“. *Э. Ренанъ* „Маркъ Аврелій и конецъ античнаго міра. Перев. съ фран. Л. Я. Гуревичъ. СПБ. 1906. 123—124 стр. „Сама Фригія съ точки зрѣнія интеллектуальной не пользовалась доброй репутаціей... Но нравственный характеръ этихъ простецовъ былъ довольно высокій. Эти люди вообще были замѣчательно честны, божились крайне рѣдко. Въ нѣсколько угрюмомъ естественномъ складѣ фригійцевъ заложено было глубокое религіозное чувство, сказавшееся въ особомъ изступленномъ культѣ матери боговъ—Кибеллы, который пользовался здѣсь большимъ распространеніемъ“ проф. *Болотовъ* „Цит. соч.“ 351—2 стр. „Новую профетію“, конечно неправильно выводитъ только изъ фригійскаго народнаго характера, но необходимо признать, что она испытала вліяніе отъ него, сказавшееся въ этой „своеобразной смѣси дикаго энтузіазма и строгости“ *(Harnack* „Die Mission“ 2, II, 180 s.). Нѣкоторое напоминаніе о монтанизмѣ и формахъ его аскезы могутъ дать и современные фригійскіе дервиши“ *Bonwetsch* „Montanismus“ in R-E. XIII, 420 s. (Ср. Tertul. „de jejunio. 2).

Монтанизмъ и гностицизмъ выступили на борьбу съ церковной ортодоксіей почти одновременно; и это было большимъ благомъ для Церкви, потому что оба этихъ противоположныхъ движенія взаимно себя нейтрализовывали. Но было у нихъ нѣчто и такое, въ чемъ они оказывались солидарными и потому вдвойнѣ опасными. Несмотря на всю свою, почти полярную противоположность, гностицизмъ и монтанизмъ, какъ-бы оправдывая извѣстную поговорку: „крайности сходятся“, совпали въ своемъ конечномъ результатѣ—именно, во взглядѣ на самихъ себя и въ характерѣ отношенія къ общецерковному ученію.

Гностицизмъ, какъ извѣстно, считалъ себя высшимъ религіознымъ вѣдѣніемъ, доступнымъ лишь для немногихъ, наиболѣе совершенныхъ христіанъ. Монтанизмъ тоже, какъ мы видѣли, свое новое пророчество считалъ высшей и болѣе совершенной ступенью религіознаго развитія („возрастъ зрѣлости“ Церкви), отличающей „пневматиковъ“ отъ „психиковъ“. Отсюда у монтанистовъ какъ у и гностиковъ, развилось презрительно-высокомѣрное отношеніе къ великой, Христовой Церкви, разсматриваемой не только со стороны ея цѣлаго объема,—гдѣ, конечно, многое могло быть и несовершенно,—но и со стороны самыхъ основъ ея ученія и жизни, т. е. въ отношеніи къ Св. Писанію и къ церковной іерархіи [1]). Монтанизмъ, правда, не отрицалъ ни

[1]) „Оба этихъ движенія нестолько отрицали церковь, нестолько противополагали себя ей, какъ заблуждающейся, сколько ставили себя надъ нею, признавая у себя высшія истины, а въ церкви только низшія. Замѣчательно, что монтанисты, какъ и гностики, себя называли „пневматиками“ spirituales, а

ветхозавѣтнаго, ни новозавѣтнаго канона (что дѣлалъ частично гностицизмъ); но онъ возвышалъ надъ нимъ свою „новую профетію“, призванную якобы исправить и пополнить раннѣйшее откровеніе. „Поэтому совершенно справедливъ былъ упрекъ полемистовъ противъ монтанизма, упрекъ, можетъ быть, имѣющій основаніе въ какомъ-нибудь буквальномъ изреченіи монтанистическихъ писателей, что по воззрѣнію этихъ сектантовъ Св. Духъ гораздо болѣе (plura) сказалъ въ Монтанѣ, чѣмъ во всѣхъ пророкахъ и апостолахъ, и даже открылъ гораздо болѣе высокія тайны (meliora atque majora) въ монтанизмѣ и его пророчествахъ, чѣмъ Христосъ въ Евангеліи“ [1]).

Отсюда-же становится окончательно яснымъ, что монтанизмъ своей проповѣдью новаго, совершеннѣйшаго откровенія и его постояннаго дальнѣйшаго развитія, въ сущности ниспровергалъ все современное христіанство, низводя его на низшую, уже пережитую стадію религіознаго развитія, которую переросло теперь монтанистическое христіанство, христіанство „третьяго завѣта“ и зрѣлаго возраста церкви [2]). Правда, все это монтанизмъ дѣлалъ почти безсознательно и не ведя, во всякомъ случаѣ, открытой, аггрессивной войны съ церковнымъ христіанствомъ. Но implicite все это было, несомнѣнно, въ немъ заложено, а по временамъ даже пробивалось и наружу, въ особенности, въ полемикѣ съ православными по вопросамъ нравственной дисциплины, гдѣ монтанисты открыто унижали церковь и упрекали её „за порчу христіанства“ [3]). Такъ что Hergenröther, по нашему убѣжденію, вполнѣ правъ, когда причисляетъ монтанизмъ къ главнѣйшимъ врагамъ древней церкви, говоря о нихъ слѣдующее: „съ трехъ

членовъ каѳолической церкви „психиками“, душевными. Здѣсь сказалось аристократически-гордое воззрѣніе на каѳолическую церковь, вообще... т. е. для нихъ каѳолическая церковь была нестолько погрѣшающей, заблуждающейся, сколько церковью отсталою“. Проф. *Болотовъ*—367 стр.

[1]) *Ibidem*—366 стр. Срав. *Pseudotertullianus:* „in apostolis quidem dicunt spiritum sanctum fuisse, paracletum non fuisse, et paracletum plura in Montano dixisse, quam Christum in evangelio protulisse“. Взято у *Harnack*'а Dogmengeschichte[4], I, 430, n. 2.

[2]) Здѣсь невольно бросается въ глаза связь древняго монтанизма съ современнымъ „богоискательствомъ“, доходящая чуть не до полнаго тождества ихъ терминологіи („апокалипсическая церковь“, христіанство третьяго завѣта“, „церковь Логоса и Іоанна“, „мистическія переживанія“ и т. п.).

[3]) Всего яснѣе это сказалось въ полемикѣ Тертулліана съ рим. папой Каллистомъ. См. объ этомъ *Erw. Preuschen* „Tertullians Schriften „de poenitentia“ и „de pudicitia“ mit Rücksicht auf die Bussdisciplin untersucht“ Inaug. Dissert. Giessen 1890.

сторонъ церковь въ первые 150 лѣтъ своего существованія была угрожаема серьезными опасностями: со стороны *крайняго іудео-христіанства* (extremen Juden-Christentums), которое желало ввести іудейскій законъ, въ качествѣ основной части мессіанскаго царства; со стороны многообразнаго *гностицизма* (vielgestaltigen Gnosticismus), который стремился пропитать церковное ученіе и религіозную жизнь языческой теософіей и практикой мистерій; и со стороны *монтанизма*, который личную профетическую инспирацію (вдохновеніе) отдѣльнаго человѣка противопоставлялъ церковному преданію и авторитету церковныхъ предстоятелей“ [1]).

Въ послѣднихъ словахъ Hergenröther'а мы усматриваемъ вторую, типичнѣйшую и опаснѣйшую черту монтанизма,—именно, то, что монтанизмъ, какъ специфическій продуктъ псевдо-харисмы, былъ принципіально враждебенъ должностной іерархіи церкви. Но и здѣсь, такъ же какъ и раньше, этотъ принципіальный антагонизмъ больше внутренно чувствовался и выводился, чѣмъ выражался въ какихъ-либо открытыхъ, внѣшнихъ формахъ. Однако послѣдовательно логическое отрицаніе должностной іерархіи было въ монтанизмѣ самымъ сильнымъ и яснымъ. Въ самомъ дѣлѣ, если Христова церковь, достигшая возраста совершенной зрѣлости, должна руководиться только Самимъ Богомъ или Его Святымъ Духомъ (Параклетомъ), говорящимъ чрезъ своихъ избранныхъ пророковъ, то всякая другая начальственная іерархія, помимо пророческой, очевидно не нужна и излишня въ церкви; а если и можетъ быть въ ней терпима, то только развѣ для несенія низшихъ служебныхъ обязанностей, на подобіе церковныхъ ordines minores. „Правда, и въ ихъ (т. е. монтан.) собственныхъ обществахъ существовала своего рода іерархія, были пророки, пророчицы, начальники и даже члены „клира“; но всѣ эти лица выводили свои полномочія не отъ видимой каѳолической церкви и ея епископовъ, а непосредственно отъ Святаго Духа. Въ царствѣ Параклета и Церкви Духа, учили монтанисты, непосредственнымъ, единственнымъ и исключительнымъ руководителемъ людей долженъ быть самъ Духъ Святой: „церковь не въ числѣ епископовъ; она есть Святой Духъ въ духовныхъ людяхъ (*Тертул.* De pudic. cap. 21). Всѣ вѣрующіе уже по тому самому, что они духовные, „пневматики“, имѣютъ непосредственное озареніе отъ Духа,

[1]) *Hergenröther-Kirsch* Op. cit. 189. *A. Neander* усматриваетъ въ монтанизмѣ помраченіе христіанскаго принципа, съ одной стороны, въ пользу іудейства, съ другой,—язычества. Allgemeine Geschichte d. ch. Rel. I 286 s. Gotha 1856.

и, слѣдовательно, могутъ пользоваться Его наитіемъ и откровеніями и вступать въ непосредственное общеніе съ Богомъ“ [1]).

Такимъ образомъ, идея всеобщаго священства и чрезвычайной, харисматической іерархіи была, можно сказать, душой монтанизма, его главнымъ и основнымъ пунктомъ. А чрезъ это самое монтанизмъ, разумѣется, въ корнѣ подрывалъ всю клерикальноіерархическую организацію церкви и выступалъ молчаливымъ, но очень рѣшительнымъ и грознымъ ея противникомъ [2]). Опасность эта еще больше возрастала отъ того, что свой антицерковный протестъ монтанизмъ поднималъ не во имя какого-либо

[1]) Прот. *Д. Касицынъ* Цит. статья. Приб. къ тв. св. от. 43 ч. Москва 1889 г. 455 стр. Къ тому-же административная организація возникла въ монтанизмѣ сравнительно уже позже, а никакъ не во 2 в.

[2]) Въ подтвержденіе этого сошлемся, прежде всего, на главнаго спеціалиста по монтанизму—*Bonwetsch*'а: „Монтанизмъ—говоритъ онъ—выступаетъ въ двоякой (doppelten) противоположности относительно должностной іерархіи (kirchlichen Amt—церковной должности). Существо церкви состоитъ не въ благодати, изливающейся на церковь черезъ посредство должности, но въ благочестіи (Frömmigkeit) отдѣльныхъ членовъ церкви, которые получаютъ къ этому пророческое руководство (Anleitung); и не носителями должности—епископами стоитъ порядокъ церкви (das Regiment in Kirche), но свободно избранными, чрезъ Его инспирацію, органами Духа... Монтанизмъ есть, слѣдовательно, представитель (Vertreter—защитникъ) общины противъ іерархическихъ притязаній епископата“ „Die Geschichte Montanismus“ 116—117 s. Къ отрѣшенію монтанистовъ отъ всякой церковной организаціи побудительно располагали и тѣ напряженныя эсхатологическія ожиданія, которыя особенно характерны были, именно, для начальнаго, малоазійскаго монтанизма, съ его наивной проповѣдью собираться всѣмъ въ Пепузъ и ожидать здѣсь спуска съ небесъ новаго Іерусалима—*Bonwetsch* „Montanismus“ in RE^3, XIII, 422 s. Укажемъ также и на отзывъ виднаго англійскаго церк. историка Gwatkin, который, въ главѣ о монтанизмѣ, между прочимъ, говоритъ: „монтанизмъ былъ протестомъ, обусловленнымъ интересами духовной религіи противъ роста механическаго оффиціализма и противъ отнятія у мірянъ ихъ царственнаго призванія къ высшему священству“... „The Early Church“... II, 87. Что „монтанизмъ... противопоставлялъ іерархіи авторитетъ своихъ пророковъ, въ которыхъ говорилъ самъ Богъ“ признаетъ и нашъ ученый историкъ—проф. *Болотовъ* „Цит. соч.“ II, 365 стр. Болѣе подробно раскрываетъ и аргументируетъ тѣ-же мысли и авторъ новой серьезной монографіи по исторіи догмата о церкви—*Вл. Троицкій*, который типичнѣйшими чертами монтанизма признаетъ „ученіе о святости церкви въ смыслѣ нравственнаго совершенства ея членовъ, присвоеніе власти ключей только монтанистическимъ пророкамъ и отрицаніе этой власти у іерархіи психиковъ“. И онъ-же, подводя итоги своему изслѣдованію объ экклезіологіи монтанистической эпохи, еще опредѣленнѣе заявляетъ: „въ связи съ своимъ ученіемъ о новомъ откровеніи монтанисты отрицали власть епископовъ вязать и рѣшить смертные грѣхи и приписывали эту власть одному только Богу и своимъ пророкамъ, въ которыхъ говорилъ самъ Богъ“. „Очерки изъ исторіи догмата о церкви“ 337 и 359 стр. Сер. Пос. 1912.

новшества,—всегда отпугивающаго робкіе умы,—а во имя возврата къ высокочтимой старинѣ, къ благодатной харисмѣ апостольскаго вѣка, что одно уже должно было сильно располагать въ его пользу всѣхъ строгихъ консерваторовъ. Вотъ почему огромный успѣхъ монтанизма, чуть-ли даже не самое его происхожденіе, нѣкоторые историки пытаются объяснить исключительно только этимъ духомъ оппозиціи и протеста противъ усиленія клерикальной организаціи церкви, во имя ея изначальной харисматической свободы [1]). Конечно, такое мнѣніе — крайность и крайность довольно очевидная, потому что нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, предполагать сознательный идейный протестъ у самыхъ неразвитыхъ и малокультурныхъ элементовъ христіанства. Но что въ основѣ его

[1]) Самымъ яркимъ выразителемъ такихъ взглядовъ является тюбингенецъ *A. Schwegler*, который въ своей извѣстной монографіи о монтанизмѣ (Der Montanismus und die christliche Kirche d. zweit. Jahrhunderts“ Tübingen 1841) пытается доказать, что монтанизмъ былъ не расколомъ, и, вообще, не новымъ движеніемъ въ христіанской церкви, а прямымъ продолженіемъ древняго, примитивнаго христіанства,—христіанства ап. Павла и коринѳской церкви, съ ея обиліемъ духовныхъ дарованій и пневматической глоссолаліей (83 s. usw.), и что даже наоборотъ, великая церковь, осудившая монтанизмъ, тѣмъ самымъ сама отказалась отъ завѣтовъ первенствующаго христіанства и приняла иное, какъ обычно технически называютъ его нѣмцы, „каѳолическое“ направленіе, характеризуемое созданіемъ прочной, правовой іерархіи и господствомъ укоренившейся, обязательной традиціи. Самые же корни монтанистическаго духа Schwegler отыскиваетъ еще въ ессенизмѣ и евіонитствѣ: „Er ist nämlich, um das Resultat des Folgenden vorwegzunehmen, in dieselbe Reiche dogmatischer Bestrebungen einzufügen, welche sich in ihren mannigfaltigen Entwicklungsformen von ihrer Wurzel, dem Essäismus, an durch die Partei der korinthischen Irrlehrer und die Ebioniten des Epiphanius hindurch bis zu den pseudoclementinischen Homilien als ihrem warscheinlischen Culminationspunkt verfolgen lässt.“ (90—91 s.). Schwegler настолько увлекается созданной имъ теоріей борьбы „каѳолической“ церкви съ „примитивной“, что, вопреки всякой очевидности, готовъ отрицать историческое существованіе личности Монтана и объяснять такое, а не иное, названіе этого движенія чистой случайностью (243 s. и sq.). Подъ вліяніемъ Schwegler'a, надо думать, стоитъ и Al. Ritschl, который также происхожденіе монтанизма объясняетъ борьбой различныхъ церковныхъ теченій („Die Enstehung der altkatholischen Kirche“ Bonn, 1857. 463 s.). Не далеко отъ нихъ ушелъ и *Э. Ренанъ*, который особенно подчеркиваетъ моментъ клерикальной оппозиціи въ монтанизмѣ: „простые, но экзальтированные умы вообразили себя призванными возстановить чудеса личнаго откровенія внѣ отяжелѣвшихъ цѣпей церкви и епископата... Въ данномъ случаѣ, пророчество исходило изъ среды народа; оно совершенно не считалось съ мнѣніями духовенства и желало управлять Церковью помимо церковной іерархіи... Подобно средневѣковымъ флягеллянтамъ, они (монтан. аскеты) черпали въ своемъ поведеніи мотивъ для безумной гордости и возмущенія противъ духовенства“. „Маркъ Аврелій и конецъ античнаго міра“—123, 125 и 130 стр.

лежитъ все-же извѣстное и довольно значительное зерно истины—это стоитъ внѣ сомнѣнія: только протестъ этотъ слѣдуетъ признать, больше, непосредственнымъ и, такъ сказать, инстинктивнымъ, чѣмъ сознательно продуманнымъ и планомѣрно осуществленнымъ. Но такой инстинктивный, почти безсознательный протестъ противъ клерикальнаго строя церкви былъ еще опаснѣе для него, какъ всякое темное, наполовину-стихійное, простонародное движеніе; и естественно, что церковная іерархія должна была напрячь всѣ свои силы для борьбы съ этимъ опаснѣйшимъ для нея врагомъ, угрожавшимъ самому ея существованію, или, по крайней мѣрѣ, той начальственно-руководящей роли ея въ церкви, которую эта іерархія только-что было получила въ церковномъ управленіи и жизни.

Теперь мы, надѣемся, уже достаточно выяснили, чѣмъ, въ сущности, былъ монтанизмъ въ нѣдрахъ древней церкви и какую огромную опасность таилъ въ себѣ онъ для нея. Можно, не боясь преувеличенія, пожалуй, даже сказать, что изъ всѣхъ враговъ тогдашней церкви монтанизмъ былъ самымъ грознымъ и опаснымъ для нея, потому, что, во-первыхъ, онъ являлся самымъ близкимъ, внутреннимъ, такъ сказать, домашнимъ; а, во-вторыхъ и потому, что онъ апеллировалъ къ лучшимъ воспоминаніямъ и чувствамъ (реминисценція апостольскаго вѣка и требованія аскетической морали). Монтанизмъ, можно сказать, ребромъ ставилъ самый вопросъ о бытіи и сущности христіанства, какъ извѣстной религіозно-исторической формы. Если-бы въ борьбѣ съ церковной ортодоксіей побѣдилъ онъ, то обѣ главныхъ опоры христіанства—Св. Писаніе и іерархія—утратили-бы свое значеніе и вся линія развитія исторической церкви приняла-бы существенно иное, принципіально отличительное направленіе. И это настолько очевидно, что въ полной мѣрѣ признается даже Ренаномъ: „простодушные безумцы Фригіи,—говоритъ онъ,—покушаясь на епископство, въ самомъ дѣлѣ готовили смерть христіанству. Если-бы восторжествовалъ принципъ личнаго вдохновенія—ученіе объ откровеніяхъ и ихъ постоянныхъ видоизмѣненіяхъ—христіанство зачахло-бы въ тайныхъ сходкахъ эпилептиковъ... Если-бы всѣ вѣрующіе имѣли-бы одинаковое право на священство, на духовные дары, на совершеніе таинствъ, наступила-бы полная анархія“ [1]).

Само собою понятно, что и борьба церкви съ монтанизмомъ должна была вестись въ полномъ соотвѣтствіи съ такимъ угро-

[1]) *Эрн. Ренанъ* „Маркъ Аврелій и конецъ античнаго міра“. Перев. съ франц. Л. Я. Гуревичъ 139 стр. СПБ. 1906 г.

жающимъ его характеромъ. Она не могла ограничиваться только небольшими внутренними совѣщаніями, или соборикамн однихъ мѣстныхъ церквей,—какъ то думаетъ напр. Sohm,—а необходимо требовала дружнаго напряженія всѣхъ силъ учащей и правящей церкви [1]). Въ особенности, энергичной и дружной вынуждена была оказаться, нестолько даже атака, сколько самооборона *должностной іерархіи* (епископата и, вообще, клира), лишавшейся, благодаря монтанизму, почти всякаго значенія и низводившейся на низшія служебныя роли [2]). Іерархія, если хотѣла спасти свое положеніе, необходимо должна была сплотиться и дружно ударить на общаго врага. Такъ что не будь у насъ совершенно никакихъ историческихъ извѣстій о противомонтанистическихъ соборахъ 2-го в. мы и тогда неминуемо должны были-бы предположить ихъ существованіе, какъ это признаетъ даже и тюбингенецъ Schwegler, усматривающій въ этой напряженной борьбѣ православія съ угрожавшей ему опасностью чуть-ли не первичное зарожденіе самого института церковныхъ соборовъ [3]). Къ счастію, мы располагаемъ и цѣннымъ общимъ указаніемъ Евсевія на многочисленные и повсюдные противомонтанистическіе соборы (V, 16, 10) и еще болѣе важнымъ конкретнымъ указаніемъ на Іерапольскій соборъ, съ документальными выдержками изъ окружной грамматы этого собора, подробный анализъ чего мы дали выше [4]).

[1]) *R. Sohm* „Kirchenrecht“ I, 272 usw. Говоря такъ, мы, однако, отнюдь не думаемъ отрицать существованія этихъ маленькихъ соборовъ мѣстныхъ церквей, или, выражаясь точнѣе, ихъ пленарныхъ собраній (Gemeindversammlung). Что подобныя собранія, несомнѣнно, были, что на нихъ присутствовали иногда вліятельные постороннія лица, и что такія собранія, по временамъ, объединяли членовъ не только мѣстной, но и сосѣдней церкви, обо всемъ этомъ выше (стр. 104-ая и сл.) мы говорили подробно. Теперь-же мы хотимъ подчеркнуть лишь то, что нельзя къ подобнымъ соборикамъ сводить всю церковную борьбу съ монтанизмомъ: онъ грозилъ всей церкви и грозилъ очень серьезно, такъ что тѣмъ самымъ вызывалъ и ее на дружный, сплоченный протестъ, выраженіемъ котораго и должны были явиться болѣе обширные церковные соборы.

[2]) *H. Achelis* Das Christentum... II, 44: „Die Bischofe witterten in der Prophetie den Gegner, nahmen den Kampf auf und traten den Montanisten entgegen im Angesicht ihrer Gemeinden“.

[3]) *Schwegler:* „Selbst ein geschichtlicher Zusammenhang beider Seiten geht aus dem Umstand hervor, dass Kleinasien als das eigentliche Vaterland der Concilien erscheint, und das eben der Montanismus es war, der die erste Provincialsynode veranlasst hat“ Op. cit. 235 s. Толчкомъ къ пробужденію соборной работы церкви считаетъ монтанистическое движеніе и авторъ спеціальной монографіи о происхожденіи древнихъ соборовъ—*K. v. Schwartz* „Die Entstehung der Synoden in der alten Kirche“ 78 s. Leipzig 1898. А также и *Bonwetsch.* „Op. cit.“—154 s.

[4]) См. II отд. съ 116—125 стр.

Все вышеизложенное уполномачиваетъ насъ на выводъ, что при первомъ-же появленіи монтанизма, какъ только успѣлъ въ достаточной мѣрѣ выясниться его соблазнительный для многихъ и угрожающій для церкви характеръ, противъ него тотчасъ-же началась энергичная церковно-соборная борьба. Первоначально, надо полагать, она состояла въ рядѣ общихъ собраній отдѣльныхъ мѣстныхъ церквей, во главѣ съ ихъ епископами; затѣмъ, она перешла въ групповыя собранія двухъ-трехъ сосѣднихъ церквей и, наконецъ, выразилась въ болѣе обширныхъ соборахъ, наподобіе Іерапольскаго, объединявшихъ на себѣ представительство даже нѣсколькихъ политическихъ провинцій. На этихъ послѣднихъ, наиболѣе интересныхъ соборахъ, послѣ подробнаго изслѣдованія и обличенія монтанистическихъ заблужденій, выносилось рѣшительное осужденіе ихъ (способное возбудить отвращеніе отъ ереси—Euseb. V. 19. 2), которое излагалось въ видѣ особаго соборнаго посланія, подписывалось членами собора и разсылалось въ копіяхъ по другимъ церквамъ, вѣроятно, наиболѣе угрожаемымъ отъ монтанизма. Хотя подобные соборы и не были исключительно епископскими (на нихъ еще присутствовали, напр. „исповѣдники"), однако епископатъ имѣлъ здѣсь преобладающее значеніе. Помимо личнаго авторитета многихъ видныхъ епископовъ того времени (Аполлл. Іерап., Мелитона Сардик., Діон. Коринѳ., Сагириса Лаод., Сераріона Антіох. и др.), это объяснялось и епископальнымъ, (а не приходскимъ) строемъ церковнаго управленія, и выборнымъ началомъ самого епископата, и тѣмъ положеніемъ, какое онъ занималъ въ церкви, въ качествѣ преемника апостольскаго достоинства и стража древней традиціи [1]), и наконецъ, бо́льшей, чисто личной заинтересованностью епископата въ борьбѣ съ монтанизмомъ, который наиболѣе ядовитыя стрѣлы своей полемики направлялъ, именно, на епископатъ. Въ этомъ смыслѣ особенно храрактерна одна фраза Тертулліана: „и потому церковь даже прощаетъ прегрѣшенія, но церковь духовная, чрезъ духовнаго человѣка, а не церковь—*число епископовъ*" [1]). Характерна она уже и потому, что здѣсь епископатъ выставляется въ обидномъ свѣтѣ, какъ синонимъ ложной церкви; но еще болѣе характерна она со стороны довольно загадочнаго термина „число или множество епископовъ" (numerus episcoporsum). Въ самомъ дѣлѣ, пневматическую церковь монтанистовъ Тертулліанъ противополагаетъ здѣсь какому-то собирательному понятію объединеннаго епископата. Но откуда у него могла возникнуть самая мысль о такомъ коллективномъ епископатѣ, при той относительной разобщенности и автономности, въ условіяхъ которой находились древнія мѣстныя церкви и ихъ епископы? Наиболѣе удовлетворительнымъ отвѣтомъ, по нашему мнѣнію, можетъ служить та догадка, что Тертулліанъ отправляется здѣсь отъ общеизвѣстнаго факта епископскаго собранія, или собора, составлявшагося для осужденія монтанизма. Такъ какъ подобные соборы, надо полагать, пользовались высокимъ авторитетомъ въ глазахъ христіанъ и авторитетъ этотъ, вѣроятно, возрасталъ пропорціонально числу или количеству съѣзжавшихся на соборъ епископовъ; то Тертулліанъ, чтобы уронить авторитетъ такихъ соборовъ, и говоритъ, что „число епископовъ" въ дѣлѣ выясненія истины не играетъ ровно никакой роли, такъ какъ духовная истина открывается, даже хотя-бы и одному, но непремѣнно духовноодаренному человѣку, какимъ не является ни одинъ епископъ самъ по себѣ, а слѣдовательно, и какое угодно количество, или число (numerus) ихъ. А что Тертулліанъ, дѣйствительно, зналъ про соборную дѣятельность церкви, это ясно изъ его категорическаго свидѣтельства о „соборахъ по всей Греціи", въ которомъ нѣкоторые видятъ намекъ на тѣ, именно, церковные соборы эллинизованной Малой Азіи, а также Ѳракіи и собственно Греціи, которые получили особенное оживленіе въ связи съ монтанизмомъ и могли происходить на обѣихъ сторонахъ, т.-е. какъ на православной, такъ даже и на схизматической [2]). Правда, цитата

[1]) На преобладающую роль епископата указываетъ и то, что большинство писателей - антимонтанистовъ было изъ числа епископовъ (Мелитонъ Сард., Аполл. Лаод., Серап. Антіох., Мильтіадъ?). Всего-же больше за это говоритъ общая роль епископата той эпохи, относительно чего даже либеральный протестантскій канонистъ *Bickel* говоритъ такъ: „въ теченіе уже этого періода епископатъ разсматривался, какъ органъ единства разрозненныхъ христіанскихъ общинъ и потому епископы были тѣми лицами, которыя устанавливали связи съ внѣшними церквами". „Geschichte des Kirchenrechts" I, 30—31 s. Giessen 1843.

[1]) *Tertull.*: „Et ideo ecclesia quidem delicta donabit, sed ecclesia spiritus per spiritalem hominem, non ecclesia *numerus episcoporum*" „De pudititia", c. 21.

[2]) *Tertullianus* „Aguntur praeterea per Graecias illa certis in locis consilia ex universiis ecclesiis, per quae et *altiora quaeque* (курс. нашъ) in commune tractantur et ipsa repraesentatio totius nominis Christiani magna veneratione celebratur" De Jejun. 13 c. *Harnack* подъ Греціей разумѣетъ здѣсь, преимущественно, малоазійскую провинцію „Азію", наиболѣе сильно эллинизованную и заселенную Греками. Онъ находитъ, что, именно, здѣсь всего сильнѣе была развита соборная форма, имѣвшая для себя прецедентъ въ широкой практикѣ гражданскихъ провинціальныхъ собраній—Mission und Ausbreitung²... II, 155—156 Vorb., со ссылкою на *Lübeck*'а „Reichseinteilung und kirchliche Hierarchie des Orients" § 3 Provinzallandtag und Provinzialsynode—32—45 s. Münster 1901.

Тертулліана безспорна лишь для соборовъ его времени, т.-е. начала III-го вѣка и она еще довольно гипотетична для соборовъ половины II-го вѣка, о которыхъ говоримъ мы. Но и въ этой цитатѣ есть одно выраженіе (et altiora quaeque и „нѣкоторые болѣе раннѣйшіе", разумѣются „соборы"), которое даетъ право предположить знакомство Тертулліана и съ раннѣйшими церковными соборами, въ томъ числѣ и съ антимонтанистическими [1]).

IV.

Хронологія ранняго монтанизма и соборовъ противъ него.

Намъ остается разсмотрѣть послѣдній вопросъ, связанный съ монтанизмомъ, это—хронологію его соборовъ. Онъ имѣетъ для насъ тѣмъ бо́льшій интересъ, что это—въ сущности, начальная дата исторіи церковныхъ соборовъ вообще, такъ какъ съ нея именно (а не съ іерусалимскаго, Апостольскаго собора) идетъ ихъ непрерывающаяся нить. Къ сожалѣнію, хронологія антимонтанистическихъ соборовъ далеко не отличается желательной точностью и ее приходится устанавливать не безъ труда, и то лишь приблизительно [2]).

Какъ это мы уже не разъ указывали выше, антимонтанистическіе соборы должны быть отнесены къ начальной порѣ этого движенія, не раньше, но и не позже 10—15 лѣтъ съ момента перваго выступленія Монтана и двухъ его пророчицъ—періода, въ теченіе котораго новая проповѣдь и успѣла-бы достаточно распространиться и могла-бы выявить свою грозную для церкви опасность [1]). Такъ что весь вопросъ сводится, въ сущности, къ выясненію того, когда-же начался самый монтанизмъ?

Существуетъ авторитетная прямая и точная дата времени выступленія Монтана на проповѣдь: это—указаніе Евсевіева анонима, что Монтанъ началъ пророчествовать „въ проконсульство Грата" (Euseb. V, 16, 7, 462 s.). Но, къ великому огорченію, мы не можемъ воспользоваться этимъ указаніемъ, такъ какъ до сихъ поръ еще не извѣстно время названнаго проконсульства. Если, впрочемъ, принять остроумную догадку Zahn'a и Bonwetsch'a, что имя „Гратъ" образовалось здѣсь вслѣдствіе случайной порчи текста изъ имени „Кодратъ" (*κατὰ Κοδρᾶτον*, при древнемъ scriptio continua, благодаря ошибкѣ зрѣнія или слуха переписчика легко могло превратиться въ *κατὰ Γρᾶτον*), то получается уже болѣе твердая историческая база. Съ именемъ „Кодратъ" извѣстны два малоазійскихъ проконсула: одинъ—управлявшій въ 155 году, другой—въ 166 году; оба этихъ года, въ особенности первый, вполнѣ пріемлемы [2]).

Другая, вполнѣ опредѣленная дата, принадлежащая уже самому Евсевію и занесенная имъ въ „Хронику", помѣщаетъ возникновеніе монтанизма подъ 172 г. [3]). Но она не безъ основанія

---

[1]) Мы уже отмѣчали выше (131 стр. прим. 2-ое) оригинальную догадку Вагопі'я, что вышеприведенная цитата Тертулліана касается, будто-бы, только монтанистическихъ соборовъ. Во первыхъ, ниоткуда не извѣстно, чтобы монтанисты организовывали свои соборы. Во вторыхъ, если допустить существованіе соборовъ у монтанистовъ (ничѣмъ въ исторіи себя не обнаружившихъ), то съ гораздо бо́льшимъ правомъ слѣдуетъ признать наличность такихъ-же соборовъ у православныхъ, явные слѣды чего сохранила и исторія.

[2]) Выразительную жалобу на трудность точной хронологической датировки начала монтанизма находимъ мы у *Harnack'a*: „твердая установка хронологіи монтанизма стоитъ подъ сложными условіями. Съ одной стороны, нѣтъ другаго явленія въ церковной исторіи 2-го вѣка, для котораго мы располагали-бы столь большимъ хронологическимъ матеріаломъ; съ другой стороны, матеріалъ этотъ въ значительной части не можетъ быть нами использованъ, такъ какъ онъ еще не расшифрованъ" Die Chronologie, I, 363—364 s. Еще конкретнѣе указываетъ на эти трудности *Bonwetsch:* „трудности, которыя представляетъ хронологія монтанизма, выясняются уже изъ той разницы на цѣлыхъ полвѣка (126—180 г.) между различными датами, которыя принимаются для профетическаго выступленія Монтана" „Die Gesch. Montan." 140 s.

[1]) Такого мнѣнія, между прочимъ, держится и *Harnack*, у котораго оно является выводомъ изъ анализа извѣстнаго текста Евсевія о первыхъ соборахъ противъ монтанизма (*Euseb.* V, 16, 10): Es hat also mehrere Jahre gedauert, bis die Excommunication erfolgte". Die Chronol. I, 367 s.

[2]) Повидимому, честь открытія этой догадки склоненъ приписать себѣ Dan. Völter, который въ одномъ изъ примѣчаній къ статьѣ своей Das Ursprungsjahr des Montanismus говоритъ такъ: meine a. a. O. aufgestellte Vermuthung, dass *Γράτος* verschrieben sei aus *Κοδράτος*, hatte die Annahme zur Voraussetzung, dass das Jahr 156 wirklich das Ursprungsjahr des Montanismus sei. Но вся бѣда въ томъ, что здѣсь же Völter и отказывается отъ этого предположенія; тогда какъ Zahn и въ особенности Bonwetsch продолжаютъ его держаться. См. *Bonwetsch* „Montanismus"—in RE³, 419, 1—2.

[3]) Указанная дата „Хроники" Евсевія имѣетъ и нѣкоторые варіанты. По изд. Schoene, „Хроника", дѣйствительно, указываетъ 2181 г. отъ Авраама, что въ переводѣ на христіанское счисленіе, даетъ 172-ой годъ. А въ обработкѣ, или точнѣе, въ переводѣ этой „Хроники" бл. Іеронимомъ стоитъ даже 173 г., подъ которымъ значатся слѣдующія событія: „славится Аполлинарій, іерапольскій епископъ, въ Азіи. Славится Діонисій еп. Коринѳскій и Пинитъ критскій, мужъ краснорѣчивѣйшій. Получаетъ начало лжепророчество, называемое „Катафрига", исходящее отъ Монтана и безумныхъ пророчицъ Прискиллы и Максимиллы" (Творенія бл. Іерон. V, 376 стр. Кіевъ 1879). Наконецъ, въ такъ на-

многими заподазривается, какъ слишкомъ поздняя и не согласующаяся съ свидѣтельствами другихъ историковъ (Епиф., Іерон.) и съ показаніями исторіи самого же Евсевія [1]). Такъ что Harnack, а за нимъ и Bonwetsch, для объясненія ея придумали нелишенную вѣроятія гипотезу, что подъ 172-ымъ годомъ „Хроники" разумѣется не первичное выступленіе Монтана, а вторичное—то, которое уже подвигло на энергичный отпоръ самаго ранняго и, пожалуй, самаго виднаго тогдашняго антимонтаниста—Аполлинарія, еп. Іерапольскаго [2]).

Существуетъ еще и третья, наиболѣе опредѣленная и положительная дата возникновенія монтанизма, принадлежащая ересеологу IV в. Епифанію Кипрскому. Въ спеціальной главѣ о „катафригахъ" (т. е. монтанистахъ), Епифаній прямо заявляетъ: „они возникли около 19-го года Антонина Пія, преемника Адріана" [3]). А такъ какъ Антонинъ Пій царствовалъ съ 10-го Іюля 138 г. по 7 Марта 161 года, то 19-й годъ его правленія падаетъ, слѣдовательно, на время съ 10-го Іюля 156 г.—10 Іюля 157 года. Правда, категоричность Епифаніевой хронологіи монтанизма пытаются ослабить, во-первыхъ, общимъ соображеніемъ, что онъ плохой хронологъ, а во-вторыхъ и конкретнымъ указаніемъ на другую, совершенно противорѣчивую дату изъ той-же начальной эпохи монтанизма (*Haer.* 48, 5) [4]). Но Zahn прекрасно устранилъ оба этихъ возраженія. Первое—тѣмъ, что Епифаній въ данномъ случаѣ выступаетъ не хронологомъ—нерѣдко. дѣйствительно. погрѣшающимъ,—а историкомъ, и притомъ историкомъ, передающимъ точныя чужія даты. Относительно-же второго указанія, опирающагося на якобы несомнѣнное противорѣчіе Епифанія съ послѣдующимъ контекстомъ, Zahn утверждаетъ, что здѣсь на лицо, болѣе или менѣе, очевидная корректурная ошибка,—вмѣсто „девятнадцати" *(ἐννεακαίδεκα)* поставлено „девяносто" *(ἐννενήκοντα)*,—по исправленіи которой все заподазриваемое мѣсто по-

зываемой „Пасхальной Хроникѣ" (стоящ. подъ сильнымъ вліяніемъ Евсевіевой „Хроники") и вовсе указываетъ 182-ой годъ, какъ время, когда *ἄθεος ψευδοπροφητεία Μοντανοῦ καὶ τῶν σὺν αὐτῷ παραπλήγων γυναικῶν αὐτοῦ Πρισκίλλας καὶ Μαξιμίλλας συνέστη. Ed. Dind.* I, 490.

[1]) *Euseb.* IV, 27; V, 16, 1. 7. 19; 17, 4. и др.

[2]) *Ad. Harnack* „Chronologie"... I, 369 s. *N. Bonwetsch* „Montanismus" in RE³, 419, 18—19.

[3]) *Epiph.* „Haeres." 48. 1: *αὐτοὶ γὰρ γεγόνασι περὶ τὸ ἐννεακαιδέκατον ἔτος Ἀντωνίνου τοῦ Εὐσεβοῦς τοῦ μετὰ Ἀδριάνον.*

[4]) *Ibid.* 48, 2: *ἔτη γάρ ἐστιν ἕκτοτε πλείω ἑλάσσω διακόσια ἐννενήκοντα ἕως τοῦ ἡμετέρου χρόνου δωδεκάτου ἔτους Οὐαλεντινιανοῦ καὶ Οὐάλεντος καὶ Γρατινιανοῦ βασιλείας".*

лучаетъ такой видъ и смыслъ: „съ того времени (года смерти пророчицы Максимиллы) прошло около 219 л. (а не 290 л.) до нашего времени, т. е. до 12-го года правленія Валентиніана, Валента и Граціана", (что приходится на 375—376 г. по Р. Х.). Произведя указанное вычисленіе 375—219, мы получаемъ 156 г. какъ годъ смерти Максимиллы [1]). Но такъ какъ и этотъ годъ еще плохо вяжется съ другими хронологическими датами, то Harnack предполагаетъ въ первоначальной датѣ Епифанія (290 г.) ошибку на цѣлое столѣтіе (надо-бы 190 г.), и тогда годомъ смерти Максимиллы (375—190) былъ бы 185-й годъ, что, надо думать, стоитъ гораздо ближе къ истинѣ [2]).

Годъ смерти пророчицы Максимиллы, въ качествѣ отправной хронологической даты, фигурируетъ также и у Евсевія, или точнѣе у его „анонима", у котораго читаемъ: „отъ смерти сей пророчицы (предсказывавшей, какъ видно изъ предыдущаго контекста, смятенія и войны, послѣ ея смерти) до настоящаго времени протекло уже болѣе тринадцати лѣтъ *(πλείω γὰρ ἢ τρισκαίδεκα ἔτη)* а на землѣ не было ни частной, ни общей войны; даже сами христіане, по милосердію Божію, наслаждались болѣе постояннымъ миромъ" [3]). Такой продолжительный періодъ непрерывнаго политическаго и церковно-христіанскаго мира, по свидѣтельству ученыхъ авторитетовъ (Harnack, Zahn, Bonwetsch etc.), удобнѣе всего отнести ко времени царствованія императора Коммода (17 Марта 180 г.—31 Дек. 192 г.), растянувъ его и на нѣсколько мѣсяцевъ управленія имперіей Пертинакса и Дидія Юліана [4]). Тогда, вычтя 13 л. изъ 193—192 г., мы получаемъ 178—180 г. какъ годъ смерти пророчицы Максимиллы. А изъ свидѣтельства Евсевіева „анонима" слѣдуетъ, что Монтанъ и Максимилла

[1]) *Zahn* „Die Chronologie des Montanismus" 30 s. Forschungen V th. Erlan. und Leipz. 1893.

[2]) *Harnack:* „Ich vermuthe also, dass „190" Jahre (für 290) zu lesen sind". Die Chronolog. I, 373 s. Причемъ Harnack усиленно подчеркиваетъ не абсолютный, а приблизительный смыслъ этой цифры „около 190 л.", именно, какъ онъ думаетъ, 196—197 л., такъ какъ за годъ смерти Максимиллы, онъ, на основаніи цѣлаго ряда изысканій, входитъ въ которыя намъ нѣтъ здѣсь надобности, принимаетъ 179—180-й годъ.

[3]) *Евсевій,* V, XVI, 293 стр. Ср. V, XVII, 295 ср. выдержку изъ сочин. Миліадиада: „хотя отъ смерти Максимиллы идетъ уже четырнадцатый годъ". *Euseb.* V, 16, 19—468 s. и 17, 4, 472 s.

[4]) *Harnack:* „Der hier geforderte Zeitraum einer 13 jährigen Periode des friedens im Reiche (keine Kriege) und der Rue für die Christen ist schlechterdings nur in der Zeit des Commodus zu finden" Chronologie I, 364—365 s. Ср. *Bonwetsch* RE³, XIII, 419 и *Zahn* „Op. cit." 19 s.

померли не въ одно и то-же время: „не вмѣстѣ, но каждый въ опредѣленное время своей смерти“, [1]) и судя по всему контексту Евсевіева повѣствованія, Монтанъ умеръ раньше Максимиллы, которая умирала послѣдней изъ первоначальной монтанистической „троицы“ (Монтанъ, Прискилла и Максимилла), почему она и могла предсказывать наступленіе послѣ ея смерти конца всего міра [2]). Потому, смерть Монтана мы никакимъ образомъ не можемъ отнести позже 172—176 года. Да, разумѣется, не меньше 15—20 лѣтъ должны мы отвести и на его сектантскую пропаганду для того, чтобы она могла получить то широкое распространеніе и то глубокое вліяніе, какое она имѣла на всемъ малоазійскомъ востокѣ, простираясь и за его предѣлы (Ѳракія, Галлія). А въ такомъ случаѣ, вычтя изъ 176—20, мы опять получаемъ цифру 156, какъ годъ выступленія Монтана съ его новой проповѣдью.

Цѣлый рядъ важныхъ, косвенныхъ указаній для хронологіи первичнаго монтанизма данъ въ трактатѣ и еще одного писателя антимонтаниста—нѣкоего Аполлонія, буквальными выдержками изъ котораго наполнена вся XVIII гл. V-ой кн. церковной исторіи Евсевія. Свою полемику съ монтанистическими пророками Аполлоній основываетъ на критикѣ ихъ ложныхъ пророчествъ и еще болѣе на характеристикѣ ихъ безнравственнаго образа жизни,—чревоугодія, лихоимства, корыстолюбія, пьянства и распутства. Въ обличеніяхъ Аполлонія предъ нами проходитъ цѣлая галлерея монтанистическихъ расколовождей: Монтанъ, дѣвица Приска, Ѳемизонъ, Александръ, Максимилла и „пророки“, вообще. Особенно сильно достается въ нихъ лжеисповѣднику Александру, возлюбленному пророчицы (Прискиллы?), „съ которымъ она пиршествуетъ и которому многіе кланяются“. А между тѣмъ этотъ лже-исповѣдникъ „былъ осужденъ въ Ефесѣ проконсуломъ Емиліемъ Фронтиномъ не за имя Христово, а за грабежи, учиненные имъ уже по отступленіи отъ вѣры *(οὐ διὰ τὸ ὄνομα, ἀλλὰ δί᾽ ἃς ἐτόλμησεν ληστείας)*, о чемъ желающіе приглашаются навести документальныя справки въ общественномъ архивѣ провинціи Азіи [3]). Лжеисповѣдничество монтаниста Александра, какъ можно догадываться изъ контекста, было синхронистично страданіямъ извѣстнаго христіанскаго мученика—Ѳразея [4]).

[1]) *Euseb:* „*οὐχ ὁμοῦ κατά δε τὸν τῆς ἑκάστου τελευτῆς καιρόν*“. V, 16, 13, 466 s.

[2]) *Harnack:* „Maximilla ist die letzte des Trifoliums (Montanus, Priscilla, Maximilla) gewesen, die gestorben ist“ Chronologie I, 365 s.

[3]) *Euseb.* V, 18, 9, 476 стр. Ср. *Евсев.* V, XVIII, 298 стр.

[4]) *Euseb.* V, 18, 14, 478 s. Ср. *Евсев.* V, XVIII, 299 стр.

Относительно всѣхъ этихъ событій Аполлоній опредѣленно заявляетъ, что, они записаны имъ „черезъ сорокъ лѣтъ съ того времени, какъ Монтанъ началъ распространять свои мнимыя пророчества“ [1]).

Самымъ точнымъ хронологическимъ показаніемъ въ фрагментѣ Аполлонія былъ бы годъ консульства ефесскаго антипата Емилія Фронтина. Но, подобно проконсульству Г'рата (V, 16, 7), онъ остается для насъ еще не извѣстнымъ [2]). Другой, болѣе практически полезной для насъ, датой является мученичество Тразея. По категорическому заявленію Zahn'a „онъ несомнѣнно тождественъ (ist gewiss identisch) съ епископомъ и мученикомъ Тразеемъ Евменійскимъ, котораго Поликратъ Ефесскій въ своемъ хронологическомъ перечнѣ малоазійскихъ авторитетовъ помѣщаетъ между Поликарпомъ и Сагарисомъ. Такъ какъ Поликарпъ умеръ въ 155 г., а Сагарисъ, по свидѣтельству Мелитона,—въ проконсульство Сергія Павла, которое, вѣроятно, приходилось около 164-166 и во всякомъ случаѣ, раньше 168 г., то Тразей сдѣлался мученикомъ около 160-го года“ [3]). Этотъ годъ мы и должны принять за terminus a quo для начала Аполлоніевой хронологіи монтанизма. Концомъ же его хронологіи, ея term. ad quem служитъ трактатъ Тертулліана противъ Маркіона, написанный въ 212 году [4]). Послѣдній берется гранью потому, что въ немъ есть опредѣленное указаніе на утраченный трактатъ того-же Тертулліана—„объ экстазѣ“—представляющій критическую апологію монтанизма, причемъ седьмая глава этой апологіи, по словамъ Іеронима (De vir. illust. 40 и 53 главы) была спеціально направлена противъ полемическаго трактата Аполлонія. Ad. Harnack наиболѣе вѣроятной датой написанія тертуллліановскаго сочиненія „De extasi“ Lib. VII считаетъ 203—204 г. [5]), откуда само собою слѣдуетъ, что Аполлоній писалъ свой трактатъ нѣсколькими годами раньше, т. е. какъ-либо около 200 года и, вѣроятнѣе всего, въ концѣ 90-ыхъ годовъ II в. Такъ что если мы возьмемъ наиболѣе подходящую дату 197—196 г. и вычтемъ изъ нея вышеуказанныя

[1]) *Euseb.* V, 18, 12: *ὡς ἄρα τεσσαρακοστὸν ἐτύγχανεν ἔτος ἐπὶ τὴν τοῦ συγγράμματος αὐτοῦ γραφὴν ἐξ οὗ τῇ προαιρέσει αὐτοῦ προθυμία ὁ Μοντανὸς ἐπικεχείρηκεν*—478 s.

[2]) *Harnack:* „Dieser Proconsul ist z. Z. unbekannt“ Chronologie I, 371 s.

[3]) *Zahn* „Op. cit.“ 25 26 s. Forschungen, V.

[4]) *Tertull.* Advers. Marcion. IV, 22 и V с. Такая дата этого трактата (212 г.) взята нами у Zahn'a (27 s.) Но Harnack указываетъ болѣе ранніе даты: „Wir werden daher nicht irren, wenn wir den Anti-Marcion I—IV (3 Bearb.) in die JJ. 207/8—209, Advers. Marc. V aber ein paar Jahr später ansetzen“. Chronologie II, 283—284.

[5]) *Ad. Harnack* „Chronologie d. Lebens und die Schriften Tertullians“, in „Die Chronologie“ II. 296 s. Leipzig 1904.

40 л., то снова получимъ оправданіе Епифаніевой хронологіи, т. е. 157—156-ой г., въ качествѣ эры монтанизма.

Важное значеніе въ дѣлѣ установки хронологіи начальнаго монтанизма всѣ ученые придаютъ еще факту появленія ереси „алоговъ", т. е. противниковъ ученія о Логосѣ *(ἀ—λόγος)*, раскрытаго, главнымъ образомъ, въ Евангеліи, посланіяхъ и Апокалипсисѣ Іоанна Богослова. Самое выступленіе „алоговъ", о которыхъ подробно пишетъ еще древнѣйшій ересеологъ—ИринеиЛіонскій (Haer. 51, 33), обычно, ставится въ связь съ пропагандой монтанизма, именно, въ качествѣ крайняго ему противовѣса: поскольку монтанизмъ высоко цѣнилъ всякія „откровенія" *(ἀποκαλύψεις)* и особенно уважалъ „пневматическія" писанія Іо. Богослова, постольку „алоги" наоборотъ—стали отрицать, сначала, „Апокалипсисъ", а затѣмъ четвертое Евангеліе и всѣ, вообще, произведенія Іо. Богослова [1]). А такъ какъ Иринеи писалъ свое „обличеніе лжеимяннаго знанія" въ 80-ыхъ годахъ второго вѣка [2]), то „алоги", слѣдовательно, успѣли появиться еще до этого, т. е. не позже конца 70-ыхъ годовъ [3]). Если-же признать, что они были неумѣренной „реакціей монтанизму" [4]), то хронологію послѣдняго мы должны отодвинуть еще, по крайней мѣрѣ, на десятилѣтіе, т. е. помѣстить въ концѣ 60-ыхъ годовъ; причемъ, разумѣется, и эта дата будетъ временемъ уже значительнаго развитія монтанизма, а не его первоначальнаго появленія, для чего мы должны отступить еще хотя-бы на десятилѣтіе, т. е. къ концу 50-ыхъ годовъ. А все это и приводитъ насъ опять къ датѣ Епифанія—156-157 году [5]).

[1]) *Iren.* „Haeres. III". „Не желая принять дара Св. Духа, ниспосланнаго на человѣческій родъ по благоволенію Отца, они не принимали евангелія Іоанна, въ которомъ Господь обѣщалъ Утѣшителя *(Παράκλητος)* и равнымъ образомъ отвергали духъ пророческій".

[2]) *Harnack:* „Zwischen 181—189 schreibt Irenäus sein grosses Werk" Chronologie I, 381 s. Ср. *Иванцовъ-Платоновъ:* „первое и важнѣйшее между ними (т. е. ересеологич. сочиненіями) есть сочиненіе противъ ересей св. ИринеяЛіонскаго. Это сочиненіе писано въ восьмидесятыхъ годахъ втораго столѣтія" Ереси и расколы первыхъ трехъ вѣковъ христіанства—64 стр. Москва 1877.

[3]) *Ad. Harnack,* въ полномъ согласіи съ Zahn'омъ, устанавливаетъ, на основаніи, главнымъ образомъ Иринея и Иппол. Римскаго, что малоазійская вѣтвь „алоговъ" существовала уже между 170—180 г.—„Monarchianismus" in RE³, XIII, 309, 30—35.

[4]) *Иванцовъ-Платоновъ:* „Такимъ образомъ естественно объясняется и самое происхожденіе „алоговъ" реакціею противъ распространявшагося тогда въ Римѣ монтанизма". Цитованное сочин. 161 стр. Ср. *Harnack:* Die Aloger sind im Gegensatz zu den Montanisten aufgetreten" Chron. I, 379 vorb. 2.

[5]) Поэтому мы вполнѣ понимаемъ Harnack'a, когда онъ заявляетъ: Das Auftreten der Aloger ist übrigens ein starker Beweis für die Richtigkeit der Chronologie des Montanismus (im Gegensats zu der des Eusebius)" *Ibid.*

Не входя въ разборъ другихъ, болѣе мелкихъ хронологическихъ деталей, такъ или иначе относящихся къ эпохѣ начальнаго монтанизма (мучен. акты Карпа, Папилія и Агаѳоника, акты Піонія, свидѣтельства Иппол. Рим. Тертул. Дидима, Филастрія и др.), мы, опираясь на авторитетныхъ изслѣдователей указаннаго матеріала (Harn. Bonw.) [1]), только заявимъ, что и этотъ хронологическій матеріалъ столь-же рѣшительно оправдываетъ раннѣйшую Епифаніеву дату монтанизма, т. е. 156-157-й годъ, который, вопреки болѣе поздней датѣ Евсевіевой „Хроники" (172 г.) и долженъ быть окончательно признанъ за эру монтанизма [2]).

Но самой точной и единственно безспорной датой изъ перваго періода исторіи монтанизма считается „семнадцатый годъ царствованія императора Антонина Вера" (т. е. 177—178 г. Марка Аврелія).—годъ жестокаго гоненія на христіанъ Галліи, давшаго поводъ ліонскимъ и вьенскимъ исповѣдникамъ вступить въ обширную переписку съ церквами Малой Азіи и Рима, въ которой, между прочимъ, затронуты были и вопросы монтанизма. Объ этой обширной и интересной корреспонденціи подробно разсказываетъ Евсевій въ первыхъ семи главахъ пятой книги своей исторіи. Изъ содержанія ея не трудно убѣдиться, что, во первыхъ, между галльскими и малоазійскими церквами существовали самыя оживленныя, дружественныя сношенія; а во вторыхъ, что галльскіе исповѣдники, по общему своему настроенію и духу, стояли довольно близко къ монтанистическимъ пророкамъ, хотя, конечно, и не раздѣляли всѣхъ ихъ крайностей [3]). Самое важное мѣсто изъ исторіи Евсевія, характеризующее взглядъ галльской церкви

[1]) *Harnack* Die Chronologie I, 362—3, *Bonwetsch*—Gesch. Montan. 32—56.

[2]) *Zahn:* „157 (156)—Erster Auftreten des Montanus (Epiph. 48, 1) zu Ardabau unter dem Proconsulat des Gratus" Op. cit. 55 s. *Bonwetsch* „Bald nach 155 hat demnach Montanus zu weissagen angefangen, um 177 musste er aus der Grosskirche ausscheiden" Gesch. Mont. 145 s. Буквально повторяетъ Zahn'a и *Harnack*—Chronologie I, 380 s. Недаромъ, потому *D. Völter* начинаетъ свою статью Das Ursprungsjahr des Montanismus съ такого характернаго признанія: „Die Annahme, dass das erste Auftreten des Montanus in die Mitte der fünfziger Jahre des zweiten Jahrhunderts zu verlegen sei, scheint gegenwärtig immer allgemeinere Anerkennung zu finden. Zeitsch. für wissen. Theologie 27 Jahrg. I H. 23 s. Leipzig 1883. Однако самъ Völter высказывается за болѣе позднюю дату Евсевіевой „Хроники", но дѣлаетъ это не достаточно убѣдительно.

[3]) Доказательствомъ ихъ духовнаго родства можетъ служить, напр. неоднократное упоминаніе о Духѣ, какъ „ходатаѣ" и „совѣтникѣ" галльскихъ исповѣдниковъ *(παράκλητος Χριστιανῶν γενματίσας, ἔχων δὲ τὸν παράκλητον ἐν*

на малоазійскій монтанизмъ читается такъ: „такъ какъ въ то-же время во Фригіи Монтанъ, Алкибіадъ и Θеодотъ начали слыть въ народѣ за пророковъ—(а народъ вѣрилъ въ ихъ даръ пророчества потому, что тогда въ различныхъ церквахъ совершалось еще весьма много чудесныхъ явленій Божественнаго дарованія) и изъ-за нихъ возникло разногласіе *(διαφωνίας)*, то братія, живущіе въ Галліи, изложили въ своемъ посланіи благочестивый и православный судъ *(τὴν ἰδίαν κρίσιν καὶ περὶ τούτων εὐλαβῆ καὶ ὀρθοδοξοτάτην ὑποτάττουσιν)* и объ этихъ людяхъ, и присоединили различныя письма скончавшихся у нихъ мучениковъ, которые, заботясь о мирѣ церквей, писали, пока были еще въ темницѣ, не только къ братіямъ въ Азіи и Фригіи, но и къ тогдашнему епископу римскому Елевѳерію“ [1]).

Въ этомъ замѣчательномъ показаніи Евсевія мы усматриваемъ довольно ясные слѣды особаго галльскаго собора по поводу монтанизма. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь говорится, что христіане галльской церкви („братія“—довольно аналогично „съ вѣрующими“ первыхъ противомонтанистическихъ соборовъ въ Малой Азіи—Евсевій V, XVI, 291 стр.) вынесли какое-то коллективное рѣшеніе о монтанистахъ; что они это рѣшеніе изложили въ особомъ посланіи, къ которому, для бо́льшей его авторитетности, присоединили и письма своихъ исповѣдниковъ, и что это посланіе они отправили въ церкви востока (Азія и Фригія) и запада (Римъ). Все это—такіе признаки, которые говорятъ намъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ *соборомъ Галльской церкви*, происходившимъ, вѣроятно, въ ея метрополѣ—Ліонѣ (Lugdunensis), около 178 года и высказавшимся въ примирительномъ тонѣ, т. е. въ тонѣ сочувствія къ монтанизму [2]). Мы даже склонны предположить и нѣсколько больше,—именно, что этотъ галльскій соборъ былъ вызванъ восточнымъ Іерапольскимъ соборомъ, вынесшимъ рѣзкое и категорическое осужденіе монтанизму. Въ противоположность ему, Ліонскій (по древней терминологіи, Лугдунскій) соборъ высказывается въ болѣе мягкомъ, примирительномъ духѣ и, въ общемъ,

---

ἑαυτῷ—V, 1, 10, 406 s. *ἀλλὰ τὸ πνεῦμα τὸ ἅγιον ἦν σύμβουλον αὐτοῖς*, V, 3, 3, 432 s.)—упоминаніе, очень близкое къ монтанистическому взгляду на Параклета.

[1]) *Euseb.* V, 3, 4, 432 s. Ср. *Евсев.* V, III, 270 стр.

[2]) *Ab. Migne* въ своемъ Dictionnaire universel et complet des Conciles помѣщаетъ данный соборъ около 177 г. и говоритъ, что ближайшимъ поводомъ его созыва послужило жестокое гоненіе Марка Аврелія. Но кромѣ того, на немъ были выработаны encore des instructions importantes et le jugement des fidèles des Gaules touchant l' affaire des montanistes; ce qui peut la faire considérer comme une *lettre synodale*“. 1177 p. 1846.

скорѣе, беретъ даже монтанистовъ подъ свою защиту. Если согласиться съ такимъ предположеніемъ, то для насъ окончательно выяснится и хронологія Іерапольскаго собора, который, очевидно, происходилъ какъ-либо незадолго до 177 года и произвелъ довольно рѣшительный поворотъ на всемъ востокѣ, въ смыслѣ осужденія монтанистовъ, заступиться за которыхъ и сочли теперь своимъ долгомъ галльскіе христіане—ихъ братья нетолько по духу, но и по близкимъ взаимнымъ связямъ (церковь мать и церковь дочь). Во всякомъ случаѣ, даже и независимо отъ всѣхъ этихъ, хотя и правдоподобныхъ, но все-же только гипотезъ о Ліонскомъ соборѣ, мы имѣемъ тотъ твердо установленный фактъ, что къ 177-му году монтанизмъ успѣлъ уже основательно привиться на далекомъ западѣ (Галлія) и достичь Рима [1]). А для всего этого, разумѣется, необходимо было не меньше 15—20 лѣтъ его предварительнаго развитія на мѣстѣ его родины, въ церквахъ Фригіи и Малой Азіи, откуда снова слѣдуетъ естественное заключеніе къ хорошо знакомому 157-му году.

Оканчивая свое невольно затянувшееся изслѣдованіе древнѣйшихъ антимонтанистическихъ соборовъ, мы не можемъ пройдти молчаніемъ и остроумной догадки Leclercq'a, который относительно троекратнаго осужденія монтанизма Римомъ задается вопросомъ: „не были-ли эти торжественныя осужденія своего рода *эхомъ* соборныхъ осужденій, выносимыхъ въ Малой Азіи?.. Повидимому, православные востока искали сочувственной поддержки своимъ отлучительнымъ постановленіямъ въ Римѣ“ [2]) и въ эдиктахъ папъ Елевѳерія (174—189), Виктора (189—199) и Зефирина (192—217) они такую поддержку, дѣйствительно, и получали. Если эта догадка можетъ быть припята, то она логически обязываетъ насъ къ допущенію еще ряда новыхъ гипотезъ: эдиктъ папы Елевѳерія мы должны будемъ счесть за отвѣтъ на постановленіе Іерапольскаго собора, (бывшаго, вѣроятно, около 172—173 г.), а эдикты Виктора и Зефирина признать откликами ни какихъ-то два, еще неизвѣстныхъ намъ, восточныхъ противомонтанистическихъ собора, аналогичныхъ Іерапольскому и происходившихъ въ правленіе названныхъ папъ [3]).

---

[1]) Самымъ раннимъ памятникомъ отрицательнаго отношенія Рима къ монтанизму является письмо папы Елевѳерія Ad Galliae provincias, въ которомъ онъ осуждаетъ и неумѣренный ригоризмъ монтанистовъ и въ особенности ихъ притязанія на родство съ Параклетомъ. *Mansi* относитъ его къ 177—179 г. „Sacrorum concil. nova et amplissima collectio“ I, 695—697 p.

[2]) *Hefele-Leclercq* „Histoire des Conciles“ I, I, 133, n. b.

[3]) Свое изслѣдованіе монтанизма и вызванныхъ имъ соборовъ мы сознательно ограничиваемъ здѣсь лишь рамками начальной, восточно-малоазійской

Итакъ, монтанистическое движеніе II-го в. сыграло самую видную роль въ исторіи и ростѣ церковно-соборнаго института. Съ одной стороны, оно послужило тѣмъ толчкомъ, который опять возродилъ этотъ, временно заглохшій было, апостольскій институтъ и вдохнулъ въ него новую жизнь. Съ другой—оно явилось тѣмъ организующимъ факторомъ, который, при сохраненіи прежняго внутренняго духа, придалъ соборному институту нѣсколько видоизмѣненную внѣшнюю форму, примѣнительно къ потребностямъ переживаемаго историческаго момента и къ условіямъ тогдашняго церковно-общественнаго строя. Всѣмъ этимъ обновленные противомонтанистическіе соборы впервые, такъ сказать, намѣчали основныя линіи богатаго послѣдующаго развитія церковныхъ соборовъ,—первоначально, пока, въ двухъ главныхъ ихъ типахъ—„малыхъ соборовъ“ (двухъ-трехъ сосѣднихъ церквей) и „большихъ“ (изъ церквей цѣлой провинціи, а быть можетъ даже и не одной).

его фазы, не выходящей за предѣлы втораго вѣка. Всей-же послѣдующей, очень интересной исторіи этого своеобразнаго антицерковнаго движенія мы не захватываемъ, хотя нѣкоторыхъ отдѣльныхъ его пунктовъ, по связи съ дальнѣйшимъ обзоромъ соборовъ, намъ и придется еще коснуться (при обозрѣніи пасхальныхъ и крещальныхъ споровъ, а также и новаціанской схизмы). Для желающихъ-же получить болѣе цѣльное и законченное представленіе о внѣшней и внутренней исторіи монтанизма, кромѣ спеціальныхъ монографій Schvegler'a Bonwetsch'a и Belck'a, назовемъ еще отдѣлъ изъ Dogmengeschichte *Harnack*'a „Der spätere Montanismus“ 4 Auf. I, 433—437 s. *Tillemont* „Histoire ecclesiastique“ II, 474—488 p. Paris MDCXCIV. *Blunt* „Montanists“ (Dictionary of sects, heresies, ecclesiastical parties... 1903, 340—341). *H. Achelis* „Das Christentum in den ersten drei Jahrhunderten“ II, 50—54 и 420 s. Leipz. 1912. *Болотовъ В. В.* „Лекціи по исторіи древней церкви“ II, 353 и сл. СПБ. 1909. *Дюшенъ* „Исторія древней церкви“, I, 187—188 стр. 1912. *Владиміръ (архим. Иларіонъ) Троицкій* „Очерки изъ исторіи догмата о церкви“ Глава 4-ая, 250—358 стр. Сергіевъ Посадъ 1912.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

СОБОРЫ ПО ПОВОДУ СПОРОВЪ О ПАСХѢ (конца 2-го вѣка).

I.

Сущность пасхальныхъ споровъ.

Прошло не больше одного-двухъ десятилѣтій послѣ перваго, наиболѣе грознаго натиска на юную Христову церковь со стороны монтанизма,—получившаго, правда, достойный отпоръ на цѣломъ рядѣ соборовъ,—какъ на ту-же церковь надвинулась новая серьезная опасность, въ формѣ внутреннихъ, можно сказать, даже междоусобныхъ споровъ, вызвавшихъ еще болѣе оживленную соборную работу всей тогдашней церкви. То были громкіе пасхальные споры, глубоко взволновавшіе всю древнюю церковь и приведшіе къ острому столкновенію восточную и западную ея части, чуть было не закончившемуся ихъ формальнымъ разрывомъ еще въ ту далекую эпоху [1]).

---

[1]) Будучи весьма живымъ и важнымъ въ первые вѣка церкви, споръ о праздникѣ Пасхи, какъ отмѣчаетъ *Hefele* (Histoire des Conciles. I, I, 133. Paris 1907)—вызвалъ еще болѣе ожесточенные (plus acharnées) дебаты въ части ученыхъ XVIII—XIX-го вѣковъ". Въ школѣ тюбингенскихъ богослововъ, такъ называемый, „пасхальный споръ или вопросъ" (Paschalstreit, Paschalfrage) былъ однимъ изъ главныхъ опорныхъ пунктовъ ихъ критики четвертаго Евангелія (Johannes-Evangelium) и ихъ своеобразныхъ представленій о первохристіанствѣ, какъ продуктѣ борьбы христіанскихъ и іудейскихъ теченій (павлинизма и петринизма). Неудивительно, поэтому, что данный вопросъ породилъ огромную критико-историческую и полемико-апологетическую литературу. Но такъ какъ насъ онъ интересуетъ лишь съ одной, чисто исторической стороны, то изъ всей массы относящейся сюда древней и новой литературы отмѣтимъ лишь сравнительно немногое — основные источники и главнѣйшую, монографическо-журнальную разработку ихъ.

Источники: Eusebius „Kirchengeschichte" III, 26, 380 382 s. V, 23, 24, 25; 488—498 s. Edit. Kirchenväter-Commiss. Berlin. Akademie, Leipzig 1903. *Евсев. Памф.* „Церковная исторія" IV, XXVI, 237 стр. и V, XXIII—XXV, 305—312 стр. СПБ. 1848. *Chronicon-paschale,*—собраніе цѣннаго матеріала изъ древнихъ авторовъ—Ипполита Римскаго, Климента Александр., Аполлинарія Лаодикійскаго и проч. Существуетъ въ нѣсколькихъ изданіяхъ—Dindorf'a, Du-Cange, Migne. *Hyppol.* Philosophum. VIII, 18. *Pseudo-Tertullian* „De praescr. haeret. 53. *Epiphan.* Haeres. 50. 70.

Основной пунктъ древнѣйшихъ пасхальныхъ споровъ, независимо отъ другихъ, болѣе мелкихъ деталей [1]), касался, строго

Aphraates, Hom. XII (Texte und Untersuchungen III, 3) *Philastr.* 58. *Photius*, Bibl. 115 c. *Mansi* „Sacrorum conciliorum nova et amplissima Collectio" I, 705—706, 725 p. *I. Hardouini* „Conciliorum collectio regia Maxima" I t. 192 sq. Parisii MDCCV. *Ruth* „Reliquiae Sacrae"[2], I, 113—153, 153—174, II, 11—16 и Annotation. 17—36. Oxonii MDCCCXLVI. *O. Bardenhewer* „Geschichte der altkirchlichen Litteratur" I, 578—582, Freib. im Breisgau 1902.

Литература: A. Hilgenfeld „Der Paschalstreit der alten Kirche nach seiner Bedeutung für die Kirchengeschichte und für die Evangelienforschung Halle, 1860. *E. Schürer* „De controversiis paschalibus", Leipzig 1869. У обоихъ этихъ авторовъ данъ обстоятельный историческій обзоръ раннѣйшей литературы (G. Daniel. Neumann, Mosheim, Ernesti, Neander, Ideler, Rettberg, Giesler, Baur etc.). *Steitz* „Die Differenz der Occidentalen und der Kleinasiaten in der Paschafeier" (Theolog. Studien und Kritiken, 1856 Erste Heft, 721—809 s. *A. Neander* „Verschiedenheit der kleinasiatischen und römischen Passahfeier" in Allgemeine Geschichte der christlichen Religion und Kirche, Dritte Aufl. I, I, 164—165, Gotha 1856. *Pitra* „Specileg. Solesm. IV, 553 p. *L. Duchesne* „La Question de la Paque au concile de Nicée" (Revue des question historiques. 28 t. 5—42 s. Paris 1880). *Ejusd.* Origines du culte chretien"[3], 236 s. Paris 1903. *Funk* „Die Entwickelung des Osterfastens" in Kirschengesch. Abhandlungen und Untersuhungen, I, 241—278. Paderborn 1897. *Th. Zahn* „Geschichte des neutestament. Kanons" I, 180 s. *Ejusd.* „Forschungen zur Geschichte des neutestamentl. Kanons und der altkirchlichen Literatur" VI t. 283 sq. Erlangen und Leipz. 1891 и VI t. 162, 169—174, 208—214. 1900. *Er. Preusschen* „Passah, altkirchliches und Passahstreitigkeiten" RE[3], 14 b. 725—734 s. Leipz. 1904. *Ios. Schmidt* „Die Osterfestfrage auf dem ersten allgem. Konzil von Nicäa, Wien 1905. *E. Schwartz* „Christliche und judische Ostertafeln" Berlin 1905. *Hefele-Leclercq* „Histoire des Conciles" I, 133—151, I, I, Paris 1907. *Hergenröther-Kirch* „Handbuch der allgemeine Kirchengeschichte" I, 222—226.— Der Osterstreit. Freib. im Breisgau 1902. *H. Achelis* „Das Christentum in den ersten drei Jahrhunderten"—Passahstreitigkeiten—II, 217 sq. Leipzig 1912. На русскомъ языкѣ смотри соотвѣтствующіе отдѣлы въ курсахъ церковныхъ исторій *В. Геттэ, Робертсона, Функа, Дюшена* и проч. Бр. *Ф. и С. Терновскіе* „Три первые вѣка христіанства", 150—152, Кіевъ 1878. *А. И. Парвовъ* „Постъ четыредесятницы по древнимъ правиламъ и обычаямъ" (Христ. Чтеніе, 1863 г.) *Проф. В. В. Болотовъ* „День и годъ мученической кончины св. евангелиста Марка" (Христ. Чт. 1893. 2 ч. 122—174 и 405—434 стр.). *Его-же* „Изъ эпохи споровъ о Пасхѣ въ концѣ II в." (Хр. Чт. 1900, I, 439 и сл.) *Его-же* „Лекціи по исторіи древней церкви", Споры о времени празднованія Пасхи" V гл. II, 428—451 стр. СПБ. 1910. *А. В. Петровскій* „Предпасхальный постъ въ исторіи его развитія" (Хр. Чт. 1900, I, 587—600 стр.). Спеціально о пасхальной вечери Господа I. X. *D. Chwolzon* „Das letzte Passamahl Christi und der Tag Seines Todes nach den in Uebereinstimmung gebrachten Berichten der Synoptiker und des Evang. Iohannis" (Memoire de l'Academie Imperiale des Scienses de St. Pétersbourg, VII s. t. XLI, № 1) и лучшій критическій разборъ ея, сдѣланный *проф. Н. Н. Глубоковскимъ* „Къ вопросу о пасхальной вечери Христовой" (Христ. Чт. 1893, 2 ч. 83—121 стр.).

[1]) А эти детали, помиѣнію, напр. *Steitz*'а и *Preusschen*'а, раздѣляли спорящихъ на три группы. Одни утверждали, что 14-го Нисана должно справлять только

говоря, одного главнаго вопроса—когда справлять годовой христіанскій праздникъ Пасхи: 14-го ли Нисана, по примѣру самого Іисуса Христа и святыхъ апостоловъ, совершившихъ въ этотъ день законную іудейскую пасху [1]), или-же въ ближайшій воскресный день послѣ него, въ воспоминаніе главнѣйшаго новозавѣтнаго событія—искупительной смерти и побѣднаго воскресенія Христова?

Главный вопросъ о томъ, когда праздновать христіанскую пасху, вскорѣ осложнился и другимъ, уже производнымъ отъ него—какъ ее справлять? Праздновавшіе пасху вмѣстѣ съ іудеями, т. е. 14-го Нисана, изъ двухъ моментовъ пасхи—смерти и воскресенія Господа—подчеркивали, преимущественно, первый, благодаря чему и самая пасха превращалась у нихъ больше въ „воспоминаніе о страданіяхъ" Христа *(ἡ τοῦ πάθους ἀνάμνησιν)*. Переносившіе-же празднованіе пасхи на ближайшее послѣ 14-го Нисана воскресенье, естественно, тѣмъ самымъ отдавали предпочтеніе моменту воскресенія Господа *(τὸ τῆς ἀναστάσεως μυστήριον)*. Ко-

строго-іудейскую пасху, безъ всякаго отношенія къ новозавѣтной исторіи. Другіе держались противоположнаго взгляда, что 14-го же Нисана надо справлять только одну христіанскую Пасху (евхаристическую жертву), такъ какъ она смѣнила и вытѣснила собою ея ветхозавѣтный прообразъ). Наконецъ, третьи шли на компромиссъ и рекомендовали соединять обѣ этихъ пасхи, т. е. сначала, по примѣру Господа, исполнить весь ветхозавѣтный ритуалъ, а затѣмъ, въ воспоминаніе тайной вечери Господа съ учениками, принести и новозавѣтную, евхаристическую жертву. *(Steitz* „Differenz d. Occiden. u. Kleinasiat. in d. Paschafeier" 722 s. *Preusschen* „Passah, altkirchliches und Paschalstreitigkeiten. 727 s.).

[1]) Вопросъ о самомъ днѣ или числѣ празднованія пасхи, т. е. именно о 14-мъ Нисанѣ, (а не о 13-мъ и не о 15-мъ Нисанѣ), повидимому, особой роли не игралъ въ древней церкви, считавшейся не съ кажущимися разностями евангелистовъ (трехъ синоптиковъ, съ одной стороны, и Іо. Богослова, съ другой), а съ яснымъ и категорическимъ требованіемъ моисеева законодательства (Исх. XII, 18; Лев. XXIII, 5; Числ. XXIII, 16; Второз. XVI, 1). Но онъ сдѣлался центральнымъ пунктомъ споровъ у богослововъ тюбингенской школы, усматривавшихъ яко-бы непримиримое различіе между синоптиками (Мѳ. XXVI, 17—20; Мрк. XIV, 1. 12—16; Лук. XXII, 1. 7—14) и Евангелистомъ Іоанномъ (XIII, 1 и XVIII, 28), опредѣляющимъ тайную вечерю Господа днемъ раньше синоптиковъ. Впрочемъ, это несогласіе евангелистовъ было извѣстно, повидимому, и древнимъ христіанамъ, какъ можно заключать изъ одной цитаты Аполлинарія Іерапольскаго, упрекавшаго своихъ противниковъ за то, что они выискиваютъ противорѣчія у самихъ евангелистовъ *(Chronic. Paschale,* proem. 13 p. ed. Dindorf). Лучшимъ опытомъ гармонизаціи ихъ мы считаемъ вышеназванную статью проф. Глубоковскаго, который выходъ изъ коллизіи указываетъ въ томъ, весьма правдоподобномъ предположеніи, что Господь со своими учениками совершилъ пасху наканунѣ обще-іудейской пасхи; а это въ уважительныхъ случаяхъ дозволялось и закономъ и обычаемъ.

нечно, въ обоихъ этихъ случаяхъ христіанская пасха оставалась все-же величайшимъ праздникомъ, посвященномъ радости о новозавѣтномъ спасеніи. Но самый характеръ, или тонъ этого праздника, какъ говоритъ проф. Болотовъ, былъ различенъ: серьезно-торжественный и отчасти даже какъ-бы траурный у однихъ (справлявшихъ пасху 14-го Нисана, или, какъ ихъ отсюда позднѣе стали называть „четыренадесятниковъ", по латыни, „квартодециманъ") и свѣтло-радостный у другихъ, (праздновавшихъ въ день воскресный, т. н. „воскресниковъ", или сторонниковъ римской практики).

Къ двумъ названнымъ, спорнымъ пунктамъ не замедлилъ присоединиться еще и третій, касавшійся подготовки къ празднику—о, такъ называемомъ, предпасхальномъ постѣ. Величайшему празднику пасхи у всѣхъ христіанъ, по обычаю ветхозавѣтной церкви и по примѣру самого Господа, предшествовалъ строгій постъ. Но существующаго теперь у насъ, такъ называемаго, великаго поста, съ его сорокадневной продолжительностью (6×7=42+7 дней страстной седмицы) тогда еще не было, а постились вездѣ по разному, какъ опредѣленно свидѣтельствуетъ объ этомъ современникъ данныхъ споровъ св. Иринеи Ліонскій въ своемъ письмѣ къ папѣ Виктору: „разногласятъ не только объ этомъ днѣ, но и о самомъ образѣ поста *(περὶ τοῦ εἴδους αὐτοῦ τῆς νηστείας)*. Ибо одни думаютъ, что должно поститься имъ одинъ только день *(μίαν ἡμέραν)*, другіе—два, а иные больше. Нѣкоторые-же мѣркой своего дня считаютъ сорокъ дневныхъ и ночныхъ часовъ. Такое различіе въ соблюденіи поста произошло не въ наше время, но гораздо прежде,—у нашихъ предковъ, которые, вѣроятно, не соблюдали въ этомъ большой точности и простой частный свой обычай *(καθ' ἁπλότητα καὶ ἰδιωτισμὸν συνήθειαν)* передали потомству". [1]). И тѣмъ не менѣе, по заявленію того-же Иринея, указанная разность никого не смущала; предметомъ-же церковнаго разбора она сдѣлалась, повидимому, лишь тогда, когда по разному стали нетолько *начинать* но и *кончать* предпасхальный постъ. Именно, „четыренадесятники" (будемъ ихъ для краткости называть такъ, хотя это и не совсѣмъ точно), дорожившіе совпаденіемъ новозавѣтной пасхи съ ветхозавѣтной (закланіе великаго Агнца, взамѣнъ его символическаго, ветхозавѣтнаго прообраза) и справлявшіе „пасху страданій" или „крестную" *(τὴν τοῦ πάθους ἀνάμνησιν, πάσχα σταυρώσιμον)*, въ ту-же самую ночь съ 14-го на 15-ое Нисана заканчивали и свой постъ, такъ какъ отдавались уже своей торжественно-печальной радости. „Воскресники"-же, у которыхъ ихъ „воскресная пасха" *(πάσχα ἀναστάσιμον)* нерѣдко приходилась на третій, четвертый или даже еще дальше, день послѣ 14-го Ниссана, именно, въ это-то самое время и держали самый строгій постъ. Особенной строгостью отличался у нихъ тотъ промежутокъ времени, который раздѣлялъ моментъ крестной смерти Господа отъ момента Его воскресенія. Если и на каждой недѣлѣ пятница еще очень рано [1]) сдѣлалась днемъ усиленныхъ молитвенныхъ стояній (dies stationis) и сугубаго поста, то великая пятница, предшествовавшая пасхѣ, разумѣется, должна была выдѣляться и въ этомъ отношеніи. „Обычный постъ—говоритъ Дюшенъ—соблюдали на этой недѣлѣ съ особенной строгостью, причемъ бо́льшей частью продолжали его до утра воскресенья. Такимъ образомъ, христіане посвящали скорби по своемъ Учителѣ все то время, которое Онъ пребывалъ во власти смерти" [2]). Такое раннее окончаніе поста „четыренадесятниками", въ особенности, когда оно приходилось на конецъ страстной седмицы у „воскресниковъ", безъ сомнѣнія, не могло не оскорблять религіознаго чувства послѣднихъ, и неминуемо должно было вести къ взаимнымъ препирательствамъ и ссорамъ. Повидимому, именно, эта, такъ сказать, обиходно-житейская, бытовая сторона пасхальной практики,—въ особенности замѣтно чувствовавшаяся при совмѣстной жизни „четыредесятниковъ" и „воскресниковъ", какъ это бывало, напримѣръ, въ Римѣ,—и послужила отправной точкой, непосредственнымъ поводомъ къ возникновенію и обостренію пасхальныхъ споровъ.

Что касается самаго происхожденія всѣхъ указанныхъ пасхальныхъ различій, то они возникли совершенно естественно и незамѣтно. Первые христіане—жители Іерусалима и сосѣднихъ съ нимъ областей—были въ главной своей массѣ іудео-христіанами (коренные Іудеи и Іудеи разсѣянія). Они, какъ мы знаемъ изъ исторіи іерусалимскаго, Апостольскаго собора), а также, вообще

[1]) См. выдержку изъ письма *Иринея Ліон.* у *Euseb.* KG. V, 24, 12—13, 494 s. *Евсев.* V, XXIV, 309—310 стр. Обстоятельный комментарій къ ней данъ въ началѣ статьи *Funk*'а „Die Entwickelung des Osterfastens" Kirchengeschicht. Abhondlungen, I, 242—247. Paderborn 1897. Тамъ-же приведены аналогичныя свидѣтельства *Тертулліана, Апостольской Дидаскаліи, Діонисія Александрійскаго, Оригена, Апостольск. Постановленій, Каноновъ Ипполита* и др. (248—256 s.).

[1]) *Διδαχή* VIII, 1. *Herm.* „Pastor." Simil. V, 1. *Tertullian.* II, 14; *Clemen. Alex.* Strom. VI, 75.

[2]) *Дюшенъ Л.* „Исторія древней церкви" I, 192 стр. 1912. *Тертулліанъ* въ своемъ трактатѣ о постѣ мотивируетъ данный постъ ссылкой на евангельское изреченіе о необходимости поститься, когда будетъ взятъ женихъ (Мѳ. IX, 15. „De jeunio c. 13).

изъ кн. Дѣяній и апостольскихъ посланій), сохраняли еще довольно тѣсную связь съ ветхозавѣтнымъ іудействомъ, его законами, обрядами и культомъ. Въ частности, посѣщали они по субботамъ и іудейскія синагоги (Дѣян. III, 1: XVI, 3: XVIII, 18—21; XX, 16; XXI, 17—30; 1 Кор. XVI, 8 и др.); а изъ іудейскихъ праздниковъ справляли, по крайней мѣрѣ, два—Пасху и Пятидесятницу, придавъ, впрочемъ и имъ, новый христіанскій характеръ [1]). Пятидесятница—день рожденія новозавѣтной церкви,—посвящалась воспоминанію чудеснаго сошествія Св. Духа въ видѣ огненныхъ языковъ, на членовъ сіонской горницы (Дѣян. II, 1—12); а Пасха главнѣйшій—ветхозавѣтный праздникъ *спасенія* Израиля—тотъ же свой характеръ удержала и въ сознаніи новозавѣтныхъ іудео-христіанъ, причемъ соотвѣтственно измѣнились лишь объекты этого спасенія (не избавленіе отъ египетскаго рабства и не закланіе пасхальнаго агнца, а побѣда надъ грѣховнымъ рабствомъ и принесеніе великой голгоѳской жертвы). Подобныя сопоставленія могли возникнуть тѣмъ естественнѣе и легче, что Христосъ пострадалъ, какъ извѣстно, именно, во время іудейской пасхи и Самъ является настоящимъ, (а не символическо-прообразовательнымъ только) пасхальнымъ агнцемъ: „ибо пасха наша, Христосъ закланъ за насъ“ (I Коринѳ. V, 7) [2]).

Но рядомъ съ этимъ кругомъ идей очень рано возникъ и сложился другой—уже гораздо болѣе независимый отъ іудейства. Еще изъ новозавѣтныхъ писаній мы знаемъ, что іудео-христіане, кромѣ посѣщенія іудейскаго храма и синагогъ, собирались также и по частнымъ домамъ на свои особыя собранія, для слушанія слова, молитвы и трапезы [3]). Съ теченіемъ времени связь съ ветхозавѣтной синагогой и культомъ естественно все больше и больше ослабѣвала, а параллельно этому самостоятельность христіанскаго культа все сильнѣе крѣпла и росла. Послѣ разруше-

[1]) „Les chrètiens ne conservèrent point tuttes les fêtes juives; et quant à celles, qu'ils retinrent, ils y attachèrent de bonne heure une signification appropriée à leurs croyances... On ne conserva que celles de Pâques et de la Pentecôte“ *Duschesne* „Origine du culte chrètiennes 235—236 p. Гораздо категоричнѣе объ этой связи ранняго христіанства съ іудейской синагогой говоритъ *H. Achelis* „Das Christentum in den ersten drei Jahrhunderten... См. спеціальный отдѣлъ Ihr Zusammenhang mit der Synagoge. I, 114—119 s. Leipzig 1912.

[2]) Не безъ вліянія на это оказалось, по остроумной догадкѣ *Möller*'а, и чисто фонетическое сходство терминовъ—еврейскаго pêsah (פֶּסַח) съ греческимъ *πάσχειν*, закрѣплявшее идею страданія въ представленіи о пасхѣ. См. *Möller Schubert* „Lehrbuch der Kirchengeschichte“—1902. Tübingen und Leipzig—276 s.

[3]) Дѣян. II, 2, 42; XII, 12; XVI, 13: XVII, 5 и др. См. такъ-же выше, стр. 72.

нія Іерусалима и двукратнаго разсѣянія оттуда Іудеевъ [1]) связь эта еще болѣе ослабла, за утратой фактической почвы для нея.

Если такъ обстояло дѣло среди іудео-христіанъ, то у христіанъ, изъ язычниковъ, разумѣется, еще гораздо меньше должно быть чувствоваться зависимости отъ іудейства и еще больше замѣчаться чисто-христіанской самостоятельности въ сферѣ культа и праздниковъ. Въ частности, очень рано,—если не при самихъ апостолахъ, то при ихъ непосредственныхъ преемникахъ, мужахъ апостольскихъ—въ христіанской церкви, началъ выдѣляться „день воскресный“ — dies solis, какъ объ этомъ говоритъ рядъ опредѣленныхъ, церковно-историческихъ свидѣтельствъ [2]). Мотивы такого праздноваія понять не трудно, стоя на почвѣ новозавѣтныхъ представленій. Основаніе новозавѣтной Христовой церкви положено искупительной крестной смертью Спасителя. Но это—лишь начальный моментъ искупительнаго акта, окончательное завершеніе котораго было въ моментѣ воскресенія Господа: а „если Христосъ не воскресъ, то и проповѣдь наша тщетна, тщетна и вѣра ваша“, восклицаетъ ап. Павелъ (1 Коринѳ. XV, 14). Кульминаціонный пунктъ христіанства, въ которомъ сосредоточено все его достоинство и слава, всѣ надежды и уповаія, это,—именно, воскресеніе Господа Іисуса Христа, какъ фактическая побѣда надъ силой зла, грѣха и ихъ „оброка“—смерти. Поэтому, повторяемъ, „день воскресенія“ стали еженедѣльно справлять всѣ христіане, какъ изъ бывшихъ язычниковъ, такъ и изъ бывшихъ іудеевъ (послѣдніе, вѣроятно праздновали и субботу и воскресенье), „На первое время христіане, кажется, вовсе не имѣли годового праздника и ограничивались только тѣмъ, что еженедѣльно день воскресный посвящали воспоминанію о воскресеніи Господа, а среду и пятницу—воспоминанію о козняхъ враговъ Христовыхъ и о Его страданіяхъ и смерти. Вмѣстѣ съ тѣмъ естественно образовался обычай поститься въ среду и пятницу и проводить съ торжественнымъ веселіемъ радостный день воскресенія Господня“ [3]).

Съ начала 2-го вѣка (или даже съ самаго конца 1-го в. Кл. Рим.) въ христіанской церкви замѣчается нѣкоторый рецидивъ

[1]) Сначала, при Титѣ и Веспасіанѣ (конецъ 70-ыхъ годовъ), а затѣмъ, при императорѣ Адріанѣ, около 130 г.

[2]) Дѣян. XX, 7; 1 Кор. XVI, 2; *Варнав.* Посл. 15 гл. *Игн. Бог.* „Посл. къ Магнез.“ 9. *Іустинъ Фил.* Апол. I, 67 *τῇ τοῦ ἡλίου λεγομένῃ ἡμέρᾳ*—въ такъ называемый „день солнца“. *Tertul.* „De corona militis“ 3. Apolog. 16 сар. Письмо Плинія къ императору Траяну, не позже 112 г.

[3]) Бр. *Ф. и С. Терновскіе* „Три первые вѣка христіанства“. Споры о времени празднованія Пасхи. 151 стр. Кіевъ 1878.

іудейства: періодъ первоначальной, довольно острой борьбы старыхъ іудействующихъ понятій съ новыми христіанскими взглядами, борьбы, проходящей чрезъ весь апостольскій вѣкъ (наиболѣе сильное отраженіе ея на посланіяхъ ап. Павла) и закончившейся полной побѣдой христіанства, (чему благопріятствовали и политическія обстоятельства времени — разрушеніе храма и Іерусалима) смѣняется теперь періодомъ возврата къ старинѣ, эпохой нѣкотораго добровольнаго подчиненія іудейству, или точнѣе, такой тенденціей, которая стремится къ органическому сліянію іудейства и христіанства и даже къ пересадкѣ ветхозавѣтныхъ институтовъ на новозавѣтную почву (вся такъ называемая, апостолическая, конституціонная литература большинства мужей апостольскихъ — Варнава, Кл. Римскій, Папій, Ермъ и др.). Особенно усилилось вліяніе такой іудейской закваски около половины 2-го вѣка, когда оно выразилось въ разцвѣтѣ евіонитства, хиліазма, іудействующаго гностицизма и, отчасти, даже монтанизма [1]).

Естественно, что подъ вліяніемъ названной тенденціи праздникъ новозавѣтной Пасхи получилъ въ началѣ 2-го вѣка повсюдное распространеніе. Причемъ на малоазійскомъ христіанскомъ востокѣ, гдѣ іудействующія теченія всегда были замѣтнѣе, обычай праздновать пасху имѣлъ такъ сказать, непрерывающуюся традицію іудейской церкви и, въ общемъ, и по времени и по характеру стоялъ ближе къ ея ритуалу.

Впрочемъ, то обстоятельство, что на пасхальныхъ соборахъ конца 2-го вѣка церкви одной только „азійской“ провинціи энергично высказывались за четыренадесятническую практику, а всѣ остальныя одобрили римскую, довольно краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, что и на малоазійскомъ востокѣ преобладалъ воскресный типъ пасхи. Это и понятно, такъ какъ весь малоазійскій востокъ былъ сильно эллинизованъ и романизированъ. Семитическій же элементъ, хотя количественно представленъ былъ на немъ и сильно, но качественно онъ былъ слабъ, легко уступалъ болѣе высокой греко-римской культурѣ. Вотъ почему малоазійскій востокъ, который первоначально, надо полагать, почти весь держался іудействующей практики, потомъ, какъ только въ Римѣ достаточно окрѣпла своя собственная воскресная традиція, вскорѣ же принялъ ее безъ особенныхъ усилій, и даже, можно сказать, съ полной готовностью. Не лишено здѣсь значенія, наконецъ, и

[1]) Подъ сильнымъ вліяніемъ іудействующихъ теченій слагалась большая часть, такъ называемой апокрифической литературы — различныя Евангелія, Дѣянія, Хожденія и Откровенія. Значительный налетъ этихъ вліяній замѣтенъ и на ортодоксальной литературѣ 2 в.

то обстоятельство, что главнымъ просвѣтителемъ и духовнымъ отцомъ большинства церквей малоазійскаго востока былъ ап. Павелъ, проповѣдь котораго была, такъ сказать, принципіально антіудаистична и тѣмъ самымъ облегчала переходъ отъ прежней іудействующей практики къ новой христіанско-римской. Единственнымъ, но зато очень серьезнымъ и даже упорнымъ, исключеніемъ явилось лишь отношеніе къ этому вопросу большой и вліятельной церковно-политической провинціи—Азіи. Но объ этомъ важномъ фактѣ мы въ свое время будемъ говорить особо.

Мало-по-малу обычай празднованія пасхи привился и на западѣ, въ римской церкви, гдѣ, болѣе или менѣе, ясные слѣды его не идутъ дальше царствованія императора Адріана, или точнѣе, понтификата папъ Ксиста и Телесфора [1]). Но христіанскій западъ, гораздо менѣе востока связанный историческимъ наслѣдіемъ іудейства, всталъ на собственную, болѣе, независимую почву и въ данномъ случаѣ. Принявъ пасху—этотъ даръ ветхозавѣтной церкви, въ свой новозавѣтный культъ, западные христіане нетолько сообщили ей новое, чисто христіанское пониманіе (какъ и восточные христіане), но и перенесли ее на новый день, именно, на ближайшій воскресный день, слѣдовавшій за 14-мъ Нисаномъ, т. е. за весеннимъ равноденствіемъ. Соотвѣтственно выясненному выше различію моментовъ новозавѣтнаго спасенія (смерть и воскресеніе Господа), западные христіане находили гораздо болѣе цѣлесообразнымъ, отрѣшившись отъ іудействующей сотеріологіи, пріурочить христіанскую пасху не къ чужому числу (іудейскому 14 Нисану), а къ своему собственному недѣльному циклу, выдѣливъ для этой цѣли одинъ изъ воскресныхъ дней, именно непосредственно слѣдовавшій за 14-мъ Нисана. Мы лишены, къ сожалѣнію, возможности болѣе точно судить о времени перваго обнаруженія этой разности; но не подлежитъ сомнѣнію, что она уже обозначилась еще въ первой половинѣ 2-го вѣка, причемъ въ этомъ сказывалось и сознательное намѣреніе не совпадать съ Іудеями [2]).

Разность пасхальной даты зависѣла, какъ мы видѣли, отъ

[1]) Такъ заключаютъ по письму ИринеяЛіонскаго къ папѣ Виктору, гдѣ, въ качествѣ самыхъ ранныхъ предшественниковъ Виктора, снисходительно относившихся къ пасхальнымъ разностямъ, названы папы Телесфоръ (125—136 ?) и Ксистъ (116—125 ?) *Евсев.* V, XXIV, 310 стр.

[2]) „Allein es kann nicht keinem Zweifel unterliegen, dass in der 1 Hälfte des 2 Jahrh. wiederum im bewusster Anlehnung und Abweichung gegenüber des jüdischen Festsitte, die *Feier eine* irgendwie *christlich umgedeuteten* Passahfestes sich überall eingebürgert hatte“. *Möller-Schubert*—276.

принципіальной точки зрѣнія на праздникъ (пасха „крестная“ и пасха „воскресная“) и отъ сознательнаго стремленія или слѣдовать ветхозавѣтной традиціи („четыредесятники“), или создать свою собственную, новозавѣтную („воскресники“). Но она обусловливалась также и крайней трудностью точныхъ вычисленій въ предѣлахъ каждой изъ этихъ двухъ партій. У четыренадесятниковъ названная разность возникала еще и отъ несогласованности евангельскихъ датъ касательно пасхальной вечери и смерти Господа, а также и отъ различнаго ихъ пониманія. По указанію синоптиковъ, І. Христосъ совершалъ послѣднюю пасху съ своими учениками „по обычаю законному“, т. е. вечеромъ 14-го Нисана, точнѣе въ ночь съ 14-го на 15-ое Нисана (Мѳ. XXVI, 17; Мр. XIV, 12; Лук. XXII, 7), которое въ тотъ годъ приходилось на четвергъ, или съ четверга на пятницу. Но Самъ Господь Іисусъ Христосъ пострадалъ лишь на слѣдующій день, т. е. 15-го Нисана, въ пятницу. Слѣдовательно, синоптическія евангелія не оправдывали строгой практики четыренадесятниковъ. Писатель четвертаго Евангелія, повидимому, имѣлъ намѣреніе исправить эту хронологическую дату и перенесъ пасхальную вечерю Христа съ апостолами днемъ раньше, 13-го Нисана (Іо. XIII, 1), благодаря чему у него, правда, страданіе и смерть Господа пали на 14-ое Нисана; но зато Его пасхальная вечеря получалась какъ будто-бы въ несовсѣмъ законное время [1]).

[1]) Выше, на стр. 171, примѣч. 1-ое, мы уже слегка касались даннаго спорнаго пункта. Теперь выяснимъ его окончательно. Что среди крайнихъ четыренадесятниковъ были и такіе, которые, основываясь на неправильномъ пониманіи еврейскаго текста ев. Матѳея, утверждали, что христіанамъ надлежитъ справлять полную ветхозавѣтную пасху, съ закланіемъ агнца, объ этомъ сохранилось авторитетное извѣстіе еп. Аполлинарія Іерапольскаго: „есть и такіе, которые по невѣжеству поднимаютъ объ этомъ споры. Ихъ можно извинить; невѣденіе еще не есть ошибка. Они утверждаютъ, что 14-го Господь вкушалъ агнца съ учениками и что Онъ пострадалъ въ великій день опрѣсноковъ (15). Они объясняютъ Матѳея по своему разумѣнію. Но эта система не согласуемая съ закономъ; она только вводитъ противорѣчіе между евангелистами“ (Chronicon Paschal. ed. *Dindorf*, 13 s., ed. *Migne*, SG, t. XCII, 80).

Что-же касается существующаго несоотвѣтствія между евангелистами (тремя синоптиками и авторомъ четвертаго евангелія), то, какъ мы уже отмѣчали выше, лучшій изъ извѣстныхъ намъ опытовъ гармонизаціи предложенъ *проф. Н. Н. Глубоковскимъ*, въ его спеціальной статьѣ: „Къ вопросу о пасхальной вечери Христовой“ (Хр. Чт. 1893 г., II ч. съ 84 стр. и далѣе). Суть этой остроумной и простой, какъ все, отвѣчающее истинѣ, конъектуры проф. Глубоковскаго состоитъ въ слѣдующемъ. Законная, общеіудейская Пасха того года, когда надлежало пострадать Христу, справлялась 14-го Нисана, въ Пятницу, т. е. въ день самой крестной смерти Господа. Объ этой-то общеіудейской пасхѣ и говоритъ ев. Іоаннъ Богословъ. А такъ какъ Господь Іисусъ Христосъ, которому „надлежало исполнить всякую правду“ (Мѳ. 3, 15) захотѣлъ въ послѣдній разъ совершить и эту пасху со своими учениками, то ясно, что Онъ могъ ее совершить только въ послѣдній день своей земной жизни, т. е. наканунѣ общеіудейскаго празднованія. И въ такомъ поступкѣ Господа не было ничего противорѣчащаго закону, или хотя-бы только несогласнаго съ нимъ, такъ какъ еврейскіе законы и обычаи предусматривали въ крайнихъ, экстраординарныхъ случаяхъ, возможность совершенія пасхи наканунѣ 14-го Нисана, и такая пасха была тоже вполнѣ законной. О ней-то и говорятъ синоптики. Такимъ образомъ, ев. Іоаннъ говоритъ о законной, ординарной общеіудейской пасхѣ 14-го Нисана; а синоптики—о законной-же экстраординарной пасхальной вечери Господа, совершенной Имъ 13-го Нисана, точнѣе, въ ночь съ 13-го на 14-ое число.

Гораздо осязательнѣе чувствовалось, если не противорѣчіе, то во всякомъ случаѣ затрудненіе въ группѣ „воскресниковъ“. Они то-же, какъ извѣстно, стояли въ зависимости отъ 14-го Нисана, такъ какъ пріурочивали свою пасху къ ближайшему послѣ него воскресенью. Но подобныя вычисленія оказывались и достаточно трудными, а главное—далеко не безспорными. Причина всего лежала въ разности счисленія, существовавшаго въ различныхъ церквахъ на востокѣ и на западѣ. На малоазійскомъ востокѣ, въ общемъ преобладало лунное счисленіе. На западѣ-же, а также и въ Египтѣ (Александріи) принято было обычное солнечное счисленіе (юліанскій календарь, существующій и теперь у насъ). Два этихъ счисленія не совпадаютъ другъ съ другомъ: лунный годъ почти на $11^1/_4$ сутокъ короче солнечнаго. А потому народы, державшіеся луннаго календаря, для того, чтобы согласовывать свое счисленіе съ солнечнымъ, должны были время отъ времени, къ 12-ти обычнымъ мѣсяцамъ каждаго года, добавлять вставной—13 мѣсяцъ. Такая вставка сильно путала отчетливость еврейскаго календаря и затрудняла точное опредѣленіе 14-го дня перваго луннаго мѣсяца, въ который надлежало справлять пасху. Еще больше, разумѣется, возникало затрудненій при переводѣ съ одного календаря на другой, напр. съ еврейскаго на юліанскій, для вычисленія, сначала того, на какое число юліанскаго календаря падало 14-ое Нисана, а затѣмъ и для опредѣленія по нему воскресной пасхи. Повторяемъ, всѣ эти вычисленія были дѣломъ далеко не легкимъ и требовали большой согласованности, при отсутствіи которой возникали рѣзкія противорѣчія даже и въ вычисленіяхъ церквей, державшихся одной и той-же пасхальной практики [1]).

[1]) Убѣдительныя доказательства всей сложности и запутанности астрономическихъ и вообще календарныхъ вычисленій того времени представляетъ собой статья проф. *В. В. Болотова* „День и годъ мученической кончины св. евангелиста Марка“ (Хр. Чт. 1893, II, съ 122 стр.) — настоящій шедевръ филологіи, астрономіи и исторической критики.

Недаромъ, у предстоятелей нѣкоторыхъ болѣе видныхъ церквей (напр. Іерусалимской, Александрійской) возникъ обычай обмѣниваться на этотъ счетъ посланіями и, вообще, по возможности, заранѣе точно устанавливать пасхальный циклъ [1]). И хотя извѣстно, что въ такой формѣ пасхальный споръ обострился гораздо позднѣе, къ эпохѣ перваго вселенскаго собора и даже еще послѣ него; но болѣе, чѣмъ вѣроятно, что онъ давалъ себя чувствовать также и при самомъ еще началѣ пасхальныхъ споровъ второго вѣка. Недаромъ, проф. Болотовъ самое обостреніе пасхальныхъ споровъ, произшедшее при папѣ Викторѣ, приписываетъ тому рѣзкому несоотвѣтствію въ пасхальныхъ датахъ, какое имѣло мѣсто въ 189 году между александрійской церковью, справлявшей пасху 20 Апрѣля и церквами Малой Азіи, отпраздновавшими ее еще 20-го Марта [2]).

Къ поименованнымъ причинамъ общаго характера, благодаря которымъ пасхальный конфликтъ зрѣлъ лишь очень медленно и постепенно, необходимо присоединить и двѣ болѣе частныхъ, ускорившихъ данный процессъ и приведшихъ къ болѣе острому его кризису. То были—*евіонитство*, съ одной стороны, и *монтанизмъ*, съ другой.

Что евіонитство, какъ рѣзко іудействующее теченіе, могло и должно было подлить масла въ огонь—въ споръ между іудействующими и язычествующими христіанами—это понятно само собой. Среди евіонитовъ—этихъ непримиримыхъ зилотовъ іудейства—все болѣе и болѣе крѣпла чисто старообрядческая закваска отдавать предпочтеніе всему ветхозавѣтному передъ новозавѣтнымъ. Поэтому, евіониты, какъ свидѣтельствуютъ Евсевій и Епиф. по прежнему практиковали у себя обрѣзаніе и соблюдали весь законъ Моисеевъ [3]). Изъ писаній христіанства они пользовались только

[1]) Такъ Нарциссъ еп. Іерусалимскій (конца 2 го в.) пишетъ; „увѣдомляемъ васъ, что и въ Александріи празднуютъ пасху въ тотъ-же день, въ который празднуемъ ее мы. Отъ насъ отправляются письма къ александрійской церкви, а изъ александрійской — къ намъ. Поэтому празднованіе святаго дня у насъ бываетъ согласно и вмѣстѣ съ ними". *Евсевій* „Церк. исторія" V, XXV, 312 стр. Безусловно этимъ-же вызваны были и тѣ опыты „пасхалій", которыя дошли до насъ отъ древности съ именами Ипполита Рим., Діон. Вел., Аѳанасія и Кирилла Александр.

[2]) Проф. *В. Болотовъ* „Изъ эпохи споровъ о Пасхѣ въ концѣ II в." (Хр. Чт. 1900, I, 450 и сл.).

[3]) *Евсевій* „Церк. исторія" III, XXVII: „евіониты хранили субботы и вообще вели образъ жизни, подобный іудеямъ." *(τὴν ἄλλην Ἰουδαϊκὴν ἀγωγήν)* 160 стр. О существованіи у евіонистовъ в.-з. пасхи говоритъ *Епиф.* XXX, 16. А Оригенъ прямо называетъ отпаденіемъ въ евіонизмъ (cadens in Ebionitismum) обычай справлять пасху по-іудейски. *Origen.* in Matth. serm. 79 (ed. *Lommatzsch*, IV, 406 s.).

однимъ Евангеліемъ отъ Матѳея; всѣ же посланія ап. Павла отвергали, считая его исказителемъ христіанства. На Іисуса-же Христа они смотрѣли, не какъ на воплотившагося Сына Божія, по какъ на одного изъ великихъ пророковъ, наподобіе Моисея и, пожалуй, даже нѣсколько ниже его. Естественно, что при такомъ взглядѣ на соотношеніе двухъ завѣтовъ, евіониты должны были и новозавѣтную пасху всецѣло подчинять ветхозавѣтной: поэтому мы снова видимъ у нихъ возстановленіе ветхозавѣтной пасхи, съ закланіемъ агнца и исполненіемъ всего относящагося сюда ритуала [1]). Такой откровенный рецидивъ іудейства, разумѣется, не могъ обойдтись безъ соотвѣтствующей реакціи, т. е. полнаго игнорированія всѣхъ ветхозавѣтныхъ элементовъ въ празднованіи пасхи и сознательнаго стремленія ни въ чемъ не совпадать здѣсь съ іудеями, даже и во времени празднованія пасхи.

Менѣе, пожалуй, ясна связь пасхальной контроверзы съ монтанизмомъ. Но что существовала и она, объ этомъ положительно свидѣтельствуетъ содержаніе и характеръ каждаго изъ этихъ движеній. Для доказательства сего достаточно припомнить общій строго-номиналистическій духъ монтанизма, такъ родственный іудейскому законничеству, и его специфическую теорію религіозныхъ возрастовъ. По силѣ этой теоріи, монтанизмъ считалъ себя періодомъ высшаго откровенія, полной религіозной зрѣлости, эпохой третьяго завѣта. Чрезъ это самое два предшествовавшихъ завѣта—ветхій и новый—становились по отношенію къ монтанизму въ одинаково служебное положеніе: онъ ихъ не отмѣнялъ, но считалъ низшими ступенями религіознаго восхожденія и въ этомъ отношеніи уравнивалъ. Если для христіанства такое уравненіе съ ветхимъ завѣтомъ было равносильно его униженію, то для іудейства оно все-же было возвеличеніемъ его силы, его потускнѣвшаго было въ христіанствѣ значенія. Отсюда возникало естественное взаимное тяготѣніе іудействующихъ и монтанистовъ, соединявшихся между собой цѣлымъ рядомъ промежуточныхъ ступеней. Какъ, напримѣръ, монтанисты питали особую симпатію къ

[1]) Въ такихъ, именно, краскахъ рисуетъ евіонитовъ и *H. Achelis* въ своей новѣйшей монографіи о первыхъ вѣкахъ христіанства. „Etwas zahlreicher, als die Nazoräer scheint die zweite Gruppe der Judenchristen gewesen zu sein, die Ebionäer oder Ebioniten... Die Züge der judischen Lebensweise treten bei Ebioniten noch etwas deutlicher als bei den Nazoräern... Ein elementarer Hass gegen Paulus war in ihren Kreisen traditionell. „Das Christentum in der erst. drei Jahrhunderten" I, 232—233, Leipz. 1912. Впрочемъ, термину „евіонизмъ" мы склонны придать здѣсь расширенное толкованіе, включивъ въ его объемъ и назореевъ и такъ называемыхъ, „элкезаитовъ". Срв. *Harnack* „Dogmengeschichte"[4] I, 330.

„откровенію“ („Апокалипсису“) и всѣмъ, вообще, сочиненіямъ Іо. Богослова, такъ и малоазійскіе четыренадесятники, даже наиболѣе ортодоксальные, стремились опереться на авторитетъ именно этого апостола и боролись будто-бы за его традицію [1]). Въ частности, въ вопросѣ о пасхѣ монтанисты, если не всѣ, то очень многіе, примыкали къ четыренадесятникамъ, почему большинство церковныхъ историковъ съ полнымъ основаніемъ и правомъ отмѣчаетъ синхронизмъ и взаимосвязанность пасхальнаго спора и монтанистическаго движенія [2]).

Представленный нами очеркъ сущности пасхальнаго вопроса и обусловившихъ его причинъ, надѣемся, уже даетъ нѣкоторый отвѣтъ и на то, почему такой, повидимому, чисто обрядовый вопросъ, какъ время празднованія пасхи, могъ столь глубоко затронуть умы древнихъ христіанъ и вызвать столь серьезные, столь упорные и столь продолжительные споры? На это нельзя отвѣчать однимъ только общимъ соображеніемъ, что христіане 2-го вѣка, по

[1]) *Schwegler* „Der Montanismus und die christliche Kirche des zweiten Jahrhunderts“, Tübingen 1841, 187 s.; „das Johannische Evangelium und der Montanismus, und es ist hiedurch—jene Thatsache vorerst einseitig fixirt—die Vermuthung nahe gelegt, es seyn beide in einem und demselben Kreise theologischer Bewegung entstanden“. Сравни еще стр. 212—215. *A. Hilgenfeld* „Der Paschalstreit der alten Kirche“ Halle, 1860, 29 s.: „Die Entstehung des Johannes—Evangelium selbst ward nun in die Geschichte der Paschalstreitigkeiten hineingezogen, in den Kampf gegen die altjöhannische, judisch-christliche Paschafeir verflochten“.

[2]) *Socrates* (Hist. eccl. IV, 28), *Sozomenus* (Hist. eccles. VII, 18) und *Pseudo-Chrysostomus* (Oratio VII in Pascha) versichern einstimmig, dass die Montanisten das Pascha nach judischer Sitte feierten, ja dass selbst die Novatianer, seit sie mit den phrygischen Montanisten sich vermischten, ihrer bisherigen römischen Festgebrauch aufgaben, und sich dem kleinasiatischen anschlossen“. *Schwegler* „Op. cit“—251 s.; „Aus Asien hatte Blastus von 170 an die judaistische Paschafeier nach Rom gebracht; auch der Montanismus, welcher der Römern, wie man aus Tertullian's Schrift de jeuniis sieht, als eine Judaismus erschien, hatte von Asien aus in Rom einzudringen versucht“ Op. cit.—80 s. n. 1. „In den Paschastreitigkeiten, die sich nach der Mitte des zweiten Jahrhunderts zwischen Kleinasien und Rom entspannen, wurde von beiden Parthein an die Tradition der betreffenden Kirchen, von seiten der Orientalen namentlich an die apostolische Auctorität des Johannes appellirt“ *Ibid.* — 191 s. Еще убѣдительнѣе въ этомъ смыслѣ отзывъ *Er. Preusschen'a*: „Es wird kaum ein Zufall sein, dass die Streitigkeiten über die Passahfeier um etwa dieselbe Zeit beginnen und dass einer der energischsten litterarischen Verfechter der kirchlichen Sitte, Melito, von Sardes, zugleich in zahlreichen Schriften die Montanisten bekämpfte und eine Auseinandersetzung über Passah verfasste“. RE³, 14b. 729 s. Leipzig 1904. Ниже мы раскроемъ, что монтанистамъ принадлежала едва-ли ни самая главная роль въ обостреніи пасхальныхъ споровъ, въ особенности, на востокѣ („великій Лаодикійскій споръ о пасхѣ“).

своему развитію, будто-бы не способны были еще отличить догмата отъ обряда и потому естественно перецѣнили значеніе предмета спора. Споръ „четыренадесятниковъ“ и „воскресниковъ“, съ точки зрѣнія такихъ критиковъ, это—типичный обрядовой споръ всѣхъ религіозно мало развитыхъ людей, для которыхъ внѣшняя форма и буква еще заслоняетъ собой внутреннее содержаніе исповѣдуемой ими религіи. Это—нѣчто въ родѣ извѣстнаго древне-русскаго спора „о постѣ въ среду и пятокъ“.

Но подобный взглядъ проводитъ шаблонъ, мало примѣнимый къ данному случаю. Христіане второго вѣка, давшіе такихъ писателей, какъ Игнатій Богоносецъ, Климентъ Римскій, Іустинъ Философъ, Климентъ Александрійскій, Тертулліанъ и друг., а также цѣлый рядъ образованныхъ апологетовъ, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть названы людьми малоразвитыми въ религіозномъ смыслѣ, неспособными отличить внутренней сущности христіанства (догмата вѣры) отъ его внѣшней оболочки (обряда). Еще, пожалуй, это и можно было-бы допустить въ томъ случаѣ, если-бы пасхальные споры носили-бы чисто обывательскій характеръ, происходили-бы только между простонародными массами восточныхъ и западныхъ христіанъ. Но, вѣдь, въ дѣйствительности-то было иное: въ центрѣ этихъ споровъ стояли главы и руководители церквей, которые доказали свое глубокое пониманіе христіанства борьбой съ современными имъ ересями, изъ которыхъ одна—гностицизмъ требовала сравнительно высокаго умственнаго развитія и хорошаго философскаго образованія, а другая—монтанизмъ свидѣтельствовала о достаточно окрѣпшемъ церковно-административномъ строѣ.

Истинная причина пасхальной борьбы, собственно, той напряженности и страстности, съ какими она велась, лежала гораздо глубже, не на поверхности обряда, но внутри проникающаго его духа. Пасха послужила лишь наиболѣе удобнымъ поводомъ къ обнаруженію борьбы двухъ главныхъ міровоззрѣній, проходящихъ черезъ всю исторію древнѣйшей церкви,—іудео-христіанскаго и языческо-христіанскаго. Мы не разъ имѣли уже случай убѣдиться во всемъ огромномъ значеніи этой длительной, принципіальной борьбы, то видимо ослабѣвавшей, то вспыхивавшей съ новой силой [1]). Она, именно, эта борьба была движущимъ нервомъ всей исторіи Апостольскаго іерусалимскаго собора и она-же, въ значительной мѣрѣ, питала потомъ монтанистическую смуту. Еще болѣе очевидна и велика роль этой борьбы въ пасхальныхъ спорахъ,

[1]) См. выше стр. 34, 41—42, 50—51, 81—82, 145—146.

гдѣ она была положительно душой всѣхъ перепетій этого движенія. Каждый разъ, какъ только по тѣмъ или инымъ причинамъ, усиливалось іудаистическое теченіе, тотчасъ-же въ противовѣсъ ему возникало и оппозиціонное, антіудаистическое направленіе; причемъ главной темой ихъ взаимныхъ междоусобныхъ пререканій служилъ съ полов. 2 в. вопросъ о пасхѣ, который символически какъ-бы объединялъ въ себѣ всѣ характерныя черты каждаго изъ двухъ противоборствующихъ теченій. Къ сожалѣнію, протестантская либеральная критика слишкомъ утрировала значеніе даннаго историческаго фактора: не только всѣ ереси и расколы, но и всю догматику, и самую даже исторію раннѣйшаго христіанства она готова вывести, именно, изъ одного этого фактора, т. е. изъ взаимодѣйствія двухъ названныхъ теченій („петринизма“ съ „павлинизмомъ“—гегельянско-бауровскій методъ тюбингенской школы). Конечно, это—преувеличеніе и крайность; но въ основѣ ея, какъ и всякой крайности, лежитъ несомнѣнное зерно истины, котораго, относительно, напримѣръ, пасхальнаго вопроса не отрицаетъ даже и такой ортодоксальный авторитетъ, какъ покойный профессоръ Болотовъ, который говоритъ: „въ борьбѣ изъ-за вопроса о днѣ празднованія пасхи—столкнулись два теченія христіанской жизни: іудаистическое и антіюдастическое (въ самомъ умѣренномъ смыслѣ этихъ словъ)... Поэтому и борьба противъ малоазійскаго обряда имѣла характеръ эманципаціи отъ остатковъ іудейства“ [1]).

Нѣтъ, конечно, надобности представлять себѣ дѣло такъ, что названная принципіальная борьба велась тогда совершенно сознательно и ясно, съ полнымъ пониманіемъ всего ея значенія и силы. Такое представленіе было бы недостаточно историчнымъ, такъ какъ на мѣсто послѣдовательныхъ ступеней развитія оно сразу подставляло-бы конечный результатъ. Да этого не дѣлаютъ и наиболѣе благоразумные адепты самой тюбингенской школы, которые, какъ напр. Hilgenfeld, второму вѣку приписываютъ еще только внѣшнюю и поверхностную трактовку затронутой проблемы, относя болѣе углубленное пониманіе ея къ послѣдующему времени [2]).

[1]) *Проф. В. В. Болотовъ* „Лекціи... II,“—434 стр.

[2]) Такое пониманіе *Hilgenfeld*'а мы выводимъ изъ слѣдующихъ его словъ: „Der hohe Ernst des Streits, welcher über die Paschafeier in der alten Christenheit entbrannte, lässt ja von vorn herein auf einen tiefern Grund jener Entzweiung schliessen. Ist es denn glaublich, dass man sich schon im zweiten christ. Jahrhundert um blosse Aeusserlichkeiten ohne tiefere Bedeutung, um eine blosse Verschiedenheit des Herkommens gestritten haben sollte, bei welcher jeder Theil dem andern, unbeschadet seiner religiösen Grundansicht, recht gut nachgeben konnte? Хотя авторъ здѣсь, въ сущности, лишь оспариваетъ встрѣчное мнѣніе

Но сомнительную услугу защитѣ истины оказываютъ тѣ, кто, какъ напр. Hefele, ради оппозиціи тюбингенцамъ, рѣшаются отрицать самый фактъ борьбы двухъ главныхъ христіанскихъ направленій въ древней церкви [1]).

Не менѣе напрасно также католическіе богословы стремятся ослабить различія въ пасхальной практикѣ церквей востока и запада, чуть не сводя ихъ одному и единственному пункту—разницѣ въ числахъ. Если смотрѣть на дѣло шире и глубже, предполагать здѣсь и извѣстную идейную подкладку, то уже apriori необходимо допустить наличность и другихъ болѣе существенныхъ различій, часть которыхъ уже была указана нами выше (различіе основнаго тона праздника, сокращеніе поста). Общую историческую эволюцію и характеръ восточно-малоазійской пасхи лучше всего, на нашъ взглядъ, освѣщаетъ проф. Болотовъ въ слѣдующихъ краткихъ строкахъ: „нельзя сомнѣваться, что пока существовалъ второй храмъ, іерусалимскіе христіане совершали со всѣми законными обрядами самый торжественный изъ ветхозавѣтныхъ праздниковъ—пасху. Въ этомъ торжествѣ ночи съ 14 по 15 Нисана исчезало празднованіе воскресенія Христова. Не устанавливая особаго христіанскаго самостоя-

(анти-тюбингенское), но самымъ тономъ и характеромъ своей критики (условно-вопросительной) ясно обнаруживаетъ, что самъ-то онъ держится средней, примирительной позиціи. *A. Hilgenfeld* „Op. cit.“ 1 s.

[1]) *Hefele* говоритъ относительно этого буквально слѣдующее: „nous trouvons que la manière différente de célebrer la Pâque employer par les quatordécimans ou les johonnistes et celle usitée dans le reste du monde ne touchait pas la foi et n'etais pas d'une importance capitale dans le fait... И еще нѣсколькими строками выше: „que l'antiquite chrétienne ne considérait pas comme une question de principe ni comme une question dogmatique la difference, qui existait dans la manière de célébrer la Pâque“. Въ первомъ случаѣ авторъ бьетъ мимо цѣли, такъ какъ никто и не утверждаетъ того, чтобы пасхальная разница была строго принципіальной и глубоко-сознательной, логически ведущей къ цѣлому ряду другихъ аналогичныхъ отступленій. Говорять-же лишь о подсознательной почвѣ и общемъ жизненномъ наклонѣ въ извѣстную сторону. Во второмъ—онъ утверждаетъ нѣчто бо́льшее того, на что имѣетъ право. Онъ могъ-бы сказать, что христіанская древность той эпохи еще не выработала яснаго различія между догматомъ и обрядомъ, между теоретическими принципами и жизненными навыками; но утверждать, что въ пасхальныхъ спорахъ она не усматривала рѣшительно никакихъ важныхъ принципіальныхъ сторонъ Hefele положительно не имѣлъ права. Такъ что приходится пожалѣть о первоначальной точкѣ зрѣнія автора, (выраженной имъ въ первомъ изданіи, отъ чего онъ теперь отрекается), когда онъ свою критику тюбингенцевъ ограничивалъ только тѣмъ, что кромѣ двухъ ихъ партій („петринистовъ“ и „павлинистовъ“) допускалъ еще третью—евіонитско-іудейскую, которой и приписывалъ главную роль въ пасхальномъ вопросѣ. *Hefele-Leclercq* „Op. cit.“ 144 p. и 134.

тельнаго праздника 16 Нисана, вѣрующіе изъ іудеевъ, удержали, до названія включительно, пасху ветхозавѣтную, но вложили въ нее новозавѣтный смыслъ (I Кор. V, 7) и конечно соединили ее съ евхаристіей. 14 Нисана предваряло событіе воскресенія; поэтому отрѣшившись отъ строго историческаго начала, они становятся на символическо-догматическую почву, и въ закономъ установленный день (ср. мнѣніе „четыренадесятниковъ“: „проклятъ, кто не сотворитъ пасхи въ день мѣсяца“ ср. Числ. IX, 13) и подъ формами ветхозавѣтнаго праздника спасенія совершаютъ новозавѣтную „пасху спасительную“. Такимъ образомъ, пасха церквей малоазійскихъ не была праздникомъ новозавѣтнымъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова (по самому установленію); это была *христіанизированная ветхозавѣтная пасха*“ [1]) (курсивъ нашъ).

Въ противовѣсъ этому, римская пасха, (а также александрійская, сирійская, въ особенности, палестинская, послѣ окончательной романизаціи Палестины импер. Адріаномъ), хотя возникла изъ того-же ветхозавѣтнаго корня, но росла все время независимо отъ него и даже какъ-бы въ нѣкоторой оппозиціи ему. Здѣсь никогда не было ни пасхальнаго агнца, ни ветхозавѣтнаго ритуала; а наоборотъ—постоянно чувствовалась та тенденція, которая окончательную свою формулировку получила уже въ опредѣленіяхъ никейскаго собора,—чтобы ни въ чемъ не совпадать съ народомъ-богоубійцей. [2]).

[1]) *В. В. Болотовъ* „Лекціи по исторіи древней церкви“ II, 433 стр. Свою характеристику малоазійцевъ авторъ подкрѣпляетъ вѣскими соображеніями и фактами. Такъ напр. указываетъ на мотивировку ими своей пасхальной практики: „Христосъ совершилъ пасху въ тотъ день (14 Н.) и потомъ пострадалъ и намъ надлежитъ дѣлать, какъ Онъ сотворилъ“, гдѣ подчеркивается моментъ не страданія Христа, а совершенія Имъ в.-з. пасхи. Далѣе, онъ останавливается на характеристичномъ терминѣ *τηρεῖν*—„соблюдать“ 14-й день мѣсяца, что по аналогіи съ исторіей іерусалимскаго Апостольскаго собора (Д. XV, 5, 24 и 29) указываетъ, именно, на исполненіе моисеева в.-з. закона. Наконецъ, онъ присоединяетъ еще и такую весьма правдоподобную догадку: „и вопросъ еще далеко не рѣшенный въ отрицательномъ смыслѣ — не употребляли даже въ 190 г. малоазійскіе христіане опрѣсноковъ. Поликратъ говоритъ, что всѣ свѣточи малоазійскихъ церквей „соблюдали“ тотъ день, когда народъ *(ὁ λαός)* отлагалъ квасное, не опредѣляя прямо, что этотъ народъ—іудеи (у Руфина judaeorum populus)“ Ibid. 433—434 стр.

[2]) Вопросу о времени празднованія пасхи Константинъ Великій, по словамъ *Болотова*, придавалъ едва-ли не бо́льшее значеніе, чѣмъ самому аріанству, и потому на первомъ вселенскомъ соборѣ имъ занимались очень много, слѣды чего сохранились у *Евсевія* (Vita Constant. III, 17), *Θеодорита* (Histor. Eccl. t. I, 9) и св. *Аѳанасія Александрійскаго* (De Synodis, 5 c. и epist. ad Afros 2). Была попытка реконструировать и самый канонъ никейскаго собора. Но она оказалась неудачной. Сравни 1-ый канонъ Антіох. собора.

Въ такомъ видѣ различія пасхальной практики между христіанскими церквами востока и запада (или точнѣе между малоазійскими и всѣми остальными) достаточно опредѣлились лишь къ половинѣ 2-го вѣка. Отправнымъ пунктомъ данной хронологіи служитъ свидѣтельство ИринеяЛіонскаго въ его письмѣ къ папѣ Виктору, гдѣ онъ называетъ цѣлый рядъ раннѣйшихъ папъ, державшихся своей собственной, отличной отъ малоазійцевъ, пасхальной практики, а именно, папъ: Аникиту (154. (5)—166 г.), Пія (140—154), Игина (136—140 г.), Телесфора (126—136 г.) и Ксиста (116—125) [1]). Сравнительно позднее развитіе пасхальныхъ споровъ признаетъ и *Er. Preuschen*: Auf die Differenz hinsichtlich der Sitte des Abendlandes und Morgenlandes ist man überhaupt *erst spät* (курсивъ нашъ) aufmerksam geworden“ (article, „Passah, altkirillichen und Passahstreitigkeiten“ [2]).

При такой исторической эволюціи западной пасхи становится совершенно яснымъ и попятнымъ сравнительно позднее столкновеніе ея съ восточной. Первоначально на западѣ вовсе не было пасхи, какъ главнаго годичнаго праздника [3]). Затѣмъ, около эпохи Адріана онъ появился и здѣсь, въ качествѣ отголоска восточной, малоазійской пасхи; но со своимъ особымъ, самостоятельно-христіанскимъ характеромъ. Своеобразный ритуалъ римской пасхи могъ развиваться здѣсь также совершенно свободно, внѣ всякой конкурренціи, подъ вліяніемъ постепенно усиливавшейся лишь одной тенденціи—держаться возможно дальше отъ іудейскихъ обычаевъ и преданій. Прошло лѣтъ двадцать и римская пасха уже настолько прочно сложилась и окрѣпла, что могла переходить въ наступленіе, которое, правда, въ началѣ было еще очень нерѣшительнымъ и слабымъ. Но важно, во всякомъ случаѣ, отмѣтить, что иниціатива пасхальныхъ споровъ, въ особенности,

[1]) *Euseb.* KG. V, 24, 14, 494—496 s. *Евсев.* V, XXIV, 310 стр. Хронологія папъ указана по *Функу* „Хронологическая таблица папъ“, приложенная къ его исторіи.

[2]) *Erw. Preusschen* in RE³, 14 b. 729 s.

[3]) Въ дополненіе къ тому, что нами уже было сказано объ этомъ выше (стр. 175), сошлемся еще на *Steitz*'а, который говоритъ, что по вопросу о существованіи въ такъ называемыхъ павлинистическихъ церквахъ іудео-христіанскихъ праздниковъ „die vorhandenen Quellen lassen uns hier ohne Antwort. Justin der Märtyrer, der uns von besonderer Wichtigkeit sein muss, erwähnt nirgends Jahresfeste; namentlich scheint ihm das Pascha als christliches Fest unbekannt (Theol. Studien und Kritiken, 1856, I, 737 s. Еще рѣшительнѣе повторяетъ ту-же мысль *Er. Preusschen*, RE³, Passah... 14 band, 726 s.: „der Mehrheit der christlichen Gemeinden ein derartiges Fest (Passahfest) überhaupt abzusprechen“.

болѣе рѣзкій, аггресивный ихъ характеръ принадлежатъ западу и именно Риму [1]).

II.

Очеркъ развитія пасхальныхъ споровъ 2-го вѣка.

Самое раннее извѣстіе о началѣ пасхальныхъ споровъ, (собственно даже еще не споровъ, а только разговоровъ о пасхальныхъ разностяхъ) мы имѣемъ отъ начала второй половины 2-го вѣка. Это, именно, сохраненный Евсевіемъ отрывокъ изъ письма Иринея Ліонскаго къ папѣ Виктору, который, въ виду его важности, для насъ, приведемъ буквально: *„Когда блаженный Поликарпъ при Аникитѣ приходилъ въ Римъ; то оба они и касательно другихъ предметовъ не много спорили между собой, но тотчасъ согласились, а объ этомъ вопросѣ и спорить не хотѣли (περὶ τούτου τοῦ κεφαλαίου*—объ этомъ главномъ?), *потому что ни Аникита не могъ убѣдить Поликарпа—не соблюдать (μὴ τηρεῖν) того, что онъ всегда соблюдалъ, живя съ Іоанномъ, ученикомъ Господа нашего и обращаясь съ другими (τῶν λοιπῶν*—остальными) *апостолами: ни Поликарпъ не убѣдилъ Аникиту соблюдать, ибо Аникита говорилъ, что онъ обязанъ сохранять обычаи (τὴν συνήθεια* — обычай, обычную, знакомую практику) *предшествовавшихъ ему пресвитеровъ. Не смотря на такое состояніе дѣла, они однакожъ находились въ взаимномъ общеніи (ἐκοινώνησαν ἑαυτοῖς); такъ что Аникита, по уваженію къ Поликарпу, позволилъ ему совершать евхаристію въ своей церкви; и оба они разстались въ мирѣ, равно какъ въ мирѣ со всею церковью находились и соблюдавшіе тотъ обычай, и не соблюдавшіе“* [2]).

Подчеркнемъ, прежде всего, нѣсколько наиболѣе интересныхъ для насъ деталей въ приведенномъ отрывкѣ. Изъ него видно, во-первыхъ, что авторитетнѣйшій представитель восточной церкви смирнскій епископъ Поликарпъ лично путешествовалъ за чѣмъ-то въ Римъ, въ то время, когда церковью управлялъ тамъ епископъ Аникита (154—166 г.). Что вопросъ о Пасхѣ не являлся цѣлью его путешествія, это видно уже изъ одного того, что онъ поднятъ былъ случайно, мимоходомъ, среди разсужденій о другихъ мѣстно-церковныхъ особенностяхъ (б. м. о субботѣ, о постахъ, о литургіи) и не привелъ ни къ какому опредѣленному результату. Ириней замѣчаетъ даже, что Поликарпъ и Аникита о пасхѣ и спорить не хотѣли [1]). Но это—не болѣе, какъ чисто-риторическій оборотъ: изъ контекста видно, что они объ этомъ спорили, или, во всякомъ случаѣ, горячо разсуждали, стараясь убѣдить другъ друга извѣстными, объективными аргументами (одинъ ссылкой на апостольскую традицію, другой—на практику своихъ предшественниковъ). Если же ихъ споръ не привелъ ни къ какому соглашенію и споривше остались при своихъ прежнихъ взглядахъ, то это не потому, что они не придавали предмету спора важнаго значенія и слабо имъ йнтересовались; а какъ разъ наоборотъ,—потому, что считали данный предметъ слишкомъ важнымъ и свои позиціи слишкомъ твердыми, чтобы кто-либо изъ нихъ могъ отъ нихъ отказаться, или хотя-бы только пойдти на компромиссъ.

Весьма важно было-бы точно установить самый предметъ этого перваго, исторически-извѣстнаго намъ, пасхальнаго спора, или, если угодно, разговора двухъ виднѣйшихъ церковныхъ представителей. Единственнымъ ключемъ къ рѣшенію даннаго вопроса служитъ употребленный Иринеемъ глаголъ *τηρεῖν* „соблюдать“, такъ какъ споривше о Пасхѣ дѣлились на „соблюдавшихъ“ и „не соблюдавшихъ“ что-то. Но что-же, именно?—въ этомъ и все дѣло. Большинство изслѣдователей и комментаторовъ, придавая техническій смыслъ термину *τηρεῖν*, съ указаніемъ на соблюденіе моисеева закона и вообще, іудейскихъ обычаевъ, усматриваютъ здѣсь квалификацію іудействующихъ христіанъ, справлявшихъ пасху по іудейскому обычаю и 14-го Нисана [2]). Но Weitzel [3]) и особенно Th. Zahn [4]) сильно съузили такое пониманіе глагола *τηρεῖν* въ данномъ случаѣ и толкуютъ его, только какъ указаніе на пред-

[1]) Почему, именно, въ Римѣ, а не гдѣ-либо еще раньше всего опредѣлилось и сильнѣе всего чувствовалось это столкновеніе?—отвѣтить сравнительно нетрудно. Во первыхъ, потому, что міродержавный Римъ очень рано сталъ проявлять свои притязанія на гегемонію и въ области христіанско-церковной жизни. А во-вторыхъ и потому, что въ столицѣ міровой монархіи, въ этомъ „торжищѣ народовъ“ („Völkerherberge“ какъ-бы всенародной гостинницѣ Möller-Schubert—277 s.) легче и скорѣе всего могли войдти въ столкновеніе различные обычаи и взгляды.

[2]) *Евсевій* „Церк. исторія“ V, XXIV, 311 стр. Ср. *Euseb.* Werke „Kircheng.“ V, XXIV. 16—17, 496 s.

[1]) См. у *Euseb.* V, 24, 36, 496: *περὶ τούτου τοῦ κεφαλαίου μὴ φιλεριστήσαντες εἰς ἑαυτούς“.*

[2]) См. у *Langen*'а „Geschichte d. römischen Kirche“, 147 s. n. 2. Bonn, 1881.

[3]) *Wietzel* „Die christlicher Passahfeier der drei ersten Jahrhunderten“, 95 s. Pforzheim 1848.

[4]) *Th. Zahn* „Sendschreiben des Irenäus an Victor von Rom“ Forschungen IV, 298 sq. Erlangen und Leipzig 1891. Онъ глаголъ *τηρεῖν* считаетъ здѣсь синонимомъ *ἐπιτηρεῖν* „выжидать“, т. е. допускать извѣстный промежутокъ строжайшаго поста между днями смерти и воскресенія Господа.

пасхальный постъ. Одни—„четыредесятники“ не соблюдаютъ поста, такъ какъ они празднуютъ крестную пасху, и моментъ закланія новозавѣтнаго агнца—для нихъ одовременно и начало христіанскаго праздника. Другіе—„воскресники“ блюдутъ строгій постъ во все то время, пока отнятъ у нихъ женихъ, т. е. въ промежутокъ между 14 Нисана (воспоминаніемъ смерти Господа) и ближайшимъ послѣ него воскреснымъ днемъ („пасха воскресная“). Впрочемъ, Er. Preusschen [1]) остроумно разбиваетъ аргументацію двухъ послѣднихъ ученыхъ ссылкой на контестъ иринеева письма, гдѣ опредѣленно указывается, что и самъ папа Аникита „не соблюдалъ этого обычая въ праздноваиіи пасхи и другимъ не позволялъ его соблюдать“. А разъ папа Аникита не соблюдалъ продолженія предпасхальнаго поста, то ясно, что онъ не могъ о немъ и спорить съ Поликарпомъ. Поэтому лучше, пожалуй, будетъ снова вернуться къ традиціонному пониманію предмета бесѣды Аникиты съ Поликарпомъ, т. е. опредѣлять ее, какъ споръ воскресника (папы Аникиты) съ четыренадесятникомъ (еп. Поликарпъ).

Изъ того, что про папу Аникиту, какъ убѣждающаго Поликарпа, говорилось раньше, можно выводить, что и споръ вѣроятно, былъ начатъ, именно, папой, подобно тому, какъ и позднѣе аналогичный споръ былъ обостренъ также папой (Викторомъ). Римскіе папы, проявлявшіе особую заботливость о католическомъ единствѣ всѣхъ церквей (разумѣется, подъ ихъ главенствомъ), далеко не безразлично относились къ мѣстнымъ особенностямъ церквей и всегда старались привести ихъ къ своей римской униформѣ (наиболѣе рѣзкій примѣръ этого рода—латинскій языкъ богослуженія). Наконецъ, любопытный вопросъ, почему-же папа Аникита не проявилъ настойчивости и позволилъ Поликарпу остаться при его прежней практикѣ?—въ текстѣ Иринея отвѣта не имѣетъ и позволяетъ строить на его счетъ лишь однѣ догадки. Наиболѣе вѣроятной намъ кажется догадка Геттэ, что знаменитый восточный епископъ импонировалъ на сравнительно мало чѣмъ извѣстнаго папу своимъ положеніемъ (непосредственнаго ученика апостоловъ), возрастомъ и, вообще, своимъ подавляющимъ авторитетомъ [2]).

[1]) *Er. Preusschen* „Op. cit.“ RE³, 14, 729.

[2]) „Въ Римѣ св. Поликарпъ пользовался такимъ авторитетомъ, котораго епископъ той церкви имѣть не могъ: Аникита не былъ, подобно Поликарпу, непосредственнымъ ученикомъ апостоловъ и не могъ сказать, какъ еп. Смирнскій: „вотъ ученіе, слышанное мною изъ устъ Іоанна“. Въ Римѣ находилось тогда множество еретиковъ и свидѣтельство Поликарпа объ ученіи апостольскомъ открыло имъ глаза до того, что многіе возвратились въ нѣдра церкви. Со

Не менѣе важно было-бы теперь для насъ установить и точную дату бесѣды Аникиты съ Поликарпомъ, такъ съ нея мы можемъ вести хронологію пасхальныхъ споровъ, а слѣдовательно также и соборовъ. Къ сожалѣнію, для нея мы не располагаемъ совершенно ясными и опредѣленными показаніями, такъ что приходится добывать ихъ, такъ сказать, искусственно и опредѣлять лишь приблизительно. Долгое время дату описываемаго Иринеемъ путешествія Поликарпа въ Римъ, относили къ началу, или даже къ серединѣ 60-ыхъ годовъ 2-го вѣка [1]). Теперь же передвинули ее на 5—10 лѣтъ раньше и довольно согласно относятъ къ концу 154 или къ самому началу 155 года [2]). Разность между существующими датами обнимаетъ 11 лѣтъ, т. е. ровно весь понтификатъ папы Аникиты (154-5—166-7 по *Harnack'y*). Зависитъ-же она отъ различнаго опредѣленія года мученической кончины бл. Поликарпа смирнскаго.

„Можно-ли точно установить годъ смерти Поликарпа?“ задаетъ вопросъ Harnack въ своей извѣстной „Хронологіи древне-христіанской литературы“, и самъ-же отвѣчаетъ на него: „кажется, что такъ; потомучто едва-ли есть теперь какая-нибудь другая древняя церковно-историческая дата, относительно которой существовало-бы такое единодушное согласіе (ein Einverständiss), какъ относительно того, что Поликарпъ былъ замученъ 23 Февраля 155-го года“ [3]). Такой точностью этой даты церковно-историческая наука обязана, прежде всего, дошедшимъ до насъ „мученическимъ актамъ Поликарпа Смирнскаго“,—очень древняго происхожденія и высокаго научнаго достоинства. „Подлинность и историческая вѣрность (Martirii Polycarpi) стоитъ внѣ сомнѣній—заявляетъ Bonwetsch: „всѣ ранѣе существовавшія сомнѣнія теперь съ полнымъ правомъ оставлены“ [4]). Въ этихъ актахъ сохранилось немало

властію, которую придавали Поликарпу, лѣта его и добродѣтели, онъ могъ говорить: „истина, которую проповѣдуетъ церковь, есть та, которую я слышалъ отъ апостоловъ“, *В. Геттэ* „Исторія церкви“ 392—3 стр. СПБ. 1872. Срав. случайную замѣтку Евсевія о величественной наружности Поликарпа, поразившей даже языческихъ сыщиковъ—*Eusseb.* IV, XV, 210 стр.

[1]) Такъ, *Neander*, напр. относитъ къ 162 году—„Allgemeine Geschichte der chr. R. und Kirche“ Dritte Aufl. Gotha 1856, 164 s. Usser годъ смерти Поликарпа опредѣляетъ какъ 169, Valesius—согласно съ хроникой Евсевія 167, Clinton и Masson—166, Hilgenfeld 166 г.—см. объ этомъ у послѣдняго „Der Paschalstreit d. alten Kirche“ 241—244 s. Halle 1860.

[2]) *Harnack, Zahn, Lightfoot, Leclercq, Möller-Schubert, Hergenröther-Kirsch, Er. Preuschen* usw.

[3]) *Harnack* „Die Chronologie d. Altchristliche Litteratur“ I B. 334—335 s. Leipzig 1897.

[4]) *Bonwetsch* „Polykarp“ in R-E. XV, 536, 47. Dritte Aufl. Leipzig 1904.

важныхъ хронологическихъ деталей, которыя позволяютъ довольно точно установить время мученической кончины Поликарпа, въ смыслѣ отнесенія его къ половинѣ 50-ыхъ годовъ 2-го вѣка. Значеніе этихъ актовъ еще больше возросло послѣ того, какъ на одномъ изъ древнихъ списковъ ихъ была открыта весьма важная, спеціально-хронологическая приписка такого содержанія: „пострадалъ-же блаженный Поликарпъ мѣсяца Ксанѳика во вторую декаду *(δευτέρᾳ ἱσταμένου)*, за семь дней до Мартовскихъ календъ, въ великую субботу въ восьмой часъ; былъ взятъ Иродомъ при архіереѣ *(ἐπὶ ἀρχιερέως*, азіархѣ) Филиппѣ Тралльскомъ, проконсулѣ Стаціи (въ Пасх. хроникѣ—Кодратѣ)“ [1]. Надъ всестороннимъ анализомъ и изученіемъ этой надписи работалъ цѣлый рядъ выдающихся ученыхъ (Lipsius, Gebhardt, Lightfoot, Zahn, Egli, Hilgenfeld, Harnack etc.) и почти всѣ они пришли къ тому выводу, что мученическая кончина св. Поликарпа Смирнскаго послѣдовала въ тоненіе императора Марка Аврелія 23-го Февраля 155-го года [2]).

[1]) *Harnack* „Die Chronologie... 337—338 s. I b.

[2]) *Th. Zahn* „Seit der epochenmachenden Abhandlung von Waddington, welcher auf Letronne's und Borhesi's Forschungen weiterbauend zuerst bewiesen hat, dass Polykarp am 23 Februar 155 starbt, ist dieses Datum so vielfasch wieder geprüft und namentlich durch Ligtfoot mit so überzeugender Klarheit und fast erschöpfender Gründlichkeit aufs neue erwiesen und gegen die seither erhobenen Einwände vertheidigt worden... Forschungen, IV, 266 — 267 s. Рѣшающее значеніе имѣютъ здѣсь два показанія: во-первыхъ, то, что св. Поликарпъ пострадалъ „въ великую субботу“ *(σαββάτου μεγάλου=ἐνισταμένου)*, что удобнѣе всего можетъ быть отнесено къ субботѣ пасхальной недѣли. А 23-е Февраля на пасхальную субботу около этого времени падало только дважды: въ 155 и въ 166 г. Somit steht fest: Polykarp ist am 23 Feb. entweder d. J. 155 oder d. J. 166 gemartet worden—говоритъ *Ad. Harnack* „Chronologie“ I, 342 s. Во-вторыхъ—ссылка на проконсулатъ Стація Квадрата, при которомъ послѣдовала мученическая кончина св. Поликарпа Смирнскаго. А проконсулатъ этотъ, по изслѣдованіямъ Waddington'a, Zahn'a, Harnack'a, имѣлъ мѣсто 154 или 155 года. Такъ что и эта дата, по словамъ того-же *Harnack*'а, стоитъ не менѣе твердо („steht fest“ Ibidem—348 s.). Наконецъ, въ 1880 г. *Lightfoot*'у посчастливилось открыть на мѣстѣ древняго города Траллъ три надписи, одна изъ которыхъ выясняетъ и остававшуюся до тѣхъ поръ загадочной личность *ἀρχιερέως Φιλίππου Τραλλιανοῦ*, современника проконсула Стація Квадрата, при которомъ пострадалъ блаженный еп. Поликарпъ. На открытой *Lightfoot*'омъ надписи, между прочимъ, читаемъ: *„ἀρχιερατεύοντος καὶ ἀγωνοθετοῦντος τὸ β' Γ. Ἰουλίου Φιλίππου, υἱοῦ βουλῆς, ἀρχιερέως Ἀσίας καὶ ἀγωνοθέτου διὰ βίου.* Отсюда съ несомнѣнностью открывается, что Юлій Филиппъ былъ верховнымъ религіознымъ главой провинціи Азіи, т. е. „азіархомъ“ культа цезаря. По даннымъ тѣхъ-же источниковъ, „азіархатъ“ Юлія Филиппа приходился въ 56 Тральскую олимпіаду, что, въ переводѣ на обыкновенное счисленіе, обнимаетъ періодъ времени съ 1-го Іюля 149—1-ое Іюля 153 г. *(Zahn* „Forschungen“ IV, 270 s.), или, лучше по версіи *Ad. Harnack*'а 151—155 или 152—156 г. (Die Chronologie... I, 348, 1 n.).

Приблизительно къ тому-же результату приходимъ мы и съ другого конца, устанавливая дату понтификата папы Аникиты, на самое начало котораго падаетъ посѣщеніе его Поликарпомъ и ихъ интересующая насъ бесѣда. Къ сожалѣнію, эта новая дата по степени своей достовѣрности значительно уступаетъ предыдущей (году смерти св. Поликарпа) и даже сама стоитъ въ зависимости отъ нея [1]). Поэтому, хотя и существуютъ попытки нѣсколько отдалить начало понтификата папы Аникиты, перенеся его на 157—158 г. [2]), но, въ общемъ, онѣ успѣха не имѣютъ, и почти общепризнанной датой считается конецъ 154 г. или самое начало 155 г. (дата *Waddington'a*, которую *Langen* характеризуетъ, какъ fast allgemein mit Beifall aufgenommenen, 142 s. 2 n.). А что во всякомъ случаѣ вступленіе папы Аникиты на римскій престолъ предваряло собой событіе мученической кончины св. Поликарпа, это, кромѣ отрывка изъ письма Иринея, подтверждается Евсевіемъ и еще разъ, въ спеціальной главѣ о Поликарпѣ [3]). Такимъ образомъ, 154-ый годъ, — послѣдній въ жизни св. Поликарпа Смирнскаго и первый въ понтификатѣ римскаго епископа Аникиты— мы и должны окончательно принять за исходный пунктъ пасхальныхъ споровъ, за ихъ первичное, еще очень миролюбивое обнаруженіе. Причемъ, вполнѣ разумна и догадка Zahn'a, что фактъ этотъ имѣлъ мѣсто, именно, весною 154 г. во время пасхи, различное празднованіе которой, какъ дало поводъ къ бесѣдѣ, такъ и послужило ея мирнымъ, заключительнымъ аккордомъ [4]).

[1]) Поэтому-то, очевидно, и Hauck выражается объ этой датѣ, что она steht nicht fest *(Hauck* „Anicet, Papst“ in RE³, I, 552 s.). По тому-же самому мы почти у всѣхъ научныхъ авторитетовъ встрѣчаемся съ такимъ схематическимъ вычисленіемъ: такъ какъ Ириней свидѣтельствуетъ о бесѣдѣ папы Аникиты съ еп. Поликарпомъ, а кончина послѣдняго произошла 23 Февр. 155 г., то, слѣдовательно, Аникита вступилъ на римскую каѳедру или въ самомъ началѣ 155 г., или, вѣроятнѣе, въ концѣ предыдущаго, 154 года.

[2]) Такъ думаетъ, напр., *Wiesler* „Christenverfolgungen...“ 59 s. и сочувствующій ему *Langen* „Geschichte d. röm. Kirche 142 и 147 s.

[3]) *Евсев.* IV, XIV, 255 стр.: „Въ то время, какъ римскою церковью управлялъ Аникита, еще находился въ живыхъ Поликарпъ“ *(ἔτι περιόντα τῷ βίῳ) Euseb.* III, 14, 1, 332 s.

[4]) *Th. Zahn* „Ist nun Polykarp am 23 Februar 155 gestorben, so fällt sein Besuch Roms spätestens um Ostern 154“. Forschungen IV, 274 s. Покуп но считаемъ нелишнимъ привести здѣсь и предлагаемую Zahn'омъ общую хронологію событій жизни св. Поликарпа. Рожденъ онъ около 55 года. Въ общеніи со св. апостолами находился около 69 года. Въ епископа г. Смирны рукоположенъ около 85 г. Встрѣчу съ Игнатіемъ Богоносцемъ имѣлъ около 107 года, когда отправилъ и посланіе къ Филиппійцамъ. Пребываніе Флорина и юнаго Иринея у По-

Прошло не больше 10—12 лѣтъ со времени первой, мирной бесѣды о пасхальныхъ разностяхъ двухъ виднѣйшихъ представителей церквей востока и запада (Поликарпа смирн. и папы Аникиты), какъ та-же самая тема стала предметомъ уже втораго, гораздо болѣе жаркаго, жизненно-религіознаго спора, возгорѣвшагося на этотъ разъ на востокѣ. Изъ дошедшихъ до насъ извѣстій мы знаемъ, что наиболѣе активными участниками этого спора были два видныхъ малоазійскихъ епископа — Мелитонъ сардійскій и Аполлинарій іерапольскій—выдающіеся писатели и церковные дѣятели второй половины 2-го вѣка (апологеты и антимонтанисты).

Раньше всѣхъ, повидимому, выступилъ Мелитонъ еп. сардійскій, написавшій полемическій трактатъ „о пасхѣ“ (въ двухъ книгахъ). Евсевій, сообщающій намъ объ этомъ, приводитъ и важную выдержку изъ предисловія къ данному сочиненію, указывающую на время и на поводъ къ его составленію, содержащую въ себѣ буквально слѣдующее: „въ проконсульство Павла Сервилія въ Азіи, въ то время, когда Сагарисъ претерпѣлъ мученическую смерть, въ Лаодикіи происходилъ *великій споръ о Пасхѣ (ζήτησις πολλὴ ἐν Λαοδικείᾳ περὶ τοῦ πάσχας)*, которая тогда происходила въ сей самый день. По сему-то случаю я и написалъ эти книги“ [1]). Анализъ приведенной выдержки начнемъ съ того, что въ ней всего яснѣе, именно, съ опредѣленія ея хронологіи. Несмотря на цѣлый рядъ конкретныхъ указаній, хронологія описываемаго факта нуждается въ серьезномъ поясненіи и даже поправкѣ. Дѣло въ томъ, что съ именемъ названнаго здѣсь проконсула *Павла Сервилія* произошла, видимо, ошибка: въ половинѣ 2-го вѣка не было консула съ такимъ именемъ; но былъ называвшійся *Павломъ Сергіемъ* и правившій между 164—166 г. (по Waddington'у), или болѣе опредѣленно—въ 166—167 году (по Schmid'у) [2]).

ликарпа падаетъ на 129 г. Путешествіе Поликарпа въ Римъ—пасха 154 года. Его блаженная кончина—23 Февраля 155 г. *Ibid.* 275 s.

[1]) *Евсевій* „Церк. исторія“ IV, 26, стр. 237. *Euseb.* Kircheng. IV, 26, 3, 382—383 s. См. здѣсь-же и текстъ Руфина съ именемъ Sergius вмѣсто Servilius. Ср. *S. Hieronymus* „Liber de Viris illustribus“, c. XXIV—*Ruth*[3], I, 113 p.

[2]) Въ подстрочникѣ берлинскаго изданія Евсевіева подлинника къ данному тексту имѣетъ слѣдующій научный аппаратъ: „*σερουιλλίου* ATERB *σερουΐννου* D *σερουλλίου* M סראוללם—*Σ Σεργίου A* nach Act, 13, 7 durch Zufall richtig *[L. Sergius Paullus* Prosop. imp. Rom. 3, 221].

Ad. Harnack въ своей „Chronologie“... приводитъ по этому поводу слѣдующія не безъинтересныя соображенія: „Сергій Павелъ вторично сдѣлался консуломъ въ 168 г. и умеръ какъ намѣстникъ города (Stadtpräfect). Онъ былъ облеченъ этой должностью уже въ 167 г., такъ какъ по правилу городское

Поправка эта къ тексту Евсевія внесена еще Руфиномъ, у котораго читаемъ въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ: sub Sergio Paulo proconsule Asiae и она считается теперь научно общепризнанной.

Хотя трактатъ Мелитона „о Пасхѣ“ до насъ, къ сожалѣнію, и не дошелъ, но нѣкоторое представленіе въ его общемъ характерѣ мы все же составить можемъ. Здѣсь выручаетъ насъ другой отрывокъ, сохраненный Евсевіемъ, и взятый изъ письма Поликрата, еп. ефесскаго къ римскому папѣ Виктору. Въ письмѣ этомъ среди именъ прославленныхъ четыренадесятниковъ, т. е. державшихся малоазійской пасхальной практики, называется и „евнухъ Мелитонъ *(καὶ Μελίτωνα τὸν εὐνοῦχον*, Melitonem propter regnum dei eunuchum), который все дѣлалъ по внушенію Св. Духа, и почиваетъ въ Сардахъ, ожидая епископства небеснаго, по воскресеніи изъ мертвыхъ. Всѣ они праздновали пасху по евангелію въ четырнадцатый день, ни въ чемъ не отступая отъ правила вѣры *(κατὰ τὸν κανόνα τῆς πίστεως*, sed fidei regulam per omnia conservantes) [1])“. Если четыренадесятникъ Поликратъ ефесскій выразительно указываетъ на Мелитона, какъ на знаменитаго защитника малоазійскаго обычая пасхи, то не можетъ оставаться никакого сомнѣнія, что Мелитонъ въ своемъ трактатѣ оправдывалъ и защищалъ традиціи своей мѣстной церкви—говоритъ A. Hilgenfeld [2]) A. Wiesler обращаетъ вниманіе еще на одну деталь изъ предисловія Мелитона, гдѣ говорится, что пасха приходилась тогда (т. е. въ годъ кончины еп. Сагариса) въ „удобное“ время *κατὰ καιρόν*, т. е. какъ онъ толкуетъ, въ „правильное, въ надлежащее время“, хотя, надо полагать, нѣкоторые это и оспаривали, указывая другое, менѣе годное, менѣе подходящее, словомъ—неправильное время“ [3]). Вотъ, по поводу этихъ-то споровъ, совпавшихъ къ тому-же съ достопамятной кончиной еп. Сагариса (и по поводу самой этой кончины, какъ думаетъ Harnack) Мелитонъ сардійскій и написалъ свой пасхальный трактатъ.

намѣстничество соединялось со вторымъ консулатомъ. Слѣдовательно, его проконсулатъ не можетъ падать на время послѣ Мая 167 г. и Waddington, старающійся помѣстить его между 164—166 г., неправъ... Опредѣленно намъ извѣстенъ лишь 166—167 г. Прочіе-же годы, за періодъ отъ 162—167 намъ неизвѣстны, за отсутствіемъ года перваго консулата Сергія Павла. Но насколько все-же позволительно строить выводы изъ этого счисленія, мы сочиненіе Мелитона „о пасхѣ“ (и о смерти Сагариса) должны отнести или къ 167—168 году, или къ одному изъ предшествовавшихъ 162 году, но ни въ какомъ случаѣ не позже 167 года“ 359—360 s. I в.

[1]) *Евсевій*—V, XXIV, 308 стр. Ср. *Euseb.* V, 24, 5, 492 s.

[2]) *A. Hilgenfeld*—Op. cit. 252 s.

[3]) *Wiesler*—Op. cit. 122 s.

Другое, менѣе, пожалуй, прямое, но столь-же вѣское подтвержденіе тому, что Мелитонъ защищалъ малоазійскую позицію четыренадесятниковъ, можно видѣть въ замѣткѣ Евсевія объ одномъ, недошедшемъ до насъ трактатѣ современника Мелитона—Климента александрійскаго. Замѣтка эта помѣщена Евсевіемъ тотчасъ же вслѣдъ за приведеннымъ выше предисловіемъ изъ книги Мелитона и содержитъ въ себѣ слѣдующее: „объ этомъ сочиненіи (т. е. Мелитона) упоминаетъ Климентъ александрійскій въ своемъ словѣ о Пасхѣ и говоритъ, что онъ (т. е. самъ Климентъ) написалъ его по поводу сочиненія Мелитонова *(ὅ ὡς ἐξ αἰτίας τῆς τοῦ Μελιτόνως γραφῆς)*“ [1]). А такъ какъ александрійская церковь, виднымъ членомъ которой былъ Климентъ александрійскій, въ пасхальномъ вопросѣ держалась римской практики, или, точнѣе, приближалась къ ней, то критическое выступленіе Климента противъ Мелитона свидѣтельствуетъ о противоположной точкѣ зрѣнія послѣдняго.

Наконецъ, о принадлежности Мелитона къ четыредесятникамъ—и притомъ даже наиболѣе строгаго толка,—говоритъ и такая характерная подробность, что онъ называется „евнухомъ ради царствія Божія“, т. е. лицомъ или добровольно себя оскопившимъ, по примѣру Оригена, или, во всякомъ случаѣ, выдѣлявшимся какимъ-то особымъ, незаурядным, повышеннымъ аскетизмомъ. Недаромъ онъ пользовался симпатіей строгаго аскета — Тертулліана, называвшаго Мелитона elegans et declamatorium ingenium [2]). О томъ-же, въ концѣ концовъ, свидѣтельствуетъ и данный Евсевіемъ перечень сочиненій Мелитона, среди которыхъ не мало затрагивающихъ излюбленныя у монтанистовъ темы и трактующихъ ихъ, скорѣе, въ симпатичномъ для нихъ духѣ, насколько

[1]) *Евсевій*—IV, 26, 237 стр. Упоминаетъ объ этомъ Евсевій и еще разъ, въ спеціальной главѣ о сочиненіяхъ Климента александрійскаго, въ концѣ которой читаемъ: „а въ сочиненіи о пасхѣ говоритъ, что друзья убѣдили его письменно передать потомству тѣ преданія, которыя случилось ему слышать отъ древнихъ; тутъ-же упоминаетъ онъ о Мелитонѣ, Иринеѣ и нѣкоторыхъ другихъ и приводитъ мѣста изъ ихъ сочиненій“ VI, XIII, 342 стр.

[2]) „Hujus elegans et declamatorium ingenium cavillatur Tertullianus in septem libris, quos scripsit adversus ecclesiam pro Montano, dicit eum a plerisque nostrorum prophetam putari“. *S. Hieronymus* „Liber de viris illustribus“ c. XXIV. *Routh*[3], I, 113 p. Такой строго-консервативный, специфически-малоазійскій обликъ Мелитона, съ ясно выраженнымъ наклономъ къ харизматическому профетизму (слова Евсевія: „онъ все дѣлалъ по внушенію Св. Духа“) и аскетизму („евнухъ“) далъ даже поводъ нѣкоторымъ ученымъ заподозрить въ немъ, если не прямо монтаниста, то лицо родственное этому движенію. См. объ этомъ у *Schwegler*'а „Der montanismus und die Christl. Lehre“ 223 s.

можно судить объ этомъ по самымъ заголовкамъ сочиненій и по краткимъ ремаркамъ о нихъ Евсевія, Тертулліана и Іеронима [1]).

Большинство сочиненій Мелитона носитъ нравственно-практическій характеръ и вызвано было прямыми нуждами и запросами современной ему церковной жизни. Очевидно таково же происхожденіе и его „двухъ книгъ о Пасхѣ“, составленныхъ, какъ, впрочемъ, опредѣленно и свидѣтельствуется у Евсевія, по поводу великаго спора о Пасхѣ, возникшаго въ Лаодикіи, въ связи съ кончиною мѣстнаго епископа — Сагариса. Но почему возникъ здѣсь этотъ споръ и въ чемъ онъ, въ сущности, состоялъ? отвѣтить нелегко. Приходится довольствоваться той догадкой, что Лаодикія, какъ и сосѣдній съ ней Іераполь — начали измѣнять своей старой малоазійской пасхальной традиціи и становиться на сторону римско-александрійской практики. Однако, это были еще первые, неокрѣпшіе шаги, встрѣтившіе сильную оппозицію и потому породившіе „великій споръ“ *(ζήτησις πολλή)*.

Но почему же, однако, этотъ великій пасхальный споръ возгорѣлся, именно, здѣсь и въ это время? На это отвѣтить намъ казалось нетрудно, исходя изъ общихъ, принципіальныхъ соображеній. Наиболѣе вѣроятная причина этого, какъ мы первоначально думали, кроется въ томъ, что, именно, въ это время, т. е. къ половинѣ 60-хъ годовъ, особо высоко поднялась волна монтанистическаго движенія, и именно здѣсь,—въ Іераполѣ и Лаодикіи она встрѣтила себѣ главное церковное противодѣйствіе. Строгіе четыренадесятники, быть можетъ, даже помимо доброй своей воли, оказывались какими-то идейными союзниками монтанистовъ. Наоборотъ, ортодоксальные борцы съ монтанизмомъ, уже въ силу одного этого, естественно становились какъ бы нѣкоторыми противниками и четыренадесятниковъ. Отсюда, у лаодикійско-іерапольскихъ борцовъ съ монтанизмомъ психологически былъ близокъ и вполнѣ понятенъ ихъ переходъ отъ старой, четыредесятнической практики, скомпрометтированой монтанистами, къ новой, воскресничесой, имѣвшей за собой традицію Рима и всей остальной истинно-христовой церкви. Та іудействующая подпочва, которая питала и окрашивала ненавистный православнымъ монтанизмъ, естественно должна была отталкивать ихъ отъ всего

[1]) Таковы его сочиненія: 1) *περὶ πολιτείας καὶ προφητῶν*, 2) *περὶ ἐκκλισίας*, 3) *περὶ αἰσθητηρίων*, 4) *περὶ ψυχῆς καὶ σώματος*, 5) *περὶ λουτροῦ*, 6) *περὶ ἀληθείας*, 7) *περὶ προφητείας*, 8) *ἡ κλείς*, 9) *περὶ τῆς ἀποκαλύψεως Ἰωάννου*, 10) *εἰς τὸ πάθος* и др. *Bardenhewer*, у котораго мы заимствуемъ этотъ перечень, видитъ у Мелитона иестолько прямое сочувствіе монтанизму, сколько unetschiedene, abwartende Haltung. Op. cit. I, 550 s.

іудейскаго, въ томъ числѣ, разумѣется, и отъ совмѣстнаго съ іудеями празднованія пасхи. Таково было наше первоначальное, какъ казалось намъ, вполнѣ естественное и логичное объясненіе той тѣсной связи, которая несомнѣнно существовала между монтанистическимъ движеніемъ и пасхальными спорами. Но послѣдующее, болѣе глубокое знакомство съ истиннымъ характеромъ ихъ взаимоотношенія заставило насъ отказаться отъ вышеизложенной теоретической схемы и вскрыть настоящую, реально-историческую почву, монтанистическо-пасхальныхъ споровъ.

Первую брешь въ нашей гипотезѣ пробила, если можно такъ выразиться, личность того-же еп. Мелитона сардійскаго. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, съ точки зрѣнія нашей гипотезы, Мелитонъ, какъ борецъ съ монтанизмомъ, долженъ былъ бы и по вопросу о пасхѣ идти, такъ сказать, по пути отъ четыренадесятниковъ къ воскресникамъ, и ужъ никоимъ образомъ не являться ярымъ четыренадесятникомъ. А между тѣмъ, въ дальнѣйшемъ изложеніи исторіи Евсевія, именно, въ письмѣ еп. Поликрата ефесскаго къ папѣ Виктору, Мелитонъ сардійскій указывается въ числѣ наиболѣе стойкихъ и авторитетныхъ четыренадесятниковъ [1]). Ясно, что въ вопросѣ о пасхѣ Мелитонъ, какъ типичный представитель малоазійской практики, нисколько не сходилъ съ іудействующей почвы и ничѣмъ не выражалъ своего сочувствія римской точкѣ зрѣнія на пасху. Слѣдовательно, въ личности еп. Мелитона сардійскаго прекрасно уживались въ одно и то-же время и писатель-антимонтанистъ и практикъ-четыренадесятникъ. А это, въ свою очередь, убѣдительно свидѣтельствуетъ о томъ, что полемика съ монтанизмомъ приводила, скорѣй, къ защитѣ преждней пасхальной практики, чѣмъ къ ея критикѣ или даже полной замѣнѣ.

Что здѣсь не однѣ лишь наши гипотезы и предположенія, а дѣйствительный историческій фактъ—это доказывается и выступленіемъ другого виднаго писателя-антимонтаниста той-же эпохи—Аполлинарія еп. іерапольскаго,—со спеціальнымъ сочиненіемъ „О пасхѣ“ [2]). „Пасхальная хроника“ приводитъ два отрывка изъ этого

[1]) *Евсевій* V, XXIV, 308 стр. *Euseb.* V. 24. 5. 492 s. Смотри также еще приписываемый Мелитону фрагментъ, гдѣ онъ проводитъ полную параллель между ветхозавѣтн. и новозавѣтн. агнцами.

[2]) Правда, нашъ главный источникъ свѣдѣній объ Аполлинаріи іерапольскомъ—Евсевій, посвятившій ему цѣлую главу (Евс. IV, 27), въ своемъ перечнѣ его сочиненій, не упоминаетъ трактата о пасхѣ, о которомъ мы узнаемъ лишь изъ „Пасхальной хроники“. „Но молчаніе Евсевія—по справедливому отзыву *Bardenhewer*'а—еще не служитъ основаніемъ заключать о неподлинности, такъ какъ Евсевій самъ-же даетъ ясно понять, что его перечень сочиненій Аполлинарія нисколько и не претендуетъ на полноту. Наоборотъ, очень вѣроятно, что тотъ фригійскій епископъ, который такъ охотно брался за перо, не могъ не принять участія и въ пасхальномъ спорѣ, столь сильно поднявшемся, именно, въ малоазійскомъ христіанствѣ“. А то, что намъ извѣстно о выдающейся дѣятельности Аполлинарія, какъ главнаго антимонтаниста, и о чемъ мы подробно говорили выше (стр. 117 и сл.), окончательно подтверждаетъ справедливость показанія „Пасхальной хроники“; поэтому небезынтересно познакомиться съ ними поближе.

сочиненія. Въ первомъ изъ нихъ имѣется слѣдующее: „и Аполлинарій, святѣйшій епископъ Іераполя Азійскаго, бывшій близко къ апостольскимъ временамъ, въ своемъ сочиненіи о пасхѣ училъ о подобномъ-же, говоря такъ: „нѣкоторые-же изъ тѣхъ что соревнуютъ въ невѣжествѣ обо всемъ, какъ-бы убѣжденные въ знаніи дѣла, говорятъ, что въ 14-ое (число Нисана) Господь вкусилъ агнца со своими учениками, а въ великій день опрѣсноковъ пострадалъ Самъ; и что они излагаютъ по Матѳею, говоря такъ, какъ они выдумали; почему ихъ мнѣніе не согласно съ закономъ и евангелія оказываются по нимъ противорѣчащими“ [1]). Изъ этой цитаты видно отрицательное отношеніе Аполлинарія къ той пасхальной практикѣ, которая пыталась перенесть празднованіе христіанской пасхи съ 14 Нисана на 15-ое, оставивъ 14-ое для іудейской пасхальной вечери. Представители ея наивно продолжали думать, что они нисколько не измѣняютъ синоптикамъ (въ частности, Матѳею), хотя, видимо, сами-то слѣдуютъ чему-то еще (ни евангелію-ли Іоанна, въ его своеобразномъ пониманіи?). Еще очевиднѣе та-же строго-четыренадесятническая точка зрѣнія Аполлинарія іерапольскаго обнаруживается изъ другого его фрагмента, читающагося такъ: „и опять онъ (Аполлинарій іерап.) въ томъ же сочиненіи (т. е. „о пасхѣ“) написалъ такъ: „14-е истинная пасха Господня *(τὸ ἀληθινὸν τοῦ Κυρίου πάσχα)*, великая жертва, вмѣсто агнца—отрокъ Божій, который, будучи связанъ, связалъ сильнаго, и который, будучи осужденъ, есть судія живыхъ и мертвыхъ и который, будучи преданъ въ руки грѣшниковъ, чтобы быть пропятымъ... съ прободенной святой плеврой, съ вылившимися изъ Его плевры двумя очищеніями—водой и кровью (Io. XIX, 34)—словомъ и духомъ—и погребенъ въ день самой пасхи, съ возложеніемъ въ память его камня“ [2]). Нельзя

[1]) *Chronicon Paschale* ed. Ludov. Dindorfii, I, 13—14. Bonnae MDCCCXXXII. *Ruth*², I, 122 p.

[2]) *Chronicon Paschale*—14 p.

не признать, что въ этой цитатѣ Аполлинарій іерапольскій выступаетъ самымъ рѣшительнымъ защитникомъ пасхальной практики четырнадесятниковъ. Онъ выразительно и съ особеннымъ ударѐніемъ подтверждаетъ, что истинная новозавѣтная пасха должна справляться, именно, 14-го Нисана, какъ-бы въ отмѣну и замѣну ветхозавѣтнаго пасхальнаго агнца: символъ и прообразъ уступали свое мѣсто совершившемуся факту искупительной жертвы Господа. Потому-то Аполлинарій такъ и дорожитъ ихъ совпадѐніемъ въ числахъ, чтобы въ день самой пасхи (14-го Нисана) вспомянуть и смерть и погребѐніе Господа. Въ словахъ Аполлинарія все время чувствуется какой-то полемическій оттѣнокъ, какъ будто-бы онъ пишетъ здѣсь въ опровержѐніе тѣхъ, кто хочетъ измѣнить 14-му Нисану, и именно, въ сторону болѣе поздней пасхальной практики. Такимъ образомъ, что-же мы видимъ? Два крупныхъ полемиста съ монтанизмомъ, (въ особенности Аполлинарій іерапольскій, организаторъ главнаго собора по борьбѣ съ нимъ) являются въ то-же время и двумя чуть-ли не главными защитниками четырнадесятниковъ: они влагаютъ новый, болѣе глубокій (догматико-символическій) смыслъ въ прежнюю практику и горячо защищаютъ ее отъ какихъ-то покушѐній измѣнить 14-му числу. Весь вопросъ теперь въ томъ, съ чьей стороны шли эти покушѐнія и въ чемъ они состояли?

Отвѣтъ на поставленный вопросъ отчасти уже какъ-бы подсказывается самъ собою, именно, тѣмъ краснорѣчивымъ совпадѐніемъ, что критики монтанизма являются одновременно и защитниками практики четырнадесятниковъ. Это невольно наводитъ на подозрѣ̀ніе, не пытались-ли монтанисты внести какого-либо измѣнѐнія и въ господствовавшую малоазійскую, т. е. четырнадесятническую практику? Внимательное изучѐніе монтанизма, именно, съ этой стороны, не оставляетъ насъ безъ отвѣта и рѣшительно подтверждаетъ справедливость подобной догадки. Извѣстный продолжатель Евсевія церковный историкъ Созоменъ († 423 г.) сообщаетъ о современныхъ ему монтанистахъ, что они, порицая тѣхъ, кто въ вычислѐніяхъ пасхи держался луннаго календаря, сами слѣдовали солнечному календарю, употреблявшемуся у

[1]) *Er. Preusschen* „Es wird kaum ein Zufall sein, dass die Streitigkeiten über die Passahfeier um etwa dieselbe Zeit beginnen und dass einer der energischten litterarischen Verfechter der kirchlichen Sitte, Melito von Sardes, zugleich in zahlreichen Schriften die Montanisten bekämpfte und eine Auseinandersetzung über dass Passah verfasste, in der er die alte Sitte in Schutz nahm“ RE³. 14, 729 s.

Римлянъ и начинавшему годичный циклъ съ весенняго равнодѐнствія, т. е. за девять (по Созомену), или за восемь (по Юліанскому календарю) дней до апрѣльскихъ идъ [1]). Отсчитывая отсюда четырнадцать дней впередъ (такъ какъ пасху должно справлять въ четырнадцатый день перваго мѣсяца), мы получаемъ 6-ое или 7-ое Апрѣля, какъ постоянное число для празднованія христіанской пасхи [2]). Если-же эти постоянныя апрѣльскія даты падали не на воскресенье, а на какой-либо другой день недѣли, то пасху переносили на ближайшій послѣ сего воскресный день.

Созоменъ далеко не одинокъ въ своихъ показаніяхъ о пасхальныхъ вычислѐніяхъ и практикѣ монтанистовъ: то-же самое подтверждаютъ Pseudochrysostomos и мученическіе акты Поликарпа и Піонія [3]). Даже на попытку нѣкоторыхъ заподозрѣть сравнительно позднее образованіе у монтанистовъ такого оригинальнаго календаря Er. Preusschen даетъ совершенно удовлетворительный отвѣтъ, когда указываетъ существованіе аналогичной-же традиціи у египетскихъ гностиковъ 2-го вѣка, (именно—что Іисусъ Христосъ пострадалъ 7-го Апрѣля), слѣды чего сохранились и въ „Строматахъ“ св. Климента александрійскаго [4]). „Такъ что во всякомъ случаѣ ясно, что это вычислѐніе праздника пасхи въ монтанистическихъ кругахъ очень древнее; несомнѣнно, древнѣе Созомена. И такое заимствованіе (авторъ, очевидно, предполагаетъ здѣсь заимствованіе монтанистами у египетскихъ гностиковъ) могло имѣть мѣсто только во второмъ вѣкѣ, потому что позднѣе и въ самомъ Египтѣ утрачена была память объ истинномъ днѣ смерти Іисуса и египетскій обычай празднованія никогда не зависѣлъ отъ этой традиціи“ [5]). Такимъ образомъ, можно считать окончательно доказаннымъ, что фригійскіе монтанисты 2-го вѣка были тоже „четырнадесятниками“; но на совершенно новой

[1]) *Sozomenos* H. e. VII; 18. Самую цитату см. также и у *Bonwetsch*'а „Die Geschichte Montanismus“ 166 s. По словамъ Bonwetsch'а, у древнихъ христіанъ существовало даже своеобразное воззрѣніе, что весеннее равноденствіе есть годовщина творенія міра, именно, четвертаго дня творенія, когда впервые заблистало солнце и область дня и ночи была раздѣлена идеально равномѣрно.

[2]) *Созоменъ* въ вышеуказанномъ отрывкѣ почему-то называетъ даже „восьмыя иды Апрѣля“ *(ὀκτὼ ἰδῶν Ἀπριλλίων)*; но это—очевидное недоразумѣніе.

[3]) *Pseudochrysostomos*, Hom. VII in Pascha. Opp. ed. Montf. VIII, App. p. 276. См. *Bonwetsch*—167, n. 1. Boll. Jan. II, 696—ibidem. Оба этихъ свидѣтельства говорятъ о томъ, что монтанисты были своеобразными четырнадесятниками, вычислявшими четырнадцатый день не по лунному, а по солнечному календарю, а потому праздновавшими пасху внѣ предѣловъ „дней опрѣсноковъ“.

[4]) *Stromat* I, 21. См. *Erw. Preusschen*, RE³, 14, 730.

[5]) *Erw. Preusschen* „Passah, altchristliches und Passahstreitigkeiten“ RE³, 14, 730.

почвѣ, не іудейскаго, луннаго счисленія, а солнечнаго, римско-египетскаго календаря. И такая свобода въ отрѣшеніи отъ прежней, іудейской традиціи и въ замѣнѣ ея новой, вполнѣ гармонировала съ общимъ, довольно свободнымъ характеромъ монтанизма, для котораго никакія традиціи и авторитеты не имѣли особеннаго значенія, такъ какъ единственнымъ регуляторомъ ученія и жизни здѣсь былъ Параклетъ, или свободно вѣщавшій чрезъ монтанистическихъ пророковъ и пророчицъ Духъ [1]).

Такимъ образомъ, намъ становится теперь совершенно ясенъ и понятенъ удивительный, прежде, фактъ, что полемика съ монтанизмомъ какъ-бы вела за собою и защиту малоазійской пасхальной практики. Иначе не могло и быть, такъ какъ монтанисты вводили на востокѣ „чуждую пасху"—не по традиціонному лунному, общему съ евреями календарю, а по новому, солнечному, александрійско-римскому счисленію. При такихъ условіяхъ, вполнѣ естественно, что распространеніе монтанизма породило сильные междоусобные споры о пасхѣ и на востокѣ, среди самихъ „четыренадесятниковъ". Въ лагерѣ послѣднихъ, очевидно, произошелъ расколъ: одни, преимущественно, православные четыренадесятники настаивали на томъ, что пасху надо справлять 14-го Нисана, вмѣстѣ съ іудеями и по лунному календарю. Другіе четыренадесятники, преимущественно, изъ числа монтанистовъ, говорили, что четырнадцатое число перваго мѣсяца надо вычислять не по лунному, а по солнечному календарю и предлагали праздновать пасху въ первой половинѣ Апрѣля (6—7 Апрѣля). Весьма вѣроятно, что эта основная разность православныхъ съ монтанистами осложнялась и еще однимъ, привходящимъ условіемъ—ихъ предпочтительнымъ слѣдованіемъ или синоптикамъ (православная партія), или ев. Іоанну (монтанисты), благодаря чему пасхальная разница могла увеличиваться еще на день, или даже на два. Во всякомъ случаѣ для насъ теперь несомнѣнно, что пасхальный споръ сплелся на востокѣ съ монтанизмомъ, а не былъ здѣсь вызванъ непосредственнымъ столкновеніемъ съ римской пасхальной практикой. Потому-то онъ и возгорѣлся въ главномъ центрѣ монтанизма—Лаодикіи фригійской (политическомъ метрополѣ Фригіи, сосѣднемъ съ г. Іераполемъ) и потому-же пріобрѣлъ здѣсь такой напряженный, страстный характеръ („великій споръ", ζήτησις πολλή). Споръ этотъ, какъ мы уже говорили (на 194 стр.), падалъ на пасху 166 или 167 года, когда по-

[1]) *Ev. Preuschen:* Zu dem revolutionären Zug, der dieser ganzen Bewegung anhaftet, passt das vortrefflich". Ibidem.

слѣдовала мученическая кончина лаодикійскаго еп. Сагариса, пострадавшаго въ гоненіе Марка Аврелія, при которомъ въ Римѣ былъ замученъ извѣстный Іустинъ Философъ, съ шестью его товарищами. Отмѣтимъ еще разъ, что, именно, этотъ „великій Лаодикійскій споръ" вызвалъ и оживленную литературно-богословскую полемику, изъ произведеній которой опредѣленно намъ извѣстны два трактата,—одинъ, принадлежащій четыренадесятнику Мелитону сардійскому, другой, встрѣчный—Клименту александрійскому [1]).

Прослѣдивъ двѣ первыхъ фазы исторіи пасхальныхъ споровъ (западно-римскую и восточно-фригійскую), мы подошли теперь къ тому моменту, откуда уже можно было-бы начинать обозрѣніе пасхальныхъ соборовъ, ликвидировавшихъ эти споры. Но чтобы отчетливѣе представить себѣ, какъ хронологическую канву данныхъ соборовъ, такъ и ихъ внутреннюю логику, а также и для того, чтобы закончить исторію развитія пасхальныхъ споровъ второго вѣка, мы считаемъ болѣе удобнымъ здѣсь-же сказать нѣсколько словъ и о послѣдней фазѣ этихъ споровъ—рѣзкомъ столкновеніи по вопросу о празднованіи пасхи западно-римской церкви съ восточно-малоазійскими.

Исторію пасхальнаго вопроса въ Римѣ мы прервали на моментѣ мирной, но безрезультатной бесѣды на эту тему папы Аникиты съ еп. Поликарпомъ († 155 г.). Бесѣда эта, во всякомъ случаѣ, показала, что римская церковь твердо держалась своей воскресной практики и къ тому-же, надо полагать, основанной на практиковавшемся въ ней солнечномъ календарѣ. Обнаружила она также и то, что римская церковь пропагандировала свою пасхальную практику и желала, чтобы ей слѣдовали и другія церкви. Однако, послѣ знаменитой бесѣды папы Аникиты съ еп. Поликарпомъ, римская церковь долгое время не дѣлала никакихъ новыхъ шаговъ по этому пути, ни въ одинадцатилѣтній понтификатъ самого Аникиты, ни въ управленіе двухъ его преемниковъ—папъ Сотера (166—174) и Елевѳера (174—189) [2]). Чѣмъ объяснить такое спи-

[1]) Нѣкоторые (A. Hilgenfeld) обращаютъ еще вниманіе на характерные термины Мелитонова фрагмента *καιρῷ* и *κατὰ καιρόν*, находя въ нихъ указаніе на „удобное, правильное, законное время" пасхи, т. е. именно, на 14 Нисана, какъ день смерти еп. Сагариса. Но мы не хотимъ пользоваться столь сомнительнымъ аргументомъ, такъ какъ вышеназванные термины, будучи взяты въ контекстѣ, не имѣютъ самостоятельнаго значенія, а несутъ чисто служебную роль, усиливая мысль о совпаденіи мученической кончины Сагариса съ днемъ празднованія пасхи, и правильнѣе всего должны быть переведены: „какъ разъ въ то самое время". См. русско-греческій словарь по *Бенделеру*, Кіевъ 1881, 385 стр.

[2]) См. относительно сего прямое свидѣтельство св. Иринея Лионскаго у *Евсевія* V, 24, 310 стр.

сходительно терпимое отношеніе этихъ папъ къ ненравившейся имъ чужой пасхальной практикѣ? За отсутствіемъ болѣе удовлетворительнаго отвѣта, приходится довольствоваться гипотезой A. Hilgenfeld'a, что разгадку этого надо искать въ положительномъ вліяніи на западную церковь, и въ частности на перечисленныхъ папъ, новоявленнаго монтанизма. Въ самомъ дѣлѣ, изъ исторіи монтанизма намъ извѣстно, что движеніе это, рано осужденное у себя на родинѣ, и, вообще на мало-азійскомъ востокѣ, встрѣтило болѣе сочувственный пріемъ на западѣ, гдѣ его особенно популяризовали галльскіе мученики и исповѣдники [1]). Извѣстно, что эти мученики писали папѣ Елевѳерію даже нѣчто вродѣ апологіи монтанистовъ, гонимыхъ на востокѣ, что благодаря которой папа готовился даже принять въ свое общеніе искавшихъ у него убѣжища восточныхъ монтанистовъ. Но, по ясному свидѣтельству Тертулліана, дѣло, такъ хорошо налаженное, разстроилъ нѣкто Праксей, убѣдившій папу въ отношеніи къ монтанистамъ послѣдовать примѣру восточныхъ епископовъ и отобрать назадъ выданныя имъ мирныя грамматы [2]). А такъ какъ монтанисты были вмѣстѣ и четыренадесятниками, то симпатія Рима къ нимъ естественно сопровождалась и толерантнымъ отношеніемъ къ ихъ пасхальной практикѣ, тѣмъ болѣе, что четыренадесятническая практика монтанистовъ была очень близка къ воскресенической практикѣ Рима. Не исключена возможность здѣсь и нѣкотораго скрытаго соперничества между церквами востока и запада: монтанисты, гонимые у себя на востокѣ, охотно принимались на западѣ, и въ Римѣ имъ позволялось даже то, что зазиралось здѣсь у другихъ малоазійскихъ пришельцевъ (разумѣемъ хотя бы случай съ Поликарпомъ смирнскимъ).

Рѣшительное осужденіе монтанистовъ и со стороны западной церкви (при папахъ Елевѳерѣ и Викторѣ) снова поставило на очередь вопросъ о пасхальныхъ разностяхъ. Въ лицѣ монтанистовъ и вмѣстѣ съ ними Римъ еще разъ осудилъ то іудаистическое направленіе, которое было такъ родственно монтанизму и такъ

[1]) „Римъ, можно сказать, былъ наводняемъ послѣдователями самыхъ разнообразныхъ сектъ... При папахъ Елевѳеріи и Викторѣ распространился здѣсь монтанизмъ, а въ связи съ нимъ... образовался особенный расколъ четыредесятниковъ", *Иванцовъ-Платоновъ* „Ереси и расколы"—210—211 стр.

[2]) Nam idem (Praxeas) episcopum Romanum agnoscentem jam prophetias Montani, Priscue, Maximillae, et ex ea agnitione pacem ecclesiis Asiae et Frygiae inferentem, falsa de ipsis prophetis et ecclesiis eorum asservando, praedecessorum ejus auctoritates defendendo, coegit et litteras pacis revocare jam emissas et a proposito recipiendorum charismatum concessare". *Tertull.* „Ad Praxeam".

несимпатично Риму. А вмѣстѣ съ этимъ осудилъ и ту іудейско-четыренадесятническую пасхальную практику, какой, хотя и въ смягченной формѣ, но все-же держался монтанизмъ. Однако и послѣ осужденія монтанизма, пасхальный вопросъ еще не сразу занялъ собою вниманіе папъ. Для этого потребовался новый поводъ, который и не замедлилъ появиться, въ видѣ схизмы римскаго пресвитера Власта.

Къ сожалѣнію, наши свѣдѣнія объ этой схизмѣ и ея вождѣ довольно скудны. Дважды о немъ упоминаетъ Евсевій: первый разъ непосредственно послѣ рѣчи о восточныхъ монтанистахъ [1]) второй—когда говоритъ о полемическихъ посланіяхъ въ Римъ Иринея Ліонскаго: къ Флорину (низверженному римскому пресвитеру) „о единоначаліи", по поводу его гностическихъ увлеченій ересью Валентиніана и къ Власту „о расколѣ" [2]). Основываясь на Евсевіи, гдѣ Властъ оба раза соединенъ съ Флориномъ, а первый разъ помѣщенъ послѣ монтанистовъ („катафригіянъ"), его считали или гностикомъ-валентиніанцемъ, или монтанистомъ. Но первое предположеніе логичнѣе исключить, потомучто, во-первыхъ, о гностическихъ заблужденіяхъ Власта ничего неизвѣстно; а во-вторыхъ, излишне думать, чтобы Ириней объ одной и той-же ереси одновременно писалъ въ Римъ двумъ лицамъ. Для этого цѣлесообразнѣе было-бы писать одному, наиболѣе видному вождю гностицизма, каковымъ былъ Флоринъ. Если же Евсевій пишетъ въ Римъ двумъ лицамъ, то, очевидно, потому, что они были представителями двухъ, различныхъ антицерковныхъ теченій, и въ частности Властъ—вѣроятнѣе всего, былъ главой римскихъ монтанистовъ, этихъ нестолько еретиковъ, сколько раскольниковъ, почему Ириней и пишетъ ему вразумляющее посланіе „о расколѣ" (*περὶ σχίσματος*).

Но если монтанистомъ Власта можно назвать лишь предположительно, то четыренадесятникомъ слѣдуетъ признать несомнѣнно. Право на это даетъ намъ Тертулліанъ, который въ одномъ изъ трактатовъ, между прочимъ говоритъ: „Властъ, который скрытно хочетъ ввести іудаизмъ... Ибо онъ говоритъ, что пасха не иначе должна быть соблюдаема (custodiendum esse=*τηρεῖν*), какъ только по закону Моисея въ 14 день мѣсяца" [3]). Отсюда, съ высокой степенью вѣроятности, можно заключать, что Властъ (быть можетъ, подобно Флорину, тоже бывшій римскій клирикъ) былъ

[1]) *Euseb.* V, 15, 458. *Евсев.* V, XV, 287 стр.

[2]) *Euseb.* V, 20, 1, 480. *Евсев.* V, XX, 301 стр.

[3]) *Tertull.* „De praescrip. haeret." c. 53.

монтанистомъ и притомъ принадлежалъ къ болѣе крайней іудаистической фракціи, которая требовала соблюденія всего пасхальнаго ритуала строгихъ четыренадесятниковъ, включительно съ ветхозавѣтной пасхой [1]). Вообще, что схизма Власта сыграла роль послѣдняго, побудительнаго толчка къ обостренію пасхальныхъ споровъ, это признается теперь безспорнымъ у всѣхъ церковныхъ историковъ и спеціальныхъ изслѣдователей даннаго вопроса [2]). Вполнѣ естественно, что такой острый рецидивъ ненавистнаго іудейства и только что осужденнаго монтаниза, долженъ былъ встрѣтить самый энергичный отпоръ въ Римѣ. Отпоръ этотъ и былъ данъ папой Викторомъ, объявившимъ рѣшительную войну несимпатичной ему пасхальной практикѣ настолько у себя въ Римѣ,—гдѣ она всегда была лишь случайнымъ исключеніемъ,—но и во всей христіанской церкви, т. е. и въ Галліи и въ самой Малой Азіи. Рѣзкій тонъ начатой борьбы, разумѣется, въ значительной мѣрѣ находитъ свое объясненіе какъ въ личномъ темпераментѣ Виктора, такъ и въ характерѣ того специфически-римскаго міровоззрѣнія, яркимъ представителемъ котораго онъ здѣсь выступилъ. Урожденецъ Африки, съ пылкимъ и необузданнымъ темпераментомъ ея обитателей, человѣкъ суровой, непреклонной рѣшимости и твердой, настойчивой воли, Викторъ уже по своимъ природнымъ свойствамъ былъ предрасположенъ къ рѣзкимъ поступкамъ и острымъ конфликтамъ. А достаточно окрѣпшая къ этому времени идея вселенскаго единства церкви подъ верховнымъ главенствомъ римскаго первосвященника, нашла въ его лицѣ своего лучшаго практическаго выразителя, чему немало помогли и благопріятно сложившіяся обстоятельства церковной жизни того времени (борьба іудео-христіанства съ языческо-христіанствомъ и побѣда сплоченной ортодоксіи надъ разрозненными ересями и сектами). Недаромъ еще Schwegler [1]) назвалъ Виктора „первымъ, настоящимъ папой“ (erste Papst), а Harnak [2]) его отношеніе къ малоазійскому востоку — „деспотическимъ наступленіемъ“ (despotische Auftreten).

[1]) „Blastus, der zu Rom auftrat, die Grundzätze der Quartodecimaner vertheidigte, und an den Irenäus eine *ἐπιστολὴ περὶ σχίσματος* schrieb, war ebenfalls, aller Warscheinlichkeit nach, Montanist“. *Schwegler* „Der Montanismus“ 252 s. „Blastus vertrat in seiner Paschafeier genau dieselbe Beobachtung des Gesetzes—Buchstabens, welche bei den Gegner des Apollinaris zu Grunde liegt und nach dem Zeugniss der Philosophumena dem Quartodecimanismus überhaupt eigen war“ *A. Hilgenfeld*—284—285 s.

[2]) *A. Hilgenfeld* „Op. cit.“ 283: „Aus Asien hatte Blastus von 170 an die Judaistische Paschafeier nach Rom gebracht; auch der Montanismus, welcher den Römern, wie man aus Tertullians Schrift de jejuniis sieht, als eine Art Judaismus erschien“... n. 1. *Langen* Op. cit. 183; „Blastus rief in Rom als Quartodecimaner eine solche Auregung hervor, dass Irenaus sich veranlasst sah einen offenen Brief an ihn zu richten“... Angriff (Victors) wurde vielleicht zunächst veranlasst durch einen gewissen Blastus“... *H. Achelis* „Das Christentum... II. 217, not. 3: Hier hat vermutlich Blastus eine Rolle gespielt“. Проф. *Болотовъ* „Лекціи...“ II, 429: „Вѣроятно, подъ вліяніемъ схизмы Власта въ Римѣ, утверждавшаго (согласно съ малоазійцами), что пасху слѣдуетъ праздновать не иначе, какъ въ 14 д. луннаго мѣсяца, еп. римскій Викторъ обратился къ малоазійскимъ епископамъ съ угрожающимъ требованіемъ: присоединиться къ римской практикѣ“.

III.

Пасхальные соборы въ Италіи, Палестинѣ, Понтѣ, Галліи, Месопотаміи и Ахаіи (конца II-го вѣка).

Ко времени правленія папы Виктора, т. е. къ послѣднему десятилѣтію II-го вѣка, пасхальный кризисъ назрѣлъ окончательно и требовалъ для его разрѣшенія энергичнаго соборнаго вмѣшательства, въ особенности, послѣ того, какъ папа Викторъ перенесъ этотъ вопросъ чуть-ли не на личную почву и обострилъ его до послѣдней крайности. Впрочемъ, судя по началу исторіи пасхальныхъ соборовъ, они не носили особенно боевого характера и были лишь прямымъ отвѣтомъ на предложеніе изъ Рима.

Серію пасхальныхъ соборовъ, повидимому, началъ собой соборъ италійскихъ епископовъ, созванный папой Викторомъ въ Римѣ для осужденія раскола Власта. Такъ какъ монтанистическая схизма Власта съ ея іудаизированной пасхой опиралась на практику малоазійской церкви и на сочувственное отношеніе къ ней предшествовавшихъ римскихъ папъ, то Викторъ, какъ думаетъ, напр. Böhmer, не рѣшился расправиться съ ней единолично, а созвалъ у себя въ Римѣ *соборъ италійскихъ епископовъ*—„первый римскій соборъ, о которомъ мы слышимъ въ исторіи“ [3]). Здѣсь схизма Власта была торжественно осуждена, а вмѣстѣ съ нею было выражено неодобреніе и малоазійской четыренадесятнической практикѣ, на которой основывался Властъ. Постановленія этого собора, прошедшія, несомнѣнно, редактуру самого папы Виктора, и были имъ разосланы по всѣмъ церквамъ, въ особенности, по восточнымъ, съ требованіемъ, чтобы и тамъ составлялись

[1]) *Schwegler* „Der Montanismus“—282 s.

[2]) *Ad. Harnack*—Mission und Ausbreitung[2]... II, 210.

[3]) *H. Böhmer* „Victor I, Papst“ in R-E XX b. 601, 40, Leidzig 1908. 3 Aufl.

подобные-же соборы для осужденія „четыренадесятниковъ“ и принятія пасхальной практики „воскресниковъ“. Это-то посланіе римскаго собора и папы Виктора, распространенное во множествѣ копій и вызвало цѣлый рядъ спеціальныхъ, такъ называемыхъ, „пасхальныхъ“ соборовъ древней церкви (конца 2-го вѣка).

Было-бы въ высокой степени важно и интересно познакомиться поближе съ этимъ *„первымъ римскимъ соборомъ“* и въ частности—первымъ въ серіи пасхальныхъ соборовъ. Но молчаніе Евсевія [1]) и другихъ авторитетныхъ писателей древности не позволяетъ намъ сдѣлать этого и волей неволей заставляетъ прибѣгать къ единственному, довольно мутному источнику, дающему кое-какія извѣстія обо всемъ этомъ—къ папскому Libellus synodicus. Но и въ немъ мы находимъ объ интересующемъ насъ соборѣ только такую краткую замѣтку: *„Romana, Victoris“*. „Соборъ божественный и святой, мѣстный (*τοπική*, provincialis) составленный изъ тогоже епископа Виктора и четырнадцати другихъ епископовъ; онъ запретилъ по-іудейски (*Ἰουδαϊκῶς*) праздновать святую и таинственную (*μυστικὸν πάσχα*) пасху въ четырнадцатый день луны, но только въ великое и дарующее жизнь воскресенье (*κυριακῇ*, dominica)“ [2]). Нетрудно видѣть, что кромѣ одного конкретнаго (но вѣроятно, чисто-фантастическаго) указанія на *число* присутствовавшихъ здѣсь епископовъ (14 ч.), вся замѣтка состоитъ изъ общихъ фразъ и не похожа на подлинный историческій документъ. Важна она развѣ только, какъ доказательство того, что ультрамонтанствующій авторъ Libelli synodici даже такого папу и въ такой моментъ не рискнулъ все-же выставить единоличнымъ вершителемъ церковныхъ дѣлъ, а заставилъ его опереться на авторитетъ собора [3]).

Предупредительный авторъ Libelli synodici не забылъ удовлетворить нашего понятнаго любопытства и относительно тѣхъ грамматъ, которыя разсылались папой Викторомъ отъ лица собора относительно празднованія пасхи. Онъ сообщаетъ цѣлыхъ четыре письма папы Виктора I (Epistolae Victoris Papae I), изъ которыхъ

[1]) Это молчаніе все-же не абсолютно; упоминаніе о самомъ фактѣ римскаго собора и его посланіи, подписанномъ Викторомъ, сохранилъ намъ и Евсевій: „есть также посланіе и римскаго собора объ этомъ спорномъ предметѣ, „подписанное епископомъ Викторомъ.“ *Euseb.* V, 23, 3, 488 s. *Εὐσέβ.* V, XXIII, 306 стр.

[2]) *Mansi* „Sacrorum conciliorum nova et amplissima Collectio“ I, 725 p.

[3]) Кромѣ версіи Libel. Synod. въ сборникѣ Mansi приведена и еще одна, которая весьма любопытна тѣмъ, что она указываетъ на довольно необычный, въ особенности, для католиковъ составъ этого древнѣйшаго римскаго собора: „et fecit (Victor) concilium, et collatione facta cum *presbyteris et diaconibus*... (курсивъ нашъ)—*Op. cit.* 699 p.

мы для образца приведемъ одно, самое краткое и дѣловое. Victor episcopus, fratri Paracodae (?) episcopo, salutem. „Почивающій собратъ нашъ Діонисій, оставилъ тебя намъ, какъ товарища (socium, coepiscopum) въ церкви Христа. Видишь, братъ, что восточная церковь по причинѣ празднованія пасхи отдѣлена отъ западной (disjunctam esse). Итакъ угодно намъ, преемникамъ апостоловъ, писать вашему единодушію, чтобы (по писанію когда „древнее отошло, то все стало новымъ“) мы слѣдовали не мраку, но свѣту, какъ насъ убѣждаетъ и пророкъ: „народъ, который сидѣлъ во тьмѣ, увидѣлъ свѣтъ великій. Поэтому, братъ, товарищъ въ Господѣ, научи чрезъ собранія церквей (per ecclesias commissas, чрезъ собранныя церкви, т. е. чрезъ церковные соборы), что пасху надо совершать въ пятнадцатый день луны, какъ говоритъ намъ апостолъ: „пасха наша—закланъ Христосъ“ и „вы были во мракѣ, теперьже свѣтъ въ Господѣ“. Братское единодушіе о Господѣ привѣтствуетъ тебя. Братьевъ, которые находятся у тебя во Вьеннѣ, привѣтствуй отъ насъ, будь здоровъ“ [1]). Въ томъ же духѣ написаны и три остальныхъ письма, съ тѣмъ отличіемъ, что въ нихъ дается болѣе подробный разборъ несостоятельности іудействующей практики четыренадесятниковъ и приводятся нѣкоторыя положительныя данныя въ защиту вселенско-римской, пасхальной практики [2]). Про всѣ эти посланія папы Виктора приходится повторить то-же самое, что раньше было сказано по поводу замѣтки о римскомъ соборѣ: они полны общихъ сентенцій и мѣстъ, а чего-либо фактически-конкретнаго и объективно-историческаго искать въ нихъ не приходится. Однако, они все-же не лишены для насъ нѣкотораго значенія, хотя-бы въ смыслѣ только характеристики взглядовъ довольно древняго автора Libelli synodici (IX в.) на эпоху папы Виктора и на содержаніе его пасхальной полемики съ востокомъ. Освѣщеніе это вполнѣ совпадаетъ съ нашимъ и даетъ, слѣдовательно, новое ручательство за справедливость нашей отправной точки зрѣнія въ данномъ вопросѣ (борьба каѳолическаго единства церкви съ мѣстнымъ сепаратизмомъ и побѣда языческо-христіанства надъ іудео-христіанствомъ).

Было-бы также очень важно, и безотносительно, и въ интересахъ послѣдующихъ пасхальныхъ соборовъ, установить точную хронологическую дату римскаго собора и разсылки папой Вик-

[1]) *Mansi*, I, 705—706 p.

[2]) Первое письмо адресовано ad Theophilum Alexandriae episcopum (очевидная ошибка—надо читать Ѳеофила Кесарійскаго Ев. V, 22), второе—universis episcopis per Africam constitutis, третье—Desiderio, Vienensi episcopo. См. у *Mansi* Op. cit. 700—704 p. I.

торомъ его знаменитыхъ граммать, вызвавшихъ и въ другихъ церквахъ цѣлый рядъ аналогичныхъ-же соборовъ. Но сдѣлать это хотя сколько-нибудь удовлетворительно, не такъ-то легко. Правда, границы возможнаго для этого хронологическаго періода—его termini a quo и ad quem—совершенно несомнѣнны: это понтификатъ самого папы Виктора, который, съ небольшими лишь варіаціями, довольно согласно, указывается всѣми, какъ послѣднее десятилѣтіе второго вѣка [1]). Общепринятой въ исторической наукѣ датой считается теперь десятилѣтіе съ 189—199 годъ [2]). Въ предѣлахъ этого періода возможны еще двѣ урѣзки: одна, на годъ, на два въ началѣ, для ознакомленія новаго папы съ положеніемъ дѣла, другая — приблизительно на столько-же, или даже нѣсколько больше, въ концѣ, для того, чтобы дать срокъ произойдти всѣмъ восточнымъ соборамъ о пасхѣ, чтобы оставить время папѣ Виктору отвѣтить своимъ отлученіемъ на постановленіе Ефесскаго собора, и чтобы дать возможность Иринею Ліонскому откликнуться на этотъ шагъ папы особымъ письмомъ къ нему. Такимъ образомъ, десятилѣтній періодъ сокращается у насъ до размѣровъ почти пятилѣтняго, отъ 191—196-й годъ. Гдѣ-же въ теченіе этого пятилѣтія помѣстить римскій соборъ и разсылку Викторомъ посланій?—Это уже, можно сказать, дѣло вкуса: раннѣйшіе авторы предпочитаютъ болѣе поздніе сроки, а новѣйшіе—стоятъ за болѣе ранній. Единственное, древне-историческое, хотя и неизвѣстно на чемъ основанное, свидѣтельство Іеронимовой хроники, относитъ изслѣдуемыя событія къ 196-му году [3]).

На соборную граммату папы Виктора не замедлили отозваться почти всѣ другія церкви, организовавшія свои пасхальные соборы. Главнымъ источникомъ нашихъ свѣдѣній объ этихъ соборахъ является нашъ неизмѣнный руководитель — церковный историкъ Евсевій, который говоритъ о пасхальныхъ соборахъ дважды: сначала—сразу о нѣсколькихъ, но очень кратко и суммарно, потомъ — объ одномъ только Ефесскомъ соборѣ,

[1]) *Lipsius*—189—198 (199), *Harnack* „Die Chronologie“ I,—189 (188, 190)—198 (199). *Bardenhewer*—189—198 (199). *Функъ*—189—198. *H. Böhmer*—189—199.

[2]) Начало понтификата Виктора Евсевіемъ (V, 22) опредѣленно указывается, какъ десятый годъ царствованія императора Коммода. А такъ какъ Коммодъ единодержавнымъ правителемъ сталъ по смерти своего отца, т. е. 17 Марта 180 г., то десятый годъ его царствованія начинался съ Марта 189-го года. *Harnack* „Chronologie“ I, 723 s.

[3]) См. у *Hefele-Leclercq* „Op. cit.“ I, 140 p. *A. Neander*—192. *Möller-Schubert* 192 194. *Бр. Терновскій*—190. *Болотовъ*—190—192. *Ad. Harnack*—191. *Th. Zahn.* 190—192. *Ренанъ, Hefele-Leclercq, Hergenröther-Kirsch*—196, *Mansi* 197—198.

но зато гораздо обстоятельнѣе и подробнѣе. Слѣдуя Евсевію, и мы будемъ держаться того-же самаго порядка при обзорѣ пасхальныхъ соборовъ, тѣмъ болѣе, что такой порядокъ оправдывается и самымъ существомъ дѣла.

Въ спеціальной главѣ „о пасхальномъ спорѣ“ (V, XXIII), послѣ сжатаго очерка самаго предмета спора (разница въ днѣ пасхи и въ продолжительности предпасхальнаго поста, точнѣе, даже во времени его окончанія), Евсевій объ интересующихъ насъ соборахъ говоритъ такъ: „*по сему случаю происходили соборы и совѣщанія епископовъ, которые всѣ единодушно, посредствомъ своихъ посланій, положили общимъ правиломъ, праздновать таинство воскресенія Господня изъ мертвыхъ не иначе, какъ въ день воскресный, и въ этотъ именно день прекращать пасхальный постъ. Посланіе епископовъ, собиравшихся тогда въ Палестинѣ подъ предсѣдательствомъ Ѳеофила, епископа кесарійскаго и Нарцисса іерусалимскаго, существуетъ и донынѣ. Есть также посланіе и римскаго собора объ этомъ спорномъ предметѣ, подписанное епископомъ Викторомъ. Кромѣ того, имѣются посланія епископовъ понтійскихъ, между которыми первенствовалъ старѣйшій изъ нихъ Палма,—епархій галликанскихъ, надъ которыми епископомъ былъ Ириней, и церквей, находившихся въ Озроенѣ и тамошнихъ городахъ. Есть также и частныя посланія епископа коринѳскаго Вакхилла и многихъ другихъ, которые, пришедши къ одинаковому мнѣнію, дали отъ себя и одинаковый отзывъ, и опредѣленіе ихъ было одно—вышеупомянутое*“ [1]). Вотъ, *первая*, совершенно безспорная, цитата Евсевія о церковныхъ соборахъ. Мы называемъ ее здѣсь первой не потому, чтобы отрицали смыслъ раннѣйшаго замѣчанія того-же Евсевія объ антимонтанистическихъ соборахъ. Но потому, что то замѣчаніе не являлось столь опредѣленнымъ по своему характеру и вызывало, если не возможность

[1]) Въ подлинникѣ весь этотъ важнѣйшій отдѣлъ читается такъ: „*Σύνοδοι δὴ καὶ συγκροτήσεις ἐπισκόπων ἐπὶ ταὐτὸν ἐγίνοντο, πάντες τε μιᾷ γνώμῃ δι' ἐπιστολῶν ἐκκλεσιαστικὸν δόγμα τοῖς πανταχόσε διετυποῦντο ὡς ἂν μηδ' ἐν ἄλλῃ ποτὲ τῆς κυριακῆς ἡμέρᾳ τὸ τῆς ἐκ νεκρῶν ἀναστάσεως ἐπιτελοῖτο τοῦ κυρίου μυστήριον, καὶ ὅπως ἐν ταύτῃ μόνῃ τῶν κατὰ τὸ πάσχα νηστειῶν φυλαττοίμεθα τὰς ἐπιλύσεις· φέρεται δ' εἰς ἔτι νῦν τῶν κατὰ Παλαιστίνην τηνικάδε συγκεκροτημένων γραφή, ὧν προυτέτακτο Θεόφιλος τῆς ἐν Καισαρείᾳ παροικίας ἐπίσκοπος καὶ Νάρκισσος τῆς ἐν Ἱερουσαλήμοις, καὶ τῶν ἐπὶ Ῥώμης δ' ὁμοίως ἄλλη περὶ τοῦ αὐτοῦ ζητήματος, ἐπίσκοπον Βίκτορα δηλοῦσα, τῶν τε κατὰ Πόντον ἐπισκόπων, ὧν Πάλμας ὡς ἀρχαιότατος προυτέτακτο, καὶ τῶν κατὰ Γαλλίαν δὲ παροικιῶν, ἃς Εἰρηναῖος ἐπεσκόπει, ἔτι τε τῶν κατὰ τὴν Ὀσροηνὴν καὶ τὰς ἐκεῖσε πόλεις, καὶ ἰδίως Βακχύλλου τῆς Κορινθίων ἐκκλεσίας ἐπισκόπου, καὶ πλείστων ὅσων ἄλλων, οἳ μίαν καὶ τὴν αὐτὴν δόξαν τε καὶ κρίσιν ἐξενηνεγμένοι, τὴν αὐτὴν τέθεινται ψῆφον· καὶ τούτων μὲν ἦν ὅρος εἷς, ὁ δεδηλωμένος*“, *Euseb.* Kirchengeschichte V, 23, 2—4, 488—490 s.

перетолкованій, то необходимость довольно сложныхъ, соотвѣтствующихъ разъясненій. Настоящая-же обстоятельная замѣтка Евсевія такъ ясна и опредѣленна, что не нуждается ни въ какихъ посторонніхъ, добавочныхъ разъясненіяхъ и доказательствахъ. Но если ни въ какомъ добавочномъ комментаріи не нуждается самая замѣтка, то въ ея изслѣдованіи и анализѣ очень нуждаемся мы, такъ какъ вся эта замѣтка проливаетъ значительный свѣтъ на составъ, характеръ и работу соборовъ древней церкви той эпохи, т. е. конца второго вѣка. Вотъ, съ этой-то общей, такъ сказать, *соборно-конституивной* точки зрѣнія мы, прежде всего, и разберемъ приведенный отрывокъ изъ Евсевія.

Церковные историки и канонисты останавливаютъ свое вниманіе, прежде всего, на начальныхъ словахъ даннаго отдѣла: *„по сему случаю происходили соборы и совѣщанія епископовъ“*... и находятъ здѣсь три важныхъ указанія: во 1) что подобные соборы—были не регулярными, а чрезвычайными, вызвались какимъ-либо особо-важнымъ поводомъ; во 2) что эти чрезвычайныя церковныя собранія получили уже техническое названіе „соборовъ“ *(σύνοδοι)*, и въ 3) что они составлялись, преимущественно, если даже не исключительно, изъ епископовъ. Разсмотримъ каждый изъ названныхъ пунктовъ, въ отдѣльности.

Чрезвычайный характеръ древнѣйшихъ церковныхъ соборовъ—черта уже достаточно намъ извѣстная изъ исторіи іерусалимскаго Апостольскаго и ряда антимонтанистическихъ соборовъ. Всякій разъ, когда намъ приходилось имѣть дѣло съ новыми соборами, мы неизмѣнно встрѣчались и съ этой коренной чертой древнѣйшихъ церковныхъ соборовъ—чрезвычайностью ихъ созыва по какому-либо весьма важному поводу, касавшемуся всей христовой церкви и затрогивавшему самыя основы ея міровоззрѣнія и строя. Такъ обстояло дѣло еще съ іерусалимскимъ Апостольскимъ соборомъ, которому впервые пришлось проводить границу между іудействомъ и христіанствомъ и опредѣлять ихъ взаимныя отношенія. Та-же, или даже еще болѣе сложная задача стояла и предъ антимонтанистическими соборами, которые должны были опредѣленно высказаться не только относительно „перваго“ (ветхаго) завѣта, но и относительно „третьяго“ (новой профетіи монтанистовъ). Наконецъ, не менѣе серьезная, общецерковная проблемма рѣшалась теперь и на пасхальныхъ соборахъ, которые должны были окончательно отвергнуть старую іудейскую закваску въ христіанствѣ и упрочить побѣду вселенскаго единства церкви надъ дробнымъ множествомъ частно-церковныхъ обычаевъ и преданій. Отсюда можно выводить нѣчто даже и еще бо́льшее—что

по началу, по самому своему зарожденію и происхожденію, институтъ церковныхъ соборовъ былъ не постояннымъ и рядовымъ явленіемъ церковной жизни, *а исключительнымъ и чрезвычайнымъ*, вызваннымъ къ жизни особо важными, сильными и глубокими потрясеніями, угрожавшими самому существованію Христовой церкви. Серьезная общая опасность, естественно, одинаково озабочивала всѣхъ руководителей церкви и они искали спасенія въ совмѣстныхъ собраніяхъ и совѣщаніяхъ, на которыхъ вырабатывались общія мѣры борьбы съ опасностью и воспитывалось чувство идейной сплоченности и взаимной солидарности. И уже только изъ этихъ чрезвычайныхъ, важныхъ и сравнительно большихъ первоначальныхъ соборовъ родились позднѣе меньшіе, регулярные, преимущественно, мѣстно-провинціальные соборы, бывшіе какъ-бы блѣдной, уменьшенной копіей первыхъ. Съ теченіемъ времени, при развитіи митрополичье-областной системы церковнаго строя, эти послѣдніе соборики превратились въ тѣ постоянные, періодически разъ или два раза въ годъ составлявшіеся соборы, о которыхъ говорятъ позднѣйшіе церковные каноны (Апост. 37 Ант. 19—20; I, 5. IV, 19. VI, 8. VII, 6). Но повторяемъ, по своему происхожденію и началу, церковные соборы, судя по всему, были чрезвычайной мѣрой борьбы Христовой церкви съ угрожавшими ей опасностями, борьбы, которая велась путемъ совмѣстнаго, единодушнаго изобличенія заблужденій и торжественнаго утвержденія оспариваемой церковной истины [1]).

На то, что пасхальные соборы впервые получаютъ у Евсевія свое собственное, ставшее техническимъ имя *„соборовъ“ (σύνοδοι)* обратилъ вниманіе еще канонистъ Bickel [2]), который одновременно подчеркнулъ также и то, что это были „соборы и совѣщанія“ (Synoden und Versammlungen) *епископовъ* (der Bischöfe), а не просто „вѣрующихъ“, какъ стоитъ у того-же Евсевія въ замѣткѣ объ антимонтанистическихъ соборахъ. Конечно, первоначальное появленіе въ знаменитой „церковной исторіи“ Евсевія техническаго термина „соборъ“ *(σύνοδος*, у Rufin.-concilum) заслуживаетъ

[1]) Потому мы вполнѣ привѣтствуемъ данное *Hauck*'омъ въ его RE[3] опредѣленіе сущности и происхожденія церковныхъ соборовъ, какъ „Versammlungen von Vertreter der Kirche zur Beratung und Beschlussfassung über kirchliche Angelegenheiten. Es liegt in der Natur der Sache, dass jede Veränderung der Kirchlichen Verfassung auch eine Verschiebung des Synodalwesen zur Folge hatte“. Art. „Synoden“ XIX b. 3 Auf. 263, 37—39. Leipzig 1907.

[2]) *Bickel J. W.* „Dem Namen *Synoden* gebraucht Eusebius übrigens zuerst bei Gelegenheit des gegen Ende des zweiten Jahrhunderts zwischen den asiatischen und die übrigen orthodoxen Gemeinden enstandenen Streit über die Osterfeier“... „Geschichte des Kirchenrechts Erst. Band, Giessen 1843, 37—38 s.

того, чтобы его отмѣтить особо. Но выводить отсюда, что онъ только въ это время и возникъ, было-бы большой ошибкой. Не говоря уже о томъ, что терминъ *σύνοδος* (а также и concilium) были хорошо извѣстны еще классической древности и употреблялись въ ней съ довольно аналогичнымъ значеніемъ[1]), онъ или, точнѣе, его идея, лишь въ нѣсколько видоизмѣненной формѣ, использована была Евсевіемъ и для квалификаціи противомонтанистическихъ соборовъ[2]).

[1]) Исторія параллельныхъ терминовъ *σύνοδος* и concilium представляетъ довольно любопытную страничку изъ курса семіологіи, т. е. постепеннаго видоизмѣненія значенія однихъ и тѣхъ-же словъ. Если мы обратимся къ классическо-реальнымъ словарямъ, то увидимъ, что въ основѣ этихъ терминовъ лежитъ идея „сходки, сходбища", оттуда—собранія, преимущественно, дружнаго, мирнаго (conciliare), иногда, даже любовнаго. Поэтому въ числѣ значеній слова *σύνοδος* указана, напр., „плотская связь", а однимъ изъ значеній слова concilium—„свиданіе". (Греко-русскій словарь, по *Бензелеру*, 722 стр. и Латинскій словарь *Шульца*, 116—117 стр.). Но техническое значеніе названныхъ терминовъ пошло не по этому послѣднему пути, а по первому—въ смыслѣ серьезныхъ, дѣловыхъ собраній всякаго рода. Въ періодъ римской республики понятіемъ concilium обозначалось собраніе чужестранцевъ, или ихъ делегатовъ и представителей римскаго народа. И такія общественно-политическія собранія отличались отъ comitia *(Mommsen* „Römische Forschungen, I, 179, 8. Staats-Recht, III, 149. 3). Въ періодъ второй имперіи термину concilium стали усвоять, преимущественно, религіозное значеніе, какъ говоритъ *Kornemann* авторъ артикля concilium въ словарѣ *Paulus-Wissowa* „Real-Encyclopedie der classische Altertumwissenschaften" Neue Bearb. IV, Stuttgart 1901, 804 p.: „Zweitens, bedeutet C. technisch die Versammlung der zu einem Bund vor allem religiöser Natur, daher gewönlich um ein gemeinsames Heiligtum vereinigten Völkerschaften Nationen oder Städte". Въ частности, по словамъ того-же автора, concilia въ христіанскую эпоху стали въ тѣсную связь съ культомъ цезарей: „In der Kaiserzeit ist dann C. technische Bezeihnung für die nach dem Muster der griechischen *κοινά* in Osten, die Romer mit mehr oder weniger modificirten bestehen lassen in den Ländern des Westens gegründeten Provinziallandtage" *(Ibid.)*. Причемъ, Kornemann дѣлаетъ любопытную добавку, что подобные періодическіе соборы (concilia) лучше прививались во вновь завоеванныхъ римскихъ провинціяхъ, гдѣ еще не было раньше сплоченной, корпоративной жизни. Въ старинныхъ-же, сенатскихъ провинціяхъ подобные соборы организовывались сравнительно рѣже, nur in den bestimmten Fällen, ohne dass dadurch eine dauerende Verbindung hervorgerufen wurde" *(Ibid.* 805). Во всякомъ случаѣ, параллелизмъ этихъ языческихъ религіозно-общественныхъ собраній съ христіанскими соборами былъ настолько полнымъ, что далъ право Kornemann'у на такой выводъ: „Die Kirchenversammlungen des Christentums haben dann den Namen geerbt; aber vielleichi nicht nur das" *(Ibid.* 829 p.). Важный и цѣнный въ этомъ смыслѣ матеріалъ предлагаетъ спеціальная монографія *P. Monceaux* „De communi Asiae provinciae" Parisiis 1885. Нѣсколько небезъинтересныхъ справокъ объ употребленіи этихъ терминовъ въ древне-христіанской литературѣ (Const. apost. II, 57 c. Tertul. de pud. 10 и др.) приведено у *R. Sohm*'а „Kirchenrecht" I, 281, n. 70.

[2]) Въ V кн. 16 г. въ рѣчи о монтанистическихъ соборахъ Евсевіемъ употреблено не существительное *(σύνοδος)*, а глаголъ *συνελθόντο*. Но, какъ всякому

Едва-ли бы также мы поступили вполнѣ правильно, если-бъ изъ упоминанія Евсевія объ однихъ только епископахъ, какъ членахъ пасхальныхъ соборовъ стали-бы выводить, что больше на нихъ никого и не было. Argumentum a silentio—одинъ изъ самыхъ ненадежныхъ, такъ что строить на немъ что-либо положительное всегда бываетъ довольно рискованно. Поэтому, говорить объ однихъ только епископахъ, какъ членахъ пасхальныхъ соборовъ можно не съ бо́льшимъ правомъ, чѣмъ объ однихъ только вѣрующихъ мірянахъ на противомонтанистическихъ соборахъ. Но какъ тамъ мы удержались отъ соблазна ограничить объемъ термина „вѣрующіе" одними мірянами, такъ и здѣсь получаемъ право расширить понятіе „епископскаго" собора, чрезъ включеніе въ него нѣкоторыхъ другихъ элементовъ, хотя-бы, напр. группы „исповѣдниковъ", присутствіе которой безспорно засвидѣтельствовано на предыдущихъ, монтанистическихъ соборахъ. Намъ кажется, что удачнѣе всего рѣшаетъ данное недоумѣніе *R. Sohm*. Онъ находитъ, что терминъ „епископскій" былъ техническимъ для древнихъ соборовъ, такъ какъ епископы, дѣйствительно, составляли главную силу соборовъ и въ качественномъ и въ количественномъ отношеніи. Но наименованіе соборовъ „епископскими" нисколько не исключало и того, что-бы на нихъ присутствовали пресвитеры, діаконы и даже міряне, какъ это ясно видно изъ свидѣтельствъ того-же Евсевія и еще больше—Кипріана карѳагенскаго о многихъ древнихъ, обозначаемыхъ ими, какъ епископскіе, соборахъ [1]). „Поэтому Евсевій—говоритъ *R. Sohm*—не могъ даже и подумать того, чтобы тѣ древніе соборы представить какъ собранія *только* епископовъ. Когда онъ говорилъ о собраніяхъ „епископовъ", то зналъ, что каждый читатель его времени понималъ подъ этимъ все церковное собраніе (Gemeindeversammlung)" [2]).

Послѣдняя мысль *Sohm*'а нуждается все-же въ нѣкоторомъ ограниченіи. Нельзя-же, въ самомъ дѣлѣ, по чисто-физическимъ препятствіямъ вообразить себѣ присутствіе всѣхъ церковныхъ общинъ, in corpore на какомъ-бы то ни было церковномъ соборѣ, (исключая, конечно, общаго собранія одной мѣстной церкви). Самое бо́льшее, какъ показываетъ практика послѣдующихъ соборовъ, такое личное присутствованіе на соборѣ могла имѣть лишь *мѣстная* церковь, т. е.

очевидно, оба этихъ термина—синонимы: въ основѣ перваго лежитъ корень *οδός*, „путь", въ основѣ втораго—*ἔρχομαι*—„иду".

[1]) О роли и объемѣ этого послѣдняго, т. е. не епископскаго элемента, на соборахъ древней церкви мы спеціально будемъ говорить ниже, главнымъ образомъ, при обзорѣ кипріановыхъ соборовъ.

[2]) *R. Sohm* „Op. cit." 280.

церковь того города, гдѣ происходилъ соборъ. Остальныя-же церкви довольствовались законнымъ представительствомъ своихъ депутатовъ, въ роли которыхъ вполнѣ естественно оказывались епископы церквей—эти главнѣйшіе и безусловно необходимые члены церковныхъ соборовъ. Такое доминирующее положеніе епископата въ древней церкви нисколько не должно казаться для насъ соблазнительнымъ и страннымъ, якобы нарушающимъ самую идею церковно-соборнаго братства и равенства. Высокое морально-вліятельное и начальственно-почетное положеніе епископата, помимо причинъ спеціально-іерархическаго свойства (сугубая благодать архіерейства), обусловливалось, также и тѣмъ выборнымъ началомъ, господствовавшимъ въ древней церкви, которое, прежде всего, примѣнялось въ отношеніи къ епископамъ. Вотъ, это-то послѣднее обстоятельство, при небольшомъ объемѣ древнихъ городскихъ церквей-приходовъ и при патріархальной простотѣ царившихъ въ нихъ отношеній и порождало ту живую, сердечную и весьма прочную связь епископа съ его паствой, которая дѣлала епископа настоящимъ отцомъ своей паствы, ея излюбленнымъ главой, ея печальникомъ и опекуномъ и ея лучшимъ ходатаемъ и представителемъ въ сношеніяхъ съ внѣшнимъ міромъ и съ другими церквами, какъ-бы безсмѣннымъ депутатомъ ея не только по должности, но и по народному избранію, благодаря которому онъ въ свое время получилъ и самое положеніе епископа въ своей церкви.

Дальнѣйшая фраза евсевіева текста говоритъ объ епископахъ, что они *„всѣ единодушно, посредствомъ своихъ посланій, положили общимъ правиломъ праздновать“* пасху въ день воскресный [1]). Здѣсь опять данъ цѣлый рядъ соборно-конститутивныхъ чертъ, относящихся уже къ заключительной части соборовъ. Это, прежде всего, стремленіе соборовъ рѣшать дѣло „единодушно“ *(μιᾷ γνώμῃ)*, во-вторыхъ, ихъ неотъемлимое свойство составлять обязательное „правило или канонъ“ *(ἐκκλεσιαστικὸν δόγμα)*, и въ третьихъ, ихъ обычай редактировать свое рѣшеніе въ формѣ соборнаго посланія и разсылать его повсюду *(δι ἐπιστολῶν... πανταχόσε διετυποῦντο)*. Все это—черты хорошо знакомыя намъ и по исторіи раннѣйшихъ соборовъ, въ особенности іерусалимскаго Апостольскаго собора, съ его „единодушнымъ разсужденіемъ“ *(γενομένοις ὁμοθυμαδὸν* Д. XV, 25), съ его торжественной декларацією своего канона („изволися Духу Св. и намъ“ Д. XV, 29) и съ его письменной редакцією этого канона (т. н. „Апостольскій декретъ“). Сравнительно

[1]) *Euseb.* V, 23, 2, 488: *„πάντες τε μιᾷ γνώμῃ δι' ἐπιστολῶν ἐκκλεσιαστικὸν δόγμα τοῖς πανταχόσε διετυποῦντο“...*

менѣе замѣтны были всѣ указанныя черты на противомонтанистическихъ соборахъ. Но не потому, чтобы онѣ на нихъ отсутствовали вовсе, а благодаря общимъ, недостаточно яснымъ контурамъ этихъ соборовъ у Евсевія. Однако и на нихъ мы пытались все-же констатировать наличность нѣкоторыхъ, наиболѣе характерныхъ признаковъ церковныхъ соборовъ [1]). Здѣсь же, на пасхальныхъ соборахъ, снова и съ гораздо бо́льшей отчетливостью и полнотой, выступаютъ и единодушіе соборнаго рѣшенія и его обязательная церковная сила, и его соборно-редакціонная, письменная форма.

Дальнѣйшій текстъ Евсевія отъ вопросовъ организаціоннаго характера снова возвращаетъ насъ къ исторіи. Сколько было пасхальныхъ соборовъ? Какія, именно, и гдѣ они происходили? Подробно и полно отвѣчать на все это Евсевій не ставитъ своей задачей. Но для примѣра онъ все-же называетъ нѣсколько такихъ соборовъ, или потому, что они были наиболѣе многочисленны и авторитетны, или потому, что ихъ письменныя опредѣленія сохранились до его времени и могли быть даже у него подъ руками, въ качествѣ документальнаго матеріала, при написаніи имъ своей исторіи. Опредѣленно Евсевій называетъ пять такихъ соборныхъ посланій: 1) собора церквей палестинскихъ, 2) римскаго собора, 3) понтійскаго собора, 4) галльскаго и 5) церквей месопотамскихъ (г. Озроены и тамошнихъ городовъ), точно указывая каждый разъ и имя предсѣдателей этихъ соборовъ, (за исключеніемъ, впрочемъ, послѣдняго — месопотамскаго собора). Несмотря на крайне сжатый, чисто каталожный характеръ, даннаго Евсевіемъ соборнаго перечня, онъ все же имѣетъ для насъ огромную важность, такъ какъ проливаетъ значительный свѣтъ на существовавшія тогда взаимоотношенія церквей и на начинавшуюся церковно-областную группировку ихъ вокругъ извѣстныхъ гражданско-политическихъ и этнографическихъ центровъ (зарожденіе митрополичье-областной системы). Въ самомъ дѣлѣ, при первомъ-же сколько-нибудь внимательномъ обзорѣ Евсевіева перечня соборовъ открывается, что онъ далеко не случаенъ, а указываетъ на опредѣленную группировку церквей по церковно-правительственнымъ округамъ. При дальнѣйшемъ-же научно-историческомъ

[1]) См. выше, анализъ письма Сераніона антіохійскаго, заключающаго въ себѣ и соборное посланіе Аполлинарія іерапольскаго. Въ немъ мы отмѣчали и преобладающій епископскій составъ собора, и выработку положительнаго рѣшенія, и письменную форму редакціи послѣдняго, снабженную собственноручными мотивированными подписями членовъ собора, и разсылку соборнаго посланія по разнымъ церквамъ (Глава II, отд. 2-ой, стр. 119—134).

анализѣ даннаго перечня, и въ особенности, при его сопоставленіи съ тогдашнимъ провинціально-этнографическимъ дѣленіемъ римской имперіи становится окончательно ясной довольно близкая параллель перечня съ только-что названнымъ дѣленіемъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, произведемъ самое сопоставленіе, пользуясь для этой цѣли прекрасными работами Моммсена [1]), Lübeck'a [2]) Harnack'a [3]) и ихъ удачный популяризаціей у проф. П. В. Гидулянова [4]).

Римская имперія эпохи пасхальныхъ соборовъ, т. е. конца второго вѣка, управлялась согласно съ тѣмъ ея провинціально-областнымъ дѣленіемъ, которое было произведено еще въ началѣ этого вѣка, при императорѣ Траянѣ. Впрочемъ, римское управленіе, въ особенности на востокѣ, никогда не заключалось въ какія-либо тѣсныя, строго-опредѣленныя рамки; но оно постоянно измѣнялось, соотвѣтственно естественному ходу дѣлъ, то сжимаясь, то расширяясь относительно самыхъ границъ административныхъ округовъ. Въ общемъ, Римъ, по замѣчанію Моммсена, держался того принципа, что у завоеванныхъ народностей и областей, нужно, по возможности, оставлять безъ всякаго измѣненія ихъ прежнія границы и самый строй ихъ управленія, въ смыслѣ тяготѣнія къ извѣстнымъ метрополямъ. Характеръ римскаго провинціальнаго управленія Моммсенъ считаетъ настолько консервативнымъ, что при отсутствіи прямыхъ и ясныхъ позднѣйшихъ указаній, онъ не задумывается обращаться къ болѣе древнимъ территоріальнымъ дѣленіямъ и вообще, къ раннѣйшей исторіи этихъ областей, остававшейся безъ серьезныхъ перемѣнъ почти всѣ три первыхъ столѣтія нашей эры (до реформы Діоклетіана) [5]). Самъ Моммсенъ, а за нимъ Harnack и проф. Гидуляновъ, рѣшающими, т. н. естественными факторами своеобразнаго дѣленія восточно-римскихъ провинцій признаютъ ихъ родство по племени или по языку (этническое и лингвистическое) и общія историческія переживанія (напр. долговременное пребываніе въ составѣ какой-либо одной имперіи). Къ этому позднѣе, приблизительно съ эпохи христіанства, присоединилось вліяніе культа цезарей, съ ихъ *κοινά* или conventus, которое, впрочемъ, и само, въ значительной мѣрѣ, обусловливалось предыдущими причинами [1]).

[1]) *Моммсенъ Θ.* „Римская исторія". Провинціи отъ времени Цезаря до временъ Діоклетіана". Томъ V. Переводъ В. Н. Невѣдомскаго. Москва 1885.

[2]) *Lübeck, K.* „Reichseinteilung und Kirchliche Hierarchie d. Orients bis zum Ausgange d. vierten Jahrhunderts". Münster 1901.

[3]) *Harnack Ad.* „Mission and Ausbreitung des Christenthums in den ersten drei Jahrhunderten I—II. Zweite neu durchgearbeitete Auflage mit elf Karten. Leipzig 1906.

[4]) *Проф. П. В. Гидуляновъ* „Митрополиты въ первые три вѣка христіанства". Изъ исторіи развитія церковно-правительственной власти въ восточно-римской имперіи". Москва 1905.

[5]) *Моммсенъ*—289 и 291. Ср. *Проф. Гидуляновъ*—31-я и 37.

На основаніи тщательно собранныхъ данныхъ, названные ученые возстановляютъ довольно полную картину тогдашняго провинціальнаго римскаго дѣленія, которое, въ общемъ, вполнѣ совпадаетъ и съ показаніемъ евсевіева перечня. Такъ, Евсевій, во-первыхъ, говоритъ *о соборѣ палестинскихъ церквей*, подъ предсѣдательствомъ Θеофила, еп. кесарійскаго и Нарцисса еп. іерусалимскаго. Дѣйствительно, въ римской имперіи того времени существовала особая провинція, носившая имя „Палестина". Населеніе ея состояло, преимущественно, изъ Іудеевъ, жившихъ по обѣ стороны рѣки Іордана, а территорія ея обнимала собою то, что въ библейскія времена называлось: Іудеей, Галлилеей, Самаріей и Идумеей, или землей Филистимской. Въ составъ римской имперіи Палестина вошла еще при Помпеѣ (приблизительно за полвѣка до Р. Х.); но окончательно утратила политическую автономію лишь въ 6-мъ году послѣ Р. Х., превратившись въ римскую провинцію, подчиненную императору и управлявшуюся его намѣстниками. „Вѣроятно, немедленно вслѣдъ за тѣмъ былъ избранъ центромъ римскаго управленія портовый городъ Кесарія, перестроенный Иродомъ по греческому образцу. Въ Іерусалимѣ же былъ назначенъ постоянный римскій комендантъ, который поселился въ царскомъ замкѣ и имѣлъ при себѣ небольшой постоянный гарнизонъ" [2]). Сначала Іудеямъ для дѣлъ внутренняго самоуправленія былъ оставленъ ихъ синедріонъ. Но затѣмъ, послѣ троекратнаго ихъ возстанія (при Титѣ около 70 г., Траянѣ 116 г. и при Адріанѣ 130 г.) Іудеи лишены были всѣхъ прежнихъ правъ и привеллегій. „Вслѣдствіе послѣдняго возстанія, самое имя побѣжденнаго народа было устранено: съ тѣхъ поръ эта провинція уже не называлась по прежнему Іудеей, а получила старое геродотовское названіе Сиріи Филистимлянъ, или Сиріи Палестины... Іудеямъ было запрещено подъ страхомъ смертной казни даже только входить въ Іерусалимъ" [3]). „Со времени Септимія Севера (193—211) сдѣлалось обычнымъ именованіе этой провинціи просто Палестиной" [4]). Въ результатѣ Адріановскаго, наиболѣе рѣшительнаго разгрома Іерусалима, онъ временно утратилъ было даже свое старое свя-

[1]) На этомъ послѣднемъ факторѣ особенно настаиваетъ проф. *Гидуляновъ* 39—59 стр.

[2]) *Моммсенъ* „Цит. соч." 500 стр.

[3]) *Ibidem*—536 стр.

[4]) *Проф. Гидуляновъ*—„Цит. соч." 70 стр.

щенное имя, и вмѣстѣ съ новой греко-римской колонизаціей его, получилъ и новое языческое имя—Элія Капитолина. Однако сѣмена христіанства не заглохли и здѣсь: не позже, какъ въ 135/6 г. по Р. Х. языческо-христіанская мѣстная община избираетъ себѣ епископомъ грека Марка; и изъ всѣхъ послѣдующихъ 18-ти здѣшнихъ епископовъ, поименованныхъ въ перечнѣ Harnack'a, не было уже ни одного епископа изъ іудеевъ [1]). Тотъ-же проф. Harnack убѣдительно доказываетъ, что вновь основавшаяся греко-христіанская община Эліи Капитолины гораздо больше тяготѣла къ этнически и культурно родственной ей Александріи, чѣмъ къ сосѣдней Антіохіи [2]). Въ гражданско-политическомъ смыслѣ Элія Капитолина никогда особенной роли не играла и принуждена была ее уступить сосѣднему приморскому городу—Кесаріи Палестинской [3]).

Всѣ эти историческія данныя вполнѣ совпадаютъ и съ свидѣтельствомъ Евсевія. Онъ, дѣйствительно, соборъ мѣстныхъ церквей долженъ былъ назвать не „іудейскимъ“ (по старому названію), а именно „палестинскимъ“ (по новому имени у этой романизированной провинціи). Совершенно правильно указаны у него и епископы двухъ метрополей „Палестины“: Θеофилъ—Кесаріи (новаго метрополя) и Наркиссъ—Іерусалима, или, по новому, Эліи Капитолины (прежняго метрополя). Полную разгадку получаетъ и то, почему Палестина, эта нѣкогда бывшая цитадель іудаизма, отказалась защищать пасхальную практику четыренадесятниковъ и такъ энергично поддержала западно-римскую практику воскресниковъ? Ясно, потому, что послѣ адріановскаго разгрома она окончательно потеряла свой прежній, національно-іудейскій обликъ и проникласъ эллино-римскимъ духомъ. Причемъ, рѣшающее значеніе имѣло здѣсь тяготѣніе новой іерусалимской (Эліи-капитолинской) церкви къ Александріи, державшейся аналогичной съ Римомъ пасхальной практики. Неизвѣстнымъ остается лишь точное мѣсто палестинскаго собора. Но судя по двумъ названнымъ предсѣдателямъ, надо думать, что онъ былъ въ метрополѣ одного изъ нихъ и, вѣроятнѣе всего, въ Кесаріи, которая была фактическимъ метрополемъ Палестины; да и у Евсевія епископъ Кесаріи—Θеофилъ поставленъ раньше іерусалимскаго еп. Наркисса.

[1]) *Ad. Harnack* „Chronologie... I, 220 и Mission²... II, 84.

[2]) *Ad. Harnack* „Die palästinensisch-griechische Christenheit mit ihren Bischöfen gravitierte stärker nach Alexandrien als nach Antiochien und dem Norden (Euseb. n. c. V, 25) und ist auch geistig von Alexandrien in unserer Periode abhängig“. Mission... II, 89. Ср. n. 4, 85 s.

[3]) *Harnack* „Mission²... II, 84—85, со ссылкамн на Геродота и Тацита, въ прим. 3, стр. 85.

Мы не сказали-бы о Палестинскомъ пасхальномъ соборѣ почти самаго главнаго, во всякомъ случаѣ, очень важнаго и интереснаго, если-бы не привели здѣсь параллельной, болѣе полной версіи Евсевія, помѣщенной имъ въ той-же пятой книгѣ его исторіи, всего двумя главами ниже. Здѣсь мы находимъ слѣдующія подробности: „между тѣмъ недавно упомянутые нами епископы палестинскіе Нарциссъ и Θеофилъ (порядокъ именъ здѣсь обратный), съ которыми были также на соборѣ Кассъ, епископъ тирскій, Кларъ птолемаидскій и другіе—послѣ многихъ разсужденій о дошедшемъ до нихъ преемственно отъ Апостоловъ преданій касательно пасхи, въ концѣ посланія присоединяютъ къ своимъ словамъ слѣдующее: „списки съ нашего посланія постарайтесь разослать по всѣмъ церквамъ, чтобы мы не были виновны передъ тѣми, которыхъ души легко заблуждаются. Увѣдомляемъ васъ, что и въ Александріи празднуютъ Пасху въ тотъ-же день, въ который празднуемъ ее мы. Отъ насъ отправляютъ письма къ александрійской церкви, а изъ александрійской къ намъ, поэтому празднованіе святаго дня у насъ бываетъ согласно и вмѣстѣ съ ними“ [1]). Отсюда мы убѣждаемся, что въ округъ намѣчавшейся палестинской метрополіи входили города древней Финикіи—Тиръ и Птолемаида, что на соборѣ были многія разсужденія и что церкви палестинская и александрійская ежегодно сносились между собой по вопросу о точномъ и согласномъ днѣ празднованія пасхи. Имѣемъ, наконецъ, и буквальную выдержку изъ самаго опредѣленія Палестинскаго собора.

Дальнѣйшее указаніе Евсевіева перечня на *соборъ римскихъ* церквей никакихъ особенныхъ поясненій не требуетъ: въ немъ идетъ рѣчь о собраніи въ Римѣ епископовъ западной провинціи—„Италіи“, состоявшемся при папѣ Викторѣ и подъ его предсѣдательствомъ, какъ съ несомнѣнностью слѣдуетъ изъ ясныхъ словъ Евсевія: „есть также посланіе и римскаго собора объ этомъ спорномъ предметѣ *(περὶ τοῦ αὐτοῦ ζητήματος)*“. Не совсѣмъ ясно только то, о какомъ, именно, римскомъ соборѣ говоритъ здѣсь Евсевій: о томъ-ли, предварительномъ, который упоминался нами выше и который послужилъ, такъ сказать, сигналомъ ко всѣмъ пасхальнымъ соборамъ, или о послѣдующемъ, какъ-бы заключительномъ, гдѣ была уже высказана угроза по адресу упор-

[1]) *Евсев.* V, XXV, 311—312. *Euseb.* V, 25, 496—498. Именно, эта вторая, дополнительная версія Евсевія о соборѣ въ Палестинѣ и легла въ основу очень полнаго, но несомнѣнно довольно фантастическаго, разсказа католическихъ соборныхъ сборниковъ о палестинскомъ пасхальномъ соборѣ. См. у *Mansi* „Idem Concilium Palestinum, seu potius *Caesariense* ex nova Valuzii collectione“ I, 711—715 p.

ствующихъ малоазійцевъ, или даже произведено и само формальное отлученіе ихъ? Основываясь на контекстѣ, скорѣй, пожалуй, можно допустить первое [1]; хотя переводъ этой Евсевіевой цитаты съ сирскаго языка, сдѣланный *Eberhard*'омъ *Nestle* больше, повидимому благопріятствуетъ второму предположенію [2]). Что касается церковно-политической стороны дѣла, то она вполнѣ отвѣчаетъ у Евсевія, тогдашнему положенію западной половины римской имперіи. До эпохи Діоклетіана она не имѣла правильныхъ административныхъ подраздѣленій и вся тяготѣла къ своему знаменитому центру—городу Риму. Въ частности, въ церковно-административномъ отношеніи, вся Италія, по словамъ проф. *Гидулянова* „въ это время представляла одинъ большой церковный округъ, центромъ котораго былъ Римъ". [3]) При этомъ, конечно, вполнѣ естественно, что раньше всего и гуще всего христіанизированы были окружающіе Римъ италійскіе города. А потому соборъ, именно, италійскихъ епископовъ организовать въ то время было особенно удобно и легко. Даже и показаніе Sinodicon'a (или Libel. sinod.) о числѣ присутствовавшихъ на данномъ соборѣ епископовъ (14) Harnack, напримѣръ, находитъ вполнѣ пріемлемымъ въ виду невысокой его цифры [4]).

Слѣдующій въ порядкѣ Евсевіева перечня пасхальный соборъ — епископовъ *церквей Понта*. „Римская провинція Понтъ, занимавшая восточную половину южнаго берега Чернаго моря, заключала въ себѣ ту часть владѣній Митридата, которую Помпей подчинилъ непосредственному римскому владычеству" [5]). Главнымъ городомъ провинціи былъ городъ Амизъ или Амазисъ

[1]) Кстати, о самомъ этомъ соборѣ къ тому, что уже было сказано нами о немъ выше (стр. 207 и сл.), считаемъ нелишнимъ добавить тутъ и замѣтку *Harnack*'а (Mission... II, 210 s. n. 3), что свѣдѣнія о данномъ соборѣ, совершенно аналогичныя съ версіей Synodicon'a, даетъ и коптско-арабскій Synaxarium, говорящій также о соборѣ въ Римѣ при папѣ Викторѣ, изъ 14 епископовъ и *нѣсколькихъ пресвитеровъ*. Послѣднихъ, подчеркнутыхъ нами словъ нѣтъ въ папскомъ Synodicon'ѣ, что очень характерно для него.

[2]) *Eberhard Nestle* „Die Kirchengeschichte des Eusebius aus dem Syrischen übersetzt. Leipzig 1901 (Texte und Untersuchungen NF, VI, 2), 209: „und derer *wiederum*, die sich versammelten in Rom". Подчеркнутое нами wiederum какъ будто-бы говоритъ о повторности римскаго собора. Но въ виду варіанта къ этому мѣсту—A illi *insuper* congregati sunt—можно слово wiederum переводить не *снова*, или *опять*, а *сверхъ того*, въ *добавленіе* къ сему.

[3]) Проф. *П. В. Гидулянов*ъ „Митрополиты въ первые три вѣка христіанства" 105 стр. Москва 1905.

[4]) *Ad. Harnack* „Die Angabe kann richtig sein, weil die Zahl so niedrig ist" Mission²... II, 210, 2 n.

[5]) *Моммсенъ*—297 стр.

(по греч, *Ἀμαστρίς*=Амастрида), старинная резиденція понтійскихъ Ахеменидовъ, бывшая мѣстомъ ихъ погребенія. Это положеніе свое онъ продолжалъ сохранять и при Римлянахъ. Такимъ образомъ, Евсевій имѣлъ полное право говорить о соборѣ понтійскихъ епископовъ и, судя по предсѣдателю этого собора, указывать мѣсто для него, именно, въ метрополѣ Понта—Амастридѣ. Правда, въ данномъ случаѣ Евсевій не называетъ каѳедры епископа Палмы и, даже какъ будто-бы указываетъ совсѣмъ другое основаніе для его почетнаго положенія на соборѣ (не значеніе его каѳедры, а старшинство его возраста). Но тотъ-же Евсевій въ другомъ мѣстѣ своей исторіи совершенно опредѣленно называетъ Палму епископомъ церкви амастридской и указываетъ на его преимущественное положеніе среди остальныхъ понтійскихъ церквей (такъ какъ, именно, ему адресуется посланіе Діонисія Коринѳскаго, касающееся „и прочихъ въ Понтѣ" то-есть и всѣхъ остальныхъ понтійскихъ церквей) [1]. Слѣдовательно, надо полагать, соборъ понтійскихъ епископовъ происходилъ также въ ихъ метрополѣ — Амастридѣ и возглавлялся мѣстнымъ епископомъ Палмой, у котораго преимущество каѳедры могло, конечно, случайно совпадать и со старшинствомъ по лѣтамъ, въ особенности, если принять во вниманіе, что Палма уже былъ епископомъ еще при Діонисіи карѳагенскомъ, т. е. лѣтъ за 25-ть до описываемаго собора. Такимъ образомъ, и здѣсь на лицо всѣ слѣды достаточно опредѣлившагося соборно-митрополичьяго строя [2]).

Четвертый изъ указанныхъ въ перечнѣ Евсевія соборовъ названъ соборомъ *„галльскихъ церквей" (τῶν κατὰ Γαλλίαν δὲ παροικιῶν)* [3]). Галліей называлась вторая большая провинція западной части римской имперіи, обнимавшая нынѣшнюю Францію и Германію. Необходимо, здѣсь, впрочемъ оговориться, что въ политическомъ смыслѣ Галлія эпохи пасхальныхъ соборовъ, т. е. конца 2-го вѣка, самостоятельной политическо-областной единицы еще не представляла. Она, по прежнему, входила, въ качествѣ видной составной части, въ объемъ обширнѣйшей западно-римской половины имперіи, съ центромъ въ Римѣ. Но неудобство такой централизаціи уже чувствовалось и будущее выдѣленіе Галліи въ

[1]) *Евсевій* „Церк. исторія" IV, 23, 232—233 стр.

[2]) Въ церковномъ отношеніи понтійцы издавна тяготѣли замѣтнѣе къ западу (Греціи и Риму), чѣмъ къ востоку. Акила и Маркіонъ—выходцы изъ Понта идутъ въ Римъ; Діон. коринѳ. пишетъ сюда посланіе Евс. IV, 23 и Плиній, намѣстникъ Понта, въ письмѣ къ императору Траяну еще около 112 г. отмѣчаетъ здѣсь празднованіе воскреснаго дня—*Er. Preuschen* RE, XIV, 732.

[3]) Въ такомъ опредѣленіи состава этого собора находятъ между прочимъ, противовѣсъ раннѣйшихъ указаніямъ на собранія однихъ *только* епископовъ.

самостоятельный округъ уже намѣчалось. То, что въ гражданской сферѣ только еще намѣчалось, въ церковно-христіанской уже осуществилось. Несомнѣнно, что Галлія, населенная многими христіанскими колонистами—выходцами изъ Малой Азіи—сравнительно рано почувствовала свою независимость отъ Рима и свою церковно-административную самостоятельность. Несомнѣнные слѣды этого мы имѣемъ въ мученическихъ актахъ ліонскихъ и вьенскихъ мучениковъ, пострадавшихъ въ гоненіе Марка Аврелія и въ письмѣ галльскихъ исповѣдниковъ къ малоазійскимъ христіанамъ, по поводу монтанизма. Извѣстный Ad. Harnack самымъ позднимъ срокомъ образованія виднаго христіанскаго центра въ долинѣ рѣки Роны считаетъ половину 2-го вѣка[1]); такъ что церковное выдѣленіе Галліи почти на цѣлое столѣтіе опередило собой гражданское. Ея метрополемъ былъ городъ Ліонъ (Lugdunensis), епископомъ котораго былъ въ то время знаменитый Иринеи. Но были-ли въ данное время въ Галліи еще какія-либо церкви, кромѣ издавна славныхъ церквей Ліона и Вьены, опредѣленно неизвѣстно. Если и были, то во всякомъ случаѣ и мало и не сильныхъ, такъ что ихъ тяготѣніе къ славному, гражданско-церковному метрополю-Ліону вполнѣ понятно и неизбѣжно.

Послѣдній, пятый соборъ—*церквей Озроэны* обозначенъ у Евсевія наиболѣе глухо, такъ какъ не указано ни мѣста собора, ни епископа, его предсѣдателя. Но провинція Озроэна, дѣйствительно, существовала на востокѣ и стояла въ тѣхъ самыхъ отношеніяхъ къ Риму, какъ изображаетъ это Евсевій. Озроэной называлась та часть Месопотаміи, которая лежала въ сѣверо-западномъ ея углу и непосредственно граничила съ Арменіей, на сѣверъ и съ Сиріей на западъ. Въ послѣдніе вѣка передъ началомъ новой эры она входила въ составъ Сирійскаго царства Селевкидовъ и вмѣстѣ съ нимъ досталась Риму при императорѣ Траянѣ (98—117 г.). Однако на нее постоянно притязало и могущественное сосѣднее государство Парѳянъ, доставившее не мало хлопотъ Риму. Послѣ похода на востокъ римскаго полководца Люція Вера (165 г.) Озроэна окончательно подчинена была Римлянамъ. Но послѣдніе, чтобы привлечь ее на свою сторону и имѣть ее, въ качествѣ буффера для борьбы съ Парѳянами, сохранили Озроэнѣ политическую самостоятельность, поставивши царствовавшую у нихъ династію Авгарей лишь въ вассальныя къ себѣ отношенія. Главнымъ городомъ Озроэны была Едесса (назыв. у грековъ Orrhoe, Osrhoe — отсюда, вѣроятно, и самое названіе всей страны Озроена и Urhai — у Сирійцевъ и Армянъ [1]). Христіанство проникло сюда еще очень рано и распространялось здѣсь успѣшно. Общеизвѣстное древне-церковное преданіе о нерукотворномъ убрусѣ, полученномъ эдесскимъ царемъ Авгаремъ отъ самого Спасителя, извѣстія о проповѣди здѣсь апостола Ѳомы и въ особенности Ѳаддея—пусть даже они и не строго историчны—свидѣтельствуютъ все-же объ ранней христіанизаціи Озроэны. *Ad. Harnack* устанавливаетъ настолько раннее и прочное водвореніе здѣсь христіанства, что считаетъ Едессу, наравнѣ съ Антіохіей, виднымъ опорнымъ пунктомъ распространенія христіанства по всему востоку [2]). Повидимому, раньше всѣхъ другихъ государствъ Озроена и официально признала христіанство, такъ какъ царствовавшая въ ней династія Авгарей, въ лицѣ Абгара VIII баръ-Ману (176—213), крестилась и сдѣлала христіанство оффиціальной, государственной религіей, ведя за него даже войну съ язычниками [3]). Просвѣтитель Озроены—Абгаръ Ману находился, повидимому, въ сношеніяхъ съ видными представителями христіанства въ другихъ странахъ, какъ напр. съ Юліемъ Африканскимъ [4]). Онъ совершилъ также поѣздку въ Римъ и разумѣется, не преминулъ тамъ, въ качествѣ новообращеннаго христіанскаго государя, посѣтить мѣстнаго епископа, что должно было упрочить его дружественную связь и съ римской церковью [5]). Учитывая все это, мы должны придти къ полному согласію съ Евсевіемъ, что, дѣйствительно, въ провинціи Озроенѣ, вѣроятно въ метрополѣ ея Едессѣ, вполнѣ возможенъ былъ тогда большой церковный соборъ, постановленіе котораго по пасхальному вопросу имѣло всѣ шансы оказаться солидарнымъ съ римской церковью. А если и далѣе довѣряться Ренану, основывающемуся на цѣломъ рядѣ авторитетныхъ изслѣдователей, то можно опредѣлить даже и имя того епископа Едессы, который былъ современникомъ этого собора и его вѣроят-

[1]) *Ad. Harnack* „In den griechischen, mit Rom, mit Asien, ja auch mit Syrien in reger Verbindung Stehenden Bevölkerung der Mittelmeerküste und des Rhonetals hat sich das Christentum spätestens um die Mitte des 2 Jahrhunderts angesiedelt". Mission... II, 222.

[1]) *G. Beer* „Syrien, geogr. и geschichtl."... in RE³, XIX, 291, 45-50.

[2]) *Ad. Harnack* „Die Mission und Ausbreitung Christenthums"²—II, 111 s.

[3]) *Э. Ренанъ* „Маркъ Аврелій и конецъ античнаго міра" XXV, 273 стр. Впрочемъ, *Gutschmidt* въ своей спеціальной работѣ „Untersuchungen über die Geschichte d. Königreichs Osroëna"—приписываетъ христіанизацію Озроэны Авгарю IX и относитъ ее къ 188 г. *Er. Preusschen*—XIV, 732. То-же съ еще бо́льшими подробностями говоритъ и проф. *Болотовъ* „Лекціи" I, 256.

[4]) *Э. Ренанъ*—примѣч. къ XXV г. 51-ое, со ссылками на Bickel'я, Kureton'a, Mezinger'a и Zahn'a.

[5]) *Er. Preusschen* „Passah, altkirchl. und Passahstreitigkeiten", XIV, 732, 10—12.

нымъ предсѣдателемъ: Ренанъ называетъ его Палютой и говоритъ, что онъ рукоположенъ былъ Серапіономъ, епископомъ антіохійскимъ (190—210) [1]).

Заканчивая свой перечень пасхальныхъ соборовъ, Евсевій говоритъ, что на предложеніе папы Виктора, кромѣ цѣлыхъ епископскихъ соборовъ откликнулись и „другіе многіе“ (епископы?) своими частными посланіями *(ἰδίως)*, какъ напр. коринѳскій епископъ Вакхиллъ. Смыслъ этой заключительной замѣтки, признаться, для насъ несовсѣмъ ясенъ. Что это за частныя посланія, кто и почему ихъ писалъ? Ничего опредѣленнаго не извѣстно. Не исходили-ли подобныя посланія отъ тѣхъ церквей, которыя почему-либо (напр. по причинѣ ихъ малочисленности и разъединенности) не могли составить у себя собора, а однако хотѣли, такъ или иначе, принять посильное участіе въ обще-церковномъ спорѣ? Вѣроятно, здѣсь дѣло ограничивалось только пленарнымъ собраніемъ всей мѣстной церкви, которая, обсудивъ вопросъ и выработавъ извѣстное рѣшеніе, поручала своему епископу редактировать это постановленіе и въ формѣ особаго *(ἰδίως)* отвѣтнаго письма извѣстить о немъ папу. Во всякомъ случаѣ, упоминаніе Евсевія о еп. Вакхиллѣ даетъ поводъ автору Libell. synod. говорить о соборѣ въ Ахаіи (Коринѳѣ) [2]).

Подводя итоги сдѣланному нами анализу евсевіева перечня пасхальныхъ соборовъ, мы не можемъ еще разъ не подчеркнуть того, что онъ, при своей полной и несомнѣнной историчности

[1]) *Э. Ренанъ* „Маркъ Аврелій“ 273 ст. и 50-ое прим. къ XXV гл. Въ основаніи свѣдѣній Ренана лежатъ хорошіе источники. „Die Anfänge der Christianisierung Edessas können aus dieser einheimischen „Doctrina Addaei (Legende des 4 Jahrh.) den Akten des Scharbêl und dem Martyrium des Barsamya, sowie der edessenischen Chronik in unbestimmten Umrissen noch erkannt werden“.—*Ad. Harnack* „Mission... II, 118, n. 3, со ссылкой на *Burkitt* „Eastern Christianity“. „Палутъ, по имени котораго даже во дни Ефрема Сирина еретики называли тамъ православныхъ палутіанами, оставилъ по себѣ память, какъ *первый* епископъ едесскій: Палутъ, дѣйствительно, былъ первымъ епископомъ, признаннымъ государственной властью. Отсюда и широкая возможность для созванія соборовъ въ Осроэнѣ въ это время“. *Проф. Болотовъ* „Лекціи...“ I, 256.

[2]) *Mansi* „Op. cit.“ I, 719—720. „Concilium Osroenum et Corinthiacum. De hoc et quodam alio *concilio Achaico* tum celebrato, ita Eusebio V, 22... aliud separatim Bacchylli ecclesiae Corinthiorum episcopi“... Это—версія Valusii. Версія-же Libel. synod. читается такъ: „Corinthiaca, Bacchylidis. Synodus divina et sacra provincialis, collecta Corinthi a Bacchylide ejusdem sanctissimo archiepiscopo, aliisque octodecim episcopis: quae idem de beato paschate constituit“. *Ibid.* 726. О Вакхиллѣ, еп. Коринѳа, какъ авторѣ превосходной книги о пасхѣ, „написанной отъ лица всѣхъ епископовъ, которые въ то время были въ Ахаіи“ свидѣтельствуетъ и *бл. Іеронимъ* въ „Книгѣ о знаменитыхъ мужахъ“ XLIV гл. 5 ч. 314 стр. Кіевъ 1879.

(убѣдительное совпаденіе съ наличными политическими, общественно-гражданскими отношеніями и съ современными христіанско-церковными связями), даетъ наглядное доказательство начавшагося приспособленія церковнаго управленія къ условіямъ современнаго этимъ соборамъ общественно-гражданскаго и религіознаго строя (провинціальное дѣленіе имперіи и религіозныя *κοιναί*). Въ сферѣ церковнаго управленія это обозначаетъ собой переходъ къ митрополичье-областной системѣ; а въ ростѣ церковно-соборнаго института это отмѣчаетъ собой такую его стадію, когда чрезвычайные соборы уже подготовляли почву и для регулярныхъ, такъ называемыхъ, областныхъ, или митрополичьихъ соборовъ.

IV.

Ефесскій оппозиціонный соборъ „азійскихъ“ четыренадесятниковъ.

Послѣ сдѣланнаго нами обзора пасхальныхъ соборовъ согласныхъ съ Римомъ, намъ остается перейдти къ знакомству съ единственной, но зато довольно внушительной оппозиціей ему, въ формѣ Ефесскаго собора, объединившаго на себѣ представительство четыренадесятниковъ самой важной и большой восточно-римской провинціи—„Азіи“. Объ этомъ соборѣ, или, собственно, объ его мотивированномъ рѣшеніи, изложенномъ въ посланіи Поликрата ефесскаго къ папѣ Виктору, Евсевій говоритъ съ особенной подробностью, причемъ не скупится даже и на длинныя, буквальныя выдержки изъ соборнаго посланія. Въ виду такой документальной авторитетности евсевіевыхъ извѣстій объ Ефесскомъ соборѣ, приведемъ ихъ полностью.

Спеціальная глава церковной исторіи Евсевія „О разногласіи въ Азіи“ (V, XXIV) начинается слѣдующей весьма цѣнной и важной выдержкой: „Между азійскими епископами, которые твердо стояли въ томъ, что должно сохранять древній, преданный имъ обычай, первенствовалъ *(ἠγεῖτο*, Ruf.—primatum agere videbatur) Поликратъ. Въ своемъ посланіи къ Виктору и римской церкви, онъ излагаетъ дошедшее до его времени преданіе слѣдующими словами: „Мы празднуемъ этотъ день непогрѣшительно (*ἀφαιδεύτως*, integeratum, незапятнанно, безукоризненно), ничего не прибавляя и не отнимая. Въ Азіи погребены великіе началовожди (*μεγάλα στοιχεῖα*, magna quaedam luminaria, великіе свѣтильники—у *Rufin.* добавлено—summi et electi viri), имѣющіе воскреснуть въ день пришествія Господня, когда облеченный славою Господь пріидетъ съ неба и воскреситъ всѣхъ святыхъ: Филиппа, одного изъ двѣнадцати (Ruf.—Filippus euangelista), погребеннаго въ Іераполѣ, двухъ

дочерей его, состарѣвшихся въ дѣвствѣ и третью его дочь, посвятившую себя въ жизни Св. Духу (*ἐν ἁγίῳ πνεύματι πολιτευσαμένη*, spiritu sancto repleta) [1] и почившую въ Ефесѣ; также Іоанна, который возлежалъ на персяхъ Господа, былъ священникомъ и носилъ дщицу (*ἐγενήθη ἱερεὺς τὸ πέταλον πεφορεκώς*, fecit summus sacerdos et pontificale petalum gessit), былъ исповѣдникомъ и учителемъ и погребенъ въ Ефесѣ; равнымъ образомъ, смирнскаго епископа и мученика Поликарпа, евменійскаго епископа и мученика Θрасея, почившаго въ Смирнѣ. Упомянуть-ли еще о епископѣ и мученикѣ Сагарисѣ, который почилъ въ Лаодикіи, о блаженномъ Папиріѣ и евнухѣ Мелитонѣ, который все дѣлалъ по внушенію Св. Духа (*τὸν ἐν ἁγίῳ πνεύματι πολιτευσάμενον*) и почиваетъ въ Сардахъ, ожидая епископства небеснаго, по воскресеніи изъ мертвыхъ? Всѣ они праздновали пасху по Евангелію, въ четырнадцатый день (*ἐτήρησαν τὴν ἡμέραν τῆς τεσσαρεσκαιδεκάτης τοῦ πάσχα κατὰ τὸ εὐαγγέλιον*, diem paschae in quarta decima die mensis observaverunt secundum euangelium, соблюдали день пасхи 14 н. по евангелію), не отступая отъ правила вѣры (*τὸν κανόνα τῆς πίστεως*, fidei regulam), но во всемъ держась его. Такъ поступаю и я, Поликратъ, наименьшій изъ всѣхъ васъ,—и поступаю по преданію своихъ родственниковъ (*κατὰ παράδοσιν τῶν συγγενῶν μου*), которыхъ былъ наслѣдникомъ. А изъ родственниковъ моихъ считается семь епископовъ, я осьмой—и они всегда праздновали пасху въ тотъ день, когда народъ оставлялъ квасной хлѣбъ (*ὅταν ὁ λαὸς ἤρνευν τὴν ζήμην*, quo fermentum Judaeorum populus aufert). Вотъ уже мнѣ, братія, шестьдесятъ пять лѣтъ о Господѣ; я имѣлъ сношенія съ братьями по всей вселенной, прочиталъ все Священное Писаніе и угрозъ не боюсь (*οὐ πτύρομαι ἐπὶ τοῖς καταπλησσομένοις*, non perturbarbor ex his, quae ad terrorem proferuntur). Ибо старшіе меня говорили: „должно повиноваться больше Богу, нежели людямъ“ (Дѣян. V, 29) [2].

[1] Въ подлинномъ текстѣ Евсевія, (а равно и въ переводѣ Руфина) третья дочь ап. Филиппа и епископъ Мелитонъ характеризуются одной и той-же фразой: *ἐν ἁγίῳ πνεύματι πολιτευσαμένη, πολτευσάμενον*, которая въ нашемъ русскомъ переводѣ передана почему-то различно. Іеронимъ и Руфинъ переводятъ это мѣсто spiritu sancto repleta, т. е. съ указаніемъ на харисму профетіи. Valesius-же и Ruth болѣе правильнымъ находятъ переводъ semper Domino serviens, т. е. въ смыслѣ обозначенія какого-либо постояннаго церковнаго, или даже храмоваго служенія, наподобіе іудейскихъ пророчицъ (Лук. II, 36), или христіанскихъ діаконисъ. *Ruth* „Reliquiae Sacrae“, II, 26. По нашему-же личному мнѣнію, предпочтительнѣе всего будетъ толкованіе, въ смыслѣ высокой общей праведности, по аналогіи съ извѣстнымъ в.-з. выраженіемъ „ходить предъ Богомъ“ (Быт. V, 22; VI, 9 и др.).

[2] *Euseb.* V, 24, 2—7, 490—492; *Евсев.* V, XXIV, 307—308.

Нетрудно видѣть, что въ приведенномъ отрывкѣ очень много личнаго, даже автобіографическаго. Поликратъ говоритъ, что ему 65 лѣтъ отъ роду, что онъ въ числѣ своихъ родственниковъ насчитываетъ до семи епископовъ, что онъ состоитъ въ сношеніяхъ съ братіями по всей вселенной, прочиталъ все Св. Писаніе и никакихъ угрозъ не боится. Поэтому первое впечатлѣніе отъ даннаго письма то, что оно—не столько оффиціальный соборный документъ, сколько личное, частное письмо одного епископа (Поликрата ефесскаго) другому (Виктору римскому), хотя и написанное по поводу важнаго общецерковнаго дѣла. Но подобное подозрѣніе совершенно отпадаетъ, въ виду слѣдующихъ ясныхъ словъ дальнѣйшаго контекста: „могъ-бы я упомянуть и о соприсутствующихъ мнѣ епископахъ (*τῶν ἐπισκόπων τῶν συμπαρόντων*), которые созваны мною по вашему совѣту (quos ipsi petistis ut evocarem, sicut et feci—Ruf.). Но если-бы написать ихъ поименно, то именъ оказалось-бы великое множество. Посѣтивъ меня нижайшаго, они одобрили мое посланіе, ибо знали, что я не напрасно ношу на головѣ сѣдины, что я всегда жилъ въ Господѣ Іисусѣ (*ἐν Χριστῷ Ἰησοῦ πάντοτε πεπολίτευμαι*) [1]. Все это не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что посланіе Поликрата ефесскаго было отправлено послѣ собора и одобрено всѣми присутствовавшими на немъ многочисленными епископами. А это и есть двѣ наиболѣе типичныхъ черты окружныхъ древне-соборныхъ посланій. Подобныя посланія, какъ въ этомъ позже мы неразъ будемъ имѣть случай убѣдиться, (въ особенности, при обзорѣ африканскихъ соборовъ эпохи Кипріана), обычно составлялись предсѣдателемъ собора и писались отъ его лица и отъ имени соприсутствовавшихъ съ нимъ епископовъ. Но затѣмъ эти посланія или читались или показывались всѣмъ членамъ собора и одобрялись ими. При этомъ иногда подъ соборнымъ посланіемъ собственноручно подписывались всѣ члены, иногда они только по-именно перечислялись, иногда-же обозначались болѣе глухо и обще, или по числу присутствовавшихъ епископовъ, или по ихъ провинціальному распредѣленію. Но постоянно и неизмѣнно наблюдалось лишь одно,—что наиболѣе активную роль на соборѣ игралъ его предсѣдатель, которому обычно

[1] *Ibidem*—492. *Тамъ-же*—308 стр. Заключительная фраза, содержащая въ себѣ религіозно-моральную характеристику Поликрата, представляетъ собой почти дословное повтореніе вышеприведенной фразы, характеризующей жизненное поведеніе третьей дочери ап. Филиппа и еп. Мелитона сардійскаго. Это еще больше укрѣпляетъ насъ въ той, высказанной раньше (примѣч. 1-ое на 228 стр.) мысли, что выраженія: „ходить предъ Богомъ“, „жить въ Господѣ“, „жить во Св. Духѣ“—суть синонимы и служатъ описательнымъ обозначеніемъ высокой, религіозно-нравственной настроенности тѣхъ лицъ, къ которымъ они относятся.

принадлежала и редакція соборнаго посланія. Такъ, очевидно, было и въ данномъ случаѣ на ефесскомъ соборѣ „асійскихъ“ епископовъ, гдѣ епископъ главнаго города всей провинціи (г. Ефеса—еп. Поликратъ) занималъ „главное мѣсто“ (*ἡγεῖτο*, primatum agere), по буквальному выраженію Евсевія. Онъ, въ отвѣтъ на предложеніе папы и его собора, организовалъ свой оппозиціонный папѣ соборъ, онъ руководилъ ходомъ соборныхъ разсужденій, онъ энергичнѣе всѣхъ отстаивалъ и защищалъ свою традиціонную, четыренадесятническую практику пасхи, онъ-же, очевидно, писалъ и достойный отвѣтъ на вызывающее письмо римскаго епископа. И если, какъ выясняли мы раньше [1]), даже властолюбивый римскій папа и тотъ писалъ свое грозное письмо не единолично, а опираясь на авторитетъ созваннаго имъ римскаго собора; то тѣмъ болѣе, конечно, не могъ допустить никакого единоличнаго произвола скромный ефесскій епископъ („наименьшій изъ всѣхъ васъ“), который всю свою, дѣйствительно, недюжинную энергію, обнаруженную имъ въ письмѣ къ папѣ, могъ проявить лишь при одномъ условіи,—при условіи полнаго одобренія и поддержки его тактики со стороны цѣлаго, большаго собора единомышленныхъ ему епископовъ. Такимъ образомъ, для насъ становится совершенно яснымъ и понятнымъ, какъ значительный личный колоритъ Поликратова посланія (отпечатокъ личности редактора посланія—предсѣдателя собора), такъ и его несомнѣнный соборный характеръ и авторитетъ. А это, въ свою очередь, достаточно твердо устанавливаетъ самый фактъ созыва Поликратомъ ефесскимъ большаго провинціальнаго собора въ метрополѣ „Азіи“—г. Ефесѣ.

Коллективно-соборный характеръ Поликратова посланія, а слѣдовательно, и наличность Ефесскаго собора подтверждаетъ еще и бл. Іеронимъ, который дѣлаетъ это въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Поликратъ епископъ Ефесянъ, съ прочими епископами Азіи, которые согласно какому-то древнему обычаю праздновали пасху съ Іудеями въ 14-ую луну, писалъ противъ Виктора, епископа Римлянъ, *соборное посланіе* (epistolam synodicam), въ которомъ научаетъ, что онъ слѣдуетъ авторитету ап. Іоанна и древнихъ“ [2]). Хотя приведенное извѣстіе Іеронима, подобно большинству его другихъ, аналогичныхъ, и не имѣетъ самостоятельной цѣны (оно всецѣло основано на Евсевіи и даетъ его перифразъ), однако все-же не лишено серьезнаго интереса, какъ показаніе

[1]) См. выше, стр. 208-ая.

[2]) *S. Hieronymus* „Lib. De Viris Illustribus“, XLV. с. Ср. *Бл. Іеронимъ* „Книга о знаменитыхъ мужахъ“ XLV гл. 314 стр. 5 ч. Кіевъ 1879.

очень древней и авторитетной церковной традиціи, свидѣтельствующей о квалификаціи письма еп. Поликрата ефесскаго, именно, въ смыслѣ посланія всего Ефесскаго собора (epistolam synodicam) [1]).

Какъ-бы то ни было, но устройство въ Ефесѣ, при мѣстномъ епископѣ Поликратѣ, внушительнаго собора „асійскихъ епископовъ“ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію и спору, особенно, въ виду однажды уже приведенныхъ нами совершенно ясныхъ словъ самого Поликрата: „могъ-бы я упомянуть и о соприсутствующихъ мнѣ епископахъ *(τῶν ἐπισκόπων τῶν συμπαρόντων)*, относительно которыхъ вы пожелали *(οὓς ὑμεῖς ἠξιώσατε)*, чтобы они были созваны мною *(μετακληθῆναι ὑπ' ἐμοῦ)* и я ихъ созвалъ *(καὶ μετακλεσάμην)*; и если-бы я написалъ ихъ имена, то ихъ было бы великое множество *(πολλὰ πλήθη)* [2]). Въ этой краткой, но документальной выдержкѣ, содержатся три, весьма цѣнныхъ для насъ указанія: во-первыхъ, на самый *фактъ Ефесскаго собора*, во-вторыхъ—на *поводъ* къ нему и въ третьихъ—на его *объемъ*.

Что касается перваго, т. е. доказательствъ самого факта собора, то объ этомъ, послѣ всего сказаннаго, распространяться не приходится. Помимо совершенно ясныхъ и опредѣленныхъ внѣшнихъ свидѣтельствъ, онъ неотразимо диктуется и всей внутренней логикой пасхальныхъ споровъ 2-го вѣка, въ особенности, послѣдующимъ поведеніемъ папы Виктора (разумѣемъ провозглашен-

[1]) Говорятъ, конечно, объ Ефесскомъ поликратовомъ соборѣ и авторы католич. соборныхъ сборниковъ. Но ихъ версія, помимо своей полной зависимости отъ Евсевія, характеризуется и еще однимъ любопытнымъ свойствомъ: она слишкомъ мало интересуется самымъ соборомъ (не указываетъ, напр. даже количества епископовъ) а гораздо больше тѣмъ, какъ реагировалъ на него папа, относительно чего находимъ тамъ, напр. слѣдующія выразительныя строки: „Victor pontifex hoc reponso accepto concilium reprobavit et quam diu minatus fuerat excommunicationis sententiam contra pertinaces executus est.“ Здѣсь фактъ отлученія папой малоазійскихъ христіанъ устанавливается въ категорической формѣ: „послѣ того какъ долго угрожалъ, привелъ свою мысль объ отлученіи въ исполненіе“. Такое одностороннее освѣщеніе дѣла совершенно понятно въ устахъ ультрамонтантствующихъ католич. авторовъ: оппозиціонный соборъ малоазійскихъ епископовъ былъ, конечно, имъ глубоко не симпатиченъ, почему они и не находятъ нужнымъ о немъ распространяться. Наоборотъ, проявленіе папскаго абсолютизма въ поступкѣ Виктора, какъ нельзя болѣе, отвѣчало ихъ завѣтнымъ намѣреніямъ и взглядамъ. Concilium Asiaticum (Ephesinum) *Mansi* „Op. cit.“ I, 720. Тамъ-же приведена и другая редакція традиціи объ этомъ соборѣ—Idem concilium Asiaticum, seu verius Ephesinum habitum circa annum CXCVII. Третья версія извлечена Mansi ex Libello synodico. Она обозначаетъ этотъ соборъ, какъ Ephesina, Polykratis и признаетъ его „synodus simplex, neque exquisita (sic!), partisularis, Ephesi metropoli Asiae congregata a Polykrate santissimo ejusdem episcopo“. *Ibid.* 725.

[2]) *Euseb.* V, 24, 8, 492; *Евсев.* V, XXIV, 308—309.

ное имъ отлученіе малоазійцевъ, какъ „упорствующихъ“, pertinaces). Несомнѣнно, что Ефесскій соборъ былъ однимъ изъ тѣхъ многочисленныхъ *σύνοδοι δὴ καὶ συγκροτήσεις* по поводу пасхальныхъ споровъ, о которыхъ Евсевій только что говорилъ въ предыдущей главѣ и примѣры которыхъ онъ указывалъ въ Палестинскомъ, Римскомъ, Понтійскомъ, Галльскомъ и Месопотамскомъ соборахъ [1]. Вся разница Ефесскаго собора отъ этихъ послѣднихъ—и разница, надо признать, очень крупная—сводилась къ тому, что Ефесскій соборъ выступилъ оплотомъ „четыренадесятниковъ“, тогда какъ Римскій, Палестинскій и проч. были представительствомъ „воскресниковъ“.

Достаточно опредѣленно указанъ, далѣе, и самый поводъ Ефесскаго собора, это—твердо заявленное Римомъ желаніе, чтобы и здѣсь, подобно тому, какъ и въ другихъ главныхъ церквахъ, былъ организованъ соборъ для разсмотрѣнія и принятія римской пасхальной практики, т.-е. „воскресной“. Намъ уже приходилось выше выражать сожалѣніе по поводу того, что самого текста римскаго предложенія не сохранилось [2]). Однако, судить объ его авторѣ, содержаніи и характерѣ мы все-же можемъ, и именно, опираясь на фрагменты, разсматриваемаго нами отвѣтнаго посланія еп. Поликрата. Авторомъ римскаго предложенія былъ, разумѣется, папа Викторъ. Но онъ былъ нестолько авторомъ, сколько редакторомъ посланія, написаннаго имъ отъ имени всей римской церкви, объединившейся на бывшемъ при немъ римскомъ соборѣ. Право такъ думать даетъ, главнымъ образомъ, то обстоятельство, что и Поликратъ ефесскій свое отвѣтное посланіе въ Римъ адресуетъ не къ одному папѣ, а, какъ свидѣтельствуетъ Евсевій, „къ Виктору и римской церкви“ *(πρὸς Βίκτορα καὶ τὴν Ῥωμαίων ἐκκλησίαν)* [3]). Значитъ, правильнѣе всего смотрѣть на эту переписку Виктора и Поликрата, какъ на обмѣнъ соборными посланіями, со стороны представителей двухъ соборовъ и отвѣтственныхъ редакторовъ ихъ актовъ.

О самомъ содержаніи римскаго соборнаго посланія намъ приходится судить лишь косвенно, основываясь на анализѣ отвѣтнаго ефесскаго посланія. Исходя изъ того, что въ послѣднемъ усиленно подчеркивается мысль о неповрежденности малоазійской пасхальной практики, ея глубокой древности и высокой авторитетности, можно заключать, что въ римскомъ посланіи проводились какъ разъ обратныя мысли—о неправильности четыренадесятнической пасхи и ея уклоненіи отъ древне-апостольской традиціи. Но главнымъ пунктомъ содержанія письма, выясняющимъ и самый его характеръ, является выставленное въ немъ категорическое требованіе, подкрѣпленное къ тому-же „угрозами“ *(οὐ πτύρομαι ἐπὶ τοῖς καταπληττομένοις)*—принять однообразную съ Римомъ воскресно-пасхальную практику. Угрозы эти, какъ видно изъ послѣдующей исторіи, сводились, главнымъ образомъ къ одной, но очень рѣшительной и крайней—объявить малоазійцевъ па положеніи еретиковъ и разорвать съ ними церковное общеніе. Ясно, что такой тонъ и характеръ посланія Виктора былъ самымъ категорическимъ и властнымъ, настоящимъ „папскимъ“ [1]).

Для сужденія о составѣ и объемѣ Ефесскаго собора Поликрата мы имѣемъ въ изслѣдуемомъ нами фрагментѣ два важныхъ показанія: во первыхъ—что соборъ этотъ былъ епископскимъ по составу, а во вторыхъ,—что онъ являлся и очень внушительнымъ по количеству присутствовавшихъ на немъ членовъ. Все это выводимъ, мы во-первыхъ, изъ прямой фразы Поликратова письма о „великомъ множествѣ соприсутствовавшихъ съ нимъ епископовъ“; а во-вторыхъ, изъ перечня тѣхъ церквей, представители которыхъ поименованы Поликратомъ въ качествѣ главныхъ авторитетовъ—сторонниковъ его пасхальной практики. А названы здѣсь представители церквей: Іераполя, Ефеса, Смирны, Евменіи, Лаодикіи и Сардъ, т. е. почти всѣхъ наиболѣе видныхъ городовъ главной, самой обширной и самой цвѣтущей восточно-римской провинціи, извѣстной подъ именемъ „Азіи“.

Для лучшаго выясненія послѣдней стороны Ефесскаго собора, т. е. его объема, небезполезно также привести соотвѣтствующую справку и изъ гражданско-политической и общественно-религіозной исторіи „Азіи“ той эпохи. Въ своемъ капитальномъ трудѣ „провинціи Рима отъ временъ Цезаря до временъ Діоклетіана“ извѣстный историкъ Моммсенъ между прочимъ, такъ характеризуетъ эту

[1]) См. выше, стр. 211-ая и слѣд.

[2]) См. выше, стр. 208-ая.

[3]) *Euseb.* V. 24, 1. 490. *Евсев.* V, XXIV, 307.

[1]) Копіи соборнаго римскаго посланія разсылались Викторомъ по всѣмъ восточнымъ церквамъ и всюду явились поводомъ для устройства пасхальныхъ соборовъ. По едва-ли всѣ онѣ были совершенно однообразны по своему тексту. По крайней мѣрѣ, въ копіи, адресованной въ Египетъ или Палестину, были-бы совершенно неумѣстны и излишни какія-бы то ни было угрозы, потому что эти церкви. какъ державшіяся строго воскреснической практики, давали поводъ не къ угрозамъ, а скорѣе, къ похваламъ. Поэтому, мы убѣждены, что грозная приписка о „непокорныхъ“ была сдѣлана рукой самого Виктора и только въ одной копіи,—отосланной въ Ефесъ. Папа, разумѣется, прекрасно чувствовалъ, что главная оппозиція ему и его практикѣ будетъ сдѣлана, именно, здѣсь. А потому въ письмѣ къ Поликрату онъ заранѣе бралъ особенно рѣшительный и твердый тонъ, съ присоединеніемъ угрозъ.

провинцію: „провинціей Азіей называлось древнее царство Аттанидовъ, т. е. передняя часть Азіи, граничившая къ сѣверу Виѳиніей, къ югу Ликіей; первоначально отдѣленныя отъ нея восточныя области, составлявшія великую Фригію, были снова присоединены еще со временъ республики, и съ тѣхъ поръ эта провинція простиралась до мѣстности, населенной Галатами и до горъ Писидіи. Къ этому округу также принадлежали Родосъ и остальные менѣе значительные острова Эгейскаго моря“ [1]). Въ описываемую нами эпоху конца 2-го в. по Р. Х. въ составъ этой провинціи входили слѣдующія отдѣльныя ея части, или страны: 1) Іонійскіе города, во главѣ съ Ефесомъ, носившимъ титулъ *πρώτη πασῶν καὶ μεγίστη, μετρόπολις τῆς Ἀσίας*, Милетомъ, раньше претендовавшемъ на такое же положеніе и Смирной, кичившейся своей живописностью и красотой; 2) Лидія, образовавшаяся на мѣстѣ нѣкогда существовавшаго лидійскаго царства (припомнимъ пресловутаго богача Креза), съ главнымъ городомъ „Сарды“; 3) Мизія—съ главнымъ городомъ Пергамомъ, соперничавшимъ съ Ефесомъ, въ значеніи религіознаго центра, 4) Карія, съ главнымъ городомъ—Траллами и 5) Фригія—съ городами Лаодикіей и Іераполемъ [2]). Благодаря своему приморскому положенію, своей торговлѣ, богатству, давней и глубокой своей эллинизаціи, эти страны и города находились въ цвѣтущемъ состояніи и проникнуты были вольнолюбивымъ духомъ. Поэтому объединеніе ихъ въ одну территоріально-политическую единицу плохо прививалось и сопровождалось чуть-ли не постояннымъ, по большей части, смѣшнымъ и мелочнымъ соперничествомъ отдѣльныхъ городовъ и провинцій. Благодаря этому, Римляне сильно не долюбливали такую безпокойную провинцію и малоазійцы, съ ихъ внутренними, иногда ребяческими а иногда и болѣе серьезными ссорами *(ἑλληνικὰ ἁμαρτήματα*—какъ назывались они, по-гречески у Римлянъ) служили для знатныхъ Римлянъ предметомъ укоровъ и насмѣшекъ [3]). Въ качествѣ характерной черты этой провинціи, Моммсенъ указываетъ отсутствіе у ней одного прочнаго, дѣйствительнаго центра, къ которому-бы вся она тяготѣла: „значеніе Сиріи и въ особенности Египта сосредоточивалось въ ихъ метрополѣ; но въ провинціи Азіи и вообще, во всей малой Азіи нельзя

[1]) *Момммсенъ*—291—292 стр. „Римская исторія“, томъ V. Провинціи отъ временъ Цезарей до временъ Діоклетіана. Перев. В. Н. Невѣдомскаго. Москва 1885.

[2]) Подробнѣе см. въ диссертаціи проф. *П. В. Гидулянова* „Митрополиты въ первые три вѣка“ 54 57 стр.

[3]) *Момммсенъ*—296 стр.

указать ни одного города, похожаго на Антіохію и Александрію“ [1]).

Еще болѣе для насъ интересны соотвѣтствующія параллели изъ общественно-религіозной жизни обширной провинціи „Азіи“. Въ эпоху второй римской имперіи она являлась, какъ извѣстно, главнымъ средоточіемъ очень популярной въ то время общественно-политической религіи,—такъ называемаго, „культа цезарей“. Французскій ученый *Paul Monceaux*—авторъ спеціальной монографіи „De communi Asiae Provinciae“ говоритъ, что „провинція Азія, называемая „проконсульской“ и состоявшая изъ четырехъ главныхъ частей (Мизія, Лидія, Карія и Фригія) въ политическо-религіозномъ смыслѣ представляла объединенное цѣлое—*τὸ κοινὸν Ἀσίας* [2]). Въ болѣе ранній періодъ, напр. въ эпоху пуническихъ войнъ, предметомъ этого культа, за отсутствіемъ личности императора (Цезаря), служило олицетвореніе божества Рима—Dea Roma,—о древнѣйшихъ храмахъ, въ честь котораго имѣются свѣдѣнія относительно городовъ: Смирны, Алабанды (?) Евменіи, Сардъ, Пергама, Филадельфіи, Иліона и др. [3]). Одной изъ характерныхъ чертъ этого культа служило стремленіе къ объединенію на почвѣ религіозно-патріотическаго почитанія извѣстныхъ древнегреческихъ и римскихъ героевъ: Александра Македонскаго, Лизимаха, Муція Сцеволы, Цицерона и др. Въ честь ихъ устроялись особыя игры, наподобіе олимпійскихъ, воздвигались храмы, приносились жертвы, составлялись большія торжественныя собранія (*σύνοδοι*, concilia). „Первый храмъ Риму и Августу отъ всѣхъ городовъ Азіи былъ посвященъ въ городѣ Пергамѣ въ 735 году отъ основанія Рима. Въ то-же самое время учрежденъ и соборъ, а также игры провинцій Азіи“, какъ о томъ опредѣленно свидѣтельствуетъ Тацитъ, упоминающій о начальникахъ священныхъ игръ, или такъ называемыхъ „азіархахъ“ [4]).

[1]) *Момммсенъ* 295 стр.

[2]) *Paulus Monceaux* „De Commini Asiae provinciae *(κοινὸν Ἀσίας)*“ 5 p. Parisiis MDCCCLXXXV (1885 г.). Монографія основана на работахъ солидныхъ ученыхъ изслѣдователей—*Mommsen*'а, *Marquardt*'а („De conciliis imperii romani“ и Staatsverwaltung“ 1881), *Ekchel*'я („Doctrina nummorum“ IV t.), *Waddington*'а (Inser. d'Asie Min.) etc.

[3]) *Ibidem* 7 и 8 p.

[4]) *Ibidem*—9 p. Primum Romae et Auguste templum ab universis Asiae civitatibus Pergami dedicatum est anno ab urbe condita 735(3). Eodem tempore constituta sunt provincialium Asiae *concilia* et ludi; nam est testes sunt Taciti Annales... et jam principe Augusto memorantur illi ludorum Asianorum praesides qui dicuntur *Asiarchae*“. Ср. *Paul Guiraud* „Les assemblée provinciales dans l'empire romaine“ 25 p. et. sq. Paris, 1887.

Съ эпохи второй римской имперіи, религіозно-общественное поклоненіе переносится на личности римскихъ императоровъ, не только умершихъ (умершіе цари включались въ число боговъ и у древнихъ Римлянъ), но и живыхъ и самый культъ получаетъ крайне интенсивное развитіе, преимущественно, все въ той-же Малой Азіи. Въ большинствѣ городовъ ея возникаютъ особыя религіозно-общественныя корпораціи, или такъ называемые, „неокораты" (*νεωκόρος*), имѣвшіе правильное религіозно-административное устройство. Эти частные, мѣстные неокораты объединялись въ общепровинціальные подобные-же союзы, называемые *κοινά*; а эти послѣдніе, въ свою очередь, проявляли тенденцію къ еще большему единству, доходившему до объединенія въ одинъ *κοινὸν Ἀσίας*. По крайней мѣрѣ, отъ времени Антонина Пія (138—161) найдены монеты съ надписью: *Ἐφεσίων—Κοινὸν Ἀσίας* [1]). Впрочемъ, съ эпохи тѣхъ-же Антониновъ и ихъ преемниковъ Северовъ, по утвержденію P. Monceaux, начинаетъ наблюдаться уже и обратное теченіе—постепенное распаденіе общаго центральнаго *κοινὸν* на рядъ болѣе мелкихъ частныхъ *κοινά*, имѣвшихъ свои особые центры и свои отдѣльныя собранія и игры. Около конца втораго и начала третьяго вѣка въ различныхъ городахъ императорскихъ провинцій Азіи существовали свои муниципальныя игры—въ Милетѣ, Пергамѣ и Смирнѣ *„Κομμόδεια"*; въ Кадиксѣ, Тіатирѣ и Траллахъ *„Ἀὐγούστεια"*; въ Августѣ-Цезаріи *„Σεβήρεια"*; въ Сардахъ *„Φιλαδέλφεια"* (въ честь согласія Каракаллы и Геты); въ Аѳросіадѣ *„Γορδίανα"* [2]). Въ особенности популярна была въ Малой Азіи династія Антонидовъ, (къ которой, впрочемъ, тамъ готовы были относить себя и ихъ дальнѣйшіе преемники), въ честь которой въ концѣ втораго вѣка было организовано даже особое развѣтвленіе императорскаго культа, извѣстное подъ спеціальнымъ именемъ sodalium Antoninianorum. Эта новая религіозно-политическая ассоціація привилась въ цѣломъ рядѣ, преимущественно, богатыхъ приморскихъ городовъ Азіи—въ Лаодикіи, Акмоніи, Милетѣ, Траллахъ, Сардахъ, Смирнѣ, Ефесѣ, Пергамѣ и др.—и своими метрополями имѣла: при Септиміи Северѣ—г. Сарды, при Киракаллѣ—Пергамъ, Лампсакъ и Кизикъ [3]). „Въ то-же самое время—говоритъ P. Monceaux—въ отдѣльныхъ проконсульскихъ областяхъ Азіи или только что возникали, или снова возстановлялись соборы" [1]). Въ результатѣ всего этого мы получаемъ, что ко времени правленія Септимія Севера и Каракаллы всѣ главныя составныя части „проконсульской Азіи" (Asia procousnlaris), усердно практиковали различныя разновидности „императорскаго культа", съ характеризующими его политическо-религіозными союзами (*κοινά*, sodalia, conventus *νεωκοράτα*), ихъ собраніями или соборами (*σύνοδοι*, concilia, *θεὸν σύκλητον*), ихъ играми и соотвѣтственными органами ихъ устройства (*νεωκόροι*, templa, sacerdotes, *ἀρχιερεύς*, *ἀρχινεωκόρος*, *ἀσιάρχης*, flamini) [2]). А это обстоятельство, въ свою очередь, даетъ тому-же, напр. католику P. Monceaux, право и на тотъ выводъ, что малоазійскіе соборы христіанской церкви какъ-бы шли уже по проторенному слѣду concilia императорскаго культа, почему въ первые вѣка христіанства они и происходили въ хорошо знакомыхъ намъ общественно-политическихъ и религіозныхъ центрахъ [3]).

[1]) „Antonino etiam principe isti sunt Ephesi nummi in quibus legitur *Ἐφεσίων—Κοινὸν Ἀσίας*"—*Ibidem* 15 p. Ср. надпись изъ сборника *Waddington*'а о собраніи делегатовъ всей Азіи въ г. Ефесѣ, по случаю юбилейнаго чествованія М. Антонія. *Ibid.* 6 p. n. 3.

[2]) *P. Monceaux* „Op. cit." 15—16 p.

[3]) *Ibidem* „Ad illa *sodalium Antoninianorum* collegia pertinere existimo civitatum *neocoratus* à Septimio Severo aut Caracalla concessos, primum Laodiciae, Acmoniae, Mileti, Trallium, alterum Sardium et Smyrnae, tertium Ephesi et Pergami. *Metropoles* quoque titulo gloriari incipiunt principe Severo Sardes, Caracalla Pergamum, Lampsacus, Cyzicus" 16 p.

[1]) „Eodem ferè tempore in singulis proconsularis Asiae regionibus *concilia* singula demonstrabimus (cap. VIII, pars secunda) esse vel constituta vel restituta" *Ibidem* 16 p.

[2]) Изъ приложенной къ концу спеціальной главы таблицы P. Monceaux видно, что *νεωκοράτοι* и conventus императорскаго культа распредѣлялись въ концѣ второго вѣка приблизительно въ слѣдующемъ видѣ: *въ Мизіи*—по городамъ Кизику, Пергаму и Адрамету; *въ Лидіи*—по Ефесу, Филадельфіи, Сардамъ, Смирнѣ, Траллламъ, Ѳеосу, Милету, Тіатирѣ; *во Фригіи*—по Лаодикіи, Акмоніи, Апамеѣ, Евменіи, Синнадѣ и Іераполю; *въ Каріи*—по Ниссѣ и Галикарнассу. Op. cit. 26 p.

[3]) *P. Monceaux* Op. cit. 119 p.: Civitates ubi actos esse scimus communes Asiae proconcularis ludos et *τὸ Κοινὸν Ἀσίας* secundo vel tertio saeculo, fere omnes sunt eadem in quibus christianorum episcoporum concilia habita fuerunt. Quod ut confirmen, utrarumque urbium nomina conferam in hanc tabulam:

Κοινὸν Ἀσίας II et III saeculo (ex lapidibus et nummis).	Concilia et Synodi episcoporum II et III et IV et V saec. (ex notitiis Ecclesias et actis conciliorum et lapidibus).
Ephesus	Ephesus (annis196, 245, 401, 431, 449 и 476.
Smyrna	Smyrna
Sardes	Sardes
Philadelphia	Philadelphia (242).
Tralles	Laodicea.
Laodicea	Synnada (231).
Synnada	Hierapolis (173).
Pergamum	Pergam (153?).
Cyzicus	Cyzicus (370).
Lampsacus	Lampsacus (364).

Всѣ приведенныя нами справки о территоріальномъ и религіозно-политическомъ строѣ провинціи „Азіи“ конца 2-го вѣка, прекрасно проясняютъ и дополняютъ краткія извѣстія Евсевія объ Ефесскомъ соборѣ, извлекаемыя изъ приведенныхъ имъ фрагментовъ посланія этого собора, редактированнаго еп. Поликратомъ. Обычай устраивать соборы былъ давно и хорошо знакомъ малоазійцамъ и привился здѣсь сильнѣе, чѣмъ гдѣ-либо еще на христіанскомъ востокѣ, такъ какъ здѣсь онъ имѣлъ прекрасно подготовленную почву, въ формѣ conventus et concilia императорскаго культа. Знали „азійцы“ и малые, областные соборы; знали они и большія собранія всего *κοινὸν Ἀσίας*, устраивавшіяся, преимущественно, въ Ефесѣ.

Важный и затрогивавшій малоазійцевъ особенно чувствительно, пасхальный споръ и вызванный имъ соборъ, былъ, очевидно, соборомъ всего провинціальнаго христіанскаго „*κοινὸν Ἀσίας*“, почему онъ и былъ организованъ въ Ефесѣ. На этомъ великомъ Ефесскомъ соборѣ объединились церковные представители всѣхъ четырехъ составныхъ частей „проконсульской Азіи“—т. е. Лидіи, Мизіи, Фригіи и Каріи—епископы ихъ главныхъ городовъ. Нѣкоторые изъ этихъ городовъ, именно, города Лидіи (Ефесъ, Сарды, Смирна) и Фригіи (Лаодикія, Іераполь) — названы даже и въ самомъ изслѣдуемомъ нами фрагментѣ. Если-же мы присоединимъ сюда и тѣ многочисленные христіанскіе города, которые упоминаются въ кн. Дѣяній, въ посланіяхъ апостоловъ Павла и Іоанна, въ сочиненіяхъ мужей апостольскихъ — Игнатія Богоносца, Папія Іерапольскаго и другихъ древне-христіанскихъ авторовъ—Іустина Фил., Иринея, Ипполита, Тертулліана, а также въ мученическихъ актахъ Поликарпа, Карпа, Папилія, Агафоника и проч.—то слова евсевіева текста „о великомъ множествѣ“ членовъ, собравшихся на Ефесскомъ соборѣ, нисколько не будутъ казаться намъ преувеличеніемъ. Профессоръ Harnack, по самому скромному разсчету, количество епископовъ, участвовавшихъ на этомъ соборѣ, опредѣляетъ цифрой въ двѣ дюжины [1]).

Вообще, нужно замѣтить, что Ефесскій соборъ Поликрата былъ, вѣроятно, самымъ значительнымъ и большимъ изъ всѣхъ пасхальныхъ соборовъ. Такъ мы имѣемъ право думать, основываясь, главнымъ образомъ, на гражданско-территоріальномъ дѣленіи провинціи „Азіи“ и ея особо видномъ положеніи въ исторіи ранняго христіанства. Въ первомъ отношеніи проконсульская Азія, обнимавшая

[1]) *Ad. Harnack* Mission und Ausbreit.[2] II, 189: „*πολλὰ πλήθη*, also wohl ein paar Dutzend“.

собою чуть ли не всѣ главнѣйшіе города и области приморскаго побережья, была безусловно и самой богатой и самой цвѣтущей и самой большой провинціей изъ всѣхъ восточно-римскихъ провинцій. Уже одно это, въ силу тѣсной связи и извѣстной зависимости христіанско-церковнаго управленія отъ гражданско-политическаго строя, выдвигало провинцію Азію на аналогичное-же положеніе и въ христіанскомъ мірѣ. Еще больше содѣйствовала всему этому весьма ранняя и крайне интенсивная христіанизація Малой Азіи. Благодаря своему выгодному географическому и гражданскому положенію, малоазійское побережье было оглашено проповѣдью христіанства очень рано, еще изъ устъ самихъ апостоловъ. Изъ числа ихъ особенно потрудились въ Малой Азіи два—Ев. Іоаннъ Богословъ, не менѣе полвѣка прожившій въ Ефесѣ, и ап. Павелъ,—основатель большинства малоазійскихъ церквей, неразъ посѣтившій ихъ за время своихъ многочисленныхъ миссіонерскихъ путешествій [1]). Въ силу всего этого, „Малая Азія, какъ говоритъ проф. Harnack, была *κατ᾽ ἐξοχήν* христіанской страной въ до-константиновскую эпоху... Ефесъ былъ вторымъ опорнымъ пунктомъ христіанства на востокѣ, послѣ Антіохіи... Почти всѣ важнѣйшія развѣтвленія христіанской религіи 2 в. начинались въ Малой Азіи и здѣсь первоначально обличались: гностическая борьба (послѣ Іо. Богослова), христологическіе споры (Праксей, Ѳедотъ, Епигонъ) монтанизмъ—только здѣсь становились широкимъ народнымъ движеніемъ. Здѣсь также впервые было заложено метрополитанское и соборное зданіе церкви“ [2]). Вполнѣ понятно послѣ всего этого, что малоазійскія церкви, объединенныя въ провинціи Азіи (проконсульской) могли и должны были имѣть огромный авторитетъ въ глазахъ всего тогдашняго христіанскаго міра. Основанныя въ большинствѣ случаевъ первоверховными апостолами (Павломъ или Петромъ) и въ теченіе полвѣка возглавляемыя любимымъ ученикомъ Господа—Іоанномъ Богословомъ, эти церкви, дѣйствительно, имѣли достаточное основаніе считать себя хранительницами апостольской традиціи и заслуженно пользовались высокимъ авторитетомъ во мнѣніи всей древней церкви. Поэтому, мы далеко не безпочвенной считаемъ догадку тѣхъ ученыхъ, которые въ столкновеніи римскаго папы съ главой малоазійской церковной провинціи усматриваютъ, кромѣ

[1]) *Iren.* III, 3, 4: „основанная апостоломъ Павломъ Ефесская церковь, въ которой до дней императора Траяна жилъ Іо. Богословъ—была вѣрной свидѣтельницей апостольской традиціи“. Взято у *Th. Zahn*'а „Apostel und Apostelschüler in der Provinz Asien“ Forschungen VI, 5 s. Leipzig 1900.

[2]) *Ad. Harnack* „Mission und Ausbreitung des Christentums[2]...“ II. 153 и 155 s.

пасхальной контроверзы, еще также и борьбу двухъ главъ церкви за преобладающее вліяніе въ ней. Римская церковь, почуявши при папѣ Викторѣ свою силу, захотѣла, такъ сказать, свести счеты съ наиболѣе опасной конкурренціей ей, въ видѣ восточно-малоазійской церковной метрополіи, вообще, и въ лицѣ ея представителя ефесскаго митрополита Поликрата, въ частности.

О самомъ постановленіи Ефесскаго пасхальнаго собора намъ особенно распространяться не приходится послѣ того, что уже было сказано нами объ этомъ выше, при характеристикѣ письма Поликрата, въ смыслѣ соборнаго посланія [1]). Соборъ очень рѣшительно и опредѣленно высказался за соблюденіе четыренадесятнической практики *(ἐτήρησαν τὴν ἡμέραν τῆς τεσσαρεσκαιδεκάτης)*, которую онъ призналъ единственно вѣрной евангелію *(κατὰ τὸ εὐαγγέλιον)* и ни въ чемъ неотступающей отъ *правила выры (τὸν κάνονα τῆς πίστεως*, regulam fidei). Фраза эта останавливаетъ на себѣ наше вниманіе потому, что она, до извѣстной степени, характеризуетъ собой тѣ источники, на которые обычно стремились опереться древне-церковные соборы—т. е. на священное писаніе и на церковное преданіе, причемъ, очевидно, то и другое уже къ этому времени (конецъ 2 в.) успѣло получить достаточно опредѣленную и устойчивую форму [2]).

Попутно намъ приходится задержаться еще на одномъ, исторически весьма интересномъ вопросѣ. Почему малоазійскія церкви такъ настойчиво и твердо высказались за четыренадесятничество? Вѣдь, онѣ по праву могутъ быть названы духовными дочерми ап. Павла, все ученіе котораго, скорѣе, противорѣчитъ, чѣмъ благопріятствуетъ іудейско-номиналистической закваскѣ четыренадесятниковъ? Недаромъ, почти на всемъ остальномъ востокѣ (Египтѣ, Палестинѣ, Месопотаміи), да даже и на сѣверѣ Малой Азіи (Понтѣ) эта практика не была одобрена и принята. Чѣмъ-же объяснить такое, довольно изолированное положеніе въ данномъ вопросѣ, проконсульской Азіи? Признаемся, единственный, сколько-нибудь удовлетворительный выходъ изъ указаннаго затрудненія мы усматриваемъ только въ томъ предположеніи, что все это объясняется вліяніемъ апостола и евангелиста Іоанна Богослова и школы его послѣдователей и учениковъ. Вѣское прямое указаніе на любимаго ученика Господа имѣемъ мы въ самомъ текстѣ поликратова письма, именно, въ томъ его отдѣлѣ, гдѣ

[1]) См. выше, стр. 229 и слѣд.

[2]) См. подробнѣе объ этомъ въ спеціальной работѣ *Th. Zahn*'а „Geschichte des Neutestamentlichen Kanon" I, I, „Die Evangelien in Osterstreit" 179 sq. Erlangen 1888.

говорится о главнѣйшемъ авторитетѣ четыренадесятниковъ—ап. Іоаннѣ, который „возлежалъ на персяхъ Господа, былъ священникомъ и носилъ дщицу *(ὃς ἐγενήθη ἱερεὺς τὸ πέταλον πεφορεκώς)*, былъ исповѣдникомъ и учителемъ *(καὶ μάρτυς καὶ διδάσκαλος)* и погребенъ въ Ефесѣ *(οὗτος ἐν Ἐφέσῳ κεκοίμηται)*" [1]).

Хотя и нѣтъ недостатка въ попыткахъ перетолковать это ясное свидѣтельство объ Іоаннѣ Богословѣ, въ смыслѣ указанія на ефесскаго-же пресвитера Іоанна [2]), но онѣ разбиваются о самый смыслъ текста и о твердую общецерковную традицію, что Іоаннъ Богословъ долгое время жилъ въ Ефесѣ, гдѣ въ глубокой старости онъ почилъ и былъ погребенъ [3]). Согласно этой традиціи,

[1]) *Euseb.* V, 24, 3, 490. *Евсев.* V, XXIV, 307 стр.

[2]) См. превосходную статью *Zahn*'а, RE³, 9, Johannes der Apostel, 281 sq. А такъ-же у *Wace-Pierey* „Joannes Presbyter" 566 sq.

[3]) Что касается самаго текста Евсевія, то анализъ его, по мнѣнію *Ruth*'а, даетъ цѣлыхъ три ясныхъ указанія на Іоанна Богослова: primum. quod sacerdos fuit, deinde quod martyr; tertio quod doctor seu evangelistes.... Confertur Johannes magnus Christi apostolus ac sacerdos, dum innuit collatio ista praestantiam apostoli super illos, qui postea memorantur, martyres et episcopos" Reliquiae Sacrae², II, Annotationes in Polykratem, 27—28.

Голосъ церковнаго преданія о малоазійской дѣятельности Іо. Богослова восходитъ до его непосредственнаго ученика—Поликарпа, еп. смирнскаго († 155 г.), воспоминанія котораго объ его обращеніи съ апостоломъ Іоанномъ записаны ученикомъ Поликарпа—св. Иринеемъ, еп. Лионскимъ (*Евсев.* V, XX, 302 стр. Срав. V, XXIV, 310 стр.). Въ частности, на городъ Ефесъ, какъ мѣсто пребыванія ап. Іоанна Богослова, указываетъ характерный разсказъ, сохраненный тѣмъ-же Иринеемъ, о встрѣчѣ апостола съ еретикомъ Кериѳомъ въ общественной ефесской банѣ (Adv. haeres. III, 11 и *Евсев.* III, XXVIII, 161 стр.). Лучшимъ памятникомъ всей широты вліянія ап. Іоанна на церкви Малой Азіи является Апокалипсисъ, написанный въ формѣ посланій къ церквамъ Ефеса, Смирны, Пергама, Тіатиры, Сардъ, Филадельфіи и Лаодикіи (съ упоминаніемъ объ „ангелахъ" ихъ, не епископахъ-ли?). О погребеніи ап. Іоанна, именно, въ Ефесѣ смотри еще въ актахъ четвертаго вселенскаго собора свидѣтельство папы Целестина in Epistola ad Synodum Ephesinam, гдѣ папа упоминаетъ между прочимъ и *τὴν φωνὴν τοῦ Ἰωάννου τοῦ εὐαγγελίστου, οὗ τὰ λείψανα ληρόντες τετιμήκατε.* Причемъ въ актахъ того-же собора отмѣчается даже и существованіе въ Ефесѣ особой церкви, посвященной имени Іоанна Богослова. Подробнѣе обо всемъ этомъ смотри у *Ruth*'а „Op. cit."² II, 27 и *Th. Zahn*'а „Forschungen VI Theil. Apostel und Apostelschüler in der Provinz Asien, besond. II, § 2 „Johannes in Ephesus" 175—217. Leipzig 1900. *Іеромонахъ (нынѣ Епископъ) Евдокимъ* „Св. Апостолъ и Евангелистъ Іоаннъ Богословъ. Его жизнь и благовѣстническіе труды". Сергіевъ Посадъ 1898 г. См. напримѣръ, на 215 стр.: „Св. Писаніе, преданія Востока и Запада, житія святыхъ, широкая распространенность писаній Ап. Іоанна въ Малой Азіи уже въ самомъ началѣ второго столѣтія, почти безчисленное множество апокрифовъ, оффиціальное свидѣтельство всѣхъ церквей и епископовъ малоазійскихъ, даже еретиковъ говорятъ несомнѣнно о томъ, что Ап. Іоаннъ не одно десятилѣтіе посвятилъ на благовѣстническое служеніе въ Ефесѣ и дру-

Іо. Богословъ покинулъ Іерусалимъ или вскорѣ-же послѣ Апостольскаго собора, или, вѣрнѣе, передъ самымъ разрушеніемъ Іерусалима (конецъ 70-ыхъ годовъ). Поднявшись на сѣверъ въ Малую Азію, онъ достигъ Ефеса и утвердилъ здѣсь свое постоянное мѣстопребываніе, покидая метрополь азійской провинціи лишь на краткій срокъ, за время миссіонерскаго посѣщенія другихъ мѣстечекъ и городовъ той-же провинціи. При императорѣ Домиціанѣ Іо. Богословъ подвергнутъ былъ пыткѣ и нѣкоторое время провелъ въ ссылкѣ на о. Патмосѣ, гдѣ, по преданію, и написалъ свой Апокалипсисъ. Скончался-же онъ мирно, въ томъ-же Ефесѣ, при самомъ началѣ правленія императора Траяна (между 101 г.—104 г. по Chronic. Paschale [1]), послѣднимъ изъ числа двѣнадцати ближайшихъ учениковъ Господа—Его непосредственныхъ „самовидцевъ и слугъ“, переживъ всѣхъ остальныхъ, по крайней мѣрѣ, на цѣлую четверть вѣка. Все это обусловливало исключительный, ни съ чѣмъ несравнимый авторитетъ послѣдняго изъ остававшихся въ живыхъ ученика Господа, и притомъ такого ученика, котораго Онъ особенно любилъ (Ев. Іо. 19, 26). И нигдѣ, конечно, этотъ высокій авторитетъ и это непосредственное обаяніе личности маститаго старца—Ев. Іо. Богослова—не чувствовались такъ сильно и такъ близко, какъ въ той „азійской“ провинціи, гдѣ онъ провелъ почти всю вторую, особенно вліятельную, половину своей жизни. Онъ былъ моральнымъ, духовнымъ главой всего христіанскаго востока и въ частности—какъ бы патріархомъ церквей Малой Азіи, осуществлявшимъ права верховнаго религіознаго руководства и надзора [2]). Недаромъ по-

гихъ малоазійскихъ городахъ“. Сравни аналогичное-же, солидно мотивированное утвержденіе проф. *Н. И. Сагарды,* что „фактъ долговременнаго пребыванія Ап. Іоанна въ Малой Азіи и многоплодной дѣятельности его среди асійскихъ церквей безспорно историческій и подтверждается прочными документальными и достовѣрными свидѣтельствами“. *Богословская Энциклопедія*, VI т. статья „Св. Апостолъ Іоаннъ (соборныя посланія: 1-ое)“ 843 стр. СПБ. 1905.

[1]) *Chronicon Paschale*, ed. Lud. Dindorfii vol. I, Bonnae 1832 an. 471 p.: „CCXX, Olympias, 101, IV, Ind. XIII. Trajano Augusto III et Peto Coss. Joannem Apostolum et Evangelistam ad tempora Trajani vitam produxisse scribit Irenaeus 104, VII, Ind. I. Supervexit Theologus (Sanctus Johannes Evangelista) post Domini ac Dei nostri Assumptionem ann. LXXII... His item Coss. aiunt Sanctum Joannem annos natum C. et menses VII in Domino obdormisse“.

[2]) Проф. *Н. И. Сагарда:* „Послѣдній представитель апостольскаго лика онъ (св. Ап. Іоаннъ) былъ „митрополитомъ“ церквей всей Малой Азіи, верховнымъ организаторомъ и администраторомъ, пастыремъ пастырей. Всѣ „Ангелы церквей“ должны были прислушиваться къ его голосу (Ср. 3 Іо. 9, 10)“. *Богословская Энциклопедія*, VI т. „Св. Апостолъ Іоаннъ (жизнь и труды)“, 817—818 стр. СПБ. 1905.

этому Евсевій называетъ его „управлявшимъ азійскими церквами“ (III, XXIII, 146 ст. 1) [1]). Подъ его духовнымъ руководствомъ стоялъ цѣлый кругъ его послѣдователей и учениковъ, образовывавшихъ какъ-бы своего рода школу Іо. Богослова, къ которой принадлежали, напримѣръ, такіе выдающіеся дѣятели, какъ смирнскій епископъ Поликарпъ и іерапольскій—Папій.

Такимъ образомъ, продолжительное и сильное вліяніе возлюбленнаго ученика Господня на церкви „азійской“ провинціи совершенно ясно и очевидно. А отсюда становится понятнымъ и то, что это вліяніе какъ-бы покрывало и вытѣсняло собой всѣ остальныя, раннѣйшія вліянія, въ томъ числѣ и вліяніе главнаго малоазійскаго миссіонера—ап. Павла. Весь вопросъ теперь, слѣдовательно, лишь въ томъ, каково-же было это новое, Іоанново вліяніе, вообще, и въ частности—въ томъ пасхальномъ вопросѣ, который насъ ближайшимъ образомъ интересуетъ? Въ личности апостола и евангелиста Іоанна Богослова удивительно сочетались два различныхъ и даже противоборствующихъ теченія раннѣйшаго христіанства. Съ одной стороны, какъ авторъ „духовнаго“ („пневматическаго“) четвертаго Евангелія, съ его возвышенной философіей Логоса, и какъ главный „апостолъ любви“, онъ былъ однимъ изъ лучшихъ и наиболѣе полныхъ выразителей новыхъ, спеціально христіанскихъ началъ ученія и жизни. Съ другой стороны, онъ сохранялъ въ себѣ и многія черты настоящаго, правовѣрнаго іудея: уважалъ гораздо больше, чѣмъ, напр. ап. Павелъ, различныя отеческія преданія и обычаи и, такъ сказать, тяготѣлъ къ ветхозавѣтному, іудаистическому міровоззрѣнію [2]). Живымъ свидѣтелемъ такихъ его симпатій служитъ опять тотъ-же Апокалипсисъ, съ его символикой и эсхатологіей, во вкусѣ позднѣйшей іудейской апокалиптики. Да и изъ священной исторіи апостольскаго вѣка видно, что ап. Іоаннъ, обыкновенно, выступалъ совмѣстно съ ап. Петромъ и былъ слѣдовательно, гораздо больше союзникомъ „апостола обрѣзанія“, чѣмъ „апостола христіанской свободы“ (Дѣян. III, 1. 3. 4. IV, VIII, 14).

[1]) *Euseb.* III, 23, 1, 236: *ἀπόστολος ὁμοῦ καὶ εὐαγγελιστὴς Ἰωάννης τὰς αὐτόθι διεῖλεν ἐκκλησίας*“... или, какъ еще выразительнѣе стоитъ у *Rufini* „ecclesiarum quae inibi erant *gubernacula regens* (кур. нашъ). *Ibid.* 257.

[2]) *Евдокимъ,* іером. (нынѣ епископъ): „Онъ, (т. е. Ап. Іоаннъ) былъ сыномъ своего времени и своего народа... Это—чистый еврей: еврей по происхожденію, еврей по вѣрѣ, еврей по возарѣніямъ и симпатіямъ, еврей по внѣшности. Черты національнаго генія проглядывали въ каждомъ его словѣ и поступкѣ. Многія изъ этихъ чертъ Іоаннъ сохранилъ до самой глубокой своей старости, несмотря на все глубочайшее вліяніе на него Спасителя“. *Цит. сочиненіе,* 65 стр.

Новое и очень краснорѣчивое доказательство тяготѣнія Іо. Богослова къ іудейскимъ обычаямъ и традиціямъ имѣемъ мы и въ приведенномъ выше свидѣтельствѣ Поликрата, что Іоаннъ „былъ священникомъ и носилъ дицицу“ (*ἐγενήθη ἱερεὺς τὸ πέταλον πεφορεκώς*, summus sacerdos et pontificale petalum gessit). Сопоставляя эти слова съ характеристикой перваго іудео-христіанскаго епископа Іерусалима—Іакова Праведнаго *у Евсевія* (II, XXIII, 101—102), и ссылаясь на авторитетъ Епифанія, Ruth приходитъ къ весьма вѣроятному заключенію, что такимъ-же іудео-христіанскимъ верховнымъ епископомъ для Малой Азіи былъ и св. Іоаннъ Богословъ [1]). А то обстоятельство, что Іо. Богословъ носилъ и инсигніи ветхозавѣтнаго первосвященника (Исход. XXVIII, 36) не оставляетъ сомнѣнія въ его достаточномъ піететѣ къ ветхозавѣтному іудейству [2]). Поэтому, въ общей оцѣнкѣ Іо. Богослова мы вполнѣ присоединяемся къ характеристикѣ проф. В. В. Болотова, которой, основываясь, какъ на исторической, такъ и на апокрифической литературѣ древности, относитъ ап. Іоанна, вмѣстѣ съ ап. Филиппомъ, къ такъ называемой имъ „азійской группѣ“ апостоловъ [3]), которую должно характеризовать, какъ наиболѣе симпатизирующую іудейству, на ортодоксальной почвѣ древнѣйшей церкви (1—2 вѣковъ).

Естественно, что при такомъ общемъ наклонѣ ап. Іоанна Богослова въ сторону нѣкотораго іудаизма, его позиція и въ пасхальномъ вопросѣ могла и должна была быть только строго четырнадесятнической. А что она, дѣйствительно, такова именно, и была, въ этомъ у насъ едва-ли можетъ оставаться какое-либо сомнѣніе послѣ неоднократно выше приводимыхъ, вполнѣ ясныхъ и достовѣрныхъ свидѣтельствъ Поликарпа, Иринея и Поликрата, удостовѣряющихъ, что Іоаннъ Богословъ „праздновалъ пасху по евангелію, въ четырнадцатый день, ни въ чемъ не отступая отъ правила вѣры, но

[1]) Quod autem de lamina dicit Polycrates, credibile est primos illos Christianorum pontifices exemplo Judaïcorum pontificum, hoc honoris insigne gestasse. Certe et Jacobum fratrem Domini qui primus Hierosolymis episcopus est ordinatus, pontificalem laminam in fronte gestasse auctor est Epiphanius in haeresi Nazaraeorum et in haeresi 78“. Op. cit. II, 27.

[2]) *Lightfoot* „Dissertations of the Apostolic Age“ London 1892, 121 p. n. 1: „The reference in the *πέταλος* is doubtless to the metal plate on the high-priests mitre“ *Exod.* XXVIII, 6. Впрочемъ *проф. Н. И. Сагарда* протестуетъ противъ такого грубо-буквальнаго истолкованія даннаго показанія и отстаиваетъ его символическое пониманіе. *Богосл. Энциклопедія* VI, 817 стр.

[3]) *Проф. В. В. Болотовъ* „Лекціи по исторіи древней церкви“ I, 250 стр. СПБ. 1907.

во всемъ держась его“ [1]). Такая пасхальная практика ап. Іоанна, кромѣ причинъ общаго характера (тяготѣнія къ іудаизму), имѣетъ и глубоко психологическое объясненіе. Любимый ученикъ Господа, который въ день послѣдней пасхальной вечери Христа съ Его учениками, возлежалъ на персяхъ своего Учителя, долженъ былъ хранить особенно теплое, трогательно-любовное воспоминаніе объ этомъ великомъ днѣ. Естественно, что онъ ежегодно вспоминалъ сей сугубо священный и дорогой для него день, и отмѣчалъ его, вѣроятно, аналогичной-же пасхальной трапезой, что Господь заповѣдалъ своимъ ученикамъ „творить въ Его воспоминаніе“ (I Кор. XI, 25). Несомнѣнно, что тѣмиже особенными настроеніями и чувствами (относительно дня 14-го Нисана и связанныхъ съ нимъ воспоминаній о послѣдней тайной вечери Господа) проникались и многочисленные малоазійскіе ученики и подражатели Іоанна Богослова. Вотъ почему пасхальная практика четыренадесятниковъ стала такъ особенно близка и дорога малоазійцамъ, у которыхъ она окончательно вытѣснила собою другую, воскресническую пасху. А что въ той же Малой Азіи практиковалась и эта послѣдняя, ясные слѣды того сохранила въ себѣ Понтійская церковь, лежавшая на сѣверѣ Малой Азіи, куда вліяніе Іо. Богослова или вовсе не достигало, или было настолько слабо, что не могло парализовать раннѣйшихъ вліяній (апостоловъ Петра и Павла).

Послѣдній пунктъ нашего изслѣдованія объ Ефесскомъ соборѣ еп. Поликрата это—вопросъ *о времени*, въ которое онъ происходилъ. Хотя границы возможной хронологіи собора (десятилѣтній понтификатъ папы Виктора) совершенно безспорны, но установка болѣе точной даты довольно безнадежна. Прежніе авторы (Vales. Mansi) отодвигали Ефесскій соборъ на послѣдніе годы правленія папы Виктора, около 197—198 года [2]). Теперь, довольно согласно, предпочитаютъ для этого первые его годы, т. е. промежутокъ времени, между 190—192 г. [3]). Мы предпочли-

[1]) *Euseb.* V, 24. 5, 492. *Евсев.* V, XXIV, 308.

[2]) *Mansi* Op. cit. I, 719—720 p. Concilium Asiaticum, sive verius Ephesinum... Habitum circa annum CXCVII. Основаніе къ столь поздней датѣ давалъ, повидимому, бл. Іеронимъ, который въ своей „Хроникѣ“ отправку папой Викторомъ письма къ малоазійцамъ помѣщалъ подъ 196 годомъ.

[3]) *Ad. Harnack* въ его Chronologische Tabelle приложенной въ концѣ I т. Chronologie d. Altkirchliche Litteratur—Grosser Osterstreit und Brief Victor's v. Rom помѣщаетъ подъ 190/191. *Th. Zahn* споръ папы Виктора съ малоазійцами относитъ ко времени um 190 an.—Geschichte N. K. I, I, 180 s. Erlangen 1888. *Neander*—тоже самое, um 190, Allgemeine Geschichte[3], I, 164 s. *Duschesne:* Victor (vers 190) voulut en finir avec la dualite dans le rit pascal—La Question de la

бы нѣчто среднее между двумя указанными датами т. е. приблизительно періодъ 193—195 г. Такъ мы полагаемъ потому, что считаемъ Ефесскій соборъ однимъ изъ послѣднихъ въ ряду пасхальныхъ, происходившимъ *послѣ* большинства другихъ соборовъ по тому-же поводу, когда уже опредѣлилось рѣшительное преобладаніе воскреснаго типа пасхи. Только при одномъ этомъ условіи мы и считаемъ возможнымъ тотъ слишкомъ твердый, точнѣе даже рѣзкій тонъ, какимъ отличается письмо Виктора къ малоазійцамъ. Письмо это даетъ чувствовать, что за нимъ стоитъ уже опредѣлившееся, почти единогласное мнѣніе всей церкви, по отношенію къ которому только одни малоазійцы являются „инакомыслящими“ *ἑτεροδοξούσας*, почему папа и не стѣсняется угрожать имъ отлученіемъ отъ церкви, въ случаѣ продолженія ихъ упорства. А такъ какъ въ полномъ согласіи всѣхъ остальныхъ церквей съ римской пасхальной практикой папа Викторъ могъ убѣдиться только послѣ цѣлаго ряда пасхальныхъ соборовъ, происходившихъ не раньше какъ между 190—192 г. (Римскаго, Палестинскаго, Понтійскаго, Галльскаго, Озроэнскаго), то ясно, что свое угрожающее письмо къ малоазійцамъ онъ могъ писать только около 193 года; а слѣдовательно, отвѣтный на вызовъ папы соборъ малоазійцевъ едва-ли могъ состояться прежде 194 года. Однако названнаго собора нельзя откладывать и такъ поздно, какъ 197—198 г. потомучто тогда, въ теченіе 1—2 оставшихся лѣтъ жизни папы Виктора († 199 г.) затруднительно было-бы размѣщеніе такихъ событій, какъ приведеніе своей угрозы Викторомъ въ исполненіе, неодобрительное отношеніе къ этому шагу папы большинства другихъ церквей и примирительное выступленіе св. Иринея, еп. Лионскаго.

Такимъ образомъ, вся тогдашняя церковь на своихъ общихъ (провинціальныхъ, наподобіе Палестинскаго, Понтійскаго и др.) и частныхъ (наподобіе Коринѳскаго) соборахъ опредѣленно высказалась по вопросу о празднованіи пасхи, и почти вся она, за исключеніемъ провинціи „Азіи“, одобрила римско-александрійскую, воскресно-солнечную (а не іудейско-лунную) пасху. Впрочемъ, основываясь даже только на одномъ Евсевіи, объемъ малоазійской оппозиціи мы должны нѣсколько расширить, такъ какъ папская угроза отлученіемъ касалась спархій не одной провин-

Paque au concile de Nicée (Revue d. questions historiques, 1880, 13 p.), Проф. *В. В. Болотовъ* въ спеціальномъ этюдѣ „Изъ эпохи споровъ о Пасхѣ въ концѣ II в.“ утверждаетъ, что „главная сила оппозиціи была сломлена около 190 г.“ (Хр. Чт. 1900, Янв. 454 с.), а въ курсѣ „Лекцій“ весь указанный споръ помѣщаетъ между 190—192 г. II, 429 стр. *H. Achelis* „Das Christentum... II, 217 um das Jahr. 190.

ціи „Азіи“, но и „сопредѣльныхъ съ ней церквей“ *(ἅμα ταῖς ὁμόροις ἐκκλησίας τὰς παροικίας*, ac vicinarum provinciarum ecclesias) [1]. Подъ этими сосѣдними церквами Er. Preussche̊n, основываясь на солидныхъ авторитетахъ, разумѣетъ церкви Сиріи, Месопотаміи (за исключеніемъ, конечно, провинціи Озроэны) и Персіи; а Функъ добавляетъ сюда еще и „христіанъ Киликіи“ [2]. Іудействующая традиція празднованія пасхи, повидимому, довольно сильна, а главное—упорна была и въ метрополѣ Сиріи—Антіохіи, какъ объ этомъ можно судить по жалобѣ св. Іо. Златоустаго на то, что его антіохійская паства еще продолжаетъ праздновать пасху вмѣстѣ съ іудеями [3]. Но по какимъ-то неизвѣстнымъ намъ причинамъ очень древняя и авторитетная Антіохійская церковь не выступила въ данномъ вопросѣ болѣ активно, такъ что въ пасхальныхъ спорахъ мы не слышимъ ея голоса. Не объясняется-ли это тѣмъ обстоятельствомъ, что съ конца 2 в. въ Антіохіи стало замѣтно усиливаться александрійско-римское вліяніе (особенно упрочившееся нами къ половинѣ 3 в.,т.-е. къ эпохѣ Павла Самосатскаго) и не раздѣлило-ли оно антіохійскую церковь въ данномъ вопросѣ на двѣ, приблизительно равныя половины, исключавшія возможность какого-бы то ни было одного, солидарнаго выступленія? [4].

[1]) *Euseb.* V, 24, 9, 494. *Евсев.* V, XXIV, 309 стр.

[2]) *Erw. Preuschen*: „Auf die Seite der Kleinasiaten stand Syrien und Mesopotamien (Athanas. ep. ad. Afr. 2; de Synod. 5; Epiphan. h. 70), sowie Persien (Aphraates, hom. XII, 8). RE[3], XIV, 732. *Функъ:* „Восточные (т. е. христіане Киликіи, Сиріи и Месопотаміи), которые раньше праздновали вмѣстѣ съ іудеями, будутъ справлять ее—пишетъ соборъ (никейскій)—одновременно съ римлянами и прочими христіанами“. „Исторія христіанской церкви“ 175 стр. Въ основѣ обоихъ авторовъ лежитъ, очевидно, слѣдующее показаніе св. Аеанасія Александр. о соборахъ въ Аримініи и Селевкіи; *οἱ μὲν γὰρ ἀπὸ τῆς Συρίας καὶ Κιλικίας καὶ Μεσοποταμίας ἐχώλευον περὶ τὴν ἑορτὴν καὶ μετὰ τῶν Ἰουδαίων ἐποίουν τὸ πάσχα*“ с. 5.

[3]) „По свидѣтельству Іо. Златоустаго („слово на Пасху“) и Аѳ. Великаго („о соборѣ никейскомъ“) въ Сиріи, Киликіи и Месопотаміи (но не Озроэнѣ) даже и въ ихъ время продолжали праздновать пасху вмѣстѣ съ Іудеями“. *Н. В. Благоразумовъ* „О постановленіяхъ апостольскихъ“. Прав. Обозрѣніе, 1862, I, 449 стр.

[4]) Ознакомленіе съ серіей пасхальныхъ соборовъ конца 2-го вѣка мы намѣренно вели все время по Евсевію, находя его немногія, но зато документальныя данныя совершенно достаточными для нашей цѣли. И лишь здѣсь, подъ строкой, мы хотимъ ограничиться однимъ общимъ замѣчаніемъ о той версіи (или даже версіяхъ) этихъ соборовъ, какія имѣются въ папскомъ Libello synodico и въ католическихъ соборныхъ сборникахъ (Valusii, Hardouini, Mansi). Здѣсь каждому изъ разсмотрѣнныхъ нами пасхальныхъ соборовъ отводится своя особая рубрика, гдѣ и сообщаютъ про нихъ то менѣе, то болѣе подробныя свѣдѣнія. Но про всѣ эти сообщенія приходится сказать лишь одно—что новаго они не даютъ ничего. Весь ихъ текстъ—это свободный, большей частью, рас-

Эпилогъ этого собора общеизвѣстенъ. Когда папа Викторъ потерялъ надежду подчинить себѣ малоазійцевъ, то онъ рѣшилъ ихъ, какъ „разномыслящихъ“ (ἑτεροδοξούσας. или какъ у Руфина выражено еще рѣзче in haeresim declinantes) отлучить отъ церковнаго общенія (ἀποτέμνειν... τῆς κοινῆς ἑνώσεως—отсѣчь отъ общаго единства). Съ этой цѣлью онъ, какъ говоритъ Libellus synodicus, еще разъ собралъ у себя въ Римѣ соборъ и на немъ составилъ отлучительную грамматy, которую и разослалъ по всѣмъ церквамъ, въ надеждѣ, разумѣется, встрѣтить одобреніе своей тактикѣ [1]). „Но это—какъ поучительно отмѣчаетъ Евсевій—не всѣмъ епископамъ нравилось; многіе изъ нихъ, напротивъ, совѣтывали ему позаботиться лучше о мирѣ, единеніи и любви съ ближними“ [2]). Во главѣ такихъ недовольныхъ рѣзкимъ поступкомъ Виктора сталъ вліятельный ліонскій епископъ Ириней, который написалъ нанѣ замѣчательное, какъ по мыслямъ, такъ и еще больше по проникающему его миролюбивому тону, письмо. Въ немъ Ириней

пространенный перифразъ Евсевія, съ нѣкоторыми, невинными вымыслами и добавками. Въ частности, древнѣйшая версія Libelli synodici отличается сравнительной краткостью и стремленіемъ непремѣнно обозначать точное число епископовъ, присутствовавшихъ на каждомъ соборѣ. Такъ, на римскомъ соборѣ Виктора она указываетъ 14 епископовъ, на Лугдунскомъ Иринея—13 епископовъ, на Іерусалимскомъ Нарцисса—14 епископовъ, на Кесарійско-Палестинскомъ Ѳеофила—12 епископовъ, на Коринѳскомъ Вакхила—18 епископовъ, на Азіатскомъ Пласмы (очевидно, вмѣсто Понтійскаго, Палмы)—14 епископовъ, на Озроэнскомъ и Месопотамскомъ—по 18 епископовъ. Лишь про одинъ Ефесскій соборъ Поликрата, авторъ выражается, что этотъ synodus... neque exquisita и не указываетъ точной цифры его епископовъ. Нетрудно замѣтить, что цифры автора совершенно произвольны и въ общемъ довольно однообразны. Плохо разбирался онъ и въ географической номенклатурѣ самихъ соборовъ, когда, напр., удаивалъ Палестинскій и Месопотамскій соборы. Наибольшей подробностью отличается версія Valusii, которая, въ общемъ написана значительно грамотнѣе (безъ географической путаницы Lib. synod.); но иногда она слишкомъ увлекается чисто фантастическимъ сочинительствомъ. Такъ, напр., на Палестинскомъ соборѣ, присутствовавшихъ на немъ епископовъ—Ѳеофила, Нарцисса, Кассія Тирскаго и Клара Птолемаидскаго, авторъ заставляетъ вести какія-то длинныя и мало вразумительныя рѣчи о дняхъ творенія, откуда у нихъ будто-бы и вытекло ихъ рѣшеніе праздновать пасху въ день воскресный. Акты Лугдунскаго и Ефесскаго соборовъ компануются исключительно по Евсевію. О соборахъ Понтійскомъ, Озроэнскомъ и Коринѳскомъ прямо говорится, что актовъ ихъ не существуетъ, или они погибли (non extant. interierunt). Самый текстъ обѣихъ версій см. у *Mansi* Op. cit. I, 710—728 p.

[1]) *Libb. synodicus:* Victo rpontifex hoc reponso (Polykratis) accepto concilium reprobavit et quam diu minatus fuerat excommunicationis sententiam contra pertinaces *execulus est*. *Mansi* 720 p. Такимъ образомъ, по свидѣтельству очень авторитетнаго у католиковъ источника, папа Викторъ *осуществилъ* свою угрозу.

[2]) *Евсевій* „Церк. исторія“ V, 24, 309 стр. Euseb V. 24, 494.

провелъ возвышенно-христіанскій взглядъ на различіе между обязательнымъ церковнымъ догматомъ и вопросомъ церковной дисциплины. Обязывая къ неуклонному послушанію церкви въ первомъ случаѣ, онъ предоставлялъ свободу дѣйствій во второмъ, и на этомъ основаніи склонялъ папу къ церковному миру, убѣждая его также и достоподражательнымъ примѣромъ его предшественниковъ по каѳедрѣ, въ особенности, папы Аникиты. Аналогичныя письма Ириней разослалъ и предстоятелямъ многихъ др. церквей [1]).

Выше намъ уже приходилось, и даже неразъ, касаться этого замѣчательнѣйшаго письма, почему мы и не будемъ теперь останавливаться на немъ подробно. Но не можемъ не отмѣтить здѣсь одной, новой стороны дѣла: обстоятельное письмо Иринея написано съ такимъ достоинствомъ и съ такимъ авторитетомъ, что оно производитъ впечатлѣніе не простого, личнаго письма одного епископа къ другому— но авторитетнаго посланія цѣлаго *собора*, именно, *Ліонскаго*, редактированнаго предсѣдателемъ его—мѣстнымъ епископомъ Иринеемъ. Въ самомъ дѣлѣ, письмо Иринея, по общей своей композиціи, сильно напоминаетъ собой письмо Поликрата Ефесскаго; и если послѣднее мы признали въ свое время за соборное посланіе, то тотъ-же эпитетъ должны приложить и къ письму Иринея. Право утверждать это implicite даетъ намъ и Евсевій, который относительно иринеева письма замѣчаетъ, что оно написано не отъ одного него, но и „отъ лица галльскихъ, подчиненныхъ ему братій“ *(ἐκ προσώπου ὧν ἡγεῖτο κατὰ τὴν Γαλλίαν ἀδελφῶν*, что у Руфина получило болѣе спѣціальный переводъ et Irenaeus cum caeteris quibus praeerat Galliarum *episcopis* [2]). Очевидно, мнѣніе этихъ братій, въ особенности, епископовъ, Ириней легче и удобнѣе всего могъ узнать, лишь путемъ созыва спеціальнаго собора галльскихъ церквей. По крайней мѣрѣ, извѣстный комментаторъ древнихъ памятниковъ M. I. Ruth нисколько не сомнѣвается въ томъ, что приведенныя Евсевіемъ выдержки изъ письма Иринея къ Виктору представляютъ собой ничто иное, какъ Fragmenta Synodicae Epistolae, почему обозрѣніе ихъ онъ и заглавляетъ въ своихъ Reliquiae Sacrae, общимъ именемъ Concilum Lugdunense [3]). Неизвѣстно только одно, былъ ли этотъ соборъ первымъ и единственнымъ пасхальнымъ соборомъ въ Галліи, синхронистичнымъ Палестинскому, Понтійскому, Озроэнскому и проч? или это былъ уже повторный соборъ галльской церкви, нарочито созванный по поводу провозглашеннаго папой

[1]) *Euseb* V, 24, 18, 496: *„οὐ μόνῳ τῷ Βίκτορι, καὶ διαφόροις δὲ πλείστοις ἄρχουσιν ἐκκλισιῶν“*,

[2]) *Euseb.* V, 24, 11, 494 s. *Евсев.* V, XXIV, 309 стр.

[3]) *M. I. Ruth* „Reliquiae Sacrae“², II, Concilium Lugdunense 37—73 p.

отлученія малоазійцевъ и являвшійся какъ-бы на выручку ихъ? Логическая цѣпь всѣхъ предыдущихъ фактовъ и тѣ близко дружественныя отношенія, какія несомнѣнно существовали въ то время между малоазійскими и галльскими церквами, больше благопріятствуютъ второму предположенію. Вотъ, почему, даже осторожный Ad. Harnack и тотъ допускаетъ существованіе „по меньшей мѣрѣ двухъ писемъ Иринея къ Виктору“ [1]), т. е. очевидно, одного, написаннаго послѣ перваго галльскаго, пасхальнаго собора (ок. 190 г.), другаго—написаннаго послѣ втораго собора (ок. 197 г.).

Новое, вѣское доказательство того, что письмо Иринея къ Виктору было, именно, соборнымъ посланіемъ, усматриваемъ мы и въ той припискѣ Евсевія, какой онъ заканчиваетъ свой разсказъ объ этомъ: „такимъ образомъ Ириней, миротворецъ по имени, былъ миротворцемъ и по нраву... По случаю произшедшаго тогда спора, онъ имѣлъ переписку не только съ Викторомъ, но и съ различными, весьма многими предстоятелями церквей (*ἄρχουσιν ἐκκλησιῶν*, ecclesiarum rectoribus) [2]). Подобную переписку епископа сравнительно молодой, а потому еще и не особенно авторитетной церкви, можно допустить и понять, какъ кажется намъ, лишь при одномъ условіи—именно, это была разсылка окружнаго посланія отъ лица собора всѣхъ галльскихъ церквей, что являлось столь типичнымъ для соборовъ древней церкви. Попутно отмѣтимъ здѣсь и то, что высокое достоинство соборнаго иринеева посланія (и по раскрытымъ въ немъ мыслямъ и по проникающему его духу), при утратѣ его подлиннаго текста, послужило благодарной почвой для появленія различныхъ фрагментовъ, съ именемъ Иринея. Изъ нихъ наибольшей извѣстностью, а у нѣкоторыхъ даже и признаніемъ, пользуются фрагменты, извѣстные по именамъ открывшихъ и издавшихъ ихъ ученыхъ — *Pfaff*'а (нач. 18 в.) и *Harvey*'я (19 в.) [3]), претендующіе на отношеніе ихъ къ пасхальнымъ спорамъ 2 в. и на авторство, именно, св. Иринея.

[1]) *Ad. Harnack* „Fest steht, dass Irenaeus an Victor mindestens zweimal (Photii Codex, 120 *πολλάκις)* darunter einen warnenden Brief in dem Osterstreit geschrieben hat“. Chronologie d. altch. Litteratur, I, 321, n. 1.

[2]) *Euseb.* V, 24, 18, 496. *Евсевій* V, XXIV, 311 стр.

[3]) *Christophorus Matthaeus Pfaffius* († 1760 г.) профессоръ богословія въ Гессенскомъ университетѣ опубликовалъ въ началѣ 18 в. четыре фрагмента изъ сочиненій Иринея, якобы открытые имъ въ Туринской библіотекѣ. Изъ числа этихъ фрагментовъ третій имѣетъ отношеніе къ пасхальному вопросу и читается въ переводѣ такъ: „апостолы повелѣли, чтобы мы ни для кого не устанавливали вопросовъ пищи, питія, праздниковъ, новолуній и субботы (Кол. II, 16). Зачѣмъ-же теперь споры? Зачѣмъ раздѣленія *(τὰ σχίσματα)*? Мы празднуемъ не въ квасѣ злобы и лукавства (I Кор. V, 8), чтобы никакими спорами не раздирать церкви Божіей и чтобы мы не старались соблюдать внѣшнее *(καὶ τὰ*

Намъ, къ сожалѣнію, не извѣстно, реагировалъ-ли папа Викторъ на соборное посланіе Иринея, и если да, то какъ именно? Но уже одинъ фактъ подобнаго выступленія церквей, по основному вопросу спора совершенно съ нимъ солидарныхъ, было полнымъ моральнымъ осужденіемъ нетерпимой, чисто-ультрамонтантской тактики папы Виктора. „Отлучительная булла римскаго епископа—говоритъ извѣстный историкъ римской церкви—предполагаемаго результата не достигла, но малоазійцами была отвергнута, а прочими епископами не одобрена (missbilligt worden sei) [1])“. Создавался, такимъ образомъ, довольно тяжелый обще-церковный кризисъ, неожиданный выходъ изъ котораго дала лишь вскорѣ послѣдовавшая смерть гордаго папы Виктора. Болѣе податливый и мягкій преемникъ его—Зефиринъ (199—217 г.) взялъ иной тонъ въ обращеніи съ малоазійцами и они мало-по-малу стали добровольно переходить къ практикѣ воскреснаго типа пасхи; такъ что въ Philosophumen'ахъ, написанныхъ лѣтъ 30—40 спустя, приверженцы 14-го Нисана уже характеризуются, какъ совершенно исключительныя личности: *τίνες φιλονείκοι τὴν φύσιν, ἰδιῶται τὴν γνῶσιν, μαχιμώτεροι τὸν τρόπον* (нѣкіе, по природѣ спорщики, по умственному развитію невѣжды, по характеру сварливцы) VIII, 18 [2])“. Строгое четыренадесятничество, т. е. празднованіе пасхи вмѣстѣ съ іудеями (14 Нисана) удержалось лишь въ практикѣ нѣкоторыхъ іудействующихъ сектъ (авдіанъ, карпократіанъ и проч.), гдѣ оно сохранялись до начала VI вѣка [3]).

Разсмотрѣнной нами *римско-малоазійской* фазой пасхальные споры, однако, далеко не были закончены: они продолжались еще почти цѣлыхъ три вѣка и имѣли двѣ новыхъ фазы своего развитія, изъ которыхъ проф. Болотовъ одну называетъ *александрійско-сирійской*, а другую—*римско-александрійской*. Но здѣсь споръ

ἐκτὸς τηροῦμεν), отложивъ въ сторону лучшее — вѣру и любовь. Поэтому о такихъ праздникахъ и постахъ послушаемся пророческихъ словесъ, что они неугодны Богу *(ἀπαρέσκειν τῷ Κυρίῳ)*“. См. у *Hilgenfeld*'а „Der Paschalstreit.... 308 p. Въ прошломъ вѣкѣ ученый Harvey опубликовалъ аналогичный-же фрагментъ съ сирско-армянскаго языка. Всѣ эти фрагменты, по отзыву *Harnack*'а, лишь заимствуютъ свои мысли и отдѣльныя характерныя выраженія изъ Иринея, но едва-ли дѣйствительно принадлежатъ ему. „Die Pfaffschen Irenausfragmente als Fälschungen Pfaffs nachgewiesen“ (Texte und Untersuchungen. N. F. 3. 1900). Однако и послѣ всесторонней критики Harnack'а, названные фрагменты еще сохранили одного энергичнаго защитника, въ лицѣ католическаго ученаго *H. Achelis*'а, in Theologische Litteraturzeit. 1901, 266—270 s.

[1]) *J. Langen* „Geschichte der römischen Kirche“ 188 p. Bonn 1881.

[2]) *Дюшенъ* „Исторія древней церкви“ I, 195, прим. 3.

[3]) *Болотовъ* „Лекціи...“ II, 443 стр. Ср. *H. Achelis* Das Christentum... II, 219 s.

шелъ уже о разныхъ методахъ вычисленія въ предѣлахъ одной, солнечно-воскресной пасхи, а не касался самаго ея типа, вопросъ о чемъ былъ окончательно рѣшенъ еще на пасхальныхъ соборахъ конца 2-го вѣка, въ смыслѣ торжества воскреснаго типа [1]).

Въ заключеніе всего своего обзора пасхальныхъ соборовъ 2-го вѣка мы должны констатировать, что волна пасхальныхъ соборовъ, прокатившаяся въ послѣднее десятилѣтіе 2 в. (наиболѣе вѣроятная дата съ 190—196 г.) почти по всѣмъ церквамъ христіанскаго запада и въ особенности востока, съиграла огромную роль въ исторіи древней церкви и, въ частности, въ развитіи и ростѣ ея соборнаго института. Благодаря этому, уже чисто-внутреннему движенію, были выявлены наружу послѣдніе остатки прежней, іудейской закваски въ христіанствѣ и окончательно отвергнуты церковью. Одновременно съ этимъ осуждены ею и всѣ наиболѣе крайнія проявленія, какъ мѣстно-церковнаго сепаратизма, такъ и властнаго, все нивеллирующаго папскаго абсолютизма. Чрезъ все это сильнѣе крѣпла идея вселенско-каѳолическаго единства церкви, замѣтнѣе росло значеніе руководящаго епископата и яснѣе намѣчалась провинціально-областная, митрополичья система церковнаго строя, логически обусловливавшая собой также и переходъ отъ чрезвычайной формы пленарныхъ соборовъ къ постоянному, періодически-регулярному функціонированію ихъ, въ видѣ высшихъ церковно-провинціальныхъ, или областныхъ органовъ церковной власти.

---

[1]) Тѣмъ, кто интересуется послѣдующей исторіей пасхальныхъ споровъ, обсуждавшихся на соборахъ въ Арлесѣ (314 г.) Никеѣ (325 г.), Антіохіи (341 г.), Сардикѣ (или по Болотову, Сердикѣ) 343 г. и др. мы особенно рекомендуемъ спеціальное „приложеніе“ по данному вопросу въ „Лекціяхъ“ покойнаго проф. *Болотова*, добавочно снабженное научно-критическимъ аппаратомъ свящ. *Д. Лебедева* (Лекціи II, 435—451 стр.). А также еще двѣ монографіи: *E. Schwartz*'а „Christliche und judische Ostertafeln“ Berlin 1905 и *Ios. Schmidt*'а „Der Osterfrage auf dem ersten allgem. Konzil von Nicäa, Wien 1905.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

МАЛОИЗВѢСТНЫЕ СОБОРЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ ТРЕТЬЯГО ВѢКА.

I.

Характеристика новаго, переходнаго періода въ исторіи древне-церковныхъ соборовъ.

Вдумчивый изслѣдователь исторіи древне-церковныхъ соборовъ, покидая почву втораго вѣка и переходя грань третьяго, не можетъ не замѣтить нѣкоторой, и даже довольно значительной, перемѣны въ темпѣ и характерѣ развитія церковно-соборнаго института. Церковные соборы, которые такъ громко и такъ широко заявили о себѣ въ концѣ второго вѣка во всѣхъ церковныхъ провинціяхъ—отъ Рима, столицы имперіи, до незначительнаго Понта и отдаленной Озроэны, включительно—сразу какъ-бы замираютъ, перешагнувъ границу третьяго вѣка, и становятся, почти на цѣлыхъ полвѣка, блѣднымъ, едва замѣтнымъ явленіемъ церковной жизни. Нашъ главный источникъ—церковный историкъ Евсевій,—который, при всей своей обычной краткости, давалъ все-же сравнительно немало свѣдѣній о соборахъ, ихъ предсѣдателяхъ и принятыхъ на нихъ рѣшеніяхъ, теперь хранитъ почти полное молчаніе о дальнѣйшихъ соборахъ, или, самое большее, ограничивается случайными и отрывочными замѣтками о нихъ. Такъ что если-бы мы, по прежнему, должны были-бы судить о соборахъ начала III в. по одному только Евсевію, то пришли-бы къ заключенію, что соборный институтъ не растетъ и развивается, а наоборотъ, атрофируется и замираетъ.

Къ счастью для насъ и для исторіи соборовъ, на подмогу Евсевію въ эту эпоху выступаютъ два новыхъ церковныхъ писателя и вмѣстѣ два самыхъ крупныхъ дѣятеля того времени—Тертулліанъ и Кипріанъ Карѳагенскіе. Въ оставшейся послѣ нихъ и въ бо́льшей своей части дошедшей до насъ литературѣ этихъ замѣчательныхъ церковныхъ дѣятелей нашли свое живое отраженіе весьма многія стороны тогдашней церковной жизни, въ томъ числѣ, и современная имъ практика соборовъ. Это въ особенности должно сказать про сочиненія Кипріана, творенія и письма котораго яв-

ляются единственнымъ, въ своемъ родѣ, ни съ чѣмъ несравнимымъ источникомъ свѣдѣній о соборахъ его времени. Но крупная личность Кипріана и его энергичная соборная работа принадлежатъ, собственно, второй половинѣ 3-го вѣка, когда источники нашихъ свѣдѣній о соборахъ и безъ того снова дѣлаются краснорѣчивѣй и обильнѣй и самый этотъ институтъ проявляетъ особенно высокую интенсивность и широкое распространеніе. Для первой-же половины вѣка, или точнѣе, только для первой его четверти, намъ приходится довольствоваться опять, главнымъ образомъ, Евсевіемъ и лишь, отчасти—Тертулліаномъ, сочиненія котораго вопроса о соборахъ касаются только вскользь и мимоходомъ, да къ тому-же, въ самой общей формѣ. Собственно говоря, Тертулліану принадлежитъ лишь одно, вѣское свидѣтельство о соборахъ; но свидѣтельство крайне важное, изъ котораго слѣдуетъ, что соборы въ его время отнюдь не замирали, а получили уже и достаточно широкое и, повидимому, даже регулярное, періодическое дѣйствіе. Оно находится въ одномъ изъ позднѣйшихъ трактатовъ Тертулліана—„о постѣ“ и буквально содержитъ въ себѣ слѣдующее: *„Бываютъ, далѣе, по Греціи въ опредѣленныхъ мѣстахъ извѣстные* (illa) *соборы изъ всѣхъ церквей, посредствомъ которыхъ и на общую пользу, обсуждается все болѣе важное, и самое представительство всего христіанства пользуется великимъ почитаніемъ“* [1]). Независимо отъ спора о деталяхъ (какая Греція? и какіе въ ней соборы имѣетъ здѣсь въ виду Тертулліанъ?), всѣ, однако, согласны признать, что Тертулліанъ говоритъ здѣсь о *церковныхъ соборахъ*, откуда слѣдуетъ, что соборный институтъ въ его время не только существовалъ, но и продолжалъ свое развитіе, принимая новую, періодически-регулярную форму.

Болѣе опредѣленныя и конкретныя указанія на отдѣльные соборы начала 3 в. извлекаются изъ случайныхъ указаній Кипріана, которой, говоря о соборахъ, ему современныхъ, иногда

[1]) „Aguntur praeterea per Graecias illa certis in locis *concilia* ex universis ecclesiis, per quae et altiora quaeque in commune tractantur, et ipsa repraesentatio totius nominis Christiani magna ueneratione celebratur“, „De jejunio aduersus psychicos“, *Quinti Septimi Florentis Tertulliani* Opera, ex recensione Augusti Reifferscheid et Georgii Wissowa, pars I, 1890, 292. CSEL, vol. XX. Пользуясь удобнымъ случаемъ, спѣшимъ исправить досадную ошибку, допущенную нами въ раннѣйшемъ комментированіи одного мѣста изъ этой цитаты (см. стр. 150-я). Именно выраженію et altiora quaeque мы дали неправильный переводъ: „и нѣкоторые болѣе раннѣйшіе“, тогда какъ слѣдуетъ перевести: „и все болѣе важное“ (altior—„высшій“—не въ смыслѣ „вышесказаннаго, раннѣйшаго“, а въ смыслѣ „возвышеннаго, болѣе важнаго“).

вспоминалъ и о раннѣйшихъ; а также давалъ поводъ вспоминать о нихъ и своимъ многочисленнымъ корреспондентамъ. Но главнымъ нашимъ источникомъ, повторяемъ, по прежнему остается Евсевій, и нестолько даже, какъ историкъ повѣствователь, сколько, какъ собиратель и хранитель подлинныхъ, историческихъ документовъ, фрагменты которыхъ разсѣяны въ разныхъ отдѣлахъ его исторіи, что, въ свою очередь, немало вызываетъ кропотливой работы по ихъ извлеченію и сводкѣ. И, разумѣется, чѣмъ скуднѣе эти свѣдѣнія, и чѣмъ труднѣе ихъ добыча, комментированіе и подборъ, тѣмъ они для насъ интереснѣй и дороже, тѣмъ энергичнѣй обязана быть пытливая мысль историка, тѣмъ внимательнѣе и бережнѣй должно быть его отношеніе къ результатамъ такого изслѣдованія. Вотъ почему тщательно собрать всѣ, оброненные исторіей, данныя и намеки на соборы первой половины третьяго вѣка, и внимательно ихъ проанализировать и освѣтить, мы считаемъ очень важной и отвѣтственной задачей своего настоящаго, историко-каноническаго труда. Посему, въ противоположность большинству своихъ коллегъ, обычно упоминающихъ о малоизвѣстныхъ соборахъ первой половины 3-го в. лишь попутно и мимоходомъ, мы отводимъ систематическому обзору ихъ цѣлую самостоятельную главу своего изслѣдованія.

Предварительно намъ хотѣлось-бы здѣсь отвѣтить и на самый вопросъ: почему церковная исторія, достаточно, въ общемъ, освѣщавшая исторію монтанистическихъ и пасхальныхъ соборовъ, и снова проливающая обильный свѣтъ на соборы кипріановой эпохи, такъ мало и такъ скупо освѣщаетъ изслѣдуемый нами періодъ—первую половину третьяго вѣка? Что объясненія этого явленія нельзя усматривать въ случайной скудости источниковъ, это понятно само собою, такъ какъ количество источниковъ теперь не только не уменьшилось, но, наоборотъ, даже возросло: къ прежнему источнику—Евсевію, прибавилось, по меньшей мѣрѣ, два новыхъ—Тертулліанъ и Ипполитъ римскій; но отъ того стало не лучше, а хуже, въ смыслѣ и количества и качества свѣдѣній, относящихся къ соборамъ. Едвали бы также справедливо было причину такой скудости видѣть и въ условіяхъ церковной жизни той эпохи, протекавшей будто-бы настолько тихо, мирно и спокойно, что не возникало даже и повода для соборовъ. Никакого особеннаго ни внѣшняго затишья, ни тѣмъ болѣе внутренняго застоя въ церковной жизни той эпохи мы не знаемъ и не наблюдаемъ. Наоборотъ, по прежнему, видимъ, что церковь Христова терпитъ и отъ внѣшнихъ преслѣдованій (гоненіе при Северахъ) и отъ внутреннихъ раздоровъ (продолженіе монтанистическаго и пасхальнаго движеній, схизма Ипполита и Каллиста, на-

чало дисциплинарныхъ споровъ—о покаяніи и перекрещиваніи), не говоря уже объ ея естественномъ, органическомъ ростѣ и въ области религіозной догматики и въ сферѣ церковнаго управленія, требовавшемъ для его правильности постояннаго соборнаго контроля и корректива. Правильнѣе и ближе къ цѣли будетъ искать причину указаннаго явленія въ условіяхъ развитія самаго соборнаго института: именно, въ характерѣ той переходной его стадіи, когда церковные соборы изъ случайнаго и временнаго проявленія церковной жизни, вызывавшагося исключительными и чрезвычайными причинами, становятся болѣе обычнымъ и постояннымъ, періодически правильно повторяемымъ, или, такъ называемымъ, *регулярнымъ* церковнымъ институтомъ. Начало третьяго вѣка и было, именно, тѣмъ временемъ постепеннаго критическаго перелома, тѣмъ инкубаціоннымъ періодомъ, въ теченіе котораго новая соборная форма зрѣла и слагалась до степени ея почти полной готовности къ эпохѣ св. Кипріана. По общему свойству всѣхъ переходныхъ эпохъ—быстро терять старые признаки, но лишь довольно медленно усвоять новые—соборы названнаго періода еще не успѣли выработать новой, достаточно устойчивой и рѣзко очерченной формы, благодаря которой они могли-бы оставить послѣ себя вполнѣ ясный, опредѣленный отпечатокъ и въ исторіи. Вотъ почему и сколько нибудь удовлетворительная реставрація ихъ—задача особенно трудная и мало благодарная для историка соборовъ.

Черты переходно́го момента въ историческомъ развитіи церковныхъ соборовъ можно наблюдать не только въ сейчасъ отмѣченной внѣшне-формальной, или организаціонной ихъ сторонѣ (переходъ отъ чрезвычайныхъ къ регулярнымъ соборамъ), но также и въ матеріальной сторонѣ соборовъ, т. е. въ самомъ содержаніи и характерѣ тѣхъ вопросовъ, которые являлись предметами соборныхъ обсужденій. До сихъ поръ на церковныхъ соборахъ трактовались вопросы, имѣвшіе важное, принципіальное значеніе для самаго существа христіанства. Преобладающая, можно сказать, почти единственная тема раннѣйшихъ соборовъ—это споръ новыхъ, новозавѣтно-христіанскихъ воззрѣній съ прежними, ветхозавѣтно-іудейскими традиціями. Ясные слѣды этого принципіальнаго спора идутъ чрезъ всю исторію начальныхъ соборовъ, начиная съ перваго, Апостольско-іерусалимскаго собора и кончая послѣднимъ изъ пока разсмотрѣнныхъ нами—Ефесскимъ соборомъ „азійскихъ“ четыренадесятниковъ. Несомнѣнный отголосокъ этого главнаго принципіальнаго спора первыхъ двухъ вѣковъ христіанской эры слышенъ и въ антимонтанистическихъ соборахъ, какъ

мы доказывали это выше [1]). Но соборы по борьбѣ съ монтанизмомъ, кромѣ того, выдвинули на сцену и новый, принципіальный споръ огромной важности—споръ за церковный канонъ и іерархію противъ безпорядочной свободы псевдо-харизматической профетіи (новоявленныхъ монтанистическихъ пророковъ и пророчицъ) [2]).

Не то видимъ мы теперь, съ переходомъ на почву третьяго вѣка. Принципіальная внѣшняя борьба за самыя основы христіанства и за его эмансипацію отъ іудейства была, повидимому, закончена. А новые внутренніе, принципіальные-же вопросы догматическаго характера, въ родѣ позднѣйшихъ тринитарныхъ и христологическихъ споровъ пока еще не успѣли вполнѣ сложиться и созрѣть. Такъ что теперь, въ переходный моментъ между двумя эпохами принципіальныхъ догматическихъ споровъ все вниманіе христіанъ сосредоточивается на вопросахъ не догматическаго, а дисциплинарнаго свойства (споры о крещеніи, о падшихъ, судъ надъ отдѣльными лицами). Конечно, и дисциплинарные споры, при той высокой оцѣнкѣ обряда, какая существовала въ древней церкви, (еще не выяснившей себѣ правильнаго различія между догматомъ и обрядомъ), могли пріобрѣтать и, дѣйствительно, пріобрѣтали въ ней очень интенсивный характеръ (споры о падшихъ и о перекрещиваніи) и весьма важное значеніе. Но нельзя все-же не отмѣтить одного—что такая перемѣна самыхъ предметовъ соборныхъ обсужденій не осталась, въ свою очередь, безъ соотвѣтствующаго вліянія и на эволюцію ихъ формы.

Въ самомъ дѣлѣ, принципіально-догматическіе вопросы имѣютъ чрезвычайно важное значеніе для самыхъ основъ христіанства, для всего его существованія. Вотъ почему и соборное разрѣшеніе этихъ вопросовъ требовало особаго напряженія всѣхъ силъ учащей и правящей церкви, что и обусловливало собой чрезвычайный характеръ подобныхъ соборовъ (большіе соборы древ-

[1]) См. страницу 146-ую, а также и примѣчаніе на предыдущей 145-ой стр. Въ особенности подчеркиваемъ здѣсь взглядъ *E. de-Pressansé*, который категорически относитъ монтанизмъ къ категоріи „іудействующихъ“ ересей, за его номизмъ, эсхатологію и апокалиптику—черты, столь типичныя для позднѣйшаго іудаизма. „Histoire des trois premières siécles d. Eglise chrétienne“ I, 131—132. Paris 1861.

[2]) Въ разъясненіе, именно, этой опаснѣйшей стороны монтанизма къ тому, что сказано было нами выше (стр. 147 и сл.), добавимъ еще указаніе на двѣ спеціальныхъ статьи: одну изъ Dictionary of sects, heresies, ecclesiastical parties and schools of religious thought—„Montanist“ 336—340 p. Ed. *J. H. Blunt*, London 1903; другую—изъ A Dictionary of christian Biography and Literature“ „Montanus“ 738—742, ed. *Wace-Piercy*, London 1911. См. также отдѣлъ о „Климентинахъ“ въ диссертаціи проф. *В. Н. Мышцына* „Устройство христіанской церкви въ первые два вѣка“. Сергіевъ Посадъ, 1909 г. въ особенности, стр. 356-ую.

нѣйшей церкви и вселенскіе—послѣконстантиновской эпохи). Обрядовые-же и, въ особенности, дисциплинарно-административные споры далеко не играли такой исключительно-важной, рѣшающей роли: это были, такъ сказать, обычныя, текущія дѣла церкви, какъ живаго и постоянно растущаго организма. Въ нихъ не было важности и остроты догматическихъ споровъ; но зато въ нихъ на лицо было постоянство въ накопленіи такихъ, сравнительно съ первыми, болѣе мелкихъ, но все-же очень важныхъ и жизненно-нужныхъ, недоумѣнныхъ вопросовъ. Это соотвѣтствующимъ образомъ отразилось и на характерѣ церковныхъ соборовъ. Если для разрѣшенія остро возникавшихъ, принципіальныхъ споровъ необходимы были такіе-же чрезвычайные и соборы; то для урегулированія періодически накоплявшихся текущихъ дѣлъ церковнаго управленія и христіанской жизни болѣе цѣлесообразными являлись такіе-же, періодически правильно составлявшіеся, мѣстные, или провинціальные соборы.

Такимъ образомъ, самая замѣна принципіально-догматическихъ соборныхъ сюжетовъ дисциплинарно-административными, несомнѣнно, съиграла очень видную роль въ эволюціи соборнаго института, именно, въ смыслѣ его перехода отъ чрезвычайно-универсальной формы къ регулярно-провинціальной. Но главнымъ и рѣшающимъ факторомъ такой перемѣны явился все-же количественный и территоріальный ростъ самой церкви, вызвавшій необходимость въ ея провинціальномъ раздѣленіи и обусловившій собой развитіе митрополичьей власти, неразрывно связанной съ организаціей провинціально-митрополичьихъ соборовъ. Вполнѣ опредѣлилась эта эволюція лишь ко второй половинѣ третьяго вѣка, къ эпохѣ св. Кипріана—этой, наиболѣе видной порѣ развитія дисциплинарно-административныхъ споровъ. Но она уже достаточно выяснилась или, по крайней мѣрѣ, назрѣла и за первую его половину, въ исторіи тѣхъ малоизвѣстныхъ соборовъ 20—40-ыхъ годовъ третьяго вѣка, къ обзору которыхъ мы теперь и переходимъ.

Такихъ соборовъ мы насчитываемъ не меньше семи: изъ нихъ три собора—Карѳагенскій (Агриппина), Иконійскій и Синаадскій—посвящены разрѣшенію дисциплинарнаго спора—о крещеніи еретиковъ; а другіе четыре—два Александрійскихъ, Бострійскій и Аравійскій—связаны съ личностью и дѣятельностью знаменитаго Оригена [1]).

[1]) Издатели католическихъ соборныхъ сборниковъ, въ родѣ извѣстнаго *Mansi* чуть-ли не удваиваютъ цифру соборовъ этого періода. Но большинство такихъ соборовъ сомнительно, или подложно, что мы и отмѣтимъ въ самомъ текстѣ своего изложенія. О другихъ-же соборахъ (напр. о Ламбезитанскомъ соборѣ еп. Привата) скажемъ нѣсколько словъ ниже, въ спеціальной главѣ о карѳагенскихъ соборахъ.

II.

Карѳагенскій соборъ Агриппина (около 220 г.) [1]).

Источникомъ свѣдѣній объ этомъ первомъ, извѣстномъ намъ карѳагенскомъ соборѣ служитъ рядъ случайныхъ замѣтокъ, извлеченныхъ изъ сочиненій двухъ крупнѣйшихъ представителей древне-африканской церкви—св. Кипріана и бл. Августина.

Особенно важны свидѣтельства епископа Кипріана карѳагенскаго, который былъ вторымъ преемникомъ еп. Агриппина (послѣ еп. Доната), раздѣленнымъ отъ него всего одной четвертью вѣка. Въ богатой корреспонденціи Кипріана мы находимъ, прежде всего, два, довольно глухихъ и слишкомъ общихъ указанія на соборъ Агриппина: это, во-первыхъ, то мѣсто изъ соборнаго посланія (весеннято собора 256 г.), гдѣ говорится, что отцы собора своимъ постановленіемъ перекрещивать еретиковъ утверждали „не новое мнѣніе, но давно уже *постановленное нашими предшественниками*“ (курсивъ вездѣ нашъ) [2]); а во-вторыхъ, аналогичное заявленіе одного изъ членовъ большаго Карѳагенскаго собора 257 года—еп. Новата Тамогадскаго, что онъ, высказывалсь за перекрещиваніе всѣхъ схизматиковъ и еретиковъ, поступаетъ „сообразно съ свидѣтельствомъ писаній и *съ постановленіемъ нашихъ коллегъ, мужей блаженной памяти*“ [3]). Смыслъ этихъ, хотя и достаточно опредѣленныхъ, но все-же безличныхъ ссылокъ, дважды проясняетъ самъ св. Кипріанъ. Первый разъ, въ письмѣ къ Квинту, гдѣ онъ говоритъ: „то-же постановилъ и съ общаго совѣта, по здравомъ разсужденіи утвердилъ *мужъ блаженной памяти Агриппинъ съ другими своими соепископами*, которые управляли въ то время Господнею церковью въ области африканской и нумидійской. Ихъ-то благочестивому, законному и спасительному мнѣнію, согласному съ вѣрой и

[1]) Въ виду скудости и случайности литературы о соборѣ Агриппина, также, какъ и о другихъ малоизвѣстныхъ соборахъ этой переходной эпохи, мы не будемъ указывать ее здѣсь отдѣльно, а ограничимся соотвѣтствующей цитаціей при самомъ изложеніи.

[2]) Письмо 57-е, стр. 322-я, Творенія св. священномученика Кипріана, епископа Карѳагенскаго. Часть 1. Письма. Изданіе второе. Кіевъ 1891. Сравни CSEL. *S. Thasci Caecili Cypriani*, opera omnia. Recensuit et commentario critico instruxit Guilelmus Hartel. Vol. III, pars II, *Epistula* LXX, 1. 767: „sententiam nostram non nouam promimus, sed iam pridem *ab antecessoribus* nostris statutam“.

[3]) *Sententiae episcoporum*, nr. 4: „Nouatus a Thamogade dixit; et ideo secundum testimonium scripturarum et secundum *decretum collegarum nostrorum* sanctissimae memoriae uirorum“. *Ibid.* Vol. III, pars, I. 438 p. CSEL.

каѳолической церковью, и мы послѣдовали“ [1]). Вторично Кипріанъ съ еще большей подробностью выясняетъ то-же самое въ письмѣ къ еп. Юбайяну: „впрочемъ, у насъ это дѣло отнюдь не новое и не неожиданное, что мы признаемъ нужнымъ крестить тѣхъ, которые отъ еретиковъ обращаются къ церкви: тому ужъ много лѣтъ назадъ, много прошло времени, какъ *соборъ епископовъ, бывшій подъ предсѣдательствомъ блаженной памяти Агриппина*, постановилъ то-же самое“ [2]).

Другимъ авторитетнымъ свидѣтелемъ агриппинова собора выступаетъ бл. Августинъ († 430 г.), который въ своихъ полемическихъ трактатахъ противъ донатистовъ, а также и въ своихъ письмахъ, положительно десятки разъ называетъ имя „предшественника Кипріана—еп. Агриппина“, въ связи съ бывшимъ при немъ африканскимъ соборомъ, будто-бы введшимъ практику перекрещиванія [3]). Однако, многочисленныя упоминанія бл. Августина, въ сущности, не прибавляютъ ничего новаго къ тѣмъ немногимъ даннымъ, которыя выше извлечены были нами изъ писемъ Кипріана; такъ какъ и самъ-то бл. Августинъ, въ концѣ концовъ, опирается на свидѣтельства того-же Кипріана, о чемъ неоднократно онъ самъ и заявляетъ [4]). Впрочемъ, отъ себя бл. Августинъ дѣлаетъ два добавленія о соборѣ Агриппина и нельзя сказать, чтобы одинаково удачныхъ. Первое добавленіе — это усиленное подтвержденіе той мысли, что практику перекрещиванія впервые ввелъ въ Африкѣ будто-бы соборъ Агриппина, до котораго этой ошибочной прак-

[1]) *Письмо* 58-ое, стр. 328-ая. Ср. *Epist.* LXXI, 4, 774: „Quod quidem et Agrippinus bonae memoriae uir cum ceteris coepiscopis suis qui illo tempore in prouincia Africa et Numidia ecclesiam Domini gubernabant statuit et librata concilii communis examinatione firmauit“.

[2]) *Письмо* 60-ое стр. 333-ая. *Epist.* LXXIII, 3, 780: „Apud nos autem non noua aut repentina res est ut baptizandos censeamus eos, qui ab haereticis ad ecclesiam ueniunt, quando anni sint iam multi et longa aetas ex quo sub Agrippino bonae memoriae uiro conuenientes in unum episcopi plurimi hoc statuerint“...

[3]) *Sancti Aureli Augustini* Scripta contra Donatistas—CSEL, recensuit *M. Petschening*. Vindobonae—Lipsiae, MDCCCCVIII—X: „De baptismo contra epistulam Parmeniani“ Lib. II, 7, 12; 8, 13; 9, 14, vol. LI, 187—190 p. Liber III, 2, 197—198 p. 12, 17, 207 p. 19, 27, 222 p. „De unico baptismo“ — vol. LIII, 13, 22, 21—22 p. „Contra Gaudentium“ VIII, 8, 264 p. *Epist.* recens. *Al. Goldhaber.* vol. XXXIV, pars II, ep. XCIII. etc.

[4]) „*De baptismo*“ lib. III, XII, 17, 207: „ideo autem non se nouam aut repentinam rem statuisse beatus *Cyprianus ostendit*, quia sub Agrippino fieri iam coeperat“. Вообще, надо замѣтить, что въ основѣ всего изваннаго трактата бл. Августина лежитъ постановленіе Карѳагенскаго собора 256 г. дошедшее до насъ въ формѣ письма Кипріана къ еп. Юбайяну (*Cypr.* Ep. LXXI, ed. *Hartel*, pars II, 774 sq.).

тики тамъ вовсе не существовало [1]). Но ясно, что такой полемическій аргументъ не выдерживаетъ самой снисходительной критики: когда-же церковные соборы вводили что-либо новое и ранѣе не слыханное? Обыкновенно они разбирались уже въ тѣхъ вопросахъ, или даже спорахъ, которые выдвигала сама жизнь, которые достаточно назрѣли и одинаково упорно защищались въ двухъ, (а иногда и больше) различныхъ рѣшеніяхъ. Задача собора въ томъ именно и состояла, чтобы разобраться въ этомъ выдвинутомъ жизнью спорѣ и изъ нѣсколькихъ предлагаемыхъ его рѣшеній, выбрать и санкціонировать какое-либо одно. Разумѣется, и карѳагенскій соборъ Агриппина только потому и могъ опредѣленно высказаться за перекрещиваніе, что большинство африканскихъ епископовъ и безъ того его уже практиковало или, по крайней мѣрѣ, опредѣленно ему сочувствовало; въ противномъ случаѣ, конечно, и результатъ собора былъ-бы совершенно инымъ. Другая добавка бл. Августина—болѣе невиннаго свойства: она касается числа епископовъ, бывшихъ на соборѣ Агриппина, именно, опредѣлять его цифрой „семьдесятъ“ [2]). Извѣстный Ad. Harnack [3]) склоненъ съ полнымъ довѣріемъ отнестись къ данному показанію бл. Августина и мы не имѣемъ серьезныхъ мотивовъ противъ этого возражать [4]).

[1]) „*De baptismo*“ Lib. III, 8, 13, 188 p.: „quam tamen consuetudinem nisi prior ante Agrippinus et nonnulli per Africam coepiscopi ejus etiam per concilii sententias deserere temptauissent.. Hanc ergo saluberrimam consuetudinem per Agrippinum prodecessorem suum dicit sanctus Cyprianus quasi coepisse corrigi... verius creditur per Agrippinum corrumpi coepisse, non corrigi“. 187 p. Любопытно отмѣтить, что такое произвольное обвиненіе Агриппина со стороны бл. Августина нашло себѣ сочувственную поддержку и въ другомъ западномъ латинскомъ писателѣ—*Викентіи Лиринскомъ* († около 450 г.), который въ своемъ ересеологическомъ трактатѣ Commonitorium adversus haereses опредѣленно заявляетъ, что Агриппинъ былъ „первый изъ смертныхъ“, кто вопреки правилу всей церкви, вопреки взгляду прочихъ епископовъ, вопреки обычаю и традиціи своихъ предшественниковъ, ввелъ перекрещиваніе (c. 9, p. 114 ed. Klüpfel, взято нами у *Döllinger*'a „Hippolytus und Kallistus“, 190—191 s. Regensburg 1853).

[2]) *De unico baptismo* XIII, 22: „Nam illud quod adjungit de episcopo Carthaginiensi Agrippino, de inclito martyre Cypriano, de *septuaginta* praecessoribus Cypriani, quia hoc fecerunt et fieri praeceperunt.“ vol. LIII, 21 p.

[3]) *Ad. Harnack* „Hier wird mitgetheilt, dass 70 Bischöfe, auf dem unter Agrippin gehaltenen Concil zugegen waren (die stelle kann schwerlich anders verstanden werden)“. GAL, I, 2, 688 s. Leipz. 1893. Срав. „Mission und Ausbreitung“...² II, 240 s.: Auf der Synode zu Carthago unter dem carthaginiensischen Bischof Agrippinus (spätestens um 218—222) über die Gütligkeit der Ketzertaufe waren bereits 70 africanische und numidische Bischöfe“. Leipz. 1906.

[4]) Позволимъ себѣ высказать здѣсь только одно предположеніе—не попала-ли случайно цифра 70 въ трактатъ Августина изъ письма Кипріана къ Юбайяну, гдѣ

Интересно и важно, прежде всего, установить точную хронологическую дату агриппинова собора, что оказывается дѣломъ неособенно легкимъ. Свидѣтельства Кипріана даютъ для этого двѣ отправныхъ точки—во первыхъ, имя епископа, при которомъ былъ соборъ; и, во вторыхъ, указаніе на то, что самый соборъ происходилъ „задолго“ до Кипріана, или точнѣе, до его собора весны 256 г. Но имя епископа нисколько дѣлу не помогаетъ, такъ какъ личность еп. Агриппина ничѣмъ еще, кромѣ даннаго собора, въ исторіи и не извѣстна. Второе указаніе: „anni sint iam multi et longa aetas“ [1]) слишкомъ обще и неопредѣленно, такъ какъ термины *„многіе годы и долгій періодъ“* имѣютъ условный, относительный характеръ: ими съ одинаковымъ правомъ можно обозначать промежутокъ, какъ въ 20—30, такъ и въ 80—90 лѣтъ, до столѣтія включительно. Нѣкоторую параллель этой неопредѣленно широкой хронологіи Benson указываетъ въ письмѣ Фирмиліана, еп. каппадокійскаго, который время выступленія первыхъ гностиковъ—Василида и Валентина—обозначаетъ аналогичнымъ-же путемъ: *„послѣ апостоловъ и послѣ длиннаго періода“* [2]). А такъ какъ дѣятельность древнѣйшаго изъ названныхъ гностиковъ Василида относится въ эпохѣ императора Адріана (117—138), то, считая концомъ апостольскаго вѣка начало 2-го столѣтія (смерть Іо. Богослова, около 105 г.), мы получаемъ промежутокъ времени не больше 20-30 лѣтъ, который, одно, названъ у Фирмиліана longa aetas. Прилагая ту-же самую мѣрку и къ хронологической терминологіи фирмиліанова современника—Кипріана, мы получаемъ нѣкоторое основаніе и въ его longa aetas видѣть указаніе, скорѣе, на болѣе короткій, чѣмъ на болѣе длинный періодъ, т. е. опять на тѣ-же 20-30 лѣтъ назадъ отъ эпохи Кипріана. Хотя, впрочемъ, longa aetas Кипріана усилено здѣсь еще добавочнымъ опредѣленіемъ (quando anni sint jam multi), разчитаннымъ, повидимому, на то, чтобы удлинить этотъ періодъ; но опять же, естественно думать, что удлинить не болѣе, какъ вдвое (вѣрнѣе, даже менѣе), т. е. до 30-40 лѣтъ отъ того времени, когда Кипріанъ писалъ свое письмо (а это было осенью-же 256-го года).

Къ дѣлу установки болѣе точной хронологіи агриппинова собора обычно превлекаютъ еще косвенныя показанія двухъ крупныхъ церковныхъ дѣятелей и выдающихся писателей той эпохи—Тертулліана и Ипполита римскаго. Особенную важность и интересъ имѣютъ показанія Тертулліана, такъ какъ у него, во-первыхъ, есть спеціальный трактатъ, написанный на ту же тему о перекрещиваніи, какую разрабатывалъ и соборъ Агриппина; а во-вторыхъ, у него имѣется опредѣленное свидѣтельство о широкой практикѣ церковныхъ соборовъ по всей Греціи, съ полнымъ, однако, умолчаніемъ о наличности таковыхъ въ Карѳагенѣ и, вообще, въ Африкѣ. Первый трактатъ—„De baptismo haereticorum“, какъ опредѣленно заявляетъ самъ Тертулліанъ, имѣлъ даже двѣ редакціи: болѣе полную, написанную по-гречески [1]) и сокращенную—латинскую. До насъ дошла только послѣдняя. Но и по ней легко судить, что вопросъ о перекрещиваніи Тертулліанъ трактуетъ всецѣло въ томъ-же духѣ, какъ и соборъ Агриппина, т. е. въ смыслѣ строгаго отношенія ко всѣмъ раскольникамъ и еретикамъ (ихъ перекрещиванія). По общему почти признанію патрологовъ, трактатъ De baptismo—одно изъ сравнительно раннихъ сочиненій Тертулліана, написанное имъ еще въ лонѣ православной церкви, не позже 202—203 года, какъ, напримѣръ, авторитетно утверждаетъ это Harnack [2]). Несмотря на всю близость и тождество задачи агриппинова собора съ трактатомъ Тертулліана, въ послѣднемъ нѣтъ ни одного намека на соборъ. Не ясный-ли это знакъ того, что собора ко времени написанія трактата еще не было? Въ противномъ случаѣ, положительно не мыслимо допустить, чтобы пресвитеръ Тертулліанъ, еще не порвавшій связи съ православной церковью, обошелъ-бы молчаніемъ цѣлый авторитетный соборъ африканскихъ епископовъ, отстаивавшихъ и утверждавшихъ, какъ разъ ту-же самую, дорогую для него точку зрѣнія.

Что касается другаго косвеннаго показанія Тертулліана, то это—хорошо уже извѣстная намъ цитата о „соборахъ по всей Греціи“, взятая изъ его трактата „De jejunio adversus psychicos“. Въ противоположность тому первому, этотъ послѣдній трактатъ, какъ ясно ужъ изъ одного его заглавія — ярко-монтанистической окраски и, слѣдовательно, значительно позднѣйшаго происхожденія. Ad. Harnack трактатъ De jejunio, вмѣстѣ съ двумя

говорится о соборномъ рѣшеніи „семидесяти одиого“ епископа (Карѳ. собора 256 г.), такъ какъ, именно, это письмо особенно часто цитируется здѣсь Августиномъ?

[1]) *Epistula* LXXIII, 3, 780, ed. Hartel, pars II. Vindobonae MDCCCLXXI—CSEL.

[2]) *E. W. Benson* „Cyprian. His Life. His Times. His Works.“ 338 p. London 1897. См. Epist. LXXV, 5, 813: „sed et Valentini et Basilidis tempus manifestum est, quod et ipsi *post apostolos et post longam aetatem*“. (курс. нашъ).

[1]) *Tertulliani* „De baptismo“: sed de isto *plenius* iam nobis *in Graeco* digestum est“. CSEL. Vol. XX, pars I, 214 p. recens. Aug. Reifferscheid et G. Wissowa, Vindobonae 1890.

[2]) *Ad. Harnack:* „Man wird vielmehr geneigt sein, den Tractaten über die Taufe einen frühen Ursprung zuzusprechen... Auch hier kann man nur den terminus ad quem 202—3 angeben“. ChAL. II, 269. Leipz. 1904.

другими—De monogamia и De pudicitia—считаетъ „послѣднимъ, вышедшимъ изъ подъ пера Тертулліана“ [1]). Въ частности, интересующій насъ трактатъ De jejunio тотъ-же Harnack относитъ къ началу понтификата папы Каллиста (217—222), какъ-нибудь вскорѣ послѣ 217—218 года [2]). Несмотря на такой, сравнительно поздній срокъ написанія трактата „De jejunio“, въ его краснорѣчивой цитатѣ о широкомъ распространеніи церковныхъ соборовъ по всей Греціи нѣтъ опять ни звука о карѳагенскомъ соборѣ Агриппина. Какъ смотрѣть на такое полное молчаніе? Считать его результатомъ намѣреннаго игнорированія, такъ сказать сознательнаго бойкота Тертулліаномъ всего того, что происходило у „психиковъ“, мы едвали имѣемъ право; такъ какъ, во-первыхъ самый этотъ соборъ долженъ быть, скорѣе, симпатиченъ Тертулліану, чѣмъ вызывать въ немъ враждебныя чувства; а во-вторыхъ, вѣдь, разрывъ Тертулліана съ „психиками“ не помѣшалъ-же ему говорить *о соборахъ по всей Греціи*, почему-же онъ могъ-бы воспрепятствовать ему отмѣтить и свой ближайшій, довольно внушительный соборъ, только-что происходившій въ Карѳагенѣ? Если-же, тѣмъ не менѣе, Тертулліанъ рѣшительно ничѣмъ и здѣсь не выдаетъ своего знакомства съ соборомъ Агриппина, (хотя онъ логически вынуждался къ этому), то почти несомнѣнно, что и къ 217—218 году этотъ соборъ не имѣлъ еще мѣста. Состоялся-же онъ, вѣроятно, какъ-либо вскорѣ послѣ 218 года, причемъ отмѣченный Тертулліаномъ примѣръ греческихъ церковныхъ соборовъ могъ съиграть для агриппинова собора роль побудительнаго толчка и достоподражательнаго образца; а предложенное Тертулліаномъ рѣшеніе вопроса о перекрещиваніи могло оказать извѣстное идейное вліяніе и на предметное содержаніе самихъ соборныхъ разсужденій [3]).

У другаго виднаго дѣятеля и писателя начала третьяго

[1]) *Ad. Harnack*: Das diese drei Schriften *die letzten sind*, die wir aus Tertullians Feder besitzen, ist zu sicher Anerkennung gelangt“. CLAL, II, 286 s.

[2]) *Ibidem:* „De monogamia“ und „De ieiunio“ gehören also in die fruhe Zeit des Kallist... Bald nach 217—218“. 286 s. und 296 s. Ср. *Дюшенъ* „Исторія др. церкви“ I, 267, примѣч. 1.

[3]) *Adhémar d'Alès*—авторъ спеціальной статьи La question baptismale au temps de S. Cyprien готовъ идти еще дальше, предполагая нетолько внутреннюю, идейную связь, но и внѣшній, хронологическій параллелизмъ между указанными явленіями: „Vers le temps où Tertullien écrivait ses lignes, un concile de Carthage, presidé par l'évêque Agrippinus, se prononçait dans le même sens, et réalisait sur ce point l' unité de discipline parmi les évêques d' Afrique proconsulaire et de Numidie“. Revue des questions historiques, XXXVII t. N. S. (81), 354 p. Paris 1907.

вѣка—Ипполита римскаго роль косвеннаго свидѣтельства о соборѣ Агриппина играютъ слѣдующія фразы изъ его знаменитаго ересеологическаго труда: „итакъ, вотъ что установилъ этотъ удивительнѣйшій Каллистъ... При немъ впервые у нихъ дерзнули на второе крещеніе“ [1]). Первая изъ этихъ фразъ справедливо вызываетъ недоумѣнія. Вѣдь, требованіе повторнаго крещенія схизматиковъ и еретиковъ есть результатъ извѣстнаго моральнаго ригоризма, повышенной суровости и требовательности въ сферѣ церковной дисциплины. Папа-же Каллистъ (какъ и его предшественникъ Зефиринъ) извѣстенъ, какъ разъ съ обратной стороны: именно, какъ защитникъ снисходительно мягкой тактики въ отношеніи ко всякимъ грѣшникамъ (даже смертно согрѣшившимъ). Недаромъ самъ-же Ипполитъ упрекаетъ его за эту распущенность и даже изображаетъ его какимъ-то чуть-ли не злонамѣреннымъ разрушителемъ церковной дисциплины. Противорѣчіе это устранится, или сгладится только тогда, если мы смыслъ первой, обобщающей фразы, перенесемъ на рядъ другихъ, дисциплинарныхъ новшествъ Каллиста, выше опредѣленно названныхъ Ипполитомъ (напр. введеніе покаянія для смертныхъ грѣховъ, допущеніе въ клиръ дважды и трижды женатыхъ); а не станемъ распространять его и на введеніе повторнаго крещенія, въ чемъ Каллистъ лично самъ нисколько не былъ повиненъ. Но сильное личное раздраженіе Ипполита противъ Каллиста, очевидно, мѣшало ему быть объективнымъ и диктовало вносить въ списокъ папскихъ прегрѣшеній все, что при немъ происходило, хотя-бы и безъ его непосредственнаго въ томъ участія [2]).

Справедливость послѣдняго толкованія подтверждается и болѣе опредѣленнымъ содержаніемъ второй фразы, гдѣ вина Каллиста получаетъ уже ограниченіе и, именно, въ томъ смыслѣ, что „при немъ“ *(ἐπὶ τούτου)* кто-то *(αὐτοῖς?)* впервые дерзнулъ на повторное крещеніе. Первое показаніе—„при немъ“—совершенно ясно: то-есть во время его папскаго правленія (слѣдовательно, между 217—222 г.). А вотъ, кто эти „они“, что дерзнули на такое новшество? это не такъ-то ясно. Однако, напр. Hefele, а вслѣдъ за нимъ и Benson вполнѣ опредѣленно утверждаютъ, что подъ „ними“ надо разумѣть членовъ карѳагенскаго собора Агриппина,

[1]) *S. Hippolytus, Φιλοσοφούμενα* (Refut. Haeres.) IX, 12. *„Ταῦτα μὲν οὖν ὁ θαυμασιώτατος Κάλλιστος συνεστήσατο... Ἐπὶ τούτου πρώτως τετόλμητε δεύτερον βάπτισμα“*. Ed. Duncer und Schneidewin. Göttingen. 1859.

[2]) Такое, именно, толкованіе данному упреку даетъ *Döllinger* „Hippolytus und Kallistus 189—191 s., съ чѣмъ вполнѣ солидаренъ и нашъ проф. *Болотовъ*, II, 373 стр. „Лекціи по исторіи древней церкви“.

впервые рѣшительно утвердившихъ, до тѣхъ поръ еще не устойчивую, практику повторнаго крещенія [1]).

Такимъ образомъ, прямыя и косвенныя свидѣтельства всѣхъ трехъ авторитетнѣйшихъ церковныхъ писателей той эпохи (Кипріана, Тертулліана и Ипполита) приводятъ насъ къ одному и тому-же хронологическому термину для собора Агриппина, именно, къ понтификату папы Каллиста, т. е. къ пятилѣтію между 217—222 годами [2]). Причемъ, не лишена остроумія догадка нѣкоторыхъ (Harnack'a, Monceaux, Benson'a) что, именно, крайне снисходительная дисциплинарная тактика этого, слишкомъ мягкаго папы и вызвала въ карѳагенской церкви, (настроенной нѣсколько монтанистически), своего рода, отпоръ, въ видѣ позднѣйшихъ полемическихъ трактатовъ Тертулліана (De monogamia—противъ увеличенія свободы браковъ и De pudicitia—противъ расширенія рамокъ покаянной дисциплины) и въ формѣ постановленія карѳагенскаго собора Агриппина. Такъ что дата *около 220 года*, съ отклоненіемъ на два, на три года въ ту или другую сторону, считается теперь, можно сказать, общепризнанной въ наукѣ, для перваго собора африканской церкви [3]).

[1]) *Hefele-Leclercq:* „Le Philosophumena racontent en effet que l' usage de rebaptiser (c' est-à-dire de renouveler le baptême de ceux qui avaient été baptisés par les hérétiques) s' introduisit tout d'abord sous l' évêque de Rome Callixte (dans quelques églises en rapport avec lui). On ne peut guère douter que ce passage n'ait en vue l'évêque Agrippinus et son synode de Carthage: car saint Augustin et saint Vincent de Lérins disent expressement, que, Agrippinus fut le premier qui introduisit l'usage de rebaptiser". *Op. cit.* I, 155—156 p, Ср. *Benson* „Cyprian... 336 p. n. 5.

[2]) *I. Langen:* „Kallistus stand der römischen Kirche fünf Jahre lang vor, also etwas von 217 bis 222". Geschichte der römischen Kirche, 245 s. Bonn 1881.

[3]) *Döllinger* I. „Hippolytus und Kallistus"—218—222, *Hefele-Leclercq*—idem, *A. Audolent* „Carthage romaine"—218—223, *Harnack* „Mission [2], II, 240, 218—222, *Bonwetsch, Дюшенъ, Функъ, Болотовъ*—220 г. Однако, противъ указаниой хронологіи выдвигаютъ и два довольно серьезныхъ возраженія, на которыя мы считаемъ не лишнимъ здѣсь отвѣтить. Находятъ, во-первыхъ, все-же непонятнымъ абсолютное молчаніе объ этомъ соборѣ Тертулліана, который въ то время былъ еще живъ и писалъ свои послѣдніе трактаты. Но говорящіе такъ, очевидно, забываютъ, что Тертулліанъ къ этому времени уже порвалъ всѣ связи съ „психиками"; и если интересовался ими, то исключельно только въ цѣляхъ полемики съ ними. Рѣшеніе-же агриппинова собора, говоря принципіально, нисколько не расходилось съ строго-ригористическимъ міровоззрѣніемъ Тертулліана и, въ частности, съ его точкой зрѣнія на крещеніе еретиковъ; а поэтому, оно не давало ему никакой пищи и для полемическихъ выступленій.

Другое возраженіе строится на показаніи „мученическихъ актовъ Перпетуи"—современныхъ Тертулліану и, какъ думаютъ, прошедшихъ даже его редакцію,—что Карѳагеискимъ епископомъ при немъ былъ не Агриппинъ а Оптатъ. Изъ указаниаго затрудненія существуютъ два выхода. Или можно предполагать, что Оптатъ и Агриппинъ были епископами послѣдовательно, одинъ за другимъ: сначала, вѣроятно, Оптатъ, а затѣмъ Агриппинъ. Или-же, какъ остроумно догадывается Leclercq, они могли существовать и одновременно; но только такъ, что Агриппинъ былъ епископомъ въ самомъ городѣ—Карѳагенѣ, а Оптатъ — въ одиомъ изъ его пригородовъ, напр. въ Thuburbo, гдѣ, по словамъ актовъ, проживала и ихъ главная героиня-мученица Перпетуя, чуть не ежедневно наблюдавшая въ своихъ видѣніяхъ распри пресвитера Аспазія съ епископомъ Оптатомъ. „А гораздо больше шансовъ — замѣчаетъ Leclercq—знать, что дѣлается въ своемъ городѣ, нежели въ чужомъ. Сверхъ того соблазнительиая распря клириковъ производила отрицательное вліяніе на оглашенныхъ, оставлявшихъ церковь раньше соединенія съ ней; все это, очевидно, происходило предъ ея глазами, потомучто она жила въ томъ-же самомъ городѣ", (*H. Leclercq* „L. 'Afrique Chrétienne" I, 77. n. Paris, 1904). т. е. именно, въ предмѣстьѣ Карѳагена—г. Тубурбѣ (Маломъ).

Переходя теперь къ вопросу *о составѣ собора* Агриппина, мы должны заявить, что всѣ наши свѣдѣнія объ этомъ ограничиваются лишь однимъ сообщеніемъ Кипріана, что соборъ этотъ составился „изъ соепископовъ провинцій Африканской и Нумидійской", если не считать нѣсколько сомнительной цифры 70 этихъ епископовъ, указываемой бл. Августиномъ. Но при всемъ своемъ лаконизмѣ, замѣтка Кипріана, будучи прокомментирована исторически, даетъ основаніе для нѣкоторыхъ, нелишенныхъ интереса выводовъ. Прежде всего, она подчеркиваетъ особую роль *епископовъ* на этомъ соборѣ. Было-бы, пожалуй, несовсѣмъ осторожно выводить отсюда, что на соборѣ, кромѣ епископовъ, никого еще и не было. Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что на немъ присутствовали, напримѣръ, и „исповѣдники", въ родѣ тѣхъ, которые были на противомонтанистическомъ соборѣ въ Іераполѣ. Косвенно, вліяніе ригористически настроенныхъ исповѣдниковъ сказалось, какъ намъ кажется, и въ суровомъ постановленіи собора—перекрещивать всѣхъ схизматиковъ и еретиковъ. Но во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что епископы занимали на агриппиновомъ соборѣ наиболѣе видное во всѣхъ отношеніяхъ доминирующее положеніе, являлись его главными, дѣйствующими членами. Здѣсь, такимъ образомъ, мы имѣемъ полную аналогію замѣткамъ Евсевія о составѣ пасхальныхъ соборовъ и получаемъ, въ лицѣ Кипріана, втораго достовѣрнаго свидѣтеля о превалирующей роли епископата на соборахъ древнѣйшей церкви.

Весьма важно также, въ интересахъ развитія церковно-областной, митрополичьей системы, освѣтить и вопросъ *объ объемѣ* этого собора. Въ имѣющихся у насъ матеріалахъ онъ исчерпывается лишь краткой замѣткой Кипріана о томъ, что на соборѣ Агриппина присутствовали епископы изъ *„провинціи Африки и*

Нумидіи“ (prouincia Africa et Noumidia). Здѣсь останавливаетъ на себѣ вниманіе то, крайне тѣсное взаимоотношеніе, въ которое поставлены обѣ этихъ провинціи, какъ-бы объединенныхъ въ одну (prouincia, а не prouinciis). По справкѣ съ исторіей оказывается, что такая номенклатура провинцій вполнѣ точно выражала тогдашнее положеніе дѣлъ въ нихъ, именно, дѣйствіе объединяющаго, политическаго фактора и вліяніе дифференцирующаго, этнографическаго. Въ политическомъ отношеніи Africa proconsalaris и Numidia, дѣйствительно, составляли въ то время еще одну римскую провинцію, которая получила оффиціальное дѣленіе на нѣсколько самостоятельныхъ частей лишь позднѣе, при Діоклетіановомъ дѣленіи имперіи [1]).

Такое, безусловно искусственное, политически-централизаторское объединеніе всей Африки не совпадало ни съ прошлой исторіей этой страны, ни тѣмъ болѣе, съ ея наличнымъ этнографическимъ составомъ. Приморское побережье сѣверной Африки издавна покрыто было густой сѣтью колонистовъ,—выходцевъ, первоначально, изъ Финикіи, а позднѣе изъ Греціи и Рима. Оно представляло собой рядъ отдѣльныхъ, самостоятельныхъ городскихъ республикъ, наподобіе вольныхъ городовъ Ганзейскаго союза. А болѣе удаленныя отъ моря части Африки были населены туземнымъ племенемъ берберовъ, приближающимся, по отзыву Моммсена, скорѣе къ индо-европейцамъ (бѣлокуры и голубоглазы). Они съорганизовывались въ отдѣльные, болѣе или менѣе обширныя царства, наибольшую извѣстность, изъ числа которыхъ получило нумидійское царство, въ эпоху Массиниссы и Югурты (современника первыхъ тріумвировъ). Указанная естественно-племенная и историческая разность не могла быть сглажена нивеллирующей политикой Рима и она давала себя чувствовать при всякомъ удобномъ случаѣ. Повидимому, она, именно, отразилась и въ неувѣренно-двойственной номенклатурѣ Кипріана относительно провинціи времени агриппинова собора: съ одной стороны, уступая существующему оффиціально-политическому дѣленію имперіи, Кипріанъ говоритъ объ *одной* провинціи; съ другой стороны, идя,

[1]) „Прежняя Карѳагенская территорія и присоединенная къ ней диктаторомъ Цезаремъ бо́льшая часть прежняго царства нумидійскаго, или, какъ ихъ также называли, старая и новая Африка составляли до конца Тиверіева управленія одну провинцію этого имени (т. е. „Африку“), которая простиралась отъ Кириейской границы до рѣки Ампсаги и заключала въ себѣ теперешнее Туисское государство“... *Ѳ. Моммсенъ* „Римская исторія“. Томъ V. Провинціи отъ временъ Цезаря до временъ Діоклетіана. Переводъ В. Н. Невѣдомскаго. Москва. 1885 г. 615 стр.

очевидно, навстрѣчу требованію историко-этнографическаго фактора, онъ все-же называетъ по имени, *обѣ* главныхъ составныхъ части этой провинціи, т. е. Африку, въ строгомъ смыслѣ—(Africa proconsularis) и Нумидію. Въ послѣдствіи, какъ мы увидимъ, Кипріанъ, уже отъ своего времени, присоединитъ указаніе и еще на одну провинцію—Мавретанію, чѣмъ только сильнѣе подчеркнетъ высокую чуткость церковно-областнаго строя къ голосу жизненныхъ требованій. Церковные округа не только слѣдовали, такъ сказать, по стопамъ политическаго дѣленія и рабски его копировали; но нерѣдко сами шли впереди его и пролагали ему путь, что въ особенности слѣдуетъ замѣтить относительно Африки, гдѣ, по замѣчанію одного изъ видныхъ ея изслѣдователей, „оба дѣленія (т. е. церковное и политическое) не покрывали другъ друга“ [1]).

Нельзя не подчеркнуть, наконецъ, и еще одной весьма важной и характерной черты той эпохи—стремленія мѣстныхъ церквей объединяться въ церковно-правительственные округа, группирующіеся вокругъ политическаго метрополя, бывшаго въ то-же время и церковью-матерью всей Африки (sedes apostolica). Черта эта опять тоже хорошо знакома намъ по исторіи предыдущихъ пасхальныхъ соборовъ, гдѣ мы постоянно наблюдали естественную группировку мѣстныхъ церквей вокругъ своихъ политическо-церковныхъ метрополей, въ зависимости отъ политическихъ и историко-этнографическихъ причинъ. Но по сравненію, напр. съ Ефесскимъ соборомъ Поликрата, гдѣ объединялась вся Asia proconsularis соборъ Агриппина, на которомъ объединялась Africa proconsularis, представлялъ уже и шагъ впередъ, по пути, перехода отъ пленарныхъ соборовъ къ провинціальнымъ; потомучто, въ силу чисто мѣстныхъ условій, Африка была гораздо меньше и сплоченнѣе, чѣмъ Азія и гораздо больше приближалась къ типу однообластного собора, чистая форма котораго начинаетъ здѣсь дѣйствовать черезъ какихъ-нибудь тридцать лѣтъ, въ эпоху Кипріана.

Самый предметъ соборныхъ разсужденій на первомъ карѳагенскомъ соборѣ (вопросъ объ еретическомъ крещеніи) и его постановленіе (не признавать дѣйствительности за такимъ крещеніемъ), въ общемъ, намъ уже извѣстны. Болѣе же подробную рѣчь о нихъ отложимъ до знакомства съ двумя другими соборами по тому-же самому вопросу, къ обзору которыхъ теперь и перейдемъ.

[1]) *Dr. Alexis Schwarze* „Untersuchungen über die äussere Entwicklung der Afrikanischen Kirche mit besonder. Verwerthung der archeolog. Funde“. Göttingen 1892, 18 s.

III.

Соборы въ Иконіи и Синаадѣ.

Съ только что разсмотрѣннымъ нами западнымъ соборомъ Агриппина родственны по предмету и близки по времени два восточныхъ собора, состоявшихся въ малоазійскихъ городахъ—*Иконіи и Синаадѣ*.

Церковно-историческія свѣдѣнія объ этихъ соборахъ почти такъ-же скудны, какъ и о соборѣ Агриппина; но зато и не менѣе авторитетны, такъ какъ идутъ отъ современниковъ данныхъ соборовъ и частію даже отъ ихъ участниковъ. Главнымъ свидѣтелемъ объ обоихъ этихъ соборахъ является Евсевій, или, собственно говоря, Діонисій александрійскій, подлинную выдержку изъ посланія котораго сохранилъ намъ Евсевій. Въ посланіи Діонисія александрійскаго къ римскому пресвитеру Филимону относительно крещенія еретиковъ имѣется, между прочимъ, и слѣдующее драгоцѣнное для насъ свидѣтельство: *„узналъ я также, что не въ одной Африкѣ и не теперь только введено это (перекрещиваніе еретиковъ), но что подобное мнѣніе существовало съ давняго времени у прежнихъ епископовъ, въ церквахъ многолюднѣйшихъ и на соборахъ братій въ Иконіи и Синаадѣ и во многихъ другихъ странахъ“* [1]). Рядомъ съ этимъ должно быть поставлено и другое высоко-авторитетное свидѣтельство, сохранившееся въ корреспонденціи Кипріана,—именно, отвѣтное письмо къ нему Фирмиліана, еп. кесарійскаго, въ которомъ послѣдній, между прочимъ, пишетъ такъ: *„давно уже мы, сошедшись изъ Галатіи, Киликіи и другихъ ближайшихъ областей, на соборѣ въ Иконіи, что во Фригіи, постановили твердо держаться таковаго мнѣнія о еретикахъ (т. е. перекрещивать ихъ) и отстаивать его, когда обнаружится сомнѣніе относительно этого предмета“* [2]). А черезъ нѣсколько страницъ въ томъ-же письмѣ авторъ его дѣлаетъ и такое важное добавленіе: *„возникло здѣсь у нѣкоторыхъ сомнѣніе относительно крещенія тѣхъ, которые хотя признаютъ новыхъ пророковъ, однако знаютъ, повидимому, того-же, что и мы Отца и Сына. Но мы, разсмотрѣвъ этотъ предметъ со всѣмъ тщаніемъ на соборѣ въ Иконіи постановили: вовсе отвергать всякое крещеніе, которое совершается внѣ церкви“* [1]).

Діонисій александрійскій и Фирмиліанъ кесаріе-каппадокійскій—два знаменитыхъ современника еп. Кипріана карѳагенскаго и вмѣстѣ, два наиболѣе вліятельныхъ и авторитетныхъ епископа своего времени. Они жили и дѣйствовали почти въ одни и тѣ-же годы, долгое время занимали важныя каѳедры [2]) и были настоящими, духовно-моральными главами всего христіанскаго востока, въ параллель Кипріану—духовному главѣ и вождю западной церкви. Поэтому авторитетное показаніе такихъ достовѣрнѣйшихъ свидѣтелей для насъ особенно важно и цѣнно [3]). Наиболѣе ясно и твердо оба они устанавливаютъ соборъ въ Иконіи, съ котораго и мы начнемъ свое настоящее обозрѣніе.

Двукратная ссылка Фирмиліана еп. кесарійскаго на постановленіе Иконійскаго собора свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ высоко ставилъ авторитетъ даннаго собора и искалъ въ немъ опоры для борьбы съ папой Стефаномъ. А фраза письма Фирмиліана,—*„но мы, разсмотрѣвъ этотъ предметъ со всѣмъ тщаніемъ на со-*

[1]) *Евсевій* „Церк. исторія“ 404—405 стр. Ср. *Euseb.* „Kirchengeschichte“: *μεμάθηκα καὶ τοῦτο ὅτι μὴ νῦν οἱ ἐν Ἀφρικῇ μόνον τοῦτο παρεισήγαγον, ἀλλὰ καὶ πρὸ πολλοῦ κατὰ τοὺς πρὸ ἡμῶν ἐπισκόπους ἐν ταῖς πολυανθρωποτάταις ἐκκλησίαις καὶ ταῖς συνόδοις τῶν ἀδελφῶν, ἐν Ἰκονίῳ καὶ Συνάδοις καὶ παρὰ πολλοῖς, τοῦτο ἔδοξεν.* II b. II Th. 644 s. Leipz. 1908.

[2]) Творенія св. священномученика Кипріана, ч. I. Письма. 378 стр. Ср. *Editio Hartel:* „Quod totum nos jampridem in Iconio, qui Thrigiae locus est, collecti in unum conuenientibus ex Galatia et Cilicia et ceteris proximis regionibus, confirmauimus, tenendum contra haereticos firmiter et uindicandum, cum a quibusdam de ista re dubitaretur“. Epist. LXXV, 7, 815 p. CSEL.

[1]) *Ibidem*—334 стр. русск. изд. и 823 р. *Hartel'я.*

[2]) Діонисій александрійскій былъ епископомъ съ 247—265 (6 г.), а Фирмиліанъ кесаріе-каппадокійскій—съ 230—264 г. *Bardenhewer* „Op. cit.“ II в. 168 и 269 s.

[3]) Авторитетное письмо Фирмиліана, въ которомъ онъ съ такой эрудиціей и съ такимъ блескомъ обличалъ властолюбіе и надменную гордость папы Стефана (audacia, insolentia, stultitia), разумѣется, сильно не нравится католикамъ и они много разъ дѣлали попытки оспаривать его подлинность (Manutius, Ch. Lupus, R. Missori, Routh, Molkenbuhr, E. Marchetti, M. Shepherd, Tizzani etc. См. у *Bencon'a* 377—379 р.). Наиболѣе серьезная критика подлинности даннаго письма принадлежитъ *Ritschl'ю* „Cyprian von Karthago und die Verfassung der Kirche“ Göttingen. 1885, 126—133 s. Впрочемъ Ritschl самъ заявляетъ, что Echtheit übrigens steht ist allgemein anerkannt: но онъ доказываетъ лишь сильную интерполяцію латинскаго перевода этого письма, переведеннаго съ греческаго оригинала, вѣроятно, еще самимъ Кипріаномъ. Гипотеза „интерполяціи“, предложенная Ritschl'емъ, встрѣтила сильную и солидную научную критику, главнымъ образомъ, со стороны *I. Ernst'a* „Die Echtheit des Briefes Firmilians über den Ketzertaufstreit in neuer Beleuchtung“ (Zetsch, f. Kath. Theol. XVIII, 209—259 s. 1894) и *E. Benson'a* „Cyprian... съ 377—389 р. On the Genuineness of the Epistle of Firmilans, отстаивавшихъ подлинность и неповрежденность письма. Въ настоящее время въ этомъ никто серьезно уже и не сомнѣвается, какъ видно изъ признанія извѣстнаго католическаго патролога *Bardenhewer'a*: „Die früher oft bestrittene Echtheit dieses Briefes ist jetzt allgemein zugestanden“. Geschichte d. alt. Litteratur, II, 270 s. Freib. im Breisgau, 1903.

борѣ въ Иконіи постановили",—повидимому, не оставляетъ сомнѣнія въ его личномъ присутствіи и активной роли на Иконійскомъ соборѣ. А разъ это будетъ принято, то получится надежная дата и для terminus a quo Иконійскаго собора, раньше чего онъ не могъ происходить. Такимъ предѣльнымъ срокомъ явится годъ вступленія Фирмиліана на кесаріе-каппадокійскую каѳедру, который хотя съ абсолютной точностью, и не извѣстенъ, но уже надежно засвидѣтельствованъ Евсевіемъ къ 232 г. (10 году царствованія Александра Севера, правившаго съ 222—235 г.) [1]. На этомъ основаніи, Bardenhewer, напримѣръ, фактъ вступленія Фирмиліана на епископію Кесаріи Капподокійской относитъ ко времени „около 230 года" [2].

Столь-же прочно можетъ быть установленъ и terminus ad quem Иконійскаго собора, дальше котораго мы не имѣемъ права относить его. Это, прежде всего, годъ смерти самого автора письма (264 г.); а затѣмъ и моментъ обостренія крещальныхъ споровъ, вызвавшій столкновеніе Кипріана съ папой Стефаномъ и написаніе письма Фирмиліана (255—256 г.). Такъ что для Иконійскаго собора остается промежутокъ въ 25 лѣтъ (съ 230—255 г.). И даже въ хронологію этого промежутка мы обязаны вдвинуть еще одно, серьезное ограниченіе, на основаніи ясныхъ словъ Фирмиліана, что соборъ былъ „давно" (jam pridem), т. е. задолго до времени написанія имъ этого письма (припомнимъ аналогію съ quando multi anni et longa aetas агриппинова собора). Такъ какъ выше мы приняли, что терминъ „давно" служилъ тогда указаніемъ на промежутокъ приблизительно въ два десятка лѣтъ, а письмо Фирмиліана къ Кипріану написано около 255—256 г., то довольно точную дату для Иконійскаго собора должны будемъ установить какъ-либо около 235-го года, что, дѣйствительно, и признается теперь большинствомъ ученыхъ [3]).

[1]) Греческій подлинникъ Евсевія и латинскій его переводъ Руфиномъ относятъ эту цитату къ началу 27 гл. VI кн. (580-581 s. ed. *Schwartz-Mommsen*); а русскій переводъ къ концу предыдущей VI, XXVI, 363 стр. Смыслъ цитаты тотъ, что къ этому времени (per idem tempus-*Rufin*) т. е. къ 232 г. еп. Фирмиліанъ успѣлъ уже заслужить извѣстность, что заставляетъ предполагать нѣсколько раннѣйшее вступленіе его на капподокійскую каѳедру.

[2]) *O. Bardenhewer* „Gesch. d. altkirchl. Litteratur" II, 269.

[3]) *Hefele,* опираясь на анализъ письма Фирмиліана и параллельныя свидѣтельства Евсевія, а также на ученыя изслѣдованія *Valois* (note sur *Euseb.* Hist. eccl. VII, c. P. G. t. XX col. 650—651) и *Pagi* (Crit. in Annal. Baronii ad. ann. 255, n. 16), а также *Döllinger*'а „Hippolytus und Kallistus 191—192), наиболѣе вѣроятной датой Иконійскаго собора называютъ пятилѣтіе между 230—

По вопросу о составѣ и объемѣ Иконійскаго собора мы располагаемъ цѣнными показаніями обоихъ нашихъ авторитетныхъ свидѣтелей. Діонисій Александрійскій говоритъ о членахъ этого собора (равно какъ и Синаадскаго), называя ихъ „братіями" *(ταῖς συνόδοις τῶν ἀδελφῶν)* и тѣмъ самымъ отступая отъ обычной соборной терминологіи Евсевія *(σύνοδοι τῶν ἐπισκόπων)* и приближаясь къ терминологіи антимонтанистическихъ соборовъ *(σύνοδοι πιστῶν)*. Терминъ „братъ", въ особенности, во множественной формѣ — „братіе" имѣетъ въ христіанско-церковномъ употребленіи хорошо всѣмъ извѣстный, чисто-технической смыслъ—общаго, нарицательнаго обозначенія христіанъ, безъ различія ихъ пола, возраста, званія и положенія въ самой церкви. Однако, едвали бы мы поступили правильно, если-бы такой общій смыслъ усвоили этому термину и въ данномъ случаѣ, т. е. допустили-бы какое-то неопредѣленное и неорганизованное представительство на Иконійскомъ соборѣ всѣхъ „братій", т. е. безразлично всѣхъ

235 г.—„Op. cit." 161 p. Буквально тотъ-же срокъ указываетъ и *Hergenröther-Kirsch* „Handbuch der allgem. Kirchengeschichte" 284 s. *K. v. Schwartz* „Die Entstehung der Synoden in der alten der Kirche" относитъ соборъ къ 235 г. Около 235 г. помѣщаетъ его и авторъ новѣйшей спеціальной монографіи *H. v. Soden* „Der Streit zwischen Rom und Karthago über die Ketzertaufe" Rom 1909, 3 s. Vorbem. 2. *Функъ*—около 230. *Ramsay*—about 232. (The Church in the rom. empire—38 p.).

Болѣе ранніе католическіе авторы (Baronius, Valesius, Hardouin, Mansi) отодвигаютъ Иконійскій соборъ къ эпохѣ Кипріана и помѣщаютъ его въ промежутокъ отъ 255—258 г. Очевидно, ихъ ввело въ заблужденіе письмо Фирмиліана, которое они сочли за постановленіе Иконійскаго собора. Письмо, дѣйствительно, написано какъ-либо около 255—256 года. Но что оно не имѣетъ непосредственной, хронологической связи съ соборомъ въ Иконіи, это съ ясностью слѣдуетъ изъ самаго-же текста письма, въ которомъ говорится, что соборъ былъ „много прежде". Поэтому, всѣ, довольно детальныя свѣдѣнія *Mansi* о „concilium Iconense contra Cataphrygas"—что онъ clebratum anno CCLVIII sub Stephano Papa I, что папа hoc concilium reprobavit, а присутствовавшихъ на немъ episcopos orientales haec constituente excommunicat, что будто-бы отцы Иконійскаго собора посылали къ папѣ Стефану своихъ легатовъ, которыхъ папа не захотѣлъ ни принять, ни выслушать и что только послѣ всего этого Фирмиліанъ писалъ свое оправдательно-защитительное посланіе—повторяемъ, всѣ эти свѣдѣнія должны быть признаны плодомъ досужихъ измышленій католиковъ-ультрамонтанъ, тенденціозно-ложно освѣщающихъ всю исторію вопроса. Нельзя не замѣтить, что ложность своей позиціи чувствовалъ даже и такой ультрамонтанистъ, какъ Mansi, который въ подстрочномъ примѣчаніи пытается даже нѣсколько ослабить впечатлѣніе отъ выдумокъ, помѣщенныхъ въ текстѣ, и, ссылаясь, на Harduin'a готовъ отодвинуть соборъ въ Иконіи и Синаадѣ къ 253 году. Но это, разумѣется, нисколько дѣла не мѣняетъ и свидѣтельствуетъ развѣ только еще и о шаткости католической позиціи. *Mansi* „Op. cit." I, 910—911 p. et Notae.

христіанъ. Поступить такъ не позволяетъ намъ, прежде всего, раннѣйшій контекстъ рѣчи, гдѣ, въ качествѣ хранителей истиннаго мнѣнія, выраженнаго на соборахъ братій въ Иконіи и Синаадѣ, опредѣленно называются „прежніе епископы“ [1]). Отсюда естественно заключать, что если хранителями истины въ „церквахъ многолюднѣйшихъ“ были, главнымъ образомъ, епископы, то они-же, разумѣется, были и первыми выразителями хранимой здѣсь истины на соборахъ въ Иконіи и Синаадѣ.

Такова прямая логическая нить текста. Но она, разумѣется, не даетъ намъ никакого права съуживать дѣйствительное членство названныхъ соборовъ до размѣровъ только одного епископата. Вполнѣ вѣроятно, въ понятіи „братій“, вмѣстѣ съ епископатомъ, мыслилось и организованное представительство вѣрующей массы, быть можетъ, въ лицѣ опять тѣхъ-же епископовъ, которые являлись на соборѣ не только, какъ офиціальные главы своихъ церквей, но и какъ лучшіе, избранные представители (въ силу выборнаго характера древняго епископата) всѣхъ „вѣрующихъ“, или „братій“ [2]). Вообще, нельзя попутно не посѣтовать, что терминологія Евсевія относительно членовъ древне-церковныхъ соборовъ не отличается желательной ясностью, устойчивостью и опредѣленностью: правда, въ преобладающемъ большинствѣ случаевъ онъ упоминаетъ лишь объ однихъ епископахъ; но иногда онъ употребляетъ болѣе широкія и общія обозначенія, какъ, напр. терминъ „вѣрующіе“ (на антимонтанистическихъ соборахъ), или „братіе“ какъ въ данномъ случаѣ [3]). Опредѣленно и безспорно

[1]) *Euseb.* VII, 7, 5, 644: *„ἀλλὰ καὶ πρὸ πολλοῦ κατὰ τοὺς πρὸ ἡμῶν ἐπισκόπους“*... Не лишне отмѣтить, что въ параллельномъ мѣстѣ у *Rufin.* терминъ *τοῖς συνόδοις τῶν ἀδελφῶν* прямо переведенъ concillis episcoporum“ *Ibid.* 645.

[2]) Существуетъ мнѣніе, что въ объемъ употребленнаго здѣсь Діонисіемъ термина „братія“ кромѣ епископовъ слѣдуетъ включить еще и „пресвитеровъ“. Косвеннымъ подтвержденіемъ его служитъ, во-первыхъ, то, что самый фрагментъ, изъ котораго взято это выраженіе, извлеченъ изъ письма епископа Діонисія *къ пресвитеру*—именно, къ римскому пресвитеру Филимону. Коль скоро говорятъ, тогдашніе епископы не чуждались вступать съ посторонними пресвитерами въ письменныя сношенія, то ничто, повидимому, не мѣшало входить имъ и въ личныя отношенія съ ними, и именно, на церковныхъ соборахъ. Во-вторыхъ, находятъ довольно показательной въ томъ-же самомъ фрагментѣ одну фразу, стоящую въ самомъ его началѣ, гдѣ какой-то анонимный пресвитеръ опредѣленно обозначенъ тѣмъ-же терминомъ—„братъ“ *(καί δή τινος ἀδελφοῦ τῶν πρεσβυτέρων*—VII, 7, 2. 642 s.).

[3]) Не лишнимъ считаемъ отмѣтить здѣсь и остроумную догадку *K. v. Schwartz'a*, который подъ „братіями“, упоминаемыми въ письмѣ епископа Діонисія къ пресвитеру Филимону, хочетъ видѣть „братій по службѣ“ (Amtsbrüder), какъ отправителя (d. Absenders), такъ и получателя (d. Empfängers) этого посланія, т. е. „епископовъ и пресвитеровъ“—Die Enstehung der Synoden.... 45 s.

выдвигается Евсевіемъ лишь преобладающее значеніе и руководящая роль епископата. Участіе же остальнаго клира и представительство всей массы „вѣрующихъ братій“ у него, скорѣй, implicite въ той или иной формѣ предполагается (б. м. даже въ формѣ того-же епископата и клира, вообще), чѣмъ ясно и совершенно точно обозначается.

Гораздо бо́льшей опредѣленностью отличается свидѣтельство того-же Фирмиліана кесаріе-каппадокійскаго *объ объемѣ Иконійскаго собора*. Согласно ему, на соборѣ этомъ сошлись члены „изъ Галатіи, Киликіи и другихъ сосѣднихъ областей“. Территорія эта хорошо извѣстна намъ еще изъ книги Дѣяній апостольскихъ, какъ главная арена перваго миссіонерскаго путешествія ап. Павла (Дѣян. XIII—XIV гл.). Она расположена прямо на сѣверъ отъ Антіохіи сирійской, по пути въ Малую Азію, съ небольшимъ уклономъ на западъ. Къ сѣверной Сиріи непосредственно примыкала провинція Киликія, съ главнымъ городомъ Тарсомъ, родиной ап. Павла; дальше, на сѣверо-западъ отъ Киликіи лежала Памфилія, а за ней Писидія, съ метрополемъ—Антіохіей писидійской. На сѣверо-востокъ отъ Киликіи расположена была большая провинція Каппадокія, съ метрополемъ Кесаріей каппадокійской. А между Писидіей и Каппадокіей находились сравнительно небольшія провинціи—Исаврія, ближе къ Писидіи, и Ликаонія, въ сосѣдствѣ съ Каппадокіей. Въ центрѣ этой-то послѣдней провинціи, ближе къ Писидіи и стоялъ городъ Иконія—мѣсто нашего собора. Въ письмѣ Фирмиліана онъ называется *Иконіей, что во Фригіи* [1]). Но Фригія, строго говоря, непосредственно-то съ нимъ не граничила; хотя, дѣйствительно, лежала сравнительно недалеко, примыкая на сѣверо-западъ къ Писидіи. Однако, Фирмиліанъ имѣлъ все-же полное право назвать Иконію *фригійской* потому, что въ болѣе ранній періодъ она была фригійскимъ городомъ и по свидѣтельству такого знатока Малой Азіи, какъ Ramsay, всегда тяготѣла больше къ Фригіи, чѣмъ къ Ликаоніи [2]). Еще дальше на сѣверъ отъ Ликаоніи, Фригіи и Кап-

[1]) *Epist.* LXXV, 7, 812: „in Iconio qui Phrygiae locus est“. *CSEL.*

[2]) *Ramsay* „The Church in the Roman Empire before A. D. 170. London 1893, 37 p.: „Iconium was in early times a city of Phrygia, situated on the eastern frontier, where Phrygia borders on Lycaonia... the Iconians continued to count themselves Phrygians and to distinguisch themselves from their Lycaonian neighbours“... Что-же касается исторіи самаго города Иконіи, то по свидѣтельству того-же *Ramsay'я и Моммсена*, городъ этотъ—сравнительно поздняго происхожденія. Онъ возникъ въ эпоху греческаго владычества и былъ основанъ, въ качествѣ опорнаго пункта для борьбы съ сосѣдними воинственными горцами

падокіи лежала большая провинція Галатія, съ г. Анкирой, ея метрополемъ.

Изъ этой краткой географической справки нетрудно убѣдиться, что указаніе Фирмиліана на Галатію и Киликію далеко не случайно, а отмѣчаетъ сѣверную и южную границы соборной территоріи; а подъ ближайшими „сосѣдними областями", такъ глухо и обще обозначенными у Фирмиліана, слѣдуетъ разумѣть: Каппадокію (епископомъ которой былъ въ то время онъ самъ), Писидію, Памфилію, Тавръ и, быть можетъ, Фригію; такъ что Иконійскій соборъ по объему его территоріи правильнѣе будетъ отнести не къ провинціальнымъ, а къ большимъ пленарнымъ соборамъ, объединявшимъ цѣлую группу сосѣднихъ провинцій. Съ этой стороны, Иконійскій соборъ аналогичнѣе всего, повидимому, большимъ антимонтанистическимъ и пасхальнымъ соборамъ, наподобіе, напр. Іерапольскаго и Ефесскаго [1]).

и для защиты великаго торговаго пути, ведшаго изъ Тарса въ Антіохію писидійскую. Однако до эпохи римскаго владычества Иконія была сравнительно незначительнымъ городкомъ и никакой замѣтной роли не играла. Эту роль она получила уже послѣ того, какъ вошла въ составъ римской имперіи. Императоръ Августъ первый обратилъ на нее вниманіе и использовалъ ее, въ смыслѣ опорной базы своего владычества. Благодаря этому, Иконія съ самаго-же начала новой, христіанской эры стала быстро расти и вскорѣ-же достигла такого значенія и силы, что превратилась какъ-бы въ метрополь всей центральной Малоазіи. См. *Моммсенъ* „Провинціи отъ временъ Цезаря до временъ Діоклетіана", 302 стр. *W. Ramsay* „The Cities and Bischopricks of Frygia" I—II t. Oxford, 1897. и *Его-же* „The Church in the Roman Empire before A. D. 170. 36 p.—44, 423. Ninth Edition. London 1907. На русскомъ языкѣ очень обстоятельныя свѣдѣнія объ Иконіи собраны въ диссертаціи проф. *И. А. Артоболевскаго* „Первое путешествіе св. ап. Павла", въ особ. 264—268 стр. Сергіева лавра 1900.

[1]) Мы должны здѣсь отмѣтить, что представленный нами перечень малоазійскихъ провинцій больше отвѣчаетъ ихъ прежнему, историко-этнографическому разграниченію, чѣмъ совпадетъ съ существовавшимъ въ то время римско-провинціальнымъ дѣленіемъ. Послѣднее имѣло болѣе крупный масштабъ, согласно которому, напримѣръ, цѣлыхъ три изъ числа названныхъ нами областей: Галатія, Ликаонія и Писидія составляли лишь одну провинцію—Галатію; Киликія-же отходила къ провинціи Сиріи. См. таблицу Траянова и Діоклетіанова дѣленія римскихъ провинцій Малой Азіи, въ связи къ религіозно-этнографич. округами, составленную проф. *Гидуляновымъ*, по *Kuhn'y* („Die städtische und Bürgerliche Verfassung d. römischen Reichs bis auf die Zeiten Iustinians" Leipzig 1864) и *Weiss'y* in RE³. 10 Band. art. Klein-Asien, 535 г.) въ его диссертаціи „Митрополиты въ первые три вѣка христіанства" Москва 1905 г. 51—52 ст. Но народно-національное сознаніе обычно слѣдовало не римскому Траянову, а древнѣйшему, историко-этнографическому распредѣленію, къ которому значительно въ послѣдствіи подошло и второе, Діоклетіаново дѣленіе имперіи. Видную роль при этомъ сыграло и то національно-религіозное объединеніе въ *κοινά* которое связано было съ культомъ цезаря, весьма попу-

Къ сказанному объ Иконійскомъ соборѣ намъ остается добавить сравнительно очень немногое и о *Синаадскомъ* соборѣ. Оба этихъ собора, какъ названы вмѣстѣ у Діонисія Александрійскаго, такъ и выступаютъ съ тѣхъ поръ у всѣхъ историковъ неразлучно, наподобіе какихъ-то близнецовъ. Обстоятельство это крайне невыгодно отразилось на исторической судьбѣ Синаадскаго собора, котораго совершенно затѣнилъ, очевидно, болѣе значительный и сильный Иконійскій соборъ. Любопытно, что еп. Фирмиліанъ, дающій наиболѣе подробныя свѣдѣнія о послѣднемъ соборѣ, какъ будто-бы вовсе не знаетъ Синаадскаго собора. Указанное обстоятельство останавливало вниманіе многихъ изслѣдователей (Döllinger'a, Hefele, Benson'a), но ни у одного изъ нихъ не получило достаточно удовлетворительнаго разъясненія [1]).

Слабый историческій отпечатокъ Синаадскаго собора зависѣлъ также и отъ того, что долгое время положеніе самаго города Синаады оставалось неизвѣстнымъ, такъ что существованіе его могло подвергаться даже сомнѣніямъ. Слѣды его были открыты лишь въ 1876 году M. Perrot, который нашелъ его въ верхней части Фригіи. По произведеннымъ здѣсь раскопкамъ и изслѣдованіямъ оказалось, что Синаада былъ важнымъ и значительнымъ городомъ, центромъ мѣстнаго религіознаго *κοίνὸν* и одновременно мѣстопребываніемъ римскаго оффиціальнаго чиновника, наблюдавшаго за добычей здѣсь богатыхъ мраморныхъ залежей (procurator marmorum) [2]). Послѣ

лярнымъ здѣсь, на Востокѣ въ изслѣдуемую нами эпоху второй, римской имперіи. Такимъ образомъ, если изъ краткихъ замѣтокъ объ объемѣ Иконійскаго собора позволительно выводить какое-либо заключеніе о современномъ ему ростѣ церковныхъ провинцій и митрополичьихъ округовъ на Мало-азійскомъ востокѣ; то оно будетъ меньше отвѣчать римско-политическому дѣленію имперіи при Траянѣ, а больше совпадать съ этнографически-религіознымъ и позднѣйшимъ Діоклетіановымъ дѣленіемъ провинцій на болѣе дробные округа. (Ср. проф. *Гидуляновъ* „Цитов. сочиненіе" 31—87 стр.). Впрочемъ, извѣстный знатокъ Мало-азійскаго востока *Ramsay* вноситъ серьезную поправку въ указанное здѣсь политическое дѣленіе имперіи. Онъ говоритъ, именно, что между 140—160 годами была сдѣлана новая перетасовка разсматриваемыхъ нами провинцій: Ликаонія была соединена съ Киликіей и Исаврiей и всѣ эти три провинціи (по греч. *ἔθναρχαι)* управлялись однимъ римскимъ чиновникомъ консульскаго ранга, имѣвшимъ резиденцію въ Иконіи, которая, въ силу этого, и стала одиимъ изъ наиболѣе крупныхъ и видныхъ метрополей востока. „The Church in the roman Empire befor A. D. 170." 425 p.

[1]) *Hefele,* очевидно, слѣдуя *Döllinger'y* ограничивается только одной догадкой, что соборы Синаадскій и Иконійскій происходили одновременно и сдѣлали тождественное постановленіе. Op. cit. I, I, 162 p. Ср. *Döllinger* Op. cit. 191 s. Наше объясненіе этого факта см. нѣсколько дальше, на стр. 281-й.

[2]) Во Фригіи существовали богатыя мраморныя каменоломни, гдѣ добыва-

160 г. должность procurator'a marmorum была повышена рангомъ на степень procurator'a Phrygiae. Dr. Peters' доказываетъ даже, что одно время Синаада играла роль столицы Фригіи, какой она оставалась до 300 г. (вѣроятно, до времени Діоклетіанова дѣленія имперіи), послѣ чего Синаада превратилась въ метрополь уже не всей Фригіи, а только одного ея округа—Salutaris'a [1]). Слѣдовательно, политическое и религіозно-національное значеніе Синаады вполнѣ удовлетворяли тѣмъ условіямъ, какія нужны были для организаціи здѣсь церковнаго собора.

Слабый намекъ на какой-либо изъ двухъ этихъ соборовъ усматриваютъ и въ одномъ изъ сочиненій бл. Августина, именно, въ сочиненіи „противъ Крескента", гдѣ онъ глухо упоминаетъ о какомъ-то восточномъ, противо-донатистскомъ соборѣ, состоявшемъ изъ 50-ти епископовъ [2]). Указаніе это Mansi, Hefele и Benson рѣшительно пріурочиваютъ, именно, къ Синаадскому, или Иконійскому собору. То возраженіе противъ этого свидѣтельства, что цифра въ 50-ть епископовъ слишкомъ велика для столь тѣсной территоріи, какъ Фригія (территорія Синаадскаго собора), ослабляется Benson'омъ чрезъ указаніе на то, что во Фригіи той эпохи всѣ сколько-нибудь значительные мѣстечки и города были одновременно и епископіями; и „система правителя-епископа (of Rector-Bischop), которая представляется какъ-бы нѣсколько новымъ изобрѣтеніемъ, тамъ вполнѣ господствовала" [3]). Поэтому нѣтъ ничего невозможнаго и удивительнаго въ томъ, что безпокойно волнующаяся и въ то-же время весьма религіозно настроенная Фригія могла съорганизовать въ своемъ метрополѣ Синаадѣ соборъ изъ 50-ти только своихъ мѣстныхъ епископовъ.

Хронологія Синаадскаго собора также лишена какой-бы то ни было самостоятельности и у огромнаго большинства историковъ трактуется нераздѣльно съ хронологіей Иконійскаго собора. Такъ Mansi, отводя Синаадскому собору всего лишь нѣсколько строчекъ, съ самаго-же начала заявляетъ: „eodem tempore, quo Iconensa concilium, Synadis in Asia habitum est" [4]). Точно также и Hefele, приведя

лись рѣдкостные монолиты и высѣкались цѣлыя колонны изъ дорогого розоваго мрамора, извѣстныя у Римлянъ подъ названіемъ „синаадскихъ". *Benson* Op. cit. 340. n. 3.

[1]) Свѣдѣнія заимствованы у *Benson*'а Op. cit. 340 p. n. 2.

[2]) *S. Aur. Augustini* „Contra Cresconium", lib. III, 3. 412 p.: „Proinde si omnino iam credendum sit *quinquaginta episcopis orientalium* id esse uisum, quod septuaginta Afris"... CSEL, vol. LII.

[3]) *Benson*—341 p.

[4]) *Mansi* „Op. cit." I, 922. Concilium Synadense habitum circa CCLVIII.

свидѣтельство Діонисія Александрійскаго о соборахъ въ Иконіи и Синаадѣ, продолжаетъ: „изъ этихъ словъ можно заключать, что оба эти собора имѣли мѣсто почти въ одно и то-же время. Другихъ-же указаній по этому предмету мы не имѣемъ"—категорически заканчиваетъ Hefele свою рѣчь о данномъ соборѣ [1]). Одинаковость повода двухъ разсматриваемыхъ восточныхъ соборовъ и тождество вынесеннаго ими рѣшенія, дѣйствительно, располагаютъ къ тому, чтобы считать ихъ синхронистическими, или весьма близкими по времени, т. е. относить и Синаадскій соборъ къ извѣстному уже намъ періоду 230—235 г. Однако, прежде чѣмъ окончательно согласиться съ этимъ, необходимо устранить два законныхъ возраженія, или недоумѣнія. Первое и главное недоумѣніе, это—выше отмѣченное нами молчаніе Фирмиліана кесарійскаго о Синаадскомъ соборѣ. Если оба этихъ собора происходили приблизительно въ одно и то-же время, то почему-же Фирмиліанъ, который дважды и довольно детально говоритъ объ Иконійскомъ соборѣ, ни разу не обмолвится о другомъ, аналогичномъ ему—Синаадскомъ соборѣ? Вопросъ этотъ ставитъ и Benson въ своей извѣстной монографіи о Кипріанѣ и признаетъ его даже „безотвѣтнымъ" (is an unanswerable question) [2]). Мы же думаемъ, что нѣкоторый отвѣтъ на него все-же возможенъ. Фирмилліанъ говоритъ въ своемъ письмѣ лишь о томъ соборѣ, который былъ больше и важнѣе, а главное—на которомъ онъ присутствовалъ лично, какъ это ясно изъ анализа письма („мы, сошедшись... постановили"). На Синаадскомъ-же соборѣ, какъ болѣе удаленномъ отъ Каппадокіи, Фирмиліанъ, очевидно, не былъ; а по слухамъ говоритъ о немъ не хотѣлъ, да пожалуй и не имѣлъ особенной нужды, такъ какъ тождественное постановленіе Синаадскаго собора вполнѣ покрывалось рѣшеніемъ бо́льшаго и авторитетнѣйшаго Иконійскаго собора.

Другимъ возраженіемъ является вполнѣ естественное недоумѣніе—удобно-ли и логично-ли допускать одновременное существованіе двухъ, территоріально-близкихъ другъ къ другу соборовъ? Не нужно-ли или объединить ихъ въ какомъ-либо одномъ пунктѣ, напр. въ Иконіи, или, еще лучше, хронологически раздѣлить болѣе значительнымъ промежуткомъ, не менѣе, напр. десятилѣтія? Отвѣтъ на это отчасти данъ нами уже выше,—именно, въ

[1]) *Hefele-Leclercq* „Op. cit." I, 162 p.: „On peut conclure des paroles (Dion. Al.) que les deux assamblées eurent lieu à peu près en même temps. Nous n'avons pas d'autres renseignements à ce sujet".

[2]) *Benson*—„Op. cit." 340 p. not. 2.

указаніи на количественный составъ и объемъ Иконійскаго собора, обусловившій и его соотвѣтствующее качественное значеніе. Иконійскій соборъ, какъ мы видѣли, объединялъ въ себѣ представительство церквей многихъ сосѣднихъ провинцій: онъ былъ пленарнымъ и потому высоко-авторитетнымъ. О соборѣ-же въ Синаадѣ мы не можемъ сказать ничего подобнаго: мы ни откуда не имѣемъ извѣстій, чтобы на немъ присутствовали представители какихъ-либо другихъ провинцій, и потому, должны ограничить его объемъ лишь предѣлами одной мѣстной, Фригійской церкви. Естественно, поэтому, что и авторитетъ его, какъ частнаго собора одной провинціи долженъ былъ сильно уступать авторитету общаго собора нѣсколькихъ провинцій. А отсюда, эти соборы, какъ различные по объему и достоинству, нисколько не исключали одинъ другаго: они могли и существовать совмѣстно, и слѣдовать непосредственно.

Лично намъ наиболѣе пріемлемой кажется такая разстановка этихъ соборовъ. Сначала происходилъ частный соборъ въ Синаадѣ, на которомъ была представлена только одна мѣстная, Фригійская церковь; или, выражаясь точнѣе, въ Синаду, какъ метрополь провинціи Фригіи, сходились представители всѣхъ ея отдѣльныхъ церквей, или мѣстныхъ церковныхъ общинъ. Соборъ этотъ вынесъ извѣстное рѣшеніе, которое, однако, далеко не всѣхъ удовлетворило. Тогда, подъ живымъ впечатлѣніемъ перваго собора, вскорѣ-же съорганизовался въ Иконіи и другой, уже болѣе многочисленный, на которомъ объединились представители многихъ заинтересованныхъ въ данномъ вопросѣ церковныхъ областей; и они, *„разсмотрѣвъ этотъ (спорный) предметъ со всѣмъ тщаніемъ“*, снова вынесли рѣшеніе, тождественное съ рѣшеніемъ Синаадскаго собора и постановили теперь его „отстаивать“ отъ всякихъ дальнѣйшихъ перетолкованій и споровъ. Подчеркнутыя нами выраженія изъ письма Фирмиліана невольно наводятъ на мысль, что Иконійскій соборъ былъ какъ бы своего рода аппелляціонной инстанціей, гдѣ спорный предметъ разсматривался съ особой, сугубой тщательностью, а рѣшеніе нуждалось въ усиленномъ поддержаніи и охраненіи его авторитета. А все это могло быть только при томъ условіи, что Синаадскій соборъ былъ мѣстнымъ и происходилъ раньше, а Иконійскій—былъ общимъ и слѣдовалъ нѣсколько позже [1]).

[1]) Съ своей указанной точки зрѣнія, мы вполнѣ понимаемъ и одобряемъ попытку *Döllinger*'а (191—192 s.) раздѣлить Синаадскій и Иконійскій соборы нѣкоторымъ проможуткомъ. Онъ находитъ, что соборъ въ Синаадѣ происходилъ одновременно съ соборомъ Агриппина въ Карѳагенѣ, т. е. между 218—222 г.;

Въ дополненіе къ своимъ розысканіямъ о соборахъ въ Иконіи и Синаадѣ приведемъ еще двѣ, не лишенныхъ интереса справки, проливающія нѣкоторый свѣтъ на предсѣдателей этихъ соборовъ и на источникъ принятаго ими рѣшенія. Первая справка—это выдержка изъ письма еп. Александра іерусалимскаго къ еп. Димитрію александрійскому такого содержанія: „святые епископы, какъ скоро находили людей, способныхъ приносить братіямъ пользу, то приглашали ихъ проповѣдывать народу. Такъ поступали блаженные братья въ Ларандѣ—Неонъ съ Евелпидомъ, въ *Иконіи—Цельсъ* съ Павлиномъ, въ *Синаадѣ—Аттикъ* съ Ѳедоромъ“ [1]). Оправдываясь отъ обвиненія, возведеннаго на него еп. Димитріемъ александрійскимъ, въ томъ, что онъ позволяетъ учить у себя въ церкви простому мірянину, (какимъ былъ въ то время Оригенъ), Александръ іерусалимскій ссылается на подобные-же примѣры другихъ своихъ коллегъ, въ числѣ которыхъ опредѣленно называетъ, между прочимъ, Иконійскаго еп. Цельса и Синаадскаго—Аттика. А такъ какъ и оба корреспондента и самый фактъ этой переписки относятся приблизительно къ тѣмъ-же годамъ (или, вѣрнѣе, немногимъ раньше), въ которые происходили и разсматриваемые восточные соборы; то съ полнымъ основаніемъ можно полагать, что Иконійскій и Синаадскій соборы происходили, именно, при названныхъ епископахъ, которые, вѣроятнѣе всего, на нихъ и предсѣдательствовали, (согласно общему обычаю древней церкви вручать предсѣдательство на соборѣ епископу того города, въ которомъ этотъ соборъ происходилъ).

Вторая наша справка касается самаго постановленія этихъ двухъ соборовъ, именно, той нѣкоторой связи, какая, повидимому, замѣчается между нимъ и двумя канонами апостольскихъ пра-

соборъ-же Иконійскій относитъ къ 30-мъ годамъ. Однако никакихъ серьезныхъ основаній для подобной хронологіи Döllinger не приводитъ, почему, напр. Leclercq и не находитъ нужнымъ считаться съ его мнѣніемъ. Намъ лично, по соображенію со всѣми обстоятельствами дѣла, наиболѣе цѣлесообразнымъ кажется Синаадскій соборъ помѣстить около 230 г., а Иконійскій—отнести къ 235 году. Попутно отмѣтимъ здѣсь, что къ тому-же 235 году (circiter 235) относитъ этотъ соборъ и авторъ извѣстнаго галликанскаго сборника соборовъ *J. Hardouinus*, показанія котораго вообще, выгодно отличаются отъ некритичнаго ультрамонтаниста Mansi.

[1]) *Euseb.* VI, 19, 18, 564 s. Въ особенности выразительно это звучитъ въ изложеніи *Rufini:* „cum *consuetudo* haec sit, ut, sicuti inveniatur, qui possint fratres instruere in ecclesia et consolari populum, ad tractandum semper a sanctis episcopis invitentur, sicut Euelpius a fratre nostro Neone apud Larandos et Paulinus a Celso apud Iconium et apud Synnada Theodorus ab Attico“. *Ibid.* 565 s. Нельзя-ли даже находить здѣсь опору и для догадки, что эти „нѣкоторые про-

вилъ, трактующихъ объ еретическомъ крещеніи (46 и 47 прав.) [1]). Аналогія эта останавливала на себѣ вниманіе цѣлаго ряда ученыхъ (Drey, Pearson, Döllinger, Bunsen, Benson etc.), которые и предложили въ объясненіе нея нѣсколько догадокъ. Личпо намъ наиболѣе убѣдительнымъ кажется разъясненіе Benson'a, который, во-первыхъ, обращаетъ вниманіе на разность редакціи двухъ вышеуказанныхъ апостольскихъ правилъ (46-ое редактировано въ духѣ восточно-карѳагенскихъ взглядовъ, а 47-ое, скорѣе—въ духѣ римской практики); а во-вторыхъ—допускаетъ возможность и того, что, традиціонная основа одного изъ этихъ двухъ правилъ могла послужить „дѣйствительной подкладкой“ (the actual utterance) канона Иконійскаго собора, (а также, разумѣется, и Синаадскаго) [2]). Объективными доводами въ пользу приведеннаго мнѣнія можетъ служить, несомнѣнно, апостольское сравненіе, заключающееся въ 46 правилѣ (ср. II Кор. VI, 15) а также отрицательное отношеніе къ крещенію еретиковъ такого просвѣщеннаго и гуманнаго отца церкви, какъ Климентъ александрійскій (конца 2-го и начала 3-го в.) [3]).

Чтобы лучше уяснить себѣ происхожденіе и взаимоотношеніе всѣхъ трехъ только что разсмотрѣнныхъ нами соборовъ по вопросу о крещеніи (Карѳагенскаго, Иконійскаго и Синаадскаго), необходимо сказать нѣсколько словъ и о самомъ предметѣ спора, вызвавшемъ всѣ эти соборы. Зачѣмъ вопросъ о перекрещиваніи былъ поднятъ древней церковью, и почему онъ обострился, именно, въ данное время и въ названныхъ пунктахъ (Африка, Фригія)? Отвѣтъ на это дается общимъ ходомъ развитія ересей и расколовъ въ древней церкви и усиленной вспышкой ихъ въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ пунктахъ.

„Вопросъ о крещеніи еретиковъ—какъ вполнѣ правильно замѣчаетъ проф. Болотовъ—связанъ съ исторіей слова „ересь“. Это слово въ древнѣйшій періодъ церковной исторіи прилагалось собственно къ гностикамъ, потомучто другихъ еретиковъ въ то время въ наличности не было. А содержаніе гностицизма таково, что

свѣщенные и полезные братіи міряне“ получали приглашеніе также и на церковные соборы, какъ напр. получилъ его Оригенъ?

[1]) См. текстъ этихъ правилъ съ обстоятельнымъ историко-каноническимъ комментаріемъ къ нимъ въ новомъ изданіи *еп. Никодима* (Милаша) „Правила православной церкви съ толкованіями“, I, 116—121 стр. СПБ. 1911.

[2]) *Benson*—„Op. cit. 341 p.

[3]) *Clemen Alex.* „*τὸ βάπτισμα τὸ αἱρετικὸν οὐκ οἰκεῖον καὶ γνήσιον ὕδωρ λογιζομένη*“. *Stromat.* I, I, 19. Ср. „Постановленія Апостольскія“ VI кн. 15 гл. 185—186 стр. Казань 1864.

съ полнымъ правомъ можно поставить вопросъ о томъ, считать-ли гностиковъ христіанской сектой или языческой“ [1])? И больше, конечно, основаній было даже за то, чтобы приравнивать гностиковъ, искажавшихъ самыя основы христіанства, къ язычникамъ, и на этомъ основаніи принимать ихъ, въ случаѣ ихъ обращенія въ христіанство, черезъ крещеніе, невзирая на то, были или нѣтъ крещены они у себя раньше. Такимъ путемъ естественно возникла въ древней церкви практика перекрещиванія еретиковъ. Раньше появилась и прочнѣе привилась она, разумѣется, тамъ, гдѣ еретиковъ было больше и гдѣ опасность отъ нихъ для истинной Христовой церкви чувствовалась сильнѣе. А такими странами были Сирія и Мало-азійскій востокъ, гдѣ древность повторнаго крещенія еретиковъ засвидѣтельствована, какъ мы только что видѣли, „Апостольскими правилами“ (46—47) и „Постановленіями апостольскими“ (VI, 15)—двумя авторитетными памятниками древней церкви, первоосновы которыхъ, по всей вѣроятности, носитъ на себѣ слѣды дѣйствительной апостольской традиціи и приблизительно около этого времени успѣла уже получить свою первую, письменную формулировку [2]).

Не вполнѣ еще закончилась борьба церкви съ первымъ врагомъ—гностицизмомъ, какъ на церковномъ горизонтѣ появился и новый врагъ, въ формѣ монтанизма. Мы имѣли уже случай показать, что этотъ новый врагъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, былъ даже опаснѣе перваго, потомучто онъ не только не отталкивалъ грубостью своего искаженія догматики христіанства и излишней широтой въ практикѣ его морали, какъ гностицизмъ; но наоборотъ, привлекалъ къ себѣ особымъ, визіонерно-пневматическимъ углубленіемъ въ ученіе христіанства и ригористически-суровымъ исполненіемъ его морали. Монтанистической прелести, какъ мы, знаемъ подпали многіе видные и искренніе ревнители христіанства (въ родѣ Галльскихъ исповѣдниковъ и Тертулліана), пользовавшіеся высокимъ уваженіемъ и въ самой великой, православной церкви. Въ послѣдствіи, когда въ концѣ 2-го в. монтанизмъ былъ разоблаченъ и осужденъ церковью, возникла, надо полагать, довольно сильная обратная тяга многихъ, случайныхъ монтанистовъ въ нѣдра каѳолической церкви. Вотъ тутъ-то передъ церковной властью и всталъ во всей своей остротѣ вопросъ, какъ быть съ этими возвращающимися, заблудшими сынами церкви: трактовать-ли ихъ, какъ еретиковъ (т. е. по подо-

[1]) *Проф. В. В. Болотовъ* „Лекціи...“ II, 383 стр.

[2]) См. объ этомъ выше, на страницахъ 18—22 настоящаго изслѣдованія.

бію гностиковъ) и потому перекрещивать? Или-же относиться къ нимъ снисходительнѣе, какъ къ своимъ-же, лишь временно заблудшимъ чадамъ, и потому довольствоваться только возложеніемъ на нихъ рукъ (таинство мvропомазанія), не повторяя самаго крещенія, которое раньше и вполнѣ правильно было преподано имъ въ бытность ихъ сынами православной церкви? Церковная практика въ этомъ послѣднемъ случаѣ была неодинакова: одни епископы снисходили къ заблужденіямъ монтанистовъ и, въ случаѣ искренняго раскаянія, не перекрещивали ихъ. Другіе же, желая, очевидно, пресѣчь соблазнъ, взглянули на дѣло строже и поставили монтанистовъ на одну доску съ рашнѣйшими еретиками-гностиками, распространивъ и на нихъ древне-церковный обычай перекрещиванія еретиковъ. Послѣднее мнѣніе видимо стало получать перевѣсъ послѣ того, какъ опасность монтанизма выяснилась въ концѣ второго вѣка очевиднѣе и соборно-церковная борьба съ нимъ стала энергичнѣе. Но, несомнѣнно, и другая, болѣе снисходительная практика, такъ-же продолжала находить себѣ защитниковъ, что вело къ нежелательнымъ церковнымъ спорамъ и раздорамъ. Для уничтоженія ихъ и для приведенія церковной практики къ бо́льшему однообразію и потребовались особые церковные соборы, спеціально занявшіеся вопросомъ о перекрещиваніи еретиковъ, въ связи съ монтанистическимъ движеніемъ [1]).

А что указанная связь, дѣйствительно, существовала, это неопровержимо доказывается, прежде всего, самымъ содержаніемъ письма Фирмиліана, гдѣ онъ опредѣленно называетъ Монтана и Приску, неоднократно говоритъ о „новыхъ пророкахъ“ и ихъ „лживыхъ пророчествахъ“ и приводитъ даже характерный примѣръ разоблаченія монтанистической пророчицы однимъ каппадокійскимъ экзорцистомъ. На письмѣ Фирмиліана отразилось даже и то смущеніе или затрудненіе, какое въ умахъ многихъ производилъ монтанизмъ своей сравнительной близостью къ христіанству: „возникло здѣсь у нѣкоторыхъ сомнѣніе относительно крещенія тѣхъ, которые, хотя признаютъ новыхъ пророковъ, однако знаютъ, повидимому, того-же, какъ и мы Отца и Сына“ [2])... Поэтому, до извѣстной степени, правъ, напр. Mansi, который Иконійскій соборъ называетъ „антимонтанистическимъ“ [3]).

[1]) Несомнѣнно, именно, въ этомъ смыслѣ проф. *Болотовъ* выражается о монтанизмѣ, что его „появленіе составляетъ эпоху въ исторіи вопроса о крещеніи еретиковъ. „Лекціи“ II, 374 стр.

[2]) „Творенія св. Кипріана“. Ч. I. Письмо Фирмиліана съ 374—388 стр.

[3]) *Mansi*—„Op. cit.“ I, 910 p. Concilium Iconiense *contra Cataphrygas*. Съ нимъ

Не менѣе краснорѣчиво на такую генетическую связь споровъ о перекрещиваніи съ усиленіемъ церковной борьбы противъ монтанизма указываетъ и тотъ удивительный параллелизмъ, въ смыслѣ мѣста и времени, который здѣсь наблюдается. Первоначальной родиной монтанизма, какъ извѣстно, была Фригія, откуда онъ распространился, главнымъ образомъ, во внутреннихъ областяхъ Малой Азіи, населенныхъ менѣе культурными элементами, легче поддающимися вліянію экстатическихъ пророковъ и пророчицъ монтанизма. Второй родиной монтанизма, гдѣ онъ значительно видоизмѣнился, окрѣпъ и акклиматизировался на христіанской почвѣ, была Африка, съ крупнѣйшимъ идеологомъ и апологетомъ монтанизма—Тертулліаномъ во главѣ. Какъ разъ въ этихъ, именно, пунктахъ обостряется и споръ о перекрещиваніи, вызвавшій соотвѣтствующіе соборы. Соборы эти, надо полагать, начались съ Африки—Карѳагенскимъ соборомъ Агриппина (ок. 220 г.),—и понятно почему: вѣдь, Африка съ начала III в., т. е. со времени уклоненія въ монтанизмъ Тертулліана (ок. 208—210 г.), становится во главѣ всего монтанистическаго движенія. Естественно, что и церковная борьба съ осужденнымъ монтанизмомъ, энергичнѣе и раньше всего должна была обнаружиться именно, въ томъ-же самомъ Карѳагенѣ, гдѣ дѣйствовалъ и главный вдохновитель и идеологъ преображеннаго монтанизма—Тертулліанъ. Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что и по времени эта новая церковная борьба съ „тертулліанизмомъ“ [1]) (какъ иногда называется новая, африканская фаза монтанизма) не должна была далеко отстоять отъ эпохи Тертулліана, и вѣроятнѣе всего приходилась или на конецъ его жизни, или на первые годы послѣ его смерти (220—223 г.).

Столь-же естественна и понятна церковная борьба съ монтанистами путемъ перекрещиванія ихъ и на мѣстѣ первоначальной родины монтанизма—въ самой Фригіи. Возможно, что внѣшнимъ толчкомъ къ ея усиленію послужилъ и дошедшій сюда слухъ о Карѳагенскомъ соборѣ Агриппина [2]). Результатомъ всего этого

вполнѣ солидаренъ и Migne, который, характеризуя Иконійскій соборъ, между прочимъ говоритъ: „Ce concil eut pour objet le baptême des heretiques, *et particulièrement celui des montanistes ou cataphryges*“ (курсивъ нашъ). „Dictionnaire des conciles“, t. I, 984, 1846 an. Точнѣе и правильнѣе было-бы сказать, что соборы эти боролись не съ самимъ монтанизмомъ, а съ его послѣдствіями.

[1]) „Тертулліанъ сталъ въ своей сектѣ вождемъ: въ Африкѣ монтанизмъ сталъ называться „тертулліанизмомъ“, *Дюшенъ* „Исторія древней церкви“ I, 266 стр.

[2]) О связи Агриппинова собора съ восточными говоритъ и авторъ одной спеціальной статьи *A. D'Ales* „La question baptismale au temps de S. Cyprien“ Revue des questions historiques 41 t. 354 p., 1907. Срав. также *Hans von Soden*

явился Фригійскій соборъ въ Синаадѣ. А неудовлетворенность многихъ, сочувствующихъ монтанизму, лицъ мало-авторитетнымъ постановленіемъ частнаго, Фригійскаго собора (въ Синаадѣ) привела, какъ мы старались это показать выше, къ созыву новаго, уже болѣе обширнаго и авторитетнаго собора въ Иконіи, гдѣ объединились представители чуть-ли не всѣхъ Мало-азійскихъ провинцій, пораженныхъ монтанизмомъ. Такимъ образомъ, споры и соборы о крещеніи еретиковъ, какъ-бы шли по слѣдамъ монтанизма, что даетъ важное новое подтвержденіе справедливости нашихъ предыдущихъ разсужденій о происхожденіи и хронологіи всѣхъ трехъ первыхъ соборовъ о перекрещиваніи. Съ подобной аналогіей встрѣтимся мы и еще разъ, при обзорѣ вторичной фазы крещальныхъ споровъ, связанной съ родственной монтанизму—новаціанской схизмой.

IV.

Александрійскіе соборы противъ Оригена (около 230—231 г.).

Въ число малоизвѣстныхъ соборовъ первой половины третьяго вѣка входитъ и цѣлая группа такихъ, на которыхъ въ той или иной роли (пассивной или активной) выступаетъ самый крупный, самый оригинальный и наиболѣе плодовитый писатель-богословъ древнѣйшей церкви, представляющій изъ себя къ тому-же и далеко не заурядnаго церковно-практическаго ея дѣятеля [1]). То былъ знаменитый Оригенъ (185—254 г.), съ личностью котораго, насколько намъ извѣстно, связано не менѣе четырехъ соборовъ, причемъ на первой половинѣ ихъ (два Александрійскихъ собора) онъ является подсудимымъ; а на второй (Бострійскій и Аравійскій соборы) самъ выступаетъ въ роли, если не прямо судьи, то главнаго обличителя и вразумителя заблуждающихся. Такое видное участіе въ названныхъ соборахъ крупной церковно-исторической фигуры Оригена, да къ тому-же въ столь противоположныхъ роляхъ, уже само по себѣ способно остановить на себѣ пристальное

„Der Streit zwischen Rom und Karthago über die Ketzertaufe“ 3 s. et notae 1—2. Rom, 1909.

[1]) Извѣстный современный католическій патрологъ О. Bardenhewer нисколько не колеблясь признаетъ Оригена величайшимъ ученымъ древней церкви эпохи первыхъ трехъ вѣковъ: „Origenes ohne Zweifel *der grösste Gelehrte war, welchen die Kirche in den drei ersten Jahrhunderten besessen hat*“. (курс. автора): „Geschichte d. altkirchlichen Litteratur“, II, 72. Еще восторженнѣе отзывается объ Оригенѣ болѣе ранній католическій-же церковный историкъ — не безъизвѣстный *Tillemont* „Op. cit.“ III, 494 p.

вниманіе историка древнихъ соборовъ. А тѣ побочныя детали, которыми были обставлены нѣкоторые изъ этихъ соборовъ (въ особенности, два александрійскихъ), еще больше повышаютъ нашъ интересъ къ нимъ.

Наиболѣе важными и во всѣхъ отношеніяхъ интересными являются два александрійскихъ собора, составленныхъ противъ Оригена мѣстнымъ епископомъ Димитріемъ (около 230—231 г.). Чтобы правильно и полно воспроизвести самый духъ и характеръ этихъ соборовъ, уяснить ихъ, такъ сказать, специфическую атмосферу, мы необходимо должны предпослать имъ хотя-бы самый сжатый историческій экскурсъ о выдающейся работѣ и славѣ Оригена, и его положеніи, какъ въ своей александрійской церкви, такъ и въ другихъ, тогдашнихъ церквахъ (преимущественно, восточныхъ).

Передъ колоссальной личностью „Адамантоваго“ (второе имя или, вѣрнѣе, прозваніе Оригена,—Евсев. VI, XIV и бл. Іеронимъ—„о знаменит. мужахъ“ LIV,—данное ему за его несокрушимую энергію, проявленную и въ словѣ и въ дѣлѣ) [1]) положительно благоговѣетъ самъ отецъ церковной исторіи—Евсевій кесарійскій, который ни о комъ такъ много и съ такимъ, прямо любовнымъ восхищеніемъ, не пишетъ, какъ объ Оригенѣ. Ему онъ отводитъ чуть не всю шестую книгу своей исторіи и посвящаетъ даже спеціальную „апологію“, состоявшую не менѣе, какъ изъ шести главъ [2]) и написанную имъ совмѣстно съ своимъ учителемъ и другомъ—Памфиломъ кесарійскимъ [3]), но, къ сожалѣнію, до насъ не дошедшую. И Евсевій, дѣйствительно, могъ хорошо и близко знать Оригена (разумѣется, литературно), такъ какъ къ нему, по преемству, перешла вся обширная личная библіотека Оригена, проживавшаго во вторую половину жизни, именно, здѣсь, въ Кесаріи, у своего покровителя и друга — мѣстнаго епископа Θеоктиста, гдѣ нѣсколькими годами позже Оригена дѣйствовалъ его горячій почитатель и коллекціонеръ его сочиненій пресвитеръ Памфилъ, главный организаторъ знаменитой кесарійской библіотеки [4]). Да кромѣ того, Евсевій располагалъ и чуть-ли не всей обширной перепиской Оригена, (сохра-

[1]) *Westcott, B. F.*: „*Adamantius* has commonly been regarded as epithet describing Origen's unconquerable endurance, or for the invincible force of his arguments“ in *Wace-Piersy* „A Dictionary of christian biography“... 770 p. London, 1911.

[2]) *Euseb.*, VI, 36, 4, 592: „ἔχεις καὶ τούτων τὰς ἀποδείξεις ἐν ἕκτῳ τῆς γραφῆσης ἡμῖν περὶ τοῦ ἀνδρὸς ἀπολογίας“. *Евсев.* VI, XXXVI, 372 стр.

[3]) *Ibidem*, VI, 33, 4, 588: „ταῦτα καὶ ἐκ τῆς ὑπὲρ αὐτοῦ πεπονημένης ἡμῖν τε καὶ τῷ καθ' ἡμᾶς ἱερῷ μαρτύρι Παμφίλλῳ ἀπολογίας“... *Евсев.* VI, XXXIII, 370 стр.

[4]) *Бл. Іеронимъ*, 33-ье письмо къ Марцеллѣ. О нѣсколькихъ мѣстахъ 126 псалма. Ч. I, изд. 2-ое, стр. 175-ая. Кіевъ 1893 г.

нявшейся, надо думать, нетолько въ оригиналахъ, но и въ копіяхъ), а также личными воспоминаніями и разсказами еще остававшихся въ живыхъ къ этому времени непосредственныхъ александрійскихъ и кесарійскихъ учениковъ Оригена [1]). Наконецъ, Евсевій широко пользовался также и элійской библіотекой еп. Александра—самаго главнаго друга, товарища и покровителя Оригена [2]).

По признанію Евсевія, „жизнь Оригена достопримѣчательна, такъ сказать, съ самыхъ пеленъ“ [3]). Рожденный въ семьѣ благочестиваго христіанскаго ритора Леонида, принявшаго мученическій вѣнецъ въ гоненіе Септимія Севера (202 г.), Оригенъ съ самаго дѣтства былъ воспитанъ въ твердыхъ навыкахъ христіанства, и очень рано уже основательно ознакомился съ его сущностью, сначала, вѣроятно, беря уроки непосредственно у отца, а затѣмъ, продолжая ихъ у знаменитаго основателя александрійскаго огласительнаго училища—Пантена и его славнаго ученика—Климента александрійскаго. Въ годъ мученической кончины отца, Оригенъ, „не имѣя еще и полныхъ семнадцати лѣтъ“, горѣлъ однако-же жаждой мученичества; и если-бы не слезы и просьбы матери, удерживавшей его отъ излишней ревности и лишившей его на время возможности выходить изъ дому (припрятала его одежду—*Евс.* VI, II гл. 321 стр.), то вѣроятно и онъ добровольно раздѣлилъ-бы участь отца, котораго онъ и изъ своего домашняго плѣна продолжалъ поддерживать и ободрять своими мужественными письмами. Послѣ мученической смерти отца, соединенной по законамъ того времени съ конфискаціей всего имущества казеннаго, юный Оригенъ остался единственнымъ кормильцемъ многочисленной семьи (шестеро младшихъ братьевъ Евсев. 323 стр.) и добывалъ средства къ пропитанію профессіей своего отца, т. е. уроками. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ продолжалъ и свое самообразованіе, къ чему получилъ вскорѣ широкую возможность, благодаря щедрому меценатству одной богатой женщины, въ домѣ которой проживалъ также и какой-то еретикъ—антіохіецъ Павелъ; но съ нимъ Оригенъ гнушался всякаго общенія, потомучто, какъ замѣчаетъ Евсевій „еще съ дѣтства хранилъ правило церкви“ [5]). Широкая образованность, краснорѣчіе

[1]) *Euseb.* VI, 2, 1, 518 s. *Евсев.* VI, II, 321 стр.

[2]) *Ibid.* VI, 20, 1, 566 s. *Евсев.* VI, XX, 355 стр.

[3]) *Ibid.* VI, 2, 2, 518: „*Ὠριγένους καὶ τὰ ἐξ αὐτῶν ὡς εἰπεῖν σπαργάνων ἀξιομνημόνευτά μοι εἶναι δοκεῖ*“. *Евсев.* VI, II, 321 стр.

[4]) *Ibid.* VI, 2, 12, 522. *Евсев.* VI, II, 323.

[5]) *Ibid.* VI, 2, 14, 522: „*φυλάττων ἐξ ἔτι παιδὸς κανόνα ἐκκλησίας*“... *Евсев.* VI, II, 324 стр.

и твердость въ вѣрѣ юнаго Оригена, скоро дѣлаютъ его имя извѣстнымъ мѣстному епископу Димитрію (современнику пасхальныхъ соборовъ, занявшему каѳедру около 189 года), который не задумывается поручить юному Оригену разоренную и опустошенную гоненіемъ, александрійскую катехизаторскую школу. Въ то время Оригену было только 18 лѣтъ; но это не помѣшало ему „пріобрѣсть славное имя у всѣхъ вѣрующихъ за ту пріязнь и любовь, какую онъ оказывалъ всѣмъ знакомымъ и незнакомымъ ему мученикамъ“, [1]) по случаю новой вспышки Северова гоненія.

Но вотъ, гоненія въ Александрійской церкви прекращаются и высокая религіозная настроенность Оригена, раньше побуждавшая его стремиться къ исповѣдничеству, теперь ищетъ себѣ выхода въ новомъ увлеченіи—строгимъ аскетизмомъ. „Движимый ревностію, превышающей его возрастъ, онъ переноситъ голодъ и наготу“, раздаетъ все свое имѣніе, неисключая и цѣнныхъ древнихъ сочиненій, многіе годы ходитъ босой и довольствуется самой грубой и скудной пищей, чѣмъ „чрезвычайно изумлялъ окружавшихъ себя“ и „наконецъ крайне разстроилъ свою грудь“ [2]). Въ періодъ такого неумѣреннаго аскетизма Оригенъ, надо думать, совершилъ надъ собой и тотъ необдуманно смѣлый (даже „дерзкій“, какъ стоитъ въ заголовкѣ данной главы, по русскому переводу) поступокъ, который, по выраженію Евсевія, съ одной стороны „обнаруживалъ въ немъ незрѣлый юношескій умъ“, а съ другой—„служилъ доказательствомъ его вѣры и воздержанія“ [3]). Именно, слѣдуя грубо-буквальному пониманію евангельскаго выраженія „о скопцахъ ради царствія небеснаго“ (Мѳ. XIX, 12), и желая оградить себя отъ всякихъ подозрѣній и клеветы, Оригенъ произвелъ надъ собой кастрацію [4]). Хотя

[1]) *Ibid.* VI, 3, 3, 524. *Евсев.* VI, III, 325. *Бл. Іеронимъ:* „Великій былъ онъ (Оригенъ) мужъ отъ юности и истинно сынъ мученика (Леонида); въ Александріи управлялъ церковнымъ училищемъ, занявъ мѣсто ученѣйшаго мужа—пресвитера Климента“. (Письмо 77-ое. Къ Паммахію и Океану, 4 т. Твореній бл. Іеронима, 2 изд. 369 стр. Кіевъ 1894 г.).

[2]) *Euseb.* VI, 3, 12, 528. *Евсев.* VI, III, 327.

[3]) *Euseb.* VI, 8, 1, 534: „*Ἐν τούτῳ δὲ τῆς κατεχήσεως ἐπὶ τῆς Ἀλεξανδρείας τοὐργον ἐπιτελοῦντι τῷ Ὠριγένει πρᾶγμά τι πέπρακται φρενὸς μὲν ἀτελοῦς καὶ νεανικῆς, πίστεώς γε μὴν ὁμοῦ καὶ σωφροσύνης μέγιστον δεῖγμα παριέχον*“. *Евсев.* VI, VIII, 332 стр.

[4]) *Ad. Harnack* помѣщаетъ это крупное по своимъ дальнѣйшимъ послѣдствіямъ событіе въ личной жизни Оригена „передъ 211-ымъ годомъ“. „Die Chronologie der altchristlichen Litteratur bis Eusebius“ Zweiter Band. Leipzig 1904. 29 s. *Бл. Іеронимъ* о самомъ этомъ поступкѣ Оригена сообщаетъ и такія

самъ Оригенъ нисколько ни тщеславился своими аскетическими подвигами и въ частности, старался даже скрыть свое самооскопленіе; но слухъ о немъ все-же распространился и дошелъ до епископа Димитрія. Однако, послѣдній, по словамъ Евсевія, въ то время не только не осудилъ за это Оригена, но „удивился его отважности и еще одобрилъ его ревность и искреннюю вѣру“ [1]). Правда, позднѣе, какъ увидимъ, еп. Димитрій измѣнилъ свою первоначальную точку зрѣнія на этотъ предметъ и изъ подвига Оригена превратилъ его, въ одну изъ главныхъ его винъ. Но объ этомъ рѣчь будетъ ниже.

Поощряемый еп. Димитріемъ, Оригенъ со всею ревностью предался своимъ катехизаторскимъ занятіямъ, получивъ на этомъ поприщѣ такую громкую извѣстность, что для бесѣдъ съ нимъ приходили даже и языческіе философы, съ которыми онъ поддерживалъ обширную, дружественную переписку. Все это еще больше расширило научный горизонтъ Оригена и сильнѣе углубило его умъ въ спеціальной, богословской области. Онъ на собственномъ своемъ примѣрѣ убѣдился, что свѣтскія науки „доставляютъ немалое облегченіе въ уразумѣніи и изъясненіи божественныхъ писаній. Для сей-то особенно цѣли—говоритъ Евсевій—познанія свѣтскія и философскія онъ почиталъ нужными и самому себѣ“ [2]). Придя къ такому убѣжденію, двадцатипятилѣтній Оригенъ,—уже самъ въ это время прославленный учитель,—рѣшилъ снова сдѣлаться ученикомъ и сталъ брать уроки философской мудрости въ языческой школѣ знаменитаго александрійскаго неоплатоника—Аммонія Сакка [3]), по примѣру и указанію Иракла, однако изъ старшихъ учениковъ Оригена, сдѣлавшагося въ послѣдствіи, сначала его помощникомъ и преемникомъ по катехизаторскому училищу, а позднѣе, по смерти еп. Димитрія, даже и епископомъ александрійскимъ.

Въ самомъ началѣ правленія сына и преемника Септимія Севера († 4 февр. 211 г.) юнаго императора Антонина Каракаллы (211—217), Оригенъ, по свидѣтельству Евсевія, предпринималъ

подробности: „Оригенъ такъ бѣгалъ похотей, что по божественной ревности (но однако не при помощи знанія, т. е. не посредствомъ какихъ-либо лекарственныхъ средствъ) обрѣзалъ желѣзнымъ орудіемъ родотворные члены“. („Письмо къ Паммахію и Океану“—4 ч. 2 изд. 369—370 стр. Кіевъ 1894 г.).

[1]) *Euseb.* VI, 8, 3, 536: „*ὁ Δημήριος... εὖ μάλα μὲν αὐτὸν ἀποθαυμάζει τοῦ τολμήματος, τὴν δέ γε προθυμίαν καὶ τὸ γνήσιον αὐτοῦ τῆς πίστεως ἀποδεξάμενος, θαρρεῖν παρακελεύεται*“.

[2]) *Euseb.* VI, 18, 4, 556 s. *Евсев.* VI, XVIII, 349.

[3]) *Euseb.* VI, 19, 6 et 12—14, 558 et 562. *Евсев.* VI, XIX, 350 и 352 стр. Этотъ

путешествіе въ Римъ. „желая, по его собственнымъ словамъ (Оригена) узрѣть эту столь древнюю церковь“ [1]). Но Римская церковь, надо полагать, не оправдала надеждъ Оригена, такъ какъ онъ пробылъ здѣсь очень „недолго“, вскорѣ-же вернувшись въ Александрію. Случилось это, какъ догадывается Er. Preusschen, потому, что замѣчавшаяся въ то время (при папѣ Зефиринѣ) моральная распущенность римской церкви, должна была произвести неблагопріятное впечатлѣніе на строгаго александрійскаго аскета [2]). Однако, путешествіе въ Римъ имѣло для Оригена и свою положительную сторону: въ Римѣ онъ, по свидѣтельству Іеронима, слышалъ одну проповѣдь знаменитаго Ипполита римскаго, и вѣроятно, завязалъ личное знакомство съ нимъ. А на возвратномъ пути оттуда, какъ предполагаетъ Ad. Harnack, въ Никополѣ, близъ Акціума Оригенъ нашелъ одинъ весьма древній и раньше неизвѣстный греческій переводъ ветхозавѣтныхъ книгъ, который и положилъ въ основу своихъ библейско-критическихъ изслѣдованій, чему усердно предался Оригенъ теперь, быть можетъ, не безъ вліянія, именно, данной находки. Въ этихъ видахъ Оригенъ, сначала, принимается за изученіе еврейскаго языка и вскорѣ овладѣваетъ имъ въ совершенствѣ; а затѣмъ, тщательно собираетъ различные списки и рукописи священныхъ книгъ.

Надо думать, все съ той же цѣлью собиранія книгъ и непосредственнаго личнаго знакомства съ „страной священныхъ воспоминаній“, Оригенъ около этого времени предпринимаетъ свое первое путешествіе въ Палестину и на Востокъ, въ царствованіе императора Каракаллы, слѣдовательно, до 218 года [3]). Обязанности-же катехизатора онъ временно передаетъ своему старшему ученику и ближайшему помощнику вышеупомянутому Ираклу. Съ точностью неизвѣстно, гдѣ и сколько времени провелъ Оригенъ за это путешествіе на Востокѣ? Но, вѣроятно, тогда-же онъ посѣтилъ Іерихонъ, гдѣ счастливый случай помогъ ему найдти одинъ, весьма древній списокъ псалмовъ [4]). Весьма возможно, что съ личнымъ намѣреніемъ Оригена ѣхать на Востокъ совпалъ, какъ предпо-

Аммоній Саккъ былъ главой и основателемъ неоплатонической школы. Евсевій и Іеронимъ, очевидно, ошибочно смѣшиваютъ его съ другимъ Аммоніемъ—христіанскимъ философомъ 3-го вѣка. *Wace-Piercy*—23 p.

[1]) *Euseb.* VI, 191, 10, 552: „*εὐξάμενος τὴν ἀρχαιοτάτην Ῥωμαίων ἐκκλησίαν ἰδεῖν*“. *Евсев.* VI, XIV, 345 стр.

[2]) *Erw. Preusschen,* art. „Origenes“ in RE³. 14 band 472 s. 48—50. Leipzig 1904.

[3]) *Ad. Harnack* „Die Chronologie.... II, 29 s.

[4]) *Euseb.* VI, 16, 3, 554 „*εὑρημένης ἐν πίθῳ*“ „найдя въ бочкѣ“—*Евсев.* VI, XVI, 347.

лагаетъ проф. Harnack [1]), и вызовъ его къ правителю Аравіи, въ г. Бостру,—вызовъ тѣмъ болѣе замѣчательный, что онъ сдѣланъ былъ черезъ свѣтскихъ, языческихъ властей (отъ римскаго намѣстника Аравіи къ египетскому намѣстнику и александрійскому епископу) и мотивированъ желаніемъ аравійскаго правителя лично повидать и послушать знаменитаго христіанскаго философа [2]). Произошло это около 215 года [3]).

Вскорѣ послѣ возвращенія Оригена изъ Аравіи, ходъ событій, который до сихъ поръ вполнѣ ему благопріятствовалъ, начинаетъ получать иное, противоположное направленіе. Лѣтомъ 215 г. въ Александріи, по словамъ, Евсевія „возгорѣлась немаловажная (междоусобная) война“ [4]), или, по свидѣтельству Діона Кассія, произошелъ народно-военный мятежъ, поднятый чернью и солдатами и направленный противъ иностранцевъ, противъ ученыхъ и философовъ [5]). Вслѣдствіе этого мятежа принужденъ былъ покинуть Александрію главный ученый другъ и богатый покровитель Оригена, снабжавшій его матеріальными средствами, необходимыми для его научныхъ работъ, антіохіецъ Амвросій, переселившійся въ Кесарію палестинскую [6]). Вслѣдъ за своимъ меценатствующимъ другомъ, добровольно послѣдовалъ туда и Оригенъ (Евс. VI, XIX, 353 стр.). Здѣсь онъ встрѣтилъ самый теплый и благожелательный пріемъ, объясняемый, главнымъ образомъ, тѣмъ, что палестинскій епископъ Александръ (еп. Эліи, древняго Іерусалима) былъ его школьнымъ товарищемъ еще по катехизаторскимъ урокамъ у Пантена и Климента, „чрезъ которыхъ я узналъ и тебя, превосходнѣйшій братъ мой и господинъ“, пишетъ самъ Александръ въ одномъ изъ посланій къ Оригену, выдержки изъ котораго приводитъ Евсевій (VI, XIV, 344 стр.). А благодаря, вѣроятно, рекомендаціи еп. Александра тѣмъ же вниманіемъ дарилъ Оригена и другой палестинскій епископъ—Ѳеоктистъ (еп. Кесаріи приморской).

[1]) *Ad. Harnack* „Die Chronologie... II, 30 s. и Er. *Preusschen*—473, 203.

[2]) *Euseb.* VI, 19, 15, 562. *Евсев.* VI, XIV, 353.

[3]) Смотри предыдущую цитату, подъ цифрой 5.

[4]) *Euseb.* VI, 19, 16, 564: *οὐ σμικροῦ κατὰ τὴν πόλιν ἀναῤῥιπισθέντος πολέμου*, яснѣе у *Rufini*: „bello civilo exorto“. *Евсев.* VI, XIX, 353.

[5]) См. у *Er. Preusschen*'а „Op. cit.“ RE³, 14, 473, 25—32 со ссылкой на Dio Cassius LXXVII, 23.

[6]) Амвросій содержалъ при Оригенѣ цѣлый штатъ стенографовъ, писцовъ и переписчиковъ (Евс. VI, XXIII, 357) и, вѣроятно, давалъ ему деньги на пріобрѣтеніе цѣнныхъ рукописей и древнихъ списковъ. О немъ см. у *бл. Іеронима* („о знаменитыхъ мужахъ“ LVI гл. рус. пер. 320 стр.) и спеціальный артикль въ „Dictionary of christian biography and litterature“ *Wace-Piercy*—16—17 p.

Особо сочувственное отношеніе палестинскихъ епископовъ къ Оригену выразилось, между прочимъ, и въ томъ, что они просили Оригена, тогда еще простого мірянина, проповѣдывать въ ихъ церкви и изъяснять Св. Писаніе (Евс. VI, XIX, 353). Вотъ это-то, казалось-бы, само по себѣ совершенно невинное обстоятельство и дало первый поводъ обнаружиться недовольству еп. Димитрія поведеніемъ Оригена. Впрочемъ, недовольство это, судя по отвѣтному письму палестинскихъ епископовъ еп. Димитрію, направлялось еще не прямо на личность Оригена; а скорѣе, по адресу тѣхъ епископовъ, которые его пріютили и даже, вопреки обычаю, позволили ему — мірянину проповѣдывать въ присутствіи самихъ епископовъ. Но палестинскіе епископы не согласились съ александрійскимъ и въ защиту своей практики сослались на цѣлый рядъ аналогичныхъ, историческихъ прецедентовъ [1]). Тогда еп. Димитрій воздѣйствовалъ непосредственно на Оригена, вызывая его и своими грамматами и чрезъ спеціально посланныхъ діаконовъ, обратно въ Александрію, „не желая, какъ догадывается E. Preuschen, надолго лишаться столь благоуспѣшнаго учителя для своей школы“ [2]). Оригенъ не видѣлъ надобности упорствовать и, послушный зову своего епископа, вернулся въ Александрію и принялся за прежніе свои библейско-критическіе и экзегетическіе труды (Евс. VI, XIX, 354 стр.).

Возвращеніе Оригена въ Александрію состоялось около 216—217 года; и за весь почти четырнадцатилѣтній срокъ его вторичнаго пребыванія здѣсь, повидимому, не произошло никакихъ особенныхъ событій, если не считать спорнаго факта вызова Оригена въ Антіохію къ двору Юліи Маммеи, матери императора Александра Севера (Евс. VI, 21, 356 стр.) [3]). Оригенъ получилъ полную свободу для своихъ научныхъ занятіи и, именно, въ это время изготовилъ большинство своихъ библейско-экзегетическихъ работъ и свой обширный, философскій трактатъ „о началахъ“, пользуясь для этого широкой и моральной, и матеріальной поддержкой своего, также вернувшагося вмѣстѣ съ нимъ, богатаго и просвѣщеннаго друга—Амвросія, котораго самъ Оригенъ называетъ своимъ „опекуномъ, попечителемъ, блюстителемъ“—*ἐργοδιώκτην* [4]).

Ничего опредѣленнаго неизвѣстно намъ и про тѣ отношенія, въ

[1]) См. объ этомъ выше, стр. 283-ья.

[2]) Er. *Preusschen*, RE³, 14, 473.

[3]) Спорнымъ называемъ здѣсь мы не самый фактъ, а его хронологію. По *Harnack*'у, онъ имѣлъ мѣсто въ 218 г., а по *Neumann*'у и Er. *Preusschen*'у—231—232.

[4]) *Origen.* Comment. in Johan. V, и VI, 2, 9. Ср. Epist. 1. А также и у *бл. Іеронима* „Книга о знаменитыхъ мужахъ“ гл. LVI, стр. 320.

которыхъ стояли теперь александрійскій епископъ и его, можно сказать, всемірно-извѣстный ученый катехетъ. Но можно, однако, догадываться, что въ этихъ отношеніяхъ, по крайней мѣрѣ, со стороны епископа, не было прежняго искренняго сочувствія и дружественнаго расположенія къ Оригену. Объ этомъ можно судить хотя-бы по тому, что еп. Димитрій не возводилъ своего знаменитаго дидаскала ни въ какую іерархическую степень, несмотря на болѣе, чѣмъ достаточныя заслуги Оригена для церкви и на его, уже вполнѣ зрѣлый возрастъ; тогда какъ, напримѣръ, ученикъ и помощникъ Оригена, Ираклъ давно уже былъ возведенъ въ пресвитера, хотя и отличался, своего рода, либерализмомъ (не снималъ философскаго плаща и будучи пресвитеромъ—Евс. VI, XIX, 353 стр.). Едва-ли причину такой задержки въ посвященіи Оригена справедливо полагать лишь въ томъ, что онъ былъ евнухомъ. Трудно допустить это, во-первыхъ потому, что никакого опредѣленнаго канона, категорически запрещавшаго ставить евнуховъ, въ то время еще не существовало; а извѣстны были церковной практикѣ случаи даже епископовъ-евнуховъ (напр. извѣстный Мелитонъ, еп. Сардикійскій, дѣятельный участникъ монтан. и пасхальныхъ споровъ). А во-вторыхъ, еще больше потому, что принципіально и самъ еп. Димитрій относился къ поступку Оригена, какъ мы видѣли, скорѣй одобрительно, чѣмъ порицательно. Поэтому, въ начавшемъ обозначаться охлажденіи еп. Димитрія къ его прежде любимому дидаскалу прозрѣвать нужно иные, болѣе тонкіе мотивы, которые позднѣе и привели ихъ къ полному разрыву.

На основаніи всего вышесказаннаго и опираясь, главнымъ образомъ, на Іеронима и отчасти на Евсевія, основной фонъ отношеній еп. Димитрія къ Оригену мы представляемъ себѣ въ видѣ какого-то смѣшаннаго чувства ревнивой любви и подозрительной зависти. Еп. Димитрій, несомнѣнно, особенно въ началѣ, любилъ Оригена и гордился имъ, какъ славой своей церкви. Потому-то онъ такъ рано поручилъ ему отвѣтственную должность дидаскала и такъ благодушно-снисходительно отнесся къ его самооскопленію. Но съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ росла и крѣпла, можно сказать, міровая слава Оригена, искреннее расположеніе къ нему Димитрія, очевидно уменьшалось и остывало. До извѣстной степени это и понятно. Вѣдь, еп. Димитрій и самъ былъ достаточно видимымъ и крупнымъ церковнымъ дѣятелемъ, имѣвшимъ достаточно правъ на уваженіе и даже славу [1]). Въ каталогѣ александрійскихъ епископовъ, составленномъ знаменитымъ современникомъ Оригена, еп. Юліемъ Африканомъ, епископатъ Димитрія значится самымъ продолжительнымъ (43 года), почти вдвое превышающимъ слѣдующій за нимъ по длительности епископатъ Аніана (22 года) [1]). А въ одномъ изъ древне-коптскихъ извѣстій возрастъ еп. Димитрія, въ которомъ онъ скончался († 10 Окт. 231 г.), опредѣляется въ 105 лѣтъ, откуда вытекаетъ, что родился онъ чуть-ли не въ первой четверти втораго вѣка (не позже 125—126 г.). „Слѣдовательно, говоритъ Harnack —онъ былъ старше, чѣмъ Иринеи. Понятно, что такой христіанинъ изъ столь древней генераціи не легко могъ переносить Оригена, даже если онъ и не былъ завистливъ и честолюбивъ“ [2]). Пока Оригенъ былъ еще только восходящей звѣздой, еп. Димитрій всячески поощрялъ его и въ душѣ, вѣроятно, гордился имъ, какъ отчасти дѣломъ рукъ своихъ (поставленіе въ дидаскала), своей, такъ сказать, креатурой. Но вотъ Оригенъ ростетъ и созрѣваетъ до степени великаго свѣтила, въ лучахъ славы котораго меркнетъ и блѣднѣетъ авторитетъ самого старца-епископа, что не могло быть ему не больно.

Выдающаяся, совершенно исключительная знаменитость Оригена у его современниковъ, и притомъ не только среди хри-

[1]) Хотя, правда нѣкоторые древніе источники характеризуютъ еп. Димитрія, какъ простаго, грубаго поселянина, не умѣвшаго даже ни читать, ни писать (Chronicon Orientale, Elmacinus); но они-же самое избраніе Димитрія приписывают чудесному знаменію свыше, остановившему на немъ божественный выборъ, очевидно, за его особыя, моральныя заслуги. См. объ этомъ у *Neale* „A history of the holy eastern church“ I, 16 p. London, 1847.

[1]) См. подробный критическій обзоръ показаній Юлія Африкана у *Ad. Harnack*'а „Die Chronologie der altchristl. Litteratur bis Eusebius“ I в. Leipzig 1897. b) Chronologie der alexandrinischen Bischöfe. Главнымъ основаніемъ отодвигать начало епископата Димитрія на конецъ 2 в. служитъ для *Harnack*'а замѣтка коптскаго синаксаря Евтихія: eo tempore scripsit Demetrius patriarcha Alexandrinus ad Gabium episcopum Hierosolymitanum, Maximum patriarcham Antiochenum et Victorem patriarcham Romanum de ratione computi paschalis et iejunii Christianorum, et quomodo a paschate Judaeorum deducatur“... Отсюда видно, что Димитрій былъ современникомъ пасхальныхъ споровъ и папы Виктора, понтификатъ котораго хорошо извѣстенъ (189—199). 107 и 202 s. О томъ, что еп. Димитрій занялъ александрійскую каѳедру именно въ 190 г. опредѣленно говорится и въ „Хроникѣ“ *Евсевія*, въ обработкѣ ея бл. Іеронимомъ: „190 г. Въ Александріи поставляется одинадцатый епископъ Димитрій, управлявшій сорокъ три года“. Творенія бл. Іеронима Стридонскаго, ч. 5, 374 стр. Кіевъ 1879. См. еще очень цѣнныя и документальныя разслѣдованія о точной хронологіи александрійскаго епископа Димитрія въ этюдѣ проф. *В. Болотова* „*λειψάνον*. Изъ эпохи споровъ о пасхѣ“ Хр. Чтеніе, 1900, 446 стр. и слѣдующія. Здѣсь твердо устанавливается, что Димитрій былъ рукоположенъ передъ пасхой 189 г., а умеръ 10-го октября 231 года.

[2]) *Ibidem* II в. 24 s: „Man begreif es, dass dieser Christ aus einer alten Generation den Origens nicht zu ertragen vermochte, auch wenn er nicht ehrgeizig und neidisch war“.

стіанъ, но чуть-ли еще не больше среди образованныхъ и привиллегированныхъ язычниковъ (ученыхъ, философовъ, правителей и при дворѣ самого римскаго императора), безусловно сильно поднимали авторитетъ христіанства, вообще, и въ частности, престижъ александрійской церкви. И, разумѣется, всѣмъ этимъ не могъ не дорожить глава и предстоятель этой церкви, ея еп. Димитрій, что особенно ясно сказалось тогда, когда Оригенъ задумалъ было покинуть Александрію и переселиться въ Палестину, откуда александрійскій епископъ не замедлилъ вскорѣ-же вытребовать его къ себѣ обратно. Но къ чувству ревнивой любви и справедливой гордости Оригеномъ, у старца-епископа не могло не примѣшиваться слишкомъ понятнаго, слишкомъ человѣческаго и потому, до нѣкоторой степени, извинительнаго осадка горечи, или если угодно, даже зависти и раздраженія, что не ему—престарѣлому епископу и, вѣроятно, ученику мужей апостольскихъ—александрійская церковь обязана своей славой и почетомъ; а какому-то, чуть не втрое его юнѣйшему, простому мірянину, кѣмъ все время былъ и до конца своего пребыванія въ Александріи оставался, Оригенъ. Конечно, отъ воли самого-же еп. Димитрія зависѣло давно-бы рукоположить Оригена во пресвитера, или даже во епископа, такъ какъ со стороны Оригена никакихъ, ни объективныхъ, ни субъективныхъ препятствій къ тому не было [1]). Но первое время, до 215 года, еп. Димитрій не спѣшилъ съ рукоположеніемъ Оригена, быть можетъ, въ виду обилія и разнообразія занятій юнаго дидаскала (онъ училъ другихъ и учился самъ, да еще у языческаго философа); а еще больше, вѣроятно, потому, что Оригенъ былъ еще слишкомъ для сего молодъ. Позднѣе-же, т. е. послѣ 215 года, когда устранились прежнія препятствія, выросло уже новое начавшееся охлажденіе Оригена къ Димитрію, сказавшееся въ фактѣ его ухода изъ Александріи въ Палестину и не совсѣмъ добровольнаго возвращенія оттуда, что, естественно, не могло не огорчать александрійскаго епископа. Четырнадцать послѣдующихъ лѣтъ, протекшихъ со времени возвращенія Оригена

[1]) Юношескую кастрацію Оригена мы не считаемъ серьезнымъ объективнымъ препятствіемъ къ посвященію, цѣня ея высокіе мотивы, снисходя къ молодости Оригена и учитывая, какъ одобрительное отношеніе къ ней еп. Димитрія, такъ и наличность аналогичныхъ историческихъ прецедентовъ, о чемъ мы уже говорили выше. (См. 296 стр.). О субъективныхъ же препятствіяхъ и вовсе не можетъ быть рѣчи: зная, съ какой готовностью Оригенъ принялъ пресвитерское достоинство въ чужой для него, палестинской церкви, мы не имѣемъ никакого основанія, а тѣмъ болѣе, права думать, чтобы онъ уклонялся отъ этого служенія въ своей, александрійской церкви.

къ Димитрію, очевидно, не только снова не сблизили ихъ между собою, но содѣйствовали еще большему взаимному ихъ охлажденію и расхожденію, перешедшему, наконецъ, въ открытый разрывъ.

Причиной вторичнаго, на этотъ разъ ужъ окончательнаго разрыва Оригена съ еп. Димитріемъ, явилась все та-же, старая дружба его съ восточными палестинскими епископами; внѣшнимъ-же поводомъ послужило одно, чисто случайное обстоятельство. Около 230 г. Оригенъ снова долженъ былъ поѣхать на Востокъ, по спеціальному, переданному черезъ еп. Димитрія, приглашенію, церквей Ахаіи, т. е. Греціи, вызвавшихъ его „ради нѣкоторыхъ церковныхъ нуждъ“ *(χρείας ἐκκλεσιαστικῶν ἕνεκα πραγμάτων)*, или, какъ опредѣленнѣе говоритъ Руфинъ „для борьбы съ еретиками, которые забрали тамъ большую силу“ (pro convincendis haereticis, qui inibi liberius convaluerant) [1]). Оригенъ успѣшно выполнилъ свою миссію, побывалъ даже въ Аѳинахъ и уже возвращался домой, въ Александрію [2]). Но на обратномъ пути, плывя моремъ, неподалеку отъ Кесаріи, Оригенъ, очевидно, соблазнился возможностью посѣтить своихъ палестинскихъ друзей—еп. Александра элійскаго и Ѳеоктиста кесарійскаго. Тѣ были очень ему рады и свое удовольствіе выразили, между прочимъ, тѣмъ, что рукоположили Оригена во пресвитера [3]). Er. Preusschen высказываетъ догадку, что палестинскіе епископы могли сдѣлать это bona fide, желая оградить и себя и Оригена отъ повторенія чего-либо подобнаго тому, что имѣло мѣсто раньше, когда еп. Димитрій зазиралъ своихъ палестинскихъ коллегъ въ томъ, что они при себѣ позволяли учительствовать въ церкви простому мірянину. Теперь Оригенъ былъ уже не мірянинъ и подобный упрекъ, такимъ образомъ, отпадалъ [4]). Но Евсевій правильнѣе отмѣчаетъ другой мотивъ—желаніе достойно почтить несправедливо обижаемаго своимъ епископомъ знаменитаго мужа: „извѣстнѣйшіе и знаменитые въ палестинѣ епископы—кесарійскій и іерусалимскій, признавъ Оригена достойнымъ преимуществъ и высшей чести *(καὶ τῆς ἀνωτάτω τιμῆς ἄξιον εἶναι*, или какъ перефразируетъ это Руфинъ Hierosolymorum Alexander et Theoctistus Caesareae, videntes divinum opus eius in verbo dei... ac summo eum sacerdotio iam jamque dignum probarent), рукоположили его во пресвитера“ [5]). Мотивъ этотъ гораз-

[1]) *Euseb.* „Kirchengeschichte.... VI, 23, 4. 570. Ibidem *Rufinus*—571 s.
[2]) *Бл. Іеронимъ* „Кн. о знаменитыхъ мужахъ“, гл. LIV, Ч. 5, ст. 317. Кіевъ 1879.
[3]) *Euseb.* VI, 23, 4. 570. *Евсев.* VI, XXIII, 358 стр.
[4]) *Er. Preusschen* „Op. cit.“ 474 s. 23—27.
[5]) *Евсевій* VI, VIII стр. 333-ья. Ср. *Euseb.*—VI. 8. 4. Ibid. *Rufin.* 536—537 s.

до болѣе историченъ и пріемлемъ, чѣмъ довольно наивная догадка Preusschen'a. Несомнѣнно, палестинскіе епископы не могли не знать, хотя-бы со словъ того-же Оригена,—а также и по предыдущему своему столкновенію изъ-за него съ еп. Димитріемъ,—истиннаго характера взаимоотношеній Оригена со своимъ епископомъ. И потому, если несмотря на все это, они рукополагали Оригена; то знали, что дѣлали и выражали своимъ поступкомъ какъ-бы, нѣкоторый протестъ своему александрійскому собрату, поднятый ими, быть можетъ, даже не безъ участія, или по крайней мѣрѣ, не безъ тайнаго сочувствія и самого Оригена. Во всякомъ случаѣ, именно такъ, а не иначе, понялъ посвященіе Оригена самъ еп. Димитрій, почему онъ и усмотрѣлъ въ данномъ фактѣ прямой подрывъ своему авторитету, и сталъ такъ горячо и энергично на него реагировать.

Едва только Оригенъ успѣлъ послѣ этого вернуться въ Александрію, какъ еп. Димитрій потребовалъ его къ отвѣту. Характерно, что епископъ не рѣшился судить Оригена единолично, а созвалъ для этого соборъ, хотя, повидимому, сначала, изъ членовъ одной только мѣстной, александрійской церкви. Это и былъ *первый александрійскій соборъ* еп. Димитрія противъ Оригена, состоявшійся, вѣроятно, или въ концѣ 230 г. или въ самомъ началѣ 231 года. [1]). Къ сожалѣнію, наши свѣдѣнія объ этомъ соборѣ (равно какъ и о вскорѣ-же послѣдовавшемъ, за нимъ второмъ александрійскомъ соборѣ) довольно скудны и неопредѣленны [2]). Евсевій, бывшій до сихъ поръ нашимъ главнымъ руководителемъ въ біографіи Оригена, ограничивается относительно этихъ соборовъ лишь только такой отмѣткой: „какія послѣ того (т. е. послѣ рукоположенія Оригена во пресвитера) произошли изъ-за него движенія, какія по случаю сихъ движеній, предстоятелями церквей поставлены были правила... о семъ предметѣ мы

[1]) Harnack путешествіе Оригена въ Эалладу и обратный путь его чрезъ Аѳины, Ефесъ, Антіохію и Кесарію относитъ къ 231—2 году. Къ тому-же времени онъ относитъ и годъ смерти еп. Димитрія; такъ что размѣстить между этими предѣлами цѣлыхъ два александрійскихъ собора оказывается мудренымъ дѣломъ, отъ чего, впрочемъ, самъ-то авторъ благоразумно воздерживается. Die Chronologie.... II, 32—33 s. *Mansi* и *K. v. Schwartz* помѣщаютъ александрійскіе соборы противъ Оригена около 230 г. *Ab. Migne* (Dictionnaire universel et complet des conciles.. I, 1846), *Möller-Schubert*, *Hergenröther-Kirsch* и *Bardenhewer* согласно относятъ этотъ соборъ, вообще, къ 231 году.

[2]) На этомъ основаніи авторъ статьи объ Оригенѣ въ новѣйшемъ церковно-историческомъ словарѣ *Wace-Piercy* совсѣмъ отказывается здѣсь отъ точной и ясной хронологіи, говоря: It is difficult to trace the different stages in the condamnation which followed—771.

довольно сказали во второй книгѣ „апологіи“, написанной нами въ защиту Оригена“ [1]). Апологія эта, какъ мы уже однажды замѣтили, не дошла до насъ. Но ее имѣлъ у себя и ею пользовался авторъ знаменитой „Библіотеки“ патріархъ Фотій, который по вопросу объ интересующемъ насъ соборѣ, извлекъ оттуда слѣдующее: „съ этого времени у Димитрія, любовь была обращена въ ненависть и похвалы едва-ли не замѣнены порицаніемъ. Былъ созванъ соборъ противъ Оригена *изъ епископовъ и нѣкоторыхъ пресвитеровъ*, (курс. нашъ) который, какъ говоритъ Памфилъ, сдѣлалъ постановленіе (decretum), что Оригенъ долженъ быть изгнанъ изъ Александріи, и ему не позволялось въ ней проживать или учить; однако священнаго достоинства онъ никоимъ образомъ не лишился“ [2]).

Попытаемся нѣсколько прокомментировать и освѣтить эти скудныя извѣстія. Выше мы уже подчеркнули, что еп. Димитрій не рѣшался осудить Оригена единолично, а созвалъ съ этой цѣлью соборъ мѣстной церкви изъ епископовъ и пресвитеровъ. Почему онъ такъ поступилъ? Быть можетъ, конечно, потому, что въ данномъ дѣлѣ сильно замѣшанъ былъ и чисто личный элементъ—сложныхъ отношеній александрійскаго епископа и его знаменитаго дидаскала. И тогда, конечно, Димитрій показалъ примѣръ высокаго объективизма, передавъ это дѣло, такъ сказать, на третейскій судъ собора. А вѣрнѣе потому, что личность Оригена была слишкомъ крупной и выдающейся для того, чтобы единоличная расправа съ нимъ могла быть достаточно убѣдительна и авторитетна для другихъ, въ особенности, въ виду того наказанія, которому епископъ собирался подвергнуть Оригена. Нельзя также упускать изъ виду и того обстоятельства, что

[1]) *Евсев.* VI, XXIII, 358. *Euseb.* VI, 23, 4, 570. Руфинъ, въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ текста, даетъ поясняющій его перифразъ, судя по которому можно заключать, что дѣло Оригена выходило за предѣлы одной александрійской церкви и встрѣтило отголосокъ у епископовъ другихъ церквей: „pro hoc autem quae adversum cum inhumanus livor accenderit et *rursum pro defensione ejus quae gesserint hi, qui ecclesiis praesidebant* (курс. нашъ), quantaque alia pro eo quod in praedicatione verbi dei satis clare efflorverat, mota sint, propriam quidem singula quaeque historiam requirunt“. 571 s. II в. Leipsig 1908.

[2]) Текстъ „Библіотеки“ Фотія въ латин. переводѣ *Mansi* читается такъ: „Hinc Demetrio amor in odium vertit, laudesque mox eum vituperatione commutatae. Synodus insuper episcoporum coacta et presbyterorum quorundam contra Origenem: quae, ut Pamphilius refert, decretum fecit, Alexandria quidem pellendum Origenem, neque in ea versari aut docere pirmittendum; sacerdotii tamen dignitate nequaquam submovendum“. *Photii* Codex 118. См. *Mansi* „Op. cit.“ I, 753 p. А также и *Ruth* „Reliquiae Sacrae“[2], III, 494 (греческій и латинскій тексты).

Оригенъ въ это время былъ уже не простымъ міряниномъ, а пресвитеромъ: каноны-же церкви,—правда редактированные нѣсколько позднѣе—требуютъ для низверженія пресвитера суда не одного, а нѣсколькихъ епископовъ [1]). И хотя подобныя правила канонической санкціи тогда еще не получали, но, быть можетъ, они уже обозначились, въ смыслѣ устойчиваго церковнаго обычая, которому, въ данномъ случаѣ и слѣдовалъ еп. Димитрій. И это могло произойдти тѣмъ естественнѣе и легче, что въ древне-церковной христіанской общинѣ широко практиковались общія пленарныя собранія для совмѣстнаго съ епископомъ и клиромъ обсужденія какихъ-либо наиболѣе важныхъ дѣлъ, касавшихся жизни мѣстной церкви. Естественно, что такое чрезвычайное событіе, какъ судъ надъ выдающимся членомъ мѣстной церковной общины, да къ тому же и носящимъ уже пресвитерскій санъ, должно было взволновать всю мѣстную церковь и вызвать ее на чрезвычайное общее собраніе. Да и по характеру своему настоящее дѣло было таково, что требовало суда только одной мѣстной церкви. Оригену, судя по всему, не предъявлялось никакого обвиненія въ ереси или расколѣ; а его судили лишь за то, что онъ безъ вѣдома и разрѣшенія своего епископа, получилъ санъ изъ рукъ постороннихъ епископовъ и въ чужой епархіи. А это—чисто дисциплинарный проступокъ; не преступленіе противъ всей Христовой церкви, а лишь обида своему епископу и своей мѣстной церкви. Естественно, что и судить за это должна была не великая вселенская церковь, а прежде всего церковь мѣстная, т. е. александрійская.

Указаніе на такой именно, частный и мѣстный характеръ перваго александрійскаго собора противъ Оригена можно находить и въ вышеприведенныхъ словахъ Фотія, именно, въ его упоминаніи о „пресвитерахъ“, какъ членахъ этого собора. До сихъ поръ ни на одномъ соборѣ (за исключеніемъ, впрочемъ, Апостольскаго, гдѣ говорилось, однако, о другихъ пресвитерахъ) не не упоминалось объ отдѣльномъ представительствѣ пресвитеровъ: говорилось чаще всего объ „епископахъ“, говорилось „о вѣрныхъ“, о „братіяхъ“—но о пресвитерахъ нигдѣ пока не было ни слова. И это—на нашъ взглядъ—не простая случайность, а показательная черта различія въ самомъ типѣ соборовъ [1]). Тѣ большіе общецерковные, или хотя-бы и провинціальные, но касавшіеся общихъ вопросовъ, соборы, были, какъ мы неоднократно имѣли случай убѣждаться, почти исключительно „епископскими“ соборами. Если на нихъ и допускалось иногда участіе другихъ клириковъ и даже мірянъ (напр. „исповѣдниковъ“), то это участіе было ограничено предѣлами только той церкви, гдѣ соборъ происходилъ, или, въ рѣдкихъ случаяхъ, оно опредѣлялось вызывомъ самаго собора (привлеченіе на соборы ученыхъ пресвитеровъ, діаконовъ и даже мірянъ, въ качествѣ какъ-бы своего рода экспертовъ). Но на ряду съ такими большими соборами, объединявшими епископовъ цѣлой провинціи, иногда даже не одной, а нѣсколькихъ сосѣднихъ провинцій, продолжали существовать и тѣ раннѣйшіе, частные соборики, на которыхъ объединилась in corpore одна только мѣстная церковь, во главѣ съ своимъ епископомъ. Понятно, что на такихъ соборахъ должно было особенно выдѣляться участіе пресвитеровъ, какъ главныхъ совѣтниковъ и помощниковъ епископа и одновременно, какъ свободныхъ представителей всей мѣстной церковной общины (въ силу выборнаго характера древняго клира).

Эти маленькіе соборики, такъ отвѣчавшіе отечески-патріархальному, чисто-семейному укладу древней церкви, надо полагать, сложились очень давно, или даже существовали въ каждой церкви съ самаго ея начала. Возникли они въ силу чисто естественной потребности христіанъ какого-либо города, живущихъ среди враждебно къ нимъ настроенныхъ язычниковъ, группироваться вмѣстѣ, въ одну корпорацію, объединяться около одного своего главы—епископа, на общихъ, богослужебныхъ собраніяхъ и братскихъ трапезахъ (агапы). Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ та или иная городская христіанская община (а онѣ всѣ были первоначально въ городахъ, кромѣ, впрочемъ самого Египта, гдѣ церковныя общины организовывались и въ селахъ — *κώμη*), въ особенности такого большого города, какъ Александрія, развивалась и увеличивалась въ количествѣ чле-

[1]) Карѳагенскаго собора, правило 12-е: „да внесется въ правила, согласно съ опредѣленіями древнихъ соборовъ и сіе: аще который епископъ (еже да не будетъ) подвергнется нѣкоему обвиненію.... да слушаютъ его на судѣ двенадесять епископовъ, пресвитера шесть епископовъ и свой, а діакона три“. Тоже самое подтверждаютъ и 14 съ.29 каноны даннаго собора. Хотя 4 правило Антіох. собора низложеніе пресвитеровъ и діаконовъ представляетъ компетенціи мѣстнаго епископа. Вальсамонъ примиряетъ это противорѣчіе тѣмъ, что соборъ шести или трехъ епископовъ былъ уже второй, аппелляціонной инстанціей, куда недовольный клирикъ могъ обращаться съ жалобой на своего епископа. Переводъ правилъ съ толкованіями, изд. Моск. Об. Л. Д. П. VI, ч. 2. 400—401 стр. Москва 1903.

[1]) Сильно зависѣло это также и отъ своеобразнаго, нестолько епископско-городскаго, сколько сельско-пресвитерскаго строя александрійско-египетской церкви того времени, подробная рѣчь о чемъ у насъ будетъ дальше.

новъ, въ ней неизбѣжно происходилъ процессъ дифференціаціи членовъ по роду ихъ служенія и положенія въ общинѣ. Одновременно съ этимъ и прежнія формы семейно-патріархальнаго строя замѣнялись иными, болѣе отвѣчающими новымъ условіямъ церковной жизни. Такъ, постепенно изъ безформенныхъ, общихъ собраній всей церкви выросъ институтъ организованныхъ, мѣстно-церковныхъ соборіковъ или собраній, на которыхъ осуществлялось уже извѣстное представительство членовъ мѣстной общины, и гдѣ рѣшались всѣ ея важнѣйшія дѣла, подъ верховнымъ руководствомъ мѣстнаго епископа и при главнѣйшемъ участіи пресвитерскаго совѣта [1]).

Такая организація мѣстно-церковной общины была повсюднымъ и заурядным явленіемъ церковной жизни, почему до сихъ поръ она ничьего вниманія и не останавливала. Вѣдь историки, въ особенности древніе, отмѣчаютъ лишь выдающіеся, экстраординарные моменты, а не обыденные, такъ сказать, будничные факты. Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что и о судѣ александрійской церкви надъ согрѣшившемъ противъ нея ея-же пресвитеромъ мы ничего-бы не знали, если-бы этимъ подсудимымъ оказался кто-нибудь другой, а не такой крупнѣйшій, можно сказать, вселенскій дидаскалъ, какимъ былъ Оригенъ. Лишь благодаря личности Оригена, пользовавшагося огромной популярностью нетолько въ своей церкви, но и далеко за ея предѣлами, дѣло это приняло болѣе широкую огласку, и мы получили возможность, хоть отчасти, познакомиться съ тѣмъ явленіемъ древне-церковной жизни, которое бытовало въ ней и, какъ таковое, даже не попадало на страницы исторіи. Такимъ образомъ, Оригенъ, помимо доброй своей воли, вписалъ, какъ мы полагаемъ, первую страницу въ исторію мѣстныхъ, церковно-административныхъ соборовъ, существовавшихъ хотя и очень давно, но проходившихъ какъ-то почти безслѣдно для исторіи. Вторую, болѣе яркую страницу, занесъ въ эту исторію уже Кипріанъ, нѣкоторыми изъ своихъ карѳагенскихъ соборовъ, какъ увидимъ это позднѣе.

Былъ-ли, однако, разсматриваемый александрійскій соборъ вполнѣ обычнымъ соборомъ мѣстной церкви, или представлялъ собой и какія-либо уклоненія отъ общаго типа ихъ? Мы полагаемъ, что опредѣленный отвѣтъ здѣсь ясенъ самъ собою. Конечно, александрійскій соборъ былъ все же не совсѣмъ заурядным, (въ противномъ случаѣ онъ врядъ-ли и попалъ-бы въ исторію); а какъ мы, это уже выясняли, отчасти и выдающимся, и по личности подсудимаго (Оригена) и по характеру самой его вины (рукоположеніе въ чужой церкви и отъ чужаго епископа, безъ вѣдома своего) [1]). Такая незаурядность даннаго собора отразилась, повидимому, и на самомъ его *составѣ*. На соборѣ, по словамъ Фотія, присутствовали „епископы“ и „нѣкоторые пресвитеры“. Мы думаемъ, что здѣсь въ текстъ Фотія вкралась безсознательная ошибка: соборное представительство онъ трактуетъ подъ угломъ не малаго, мѣстнаго, а большаго, общаго собора, гдѣ ядро собора, дѣйствительно, составляли епископы, и къ нимъ лишь случайно придавались „нѣкоторые пресвитеры“. На первомъ-же александрійскомъ соборѣ, судя по всему, надо предполагать обратное,—присутствовали всѣ мѣстные александрійскіе пресвитеры и къ нимъ были приданы „нѣкоторые сосѣдніе епископы“. Вотъ въ этомъ-то добавленіи мѣстнаго собора епископами сосѣднихъ церквей мы и видимъ главную черту уклоненія его отъ общаго мѣстно-соборнаго типа.

Обычно мѣстный соборъ состоялъ изъ выборныхъ представителей только данной церковной общины и изъ ея пресвитерата, во главѣ съ однимъ своимъ мѣстнымъ епископомъ. Но иногда, очевидно, такой составъ мѣстнаго собора оказывался недостаточнымъ и требовалъ его усиленія депутатами со стороны, главнымъ образомъ, конечно, епископами сосѣднихъ церквей. Указанная идея „вспоможенія“ детально разработана, какъ извѣстно проф. R. Sohm'омъ, который, именно изъ нея выводитъ свою оригинальную теорію самаго происхожденія церковныхъ соборовъ. Мы неразъ уже имѣли случай убѣждаться на примѣрѣ общихъ, большихъ соборовъ, въ принципіальной несостоятельности этой

[1]) Любопытно отмѣтить, что естественное и неизбѣжное выдѣленіе въ экклесіи извѣстной начальственно-распорядительной группы признаетъ даже и такой принципіальной противъ церковной организаціи, какъ *R. Sohm*, который буквально говоритъ, напримѣръ, слѣдующее: „In jeder grösseren Versammlung bildet sich ein Kreis von führenden Persönlichkeiten, welche thatsächlich in *Vertretung* der Versammlung die Befügnisse derselben ausüben“. Kirchenrecht I, 152. Leipzig 1892. Лучшая-же критика *принципіальныхъ* взглядовъ Sohm'а на іерархію и церковное право даны *Ad. Harnack*'омъ „Urchristentum und Katolizismus“ (въ приложеніи къ монографіи „Enstehung und Entwickelung d. Kirchenfassung und Kirchenrechts in den zwei Jahrhunderten“ Leipz. 1910). А у насъ проф. *П. А. Заозерскимъ* въ рядѣ статей „О сущности церковнаго права“ (по поводу кн. R. Sohma и русскаго перевода первой ея части, сдѣланнаго А. Петровскимъ и П. Флоренскимъ. Москва 1906), помѣщенныхъ въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ (Октябрь—Декабрь 1909 г., Апрѣль 1910 г. и Январь 1911 г.). Существуетъ и въ формѣ отдѣльной брошюры.

[1]) Незаурядность александрійскихъ соборовъ сильно зависѣла также и отъ своеобразія мѣстно-церковнаго строя, о чемъ смотри дальше, въ анализѣ втораго александрійскаго собора, стр. 311 и слѣд.

теоріи и въ ея противорѣчіи дѣйствительнымъ историческимъ фактамъ. Но будучи непріемлема со стороны общепринципіальной, она могла-бы быть допущена и оправдана при ограничительномъ ея истолкованіи, именно,—въ примѣненіи къ соборамъ мѣстныхъ церквей, да и то лишь въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ. Исходный пунктъ теоріи Sohm'a,—что „соборъ есть видъ помощи (der Hülfe), которую одна община (сильнѣйшая) оказываетъ другой (слабѣйшей) и что поэтому настоящіе соборы могли имѣть мѣсто только въ малыхъ и слабыхъ церквахъ, такъ какъ большія, самостоятельно справлявшіяся съ дѣлами, въ нихъ не нуждались (grosse, befestigte Gemeinde bedarf der Synode nicht) [1]—не выдерживаетъ никакой критики: всѣ большіе общіе соборы, какъ мы это уже видѣли и еще неоднократно увидимъ, стремились съорганизовываться, именно, какъ разъ въ крупныхъ политическо-религіозныхъ центрахъ, а слѣдовательно, въ большихъ и сильныхъ церквахъ (Іерусалимъ, Іераполь, Ефесъ, Антіохія, Римъ, Ліонъ, Карѳагенъ и др.). Но сама по себѣ мысль Sohm'a,—что иногда мѣстная церковь, чувствуя почему-либо собственную недостаточность и слабость, искала подкрѣпленія со стороны, ближайшимъ образомъ, у своихъ сосѣдей—можетъ быть всеже принята и оправдана документально-исторически. Важнѣйшимъ документальнымъ подтвержденіемъ ея служитъ свидѣтельство т. н. „церковныхъ каноновъ", предписывающее малочисленной церкви *(ὀλιγανδρία ὑπάρχη)*, при выборахъ себѣ епископа, приглашать и трехъ избранныхъ депутатовъ *(ἐκλεκτοὶ τρεῖς ἄνδρες)* отъ сосѣдней церкви [2]). Здѣсь указывается древнѣйшій и наиболѣе часто встрѣчавшійся случай „вспоможенія", перешедшій, затѣмъ, сначала, въ обычай, а потомъ и въ канонъ—чтобы при выборѣ каждаго епископа, присутствовали, по возможности, епископы всей данной провинціи, во главѣ съ ея митрополитомъ [3]). Но кромѣ такихъ выборныхъ случаевъ, возможны были, разумѣется, и другіе, когда силы мѣстной церкви оказывались тоже недостаточными и нуждались въ подкрѣпленіи извнѣ. Это случалось не только со слабыми, малыми церк-

[1]) *R. Sohm* „Kirchenrecht" Erst. b. Die Geschichtl. Grundlagen. 294 s. Leipzig 1892.

[2]) См. полный текстъ этого правила въ изданіи *Ad. Harnack*'а „Die Quellen d. sogennante apostolische Kirchenordung" (Texte und Untersuchungen II. b Heft 5, 1886). На русскомъ языкѣ полезна обстоятельная статья проф. А. П. Лебедева „Такъ называемые церковные каноны". Прибав. къ тв. св. отцевъ 40, 1887 г.

[3]) Апост. прав. I, 4. Ант. 12, 19. Карѳ. 13. I вс. 4. VII, 3. Сард. 6. Лаод. 12. Характерно, что большинство этихъ каноновъ говоритъ о *трехъ* епископахъ, какъ законномъ минимумѣ для дѣйствительности хиротоніи епископа.

вами, но и съ большими, сильными, когда, напримѣръ, въ нихъ происходили какія-либо внутреннія раздѣленія и смуты, какъ это было хотя-бы въ коринѳской церкви еще при ап. Павлѣ (I Кор. 3, 3—23) и позднѣе при Климентѣ римскомъ. Въ подобныхъ случаяхъ всякая мѣстная церковь также очень нуждалась въ безпристрастномъ третейскомъ судѣ, который-бы помогъ ей разобраться въ происшедшихъ у ней нестроеніяхъ и установить прочный внутренній миръ. Близкую аналогію послѣднему случаю усматриваемъ мы и въ соборѣ александрійской церкви: въ ней тоже возникло серьезное внутреннее осложненіе, усиливавшееся, главнымъ образомъ, отъ того, что въ дѣло были замѣшаны самыя крупныя и выдающіяся личности и что самое дѣло, (вина Оригена), представлялось довольно запутаннымъ и спорнымъ [1]). Поэтому еп. Димитрій поступилъ въ высокой степени предусмотрительно и осторожно, когда для такого щекотливаго дѣла, какъ судъ надъ Оригеномъ, пригласилъ еще и нѣкоторыхъ сосѣднихъ епископовъ, благодаря чему мѣстный соборъ александрійской церкви получилъ усиленный составъ и болѣе авторитетный характеръ.

Изслѣдуемый нами соборъ вынесъ, однако, какое-то довольно странное, компромиссное рѣшеніе: съ одной стороны, онъ не нашелъ въ поступкѣ Оригена никакой серьезной вины, такъ какъ въ противномъ случаѣ, разумѣется, не сохранилъ-бы за нимъ сана [2]). Но съ другой стороны, соборъ и не оправдалъ вполнѣ Оригена, такъ какъ подвергъ его все-же очень серьезной дисциплинарной карѣ—полному остракизму изъ мѣстной церкви. Въ рѣшеніи собора нѣтъ внутренней логики и, вообще, оно производитъ впечатлѣніе чего-то страннаго и необычнаго, сдѣланнаго только какъ будто-бы въ видѣ личной уступки обиженному епископу (Димитрію), но безъ соотвѣтствующей квалификаціи серьезной церковной

[1]) Кромѣ Оригена и еп. Димитрія, дѣло касалось и еще двухъ видныхъ епископовъ—Александра іерусалимскаго и Ѳеоктиста кесарійскаго, которые, строго говоря, были болѣе отвѣтственны за рукоположеніе Оригена, чѣмъ даже онъ самъ.

[2]) Отсюда, всѣ попытки нѣкоторыхъ, преимущественно, католическихъ авторовъ (Mansi, Neale, Hergenröther'a, даже Bardenhewer'a) выставить мотивами даннаго собора нѣкоторыя теоретическія заблужденія Оригена, падаютъ сами собой. Большинство смѣлыхъ частныхъ мнѣній Оригена выражено въ его главномъ философско-догматическомъ трудѣ *περὶ ἀρχῶν*, написанномъ еще въ Александріи до разрыва съ еп. Димитріемъ и при ближайшемъ сотрудничествѣ будущаго александрійскаго епископа Иракла. И, какъ справедливо отмѣчаетъ *Дюшенъ*, оба эти епископа ни прежде, ни послѣ не выражали никакихъ сомнѣній въ православіи этого трактата. Цитов. соч. I, 239—240.

вины Оригена [1]). Неудивительно, что подобный соборъ не удовлетворилъ никого, и прежде всего, конечно, самого-же еп. Димитрія, который поэтому вскорѣ и устроилъ у себя новый соборъ, по тому же самому дѣлу.

Этотъ новый, по счету уже *второй александрійскій соборъ* противъ Оригена происходилъ, вѣроятно, въ началѣ 231 года, и никакъ не позже его середины, такъ какъ въ октябрѣ этого года еп. Димитрій уже скончался († 10 Октября 231 г.) [2]). Объединяя всѣ, сохранившіяся объ этомъ соборѣ извѣстія—Фотія, Евсевія и Іеронима, Mansi говоритъ буквально слѣдующее: „потомъ, немного спустя (послѣ перваго собора) былъ созванъ Димитріемъ другой соборъ, на которомъ присутствовало *нѣсколько египетскихъ епископовъ*. Итакъ Димитрій, много жалуясь на дерзость Θеоктиста и Александра, весьма тяжко, далѣе, завинилъ и Оригена за то, что онъ, будучи юношей, совершилъ преступленіе, оскопивъ себя; тѣмъ самымъ Димитрій склонилъ весь соборъ къ единодушному рѣшенію, чтобы онъ осудилъ Оригена и лишилъ-бы его также священства, при чемъ подъ этимъ опредѣленіемъ подписались даже и тѣ, кто раньше голосовалъ за Оригена“ [3]). А бл. Іеронимъ къ этому присоединяетъ и два важныхъ, новыхъ добавленія: первое—что еп. Димитрій составилъ и разослалъ по всѣмъ церквамъ особое окружное посланіе, съ извѣщеніемъ о состоявшемся постановленіи [4]); второе—что съ постановленіемъ этимъ согласилось большинство другихъ церквей, кромѣ, однако, церквей Палестины, Аравіи, Финикіи и Ахаіи, гдѣ, по-

[1]) Недаромъ, Harnack о постановленіи даннаго собора отозвался, какъ объ eine ganz ungewöhnliche Entscheidung“. Die Chronologie II, 32. Leipzig 1904. Страннымъ кажется также и то, что о роли самого подсудимаго, т. е. Оригена на этомъ соборѣ намъ не извѣстно рѣшительно ничего. *Tillemont*, въ объясненіе этого говоритъ, что соборный судъ надъ Оригеномъ былъ заочнымъ, такъ какъ Оригенъ, не ожидая себѣ отъ этого собора ничего хорошаго, предпочелъ еще до начала собора снова удалиться къ своимъ друзьямъ—въ Кесарію. Op. cit. III, 533.

[2]) *Harnack.* Chronologie, II, 32 s. и еще I b. 203—205 s. Сравни *Hefele-Leclercq.* Op. cit. I, 158, not. 5. *Проф. Болотовъ* „Изъ эпохи споровъ о Пасхѣ въ концѣ 2 в.“. Хр. Чт. 1900, I, 449 стр.

[3]) „Altera deinde synodus paulo post collecta est a Demetrio, cui interfuerunt aliquot Aegypti Episcopi. Ergo Demetrius multum in synodo conquestus de audatia Theoctisti et Alexandri, facinus porro quod Origens adhuc juvenis patraverat, quum se castravit, gravissime criminatus, eo flexit ut consentiente universa synodo Origenem damaret et sacerdotio quoque privaret, subscribentibus huic decreto etiam iis, qui ante Origeni suffragabantur“. *Mansi* Op. cit. I, 754 p.

[4]) *Hieron.* De viris illustribus“ 54: „per totum orbem supra nomine ejus scriberet“. „Кн. о знаменитыхъ мужахъ“, LIV гл. ч. 5, стр. 317.

прежнему, продолжали видѣть въ Оригенѣ выдающагося и всѣми уважаемаго пресвитера [1]).

Въ анализѣ второго александрійскаго собора главное вниманіе изслѣдователя останавливаетъ на себѣ вопросъ объ его *составѣ*. Въ вышеприведенномъ сообщеніи Фотія, основанномъ на хорошемъ и авторитетномъ источникѣ [2]), ясно и опредѣленно отмѣчается присутствіе на этомъ соборѣ только однихъ египетскихъ епископовъ, точнѣе, даже лишь „сравнительно незначительнаго числа ихъ“ [3]). Что-же касается участія на второмъ александрійскомъ соборѣ пресвитеровъ, бывшихъ на первомъ соборѣ по тому-же дѣлу, или какихъ-либо еще другихъ епископовъ, кромѣ египетскихъ, то ни на что подобное—повидимому, совершенно сознательно и даже намѣренно—не дѣлается ни малѣйшаго намека. Не ясный-ли это знакъ того, что данный соборъ былъ строго-епископскимъ и притомъ такимъ, который состоялъ изъ епископовъ только одной, мѣстно-провинціальной церкви (александрійско-египетской, или коптской)? [4]). Такъ что попытка *Дюшена* и *Leclercq*'а

[1]) *Hieron.* Ep. 33, 4 ad Paulam: „Damnatur a Demetrio episcopo, exceptis Palestinae et Arabiae et Phoenicis atque Achaiae sacerdotibus“. Въ русскомъ кіевскомъ переводѣ эта мысль искажена, до полной ея противоположности: „Не говоря уже о священникахъ (а слѣдуетъ: „исключая епископовъ“) Палестины, Аравіи, Финикіи и Ахаіи, его осудилъ и еп. Димитрій“. Ч. I, изд. 2-е стр. 175. (32-ое п.).

[2]) Фотій черпалъ свои извѣстія о соборахъ противъ Оригена изъ той самой „апологіи“, составленной Памфиломъ, совмѣстно съ Евсевіемъ, къ которой отсылаетъ насъ и самъ Евсевій, какъ къ спеціальному трактату по данному вопросу: „какія послѣ того (т. е. послѣ палестинскаго рукоположенія Оригена) произошли изъ-за него (Оригена) движенія, какія, по случаю сихъ движеній, предстоятелями церквей постановлены были правила... О семъ предметѣ мы достаточно сказали во второй книгѣ апологіи, написанной нами въ защиту Оригена“. Очевидно, подъ этими „движеніями“ *(κεκινημένα)* и вынесенными по поводу ихъ постановленіями *(τοῖς κινηθεῖσιν δεδογμένα)* и надо разумѣть дѣятельность александрійскихъ соборовъ. У Руфина здѣсь дается довольно свободный переводъ, изъ котораго вытекаетъ даже, что по дѣлу Оригена были соборы нетолько *противъ*, но также и *за* него: „pro hoc autem quae *adversum* eum inhumanus livor accenderit et rursum *pro* defensione ejus quae gesserint hi, qui ecclesias praesidebant“... *Euseb.* ed. Schwartz-Mommsen, VI, 23, 4, 570—571. *Евсев.* VI, XXXIII, 358 стр. Основываясь, очевидно, на этомъ и *Routh* выдержкѣ изъ Фотія даетъ такой заголовокъ: „Vel ex uno aliquo, praecipue libro Secundo, vel ex pluribus librorum quinque posteriorum ejusdem operis, haec Photius in Bibliotheca, cod. CXVIII, pag. 296. ed. Hoeschelli, p. 92, ed. Bekkeri“. III,[2] 492 p.

[3]) *Photius,* cod. CXVIII: *„ἀλλ' ὅγε Δημήτριος ἅμα τισὶν ἐπισκόποις Αἰγυπτίοις“*... что въ латинскомъ переводѣ A. Schotto значится такъ: „Verum Demetrius una cum Aegypti *episcopis aliquot... Routh,* Reliquiae sacrae“[2]. III, 494 p.

[4]) *Ad. Harnack:* „Der Beschluss (перваго александрійскаго собора) genügte

расширить рамки даннаго собора чрезъ привлеченіе въ его составъ также и епископовъ многихъ другихъ церквей должна быть признана совершенно неудачной, основанной на ошибочномъ истолкованіи свидѣтельствъ Руфина и бл. Іеронима [1]). Итакъ, у насъ нѣтъ рѣшительно никакихъ данныхъ не довѣрять въ этомъ отношеніи Фотію, который очень выразительно подчеркиваетъ присутствіе на второмъ александрійскомъ соборѣ противъ Оригена однихъ только *египетскихъ* епископовъ, совмѣстно съ созвавшимъ ихъ александрійскимъ еп. Димитріемъ.

Однако, на первый взглядъ, отмѣченное обстоятельство кажется не только ничуть не помогающимъ дѣлу, но, повидимому, даже его запутывающимъ и осложняющимъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, извѣстіе Фотія объ исключительно-епископскомъ (и притомъ только египетскихъ епископовъ) составѣ втораго александрійскаго собора непосредственно примыкаетъ къ его-же сообщенію о первомъ соборѣ еп. Димитрія противъ Оригена, имѣвшемъ

dem Demetrius noch nicht; er berief *eine rein bischöfliche Versammlung*“ (курс. нашъ) Die Chronologie, II, 32. Leipzig 1904.

[1]) *Дюшенъ* „Исторія древней церкви“, стр. 232, прим. 3. *Leclercq* въ подстрочномъ примѣч. къ своему новому французскому переводу *Hefele* „Histoire des conciles“, 158—9 p. n. 6. Оба автора почти буквально повторяютъ другъ друга и надо полагать, что Leclercq, какъ позднѣйшій, заимствуетъ аргументацію у Дюшена; у послѣдняго-же мы читаемъ: „Евсевій (VI, 23) отсылаетъ здѣсь ко II кн. своей апологіи Оригена, которая утрачена. Фотій (cod. 118), сохранившій намъ изъ нея лишь нѣсколько данныхъ, повидимому, вычиталъ тамъ, что Евсевій и Памфилъ приписываютъ участіе въ осужденіи Оригена лишь однимъ египетскимъ епископамъ. Св. Іеронимъ (Rufin. Apol. II, 20), повидимому, слышалъ о бо́льшемъ числѣ епископовъ, участвовавшихъ въ этомъ дѣлѣ: „Damnatur a Demetrio episcopo; exceptis Palestinae et Arabiae et Phenices atque Achaiae sacerdotibus in damnationem ejus *consensit orbis*“... Но изъ этого согласія большинства епископовъ (хотя и большинства-то довольно сомнительнаго) съ осужденіемъ Оригена нисколько еще не слѣдуетъ,—какъ то, очевидно, думаютъ Дюшенъ и Leclercq,—что согласіе это было заявлено ими лично, на соборѣ. Скорѣй, наоборотъ: въ самомъ текстѣ бл. Іеронима оба указанныхъ факта—осужденіе Оригена и согласіе съ нимъ большинства епископовъ—даны, какъ два раздѣльныхъ момента; изъ нихъ подъ первымъ надо понимать, конечно, самый вотумъ александрійскаго собора; а подъ вторымъ—его послѣдующую общецерковную рецепцію, т. е. согласіе съ нимъ однихъ церквей и несогласіе, или неполное согласіе, другихъ. Нельзя фрагмента Іеронима относить къ самому собору еще и потому, что тогда мы поставили-бы его въ явное противорѣчіе съ Фотіемъ, а слѣдовательно и съ авторами „апологіи“: у нихъ говорится объ единодушномъ вотумѣ собора, подъ которымъ подписалась даже и прежняя оппозиція; а у бл. Іеронима перечисляется цѣлый рядъ церквей, нарушавшихъ такое единодушіе. Ясно, что рѣчь идетъ о различныхъ вещахъ: у Фотія—о самомъ соборѣ, а у бл. Іеронима—о послѣдующемъ церковномъ откликѣ на него (соборной рецепціи).

значительно иной составъ (съ пресвитерами) и вынесшемъ другое, болѣе снисходительное рѣшеніе по тому-же самому дѣлу [1]). Чѣмъ все это объяснить? Откуда такая серьезная, принципіальная разница соборовъ, во многомъ тождественныхъ между собою, (по мѣсту, предсѣдателю и поводу) и раздѣленныхъ всего лишь промежуткомъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ и никакъ не больше одного года? Вопросъ этотъ, насколько намъ извѣстно, до сихъ поръ, какъ это ни странно, не останавливалъ на себѣ серьезнаго вниманія ученыхъ и мы не имѣемъ ни одного готоваго его рѣшенія. Поэтому, сдѣлаемъ попытку освѣтить его самостоятельно, на основѣ хотя добытаго и другими, но объединеннаго и прокомментированнаго нами матеріала.

Рѣшающее значеніе въ выясненіи даннаго вопроса придаемъ мы тѣмъ своеобразнымъ особенностямъ въ строѣ церковной жизни и церковнаго управленія, которыми характеризуется современное даннымъ соборамъ состояніе александрійской церкви; въ частности, той крупной церковной реформѣ, которая только что передъ этимъ (т. е. передъ изслѣдуемыми соборами) была тамъ произведена. Общій голосъ и свѣтскихъ (Mommsen, Lübeck) и церковныхъ историковъ (Harnack, Preusschen, Achelis, Gutschmidt, а изъ русскихъ проф. Гидуляновъ и свящ. Дружининъ) [2]) рѣшительно высказывается за то, что египетско-александрійская церковь, со стороны своего церковнаго строя, заключала въ себѣ одну оригинальную и любопытную особенность, именно—*крѣпкій, или точнѣе, даже абсолютный монархическій епископатъ, при сильно развитомъ, полноправномъ пресвитератѣ*. То и другое выражалось,

[1]) Именно, относительно перваго александрійскаго собора мы находимъ у Фотія слѣдующія строки (въ латин. переводѣ): „Synodus insuper episcoporum coacta, et presbyterorum quorundam contra Origenem: quae, ut Pamphilius refert, decretum fecit. Alexandria quidem pellendum Origenem, neque in ea versari aut docere permittendum; sacerdotii tamen dignitate nequaquam submovendum“, что по-русски должно быть переведено такъ: „кромѣ того противъ Оригена былъ составленъ соборъ изъ епископовъ и нѣкоторыхъ пресвитеровъ, который, какъ говоритъ Памфилъ, составилъ опредѣленіе, что Оригенъ долженъ быть даже изгнанъ изъ Александріи; но однако ни въ какомъ случаѣ не долженъ быть лишенъ священства“. *Routh* „Reliquiae Sacrae“², III, 494 p. Буквальную перепечатку Фотія даетъ и *Mansi:* „Concilium Alexandrinum, habitum circa annum Christ. CCXXX“. Op. cit. 754 p.

[2]) Пять первыхъ авторовъ у насъ уже неоднократно цитовались. У *Gutschmid'*а мы имѣемъ въ виду его „Kleine Schriften“ II, c. XIII. Verzeichnis d. Patriarchen von Alexandrien“ 395 sq. Leipzig 1890. У проф. *П. В. Гидулянова* его магистерское сочиненіе „Митрополиты первыхъ трехъ вѣковъ христіанства“ М. 1905 стр. 149 и слд., а у *свящ. А. Дружинина* его монографію „Жизнь и труды св. Діонисія Великаго“, Казань 1900 г., въ особенности, съ 146 стр.

главнымъ образомъ въ томъ, что долгое время во всей обширной египетско-александрійской церкви существовалъ только *одинъ епископъ*, именно, преемникъ каѳедры евангелиста Марка, резидировавшій въ метрополѣ всей провинціи—г. Александріи. А во-вторыхъ—также и въ томъ, что пресвитерская коллегія, какъ въ самой Александріи, такъ и еще больше въ предѣлахъ остальной страны (*χώρα*), обладала особо повышенными, приближающимися къ епископскимъ, правами. Наличность обоихъ этихъ фактовъ, нерѣдко прежде оспариваемыхъ (въ особенности, представителями католической и англиканской церкви, по мотивамъ конфессіональнаго характера, именно, ради борьбы съ мнимо-пресвитеріанской тенденціей—Abraham Ecchellensis, Renaudot, Le Quien, Neale etc.) [1] признаетъ теперь, напримѣръ, и извѣстный католическій ученый *H. Achelis*, который въ своей новѣйшей популярной монографіи о первохристіанствѣ говоритъ по этому вопросу слѣдующее: „яснѣе-же всего древнее состояніе церковнаго строя (der Gemeindeverfassung) удержалось (blieb erhalten) въ Александріи. Тамъ пресвитераты, несмотря на монархическій епископатъ, сохранялъ извѣстныя полномочія правящей коллегіи (gewisse Rechte eines regierenden Kollegium). Когда епископъ умиралъ, то пресвитераты совмѣстно приступалъ къ новому избранію и всегда избиралъ лицо изъ своей собственной среды (einen Mann aus seiner eigenen Mitte). Это отступленіе отъ общаго порядка (von dem allgemeinen Brauch) оставалось до третьяго вѣка. Только тогда, повидимому, александрійская община и египетскій епископатъ получили право содѣйствовать (mitzuwircken) избранію епископа Александріи“ [2]. Съ нимъ вполнѣ солидаренъ въ данномъ случаѣ и извѣстный протестантскій ученый—*Erw. Preusschen*, который въ своей, хорошо знакомой намъ статьѣ объ Оригенѣ, высказывается относительно этого такъ: „Если оріенталистическіе источники (*Brooks* „Journal of Theol. stud. II, p. 612. *Gore*, III p. 278; также *Hieron.* ep. 85; сравн. *Bingham*, Antiquit. I, 91) правы, то до еп. Димитрія въ Египтѣ, по всей странѣ, не было епископовъ; а существовали только пресвитеры, и ординація александрійскихъ

[1] *Abraham Ecchellensis* „Eutychius vindicatus“ Rom 1661 (критика монографіи *Johan Seldensis* „Eutychii Aegypti, patriarchae orthodoxorum Alexandrini... ecclesiae suae origenes. London 1642. *Euseb. Renaudot* „Historia patriarcharum Alexandrinorum Jacobitarum a S. Marco usque ad finem saeculi XIII, Paris 1713. *M. Le Quien* „De Patriarchatu Alexandrino“ in „Oriens Christianus“ II, Paris, 1740. *J. M. Neale* „A history of the holy eastern church. The Patriarchat of Alexandria. Vol. I. London, 1847.

[2] *Hans Achelis* „Das Christentum in den ersten drei Jahrhunderten“ II, 40 s. Leipzig 1912.

епископовъ производилась чрезъ пресвитеровъ (erfolgte durch Presbyter). Только Димитрій положилъ начало измѣненію такого строя и раньше всего поставилъ трехъ епископовъ“ [1].

Объясненія такой оригинальной особенности церковнаго строя въ древне-александрійской, или шире, вообще, египетской церкви, надо искать въ условіяхъ предшествующей гражданско-политической и религіозно-общественной жизни данной обширной римской провинціи. Все это, на нашъ взглядъ, обстоятельно разработано въ магистерской диссертаціи проф. *П. В. Гидулянова*, на солидной основѣ древнихъ источниковъ (Strabo, Io. Flavius, Euseb. Theodoret, Clem. Alex.) и новыхъ авторитетовъ (Tillemont, Моммсенъ, Hirschfeld, Lübeck, Harnack, Rohrbach, Болотовъ и др.). Авторъ, прежде всего, подчеркиваетъ совершенно исключительное, чисто автономное положеніе Египта, являвшагося въ системѣ административнаго управленія Римской имперіи „какъ-бы государствомъ въ государ-

[1] *Erw. Preusschen* „Origenes“ RE³, 14, 474, 37-41 s. Не вдаваясь здѣсь въ подробную историческую мотивировку приведенныхъ мѣстъ Achelis'a и Preusschen'a, что увело бы насъ въ сторону отъ темы, замѣтимъ только, что они отнюдь не произвольны, а основаны на авторитетныхъ, древне-историческихъ свидѣтельствахъ. И прежде всего—на показаніи *бл. Іеронима*, который въ одномъ изъ своихъ писемъ сообщаетъ: „въ Александріи отъ евангелиста Марка до епископовъ Ираклa и Діонисія епископа всегда назначали пресвитеры (presbyteri ...episcopum nominabant), избравъ его изъ своей среды и поставивъ на болѣе высокую степень, (in excelsiori gradu collocatum) подобному тому, какъ войско поставляетъ императора или діаконы выбираютъ изъ своей среды самаго старательнаго и называютъ его архидіакономъ“. *(S. Hieronymi,* Epist. CXLVI ad Evangelum, Migne PL, t. XXII, col. 1194. Paris 1859 г.). Вполнѣ подтверждаетъ и даже еще шире развиваетъ это сообщеніе и одинъ изъ первыхъ, спеціальныхъ историковъ мѣстной церкви, александрійскій патріархъ Евтихій († 940 г.): „Св. Маркъ вмѣстѣ съ Ананіемъ, рукоположилъ двѣнадцать пресвитеровъ, чтобы они пребывали вмѣстѣ съ патріархомъ; такъ что когда каѳедра становилась свободной, они избирали одного изъ двѣнадцати, на голову котораго другіе одинадцать клали свои руки, давали ему благословеніе и поставляли его въ патріархи (unum e duodecim presbyteris eligerunt, cujus capiti reliqui undecim manus imponentes ipsi benedicerent et patriarcham crearent). И вмѣсто того избраннаго долженъ былъ какой-либо другой человѣкъ заполнить мѣсто промовированнаго пресвитера, такъ что-бы пресвитераты всегда состоялъ изъ двѣнадцати. Обычай этотъ соблюдался въ Александріи до самыхъ временъ патріарха Александра, то есть до эпохи трехъ сотъ восемнадцати, до Никейскаго собора, который запретилъ пресвитерамъ на будущее время рукополагать себѣ патріарха; но постановилъ, чтобы, въ случаѣ вакантности каѳедры, собирались-бы сюда сосѣдніе епископы съ цѣлью пополненія правильнымъ патріархомъ, который избирался-бы или изъ тѣхъ-же двѣнадцати пресвитеровъ, или изъ кого-либо еще“. *Eutychii patriarchae Alexandrini* „Annales“, PL. CXI, col. 982). См. аналогичное-же свидѣтельство патр. Евтихія изъ его коллекціи писемъ, переведенныхъ на сирскій языкъ Антоніемъ низибійскимъ и хранящихся въ Британскомъ музеѣ (Ms. Add. 12, 181 и Add. 14, 609. Смотри въ дис-

дарствѣ“ [1]). Затѣмъ, онъ твердо устанавливаетъ огромное, централизаторское значеніе метрополя всего Египта, его несравнимой столицы—Александріи, которая „во все до-константиновское время являлась вторымъ городомъ всей Римской имперіи, первымъ на Востокѣ и безспорно первымъ торговымъ городомъ міра“ [2]). Цвѣтущему промышленно-экономическому положенію Александріи вполнѣ отвѣчало и ея заслуженная слава, какъ центра греческой образованности и культуры, въ которомъ помѣщалась знаменитая „александрійская библіотека“ и древнѣйшая „академія наукъ (Museum)“, объединявшая лучшихъ корифеевъ тогдашней греческой образованности—представителей ея наукъ и искусствъ [3]). Словомъ, Александрія была какъ-бы міровой столицей, справедливо соперничавшей и во многомъ даже затмевавшей и самый Римъ. Вполнѣ естественно и даже совершенно неизбѣжно, что городъ такого мірового значенія долженъ былъ задавать тонъ всей своей странѣ и держать въ своихъ рукахъ всѣ главныя нити общественной, гражданской, экономической, судебной и религіозной жизни Египта.

Слѣдуетъ отмѣтить также и то, что еще съ эпохи Птоломеевъ Александрія стала самымъ крупнымъ центромъ іудейской діаспоры (недаромъ потребовался для нея переводъ LXX) и мѣстомъ пребыванія ея верховнаго „этнарха“, т. е, такого религіозно-политическаго ея главы, „юрисдикціонная власть котораго распространялась на весь Египетъ“ [1]). А такъ христіанская миссія въ грско-римскомъ мірѣ шла, преимущественно, по слѣдамъ іудейской діаспоры и невольно во многомъ подпадала ея вліянію и примѣру; то исключительно высокое положеніе іудейскаго этнарха какъ-бы само собою подготовляло аналогичную-же позицію и для христіанскаго патріарха, или, какъ онъ тогда именовался. „епископа. или папы“. Ко всему этому присоединялось и вліяніе уже знакомаго намъ фактора—роль Александріи, какъ sedes apostolica и церкви матери—выраженнаго здѣсь рѣзче, чѣмъ гдѣ-либо еще, благодаря вышеотмѣченнымъ особенностямъ гражданскаго положенія метрополя всего Египта. „Апостольское происхожденіе, сила, величина и богатство самой общины; а также ея роль въ дѣлѣ распространенія христіанства въ Египтѣ—были тѣми факторами, которые выдвигали александрійскую общину на первое мѣсто. Къ этому надо присовокупить полное отсутствіе конкурренціи со стороны прочихъ общинъ Египта, являвшихся въ сравненіи съ великой Александріей и въ политическомъ и численномъ отношеніи совершенно слабыми и ничтожными“ [2]). А рядъ благопріятно слагавшихся послѣдующихъ обстоятельствъ (просвѣтительное и благотворительное вліяніе Александріи, простиравшееся на весь Египетъ, слава мучениковъ христіанства, пострадавшихъ въ Александріи) окончательно упрочилъ и закрѣпилъ исключительно высокое положеніе Александріи (ея церковной общины и ея епископа) на всемъ христіанскомъ Египтѣ [3]).

сертаціи проф. *А. А. Спасскаго*. „Исторія догматич. движеній“ 138 стр. прим. 2). Къ этому остается добавить еще свидѣтельство карѳагенскаго діакона *Либерата*, жившаго въ VI вѣкѣ: „въ Александріи—говоритъ онъ—существовалъ еще обычай, чтобы преемникъ почившаго оберегалъ его тѣло, и правую руку его возлагалъ на свою голову и по совершеніи погребенія, своими руками бралъ и надѣвалъ на свою шею мантію блаженнаго Марка и тогда законно возсѣдалъ на престолъ“. *(Liberatus*, archidiaconus eccl. Carthaginensis „Breviarium“ c. XX. Migne, PL, LXVIII, col. 1036). Какъ-бы мы не ослабляли значенія этихъ свидѣтельствъ, въ особенности, очень авторитетнаго и выразительнаго свидѣтельства бл. Іеронима, мы едва-ли вправѣ низвести ихъ роль до значенія простыхъ мѣстныхъ обычаевъ, добавочно присоединявшихся къ общей епископской хиротоніи, какъ это дѣлаетъ, напримѣръ свящ. *А. Дружининъ* „Жизнь и труды св. Діонисія Великаго, епископа александрійскаго“, 147 стр. Казань 1900. Своеобразіе древне-александрійской епископской хиротоніи несомнѣнно заходило гораздо дальше невинныхъ добавленій и затрогивало вопросъ о хиротоніи, по самому его существу. Однако, такое уклоненіе отъ общаго правила епископской хиротоніи отнюдь не обусловливалось какими-либо принципіальными мотивами, а диктовалось простой, практической необходимостью—отсутствіемъ другихъ епископовъ во всемъ Египтѣ. Съ эпохи-же еп. Димитрія и Ираклa, когда такіе епископы появились, хиротонія, несомнѣнно, отошла къ нимъ. А вся предшествовавшая практика, съ соотвѣтствующими измѣненіями, перенесена была на предыдущій моментъ—самаго избранія александрійскаго епископа, которое, по толкованію канониста Зонары, тоже, какъ извѣстно, называлось нерѣдко „хиротоніей“ (Толк. Зонары на 1-ое Апостольское правило. „Правила св. апостолъ“ 3-ье изданіе Моск. Общ. Люб. Дух. Просвѣщенія. 1 стр. Москва 1901 г. Ср. Правила съ толкованіями, въ изд. еп. Никодима, I, 47 стр. СПБ. 1911 г.).

[1]) *Проф. И. В. Гидуляновъ* „Митрополиты въ первые три вѣка христіанства“ III, Александрійскій епископъ, 199 стр. Москва 1905.

[2]) *Проф. Гидуляновъ*—стр. 199-ая. Ср. спеціальный Exkurse „Die Weltstädte“ у *H. Achelis*'а, въ приложеніи къ его Das Christentum in d. drei Jahrhunderten“, II. 430—431 s. Leipzig 1912.

[3]) Такое значеніе языческой Александріи перешло по наслѣдству и къ христіанской, какъ говоритъ объ этомъ *проф. А. А. Спасскій* „Исторія догматическихъ движеній“.. стр. 137: „Еще съ конца втораго вѣка эта церковь сдѣлалась центромъ богословскаго развитія Востока и пріобрѣла въ христіанскомъ мірѣ особую славу—славу церкви философской“...

[1]) *Проф. Гидуляновъ* „Цит. сочиненіе“. 200 стр.

[2]) *Проф. Гидуляновъ* стр. 250—251.

[3]) Подтвержденіе той мысли, что весь Египетъ долгое время представлялъ собою какъ-бы одну церковную провинцію, съ г. Александріей во главѣ, усматриваютъ еще въ свидѣтельствѣ Евсевія о самомъ основаніи тамъ церкви евангелистомъ Маркомъ, и именно, въ томъ фактѣ, что онъ основалъ тамъ не „церкви въ самой Александріи“, какъ стоитъ въ нашемъ русскомъ переводѣ

Главенствующее, исключительно высокое положеніе Александрійскаго епископа во всей Египетской церкви повліяло и на сравнительное усиленіе правъ и полномочій мѣстнаго пресвитерата. До извѣстной степени, это уже понятно и само собой. Какъ скоро вся египетская церковь до 30-хъ годовъ третьяго вѣка нетолько канонически, но и фактически управлялась лишь однимъ—александрійскимъ епископомъ; то ео ipso мы должны предположить существованіе у этого единственнаго епископа какихъ-либо уполномоченныхъ имъ делегатовъ на мѣстахъ, которые и правили-бы христіанскими общинами, разсѣянными по всей египетской странѣ. Такими полномочными делегатами александрійскаго епископа и были „пресвитеры селеній", „номовъ", или даже „комовъ"—небольшихъ общественно-этнографическихъ единицъ, на которыя дѣлились болѣе крупные правительственные округа провинціи „Египетъ".

Делегируя свою власть „пресвитерамъ селеній" *(τοῖς πρεσβύτεροις τῆς κώμης)*, александрійскій епископъ не вводилъ въ народно-церковный обиходъ ничего новаго и раньше здѣсь неслыхан-

(*Евсев.* II, XVI, 85 стр.), а *ecclesiam* apud Alexandriam constituisse, какъ переведено у *Rufini (Euseb.* II, 16, 1, 141). Впрочемъ, Ad. Harnack, даже и принимая переводъ „Kirchen=*ἐκκλησίας*", подчеркиваетъ, что всѣ онѣ были объединены въ одномъ центрѣ—Александріи, и это онъ находитъ sehr merkwürdig. Mission und Ausbreitung²... II, 135. А что такую верховную юрисдикцію надъ всѣми церковными округами Египта Александрійскій епископъ сохранилъ и позже, при существованіи тамъ многихъ епископскихъ каѳедръ, это съ несомнѣнностью слѣдуетъ изъ знаменитаго 6-го правила перваго вселенскаго собора: „да хранятся *древніе обычаи (τὰ ἀρχαῖα ἔθη)*, принятые въ Египтѣ, и въ Ливіи, и въ Пентаполѣ, дабы александрійскій епископъ имѣлъ власть надъ всѣми ими", въ чемъ еп. *Никодимъ Милашъ* справедливо видитъ указаніе на права бо́льшія митрополичьихъ и скорѣе равныя патріаршимъ (цитованное сочиненіе, I, 200 стр. СПБ. 1911 г.). А *проф. Гидуляновъ* идетъ еще дальше и относительно, напримѣръ, еп. Діонисія александрійскаго опредѣленно заявляетъ, что „поле его дѣятельности не ограничивается однимъ Египтомъ. Онъ первый сталъ на путь римскаго епископа и постарается охватить своимъ умственнымъ окомъ всю вселенскую церковь". („Митрополиты въ первые три вѣка христіанства" 207 стр.). Недаромъ и самый терминъ „папа", какъ думаютъ, впервые началъ прилагаться къ христіанскимъ епископамъ, именно, здѣсь, въ Александріи, приблизительно съ эпохи преемника Димитрія—еп. Иракла *(παρὰ τοῦ μακαρίου πάπα ἡμῶν Ἡρακλᾶ" Euseb.* VII, 7, 4, 644). И даже до сихъ поръ оффиціальный титулъ александрійскаго патріарха положительно поражаетъ своей пышностью: „блаженнѣйшій и достопочтеннѣйшій отецъ, папа и патріархъ великаго града Александріи, Ливіи, Пентаполя, Ефіопіи и всей земли Египетской, отецъ отцовъ, пастырь пастырей, архіерей архіереевъ, тринадцатый апостолъ и судія вселенной". (*Проф. А. П. Лебедевъ* „Краткія свѣдѣнія объ Александрійскомъ, Антіох. и Іерусалим. патріархахъ. Собраніе сочиненій, т. 8, изд. 2-ое 759—760 стр. СПБ. 1903).

наго; а наоборотъ—лишь умѣло использовалъ тотъ институтъ, который былъ здѣсь давно и хорошо знакомъ и имѣлъ глубокіе историческіе корни въ общественно-политической жизни языческо-іудейскаго Египта. Еще въ первой главѣ своего настоящаго изслѣдованія, въ трактатѣ объ „іерусалимскихъ пресвитерахъ", на основаніи документальныхъ открытій цѣлаго ряда ученыхъ египтологовъ и выдающихся лингвистовъ (Leemann, Pe̊yron, Wilcken, Deissmann, Hauschild, проф. С. И. Соболевскій), намъ удалось установить, что даже самый терминъ *„πρεσβύτερος"*—повидимому, спеціально египетскаго происхожденія, и что онъ служилъ здѣсь техническимъ обозначеніемъ особыхъ представителей коммунальной службы [1]). Въ цѣломъ рядѣ древнихъ египетскихъ папирусовъ птоломеевой и позднѣйшихъ эпохъ терминъ „пресвитеръ" встрѣчается въ формѣ, совершенно тождественной съ его христіанско-церковнымъ употребленіемъ—*ὁ πρεσβύτερος*, или *οἱ πρεσβύτεροι τῆς κώμης*. Причемъ, немало и такихъ древнихъ папирусовъ, которые опредѣленно указываютъ на общественно-сакральный характеръ этого древне-египетскаго, языческаго пресвитерата. Такимъ образомъ, относительно самостоятельный христіанскій пресвитератъ шелъ въ Египтѣ уже по проторенному слѣду, почему онъ и привился здѣсь раньше и прочнѣе, чѣмъ гдѣ-либо еще.

Правда, вслѣдствіе общей скудости древнѣйшихъ церковно-историческихъ источниковъ, мы располагаемъ лишь немногими, да и то больше косвенными, показаніями о самостоятельности египетско-христіанскаго пресвитерата за первые три вѣка [3]). Но съ самаго-же

[1]) См. выше, I гл. 65 стр. и особенно 2-ое примѣчаніе на ней.

[2]) Новѣйшую спеціальную обработку накопившагося историческаго матеріала представляетъ прекрасная статья *H. Hausschildt'a „Πρεσβύτεροι* in Aegypten im I—III Jahrhundert nach Christentums" (Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft und die Kunde des Urchristentums 1903, IV, 3, 235 sq.). Раньше писали о томъ-же *F. Krebs* „Aegyptische Priester unter römischen Herrschaft" (Zeitschr. für ägyptische Sprache und Alterstumskunde, XXXI, 1893) и *C. Wilcken* „Kaiserlichen Tempelverwaltung in Aegypten (Hermes XXIII, 592).

[3]) Древнѣйшимъ и авторитетнѣйшимъ изъ свидѣтельствъ этого рода являются слѣдующія слова св. Діонисія александрійскаго, приведенныя Евсевіемъ изъ его трактата „объ обѣтованіяхъ" (утраченнаго): „бывъ въ арсиноѣскомъ округѣ, гдѣ, какъ ты знаешь, издавна усилилось это ученіе (хиліазмъ Непота) до того, что произошли расколы и отложенія цѣлыхъ церквей, я созвалъ *пресвитеровъ и учителей* тамошнихъ братій поселянъ *(συγκαλέσας τοὺς πρεσβυτέρους καὶ διδασκάλους τῶν ἐν ταῖς κώμαις ἀδελφῶν)*—и убѣдилъ ихъ, въ присутствіи желавшихъ того братій, изслѣдовать помянутое ученіе всенародно". *(Euseb.* VII, 24, 6 688. *Евсев.* VII, XXIV, 435—436). Коль скоро, св. Діонисій для бесѣдъ съ зараженной хиліазмомъ арсинойской паствой собираетъ лишь „сельскихъ пресвитеровъ и учителей", а не епископовъ, то вполнѣ логично заключать, что епископальнаго строя здѣсь вовсе не было, а существовалъ только пресвитері-

начала IV в. подобныя свидѣтельства настолько многочисленны и категоричны, что не могутъ быть удовлетворительно объяснены безъ допущенія раннѣйшаго существованія отдѣльнаго пресвитерата, нетолько въ деревняхъ, но и въ городахъ. Для иллюстраціи этого, достаточно привести напр. такое краснорѣчивое свидѣтельство знаменитаго Аѳанасія александрійскаго: „Мареотисъ, какъ я сказалъ выше, есть страна (*χώρα*), принадлежащая къ Александріи; и въ этой странѣ никогда не было ни епископа, ни хорепископа; но церкви всей страны подчинены (*ὑπόκεινται*) епископу Александріи. Каждый-же изъ пресвитеровъ имѣетъ собственныя очень большія селенія (*τὰς ἰδίας κώμας μεγίστας*) въ числѣ десяти, а кое-гдѣ и болѣе“ [1]). Здѣсь не трудно видѣть довольно близкую копію нашего современнаго церковно-приходскаго строя: цѣлый церковно-политическій округъ дѣлится на рядъ болѣе мелкихъ приходовъ, и эти приходы управляются пресвитерами; послѣдніе имѣютъ въ своемъ завѣдываніи не менѣе десятка сосѣднихъ деревень; и всѣ вмѣстѣ они непосредственно подчинены одному епархіальному архіерею (еп. г. Александріи). А изъ первоначальной исторіи аріанской смуты извѣстно, что даже и пресвитеры самого города Александріи стояли сравнительно высоко и пользовались нѣкотораго рода автономіей, благодаря чему только и возможно было, напр. честолюбивое соперничество и продолжительная распря мѣстнаго пресвитера Арія съ своимъ епископомъ Александромъ [2]). Такимъ образомъ, абсолютный монархическій

альный. Сравни и взглядъ проф. *Гидулянова* „Митрополиты... 213 стр. подкрѣпленный авторитетомъ *Ad. Harnack*'а „Mission„[2] II. 139 s. Здѣсь-же проф. Harnack извлекаетъ у св. Діонисія и рядъ другихъ косвенныхъ указаній на египетско-пресвитерскіе приходы—въ селеніи Тапозирисѣ (*Euseb.* VI, 40, 4, 396, въ 25 миляхъ на юго-западъ отъ Александріи), въ селеніяхъ Кефро (VII, 6, 656), Коллуѳіонѣ (VII, 11, 16. 660) и др.

[1]) *Athanas.* Contra Arianos, c. 85. PG, XXV, col. 382. Ср. Творенія св. Аѳанасія, арх. александрійскаго, ч. I, 301—302 стр. Москва 1851. А также *Socrates* „Historiae“ I, 27. И *Epiphan.* Haeres. 68, 7.

[2]) Обо всемъ этомъ убѣждено говоритъ, со ссылкой на Епифанія, извѣстный церковный историкъ *Дюшенъ*: „Въ городѣ Александріи уже въ ту пору (20-ые годы 4-го в.) имѣлось нѣсколько церквей, пользовавшихся извѣстной автономіей подъ управленіемъ особыхъ пресвитеровъ. Св. Епифаній (Haeres. LXIX, 3) называетъ нѣкоторыя изъ нихъ. Это—церкви: Діонисія, Ѳеоны, Пиерія, Серапіона, Персеи, Дизія, Мендидія, Анніана, ваквалійская“... „Исторія древней церкви“ II, 84 стр. 1914 г. Интересныя подробности относительно этого даетъ въ своей докторской диссертаціи и проф. *А. А. Спасскій*, который указываетъ, что „приходскій пресвитератъ Александріи, помимо совершенія службъ и требъ для своего прихода, былъ надѣленъ еще двумя важными полномочіями: правомъ толковать Св. Писаніе и поучать паству по своему усмотрѣнію

епископатъ и сильно развитой, сравнительно говоря, самостоятельный и привеллигированный пресвитератъ можно считать, болѣе или менѣе, установленнымъ фактомъ для церковнаго строя древняго Египта.

Но какъ ни проченъ былъ такой, естественно сложившійся церковный строй въ Египетской церкви, какъ ни полно отвѣчалъ онъ всему общественно-этнографическому и политическому укладу и многимъ мѣстнымъ историческимъ традиціямъ Египта, онъ все-же былъ слишкомъ своеобразенъ и сильно отличался отъ провинціально и городско-епископальнаго строя церковнаго управленія во всѣхъ остальныхъ церквахъ христіанскаго Востока и Запада, и перваго даже, по преимуществу. Поэтому, рано или поздно, онъ долженъ былъ уступить тому духу церковной униформы, который окончательно возобладалъ къ половинѣ III в. и въ лицѣ еп. Кипріана карѳагенскаго нашелъ своего главнаго идеолога. Вотъ почему, именно, около этого времени произведена была реформа и въ александрійско-египетской церкви, которая, если и не вполнѣ ее привела, то все-же сильно приблизила къ общему типу епископально-церковнаго строя. Реформа эта выразилась въ томъ, что остававшаяся долгое время единой обширная церковная провинція „Египетъ“ была раздѣлена на рядъ небольшихъ церковныхъ округовъ, соотвѣтствовавшихъ этнографическимъ номамъ, (по не политическимъ провинціямъ); и во главѣ каждаго изъ такихъ округовъ („номовъ“) поставленъ былъ свой епископъ, власть котораго простиралась на всѣ сельскія „комы“ его округа, управлявшіеся пресвитерами [1]). Начало этой крупной реформы большинство изслѣдователей относитъ къ послѣднимъ годамъ правленія еп. Димитрія и къ епископату его преемника—Иракла [2]). Естественно, что такая реформа не могла пройдти совершенно гладко и безъ всякихъ внутреннихъ треній,

---

и правомъ отлучать мірянъ отъ церковнаго общенія, не донося о томъ епископу“. 138 стр.

[1]) Подробности см. у проф. *Гидулянова* „Митрополиты... 213 стр. и слѣд. А страницей раньше (212 стр.) у него дана и самая таблица египетскихъ номовъ.

[2]) Опредѣленно усвояетъ начало этой реформы еп. Димитрію проф. *Ad. Harnack*, который, опираясь на извѣстнаго уже намъ александрійскаго патріарха Евтихія (I, 332), говоритъ: „nach einer unverächtlichen Nachricht hat Demetrius nur erst *drei* solcher Bischöfe geweiht, sein Nachfolger Heraclas aber bereits zwanzig“. Mission und Ausbreitung[2], II, 137. А у *Mign.* PG. CXI, 989 col. Причемъ здѣсь-же въ подстрочномъ примѣчаніи, ссылаясь на изслѣдованіе *Schwartz*'а (Athanasiana V, 182—Nachr. d, K. Gesellgch. d. W. z. Göttingen, 1905, Heft 2), *Harnack* дѣлаетъ попытку и выяснить тѣ мотивы, которыми руководился еп. Димитрій, начиная свою

такъ какъ она, въ сущности, если не совсѣмъ ломала, то сильно видоизмѣняла привычный, старый укладъ жизни и, въ частности, довольно чувствительно задѣвала привиллегіи коптскаго пресвитерата. И вотъ на эту-то критическую эпоху перелома, какъ разъ и падаютъ александрійскіе соборы противъ пресвитера Оригена.

Въ свѣтѣ только что приведенныхъ историческихъ справокъ, становится болѣе понятнымъ, какъ истинный характеръ обоихъ александрійскихъ соборовъ по дѣлу Оригена, такъ и ихъ внутреннее соотношеніе. Александрійская церковь имѣла большой, многочисленный, хорошо съорганизованный и привыкшій къ относительной самостоятельности пресвитератъ. Напротивъ, епископатъ коптской церкви, (за исключеніемъ, разумѣется, самого александрійскаго епископа), былъ еще слишкомъ молодъ, малочисленъ и вообще, слабъ. При такомъ положеніи вещей, вполнѣ естественно допустить, что старый пресвитератъ отнесся къ новоявленному епископату, если не прямо оппозиціонно, то во всякомъ случаѣ и неособенно дружелюбно, потомучто ростъ епископата происходилъ, конечно, насчетъ сокращенія прежнихъ правъ и привиллегій пресвитерата [1]). Судъ епископа Димитрія надъ пресвитеромъ (хотя

реформу. Онъ будто-бы хотѣлъ тѣмъ самымъ согласовать свое новое церковное дѣленіе съ тѣмъ политическимъ, которое было произведено Септиміемъ Северомъ (въ 202 г.) и выразилось въ томъ, что нѣкоторыя, наиболѣе крупныя селенія получили титулъ городовъ и соотвѣтствующее городовое устройство. Однако, еп. Димитрій приступилъ къ нововведенію очень робко: поставилъ всего лишь трехъ епископовъ. Ираклъ былъ смѣлѣе и поставилъ уже двадцать: а въ началѣ IV в. мы видимъ, что количество египетскихъ епископовъ сильно переростаетъ уже цифру сто. Не исключая нѣкотораго значенія и за этой гражданско-политической причиной, мы все-же думаемъ, что реформа еп. Димитрія опредѣлялась иными, внутренно-церковными мотивами—стремленіемъ внести больше стройности и порядка въ управленіе своей обширной провинціи и согласовать ея церковно-административный строй съ господствующимъ его типомъ въ другихъ церквахъ. По слѣдамъ своего знаменитаго учителя идетъ и его даровитый ученикъ *Frw. Preusschen*, который въ хорошо извѣстной намъ статьѣ объ „Оригенѣ“, между прочимъ отмѣчаетъ: „Erst Demetrius hat den Anfang mit der Verfassangsänderung gemacht und zunächst drei Bichöfe eingesetz“. RE³, 14, 474, 41-42 s. Слѣдовательно, лучшіе современные историки вплотную подошли теперь *къ Іерониму*, который, какъ мы видѣли, исторію чисто-епископской (а не пресвитерской) хиротоніи для александрійскихъ епископовъ считаетъ возможнымъ начать лишь съ Ираклa и Діонисія, т. е., очевидно, уже послѣ того времени, какъ Димитрій въ концѣ своей жизни, успѣлъ поставить первыхъ епископовъ (трехъ?).

[1]) Такъ, именно, характеризуетъ реформу еп. Димитрія, со стороны ея причинъ и слѣдствій и проф. *П. В. Гидуляновъ*, который говоритъ: „Вмѣстѣ съ тѣмъ Димитрій старается поднять значеніе епископской власти *путемъ ослабленіе могущественнаго пресвитерата*“ (курс. нашъ). „Митрополиты въ первые три вѣка христіанства“, 204 стр.

и чужой церкви) Оригеномъ пришелся какъ разъ на этотъ первый, наиболѣе острый періодъ глухой взаимной вражды александрійскаго пресвитерата съ коптскимъ епископатомъ. И понятно, что данный частный случай долженъ былъ получить соотвѣтствующую, мѣстно-историческую окраску. Не отсюда-ли и тотъ половинчато-компромиссный характеръ постановленія перваго александрійскаго собора, на который, какъ внутренно-непослѣдовательный и необычный, мы уже указывали выше [1])? Не слышится-ли и здѣсь отголоска происходившей въ александрійско-коптской церкви внутренней борьбы, въ силу которой епископы добивались обвиненія Оригена, а пресвитеры—его оправданія? А такъ какъ шансы обѣихъ партій были приблизительно равны (на сторонѣ епископовъ—бо́льшій авторитетъ, на сторонѣ-же пресвитеровъ—подавляющее количество), то они и сошлись на средне-примирительномъ компромиссѣ. Однако, такъ какъ подобный компромиссъ не удовлетворилъ никого, и прежде всего, самого-же главу александрійско-коптской церкви, то вскорѣ потребовался второй соборъ, который былъ съорганизованъ уже совершенно иначе: вся пресвитерская оппозиція на этотъ соборъ вовсе не приглашалась; а созванъ онъ былъ только изъ тѣхъ коптскихъ епископовъ, которые, въ качествѣ недавнихъ ставленниковъ Димитрія, были всецѣло солидарны съ нимъ, представляя изъ себя нѣчто, въ родѣ его викаріевъ. Естественно было ожидать, что такой соборъ только и могъ вынести то самое рѣшеніе, какое нужно было его организатору (т. е. еп. Димитрію). Ничѣмъ инымъ, какъ этимъ объясняется и то удивительное единодушіе, какое было здѣсь достигнуто, несмотря на почти противоположный votumъ перваго, незадолго передъ тѣмъ состоявшагося, александрійскаго-же собора. А между тѣмъ второй соборъ, какъ чисто „епископскій“ имѣлъ, надо полагать, бо́льшій авторитетъ въ глазахъ всѣхъ другихъ церквей, привыкшихъ, именно, къ епископскимъ соборамъ: онъ какъ бы анулировалъ собой постановленіе перваго александрійскаго собора и предложилъ свой односторонній votumъ, въ качествѣ окончательнаго рѣшенія всей мѣстной церкви, чего на самомъ дѣлѣ вовсе не было. А что это такъ, что и на самомъ дѣлѣ далеко не вся александрійская церковь осудила Оригена и отвернулась отъ него, это убѣдительнѣе всего доказываетъ намъ примѣръ св. Діонисія великаго, младшаго современника Оригена, а впослѣдствіи—виднѣйшаго и вліятельнѣйшаго епископа Александріи (съ

[1]) Смотри стр. 307-ую.

247—264). Онъ, какъ это извѣстно достовѣрно, съ высокимъ уваженіемъ относился къ личности Оригена и даже посвятилъ ему одно изъ своихъ сочиненій [1]).

Итакъ, что-же, въ окончательномъ итогѣ, представляетъ собой второй александрійскій соборъ? По совѣсти говоря, мы положительно не видимъ возможности подвести его ни подъ одинъ изъ извѣстныхъ намъ типовъ канонически правомѣрныхъ соборовъ древней церкви. Его, ни въ какомъ случаѣ, нельзя, подобно предыдущему александрійскому-же собору, назвать соборомъ мѣстной церкви, такъ какъ здѣсь не было на лицо необходимыхъ составныхъ элементовъ мѣстно-церковнаго собранія — представительства отъ клира и отъ мірянъ. Нельзя также признать его и большимъ общимъ епископскимъ соборомъ, ни по характеру обсуждавшагося на немъ предмета, ни тѣмъ болѣе по самому его составу. Ближе всего онъ подходитъ, пожалуй, къ типу однопровинціальныхъ соборовъ, въ родѣ Синаадскаго. Но и для такого собора требуется все-же и бо́льшее число епископовъ, и главное—большая степень ихъ независимости и самостоятельности; а ни того ни другого не было здѣсь, у трехъ (?) новопоставленныхъ коптскихъ епископовъ, чувствовавшихъ себя въ положеніи викаріевъ александрійскаго епископа-отца. Такъ что на основаніи всего вышеизложеннаго, мы по долгу историческаго безпристрастія, должны отказать второму александрійскому собору въ легальной правомѣрности и отнести его къ числу тѣхъ—увы, далеко не безъизвѣстныхъ церковной исторіи соборовъ, въ родѣ напр. собора подъ Дубомъ (403 г. противъ св. Іоанна Злат.)—

[1]) *Діон. алекс.* „О мученичествѣ“ (Евсѣв. VI, XLVI, 395 стр.) написано около 250 г. по поводу претерпѣнныхъ Оригеномъ жестокихъ истязаній, въ гоненіе Декія. (См. Евсев. VI, XXXIX, 374 стр.). *Harnack* „Die Chronologie...“ II, 61. Прекрасную ораторскую рѣчь въ похвалу Оригена составилъ и одинъ изъ его, сначала, александрійскихъ, а затѣмъ и кесарійскихъ учениковъ—св. *Григорій Чудотворецъ* еп. Неокесарійскій († 270 г.). *Koetschau* „Die Danksrede Gregors an Origenes“. Freib. im Breisgau, 1894. Рѣчь эта, какъ свидѣтельствуетъ *бл. Іеронимъ* („Кн. о знам. мужахъ“, гл. LXV, стр. 324-я), была произнесена въ большомъ многолюдномъ собраніи, на которомъ присутствовалъ и самъ Оригенъ. Событіе-же имѣло мѣсто въ 238 г. *(Bardenhewer* Op. cit. II, 274), т. е. *послѣ* александрійскаго осужденія Оригена, которое, очевидно, нисколько не помѣшало его публичному чествованію и даже явилось, быть можетъ, намѣренной реабилитаціей его, какъ невинно пострадавшаго. Изъ друзей и защитниковъ Оригена, кромѣ неоднократно упоминавшихся: еп. Александра іерусалимскаго, Ѳеоктиста кесарійскаго, Діонисія александр. пресвитера Памфила и церковнаго историка Евсевія, назовемъ еще историка Руфина, бл. Іеронима, еп. Іоанна іерусалимскаго и, въ особенности, св. Іоанна Златоустаго. Укажемъ, наконецъ,

гдѣ не было законнаго и правильнаго выраженія соборнаго сознанія церкви, а производилась его фальсификація и подтасовка, или въ угоду отдѣльныхъ личностей, или для торжества опредѣленныхъ тенденцій [1]).

Небезъизвѣстный католическій историкъ соборовъ—Mansi полагаетъ, что по дѣлу Оригена былъ и еще одинъ соборъ, именно, въ Римѣ, около 237 года. У него относительно этого собора мы находимъ слѣдующее: „На римскомъ соборѣ осужденъ былъ Оригенъ папой Фабіаномъ, свидѣтель чего Руфинъ въ 2 кн. Возобличеній на Іеронима: „осуждается (Оригенъ) епископомъ Димитріемъ, за исключеніемъ епископовъ Палестины, Аравіи и Финикіи съ Греціей; съ осужденіемъ его соглашается и городъ Римъ; онъ самъ собираетъ сенатъ противъ него (Hieron. in epist. LXV ad Pammach. et Ocean.)“. Самъ Оригенъ въ письмѣ, которое онъ пишетъ къ Фабіану, епископу города Рима, раскаивается въ томъ, что писалъ таковое. См. и Евсев. VI, XXXVI“ [2]).

Нетрудно убѣдиться, что выставленныя Mansi историческія

и на благопріятный отзывъ о сочиненіяхъ Оригена не менѣе, какъ двадцати пяти замѣчательныхъ богослововъ VII—XVII в. о чемъ, со ссылкой на *P. D. Huetius'a* „Origeniana“, упоминаетъ проф. *В. Болотовъ*, въ своей извѣстной магистерской диссертаціи „Ученіе Оригена о святой Троицѣ“, 435—436 стр. СПБ. 1879. Такое облако авторитетнѣйшихъ защитниковъ Оригена, надѣемся, освобождаетъ насъ отъ труда его оправдывать и доказывать неправомѣрность александрійской расправы съ нимъ.

[1]) Серьезную опору такому своему взгляду находимъ мы у *бл. Іеронима*, въ его жестокомъ, но не лишенномъ правды отзывѣ объ этомъ александрійскомъ соборѣ: „Damnatur (Origenes) a Demetrio episcopo... non propter dogmatum novitatem nec propter haeresim, ut nunc adversus eum rabidi canes simulant, sed quia gloriam eloquentiae ejus et scientiae ferre non poterant, et illo dicente omnes muti putabantur“. *S. Hieron.* Ep. 33. 4. *Творенія бл. Іеронима*, Ч. 1, изд. 2-ое, Письмо къ Памвѣ, 32-ое, стр. 175, Кіевъ 1893. Аналогичную съ нашей характеристику второму александрійскому собору противъ Оригена даетъ и проф. *И. В. Гидуляновъ*: „Димитрій созвалъ соборъ изъ однихъ имъ самимъ поставленныхъ епископовъ. Этотъ соборъ, соборъ преданныхъ и послушныхъ ему епископовъ, удовлетворилъ желаніе Димитрія, признавъ ничтожнымъ рукоположеніе ненавистнаго ему Оригена. Но этотъ соборъ есть соборъ исключительный и повидимому неодобренный древней церковью“. Митрополиты въ первые три вѣка... 162 стр.

[2]) In Romano concilio damnatum fuisse Origenem a Phabiano papa testis est Rufinus libro 2 Invect. in Hieronimum: „Damnatur (Origenes) a Demetrio episcopo, exceptis Palestinae et Arabiae et Phoenias atque Ahaiae sacerdotibus: in damnationem ejus consentit urbs Roma, ipsa contra hunc cogit senatum“. Hieron. in epist. LXV ad Pammach et Ocean. Ipse Origenes in epistola, quam scribit ad Fabianum, Romanae urbis episcopum poenitentiam agit cur talia scripserit. *Vide et Euseb.* Lib. VI, cap. XXXVI. *Mansi* „Op. cit.“ I, 787—788.

основанія слишкомъ недостаточны и шатки, чтобы строить на нихъ опредѣленное заключеніе о существованіи особаго римскаго собора противъ Оригена. Такъ, въ послѣдней ссылкѣ—на Евсевія, мы читаемъ лишь слѣдующее: „Оригенъ писалъ также римскому епископу Фабіану и весьма многимъ другимъ предстоятелямъ церквей о своемъ православіи *(ἑτέροις τε πλείστοις ἄρχουσιν ἐκκλησιῶν περὶ τῆς κατ' αὐτὸν ὀρθοδοξίας)* [1]). Отсюда видно, что во-первыхъ, такія письма Оригенъ писалъ не одному Фабіану, а весьма многимъ и другимъ епископамъ; во-вторыхъ, что предметомъ ихъ былъ вопросъ объ его православіи, который, повидимому, еще не затрагивался еп. Димитріемъ, и въ третьихъ—что это имѣло мѣсто гораздо позже, когда Оригену уже исполнилось „болѣе шестидесяти лѣтъ отъ роду“ (см. начало этой главы у *Евсев.)*, тогда какъ во время александрійскаго изгнанія ему было только 45—46 л.

Немногимъ, развѣ, больше даетъ и свидѣтельство Іеронима, упоминающее объ устройствѣ въ Римѣ какого-то „сената“ противъ Оригена. Едва-ли основательно подъ этимъ „сенатомъ“ разумѣть церковный соборъ, хотя-бы и мѣстный. Кажется, правильнѣе будетъ, основываясь на церковно-техническомъ употребленіи даннаго термина (senatus=presbyteratus) [2]), видѣть здѣсь указаніе, именно, на коллегію римскихъ пресвитеровъ, на заключеніе которой папа Понтіанъ (а не Фабіанъ 236—250 г.)—современникъ еп. Димитрія александрійскаго—могъ, пожалуй, передать полученное имъ посланіе александрійскаго собора, такъ какъ въ немъ шла рѣчь объ осужденіи ихъ-же коллеги—пресвитера. Составлять же у себя въ Римѣ соборъ по чужому дѣлу папа едва-ли могъ еще и потому, что у него и въ своей-то римской церкви далеко не все обстояло тогда благополучно [3]). Такъ что даже католическій-же историкъ соборовъ — Hefele и тотъ склоняется къ мысли видѣть въ словахъ бл. Іеронима указаніе не на соборъ всей римской церкви, а на засѣданіе одного только римскаго клира (la réunion du clergé romaine) [4]). А мы и тѣмъ болѣе не видимъ ни надобности, ни возможности отстаивать существованіе этого, довольно все-же сомнительнаго, собора.

[1]) *Euseb.* VI, 36. 4, 591 s. *Евсев.* VI, XXXVI, 371 стр.

[2]) Обильныя доказательства взаимозамѣняемости этихъ двухъ терминовъ будутъ приведены нами ниже, въ обзорѣ соборовъ кипріановой эпохи.

[3]) Разумѣемъ схизму Ипполита римскаго, которая къ этому времени еще не была ликвидирована.

[4]) *Hefele-Leclercq* „Op. cit.“ I, 159. Наоборотъ, Döllinger въ своей извѣстной монографіи „Hippolytus und Kallistus, s. 260“ думаетъ, что соборъ въ Римѣ противъ Оригена, подъ предсѣдательствомъ папы Понтіана, дѣйствительно, состоялся, причемъ однимъ изъ главныхъ мотивовъ его устройства послужило, согласно гипотезѣ Döllingera, именно, то обстоятельство, что Оригенъ былъ знакомъ съ противникомъ папы—Ипполитомъ рим. и слѣдовательно (?) раздѣлялъ его взгляды. *Ibidem.* Но мы все-же остаемся при прежнемъ убѣжденіи,—что въ Римѣ не было спеціальнаго собора по дѣлу Оригена; потомучто, если допустить соборъ въ Римѣ, то, основываясь на той-же цитатѣ Іеронима, пришлось-бы съ неменьшимъ правомъ допустить и существованіе цѣлаго ряда аналогичныхъ соборовъ на Востокѣ, (въ Ахаіи, Палестинѣ, Финикіи), чего, однако, не дѣлаютъ и сами католики.

Сравнительно больше, если не вѣроятія, то, по крайней мѣрѣ, интереса заслуживаетъ смутная традиція о третьемъ александрійскомъ соборѣ, будто-бы имѣвшемъ мѣсто въ началѣ правленія преемника Димитрія—еп. Иракла (231—247). Главной и въ сущности единственной, сколько-нибудь правдоподобной опорой этой традиціи является одно мѣсто изъ сочиненій патр. Фотія, которое читается такъ: „во дни святѣйшаго Иракла въ Александріи Оригенъ, прозываемый „Адамантовымъ“, открыто объяснялъ *(ἐξηγούμενος)* собственный образъ мыслей *(τὴν ἰδίαν... αἵρεσιν)* по средамъ и пятницамъ. Однако его, какъ извращающаго здравое ученіе и пренебрегающаго православной вѣрой *(τὴν ὀρθοδόξαν πίστιν)*, самъ святой Ираклъ изгналъ изъ церкви *(ἐχώρισεν τῆς ἐκκλησίας)* и выселилъ изъ Александріи. И вотъ, публично изгнанный (*ἐκκήρυκτος*, публично, съ провозглашеніемъ изгнанный) Оригенъ, держа путь въ Сирію, зашелъ въ городъ, называемый Тмуисъ, имѣющій православнаго епископа, по имени Аммонія, который и позволилъ этому Оригену сказать учительное слово въ своей церкви. Услыхавшій объ этомъ вышеназванный папа Ираклъ пришелъ въ Тмуисъ и за это низложилъ Аммонія *(καθῄρησε τὸν Ἀμμώνιον)* и поставилъ вмѣсто него епископомъ болѣе юнаго, но твердо навыкшаго въ христіанствѣ, нѣкоего Филиппа. Позднѣе, будучи упрошенъ отъ народа того города, папа Ираклъ снова возстановилъ епископа Аммонія и поручилъ имъ обоимъ—Аммонію и Филиппу—епископію Тмуиса“ [1]).

Döllinger, который однимъ изъ первыхъ пустилъ эту цитату въ научный оборотъ, отнесся къ ней съ полнымъ довѣріемъ и самый фактъ повторнаго изгнанія Оригена изъ Александріи помѣстилъ около 234 235 г. во всякомъ случаѣ, до вспышки Максиминова гоненія на Востокѣ, во время чего Оригенъ находился уже въ Каппо-

[1]) *Phot. IX Ἐρώτημα, „Συναγωγαὶ καὶ ἀποδείξεις“.* Нашъ переводъ ея сдѣланъ по исправленному тексту *Döllinger*'а (Hippol. und Kallistus) 264 s. 100 n.

докіи, у своего новаго друга, мѣстнаго еп. Фирмилліана [1]). Однако, одного авторитета Фотія—писателя IX в. все-же недостаточно, чтобы окончательно увѣровать въ это извѣстіе и его принять; а какихъ-либо другихъ, болѣе древнихъ, подтверждающихъ его источниковъ, самъ Фотій, къ сожалѣнію, здѣсь намъ не указалъ. Поэтому, даже авторы, принципіально сочувствующіе приведенной версіи, все-же считаютъ ее хотя и „заслуживающей вѣры, но съ точностью не установленной“ [2]). Большинство-же другихъ авторовъ относится къ извѣстію Фотія прямо скептически и причисляетъ его къ категоріи тѣхъ, хотя даже и еще болѣе древнихъ, но явно легендарныхъ сказаній, которыми, напр. возводилось на Оригена обвиненіе не болѣе не менѣе, какъ въ магіи и колдовствѣ [3]). Во всякомъ случаѣ, для насъ ясно, что Иракліу не было никакой на-

[1]) *Döllinger J.* „Opus cit.“ 266: Diese zweite Vertreibung des Origenes fällt, scheint es, in das Jahr 234 oder 235, ehe er vor der Maximillischen Verfolgung Schutz bei seinem Freunde Firmilian in Kappadozien suchte“.

[2]) Къ числу ихъ относятся, между прочимъ, и оба извѣстныхъ современныхъ патролога—*Ad. Harnack* и *Bardenhewer*. Первый, впрочемъ, выражается довольно осторожно: „Dass Origenes noch einmal später, wohl bald nach dem Regierungsantritt des Heraklas, nach Alexandrien zurückgekehrt ist, dann aber noch einmal—von Heraclas—exkommuniziert worden ist, *scheint glaublich, aber Sicherheit lässt sich durchaus nicht gewinnen*“ (курс. нашъ). Chronologie, II, 33 s. 2 n. Leipzig 1904. *Bardenhewer*-же даетъ извѣстію Фотія полную вѣру, но относитъ его къ самому началу епископства Иракла, къ 231—232 г. Geschichte der altkirchl. Litteratur. II, 80, Freiburg im Breisgau 1903.

[3]) Изъ извѣстныхъ намъ ученыхъ раньше и рѣшительнѣе всего высказался противъ версіи собора еп. Иракла *Tillemont*, который самое происхожденіе этой традиціи объяснилъ невольной путаницей епископскихъ именъ, въ силу которой Иракліу, какъ болѣе ученый и знаменитый епископъ, такъ сказать, затмилъ собою протестеца Димитрія: cette confusion, parceque le nom d' Heracle estoit plus illustre dans l' Eglise, que celui de Demetre“. Memoires pour servir a l' histoire ecclesiastique, t. III, Notes sur Origene, p. 770. Paris 1695. Его, до извѣстной степени, поддержалъ и спеціальный историкъ александрійскаго патріархата англичанинъ *Neale*, который склоненъ допустить, что Иракліу лишь подтвердилъ отлученіе Оригена: „Le renewed the sentence of excommunication against Origen“. A History of the holy eastern church. The patriarchate of Alexandria“, I, 30 p. London 1848. То-же, въ сущности, повторяетъ и современный крупный католическій историкъ *Дюшенъ*, который, признавая, что прежняя привязанность Иракла къ Оригену какъ будто остыла и что, ставши епископомъ, онъ занялъ по отношенію къ нему, повидимому, то-же положеніе, какъ и его предшественникъ“, однако все-же намѣренно подчеркиваетъ, что „дальше этого онъ не идетъ, вопреки *Harnack*'у и *Bardenhewer*'у“. Исторія древней церкви I, 233 стр. М. 1912.

Странныя обвиненія Оригена въ чародѣйствѣ опредѣленно даны въ письмѣ императора Юстиніана къ констант. еп. Меннѣ и будто-бы заимствованы имъ изъ утраченнаго сочиненія еп. Петра александрійскаго († 312, изъ его Mystagogia): *„τί δὲ εἶπω Ἡρακλᾶν καὶ Δημήτριον τοὺς μακαρίους ἐπισκόπους, οἵους πει-*

добности устраивать у себя новаго собора противъ Оригена: ему совершенно достаточно было только подтвердить постановленія двухъ, ранѣе уже состоявшихся соборовъ (при Димитріѣ) и потребовать ихъ исполненія, если-бы Оригенъ и на самомъ дѣлѣ, самовольно и вопреки соборнымъ рѣшеніямъ, рискнулъ вернуться въ Александрію, въ разсчетѣ на свою старую дружбу съ новымъ епископомъ—Иракломъ. Не лучше-ли весь протестъ Оригена противъ далеко, какъ мы видѣли, не безпристрастнаго суда александрійскихъ соборовъ ограничить только попытками его письменной самозащиты—и передъ Иракломъ, и передъ папой и передъ другими епископами? Положительные слѣды такой реабилитаціи можно находить, какъ у Евсевія съ Іеронимомъ, такъ и у самого Оригена [1]). Что-же касается позднѣйшихъ „оригенистическихъ споровъ“ V-го и VI-го вѣка, то они возникли и велись на совершенно иной идеологической почвѣ и къ личности историческаго Оригена имѣютъ, по существу дѣла, лишь довольно отдаленное отношеніе [2]).

ρασμοὺς διέστησαν ὑπὸ τοῦ μανέντος Ὠριγένους... *Routh* Reliquiae Sacrae [2], IV, 81. Еще болѣе странное и ни съ чѣмъ несообразное обвиненіе возводится на Оригена въ ересеологическомъ трудѣ Епифанія (Haeres. 64, Mign. PG. XLI, col. 1070), гдѣ Оригенъ обвиняется прямо даже въ идолопоклонствѣ (въ служеніи Серапису). Прекрасную критику всѣхъ этихъ клеветническихъ навѣтовъ, продиктованныхъ злобой враговъ и завистниковъ Оригена, далъ еще *Tillemont* „Op. cit.“ III, 766—769.

[1]) *Euseb.* VI, 26, 4, 590—592: *„γράφει δὲ καὶ Φαβιανῷ τῷ κατὰ Ῥώμην ἐπισκόπῳ ἑτέροις τε πλείστοις ἄρχουσιν ἐκκλησιῶν περὶ τῆς κατ' αὐτὸν ὀρθοδοξίας“. Eccles.* VI, XXXVI, 371. *Origen.* Johanneskommentar... 1 c. ed. *Erw. Preuschen* „Origenes“ IV b. *Τόμος A.* 3 s. 1903. (Berlin. Academie). *Hieron.* Adv. Rufin. II, 18. Твор. бл. Іеронима, ч. 5, стр. 66. Кіевъ. 1879.

[2]) Оригенистическіе споры велись, главнымъ образомъ, на почвѣ аріанской и несторіанско-монофизитской борьбы, позднѣе осложнившейся еще крайними монашескими и пелагіанскими теченіями. Обычно ликвидацію ихъ относятъ ко времени пятаго вселенскаго собора (553 г.), который въ пятнадцати тезисахъ будтобы осудилъ нѣкоторыя заблужденія Оригена, не касаясь самой его личности. По *Функъ* дѣлаетъ серьезную поправку, утверждая, что 15 анаѳематизмовъ противъ Оригена принадлежатъ не вселенскому собору, а частному собору 543 г. *(σύνοδος ἐνδημοῦσα)* подкрѣпленному спеціальнымъ эдиктомъ императора Юстиніана. „Исторія христіанской церкви“, въ перев. проф. *Гидулянова* 130—131 стр. Москва 1911. Впрочемъ, еще гораздо раньше Функа то-же самое убѣдительно доказалъ и проф. *В. Болотовъ* „Ученіе Оригена о Св. Троицѣ“ 430—431 стр. и прим. СПБ. 1879. А то, что Епифаній изобрѣтаетъ подъ видомъ двухъ мерзкихъ ересей „оригенистовъ“ (Haeres. LXIII—LXIV), и вовсе не имѣетъ отношенія къ дѣйствительному Оригену, да сильно сомнительно и по существу. *Иванцовъ-Платоновъ* „Ереси и расколы“... 309—310 стр.

V.

Соборы: Бострійскій (противъ еп. Берилла) и Аравійскій (противъ „онетопсихитовъ"), въ 40-ыхъ годахъ 3-го вѣка [1]).

Отъ соборовъ, гдѣ Оригенъ былъ подсудимымъ, перейдемъ теперь къ такимъ, гдѣ онъ самъ является судьей, или, по меньшей мѣрѣ, главнымъ обличителемъ и вразумителемъ виновныхъ въ заблужденіяхъ.

Изъ числа такихъ соборовъ опредѣленнѣе и тверже всего засвидѣтельствованъ исторіей *соборъ въ г. Бостръ*, противъ мѣстнаго епископа Берилла. Первоисточникомъ нашихъ свѣдѣній о немъ служитъ слѣдующій довольно подробный разсказъ Евсевія. „Недавно упомянутый нами епископъ Бостры аравійской Бериллъ, преступивъ церковное правило *(τὸν ἐκκλεσιαστικὸν παρεκτρέπων κάνονα)*, пытался привнести въ ученіе вѣры какія-то странныя мнѣнія. Онъ дерзнулъ утверждать, что Спаситель и Господь

[1]) О Бериллѣ и бывшемъ по поводу его заблужденія соборѣ (вѣрнѣе, нестолько о соборѣ, сколько о самомъ его заблужденіи) существуетъ значительная литература.

Источники: Euseb. VI, 20, 566; 33, 588. *Евсев.* VI, XX, 354—355 стр.; XXXIII, 369. *Бл. Іеронимъ* „Книга о знаменитыхъ мужахъ" LX гл. Творенія 5 ч. 321 стр. Кіевъ 1879. *Его-же* „Изложеніе Хроники Евсевія Памфила" 5 ч. 382 стр. *Socrates* Hist. eccles. III c. 7. *Origen.* „Comment. in ep. ad Titum" ed. Lommatsch, V, 287. *Origen.* Johanneskommentar. ed. E. Preuschen. IV, 3 sq. *Routh* „Reliquiae Sacrae"[2]. IV, 367. *Epiphan.* „Haeres." 51, 22 c. ed. Diendorf. Leipz. 1859. *Photius* „Cod." 48. *Mansi.*

Пособія: Tillemont „Op. cit." III, 543—544, Paris 1695 (несмотря на почтенный свой возрастъ, одно изъ лучшихъ по данному вопросу), *Mosheim* „De rebus Christ." Saecul. III, sect. 34. *C. Ullmann* „De Beryllo Bostreno ejusque doctrina commentatio", Hamburgi 1835. *P. Fock* „De christologia Berylli Bostrensi", 1843. *Kober* „Beryll von Bostra" (Tübing. Quartalsch. 1848). *E. de-Pressense* „Histoire des trois premiers siècles" III, 169—170, Paris 1869. *O. Bardenhewer* „Geschichte altkirchl. Litteratur" II, 230—231. *Schwane* in Wetzer-Welte „Kirchenlexikon"[2], II, 493. *Ad. Harnack* „Geschichte der altchristl. Litteratur" I. II, 514—515. Leipz. 1893. *Ejusdem* „Die Chronologie... II, 49—52 und notae, Leipz. 1904. *Ejusd.* „Monorchianismus" in RE[3], 13, 319 s. Leipz. 1903. *Ejusd.* „Mission und Ausbreitung..." II, 127—129, Leipz. 1906. *Ejusd.* „Lehrbuch der Dogmengesihichte" I, Vierte Aufl. 719—722. Tübingen 1909. *I. H. Blunt* „Dictionary of sects, heresies, ecclesiastical parties... („Beryllus")—72—73, London 1903. *Wace-Piercy* „A Dictionary of christian biographie and literature" 131—132, London 1911. *Hefele- Leclercq* „Op. cit." I, 162—164, Paris 1907. *Прот. А. М. Иванцовъ-Платоновъ* „Ереси и расколы первыхъ трехъ вѣковъ христіанства", I ч. 88—89 и 117—120. Москва 1877 г. *Ф. и С. Терновскіе* „Три первые вѣка христіанства", 157 и 183 стр. Кіевъ 1878. *Дюшенъ* „Исторія древней церкви" I, 310—311 стр. Москва 1912.

нашъ, до появленія своего между людьми, не имѣлъ личнаго бытія и особой божественности, что въ немъ обитало только Божество отчее. По этому вопросу весьма многіе епископы вступали въ состязанія и діалоги съ этимъ мужемъ; между прочими приглашенъ былъ и Оригенъ. Начавъ бесѣдовать съ Берилломъ, Оригенъ, прежде всего, старался вывѣдать, какъ онъ мыслитъ; узнавъ-же, что́ утверждаетъ онъ, обличилъ его въ неправославіи, убѣдилъ своими основаніями, преклонилъ доказательствами, поставилъ на путь истины и возвратилъ къ прежнему здравому образу мыслей. Письменныя разсужденія Оригена и бывшаго относительно него собора *(τῆς δι' αὐτοῦ γενομένης συνόδου)*, также предложенные Оригеномъ вопросы Бериллу и происходившія въ его церкви *(ἐπὶ τῆς αὐτοῦ παροικίας)* состязанія,—вообще, памятники всего того, что тогда было сдѣлано, сохраняются и донынѣ" [1]). Близкую параллель разсказу Евсевія даетъ и бл. Іеронимъ: „Бериллъ, епископъ аравійской Бостры, послѣ того, какъ нѣсколько лѣтъ управлялъ церковью, впалъ подъ конецъ въ ересь, которая отрицала Христа, прежде воплощенія; но будучи обращенъ (correctus—исправленъ) Оригеномъ, писалъ различныя сочиненія и множество писемъ, въ которыхъ выражаетъ благодарность и Оригену. Но и отъ Оригена есть письма къ нему; существуетъ діалогъ Оригена и Берилла, въ которомъ обличаются ереси. Происходило же это при Александрѣ, сынѣ Маммеи и при Максиминѣ и Гордіанѣ, которые преемствовали ему въ управленіи" [2]). Къ этимъ двумъ источникамъ тѣсно примыкаетъ и свидѣтельство церковнаго историка—Сократа, но лишь съ тѣмъ различіемъ, что онъ почему-то именуетъ Берилла епископомъ не Бостры, но Филадельфіи (аравійской-же) [3]).

[1]) *Euseb.* VI, 33, 1—3, 588. *Евсев.* VI, XXXIII, 369 стр.

[2]) *Hieronym:* „Belyllus, Arabs Bostrenus episcopus, cum aliquanto tempore rexisset ecclesiam, ad extremum lapsus in haeresim, quae Christum ante incarnationem negat, ab Origene correctus scripsit varia opuscula et maximas epistolas, in quibus Origeni gratias agit. Sed et Origenis ad eum litterae sunt. Extat dialogus Origenis et Berylli, in quo haereseos arguitur. Claruit autem sub Alexandro, Mammaeae filio, et Maximino et Gordiano, qui ei in imperio sucusserunt". „De viris illustribus"—60 caput." См. Творенія бл. Іеронима ч. 5, стр. 321.

[3]) *Socrates* „Histor. Ecclesia". III. 7. Bardenhewer отмѣчаетъ статью Er. Preuschen'a (Theol. Literaturzeitung 1902, 28), въ которой послѣдній хочетъ доказать предпочтительность Сократа предъ Евсевіемъ и Іеронимомъ относительно каѳедры Берилла (не въ Бострѣ, а въ Филадельфіи), ссылаясь при этомъ на то, что Сократъ извлекъ это указаніе прямо изъ „Апологіи" Евсевія и Памфила. „Но развѣ самому-то Евсевію, совмѣстно съ Памфиломъ писавшему эту апологію—спрашиваетъ Bardenhewer—она была хуже извѣстна, чѣмъ его ком-

Кромѣ приведенныхъ извѣстій о соборѣ въ Бострѣ, имѣется и еще нѣсколько о самой личности Берилла и о характерѣ его заблужденій. Такъ, о немъ, какъ о выдающемся по учености епископѣ—современникѣ Оригена, дважды упоминаетъ и самъ Евсевій. Въ первый разъ онъ дѣлаетъ это въ слѣдующихъ словахъ „къ числу упомянутыхъ мужей (т. е. тѣхъ, сочиненія которыхъ сохранились въ богатой іерус. библіотекѣ и поступили въ распоряженіе Евсевія) принадлежатъ: Бериллъ, епископъ аравійской Бостры, который, кромѣ писемъ и иныхъ сочиненій, оставилъ еще разныя полезныя извлеченія *(διαφόρους φιλοκαλίας καταλέλοιπεν)*“ [1])... Въ другой разъ—въ „Хроникѣ“ подъ 6 год. Александра Севера мы у него читаемъ: „Геминій пресвитеръ Антіохійскій, и Ипполитъ, и Бериллъ епископъ Аравіи Бострійской считаются славными писателями (clari scriptores)“ [2]). Объ антитринитарныхъ заблужденіяхъ Берилла упоминаетъ еще и Геннадій, патр. Константинопольскій: „и не такъ Онъ рожденъ отъ Дѣвы, чтобы человѣкъ при рожденіи получилъ и начало божества, какъ будто-бы прежде, чѣмъ родиться отъ Дѣвы Онъ не былъ Богомъ, какъ учили Артемонъ, и Бериллъ и Маркеллъ“ [3]). Намекъ на это находятъ даже и въ сочиненіяхъ самого Оригена, именно, въ одномъ мѣстѣ его комментарія на посл. къ Титу: „но и тѣ, которые учатъ, что Господь Іисусъ напередъ извѣстный (praecognitum) и предопредѣленный человѣкъ, который раньше плотскаго пришествія субстанціально и лично (substantialiter et proprie) не существовалъ, но что рожденный человѣкомъ Онъ имѣлъ въ себѣ только Божество Отца“ [4])... Сводя всѣ эти показанія, по обычаю, вмѣстѣ и разбавляя ихъ собственными домыслами, извѣстный католическій соборный источникъ Libellus synodicus о Бериллѣ и Synodi Bostrena et arabica даетъ слѣдующее: „соборъ божественный и священный собранъ былъ ученѣйшимъ Оригеномъ въ Бострѣ Аравійской, которую Исаія нѣкогда назвалъ „Бостронъ“, по имени Босоры,

пилятору Сократу“? *O. Bardenhewer* „Op. cit.“ II, 231, not. 1. Авторъ статьи о Бериллѣ въ новѣйшемъ словарѣ *Wace-Piercy* также отзывается о показаніи Сократа, что оно erroneously makes Beryllus bischop of Philadelphia. 131 p.

[1]) *Euseb.* Kircheng. VI, 20, 2, 564. Ср. *Евсевій* VI, XX стр. 355. Терминъ *„φιλοκαλίας“*, переведенный по-русски „полезныя извлеченія“, заключаетъ въ себѣ нѣсколько иной оттѣнокъ мысли—онъ указываетъ на сочиненія Берилла, какъ обнаруживающія тонкій, развитый вкусъ ихъ автора къ прекрасному.

[2]) *Евсев.* „Хроника“ въ излож. ея бл. *Іеронимомъ* 5 ч. его твореній, 382 стр.

[3]) *Gennadius* „De ecclesiis dogmat.“ 3. См. у Harnack'a „Geschichte der altchrist. Litteratur... 1, 2. 514. Leipzig 1893.

[4]) *Orig.* „Comment. in epist. Titum, ed. Lommatsch. V p. 287. Migne, PG. XIV, col. 1304.

матери божественнаго Юпитера, для исправленія религіознаго софиста (sacrosophistae) Берилла—епископа того самаго города—который впалъ въ заблужденіе Ѳеодота кожевника; но благодаря убѣжденію Оригена, онъ возвратился снова къ православной вѣрѣ“ [1]).

Рядъ приведенныхъ нами историческихъ свидѣтельствъ позволяетъ составить довольно опредѣленное представленіе о личности еп. Берилла и о характерѣ его заблужденія. Бериллъ былъ виднымъ ученымъ богословомъ и писателемъ первой половины III в.; и хотя онъ сильно, конечно, уступалъ такимъ знаменитымъ его современникамъ, какъ Оригенъ и Ипполитъ, однако все-же стоялъ въ ихъ заднихъ рядахъ. Долгое время онъ съ честью управлялъ судьбами довольно видной церковно-политической провинціи—Аравіи, гдѣ, по отзыву проф. Гидулянова, „христіанскія общины были многочисленны и, повидимому, рано образовали самостоятельный церковный округъ“ [2]). Но на склонѣ своей жизни (ad extremum, очевидно, vitae), когда его вліяніе достигло, надо думать, своего апогея, епископъ Бериллъ, благодаря любви къ научнымъ изысканіямъ, впалъ въ то теоретическое, религіозно-догматическое заблужденіе, которое раньше него развивалъ въ Римѣ Ѳеодотъ кожевникъ (при папѣ Викторѣ) [3]). Сущность этого заблужденія касалась догмата троичности и состояла, именно, въ неправильномъ представленіи о второмъ лицѣ Св. Троицы—Сынѣ Божіемъ, которому они отказывали въ особой, отдѣльной отъ Отца божественной личности, соглашаясь признать ее только условно, послѣ воплощенія, чрезъ усыновленіе въ личности Богочеловѣка (per adoptionem). Проф. Harnack видитъ въ послѣдователяхъ такой ересеологіи своеобразную смѣсь взглядовъ монархіанъ-динамистовъ и модалистовъ и переходную форму отъ этихъ послѣднихъ къ „чистымъ адопціанамъ“ [4]).

[1]) „Synodus divina et sacra provincialis collecta est a doctissimo Origene in Bostra Arabiae, quam Isaias olim Bostron nominavit, cognominem Bosorae matri divini Jobi: ad emendationem sacrisophistae Berylli ejusdem urbis episcopi, qui in Theodoti coriarii sensum prolapsus fuerat, et ad orthodoxam rursus fidem Origenis cohortatione recurrerat“. *Mansi* „Op. cit.“ I, 788 p.

[2]) *Проф. Гидулянов*ъ „Митрополиты въ первые три вѣка христіанства“ 94 стр. Москва 1905. Ср. *Harnack* „Die Mission und Ausbreitung des Christenthum“ [2]. II, 127 sq.

[3]) Съ заблужденіями этого ересеолога прекрасно знакомятъ насъ проф. *В. В. Болотов*ъ „Ученіе Оригена о Св. Троицѣ“ 113—114 стр. и проф. *А. А. Спасскій* въ своей докторской диссертаціи „Исторія догматическихъ движеній“... II, 39—42.

[4]) *Ad. Harnack* „Monarchianismus“ in RE[3], 13, 318—319, 60-з. Leipzig 1903. Еще яснѣе, на нашъ взглядъ, характеризуетъ онъ-же это заблужденіе въ „Lehr-

Если личность и заблужденіе еп. Берилла, какъ мы только-что это видѣли, освѣщены, въ общемъ, достаточно, то нельзя, къ сожалѣнію, того-же самаго сказать о самомъ *Бострійскомъ соборѣ*, созванномъ по дѣлу Берилла. Существуетъ, напримѣръ, тенденція даже вовсе отрицать наличность здѣсь собора [1]). Мотивируется она двояко. Во-первыхъ, крайней трудностью предположить, чтобы епископы сравнительно незначительныхъ и глухихъ провинціальныхъ мѣстечекъ (провинціи Аравіи) осмѣлились-бы судить своего первенствующаго коллегу — епископа метрополя, прецедентовъ чему исторія, говорятъ, совершенно не знаетъ и не даетъ. Во-вторыхъ,—признаніемъ того, что нѣкоторыя детали Евсевіева разсказа будто-бы не подходятъ подъ опредѣленіе собора, какъ, напримѣръ, указаніе на какое-то предварительное частное собесѣдованіе Оригена съ Берилломъ, а также ссылка и на ихъ оживленныя письменныя сношенія. Оба этихъ возраженія, на нашъ взглядъ, лишены убѣдительной силы. Мы охотно соглашаемся съ той частью перваго возраженія, которая апеллируетъ къ раннѣйшей исторіи, не знающей прецедентовъ того, чтобы младшіе (провинціальные) епископы судили старшаго (будущаго митрополита). Но, въ свою очередь, съ еще бо́льшимъ правомъ сошлемся на послѣдующую исторію, и сравнительно, очень недалекаго будущаго, дающую блестящій примѣръ подобнаго суда, именно—на соборы антіохійской церкви, по дѣлу ея епископа—Павла самосатскаго. Между этими двумя случаями, довольно близкими по времени (разница всего въ какихъ-либо 20 л.) и сосѣдними по территоріи, существуетъ тѣсная аналогія, какъ это мы увидимъ позднѣе. А относительно дѣла Павла самосатскаго мы совершенно опредѣленно знаемъ, что оно разсматривалось не гдѣ-либо еще, а, именно, на церковныхъ соборахъ. Слѣдовательно, опираясь на представленную аналогію, мы и дѣло Берилла бострійскаго необходимо должны трактовать такъ-же, т. е. какъ соборное, а не какъ относящееся къ частному—устному, или письменному спору.

buch der Dogmengeschichte“ [4], I, 721: Lehre Beryll's—es kann auch ein mittlerer Typus zwischen dem dynamistischen und modalistischen Monarchianismus vorhanden gewesen sein“. Vorbem. 3. Совершенно аналогично опредѣляетъ догматическое заблужденіе Берилла и другой крупный авторитетъ въ области древне-христіанской догматики—проф. *Loofs* въ своей обстоятельной статьѣ „Christologie, Kirchenlehre“ in RE[3], 4, 39, 10-11. Leipzig 1898. Впрочемъ, церк. историкъ *Дюшенъ*, исходя изъ анализа Евсевія (VI, 33) склоненъ считать Берилла скорѣе модалистомъ, больше ученикомъ Савеллія, чѣмъ Ѳеодота. „Церк. Исторія“ I, 310.

[1]) Такой тенденціи нечуждъ, повидимому, даже и *Дюшенъ*, который, говоря о дѣлѣ еп. Берилла, упоминаетъ о „неоднократныхъ преніяхъ“, „собраніяхъ“, „совѣщаніяхъ“, „публичномъ спорѣ“; но ни разу не квалифицируетъ всего этого болѣе опредѣленнымъ терминомъ „соборъ“. Цит. сочин. I, 311 стр.

Сказаннымъ почти уже устраняется и второе возраженіе, соблазняющееся устной бесѣдой и письменными сношеніями Берилла съ Оригеномъ. Добавимъ здѣсь еще то, что, вѣдь, въ самомъ разсказѣ Евсевія прекрасно различаются всѣ эти моменты. Частная устная (а можетъ быть соединенная и съ письменной формулировкой вопросовъ и отвѣтовъ) бесѣда Оригена съ еп. Берилломъ у Евсевія такъ прямо и обозначается, какъ *предварительная развѣдка*, путемъ которой Оригенъ лишь ознакомлялся съ заблужденіемъ подсудимаго епископа [1]). Самый-же соборъ ясно отличается отъ этого, такъ сказать, предварительнаго слѣдствія и рисуется у того-же Евсевія въ формѣ особаго публичнаго засѣданія, на которомъ весьма многіе епископы состязались съ Берилломъ, и повидимому безуспѣшно; а затѣмъ выступилъ Оригенъ и своими основательными доводами заставилъ Берилла отказаться отъ заблужденія и вернуться къ православной истинѣ. Что-же касается самихъ по себѣ „письменныхъ разсужденій“, то они не только не колеблютъ возможности собора, а скорѣй даже ее подтверждаютъ. Евсевій говоритъ о „письменныхъ разсужденіяхъ Берилла и *бывшаго противъ него собора*“. Подчеркнутыя слова текста ясно говорятъ, что, кромѣ письменно изложенныхъ разсужденій еп. Берилла, существовали какія-то *записи* и отъ самого *собора*. То были, какъ думаетъ большинство ученыхъ, протокольныя записи тѣхъ преній, которыя велись на Бострійскомъ соборѣ, подобно аналогичнымъ же протоколамъ, сохранившимся отъ Антіохійскаго собора, по дѣлу Павла самосатскаго [2]). Итакъ, наличность въ Бострѣ, именно, церковнаго собора, а не какого-либо частнаго собесѣдованія, (или хотя-бы даже и публичнаго диспута), слѣдуетъ признать, по нашему убѣжденію, достаточно твердо установленной.

Къ какому-же типу соборовъ должны мы отнести соборъ противъ Берилла? Здѣсь рѣшающими факторами, какъ мы въ томъ неоднократно убѣждались раньше, являются, во-первыхъ, предметъ собора, а во-вторыхъ и главнымъ образомъ, составъ его членовъ

[1]) „Diese Unterredung bildete natürlich keinen Theil der oficielen Synode“. *K. v. Schwartz* „Die Enstehung der Synoden in der alten Kirche“.—Leipzig 1898.

[2]) Спеціальная рѣчь о послѣднихъ протоколахъ будетъ у насъ ниже, въ главѣ объ „антіохійскихъ соборахъ по дѣлу еп. Павла самосатскаго“. Сравни также и стенографическій протоколъ большаго Карѳагенскаго собора осенью 257 г. (въ главѣ „Соборы по поводу споровъ о крещеніи“ и въ особомъ „приложеніи“ въ концѣ книги).

и его, такъ сказать, объемъ. По характеру своего предмета, Бострійскій соборъ, какъ изслѣдовавшій опасное еретическое заблужденіе, касавшееся догматическихъ основъ великой церкви, могъ быть какимъ угодно, начиная съ чисто-мѣстнаго и кончая чуть не вселенскимъ соборомъ, (если-бы они тогда были возможны). По составу-же членовъ, соборъ не могъ быть только частнымъ собраніемъ одной мѣстной Бострійской церкви, потому-что тогда не могли-бы на немъ присутствовать „весьма многіе епископы", ибо въ каждой частной церкви существовалъ только одинъ мѣстный епископъ. Но едва-ли также можно считать этотъ соборъ и пленарнымъ собраніемъ многихъ провинціальныхъ церковныхъ областей, потому что тогда болѣе, чѣмъ вѣроятно, Евсевій перечислилъ-бы эти провинціи и назвалъ-бы нѣкоторыхъ особенно видныхъ епископовъ, напр., хотя-бы извѣстнаго, энергичнаго церковнаго дѣятеля того времени—Фирмилліана еп. капподокійскаго [1]). Такъ что больше всего основаній за то, чтобы считать этотъ соборъ *одно-провинціальнымъ*, на которомъ присутствовали епископы одной только провинціи Аравіи.

Разумѣется, такой фактъ, какъ заблужденіе епископа метрополя, было слишкомъ важнымъ и серьезнымъ событіемъ въ жизни данной церковной провинціи, чтобы его можно было представлять себѣ въ формѣ какого-то быстротечнаго, единичнаго акта. Такія дѣла дѣлаютъ годами, а то и десятилѣтіями. И мы, если хотимъ взглянуть на дѣло Берилла бострійскаго не отвлеченно-теоретически, а жизненно-практически, должны допустить его, болѣе или менѣе, продолжительное, постепенное развитіе и созрѣваніе. Надо думать, что заблужденіе Берилла несразу и у него самого сложилось, а тѣмъ болѣе не тотчасъ-же сдѣлалось извѣстно другимъ. И среди этихъ другихъ оно, конечно, прежде всего, должно было стать извѣстнымъ его-же паствѣ, т. е. клиру и народу бострійской церкви. Послѣдняя, разумѣется, не могла остаться индифферентной къ новому ученію своего епископа; а должна была живо откликнуться на него, въ особенности, принимая въ разсчетъ ту интенсивность религіозныхъ споровъ и ихъ удивительно широкую популярность, какой всегда отличался

[1]) Еп. Фирмиліана кесаріе-каппадокійскаго мы особенно выдѣляемъ здѣсь потому, что уже знаемъ объ его личномъ присутствованіи на одномъ изъ восточныхъ-же соборовъ, незадолго передъ тѣмъ происходившихъ (на *Иконійскомъ*, см. выше, стр. 272 и сл.). Но съ равнымъ правомъ мы могли-бы назвать здѣсь и рядъ другихъ современныхъ епископовъ, въ особенности сосѣднихъ съ Аравіей—палестинскихъ епископовъ (Александра элійскаго и Ѳеоктиста кесаріе-палестинскаго) и епископа города Антіохіи сирійской (Вавилу).

древній христіанскій Востокъ. Естественно, что часть паствы могла послѣдовать за своимъ епископомъ; а другая и вѣроятно большая—должна была ему противодѣйствовать. Несомнѣнно, что для улаженія церковнаго раздора и для приведенія всѣхъ къ единомыслію, устраивались и, вѣроятно даже неразъ, спеціальные соборики мѣстной бострійской церкви. Вполнѣ допустимо, что въ организаціи ихъ, больше всѣхъ, заинтересованъ былъ самъ-же епископъ Бериллъ, который, судя по всему его поведенію (въ особенности, по послѣдующему), чистосердечно и искренне заблуждался, и былъ глубоко убѣжденъ въ своей правотѣ, а слѣдовательно не могъ не желать привлечь и другихъ на свою сторону.

Но мѣстные церковные соборики начавшагося пожара не только не потушили, а еще больше его раздули: Бериллъ, не встрѣтивши на нихъ никакихъ серьезныхъ доводовъ противъ своихъ взглядовъ, долженъ былъ только раздражаться на непокорныхъ ему членовъ его паствы. Благодаря этому, бострійская церковная смута сильно развивалась и росла, выйдя, наконецъ, за предѣлы мѣстной церкви и ставши предметомъ толковъ и споровъ, сначала, у ближайшихъ сосѣднихъ общинъ, а затѣмъ и по церквамъ всей аравійской провинціи [1]). Тогда Бериллъ, будучи, съ одной стороны, глубоко убѣжденъ въ своей правотѣ, съ другой—видя, что онъ не въ состояніи одинъ локализировать возникшей у него церковной смуты, вѣроятнѣе всего, самъ-же рѣшилъ созвать у себя уже бо́льшій соборъ—изъ епископовъ всѣхъ церквей провинціи Аравіи, чтобы на этихъ преніяхъ о вѣрѣ выяснить, наконецъ, на чьей-же сторонѣ правда—на его-ли, или на сторонѣ его противниковъ?

При искренности настроеніи еп. Берилла и чистотѣ его намѣреній, возможно допустить, что даже самъ онъ пригласилъ на этотъ соборъ и Оригена, зная его выдающуюся ученость, равно какъ широту и глубину его религіозно-богословскихъ воззрѣній. А со всѣмъ этимъ сп. Бериллъ знакомъ былъ не отвлеченно и не по слухамъ только, но на основаніи личнаго знакомства съ Оригеномъ, въ одинъ

[1]) Приблизительно такъ-же освѣщаетъ весь ходъ этого дѣла и церковный историкъ *Дюшенъ*. Отмѣтивъ, что антитринитарныя заблужденія, съ пропагандой которыхъ выступалъ еп. Бериллъ, уже были осуждены въ Римѣ, Дюшенъ продолжаетъ: „Въ Аравіи они также вызвали очень сильную оппозицію. Беріллу пришлось неоднократно вести пренія какъ съ другими туземными епископами, такъ и съ пришлыми личностями". Цит. сочин. I, 311 стр. Авторъ также, какъ видимъ, утверждаетъ сравнительную длительность этой церковной смуты и неоднократность частныхъ и публичныхъ ея обсужденій, прежде ея окончательнаго соборнаго разрѣшенія.

изъ его раннѣйшихъ спеціальныхъ пріѣздовъ въ Аравію, по вызову мѣстнаго римскаго префекта, имѣвшаго разиденцію въ г. Бострѣ, о чемъ мы упоминали выше [1]). Самъ человѣкъ образованный и ученый, вѣроятно, цѣлой головой стоявшій въ этомъ смыслѣ выше всѣхъ своихъ провинціальныхъ епископовъ, Берилль прекрасно видѣлъ и сознавалъ, что среди своихъ, сравнительно, мало образованныхъ коллегъ онъ не встрѣтитъ достойнаго себѣ ни союзника, ни оппонента: аравійскіе епископы были, очевидно, людьми правильно и твердо вѣровавшими; но вѣровавшими въ простотѣ сердца и ума, безъ всякой критики и разсужденій, почему они не въ силахъ были ни понять, какъ должно взглядовъ Берилла, ни тѣмъ болѣе ихъ опровергнуть. Естественно, въ виду всего этого, что Бострійскій провинціальный соборъ крайне нуждался въ такомъ лицѣ, которое объединяло-бы въ себѣ высокую образованность съ признанной твердостью въ вѣрѣ и было-бы, слѣдовательно, для всѣхъ одинаково авторитетно. Такимъ нужнымъ лицомъ и являлся Оригенъ, который совмѣщалъ въ себѣ славу знаменитѣйшаго религіознаго мыслителя съ репутаціей мужественнаго исповѣдника и суроваго христіанскаго аскета. И, повторяемъ, больше всѣхъ другихъ заинтересованъ былъ имѣть Оригена на соборѣ самъ-же Бериллъ, который въ глубинѣ души, навѣрное, разсчитывалъ получить въ его лицѣ сильнаго и авторитетнаго себѣ союзника. Поэтому-то, надо думать, Бериллъ съ такой чистосердечностью и раскрылъ Оригену еще до собора всѣ свои воззрѣнія. Но истина православія была Оригену дороже личныхъ симпатій: онъ не сталъ на сторону еп. Берилла, а наоборотъ, выступилъ самымъ рѣшительнымъ и энергичнымъ ему оппонентомъ, доведя его до полнаго сознанія своихъ заблужденій. Впрочемъ, черезъ это Оригенъ не только не нарушилъ своихъ добрыхъ отношеній съ еп. Берилломъ, но, наоборотъ,—еще больше ихъ усилилъ и скрѣпилъ: Бериллъ честно искалъ истины, и потому найдя ее при помощи Оригена, онъ былъ только благодаренъ ему. Эту свою благодарность онъ высказалъ, вѣроятно, еще лично и на самомъ соборѣ; но несомнѣнно, что онъ неразъ выражалъ ее въ своихъ послѣдующихъ, благодарственныхъ письмахъ къ Оригену, о чемъ опредѣленно свидѣтельствуетъ бл. Іеронимъ [2]).

Нарисованная нами картина Бострійскаго собора по дѣлу мѣстнаго еп. Берилла, хотя и основана, главнымъ образомъ, на анализѣ Евсевіевой цитаты объ этомъ соборѣ, но все-же, строго

[1]) См. выше, стр. 294-ая.

[2]) См. выше, стр. 329-ая.

говоря, является, до извѣстной степени, субъективной, отражающей, главнымъ образомъ, наше личное пониманіе Евсевія и нашъ взглядъ на естественный ходъ дѣла. Вотъ почему она и носитъ у насъ больше, такъ сказать, вопросительно-предположительный, чѣмъ категорически-утвердительный характеръ. Попытаемся теперь вставить эту картину въ объективную, историческую раму. Роль такой рамы будетъ у насъ играть здѣсь, съ одной стороны, краткій очеркъ успѣховъ христіанства въ древней Аравіи, а съ другой—сопоставленіе съ аналогичнымъ, послѣдующимъ соборомъ Павла самосатскаго.

Въ ту эпоху, о которой у насъ идетъ рѣчь (т. е. въ половинѣ III-го в. по Р. Х.) „римская Аравія обнимаетъ, въ качествѣ... римской провинціи, лишь небольшую часть сѣверныхъ странъ на полуостровѣ (аравійскомъ); но сверхъ того, въ составъ ея входитъ полоса земли, которая тянется къ югу и къ востоку отъ Палестины, между этой послѣдней и большой степью, и заходитъ за Бостру“ [1]). Провинція эта лежала, слѣдовательно, неподалеку отъ „Палестины“ и непосредственно граничила съ восточно-іорданскими областями „Переей“ и „Декаполисомъ“, примыкая къ сѣверо-восточному углу послѣдняго. Въ составъ этой провинціи входили округа: Васанъ, Батанія, и Хоранъ; а ея метрополемъ былъ городъ „Бостра“ („Босра“, или даже, по Болотову, „Боцра“), лежавшій приблизительно на одной широтѣ съ метрополемъ Палестины—приморскимъ городомъ Кесаріей, отстоявшей отъ Бостры по прямому пути немногимъ развѣ дальше, чѣмъ отъ Іерусалима [2]). Благодаря своей тучной, плодородной почвѣ, обильному орошенію и удобному географическому положенію, долина эта, по выраженію Моммсена, „является и въ старое и въ новое время перломъ Сиріи“ [3]). Если-же добавить къ этому, что чрезъ нее пролегалъ великій торговый путь, по которому велся главный караванный товарообмѣнъ тогдашняго Во-

[1]) *Θ. Моммсенъ* „Римская исторія“ V гл. Провинціи отъ временъ Цезаря до временъ Діоклетіана“. Переводъ В. Н. Невѣдомскаго, 461 стр. Москва 1885.

[2]) См. карту Палестины, Финикіи и Аравіи, приложенную Ad. Harnack'омъ къ его „Mission und Ausbreitung“ [2] II, (N. III). А такъ-же и нашу, въ концѣ книги.

[3]) *Моммсенъ* „Цит. сочин.“ 462 стр. „Окружающая Бостру равнина—говоритъ здѣсь-же авторъ—въ особенности западная ея часть, такъ называемая Нукра, служитъ въ настоящее время житницей для Сиріи... Плодородіе этой мѣстности неистощимо... она и въ настоящее время кажется садомъ на всемъ пространствѣ, какое можетъ окинуть взоръ“. 462 стр.

стока и Запада (Египта, Азіи и Персіи), то для насъ станутъ совершенно ясны и убѣдительны слова того-же Моммсена, что „Бостра", наряду съ Петрой и Пальмирой, была посредницей торговли, направлявшейся съ Востока къ Средиземному морю" [1]).

Вся эта область (въ особенности „Васанъ" и г. „Босра" или по другому „Восоръ") хорошо знакома намъ еще по ветхозавѣтной, библейской исторіи Израиля, гдѣ она извѣстна больше подъ именемъ „Идумеи", или „земли Едома"—территоріи потомковъ Исава [2]). Классическое упоминаніе Библіи объ этой землѣ—это начало извѣстнаго мессіанскаго пророчества Исаіи: „кто сей идущій изъ Едома, червленны ризы его отъ Восора" (LXIII, 1)? „Судя по наиболѣе частому упоминанію у библейскихъ пророковъ „Босры" („Восора"), слѣдуетъ думать, что уже въ то время она была главнымъ городомъ Едома" [3]). Хотя, впрочемъ, Библія сохранила намъ вполнѣ ясныя указанія и на другія составныя части „Идумеи", въ особенности, на богатый и плодородный округъ „Басанъ", или „Васанъ" *(ἡ γὴ Βαβᾶν, Βασανεῖτις*,—LXX и *Βαταναία, Βατανέα*—Іос. Фл., Евсев. и Іеронимъ), въ территоріи котораго находился тогда и самый городъ Бостра [4]). Вообще, надо сказать, что Идумеяне, наряду съ Филистимлянами, Моавитянами, Амалекитянами и Арамлянами, и даже предпочтительно передъ ними, стояли въ самыхъ тѣсныхъ взаимоотношеніяхъ съ еврейскимъ народомъ, за весь его библейскій періодъ [5]). Не забудемъ, наконецъ, и того обстоятельства, что при началѣ христіанской эры въ возстановленной римлянами Іудеѣ царствовала идумейская династія (домъ Ирода идумеянина).

Въ то время, когда Іудеей на правахъ римскаго вассала, правилъ Иродъ Великій, разрозненныя кочевыя племена Идумеевъ были объединены подъ властью одного предводителя, изъ племени Набатеевъ и образовали „аравійское царство", съ резиденціей въ городѣ Петрѣ (южной Аравіи) [1]). Аравійское государство Набатеевъ, повидимому, конкуррировало съ іудейскимъ царствомъ Ирода: въ частности, оно оказало самую энергичную поддержку римскимъ войскамъ Тита и Веспасіана, при разрушеніи ими Іерусалима. Въ благодарность за это, Римляне даровали „царю Набата" различныя привиллегіи, такъ что онъ одно время былъ самымъ могущественнымъ изъ всѣхъ сирійскихъ вассаловъ Рима. Но въ 106 г. римскій намѣстникъ Сиріи Авлъ Корнелій Пальма уничтожилъ самостоятельность царей Набата и бо́льшую часть ихъ владѣній превратилъ въ римскую провинцію Аравію, причемъ снова возстановилъ и значеніе прежней столицы—г. Бостры [2]). Однако, фактически Римляне интересовались лишь сравнительно немногими, наиболѣе богатыми и культурными городами этой провинціи, съ арабско-греческимъ населеніемъ, предоставивъ остальныя гористыя и пустынныя мѣста въ распоряженіе кочевниковъ-бедуиновъ [3]).

Такимъ образомъ, центромъ римской провинціи Аравіи осталась та-же знакомая намъ Идумея, съ ея метрополемъ—Бострой. И вполнѣ естественно, было ожидать, что тѣ близкія отношенія, которыя существовали у Іудеи съ Идумеей въ ветхозавѣтно-библейскій періодъ, полностью перейдутъ и въ новозавѣтно-христіанскій. И дѣйствительно, „Аравитянъ" мы видимъ въ числѣ первыхъ прозелитовъ христіанства, обратившихся къ нему еще въ день Пятидесятницы (Дѣян. II, 11). Въ Аравію, лежавшую на пути между Іерусалимомъ и Дамаскомъ, при самомъ началѣ своей миссіонерской проповѣди заходилъ и ап. языковъ—св. Павелъ (Гал. I, 17). Тамъ, по преданію, сосредоточилъ свою апостольскую дѣятельность ев. Матѳей, который, именно, для за-іорданскихъ арабовъ, родственныхъ Евреямъ и говорившихъ на одномъ съ ними языкѣ (сирско-арамейскомъ), написалъ и свое извѣстное евангеліе (на тогдашнемъ еврейскомъ, т. е. сирско-арамейскомъ языкѣ) [4]).

---

[1]) *Моммсенъ*—472 стр.

[2]) По сказанію Библіи—XXV, 25. „Исавъ" былъ старшимъ сыномъ патріарха Исаака. Онъ носилъ два имени: „Исавъ", что значитъ „волосатый" (эту особенность его кожнаго покрова библія отмѣчаетъ и еще разъ Быт. XXVII, 11 ст.) и „Едомъ", что означаетъ „красный" (отъ того-же семитическаго корня, что и первый человѣкъ „Адамъ"—взятый изъ красной глины—Быт. II, 7). Потомство этого родоначальника въ Библіи извѣстно больше подъ вторымъ именемъ „Идумеевъ", или „Едомитянъ". Ихъ древнѣйшая и полная генеалогія дана въ Быт. XXXVI глава, гдѣ впервые упоминается также и городъ „Восоръ", или „Босоръ" (Бопра, Бостра)—Быт. XXXVI, 33 ст.

[3]) *W. Baudissin* „Edom" in RE³, 5, 164, 36-37. Изъ библейскихъ упоминаній о Бострѣ отмѣтимъ слѣдующія: Быт. XXXVI, 33; 1 Парал. I, 44; Амос. I, 12; Мих. II, 12; Ис. XXXIV, 6 и LXIII, 1; Іерем. XLIX, 13. 22 и др.

[4]) *Guthe* „Basan" in RE³, 2, 422—425.

[5]) *A. H. Sayce* „Early Israel and the surrounding nations", въ особенности III—IV, 105—143 p. London 1899.

[1]) *Моммсенъ* „Цит. сочиненіе" 465 стр.

[2]) *Тамъ-же*—496 стр. Въ Бострѣ стоялъ римскій легіонъ, подъ начальствомъ лица сенаторскаго ранга—470 стр.

[3]) *Тамъ-же*—470—471 стр. Ср. *Harnack* „Mission und Ausbreitung², II, 127 s.

[4]) *Euseb.* V, 10, 3, 450—452. *Евсев.* V, X, 281—282. *Проф. В. В. Болотовъ* опредѣленно заявляетъ, что подъ упомянутымъ у Евсевія „Индами" здѣсь разумѣются Инды въ собственномъ смыслѣ. Это были „счастливые Инды" обитатели

Немало цѣннаго историческаго матеріала о самой ранней, еще апостольской христіанизаціи сѣверной Аравіи и объ ея роли, въ качествѣ одного изъ важнѣйшихъ христіанско-миссіонерскихъ центровъ собрано у Ad. Harnack'a въ его извѣстной монографіи „Mission und Ausbreitung d. Christentums". Причисляя къ этой Аравіи и г. Дамаскъ, Harnack, на этомъ основаніи считаетъ Аравію исходнымъ пунктомъ всей внѣшней христіанской миссіи (т. е. выходящей за предѣлы Палестины) и въ частности, съ нея, именно, начинаетъ обширную миссіонерскую работу ап. языковъ (Дѣян. IX, 19—29). Прямое указаніе на Аравію видитъ онъ также и въ терминѣ „окрестности Іерусалима" (*ἀπὸ Ἰερουσαλὴμ καὶ κύκλῳ*—Рим. XV, 19), „такъ какъ границы Аравіи, трактуя ихъ строго-географически, лежали вблизи Іерусалима" [1]). Но особенно важное значеніе, и совершенно справедливо, придаетъ проф. Harnack тому, надежно засвидѣтельствованному историческому факту, что передъ разрушеніемъ Іерусалима Римлянами (въ 70-ыхъ г.) многіе христіане удалились изъ него въ города *Пеллу и Кохабу*, изъ которыхъ первый лежалъ въ Переѣ, на самой границѣ съ Аравіей, а второй, повидимому, находился даже въ центрѣ послѣдней [2]). Учитывая все это, Harnack готовъ даже считать Аравію, какъ-бы непосредственной преемницей Іерусалима, а христіанъ Пеллы и Кохабы—прямымъ наслѣдіемъ іерусалимской первообщины [3]).

Такимъ образомъ, очень ранняя и достаточно интенсивная христіанизація провинціи Аравіи (Arabia Petrea),—главнымъ образомъ, той сѣверной ея части, гдѣ находился г. Бостра, или Босра (Боцра) не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что, въ свою очередь, достаточно прочно устанавливаетъ и тотъ фактъ, что къ половинѣ

Аравіи. Имъ-то и оставилъ ап. Варѳоломей евангеліе Мѳ. на сирійскомъ языкѣ". Лекціи по исторіи древней церкви I, 252 стр.

[1]) *Harnack* „Mission und Ausbreitung²... II, 73: „so fügte er *καὶ κύκλῳ* hinzu und konnte dabei sehr wohl Arabien im Auge haben, dessen Grenze—von hoher geographischer Warte betrachtet—nahe bei Ierusalem lag, und wo auch Juden wohnten".

[2]) О городѣ, или мѣстечкѣ *Пеллѣ* (въ территоріи Переи), какъ томъ пунктѣ, куда, по особому божественному откровенію, передъ самой войной выселилась іерусалимско-христіанская община, опредѣленно свидѣтельствуетъ *Euseb.* III, 5, 196. *Евс.* III, V, 118 стр. Его извѣстіе неоднократно подтверждаетъ и Епифаній, который къ городу Пеллѣ присоединяетъ и цѣлый рядъ городовъ Аравіи—Кохабу, Карнаимъ, Арнемъ, Астаротъ и проч.,—въ качествѣ опорныхъ пунктовъ іудейско-христіанской ереси „назореевъ" (*Epiph.* haeres. 18, 1; 29, 7; 30, 18 и его-же Liber de mensur. et ponderib. 15. См. самые тексты у *Harnack*'а Op. cit. 80—81 s.).

[3]) *Harnack* „Op. cit." 127: „Möglich, dass sich deshalb die älteren Christen in jenen Landstrichen als die Erben der Urgemeinde emfanden".

III в. въ Аравійской провинціи существовало уже немало епископій, которыя вполнѣ могли обезпечить устройство здѣсь значительнаго церковнаго собора изъ представителей одной только этой провинціи [1]). Тѣмъ болѣе, что намъ уже извѣстенъ и аналогичный историческій прецедентъ, въ формѣ пасхальнаго собора сосѣдней съ Аравіей провинціи Озроены, имѣвшій мѣсто почти цѣлымъ полувѣкомъ раньше [2]).

О томъ, что соборъ противъ Берилла состоялъ изъ епископовъ, мы уже говорили. Но о присутствіи и роли на немъ пресвитера Оригена необходимо сказать особо. Соборъ противъ Берилла—это, въ сущности, первое, вполнѣ ясное и авторитетное свидѣтельство о томъ, что на соборахъ древней церкви присутствовали также и пресвитеры. Отсюда нѣкоторые, наиболѣе пылкіе историки готовы уже сдѣлать болѣе рѣшительный и общій выводъ—что въ составъ древне-церковныхъ соборовъ, наряду съ епископами, обязательно будто-бы входили также и пресвитеры. Однако, соборъ противъ Берилла не только не уполномачиваетъ на подобный шагъ, но, скорѣй, даже предостерегаетъ отъ него. Въ самомъ дѣлѣ, и спеціальный вызовъ Оригена на соборъ „вмѣстѣ съ прочими—*μεθ' ἑτέρων*, подъ которыми, судя по контексту, опредѣленно разумѣются епископы (строкой выше рѣчь шла о *πλείστων ἐπισκόπων*), и его исключительная, выдающаяся роль тамъ—роль ученаго эксперта и искуснаго діалектика—все это ясно говоритъ за то, что участіе здѣсь Оригена не было обычнымъ дѣломъ соборной практики, а являлось чѣмъ-то особеннымъ и экстраординарнымъ, говорящимъ не объ общемъ правилѣ, а, скорѣй, о блестящемъ исключеніи изъ него. По отношенію къ аравійской Бострѣ, пресвитеръ Оригенъ былъ во всякомъ случаѣ лицомъ постороннимъ *и только*, какъ пресвитеръ, онъ не могъ явиться на чужой соборъ. Вотъ почему и потребовалось его спеціальное приглашеніе на этотъ соборъ, гдѣ онъ присутствовалъ уже не какъ пресвитеръ, а какъ знаменитый ученый богословъ, знакомый аравійской церкви, благодаря одному раннѣйшему его здѣсь выступленію, но нѣсколько аналогичному поводу [3]). Слѣдовательно, тотъ или иной іерархическій санъ Оригена нисколько не принимался

[1]) *Harnack,* Ibidem, 128: „Zur Zeit des Origenes gab es in den Städten südlich vom Hauran und südlich vom Toten Meer mehrere Bistümer, die zu einer Synode zusammengeschlossen waren". Ср. *Euseb.* VI, 33, 2, 588: *„ἐπὶ τούτῳ πλείστων ἐπισκόπων* (курс. нашъ).

[2]) См. выше, стр. 224—226-ая.

[3]) См. выше, стр. 294-ая.

здѣсь въ разсчетъ, а учитывалась, вообще, сама по себѣ личность Оригена—его міровая слава, ученость и авторитетъ. Переводя все это на языкъ современности, должно признать, что Оригенъ на соборѣ противъ Берилла выступалъ не въ роли судьи, а въ роли ученаго богослова—эксперта. Такъ что, оставаясь въ рамкахъ фактовъ и исторіи, мы изъ даннаго случая можемъ сдѣлать только тотъ единственный, строго-логическій выводъ, что епископскіе соборы древней церкви, когда находили это нужнымъ и полезнымъ для дѣла, не стѣснялись приглашать на свои соборы и постороннихъ экспертовъ, хотя-бы эти эксперты и не имѣли епископскаго сана и даже вовсе не принадлежали-бы къ составу данной провинціальной церкви.

Въ заключеніе нашей затянувшейся рѣчи о Бострійскомъ соборѣ—два слова объ его хронологіи. Какихъ-либо особенно опредѣленныхъ и вѣскихъ данныхъ относительно его мы не имѣемъ. Однако, предѣльныя рамки возможной хронологіи устанавливаются довольно твердо: это—время царствованія императора Гордіана (238—244), при которомъ, по свидѣтельству Евсевія, данный соборъ происходилъ [1]). Можно, впрочемъ, отмѣтить также и то, что большинство церковныхъ историковъ и канонистовъ предпочитаетъ отодвигать дату Бострійскаго собора на самый конецъ этого періода, опредѣленно называя, именно, послѣдній, 244-й годъ [2]).

[1]) *Euseb.* VI, 34, 1, 588 говоритъ о полныхъ шести годахъ правленія Гордіана—*ἕτεσιν δὲ ἓξ ὅλοις ἐξ Γορδιανοῦ. Eus.* VI, 33, 588. *Евсев.* VI, XXXIV, 370. А нѣсколькими страницами выше Евсевій называетъ Гордіана непосредственнымъ преемникомъ Максимина ѳракійскаго (VI, 29, 1, 582; VI, XXIX, 365), годъ низверженія котораго извѣстенъ опредѣленно (238 г.—*Neumann* „Der römische Staat und allgemeine Kirche bis auf Diocletian“ 225 s. Leipzig 1890).

[2]) Весь шестилѣтній періодъ правленія императора Гордіана, какъ тотъ срокъ, въ теченіе котораго развивалось дѣло еп. Берилла бострійскаго, берется *Дюшеномъ* (Исторія древней церкви I, 311 стр.) и *Harnack'*омъ (Die Chronologie... II, 51). Впрочемъ, слѣдуетъ отмѣтить, что оба эти автора говорятъ нестолько о датѣ самаго собора, сколько о композиціи его протоколовъ, извѣстныхъ подъ именемъ „протокола диспута съ Бериллomъ“; при чемъ и Harnack и еще болѣе Дюшенъ даютъ распространительное толкованіе этому протоколу, включая въ его объемъ нетолько запись послѣдняго соборнаго диспута Оригена съ Бериллomъ, но и результаты всѣхъ предшествующихъ собраній и совѣщаній по тому-же самому дѣлу. Находимъ нелишнимъ здѣсь отмѣтить, что самое существованіе такого „протокола“ критически осторожный Harnack считаетъ вполнѣ правдоподобнымъ, въ виду опредѣленнаго заявленія Евсевія, что онъ экземпляръ такого протокола видѣлъ въ іерусалимской библіотекѣ (VI. 20, 1) и въ виду не менѣе категоричнаго свидѣтельства бл. Іеронима о существованіи такого діалога даже и въ его время (de vir. illustr. 60 c.)—Chronologie, II, 49 и 51—52, notae.

Съ именемъ Оригена и той-же аравійской церкви связана исторія и еще одного собора, извѣстнаго, вообще, подъ именемъ „Аравійскаго“. Предметомъ этого собора послужило заблужденіе еретиковъ „ѳнетопсихитовъ“, или, какъ называютъ ихъ другіе, „гипнопсихитовъ“. Мудреныя греческія обозначенія этой ереси *ὑπνοψηχίται*—отъ *ὑπνός*, сонъ отъ и *ψυχή*, душа и *θνητοψυχίται*—отъ *θνητός*, смерть и *ψυχή*, душа) вскрываютъ самую ея суть, которая состояла въ неправильномъ воззрѣніи на человѣческую душу, именно, на догматъ объ ея безсмертіи [1]). Но дадимъ лучше слово самому Евсевію, который является, въ сущности, единственнымъ источникомъ нашихъ свѣдѣній какъ объ этихъ еретикахъ, такъ и о бывшемъ противъ нихъ соборѣ. „Въ описываемое время (правленіе Филиппа Аравитянина 244—249 г.) другіе вводители чуждаго истинѣ ученія явились опять въ Аравіи. Они говорили, что человѣческая душа тотчасъ послѣ настоящей жизни, умираетъ и разрушается вмѣстѣ съ тѣломъ; когда-же тѣло воскреснетъ, то и она снова оживетъ съ нимъ. По этому случаю созванъ былъ также немалый соборъ (*οὐ σμικρᾶς συνόδου, Rufin*,—ingens *episcoporum* concilium), на который пригласили и Оригена. Разсуждая о спорномъ предметѣ передъ цѣлымъ собраніемъ (*ἐπὶ τοῦ κοινοῦ*, coram omni sacerdotum concilio), Оригенъ столько успѣлъ, что заблуждавшіеся, оставили прежнія свои мысли“ [2]). Вотъ, въ сущности,

Изъ авторовъ, указывающихъ опредѣленный годъ собора, отмѣтимъ здѣсь *Hardouini* и *Mansi*—„Op. cit.“, относящихъ данный соборъ къ 243 году, *Hefele-Leclercq*—къ 244 г., *K. v. Schwartz'*а—къ 244 г., *R. Sohm'*а къ 244 г., *Loof's*—къ 244 г., *E. Venables* „Dictionary of christian biographie... *Wace-Piercy*—къ 244 г. Въ Dictionary of sects, heresies, ecclesiast. parties... *Blunt'*а art. „Beryllus“ говорится, что Бострійскій соборъ нерѣдко пріурочивали прежде къ 247—249 г. Но, принимая во вниманіе послѣдовательность событій, указываемую Евсевіемъ, теперь передвинули этотъ терминъ раньше, до смерти Гордіана, т. е. до 244 г. и напр. *Cave* относитъ къ 243 г. Почти то-же говоритъ и *Erv. Preusschen* въ его статьѣ объ „Оригенѣ“ (RE³, 14, 476), который, отказываясь съ точностью опредѣлить годъ собора, утверждаетъ, что jedenfalls sie vor 244.

[1]) *Krüger* считаетъ болѣе правильнымъ второе названіе еретиковъ—„ѳнетопсихиты“, такъ какъ они учили не о снѣ души, а именно объ ея смерти, совершенно аналогичной разрушенію и смерти тѣла“. См. article „Arabier“ in RE³, I, 770, 25-27. Leipzig 1896.

[2]) *Евсевій* VI, XXXVII, 372. Ср. *Euseb.* VI, 37, 592—593: *„Ἄλλοι δ' αὖ πάλιν ἐπὶ τῆς Ἀραβίας κατὰ τὸν δηλούμενον ἐπιφύονται χρόνον δόγματος ἀλλοτρίου τῆς ἀληθείας εἰσηγηταί, οἳ ἔλεγον τὴν ἀνθρωπείαν ψυχὴν τέως μὲν κατὰ τὸν ἐνεστῶτα καιρὸν ἅμα τῇ τελευτῇ συναπολυήσκειν τοῖς σώμασιν καὶ συνδιαφθείρεσθαι, αὖθις δέ ποτε κατὰ τὸν τῆς ἀναστάσεως καιρὸν σὺν αὐτοῖς ἀναβιώσεσθαι. Καὶ δὴ καὶ τότε συγκροτηθείσης οὐ σμικρᾶς συνόδου, πάλιν Ὠριγένης παρακληθεὶς καὶ ἐνταῦθα κινήσας τε λόγους ἐπὶ τοῦ κοινοῦ περὶ τοῦ ζητουμένου, οὕτως ἠνέχθη ὡς μετατεθῆναι τὰς τῶν πρότερον ἐσφαλμένων διανοίας“.

единственное,—и то, къ сожалѣнію, слишкомъ общее,—историческое преданіе объ „Аравійскомъ“ соборѣ, такъ какъ упоминанія объ этой ереси у бл. Августина и св. Іо. Дамаскина, еще гораздо короче и явно составлены по Евсевію [1]). Кстати, приведемъ еще и комплятивную версію этого собора изъ Libello synodico: „соборъ божественный и святой, мѣстный (*τοπική*—въ греч. текстѣ, а въ латинскомъ provincialis) въ Аравіи былъ собранъ Оригеномъ и другими четырнадцатью епископами *(καὶ ἑτέρων ἐπισκόπων δεκατεσσάρων*, aliisque quatordecim episcopis) для исправленія вѣрныхъ, вслѣдствіе нѣкоторой заразной ереси (pestilente haeresi), которая утверждала, что души погибаютъ вмѣстѣ съ самыми тѣлами и съ тѣми-же тѣлами онѣ снова воскресаютъ. Благодаря-же убѣжденію Оригена, который предсѣдательствовалъ (qui praesidebat—sic!), они низложили заблужденіе“ [2]).

Прежде всего, небольшое замѣчаніе о версіи Libelli synodici. Конечно, она, какъ и всегда, не имѣетъ никакой самостоятельной исторической цѣны, такъ какъ скомпанована по Евсевію и разбавлена собственными произвольными догадками, или просто выдумками автора (напр. опредѣленное количество епископовъ). Но одна черта въ ней все-же очень любопытна, по ея полному несоотвѣтствію обычнымъ католическимъ (точнѣе, даже папистическимъ, ультрамонтанскимъ) тенденціямъ автора: черта эта—преувеличеніе роли пресвитера Оригена, въ ущербъ епископскому авторитету. Несмотря на то, что на соборѣ, по словамъ автора, присутствовало до четырнадцати епископовъ, авторъ не кому-либо изъ нихъ, а, именно, Оригену приписываетъ и самый созывъ этого собора и предсѣдательство на немъ. Все это, конечно, совершенно не исторично и нисколько не вѣроподобно; и можетъ быть отмѣчено только развѣ, какъ своего рода курьезъ, какъ примѣръ тѣхъ выдумокъ и противорѣчій, которыми такъ богатъ этотъ, не такъ давно еще очень авторитетный у католиковъ источникъ.

Изъ слишкомъ общей версіи Евсевія тоже трудно извлечь что-либо конкретное о соборѣ „ѳнетопсихитовъ“. Гдѣ и когда былъ этотъ соборъ? Изъ кого онъ состоялъ, кто выступалъ со стороны еретиковъ и кто, (кромѣ Оригена) съ православной стороны?—всѣ эти вопросы не получаютъ у Евсевія удовлетворительнаго освѣщенія. Впрочемъ, если мы къ подлинному тексту Евсевія присоединимъ еще и переводъ Руфина (съ его поясни-

[1]) *Augustin* De haeres. 83. *Ioh. Domascenus* De haeres. 90. См. у *Harnack*'а „Gesch. altch. Litt. I, 515 s.

[2]) *Libellus synodicus* „Synodi Bostrena et Arabica“ *Mansi* „Op. cit.“ I, 789—790 p.

тельными глоссами), то на большинство поставленныхъ вопросовъ получимъ и нѣкоторые, хотя-бы приблизительные отвѣты. Легче всего отвѣтить на вопросъ, *когда* былъ этотъ соборъ? Евсевій поставляетъ его въ такую связь событій, которая заставляетъ относить его къ царствованію императора Филиппа Аравитянина и къ понтификату папы Фабіана, т. е. къ промежутку между 246—249 г., по указанію Harnack'а, съ которымъ согласны и всѣ другіе авторы [1]).

Начальная же фраза Евсевія: „въ описываемое время явились снова въ Аравіи другіе вводители чуждаго истинѣ ученія“, пріоткрываетъ дверь, по нашему мнѣнію, и для отвѣта на вопросъ—*гдѣ* былъ этотъ соборъ? Евсевій очень прозрачно намекаетъ здѣсь на какой-то раннѣйшій случай внесенія въ аравійскую церковь чуждыхъ истины ученій. А такой случай, дѣйствительно, былъ и онъ хорошо намъ извѣстенъ, въ частности, и по аналогичной роли на немъ Оригена; это—случай съ Берилломъ епископомъ Бостры, тоже вводившимъ, было, чуждое истины ученіе, но во время вразумленнымъ на соборѣ, при содѣйствіи Оригена. Не естественнѣе-ли всего предположить, что и второй случай имѣлъ мѣсто здѣсь-же, въ Бострійской церкви, епископъ которой, будучи недавно самъ исцѣленъ Оригеномъ, захотѣлъ воспользоваться его искуснымъ врачеваніемъ и для борьбы съ новой заразительной духовной болѣзнью? (припомнимъ pestilente haeresi, заразительную, какъ чума, ересь Libelli synodici). А если это такъ, то самъ собою рѣшается и вопросъ *о мѣстѣ* новаго собора: имъ, по всей вѣроятности, былъ тотъ-же знакомый намъ городъ Бостра, метрополь провинціи Аравіи. Конечно, это отнюдь не означаетъ того, что новая ересь гнѣздилась, именно, въ Бострѣ. Возможно, что въ самой Бострѣ она была слабѣе, чѣмъ въ другихъ городахъ той-же провинціи, или даже и вовсе въ немъ отсутствовала. Но она, очевидно, успѣла сильно поразить многіе пункты аравійской провинціи; а въ такомъ случаѣ умѣстнѣе всего было созвать соборъ для обсужденія обще-провинціальнаго дѣла не гдѣ-либо еще, а именно, въ метрополѣ всей Аравіи, т. е. въ г. Бострѣ. Косвенно, прокомментированная нами фраза Евсевія еще разъ

[1]) *Ad. Harnack* „Die Chronologie: „246—249 Zweite Reise (не лучше-ли уже третье?) nach Arabien zur Bekämpfung der Thnetopsychiten“ II, 36. Еще гораздо раньше Harnack'а буквально тотъ-же самый срокъ для этого собора указалъ и извѣстный католическій историкъ 17 в. *N. Tillemont* „Memoires pour servir a l'histoire ecclesiastique“ III, 544 p. Paris 1695 an. Къ началу даннаго періода предпочитаетъ отнести соборъ Krüger—246 г. (RE³, I, 770), а къ концу—около 250 года. *Blunt* „Dictionary of sects... 44 p.—

подтверждаетъ и то, что новый аравійскій соборъ происходилъ послѣ перваго (т. е. бострійскаго); но однако какъ-нибудь все-же вскорѣ послѣ него, (вскорѣ послѣ 254 г.), по его еще не остывшимъ слѣдамъ, когда мѣстной церковью правилъ Берилъ и когда память объ успѣхѣ Оригена была особенно жива.

Теперь намъ становится значительно легче отвѣтить и на главный вопросъ—изъ кого аравійскій соборъ состоялъ, т. е. *какого онъ былъ типа?* Если онъ, какъ мы видѣли, затрагивалъ интересы всей аравійской провинціи, а не одного опредѣленнаго ея пункта, то и былъ онъ, разумѣется, не частнымъ, а обще-провинціальнымъ соборомъ, именно, *одно-провиціальнымъ*, такъ какъ о другихъ провинціяхъ здѣсь нѣтъ рѣчи. А въ такомъ случаѣ полный raison d'être получаетъ и пояснительная глосса Руфина, что былъ „большой епископскій соборъ“ (ingens episcoporum concilium), въ согласіи съ чѣмъ стоитъ и выраженіе самого Евсевія, что „соборъ былъ не малый“ (*οὐ βμικρᾶς συνόδου*). Такими эпитетами представленіе о мѣстномъ, обычно, все-же „маломъ“ соборѣ вовсе исключается. А для много-провинціальнаго собора нѣтъ достаточнаго ни повода, ни матеріала; слѣдовательно, остается возможнымъ принять только послѣдній, третій типъ соборовъ того времени—одно-провинціальный.

Въ качествѣ заключенія къ своему изслѣдованію о второмъ Бострійскомъ соборѣ приведемъ крайне любопытную параллель ему, заимствуемую проф. Harnack'омъ изъ коптско-арабскаго синаксаря, по изданію Wüstenfeld'a: „Въ третій день мѣсяца Тутъ имѣлъ мѣсто святой соборъ въ Александріи, во второмъ году правленія нашего святаго отца патріарха Аввы Діонисія (Amba? Dionysius. Слѣдовательно 247—48 или 249—9). Поводомъ къ этому собору послужило то, что въ правительственномъ округѣ Аріонѣ (должно читать „Аравіи“ см. Евс. Ц. И. VI, 37) возстали люди. (Leute... aufgestanden waren), которые утверждали, что душа умираетъ вмѣстѣ съ тѣломъ и въ день воскресшія снова возстаетъ вмѣстѣ съ нимъ. При этомъ они составили нѣкоторыя положенія и отправили къ людямъ въ Александрію; и когда узналъ это Діонисій, то былъ этимъ очень взволнованъ и пытался ихъ отвести отъ этого взгляда; а такъ какъ они не хотѣли его оставлять, то онъ и рѣшилъ собрать противъ нихъ настоящій соборъ, спорилъ съ ними и доказывалъ имъ ихъ заблужденіе. Но такъ какъ они не обращались и отъ своего взгляда не отставали, то онъ проклялъ ихъ и составилъ противъ нихъ посланіе, которое начиналось: „смотри, любовь Бога къ человѣку воистину очень велика“... Мы не приводимъ окончанія этой выдержки, гдѣ дано обличеніе самого мудрованія еретиковъ,

соединенное съ изложеніемъ православнаго ученія, а переходимъ прямо къ оцѣнкѣ его Harnack'омъ: „что здѣсь въ основѣ лежитъ Евс. VI, 37 и что Діонисій и Оригенъ переписывались, это ясно; но судя по поразительной датировкѣ и сообщенному началу, есть вся вѣроятность думать, что повѣствователь зналъ больше того, чѣмъ стоитъ у Евсевія. (Нѣтъ-ли тутъ косвеннаго знанія актовъ?)“ [1]).

Свой настоящій очеркъ малоизвѣстныхъ соборовъ первой половины третьяго вѣка заключимъ двумя такими, отъ которыхъ сохранились настолько незначительные слѣды въ исторіи, что самое существованіе ихъ не безъ основанія большинствомъ ученыхъ заподазривается. Въ сборникѣ Mansi, гдѣ о нихъ говорится всего подробнѣе, первый озаглавляется, какъ „соборъ азіатскій“ 245 г.“, второй—какъ „соборъ Ахаіи 250-го года“ [2]). Мы не находимъ нужнымъ приводить самаго текста Mansi ни объ одномъ изъ этихъ соборовъ, такъ какъ текстъ грѣшитъ очевидной несообразностью и анахронизмами. Въ частности, что касается перваго собора—„азіатскаго“, то въ основѣ его лежитъ извѣстіе Епифанія о двукратномъ осужденіи извѣстнаго антитринитарія Ноэта его бывшими восточными коллегами—„смирнскими пресвитерами“ (*οἱ μακάριοι πρεσβύτεροι*) [3]). Но не говоря уже о томъ, что у Епифанія рѣчь идетъ о судѣ „пресвитеровъ“, — а не „епископовъ“, какъ должно-бы быть, при наличности собора,—самаго событія этого нельзя относить, какъ думаетъ Harnack, далѣе 230 г. [4]), и ужъ ни въ какомъ случаѣ нельзя помѣщать его около 245 г., потомучто къ этому времени вся исторія Ноэта успѣла давно закончиться. Восточная дѣятельность Ноэта принадлежитъ концу II в., а римская—самому началу III в. и уже ко времени Σύνταγμα Ипполита римскаго (т. е. въ первое десятилѣтіе 3-го в. по Harnack'у „Die Chronologie“ II, 223 n.) она успѣла получить полное разобличеніе, а слѣдовательно и церковное осужденіе, въ той или иной формѣ. Въ „пресвитерскомъ-же судѣ“ Епифанія не находятъ возможнымъ видѣть слѣдовъ церковнаго собора ни протестантскіе, ни даже католическіе ученые [5]).

Еще подозрительнѣе существованіе „собора въ Ахаіи“, имѣвшаго будто-бы мѣсто около 250 г. Единственнымъ основаніемъ

---

[1]) Изложено по выдержкѣ, приведенной у *Harnack*'а „Die Chronologie... II, 65 s.—66 s.

[2]) *Mansi* „Op. cit.“ I, 789—790 p.

[3]) *Epiphan.* Haeres. 57, 1.

[4]) *Ad. Harnack* art. „Monarchianismus“ in R.-E. 326, 33-38. XIII. Leip. 1903.

[5]) См. *Harnack* Geschichte d. altch. Litt. 1, 2. 799 s. *Hefele-Leclercq* Op. cit. I, 164. *Дюшенъ* „Исторія древней церкви“ I, 257 стр.

для него у *Mansi* служитъ небольшая замѣта „Praedestinat'a“ о появленіи въ Греціи еретика Валезія, который проповѣдывалъ необходимость добровольной кастраціи (самооскопленія) для полученія царствія небеснаго [1]). Но какъ и почему такая изувѣрная секта могла возникнуть въ сравнительно культурной Греціи, какой, гдѣ и когда составлялся противъ нея соборъ?—на всѣ эти вопросы не даетъ отвѣта ни самъ Praedestinatus, ни кто-либо еще. Да никто изъ древнихъ ересеологовъ и вообще не упоминаетъ о подобной ереси, или сектѣ. Такъ что даже такой довольно снисходительной критикъ, какъ Hefele и тотъ не даетъ извѣстію Predestinat'a никакой вѣры [2]).

Мы прошли долгій и тернистый путь изслѣдованія малоизвѣстныхъ соборовъ первой половины 3-го вѣка. Окидывая его общимъ, прощальнымъ взоромъ, мы не безъ нѣкотораго чувства моральнаго удовлетворенія можемъ признать, что отрывочная, разрозненная, скудная матеріаломъ, запутанная и малоизслѣдованная серія церковныхъ соборовъ первой половины 3 в. предстала теперь предъ нами въ значительно иномъ освѣщеніи: она одѣлась въ плоть и кровь исторіи и не только выяснилась сама, но позволила кое-что выяснить и въ исторіи развитія соборнаго института. Въ частности, благодаря ей мы получили довольно опредѣленное знакомство съ начавшейся дифференціаціей церковныхъ соборовъ и съ развернувшейся классификаціей ихъ по тремъ основнымъ типамъ: собора — *многопровинціальнаго, однопровинціальнаго и мѣстнаго*, болѣе устойчивыя формы и окончательная консолидація что принадлежатъ уже слѣдующему періоду—эпохѣ св. Кипріана карѳагенскаго.

---

[1]) *Praedestinatus* I, lib. XXXVII cap. *Mig.* PL, t. LIII, col. 587 sq. Компилятивный ересеологическій сборникъ, очень невысокой научной цѣнности. Повидимому въ указанномъ отдѣлѣ объ еретикахъ „валезіанцахъ“ авторъ далъ своеобразную обработку извѣстіямъ *Epiph.* Haeres. LVIII и *August.* Haeres. XXVII. *Blunt* въ своемъ спеціальномъ словарѣ дѣлаетъ любопытную ссылку на *Епифанія и Никиту Хоніата*, которые мѣстонахожденіе этой секты указываютъ „въ Аравіи, по ту сторону Іордана“ (Dictionary of sects... 614 p.). Въ такомъ случаѣ нельзя-ли этихъ еретиковъ-валезіанцевъ сблизить съ одними изъ тѣхъ аравійскихъ религіозныхъ вольнодумцевъ, съ которыми имѣлъ дѣло Оригенъ (въ первое или въ третье свое посѣщеніе Аравіи)?

[2]) *Hefele-Leclercq* I, 164: „L'assertion de l'auteur du *Praedestinatus*... est encore plus douteuse (по сравненію съ предыдущимъ текстомъ Епифанія о Ноатѣ), et très probablement fausse“. Вѣритъ въ этотъ соборъ, повидимому, только *Mansi*—Op. cit. I, 790: „Concilium Achaiae, habitum circa annum CCL; но и онъ, кромѣ выдержки изъ Praedestinat'a не указываетъ еще никакихъ ни источниковъ, ни авторитетовъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

СОБОРЫ ПО ПОВОДУ СПОРА О „ПАДШИХЪ“ И РАСКОЛОВЪ НОВАТА, ФЕЛИЦИССИМА И НОВАЦІАНА (эпохи св. Кипріана Карѳаг.).

Общая характеристика соборовъ кипріановой эпохи.

Эпоха св. Кипріана, епископа карѳагенскаго, т. е. періодъ десятилѣтняго его епископата (248—258 г.) это—одна изъ самыхъ блестящихъ главъ въ исторіи церковныхъ соборовъ нетолько древней, еще гонимой, но и послѣдующей, уже торжествующей церкви.

За такой, сравнительно недолгій срокъ мы имѣемъ свѣдѣнія не меньше, чѣмъ о *десяти* церковныхъ соборахъ—семи карѳагенскихъ, двухъ римскихъ и одномъ восточномъ—а главное, такія свѣдѣнія, съ которыми по степени ихъ важности и авторитетности, мало что можетъ сравниться, такъ какъ они идутъ изъ первыхъ рукъ—извлекаются нами изъ подлинныхъ сочиненій самихъ иниціаторовъ данныхъ соборовъ (преимущественно, Кипріана карѳагенскаго), или ихъ видныхъ дѣятелей и авторитетныхъ современниковъ (еп. Фирмиліана кесаріе-каппадокійскаго, еп. Діонисія александрійскаго, папъ—Корнелія и Стефана и др.). Такъ что, если бы мы не имѣли ни Евсевія съ Руфиномъ, ни бл. Іеронима и не знали-бы, вообще, ничего о предыдущихъ соборахъ древней церкви; то и тогда, основываясь на однихъ только сочиненіяхъ Кипріана карѳагенскаго, въ особенности, на его обширной перепискѣ, мы могли-бы достаточно оріентироваться въ соборномъ вопросѣ и составить себѣ, болѣе или менѣе, ясное и полное представленіе, если не обо всей исторической эволюціи древне-церковныхъ соборовъ, то, по крайней мѣрѣ, объ ихъ современной еп. Кипріану формѣ. Теперь-же, на фонѣ уже немалаго нашего предыдущаго изслѣдованія, драгоцѣнныя, документальныя свидѣтельства о соборахъ кипріановой эпохи пріобрѣтаютъ для насъ тѣмъ бо́льшее значеніе и интересъ, что они проливаютъ новый, обильный свѣтъ на нѣкоторыя, еще остававшіяся темными или спорными, стороны соборнаго института и даютъ убѣдительно-фактическое подтвержденіе и доказательство тому, что иногда раньше, по необходи-

мости, опиралось у насъ лишь на правдоподобныя гипотезы и догадки. Вмѣстѣ съ тѣмъ, весь этотъ новый, огромной важности и цѣнности историческій матеріалъ, отмѣчаетъ собой и нѣкоторый дальнѣйшій фазисъ въ развитіи церковно-соборнаго института, именно—окончательное выявленіе и закрѣпленіе въ церковномъ обиходѣ того, что, хотя спорадически и частично уже наблюдалось въ немъ и раньше, но только теперь приняло здѣсь болѣе общую, устойчивую форму—разумѣемъ, окончательно сложившійся типъ періодически-регулярныхъ, церковно-провинціальныхъ соборовъ.

Со стороны своего предмета и характера всѣ соборы новаго періода, такъ же, какъ и предыдущаго, относятся къ разряду дисциплинарныхъ, а не догматическихъ соборовъ. Они самыми своими сюжетами опредѣленно дѣлятся на двѣ группы: на соборы по дѣлу *„падшихъ“* (lapsi) и на соборы по вопросу *о „крещеніи еретиковъ“*. Параллельно этимъ двумъ спорамъ, въ особенности, первому изъ нихъ, шла еще и борьба соборовъ съ тѣми мѣстно-церковными нестроеніями, или расколами, какъ въ Карѳагенѣ, такъ и въ Римѣ, которые возникли на почвѣ названныхъ дисциплинарныхъ споровъ, или, выражаясь болѣе точно, были выгодно использованы вожаками этихъ расколовъ въ интересахъ своихъ, по большей части, мелкихъ, личныхъ и своекорыстныхъ цѣлей. Въ томъ и другомъ случаѣ дисциплинарно-административный характеръ соборовъ кипріановой эпохи ясенъ самъ собою. Но такой характеръ названныхъ соборовъ нисколько, однако, не умалялъ ихъ историческаго значенія и интереса; скорѣй, даже наоборотъ—онъ ихъ популяризовалъ и дѣлалъ болѣе важными и нужными, можно сказать, практически необходимыми. Разсужденія и споры велись здѣсь не въ области спекулятивной мысли и богословско-философскихъ умозрѣній, всегда, болѣе или менѣе, интересующихъ лишь образованное меньшинство; а происходили въ той практически дѣловой, жизненной сферѣ, которая, сравнительно говоря, доступна и понятна самымъ широкимъ церковно-общественнымъ кругамъ. Да изъ этой сферы затрагивались, именно, тѣ больные вопросы современности, которые остро были поставлены самой жизнью и которые настойчиво требовали, такого или иного, но непремѣнно скорѣйшаго ихъ разрѣшенія. При этомъ нельзя, конечно, упускать изъ виду и того важнаго обстоятельства, что древняя церковь тогда еще плохо сознавала различіе между догматомъ и обрядомъ, въ силу чего въ ней всякій церковно-дисциплинарный споръ почти неизбѣжно получалъ серьезный принципіальный характеръ, затрагивавшій

самыя основы тогдашняго, еще довольно примитивнаго міровоззрѣнія. Вотъ почему, напримѣръ, и такой, съ нашей современной точки зрѣнія, довольно второстепенный споръ, какъ споръ о покаяніи въ церкви и объ его ступеняхъ, получалъ тамъ необыкновенную остроту—переходилъ въ принципіальный вопросъ о самомъ существѣ христіанства и о невозможности терпѣть въ его средѣ даже хотя бы случайныхъ и временныхъ измѣнниковъ ему, давно искренно раскаявшихся въ своемъ легкомысленномъ поступкѣ (libellatici). Выводъ отсюда тотъ, что хотя соборы кипріановой эпохи по своему характеру были дисциплинарными, а не догматическими, но это нисколько не мѣшало имъ имѣть огромное значеніе для своего времени и быть, такъ сказать, главными, опредѣляющими факторами тогдашней церковной жизни. Въ этомъ легче всего убѣдиться на примѣрѣ *крещальныхъ* споровъ и соборовъ, гдѣ разногласіе двухъ видныхъ спорящихъ церквей достигло такой высокой степени, что одно время оно положительно грозило раздѣленіемъ восточной и западной половинъ церкви, точнѣе, открытымъ церковнымъ разрывомъ между Римомъ, съ одной стороны, и Карѳагеномъ и Малой Азіей, съ другой [1]).

Снова возвращаясь къ вопросу объ источникахъ соборовъ новаго періода, находимъ необходимымъ кратко отмѣтить ихъ главныя, отличительныя черты. Выше мы уже говорили, что для сужденія о соборахъ кипріановой эпохи мы располагаемъ совершенно исключительнымъ, выдающимся по его высокой цѣнности и документальному характеру матеріаломъ, дошедшимъ до насъ, преимущественно, въ формѣ обширной корреспонденціи Кипріана, въ которой, наряду съ замѣтками изъ предыдущей и послѣдующей исторіи этихъ соборовъ, немало сохранено также и выдержекъ изъ подлинныхъ ихъ актовъ или, такъ называемыхъ, соборныхъ посланій. А отъ одного, наиболѣе внушительнаго и важнаго собора (карѳагенскаго, осенью 256-го г.), дошелъ до насъ даже стенографическій протоколъ его послѣдняго, заключительнаго засѣданія. Но несмотря на такое обиліе соборнаго матеріала и его высокое качество, правильное и цѣлесообразное использованіе названнаго матеріала представляетъ немаловажныя трудности, частію происходящія отъ крайней сжатости и какъ бы случайности иногда только вскользь оброненныхъ замѣчаній, а главное, зависящія отъ недостаточной ясности и устойчивости тер-

[1]) Здѣсь, въ еще болѣе рѣзкой и категоричной формѣ повторилось то самое, что имѣло мѣсто раньше, въ эпоху, такъ называемыхъ, *пасхальныхъ споровъ*. См. выше, третью главу нашего изслѣдованія, въ особенности, стран. 169, 248 и сл.

минологіи св. Кипріана. Какъ на типическій образчикъ подобнаго недостатка, можно указать на довольно безразличное употребленіе Кипріаномъ такихъ, крайне важныхъ и совершенно различныхъ по своимъ объектамъ, терминовъ, какъ „епископъ“ и „пресвитеръ“. У Кипріана оба этихъ термина, въ особенности, въ его письмахъ, разграничиваются далеко не строго, а очень часто и вовсе перемѣшиваются: чаще всего несомнѣнный епископъ называется у него „священникомъ Божіимъ“, „пресвитеромъ“, „сопресвитеромъ“, а то и просто „священникомъ“. Но иногда и наоборотъ, безспорный пресвитеръ именуется „предстоятелемъ“, „сослужителемъ“, „коллегой“ [1]). Подобная невыдержанность терминологіи создаетъ большую путаницу и затрудняетъ рѣшеніе одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ соборной теоріи и практики—вопроса о составѣ церковнаго представительства на нихъ. Нерѣдко становишься положительно въ тупикъ, кѣмъ былъ тотъ или другой корреспондентъ Кипріана—епископомъ или пресвитеромъ? А также часто недоумѣваешь, кто тѣ „пресвитеры“, о которыхъ онъ упоминаетъ, какъ о дѣйствительныхъ членахъ бывшихъ при немъ соборовъ—принадлежали-ли они къ пресвитерскому совѣту, или относились къ епископскому сонму? Такъ что произведенія св. Кипріана карѳагенскаго, при всѣхъ ихъ выдающихся достоинствахъ, все-же нуждаются въ тщательномъ реально-историческомъ ихъ комментаріи, чтобы стать солиднымъ и безспорнымъ соборнымъ матеріаломъ.

Все это и заставляетъ насъ остановиться на эпохѣ св. Кипріана съ особымъ вниманіемъ и интересомъ, и въ частности, дать соотвѣтствующій анализъ тѣмъ изъ его литературныхъ указаній, которыя прямо или косвенно относятся къ исторіи и характеристикѣ бывшихъ при немъ, какъ карѳагенскихъ, такъ и нѣкоторыхъ другихъ, церковныхъ соборовъ. Въ силу всего сказаннаго, и наше изслѣдованіе о соборахъ кипріановой эпохи пріобрѣтаетъ нѣсколько иной, отличный отъ предыдущаго изложенія, характеръ—характеръ болѣе подробнаго и плавнаго историческаго разсказа, въ которомъ всѣ соборы названнаго періода получатъ, смѣемъ думать, болѣе солидную прагматическую обработку и болѣе живую историческую окраску.

[1]) Мы сознательно не хотимъ давать здѣсь ряда малоубѣдительныхъ, голыхъ цитатъ изъ сочиненій и писемъ Кипріана, свидѣтельствующихъ объ отмѣченной путаницѣ, между прочимъ, и на томъ основаніи, что въ послѣдующемъ изложеніи мы неоднократно будемъ имѣть случай разсмотрѣть подобные примѣры, въ связи съ самымъ текстомъ.

I.

Вопросъ о „падшихъ“ (LAPSI) въ Карѳагенской церкви, при еп. Кипріанѣ [1]).

Первымъ—и по времени и по количеству посвященныхъ ему соборовъ и по степени идейной его важности—предметомъ собо-

[1]) Изъ огромной литературы о св. Кипріанѣ карѳагенскомъ, о происходившихъ при немъ церковно-дисциплинарныхъ спорахъ и о возникшихъ тогда расколахъ назовемъ здѣсь только то, что имѣетъ характеръ источниковъ и значеніе лучшихъ, наиболѣе авторитетныхъ обработокъ.

Источники. Главнѣйшимъ источникомъ являются, конечно, подлинныя сочиненія самого еп. Кипріана карѳагенскаго, въ особенности, его обширная и разносторонняя корреспонденція. Сочиненія Кипріана начали издаваться почти тотчасъ-же по изобрѣтеніи книгопечатанія и къ настоящему времени насчитываютъ до сотни различныхъ изданій. Лучшимъ и наиболѣе популярнымъ въ наукѣ признается критическое изданіе Вѣнской академіи, въ рецензіи *Guilelmi Hartelii* „S. Thasci Caecili Cypriani opera omnia“ I—III par. Vindobonae 1868—1871. (Corpus scriptorum ecclesiasticorum latinorum, volum. III, editum consilio et impensis Academiae litterarum caesareae Vindobonensis). Наиболѣе важенъ и нуженъ здѣсь vol. III, pars II, Vindobonae 1871 an., гдѣ находятся *Epistulae* Thasci Caecili Cypriani. Большинство (но однако не всѣ; нѣтъ, напр., очень важнаго памятника Sententiae episcoporum) сочиненій Кипріана имѣется и въ русскомъ переводѣ, въ серіи „Библіотека твореній св. отцевъ и учителей церкви западныхъ“, издаваемой при Кіевской духовной академіи; здѣсь Кипріанъ данъ также въ трехъ частяхъ, I—III т. Кіевъ 1860—1862. Въ общемъ, переводъ выполненъ вполнѣ удовлетворительно. Но такъ какъ онъ былъ сдѣланъ еще до изданія Hartel'я, то по менѣе исправному тексту Balusii-Morani, принятому и у *Mign'я*, PL, III—IV t. Въ 1890—1891 г. кіевское изданіе Кипріана было повторено; но къ сожалѣнію, совершенно стереотипно, по старому подлиннику, нетолько безъ свѣрки его съ критическимъ изданіемъ Hartel'я, но даже и безъ перемѣны устарѣлой нумераціи писемъ, что сильно затрудняетъ научное пользованіе ими, такъ какъ почти во всѣхъ новыхъ работахъ объ эпохѣ Кипріана принята теперь нумерація писемъ по Hartel'ю, а не по Mign'ю (Balusii-Morani). Вторымъ по важности, историческимъ источникомъ служитъ біографія Кипріана, написанная его современникомъ—діакономъ *Понтіемъ*. Она имѣется почти во всѣхъ древнихъ и новыхъ Acta Sanctorum (Ruinart, Assemani, Surii, Bolland. etc.), а также и въ вышеназванномъ изданіи *G. Hartel'я* III pars, въ концѣ книги—Vita Caecilii Cypriani, Pontio diacono uulgo adscripta. XC—CX, Vindobonae 1871. Непосредственно къ ней примыкаетъ у Hartel'я и третій добавочный источникъ, *Acta proconsularia*, ibid. CX—CXIV, въ которыхъ дается версія мученической кончины Кипріана. Затѣмъ, слѣдуетъ „Церковная исторія“ *Eusebii-Rufini* (ed. Berliner Kirchenväter-Kommission, recens. *Schwartz-Mommsen)* lib. VI, cap. 39, p. 594—596; cap. 40, 596—600; c. 41—46, 600—629 s. *Eccs.* VI, XXXIX—XLVI гг. съ 373—396 стр. *S. Hieron.* „De viris illustribus“ c.c. LIV, LXII, LXVI, LXVII, LXVIII, LXX. „Книга о знаменитыхъ мужахъ“, Творенія *бл. Іеронима*, ч. 5, 319. 323, 324—327 стр. Сюда же могутъ быть отнесены и тексты съ примѣчаніями къ нимъ *M. J. Routh* „Reliquiae Sacrae“², vol. III, S. Cornelius 13—89 p. и Concilia sub S. Cypriano carthaginiensia, 93—217 p. *I. B. Cardin. Pitra* „Analecta

ровъ кипріановой эпохи послужило сильно волновавшее тогда Христову церковь дѣло „падшихъ“, въ тѣсной внѣшней и внутренней связи съ которымъ стояли и оба возникшихъ тогда-же церковныхъ раскола (карѳагенскій и римскій), хотя каждый изъ

sacra“... II t. 1884, carthag. episcopus 288—291. *Inscriptiones Africae Latinae*, Coll. G. Wilmanns 1891. Supplementum, pars I—II ed. R. Cagnat et Iohs. Smidt. 1891—1894. (Corpus Inscriptionum Latinarum, vol. VIII).

Литература. Для общей ориентировки въ вопросѣ: *Ad. Harnack* „Geschichte der altchristlichen Litteratur bis Eusebius“ I, 2. Cyprian Werke 688—730 s. und Concilien 799, 802 s. Leipzig 1893. *Ejusdem* „Die Chronologie der altchrist. Litteratur bis Eusebius“, II b. Cyprian und Pseudocyprian, Novatian. Römische Bischöfe und Kleriker v. Cornelius bis Miltiades, 334—412 s. Leipzig 1904. Аналогиченъ съ ними и патрологическій трудъ *Otto Bardenhewer'a* „Geschichte der altkirchlichen Litteratur“ II b. § 78. Cyprian, 394—464 s, § 83. Novatian, 559—574 s. Freiburg im Breisgau 1903. По исторіи, хронологіи и критикѣ текста сочиненій св. Кипріана, въ особенности, его писемъ, полезны работы: *Karl Goetz* „Geschichte der Cyprianischen Literatur bis zur Zeit der ersten erhaltenen Handschriften, Basel 1891. *Ad. Harnack* „Die Briefe des römischen Klerus aus des Sedisvacanz im Jahre 250. in Theol. Abhandl. C. Weizsäcker gewidmet. Freiburg 1896. *Hans v. Soden* „Die Cyprianische Briefsammlung. Geschichte ihrer Entstehung und Ueberlieferung“, Leipzig 1904. Къ послѣднему сочиненію приложенъ подробный Literaturverzeichniss, въ которомъ указано сто двадцать монографій и статей, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ эпохѣ Кипріана. *Leo Nelke* „Die Chronologie der Correspondenz Cyprians und der pseudocypr. Schriften ad Novatianum und liber de Rebaptismate“. Thorn, 1902. *Monceaux* „Chronologie des oeuvres de St. Cyprien et des conciles africains duson temps“ (Revue de philol. de litter. et d'histoir. anc. 1900, 333—350 p.). Изъ спеціальныхъ монографій о Кипріанѣ и его времени отмѣтимъ *Rettberg Fr. W.* „Thascius Cäcilius Cyprianus, Bischof von Karthago, dargestellt nach seinen Leben und Wirken“, Göttingen 1831. *Freppel Ch E.* „Saint Cyprien et l'Eglise d'Afrique au III-me siècle“. Paris 1865, 3 ed. 1890. *Peters Johan* „Der Heilige Cyprian von Carthago, Bischof, Kirchenvater und Blützeuge Christi, in seinem Leben und Wirken dargestellt“. Regensburg 1877. *Fechtrup, Bernhard* „Des hl. Cyprian. Sein Leben und seine Lehre“. Münster 1878. *Rätschl, Otto* „Cyprian von Carthago und die Verfassung der Kirche. Eine Kirchengeschichtliche und Kirchenrechtliche Untersuchung. Göttingen 1885. *Benson, E. W.* „Cyprian. His Life. His times. His work.“ London 1897 (лучшее, можно сказать, исчерпывающее сочиненіе о личности св. Кипріана и всей его эпохѣ). Тому-же *Benson'y* принадлежитъ и прекрасная статья „Cyprianus Thascius Cäcilius“ въ новѣйшемъ изданіи *Wace-Piercy* „A Dictionary of christian Biography and Literature“ съ 217—233 p. London 1911. Небезполезны также соотвѣтствующія статьи въ другихъ энциклопедіяхъ и словаряхъ: *Herzog-Hauck'a* RE³, 4 b. 367—375 s. *Wetzer-Welte'* II, 1999 sq. и III, 1273 sq. *E. Lichtenberger'a* „Encyclopädia“ III, 547 sq. *Vacant-Mangenot* „Dictionnaire de theologie catholique“ III. 2459—2470 col. А также цѣлый рядъ артиклей изъ „Real-Encyklopädie der christlichen Alterthümer“ *F. X. Kraus'a* и „Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie“ ed. *Dom. Cabrol'я.*

Изъ курсовъ общаго церковно-историческаго характера, а равно и спеціальныхъ по исторіи и географіи сѣверной Африки отмѣтимъ здѣсь старый, но почтенный трудъ *Seb. Le Naïn de Tillemont* „Memoires pour servir a l'histoire ecclesiastique des six premieres siecles III t. 305—362 и IV t. 1696 an. Paris. Въ особенности отдѣлъ Saint Cyprien, 45—198 p. S. Firmilian Evesque de Cesa-

rée en Cappadoce—308—315 p. Notes sur Cyprian 601—645 p. *Dr. Aug. Neander* „Allgemeine Geschichte der christlichen Religion und Kirche“³, Gotha 1856. Преимущественно, въ первой части, въ третьемъ отдѣлѣ „Die Geschichte der Kirchenspaltungen oder Schismata (Novatus, Felicissimus, Spaltung des Felicissimus, Spaltung zu Rom, Novatianus, Novatianische Spaltung) 121—136 s. *E. de Pressensé* „Histoire des trois premiers siècles de l'eglise chrétienne“ t. I, 255—278. Paris 1861. *B. Aubé* „l'Elgise et l'Etat dans la seconde moitié de III-e siècle“, Paris 1885. *J. Langen* „Geschichte der Römischen Kirche“, Bonn 1881 (въ особенности, для исторіи и характеристики новаціанской схизмы). *Möller-Schubert* „Lehrbuch der Kirchengeschichte“², I, 283—304 s. Tübingen 1902. *J. Hergenröther-Kirsch* „Handbuch der allgemeinen Kirchengeschichte“⁴. I, 280—288 s. и 269—270. Freiburg im Breisgau 1902. *Dr. Alexis Schwarze* „Untersuchungen über die äussere Entwicklung der africanischen Kirche mit besonderer Verwertung der archäologischen Funde“. Gottingen 1892. *Le Blant* „L'Epigraphie chrétienne en Gaule et dans l'Afrique romaine, Paris 1890. *Toulotte* „Geographie de l'Afrique chrétienne“ I, Paris 1891. *Th. Mommsen* „Römische Geschichte“ V t. Provincien. Berlin 1885 (есть и русскій переводъ *Невѣдомскаго*, М. 1885). *Paul Monceaux* „Histoire littéraire de l'Afrique chrétienne“ II t. Saint Cyprien et son temps, Paris 1902 (лучшая монографія по литературной исторіи древне-христіанской Африки). Къ ней тѣсно примыкаетъ и отъ нея сильно зависитъ сокращенная монографія *H. Leclercq'a* „L'Afrique chretienne“ I, Paris 1904. Въ частности, по исторіи и характеристикѣ дѣла „падшихъ“, а также карѳагенско-римской схизмы Новата и Новаціана, кромѣ уже указанной выше литературы, слѣдуетъ ознакомиться также и съ работами по исторіи древне-церковной дисциплины и по характеристикѣ новаціанства. Между прочимъ, укажемъ здѣсь на статьи *Ad. Harnack'a* въ RE³ „Lapsi“ II t. 283—287 и Novatian, novatianische Schisma“, 14 t. 223—242 s. *K. Müller* „Die Bussinstitution in Karthago unter Cyprian“ (Zeitschr. für Kirchengesch. 1896, XVI, 1—44, 187—219). *K. Goetz* „Die Busslehre Cyprians“, Königsberg 1895. *F. Funk* „Zur altchristlichen Bussdisciplin“ (155—161) и Die Busstationen im christlichen Altertum“ 209—241 s. Kirchengesch. Abhandlungen und Untersuchungen, I Paderborn 1897. *Dr. Schanz* „Die Absolutionsgewalt in der alten Kirche“ (Theol. Quartalschrift, 1897, 27 sq.). *Stufler Joh.* „Die Behandlung der Gefallenen zur Zeit der decischen Verfolgung. (Zeitschr. f. kathol. Theologie 1907). *H. Achelis* „Das Christentum in den ersten drei Jahrhunderten“ Die Bussdisciplin, 121—153, II, Leipzig 1912. Наконецъ, въ дополненіе ко всему названному, спеціально по исторіи карѳагенскихъ и др. соборовъ кипріановой эпохи укажемъ: *Mansi* „Sacrorum conciliorum nova et amplissima, collectio“ I, 793—906. Florentiae 1759. *Hardouini* Conciliorum collectio regia maxima“ I, Parisii 1715. *Ab. Migne* „Dictionnaire universel et complet des conciles“ I, 461—468 p. Paris 1846. *Pusey E. B.* „The councils of the church from the counsil of Ierusalem, a. d. 51 to the counsil of Constantinopole, a. d. 381. Oxford 1857. *Hefèle-Leclercq* „Histoire des conciles“ I, 1. 165—172 (съ обильными подстрочными примѣчаніями относительно древней и новой литературы вопроса). См. также въ приложеніи ко второй части перваго тома спеціальный Appendice III „Chronologie des conciles de Carthage“, составленный *H. Leclercq'омъ*, 1088—1118 p. Paris 1907.

Русская литература, оригинальная и переводная, также, сравнительно говоря, представлена недурно. Довольно подробный общій очеркъ „Жизнь и

нихъ имѣлъ также и свою собственную подкладку, преимущественно, личнаго характера. Указанное обстоятельство повелительно диктуетъ и намъ начать свое изслѣдованіе соборовъ даннаго періода не съ чего-либо иного, какъ, именно, съ сжатаго историческаго очерка, который бы, во первыхъ, освѣтилъ намъ дѣло „падшихъ“, а во вторыхъ, раскрылъ основную суть карѳагено-римской схизмы.

творенія св. священномученика Кипріана, еп. Карѳагенскаго“ данъ въ предисловіи къ кіевскому переводу твореній св. Кипріана, 1860 г. 1 изд. и 1890 г. 2-ое. Впрочемъ, научная біографія св. Кипріана карѳагенскаго появилась на русскомъ языкѣ еще гораздо раньше, при первыхъ опытахъ перевода его сочиненій профессорами Петербургской духовной академіи. См. „Жизнь св. Кипріана карѳагенскаго“ (Христ. Чт. 1825 г. XVII, 237 и сл. стр.). *Филаретъ*, архіеп. Черниговскій „Историческое ученіе объ отцахъ церкви“, 118—132 стр. СПБ. 1859. *Свящ. Алексѣя Молчанова* „Св. Кипріанъ карѳагенскій и его ученіе о церкви“. Казань 1888 г. (наиболѣе обстоятельный русскій трудъ о св. Кипріанѣ, къ сожалѣнію, кое-въ чемъ успѣвшій уже устарѣть). Въ качествѣ восполненія и освѣженія его должна быть отмѣчена сжатая, но очень дѣльная статья проф. *Л. Писарева* „Кипріанъ, Фасцій Цециліи“ въ Богословской Энциклопедіи † Лопухина, продолж. проф. Глубоковскимъ, X т., 29—37, СПБ. 1909. (Здѣсь указана также и болѣе мелкая, журнальная русская литература о Кипріанѣ). *Ф. и С. Терновскіе* „Три первые вѣка христіанства“. Чтеніе 15-ое. Св. Кипріанъ Карѳагенскій и его время“ 198—210 стр. Кіевъ 1878. *Гетте* „Исторія церкви“ II, 140—203 стр. СПБ. 1873. *Фарраръ* „Жизнь и труды св. отцовъ и учителей церкви“ въ переводѣ † проф. Лопухина. Особая глава „Св. Кипріанъ Карѳагенскій“ 144—192, СПБ. 1891. *Робертсонъ* „Исторія христіанской церкви“ въ переводѣ того-же † проф. Лопухина, I, гл. VI, 106—116 стр. СПБ. 1890. *Проф. В. Болотовъ* „Лекціи по исторіи древней церкви“. Посмертное изданіе подъ редакціей проф. *А. Брилліантова* II т. Расколы Новата и Новаціана, 378—383 стр. СПБ. 1910. *Фр. Ке. Функъ* „Исторія христіанской церкви отъ временъ апостольскихъ до нашихъ дней“. Подъ редакціей проф. Гидулянова. Москва 1911, 61 и 85 стр. *Л. Дюшенъ* „Исторія древней церкви“. Подъ редакціей профессоровъ Попова и Орлова, I т. XX гл. 261—291. Москва 1912. Кромѣ того, общій вопросъ о покаянной дисциплинѣ въ древне-христіанской церкви служилъ предметомъ цѣлаго ряда работъ нашихъ видныхъ канонистовъ—профессоровъ *Алмазова, Суворова, Заозерскаго* и *Павлова*. См. объ этомъ у проф. *Гидулянова*, его критико-библіографическую статью „Вопросъ о тайной исповѣди и духовникахъ восточной церкви въ русской литературѣ“. Визант. временникъ, т. XIV, 1908. Общая теорія и практика церковной дисциплины выясняются въ диссертаціи проф. *В. Кипарисова* „О церковной дисциплинѣ“, Сергіевъ Посадъ 1897. Болѣе частный очеркъ о дисциплинѣ эпохи Кипріана карѳагенскаго данъ въ диссертаціи проф. *С. Смирнова* „Духовный отецъ въ древней восточной церкви“ I, съ 225—240 стр. Серг. Пос. 1906. Параллельное, а нерѣдко и встрѣчное съ послѣднимъ авторомъ, освѣщеніе того-же самаго предмета дается и въ диссертаціи проф. *Вл. Троицкаго (архим. Иларіона)* „Очерки изъ исторіи догмата о церкви“, въ особенности, въ концѣ 4 гл. и въ началѣ 5-ой главы. Сергіевъ Посадъ, 1912. Дополнительныя указанія на литературу спора „о крещеніи еретиковъ“ и вызванныхъ имъ соборовъ будутъ сдѣланы нами особо, въ началѣ слѣдующей главы.

Коллективный терминъ „падшіе“ (lapsi), на языкѣ древней церкви, имѣлъ строго-опредѣленный, технический смыслъ: онъ былъ противоположенъ собирательнымъ-же терминамъ „исповѣдники“, „мученики“ (confessores, martyres) и, слѣдовательно, обозначалъ собою такихъ христіанъ, которые, по тѣмъ или инымъ мотивамъ, малодушно измѣнили христіанству, отреклись отъ него, или, фигурально выражаясь, преткнулись и пали. Такимъ образомъ, „падшіе“ были какъ-бы антиподами „мучениковъ“. И если мученичество, какъ это вполнѣ понятно, цѣнилось въ эпоху древней, гонимой церкви особенно высоко и трактовалось, въ качествѣ высшей христіанской добродѣтели [1]), то отпаденіе отъ христіанства, ренегатство и измѣна ему являлось тѣмъ тяжкимъ смертнымъ грѣхомъ, который окончательно извергалъ падшаго изъ состава христіанской общины и навсегда заграждалъ ему обратный доступъ въ нее. Поэтому, хотя отдѣльные случаи отпаденія отъ христіанства имѣли мѣсто почти при всѣхъ жестокихъ гоненіяхъ, однако бывали они все-же рѣдко, въ видѣ печальныхъ единичныхъ исключеній, не вызывавшихъ никакого общаго вопроса. Новую фазу въ исторіи „падшихъ“ создало гоненіе Декія Траяна, со всѣми сопровождавшими его обстоятельствами.

Эпоха св. Кипріана карѳагенскаго, во внѣшней жизни церкви была, безспорно, однимъ изъ наиболѣе тяжкихъ историческихъ ея періодовъ, когда на юную Христову церковь одно за другимъ обрушились два, особенно опасныхъ для нея гоненія, произведшихъ наибольшій внутренній уронъ и замѣшательство въ ея рядахъ. Мы говоримъ, именно, о гоненіяхъ двухъ, преемственно слѣдовавшихъ римскихъ императоровъ—Декія Траяна (249—251 г.) и Валеріана (253—260 г.). Эдикты этихъ двухъ императоровъ открываютъ совершенно новую эру въ исторіи римско-правительственныхъ гоненій на христіанъ. До сихъ поръ всѣ преслѣдованія христіанъ, иногда, очень жестокія (напр. при Маркѣ Авреліи и Септиміи Северѣ), носили, болѣе или менѣе, случайный, спорадическій характеръ и мотивировались нестолько самой сущностью христіанскаго вѣроученія, сколько тѣми общеуголовными преступленіями, въ которыхъ христіане были повинны, съ точки зрѣнія дѣйствовавшаго тогда римскаго уголовнаго права. Чаще всего христіанамъ инкриминировались двѣ тяжкихъ вины—презрѣніе къ римской государственной религіи (crimen sacrilegii) и оскорбленіе личности императора, считавшагося богомъ въ господствовавшемъ тогда культѣ це-

---

[1]) О значеніи „мучениковъ“ и „исповѣдниковъ“ какъ носителей нравственной доблести церкви см. выше, стр. 129-ую.

зарей (crimen laesae majestatis). Единственный законодательный памятникъ императорской эпохи, опредѣлявшій оффиціальныя отношенія римской власти къ христіанамъ, это—эдиктъ императора Траяна въ его письмѣ къ Плинію (ок. 112 г.) [1]. Онъ правильнѣе долженъ быть отнесенъ къ числу, такъ называемыхъ, толерантныхъ указовъ, поскольку онъ прямо даже запрещаетъ преслѣдовать христіанъ, какъ таковыхъ (за одно ихъ имя), не рекомендуетъ ихъ разыскивать и строго караетъ пріемъ анонимныхъ на нихъ доносовъ. Имъ, этимъ эдиктомъ, въ сущности, руководились и всѣ предшествовавшіе Декію императоры—гонители христіанъ, давая ему то строго буквальное и ограничительное, то болѣе широкое и распространительное истолкованіе, въ зависимости отъ своихъ личныхъ взглядовъ и симпатій или антипатій къ христіанству. „Какого-либо опредѣленнаго общеимперскаго закона, который-бы запрещалъ христіанство, какъ таковое, до Декія не могло быть дано"—категорически заявляетъ Harnack; и онъ-же нѣсколькими строками ниже авторитетно утверждаетъ, что „только съ Декія начинается принципіальная борьба (ставится вопросъ о томъ, быть или не быть старой государственной религіи)" [2].

Къ сожалѣнію, самый текстъ эдикта Декія Траяна еще пока не открытъ [3]. Но мы имѣемъ немало документальнаго историческаго матеріала, чтобы составить себѣ достаточно опредѣленное представленіе объ его содержаніи; а главное—мы владѣемъ текстомъ двухъ эдиктовъ Валеріана, непосредственнаго преемника и прямого продолжателя дѣла Декія, ведшаго его, какъ извѣстно, въ томъ-же самомъ духѣ. Очень цѣнно въ этомъ отношеніи и выразительное свидѣтельство св. Григорія Нисскаго изъ его похвальнаго слова св. Григорію Чудотворцу: „императоръ (Декій Траянъ) повелѣлъ намѣстникамъ во всѣхъ провинціяхъ, подъ страшными для нихъ угрозами въ случаѣ неисполненія повелѣнія, обратить противъ христіанъ всѣ роды наказаній, чтобы чрезъ устрашеніе и всякія

[1]) *E. G. Hardy* „C. Plinii Caecilii Secundi epistolae ad Trajanum imper. cum ejusdem responsis, edit. withs notes and introductory essayes", 1890. Подлинный текстъ и русскій переводъ этого письма данъ въ приложеніи къ сочиненію *Ф. Терновскаго* „Грековосточная церковь"... стр. 531 и сл. Кіевъ 1883.

[2]) *Ad. Harnack* „Christenverfolgungen" RE³, 3 b. 825, 34 и 48 s.

[3]) Хотя попытокъ его открыть, или реконструировать историческая критика знаетъ уже не мало. Смотри о нихъ еще у *Tillemont*'а Op. cit. III, 307—310; а затѣмъ у *B. Aubé* L'Eglise et l'etat", 16—20 p. Позднѣйшая попытка такой реконструкціи дана въ монографіи *J. Greg*'а „The Decian persecution" 84 sq. London 1897. Ни одна изъ нихъ не получила признанія въ наукѣ.

муки возвратить ихъ къ отечественному служенію демонамъ" [1]. Отсюда видно, что гоненіе Декія носило всеобщій характеръ и ставило своей цѣлью нестолько уничтоженіе христіанъ путемъ, напр. быстрой и рѣшительной казни, сколько ихъ принудительный возвратъ къ старой отечественной религіи, путемъ ли лишенія личныхъ и имущественныхъ правъ, или путемъ ужасныхъ, продолжительныхъ пытокъ, разчитанныхъ на отреченіе отъ христіанства. Потому мы полагаемъ, что Aubè совершенно правильно возстановляетъ основное содержаніе эдикта Декія, когда схематизируетъ его въ слѣдующихъ четырехъ пунктахъ. „1. Разрушеніе христіанскаго общества, т. е. лишеніе права легальнаго существованія, даже и въ ранѣе дозволенной формѣ collegia funeratica. 2. Обязательство для всѣхъ христіанъ приносить жертвы богамъ имперіи. 3. Угроза строгимъ наказаніемъ по адресу тѣхъ, кто отказывался-бы подчиниться этому правительственному распоряженію. 4. Наказъ правительственнымъ агентамъ строго слѣдить за точнымъ исполненіемъ всѣхъ этихъ предписаній" [2].

Изъ свидѣтельствъ Кипріана и Евсевія [3] мы знаемъ, что для приведенія Декіева эдикта въ исполненіе назначены были во всѣхъ провинціальныхъ центрахъ и даже въ болѣе мелкихъ городахъ особыя коммиссіи изъ членовъ городского магистрата, усиленныя пятью выборными именитыми гражданами. Назначеніе данной коммиссіи состояло въ томъ, чтобы всячески убѣждать христіанъ отрекаться отъ своей вѣры. Коммиссія располагала особыми чиновниками—„фрументаріями" (т. е. „сыщиками", какъ переводитъ ихъ проф. Болотовъ), на обязанности которыхъ лежало разыскивать христіанъ и приводить ихъ на судъ магистрата. Не извѣстно, по всей-ли имперіи, но, несомнѣнно, что въ Карѳагенѣ назначенъ былъ и опредѣленный день, когда всѣ заподозрѣнные въ христіанствѣ должны были явиться предъ лицо комиссіи и самымъ дѣломъ доказать или свое отреченіе отъ христіанства или свою непричастность къ нему [4].

[1]) *Gregorii Thaumaturgi* „Vita" Migne, PG. XLVI, col. 945—946. Творенія св. *Григорія Нисскаго* въ русскомъ переводѣ, ч. 8 ая, стр. 182.

[2]) *Aubè* L'Eglise et l'Etat dans la seconde moitie du III-e siècle", p. 23. Paris 1885.

[3]) *Euseb.* VI, 39—40, 594—600 s. 41 c. 600 s. *Евсев.* VI, XXXIX—XL, 374—375 стр. XLI, 379—380. *S. Cyprian* ed. Harteli, „De lapsis" v. III, p. 1, 237 sq. *Св. Кипріанъ* „Книга о падшихъ" 149 стр. II ч. Изд. 2-ое. Кіевъ 1891.

[4]) *Св. Кипріанъ* „Книга о падшихъ" ч. 2-ая, изд. 2-ое, 149 стр. Профессора *Harnack* и *Болотовъ* полагаютъ, что обязательство это одинаково распространялось на всѣхъ гражданъ имперіи, не исключая и язычниковъ, потомучто—какъ аргументируетъ послѣдній—въ сущности не было никакихъ наружныхъ признаковъ, по которымъ можно было бы отличить христіанина отъ язычника, что у него остроумно

При самомъ примѣненіи даннаго эдикта на мѣстахъ, рѣзко выступала и еще одна особенность, которая нѣсколько позднѣе, въ ближайшее же гоненіе Валеріана, составила главное содержаніе обоихъ его эдиктовъ;—это преимущественное преслѣдованіе *главъ* христіанскаго общества — епископовъ церквей и, вообще, болѣе видныхъ и вліятельныхъ членовъ, что, конечно, логически вытекало изъ всего духа Декіева гоненія. Вотъ, почему съ самаго-же начала этого гоненія излюбленными жертвами его являются епископы—предстоятели церквей. Такъ, однимъ изъ первыхъ пострадалъ римскій епископъ Фабіанъ (20 янв. 250 г.), за которымъ вскорѣ послѣдовали еще: епископъ Эліи — Александръ (другъ и покровитель Оригена) и епископъ Антіохіи—Вавила [1]). Жестокія истязанія за свое мужественное исповѣданіе Христа претерпѣлъ и знаменитый Оригенъ, въ то время уже 65 лѣтній старецъ, къ которому, по словамъ Евсевія, были примѣнены чуть-ли не всѣ виды практиковавшихся тогда, жестокихъ пытокъ. При этомъ Евсевій сохранилъ и такую весьма типичную черту Декіева гоненія, что „судія сильно настаивалъ, чтобы его (Оригена) никакъ не лишать жизни“ [2]). Такъ настойчиво добивался этого судья, разумѣется, не изъ-за сострадания къ Оригену, а какъ разъ наоборотъ, изъ нежеланія сдѣлать его мученикомъ и тѣмъ еще больше увеличить его обаяніе; а также, быть можетъ, и въ тайной надеждѣ тяжкими муками вырвать у дряхлаго старца малодушное отреченіе. Но Оригенъ не напрасно названъ „адамантовымъ“ и не мучители его, а онъ самъ посрамилъ своихъ мучителей. И относительно другихъ мучениковъ, пострадавшихъ въ это гоненіе, наблюдается, что большинство ихъ не прямо испускало духъ на мѣстѣ мученій, какъ въ предшествовавшія гоненія; а помирало отъ ранъ и истязаній уже позже, преимущественно, въ темницахъ, какъ это случилось напр. и съ вышеназванными епископами—Александромъ и Вавилой, а также и со многими карѳагенскими и римскими исповѣдниками (Павломъ,

подтверждается и анализомъ недавно найденныхъ libelli, т. е. тѣхъ табличекъ, которыми удостовѣрялось религіозно-языческое правовѣріе того или другаго гражданина. *Проф. В. В. Болотовъ* „Лекціи по исторіи др. церкви“. Вып. II. 120—121 стр. *Ad. Harnack* „Jetzt erst wird verlangt, dass *jeder* Staatsbürger die Beobachtung der staatsbürglichen Religionspflichten—an einem bestimmten Tage—öffentlich documentiren soll“. Art. „Christenverfolgungen“ in RE³, 828, 49-50 s. О самихъ-же правительственныхъ удостовѣреніяхъ (libelli) мы будемъ говорить позднѣе—въ рѣчи „о падшихъ“.

[1]) *Euseb.* „Kirchengeschishte“ VI, 39, 1, 594. *Евсев.* VI, XXXIX, 373—374.

[2]) *Euseb.* VI, 39, 1, 594. *„μηδαμῶς αὐτὸν ἀνελεῖν πάντι σθένει τοῦ διωγτοῦ φιλονεικως ἐνστάντος“. Евсевій* VI, XXXIX, 374 стр.

Маппаликомъ, Моисеемъ и др.). Все это свидѣтельствуетъ объ особой жестокости гоненія Декія и о томъ, что цѣлью его, дѣйствительно, было нестолько уничтоженіе христіанъ, сколько ихъ, хотя-бы насильственный, возвратъ къ язычеству [1]).

Результаты такой систематически-упорной и ожесточенной борьбы языческаго римскаго правительства съ значительно ослабѣвшей, въ смыслѣ исповѣдничества, за почти сорокалѣтній предшествующій періодъ мира (pax longa), Христовой церковью были очень печальны для послѣдней. Огромныя массы христіанъ,—христіанъ, очевидно, больше по имени, чѣмъ по глубокому внутреннему убѣжденію, слишкомъ привязанныхъ къ внѣшнему міру и его призрачнымъ благамъ, чтобы жертвовать за исповѣданіе христіанства своимъ положеніемъ, своимъ имуществомъ, а тѣмъ болѣе своей жизнью,—не устояли въ этой борьбѣ и отпали отъ христіанства, образовавъ цѣлый обширный классъ, такъ называемыхъ, lapsi, т. е. „падшихъ“. [2]) Это печальное явленіе имѣло мѣсто повсюду: и въ Римѣ, и въ Александріи, и въ Неокессаріи и въ Карѳагенѣ. Но особенно обильную жатву дало оно въ послѣднемъ, что отчасти можетъ быть объяснено здѣсь и самымъ темпераментомъ африканцевъ, слишкомъ пылкихъ и непостоянныхъ, чтобы переносить продолжительныя пытки. Впрочемъ, отпаденія отъ христіанства, далеко не всегда были уступкой невыносимымъ мученіямъ. Они, въ особенности, на первыхъ порахъ гоненія, приняли даже характеръ какой-то, чуть не повальной эпидеміи и многими совершались преступно малодушно и обидно легкомысленно, какъ изображаютъ это, почти въ однихъ и тѣхъ же чертахъ, съ болью сердца, два главнѣйшихъ и авторитетнѣйшихъ свидѣтеля такихъ печальныхъ фактовъ — св. Діонисій александрійскій и св. Кипріанъ карѳагенскій [3]).

[1]) Справедливо подчеркнулъ указанную особенность Декіева гоненія и *Вл. Троицкій* (о. Иларіонъ) въ своихъ „Очеркахъ изъ исторіи догмата о церкви“—415 стр.

[2]) *„De lapsis“*: „Продолжительный миръ (pax longa)—читаемъ мы у Кипріана—повредилъ ученію, преданное намъ свыше. Всѣ устремились къ увеличенію своего имущества. Не замѣтно стало въ священникахъ искренняго благочестія, въ служителяхъ чистой вѣры, въ дѣлахъ—милосердія, въ нравахъ благочинія... Весьма многіе епископы, оставивши каѳедру, покинувши народъ, скитаются по чужимъ областямъ (alienas provincias), стараясь не пропустить торговыхъ дней для корыстной прибыли, и, когда братья въ церкви алчутъ, они, увлекись любостяжаніемъ, коварно завладѣваютъ братскими доходами, и, давая чаще взаймы, увеличиваютъ свои барыши“. *Hartel.* v. III, p. I, 240.

[3]) Вотъ, напр. какую грустную картину рисуетъ первый изъ нихъ: „всѣ тогда

Зараза ренегатства была такъ всеобща и сильна, что она проникла даже и въ клиръ и отторгла значительное количество его членовъ. По крайней мѣрѣ, въ письмахъ св. Кипріана мы не разъ встрѣчаемся съ случайными указаніями на такую, именно, позорную для клира убыль, которую Кипріанъ и восполнялъ новыми, достой-

(т. е. при обнародованіи Декіева указа) поражены были страхомъ (въ подлинникѣ *κατεπτήχεσαν*, вар. *καταπεπτήχεσαν*—пришли въ ужасъ, попадали отъ страха); многіе изъ людей знатнѣйшихъ, отъ страха, сами спѣшили выслушать опредѣленіе (переводъ слишкомъ вольный и далекій отъ подлинника, гдѣ стоитъ—*καὶ πολλοὶ μὲν εὐθέως τῶν περιφανεστέρων, οἱ μὲν ἀπήντων δεδιότες*, что, по нашему мнѣнію нужно перевесть такъ: „и многіе изъ болѣе знатныхъ одни тотчасъ-же, испугавшись, отрекались...); другіе, несшіе общественныя должности, были принуждаемы къ тому необходимостью (*οἱ δὲ δημοσιεύοντες ὑπὸ τῶν πράξεων ἤγοντο*—состоящіе на общественной службѣ влеклись самыми дѣлами); а нѣкоторыхъ вели друзья и домашніе. Приходившіе называемы были по именамъ и приступали къ нечистымъ и скверными жертвамъ, одни блѣдные и трепещущіе, не съ намѣреніемъ принести жертву, а какъ будто сами должны были сдѣлаться жертвой идоловъ, такъ-что въ окружавшей ихъ толпѣ народа возбуждали насмѣшки, показывая всѣмъ свое малодушіе и предъ лицемъ смерти и при видѣ жертвы; другіе подходили къ жертвенникамъ съ бо́льшей готовностью, стараясь доказать своей смѣлостью, что они и прежде не были христіанами": *Euseb.* VI, 41, 11—12, 604. *Евсев.* VI, XLI, 380 стр. Еще безотраднѣе и прямо позорнѣе картина такихъ паденій, нарисованная св. Кипріаномъ карѳагенскимъ. „Тотчасъ, при первыхъ словахъ угрожающаго врага большое число братьевъ продало свою вѣру и, не бывъ опрокинуто бурей гоненія, само себя низвергло добровольнымъ паденіемъ... Они не дожидались даже, чтобы идти, по крайней мѣрѣ, тогда, когда ихъ схватятъ,—отречься, когда будутъ спрашивать. Многіе побѣждены прежде сраженія, низвержены безъ боя и даже не оставили для себя видимаго предлога, будто они приносили жертву идоламъ по принужденію. Охотно бѣгутъ на торжище, добровольно поспѣшаютъ къ смерти (Кипріанъ разумѣетъ „грѣховную" смерть)—какъ будто они рады представившемуся случаю, котораго всегда ждали съ нетерпѣніемъ! Сколь многимъ правители дѣлали отсрочку, по причинѣ наступившаго вечера, и сколь многіе просили даже, чтобы не отсрочивали ихъ пагубы... Что-же, несчастный, ты вмѣстѣ съ собой возглашаешь еще жертву для закланія (quid uictimam supplicaturus inportas)? Ты самъ—жертва на этомъ жертвенникѣ... Для многихъ недостаточно еще было собственной пагубы: народъ подвигнутъ былъ къ погибели взаимными увѣщаніями: взаимно предлагали другъ другу „испить смерть изъ смертоноснаго сосуда" (*De lapsis*—242—243 s. (CSEL) „Книга о падшихъ" 153—154 стр.) И какъ-бы, въ качествѣ иллюстраціи такой чрезмѣрной заботливости о спасеніи тѣла, влекущей гибель души, Кипріанъ указываетъ на то, какъ родители дѣлали участниками своихъ преступленій собственныхъ малолѣтнихъ дѣтей. А одинъ изъ корреспондентовъ Кипріана—еп. Калдоній приводитъ аналогичный фактъ грубаго насильственнаго привлеченія къ языческому алтарю однимъ мужемъ своей жены, которая энергично сопротивлялась и кричала, что не она приноситъ эту мерзкую жертву, а за неё ея насильники. *Ibidem*—243 р. *Тамъже* 154 стр. и еще *Epistula* XXIX, 536 р. *Письмо Калдонія къ Кипріану* Ч. I, 137 стр. примѣч.

ными кандидатами [1]). Нѣсколько именъ падшихъ клириковъ извѣстно намъ изъ той-же корреспонденціи Кипріана, откуда узнаемъ, что въ числѣ нихъ были какъ низшіе клирики—аколуѳы, экзорцисты и чтецы, такъ и высшіе—иподіаконы, діаконы и пресвитеры [2]). Къ еще большему позору, находились даже и епископы, которые нетолько измѣняли христіанству сами, но увлекали за собой и свою паству, какъ напр., епископъ Репостъ Сатурникскій, или епископъ Фортунаціанъ Ассурскій и два неизвѣстныхъ епископа—Іовинъ и Максимъ, а также два испанскихъ епископа—Василидъ и Марціалъ [3]). Однимъ словомъ, отпаденія отъ христіанства, встрѣчавшіяся при раннѣйшихъ гоненіяхъ, лишь въ видѣ печальныхъ, единичныхъ исключеній, теперь стали общимъ, массовымъ явленіемъ, увлекшимъ за собой, въ одной только карѳагенской церкви, многія тысячи жертвъ, всѣхъ возрастовъ и половъ, всѣхъ общественныхъ положеній и даже церковныхъ служеній [4]).

Огромныя массовыя отпаденія отъ христіанства страшны были еще и тѣмъ, что они сильно понижали общій моральный уровень христіанства и производили расшатанность церковной дисциплины. Понятно, что въ такое тяжелое для церкви время больше, чѣмъ когда-либо, нужна была твердая рука опытнаго кормчаго—епископа, который-бы могъ умѣло руководить церковнымъ кораблемъ среди налетѣвшаго на него жестокаго урагана внѣшнихъ гоненій и внутреннихъ нестроеній. А между тѣмъ такихъ-то руководителей, учитывая все ихъ значеніе и силу, гонители и хотѣли въ первую очередь изъять изъ христіанскихъ общинъ. Положеніе церкви становилось, въ силу всего

[1]) Такъ, напр. *Epist.*. XL, 585—586 г. (по р. н. 32-ое, 185—186 стр.) Кипріанъ по поводу принятія пресвитера Нумидика, замѣчаетъ: „Господь присоединилъ его къ нашему клиру и восполнилъ достохвальными священниками убыль, произведенную отпаденіемъ нѣкоторыхъ нашихъ пресвитеровъ".

[2]) *Аколуѳъ*—Фаворинъ, *иподіаконы* — Филумелъ и Фортунатъ (*Ep.* XXXIII, 570 p., *p. n.* 18, 142). *Пресвитеры:* Феликсъ (*Ep.* XXIII, 534 *p. P. n.* прим. къ 15 п.—стр. 136), Викторъ (*Ep.* XIII—717. *p. n.* 46-ое, 246) Трофимъ (*Ep.* LV, 624, 631—632. *P. n.* 43-ье, 214. 225—226 стр.

[3]) *Ep.* LVIII, 678. *P. n.* 47-ое, 260. *Ep.* LXV, 721. *P. n.* 45-ое, 242. *Ep.* LXVII, 735. *P. n.* 56-ое, 314.

[4]) *Ep.* XX, 2, 528. P. n. 14-ое. 135: „ежедневно безъ всякаго разбора и испытанія каждаго изъ нихъ (т. е. падшихъ), давалось *по тысячѣ* свидѣтельствъ (cotidie libellorum milia)". По тысячѣ человѣкъ ежедневно однихъ только обратно стучавшихъ въ двери церкви lapsi. Несомнѣнно, что въ этихъ словахъ Кипріана дана нѣкоторая, невинная гипербола. Но даже учитывая и ее, мы все-же получаемъ право заключать отсюда, что общая цифра всѣхъ „падшихъ" выражалась для одной только Карѳагенской церкви въ нѣсколько тысячъ человѣкъ.

этого, критическимъ, почти трагичнымъ. И вотъ, въ качествѣ единственно остававшагося, выхода изъ крайне труднаго положенія, многіе вліятельные епископы рѣшились пойдти на своеобразный компромиссъ: они, конечно, не хотѣли и не могли, хотя-бы даже только притворно, отречься отъ христіанства предъ лицомъ языческой власти. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, прекрасно сознавая, насколько они, именно, теперь, въ пору всеобщей растерянности и упыпія, нужны своимъ паствамъ, епископы не желали и отдаваться властямъ, идти на вѣрную смерть и eo ipso оставлять общину безъ авторитетнаго руководительства. Поэтому они предпочли третій, болѣе скромный, но и болѣе цѣлесообразный путь—укрывательство отъ гоненій. Такъ поступилъ, напримѣръ, знаменитый александрійскій епископъ—св. Діонисій, подробный разсказъ объ обстоятельствахъ наполовину подневольнаго укрывательства котораго данъ въ сороковой главѣ шестой книги церковной исторіи Евсевія [1]). То-же, по свидѣтельству Евсевія, сдѣлалъ одинъ изъ египетскихъ епископовъ—глубокій старецъ Херемонъ, удалившійся на аравійскую гору [2]). А св. Григорій неокесарійскій нетолько удалился самъ, но и вывелъ вмѣстѣ съ собою и всю свою юную паству, и укрылся съ ней въ пустынныхъ степяхъ Понта [3]). Счелъ себя вынужденнымъ поступить точно такъ-же и св. Кипріанъ, еп. Карѳагенскій. Онъ еще при первомъ-же объявленіи Декіева эдикта въ Карѳагенѣ, имѣлъ неоднократные случаи убѣждаться, что его личность стоитъ въ центрѣ и правительственнаго и народнаго вниманія и только лишь увеличиваетъ ярость язычниковъ противъ христіанъ [4]). Учитывая все это, Кипріанъ и предпочелъ удалиться въ какое-то неизвѣстное, безопасное мѣсто, повидимому, гдѣ-то въ окрестностяхъ Карѳагена, такъ какъ онъ имѣлъ полную возможность слѣдить оттуда за всѣмъ, происходящимъ въ его карѳагенской паствѣ, и дѣятельно руководить ею, путемъ оживленныхъ письменныхъ сношеній.

Мы не имѣемъ данныхъ, чтобы судить о томъ, какъ отнеслись паствы всѣхъ вышеназванныхъ церквей къ укрывательству отъ гоненія ихъ епископовъ. Но опредѣленно знаемъ, прежде

[1]) *Euseb.* VI, 40. 596—600. *Евсев.* VI, XL, 375—377.

[2]) *Ibidem*, VI, 42, 610. *Тамъ-же*, VI, XLII, 384.

[3]) *Greg. Nyss. Migne*, PG, XLVI, col. 945. *Григор. Нисскій*, VIII, 184—185.

[4]) Самъ Кипріанъ неоднократно свидѣтельствуетъ, что съ момента объявленія въ Карѳагенѣ указа Декія циркъ и амфитеатръ часто оглашались злобными криками народа „Cypriánum ad leonem"! *Epist.* XX, 527. *P. n.* 14-oe, 134. *Ep.* LVIII, 673: totiens ad leonem petitus"... *P. n.* 47-oe, 256. Ср. *Vita Cypr.* c. 7. p. XCVII (ed. *Harteli*, III, 3).

всего, изъ цѣлаго ряда писемъ самого-же Кипріана, что его уходъ изъ Карѳагена многими былъ истолкованъ и принятъ въ очень неблагопріятномъ для него свѣтѣ. И что особенно было печально и даже опасно, источникъ такого одіознаго освѣщенія, благоразумнаго и, по существу, скорѣе, даже самоотверженнаго поступка Кипріана [1]), выходилъ не изъ какихъ-либо темныхъ и невѣжественныхъ общественныхъ низовъ, а изъ группы вліятельныхъ карѳагенскихъ пресвитеровъ—этихъ, казалось-бы, главныхъ, ближайшихъ сотрудниковъ и помощниковъ Кипріана. Чтобы понять такой странный, на первый взглядъ, прямо даже загадочный фактъ, мы должны отступить нѣсколько назадъ, къ моменту самаго избранія Кипріана во епископа г. Карѳагена.

Θасцій (по Болотову, *Таскій*) *Кипріанъ*—блестяще образованный, краснорѣчивый и богатый карѳагенскій риторъ и адвокатъ—принялъ христіанство уже въ зрѣломъ возрастѣ (около 40 л.), подъ вліяніемъ мѣстнаго пресвитера Цецилія, имя котораго послѣ крещенія онъ включилъ и въ составъ своего собственнаго (Θасцій Цецилій Кипріанъ). Видное предыдущее положеніе Кипріана, его широкая благотворительность и незаурядная христіанская ревность быстро выдвинули его,—неофита въ христіанствѣ, на видное положеніе и въ мѣстной, церковной общинѣ. Черезъ годъ съ небольшимъ, по своемъ обращеніи, Кипріанъ нетолько клирикъ, но уже и пресвитеръ (247 г.). А еще черезъ годъ, когда карѳагенская паства, со смертью своего еп. Доната (въ концѣ 248 г.) осиротѣла, Кипріанъ почти единогласно избирается ему въ преемники, при общемъ сочувствіи и одобреніи присутствовавшихъ на этихъ выборахъ сосѣднихъ, африканскихъ еписко-

[1]) Самоотверженнымъ удаленіе еп. Кипріана считаемъ мы потому, что оно равнялось его отказу получить славный мученическій вѣнецъ, что лично для него было, разумѣется, гораздо легче и пріятнѣе, чѣмъ хлопотливое управленіе безпокойной, значительно деморализовавшейся паствой и недостаточно дисциплинированнымъ клиромъ. Но для карѳагенской паствы лишиться въ такое тяжелое время, Кипріана было-бы весьма тяжкимъ, быть можетъ даже непоправимымъ для нея ударомъ, какъ это и выясняетъ его лучшій біографъ—діаконъ Понтій. „Vita Caecilii Cypriani", ed. *Hartel*, III p. 7 c. XVII p. Слѣдовательно, удалившись во временное уединеніе, Кипріанъ жертвовалъ своимъ личнымъ интересомъ для блага своей паствы. Ко всему сказанному слѣдуетъ, наконецъ, присоединить и то, что въ объясненіе своего удаленія самъ Кипріанъ ссылается также и на спеціальное божественное повелѣніе: „et audietis omnia quando me ad nos reducem fecerit Dominus, *qui ut succederem jussit*" (курс. нашъ). *Ep.* XVI, 4, 520. *P. n.* 9-oe, 125. Ср. *Ep.* XX, 1. 527. *Pn.* 14-oe, 134. Болѣе подробно о самооправданіи Кипріана говорится въ диссертаціи † проф. *А. П. Лебедева* „Эпоха гоненій"... 2 изд. 104—105 стр. Москва 1897.

повъ. Кипріанъ смущенъ такимъ неожиданнымъ для него выборомъ и, сначала, рѣшительно отъ него уклоняется. Онъ оставляетъ даже самое мѣсто выборовъ и спѣшитъ укрыться у себя дома. Но избиратели слѣдуютъ за Кипріаномъ, окружаютъ со всѣхъ сторонъ его жилище и угрожаютъ не расходиться до тѣхъ поръ, пока не вынудятъ у него согласія на свою, буквально, неотступную просьбу. Видя въ столь единодушномъ и непреклонномъ желаніи народа какъ-бы перстъ самого Бога, Кипріанъ не считаетъ возможнымъ дальнѣйшее упорство и даетъ свое согласіе, которое всѣми радостно привѣтствуется. Такимъ образомъ, въ концѣ того-же 248 г. или въ самомъ началѣ слѣдующаго 249 г. Кипріанъ уже епископъ г. Карѳагена—старѣйшей и вліятельнѣйшей каѳедры сѣверо-африканской церкви, фактически бывшей гражданскимъ и церковнымъ метрополемъ всей тогдашней цивилизованной Лфрики [1]).

Хотя возведеніе Кипріана на епископскую карѳагенскую каѳедру произошло, какъ мы только-что видѣли, при самыхъ благопріятныхъ для него условіяхъ, состоялось о чемъ неоднократно и самъ онъ свидѣтельствуетъ въ своихъ письмахъ, „по избранію народа и Божію суду“ [2]), однако первые-же шаги его новой епископской дѣятельности не замедлили доказать, насколько правъ былъ (разумѣется, только въ его личныхъ интересахъ) Кипріанъ, когда такъ долго и такъ упорно уклонялся отъ тяжелаго для него бремени епископства [3]). Избраніемъ во епископа сравнительно молодого,

[1]) Авторъ лучшей современной монографіи о Кипріанѣ—*Benson* его избраніе на епископскую каѳедру помѣщаетъ between July 248 and April 249 („Cyprian. His lif. His time. His works“—41 p. То-же дѣлаетъ онъ и въ артикулѣ „Cyprianus“ in Dictionary *Wace-Piercy*—219 p.). Его, почти буквально, повторяетъ и *O. Bardenhewer*: „Ende 248 oder Anfang 249“—(Geschichte altkirch. Litt. II, 399 s.). Но *Monceaux* болѣе опредѣленно относитъ этотъ фактъ къ „les premiers mois de 249. („Histoire littéraire de l'Afrique chretienne“ II, 208 p.); а нашъ *проф. Болотовъ* предпочитаетъ болѣе раннюю дату: „въ 248 г. на епископскую каѳедру Карѳагена былъ избранъ Тасій Цецилій Кипріанъ“ (Лекціи, II, 375 стр.). Ближе къ послѣднему стоитъ, повидимому, и *Ad. Harnack*, какъ можно заключать изъ его показаній о хронологіи раннѣйшихъ писемъ Кипріана—ChAL, II. 340 s.

[2]) *Epist.* XLIII, 4, 591: „suffragium uestrum et Dei iudicium“. *P. n.* 34-ое, 189 стр. Ср. *Ep.* LVIII, 5, 672: „post diuinum iudicium, post populi suffragium, post coepiscoporum consensu“. *P. n.* 47-ое, 254 стр.

[3]) Говоря такъ, мы имѣемъ въ виду, какъ, вообще, недостаточно уважительное отношеніе нѣкоторыхъ пресвитеровъ къ личности новопоставленнаго епископа—что долго терпѣливо сносилъ Кипріанъ и на что онъ сталъ жаловаться лишь значительно позднѣе (*Ep.* XVI, 1, 517. *P. n.* 16-ое, 123. *Ep.* XVII, 2, 522. *P. n.* 11-ое, 130. *Ep.* XLIII, 1. 591. *P. n.* 34-ое, 189),—такъ, въ частности, и недовольство тѣми оздоровительными реформами клира, которыми Кипріанъ открылъ свою

недавняго пресвитера—неофита еще и въ христіанствѣ, несомнѣнно нанесенъ былъ сильный ударъ самолюбію тѣхъ старшихъ и наиболѣе вліятельныхъ карѳагенскихъ пресвитеровъ, которые, по установившейся въ церкви практикѣ, естественно могли считать себя наиболѣе достойными и законными кандидатами на освободившуюся каѳедру. И вдругъ выскочка (въ ихъ глазахъ) Кипріанъ переходитъ имъ дорогу и разрушаетъ ихъ честолюбивые планы. Понятно, что все недовольство этихъ старѣйшихъ пресвитеровъ, обиженныхъ такимъ предпочтеніемъ имъ юнѣйшаго Кипріана, должно было обрушиться, именно, на личность послѣдняго. Фактически эта глубокая обида выразилась въ той, какъ называетъ ее самъ Кипріанъ, „интригѣ нѣкоторыхъ пресвитеровъ“, которая преслѣдовала Кипріана во всю его послѣдующую жизнь и была душой всякой оппозиціи, направленной противъ него и его дѣйствій, въ чемъ дальше мы будемъ имѣть случаи убѣждаться много разъ [1]).

Весьма любопытно и важно было было-бы, теперь установить, какъ велика была эта группа личныхъ недруговъ еп. Кипріана и изъ кого, именно, она состояла? Не претендуя на категорическое рѣшеніе поставленнаго вопроса, мы все-же полагаемъ, что приблизительный, и даже довольно вѣроятный, отвѣтъ на него вполнѣ

епископскую дѣятельность. А такихъ реформъ было двѣ главныхъ: одна—грозное подтвержденіе соборнаго рѣшенія (карѳагенскаго собора, бывшаго, какъ думаютъ, еще при еп. Донатѣ, въ концѣ 40-ыхъ годовъ), категорически воспретившаго клирикамъ заниматься опекунскими дѣлами (*Epist.* I, 1—2, 465—465. *P. n.* 5-ое, 112—113); другая—рѣшительный запретъ безбрачнымъ клирикамъ практиковать особый, соблазнительный институтъ духовныхъ браковъ съ дѣвственницами (virgines subintroductae, буквально—женщины, подведенныя подъ одну кровлю. *Ep.* III, 472—478. P. n. 3-ье, 104—108). Объ этихъ мѣры были вполнѣ цѣлесообразны и необходимы, въ интересахъ оздоровленія карѳагенскаго клира, страдавшаго распущенностью и корыстолюбіемъ, съ жалобами Кипріана на что мы отчасти уже знакомы (стр. 363-ья, прим. 2). Несомнѣнно, что въ большинствѣ клира всѣ эти реформы могли встрѣчать только поддержку и одобреніе. Но еще болѣе несомнѣнно, что въ худшей, особенно честолюбивой, самовольной и своекорыстной части того-же клира онѣ должны были вызывать самое отрицательное и даже озлобленное отношеніе къ ихъ виновнику. Правда, открытое противодѣйствіе или критика были здѣсь неудобны и, пожалуй, даже небезопасны. Но тѣмъ глубже пускала свои ядовитые корни глухая вражда и скрытая злоба къ Кипріану со стороны нѣкоторыхъ негодныхъ клириковъ, дожидавшихся лишь болѣе удобнаго повода, чтобы вступить въ открытую борьбу съ Кипріаномъ и, подъ тѣмъ или инымъ благовидѣнымъ предлогомъ, свести свои, въ значительной степени, личные счеты съ нимъ.

[1]) Совершенно такую-же характеристику внутренней подпочвы карѳагенской схизмы (Новата и Фелициссима) даетъ и проф. *В. В. Болотовъ* „Лекціи по исторіи древней церкви“, II, 375.

возможенъ. Исходнымъ пунктомъ для него должно служить выразительное указаніе самого еп. Кипріана, въ одномъ изъ его писемъ къ паствѣ (plebi universae—ко всему народу, разумѣется, карѳагенскому) на неоднократно засвидѣтельствованную преступную дѣятельность какихъ то „пяти пресвитеровъ", являющихся зачинщиками всякаго злого дѣла въ карѳагенской церкви [1]). Въ связь съ этимъ должна быть поставлена также и выдержка изъ другаго письма Кипріана, адресованнаго карѳагенскому клиру, гдѣ данъ поименный перечень четырехъ клириковъ: Доната, Фортуната, Новата и Гордія, какъ тѣхъ „угодливыхъ пресвитеровъ", которые крайне потакали падшимъ и вымогали у Кипріана одобреніе своей преступной тактикѣ [2]). Въ качествѣ пятаго компаньона къ этимъ четыремъ, указываютъ, обычно, на карѳагенскаго-же пресвитера Гая дидденскаго, все поведеніе котораго было настолько вызывающимъ, что даже у неотличавшагося особой строгостью карѳагенскаго клира и то оно вынудило, наконецъ, общее рѣшеніе отлучить его отъ церкви [3]).

Изъ названной пятерицы „нѣкоторыхъ пресвитеровъ" (quinqe isti presbyteri)—личныхъ враговъ и недоброжелателей еп. Кипріана, особенно, повидимому, выдавался своими отрицательными свойствами и своей почти открытой враждой къ Кипріану пресвитеръ *Новатъ*. Это была, несомнѣнно, активная и энергичная натура, но крайне честолюбивая, дерзкая, заносчивая и совершенно недисциплинированная [4]). Такой характеръ Новата—характеръ агитатора и демагога—естественно долженъ былъ выдѣлить его изъ серединной массы и поставить въ положеніе вождя всѣхъ недовольныхъ и будирующихъ элементовъ. Но въ характерѣ Новата, наряду съ этимъ духомъ протеста, уживались и самыя мелкія, некрасивыя черты, въ родѣ скупости, корыстолюбія, эксплоатаціи вдовъ и сиротъ и даже безсердечнаго отношенія къ самымъ, казалось-бы, близкимъ ему лицамъ (отцу и женѣ) [5]). Неудивительно, что

[1]) *Epist.* XLIII, 3 592: „persecutio est haec alia et alia est temptatio et *quinque isti presbyteri* nihil aliud, quam quinqe [illegible]imores... ut fidem nostram subruerent... ad ruinam salutis inducitur"... *P. n.* 34-oe, 189.

[2]) *Ep.* XIII, 4, 512. „conpresbyteri nostri Donatus et Fortunatus et Nouatus et Gordius"... *P. n.* 27-oe. 175.

[3]) *Ep.* XXXIV, 1, 568. *P. n.* 18-oe, 141.

[4]) *Ep.* LII, 2, 617: „Nouatus ostendi rerum nouarum semper cupidus, avaritiae inexplebilis rapacitate furibundus, adrogantia et stupore superbi tumoris inflatus... fax et ignis ad conflanda seditionis incendia, turbo et tempestas ad fidei facienda naufragia, hostis quietis, tranquillitatis adversarius, pacis inimicus". *P. n.* 42-oe, 212.

[5]) *Ep.* LII, 2—3, 619. *P. n.* 42-oe, 213. Даже и учитывая, что краски Кипріаномъ сильно сгущены, мы все-же получаемъ очень темный портретъ.

благодаря такому характеру и поведенію, пресвитеръ Новатъ, по выраженію Кипріана, „всегда былъ на дурномъ счету у епископовъ" [1]). Однако самъ-то Кипріанъ первоначально медлилъ закоснымъ судомъ надъ преступнымъ пресвитеромъ, „не соблюдавшимъ боготворнаго и церковнаго благочинія (deificam et ecclesiasticam disciplinam) ни въ образѣ своего дѣйствованія, ни въ кротости нравовъ" [2]). Такъ поступалъ Кипріанъ, надо полагать, изъ опасенія того, чтобы ни самъ Новатъ, ни его сторонники не получили-бы нѣкотораго основанія говорить, что новый епископъ сводитъ-де личные счеты со старыми пресвитерами — своими опасными конкуррентами. Однако снисходительность и кротость еп. Кипріана нетолько ничуть не исправили пресвитера Новата, а еще больше его деморализовали. Новатъ дошелъ до такой степени нравственной распущенности, что своимъ поведеніемъ сталъ позорить всю пресвитерскую коллегію г. Карѳагена, которая и потребовала, наконецъ, для него суда у своего епископа. Кипріанъ охотно пошелъ навстрѣчу такому справедливому требованію и Новату грозила серьезная расплата за всѣ его личныя и церковныя вины. Былъ опредѣленъ уже и день самаго суда надъ Новатомъ. Но какъ разъ въ это, именно, время открылось гоненіе Декія и оно надолго отсрочило судъ надъ Новатомъ. Послѣдній поспѣшилъ использовать наступившее общецерковное бѣдствіе и изъ отвѣтчика - подсудимаго вскорѣ самъ превратился въ обвинителя и судью [3]).

Отмѣченный нами выше фактъ ухода еп. Кипріана изъ г. Карѳагена и его укрывательства отъ гоненія и былъ тѣмъ первымъ удобнымъ случаемъ, который не преминули использовать всѣ личные его враги. Игнорируя мотивы этого осторожно-мудраго и, въ извѣстной степени, какъ мы уже говорили выше [4]), даже самоотверженнаго поступка Кипріана, они исключительное вниманіе обратили на одну внѣшнюю его сторону, трактуя его, какъ бѣгство отъ гоненія, и какъ малодушный, пассивный отказъ отъ исповѣданія христіанства, чуть-ли не равносильный полной фактической измѣнѣ ему. Судя по тѣмъ оправдательно-защитительнымъ письмамъ, которыя вынужденъ былъ писать Кипріанъ своему и еще больше римскому клиру, клеветы его враговъ не оставались безъ резуль-

[1]) *Ep.* LII, 2, 617. „Semper istic episcoporum male cognitus". *P. n.* 42-oe, 212.

[2]) *Ibid.* LII, 2, 618. *P. n.* 42-oe, 212.

[3]) *Ibid.* LII, 3, 619: „et urguentibus fratribus imminebat cognitionis dies, quo apud nos causa ejus ageretur, nisi persecutio ante uenisset, quam iste uoto quodam euadendae et lucrandae damnationis excipiens haec omnia commisit et miscuit"... *P. n.* 42-oe, 213.

[4]) См. прим. на стр. 367-ой.

тата и набрасывали нѣкоторую и даже довольно серьезную тѣнь на репутацію Кипріана, какъ мужественнаго и стойкаго борца за христіанское исповѣданіе [1]). Особенно показательно въ этомъ смыслѣ одно письмо римскаго клира, которое, какъ-бы намѣренно игнорируя Кипріана, даже и адресуется на имя клира карѳагенскаго. Письмо это спеціально вызвано фактомъ удаленія Кипріана и написано въ тонѣ самой неприкрытой ироніи, рѣзко осуждающей поведеніе епископа, который, какъ наемникъ, малодушно покинулъ свою паству въ наиболѣе тяжелый для нея моментъ [2]). Къ счастью, впрочемъ, успѣхъ клеветниковъ Кипріана, на этотъ разъ оказался довольно скоропреходящимъ и непрочнымъ. Кипріану сравнительно быстро и легко удалось разоблачить всѣ, возведен-

[1]) *Ep.* XVI, 1, 517: „aliqui de presbyteris nec loci sui euangelii me memores, sed neque futurum Domini iudicium neque nunc sibi praepositum episcopum cogitantes, quod numquam omnino sub antecessoribus factum est, cum contumelia et contemptu praepositi totum sibi uindicent?“ *P. n.* 9-ое. 123. Срав. *Ep.* XV, 1, 513. *P. n.* 10-ое, 126. *Ep.* XVII, 2, 522 упоминается о presbyteris gratificantes—„угодливыхъ пресвитерахъ“—*P. n.* 11-ое, 130. Въ особенности характерно *Ep.* XX, 527 sq. Cyprianus presbyteris et diaconibus Romae consistentibus fratribus“. *P. n.* 14-ое, 134 и слѣд.

[2]) *Ep.* VIII, 485 sq. *P. n.* 8-ое п. примѣч. 116—119. Все письмо написано въ очень рѣзкомъ, нетолько ироническомъ, но иногда даже саркастическомъ, по адресу еп. Кипріана, тонѣ. А то обстоятельство, что оно было переслано въ Карѳагенъ черезъ карѳагенскаго-же иподіакона Кременція, очевидно, бывшаго въ Римѣ и привезшаго туда самое извѣстіе объ укрывательствѣ Кипріана, даетъ основанія заподозрѣть названнаго члена карѳагенскаго клира въ тенденціозномъ освѣщеніи поведенія Кипріана, чѣмъ былъ введенъ въ заблужденіе и римскій клиръ, написавшій свое первое, несправедливо-жестокое письмо. Довольно опредѣленный намекъ на такую подозрительную роль иподіакона Кременція даетъ въ отвѣтномъ письмѣ къ римскому клиру и самъ Кипріанъ, гдѣ онъ выражаетъ сильное сомнѣніе въ подлинности этого письма и предполагаетъ полную возможность здѣсь интерполяціи, или даже подлога и, повидимому, именно, со стороны передатчика этого письма: „такъ какъ въ письмѣ томъ и слогъ и смыслъ и самая бумага навели меня на сомнѣніе, не убавлено и не измѣнено-ли въ немъ что-нибудь противъ истины, то я и отослалъ это письмо къ вамъ подлинникомъ, чтобы вы посмотрѣли, то-ли самое это письмо, *которое вы поручили иподіакону Кремонцію для доставленія* (к. н.). Ибо это дѣло весьма важное, если истина письма клира повреждена какой-либо ложью или обманомъ (mendacio aliquo et fraude corrupta est)“. *Ep.* VIII, 2, 489. *P. n.* 7-ое, 116. И, надо сказать, Кипріанъ почти не ошибся въ своемъ подозрѣніи: дѣйствительно, если со стороны иподіакона Кременція не было никакой *внѣшней* интерполяціи римскаго письма, то, несомнѣнно, была болѣе вредная *внутренняя* его инспирація, т. е. какъ разъ тѣ самыя „ложь и обманъ“ въ освѣщеніи карѳагенскихъ дѣлъ, которыя ввели въ заблужденіе римскій клиръ и вызвали его на такое обидно-несправедливое письмо. Слѣдовательно, и здѣсь главная вина падаетъ на члена карѳагенскаго клира, интрига котораго, очевидно, искала, и временно было даже нашла, себѣ сочувственный пріемъ и въ Римѣ.

ныя на него клеветы, выяснить дѣйствительные мотивы своего ухода и тѣмъ самымъ снова вернуть себѣ довѣріе и уваженіе всѣхъ искреннихъ людей, какъ объ этомъ всего лучше свидѣтельствуетъ рядъ писемъ (адресованныхъ теперь уже прямо къ Кипріану) того-же римскаго клира, который сначала, какъ мы это видѣли, далъ наиболѣе рѣзкую оцѣнку поведенія карѳагенскаго епископа [1]). Однако, въ силу извѣстной французской поговорки calomniez, calomniez! quelq'un toujours restera! („клевещите, клевещите, все что-нибудь останется“!), нѣчто, безъ сомнѣнія осталось и на репутаціи еп. Кипріана, чѣмъ неразъ и потомъ злоупотребляли всѣ его враги [2]).

А между тѣмъ, событія въ Христовой церкви продолжали развиваться своимъ чередомъ. Гоненіе Декія, бывшее очень грознымъ и опаснымъ при самомъ его началѣ, вскорѣ-же стихло, вѣроятно, подъ вліяніемъ подготовлявшейся, а затѣмъ уже и наступившей войны Римлянъ съ Готами, во время которой погибъ и самъ императоръ-гонитель [3]). Указанное обстоятельство не замедлило соотвѣтствующимъ образомъ отразиться и на положеніи церкви, главнымъ образомъ, той ея части, которая смалодушествовала въ разгаръ самаго гоненія и образовала, какъ мы уже говорили, огромную массу такъ называемыхъ „падшихъ“ (lapsi), въ отличіе отъ устоявшихъ твердыми (stantes) и даже принявшихъ за свое исповѣданіе тѣ или иныя лишенія и пытки (confessores, martyres). Количество „падшихъ“ въ гоненіе Декія было такъ велико и степень ихъ паденія, или характеръ ихъ виновности были такъ неодинаковы, что „падшіе“, именно, съ этого гоненія стали различаться на три главныхъ класса, въ зависимости отъ тѣхъ дѣйствій, которыми они себя скомпрометтировали. Первый классъ—наиболѣе тяжело „падшихъ“—получилъ названіе sacrificati, т. е. активно участвовавшихъ въ языческомъ

[1]) *Ep.* XXX, 8, 556: „Optamus te, beatissime ac gloriosissime papa, semper in Domino bene ualere et nostri meminisse“. *P. n.* прим. къ 43-му п. стр. 224. *Ep.* XXXI, 557 sq. *P. n.* прим. къ 23-му п. 155—6 стр. *Ep.* XXXVI, 572 sq. *P. n.* прим. къ 23-му, 153 и сл. Въ особенности, замѣчательно, по проникающему его теплому тону и глубокой признательности Кипріану *Ep.* XXXI—римскихъ исповѣдниковъ Моисея, Максима и др.

[2]) Въ данномъ случаѣ мы вполнѣ присоединяемся къ замѣчанію *Leclercq*'а, что Кипріану всю послѣдующую жизнь пришлось, такъ или иначе, считаться съ послѣдствіями тѣхъ подозрѣній, которыя были навлечены его удаленіемъ. Appendice III, 1095—196. *(Hefele-Leclercq* „Histoire conciles... t. I, p. II. Paris 1908).

[3]) Императоръ Декій (Missius Quintus Trajanus Decius, съ Августа 249—Ноябрь 251) погибъ послѣ неудачной битвы съ Готами, въ болотахъ нынѣшней Добруджы. *Victor Schultz* „Decius, Kaiser“, RE³, 3, 526.

религіозномъ культѣ (sacra—молитвы, жертвы, религіозныя церемоніи); второй классъ—thurificati состоялъ, повидимому, изъ тѣхъ, кто болѣе пассивно участвовалъ въ предыдущемъ, такъ сказать, при семъ присутствовалъ и обонялъ дымъ языческихъ куреній (thus—θυμίαμъ); и третій—наиболѣе обширный классъ—получилъ названіе „libellatici“, т. е. людей выправлявшихъ и подписывавшихъ особое свидѣтельство (libellum), удостовѣряющее—и чаще всего чисто фиктивно—непричастность къ христіанству, или отреченіе отъ него (мнимое) [1]).

[1]) *Ad. Harnack:* „Seit dem Jahre, 250 unterschied man verschiedene Klassen von „lapsi“. 1 *Sacrificati* и 2 *Thurificati*, welche den Göttern wirklich geopfert, resp. vor ihren Bildern Räucherwerk verbrannt hatten. 3 *Libellatici.*“ „Lapsi“ RE³, 11, 285. Отсюда выходитъ, что Harnack два первыхъ класса lapsi—sacrificati и thurificati—сливаетъ въ одинъ—активно жертвоприносившихъ, и преимущественно, предъ языческими изображеніями боговъ. Тогда остается совершенно немотивированнымъ и непонятнымъ, зачѣмъ ему все же потребовалось раздѣлять ихъ, какъ два особыхъ класса? Не проще-ли и не послѣдовательнѣе-ли было-бы объединить ихъ подъ одной первой цифрой, уступивъ вторую—подъ „либеллятиковъ“? Въ виду сказаннаго, мы находимъ болѣе правильнымъ и логичнымъ утвержденіе *Benson'a*, что классъ sacrificati „was held the *more odious* (курс. нашъ) whether from the fuller ceremonial, or from the material pollution ascribed to the victim 's flesch“. *Op. cit.*—80 p. Еще болѣе рѣзка и общепризнана разница между двумя первыми и послѣднимъ классомъ „падшихъ“, какъ это констатируетъ, напримѣръ, и Hefele: une différence entre les *sacrificati* et les *libellatici* (курс. автора), c'est-à-dire entre ceux qui avait réelment sacrifié aux dieux et ceux qui, sans faire acte formel d' apostasie, avaient profité de la faiblesse des fonctionnaires romains, les avait séduits et s'etaient fait donner de fausses attestations“. Op. cit. I, I, 168. *Leclercq* въ своемъ Appendice III къ новѣйшему французскому переводу названнаго труда Hefele прямо трактуетъ выправку этихъ libellos, какъ своего рода полицейскій подкупъ (profitant de la connivence de la police). Op. cit. I, II, 1093. А что подобный подкупъ былъ тогда вполнѣ возможенъ, смотри объ этомъ у *Гиббона* „Исторія упадка римской имперіи“, II, 139. Въ спеціальной-же своей монографіи „L'Afrique chrétiénne“ *Leclercq* приводитъ и образцы такихъ подлинныхъ „удостовѣреній“ (libelli, certificates), найденныхъ среди египетскихъ папирусовъ, при новѣйшихъ раскопкахъ въ территоріи сѣверной Африки. T. I, p. 176, n. 3. Упоминаетъ объ этихъ важныхъ документальныхъ открытіяхъ и *Harnack*, въ своей вышеупомянутой статьѣ, со ссылкой на ученыхъ *Krebs'a* (Sitzungsbericht d. Königl. Preuss. Akademie d. Wissenschafs, 1893, 30, Septembr) и *Wessely* (Berichten der Wiener Akademie, 1894, Janv.)—„Lapsi“ RE³, 11, 285. Krebs и Wessely дешиффрировали два новооткрытыхъ (въ 1893—1894) папируса, найденныхъ при раскопкахъ въ провинціи Файюмъ, въ окрестностяхъ г. Каира и признанныхъ учеными за интересующія насъ libelli. Подлинный текстъ этихъ libelli, съ англійскимъ переводомъ и соотвѣтствующимъ реально-историческимъ комментаріемъ приведенъ также и въ извѣстной монографіи *Benson'a*, Appendix B, 541—544 p. Объ таблички содержатъ въ себѣ одинъ и тотъ-же основной текстъ. Вотъ, для примѣра, переводъ такой таблички: „Коммиссарамъ

Во всей огромной массѣ „падшихъ“ только сравнительно очень небольшой процентъ оказался такихъ злостныхъ ренегатовъ, которые своимъ отказомъ отъ христіанства покончили всѣ счеты съ нимъ. Преобладающее-же большинство состояло просто лишь изъ малодушныхъ людей, которые, сначала, подъ первымъ впечатлѣніемъ грознаго декіева эдикта, дѣйствительно, отпало отъ христіанства; но сдѣлало это отнюдь не по убѣжденію, не изъ-за разочарованія въ немъ, а лишь „страха ради іудейска“, изъ нежеланія потерять имущество, лишиться должности, или изъ опасенія подвергнуться темницѣ и пыткамъ. Сюда, прежде всего, долженъ быть, почти полностью, отнесенъ весь, наиболѣе обширный классъ lapsi, извѣстный подъ именемъ libellatici [1]). Вполнѣ понятно, что всѣ такіе падшіе, теперь, когда главная гроза гоненія миновала, снова захотѣли войти въ недавно покинутую ими церковную ограду и стали осаждать клириковъ и епископовъ просьбами объ обратномъ ихъ пріемѣ. Но вопросъ о принятіи падшихъ былъ далеко на такъ легокъ и простъ, какъ, можетъ быть, имъ это казалось. Наиболѣе серьезно и остро онъ поставленъ былъ въ Карѳагенской церкви, гдѣ вызвалъ, по отзыву еп. Кипріана, новую враждебную бурю едва не равную только что затихшему гоненію [2]).

Почему вопросъ о lapsi всего сильнѣе взволновалъ, именно, Карѳагенскую церковь? На это существовалъ въ ней цѣлый рядъ вѣскихъ причинъ. Первая и главная причина—это самое количество здѣсь „падшихъ“. Нигдѣ, насколько намъ извѣстно, не было такого множества „падшихъ“—какъ, именно, въ Карѳагенѣ: количество lapsi здѣсь чуть-ли не превышало число stantes, какъ это косвенно можно выводить изъ ряда случайныхъ замѣтокъ Кипріана, напримѣръ.—что „враждебная буря низвергла, большую часть народа нашего“ [3]) и что мы „поставлены между развалинами

по жертвамъ селенія Филадельфіи отъ Авреліи Сирія и его брата Пасбея и ихъ женъ Деметры и Серапіи, жителей внѣшнихъ вратъ *(εξωπυλειων,* находящихся за вратами, пригородныхъ). Мы постоянно были тверды въ жертвоприношеніи богамъ *(αει θυοντες τοις θειος διετελεσαμεν)* и теперь, въ вашемъ присутствіи, согласно повелѣнію *(κατα τα προστιαχθεντα)* мы и совершили возліянія и вкусили отъ священныхъ жертвъ *(των ιερων εγευσαμεθα);* поэтому умоляемъ васъ снабдить насъ вашимъ удостовѣреніемъ *(υπομνημεω σασθαι ημιν).* Да будетъ вамъ во всемъ удача. Мы Аврелій Сиръ и Пасбей передали это. Я Исидоръ написалъ за нихъ, какъ за неграмотныхъ“.

[1]) Наивный разчетъ „либеллятиковъ“ чрезъ „нечестивыя откупныя записки“ (р. п.) сохранить свою вѣрность христіанству всего лучше отображенъ въ письмѣ римскихъ исповѣдниковъ. *Ep.* XXX, 3, 550. *P. n.* прим. на 218 стр.

[2]) *Ep.* XLIII, 3, 592: persecutio est haec alia et alia est tentatio“... *P. n.* 43-ье, 190.

[3]) *Ep.* XI, 1, 495: turbidam uastitatem quae gregem nostrum maxima ex parte populata est“. *P. n.* 25-ое, 159.

заслужившихъ наказаніе и останками боящихся, между множествомъ ослабѣвающихъ и небольшимъ числомъ стоящихъ твердо“ [1]).

Другая, важная причина особеннаго обострепія въ Карѳагенѣ вопроса о lapsi заключалась въ суровости практиковавшейся здѣсь церковно-покаянной дисциплины. Всегда нѣсколько монтанистически настроенная, Карѳагенская церковь особенно строго относилась къ явнымъ грѣшникамъ, исключая ихъ изъ своего общенія, и неохотно допуская ихъ покаяніе и возвратъ въ нее. Именно, здѣсь, въ карѳагенской церкви раньше всего опредѣлилось различіе грѣховъ на легкіе (delicta leviora) и тяжкіе или смертные (d. mortalia). И если относительно первой группы еще допускалось единичное покаяніе (т. е. одинъ разъ въ теченіе цѣлой жизни), то относительно второй группы возможность даже и такого покаянія исключалась вовсе. Отпаденіе отъ христіанства, измѣна ему трактовалась, конечно, какъ самый тяжкій грѣхъ, и относилась въ категорію „непрощаемыхъ винъ“ (venia irremissibilia), наравнѣ съ убійствомъ и блудомъ. Впавшіе въ подобный тяжкій грѣхъ должны были оплакивать свое паденіе во всю послѣдующую жизнь, и единственная милость, которую могла оказать имъ церковь, это — въ часъ смертный принять ихъ послѣдній, покаянный вздохъ; но не разрѣшать ихъ отъ грѣха, такъ какъ прощеніе и разрѣшеніе такихъ грѣховъ принадлежитъ лишь одному Богу. Главнымъ идеологомъ такой ригористически суровой покаянной дисциплины былъ карѳагенскій пресвитеръ Тертулліанъ [2]), въ послѣдствіи, какъ извѣстно, уклонившійся даже прямо въ монтанизмъ. И хотя въ нѣкоторыхъ церквахъ, какъ, напр. въ римской при папѣ Каллистѣ, она была уже нѣсколько смягчена [3]), но въ карѳагенской еще продолжала дѣйствовать во всей своей силѣ, будучи подкрѣплена здѣсь и авторитетомъ карѳагенскаго Агриппинова собора [4]). Такимъ образомъ, вся „павшая“ половина карѳагенской церкви нетолько очутилась за оградой церкви, но и почти вовсе лишена была надежды снова въ нее войдти.

Наконецъ, далеко не послѣднюю роль въ обостреніи у карѳагенцевъ дѣла „падшихъ“ сыграли и тѣ мѣстныя условія, ко-

[1]) *Ep.* XI, 8, 501: „inter plangentium ruinas et timentium reliquias, inter numerosam languentium stragem et exiguam stantium firmitatem“. *P. n.* 25-oe, 166—167.

[2]) *Тертулліанъ*—„De poenitentia“ et „De pudicitia“. *Er. Preusschen* „Tertullians Schriften... mit Rücksicht auf die Bussdisciplin untersucht“. Giessen 1890. 2 Auf. 1910.

[3]) *Проф. В. В. Болотовъ* „Споры о дисциплинѣ.... Расколъ Каллиста и Ипполита“, II, 368 и сл.

[4]) См. выше, стр. 267 и 286.

торыя существовали здѣсь въ это время, разумѣемъ, главнымъ образомъ, два факта—укрывательство епископа и интригу „нѣкоторыхъ клириковъ“. Отсутствіе епископа, какъ это легко понять, уже само по себѣ ослабляло церковную власть; а то обстоятельство, что епископъ скрылся отъ гоненія, даже и умаляло ея моральный престижъ. При такихъ условіяхъ не особенно-то удобно и легко было Кипріану заочно предъявлять прежнія строгія требованія къ падшимъ, такъ какъ его отказъ не могъ быть подкрѣпленъ авторитетнымъ личнымъ примѣромъ. Наоборотъ, епископъ Карѳагена, скорѣе, рисковалъ выслушать сравненіе и себя съ подобнымъ-же „падшимъ“. т. е. съ лицомъ, не выдержавшимъ натиска гоненій, а малодушно укрывшимся отъ него, что, какъ мы уже видѣли, дѣйствительно, и имѣло мѣсто, по крайней мѣрѣ въ началѣ, пока Кипріану не удалось разоблачить инсинуацій своихъ постоянныхъ интригановъ изъ числа его-же клириковъ [1]). Но эти разоблаченные клирики не думали слагать оружія: они рѣшили перемѣнить только тактику—изъ тактики глухого протеста и заочныхъ клеветъ на Кипріана они перешли теперь къ тактикѣ открытаго неповиновенія Кипріану и явнаго возбужденія противъ него всей карѳагенской паствы, которая обстоятельствами времени была подѣлена теперь на три главныхъ группы—lapsi, stantes и confessores.

Для достиженія своей цѣли интригующіе клирики рѣшили использовать одинъ почтенный обычай, существовавшій въ древней церкви и практиковавшійся, въ частности, здѣсь въ Карѳагенѣ еще и во времена Тертулліана (хотя, надо замѣтить, лично имъ и не одобряемый) [2]). Обычай этотъ состоялъ въ томъ, что преимущественное право ходатайствовать о милости или прощеніи грѣшника, впавшаго въ смертный грѣхъ измѣны христіанству, признавалось за мучениками и исповѣдниками. Здѣсь, очевидно дѣйствовала та логика, что мученикъ христіанства, перенесшій за свое исповѣданіе чрезвычайныя, исключительныя страданія, тѣмъ самымъ, какъ-бы пріобрѣталъ и особыя, такъ сказать, сверхдолжныя заслуги, избыткомъ которыхъ онъ могъ дѣлиться и съ тѣми, у кого была ихъ нехватка. Въ такомъ случаѣ мученикъ выдавалъ отъ своего лица особую „ходатайственную грамату“ (libellum pacis) къ епископу той церкви, членомъ которой состоялъ тотъ или другой грѣш-

[1]) См. выше, стр. 371 и слѣд.

[2]) *Erw. Preusschen*—Тертулліанъ въ de pudititia говоритъ, что мученикамъ также не позволено восхищать божественное право. Ихъ страданія довлѣютъ лишь для нихъ самихъ. Прощать-же грѣхи можетъ лишь одинъ Богъ. *Op. cit.* 17 s. То-же имъ сказано и даже еще опредѣленнѣе въ трактатѣ „de poenitentia“—по изд. *Er. Preussch.*—12 s.

никъ; и уже отъ воли епископа, а также отъ согласія на это клира и народа, зависѣло обсудить это ходатайство и уважить его, или отклонить. Во всякомъ случаѣ, подобные примѣры случались прежде очень рѣдко и ограничивались лишь самымъ тѣснымъ кругомъ лицъ, по большей части, ближайшихъ родственниковъ исповѣдника—его матери, сестры, жены, брата и т. п. Вотъ, этотъ-то почтенный институтъ и подвергся теперь самому грубому искаженію со стороны „нѣкоторыхъ“ карѳагенскихъ клириковъ, воспользовавшихся имъ, какъ новымъ орудіемъ въ борьбѣ съ Кипріаномъ. „Павшимъ“ негодные клирики-подстрекатели стали внушать мысль, что Кипріанъ слишкомъ жестокъ, что онъ не имѣетъ права отвергать ищущихъ возсоединенія съ церковью и что самое это право, въ сущности, даже и не принадлежитъ ему—малодушно укрывшемуся епископу—а составляетъ заслуженную привиллегію „героевъ вѣры“—мужественныхъ исповѣдниковъ, запечатлѣвшихъ свою твердость въ вѣрѣ собственной кровью, которые и теперь еще, по большей части, продолжаютъ томиться въ темницахъ. Идите къ исповѣдникамъ, — подстрекали они „падшихъ“, достаньте отъ нихъ особыя разрѣшительныя грамматы и, предъявивъ эти граматы клиру и епископу, смѣло требуйте своего обратнаго пріема въ церковь, въ которомъ вамъ уже никто не имѣетъ права отказать тогда.

Конечно, всѣмъ „падшимъ“ такой облегченный путь возврата въ церковь пришелся, какъ нельзя болѣе по вкусу; и вотъ изъ писемъ Кипріана мы видимъ, что цѣлыя огромныя толпы „падшихъ“, дѣйствительно, направляются къ темницамъ и осаждаютъ томящихся тамъ „исповѣдниковъ“ своими настойчивыми просьбами о „грамматахъ мира“; заручившись же таковыми, они идутъ къ клирикамъ и уже не просятъ, а прямо требуютъ отъ нихъ своего обратнаго пріема въ церковь. Неоднократныя и сильныя жалобы на такое дерзкое поведеніе „падшихъ“, вызванное снисходительной поблажкой и ласкательствомъ „нѣкоторыхъ“ клириковъ, мы встрѣчаемъ во многихъ письмахъ св. Кипріана. Такъ, напр. въ спеціальномъ письмѣ „къ карѳагенскому клиру о нѣкоторыхъ пресвитерахъ, безразсудно даровавшихъ миръ падшимъ“, Кипріанъ прямо выводитъ эту интригу наружу, когда говоритъ: „но не слѣдуетъ скрывать этого теперь, когда *нѣкоторые изъвасъ* (к.н.) вводятъ въ обманъ наше братство и, желая угодить безразсудной готовностью къ дарованію мира падшимъ, только болѣе вредятъ имъ“ [1]). Аналогичную же горькую жалобу помѣщаетъ Кипріанъ и въ отвѣтномъ письмѣ къ самимъ карѳагенскимъ исповѣдникамъ: „до сихъ поръ я былъ увѣренъ, что находящіеся тамъ у васъ пресвитеры и діаконы руководствуютъ васъ своими совѣтами и самымъ полнымъ образомъ наставляютъ въ законѣ евангельскомъ... Но теперь съ величайшей болѣзнью сердца узнаю, что тамъ не только не внушаютъ вамъ божественныхъ заповѣдей, но и противодѣйствуютъ имъ; что *нѣкоторые пресвитеры* отвергаютъ даже то, что вами самими дѣлается и осмотрительно въ отношеніи къ Богу и почтительно въ отношеніи къ Божьему священнику“ [1]). Все это, въ сходныхъ-же выраженіяхъ, излагаетъ Кипріанъ и въ письмѣ къ народу: „между тѣмъ, я слышу, что *нѣкоторые пресвитеры*, не помня объ Евангліи... съ неуваженіемъ къ священному сану епископа и его каѳедрѣ, вошли уже въ общеніе съ падшими... падшіе бдительно позаботились-бы объ удовлетвореніи и умилостивленіи Бога, если-бы нѣкоторые *угодливые пресвитеры* (курс. нашъ) не обманули ихъ“ [2]).

Интрига „нѣкоторыхъ пресвитеровъ-подстрекателей“ велась ими такъ сказать на два фронта: съ одной стороны, какъ только что мы видѣли, она направлена была на „падшихъ“, которыхъ привлекали легкостью обратнаго пріема въ церковь; а съ другой—и на самихъ „исповѣдниковъ“, которымъ усиленно льстили, преувеличивая ихъ роль въ этомъ дѣлѣ. Мы уже видѣли, что незаконномѣрное участіе „исповѣдниковъ“ въ покаянной дисциплинѣ церкви, раньше, не шло дальше рѣдкихъ случаевъ почтительнаго ходатайства со стороны какого-либо исповѣдника за близкихъ къ нему по плоти грѣшниковъ предъ лицомъ мѣстнаго епископа и данной церковной общины. Прибѣгая къ современному сравненію, libellum pacis была, какъ-бы своего рода протекція, оказываемая просителю со стороны сильнаго и вліятельнаго человѣка. Но какъ письмо съ протекціей на просимое мѣсто еще не есть самое опредѣленіе на это мѣсто, такъ и libellum pacis еще не было актомъ воцерковленія „падшаго“ [3]). Такъ обстояло это дѣло до

[1]) *Ep.* 16-ое, 2, 517—578. *P. n.* 9-ое, п. 123 стр. Ср. *Ep.* XXXIV, 2, 569. *P. n.* 18-ое, стр. 141-ая: „но какимъ образомъ могутъ воздыхать и совершать покаяніе тѣ, слезы и воздыханія которыхъ задерживали „нѣкоторые изъ пресвитеровъ, допустившіе ихъ къ общенію, и которые, не знаютъ, что написано: „блажащіи васъ льстятъ вы, и стези ногъ вашихъ возмущаютъ (Ис. 3, 12)“.

[1]) *Ep.* 15, 1, 514. *P. n.* 10-ое п., 126 стр.

[2]) *Ep.* 17, 2, 522. *P. n.* 11 п. 129 стр.

[3]) Вопросъ о роли „исповѣдниковъ“ въ покаянной дисциплинѣ древней церкви—одинъ изъ наиболѣе спорныхъ въ современной западной наукѣ, поскольку онъ отражаетъ на себѣ также и борьбу конфессіональныхъ взглядовъ протестантскихъ и католическихъ ученыхъ. Протестанты (Erw. Preusschen, Harnack, Loofs etc.) видятъ здѣсь „власть ключей“, т. е. право вязать и рѣшить грѣшниковъ, какимъ будто-бы свободно располагали представители раннѣй-

сихъ поръ. Но совершенно другое, крайне превратное, направленіе получаетъ оно теперь. Исповѣдникамъ усиленно внушалась мысль, что дѣло принятія падшихъ всецѣло подлежитъ ихъ компетенціи: они его начинаютъ, они-же самостоятельно его и заканчиваютъ. А тѣ „грамматы мира“ (litterae aut libelli pacis), которыя они выдаютъ „падшимъ“ это—не ходатайства, а какъ-бы приказы, которыми исповѣдники дѣлаютъ свои распоряженія, обязательныя для епископа и для той церкви, на имя которыхъ ими выдаются подобныя грамматы [1]). Совершенно ясно, что роли „исповѣдниковъ“ и „епископа“ чрезъ это совершенно переставлялись: исповѣдникъ изъ ходатая передъ епископомъ превращался какъ-бы въ его верховнаго начальника, диктовавшаго епископу свои безапелляціонныя распоряженія; а епископъ становился въ обидное положеніе лица, подчиненнаго исповѣднику, или, во всякомъ случаѣ, сильно и серьезно имъ стѣсненнаго и урѣзаннаго въ своихъ законныхъ правахъ [2]).

шей харизматической іерархіи, прежде чѣмъ эта власть была узурпирована у ихъ должностной іерархіей, во главѣ съ епископатомъ. А католики (Schanz, Frank, Böhringer, Funk etc.), наоборотъ, утверждаютъ, что разрѣшительная власть всегда находилась въ рукахъ главы церковной общины и преемника апостоловъ—мѣстнаго епископа, предъ лицомъ котораго „исповѣдники“ лишь получали право преимущественнаго ходатайства за грѣшниковъ. Наиболѣе объективнымъ разрѣшеніемъ этого спора представляется намъ тезисъ *Funk*'а, что исторія древней церкви, дѣйствительно, *знаетъ* частныя притязанія исповѣдниковъ на разрѣшительную власть (Anspruch auf eine Lösegewalt), но врядъ-ли когда-либо она *признавала* (к. н.) ихъ за правило (Aber als Regel ist dies schwerlich anzunehmen, *Funk* „Zur altchristl. Bussdisciplin“ Kirchengesch. Abhandlungen, I, 181 s. Paderborn 1897). Въ русской литературѣ данный вопросъ значительно освѣщенъ въ диссертаціи проф. *С. Смирнова* „Духовный отецъ въ древней восточной церкви“ 239—245 стр., а еще полнѣе и ярче—въ диссертаціи проф. *Вл. (архим. Иларіона) Троицкаго*: „Очерки по исторіи догмата о Церкви“ 326—338 стр.

[1]) Самымъ типичнымъ документомъ такого отношенія карѳагенскихъ исповѣдниковъ къ своему епископу служитъ слѣдующее коллективное письмо ихъ Кипріану: „Всѣ исповѣдники папѣ Кипріану желаютъ здоровья. Знай, что всѣмъ тѣмъ, о которыхъ тебѣ сообщено, какъ они вели себя послѣ проступка, мы даровали миръ (dedisse pacem). Мы хотимъ, чтобы это чрезъ тебя стало извѣстнымъ и прочимъ епископамъ. Желаемъ, чтобы ты имѣлъ миръ со святыми мучениками (optamus te cum sanctis martyribus p cem habere). Въ присутствіи членовъ клира и экзорциста и чтеца написалъ Лукіанъ“. *Ep.* XXIII, 536. *P. n.* прим. къ 16-му п. Нетрудно видѣть, что все содержаніе и самый тонъ письма носитъ характеръ почти открытаго вызова епископу, нетолько глубоко обижавшаго его лично, но и въ корнѣ подрывавшаго всю церковную дисциплину, поскольку она основывается на авторитетѣ епископа.

[2]) Такъ, именно—и разумѣется, совершенно правильно—истолковалъ обидное для него выступленіе карѳагенскихъ исповѣдниковъ и самъ еп. Кипріанъ, который, напримѣръ, вышеприведенное письмо Лукіана, охарактеризовалъ,

Къ сожалѣнію, эта послѣдняя лесть оказалась горше всѣхъ прочихъ: она-то, именно, и обострила вопросъ о падшихъ, доведя его чуть-ли не до степени открытаго конфликта еп. Кипріана съ карѳагенскими исповѣдниками. И, конечно, церковная дисциплина приходила отъ того въ еще бо́льшее разстройство, причемъ отвѣтственность за это злонамѣренно слагалась на Кипріана. Вся эта исторія получала такое, крайне невыгодное для Кипріана освѣщеніе, что излишне-де требовательный и придирчивый епископъ отказывалъ несчастнымъ падшимъ въ томъ, что имъ уже дали снисходительные и добрые исповѣдники, снабдившіе ихъ своими грамотами мира. Уже одно подобное сопоставленіе мужественныхъ исповѣдниковъ со скрывшимся отъ гоненія епископомъ говорило не въ пользу послѣдняго. А если прибавить къ этому, что снисходительность исповѣдниковъ, какъ нельзя больше, отвѣчала и желанію самихъ падшихъ, то легко понять, что призывы епископа къ покаянію, къ осмотрительности, осторожности и терпѣливому ожиданію соборнаго рѣшенія имѣли, сравнительно, небольшой успѣхъ, а нерѣдко вызывали падшихъ даже и на прямые эксцессы [1]). И нуженъ былъ весь умъ, вся находчивость, весь исключительный тактъ Кипріана и его огромный административный талантъ, чтобы уладить этотъ конфликтъ, чтобы разоблачить скрытую здѣсь интригу, чтобы поставить исповѣдниковъ на свое мѣсто, нисколько ихъ не обижая, и чтобы снова поднять столь безнадежно уроненную покаянную дисциплину въ Карѳагенской церкви. Задача

какъ „почти разрушающее всякій союзъ вѣры, страхъ Божій, заповѣдь Господню, святость и крѣпость Евангелія“ (paene omne uinculum fidei et timor Dei et mandatum Domini et euangelii sanctitas et firmitas solueretur). *Ep.* XXVII, 2, 542. *P. n.* 27-ое, 144.

[1]) Выразительную жалобу на подобное насиліе и буйство падшихъ можно видѣть, напримѣръ, въ слѣдующихъ строкахъ одного изъ писемъ Кипріана: „наконецъ, уже начали проявляться и слѣдствія сего соблазна: въ нашей области въ нѣсколькихъ городахъ толпа сдѣлала нападеніе на предстоятелей (in praepositos impetus per multitudinem factus est), требуя немедленно допустить къ миру, который всѣмъ имъ, какъ они кричали, данъ однажды мучениками и исповѣдниками, и тѣмъ устрашали и принуждали своихъ предстоятелей (territis et subactis praepositis suis), у которыхъ недостало силы духа и твердости вѣры, чтобы воспротивиться“. *Ep.* XXVII, 3, 542. *P. n.* 19-ое, 144—145. Съ подобными категорическими требованіями „падшіе“ имѣли дерзость обращаться и къ самому Кипріану, на что онъ жалуется въ одномъ изъ своихъ писемъ къ римскому клиру: „нѣкоторые изъ падшихъ, отвергая необходимость для себя покаянія и удовлетворенія Богу (qui paenitentiam agere et Dei satisfacere detractant), прислали ко мнѣ письмо, въ которомъ не просятъ, чтобы имъ былъ данъ миръ, а *требуютъ* мира (pacem... postulantes), потомучто—такъ говорятъ они—Павелъ всѣмъ далъ миръ (omnibus pacem dedisse)“. *Epist.* XXXV, 1, 571. *P. n.* 22-ое, 153.

достигнуть всего этого и дала главное содержаніе всей обширной переписки Кипріана, которую онъ велъ изъ своего добровольнаго заточенія съ своимъ клиромъ и народомъ, съ карѳагенскими исповѣдниками, а также съ римскимъ клиромъ и его исповѣдниками [1]).

Эти письма Кипріана—лучшее свидѣтельство его глубокаго житейскаго такта и его блестящаго административнаго таланта. Съ каждой изъ перечисленныхъ группъ Кипріанъ ведетъ особую рѣчь, примѣнительно къ ея роли въ общемъ дѣлѣ, всѣмъ воздаетъ должное и не скупится на похвалы. Но въ то-же время онъ никого не поощряетъ и въ заблужденіяхъ, а старается всѣхъ, уклоняющихся отъ истины, вернуть на правый путь. Однако онъ дѣлаетъ это такъ тонко и умѣло, такъ кротко и любовно, что никого не обижаетъ и не раздражаетъ, а скорѣй, всѣхъ ведетъ къ добровольному раскаянію. Такъ, исповѣдниковъ Кипріанъ постоянно именуетъ „возлюбленнѣйшими, мужественнѣйшими, блаженнѣйшими братьями [2])“, хвалитъ „ихъ вѣру и доблесть“ [3]), гордится ихъ славой, поскольку она падаетъ и на него [4]), проситъ ихъ научить клириковъ твердому храненію церковной дисциплины [5]), признаетъ даже за исповѣдниками возможность полученія „божественнаго вразумленія относительно ученія церкви“, но при условіи соблюденія ими умѣренности и осторожности [6]). Въ письмахъ къ народу Кипріанъ не упускаетъ случая похвалить его за всегдашнюю лойяльность въ отношеніи къ епископу и церковной дисциплинѣ: „нашъ народъ, какъ я знаю, смиренъ и боязливъ“ и онъ никогда самъ не пошелъ-бы ни на какую преступную оппозицію, если-бы его не подстрекнули къ

[1]) Сжатый анализъ названной корреспонденціи, конечно, лучше всего помогъ-бы намъ документально освѣтить, какъ всѣ перепетіи этого конфликта, такъ и мѣры, болѣе или менѣе, успѣшной борьбы съ нимъ Кипріана. И такой анализъ, признаться, уже былъ нами продѣланъ. Но боясь обременить свое изслѣдованіе, хотя и очень важнымъ и интереснымъ, но все-же, въ концѣ концовъ, побочнымъ матеріаломъ, заставила насъ пожертвовать исполненной работой и не вводить ее въ изслѣдованіе.

[2]) *Ep.* XXVIII, 1, 545: „fortissimi ac beatissimi fratres *P. n.* 20-е, 148.

[3]) *Ibidem:* gloriam fidei et uirtutis uestrae... Срав. *Ep.* XIII, 1, 504: fratres carissimi et fortissimi. *P. n.* 25, 167.

[4]) *Ep.* XIII, 1, 505: tunc in gaudio communi major est episcopo portio. *P. n.* 26-ое, 168.

[5]) *Ep.* XV, 2, 514: „uel ex uobis itaque discant quando docere debuerunt“. *P. n.* 10-ое, 127.

[6]) *Ibidem* 3, 515: plurimos quoque ex uobis instruat ad ecclesiae disciplinam, diuina censura“. *P. n.* 10-ое, 128.

тому нѣкоторые „угодливые пресвитеры“ [1]). Кипріанъ настолько высокаго мнѣнія о здравомъ смыслѣ народа, его доказанной твердости въ вѣрѣ и преданности церкви, что не боится этому самому народу вручить заботу и попеченіе о падшихъ, чтобы настроить ихъ души сообразно съ божественными заповѣдями“ [2]).

Сравнительно говоря, болѣе суровъ и властенъ тонъ писемъ Кипріана къ своему клиру. Но это и вполнѣ понятно, такъ какъ клиръ карѳагенскій, говоря вообще, далеко не весь оказался на высотѣ своего положенія и даже выдѣлилъ изъ своего состава такіе негодные элементы, которые, главнымъ образомъ, и творили всю эту смуту. Извѣстно, напр., что карѳагенскіе клирики иногда по-долгу не освѣдомляли Кипріана о положеніи церковныхъ дѣлъ, очевидно потому, что безконтрольно хозяйничали сами. И вотъ Кипріанъ пишетъ имъ: „удивляюсь возлюбленнѣйшіе братья, что на многія и частыя мои къ вамъ письма вы ничего мнѣ не отвѣчали, тогда какъ, получивши отъ васъ свѣдѣніе, я могъ-бы разсудить, какъ повести дѣла, чтобы такимъ образомъ всячески содѣйствовать и пользѣ и нуждамъ нашего общества“ [3]). Тѣмъ-же духомъ заслуженной укоризны проникнуто и другое письмо Кипріана къ его клиру: „долго терпѣлъ я, возлюбленнѣйшіе братья, полагая, что скромное наше молчаніе послужитъ къ миру. Но такъ какъ нѣкоторые (разумѣются „пресвитеры“) по неумѣренной и опрометчивой надменности усиливаются безразсудствомъ своимъ возмутить почтительность мучениковъ, скромность исповѣдниковъ и спокойствіе всего народа, то не слѣдуетъ далѣе молчать, чтобы излишней молчаливостью не повредить себѣ и народу“... [4]). На такихъ непокорныхъ возмутителей находится у Кипріана и властное архипастырское слово: „тѣ изъ васъ, которые, по безразсудству, неосмотрительности и надменности, не обращаютъ вниманія на человѣка, пусть хотя Бога убоятся,—зная, что въ случаѣ дальнѣйшаго упорства ихъ въ тѣхъ же дѣлахъ, я употреблю наказаніе, заповѣданное мнѣ Господомъ, именно: временное запрещеніе священнодѣйствія“ [5]). Но по

[1]) *Ep.* XVII, 2, 522: „ago plebis nostrae et quietem noui pariter et timorem“. *P. n.* 11-ое, 130.

[2]) *Ibidem:* 3, 522: „vel uos itaque singulos regite et consilio ac moderatione uestra secundum diuina praecepta lapsorum animos temperate“. *P. n.* 11-ое, 130.

[3]) *Ep.* XVIII, 1, 523. *P. n.* 12-ое, 131 стр.

[4]) *Ep.* XVI, 1, 517, *P. n.* 9-ое и. 123 стр.

[5]) *Ibidem:* 4, 520: interim temerarii et incauti et tumidi quidam inter uos qui hominem non cogitant, uel Deum timeant scientes quoniam si ultra in isdem perseuerauerint, utar ea admonitione qua me uti Dominus jubet, ut interim prohibeantur offerre, acturi“. *P. n.* 9-ое, 125.

большей части, письма еп. Кипріана и къ своему карѳагенскому клиру содержать въ себѣ отечески внушительное назиданіе клиру и подробное выясненіе его правъ и обязанностей, съ указаніемъ на ту отвѣтственность, какой подвергаются клирики, въ случаѣ нерадѣнія, ослушанія или хотя-бы временнаго промедленія съ исполненіями его распоряженій. Таково, въ особенности, большое письмо еп. Кипріана, озаглавленное въ русскомъ переводѣ: „къ клиру, о молитвахъ къ Богу". Въ немъ, послѣ обстоятельнаго вразумленія клириковъ, Кипріанъ пишетъ: „все это я долженъ былъ открыть вамъ, а не таить въ душѣ моей; потомучто каждый изъ насъ можетъ здѣсь найти для себя и наставленіе и руководство. И вы также не скрывайте у себя этого письма, а передайте его братьямъ для прочтенія. Ибо задерживать у себя то, чѣмъ Господь благоволилъ наставить и вразумить насъ, свойственно человѣку, который не желаетъ брату своему наставленія и вразумленія" [1]).

И нельзя, въ концѣ концовъ, не отмѣтить, что и здѣсь Кипріанъ достигъ очень крупнаго успѣха: внутри самого-же клира началось оздоровительное теченіе, направленное противъ гнѣздившейся въ немъ оппозиціи епископу, выражавшейся, главнымъ образомъ, въ крайней снисходительности къ падшимъ, вопреки осторожно-осмотрительной тактикѣ самого еп. Кипріана. Лучшимъ доказательствомъ произшедшей въ клирѣ перемѣны служитъ тотъ внутренній, корпоративный судъ, въ результатѣ котораго пресвитеръ Гай дидденскій, вмѣстѣ съ единомысленнымъ ему діакономъ, были лишены братскаго общенія, т. е. или вовсе низложены съ своихъ іерархическихъ степеней, или, по меньшей мѣрѣ, временно запрещены въ нихъ [2]). Такую расправу съ нарушителями церковной дисциплины Кипріанъ вполнѣ одобряетъ и даже узаконяетъ ее въ видѣ нормы: „но если кто нетерпѣливый и опрометчивый, изъ нашихъ-ли пресвитеровъ и діаконовъ, или изъ постороннихъ, дерзнетъ прежде рѣшенія нашего сообщаться съ падшими, то да удаленъ будетъ таковой отъ общенія нашего, и потомъ онъ долженъ будетъ предъ всѣми нами дать отчетъ въ своемъ безразсудствѣ, когда, по милости Господа, соберемся во едино" [3]).

[1]) *Ep.* XI, 7, 500. *P. n.* 25-ое, 165 стр.

[2]) *Ep.* XXXIII, 568 sq. *P. n.* 18-ое, 141 и слѣд. Догадку о временномъ запрещеніи можно построить по аналогіи, съ угрозой самого Кипріана относительно подобныхъ случаевъ. *Ep.* XVI, *P. n.* 9-ое п., 125 стр.

[3]) *Ep.* XXXIV, 3, 570: interea si quis immoderatus et praeceps siue de nostris presbyteris uel diaconis siue de peregrinis ausus fuerit ante sententiam nostram communicare cum lapsis, a communicatione nostra arceatur, apud omnes nos causam dicturus temeritatis suae, quando in unum permittente Domino conuenerimus". *P. n.* 18-ое, 142.

Подводя нѣкоторый, предварительный итогъ, „дѣлу падшихъ" въ карѳагенской церкви за первый его періодъ время отсутствія еп. Кипріана изъ Карѳагена и его пребыванія въ убѣжищѣ—сошлемся для этого на характеристику Monceaux, который буквально говоритъ такъ: „въ первые мѣсяцы 250 г. карѳагенская церковь какъ-бы раскололась на два лагеря: съ одной стороны—епископъ, большинство клириковъ и міряне, уважающіе (respectues) церковную дисциплину; съ другой почти—всѣ lapsi, немалое число вѣрныхъ, множество исповѣдниковъ и нѣсколько пресвитеровъ, постоянно враждебныхъ епископу" [1]). Обѣ этихъ партіи искали себѣ опоры и поддержки въ Римѣ, и первоначально такую поддержку встрѣтила себѣ, именно, оппозиціонная партія, партія противниковъ Кипріана и сторонниковъ снисходительно широкой (laxi) тактики относительно lapsi. Но затѣмъ, Кипріану удалось привлечь римскихъ клириковъ и исповѣдниковъ на свою сторону и въ союзѣ съ ними установить общее рѣшеніе по дѣлу lapsi въ томъ смыслѣ, что съ этимъ дѣломъ не слѣдуетъ безразсудно торопиться, а необходимо дождаться прекращенія гоненія и наступленія болѣе мирныхъ дней, когда это важное общецерковное дѣло должно быть обстоятельно изслѣдовано и вырѣшено на соборахъ церкви. Къ такому единственно правильному взгляду на волновавшій всѣхъ вопросъ о lapsi стали присоединяться и епископы другихъ африканскихъ церквей, такъ что смута, вызванная этимъ вопросомъ, или точнѣе говоря, искусно его использовавшая, стала было уже затихать и церковь Христова готовилась вкусить давно желанный нетолько внѣшній, но и внутренній миръ. Однако послѣдующія обстоятельства вскорѣ показали, что то былъ еще далеко не настоящій миръ, а лишь затишье передъ бурей—на этотъ разъ чисто внутренней—которая вскорѣ и разразилась надъ двумя главнѣйшими церквами запада: карѳагенской, въ видѣ схизмы Повата и Фелициссима и римской, въ видѣ раскола Новаціана.

---

[1]) *Monceaux* „Histoire littéraire de l'Afrique chrétienne II t. 28 p. „Des les premiers mois de 250, la communauté de Carthage étais divisée en deux camps: d'une part, l'évêque, la majorité des clercs, et les laiques respectueux de la discipline; d'autre part, presque tous les *lapsi*, bon nombre de fidèles, beaucoup des confesseurs, et quelques prêtres toujours hostiles a l'évêque". Paris 1902.

II.

Карѳагено-римская схизма Новата, Фелициссима и Новаціана.

Въ самой тѣсной, неразрывной связи съ только что изложеннымъ нами „дѣломъ падшихъ“, какъ оно имѣло себя въ Карѳагенѣ, а отчасти и въ Римѣ (переписка Кипріана съ римскимъ клиромъ и его исповѣдниками) стояла и та одновременно возникшая въ обоихъ названныхъ пунктахъ церковная смута, которая извѣстна въ исторіи подъ именемъ расколовъ Новата и Фелициссима—въ Карѳагенѣ и схизмы Новаціана—въ Римѣ. Но въ сущности, карѳагенскій и римскій расколы настолько тѣсно внѣшне и внутренно, связаны между собой, что ихъ почти невозможно раздѣлять, а правильнѣе разсматривать, какъ одно и то-же противо-церковное движеніе, какъ одну *карѳагено-римскую схизму*, объединенную даже и единствомъ своихъ главныхъ расколовождей—Новата и Новаціана—нерѣдко совмѣстно выступавшихъ, какъ въ Римѣ, такъ и въ Карѳагенѣ.

Названная карѳагено-римская схизма развилась на почвѣ предшествующей, хотя временно и затихшей, но еще далеко не ликвидированной церковной смуты, вызванной „дѣломъ падшихъ“. Она была естественнымъ продолженіемъ и логическимъ завершеніемъ предыдущей исторіи „падшихъ“, въ которой, какъ мы знаемъ, роль скрытой движущей пружины играла интрига „нѣкоторыхъ пресвитеровъ“ и солидарныхъ съ ними исповѣдниковъ. И вотъ эта-то клерикальная интрига окрѣпла, развилась и окончательно выпла наружу: получивъ обильную новую пищу и въ Карѳагенѣ и еще больше въ Римѣ, она вылилась теперь въ формальный церковный разрывъ, или расколъ, занявшій воинственную позицію по отношенію къ великой церкви и ея главнымъ тогдашнимъ вождямъ на западѣ—карѳагенскому и римскому епископамъ.

Указанная церковная смута началась въ Карѳагенѣ и по слѣдующему поводу. Когда въ концѣ 250 г. гоненіе Декія, отвлеченнаго начавшейся войною съ Готами, стало затихать, то этимъ поспѣшилъ воспользоваться Кипріанъ, чтобы, насколько то оказывалось возможнымъ, уврачевать раны, нанесенныя гоненіемъ клиру и паствѣ. Забота Кипріана относительно клира выразилась, главнымъ образомъ въ томъ, что онъ пополнилъ этотъ клиръ, сдѣлавъ рядъ новыхъ поставленій на убылыя мѣста мученически скончавшихся, или же павшихъ клириковъ, о чемъ, между прочимъ, онъ находитъ нужнымъ дать подробный отчетъ своему клиру и вѣрному

народу [1]). Новое-же попеченіе Кипріана о всей его паствѣ сказалось въ реорганизаціи имъ экономической помощи. Мы уже знаемъ, что гоненіе Декія сопровождалось также и конфискаціей имущества у христіанъ, которые или погибали мучениками, или томились въ темницахъ, или даже только укрывались. Вслѣдствіе этого чуть-ли не всѣ мужественные и твердые исповѣдники христіанства очутились въ очень тяжеломъ и бѣдственномъ матеріальномъ положеніи; и больше всего, разумѣется, пострадали отъ этого „исповѣдники“, которые, потерявъ имѣніе, теряли благодаря истязаніямъ, чаще всего и способность къ труду, а нерѣдко и самую возможность его, продолжая томиться въ темницахъ. Вотъ почему, у христіанъ издавна существовалъ благочестивый обычай помогать исповѣдникамъ своими приношеніями, добрый примѣръ чего постоянно подавалъ и самъ Кипріанъ. Теперь, не довольствуясь такой, все-же частной и случайной, благотворительностью, еп. Кипріанъ рѣшилъ реорганизовать ее на болѣе широкихъ началахъ. Для этой цѣли въ началѣ 251-го года онъ избралъ спеціальную коммиссію, изъ четырехъ лицъ—двухъ сосѣднихъ епископовъ (Калдонія и Геркулана), одного извѣстнаго исповѣдника (пресвитера Рогаціана) и одного почтеннаго клирика (пресвитера Нумидика). Коммиссіи этой Кипріанъ поручилъ какъ самый сборъ благотворительныхъ суммъ, такъ и ихъ справедливое распредѣленіе, при чемъ за критерій послѣдняго онъ рекомендовалъ взять степень мужественнаго исповѣдничества христіанства, или, по крайней мѣрѣ, отстутствіе прямой измѣны ему [2]). Въ силу этого, всѣ падшіе (lapsi), естественно, исключались изъ круга лицъ, могущихъ разсчитывать на церковное пособіе. А между тѣмъ многіе изъ нихъ, какъ мы знаемъ, успѣли уже, такъ или иначе, снова проникнуть въ церковь и на этомъ основаніи считали себя ея полноправными членами. Естественно, что на такой почвѣ легко выросъ новый конфликтъ: не получая пособія, lapsi опять заволновались и стали обвинять коммиссію, назначенную еп. Кипріаномъ и, конечно, его самого въ несправедливомъ и пристрастномъ распредѣленіи общецерковнаго пособія. Во главѣ такихъ недовольныхъ сталъ богатый и вліятельный мірянинъ, вскорѣ получившій какимъ-то не совсѣмъ прямымъ путемъ санъ діакона [3])—

[1]) *Ep.* VXVIII, 547 sq. *P. n.* 21-ое п. 151 и сл. стр. *Ep.* XXXVII, 579 sq. *P. n.* 30-ое, стр. 180 и сл. XXXVIII, 581 sq. *P. n.* 31-ое п. стр. 182 и сл. *Ep.* XL, 585 sq. *P. n.* 32-ое п. стр. 185 и слѣд.

[2]) *Ep.* XLI, 587 sq. *P. n.* 33-ье п. стр. 186 и слѣд.

[3]) *Ep.* LII, 2, 618. ipse (Noatus) ist, qui Felicissimum satellitem suum diaconum nec permittente me... constituit“. *P. n.* 42-ое, 212. *Дюшенъ:* „богатый и влія-

нѣкто Фелициссимъ, за спиной котораго дѣйствовали тѣ-же давно знакомые намъ пять пресвитеровъ—личныхъ недруговъ Кипріана, во главѣ съ преловутымъ пресвитеромъ Новатомъ, откуда и самый церковный мятежъ получилъ имя своихъ главныхъ вождей—раскола Новата и Фелициссима [1]).

Въ виду того большаго значенія, какое принадлежитъ карѳагенскому расколу въ исторіи всѣхъ религіозныхъ споровъ и соборовъ кипріановой эпохи, остановимся на немъ съ нѣкоторой подробностью, именно, прослѣдимъ исторію его возникновенія и первоначальнаго развитія по письмамъ еп. Кипріана. Главнымъ источникомъ нашихъ свѣдѣній о немъ являются четыре письма самого Кипріана (два къ карѳ. клиру и два къ папѣ Корнелію) [2]) и одно, адресованное къ нему (еп. Калдонія) [3]). О томъ, что первовиновникомъ раскола былъ никто иной, какъ уже достаточно извѣстный намъ пресвитеръ Новатъ, узнаемъ мы изъ спеціальнаго письма еп. Кипріана къ папѣ Корнелію, озаглавленному въ русскомъ переводѣ „къ Корнелію о злодѣйствахъ Новата“ [4]). Выше мы уже приводили выдержки изъ этого знаменитаго письма, главнымъ образомъ, съ цѣлью обрисовать нравственную негодность Новата и его преступно-подстрекательскую роль въ вопросѣ о lapsi и въ дѣлѣ оппозиціи еп. Кипріану [4]). Говорили мы также уже и о томъ, что надменность, высокомѣріе и различныя преступленія Новата настолько возмутили нравственное чувство его ближайшихъ коллегъ—карѳагенскихъ-же пресвитеровъ, что они потребовали, наконецъ, суда надъ нимъ у епископа, который не успѣлъ состояться лишь вслѣдствіе начавшагося гоненія [5]). За періодъ гоненія Новатъ сильно увеличилъ всѣ свои вины—въ особенности, противодѣйствіе епископу въ вопросѣ о lapsi. И вотъ теперь, когда гоненіе стихло и усилились толки о соборѣ и судѣ, Новатъ, имѣвшій слишкомъ много причинъ опасаться этого суда, поспѣшилъ заблаговременно сбѣжать въ Римъ, къ мѣстнымъ исповѣдникамъ и клиру, надѣясь среди нихъ встрѣтить себѣ сочувствіе и поддержку. Въ Римѣ, какъ разъ въ это самое

тельный міранинъ Фелициссимъ дѣятельно поддерживалъ этотъ кружокъ“. Цит. сочин. I, 273. *Aubé:* „Félicissimus, laïque riche et brouillone, représentais à Carthage le christianisme mondain et superficiel“. Op. cit. 246.

[1]) *Ep.* XLIII, 590 sq. *P. n.* 34-ое п. стр. 189. *K. Leimbach:* „Die eigentliche Seele dieses Schisma war der Presbyter Novatus, dessen Werkzeug der Diakon Felicissimus war“. RE[3], 4, 371.

[2]) *Ep.* XLI и XLIII, *P. n.* 33 п. и 34 п. *Ep.* XLV и LII, *P. n.* 36-ое п. и 42-ое п.

[3]) *Ep.* XLII, *P. n.* прим. къ 33 п. стр. 188—189.

[4]) *Ep.* XLII, 616 sq. *P. n.* 42-ое, стр. 210 и слѣд. См. выше, стр. 370-ая.

[5]) См. выше, стр. 371-ая.

время, только что началась своя серьезная іерархическая распря, на почвѣ борьбы вновь избраннаго папы Корнелія съ его обиженнымъ соперникомъ—пресвитеромъ Новаціаномъ. Въ союзѣ съ этимъ послѣднимъ, Новатъ и въ Римѣ оказалъ энергичную поддержку іерархической смутѣ и содѣйствовалъ образованію здѣсь, такъ называемаго, новаціанскаго раскола. Такимъ образомъ, римскій папа Корнелій имѣлъ полное право негодовать на карѳагенскихъ выходцевъ, какъ на лицъ усилившихъ и организовавшихъ римскій расколъ.

Во главѣ этихъ пришельцевъ стоялъ подслѣдственный пресвитеръ Новатъ, котораго Кипріанъ и характеризуетъ, что это—„поджога и пламя для возбужденія пожаровъ раздора, вихрь и буря для кораблекрушеній вѣры, врагъ покоя, противникъ тишины, непріятель мира“ [1]). Тѣмъ болѣе, конечно, естественно, что при такихъ, крайне безпокойныхъ свойствахъ своей натуры, Новатъ былъ главнымъ виновникомъ всей карѳагенской смуты, о чемъ въ очень рѣшительныхъ выраженіяхъ и пишетъ Кипріанъ: „это все тотъ-же Новатъ, который у насъ возжегъ первое пламя несогласія и раскола, который здѣсь отторгнулъ нѣкоторыхъ изъ братій отъ епископа, который, во время самаго гоненія, извращая умы братьевъ, былъ для насъ новымъ нѣкоторымъ гоненіемъ“ [2]). Въ особенности важны для насъ дальнѣйшія строки Кипріанова письма, въ которыхъ онъ ясно выставляетъ Новата прямымъ вдохновителемъ Фелициссима. „Это онъ, который Фелициссима, слугу своего (satellitem suum точнѣе—своего „вѣрнаго союзника и „преданнаго сподвижника“), безъ моего согласія и вѣдома (nec permittente me nec sciente) по своему злоумышленію и гордости, поставилъ діакономъ (diaconum... constituit)“ [3]). Слова эти не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что душой и вдохновителемъ карѳагенскаго раскола былъ, именно, пресвитеръ Новатъ, имѣвшій давніе личные счеты съ Кипріаномъ.

[1]) *Ep.* LII, 2, 618 p. 1—3. *P. n.* 42-ое п. 212 стр.

[2]) *Ibidem* 618 p. 7—11. *Тамъ-же* 212 стр.

[3]) *Ibidem* 618 p. 11—16. *Тамъ-же* 212—213 стр. „Поставилъ діакономъ“ въ подлинникѣ выражено consituit, а не ordinavit, т. е. подготовилъ и устроилъ хиротонію Фелициссима, но не рукополагалъ его, какъ, повидимому, склонны думать нѣкоторые ученые. Что это, именно, такъ, ясно изъ ближайшаго контекста, гдѣ Новату-же приписывается и поставленіе римскаго епископа (Новаціана). Но, вѣдь, этого, насколько извѣстно, никто никогда не понималъ въ томъ смыслѣ, чтобы карѳагенскій пресвитеръ рукоположилъ римскаго папу. Тѣмъ болѣе, что о Новаціанѣ и опредѣленно извѣстно, что онъ былъ рукоположенъ *тремя итальянскими епископами (Евсев.* VI, XLIII, 388 стр.). Новатъ-же лишь подготовилъ и съорганизовалъ все это дѣло.

а теперь находившійся еще и подъ угрозой рѣшительнаго церковнаго суда. Фелиціссимъ-же былъ второй, подставной фигурой на фонѣ кароагенскаго раскола, хотя и выдвинутой обстоятельствами времени на первый планъ, въ качествѣ внѣшняго, фактическаго расколовождя. Подобнымъ же образомъ освѣщаетъ Кипріанъ роль Фелиціссима, вмѣстѣ съ его вдохновителями, и въ другомъ письмѣ къ еп. Корнелію: „относительно-же того, что у насъ постановлено по дѣлу *нѣкоторыхъ пресвитеровъ* (ad presbyterum quorundam) и Фелиціссима, товарищи наши для твоего свѣдѣнія послали тебѣ за собственноручной подписью письмо... Еще лучше сдѣлаешь, братъ, если копіи съ писемъ, писанныхъ мною о томъ-же Фелиціссимѣ и пресвитерахъ его шайки (eodem Felicissimo et de presbyteris isdem—въ оригиналѣ, какъ видимъ, выражено мягче), къ здѣшнему клиру и народу (въ оригиналѣ ad clerum istic, non et ad plebem scripseram- „къ клиру, но не и къ народу писалъ")... прикажешь прочитать у себя передъ братьями, чтобы и тамъ и здѣсь братство наше относительно всего было нами одинаково вразумляемо" [1]).

О самыхъ обстоятельствахъ дѣла, при которыхъ началась схизма Новата и Фелиціссима мы освѣдомляемся прежде всего изъ письма Кипріана „къ Калдонію, Геркулану и прочимъ, объ отлученіи Фелиціссима". „Вы извѣщаете о безчинныхъ и коварныхъ замыслахъ Фелиціссима (multa inprobe et insidiose esse molitum)— извѣщаете о томъ, что онъ, кромѣ прежнихъ неправдъ и грабительствъ (fraudes suas et rapinas), о которыхъ уже давно многое мнѣ извѣстно, теперь покусился еще отдѣлить отъ епископа часть народа... Я послалъ васъ вмѣсто себя своими намѣстниками (pro me vicarios miserim), чтобы вы раздачей денегъ предотвращали нужды братьевъ нашихъ... а вмѣстѣ съ тѣмъ разузнавали объ ихъ возрастѣ, обстоятельствахъ и заслугахъ.... а онъ (Фелиціссимъ) сталъ противодѣйствовать (ille intercesserit), чтобы никто не могъ воспользоваться пособіемъ и чтобы то, что я желалъ, невозможно было разузнать, посредствомъ тщательнаго изслѣдованія" [2]). Nelke — одинъ изъ лучшихъ комментаторовъ писемъ Кипріана—такое дерзостное выступленіе Фелиціссима объясняетъ, во первыхъ, тѣмъ, что онъ, какъ діаконъ (и вѣроятно довольно вліятельный, такъ какъ онъ происходилъ изъ богатыхъ мірянъ), на обязанности котораго лежала раздача пособій, былъ лично обиженъ тѣмъ, что его устранили отъ этого дѣла и даже не

[1]) *Ep.* XLV, 4, 603 p. 4—14. *P. n.* 36-ое п. 200 стр.
[2]) *Epist.* XLI, 1, 587, 5, 588, 7. *P. n.* 33-ье, 187 стр.

включили въ составъ коммиссіи; а во-вторыхъ, Фелиціссимъ, какъ и другіе негодные клирики, испугались названной коммиссіи, поскольку она, помимо экономической функціи, облечена была и важными слѣдственно-дисциплинарными полномочіями [1]). Изъ чувства оскорбленнаго самолюбія и страха предстоявшаго имъ наказанія, Новатъ, Фелиціссимъ и всѣ ихъ единомышленники, какъ изъ клира, такъ и изъ народа, рѣшили пойдти, какъ говорится, напроломъ и открыто отдѣлиться отъ епископа, т. е. создать свою особую раскольническую общину. Объ этомъ начальномъ моментѣ раскола Кипріанъ въ цитируемомъ нами письмѣ говоритъ такъ: „не уваживъ достоинства мѣста, мною занимаемаго, не стѣсняясь ни вашей властію, ни вашимъ присутствіемъ, онъ (Фелиціссимъ) по собственному влеченію отторгся съ весьма многими (prorupuerit se cum plurimis), возмутивъ спокойствіе братьевъ и, по безразсудной дерзости, сдѣлался вождемъ крамолы и начальникомъ возмущенія (ducem se factionis et seditionis principem)" [2]).

Сказавъ, сначала, что Фелиціссимъ увлекъ за собою „весьма многихъ", Кипріанъ, далѣе, говоритъ, что „весьма-же многіе" не поддались его соблазну, или тотъ часъ-же образумились и его оставили: „впрочемъ, я радуюсь, что весьма многіе изъ братьевъ отстали отъ его буйства (ab ejus audacia recessisse) и лучше захотѣли пребыть въ мирѣ вмѣстѣ съ вами, чтобы остаться съ своей матерью-Церковью, и принимать отъ нея вспоможенія (stipendia), по распредѣленію епископа" [3]). Фелиціссимъ, какъ мы узнаемъ изъ даннаго письма Кипріана, грозилъ отлучить отъ церкви всѣхъ тѣхъ, кто будетъ имѣть общеніе съ Кипріаномъ. Съ его стороны, это, разумѣется, была не болѣе, какъ безразсудно-дерзкая угроза, которая теперь, въ силу распоряженія Кипріана, должна была, прежде всего, упасть на его-же собственную голову: „пусть самъ Фелиціссимъ подвергнется тому приговору, который онъ первый произнесъ, пусть знаетъ, что онъ отлученъ отъ насъ (ut abstentum se a nobis)" [4])... Такимъ образомъ, отлученіе вождя раскола было какъ-бы вынуждено его-же крайне вызывающимъ поведеніемъ: это былъ лишь единственно возможный отвѣтъ на его дерзкій вызовъ. Совершенно тѣмъ-же характеромъ крайней, вынужденной мѣры, мѣры, къ тому-же налагаемой

[1]) *Nelke Leo* „Die Chronologie der Correspondenz Cyprian" 50 s. Thorn 1902. Совершенно тотъ-же мотивъ оскорбленнаго самолюбія у діакона Фелиціссима выдвигаетъ и *Hefele-Leclercq.* Op. cit. I. 1 p. 166 p.
[2]) *Ep.* XLI, 2, 588 p. 8—14. *P. n.* 33-ье п. 187 стр.
[3]) *Ibid.* XLI, 2, 588 p. *P. n.* 33-ье, 187—188 стр.
[4]) *Ibidem* 2, 588—589. *Тамъ-же.* 188 стр.

условно, проникнуты и распоряженія еп. Кипріана относительно всѣхъ послѣдователей Фелициссима: „пусть и Авгендъ,—который, не помышляя ни о епископѣ, ни о церкви, присоединился къ его крамолѣ и расколу,—если и далѣе будетъ съ нимъ упорствовать (sic!), пусть и онъ подвергнется тому-же приговору, который навлекъ на себя своимъ злоумышленіемъ и безразсудствомъ. Равнымъ образомъ и каждый, приставшій къ его крамолѣ и расколу (conspirationi et factioni), пусть знаетъ, что не будетъ имѣть съ нами общенія въ Церкви (in ecclesia nobiscum communicaturum non esse), какъ добровольно захотѣвшій отдѣлить себя отъ церкви“ [1]). Письмо заканчивается распоряженіемъ Кипріана прочитать его народу и переслать къ клиру въ Карѳагенъ, (откуда, между прочимъ, заключаютъ, что Калдоній и Геркуланъ жили *внѣ* Карѳагена, т. е. были сосѣдними епископами), [2]) присоединивъ къ нему и поименный списокъ всѣхъ сообщниковъ Фелициссима. Въ отвѣтъ на это, члены вышеназванной коммиссіи, усиленной, повидимому, еще однимъ новымъ лицомъ—епископомъ Викторомъ, написали Кипріану слѣдующее письмо, самое краткое изъ всѣхъ, имѣющихся въ корреспонденціи Кипріана: „мы отлучили отъ общенія (abstinuimus a communicatione) Фелициссима и Авгенда (вѣроятно, тоже клирика), также Репоста, что изъ изгнанниковъ (de extorribus), Ирину рутилійскую и Павлу портниху,—о чемъ ты долженъ знать изъ моей приписки (ex adnotatione mea—вѣрнѣе, не „приписка“, а „формальное извѣщеніе“). Еще мы отлучили Софронія, и—тоже изъ изгнанниковъ—Соліаса, погонщика муловъ“ [3]). Всѣ эти печальные факты, какъ и письма о нихъ извѣщающія, падаютъ на послѣдній мѣсяцъ пребыванія Кипріана въ убѣжищѣ, т. е. на конецъ Февраля и на начало Марта 251-го года, такъ какъ намъ опредѣленно извѣстно, что вскорѣ-же послѣ Пасхи, приходившейся въ этомъ году 23-го марта, Кипріанъ уже вернулся въ Карѳагенъ [4]).

[1]) *Ep.* XLI 2, 589, 5 –12. *Тамъ-же,* 188 стр.

[2]) См. *Nelke* 53 s. not. 8.

[3]) *Ep.* XLII, 590 s. *Рус. пер.* прил. къ 33-му т. 188—189 стр. О характерѣ этого письма и о значеніи самаго римско-юридич. термина adnotatio см. рядъ интересныхъ соображеній въ монографіи *O. Ritschl'я* „Cyprian von Carthago“ 60—61 s. Но Benson, Nelke и Müller видятъ здѣсь простое „извѣщеніе“ епископа Кипріана о томъ, что его раннѣйшее распоряженіе приведено въ исполненіе.

[4]) *L. Nelke* „Die Chronologie der Correspondenz Cyprians“—52 s.: „Die Brife 41 und 42 dürften in den ersten Hälfte... des März 251 enstanden sein“. Дата-же возвращенія Кипріана въ Карѳагенъ опредѣленно указана имъ самимъ въ слѣдующихъ словахъ: „ut repraesenter nobis post Paschae diem cum collegis meis“... *Ep.* XLIII. 7. 596. *P. n.* 34, 194,

Быстрыя и рѣшительныя мѣры, принятыя противъ раскола Фелициссима (и Новата) въ Карѳагенѣ, значительно ослабили его успѣхъ здѣсь; и, возможно, что названный церковный мятежъ вскорѣ-бы и вовсе прекратился, если-бы онъ не перекинулся въ Римъ и не встрѣтилъ-бы тамъ родственнаго себѣ отклика въ случайныхъ обстоятельствахъ мѣстной, римско-церковной жизни. Говоря такъ, мы имѣемъ въ виду выборы въ Римѣ новаго папы—Корнелія и протестъ противъ нихъ, поднятый группой римскихъ клириковъ и исповѣдниковъ, во главѣ съ пресвитеромъ Новаціаномъ. Какъ мы уже знаемъ, первой жертвой гоненія Декія былъ римскій еп. Фабіанъ, претерпѣвшій мученическую кончину 20 Января 250-го года [1]). Послѣ его смерти, въ виду свирѣпствовавшаго въ Римѣ гоненія, рѣшено было повременить съ выборами ему преемника до тѣхъ поръ, пока стихнетъ гоненіе и можно будетъ произвести выборы новаго епископа, безъ явнаго риска его тотъ-часъ-же лишиться (такъ какъ Декій преслѣдовалъ, прежде всего, епископовъ). Такой моментъ, какъ мы видѣли, наступилъ весной 251-го года, когда и Кипріанъ счелъ возможнымъ покинуть свое убѣжище и вернуться въ Карѳагенъ [2]). Приблизительно около того-же времени, вѣроятно, нѣсколькими недѣлями раньше [3]), и римская церковь рѣшила приступить къ выбору

[1]) См. выше, стр. 360-ая. См. также *J. Langen* „Geschichte d. röm. Kirche“, 275.

[2]) См. выше, 376 и 392 стр. *Ep.* XLIII, 3, 4 и 7, 596 s. *P. n.* 34-ое п. 191 и 194 стр. Прекращеніе Декіева гоненія на христіанъ обусловливалось, главнымъ образомъ, тѣмъ, что съ конца 250-го же года императоръ вынужденъ былъ обратить все свое вниманіе на придунайскія области, гдѣ, съ одной стороны, имперіи серьезно угрожали наступавшіе съ сѣвера Готы, а съ другой—противъ нея поднялъ знамя военнаго мятежа самъ намѣстникъ Македоніи—Пролькъ. Для борьбы со всѣмъ этимъ, въ январѣ или февралѣ 251-го года императоръ Декій Траянъ покинулъ даже Римъ и принялъ личное командованіе надъ римскими войсками“. *Ѳ. Моммсенъ* „Римская имперія“ т. 5-й, 212—213 стр. Москва 1885.

[3]) Авторъ монографіи о Кипріанѣ—*свящ. Ал. Молчановъ*, безъ всякихъ доказательствъ очень категорично заявляетъ, что пресвитеръ Корнелій былъ возведенъ и рукоположенъ на римскую каѳедру *въ іюнѣ* 251-го года—107 стр. Но противъ столь поздняго срока дружно высказывается большинство и древнихъ и новыхъ авторовъ, относящихъ выборы Корнелія къ *марту* мѣсяцу, или самое позднее къ началу апрѣля. Такъ еще *Mansi* въ „Notae Severini Binii“ подаетъ голосъ за апрѣльскіе выборы; post Pascha, mense nimirum April, vel saltem eo tempore quod intermedium est inter Pascha et initum Maii, Decio imperatore adhuc vivente, Cornelius in sede pontificia, postquam a martyrio Fabiani ultra annum vacasset, Deo volente, clero et plebe approbante, substituitur“. Op. cit. 807 p. *Lipsius* въ своей извѣстной хронологіи римскихъ папъ время понтификата еп. Корнелія опредѣленно обозначаетъ: von Anfang März 251 bis Mitte Juni 253, вопреки даже показанію Іеронима, относящаго день мученической

себѣ епископа. Это она сдѣлала открыто и даже торжественно, въ присутствіи шестнадцати прибывшихъ въ Римъ епископовъ, при наличности всего многочисленнаго римскаго клира и съ участіемъ большого собранія вѣрующаго народа [1]).

Намъ не извѣстны всѣ подробности даннаго избирательнаго собора, но хорошо извѣстенъ его результатъ—возведеніе во епископа мѣстнаго пресвитера Корнелія, человѣка, какъ его рекомендуетъ Кипріанъ, „тихаго и скромнаго", заслужившаго „особенную похвалу" у всѣхъ сосвященниковъ (consacerdotibus cunctis, т. е. у епископовъ) [2]). Впрочемъ, цитируемое нами письмо Кипріана, помимо результата выборовъ, отразило на себѣ и нѣсколько характерныхъ деталей самой процедуры ихъ: во первыхъ то, что Корнелій, по „врожденному смиренію и соблюденной скромности" (pro humilitate ingenitae et pro pudore virginalis continentiae—вторая половина фразы точнѣе должна быть переведена: „и по стыду мужественнаго воздержанія") нетолько не искалъ епископства, но даже уклонялся отъ него, и если, въ концѣ концовъ принялъ избраніе, то лишь уступая моральному давленію избирателей. Во вторыхъ, что выборы Корнелія особенно сочувственно встрѣчены были присутствовавшими на нихъ епископами, которые и во время выборовъ сильно его хвалили и послѣ разослали о немъ самыя лучшія рекомендательныя письма. Наоборотъ, среди членовъ мѣстной, римской церкви, въ особенности у ея клира, такого единодушія замѣчалось меньше и раздавались даже недовольные голоса [3]). Въ числѣ этихъ послѣднихъ оказалась и вліятельная группа римскихъ исповѣдниковъ, съ

смерти Корнелія на 14-ое Сентября: „Chronologie der Römischen Bischöfe" 203 s. Kiel 1869. См. также *J. Langen* „Geschichte der Römischen Kirche" 289 s. Bonn 1881. *Harnack*, со ссылкой на хронологію *Senfelder*'а: Er setzt April 251 bis Juli 253 an. ChAL II, 411 s. n. 1. Впрочемъ, въ томъ-же своемъ трудѣ самъ Harnack избраніе Корнелія помѣщаетъ около 15 Марта ChAL, II, 351 s. *Hefele-Leclercq:* „l'Eglise de Rome... elut le pape Corneille Mars 251. Op. cit. I, II, 1100 p. *Monceaux*: „en Mars 251". Op. cit. II, 43 p. со ссылкою на *Duchesne* „Liber pontificalis" II, CCLX p. Всего-же болѣе опредѣленъ Benson, указывающій, на основаніи Lipsius'a, даже и самый день выборовъ: „We schall not be far wrong if we fix the ordination of Cornelius fo abaut the 5 th of March". Op. cit. 127 p.

[1]) *Ep.* LV, 8, 629 p. *P. n.* 43-ье п. 222—223 стр.

[2]) *Ibidem* 629. *P. n.*—221 стр. Одинъ изъ многочисленныхъ примѣровъ неустойчивой терминологіи Кипріана: sacerdos буквально значитъ „священникъ". Но здѣсь, какъ ясно изъ контекста, онъ является обозначеніемъ „епископа".

[3]) *Ep.* LV, 8, 629: de clericorum *paene* omnium testimonio, т. е. „клириковъ *почти* общее согласіе", а все-же, слѣдовательно, не *абсолютно* общее. *P. n.* 43, 222 стр.

образованнымъ и виднымъ пресвитеромъ Новаціаномъ во главѣ, т. е. какъ разъ та самая группа, которой принадлежала руководящая роль въ предыдущій періодъ междуепископства [1]). Вполнѣ естественно, конечно, предположить, что протестомъ этой группы двигалъ въ значительной степени личный мотивъ—понятной обиды за провалъ ея кандидата, каковымъ, по всей видимости, былъ пресвитеръ Новаціанъ. Но не менѣе вѣроятна и наличность другаго, болѣе глубокаго, идейнаго мотива—несочувствія программѣ мягкаго и кроткаго Корнелія и предпочтеніе ему взглядовъ болѣе строгаго и стойкаго Новаціана. При этомъ главнымъ пунктомъ избирательной программы (говоримъ примѣнительно къ современному техническому языку), вносившимъ раздѣленіе и споры, являлся острый вопросъ времени—дѣло падшихъ, по отношенію къ которому одни стояли за болѣе строгія мѣры, другія—за сравнительно снисходительныя.

Здѣсь умѣстно отмѣтить и вообще, что по вопросамъ покаянной дисциплины въ римской церкви съ начала III в. обнаружились два различныхъ теченія: одно—болѣе узкое и суровое, представителемъ котораго выступилъ антипапа Ипполитъ, другое—болѣе широкое и гуманное, выразителемъ котораго явился папа Каллистъ. Именно, эти дисциплинарные споры, главнымъ образомъ, и питали собою первую римскую схизму [2]). При Каллистѣ и его

[1]) О группѣ римскихъ исповѣдниковъ, „кои отступили отъ церкви, бывъ обольщены упорствомъ и злобой Новаціана и Новата", свидѣтельствуетъ письмо Кипріана къ Корнелію, пересланное черезъ діакона Меттія—*Ep.* XLVII, 605—606, *P. n.* 37, 200—206 стр. А также два письма Кипріана къ самимъ этимъ исповѣдникамъ, одно—увѣщательное, съ призывомъ вернуться въ церковь—*Ep.* XLVI, 604 p. *P. n.* 38, 201; другое—поздравительное, по поводу ихъ ухода изъ раскола и примиренія съ церковью—*Ep.* XIV, 621 sq. *P. n.* 41, 207—210. Самая исторія воссоединенія съ Корнеліемъ пресвитера Максима и исповѣдниковъ: Урбана, Сидонія и Макарія изложена въ *Ep.* XLVIII, 608—612, *P. n.* 40, 204—207. Ср. *Ep.* XLIII, 597—598. *P. n.* 35-ое, 195—196 и *Ep.* LI, 614—616, *P. n.* 40, 204—207 стр. А что той-же самой группѣ и, въ частности, вождю ея—пресвитеру Новаціану, принадлежала руководящая роль въ управленіи дѣлами римской церкви за предшествующій вакансіонный періодъ, это доказывается, во-первыхъ, наличностью обширной и важной переписки Кипріана „съ римскими пресвитерами и исповѣдниками" *(Ep.* VIII, *P. n.* 7-ое, XX. *P. n.* 14, XXVII—19. XXX, XXXI, XXXVII, *P. n.* примѣч. къ 23-му п. и 29-ое 153 и 176), среди которой нерѣдко фигурировало, въ числѣ другихъ исповѣдниковъ, и имя знакомаго пресвитера Максима,—а во-вторыхъ—и прямымъ свидѣтельствомъ Кипріана, въ письмѣ къ Антоніану *(Ep.* LV—43), что авторомъ одного изъ важнѣйшихъ къ нему писемъ римскаго клира по вопросу о lapsi былъ никто другой, какъ именно пресвитеръ Новаціанъ (*Ep.* LV, 5, 627. *P. n.* 43, 217 стр.).

[2]) *Ad. Harnack* „Novatian" in RE³, 14, 229—230 s. См. также въ „Лекціяхъ" проф. *В. В. Болотова:* „Расколъ Каллиста и Ипполита" II, 368—374.

преемникахъ побѣдило, очевидно, второе, болѣе, такъ сказать, либеральное теченіе. Но въ періодъ жестокаго гоненія Декія, подъ обаяніемъ славной мученической смерти еп. Фабіана, снова, очевидно, взяло верхъ первое, консервативное теченіе, которое энергично поддерживали римскіе пресвитеры и исповѣдники, управлявшіе дѣлами церкви въ періодъ вакантности каѳедры. Надо полагать, что, главнымъ образомъ, на этой почвѣ, т. е. на почвѣ разумно-строгаго отношенія къ lapsi, произошло, сначала, примиреніе, а затѣмъ, даже и сближеніе Кипріана съ римскими исповѣдниками и клириками, поскольку все это удостовѣряется ихъ оживленной, взаимно почтительный и даже дружественной перепиской [1]). Однако, такое строго-консервативное теченіе не было достаточно устойчивымъ и популярнымъ. Не устояло оно, какъ мы вскорѣ это увидимъ, даже и въ карѳагенской церкви, несмотря на то, что сторону его держалъ, первоначально, самъ епископъ Кипріанъ и за него говорили раннѣйшія традиціи агриппиновско-тертулліановскаго духа. Еще менѣе популярно такое ригористическое теченіе было въ римской церкви, гдѣ при Каллистѣ и его преемникахъ оффиціальное признаніе получило другое, болѣе широкое и либеральное теченіе. Вполнѣ естественно, что, какъ только римская церковь стала входить въ прежнюю норму, она пожелала возстановить и прежнюю снисходительную практику, тѣмъ болѣе, что въ ней почувствовалась особенная нужда, въ виду огромной массы „падшихъ“, въ томъ числѣ и сравнительно легкихъ (libellatici).

Побѣда болѣе широкой и терпимой покаянной практики не замедлила отразиться и на выборахъ римскаго епископа, гдѣ огромное большинство подало свой голосъ, именно, за Корнелія, какъ за мягкаго и кроткаго человѣка, обѣщавшаго держаться снисходительно-примирительной политики въ вопросѣ о lapsi. Партія строгихъ ригористовъ осталась въ обидномъ меньшинствѣ. Но это не помѣшало ей довести свое упорство до конца, т. е. до непризнанія состоявшихся выборовъ Корнелія и до разрыва общенія съ нимъ и избравшимъ его большинствомъ римской церкви. Во главѣ этой партіи сталъ во многихъ отношеніяхъ замѣтный, но честолюбивый пресвитеръ Новаціанъ, къ которому примкнулъ вліятельный пресвитеръ Максимъ, а также и нѣсколько почтенныхъ исповѣдниковъ—Сидоній, Урбанъ, Макарій и проч. [2]). Видную роль, въ смыслѣ

[1]) См. объ этомъ спеціальную статью *Ad. Harnack*'а „Die Briefe des römischen Klerus aus der Zeit der Sedisvakanz im J. 250“. Abhandlungen, gewidm. Weizsäcker, 1891.

[2]) Обычно, и не безъ основанія, указываютъ, что раньше римскіе исповѣдники, и во главѣ ихъ самъ Новаціанъ, не держались столь крайнихъ взглядовъ на „падшихъ“. Лучшимъ выраженіемъ такихъ разумно-попечительныхъ и справедливо-умѣренныхъ взглядовъ ихъ является письмо римскихъ клириковъ къ Кипріану (*Ep.* XXX, 539 sq.), на которое, какъ на редактированное Новаціаномъ, ссылается также и самъ Кипріанъ *(Ep.* LV, 5, 627. *P. n.* 43, 217 стр.). Отсюда не безъ основанія выводятъ, что исходнымъ пунктомъ оппозиціи Новаціана Корнелію была ихъ чисто *личная* вражда къ еп. Корнелію, которая лишь позднѣе приняла принципіальную окраску.—См. въ особенности *Л. Дюшенъ* „Цит. соч.“ 275 стр.

организаціи этой партіи и обостренія ея отношеній съ Корнеліемъ, съигралъ и сбѣжавшій сюда изъ Карѳагена главный зачинщикъ тамошняго раскола, пресловутый карѳагенскій пресвитеръ Новатъ, имѣвшій уже немалый опытъ въ дѣлахъ такого рода [1]).

На первый взглядъ, прямымъ противорѣчіемъ кажется то обстоятельство, что Новатъ, протестовавшій у себя на родинѣ противъ строгости Кипріана и мирволившій падшимъ, здѣсь, въ римской церкви, примыкаетъ къ Новаціану, защитнику самыхъ строгихъ мѣръ въ отношеніи къ lapsi. Но это несомнѣнное и кричащее противорѣчіе въ поведеніи Новата, очевидно, мало его смущало: та или иная постановка вопроса о lapsi служила для него не болѣе, какъ поводомъ поднять то, что являлось настоящей, движущей причиной его преступной дѣятельностью, направленной на оппозицію и борьбу съ личностью карѳагенскаго епископа—Кипріана.

Впрочемъ, проф. Harnack въ своей превосходной статьѣ о Новаціанѣ [2]) углубляя затронутый вопросъ, справедливо указываетъ на то, что въ Римѣ, въ сущности, не было въ это время никакой фактической почвы для принципіальной борьбы съ епископской властью, слѣды чего еще можно, пожалуй, усматривать въ карѳагенскомъ протестѣ „нѣкоторыхъ клириковъ и исповѣдниковъ“ противъ распоряженій еп. Кипріана. Не менѣе правъ тотъ-же ученый, когда ссылается и на первоначальное отсутствіе у Новаціана какого-либо ригоризма по вопросу о lapsi: „въ римскомъ письмѣ (ep. 30, Novatiano auctore), которое, именно, даже съ формальной стороны редактировано превосходно, и даетъ лучшее представленіе о характерѣ Новаціана,

[1]) Недаромъ, какъ мы видѣли, онъ въ спеціальномъ письмѣ Кипріана „къ Корнелію о злодѣйствахъ Новата“ называется „поджогой и пламенемъ для возбужденія пожаровъ раздора, вихремъ и бурей для кораблекрушенія вѣры, врагомъ покоя, противникомъ тишины, непріятелемъ мира“. И далѣе Кипріанъ опредѣленно выставляетъ Новата, какъ первовиновникомъ карѳагенскаго раскола, такъ-же точно душой, организаторомъ и римскаго. *Ep.* LII, 2, 618, *P. n.* 42-ое, 212—212 стр.

[2]) *Ad. Harnack* „Novatian, novatianisches Schisma“ RE³, 14. 232, 38-44.

чѣмъ всѣ извѣстія о немъ, онъ открыто одобряетъ (ausdrücklish gebilligt) ту практику, которой слѣдовалъ Кипріанъ, такъ что, при всей строгости къ lapsi, возможность обратнаго пріема libellatici у него отнюдь не исключается“ [1]). Остается, такимъ образомъ, у Harnack'а лишь послѣдній мотивъ оппозиціи Новаціана, это—его личное соперничество съ Корнеліемъ и чувство оскорбленнаго самолюбія, будто-бы толкнувшее его на путь открытаго церковнаго раздора, для оправданія котораго были выдвинуты потомъ и идейныя разногласія по вопросамъ церковной дисциплины. Несомнѣнно, этотъ мотивъ у Новаціана, такъ-же, какъ и у всѣхъ аналогичныхъ съ нимъ расколовождей (Ипполита рим., Новата) съигралъ извѣстную и, быть можетъ, даже очень видную роль въ *послѣдующей* исторіи новаціанской схизмы. Но, именно, только въ послѣдующей стадіи новаціанства, а не при первоначальномъ его возникновеніи. Признаніе рѣшающаго значенія за гипотезой *личныхъ* мотивовъ логически обязывало-бы насъ допустить, что новаціанство возникло, какъ протестъ выборамъ Корнелія. А между тѣмъ, изъ писемъ Корнелія къ еп. Фабію антіохійскому намъ опредѣленно извѣстно, что ничего подобнаго не было, такъ какъ Новаціанъ, присутствовавшій при выборахъ Корнелія, нетолько не выставлялъ своей кандидатуры, но „увѣрялъ страшными клятвами, что онъ вовсе и не желаетъ епископства“, въ виду чего его позднѣйшая претензія на епископство явилась полной неожиданностью для Корнелія, чѣмъ-то въ родѣ deus ex machina [2]). Да, наконецъ, и тотъ, сравнительно высокій нравственный характеръ Новаціана, который все опредѣленнѣй и яснѣе выдвигается въ новѣйшихъ работахъ о немъ [3]), рѣшительно не позволяетъ намъ изъ такого слишкомъ узкаго мотива выводить исходный пунктъ всего послѣдующаго новаціанства.

Недостаточность каждаго изъ указанныхъ мотивовъ, заставляетъ насъ искать новаго, болѣе рѣшительнаго и непосредственнаго, который-бы объединилъ всѣ эти разрозненные мотивы и сообщилъ имъ необходимую импульсивность. И роль такого рѣшающаго, фактическаго мотива мы, вслѣдъ за еп. Кипріаномъ,

[1]) *Ibidem*, 232, 26-32.

[2]) См. подлинныя выдержки изъ этого письма въ „Церковной Исторіи“ *Евсевія* VI кн., XLIII гл. 388 стр. *Euseb.* VI, 43, 7—8. 616—618. Впрочемъ, Harnack неособенно склоненъ вѣрить здѣсь еп. Корнелію. RE³, 14, 233.

[3]) Для примѣра сошлемся хотя-бы на *Hermann Jordan'а*, который въ заключеніе своей спеціальной монографіи о теологіи Новаціана даетъ такую оцѣнку его личности: „Die Persönlichkeit des Mannes, der um die Mitte des dritten Jahrhunderts in Rom eine bedeutende Rolle spielte, tritt in ein *helleres Licht*“ (к. н.). „Die Theologie der neuentdeckten Predigten Novatians“, 218 s. Leipzig, 1902.

бл. Іеронимомъ, Tillemont'омъ, Neander'омъ, Harnack'омъ, Benson'омъ, Болотовымъ, Дюшеномъ и др. склонны приписать не чему-либо еще, какъ уже хорошо знакомой намъ интригѣ и подстрекательству карѳагенскаго пресвитера Новата, придавъ ей болѣе широкое историческое освѣщеніе [1]).

Въ началѣ 251 г., какъ мы видѣли [2]), Новатъ съ кружкомъ ближайшихъ своихъ сторонниковъ, бѣжалъ изъ Карѳагена въ Римъ. Цѣлью ихъ появленія здѣсь было не одно только бѣгство отъ угрожавшаго имъ карѳагенскаго суда,—который все равно могъ судить ихъ и заочно,—но также и жалоба на личность и поступки Кипріана римскому клиру и его исповѣдникамъ. Разсчеты Новата далеко не были лишены извѣстной почвы и опоры. Онъ могъ исходить, прежде всего, изъ той аналогіи, что въ Карѳагенѣ нѣкоторая часть клира и еще болѣе значительная группа исповѣдниковъ были недовольны Кипріаномъ. Слѣдовательно, на нѣчто подобное онъ смѣло могъ разсчитывать и въ Римѣ. Не забылъ, конечно, Новатъ также и того, что въ началѣ, именно, римскій клиръ и его исповѣдники подняли первый протестъ противъ личности скрывшагося карѳагенскаго епископа. И хотя, позднѣе, римскій клиръ и его исповѣдники, повидимому, примирились съ Кипріаномъ; но прежняя закваска несочувствія и осужденія всегда могла дать новое броженіе въ рукахъ искуснаго агитатора. Въ этой-то, привычной ему, роли и выступилъ теперь Новатъ. Правда, не всѣ его разсчеты оправдались: первоначально и клиръ и исповѣдники римской церкви, повидимому, отказались войдти въ общеніе съ Новатомъ и кружкомъ осужденныхъ карѳагенскихъ клириковъ. Но настойчивость и происки Новата не остались все-же безъ успѣха. Новату, прежде всего удалось привлечь на свою сторону наиболѣе вліятельнаго римскаго пресвитера Новаціана и вооружить его противъ Кипріана. Затѣмъ, послѣ смерти римскаго исповѣдника Моисея, оставшагося вѣрнымъ союзникомъ еп. Кипріана, на сторону Новата, въ его борьбѣ съ Кипріаномъ, перешла и вліятельная группа римскихъ исповѣдниковъ (Максимъ, Никостратъ, Сидоній, Урбанъ, Макарій и др.).

[1]) *Ер.* LII, 2. 618. *Р. п.* 42, 212. *Бл. Іеронимъ* „о знаменитыхъ мужахъ“, ч. 5. стр. 327. *Tillemont:* „un schisme tres dangereux, dont Novat fut l'auteur et Novatien l'executeur et le ministre. III, 433 и 440—441. *Aug. Neander:* „Jener Karthagische Presbyter *Novatus*... der Mann, welcher die eigentliche *thätige Seele* Parthei wurde, und durch dessen Einfluss es wohl geschehen möchte, dass dieselbe von dem Cornelius ganz sich losriss und einen anderen Bischöf gab.“ Allgem. Gesch. I³, 133. *Harnack* „Novatian“ RE³, 14. 233. *Болотовъ* „Лекціи....“ II, 380. *Дюшенъ* „Исторія древней церкви“, I, стр. 274 и сл.

[2]) См. выше, стр. 388—389-ая.

Такимъ образомъ, въ концѣ Февраля 251 г. (по смерти Кипріанова сторонника—исповѣдника Монсея), Новату удалось съорганизовать значительную и авторитетную группу лицъ, которые ему сочувствовали и тѣмъ самымъ, не одобряли тактики Кипріана. Вотъ эта-то „римская группа новатистовъ“ (т. е. сочувствующихъ Новату) и была если угодно, первымъ зерномъ послѣдующаго „новаціанства“. Но такихъ „новатистовъ“ въ Римѣ было, все-же незначительное меньшинство, такъ что они едва-ли бы рѣшились повести какую-либо агрессивную тактику, если-бы не произошло послѣдующаго осложненія, на ближайшихъ римско-епископскихъ выборахъ. Новатъ и сочувствующая ему группа римскихъ клириковъ и исповѣдниковъ были крайне заинтересованы въ томъ [1]), чтобы на предстоящихъ выборахъ прошелъ, непремѣнно, ихъ кандидатъ, т. е. лицо враждебно настроенное къ карѳагенскому епископу Кипріану, съ которымъ партія Новата, получивъ власть думала, наконецъ, свести, рѣшительные счеты. И противники Кипріана имѣли много шансовъ на успѣхъ, такъ какъ они предполагали выдвинуть кандидатуру пресвитера Новаціана,—человѣка очень умнаго, хорошо образованнаго и занимавшаго видное положеніе въ римскомъ клирѣ [2]). Однако разсчеты „новатистовъ“ на этотъ разъ не оправдались. Огромное большинство римскаго клира и народа было совершенно чуждо этой интригѣ противъ Кипріана и не захотѣло ее примѣшивать къ такому важному и серьезному дѣлу своей церкви, какъ выборы себѣ епископа. Вотъ почему оно молчаливо отказалось отъ яркой кандидатуры Новаціана и предпочло ему болѣе скромную, но зато совершенно нейтральную кандидатуру пресвитера Корнелія.

Въ виду ясно чувствовавшагося провала кандидатуры Новаціана, она, повидимому, открыто даже и не фигурировала на выборномъ собраніи; такъ что избраніе Корнелія совершилось, по внѣшности, даже почти (paene) единодушно. Но, разумѣется, Новаціанъ и его сторонники были глубоко обижены такимъ исходомъ дѣла и затаили въ себѣ глухую вражду къ Корнелію и Кипріану [3]). И всего

[1]) *Leclercq:* „Ce schisme étais l'ocuvre de Novatus, qui voulait faire un pape, qui ne reconnût pas Cyprien comme évêque legitime de Carthage“. *Append.* III, 1101, n. 7.

[2]) *Ad. Harnack.:* „Novatian hatte in der Zeit Vakanz die Correspondenz der Gemeinde geführt, er war unzweifelhaft der hervorragendste Geistliche Roms, er besass das Vertrauen der angesehensten Glieder der Gemeinde“. RE³, 14, 233. *O. Bardenhewer*: „Es ist bedeutende Persönlichkeit, welche uns in Novatian entgegentritt, ein Mann von ausgerbeitester, theologischer wie profaner Bildung und von ungewöhnlicher Meisterschaft des Wortes, ein Talent“... Op. cit. II, 562.

[3]) Здѣсь поразительная аналогія съ выборами *еп. Кипріана*, см. выше стр. 369-ую.

больше негодовалъ на случившееся, конечно, Новатъ, для котораго съ провалomъ Новаціана, рухнули и всѣ надежды на могущественную поддержку Рима въ борьбѣ съ Кипріаномъ. Естественно, что Новатъ не хочетъ сдаваться и лишь усиливаетъ свою интригу: онъ провозглашаетъ выборы Корнелія неправильными, всячески чернитъ его личность, подстрекаетъ Новаціана на открытое выступленіе, чуть-ли не насильственно возводитъ его во епископа, пишетъ вмѣстѣ съ нимъ извѣстительныя объ его избраніи грамматы и разсылаетъ ихъ по всѣмъ церквамъ, а въ нѣкоторыя, болѣе вліятельныя, снаряжаетъ даже спеціальныя посольства, и, наконецъ, самъ ѣдетъ вмѣстѣ съ Новаціаномъ въ Карѳаген, чтобы тамъ, на соборѣ лично бороться съ Кипріаномъ. Такимъ образомъ, Новатъ былъ подлинной душой новаціанства и его первымъ, дѣйствительнымъ организаторомъ, поднявшимъ все это церковное движеніе, главнымъ образомъ, на почвѣ личной борьбы съ Кипріаномъ [1]). Въ Римѣ эта борьба, сама собою, осложнилась, а вскорѣ и вовсе перешла въ борьбу съ еп. Корнеліемъ, для чего позднѣе были привлечены и извѣстныя идейныя основы, давшія предметное содержаніе и своеобразную окраску всему послѣдующему новаціанству.

Римскому расколу, въ силу, вѣроятно, самаго положенія этой церкви, какъ столичной и древнѣйшей на всемъ западѣ, пришлось съиграть болѣе крупную роль въ исторіи и принести больше вреда церкви. Успѣху новаціанства немало содѣйствовала и та прочная консолидація новаціанскихъ общинъ, которую онѣ вскорѣ-же получили, организовавшись совершенно по типу православныхъ общинъ и параллельно съ ними. Раньше всѣхъ появилась такая община въ самомъ Римѣ, гдѣ черезъ нѣсколько недѣль послѣ того, какъ православная церковь выбрала себѣ епископомъ Корнелія, партія раскольниковъ, при посредствѣ какихъ-то трехъ итальянскихъ епископовъ, возвела себѣ въ епископы Новаціана [2]). И хотя вскорѣ послѣ сего, пресвитеръ

[1]) *Aubè:* „Novatianus mis en avant par Novatus, encouragé, excité par les confesseurs et fort de leur appui décidé, se laissa forcer la main“. Op. cit. 247—8.

[2]) О незаконности возведенія во епископы Новаціана Кипріанъ въ извѣстномъ уже намъ письмѣ къ Антоніану дѣлаетъ такое характерное замѣчаніе: „неужели ты признаешь епископомъ того, кто, будучи лживъ и чуждъ церкви, (adulter adque extraneus) горделиво усиливается посредствомъ происковъ быть поставленнымъ во епископа подобными бѣглецами (a desertoribus) въ то время, когда въ церкви есть епископъ, поставленный шестнадцатью соепископами“? *Ep.* LV, 24, 642. *P. n.* 43-ье, 234—235 стр. Болѣе подробно всю эту картину возстановляетъ Евсевій, приводя буквальную выписку изъ письма еп. Корнелія къ антіохійскому епископу Фабію: „въ небольшой промежутокъ времени (т. е.

Максимъ и нѣсколько наиболѣе вліятельныхъ исповѣдниковъ, оставили Новаціана и примирились съ еп. Корнеліемъ [1]), однако новаціанская схизма продолжала крѣпнуть и расти, перекинувшись въ Африку и найдя сочувственный откликъ даже на болѣе отдаленномъ Востокѣ. Въ частности, въ Африкѣ новаціанство не замедлило соединиться съ мѣстнымъ карѳагенскимъ расколомъ (Новата и Фелициссима), а позднѣе даже и поглотить его, создавъ ту ригористически непримиримую атмосферу крайняго новаціанства, или каѳаризма, въ обстановкѣ котораго возникъ въ послѣдствіи „донатизмъ", принесшій такъ много зла и потрясеній, преимущественно, все той-же сѣверо-африканской церкви.

Снова возвращаясь къ карѳагенской церкви и ея епископу Киприану, мы склонны думать, что до своего возвращенія изъ убѣжища, или точнѣе, до начала весенняго Карѳагенскаго собора 251-го года Киприанъ еще ничего не зналъ о только что возникшей римской схизмѣ (Новаціана и Новата). Но зато тѣмъ сильнѣе

вскорѣ-же послѣ выборовъ Киприана) мы замѣтили въ немъ (въ Новаціанѣ), возлюбленный братъ, какую-то странную перемѣну и превращеніе. Мужъ знаменитѣйшій, увѣрявшій насъ страшными клятвами, что онъ вовсе не желаетъ епископства, вдругъ является епископомъ, выскочивъ на средину, будто изъ какой машины. Этотъ учитель и защитникъ церковныхъ правилъ, вознамѣрившись привлечь и похитить недарованное ему свыше епископство, избралъ себѣ двухъ, отказавшихся отъ своего спасенія соучастниковъ (среди нихъ, несомнѣнно, былъ и Новатъ карѳагенскій), съ тѣмъ, чтобы послать ихъ въ малую, ничтожную часть Италіи, и тамъ выдуманными представленіями обмануть трехъ епископовъ—людей необразованныхъ и простодушныхъ *(ἀφροίκους καὶ ἁπλουστάτους*, simplicissimis hominibus et omnium ignaris—Ruf)". Этихъ-то невѣжественныхъ и плохо освѣдомленныхъ о дѣлахъ римской церкви епископовъ сторонники Новаціана обманнымъ путемъ привезли въ Римъ, здѣсь ихъ заперли и напоили виномъ; а когда они достаточно захмелѣли, насильственно заставили ихъ рукоположить Новаціана въ римскіе епископы—*Euseb.* VI, 43, 7—8, 616—618 s. *Евсев.* VI, XLIII, 388—389 стр. Здѣсь умѣстно отмѣтить, что текстъ Евсевія, а за нимъ и Руфина, слѣдуя, очевидно, духу греческаго языка, предпочитавшаго давать сокращенныя формы латинскихъ окончаній, вездѣ имя *„Новаціанъ"* сокращаетъ въ *„Новатъ"* чѣмъ даетъ поводъ смѣшивать этихъ двухъ расколовождей; хотя нѣсколько ниже, въ письмѣ еп. Діонисія александрійскаго основатель римскаго раскола правильно называется *Νοουατιάνος. Euseb.* VII, 8, 646 s.). Благодаря этому и въ нашемъ русскомъ переводѣ Евсевія все время фигурируетъ римскій пресвитеръ *Новатъ*, котораго переводчикъ проситъ не смѣшивать съ современнымъ и соименнымъ ему карѳагенскимъ пресвитеромъ *Новатомъ*. Но никакого предупрежденія было бы и не нужно, если бы переводчикъ возстановилъ полную и правильную латинскую форму имени *„Новаціана"*. 380 стр. См. относительно этого и у *J. Langen*'а Op. cit. s. 276, со ссылкой на *Lipsius*'а „Chron." s. 202.

[1]) Объ этомъ, кромѣ указанныхъ выше писемъ Киприана, смотри также и у Евсевія VI, 43, 5—6. 619 s.

удручали Киприана серьезныя нестроенія въ его собственной карѳагенской церкви, которыя особенно горько и тяжело переживались Киприаномъ еще и потому, что въ нихъ онъ видѣлъ продуктъ все той-же застарѣлой язвы—„интриги нѣкоторыхъ пресвитеровъ", которая, какъ мы знаемъ, постоянно и раньше досаждала ему и его церкви. Почти полное прекращеніе гоненія къ веснѣ 251 года уже позволяло было Киприану оставить свое убѣжище. И къ пасхѣ онъ, дѣйствительно, надѣялся получить радостное свиданіе съ своей паствой, послѣ довольно продолжительной разлуки съ ней (не менѣе четырнадцати мѣсяцевъ). Но открывшійся церковный раздоръ создалъ неблагопріятныя условія для спокойно-радостнаго возвращенія Киприана, почему онъ рѣшилъ отсрочить свой пріѣздъ, хотя и сдѣлалъ это не безъ серьезной душевной скорби. Выраженіемъ этой скорби, а также новымъ, болѣе углубленнымъ истолкованіемъ карѳагенскаго раскола, служитъ Киприаново „письмо къ народу о пяти пресвитерахъ, приставшихъ къ возмущенію Фелициссима" [1]). Здѣсь Киприанъ такъ-же, какъ позднѣе и въ письмахъ къ папѣ Корнелію, ясно говоритъ, что первопричина раскола лежитъ вовсе не въ Фелициссимѣ, а все въ той-же застарѣлой язвѣ—интригѣ „нѣкоторыхъ пресвитеровъ", оппозиція которыхъ изъ глухой, затаенной вражды перешла теперь въ явное и открытое возмущеніе или расколъ. „Зложелательство и вѣроломство (malignitas et perfidia) нѣкоторыхъ пресвитеровъ сдѣлали то, что до пасхи мнѣ нельзя было прійти къ вамъ... Теперь стало явно, откуда получило начало злоумышленіе Фелициссима и при какихъ пособіяхъ укоренялось (unde uenisset, quibus radicibus et quibus uiribus staret)". И, далѣе, Киприанъ довольно подробно изображаетъ преступно-подстрекательскую роль этихъ пресвитеровъ въ отношеніи къ исповѣдникамъ и къ падшимъ, направленную на то, чтобы разрушить согласіе паствы съ ея епископомъ, чтобы вооружить ее противъ священства Божія и чрезъ извращеніе истины опутать смертоносными оковами довѣрчивыя сердца братій. Все это—давно знакомая интриганская тактика „нѣкоторыхъ пресвитеровъ", которая со всей своей силой проявилась именно, теперь, въ начавшемся церковномъ расколѣ. „И теперь тоже, и теперь злоумышленіе пяти пресвитеровъ, соединенныхъ съ Фелициссимомъ, опять направлено къ пагубѣ спасенія... постановить новое преданіе (noua tradito) святотатственнаго устава" [3]).

[1]) *Ep.* XLIII, 590—597 p. *P. n.* 34-ое п. 189—195 стр.

[2]) *Ibidem*—592 p. *P. n. Тамъ-же,* 191 стр.

[3]) „Фелициссимъ былъ только орудіемъ оппозиціи въ рукахъ Новата, личности печальной репутаціи, который въ началѣ 251 г. уже сбѣжалъ въ Римъ,

Подъ этой „новой традиціей“, какъ видно изъ контекста, разумѣется новый, крайне снисходительный пріемъ lapsi, вопреки раннѣйшей, еще агриппиновой практикѣ и въ нарушеніе общаго соглашенія африканской и римской церквей отложить окончательное рѣшеніе этого волнующаго всѣхъ вопроса до ближайшаго церковнаго собора. Изливая, далѣе, свою тяжкую скорбь на невольную разлуку съ паствой, которая прежде вызывалась тяжелыми внѣшними обстоятельствами, еп. Кипріанъ указываетъ на то, что теперь она зависитъ, главнымъ образомъ, отъ серьезныхъ внутреннихъ волненій, что, разумѣется, огорчало его еще больше и сильнѣе: „здѣсь къ томленію духа нашего прибавилась большая скорбь отъ того, что, не смотря на крайнюю необходимость, не могу поспѣшить къ вамъ, изъ опасенія, чтобы чрезъ козни и ухищренія вѣроломныхъ (разумѣются, очевидно, quidam perfidi presbyteri), приходъ нашъ не произвелъ тамъ бо́льшаго смятенія, и чтобы епископъ, обязанный заботиться о мирѣ и спокойствіи всѣхъ, самъ не подалъ видимаго повода къ возмущенію и снова не усилилъ преслѣдованія“ [1]). Нельзя достаточно не подивиться мудрой осторожности и глубокому жизненному такту святителя Кипріана: онъ не обрушивается сразу-же на раскольниковъ всей силой своего авторитета и своей епископской власти, прекрасно сознавая, что всякое религіозное гоненіе и преслѣдованіе обычно не ослабляетъ, а лишь укрѣпляетъ положеніе преслѣдуемыхъ. Наоборотъ, епископъ предпочитаетъ временно уклониться отъ единоличной расправы съ своими противниками, чтобы первый пылъ ихъ протеста успѣлъ уже остыть и чтобы, противодѣйствіе имъ могло-бы выйдти изъ нѣдръ самой церкви, въ чемъ, какъ мы видѣли, онъ и не обманулся [2]).

Въ частности, то письмо Кипріана „къ народу о пяти пресвитерахъ, приставшихъ къ возмущенію Фелициссима“, которое мы преимущественно здѣсь цитируемъ, даетъ намъ и нѣкоторые важные дополнительные штрихи къ характеристикѣ хорошо извѣстныхъ „пяти пресвитеровъ“. Такъ, отсюда мы узнаемъ, что quinque isti presbyteri были людьми почтенными и по возрасту, по старшинству въ карѳагенскомъ клирѣ, чѣмъ могло обусловливаться и ихъ сравнительно значительное вліяніе на общину. Прозрачный намекъ на ихъ возрастъ данъ въ тѣхъ мѣстахъ разсматриваемаго письма, гдѣ Кипріанъ остроумно сравниваетъ этихъ пресвитеровъ съ извѣстными библейскими старцами, тщетно пытавшимися соблазнить, а затѣмъ и погубить цѣломудренную Сусанну (Дан. XIII, 9—62). Впрочемъ, онъ выражается и болѣе прямо: „да не соблазняютъ васъ ни лѣта ихъ, на достоинство (nec aetas... nec auctoritas,—„ни возрастъ, ни авторитетъ“ [1]). И какъ раньше, въ судѣ надъ Фелициссимомъ, такъ и теперь, въ отлученіи этихъ пресвитеровъ, церковное осужденіе раскольниковъ не предваряетъ ихъ собственнаго отпаденія, а констатируетъ его, или слѣдуетъ за нимъ. „Пусть погибнутъ одни они, захотѣвшіе погибнуть! (невольно напрашивается параллель съ Ев. Іо. XVII, 12). Пусть пребудутъ внѣ церкви одни они, отпадшіе отъ церкви. Одни они, возставшіе на епископовъ (Кипріана, Калдонія, Геркулана, Виктора?), да не будутъ съ епископами. Пусть одни они потерпятъ наказаніе, которое прежде по вашему приговору (разум. XLII письмо, рус. пер. прил. къ 33-му п.), а нынѣ по суду божественному, заслужили своимъ злоумышленіемъ и злобой“ [2]).

оставивъ руководство партіей недовольныхъ діакону Фелициссиму“—*Hefele-Leclercq*. Append. II, 1100 p.

[1]) *Epist.* XLIII, 4, 593, 10-14. *P. n.* 43-ье и. 191 стр.

[2]) *См. выше,* стр. 384-ую.

А такъ какъ интриговавшіе противъ Кипріана клирики въ качествѣ одного изъ главныхъ орудій своего вліянія на народную массу избирали льстивыя обѣщанія и поблажки, то Кипріанъ на эту сторону дѣла и обращаетъ свое особое вниманіе, предостерегая паству отъ разставленныхъ сѣтей лести и лжи: „избѣгайте ядовитыхъ рѣчей діавола, который отъ начала міра былъ всегда лукавъ и лживъ: онъ лжетъ, чтобы обольстить,—льститъ, чтобы вредить, предлагаетъ блага, чтобы причинить зло,—обѣщаетъ жизнь, чтобы умертвить“ [3]). Именно эту льстиво-пагубную тактику практиковали „нѣкоторые клирики“ въ отношеніи и къ lapsi, обѣщая имъ ложный міръ и обманчивое спасеніе, которое на самомъ-то дѣлѣ, ведетъ къ изверженію изъ церкви и духовной гибели. Письмо заканчивается еще болѣе грознымъ предостереженіемъ: „всякій, кто, не желая принести покаянія и умилостивить Бога, принялъ сторону Фелициссима и его сообщниковъ и сдѣлался соучастникомъ въ еретическомъ замыслѣ, пусть знаетъ, что послѣ для него невозможно будетъ ни возвратиться въ нѣдра церкви, ни имѣть общеніе съ епископомъ и народомъ Христовымъ“ [4]).

Такъ писалъ Кипріанъ своей карѳагенской паствѣ передъ самой пасхой 251-го года. А послѣ пасхи, какъ видно изъ того же самаго письма, онъ долженъ былъ прибыть въ Карѳагенъ и устроить давно ожидаемый соборъ, къ которому теперь уже все было го-

[1]) *Ep.* XLIII, 4, 593, 2. *P. n.* 43-ье, 192 стр.

[2]) *Ibidem*—5. 594—595 p. *Тамъ-же* 193 стр.

[3]) *Ibidem*—596, 3-6. *P. n. Тамъ-же* 194 стр.

[4]) *Ibidem* —597, 1-3. *Тамъ-же* 195 стр.

тово: „послѣ пасхи и я явлюсь къ вамъ съ моими товарищами [1]); въ ихъ присутствіи, какъ на то мы однажды согласились, можно будетъ и по вашему усмотрѣнію и по общему нашему совѣщанію, опредѣлить и постановить, что нужно дѣлать", т. е. очевидно идетъ рѣчь о первомъ карѳагенскомъ соборѣ при Кипріанѣ, состоявшемся весной 251 года, къ исторіи чего мы теперь и переходимъ.

III.

Первый Карѳагенскій соборъ при еп. Кипріанѣ (весной 251-го года).

Разсуждая строго хронологически, весенній карѳагенскій соборъ 251-го года далеко не былъ первымъ, изъ числа извѣстныхъ намъ соборовъ сѣверо-африканской церкви. Большой и важный соборъ въ томъ же Карѳагенѣ, какъ это намъ хорошо извѣстно [2]), имѣлъ мѣсто почти ровно тридцать лѣтъ тому назадъ, еще при еп. Агриппинѣ; этому-то агриппинову собору большинство прежнихъ историковъ и склонно было усвоять названіе перваго карѳагенскаго собора, отводя второе мѣсто кипріанову собору 251 года [3]). Но едва-ли даже справедливо и это, такъ какъ наличность собора и, вѣроятно, даже не одного, болѣе или менѣе, твердо установлена и для времени кипріанова предшественника по каѳедрѣ—карѳагенскаго епископа Доната [4]).

[1]) *Ibidem* 596, 21-22: „ut repraesentèr nobis post Paschae diem cum collegis meis—кого надо разумѣть здѣсь подъ „товарищами" еп. Кипріана, вмѣстѣ съ которыми онъ хочетъ послѣ дня Пасхи явиться въ Карѳагенъ? Едвали тѣхъ клириковъ и мірянъ, которые вмѣстѣ съ Кипріаномъ раздѣляли его уединеніе (*Ep.* XXXVIII, 2, 581. *P. n.* 30-ое, 181). Вѣрнѣе, подъ „коллегами", какъ это обычно у Кипріана, надо разумѣть сосѣднихъ епископовъ (напр. Калдонія, Геркулана, Виктора и др.), которые одновременно съ Кипріаномъ должны были собраться въ Карѳагенъ на очередной весенній соборъ, который теперь могъ, болѣе или менѣе, свободно состояться, въ виду прекращенія гоненія.

[2]) См. 4-ую гл. II отд. съ 261—271 стр. настоящаго изслѣдованія.

[3]) *Mansi* „Op. cit." I, 734 p. Concilum africanum sub Zepherino, anno Christi 217. Notae 2. Seu potius Carthagenensi I sub Agrippino. И въ томъ-же году, по тому-же самому дѣлу Mansi бездоказательно предполагаетъ Concilum Carthagenense II sub Agrippino, 735—736. Соборъ-же, подлежащій нашему разсмотрѣнію, Mansi озаглавляетъ Concilium Carthaginense primum in causa lapsorum celebratum, помѣщая его довольно неопредѣленно между 251—254 г. 863-4 p. *Hardouini* „Op. cit." также предполагаетъ два карѳагенскихъ собора при Агриппинѣ, относя первый къ 215 г., а второй—къ 217 году. *Index.* Почти буквально повторяетъ Hardouini и *Migne* „Dictionnaire des conciles" I. 460.

[4]) Въ письмахъ еп. Кипріана можно находить довольно ясные слѣды не меньше, какъ двухъ соборовъ, состоявшихся при его предшественникахъ.

Не былъ надо думать хронологически первымъ соборъ 251 г. даже и въ серіи соборовъ кипріановой эпохи, такъ какъ, во-первыхъ, существуютъ довольно вѣскія основанія предполагать устройство одного Карѳагенскаго собора въ самомъ началѣ епископата Кипріана, еще до момента открытія гоненія Декія [1]); а во-вторыхъ вѣдь судомъ тоже какого-то собора были отлучены и

Прежде всего—того собора изъ „девяноста епископовъ, на которомъ много лѣтъ назадъ общимъ голосомъ собравшихся былъ осужденъ епископъ Ламбезитанской колоніи—Приватъ, котораго съ большой строгостью—какъ добавляетъ Кипріанъ въ письмѣ къ Корнелію—порицали въ письмахъ предшественники наши—Фабіанъ и Донатъ". (*Ep.* LVIII, 10, 677; *P. n.* 47-ое, 259). И хотя нѣкоторыми, (какъ, напр., Mansi, I, 787 p.) соборъ этотъ считается *Ламбезитанскимъ*, а не *Карѳагенскимъ*, но эту явную ошибку, произшедшую вслѣдствіе неправильной разстановки знаковъ препинанія, убѣдительно выяснилъ *Leclercq*, опредѣленно высказавшійся за Карѳагенъ, какъ мѣсто даннаго собора, и предположительно, вслѣдъ за *Monceaux* (Hist. littéraire de l'Afrique chrétienne, II, 5) и *Дюшеномъ* (Исторія древней церкви I, 267 стр.), указавшій наиболѣе вѣроятные хронологическіе предѣлы этого собора между 236—248 г. *Hefele-Leclercq* „Op. cit." I. I, 162; n. 2—3.

Опредѣленная ссылка на другой соборъ дана въ письмѣ Кипріана „къ клиру и народу фурнитанскому о Викторѣ, назначившемъ пресвитера Фаустина опекуномъ", гдѣ Кипріанъ въ такомъ поступкѣ Виктора усматриваетъ прямое нарушеніе того правила, которое „уже прежде (iam pridem) было утверждено на соборѣ епископовъ (in concilio episcoporum)" *Ep.* I, I, 465. *P. n.* 5, 112. А въ послѣдующемъ контекстѣ дѣяніе Виктора еще разъ квалифицируется, какъ совершенное „вопреки недавно сдѣланному соборному постановленію" (contra formam nuper in concilio a sacerdotibus datam) *Ibid.* 2, 466. *P. n.*—113 стр. *Hefele-Leclercq*, сѣтуя на то, что Mansi и другіе коллекціонеры церковныхъ соборовъ, нерѣдко опускаютъ данный соборъ, считаютъ его вполнѣ историческимъ и относятъ къ послѣднему году епископата Доната, т. е. къ 248-му „Op. cit." I, I, 164—5, n. 6.

[1]) Глухое указаніе на соборъ Кипріана, предшествовавшій гоненію Декія, видятъ въ только что цитированномъ нами письмѣ его къ церкви фурнитанской, именно, въ начальныхъ строкахъ письма: „сильно были огорчены и я, и находившіеся здѣсь мои товарищи и засѣдавшіе съ нами наши сопресвитеры" тѣмъ, что было нарушено опредѣленіе раннѣйшаго донатовскаго собора. *Ep.* I, I, 465. *P. n.* 5-ое, 112. При чемъ предложенное изображеніе типичной соборной обстановки сопоставляютъ съ ранѣе приведеннымъ нами указаніемъ на недавній (nuper) терминъ донатова собора. Но *Harnack* справедливо отмѣтилъ, что nuper здѣсь нейтрализуется раннѣйшимъ iam pridem. (Die Chronologie... II, 347). Вообще, гипотеза этого, будто-бы самаго ранняго собора при Кипріанѣ довольно проблемматична и всецѣло зависитъ отъ того, къ какому времени будемъ мы относить самое письмо къ фурнитанской церкви. Harnack и Soden считаютъ хронологію письма unbestimmt, и даже ganz unbestimmt (Harnack). Но *Fechtrup* и *O. Ritschl*, по соображенію со всѣми обстоятельствами первоначальной реформаторской дѣятельности еп. Кипріана, находятъ am besten dabei stehen, ihn (Ep. I) vor der blutigen Verfolgung anzusetzen" *(O. Ritschl*—Op. cit. 239), съ чѣмъ охотно соглашаемся и мы.

карѳагенскіе раскольники—сторонники Фелициссима и Новата [1]). И тѣмъ не менѣе, именно, этому весеннему карѳагенскому собору 251 года цѣлый рядъ видныхъ историковъ церкви и соборовъ усвояетъ значеніе *перваго* африканскаго собора кипріановой эпохи, учитывая, очевидно, нестолько его строго-хронологическое, сколько его идейно-руководственное значеніе. И, дѣйствительно, въ серіи древне-церковныхъ соборовъ, вызванныхъ дѣломъ „падшихъ“ и возникшихъ по связи съ нимъ расколовъ, настоящій соборъ былъ, безусловно, первымъ по своему удѣльному вѣсу и значенію, поскольку имъ опредѣленно устанавливалась вся линія послѣдующаго церковно-соборнаго отношенія къ этимъ, волновавшимъ тогдашнюю церковь, вопросамъ.

Хронологическая дата настоящаго собора можетъ быть опредѣлена довольно точно, путемъ сопоставленія цѣлаго ряда относящихся сюда фактовъ. Здѣсь, точкой отправленія служатъ неоднократныя заявленія самого Кипріана, что *до* Пасхи 251-го года и въ продолженіе ея его еще не было въ Карѳагенѣ, куда онъ предполагалъ вернуться только *послѣ* Пасхи [2]). А во вторыхъ, тутъ въ полной мѣрѣ учитываются и постоянныя обѣщанія Кипріана, что какъ только онъ получитъ возможность вернуться къ своей паствѣ въ Карѳагенъ, то тотчасъ-же озаботится созывомъ собора для авторитетнаго разрѣшенія накопившихся за время его отсутствія дѣлъ, въ особенности, для выясненія имъ-же самимъ до собора отсроченнаго и всѣхъ живо волнующаго дѣла lapsi [3]). Пасха 251-го года была одной изъ самыхъ раннихъ—приходилась 23-го Марта [4]). Хотя мы съ точностью и не знаемъ, какъ долго въ эпоху Кипріана, праздновалась Пасха, однако допуская только недѣльный ея срокъ, какъ наиболѣе вѣроятный [5]),

[1]) *Ep.* XLI—XLII, 587—590. *P. n.* 33-ье и примѣч. къ нему, 186—189. Подробнѣе см. выше, стр. 392-ая.

[2]) *Ep.* XLIII, 1, 591 et 7, 596. *P. n.* 34-ое, 189 и 194.

[3]) *Ep.* XIII, 1, 510. *P. n.* 27-ое, 172. *Ep.* XV, 1, 514. *P. n.* 10-ое, 127. *Ep.* XVI, 4, 520. *P. n.* 9-ое, 125. *Ep.* XVII, 1, 522. *P. n.* 11-ое. 129—130. *Ep.* XX, 3, 529. *P. n.* 14-ое, 136. *Ep.* XXXIII, 3, 570. *P. n.* 18-ое, 142. *Ep.* XLI, 2, 589. *P. n.* 33-ье, 188. *Ep.* XLIII, 3 и 7. *P. n.* 34-ое, 194.

[4]) *Ad. Harnack:* „Ostern auf den 23 März im J. 251 fiel“—ChAL, II, 351. *Проф. В. В. Болотовъ:* „Пасха приходилась въ 251 г. на 23 Марта“. Лекціи... II, 378.

[5]) А что Пасха въ эпоху Кипріана справлялась въ теченіе нѣсколькихъ дней и что епископы обыкновенно проводили ее дома, ясное указаніе на это мы имѣемъ въ одномъ изъ писемъ Кипріана, „а теперь въ первые праздничные дни Пасхи, (т. е. именно, какъ мы полагаемъ, въ первую пасхальную седмицу, въ отличіе отъ слѣдующаго пасхальнаго періода, до дня пятидесятницы) почти всѣ остаются дома съ братьями“. *Ep.* LVI, 3, 649. *P. n.* 44-ое, 241.

получаемъ окончаніе пасхальныхъ праздниковъ къ 30—31 марта. Слѣдовательно, возвращеніе Кипріана изъ убѣжища могло состояться не раньше первыхъ чиселъ апрѣля, когда онъ только и могъ, значитъ, приступить къ организаціи собора.

Но какъ-бы, въ силу ранѣе даннаго обѣщанія, Кипріанъ не спѣшилъ съ созывомъ собора, онъ едва-ли-бы успѣлъ приняться за это дѣло тотчасъ-же по своемъ возвращеніи, такъ ему, на нашъ взглядъ, необходимо было не меньше двухъ недѣль, чтобы хотя нѣсколько осмотрѣться въ Карѳагенѣ, послѣ столь продолжительнаго отсутствія изъ него (около 14—15 мѣсяцевъ) и снова войти въ роль фактически правящаго епископа своей сильно пострадавшей церкви. Этотъ минимальный двухнедѣльный срокъ придется увеличить, по меньшей мѣрѣ, еще вдвое, если принять во вниманіе, что, именно, въ это время, т. е. между возвратомъ въ Карѳагенъ и открытіемъ собора, Кипріанъ составилъ, или по крайней мѣрѣ, основательно проредактировалъ два своихъ, значительныхъ нетолько по мыслямъ, но и по самому ихъ объему, трактата: „о падшихъ“ и „объ единствѣ церкви“ [1]). Такимъ путемъ мы уже подошли къ первымъ числамъ мая. Здѣсь намъ цѣлесообразнѣе всего остановиться, именно, на половинѣ мая, за что ручается аналогія съ послѣдующими кипріановыми-же весенними соборами, обычно происходившими около 15-го числа мая мѣсяца [2]). Наконецъ, за майскую дату начала весенняго собора 251-го года

[1]) *Ad. Harnack* оба этихъ трактата считаетъ написанными почти одновременно, вѣроятно, in der allerletzen Zeit des freiwilligen Exils Cyprians, unmittelbar nach Wiederherstellung des Friedens und unter dem Eindrück des Schisma des Felicissimus, aber noch vor dem Mai Konzil des J. 251. ChAL, II, 364. *O. Bardenhewer,* если и склоненъ, повидимому, раздѣлить два этихъ трактата, то развѣ самымъ незначительнымъ промежуткомъ (sehr unerheblich), причемъ de lapsis онъ считаетъ написаннымъ bald nach Wiedereintreffen des Bischofs in Karthago, noch in der ersten Hälfte des Jahres 251. А слѣдовательно и трактатъ De catholicae ecclesiae unitate появился тоже, какъ либо вскорѣ послѣ этого, во всякомъ случаѣ, до Октября 251 г., когда самъ Кипріанъ уже упоминаетъ объ обоихъ трактатахъ, какъ одновременно посланныхъ въ Римъ *(Ep.* LIII, 4) Chronol. altkirch. Litt. II, 411 und 413. *Hefele*-же полагаетъ, что Кипріанъ свою книгу „de lapsis“ написалъ по возвращеніи въ Карѳагенъ, въ качествѣ préambule au synode... 251. Op. cit. I, I, 167. А *Leclercq* въ своемъ примѣчаніи къ только что приведенному переводу Hefele выражается еще категоричнѣе: „ce traité fut composé dans les jours qui suivirent le retour d'exil, avec le *De catholicae ecclesiae unitate;* tous deux furent lus au concile tenue en mai 251. Cette date est absolument certaine“. *Ibid.* not. 4.

[2]) На весну, какъ это мы увидимъ ниже, падаетъ большинство Кипріановыхъ соборовъ. Въ особенности, ясна и опредѣленна въ этомъ смыслѣ дата *третьяго* карѳагенскаго собора при Кипріанѣ—15-ое Мая 252 г. *(Ep.* LVIII, 10, 677. *P. n.* 47-ое, 259).

говоритъ и то обстоятельство, что съ одной стороны, соборъ этотъ происходилъ послѣ обнаружившейся въ Римѣ схизмы (Корнелія—Новаціана), такъ какъ соборъ уже имѣлъ ее предметомъ своихъ обсужденій; но съ другой—онъ былъ и очень близокъ по времени къ самому моменту возникновенія этой схизмы, такъ какъ вѣсть о ней дошла до карѳагенскаго собора или передъ открытіемъ собора или въ самомъ началѣ его засѣданій, и притомъ, въ столь еще неопредѣленно-смутной формѣ, что соборъ могъ вынести по этому дѣлу только то рѣшеніе, что необходимо-де собрать болѣе полный и точный матеріалъ и для сего нужно отложить окончательное сужденіе по этому дѣлу до слѣдующаго собора. Все это, въ совокупности, и даетъ намъ полное право пріурочить открытіе весенняго Карѳагенскаго собора 251 г. къ первой половинѣ мая.

Гораздо труднѣе оказывается установить моментъ окончанія этого собора, поражающаго какъ объемомъ своей программы, такъ и еще больше длительными промежутками между отдѣльными, принятыми на соборѣ рѣшеніями. Чтобы составить себѣ приблизительное представленіе о томъ и о другомъ (т. е. и о программѣ собора и объ его продолжительности), достаточно указать, что на соборѣ полностью заслушаны были два довольно обширныхъ трактата еп. Кипріана („о падшихъ“ и объ „единствѣ церкви“), разсмотрѣнъ во всемъ объемѣ вопросъ о lapsi, (причемъ они разбиты на группы по градаціи преступленій и соотвѣтствующихъ наказаній), санкціонировано отлученіе Фелициссима и пяти пресвитеровъ, вмѣстѣ съ присоединившимися къ нимъ другими раскольниками, повторно изслѣдовано дѣло двухъ епископовъ—Іовина и Максима—принявшихъ сторону ранѣе осужденнаго еп. Привата изъ Ламбезы, и наконецъ, предварительно разсмотрѣно, съ разныхъ сторонъ, сложное дѣло спорныхъ выборовъ римскаго епископа (схизма Корнелія и Новаціана). А это послѣднее дѣло, помимо его сложности, требовало и значительнаго времени, такъ какъ соборъ отнесся къ нему съ особой осторожностью: онъ избралъ изъ своей среды спеціальную коммиссію, которую отправилъ въ Римъ, чтобы тамъ, на мѣстѣ собрать всѣ справки и только уже послѣ сего имѣть окончательное сужденіе о римской схизмѣ. На подобное путешествіе, да еще соединенное съ такой, весьма отвѣтственной миссіей, нужно было, конечно, время и время порядочное, не меньше $1^1/_2$—2 мѣсяцевъ. Учитывая-же то обстоятельство, что соборомъ послѣ того была выполнена и своя обширная программа, въ отношеніи къ которой римская схизма какъ-бы играла роль лишь посторонняго вступленія, мы полу-

чили-бы длительность этого собора чуть-ли не въ полгода (отъ 4—6 мѣс.) [1]); а это едва-ли допустимо, въ виду тревожности времени и необходимости для епископовъ поскорѣе вернуться къ своимъ церквамъ и заняться ихъ возстановленіемъ изъ руинъ гоненія. Поэтому, всѣ шансы на признаніе имѣетъ утвердившаяся теперь въ научной церковно-исторической литературѣ догадка, (J. Langen, Monceaux, Nelke etc.) что соборъ 251 года,—также какъ и позднѣе соборъ 256-го года—распадался на двѣ сессіи, или лучше даже сказать, на два самостоятельныхъ собора—изъ которыхъ одинъ начинался весною (съ половины мая) и продолжался не больше 1—2 мѣсяцевъ, другой—осенью (съ половины сентября) и длился, приблизительно, столько-же. Гипотезу эту весьма рѣшительно поддерживаетъ Monceaux, который по данному поводу говоритъ: „требуется, чтобы африканскіе епископы въ 251 году, какъ и въ 256, держали-бъ два собора: одинъ весной, посвященный преимущественно дѣлу lapsi и отлученію раскольниковъ, другой—осенью собранный, главнымъ образомъ, для изслѣдованія спорнаго вопроса о двухъ претендентахъ (des deux soidisant évêques de Rome) на римскую каѳедру.... Эта гипотеза втораго собора, собиравшагося осенью 251 г., согласуется со всѣми извѣстными фактами и устраняетъ всѣ затрудненія“ [2]). При чемъ, здѣсь-же Monceaux отрицаетъ гипотезу непрерывнаго собора, длившагося все лѣто и осень, какъ не имѣющую для себя аналогичныхъ прецедентовъ во всю эту эпоху [3]). Такимъ образомъ, вопросъ о раздѣльности весенняго и осенняго карѳагенскихъ соборовъ 251 года и о распланировкѣ ихъ программъ въ томъ смыслѣ, что на ве-

---

[1]) Такимъ путемъ, думаетъ спасти единство карѳаг. собора 251 г. напримѣръ, *Aubé*, который предполагаетъ, что соборъ 251 г. длился „въ теченіе многихъ мѣсяцевъ“, причемъ въ подтвержденіе своей гипотезы пытается опереться на цитату изъ письма (Ep. LVIII, 680 p.) Кипріана: concilio frequenter acto. Но столь длительные соборы были, вообще говоря, не въ обычаѣ того времени; а цитата Кипріана говоритъ не о продолжительности соборовъ, а объ ихъ частой повторяемости. Op. cit. 263 p.

[2]) *Monceaux* „Op. cit.“ II, 43—44 p. Съ нимъ вполнѣ солидаренъ и *H. Leclerqe*, который въ своемъ спеціальномъ Appendice III къ переводу „Исторіи соборовъ“ Hefele, озаглавленномъ „Chronologie des conciles de Carthage“ говоритъ по сему случаю слѣдующее: „La durée de la session de ce concile doit avoir été de plusieurs mois, à moins qu'on ne suppose, ce qui est plus vraisemblable, la convocation d'un deuxième concile à l'automne de la même anne“. Op. cit., I, I, 1001 p.

[3]) Наиболѣе рѣшительно такую гипотезу высказалъ упоминаемый у Mansi doctissimus Pagi, который продолжительность карѳагенскаго собора 251 г. опредѣлилъ съ мая по августъ. Op. cit. 863. notae 2.

сеннемъ соборѣ разсматривалась, преимущественно, карѳагенская, а на осеннемъ—римская схизма, можно считать окончательно рѣшеннымъ. Но при этомъ, конечно, никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду того обстоятельства, что, если хронологически эти соборы и были раздѣльны, то идейно они стояли одинъ къ другому очень тѣсно и что, въ частности, задача втораго, осенняго собора была поставлена еще на первомъ, весеннемъ, отъ лица котораго была отправлена въ Римъ и депутація; хотя свой отчетъ объ исполненномъ порученіи эта депутація, надо полагать, давала уже второму, осеннему собору. Такая и хронологическая и идейная близость карѳагенскихъ соборовъ 251-го года обусловила собой и ту особенность ихъ источниковъ, что въ сочиненіяхъ и письмахъ Кипріана они, дѣйствительно, не выступаютъ съ надлежащей раздѣльностью, а какъ-бы сливаются въ одинъ, непрерывно длящійся соборъ. Но мы, въ интересахъ исторической отчетливости, предпочтемъ разграничить эти соборы и разсмотрѣть каждый изъ нихъ въ отдѣльности.

Подлинныхъ актовъ карѳагенскихъ соборовъ 251-го года до насъ, къ сожалѣнію, не дошло. Но что такіе акты существовали и даже разсылались по епископамъ, въ формѣ особаго „соборнаго посланія, или свитка“, (libellum—„книжица“), на это имѣемъ мы ясное указаніе въ одномъ изъ писемъ Кипріана: „все это—пишетъ Кипріанъ—содержится въ свиткѣ, (который, думаю, дошелъ къ тебѣ), гдѣ по главамъ прописаны всѣ рѣшенія“ [1]); при чемъ изъ контекста вполнѣ ясно, что здѣсь разумѣются рѣшенія перваго, по возвращеніи Кипріана изъ убѣжища, карѳагенскаго собора, т. е. весенняго, 251-го года. А такъ какъ Кипріанъ въ этомъ письмѣ,—одномъ изъ наиболѣе обширныхъ своихъ писемъ,—очень обстоятельно знакомитъ своего собрата, какъ съ рѣшеніями названнаго собора, такъ даже и съ ихъ мотивировкой, то письмо это, обычно, и признается за главный источникъ для сужденія о характерѣ и дѣятельности карѳ. собора 251-го года [2]). Въ такомъ, именно, качествѣ будетъ использованъ данный источникъ и нами. Однако, прежде чѣмъ приступить къ анализу этого источника, необходимо сдѣлать одно предварительное замѣчаніе объ его хронологіи и характерѣ.

Даже при самомъ бѣгломъ знакомствѣ съ названнымъ источникомъ (т. е. съ 55-ымъ письмомъ Кипріана, по Hartel'ю), легко

[1]) *Ep.* LV, 6, 627 628 p. secundum quod *libello* (курс. нашъ) continetur quem ad te peruenisse confido, ubi singula placitorum capita conscripta sunt“. *P. n.* 43-ье, 219.

[2]) См. напр. у *Ad. Harnack*'а GAL. I, 799 s.

убѣдиться, что онъ явился post factum, послѣ нетолько весенняго, но и осенняго соборовъ 251-го года и послѣ окончательнаго обнаруженія и соборнаго изобличенія новаціанской схизмы. И хотя редакція этого источника ни въ какомъ случаѣ не переходитъ за грань весенняго собора слѣдующаго, 252-го года [1]), однако она едва-ли можетъ быть отнесена и раньше, чѣмъ на конецъ Октября, или даже на начало Ноября 251-го года [2]). Слѣдовательно, майскія событія перваго собора 251 года отображены имъ уже въ извѣстной исторической перспективѣ, если даже не въ прагматической обработкѣ, и они, въ значительной степени, заслонены событіями позднѣйшаго, осенняго собора того-же 251 года, или, по меньшей мѣрѣ, тѣсно слиты съ ними. Такъ что на 55-ое письмо Кипріана слѣдуетъ смотрѣть не какъ на мотивированный протоколъ весенняго собора 251-го года, а правильнѣе, какъ на свободную обработку Кипріаномъ протоколовъ обоихъ соборовъ 251 г. (весенняго и осенняго), и притомъ такую обработку, въ которой автора гораздо больше интересовали самые результаты этихъ соборовъ, чѣмъ ихъ фактическая исторія. Отсюда и получилось то, что весенній соборъ 251 г. не выступаетъ въ нашемъ главномъ источникѣ (55-ое письмо) съ желательной для насъ ясностью и опредѣленностью: съ одной стороны, къ нему присоединенъ здѣсь цѣлый рядъ важныхъ, послѣдующихъ событій, а съ другой—немало реальныхъ, фактическихъ деталей изъ предыдущей и современной собору исторіи не отразилось въ немъ вовсе.

Къ счастію, однако, мы не совсѣмъ лишены возможности знать и эту реально-историческую обстановку майскаго собора 251 года, поскольку отдѣльные разрозненные штрихи ея разсѣяны по другимъ письмамъ Кипріана, главнымъ образомъ, по тѣмъ, которыя въ нумераціи Hartel'я предшествуютъ 55-му письму. Такихъ писемъ L. Nelke насчитываетъ, напримѣръ, около дюжины (съ 44—

[1]) Перешагивать за указанную грань запрещаетъ намъ то положеніе дѣла падшихъ, какое отобразилось въ данномъ письмѣ. Въ немъ возможность обратнаго пріема въ церковь предусмотрѣна пока только для одного класса lapsi—именно, для „либеллятиковъ“. Но уже на майскомъ соборѣ 252 г. доступъ въ церковь, при извѣстныхъ условіяхъ, былъ облегченъ и для другихъ категорій „падшихъ“. Если-же 55-ое письмо послѣдней льготы еще не знаетъ, то ясно, что оно написано раньше нея, т. е. раньше собора 252 г.

[2]) Нашъ главный авторитетъ по хронологіи писемъ Кипріана—*L. Nelke* относительно разсматриваемаго письма выражается такъ: Der. 55. Brief ist Ende October, vielleicht gar November 251 entstanden—nach dem Tode des Kaiser Decius (c. 9) und nach der Begnadigung der „libellatici“, aber noch vor der *allgemeinen* к. н.) Aufnahme der Gefallenen (thurificati c. 17). Op. cit.—74 s.

54 п.) а Leclercq и того больше (quinze lettres съ 41—55 п.) [1]). Пользуясь всѣмъ этимъ, довольно обильнымъ, но почти не разработаннымъ, съ отмѣченной точки зрѣнія, матеріаломъ, попытаемся, насколько это намъ удастся, возстановить полную историческую картину майскаго собора 251 г., со всѣми, или, вѣрнѣе, съ главными ему непосредственно предшествовавшими и его сопровождавшими обстоятельствами.

Впрочемъ, прежде чѣмъ пользоваться названной корреспонденціей, какъ документальнымъ историческимъ матеріаломъ для характеристики карѳагенскихъ соборовъ 251 г., необходимо выяснить здѣсь и еще одну типическую ея черту. Преобладающая, даже почти исключительная тема данной корреспонденціи это— римская схизма Новаціана и признаніе правильности выборовъ еп. Корнелія. Такъ что, если-бы мы, безъ всякихъ оговорокъ, захотѣли судить о работѣ карѳагенскихъ соборовъ 251 г. *только* по одному этому матеріалу, то легко могли-бы впасть въ ошибку перспективы, именно, получить то впечатлѣніе, что карѳагенскіе соборы тѣмъ лишь и занимались, что все время реагировали на римскую церковную смуту, какъ-бы совершенно позабывъ про свои собственныя дѣла. Но само собою понятно, что ничего подобнаго не было и быть не могло: какъ ни важны и ни серьезны были безпорядки въ чужой римской церкви, но нестроенія въ своей собственной, безъ сомнѣнія, были гораздо важнѣе и ближе для членовъ карѳагенскаго собора. Поэтому не уладивъ своихъ собственныхъ, довольно тревожныхъ и волнующихъ дѣлъ, сѣверо-африканская церковь не могла, конечно, отдавать всего своего вниманія и всей энергіи разбору отношеній и дѣлъ чужой для нея римской церкви. И, дѣйствительно, въ одномъ изъ названныхъ писемъ,— наиболѣе обстоятельномъ и подробномъ—мы видимъ, что весенній карѳагенскій соборъ 251 г. немало поработалъ и надъ упорядоченіемъ своихъ внутреннихъ дѣлъ [2]).

Если-же тѣмъ не менѣе въ корреспонденціи Кипріана центръ тяжести падаетъ больше на внѣшнюю работу собора, то это отнюдь не служитъ объективнымъ показателемъ самой соборной работы, а зависитъ отъ субъективныхъ мотивовъ авторовъ данной корреспонденціи. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь авторами и

[1]) *Leo Nelke* „Die Chronologie d. Correspondenz Cyprians“—56—75 s. *Hefele-Leclercq* Histoire des conciles... I, II. Appendice III. 1103. n. 1.

[2]) Говоримъ о томъ письмѣ Кипріана (къ еп. Антоніану), которое выше мы назвали „главнымъ источникомъ“ для сужденія о работѣ карѳагенскихъ соборовъ 251 г. *Ep.* LV, 624 sq. *P. n.* 43-ье, 214 и слѣд.

адресатами данной корреспонденціи выступаютъ, кромѣ Кипріана, почти исключительно члены римской церкви (Корнелій, римскіе исповѣдники), которыхъ, естественно, больше всего интересовали вопросы своей же римской церкви и въ числѣ ихъ, конечно, сильнѣе и больше всего — новаціанская схизма и признаніе выборовъ Корнелія. Поэтому-то, разумѣется, и Кипріанъ, отвѣчая на римскіе запросы, съ особенной подробностью останавливается на томъ, что ближе всего касается дѣлъ римской церкви [1]). Хотя, впрочемъ, Кипріанъ и здѣсь не упускаетъ случая коснуться того, что было важно и для карѳагенской церкви (напримѣръ, схизмы Фелициссима). Учитывая такое, совершенно естественное и вполнѣ понятное свойство подлежащей нашему анализу корреспонденціи, мы, слѣдовательно, постоянно должны помнить, что историческая правда, въ особенности, работа и жизнь карѳагенской церкви, отразилась въ ней односторонне и неполно, главнымъ образомъ, той своей стороной, которая была обращена къ Риму и къ происходившей въ немъ церковной смутѣ. А это лишь налагаетъ на насъ ту обязанность, чтобы событія внутренней жизни карѳагенской церкви мы освѣтили-бы болѣе полнымъ и яснымъ свѣтомъ и, главное, поставили-бы ихъ въ болѣе правильную историческую переспективу. Необходимый матеріалъ для всего этого мы найдемъ, частью, въ самой-же данной корреспонденціи—въ формѣ случайныхъ замѣтокъ или неразвитыхъ намековъ,—частію въ другихъ письмахъ и сочиненіяхъ Кипріана, частію, наконецъ, въ церковной исторіи Евсевія и у другихъ древнихъ авторовъ и псевдонимовъ.

Историческую послѣдовательность фактовъ, непосредственно предварявшихъ весенній Карѳагенскій соборъ 251 г., и его сопровождавшихъ, мы представляемъ себѣ въ слѣдующемъ видѣ. Какъ уже извѣстно, тотъ-часъ-же послѣ пасхи, т. е. въ самомъ началѣ апрѣля 251 г. Кипріанъ вернулся въ Карѳагенъ и вступилъ въ отправленіе своихъ сложныхъ и хлопотливыхъ архипастырскихъ обязанностей. И первой заботой вернувшагося епископа было устройство давно обѣщаннаго и столь необходимаго собора африканской церкви. Основная программа этого собора ясно диктовалась назрѣвшими нуждами времени, которыя и нашли себѣ наиболѣе полное и правильное выраженіе въ двухъ спеціальныхъ трактатахъ Кипріана, изъ которыхъ одинъ—„книга о падшихъ“—былъ

[1]) Не забудемъ также и того, весьма существеннаго обстоятельства, что при нашемъ взглядѣ на происхожденіе новаціанства, римская схизма *лично* для Кипріана была далеко не постороннимъ дѣломъ, почему, быть можетъ, онъ такъ особенно близко къ сердцу и принималъ всѣ ея интересы.

посвященъ главному больному вопросу времени—дѣлу lapsi, а другой—„книга объ единствѣ церкви"—непосредственно направленъ былъ противъ интригъ раскольниковъ (Фелициссима и Новата), угрожавшихъ церковному единству. Вопросъ о точной хронологіи обоихъ этихъ, несомнѣнно подлинныхъ, трактатовъ Кипріана не имѣетъ для насъ особеннаго значенія; совершенно безразлично для дѣла: составлены-ли эти трактаты во время пребыванія автора въ убѣжищѣ, или же они написаны имъ по возвращеніи оттуда, въ предсоборный промежутокъ? Лично намъ, однако, наиболѣе вѣроятной кажется та догадка, что трактатъ „о падшихъ" изготовленъ Кипріаномъ еще въ убѣжищѣ (самый вопросъ возникъ уже давно и Кипріаномъ онъ разработанъ тщательно и какъ-бы эпически спокойно); а трактатъ „объ единствѣ церкви" написанъ имъ уже въ Карѳагенѣ, вскорѣ-же по прибытіи въ него и подъ живымъ впечатлѣніемъ непосредственнаго знакомства съ разрушительной работой раскольниковъ (расколъ возникъ недавно и Кипріанъ говоритъ о немъ съ бо́льшей экспрессіей). Важно и нужно для насъ лишь признаніе того, что оба названныхъ трактата Кипріана явились, во всякомъ случаѣ, до начала карѳагенскаго собора 251 г., а этого, къ счастью, никто серьезно и не оспариваетъ [1]).

Нѣкоторыми историками и богословами, преимущественно, католической школы (Tillemont, Leclercq, Дюшенъ), высказывается, между прочимъ, и такая, вполнѣ пріемлемая, мысль, что оба изслѣдуемыхъ трактата Кипріана были какъ-бы тѣми вступительными проповѣдями, которыми вновь явившійся епископъ возстановлялъ живое общеніе съ своей паствой. Гипотеза эта, слѣдовательно, предполагаетъ нѣчто въ родѣ малаго *мѣстнаго* собора одной только карѳагенской церковной общины, предъ лицемъ которой Кипріанъ впервые прочелъ свои трактаты, дававшіе достаточно опредѣленное и убѣдительное разрѣшеніе двухъ главныхъ волновавшихъ ее споровъ. Но, разумѣется, принятіе такой, повторяемъ, вполнѣ умѣстной и естественной гипотезы, нисколько не колеблетъ факта новаго, такъ сказать, *повторнаго* чтенія Кипріаномъ своихъ трактатовъ, предъ лицемъ бо́льшаго, провинціально-епископскаго собора, чѣмъ и былъ Карѳагенскій весенній соборъ 251 года. Слѣды такого, именно, торжественно-соборнаго чтенія обоихъ трактатовъ Кипріана и ихъ включенія въ книгу соборныхъ актовъ или протоколовъ можно усматривать, напримѣръ, въ слѣдующей выдержкѣ изъ поздравительнаго письма Кипріана къ обратившимся изъ раскола римскимъ исповѣдникамъ: „все это (т. е. значеніе и силу церковнаго единенія и мира и пагубность высокомѣрія, ведущаго къ раздору) вы можете вполнѣ усмотрѣть, прочитавши *тѣ книжки* (к. н.), которыя у себя недавно я читалъ и къ вамъ, ради общей любви, переслалъ для прочтенія: тамъ нѣтъ для *падшихъ* (к. н.), недостатка ни въ строгомъ обличеніи, ни въ цѣлительномъ врачевствѣ; тамъ-же наша мѣрность, сколько могла выяснила и *единство* (к. н.) католической церкви" [1]). Подчеркнутыя нами слова, дѣйствительно, не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что Кипріанъ говоритъ здѣсь о своихъ трактатахъ „de lapsis" и „de unitate catholicae ecclesiae". Не менѣе ясно также и то, что оба этихъ трактата самъ авторъ гдѣ-то „читалъ у себя", очевидно, предъ лицомъ какого-то собранія. Сравнительно болѣе спорно лишь одно,—въ какомъ-же, именно, собраніи онъ читалъ ихъ: въ общемъ-ли собраніи одной карѳагенской паствы (мѣстномъ соборѣ), или въ провинціальномъ соборѣ всей сѣверо-африканской церкви (весенній карѳагенскій соборъ 251 г.)? Но и изъ этого затрудненія существуетъ прекрасный выходъ—именно, въ томъ предположеніи, что трактаты читались на обоихъ соборахъ (т. е. какъ на мѣстномъ, такъ и на провинціальномъ), чему нисколько, въ сущности, не противорѣчитъ и приведенный выше текстъ письма Кипріана [2]).

[1]) *Свящ. А. Молчановъ:* „Въ подлинности трактата не должно быть никакого сомнѣнія, такъ какъ о немъ упоминаетъ самъ авторъ въ epist. 51 (по Mign'ю, по Hartel'ю—54, *P. n.* 41): ubi lapsis nec censura deest, quae increpet nec medicina, quae sanet", c. 4. Впрочемъ, его обозначаетъ и Понтій—c. 7; Августинъ—Lib. de fide et opere, c. 19 и 27. Lib. IV, de baptismo contra Donatis. c. 9 etc. Фульгенцій—Lib. II, ad Trasimundum, c. 17. См. Fessler—p. 349. B. P. Permanenderi—t. II, p. 845. Reithmeier—s. 168—172. Fechtrup—s. 120—121; Nirschl. Lehrb. d. Patr. Ers. B. s. 307". Цитов. сочин. 104 стр. 1 прим. Сравни также *Tillemont:* „Personne ne doute que S. Cyprien n'ait composé le traité *de lapsis* aprés que la persecution de Dece fut finie en Afrique et qu'il fut sorti de sa retraite, c'est à dire vers le mois d'avril 251 pour le plustost. C'est ce qui paroist par tout le traité". И свой тезисъ Tillemont, далѣе, убѣдительно аргументируетъ самымъ анализомъ трактата и рядомъ авторитетныхъ свидѣтельствъ. Op. cit. t. IV. Notes sur S. Cyprien. p. 619—620.

[1]) *Ep.* LIII, 4, 623: „Quae omnia penitus potestis inspicere lectis libellis quos hic nuper legeram et ad uos quoque legendos pro communi dilectione transmiseram, ubi lapsis nec censura deest quae increpet nec medicina quae sanet. Sed et catholicae ecclesiae unitatem quantum potuit expressit nostra mediocritas". *P. n.* 41-oe, 210.

[2]) Aubé, напримѣръ, даже и вовсе заявляетъ, что первый весенній соборъ 251 г. былъ только *мѣстнымъ* собраніемъ одной карѳагенской общины. Настоящій-же большой провинціальный соборъ, состоялся, по его мнѣнію лишь осенью, въ сентябрѣ или октябрѣ мѣсяцѣ того-же года. *Op. cit.* 116 p. Подчеркивая огромную важность разсматриваемыхъ трактатовъ Кипріана для

Въ то время, когда Кипріанъ писалъ, а, быть можетъ, уже и читалъ указанные трактаты своей паствѣ и когда епископы провинціи „Африка“ съѣзжались въ свой метрополь на соборъ, въ римской церкви быстрымъ темпомъ шло развитіе новаціанской схизмы, отголоски чего не замедлили вскорѣ-же достичь и Карѳагена. Самымъ раннимъ срокомъ избранія еп. Корнелія, какъ мы знаемъ, могло быть лишь начало Марта 251-го года [1]). Противопоставленіе-же ему его соперника Новаціана, хотя сравнительно говоря и не замедлило, но все-же произошло послѣ нѣкотораго промежутка, приблизительно въ мѣсяцъ, или даже нѣсколько больше [2]). Фактъ такой раздѣльности этихъ двухъ хиротоній весьма важенъ и показателенъ. Онъ свидѣтельствуетъ, на

характеристики карѳагенскихъ соборовъ 251 г., мы еще разъ повторяемъ, что эту важность строго ограничиваемъ лишь одной *программной* стороной дѣла; а отнюдь не считаемъ трактаты за *результатъ* собора и не отожествляемъ ихъ съ соборными протоколами, что допускали нѣкоторые старые авторы (Jean Fell, Pearson), съ которыми вполнѣ удачно полемизируетъ еще *Tillemont* Op. cit. IV, 619. Съ результатами собора, или, что то-же, съ его протоколами гораздо больше знакомитъ письмо Кипріана къ Антоніану (LV—43); и достаточно хотя-бы сравнить отношеніе къ падшимъ въ трактатѣ Кипріана и въ его письмѣ къ Антоніану, чтобы убѣдиться въ ихъ разницѣ и признать, что взгляды Кипріана *до* собора были значительно болѣе строги и рѣзки и что подъ вліяніемъ собора они замѣтно смягчились, о чемъ совершенно опредѣленно заявляетъ и самъ Кипріанъ въ томъ-же письмѣ: „тогда какъ сперва и прежде всего (primo et inter initia) я защищалъ евангельскую строгость (euangelicum uigorem), потомъ какъ будто отступилъ отъ прежняго образа дѣйствій и сужденій (postmodum uidear animum meum a disciplina et censura priore flexisse)“. 3, 625. *P. n.* 215 стр.

[1]) А нашъ главный хронологическій авторитетъ *L. Nelke* склоненъ перенести выборы Корнелія еще мѣсяцемъ позднѣе—warscheinlich Anfang April—bald nach Ostern“ (61 s.). Но тотъ мотивъ, который онъ здѣсь выдвигаетъ (именно, что на пасхѣ епископы обыкновенно, оставались дома) недостаточно убѣдителенъ, такъ какъ, если выборы происходили чуть не за три недѣли до пасхи, то къ началу самой пасхи епископы свободно могли уже опять быть дома.

[2]) Сторонники быстраго противопоставленія Новаціаиа основываются на словахъ еп. Корнилія въ его письмѣ къ еп. Фабію антіохійскому, въ которыхъ говорится о „маломъ промежуткѣ времени“ *(ἐν βραχεῖ καιρῷ)*, въ теченіе котораго произошла столь рѣзкая перемѣна взглядовъ у Новаціана. Но вѣдь здѣсь мы имѣемъ дѣло съ полемикой, а не съ хронологіей и потому строить что-либо положительное на такомъ зыбкомъ фундаментѣ было-бы неосторожно. Тѣмъ болѣе, что въ томъ-же письмѣ говорится и о довольно продолжительныхъ поискахъ, предпринятыхъ Новатомъ съ цѣлью найдти такихъ епископовъ, которые согласились-бы рукоположить Новаціана. И лишь въ результатѣ этихъ поисковъ, нашлось, наконецъ, три отдаленныхъ, италійскихъ епископа, которыхъ обманнымъ образомъ и удалось уговорить на хиротонію Новаціана. Наименьшую продолжительность даннаго промежутка опредѣляетъ *Fechtrup* „etwa vierzen Tage später“ (Op. cit.—107 s. n. 1). Мы-же, по соображенію съ указанными

нашъ взглядъ, о томъ, что партія римскихъ „новатистовъ“ первоначально не имѣла въ виду непремѣнно добиваться избранія во епископы Новаціана; ей только несимпатиченъ былъ Корнелій (за его мягкость и дружбу съ Кипріаномъ), и потому, на первыхъ порахъ, она ограничивается лишь тѣмъ, что опорачиваетъ его выборы и самую его личность; и уже только потомъ, когда такой пріемъ оказался безрезультатнымъ, она переходитъ къ противопоставленію „либеллятику“ Корнелію своего строгаго кандидата—Новаціана.

А что періодъ этой, такъ сказать, двойственной тактики римскихъ „новатистовъ-новаціанъ“, дѣйствительно, существовалъ, объ этомъ говоритъ рядъ косвенныхъ показаній, вытекающихъ изъ наиболѣе авторитетныхъ источниковъ — писемъ Корнелія и Кипріана. О свидѣтельствѣ перваго—лица, преимущественно, заинтересованнаго въ исторіи новаціанской схизмы — мы уже упоминали выше [1]), когда комментировали выдержку изъ письма Корнилія къ Фабію антіохійскому, гдѣ говорилось, что Новаціанъ, первоначально, нетолько не добивался епископства, но и „увѣрялъ страшными клятвами, что онъ его не желаетъ“, въ виду чего его послѣдующее притязаніе на римскую каѳедру явилось чѣмъ-то совершенно неожиданнымъ и противорѣчивымъ съ его стороны. Но если даже заподозрѣть здѣсь безпристрастіе Корнелія, въ силу, именно, его бо́льшей личной заинтересованности, (какъ это, напр., и дѣлаетъ Harnack), то остаются еще два свидѣтельства еп. Кипріана, правда, менѣе, быть можетъ, ясныхъ, зато уже вполнѣ объективныхъ. Это, во-первыхъ, слѣдующая цитата изъ письма Кипріана къ Корнелію о признаніи его епископомъ: „во вниманіе къ тому, что противная сторона (diversae partis), по упорному и непреклонному упрямству, нетолько отторглась отъ корня и уклонилась отъ нѣдръ и объятій матери, но еще, *усиливая и возобновляя* (к. н.) раздоръ на худшее, избрала себѣ епископа (episcopum sibi constituit)“ [2]). Здѣсь, какъ мы видимъ, фактъ отдѣленія отъ церкви изъ-за несогласія признать правильность выборовъ Корнелія и фактъ новыхъ выборовъ раскольниками во епископы себѣ Новаціана, разсматриваются, какъ два отдѣльныхъ церковныхъ преступленія и, слѣдовательно, какъ *два различныхъ факта:* сначала только раскольническое отдѣленіе, а затѣмъ уже и чисто мятежническое про-

обстоятельствами, склонны ее нетолько удвоить, но и утроить, отнеся хиротонію Новаціана на самый конецъ апрѣля, или даже на первыя числа мая.

[1]) *См. стр.* 398-ую.

[2]) *Ep.* XLV, 1, 600. *P. n.* 36-ое, 197.

тивопоставленіе [1]). Другимъ, еще, пожалуй, болѣе яснымъ свидѣтельствомъ Кипріана относительно того, что выборы Корнелія и Новаціана происходили въ разное время и что Корнелій въ этомъ отношеніи предварилъ Новаціана, служитъ слѣдующее мѣсто изъ письма Кипріана къ еп. Антоніану: „Корнелій сдѣланъ епископомъ по опредѣленію Бога и Христа, по свидѣтельству всего почти клира, по избранію бывшаго при этомъ народа, по согласію маститыхъ священниковъ и добрыхъ мужей,—сдѣланъ тогда, *когда передъ ними не былъ сдѣланъ* никто другой, когда мѣсто Фабіана, т. е. мѣсто Петра и степень святительской каѳедры оставались праздны“ [2]). Какъ изъ приведенныхъ словъ, такъ и изъ всего дальнѣйшаго контекста несомнѣнно, что Кипріанъ развиваетъ здѣсь, такъ сказать, догматико-хронологическій аргументъ: въ церкви можетъ быть только одинъ истинный епископъ, и тотъ, кто, при соблюденіи извѣстныхъ условій, *первымъ* избирается во епископы и есть единственно законный епископъ, такъ что всякіе послѣдующіе выборы, даже независимо отъ личныхъ качествъ новаго кандидата, не могутъ быть пріемлемы, въ силу одного того, что они уже не первые и единственные [3]). Такимъ образомъ, хронологическій пріоритетъ выборовъ еп. Корнелія здѣсь утверждается совершенно безспорно, не оставляя мѣста никакимъ сомнѣніямъ и колебаніямъ.

Но если избраніе и посвященіе римскими раскольниками Новаціана себѣ во епископы послѣдовало мѣсяцемъ или даже полутора позднѣе выборовъ еп. Корнелія, то ихъ протестъ относительно желательности и законности избранія послѣдняго былъ заявленъ ими гораздо раньше, возможно, что даже еще на самомъ избирательномъ соборѣ. По крайней мѣрѣ, онъ вскорѣ-же сталъ извѣстенъ и многимъ другимъ церквамъ. Въ частности, метрополя сосѣдней карѳагенской или сѣверо-африканской церкви этотъ раскольническій протестъ достигъ, повидимому, раньше,

[1]) Въ этомъ смыслѣ особенно показательны тѣ слова текста, въ которыхъ говорится о новой фазѣ раскола: sed etiam gliscente et in peius recrudescente. Отсюда ясно, что избраніе и поставленіе Новаціана было крупнымъ *новымъ* фактомъ, свидѣтельствовавшимъ объ окончательномъ сформированіи новаціанскаго раскола.

[2]) *Ep.* LV, 8, 629: „factus est autem Cornelius episcopus de Dei et Christi eius iudicio, de clericorum paene omnium testimonio, de plebis quae tunc adfuit suffragio, de sacerdotum antiquorum et bonorum uirorum collegio, cum nemo ante se factus esset, cum Fabiani locus id est cum locus Petri et gradus cathedrae sacerdotalis uacaret“. *P. n.* 43, 222—223.

[3]) Еще, пожалуй, рѣшительнѣе и яснѣе тотъ-же самый „хронологическій“ аргументъ развивается Кипріаномъ въ заключительныхъ строкахъ предыдущаго XLIII-го письма, 599. *P. n.* 35-ое, 196.

чѣмъ даже извѣстительная граммата самого еп. Корнелія о своемъ избраніи. Опору для такого предположенія можно находить въ одномъ изъ отвѣтныхъ писемъ Кипріана къ Корнелію, гдѣ первый говоритъ, что, памятуя древній обычай, онъ могъ-бы удовлетвориться одной извѣстительной граматой самого еп. Корнелія, „если-бы не было противъ него заговора, возмутившаго умы и разстроившаго сердца какъ сослужителей, такъ и весьма многихъ братьевъ“, [3]) для парализованія чего понадобились новыя и болѣе крѣпкія удостовѣренія. Отсюда, косвенно, вытекаетъ, что протестъ противъ личности Корнелія пришелъ въ Карѳагенъ или одновременно съ извѣстительной грамматой самого новоизбраннаго римскаго епископа, или вѣроятнѣе, даже нѣсколько раньше нея, такъ какъ онъ успѣлъ серьезно смутить многихъ и создать атмосферу нѣкотораго предварительнаго недовѣрія и несочувствія относительно личности еп. Корнелія.

Сопоставляя и объединяя отдѣльные разрозненные намеки и выдержки изъ корреспонденціи еп. Кипріана, мы хронологическую послѣдовательность всѣхъ этихъ римскихъ фактовъ и ихъ логическую связь съ изслѣдуемымъ карѳагенскимъ соборомъ рисуемъ себѣ въ слѣдующемъ видѣ. Въ началѣ марта мѣсяца 251 г. (не позже двухъ недѣль до пасхи, т. е. до 23 марта) состоялись въ Римѣ торжественные выборы еп. Корнелія, которые прошли, по крайней мѣрѣ, по внѣшности, довольно единодушно и не внушали особенной тревоги за ихъ послѣдствія никому, не исключая и самого Корнелія. Поэтому, еп. Корнелій особенно и не торопился съ разсылкой извѣстительныхъ граммать, тѣмъ болѣе, что вскорѣ наступили дни страстной и пасхальной седьмицъ, которые, естественно, отвлекли его мысли въ другую сторону. Но оппозиціонная группа „новатистовъ-новаціанъ“, которая на избирательномъ соборѣ или вовсе не выступала, или заявила о своемъ протестѣ сравнительно слабо, такъ что на это не обратили серьезнаго вниманія, теперь, послѣ собора повела энергичную аттаку и захотѣла использовать обстоятельства. Такъ, быть можетъ, еще до пасхи-же, или непосредственно послѣ нея (т. е. въ концѣ марта или въ самомъ началѣ апрѣля) она поспѣшила отослать свой протестъ противъ личности еп. Корнелія въ Карѳагенъ, для освѣдомленія стекавшихся туда сѣверо-африканскихъ епископовъ. Протестъ этотъ къ половинѣ апрѣля могъ уже дойти до Карѳагена и такъ какъ онъ былъ *первымъ* формальнымъ

[1]) *Ep.* XLV, 3, 602: „nisi esset ex diuerso discrepans factio quae criminosis et calumniosis commentis suis collegarum pariter ac fratrum plurimorum turbaret mentes et corda confunderet“. *P. n.* 36-oe, 199.

извѣстіемъ о фактѣ римскихъ выборовъ и заключалъ въ себѣ цѣлый рядъ полемическихъ выпадовъ противъ личности новаго епископа и законности его избранія, то естественно, что онъ долженъ былъ создать неблагопріятную для признанія этихъ выборовъ обстановку. Нѣсколько попозже, вѣроятно, въ концѣ апрѣля или даже въ самомъ началѣ мая пришла, наконецъ въ Карѳагенъ и извѣстительная грамата еп. Корнелія, наряду съ нѣсколькими аналогичными ей грамматами другихъ епископовъ, участвовавшихъ въ римскомъ избирательномъ соборѣ. Авторы всѣхъ этихъ извѣстительныхъ грамматъ, не будучи освѣдомлены о протестѣ оппозиціонной партіи „новатистовъ-новаціанъ", писали дѣловымъ, объективнымъ языкомъ, кратко излагая лишь одну фактическую суть дѣла, безъ всякой критики противоположныхъ мнѣній и безъ соотвѣтствующей апологіи своихъ собственныхъ взглядовъ. Естественно, что такая чисто-фактическая, сухо-формальная корреспонденція проигрывала въ сравненіи съ яркой и страстной полемикой противной партіи и мало могла содѣйствовать успѣху Корнелія.

Однако еп. Кипріанъ, лучше и глубже другихъ понимавшій и чувствовавшій всю закулисную сторону дѣла, не дался въ обманъ и сразу-же взялъ вѣрный тонъ. „Наша мысль и наше рѣшеніе — пишетъ, напримѣръ Кипріанъ къ Корнелію, были уже явны тамъ (т. е. на соборѣ) братьямъ и всему народу; потомучто изъ писемъ, полученныхъ недавно отъ той и отъ другой стороны, (quando litteris nuper ab utraque parte suspectis) мы прочли только твое письмо, объявивъ во всеуслышаніе о поставленіи тебя въ епископы; а то, что съ оскорбительными грубостями изложено было противною стороною въ присланномъ къ намъ свиткѣ (quae ex diverso in librum missum), съ пренебреженіемъ отвергли ради общей чести и изъ почтенія къ важности и святости священства, разсуждая и соображая, что при столь многочисленномъ и благочестивомъ собраніи братьевъ (quod in tanto fratrum religiosoque conuentu), гдѣ совозсѣдаютъ священники Божіи и *гдѣ поставленъ алтарь* (considentibus Dei sacerdotibus et *altari posito*—подчеркнутыя слова вовсе отсутствуютъ въ русскомъ кіевскомъ переводѣ), не должно этого ни читать ни слушать" [1]). Изъ этихъ, достаточно ясныхъ и опредѣленныхъ строкъ Кипріана несомнѣнно, во-первыхъ то, что незадолго до открытія карѳагенскаго собора къ предсѣдателю его—еп. Кипріану пришли письма какъ Корнелія, такъ и его противниковъ, и что во-вторыхъ, предсѣдатель огласилъ на соборѣ только одно письмо Корнелія, или точнѣе, его извѣстительную граммату, отказавъ въ этомъ оглашеніи посланію „новатистовъ-новаціанъ" за его оскорбительную грубость, общій враждебный тонъ и смущающе-соблазнительный характеръ.

[1]) *Ep.* XLV, 2, 600. *P. n.* 36-oe, 198.

Но отказъ Кипріана въ оглашеніи оппозиціоннаго письма, какъ нѣкоторый видъ зажиманія рта противникамъ, нетолько не помогъ Корнелію, а скорѣе даже наоборотъ—увеличилъ шансы оппозиціи. Дѣло приняло такой оборотъ, что Карѳагенскій соборъ не счелъ себя вправѣ опредѣленно стать на ту или на другую сторону и рѣшилъ самостоятельно разслѣдовать все это спорное дѣло на мѣстѣ, выдѣливъ для этого изъ своего состава особую коммиссію изъ двухъ епископовъ—Калдонія и Фортуната. Названныхъ епископовъ соборъ отправилъ въ Римъ и поручилъ имъ тамъ, на самомъ мѣстѣ выборовъ, подробно ознакомиться съ обстоятельствами дѣла и съ точностью донести о нихъ; а также путемъ личныхъ убѣжденій, по возможности, устранить всѣ взаимныя тренія двухъ лагерей и такимъ путемъ „совокупить члены раздѣленнаго тѣла въ единствѣ вселенской церкви и связать ихъ узами христіанской любви" [1]). Въ этомъ порученіи все время идетъ рѣчь о правильности и законности выборовъ еп. Корнелія и о попыткѣ примирить съ нимъ оппозицію. О законности-же или незаконности выборовъ Новаціана здѣсь нѣтъ ни одного намека, откуда мы вправѣ выводить, что ко времени отправки этой депутаціи, собору еще ничего не было извѣстно о фактѣ новыхъ римскихъ выборовъ—анти-папы Новаціана, при которыхъ задача соборной депутаціи становилась значительно шире и сложнѣе, а надежда на примиреніе двухъ партій сильно сокращалась, или, вѣрнѣе, почти вовсе утрачивала для себя почву.

Калдоній и Фортунатъ, во исполненіе соборной воли, поспѣшали отплыть въ Римъ. Между прочимъ, Кипріанъ, повидимому, по своему личному почину, воспользовался случаемъ, чтобы переслать черезъ нихъ новому папѣ копіи съ тѣхъ писемъ объ аналогичныхъ обстоятельствахъ карѳагенскаго раскола, которыя онъ писалъ къ своему клиру и народу за послѣдній мѣсяцъ своего пребыванія въ убѣжищѣ [2]). Но едва только делегаты Карѳагенскаго собора успѣли покинуть предѣлы Карѳагена, какъ сюда прибыла цѣлая торжественная депутація изъ Рима, отъ сторонниковъ Новаціана, съ извѣщеніемъ о только что состоявшемся фактѣ его избранія во епископа Рима, вмѣсто непризнаваемаго расколь-

[1]) *Ep.* XLV, 1, 599: „ut ad catholicae ecclesiae unitatem scissi corporis membra conponerent et Christianae caritatis uinculum copularent". *P. n.* 36-oe, 197.

[2]) Прямое указаніе на это дано въ *Ep.* XLIII, 2, 598. *P. n.* 35-oe, 196.

никами еп. Корнелія. Посольство это состояло изъ видныхъ и уважаемыхъ членовъ римской церкви (пресвитера Максима, діакона Авгенда, исповѣдниковъ (?) Матѳея и Лонгина) и оно, видимо, импонировало многимъ членамъ Карѳагенскаго собора. Впрочемъ, самъ Кипріанъ, по прежнему, продолжалъ оказывать поддержку сторонникамъ еп. Корнелія и отнесся отрицательно къ новому посольству раскольниковъ, какъ онъ самъ изображаетъ это въ письмѣ къ Корнелію: „но мы, узнавъ изъ принесеннаго ими (членами новаціанскаго посольства) письма, изъ рѣчей и увѣреній, что Новаціанъ поставленъ епископомъ,—и будучи поражены неправотою незаконнаго и противнаго каѳолической церкви посвященія (ясно, что только въ это время Кипріанъ впервые узналъ объ епископствѣ Новаціана), рѣшились тотъ-часъ-же прекратить съ ними общеніе, отринувши и отвергши на время упорныя и наглыя ихъ показанія“ [1]). Однако, послы Новаціана неособенно смутились отъ такого пріема ихъ Кипріаномъ и, въ очевидномъ разсчетѣ на сочувствіе какъ другихъ епископовъ, такъ и недовольныхъ Кипріаномъ членовъ мѣстной карѳагенской церкви, публично восхваляли своего ставленника и всячески чернили личность его противника—еп. Корнелія [2]). Ободренные нѣкоторымъ успѣхомъ своей пропаганды, римскіе раскольники требовали даже доступа на самый соборъ, гдѣ они хотѣли предъявить свои доказательства винъ Корнелія. Но „мы—пишетъ Кипріанъ—почли несовмѣстимымъ съ достоинствомъ нашимъ допускать, чтобы добрая слава товарища нашего, уже избраннаго, посвященнаго и заслужившаго отъ многихъ похвалу и одобреніе, была далѣе поносима злорѣчивыми устами завистниковъ“ [3]). Это все-же не помѣшало раскольникамъ упорно домогаться своей цѣли и вести усиленную пропаганду, „перебѣгая изъ дома въ домъ, а въ нѣкоторыхъ областяхъ изъ города въ городъ, чтобы найти соучастниковъ въ своемъ упорствѣ и заблужденіи“ [4]). Кипріанъ жалуется Корнелію, что было-бы слишкомъ утомительно и долго писать ему о всѣхъ происках и домогательствахъ раскольниковъ, почему онъ предлагаетъ своему римскому коллегѣ узнать

[1]) *Ep.* XLIII, 1, 597: „venerunt ad nos, frater carissime, missi a Novatiano Maximus presbyter et Augendus diaconus et *Macheus* quidam et Longinus“.... *P. n.* 35-ое, 195. Подчеркнутое нами имя—Macheus—имѣетъ какую-то странную и незнакомую форму.—По-русски оно переведено—„Матѳей“, что имѣетъ для себя оправданіе и въ одномъ изъ варіантовъ—Mattheus *LP.*

[2]) *Ibid.* 2. 398. *P. n. Тамъ-же,* 198.

[3]) *Ibidem. Тамъ-же.*

[4]) *Ep.* XLIII, 3, 598—599. *P. n.* 35-ое, 196.

обо всемъ этомъ изъ устной бесѣды съ пресвитеромъ Примитивомъ, котораго Кипріанъ недавно послалъ къ нему, вѣроятно, все за тѣмъ-же, чтобы держать своего товарища по несчастью въ курсѣ всѣхъ раскольническихъ интригъ [1]). Пропаганда видныхъ пословъ Новаціана не оставалась безъ успѣха и Кипріану приходилось немало тратить усилій, чтобы сохранять свой дружественный нейтралитетъ по отношенію къ Корнелію. Къ счастію, Кипріану и Корнелію значительно помогло одно благопріятное обстоятельство—пріѣздъ на соборъ двухъ запоздавшихъ епископовъ — Помпея и Стефана, изъ числа тѣхъ шестнадцати епископовъ, которые участвовали въ выборномъ соборѣ и въ хиротоніи еп. Корнелія [2]). Живое свидѣтельство двухъ непосредственныхъ очевидцевъ и участниковъ оспариваемой хиротоніи Корнелія, снова подняло его шансы и окончательно утвердило членовъ Карѳагенскаго собора въ ихъ первоначальномъ рѣшеніи—дождаться возврата своей коммиссіи (Калдонія и Геркулана), чтобы только по выслушаніи всего собраннаго ею матеріала, составить окончательный приговоръ по данному дѣлу. И это свое рѣшеніе соборъ проводилъ послѣдовательно и твердо, подчинивъ ему и самого своего предсѣдателя—Кипріана, лично давно уже признавшаго Корнелія и состоявшаго даже въ дружеской перепискѣ съ нимъ, но теперь временно согласившагося воздерживаться отъ непосредственныхъ сношеній съ Корнеліемъ, какъ это видно, напримѣръ, изъ его спеціальнаго письма по дѣлу Адруметской церкви [3]).

Такимъ образомъ, римская схизма, начавшаяся передъ самымъ открытіемъ весенняго Карѳагенскаго собора, волей неволей втянула этотъ соборъ въ свои интересы и заставила отцовъ собора, прежде всего, заняться, именно ею. И мы не должны особенно удивляться тому, что сѣверо-африканская церковь, имѣвшая цѣлый рядъ своихъ неотложныхъ нуждъ, въ первую голову занялась на своемъ соборѣ какъ будто-бы постороннимъ и чужимъ для нея дѣломъ. Во-первыхъ, дѣло римской церкви не было для карѳагенскаго собора далекимъ и чужимъ; наоборотъ, оно было близкимъ и родственнымъ ему дѣломъ: касалось оно ближайшей сосѣдней церкви, съ которой у карѳагенской общины

[1]) *Ibidem,* 2, 598. *Тамъ-жс.*

[2]) *Ep.* XLV, 1, 600. *P. n.* 36-ое, 197.

[3]) *Ep.* XLVIII, 606—608. *P. n.* 39-ое, 202—204. Нѣсколькими страницами ниже мы еще вернемся къ этому важному письму и будемъ говорить о немъ болѣе подробно.

существовали въ то время самыя тѣсныя и сердечныя связи. Во-вторыхъ, сама по себѣ римская церковь, какъ важнѣйшая и древнѣйшая на всемъ христіанскомъ западѣ, была уже въ силу одного этого, близка и дорога тамъ всѣмъ — какъ церковь мать и столичная каѳедра всего древне-христіанскаго міра. Въ третьихъ, римская схизма имѣла внѣшнія аналогіи и даже внутреннее сродство съ карѳагенской схизмой: въ обѣихъ, приблизительно, одинаковая группировка партій (съ одной стороны, епископъ, съ другой—нѣкоторые клирики и исповѣдники), одинъ и тотъ-же главный инспираторъ (карѳагенскій пресвитеръ Новатъ) и тотъ-же самый первичный мотивъ оппозиціи (интрига противъ Кипріана). Да, наконецъ, нельзя не учесть и того, рѣшающаго въ данномъ случаѣ обстоятельства, что, вѣдь римская схизма, такъ сказать, сама пришла на соборъ, въ видѣ различныхъ посланій и даже депутацій отъ обѣихъ спорящихъ сторонъ, и настойчиво требовала у собора того, или иного, но непремѣнно яснаго и опредѣленнаго къ себѣ отношенія.

Въ карѳагенской церкви и на происходившемъ въ ней соборѣ римская схизма встрѣтила двоякій пріемъ: значительная, быть можетъ даже бо́льшая часть членовъ собора, во главѣ съ его предсѣдателемъ—еп. Кипріаномъ („я и очень многіе прибывшіе ко мнѣ сослужители...) [1]), довольно открыто выражали свое сочувствіе Корнелію и его партіи. Но были, несомнѣнно, на соборѣ и лица симпатизировавшіе болѣе Новаціану съ его строгими взглядами и охотно внимавшіе рѣчамъ его авторитетныхъ пословъ. Естественно, что при такомъ соотношеніи мнѣній и силъ, необходимъ былъ мудрый компромиссъ, который и былъ удачно найденъ въ принятомъ на соборѣ рѣшеніи—отложить окончательный приговоръ по этому дѣлу до возврата спеціальной слѣдственной коммиссіи, которой поручено было подробно разъузнать все это дѣло, а если удастся, то и покончить его миромъ. Состоявшійся затѣмъ, вѣроятно, уже въ серединѣ соборной сессіи, пріѣздъ епископовъ Помпея и Стефана, давшихъ самые лучшіе отзывы о Корнеліи, наклонилъ, повидимому, вѣсы соборнаго приговора, именно въ его сторону. Такъ что, вѣроятно, тогда-же соборъ сдѣлалъ и дополнительную оговорку въ томъ смыслѣ, что если результаты разслѣдованія епископовъ Помпея и Стефана, также будутъ всецѣло благопріятны еп. Корнелію, то еп. Кипріану давалось порученіе извѣстить объ этомъ всѣхъ сѣверо-африканскихъ епископовъ и тѣмъ самымъ фактически признать законность выборовъ еп. Корнелія. И Кипріанъ, какъ извѣстно, въ свое время охотно и выполнилъ это, симпатичное ему, порученіе собора [1]).

[1]) *Ep.* XLIII, 1, 597: „ego et collegae plurimi.... *P. n.* 35-oe, 195.

Предварительный откликъ на римскую схизму и осторожно-критическое отношеніе къ ней было первымъ дѣломъ весенняго Карѳагенскаго собора 251 г., которому онъ отдалъ свои, такъ сказать, вступительныя засѣданія. Затѣмъ, соборъ перешелъ къ главному своему предмету, ради котораго онъ, собственно говоря, и былъ созванъ—къ „дѣлу падшихъ“ (lapsi). Здѣсь логика вещей требуетъ признать такую послѣдовательность фактовъ, что, сначала, былъ заслушанъ на соборѣ трактатъ Кипріана „о падшихъ“, носившій характеръ какъ-бы докладной записки, подробно освѣщавшей какъ всю исторію вопроса, такъ и догматико-каноническія основанія для его рѣшенія. Общій выводъ самого Кипріана былъ довольно строгъ и суровъ, проникнутъ ригористически-тертулліановымъ духомъ и скорѣй, неблагопріятенъ для „падшихъ“: паденіе—это „высшая вина (summum crimen), которая не имѣетъ оправданія“ (excusari nequit), разрѣшать или прощать которую можетъ только одинъ Богъ [2]). Затѣмъ, соборъ приступилъ къ живому обмѣну мнѣній по самому существу дѣла. И здѣсь вскорѣ-же выяснилось, что соборъ, въ общемъ не одобряетъ прямолинейно-ригористической точки зрѣнія Кипріана, и переноситъ рѣшеніе вопроса съ отвлеченно-теоретической на жизненно-практическую почву, которую правильнѣе всего можно охарактеризовать, какъ *морально-психологическую*. Именно, соборъ хочетъ индивидуализировать падшихъ, т. е. разсмотрѣть и оцѣнить моральную степень ихъ предшествующаго паденія и психологическую глубину ихъ послѣдующаго раскаянія, въ зависимости отъ чего онъ разбиваетъ „падшихъ“ на классы и къ каждому изъ нихъ примѣняетъ соотвѣтствующія дисциплинарныя мѣры. Къ чести еп. Кипріана должно отнести, что онъ нисколько не упорствовалъ въ отстаиваніи своихъ, болѣе строгихъ взглядовъ и подчинился рѣшенію большинства. Тогда въ этомъ, именно, духѣ и было редактировано постановленіе собора по дѣлу падшихъ.

Редакція этого важнѣйшаго соборнаго постановленія имѣла, какъ мы уже знаемъ [3]), письменную форму и въ качествѣ собор-

[1]) О томъ, какъ Кипріанъ использовалъ это право, говоритъ онъ самъ, см. *Ep.* XLV, 1, 600. *P. n.* 36-oe, 197.

[2]) *Cyprian.* „De lapsis“, ed. *Harteli*, pp. 243, 19; 249, 17 etc. *P. n.* 2 ч. 152 стр. и сл.

[3]) *См. выше,* стр. 412-ую. На указанной страницѣ говорится о цѣлой соборной „книжицѣ“ (libellum), разсылаемой по церквамъ. Такой сравнительно вну-

наго „свитка“ разсылалась по церквамъ, прежде всего и главнымъ образомъ, конечно, по церквамъ самой сѣверо-африканской церкви, въ особенности, по тѣмъ, епископы которыхъ лично не присутствовали на соборѣ и потому не были освѣдомлены о состоявшемся на немъ рѣшеніи важнаго и для нихъ вопроса. Съ искреннимъ сожалѣніемъ отмѣчали мы также то, что скупая, на этотъ разъ, исторія не сохранила намъ ни одного подлиннаго экземпляра сего драгоцѣннаго „свитка“. Но тамъ-же съ живѣйшей радостью указывали мы и на то, что слѣдъ даннаго свитка для насъ не совсѣмъ потерянъ, такъ какъ мы имѣемъ довольно подробный комментарій къ нему въ одномъ изъ подлинныхъ писемъ Кипріана, именно, въ его письмѣ къ Антоніану, которое выше мы недаромъ назвали главнымъ источникомъ нашихъ свѣдѣній о внутренней работѣ карѳагенскихъ соборовъ 251 года [1]). Въ виду указаннаго значенія даннаго письма, дадимъ его анализъ и въ особенности выдѣлимъ то, что характеризуетъ собой дѣятельность собора ближайшимъ образомъ насъ интересующаго, (т. е. весенняго, Карѳагенскаго 251 г.).

Заголовокъ подлежащаго нашему разсмотрѣнію письма имѣетъ нѣкоторые варіанты. Такъ въ изданіи Hartel'я стоитъ лишь краткое обозначеніе: „Cyprianus Antoniano fratri S.“; въ кодексахъ-же BCLR, которымъ слѣдуетъ и нашъ русскій переводъ имѣется болѣе полный заголовокъ: „Incipit ad Antonianum de Cornelio et Nouatiano [2]). Интересно, конечно, прежде всего установить личность адресата и хронологію этого письма. Изъ текста письма слѣдуетъ, что Антоніанъ епископствовалъ гдѣ-то вдали отъ Карѳагена и Рима, такъ какъ довольно слабо былъ освѣдомленъ о томъ, что въ нихъ происходило, и потому склоненъ былъ вѣрить разнымъ злонамѣреннымъ слухамъ [3]). Съ другой стороны, какъ справедливо отмѣчаетъ Nelke, Антоніанъ и не особенно былъ

шительный объемъ акты Карѳагенскаго собора получили, надо думать, нетолько отъ того, что соборъ касался многихъ и важныхъ вопросовъ, но также и потому, что къ дѣяніямъ собора, вѣроятно прилагались и прочитанные на немъ трактаты Кипріана („о падшихъ“ и „объ единствѣ церкви“), такъ какъ они имѣли ближайшее отношеніе къ работѣ собора и на самомъ дѣлѣ входили въ кругъ его дѣятельности.

[1]) *Тамъ-же.*

[2]) *G. Hartelii* S. Thasci Caecilii Cypriani opera omnia“, Vol. III, p. II, 624, notae.

[3]) Напр. слуху о противорѣчивой тактикѣ Кипріана, или слуху о томъ, что Корнелій былъ „либеллятикомъ“, или-же искаженному извѣстію объ обратномъ пріемѣ въ церковь „падшаго“ пресвитера Трофима.

далекъ отъ Карѳагена, по крайней мѣрѣ не настолько, чтобы быть совсѣмъ ему постороннимъ и чужимъ; наоборотъ, Антоніанъ и Кипріанъ стоятъ въ ближайшемъ церковномъ общеніи, черезъ тѣ самыя „litterae communicatoriae“, одной изъ которыхъ является и настоящее письмо Кипріана, а равно и тѣ неоднократныя письма (primas litteras), которыя еще раньше писалъ ему самъ Антоніанъ [1]). Отсюда, большое вѣроятіе получаетъ та догадка, что еп. Антоніанъ 55-го письма—лицо совершенно тождественное съ Антоніаномъ 70-го письма,—однимъ изъ числа 18-ти епископовъ Нумидіи, съ которыми Кипріанъ велъ переписку относительно другаго спорнаго вопроса—крещенія еретиковъ [2]). Епископы Нумидіи, какъ провинціи до нѣкоторой степени удаленной отъ Карѳагена, чувствовали себя, вообще, независимѣе и представляли какъ-бы нѣкоторую оппозицію Кипріану; но оппозицію совершенно правомѣрную и лойяльную, которую и онъ стремится привлечь на свою сторону чисто нравственными мѣрами—разъясненія и убѣжденія, въ чемъ обычно, и достигаетъ успѣха.

Весьма возможно, что подобные-же оппозиціонные взгляды, идущіе въ разрѣзъ нетолько съ личной тактикой Кипріана, но и съ постановленіями соборовъ 251-го года, высказалъ въ своихъ письмахъ къ Кипріану и нумидійскій епископъ Антоніанъ. Поводомъ для такого письменнаго протеста еп. Антоніана послужило, съ одной стороны, полученіе „книжнаго свитка“ съ опредѣленіями Карѳагенскихъ соборовъ 251-го года; съ другой,—приходъ къ нему пословъ отъ Новаціана, съ его собственноручнымъ письмомъ, совершенно иначе освѣщающимъ всю фактическую сторону римской схизмы. Встревоженный письмомъ Новаціана, осторожный нумидійскій епископъ, очевидно, поколебался въ своемъ первоначальномъ, письменно выраженномъ согласіи, съ Кипріаномъ и съ карѳагенскими соборами, почему и пишетъ теперь новое письмо Кипріану, ища у него болѣе точныхъ и подробныхъ разъясненій по нѣкоторымъ, особенно смутившимъ его совѣсть, пунктамъ. Первый изъ этихъ пунктовъ—это извѣстная непослѣдовательность самого Кипріана. Раньше, въ письмахъ изъ своего убѣжища, а особенно въ книгѣ „о падшихъ“, Кипріанъ защищалъ „евангельскую строгость“ относительно падшихъ; теперь-же онъ „какъ будто отступилъ отъ прежняго образа дѣйствій и сужденій и счелъ нужнымъ оказать послабленіе въ дарованіи мира тѣмъ, которые запятнали свою совѣсть записями

[1]) *Nelke* Op. cit. 74 s. notae 1.

[2]) *Ep.* LXX,—766 p. *P. n.*—57-oe, стр. 321-ая.

(libellis), или принесли нечестивыя жертвы (nefanda sacrificia)“ [1]). Кипріанъ удачно парируетъ это возраженіе двумя главными доводами. Во-первыхъ, указаніемъ на время: строже относился онъ къ падшимъ въ періодъ самаго гоненія, потомучто тогда незачѣмъ было прибѣгать къ церковному снисхожденію, коль скоро была открыта всегдашняя возможность полнаго возстановленія своихъ правъ достойнымъ мученическимъ подвигомъ. А во-вторыхъ, ссылкой на то, что въ данномъ вопросѣ Кипріанъ свой личный взглядъ подчинилъ общему рѣшенію соборовъ африканской и римской церквей, которыя свое, достаточно все-же строгое, рѣшеніе растворили и спасительной снисходительностью. Да, наконецъ, неправильно и говорить о какой-то особой ранѣйшей строгости Кипріана къ падшимъ: онъ просто лишь временно воздерживался отъ всякаго общенія съ падшими, прося и ихъ подождать до ближайшаго очереднаго собора, на которомъ будетъ дано то или иное авторитетное опредѣленіе ихъ участи.

Реабилитировавши себя и свою тактику въ дѣлѣ „падшихъ“, Кипріанъ съ еще большимъ жаромъ вступается за честь своего „товарища“ (collegae nostrae) римскаго епископа Корнелія, очевидно, сильно задѣтую въ письмѣ его соперника—Новаціана. Кипріанъ искренно хочетъ, чтобы Антоніанъ узналъ Корнелія „не по лживымъ рѣчамъ людей злыхъ и злословящихъ (non de malingorum et detrahentium mendacio), но по суду Господа Бога, который сдѣлалъ его епископомъ (sed de Dei iudicio qui episcopum eum fecit), и по свидѣтельству соепископовъ... [2]). Въ особую заслугу и похвалу Корнелію Кипріанъ ставитъ, прежде всего, то, что онъ не вдругъ достигъ епископства, но „прошедши всѣ церковныя должности и много послуживши Господу въ дѣлахъ церковнаго правленія“ [3]). Затѣмъ, избранъ онъ былъ безъ всякаго искательства и насилія съ его стороны, скорѣе „самъ испытавъ насиліе, бывъ принужденъ принять епископство“. Избраніе и поставленіе Корнелія происходило торжественно и гласно, въ присутствіи многихъ другихъ епископовъ, бывшихъ тогда въ Римѣ и давшихъ о немъ самые лестные отзывы“ (litteras honorificas et laudabiles) [4]). Въ новую заслугу еп. Корнелію ставитъ Кипріанъ и его самоотверженную смѣлость—„что онъ безстрашно сѣлъ въ Римѣ на святительской каѳедрѣ въ ту пору“, когда римской имперіей правилъ „враждебный священникамъ Божіимъ тиранъ“, который, кажется, съ бо́льшимъ спокойствіемъ могъ принять слухъ о появленіи какого-либо новаго претендента на его престолъ, чѣмъ извѣстіе о замѣщеніи римской апостольской каѳедры[1]). Подчеркиваемъ это мѣсто еще и потому, что оно имѣетъ важное значеніе въ дѣлѣ установки точной хронологіи письма: императоромъ „тираномъ“ здѣсь названъ, безъ сомнѣнія, гонитель христіанъ—Декій Траянъ, такъ какъ другого гонителя на римскомъ престолѣ не было до 257 г.—времени изданія указа Валеріана. Письмо-же это, во всякомъ случаѣ, написано гораздо раньше 257-го года, на что имѣется рядъ безспорныхъ доказательствъ, съ которыми познакомимся ниже [2]). Слѣдовательно, оно написано еще при жизни Декія. А послѣдній померъ въ ноябрѣ 251-го года, на ѳракійской войнѣ съ Готами; поэтому и письмо Кипріана къ Антоніану могло быть написано не позже конца октября или начала ноября 251-го года. [3]).

Продолжая защиту еп. Корнелія, Кипріанъ разоблачаетъ и еще одну клевету, пущенную его врагами, относительно его принадлежности къ „падшимъ“: „знай, что наши товарищи развѣдали и достовѣрно убѣдились, что онъ не запятналъ себя никакой позорной записью (libellum), какъ разглашаютъ нѣкоторые, и что не имѣлъ святотатственнаго общенія съ епископами, приносившими жертвы (идоламъ)... [4]). Подъ „товарищами нашими“, основательно изслѣдовавшими это сильное обвиненіе противъ Корнелія и убѣдившимися въ полной его вздорности, должно разумѣть, прежде всего, ту спеціальную слѣдственную коммиссію, которая была отправлена съ этой цѣлью еще отъ лица весенняго собора 251 года; а также и весь составъ осенняго собора того-же года, выслушавшій результаты этого слѣдствія и вполнѣ одобрившій ихъ. Столь-же неосновательно, или, по крайней мѣрѣ, сильно искажено и извѣстіе объ обратномъ пріемѣ въ римскую церковь падшаго пресвитера Трофима. Послѣдній принятъ снова въ церковь послѣ глубокаго и искренняго раскаянія и по соображеніямъ церковнаго благоразумія и пользы, такъ какъ ту или иную судьбу бывшаго пресвитера Трофима захотѣла раздѣлить съ нимъ и значительная часть ни въ чемъ неповиннаго народа, горячую

[1]) *Ep.* LV, 3, 625 p. *P. n.*—43, 215 стр.
[2]) *Ep.* LV, 8, 629 p. *P. n.*—43, 221 стр.
[3]) *Ibidem.*—*Тамъ-же.*
[4]) *Ibidem. P. n.* 43—222 стр.

[1]) *Ep.* LV, 9, 630. *P. n.* 43, 422 стр. Обращаемъ вниманіе на терминъ sacerdotibus, который, вопреки буквальному своему смыслу („священникамъ“), служитъ здѣсь безспорнымъ обозначеніемъ „епископовъ“, такъ какъ говоритъ о замѣстителяхъ папской каѳедры.
[2]) Главное доказательство—это такое рѣшеніе относительно одной категоріи lapsi (thurificati), какое имѣло силу только лишь до майскаго собора 252 г.
[3]) *V. Schulz* „Decius, römischer Kaiser“ in RE³, 4, 526, 35-38.
[4]) *Ep.* LV, 10, 631. *P. n.* 43-ье, 225 стр.

любовь и уваженіе котораго, очевидно, снискалъ себѣ этотъ преткнувшійся пресвитеръ. За смиренное покаяніе Трофима и любовь къ нему паствы, церковь оказала ему снисхожденіе и приняла его обратно подъ свой апостольскій кровъ. Но, во всякомъ случаѣ, она не вернула ему навсегда имъ утраченнаго прежняго пресвитерскаго достоинства, (какъ лживо утверждали злостные клеветники), а приняла его въ общеніе, на положеніи простого мірянина [1]).

Вся вторая половина письма Кипріана къ еп. Антоніану, за исключеніемъ нѣсколькихъ прикровенныхъ, но потому еще болѣе сильныхъ, обличительныхъ упрековъ по адресу Новаціана и Новата [2]), посвящена принципіальному оправданію новаго церковнаго курса, т. е. тактики болѣе снисходительнаго отношенія къ падшимъ. Такъ какъ эта часть письма, повидимому, всего больше вводитъ насъ во внутренній характеръ бывшихъ на соборѣ преній и знакомитъ съ мотивами принятыхъ на немъ рѣшеній, то мы и остановимся на ней съ нѣсколько бо́льшей подробностью.

[1]) *Ep.* LV', 11, 632: Sic tamen admissus est Trofimus, ut laicus communicet. *P. n.*—43, 226.

[2]) По адресу Новаціана эти упреки ясны и опредѣленны: Новаціанъ не считается христіаниномъ, „какъ скоро онъ не въ церкви Христа“; онъ обвиняется въ горделивой надменности своей философіей и краснорѣчіемъ, не имѣющими ровно никакой цѣны у человѣка, не сохранившаго ни братской любви, ни церковнаго единенія; раскрывается фактъ недостойнаго искательства имъ епископскаго сана и полученія его изъ рукъ подобныхъ-же бѣглецовъ, вопреки торжественному и гласному возведенію Корнелія, поставленнаго *шестнадцатью епископами;* указываетъ на основаніе имъ самочинной раскольнической церкви и на разсылку по многимъ городамъ „новыхъ апостоловъ своихъ“, т. е. своихъ новаціанскихъ лжеепископовъ по тѣмъ областямъ и городамъ, гдѣ уже „прежде поставлены епископы зрѣлыхъ лѣтъ, непорочной вѣры, испытанные бѣдствіями, изгнанные преслѣдованіемъ“. Въ особенности Кипріанъ вмѣняетъ въ вину Новаціану его непозволительный „порывъ гордости“ и „угодливость своему высокомѣрію“, когда онъ хочетъ присвоить себѣ то, „чего Господь не далъ и апостоламъ, т. е. отдѣлять куколь отъ хлѣба, изметать мякину и очищать гумно“ здѣсь, на землѣ, до времени страшнаго суда и Господней жатвы. При чемъ попутно Новаціанъ уличается и въ страшной непослѣдовательности, когда онъ держитъ при себѣ завѣдомыхъ „обманщиковъ и прелюбодѣевъ“ (fraudatores et moechos), вина которыхъ гораздо отвѣтственнѣе и тяжелѣй вины „либеллятиковъ“. И далѣе, Кипріанъ въ безпощадно яркихъ краскахъ описываетъ преступленія одного изъ такихъ близкихъ Новаціану людей, очевидно—пресвитера Новата, котораго онъ изображаетъ здѣсь „похитителемъ чужаго супружескаго ложа, погрязшимъ въ прелюбодѣйной тинѣ и публичной омерзительной пропасти, растлившимъ гнуснымъ смѣшеніемъ освященное тѣло и храмъ Божій“, т. е. приблизительно въ тѣхъ же краскахъ, въ какихъ онъ рисовалъ Новата и въ спеціальномъ письмѣ къ Корнелію.— *Ep.* LII, 619. *P. n.* 42. 213 стр. *Ep.* LV', 24, 642—643. *P. n.* 43-ье, 235—236.

Здѣсь Кипріанъ, прежде всего, устраняетъ то ложное обвиненіе, которое извѣстные „злостные люди“, (т. е. сторонники и сообщники Новата и Новаціана) возводятъ на него и на Корнелія — именно, что будто-бы они слишкомъ злоупотребляютъ предоставленнымъ церкви правомъ давать миръ падшимъ только въ одномъ случаѣ—въ случаѣ смертной опасности. Такъ какъ бывали примѣры, что такіе безнадежно больные „падшіе“ поправлялись и какъ-бы не по заслугамъ продолжали пользоваться церковнымъ общеніемъ, то ригористы и ставили подобные случаи въ вину епископамъ, упрекая ихъ за это въ нарушеніи соборныхъ постановленій, опредѣляющихъ строгія градаціи покаянія. Противъ такого обвиненія Кипріанъ справедливо возражаетъ, говоря, что, вѣдь, епископы не обладаютъ даромъ пророческаго предвѣдѣнія и не могутъ напередъ угадать, кто изъ смертныхъ больныхъ, дѣйствительно, умретъ и кто, сверхъ всякаго ожиданія, поправится? Нельзя-же отъ епископовъ требовать, чтобы они, во имя торжества буквы закона, такихъ, неожиданно поправившихся грѣшниковъ, снова доводили до смерти, чтобы и на самомъ дѣлѣ умирали тѣ, кто получилъ миръ во имя смерти? Не благоразумнѣе-ли въ подобномъ неожиданномъ возвратѣ къ жизни видѣть чудо милости Божіей къ даннымъ людямъ, карать которыхъ, послѣ этого, не смѣетъ уже никакое человѣческое правосудіе?

Далѣе, Кипріанъ выясняетъ тѣ мотивы, по которымъ соборъ раздѣлилъ „падшихъ“ на нѣсколько классовъ, и назначилъ каждому изъ нихъ соотвѣтствующія ступени покаянія. Изъ этого перечня онъ, повидимому, исключаетъ т. н. „либеллятиковъ“, т. е. лицъ откупившихся, какъ отъ мученій, такъ и отъ жертвоприношеній особыми оффиціальными записками. „Немилосердно и жестоко (quae inclementia est et quam acerba duritia) присоединять къ приносившимъ жертвы откупившихся посредствомъ записокъ“ [1]), такъ какъ многіе покупали эти записки безъ яснаго разумѣнія своей вины и даже съ добрымъ намѣреніемъ, чтобы такимъ путемъ не запятнать себя идолослуженіемъ и сохранить, какъ они наивно думали, чистоту своего христіанскаго исповѣданія. Очевидно эти люди, по удачному выраженію Кипріана, „были увлечены нестолько преступленіемъ, сколько ошибкой“ [2]), почему и неправильно было-бы карать ихъ за это, какъ за сознательную и упорную вину. Они заслуживаютъ прощенія нетолько ради нихъ самихъ, но, быть можетъ, еще больше ради ихъ семей, которыя точно также, изъ-за одного нашего упорства, могли-бы отпасть въ рас-

[1]) *Ep.* LV', 14, 633. *P. n.* 43-ье, 227.

[2]) *Ibid.* 634: „et non tam crimine quam errore decepti“. *P. n.* 43-ье, 228.

колъ, если-бы главамъ этихъ семей было отказано въ обратномъ церковномъ пріемѣ: „и намъ вмѣнено будетъ въ день судный, что мы и не уврачевали уязвленной овцы, и ради одной уязвленной, погубили многихъ цѣлыхъ“, вопреки словамъ и примѣру самого Господа[1]). „Потому-то—говоритъ дальше Кипріанъ,—и постановлено было (очевидно, на весен. соборѣ 251 г.), по изслѣдованіи вины каждаго, допускать пока въ общеніе откупившихся посредствомъ записокъ (т. е. „либеллятиковъ“); а приносившимъ жертвы оказывать помощь при кончинѣ, такъ какъ во адѣ нѣтъ исповѣданія, и мы никого не можемъ побудить къ покаянію, если отнять плодъ покаянія“ [2]), т. е. если не будетъ надежды на прощеніе вины и обратное воцерковленіе. Наряду съ морально-догматическими мотивами такой мѣры—желаніемъ спасти грѣшника, при невозможности посмертнаго его покаянія—здѣсь указывается и важный психологическій мотивъ—призывъ къ глубокому покаянію, въ надеждѣ хотя-бы только предсмертнаго возстановленія. Вѣдь и земледѣлецъ только потому такъ усердно трудится надъ своей нивой, что разсчитываетъ собрать съ нея хорошій урожай: отнимите у него эту надежду, скажите заранѣе, что онъ ни въ какомъ случаѣ не получитъ плодовъ своего труда, и онъ, навѣрное, броситъ свой тяжелый и неблагодарный трудъ. Такъ и мы не должны грозить вѣчной карою „кающимся, стенающимъ и плачущимъ“, чтобы не отнять у нихъ самой охоты къ этому тяжелому подвигу покаянія. А что церковь, принципіально разсуждая, имѣетъ право измѣнять и, въ частности, ослаблять свою покаянную дисциплину, за это говорятъ историческіе прецеденты: „между предшественниками нашими—пишетъ Кипріанъ—нѣкоторые епископы здѣшней области не считали позволительнымъ давать миръ прелюбодѣямъ и вовсе не допускали покаянія за прелюбодѣяніе“ [3]). И хотя подобная мѣра никогда не находила общаго признанія, однако это нисколько не мѣшало ни такимъ, строгимъ епископамъ, ни другимъ, болѣе снисходительнымъ, пребывать въ дружескомъ межъ собой общеніи и полномъ мирѣ. Кипріанъ проводитъ даже и такую мысль, что каждый епископъ воленъ дѣйствовать въ своей области независимо и свободно, такъ какъ онъ обязанъ отчетомъ въ своемъ поведеніи только одному Богу. Безусловно важно и необходимо лишь то, чтобы и при разности во мнѣніяхъ, всѣ епископы блюли-бы единство духа, въ союзѣ мира. Отсюда, слѣдовательно, вполнѣ законна и новая церковная тактика относительно „падшихъ“, коль скоро она продиктована интересами церковнаго единенія и мира. Но эта сравнительная снисходительность не имѣетъ ничего общаго съ преступнымъ попустительствомъ: изъ болѣе тяжкихъ ренегатовъ христіанства миръ, и то лишь при условіи смертельной опасности, дается только тѣмъ, кто заслужилъ его сильнымъ и горячимъ покаяніемъ въ теченіе всей остальной жизни; а тотъ, кто побуждается къ этой просьбѣ не раскаяніемъ въ преступленіи, а лишь страхомъ смерти, не долженъ получать разрѣшенія и передъ смертью [1]).

[1]) *Ep.* LV, 15, 633—634, *P. n.* 43-ье, 228 стр.

[2]) *Ibidem* 17, 636: „et ideo placuit (техническій терминъ, особенно характерный для соборныхъ постановленій), frater carissime, examinatis causis singulorum libellaticos interim admitti, sacrificatis in exitu subueniri, quia exomologesis (технич. терминъ для церк. покаянія) apud inferos non est nec ad paenitentiam quis a nobis conpelli potest, si fructus paenitentiae substrahatur“. Эту выдержку мы считаемъ самымъ важнымъ мѣстомъ изъ всего разсматриваемаго письма, такъ какъ полагаемъ, что она представляетъ собой буквальное извлеченіе изъ канона о падшихъ, составленнаго на весеннемъ Карѳагенскомъ соборѣ 251 г.

[3]) *Ep.* LV, 21, 638 р. *P. n.*—43-ье 232 стр.

Такимъ образомъ, изъ анализа письма Кипріана карѳагенскаго къ еп. Антоніану нумидійскому, мы получаемъ совершенно опредѣленное представленіе о главной работѣ весенняго Карѳагенскаго собора 251-го года, т. е. о разрѣшеніи имъ долго волновавшаго церковь дѣла „падшихъ“. Это соборное рѣшеніе Benson [2]), напримѣръ, совершенно правильно, на нашъ взглядъ, резюмируетъ въ слѣдующихъ четырехъ пунктахъ:

I. Индивидуальному изслѣдованію должны подлежать не одни лишь факты, но главнымъ образомъ, тѣ мотивы, или побужденія, которыя доказывали-бы наличность только слабости у либеллятиковъ.

II. Падшіе, которые не приносили жертвы, должны быть возстановлены, послѣ значительнаго покаяннаго срока и послѣ публичнаго, съ ихъ стороны ходатайства, предъ епископомъ о своемъ возстановленіи.

III. Тѣ-же, кто жертвоприносилъ, должны быть возстанавливаемы лишь въ смертный часъ, и то при условіи долгаго предварительнаго покаянія.

IV. А тѣхъ, кто отказывается отъ раскаянія и публичнаго исповѣданія своей вины, не слѣдуетъ возстанавливать, даже и въ случаѣ смертной ихъ опасности.

Оцѣнивая только что приведенные каноны Карѳагенскаго собора по существу дѣла, мы не можемъ не признать ихъ весьма мудрыми и въ высокой степени цѣлесообразными, удачно сочe-

[1]) *Ibidem,* 23, 641—642 р. *P. n.* 234 стр.

[2]) *Benson,* Op. cit. 158 p.

тавшими интересы правосудія и милосердія. Поэтому мы особенно охотно соглашаемся съ той характеристикой этихъ каноновъ, которую даетъ имъ ихъ главный авторъ и редакторъ—самъ еп. Кипріанъ, развѣ только находя такую характеристику еще черезъ-чуръ скромной: „мы (епископы, собравшіеся въ большомъ числѣ copiosus episcoporum numerus), сошедшись во едино (in unum conuenimus) и обоесторонне разсудивъ по священнымъ писаніямъ (et scripturis ex utraque parte prolatis), согласили свое рѣшеніе съ здравой умѣренностью (salubri moderatione), постановивши, съ одной стороны, что не надо совершенно отнимать у падшихъ надежды общенія и мира, дабы они не впали въ отчаяніе и, не бывъ допущены въ церковь, не стали-бы жить, сообразуясь вѣку сему, по язычески (gentiliter uiuerent); съ другой стороны, не ослаблять въ нихъ суда церковнаго до того, чтобы они безразсудно приступали къ общенію, напротивъ, внушить имъ, что они должны проходить долгое покаяніе (diu paenitentia) и сокрушенно просить отеческой милости (dolenter paterna clementia) и что надобно изслѣдовать вины, побужденія и обстоятельства каждаго изъ нихъ (et examinaretur causae et uoluntates et necessitates singulorum“ [1]). Вотъ, высокій образецъ истинно-канонической мудрости, которая, сохраняя основныя требованія божественнаго закона, чутко прислушивается и къ реальнымъ нуждамъ и интересамъ живыхъ людей!

Удачно справившись съ главной своей задачей—„дѣломъ падшихъ“—весенній Карѳагенскій соборъ 251 г. не могъ, конечно, пройдти и мимо его вреднаго отпрыска, какимъ являлась *схизма Фелициссима*. Выше мы уже достаточно говорили, какъ о внутреннемъ существѣ этой схизмы, такъ и о первоначальной внѣшней ея исторіи, доведя эту исторію до момента предварительнаго, условнаго (очевидно, *мѣстнаго*) суда и отлученія всѣхъ зачинщиковъ карѳагенской схизмы [2]). Теперь Кипріанъ предоставилъ все это дѣло на окончательный судъ собора. Причемъ здѣсь, такъ же какъ и раньше въ вопросѣ „о падшихъ“, онъ сначала предложилъ вниманію отцовъ собора свой трактатъ „объ единствѣ церкви“, гдѣ освѣщалась догматическо-каноническая сторона дѣла, т. е. принципіальная преступность всякой церковной схизмы. Соборъ, такимъ образомъ, получилъ въ свое распоряженіе вполнѣ достаточный матеріалъ, чтобы быстро и рѣшительно покончить съ расколомъ Фелициссима. Такимъ матеріаломъ являлось, прежде всего, предшествующее рѣшеніе основного спора о „падшихъ“. Такъ, какъ Фелициссимъ и его сторонники принимали самое дѣятельное участіе въ названномъ спорѣ, являясь представителями и защитниками партіи крайняго попустительства падшимъ, то справедливо-строгій приговоръ собора о падшихъ, тѣмъ самымъ уже осуждалъ и излишне-снисходительную тактику Фелициссима и его друзей. Это—по существу дѣла. Съ формальной-же стороны, обильный и вѣскій матеріалъ противъ раскольниковъ, нарушающихъ „единство братскаго союза“, возстающихъ противъ нераздѣльнаго епископата и выходящихъ изъ спасительной ограды церкви, предлагался въ заслушанномъ на соборѣ трактатѣ Кипріана „о единствѣ церкви“ [1]). Такъ что собору оставалось лишь сдѣлать соотвѣтствующій выводъ изъ имѣющихся налицо посылокъ, т. е. примѣнить свои общіе принципы къ данному частному случаю. И сдѣлать это было тѣмъ легче, что судъ и приговоръ надъ Фелициссимомъ уже состоялись раньше, еще въ послѣдній мѣсяцъ пребыванія Кипріана въ изгнаніи, когда онъ утвердилъ рѣшеніе коммиссіи о формальномъ отлученіи Фелициссима и его послѣдователей отъ церкви [2]). Соборъ теперь, очевидно, лишь санкціонировалъ ранѣе состоявшееся рѣшеніе и скрѣпилъ его своей авторитетной подписью. Но что во всякомъ случаѣ, соборъ 251 г. обсуждалъ этотъ вопросъ и окончательно вырѣшилъ его, это съ несомнѣнностью вытекаетъ изъ слѣдующихъ строкъ письма Кипріана къ Корнелію: „относительно-же того, что у насъ постановлено *по дѣлу нѣкоторыхъ пресвитеровъ и Фелициссима*, товарищи наши (collegae nostri разумѣются, епископы—члены собора 251 г.) для твоего свѣдѣнія послали къ тебѣ за собственноручной подписью (manu sua subscriptas) письмо (litteras), изъ котораго ты узнаешь ихъ мнѣніе и приговоръ (quid sensierint et quid pronuntiauerint)“ [3]). Попутно отмѣчаемъ здѣсь и новое доказательство того, что акты весенняго собора 251 г. дѣйствительно существовали, были изложены въ письменной формѣ (litterae) и даже скрѣплены собственноручной подписью всѣхъ участниковъ собора. Это постановленіе „по дѣлу нѣкоторыхъ пресвитеровъ и Фелициссима“ было, по всему надо полагать, послѣднимъ актомъ весенняго собора, послѣ чего и самый соборъ былъ распущенъ, что имѣло мѣсто, вѣроятно, въ послѣднихъ числахъ іюня мѣсяца [4]).

[1]) *Ep.* LV, 6, 627. *P. n.* 43-ье, 218. Повидимому и это—или выдержка изъ самаго „канона“ собора, или весьма близкій къ тексту его перифразъ.

[2]) *См. выше*, стр. 391—392 и 403—405.

[1]) *Cyprian.* ed. *Hartel* „De catholicae ecclesiae unitate“ I, 213, 2; 214, 17; 215, 7; 224. 8. etc. Рус. пер. „Книга о единствѣ церкви“, ч. 2, 176—200. Кіевъ 1891.

[2]) Вѣроятно, это было рѣшеніемъ не одной коммиссіи, а всей карѳагенской общины, т. е. ея мѣстнаго, малаго собора.

[3]) *Ep.* XLV, 4, 603 р. *P. n.* 36-ое п., 200 стр.

[4]) За этотъ, именно, срокъ окончанія, или перерыва (the Council then brok

IV.

Второй Карѳагенскій соборъ при еп. Кипріанѣ (осенью 251-го года).

Отъ весенняго собора переходимъ къ осеннему, происходившему въ томъ-же мѣстѣ и въ томъ-же году, всего черезъ какихъ-либо два съ небольшимъ мѣсяца послѣ перваго, т. е. въ самомъ началѣ осени, въ сентябрьскіе иды, если имѣть въ виду позднѣйшія аналогіи. Соборъ этотъ былъ продолженіемъ и завершеніемъ весенняго и связанъ съ нимъ настолько тѣсно, что провести точную разграничительную линію между ними довольно трудно. Подлинныхъ актовъ этого собора, такъ-же, какъ и предыдущаго, весенняго, не сохранилось. Но *Nelke*—лучшій хронологъ писемъ Кипріана—полагаетъ что съ ними хорошо знакомитъ насъ письмо LXIII, (46-е) написанное Кипріаномъ къ нѣкоему еп. Фиду, отъ лица какого-то собора 66 епископовъ [1]). Они-то, именно, и были членами сентябрьскаго Карѳагенскаго собора 251-го года, на которомъ, кромѣ главнаго дѣла—утвержденія выборовъ римскаго епископа Корнелія и осужденія раскола Новаціана—въ числѣ текущихъ дѣлъ мѣстной церкви было заслушано и обсуждено также и письмо еп. Фида, касавшееся двухъ недоумѣнныхъ вопросовъ времени (изъ области церковной практики). Проф. Ad. Harnack, оспаривая предположеніе Nelke, полагаетъ, что указанное письмо, скорѣе, относится къ майскому собору слѣдующаго, 252-го года [2]). Въ качествѣ главнаго довода противъ гипотезы Nelke, Harnack выдвигаетъ ссылку Кипріана, имѣющуюся въ данномъ письмѣ, на постановленіе какого-то собора, нарушенное здѣсь тѣмъ епископомъ, поступокъ котораго обсуждается въ письмѣ еп. Фида. Отсюда Harnack и выводитъ, что коль скоро въ соборномъ письмѣ Кипріана имѣется ссылка на вошедшее въ силу рѣшеніе предыдущаго собора, то ясно, что послѣдующій соборъ, отъ имени котораго пишетъ Фиду Кипріанъ, это — уже не первый карѳагенскій соборъ 251 г., а самое раннее второй, 252 г. Доводъ Harnack'а имѣлъ-бы всю силу убѣдительности, если-бы онъ предварительно доказалъ, что въ Карѳагенѣ былъ только *одинъ* соборъ въ 251-омъ году. Но онъ этого не сдѣлалъ, и тогда гипотеза Nelke о второмъ карѳагенскомъ соборѣ того-же года прекрасно устраняетъ выраженіе Harnack'а и даже обращаетъ его въ свою пользу [1]).

Въ защиту самостоятельнаго существованія осенняго Карѳагенскаго собора 251-го года, къ доводамъ приведеннымъ выше — крайней обширности программы майскаго собора 251 г. и необходимости опредѣлить свое отношеніе къ римской схизмѣ лишь *послѣ* возврата слѣдственной коммиссіи,—присоединимъ теперь и еще два новыхъ аргумента. Это, во-первыхъ, ссылку на подлинныя слова Кипріана, въ одномъ изъ его писемъ къ Корнелію: „*часто составляя соборы* (concilio frequenter acto), мы общимъ приговоромъ и даже съ угрозами опредѣлили, чтобы братья приносили покаяніе, чтобы не приносящимъ покаянія никто безразсудно не давалъ мира“ [2]). Письмо это, по согласному мнѣнію авторитетныхъ хронологовъ Кипріана (Nelke [3]), Harnack [4]), написано имъ въ серединѣ 252-го года, тогда, когда безспорно для всѣхъ, имѣли мѣсто только два майскихъ собора въ Карѳагенѣ — 251 г. и 252-го года, т. е. по одному собору въ каждомъ году. А такъ какъ регулярные ежегодные соборы вошли къ этому времени уже въ обычную практику сѣверо-африканской церкви, то едва-ли еп. Кипріанъ имѣлъ основаніе ссылаться на такой фактъ, какъ на какое-то особое доказательство: одинъ соборъ въ году—это былъ обычный minimum того, что практиковалось въ Карѳагенѣ; и если теперь Кипріанъ выразительно подчеркиваетъ фактъ усиленной

up) весенняго собора 251 г. опредѣленно высказывается и Benson: „it was the Iune of A. D. 251“—И хотя тутъ-же, въ примѣчаніи, онъ приводитъ и мнѣніе *Lipsius'a* объ Іюльской датѣ, но относится къ нему критически, въ виду непривычной продолжительности подобнаго собора и неудобства занятій въ жаркіе и нездоровые лѣтніе мѣсяцы (unhealty season)“. *Op. cit.* 159 p. and n. 3.

[1]) *Nelke:* „Auf diese Weise konnten die 66 Bischöfe des 64 Briefes, welche zu der geplanten Septembersynode im J. 251 zusammenkamen und hörten,... von der Verletzung eines vorhergehenden „Decrets“ in Sachen der Gefallenen sprechen... Auf jeden Fall halten wir daran fest, dass ep. 64 nicht erst im Jahre 252, sondern bereits im Jahre 251 enstanden ist.“ Die Chronol. der Correspondenz Cyprians, 67 s. n. 6.

[2]) *Ad. Harnack:* „Der Annahme Nelkes ist also nicht beizupflichten, dass die Synode der 66 Bischöfe, von der der 64 Brief stammt, im Herbst 251 gehalten sei, vielmehr ist er eben auf die Maisynode 252 zu verlegen“. ChAL, II, 353, Leip. 1904.

[1]) Правда, *Harnack* говоритъ, что „о какомъ-либо осеннемъ соборѣ (Herbstsynode), между майскимъ соборомъ 87-ми епископовъ 252 г. и между майскимъ-же 251 года, происходившемъ въ Карѳагенѣ, намъ ничего не извѣстно и что въ содержаніи письма имѣется упоминаніе только объ *одномъ* соборѣ, бывшемъ до его написанія. Но это нисколько не противорѣчитъ взгляду Nelke, который 64 п. считаетъ синхронистичнымъ осеннему собору, а потому и имѣвшимъ полное право говорить лишь объ одномъ, бывшемъ *до* него соборѣ. *Ibid.* 353 s. Впрочемъ, относительно самаго письма къ еп. Фиду (LXIII) и Harnack склоняется къ признанію того, что оно, какъ касающееся вопроса о падшихъ (Lapsi-Frage), относится или къ осени или, самое позднее, къ зимѣ 251 г. *Ibid.* 354 s.

[2]) *Ep.* LVIII, 13, 680 s. *P. n.* 47-ое, 262 стр.

[3]) *Nelke:* „Der Brief 59... ist gegen Ende Iuni 252 entstanden“ Op. cit. 79 s.

[4]) *Harnack:* „Da es endlich c. 59, 10 heisst: Idibus Mais quae proxime fuerunt, so ist der Brief warscheinlich noch im Sommer 252 geschrieben“ Op. cit. 354 s.

соборной работы, да еще съ такимъ краснорѣчивымъ добавленіемъ, какъ терминъ „часто“, то совершенно несомнѣнно, что онъ имѣлъ въ виду не обычную, такъ сказать, рядовую, но экстраординарную, нетолько качественно, но и количественно, соборную работу. Слѣдовательно, сославшись въ серединѣ 252 г. на „частые“ соборы, и все по одному и тому-же дѣлу (lapsi), Кипріанъ eo ipso почти безспорно установилъ и экстраординарный осенній Карѳагенскій соборъ 251-го года.

Во-вторыхъ, въ пользу названнаго собора сошлемся и на одно, чисто-практическое соображеніе. Карѳагенская церковь въ теченіе двухъ предыдущихъ лѣтъ, по причинѣ гоненія, не могла имѣть обычныхъ, періодическихъ соборовъ. А между тѣмъ, однихъ только внутреннихъ недоумѣнныхъ вопросовъ и дѣлъ, подлежащихъ разрѣшенію собора, накопилось въ ней больше, чѣмъ когда-либо: здѣсь и усилившееся внутреннее броженіе въ нѣдрахъ карѳагенскаго клира, тутъ и случайно отсроченный судъ надъ преступнымъ пресвитеромъ Новатомъ, здѣсь и новое опасное возмущеніе—расколъ Фелициссима, и наконецъ, въ довершеніе всего, огромный, сложный и тревожный вопросъ объ участи „падшихъ“[1]). По каждому изъ этихъ назрѣвшихъ и нетерпящихъ отлагательства вопросовъ майскій соборъ, какъ мы знаемъ, сказалъ свое авторитетное слово, и вынесъ опредѣленное рѣшеніе. Но, вѣдь, одного теоретическаго рѣшенія этихъ злободневныхъ вопросовъ еще было мало, нужно было и ихъ практическое проведеніе въ жизнь. А въ виду сложности и серьезности данныхъ вопросовъ—въ особенности вопроса о lapsi—и въ виду новизны самаго дѣла, вполнѣ возможно, даже почти неизбѣжно было, при первыхъ опытахъ практическаго примѣненія новыхъ соборныхъ постановленій, возникновеніе различныхъ житейскихъ треній, волненій, споровъ и недоумѣній. Правда, въ такихъ случаяхъ обычно обращались къ Кипріану и спрашивали совѣта у него. Но вѣдь нельзя не войдти здѣсь и въ положеніе еп. Кипріана, для котораго единоличное разрѣшеніе большинства возникавшихъ недоразумѣній было и слишкомъ отвѣтственнымъ, а главное, едва-ли даже и удобнымъ, по чисто субъективнымъ мотивамъ, такъ какъ личность епископа и безъ того стояла въ центрѣ враждебнаго вниманія и была чуть-ли не главнымъ объектомъ всѣхъ оппозиціонныхъ выступленій. Поэтому, вполнѣ правдоподобно, что осторожный епископъ Кипріанъ

[1]) Въ предупрежденіе возможнаго возраженія, что всѣ эти дѣла могъ рѣшать и малый соборъ одной мѣстной церкви, достаточно указать на дѣло падшихъ и, въ особенности, на римскую схизму, какъ на такія, которыя далеко выходили за предѣлы узкаго круга чисто мѣстныхъ интересовъ.

уклонялся отъ единоличныхъ распоряженій и рѣшилъ всѣ недоумѣнные случаи, возникшіе на почвѣ опредѣленій весенняго собора 251-го года, вынести на судъ новаго, осенняго собора того-же года. Время было тревожное и смутное: дисциплина была расшатана, церковныя отношенія и дѣла пришли въ сильное разстройство; нужна была сильная и авторитетная власть, которая-бы могла поднять церковь изъ руинъ предшествовавшаго гоненія и дать ей прочный внутренній миръ. А это и могъ сдѣлать только соборъ, или даже послѣдовательный рядъ соборовъ, на что, обычно, возлагалъ всѣ свои надежды и самъ Кипріанъ, какъ это съ полной опредѣленностью слѣдуетъ изъ всей его переписки за періодъ пребыванія въ убѣжищѣ [1]). Такъ что, если когда-либо еще, то, именно, теперь, въ 251 году (первомъ по окончаніи гоненія) нужны были болѣе частые (frequenter) соборы, т. е. кромѣ рядового, весенняго, еще и дополнительный, осенній.

Созывъ осенняго Карѳагенскаго собора 251 г., надо полагать, рѣшенъ былъ еще на предшествующемъ весеннемъ соборѣ и мотивированъ, прежде всего, необходимостью окончательно опредѣлить отношеніе карѳагенской церкви къ дѣлу римскихъ епископовъ—Корнелія и Новаціана, далеко не безразличному и для карѳагенской церкви, въ силу внутренней связи римской новаціанской схизмы съ карѳагенскимъ расколомъ Новата и Фелициссима. А тѣ два новыхъ запроса, о которыхъ мы узнаемъ изъ письма Кипріана къ Фиду, лишь усиливали нужду въ скорѣйшемъ созывѣ собора. Слѣдовательно, главный предметъ осенняго собора 251 г.—это дѣло Кипріана и Новаціана. Ко времени открытія собора, имѣвшаго мѣсто вѣроятно, 1-го сентября [2]), дѣло это успѣло уже достаточно проясниться. Еще при самомъ заключеніи весенняго собора, когда слѣдственная коммиссія была уже отправлена, но она еще не возвращалась, въ Карѳагенъ прибыли два африканскихъ епископа (collegae nostri) — Помпей и Стефанъ, — которые представили убѣдительныя доказательства въ защиту Корнелія и противъ Новаціана, доказательства настолько убѣдительныя и вѣскія, что въ самой карѳагенской церкви послы Новаціана потеряли, послѣ этого, всякій кредитъ и Кипріанъ запретилъ имъ публично выступать въ собраніи христіанъ съ „возмутительными и хульными рѣчами“ по адресу Корнелія [3]). А цѣлый

[1]) *Ep.* XVI, 4, 520 s. *P. n.* 9-oe, 125 стр. *Ep.* XVII, 3, 523 (conuocatis coepiscopis plures), *P. n.* 17-oe, 130 стр. *Ep.* XVIII, 2, 525 s. *P. n.* 13-oe, 133 стр. *Ep.* XX, 3, 529, *P. n.* 14-oe, 136. *Ep.* XXVI, 539, *P. n.* 16-oe, 138 и мн. др.

[2]) За эту, именно дату говорятъ аналогіи съ соборами 254 г. и особенно 256 г. о чемъ смотри ниже. въ спеціальныхъ трактатахъ о нихъ.

[3]) *Ep.* XLIII, 1—2, 598 p. *P. n.*—44-oe, 195—196 стр. Изъ анализа этого

рядъ писемъ, которыми въ промежутокъ между весеннимъ и осеннимъ соборами успѣли обмѣняться епископы Кипріанъ и Корнелій даютъ и фактическое доказательство того, что, по крайней мѣрѣ, для самого Кипріана и его карѳагенской церкви всѣ сомнѣнія въ этомъ вопросѣ уже исчезли, и исчезли настолько основательно, что Кипріанъ счелъ возможнымъ послать по епископамъ своей области особое окружное посланіе съ признаніемъ Корнелія, и съ побужденіемъ отправить ему „общительныя“ грамматы [1]).

Изъ той оживленной переписки, какую въ разсматриваемый періодъ велъ Кипріанъ съ Корнеліемъ, то черезъ епископовъ Калдонія и Фортуната [2]), то чрезъ пресвитера Примитива [3]), то черезъ иподіакона Меттія [4]), наиболѣе, пожалуй, показательно письмо Кипріана къ Корнелію по поводу адруметской церкви. Изъ содержанія письма видно, что оно написано въ отвѣтъ на жалобу Корнелія по поводу того, что еп. адруметской церкви Поликарпъ, сначала присылалъ въ Римъ письма на имя Корнелія; а затѣмъ, послѣ посѣщенія Адрумета Кипріаномъ, по-

письма можно догадываться, что Помпей и Стефанъ прибыли въ Карѳагенъ уже въ самомъ концѣ весенняго собора, или даже вскорѣ послѣ него. Доказывается это тѣмъ, что противная имъ сторона—посольство Новаціана—вела свою пропаганду уже не на соборѣ, а въ какомъ-то „собраніи христіанъ“, подъ чѣмъ естественнѣе всего разумѣть полное собраніе одной лишь мѣстной, Карѳагенской церкви, гдѣ Кипріанъ являлся хозяиномъ положенія и могъ лишать слова представителей Новаціана, что едва-ли было-бы умѣстно на самомъ соборѣ, всегда строго дѣржащемся принципа audiatur et altera pars. Самое „собраніе христіанъ“ въ подлинникѣ обозначено терминомъ in statione, имѣющимъ опредѣленный технический смыслъ: stationes или dies stationis назывались собранія христіанъ для поста, молитвы и назиданія, которыя практиковались у нихъ въ „малые посты“, т. е. по средамъ и пятницамъ каждой недѣли. *Duchesne* „Origines du culte chrétienn², 218, (со ссылками на *Διδαχη*—VIII, 1, Пастырь Ерма V, 1. Кл. Алек. Strom. VI, 75 и Тертул. De jejun“. 14). Наше предположеніе о томъ, что выясненіе распри Корнелія съ Новаціаномъ происходило не на соборѣ, а въ собраніи мѣстной карѳагенской церкви находитъ для себя опору также и въ слѣдующихъ словахъ Кипріана: „я велѣлъ читать передъ клиромъ и народомъ (sic! а не передъ „соепископами нашими“) тѣ изъ доставленныхъ ко мнѣ писемъ о тебѣ и совозсѣдающихъ съ тобой сопресвитерахъ, которыя отзывались благочестивой простотою, а не лаяніемъ злословій и ругательствъ“ *Ep.* XLV, 2, 601—602, *P. n.* 36-ое, 199 стр. Впрочемъ, вопросъ о соотношеніи мѣстно-церковнаго собранія съ обще-провинціальнымъ соборомъ мы предполагаемъ дальше разработать спеціально.

[1]) *Ep.* XLV, 1, 600 p.: sed et per prouinciam nostram haec eadem collegis singulis in notitiam perferentes ab his quoque fratres cum litteris redigendos esse mandauimus“. *P. n.*—36-ое, 197 стр.

[2]) *Ep.* XLV, 1, 599 и 4, 603 p. *P. n.* 36-ое, 197 и 200.

[3]) *Ep.* XLIV, 2, 598 p. *P. n.* 35-ое, 196 стр.

[4]) *Ep.* XLVII, 605, *P. n.* 37-ое, 200 стр.

добныя письма стали адресовываться не на имя Корнелія, а на имя римскихъ пресвитеровъ и діаконовъ. Вслѣдствіе этого для Корнелія создавалось крайне щекотливое положеніе: его игнорировали и тѣмъ самымъ какъ-бы не признавали, при чемъ такая перемѣна стояла въ очевидной связи съ визитомъ туда Кипріана. Да и для самого Кипріана получалась не особенно лестная характеристика, дававшая поводъ заподозрѣть его искренность и обвинить его въ двоедушіи и лицемѣріи: самъ Кипріанъ все время увѣряетъ Корнелія въ полномъ его признаніи, а адруметскому клиру рекомендуетъ перемѣнить адресата отправляемыхъ въ Римъ писемъ. Реабилитируясь отъ этихъ, совершенно естественныхъ и понятныхъ со стороны Корнелія, обвиненій, Кипріанъ заявляетъ, что все это сдѣлано „не по легкомыслію или презорству“, а совершенно сознательно, и въ его-же, Корнелія, интересахъ. Для доказательства своего утвержденія, Кипріанъ въ немногихъ, но вполнѣ опредѣленныхъ словахъ, изображаетъ положеніе дѣла Корнелія въ трехъ главныхъ фазисахъ, т. е. такъ, какъ оно стояло *до* весенняго собора, какъ оно имѣлось *на* самомъ соборѣ и какъ оно выяснилось вскорѣ *послѣ* него. До созыва карѳагенскаго собора, или точнѣе, до того момента, какъ сталъ извѣстенъ протестъ Новаціана противъ Корнелія, выборы послѣдняго въ африканскихъ церквахъ, очевидно, не возбуждали особаго сомнѣнія, и нѣкоторыя церкви, въ томъ числѣ и адруметская [1]), успѣли уже вступить съ нимъ въ церковно-письменное общеніе. Но когда собравшимся въ Карѳагенѣ епископамъ сталъ извѣстенъ протестъ прежде уважаемаго пресвитера Новаціана, подписанный группой римскихъ исповѣдниковъ и подкрѣпленный прибытіемъ туда особаго, внушительнаго посольства отъ сторонниковъ Новаціана, то многіе, очевидно, поколебались и соборъ единодушно постановилъ считать это спорное дѣло, пока, не рѣшеннымъ, а туда отправить нарочитую коммиссію съ порученіемъ—или покончить дѣло миромъ, или достовѣрно убѣдиться, на чьей же сторонѣ здѣсь правда? [2]). Есте-

[1]) Городъ Адруметъ (Hadrumetum)—богатый, портовый городъ, расположенный въ центрѣ залива Гаммаметскаго (gulf of Hammamet), въ нѣсколькихъ миляхъ на юго-востокъ отъ Карѳагена. Въ эпоху Кипріана онъ былъ главнымъ городомъ четвертаго діоцеза проконсульской Африки; при Діоклетіановомъ-же дѣленіи римской имперіи, онъ сдѣлался метрополемъ второй (изъ шести) сѣверо-африканской провинціи, такъ называемой, Byzacium, или Byzacena. См. Dr. *Alexis Schwarze* „Untersuchungen über die äussere Entwicklung der africanischen Kirche mit besonderer Verwertung d. archäolog. Funde 6 и 11 s. Göttingen 1892.

[2]) *Ep.* XLVIII, 2, 606. *P. n.* 39-ое, 202. Выраженіе подлинника: „sed cum sta-

ственно, что подъ вліяніемъ такого постановленія собора, всѣ принявшія его, африканскія церкви обязывались временно воздерживаться отъ какихъ-бы то ни было сношеній съ обоими римскими претендентами на епископскую каѳедру. Въ этотъ-то самый промежутокъ строгаго нейтралитета и прибыли, очевидно, въ г. Адруметъ еп. Кипріанъ, вмѣстѣ съ еп. Либераломъ и, разумѣется, они не могли посовѣтовать мѣстному клиру ничего другого, какъ только неуклонно исполнять постановленіе собора. Затѣмъ, какъ мы уже говорили, еп. Кипріанъ, сначала, изъ свидѣтельствъ епп. Помпея и Стефана, а затѣмъ и изъ документальныхъ данныхъ вернувшейся изъ слѣдствія коммиссіи (Калдонія и Фортуната), вскорѣ-же окончательно убѣдился въ полной правотѣ Корнелія. Свое рѣшительное убѣжденіе Кипріанъ не сталъ держать только при себѣ, а счелъ нужнымъ и полезнымъ чрезъ спеціальное окружное посланіе распространить его и по всѣмъ церквамъ его метрополіи. „Такъ какъ область наша (nostra prouincia) простирается далеко, заключая въ себѣ Нумидію и Мавританію; то, дабы происшедшій въ Римѣ расколъ (schisma) не смущалъ отсутствующихъ невѣрными слухами, мы, заблагоразсудили, чтобы всѣ епископы, находящіеся въ той области, только тогда, когда узнаютъ отъ насъ истинное положеніе дѣла... написали письма, какъ это дѣлается, и чтобы тебя и общеніе съ тобою (et communicationem tuam), т. е. единство вселенской церкви и любовь, всѣ наши товарищи рѣшительно подтвердили". Въ этой ясной и опредѣленной мотивировкѣ циркулярнаго распоряженія Кипріана по церквамъ „его провинціи" несовсѣмъ ясенъ смыслъ лишь одной, небольшой фразы: „мы заблагоразсудили". Кто здѣсь разумѣется подъ обозначеніемъ „мы"? Лично-ли одинъ Кипріанъ, который, какъ горячій поборникъ „единства церкви" желалъ поскорѣе потушить начавшійся пожаръ римской схизмы? Или это „мы" — условный вотумъ цѣлаго весенняго собора, давшаго Кипріану порученіе извѣстить всѣхъ членовъ собора о дальнѣйшемъ теченіи даннаго спорнаго дѣла и объ его окончательномъ исходѣ, въ связи съ заключеніемъ слѣдственной коммиссіи? Судя по тому, что въ подлинникѣ стоитъ здѣсь терминъ placuit,—техническій терминъ для

tuissemus collegae conplures, qui in unum conueneramus ut legatis ad uos coepiscopis nostris Caldonio et Fortunato missis integra suspenderentur"... не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что такое рѣшеніе, равно какъ и снаряженіе коммиссіи принадлежали *собору*, а не лично одному Кипріану, какъ ошибочно полагаетъ Nelke: „dies alles geschah noch *vor* dem eigentlichen Zussammenkommen der afrikanischen Bischöfe zur Frülingssynode". Op. cit. 57 s.

обозначенія, преимущественно, соборныхъ постановленій,—бо́льшую вѣроятность пріобрѣтаетъ, повидимому, послѣднее предположеніе, т. е. что Кипріанъ, разсылая „извѣстительныя грамматы" о законности выборовъ еп. Корнелія, исполнялъ лишь данное ему порученіе весенняго собора. Не не исключена, конечно, возможность и перваго предположенія, т. е. что Кипріанъ дѣйствовалъ тутъ за свой личный страхъ и рискъ, т. е. по собственной иниціативѣ, которую онъ и захотѣлъ теперь опереть на авторитетъ новаго, спеціально созваннаго имъ осенняго собора.

Какъ-бы то ни было, но ко времени втораго, осенняго собора вопросъ о римской схизмѣ былъ уже окончательно выясненъ и даже предрѣшенъ. Опредѣляющее значеніе здѣсь имѣла, конечно, вернувшаяся изъ Рима слѣдственая коммиссія, которая на мѣстѣ собрала всѣ справки, а весьма вѣроятно, привезла даже и собственноручныя письма отъ поставлявшихъ Корнелія епископовъ [1]). Всякое добросовѣстное сомнѣніе этимъ устранялось и дальнѣйшій споръ исчерпывался. Новому собору, очевидно, уже немного нужно было приложить труда, чтобы ознакомиться со всѣмъ накопившимся матеріаломъ и санкціонировать своимъ авторитетомъ то рѣшеніе, которое излагалось и въ вышеназванномъ окружномъ письмѣ Кипріана, разосланномъ имъ въ меж-соборный періодъ. Изъ писемъ Кипріана, написанныхъ осенью и зимою 251 г. [2]) (т. е., вскорѣ послѣ втораго собора) не видно, чтобы вопросъ о Корнеліи и Новаціанѣ возбуждалъ среди членовъ собора какіе-либо новые толки, такъ что онъ, надо думать, былъ ликвидированъ быстро и единодушно. Такимъ образомъ, главный, и наиболѣе тревожный вопросъ—о римской схизмѣ, къ данному времени уже утратилъ свою остроту, по крайней мѣрѣ, для африканскихъ церквей, и былъ разрѣшенъ въ духѣ церковнаго мира и единства.

Послѣ этого, осенній соборъ перешелъ къ своимъ внутреннимъ дѣламъ— сталъ залечивать раны, нанесенныя гоненіемъ и дѣломъ падшихъ. Ближайшій поводъ отозваться на нихъ дало письмо еп. Фида, въ которомъ онъ, между прочимъ, извѣщалъ собравшихся епископовъ о соблазнительномъ поведеніи своего коллеги—нѣкоего епископа Ѳерапія, который, въ явное нарушеніе соборнаго постановленія, (очевидно, постановленія о lapsi весенняго собора 251 г.) преждевременно далъ миръ и принялъ въ церковное общеніе бывшаго своего пресвитера Виктора, безъ

[1]) Основаніе для такой догадки даетъ намъ указаніе XLIII (35-ое) письма, что Калдоній и Геркуланъ были посланы также „и къ епископамъ нашимъ, бывшимъ при твоемъ (Корнеліи) посвященіи". 598 p. *P. n.* 195.

[2]) *Ep.* XLVIII—LV. См. у Nelke „Op. cit." 68—74 s.

соблюденія необходимыхъ, опредѣленныхъ соборомъ, условій такого обратнаго пріема. Соборъ отнесся къ данному факту съ подобающей ему серьезностью (quae res nos satis mouit), такъ какъ это былъ одинъ изъ первыхъ, дошедшихъ до него, случаевъ неправильнаго примѣненія на практикѣ недавняго соборнаго канона о lapsi. Въ поступкѣ еп. Ѳерапія соборъ, по словамъ Кипріана, усмотрѣлъ „умаленіе авторитета его постановленія“ (recessum esse a decreti nostri auctoritate), выразившееся въ формѣ трехъ слѣдующихъ правонарушеній: 1) миръ падшему пресвитеру Виктору данъ былъ раньше истеченія полнаго законнаго срока покаянія (ante legitimum et plenum tempus satisfactionis); 2) Викторъ принятъ былъ безъ прошенія съ его стороны и безъ одобренія народа (sine petitu et conscientia plebis), и 3) такой экстраординарный пріемъ не оправдывался никакими исключительными обстоятельствами времени или лица (nulla infirmitate urgente ac necessitate cogente [1]). Обращаемъ вниманіе изслѣдователей на это мѣсто кипріанова письма нетолько потому, что въ немъ дается необыкновенно четкій юридическій анализъ канона, но также и потому, что въ немъ сообщаются нѣкоторыя новыя и важныя дополненія къ нему, а именно: 1) распространеніе и на либеллятиковъ [2]) извѣстнаго покаяннаго срока, 2) необходимость опредѣленной просьбы съ ихъ стороны о церковномъ пріемѣ и 3) сочувственное отношеніе къ этой просьбѣ вѣрующаго народа [3]).

Однако, по долгомъ обсужденіи (diu consilio), соборъ не нашелъ нужнымъ и удобнымъ отмѣнять распоряженіе еп. Ѳерапія, мотивируя это, съ одной стороны, снисхожденіемъ къ уже помилованному грѣшнику, а съ другой — и опасеніемъ умалить епископскій авторитетъ своего коллеги. Но соборъ все-же постановилъ сдѣлать еп. Ѳеранію выговоръ (objurgare) за то, что онъ поступилъ безразсудно (temere) и предупредить его, чтобы впредь онъ ничего подобнаго себѣ не позволялъ (ne quid tale de cetero faciat).

1) *Ep.* LXIII, 1, 717 p. *P. n.* 46-oe n., 246 стр. Для Nelke эта ссылка на отсутствіе „нудящей необходимости“, намекающая, конечно, прежде всего, на гоненіе, даетъ главное основаніе относить названное письмо къ сравнительно мирному періоду конца 251 г. Op. cit. 66 s.

2) Бывшаго пресвитера Виктора мы считаемъ только „либеллятикомъ“, такъ какъ иначе его обратный пріемъ въ церковь былъ-бы уже не частичнымъ нарушеніемъ соборнаго канона о lapsi, а его полнымъ и категорическимъ отрицаніемъ. Тогда, конечно, совершенно иной-бы характеръ получила, какъ вина еп. Ѳерапія, такъ и отношеніе къ нему собора, которое изъ довольно снисходительнаго не замедлило-бы перейдти въ строго карательное.

3) Conscientia plebis „сочувствіе, или одобрительный отзывъ народа“ требовался, очевидно, затѣмъ, чтобы епископу имѣть опору для такого, или иного отношенія къ „прошенію“ (petitu) либеллятика. Впрочемъ, тѣсное соединеніе въ подлинникѣ обоихъ этихъ моментовъ—petitu et conscientia plebis—даетъ какъ будто-бы основаніе предполагать, что и просьба либеллятика первоначально обращалась къ народу, и уже отъ него, съ приложеніемъ соотвѣтствующаго отзыва, она восходила къ епископу на окончательное рѣшеніе. Conscientia plebis,—это, вѣроятно, одинъ изъ моментовъ мѣстно-церковнаго собранія общины, на которомъ происходило торжественное воцерковленіе „падшихъ“.

Третье дѣло, которымъ занимался осенній соборъ 251 г. это—вопросъ о крещеніи младенцевъ. Поводъ къ нему былъ данъ тѣмъ-же письмомъ еп. Фида, гдѣ проводилась опредѣленно ветхозавѣтная точка зрѣнія на этотъ предметъ, даже со ссылками на моисеево законодательство, именно—что надъ новорожденными младѐнцами, нельзя будто-бы, по причинѣ ихъ нечистоты, совершать никакихъ религіозныхъ дѣйствій, въ томъ числѣ и крещенія, до истеченія восьмидневнаго срока [1]). Соборъ 66-ти еп. рѣшительно отвергъ это мнѣніе и развилъ другую, почти діаметрально противоположную, истинно новозавѣтную точку зрѣнія на данный предметъ [2]). Сущность ея, въ самомъ сжатомъ видѣ, можетъ быть передана такъ: 1) Господь не медлитъ спасти всякаго искренно обращающагося къ Нему грѣшника; 2) Богъ не взираетъ ни на лицо, ни на возрастъ, и потому одинаково всѣмъ подаетъ Свою спасительную благодать; 3) нельзя считать нечистымъ младенца, который какъ-бы еще носитъ на всемъ своемъ организмѣ слѣды недавняго творческаго дѣланія; 4) ветхозавѣтный прообразъ осьмодневнаго обрѣзанія упраздненъ наступленіемъ самого новозавѣтнаго образа—духовнаго обрѣзанія въ таинствѣ крещенія; 5) младенцы даже достойнѣе крещенія, чѣмъ взрослые, такъ какъ у нихъ, въ сущности, лишь одинъ грѣхъ, да и тотъ не личный, а наслѣдственный; у взрослыхъ-же, обыкновенно, немало и тяжкихъ личныхъ грѣховъ. „И потому, возлюбеннѣйшій братъ,—заканчиваетъ свое письмо къ Фиду Кипріанъ—на соборѣ нашемъ состоялось такое опредѣленіе (haec fuit in concilio nostra sententia): не должно намъ никого устранять отъ крещенія и благодати Бога, ко всѣмъ милосердаго, благого и снисходительнаго. Если этого надобно держаться по отношенію ко всѣмъ то, особенно, какъ мы думаемъ, надобно соблюдать это по отноше-

1) *Ep.* LXIII, 2, 718. *P. n.* 46-oe, 241 стр.

2) Longe aliud in concilio nostro uisum est, или, по варіантамъ, Qu и Aug. „omnibus visum est“—„далеко иное на нашемъ соборѣ усмотрѣно“. Терминъ omnibus visum est—одинъ изъ числа тѣхъ характерныхъ синонимовъ, которые являются какъ-бы отголоскомъ извѣстныхъ словъ апостольскаго декрета: „изволися Духу Святому и намъ“... (Дѣян. XV, 28). *См. выше,* стр. 15 и слѣд.

нію къ новорожденнымъ младенцамъ, которые уже тѣмъ заслуживаютъ преимущественную нашу помощь и милосердіе Божіе, что съ самаго начала своего рожденія они своимъ плачемъ и слезами выражаютъ одно моленіе“ [1]). Данное постановленіе собора, въ связи со всей его предварительной мотивировкой, можетъ служить однимъ изъ лучшихъ образцовъ церковно-каноническаго законодательства, какъ по глубинѣ проникающаго его истинно-христіанскаго духа, такъ и по неотразимой убѣдительности его логики, такъ даже по легкости, красотѣ и силѣ самаго его языка. Что-же касается спорнаго вопроса о крещеніи младенцевъ, то онъ получилъ здѣсь настолько исчерпывающее рѣшеніе, что послѣднее сохраняетъ все свое значеніе и силу и для нашихъ дней. Тремя указанными дѣлами, насколько мы можемъ судить по дошедшему до насъ матеріалу, и закончилась работа осенняго Карѳагенскаго собора 251 года [2]).

[1]) *Ep.* LXIII, 6, 721; *P. n.* 46-ое, 249 стр.

2) Какому-либо изъ карѳагенскихъ соборовъ 251 г. принадлежитъ и рѣшеніе еще одного дѣла, или, выражаясь точнѣе, только санкція уже ранѣе состоявшагося рѣшенія по сему дѣлу. Мы имѣемъ въ виду фактъ принятаго соборомъ отлученія двухъ какихъ-то, повидимому, нумидійскихъ епископовъ—*Іовина и Максима*. Ни одинъ изъ проанализированныхъ нами источниковъ, какъ весенняго, такъ и осенняго карѳагенскихъ соборовъ, объ этомъ фактѣ ничего не говоритъ, почему и мы не имѣли повода отмѣтить его въ текстѣ. Молчаніе нашихъ источниковъ нисколько, конечно, не свидѣтельствуетъ *противъ* даннаго факта: источники наши имѣютъ свои опредѣленныя цѣли и отнюдь не претендуютъ на отраженіе полной и цѣлостной картины соборовъ. А что фактъ отлученія вышеназванныхъ епископовъ, дѣйствительно, имѣлъ мѣсто на одномъ изъ соборовъ 251 г., это совершенно ясно удостовѣряется источникомъ майскаго собора 252 г., т. е. LVIII (47)-ымъ письмомъ Кипріана, въ которомъ на этотъ счетъ имѣются слѣдующія категорическія строки: „съ Приватомъ, уже извѣстнымъ еретикомъ, были и его сообщники *Іовинъ и Максимъ*, осужденные приговоромъ девяти епископовъ, нашихъ товарищей, за мерзкія жертвоприношенія и явныя преступленія, и снова еще разъ (iterato quoque) *въ прошлый годъ* (anno prioге) весьма многими изъ насъ отлученные на соборѣ (in concilio abstenti)“. 678 р. *P. n.* 260 стр. Объ отлученныхъ епископахъ — Іовинѣ и Максимѣ—Кипріанъ упоминаетъ здѣсь совершенно случайно: именно, потому, что они, въ компаніи съ другими себѣ подобными, заявились на майскій соборъ 253 г. и пытались произвести здѣсь возмущеніе, сдѣлать чего имъ, однако, не удалось. Это неудачное выступленіе отлученныхъ епископовъ произошло весной 252 г. А самый фактъ ихъ торжественнаго, уже *повторнаго* осужденія большимъ соборомъ имѣлъ мѣсто въ предыдущемъ году — anno prioге“, т. е., слѣдовательно, въ 251 году. На какой-же, въ частности, изъ двухъ соборовъ 251 г, приходится данный фактъ?—рѣшить довольно трудно, по отсутствію прямыхъ данныхъ. Но принимая во вниманіе, что отлученные епископы принадлежали къ числу „тяжко падшихъ“ (thurificati, или даже sacrificati) и потому были заинтересованы въ самой снисходительной церковной дисциплинѣ, нѣкоторые

V.

Составъ и характеръ Карѳагенскихъ соборовъ 251-го года.

Изложивъ внѣшнюю исторію двухъ карѳагенскихъ соборовъ 251-го года и освѣтивъ ихъ внутреннюю работу, мы, однако, далеко не въ правѣ считать своего изслѣдованія о нихъ законченнымъ, такъ какъ для нашего, по основному его характеру, каноническаго труда огромную важность имѣетъ и еще одинъ вопросъ—о *составѣ* этихъ соборовъ. Въ данномъ случаѣ, важность названнаго вопроса сильно возрастаетъ для насъ еще и отъ двухъ спеціальныхъ причинъ: прежде всего, ужъ отъ одного того, что соборы эти были *первыми* большими и торжественными соборами кипріановой эпохи и, въ качествѣ таковыхъ, имѣютъ, слѣдовательно, руководящее значеніе и для характеристики всѣхъ послѣдующихъ соборовъ той-же эпохи. А во-вторыхъ и главнымъ образомъ потому, что эти первые кипріановы соборы даютъ намъ такой богатый и такой разнообразный (по внѣшности какъ-бы даже противорѣчивый) матеріалъ, который, при правильной прагматической его обработкѣ, на фонѣ уже немалаго нашего предыдущаго изслѣдованія, позволяетъ намъ заглянуть въ самую глубь соборнаго вопроса, [1]) и, если не окончательно его рѣшить, то все-же почти вплотную подойти къ такому разрѣшенію. Вотъ почему мы придаемъ данному отдѣлу особенно важное значеніе и готовы считать его центральнымъ для всего своего изслѣдованія.

Вопросъ о составѣ церковнаго представительства на карѳагенскихъ соборахъ кипріановой эпохи уже съ давнихъ поръ останавливаетъ на себѣ вниманіе церковныхъ историковъ и канонистовъ; но къ сожалѣнію, онъ еще и до сего времени не получилъ здѣсь какого-либо одного, всѣхъ удовлетворяющаго и вполнѣ исчерпывающаго рѣшенія: послѣднія сильно разнообразятся и доходятъ чуть не до полной противоположности. Наглядным выраженіемъ такой пестроты и даже противорѣчивости мнѣній служатъ два, господствующихъ въ современной церковно-канонической наукѣ взгляда, изъ которыхъ, согласно одному, соборы Кипріана—это типичные образцы *чисто епископскихъ соборовъ*, а согласно другие ученые, не безъ основанія предполагаютъ, что эти виновные епископы примкнули къ „широкой“ (laxi) партіи Фелициссима и вмѣстѣ съ нею были повторно осуждены на первомъ весеннемъ карѳагенскомъ соборѣ 251 г. См. *Hefele-Leclercq*—168 p. *Benson*—226—227. *Nelke* 78 s. *Monceaux*—II, 47. *Проф. Гидулянова* „Митрополиты...“ 153 стр.

[1]) Соборный вопросъ мы беремъ здѣсь въ его *конституитивно-историческомъ* объемѣ, частными пунктами чего являются два главныхъ вопроса—во-первыхъ, о генезисѣ и составѣ церковныхъ соборовъ, а во-вторыхъ, объ ихъ характерѣ и роли ихъ основныхъ элементовъ.

гому—они убѣдительные примѣры широкаго участія на церковныхъ соборахъ, наряду съ епископами *всего клира и вѣрующаго народа*. Причемъ, любопытна и самая группировка ученыхъ адептовъ этихъ мнѣній, представляющая довольно рѣзкое отступленіе отъ обычной нормы въ подобныхъ случаяхъ. Принимая во вниманіе многочисленные раннѣйшіе прецеденты и учитывая конфессіональныя различія, естественно было-бы ожидать, что болѣе древніе, католическіе, а также и русскіе ученые почти сплошь окажутся защитниками перваго взгляда, т. е. строго епископальнаго характера кипріановыхъ соборовъ. Наоборотъ, новѣйшіе изслѣдователи, въ особенности, независимые протестантскіе ученые, казалось-бы, не менѣе рѣшительно должны были-бы высказаться въ защиту второго взгляда, т. е. самаго широкаго и, такъ сказать, демократическо-всенароднаго представительства на этихъ соборахъ. На самомъ же дѣлѣ, мы не только не находимъ такой, или подобной ей группировки ученыхъ, а встрѣчаемся съ почти противоположной ей: раннѣйшіе ученые, а также многіе изъ католическихъ и большинство русскихъ авторовъ высказываются за болѣе широкій составъ и объемъ карѳагенскихъ соборовъ; а новѣйшіе изслѣдователи, въ томъ числѣ и, даже по преимуществу, протестантскіе—значительно съуживаютъ объемъ этихъ соборовъ и дѣлаютъ явный наклонъ въ сторону ихъ епископальнаго характера и состава.

Изъ прежнихъ католическихъ авторовъ за широкій составъ кипріановыхъ соборовъ 251 г. довольно категорически высказывается, напримѣръ, еще *Tillemont*, у котораго мы читаемъ: „ничто не мѣшаетъ теперь намъ думать, что Кипріанъ исполнилъ свое обѣщаніе—по возвращеніи изъ убѣжища, послѣ пасхи, придти въ Карѳагенъ и вмѣстѣ со многими епископами изслѣдовать и упорядочить въ ихъ присутствіи всѣ дѣла церкви, путемъ общаго разсужденія, въ которомъ долженъ былъ имѣть участіе также и клиръ съ народомъ... Пресвитеры и діаконы присутствовали на этомъ соборѣ“ [1]). Изъ болѣе позднихъ авторитетовъ достаточно привести мнѣніе католика-же *Hefele*—большого знатока и лучшаго спеціалиста въ вопросахъ исторіи соборовъ,—мнѣніе тѣмъ, болѣе интересное, что оно особенно выпукло обрисовываетъ составъ кипріановыхъ соборовъ, видя въ нихъ даже уклоненіе отъ раннѣйшей соборной нормы: „въ серединѣ третьяго вѣка мы находимъ отказъ (une derogation, уклоненіе) отъ той весьма древней практики, чтобы только одни епископы могли участвовать на соборѣ, именно—въ Африкѣ, гдѣ св. Кипріанъ на соборъ, который онъ держалъ для умиротворенія lapsi, созвалъ нетолько епископовъ своей провинціи и своихъ клириковъ, но также *исповѣдниковъ* и *стойкихъ мірянъ* (laicos stantes, устоявшихъ), т. е. мірянъ, которые сами не находились подъ дѣйствіемъ какой-либо церковно-покаянной дисциплины“ [1]).

Особенной рѣшительностью въ признаніи активной роли клира и мірянъ на соборахъ Кипріана отличаются взгляды большинства русскихъ ученыхъ. Такъ, еще почти полвѣка тому назадъ извѣстный канонистъ *А. С. Павловъ* въ своей, въ общемъ, очень содержательной актовой рѣчи „объ участіи мірянъ въ дѣлахъ церкви, съ точки зрѣнія православнаго каноническаго права“ опредѣленно заявилъ: „участіе мірянъ на соборахъ въ первые три столѣтія не подлежитъ никакому сомнѣнію. Мы видимъ, ихъ, напримѣръ, на африканскихъ соборахъ, разсуждавшихъ о крещеніи еретиковъ и о падшихъ“ [2]). Почти столь-же категорично выражается и проф. *В. А. Соколовъ*: „фактъ несомнѣннаго участія клира и мірянъ въ соборныхъ засѣданіяхъ можно признать доказаннымъ... Св. Кипріанъ пишетъ, что по дѣлу о падшихъ на соборѣ должны принять участіе „епископы, пресвитеры, діаконы, исповѣдники и устоявшіе въ вѣрѣ міряне“. Именно, такой соборъ, дѣйствительно, и состоялся“ [3]). Приблизительно въ томъ-же духѣ и тонѣ высказывается на этотъ счетъ и проф. *Ѳ. И. Мищенко* въ своей интересной спеціальной статьѣ о каноническомъ составѣ собора [4]). Но у писавшаго на ту же тему протоіерея *Н. П. Доброправова*, мы находимъ такой тонъ этихъ утвер-

[1]) *Tillemont* „Rien ne nous empesche de croire que S. Cyprien executa la resolution qu' il avoit prise de sortir de sa retraite aprés Pasque, et de revenir à Carthage avec plusieurs evesques, pour y examiner et y regler en leur presence toutes les affaires de l'eglise par une deliberation commune, à laquelle le clergé et le peuple devoit avoir part... Les prestres et les diacres furent admis dans ce concil“. Op. cit. IV. 96—97.

[1]) *Hefele-Leclercq*: „Nous trouvons au milieu du III-e siecle une derogation à cette très ancienne pratique que les évêques seuls peuvent participer à un synode tout d'abord en Afrique où saint Cyprien convoqua un concile qu' it tint au sujet de la réconcilation des *lapsi* non seulement les evêques de sa province et ses clercs, mais aussi les *confessores* et les *laicos stantes*, c'est-à-dire les laïques qui ne se trouvaient sous le coup d'aucune pénitence ecclesiastique“. Op. cit. I, 127.

[2]) Извѣстія и ученыя записки Казанскаго университета, 1866 г. вып. I, 517 стр. примѣч. 70-ое.

[3]) *Проф. В. А. Соколовъ* „Предстоящій Всероссійскій соборъ; его составъ и задачи“ въ московскомъ сборникѣ „Передъ Церковнымъ соборомъ“, 62 стр. Москва 1906 г.

[4]) *Проф. Ѳ. И. Мищенко:* „О составѣ помѣстнаго собора Всероссійской Церкви“. Труды Кіевской Духовной Академіи, 1906 г. Январь, въ особенности стр. 61—66-ая.

ядений уже значительно сбавленнымъ: „на соборахъ, которые св. Кипріанъ созывалъ для рѣшенія вопроса о принятіи падшихъ, имѣлъ большое значеніе голосъ клира (пресвитеровъ и діаконовъ) и мірянъ“ [1]). На слѣдующей страницѣ авторъ доказываетъ, что на соборѣ по дѣлу падшихъ „и міряне, дѣйствительно, не оставались совершенно безгласны“. А еще страницей ниже, резюмируя свой обзоръ кипріановыхъ соборовъ, о. протоіерей, хотя и продолжаетъ признавать клириковъ и мірянъ безспорными участниками соборовъ, но надѣляетъ ихъ правомъ только *совѣщательнаго* (votum deliberativum), а не рѣшающаго голоса (votum decisivum) [2]).

Много разъ затрагивался данный вопросъ и въ дебатахъ предсоборнаго присутствія 1905—6 года, гдѣ также довольно ясно обозначились обѣ вышеотмѣченныхъ нами принципіальныхъ точки зрѣнія. Выраженіемъ одной, болѣе свободной и широкой, является извѣстное „Отдѣльное мнѣніе меньшинства членовъ I-го отдѣла“, пятый пунктъ котораго гласитъ: „различеніе между правомъ рѣшающаго и совѣщательнаго голоса не подтверждается церковною практикою въ такъ называемую предсоборную эпоху (I—III вѣковъ), гдѣ, какъ на карѳагенскихъ соборахъ, мірянамъ и клиру предоставлялась всегда возможность рѣшающаго вліянія на дѣла собора коллективнымъ одобреніемъ или неодобреніемъ мнѣній епископовъ“ [3]). За выраженіе второй, болѣе узкой и охранительной точки зрѣнія, можно признать сравнительно развитое и, въ общемъ, довольно осторожное мнѣніе *проф. И. С. Бердникова*, который, не отрицая того, что „у Кипріана встрѣчаются выраженія объ участіи въ соборахъ клира и мірянъ“, заявляетъ, что такихъ „упоминаній не много“, да и относятся они только къ такъ называемымъ „мѣстнымъ“ (или по современной терминологіи „епархіальнымъ“) соборамъ, а не къ провинціальнымъ или областнымъ, причемъ „на этихъ соборахъ значеніе пресвитеровъ и мірянъ было совѣщательнымъ... Рѣшающій голосъ принадлежалъ собору епископовъ“ [4]).

Только что приведенное мнѣніе почтеннаго канониста—одного изъ главныхъ лидеровъ большинства нашего Предсоборнаго присутствія,—оказывается, какъ это не удивительно, очень солидарно

[1]) *Прот. Н. П. Добронравовъ* „Участіе клира и мірянъ на соборахъ въ первые девять вѣковъ христіанства“, Богосл. Вѣстникъ, 1906 г. Февраль. И въ сборникѣ „Передъ Церковнымъ соборомъ“. 79 стр.

[2]) *Тамъ-же*—80 и 82 стр. Цѣнно здѣсь редакціонное примѣчаніе къ данному пункту.

[3]) Журналы и Протоколы засѣданій Высочайше учрежденнаго Предсоборнаго Присутствія“, I т. 588 стр.

[4]) *Тамъ-же*—11—13 стр.

съ мнѣніемъ независимыхъ богословъ англиканской и протестантской церкви, которые, впрочемъ, нерѣдко идутъ даже еще дальше своего случайнаго русскаго коллеги. Такъ, напримѣръ, небезызвѣстный и у насъ англичанинъ Pusey, охарактеризовавъ, вообще, эпоху Кипріана, какъ „время наибольшаго утвержденія принципа цѣлостнаго и независимаго, авторитетнаго епископата“, находитъ, что лучшимъ обнаруженіемъ такого его значенія и силы были тогдашніе соборы, на которыхъ „епископы объединялись коллективно (collectively, of the Bishops in Council assembled)“ [1]). „Если мы посмотримъ,—говоритъ Pusey—на дѣйствительную исторію того времени, поскольку она отразилась въ твореніяхъ Кипріана, въ замѣткахъ о соборахъ, въ соборныхъ посланіяхъ и, въ одномъ случаѣ, даже въ самыхъ актахъ собора, то вездѣ найдемъ одно и тоже, именно, что рѣшеніе всѣхъ дѣлъ (the decision in all matters), не только въ области вѣры, но также въ судебныхъ и дисциплинарныхъ вопросахъ, оставалось исключительно въ рукахъ епископовъ (rested exlusively with the Bishops)“ [2]). Даже допуская присутствіе на нѣкоторыхъ изъ этихъ соборовъ извѣстнаго количества исповѣдниковъ, клириковъ и мірянъ, Pusey, во-первыхъ, считаетъ такое представительство всѣхъ названныхъ группъ не принципіальнымъ ихъ „правомъ“, а только почетной индивидуальной „наградой“ для нихъ (not as their right... honour is to be shewn... of individuals, not to any principles); а во-вторыхъ, онъ отводитъ имъ самую пассивную роль на соборѣ—роль простыхъ статистовъ „свидѣтелей, а не присяжныхъ засѣдателей, всего менѣе коронныхъ судей (as witnesses, not even as Jury, much less as Judge)“ [3]). Къ мнѣнію Pusey'я очень близко примыкаютъ и взгляды двухъ современныхъ ему видныхъ протестантскихъ канонистовъ—Eichhorn'a и Bickel'я—о томъ, что „соборъ, собственно, составляли дѣйствовавшіе на немъ епископы“, прочіе-же клирики и народъ только присутствовали при этомъ, что у нихъ и подтверждается, главнымъ образомъ, цитатами изъ писемъ Кипріана [4]). Новѣйшіе протестантскіе ученые часто

[1]) *Pusey E. B.* „The council of the church from the council of Jerusalem A. D. 51“... 61—62 p. Oxford 1857.

[2]) *Ibidem*—63 p.

[3]) *Pusey E. R.* „Op. cit.“ 83 p.

[4]) *Eichhorn K. F.* „Grundzätze des Kirchenrechts der katholischen und der evangelischen Religionspartei in Deutschland“, I, 22 s. Berlin 1831.

Bickel J. W. „die *Bischöfe* (к. н.) als diejnigen erschienen welche die Synoden eigentlich bildeten und zunächst dabei thätig waren, wenn auch sonstige Geistliche und das Volk zugegen waren, erklärt sich aus dem bisherigen von selbst“. Geschichte des Kirchenrechts, I, 40 s. Giessen 1843.

даже всего ничего не говорятъ объ участіи на карѳагенскихъ кипріановыхъ соборахъ клира и мірянъ; но зато усиленно выдвигаютъ чисто епископскій составъ соборовъ, какъ это дѣлаютъ, напримѣръ, авторы двухъ спеціальныхъ артиклей—о Карѳагенѣ и Кипріанѣ—въ извѣстной протестантской энциклопедіи [1]). Авторъ-же третьей статьи—„о соборахъ“,—хотя и не замалчиваетъ самаго факта наличности на Кипріановыхъ соборахъ клира и мірянъ, но не придаетъ ему никакого серьезнаго значенія, такъ какъ „рѣшенія этихъ соборовъ выносились по его словамъ „одними епископами... въ голосованіи участвовали только они одни... протоколы подписывались лишь ими и соборныя посланія разсылались только отъ ихъ лица“ [2]). Даже такой видный современный правовѣдъ и канонистъ, какъ извѣстный R. Sohm,—авторъ наиболѣе оригинальной и глубокой теоріи происхожденія церковныхъ соборовъ,—и тотъ, повидимому, готовъ согласиться, что карѳагенскіе соборы по дѣлу падшихъ были типичнымъ „*епископскимъ* собраніемъ позднѣйшаго стиля, т. е. могучимъ средствомъ и мощнымъ обнаруженіемъ только епископата“ [3]); хотя, такое утвержденіе, въ сущности, противорѣчитъ всей теоріи Sohma и вынуждаетъ его на рядъ послѣдующихъ дополнительныхъ оговорокъ и поправокъ, съ которыми позднѣе познакомимся и мы. Наконецъ, сюда-же долженъ быть

[1]) *K. Leimbach* „Cyprianus von Karthago“: ein Konzil (kurz nach Ostern 251) *nordafrikanischer Bischöfe* (к. н.), um demselben seine Ansichten (Cyprian.) über die Gefallenen-Frage und das Schisma des Felicissimus zu unterbreiten“. RE³, 4, 371, 17-18. *E. Henneke* „Karthago“: 251 nach Ostern erste Synode unter Cyprian nach dessen Rücker nach K., schon zuvor beabsichtigt, von *zahlreichen Bischöfen* к. н.)“, RE³, 10, 106, 30-32.

[2]) *Hauck:* „So wenig Cyprian Presbyter und Diaconen aus den Synoden ausschloss, so ist doch nicht zu bezweifeln, dass nach seiner Ueberzeugung den Bischöfen die Beschlussfassung zukam: von derselben Synode, von der er im 19 Briefe spricht, redet er auch im 20; hier aber sind es die Bischöfe, die die Angelegenheiten regeln (Ep. 20. 3, 529 s.)... Dass Protokoll der Septembersynode von 256 erwähnt die Anwesenheit sehr vieler Bischöfe aus den drei Provinzien, cum presbyteris et diaconibus praesentibus etiam plebis maxima parte, aber bei der Abstimmung werden lediglich die Voten der Bichöfe notiert. Es war folgerichtig, dass die afrikanischen Synodalschreiben nur von den Bischöfen ausgingen (vgl. ep. 57, 650; 64, 717; 67, 735; 70, 766)“. RE³, 19, 265, 41-54.

[3]) *R. Sohm:* „In all diesen Zeugnissen, welche von der *vollbrachten* (к. н.) Versammlung reden, wird nur der Bischöfe gedacht, das Gewicht der getroffenen Entscheidung lediglich auf die Zahl der theilnahmenden *Bischöfe* (к. н.) gegründet... Das „Koncil“, welches zu Karthago in Sachen der lapsi tagte, erscheint genau als eine Versammluug *von Bischöfen* späteren Stils, als Machtmittel und Machtäusserung lediglich des Episcopates“. Kirchenrecht, I, 264. Leipzig 1892.

отнесенъ и знаменитый Ad. Harnack, съ его двумя спеціальными трактатами объ исторической эволюціи древне-церковнаго строя; хотя, впрочемъ, развиваемые имъ здѣсь взгляды на составъ и взаимоотношеніе элементовъ собора невсегда въ желательной мѣрѣ ясны, опредѣленны и устойчивы [1]).

Рядъ приведенныхъ нами, наиболѣе характерныхъ ученыхъ справокъ изъ католической, православной и протестантской литературы окончательно убѣждаетъ насъ въ томъ, что на этой почвѣ (церковно-канонической литературы) вопросъ о характерѣ и составѣ древне-церковныхъ соборовъ, и въ частности карѳагенскихъ соборовъ по дѣлу lapsi, разрѣшенъ быть не можетъ, такъ какъ, въ концѣ концовъ, онъ приводитъ насъ къ двумъ, почти противоположнымъ взглядамъ (сравни, напр. взгляды Hefele и Hauck'a). Оставивъ пока эту, неоправдавшую нашихъ надеждъ почву, перейдемъ теперь къ анализу самаго текста и поищемъ здѣсь болѣе категорическаго, и болѣе убѣдительнаго отвѣта.

Въ главномъ и, можно сказать, почти единственномъ текстуальномъ источникѣ нашихъ свѣдѣній о карѳагенскихъ соборахъ по дѣлу lapsi—въ обширной корреспонденціи сп. Кипріана—мы,

[1]) *Ad. Harnack* „Entstehung und Entwickelung der Kirchenverfassung und Kirchenrechts in den zwei ersten Jahrhunderten“. Leipzig 1910. Общая идея трактата та, что съ конца 2-го и въ особенности съ начала 3 в. епископъ становится какъ-бы монархомъ въ церковной общинѣ: ея представителемъ предъ Богомъ, ея полномочнымъ внутреннимъ администраторомъ и ея главнымъ внѣшнимъ посредникомъ. Въ третьемъ вѣкѣ могучую опору монархическому епископату дали, по Гарнаку, два обстоятельства; во-первыхъ, окрѣпшая идея непрерывнаго, апостольскаго преемства епископата; а во-вторыхъ, широко-развившаяся практика провинціально-епископскихъ соборовъ. Однако, въ вопросѣ о составѣ послѣднихъ Гарнакъ недостаточно опредѣленъ и твердъ: „на этихъ соборахъ, первоначально, вѣроятно (но не безусловно?), участвовали также и миряне; но скоро (?) соборы стали епископскими собраніями, хотя не исключались и прочіе миряне (sic!)“ 115 s. Нѣсколько, пожалуй, болѣе опредѣленъ Harnack въ IV гл. I т. его „Mission und Ausbreitung... посвященной спеціальному трактату „Die Gemeindebildung in ihrer Bedeutung für die Mission“, гдѣ онъ также признаетъ соборы за одно изъ главныхъ средствъ „возвышенія епископа“ (Steigerung). Здѣсь онъ однажды обмолвился даже и такой фразой, что благодаря всѣмъ могучимъ средствамъ епископата (въ числѣ которыхъ были и соборы) „миряне вовсе принуждены были замолчать“ (die Laien vollends entmüdigt). Но затѣмъ снова, хотя и довольно туманно, заявляетъ, что соборы ограничивали произволъ епископовъ, именно, чрезъ то, что они были публичны (als ein kirchliches forum publicum), наглядный примѣръ чего онъ видитъ въ кипріановыхъ соборахъ. Хотя, какъ и въ чёмъ, именно, выражался здѣсь элементъ публичной отвѣтственности епископовъ. Harnack, къ сожалѣнію, такъ и оставляетъ нисколько не раскрытымъ. Op. cit. I, 370 s.

дѣйствительно, находимъ немало указаній и намековъ, прямо или косвенно относящихся къ интересующему насъ въ данный моментъ вопросу. При самомъ-же первомъ знакомствѣ со всей массой этихъ текстуальныхъ указаній невольно бросается въ глаза одно обстоятельство — что всѣ они не только хронологически, но и качественно распадаются на двѣ главныхъ группы: на свидѣтельства *дособорныя*, которыя говорятъ о соборѣ, какъ о будущемъ, только еще обѣщаемомъ фактѣ, и на свидѣтельства *послѣсоборныя*, характеризующія его, какъ уже опредѣленно совершившееся событіе церковной жизни, съ которымъ необходимо считаться и отъ котораго надо исходить.

Свидѣтельства первой группы особенно многочисленны и выразительны и всѣ они обѣщаютъ соборъ съ самымъ широкимъ церковно-народнымъ представительствомъ. Большинство ихъ извлекается изъ тѣхъ писемъ Кипріана къ клиру и народу, а также и къ римскимъ пресвитерамъ и исповѣдникамъ, которыя онъ писалъ всѣмъ имъ изъ своего убѣжища. Вотъ, прежде всего, характерная выдержка болѣе общаго свойства, въ которой еп. Кипріанъ устанавливаетъ принципіальную необходимость „вмѣстѣ съ клиромъ обсудить и по общемъ совѣщаніи постановить то, чего требуетъ общая польза въ дѣлахъ церковнаго управленія“ [1]). Причемъ, въ концѣ того-же самаго письма Кипріанъ выражается еще опредѣленнѣе и яснѣе: „съ самаго начала моего епископства я положилъ за правило ничего не дѣлать приватно, по одному своему усмотрѣнію, *безъ вашего совѣта и безъ согласія народа*“. Здѣсь-же, далѣе, и болѣе ясный намекъ на первый соборъ по дѣлу lapsi: „но когда по милости Божіей приду къ вамъ, тогда *сообща*, какъ требуетъ того взаимная честь, разсудимъ и о томъ, что сдѣлано, и о томъ, что нужно сдѣлать“ [2]). Въ отвѣтномъ письмѣ къ карѳагенскимъ исповѣдникамъ, призывая ихъ къ бо́льшей осторожности и осмотрительности въ дарованіи мира падшимъ, Кипріанъ опредѣленно подтверждаетъ, что этотъ важный вопросъ долженъ подлежать спеціальному соборному суду, который наступитъ тогда, „какъ окончится гоненіе и *мы* (т. е. очевидно, авторъ и кто-то еще: адресаты? епископы?), *соединившись съ клиромъ*, станемъ снова собираться вмѣстѣ“ [1]). Аналогичное заявленіе и даже съ угрозой для ослушниковъ, дѣлаетъ Кипріанъ и въ слѣдующемъ письмѣ, настойчиво предлагая воздерживаться пока отъ принятія падшихъ, „съ тѣмъ, чтобы въ послѣдствіи, когда по изволенію Божію станемъ снова собираться вмѣстѣ въ нѣдра матери нашей—церкви, подвергнуть ихъ (lapsi) дѣло изслѣдованію *передъ нами* (лично-ли передъ еп. Кипріаномъ, или также и передъ его товарищами?), *передъ самими исповѣдниками и передъ всѣмъ народомъ*“ [2]). Ту-же самую мысль не менѣе энергично развиваетъ Кипріанъ и въ письмѣ къ народу: „ничего не должно дѣлать неосмотрительно и поспѣшно... тогда, по возвращеніи нашемъ къ церкви, все будетъ изслѣдовано *въ присутствіи и по суду вашему* (т. е. народному)... А когда по милосердію Божію придемъ къ вамъ, то по созваніи *многихъ епископовъ, въ присутствіи исповѣдниковъ и согласно вашему мнѣнію*, можно будетъ примѣняясь къ божественному ученію, разсмотрѣть письма блаженныхъ мучениковъ и ихъ желанія“ [3]). Здѣсь уже вполнѣ опредѣленно обозначены, по крайней мѣрѣ, три группы собора: 1) многіе епископы, 2) присутствующіе исповѣдники и 3) произносящій свое сужденіе, или приговоръ (judicantibus) народъ. Въ одномъ изъ писемъ къ клиру Кипріанъ даетъ и мотивировку такого своего взгляда на будущій соборъ: „такъ какъ это дѣло касается не немногихъ (въ русск. кіевскомъ переводѣ грубая ошибка—„не многихъ“), не одной какой-либо церкви или области, а всего міра,—пусть ожидаютъ отъ покрова Господня общественнаго мира самой церкви. Ибо смиренномудріе и ученіе, и самая жизнь наша требуютъ, чтобы мы, *предстоятели, собравшись съ клиромъ, въ присутствіи вѣрнаго народа*, которому также за его вѣру и страхъ должна быть воздана честь, могли распорядиться во всемъ *по общему соглашенію*“ [4]). Предусматри-

[1]) *Ep.* XIII, 1, 510: „tunc deinde ut ea quae circa ecclesiae gubernacula utilitas communis exposcit tractare simul et plurimorum consilio examinata limare possemus“. *P. n.* 27-oe, 172.

[2]) *Ibidem*, 4. 510: „quando a primordio episcopatus mei statuerim nihil sine consilio uestro et sine consensu plebis mea priuatim sententia gerere. Sed cum ad uos per Dei gratiam uenero, tunc de his quae uel gesta sunt uel gerenda, sicut honor mutuus poscit, in commune tractabimus“. *P. n.* Тамъ-же, 175 стр.

[1]) *Ep.* XV. 1, 514: „cum persecutione finita conuenire in unum cum clero et recolligi coeperimus“. *P. n.* 10-oe, 127.

[2]) *Ep.* XVI, 4, 520: „acturi et apud nos et apud confessores ipsos et apud plebem uniuersam causam suam, cum Domino permittente in sinum matris ecclesiae recolligi coeperimus“. *P. n.* 9-oe. 125—126.

[3]) *Ep.* XVII, 1, 522: „nec incaute aliquid et festinanter gerendum... cum pace nobis omnibus a Domino prius data ad ecclesiam regredi coeperimus, examinabantur singula *praesentibus et iudicantibus uobis*... 523: „ut cum ad uos per Dei misericordiam uenerimus, conuocatis coepiscopis plures secundum Domini disciplinam et confessorum praesentiam et uestram quoque sententiam beatorum martyrum litteras et desideria examinare possimus“. *P. n.* 41-oe, 129—131.

[4]) *Ep.* XVIII, 2, 526: „quoniam non paucorum nec ecclesiae unius aut unius prouinciae sed totius orbis haec causa est, expectent ante de Domini protectione ecclesiae ipsius publicam pacem. Hoc enim et uerecundiae et disciplinae et uitae

ваетъ Кипріанъ, повидимому даже какое-то соборное совѣщаніе съ римскимъ клиромъ, какъ можно судить объ этомъ изъ слѣдующихъ строкъ одного письма къ нему: „дѣла другихъ, хотя-бы и получившихъ свидѣтельства отъ мучениковъ, я приказалъ прямо пріостановить и отложить до нашего прибытія, чтобы потомъ, когда Господь даруетъ намъ миръ, и мы *предстоятели* (епископы?), *во множествѣ соберемся вмѣстѣ и обсудивши на общемъ совѣтѣ съ вами*, могли-бы каждое изъ нихъ устроить или исправить“ [1]). О необходимости полнаго согласія и единодушія *всѣхъ* на соборѣ по столь важному дѣлу, какъ вопросъ о lapsi, говорятъ слѣдующія строки изъ письма Кипріана къ его клиру: „прочитайте-же это письмо и товарищамъ моимъ (епископамъ?), которые или будутъ при васъ, или нечаянно придутъ къ вамъ, чтобы намъ, при пользованіи и врачеваніи ранъ падшихъ, *единодушно и согласно* держаться спасительнаго совѣта; а обо всемъ мы разсудимъ *самымъ полнымъ образомъ* тогда, когда станемъ собираться вмѣстѣ, по милосердію Господа. Но если кто нетерпѣливый и опрометчивый изъ нашихъ-ли пресвитеровъ и діаконовъ или изъ посторонныхъ, дерзнетъ прежде нашего рѣшенія, сообщаться съ падшими, то да удаленъ будетъ таковой отъ нашего общенія, и потомъ онъ долженъ будетъ *передъ всѣми нами* (очевидно, передъ соборомъ) дать отчетъ въ своемъ безразсудствѣ, когда по милости Господа, соберемся во едино“ [2])... Кипріанъ не хочетъ единолично рѣшать этого дѣла еще и потому, что не всѣ клирики теперь въ сборѣ и среди нихъ есть виноватые: „въ этомъ дѣлѣ я не могу себя одного ставить судьею, тѣмъ болѣе, что еще многіе изъ клира доселѣ находятся въ отсутствіи и не подумали о томъ, что надобно, хотя поздно, возвратиться на свое мѣсто. Этотъ поступокъ каждаго изъ нихъ (изъ клириковъ?) долженъ быть разсмотрѣнъ и изслѣдованъ подробнѣе *нетолько вмѣстѣ съ товарищами моими, но и вмѣстѣ со всѣмъ народомъ*, потому

ipsi omnium nostrum conuenit, ut praepositi cum clero conuenientes praesente etiam stantium plebe, quibus et ipsis pro fide et timore suo honor habendus est, disponere omnia consilii communis religione possimus“. *P. n.* 13-oe, 133.

[1]) *Ep.* XX, 3, 529: „plane ceterorum causas quamuis libello a martyribus accepto differri mandaui et in nostram paesentiam reseruari, ut cum pace a Domino nobis data plures praepositi conuenire in unum coeperimus, communicato etiam uobiscum consilio disponere singula uel reformare possimus“. *P. n.* 14-oe, 136.

[2]) *Ep.* XXXIII, 3. 570: „interea si quis inmoderatus et praeceps siue de nostris presbyteris et diaconis siue de peregrinis ausus fuerit ante sententiam nostram communicare cum lapsis, a communicatione nostra arceatur, apud omnes nos causam dicturus temeritatis suae, quando in unum permittente Domino conuenerimus“. *P. n.* 18-oe, 142.

что съ разсудительной умѣренностью должно быть взвѣшено и рѣшено то дѣло, которое въ послѣдствіи должно служить образцомъ относительно служителей церкви“ [1]). Кипріанъ настолько проникнутъ убѣжденіемъ „къ пользѣ церковнаго управленія дѣйствовать по общему совѣту“ [2]), что не рѣшается безъ такого совѣта даже ставить новыхъ клириковъ; а вынужденный къ тому необходимостью, спѣшитъ оправдаться въ этомъ, ссылаясь, между прочимъ и на то, что онъ, въ сущности, не произвелъ ничего новаго, а лишь „докончилъ то, что уже прежде было начато, *по общему совѣту всѣхъ насъ*“ [3]). Полнаго вниманія заслуживаетъ также и то, что намѣренія Кипріана относительно будущаго собора встрѣтили полное сочувствіе и одобреніе и со стороны римскаго клира, въ письмѣ котораго особенно отчетливо выступаютъ всѣ отдѣльныя группы этого, предполагаемаго собора: „великое преступленіе, произведшее почти во всей вселенной невѣроятное опустошеніе (т. е. дѣло lapsi), надлежало, какъ ты пишешь, подвергнуть осторожному и осмотрительному обсужденію, при совѣщаніи со *всѣми епископами, пресвитерами, діаконами, исповѣдниками* и *съ самими вѣрными мірянами*, какъ и самъ ты свидѣтельствуешь въ твоихъ письмахъ [4])“. Наконецъ, и въ послѣднемъ своемъ письмѣ, присланномъ изъ убѣжища, Кипріанъ еще разъ подтверждаетъ всѣ высказанные раньше взгляды на составъ, теперь уже очень близкаго, собора: „послѣ пасхи и я явлюсь къ вамъ съ *моими товарищами*: въ ихъ присутствіи, какъ на то мы разъ навсегда согласились, можно будетъ, и *по вашему усмотрѣнію* (т. е. по усмотрѣнію

[1]) *Ibidem* 4, 570: „cui rei non puto me solum debere sententiam dare, cum multi adhuc de clero absentes sint nec locum suum uel sero repetendum putauerint et cognitio haec singulorum tractanda sit et limanda plenius, non tantum cum collegis meis, sed cum plebe ipsa uniuersa, expensa enim moderatione libranda et pronuntianda res est quae in posterum circa ministros ecclesiae constituat exemplum“. *P. n.* 142—143.

[2]) *Ep.* XXXV, 1, 571: „ut sit nobis circa utilitatem ecclesiasticae administrationis commune consilium“. *P. n.* 22-oe. 152.

[3]) *Ep.* XXVIII. 548: „nihil ergo a me absentibus nobis nouum factum est, sed quod iam pridem communi consilio omnium nostrum coeperat necessitate urgente promotum est“. *P. n.* 21-oe, 152. Срав. XXXVIII, 1, 579. *P. n.* 30-oe, 180.

[4]) *Ep.* XXXI, 6, 562: „cum tam grande delictum et per totum paene orbem incredibili uastatione grassatum non oprteat nisi, ut ipse scribis, caute moderateque tractari, consultis omnibus episcopis presbyteris diaconibus confessoribus et ipsis stantibus laicis, ut in tuis litteris et ipse testaris“. *P. n.* 165 стр. примѣч. Обращаемъ вниманіе на ошибочность здѣсь русскаго кіевскаго перевода, который технический терминъ *stantes laici*—„*вѣрные міряне*“—совершенно неправильно передаетъ „*въ присутствіи мірянъ*“.

народа, къ которому это письмо адресуется) и *по общему нашему совѣщанію*, опредѣлить и постановить, что нужно дѣлать“ [1]).

Мы изложили здѣсь почти всѣ *дособорныя* указанія Кипріана, на предстоящій соборъ по дѣлу lapsi и не можемъ, въ заключеніе, не признать, что они настолько ясны, и категоричны, что положительно не нуждаются ни въ какихъ нашихъ комментаріяхъ. Ясно, что въ нихъ все время идетъ рѣчь о *самомъ полномъ и широкомъ* церковно-народномъ представительствѣ на предстоящемъ соборѣ, *съ участіемъ епископовъ, пресвитеровъ, діаконовъ, исповѣдниковъ и вѣрныхъ мірянъ*. Можно, пожалуй, подмѣтить здѣсь и еще одну характерную черту—что клиръ и народъ мѣстной карѳагенской паствы постоянно какъ будто-бы выдвигаются на передній планъ; а затѣмъ уже, въ виду особой важности вопроса о падшихъ и широкой въ немъ заинтересованности многихъ другихъ церквей, къ мѣстной карѳагенской общинѣ добавляются многіе епископы и голосъ римской церкви (собственно, мнѣніе ея клира за періодъ „епископской вакансіи“).

Переходимъ теперь къ свидѣтельствамъ второй группы, т. е. къ письмамъ *послѣсоборнаго* періода. Вотъ, напримѣръ, одно изъ раннѣйшихъ указаній этого рода, съ объясненіемъ нѣкоторыхъ мотивовъ, по которымъ Кипріанъ не огласилъ на весеннемъ карѳагенскомъ соборѣ 251 г. полемическаго посланія „новатистовъ-новаціанъ“: „а то, что съ оскорбительными грубостями изложено было противной стороной въ присланномъ къ намъ свиткѣ, мы съ пренебреженіемъ отвергли... разсуждая и соображая, что *при столь многочисленномъ* и *благочестивомъ собраніи братьевъ, гдѣ совозсѣдаютъ священники Божіи*, и гдѣ воздвигнуть алтарь не должно этого ни читать, ни слушать“ [2]). На составъ собора здѣсь дано два указанія: во-первыхъ, „собраніе братьевъ“, а во-вторыхъ „совѣщаніе священниковъ“. Но оба они, къ сожалѣнію, недостаточно опредѣленны. Однако, основываясь на общемъ знакомствѣ съ терминологіей Кипріана, мы больше склонны думать, что въ обоихъ этихъ случаяхъ Кипріанъ имѣлъ въ виду не кого-либо еще, а, именно, *епископовъ*. Справедливость такого толкованія подтверждается также и доказательствомъ отъ противнаго: если-бы подъ терминомъ „братья“ мы стали-бы разумѣть клириковъ, или даже мірянъ, а подъ „совозсѣдающими священниками“—пресвитеровъ, то тѣмъ самымъ мы вовсе-бы исключили изъ соборнаго круга его главный элементъ—„епископовъ“, чего, разумѣется, не могло быть ни при какомъ, хотя-бы самомъ сокращенномъ перечнѣ соборныхъ группъ. Ради сокращенія допустимо опущеніе второстепенныхъ частностей и подробностей; а главное и существенное всегда должно быть на лицо. Слѣдовательно и въ данномъ случаѣ упоминаніе объ епископахъ необходимо должно было остаться. Тѣмъ болѣе, что оба этихъ термина „братья“ и „священники“ отнюдь не исключаютъ у Кипріана возможности приложенія ихъ и къ епископамъ [1]). Что во всякомъ случаѣ епископы мыслились непремѣнными членами собора, это окончательно удостовѣряется и ближайшимъ контекстомъ, именно, слѣдующей выдержкой изъ раннѣйшаго письма Кипріана къ тому-же адресату и по тому-же самому поводу: „я и очень многіе прибывшіе ко мнѣ товарищи ожидали возвращенія товарищей нашихъ, недавно посланныхъ къ тебѣ и соепископамъ нашимъ, бывшимъ при твоемъ посвященіи—Калдонія и Фортуната“ [2]). Отсюда совершенно ясно, что термины „священники“, „товарищи“, „соепископы“—употребляются здѣсь Кипріаномъ безразлично, какъ синонимы; а также и то, что, именно, епископы видвигаются, въ качествѣ главнаго дѣйствующаго элемента собора. Въ томъ-же, первомъ письмѣ Кипріана къ Корнелію (въ дѣйствительности-то второмъ, а первомъ только въ порядкѣ нашей цитаціи ихъ) мы находимъ еще и такое, болѣе опредѣленное указаніе: „относительно-же того, что у насъ постановлено по дѣлу нѣкоторыхъ пресвитеровъ и Фелициссима, *товарищи наши*, для твоего свѣдѣнія послали къ тебѣ за собственноручной подписью письмо, изъ котораго ты узнаешь ихъ мнѣніе и приговоръ“ [3]). Въ виду того, что здѣсь, какъ мы уже

1) *Ep.* XLIII, 7, 596: „ut repraesenter uobis post Paschae diem cum collegis meis: quibus praesentibus (поучительно для тѣхъ, кто термину praesentibus усвояетъ только пассивный смыслъ!) secundum arbitrium quoque uestrum et omnium nostrum commune consilium, sicut semel placuit, ea quae agenda sunt disponere pariter et limare poterimus“. *P. n.* 34-oe. 194.

2) *Ep.* XLV, 2, 600: „ea quae ex diuerso in librum missum congesta fuerant acerbationibus criminosis respuimus, considerantes pariter et ponderantes quod in tanto fratrum religiosoque conuentu considentibus Dei sacerdotibus et altari posito et legi debeat et audiri (nec audiri—*C²Rv*)“ *P. n.* 36-oe, 198.

1) *См. выше,* стр. 394, прим. 2. Нѣкоторое недоумѣніе возбуждаетъ лишь тавтологія Кипріана, если мы въ обоихъ случаяхъ будемъ видѣть указаніе на однихъ епископовъ. Не будетъ-ли поэтому правильнѣе подъ „братьями“ разумѣть всѣхъ членовъ мѣстной карѳагенской общины, а подъ „совозсѣдающими священниками“—добавленныхъ къ нимъ провинціальныхъ епископовъ?

2) *Ep.* XLIII, 1, 597: „tamen ego et collegae plurimi qui ad me conuenerant expectauimus aduentum collegarum nostrum Caldoni et Fortunati, quos ad te nuper et coepiscopos nostros qui ordinatione tuae adfuerant legatos miseramus“. *P. n.* 35-oe. 195.

3) *Ep.* XLV, 4, 603: „quantum uero hic ad presbyterium quorundam et Felicissimi causam pertinet, quid his actum sit ut scire posses, litteras ad te collegae nostri manu sua subscriptas miserunt, qui auditis eis quid senserint et quid pronuntiauerint ex eorum litteris disces“. *P. n.* 36-oe, 200.

видѣли, рѣчь идетъ о постановленіи весенняго собора по дѣлу карѳагенской схизмы, то отсюда слѣдуетъ, что это рѣшеніе было формулировано (или, точнѣе, только одобрено) и собственноручно подписано лишь „товарищами“ еп. Кипріана, т. е. дѣйствовавшими на соборѣ епископами. Полную аналогію всему сказанному представляетъ и рядъ слѣдующихъ, особенно выразительныхъ и исключающихъ какія-бы то ни было сомнѣнія цитатъ изъ третьяго письма Кипріана къ Корнелію, выясняющему недоразумѣніе относительно поведенія адруметской церкви. „Мы, *товарищи*, собравшись во множествѣ и отправивши къ вамъ послами соепископовъ нашихъ—Калдонія и Фортуната—постановили считать все до времени нерѣшеннымъ“ [1]. Далѣе въ этомъ письмѣ говорится и о томъ, что Кипріанъ, окончательно удостовѣрившись самъ въ правильности хиротоніи Корнелія, послалъ относительно сего окружную извѣстительную граммату, мотивируя разсылку ея и такимъ соображеніемъ: „да правимъ мы, по божественному удостоенію, вмѣстѣ съ товарищами нашими (т. е. епископами-же) непоколебимо и твердо и да сохранимъ миръ церкви въ единодушіи согласія“ [2]. Очевидно, здѣсь дается и принципіальное обоснованіе „правительственной“ власти епископовъ, какъ основанной на божественномъ избраніи и преслѣдующей цѣли церковнаго порядка, единенія и мира.

Но больше всего ясныхъ и опредѣленныхъ послѣсоборныхъ указаній по интересующему насъ вопросу даетъ то самое, хорошо извѣстное намъ письмо еп. Кипріана къ еп. Антоніану, какое мы признали за главный источникъ свѣдѣній о карѳагенскихъ соборахъ по дѣлу lapsi 251 г. Вотъ наиболѣе характерное мѣсто изъ этого письма, прямо относящееся къ вопросу о составѣ соборовъ: „Итакъ, сообразно съ тѣмъ, какъ было раньше предположено, теперь, по прекращеніи гоненія, когда открылась возможность сойтись вмѣстѣ, *собралось большое число насъ, епископовъ*, которые по своей вѣрѣ и охраняемые Божіимъ покровомъ остались цѣлы и невредимы и разсудивъ обоесторонне по священнымъ писаніямъ, мы согласили свое рѣшеніе со снисходительностью, постановивши“... то-то и то-то [3]. Въ роли единственнаго соборнаго элемента здѣсь, какъ видимъ, выступаетъ лишь объединенный сѣверо-африканскій епископатъ (copiosus episcoporum numerus), которому приписывается какъ веденіе всего хода соборныхъ разсужденій (et scripturis [diu] ex utraque parte prolatis), такъ и выработка (редакція) самаго постановленія. И какъ-бы для того, чтобы у насъ исчезла даже и послѣдняя тѣнь сомнѣнія въ столь исключительной роли епископата, Кипріанъ вскорѣ-же добавляетъ: „и если-бы *число африканскихъ епископовъ* показалось тебѣ недостаточнымъ; то знай, что мы писали объ этомъ дѣлѣ и въ Римъ, къ товарищу нашему Корнелію, который также державъ совѣтъ *со многими соепископами*, принялъ такое-же, какъ и мы рѣшеніе“ [1]. Сила и значеніе собора, т. е. его авторитетъ ставится здѣсь въ прямую зависимость отъ числа епископовъ“ (numerus episcoporum) [2]. Въ дальнѣйшемъ текстѣ письма говорится о согласномъ рѣшеніи собора, о недовольствѣ этимъ рѣшеніемъ нѣкоторыхъ клеветниковъ, разносящихъ повсюду клеветы на „священниковъ Божіихъ“ (т. е. на епископовъ), какъ на авторовъ соборнаго постановленія, причемъ самъ Антоніанъ, какъ единомысленный Кипріану „сосвященникъ“ призывается вѣрить не „злымъ отступникамъ и клеветникамъ“, а „скромнымъ товарищамъ и достопочтеннымъ мужамъ“, т. е. очевидно, православнымъ епископамъ [3]. Тѣ-же „товарищи наши“, т. е. епископы изслѣдовали фактъ непричастности еп. Корнелія къ „либеллятикамъ“ и разоблачили тенденціозныя искаженія въ дѣлѣ принятія бывшаго епископа Трофима. Да и вообще, замѣчаетъ Кипріанъ, „священники Божіи“ (т. е. опять-же епископы) нетолько имѣютъ право „давать миръ тѣмъ, которые умоляютъ и взываютъ о мило-

[1] *Ep.* XLVIII, 2, 606: „sed cum statuissemus collegae conplures qui in unum conueneramus ut legatis ad nos coepiscopis nostris Caldonio et Fortunato missis omnia interim integra suspenderentur“. *P. n.* 39-oe, 202.

[2] *Ibid.* 4, 608: „quod ut simul cum ceteris quoque collegis nostris stabiliter ac firmiter administremus adque (ut) catholicae ecclesiae concordi unanimitate teneamus, perficiet diuina protectio“. *P. n.* Тамъ-же, 203.

[3] *Ep.* LV, 6, 627: „Secundum quod tamen ante fuerat destinatum, persecutione sopita cum data esset facultas in unum conueniendi, copiosus episcoporum numerus quos integros et incolumes fides sua et Domini tutela protexit, in unum conuenimus et scripturis [diu] ex utraque parte prolatis temperamentum salubri moderatione librauimus“. *P. n.* 43-ье, 218.

[1] *Ibidem*, 6. 628: „ac si minus sufficiens episcoporum in Africa numerus uidebatur, etiam Romam super hac re scripsimus ad Cornelium collegam nostrum, qui et ipse cum plurimis coepiscopis habito concilio in eandem nobiscum sententiam... consensit“, *P. n.* Тамъ-же 219 стр.

[2] Съ терминомъ numerus episcoporum мы имѣли уже дѣло значительно выше, въ главѣ о противомонтанистическихъ соборахъ, гдѣ отмѣтили употребленіе даннаго термина Тертулліаномъ (De pudititia c. 21) и высказали догадку, что терминъ этотъ имѣетъ техническое значеніе, ближайшимъ образомъ, указывая на церковный соборъ. См. стр. 154—155. Теперь терминологія еп. Кипріана блестяще оправдала нашу раннѣйшую догадку.

[3] *Ep.* LV. 7, 628. *P. n.* 43-ье, 220. Здѣсь мы снова имѣемъ типичный примѣръ того, какъ несомнѣнные епископы именуются „священниками Божіими“ и „священниками нашими“.

сти Господа милосердаго и благаго", но и обязаны это дѣлать „подражая, чему училъ Христосъ и что Онъ дѣлалъ" [1]). Словомъ, на каждой страницѣ этого письма, чуть-ли не въ каждой его строкѣ мы встрѣчаемся съ епископами, какъ вершителями всѣхъ церковныхъ дѣлъ и въ частности, какъ съ авторами всѣхъ соборныхъ постановленій по дѣлу римской и карѳагенской схизмъ (lapsi, выборы Корнелія, осужденіе Фелициссима).

Наконецъ, если мы обратимся къ другому источнику нашихъ свѣдѣній о карѳагенскихъ соборахъ 251 г. (именно къ источнику осенняго собора, т. е. 64—46 письму Кипріана къ еп. Фиду), то увидимъ, прежде всего, что оно даже и написано-то отъ лица собора шестидесяти шести епископовъ: „Кипріанъ и прочіе товарищи, присутствовавшіе на соборѣ, *въ числѣ шестидесяти шести*, Фиду брату желаютъ здоровья" [2]). Далѣе, канонъ о lapsi предыдущаго т. е. весенняго собора того-же года названъ здѣсь „нашимъ опредѣленіемъ" [3]), слѣдовательно, опредѣленіемъ такого-же, вполнѣ аналогичнаго, т. е. епископскаго собора.

Не выходя за предѣлы исторіи карѳагенскихъ соборовъ 251 г., здѣсь мы должны закончить свой обзоръ *послѣсоборныхъ* свидѣтельствъ Кипріана о составѣ первыхъ, бывшихъ при немъ соборовъ о lapsi и карѳагено-римской схизмѣ. Но при этомъ считаемъ необходимымъ заранѣе предупредить, что и всѣ дальнѣйшіе отзывы Кипріана о послѣдующихъ соборахъ—совершенно аналогичнаго-же свойства: вездѣ дѣйствующимъ элементомъ соборовъ выступаютъ только епископы, при чемъ обычно соборы даже такъ и обозначаются по числу присутствовавшихъ на нихъ епископовъ, напр. соборъ 66-ти, соборъ 42-хъ, соборъ 71-го, соборъ 87-ми и проч. Точно также всѣ соборные дебаты ведутся только епископами, самыя рѣшенія, или каноны соборовъ составляются, подписываются и разсылаются ими-же. О церковной общинѣ, ея клирѣ и народѣ нигдѣ въ послѣсоборныхъ отзывахъ прямо даже и не говорится, что справедливо подчеркнулъ еще R. Sohm, который по этому поводу отмѣтилъ: „во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, которые говорятъ *о состоявшемся* собраніи (vollbrachten Versammlung), имѣются въ виду только епископы, сила принятаго рѣшенія основывается только на числѣ участвующихъ *епископовъ*, честь *епископата* ставится въ связь со сдѣланнымъ постановленіемъ" [4]).

[1]) *Ibidem* 19, 638 и 29, 647. *P. n.* Тамъ-же, 231 и 238 стр.

[2]) *Ep.* LXIII, 717: Titulus: „Cyprianus et caeteri collegae qui in concilio adfuerunt numero LXVI Fido fratri s." *P. n.* 46-oe, 246.

[3]) *Ibid.* 1, 717: „recessum est a *decreti nostri* auctoritate"... *P. n.* тамъ-же, 246.

[4]) ...*Sohm* „Kirchenrecht" I, 264.

Подведемъ теперь итоги. Что-же, прежде всего, получилось у насъ въ результатѣ обращенія къ подлинному тексту кипріановой переписки? Повидимому, пока только тотъ, довольно неутѣшительный выводъ, что пропасть между двумя вышеизложенными литературными взглядами на составъ кипріановыхъ соборовъ нетолько ничуть не стала меньше, но еще больше выросла и рѣзче опредѣлилась. Сторонники широкаго, общественно-народнаго представительства на карѳагенскихъ соборахъ по вопросу о lapsi могутъ съ полнымъ правомъ указать на рядъ выразительныхъ и краснорѣчивыхъ цитатъ изъ *до-соборной* переписки Кипріана, гдѣ онъ обѣщаетъ самый полный соборъ, съ участіемъ пресвитеровъ, діаконовъ, исповѣдниковъ и вѣрныхъ мірянъ, при наличности многихъ сосѣднихъ епископовъ. А защитники узко-епископскаго состава соборовъ ничуть не съ меньшимъ, если еще даже не съ бо́льшимъ правомъ, могутъ апеллировать къ многочисленнымъ и очень яркимъ свидѣтельствамъ того-же автора, но только изъ *послѣсоборнаго періода*, которыя говорятъ не о гадательномъ будущемъ, а уже объ опредѣленномъ прошедшемъ такихъ соборовъ. Такимъ образомъ, и тѣ и другіе, несмотря на всю коренную разницу ихъ взглядовъ, оказываются одинаково правы, поскольку основываются на Кипріанѣ, который, наоборотъ, оказывается какъ будто-бы не совсѣмъ правъ, потому что одно онъ обѣщалъ, а другое сдѣлалъ: обѣщалъ самый полный и широкій соборъ, а устроилъ его изъ однихъ только епископовъ.

Предъявляя подобное обвиненіе Кипріану, нѣкоторые наиболѣе радикальные представители раціоналистической критики подыскиваютъ сему и соотвѣтствующее объясненіе. Когда Кипріанъ укрывался въ убѣжищѣ, то въ Карѳагенѣ, по ихъ словамъ, перевѣсъ взяла партія оппозиціи, въ лицѣ „нѣкоторыхъ пресвитеровъ", исповѣдниковъ и значительной части народа (изъ числа lapsi), такъ что шансы скрывшагося епископа одно время стояли очень низко и ему чуть-ли не грозила потеря каѳедры. Чтобы спасти свое положеніе и вернуть утраченныя симпатіи общины, Кипріанъ, говорятъ, и пошелъ на всякія поблажки и уступки, въ числѣ которыхъ едва-ли не самой главной было обѣщаніе устроить такой соборъ, на которомъ получили-бы свою долю участія всѣ имъ недовольные и противъ него будирующіе элементы: пресвитеры, діаконы, исповѣдники и даже вѣрные міряне (stantes, въ противоположность lapsi). Кипріанъ, такимъ путемъ, какъ-бы давалъ авансы всѣмъ вліятельнымъ членамъ своей карѳагенской общины, чтобы снискать себѣ симпатіи и поддержку большинства въ предстоящей неизбѣжной борьбѣ съ непримиримымъ мень-

шинствомъ. И онъ успѣлъ въ этомъ намѣреніи: оппозиція была сломлена и путь къ мирному возвращенію Кипріана былъ подготовленъ. Вернувшись въ Карѳагенъ, Кипріанъ убѣдился, что опасность для него почти миновала и что теперь уже нѣтъ особенной нужды идти на такую чрезвычайную жертву, какъ устройство широкаго, общественно-народнаго собора, почему онъ и ограничился созывомъ обычнаго, чисто епископскаго собора. Католичествующій авторъ—O. Ritschl, чтобы смягчить впечатлѣніе отъ столь рѣзкой перемѣны фронта Кипріаномъ, вноситъ въ изложенное объясненіе нѣкоторыя дополнительныя поправки. Онъ говоритъ, напримѣръ, что у Кипріана долгое время не было никакого опредѣленнаго взгляда на составъ собора и онъ переживалъ періодъ „большаго колебанія“ (ein grosses Schwanken) и „большой неясности относительно будущаго собора“ [1]). Первоначально, впрочемъ, Кипріанъ сильнѣе склонялся на сторону болѣе широкаго пониманія собора, со включеніемъ въ его составъ не только своего, но и чужого клира (римскаго). Но по мѣрѣ того, какъ время шло и соборъ приближался, взгляды Кипріана на этотъ предметъ постепенно прояснялись и опредѣлялись, въ смыслѣ усиленія епископской группы, насчетъ сокращенія всѣхъ остальныхъ. „Кипріанъ, повидимому, постепенно проникается взглядомъ, что другія группы, которыя онъ *случайно* (к. н.) назвалъ, въ качествѣ участниковъ собора (gelegentlich, als Theilnehmer an dem Concil nennt), все болѣе и болѣе вытѣсняются епископами“ (durch die Bischöfe zu verdrängen)“ [2]).

Мы, однако, рѣшительно отказываемся принять подобное объясненіе, даже и въ смягченной его формѣ (O. Ritschl'я). Не можемъ этого сдѣлать, прежде всего, изъ уваженія къ личности самого св. Кипріана. Все, что намъ извѣстно о Кипріанѣ изъ исторіи, изъ отзывовъ его современниковъ и послѣдующихъ церковныхъ писателей, и еще больше изъ его собственныхъ сочиненій—исключаетъ всякую мысль о томъ, чтобы у Кипріана не было ясныхъ и твердыхъ взглядовъ на составъ собора, чтобы онъ въ этомъ дѣлѣ допускалъ какія-либо сомнѣнія и колебанія, не говоря уже о недостойномъ и совершенно недопустимомъ съ его стороны обманѣ. Наоборотъ, это былъ ясный, трезвый, практически дѣловой умъ, который всегда прекрасно зналъ, чего хотѣлъ и къ чему стремился; это—человѣкъ съ твердой волей и

[1]) *Otto Ritschl* „Cyprian von Karthago und die Verfassung der Kirche“, 153—154 s. Göttingen, 1885,

[2]) *O. Ritschl* „Op. cit.“ 154 s.

сильнымъ характеромъ, которому не свойственно было переживать періоды длительныхъ сомнѣній и колебаній; наконецъ—это и огромный моральный авторитетъ, къ голосу котораго прислушивалась и съ мнѣніемъ котораго считалась не только вся сѣверная Африка, но и Испанія, Галлія, отдаленный Востокъ и, въ значительной степени, сама римская церковь (при папахъ Корнеліѣ и Луціѣ). При такихъ условіяхъ серьезно говорить о какихъ-либо крупныхъ моральныхъ дефектахъ личности и тактики еп. Кипріана, (а обманъ относительно состава церковнаго собора былъ-бы грубѣйшимъ и личнымъ и тактическимъ проступкомъ Кипріана), конечно, не приходится.

Да не приходится, далѣе, дѣлать этого и по чисто объективнымъ, историческимъ соображеніямъ. Въ самомъ дѣлѣ, если-бы Кипріанъ допустилъ какой-либо обманъ и подтасовку въ составѣ перваго-же весенняго собора 251 г., то его неблаговидныя дѣйствія вскрылись-бы при самомъ-же началѣ собора и, конечно, вызвали бы общее возмущеніе и осужденіе, не говоря уже о сильномъ возбужденіи самой обманутой карѳагенской общины (ея клира и народа). При подобномъ, вполнѣ естественномъ и даже неизбѣжномъ возбужденіи умовъ, чисто епископскій соборъ едвали-бы даже и могъ состояться; а если-бы онъ и состоялся, то въ первую голову долженъ-бы былъ осудить самого Кипріана, за допущенный имъ обманъ. Но пусть сознательнаго обмана не было. Согласимся на одинъ моментъ съ O. Ritschl'емъ, что со стороны Кипріана здѣсь было только добросовѣстное заблужденіе и онъ, убѣдившись въ своей первоначальной ошибкѣ (относительно самыхъ широкихъ рамокъ собора), захотѣлъ теперь ее исправить, почему и собралъ однихъ только епископовъ. Принципіально отрицать возможность подобнаго добросовѣстнаго заблужденія и его послѣдующей поправки, конечно, нельзя. Тѣмъ болѣе, что, какъ разъ, именно, на этомъ соборѣ мы имѣемъ и нѣсколько аналогичный случай—отказъ Кипріана, подъ давленіемъ собора, отъ его раннѣйшаго болѣе ригористическаго взгляда на падшихъ и замѣну его новымъ, болѣе снисходительнымъ къ нимъ отношеніемъ [1]). Но какъ разъ именно, въ данномъ случаѣ подобная перемѣна взглядовъ Кипріана, должна быть исключена. Во-первыхъ, потому, что и такая перемѣна (т. е. вполнѣ добросовѣстная) безъ сомнѣнія, вызвала-бы почти всѣ тѣ-же послѣдствія, о которыхъ мы говорили выше, т. е. и сильное возмущеніе обиженной карѳагенской общины, и ея справедливое недовольство своимъ, нетвердымъ въ важныхъ мнѣніяхъ епископомъ и даже, какъ вѣроятный результатъ всего этого—его

[1]) *См. объ этомъ выше,* стр. 418, примѣч.

возможное низложеніе. А во-вторыхъ, и еще больше потому, что еп. Кипріанъ совершенно категорически самъ-же заявляетъ объ отсутствіи у него всякой перемѣны во взглядахъ на соборъ и о полномъ тожествѣ его раннѣйшихъ и позднѣйшихъ характеристикъ соборнаго состава. Вотъ, это важное показаніе: „итакъ, *сообразно съ тѣмъ, какъ предположено было раньше*, теперь по укрощеніи гоненія, когда открылась возможность собраться вмѣстѣ, собралось большое число пасъ, епископовъ, которыхъ ихъ собственная вѣра и божественный покровъ сохранилъ цѣлыми и невредимыми“ [1]). Отсюда вполнѣ ясно, что весенній карѳагенскій соборъ 251 г. несмотря на то, что въ данномъ случаѣ подчеркнутъ его чисто епископскій характеръ и составъ (copiosus episcoporum numerus), и былъ именно тѣмъ самымъ соборомъ, который Кипріанъ неоднократно обѣщалъ раньше. А какъ-бы для доказательства того, что Кипріанъ нисколько не забылъ и не измѣнилъ своихъ раннѣйшихъ обѣщаній, онъ непосредственно передъ вышеизложенными словами приводитъ и буквальную, уже знакомую намъ выдержку изъ письма къ нему римскаго клира, которая устанавливаетъ самый широкій составъ собора и доказываетъ полную солидарность взглядовъ на этотъ предметъ карѳагенской и римской церкви [2]). Такимъ образомъ, несомнѣнно, что самъ еп. Кипріанъ между двумя своими утвержденіями, изъ которыхъ въ одномъ говорилъ о copiosus episcoporum numerus, а въ другомъ о collatione consiliorum cum episcopis presbyteris diaconis confessoribus pariter ac stantibus laicis,—не усматривалъ ни малѣйшаго противорѣчія и даже подчеркивалъ ихъ полное предметное согласіе (secundum quod tamen ante fuerat). Вотъ въ этомъ-то объединеніи и примиреніи самимъ авторомъ (Кипріаномъ) его кажущихся противорѣчій, какъ мы убѣждены, и лежитъ ключъ къ разгадкѣ сложнаго и запутаннаго вопроса о составѣ карѳагенскихъ соборовъ его времени, къ разгадкѣ тѣмъ болѣе важной, что она опредѣленно намѣчаетъ путь разрѣшенія и болѣе общей проблемы—о самомъ происхожденіи и характерѣ соборовъ древней церкви.

[1]) *Ep.* LX, 6, 627: „Secundum quod tamen ante fuerat destinatum, persecutione sopita cum data esset facultas in unum conueniendi, copiosus episcoporum numerus, quos integros et incolumes fides sua et Domini tutela protexit, in unum conuenimus“. *P. n.* 43-ье, 218. Все это, нѣсколькими строками ниже, Кипріанъ повторяетъ и еще разъ съ характернымъ предупрежденіемъ не считать его раннѣйшихъ обѣщаній о соборѣ единственными необдуманно и легкомысленно (nihil cuiter egisse), такъ они съ абсолютной точностью были имъ исполнены. Ibid. 7, 628. *P. n.*—219.

[2]) *Ibid.* 5, 627. *P, n.* тамъ-же, 217. О письмѣ-же римскаго клира, откуда взята эта выдержка и о самомъ ея текстѣ мы говорили выше, на стр. 459-ой.

VI.

Проблема происхожденія церковныхъ соборовъ. Изложеніе и разборъ соборной теоріи R. Sohm'a.

Не намѣреваясь охватить здѣсь эту большую и сложную проблему во всемъ ея широкомъ объемѣ, возьмемъ ее лишь въ точкахъ соприкосновенія съ разсмотрѣнными карѳагенскими соборами и съ только что изслѣдованной корреспонденціей Кипріана, дающей основаніе и право смотрѣть на провинціальный соборъ, какъ на объединеніе мѣстнаго собранія общины метрополя со съѣздомъ епископовъ его провинцій.

Впервые, насколько намъ извѣстно, на указанный путь рѣшенія проблемы древне-церковнаго, провинціальнаго собора опредѣленно сталъ въ 90-ыхъ годахъ прошлаго столѣтія знаменитый западный правовѣдъ *R. Sohm*, выводы котораго въ началѣ текущаго столѣтія не только усвоилъ, но значительно развилъ и подкрѣпилъ и нашъ русскій канонистъ проф. *П. Гидуляновъ* [1]). Вполнѣ примыкая къ идейной платформѣ этихъ ученыхъ, попытаемся дать болѣе широкое и подробное развитіе ихъ взглядамъ, опереть ихъ на источники, а главное—поставить въ связь съ результатами нашего раннѣйшаго изслѣдованія.

Основной тезисъ R. Sohm'a, въ примѣненіи къ разсматриваемымъ нами соборамъ Кипріана, буквально гласитъ слѣдующее: „итакъ: общее собраніе мѣстной церкви (Gemeindeversammlung, разумѣется von Karthago) объявлено (ist angekündigt) и „соборъ“ многихъ епископовъ состоялся (ist gehalten worden). Кипріанъ увѣряетъ насъ, что этотъ соборъ и есть именно ранѣе возвѣщенное собраніе (dies Koncil eben jene zuvor angekündigte Versammlung sei). Изъ этого слѣдуетъ, что *соборъ совпадаетъ съ обще-церковнымъ собраніемъ* (das Koncil mit Gemeindeversammlung [2]) zusammenfällt)..... Соборъ представляетъ лишь извѣ-

[1]) *R. Sohm* „Kirchenrecht“, I, 264 sq. Leipzig 1892. *Проф. П. В. Гидуляновъ* „Митрополиты въ первые три вѣка христіанства“, 157 и сл. Москва 1905 г. Въ значительной степени по ихъ слѣдамъ идетъ и кіевскій канонистъ-проф. *Ѳ. И. Мищенко*, въ своей интересно и живо написанной статьѣ: „О составѣ помѣстнаго собора Всероссійской церкви“ (имѣется въ виду, главнымъ образомъ вступительный историческій очеркъ статьи). Труд. Кіев. дух. академіи, 1906 г. Январь 50—112 стр. Существуетъ, если не ошибаемся, и въ формѣ отдѣльной брошюры. Но, принявъ основной тезисъ Sohm'a—о рецептивномъ характерѣ голоса „общины“, т. е. ея клира и народа—*Мищенко*, къ сожалѣнію, почти стеръ всѣ реально-фактическія черты этой общины, которыя и придавали взгляду Sohm'a конкретно-убѣдительный и жизненный характеръ.

[2]) Обращаемъ вниманіе на то, что Gemeindeversammlung имѣетъ у R. Sohm'a строго опредѣленное техническое значеніе, именно, указываетъ на *общее*,

стную *форму обнаруженія* (eine Erscheinungsform) общаго собранія, особый видъ *мѣстно-общиннаго собранія, усиленнаго епископами,* (durch Bischöfe verstärkte Gemeindeversammlung dar“ [1]). Какъ видно отсюда, Sohm въ основу карѳагенскихъ соборовъ Кипріана кладетъ *мѣстно-церковный соборъ*, т. е. общенародное собраніе карѳагенской церкви, во главѣ съ ея епископомъ, въ составѣ ея клира (пресвитеры, діаконы и проч.) исповѣдниковъ и вѣрнаго народа, (confessores, stantes). Такія собранія, или мѣстно-церковные соборы, какъ мы неоднократно въ этомъ уже убѣждались и раньше, дѣйствительно, широко практиковались въ древней церкви и вполнѣ отвѣчали ея, еще довольно примитивному, отческо-патріархальному строю. Въ частности, общецерковныя собранія составлялись каждый разъ, когда въ жизни мѣстной церковной общины происходили какія либо важныя событія, въ ней возникали лжеученія и споры, до нея доходили какіе либо тревожные слухи или ей предстояло высказаться по какому-либо важному чужому дѣлу и запросу. Потому мы и видимъ, что подобныя общія собранія той или другой мѣстной церкви происходятъ тогда, когда напр. въ ней избирается новый епископъ на мѣсто умершаго [2]), когда ее посѣщаютъ и ей предлагаютъ свое назиданіе какіе-либо видные и авторитетные путешественники [3]), когда въ ней возникаютъ нестроенія и споры [4]), когда до нея доходятъ слухи о предстоящей опасности отъ еретиковъ [5]), когда требуется дать отпоръ чужому посягательству на мѣстно-церковную автономію [1]), когда надо было отвѣтить на какой-либо важный запросъ другой церкви [2]) и т. п. Само собою понятно, что наиболѣе интенсивно функціонировали подобныя мѣстно-церковныя собранія въ сильныхъ и развитыхъ церковныхъ общинахъ, т. е. прежде всего въ общинахъ церковно-политическихъ *метрополей*, такъ какъ тамъ и собственныхъ нуждъ возникало гораздо больше (въ зависимости отъ бо́льшаго масштаба самой общины), да и посторонніе запросы и обращенія къ ея авторитету поступали неизмѣримо чаще, чѣмъ куда-либо еще. Не всегда, однако, даже и церковная община метрополя была въ состояніи одна, только своими силами управляться съ возникавшими въ ней (какъ извнутри такъ и извнѣ) дѣлами: иногда она чувствовала свою недостаточную силу или авторитетность, почему и искала помощи со стороны. Такъ бывало напр. всякій разъ, когда эта община лишалась своего епископа и нуждалась въ поставленіи ей новаго, когда внутри общины происходили рѣзкіе, сильно ослаблявшіе ее раздѣленія и споры, въ особенности, когда виновникомъ такихъ споровъ являлся самъ епископъ [3]), и въ цѣломъ рядѣ другихъ, аналогичныхъ случаевъ. Во всѣхъ этихъ обстоятельствахъ церковная община метрополя искала опоры и подкрѣпленія себѣ во-внѣ, и конечно, прежде всего, у своихъ-же ближайшихъ сосѣдей—общинъ другихъ церквей, группировавшихся около этого метрополя и тяготѣвшихъ къ нему, какъ къ своему естественному церковно-административному центру. Помощь этихъ церквей-сосѣдокъ выражалась въ томъ, что они присылали на мѣстное собраніе общины метрополя своихъ, наиболѣе уважаемыхъ и авторитетныхъ депутатовъ, каковыми, при епископально-приходскомъ строѣ тогдашней церкви, естественно и неизбѣжно являлись епископы сосѣднихъ церквей [4]). Такимъ путемъ, общее собраніе церкви метрополя постепенно росло и расширялось, втягивая въ свой объемъ все большее и боль-

мѣстно-церковное собраніе, т. е. на собраніе всѣхъ членовъ той или другой мѣстной церковной общины, во главѣ съ ея епископомъ и въ составѣ ея клира и народа.

[1]) *R. Sohm,* „Kirchenrecht“, I, § 23, s. 265.

[2]) Эти, такъ называемые, „избирательные, или выборные соборы“ были, по всей вѣроятности, первымъ видомъ послѣдующихъ расширенныхъ церковныхъ собраній. На нихъ естественно натолкнула сама жизнь. Со смертью своего епископа, община временно сиротствовала и переживала нѣкоторый кризисъ. Естественно, что на помощь къ ней приходили въ это трудное время ближайшіе сосѣдніе епископы, содѣйствіе которыхъ при избраніи и, въ особенности, при хиротоніи новаго епископа было не только полезно (епископы испытывали новаго кандидата и, такъ сказать, его аппробировали), но и положительно даже необходимо, (такъ какъ епископы совершали хиротонію нареченнаго кандидата).

[3]) Таковъ, напримѣръ, извѣстный намъ случай пріѣзда и бесѣды въ Анкирѣ галатійской авторитетнаго писателя-антимонтаниста. Или аналогичный случай многодневной бесѣды еп. Діонисія александрійскаго съ хиліастами арсиноской церкви. См. объ этомъ выше, на 104—106 стр.

[4]) О подобномъ „разногласіи и немаломъ стязаніи“, происходившемъ внутри антіохійской и іерусалимской церквей хорошо освѣдомлены мы еще по исторіи самаго перваго—Апостольскаго собора (см. выше, стр. 44 и слѣд. 51—52).

[5]) Типичный случай такой оборонительной борьбы представляютъ, какъ мы въ свое время выясняли, почти всѣ антимонтанистическіе соборы. См. выше, стр. 107—109. 148—154.

[1]) Самымъ характернымъ изъ ранѣе разсмотрѣнныхъ нами соборовъ этого типа былъ, безъ сомнѣнія, Ефесскій оппозиціонный соборъ азійскихъ четыренадесятниковъ, на которомъ еп. Поликратъ давалъ отпоръ папѣ Виктору. См. стр. 227—240.

[2]) Необходимостью дать отвѣтъ на опредѣленный запросъ изъ Рима было вызвано большинство пасхальныхъ соборовъ. Стр. 207 и сл. Задача опредѣленно высказаться по вопросу о римскихъ епископскихъ выборахъ (Корнелій или Новаціанъ?) остро стояла и передъ карѳагенскими соборами 251 г.

[3]) Изъ извѣстныхъ уже намъ соборовъ характерный примѣръ этого рода представляетъ *Бострійскій* соборъ противъ еп. Беррилла. См. о немъ выше, стр. 328 и слѣд.

[4]) Впрочемъ, самъ R. Sohm въ данномъ пунктѣ недостаточно опредѣленъ и твердъ, какъ увидимъ это нѣсколько ниже.

шее число сосѣднихъ провинціальныхъ представителей-епископовъ (numerus episcoporum). Первоначально это происходило только въ сравнительно рѣдкихъ, такъ сказать, экстраординарныхъ случаяхъ. Затѣмъ, по мѣрѣ внѣшняго и внутренняго роста церковныхъ провинцій, такіе случаи стали повторяться все чаще и чаще, до тѣхъ поръ, пока они не вошли въ постоянный жизненно-церковный обиходъ, т. е. не превратились въ форму регулярныхъ провинціальныхъ соборовъ.

Ко времени такого превращенія, тѣ два элемента, изъ которыхъ данные соборы составлялись, какъ-бы взаимно перемѣстились: если прежде на первомъ планѣ стояла мѣстная община, а представители другихъ церквей играли роль, хотя и важнаго, но все-же добавочнаго элемента, то теперь получилось почти наоборотъ: пришлый епископскій элементъ, увеличившись въ числѣ, усилился и въ значеніи, такъ что въ союзѣ съ епископомъ мѣстной церкви, онъ сталъ играть роль главнаго вершителя соборныхъ дѣлъ. Значеніе-же мѣстной церковной общины сильно поблѣднѣло и стало больше напоминать роль общаго фона для соборно-епископской картины. Но подобному тому, какъ фонъ, въ отличіе отъ декораціи, составляетъ органическую часть картины, безъ чего она не жизненна и тускла, такъ и церковный соборъ однихъ только епископовъ, безъ активнаго участія мѣстной общины, въ лицѣ ея клира и народа, былъ-бы не подлиннымъ и не настоящимъ соборомъ и его рѣшенія не имѣли-бы подъ собой твердой почвы, какъ это всего лучше выясняетъ намъ слѣдующее мѣсто изъ кипріановой переписки: „не можетъ быть твердымъ то опредѣленіе, относительно котораго извѣстно, что на него не было согласія большинства“ [1]), причемъ большинство это, какъ ясно изъ ближайшаго-же контекста, принадлежало тому „общему совѣту, съ епископами, пресвитерами, діаконами, исповѣдниками и твердыми въ вѣрѣ мірянами“, который долженъ былъ разсмотрѣть и обсудить во всемъ его объемѣ дѣло „падшихъ“.

Эпоха Кипріана и была, повидимому, тѣмъ завершительнымъ періодомъ, когда расширенное общее собраніе церкви метрополя превратилось въ регулярный провинціальный соборъ епископовъ. Мы назвали провинціальный соборъ *епископскимъ*, какъ потому, что изъ остальныхъ церквей провинціи, насколько видно изъ источниковъ, собирались на него только епископы,

[1]) *Ep.* XXX, 5, 553: „quoniam nec firmum decretum potest esse quod non plurimorum uidebitur habuisse consensum... А шестью строками выше: „deinde sic collatione consiliorum cum episcopis presbyteris diaconis confessoribus pariter ac stantibus laicis facta lapsorum tractare rationem“ *P. n.* стр. 221 примѣч.

такъ и потому, что епископскій элементъ, видимо, преобладалъ здѣсь надъ всѣми остальными и какъ-бы покрывалъ ихъ собой. Но этотъ новый, преимущественно, епископскій характеръ и составъ регулярно-провинціальнаго собора отнюдь не исключалъ собой его старой, мѣстно-церковной основы: послѣдняя, по прежнему, выражалась въ фактѣ участія на соборѣ мѣстнаго клира (пресвитеровъ, діаконовъ) и лучшихъ, наиболѣе твердыхъ и стойкихъ мірянъ („исповѣдники“, stantes). Причемъ, необходимо отмѣтить, что два послѣднихъ составныхъ элемента собора (т. е. клиръ и народъ мѣстной церковной общины) отнюдь не являлись только безучастными зрителями собора и его пассивными статистами, нужными лишь для болѣе торжественной обстановки собора и публичности его засѣданій. Нѣтъ, они, хотя порознь, лично, тамъ и не выступали, но въ собирательно-коллегіальномъ смыслѣ дѣйствовали вполнѣ активно, выполняя одну весьма важную и почетную функцію собора, которую Sohm технически обозначаетъ терминомъ „рецепція“.

Ученіе объ обще-церковной „рецепціи“ собора (точнѣе, о церковной общинѣ метрополя, какъ органѣ такой рецепціи) является одной изъ наиболѣе плодотворныхъ и наименѣе спорныхъ идей, пущенныхъ въ научный оборотъ этимъ оригинальнымъ и крупнымъ канонистомъ. Совершенно пріемлемо оно и съ точки зрѣнія православной догматики, такъ какъ даетъ углубленное пониманіе принципа „соборности“ церкви, вполнѣ оправдываемое и соотвѣтствующими историческими фактами. Именемъ „рецепціи“ Sohm, говоря кратко, обозначаетъ согласіе общины съ тѣмъ рѣшеніемъ, какое выноситъ соборъ епископовъ, общецерковное одобреніе этого рѣшенія и полное подчиненіе ему, т. е. переводя это на языкъ Кипріана,—рецепція обозначаетъ собой тотъ самый consensus епископовъ съ клиромъ и вѣрнымъ народомъ, о которомъ, какъ безусловно необходимомъ условіи правильности и твердости соборныхъ рѣшеній, такъ часто упоминается въ его корреспонденціи. Въ самомъ раскрытіи своего взгляда на соборную рецепцію, Sohm выходитъ изъ слѣдующихъ, совершенно правильныхъ отправныхъ пунктовъ. „Церковь, или экклесія, въ силу своего идеала и своей сущности, это—христіанство, народъ Божій и царство Божіе, тѣло Христово на землѣ“ [1]). Слѣдовательно, она прежде всего есть живой и дѣятельный духовно-нравственный организмъ, состоящій хотя изъ многихъ и различныхъ членовъ, но одинако имѣющихъ свою долю участія въ общей жизни и работѣ цѣлаго тѣла церкви (I Кор. XII гл.). Идеальная экклесія,

[1]) *R. Sohm.* Op. cit., 2 s.

въ сущности, едина: это—вселенское собраніе всего христіанства, во всей его совокупности. Но у этой единой экклесіи существуетъ безчисленное множество внѣшнихъ формъ обнаруженія. Она проявляется и въ собраніи мѣстной общины, и въ видѣ домашней церкви и въ многочисленныхъ собраніяхъ нѣсколькихъ христіанъ, начиная съ двухъ-трехъ человѣкъ, объединенныхъ во имя Христа" (Мѳ. XVIII, 17) [1]. Всѣ эти частныя, разрозненныя, малыя экклесіи дѣйствуютъ по уполномочію великой вселенской экклесіи, живутъ ея духомъ и говорятъ отъ ея имени и лица, такъ что хотя и въ маломъ масштабѣ, но отображаютъ въ себѣ жизнь той-же великой вселенской экклесіи. Церковь живетъ Духомъ Божіимъ и управляется волей Христа. А эта воля Божія открывается чрезъ особо облагодатствованныхъ людей. Первоначально ими являлись носители, такъ называемой, „харисматической" іерархіи: апостолы, пророки и учители. Затѣмъ, на мѣсто пророка и учителя, въ качествѣ ихъ замѣны и продолженія [2]), стали выдвигаться „епископы" [3]) и эта епископская организація церкви къ исходу перваго вѣка христіанства представляется уже единственной и вполнѣ сложившейся [4]).

Но хотя „апостолы", „пророки", а затѣмъ и „епископы", какъ органы Духа и носители особаго благодатнаго (харисматическаго) дара и являлись преимущественными органами откровенія „воли Божіей" въ церкви, однако и остальные члены церкви—вся масса вѣрнаго народа, далеко не была устранена отъ „распознаванія" этой воли Бога. Вѣрующей массѣ, т. е. всему тѣлу церкви принадлежитъ весьма важное и цѣнное право „испытывать духи", т. е. опредѣлять, гдѣ настоящее, дѣйствительное откровеніе, и

[1]) *Ibidem*—21 s.

[2]) *R. Sohm* Op. cit. 212 s.: „Das *Alleinrecht* des Bischofs in sich, der Gemeinde *den Dienst der Profeten und Lehrer zu leisten*".

[3]) *R. Sohm*—85, 89 ss.

[4]) *Ibid.*—106: „nach diesem (посл. Кл. Р. къ Коринѳ. и др.) unanfechtbaren Zeugniss von Ausgang des ersten Jahrhunderts giebt es *gründsätzlicht* in der Ekklesia nur *eine* Art der Organisation, und diese ist die bischöfliche—so wie sie in Rom ausgebildet worden ist". Ошибка Sohm'а и очень серьезная въ томъ, что онъ, какъ въ харисматическомъ, такъ даже и въ епископальномъ строѣ церкви признаетъ лишь одинъ, духовно-нравственный и благодатный моментъ, отрицая всякое значеніе за другимъ—внѣшне-административнымъ и канонически-правовымъ элементомъ. Спеціальный научный разборъ этого см. у *Harnack*'а „Urchristentum und Katolizismus" (приложеніе къ его-же „Entstehung und Entwicklung der Kirchenverfassung und Kirchenrechts in den zwei Jahrhunderten". Leip. 1910, s. 121 sq.) и у проф. *Н. А. Заозерскаго* въ рядѣ статей о „Сущности церковнаго права" Богосл. Вѣстн. 1909 г. III т. и 1910 г. I и 1911 г. I. Существуетъ и въ формѣ отдѣльной брошюры.

гдѣ лишь поддѣлка подъ него, одна простая симуляція его? Такой властью облекли вѣрующихъ, какъ извѣстно, еще святые апостолы, заповѣдывавшіе своимъ послѣдователямъ „испытывать духовъ" [1]) и это, въ формѣ уже прямой обязанности повторилъ и авторъ Дидахэ, который одновременно указалъ и тѣ пути, или средства, при помощи которыхъ община можетъ выполнить лежащій на ней долгъ, и черезъ то застраховать себя отъ довѣрія къ ложному пророку и его обманному, а вмѣстѣ и опасному, пророчеству [2]). Три этихъ идейныхъ основы и дали, по Sohm'у жизнь и смыслъ „церковнымъ соборамъ". Именно, идея вселенскаго единства и взаимосвязанности всѣхъ членовъ церковнаго организма необходимо привела къ признаку „соборности" церкви, внѣшнимъ выраженіемъ чего и явились „церковные соборы". Значеніе епископовъ, какъ органовъ откровенія воли Божіей, опредѣлило ихъ главную, дѣйствующую роль на этихъ соборахъ, въ качествѣ провозвѣстниковъ и истолкователей божественныхъ повелѣній, обычно облекаемыхъ въ форму соборныхъ каноновъ, или постановленій. Наконецъ, роль остального клира и вѣрующаго народа сводилась къ тому, что они своимъ коллективнымъ приговоромъ „испытывали" эти капоны, т. е. „свидѣтельсвовали" и рѣшали, точно-ли они представляютъ собой божественную волю, согласны-ли они съ божественными заповѣдями и съ внутреннимъ убѣжденіемъ всѣхъ вѣрующихъ? И только послѣ такого испытанія и свободнаго соглашенія съ рѣшеніями епископовъ, община, такъ сказать, аппробировала ихъ и принимала къ своему исполненію и руководству, въ качествѣ дѣйствительной и испытанной воли Божіей, открытой чрезъ согласный censensus епископовъ, клира и народа.

Такова была внутренняя идеологія соборовъ. Ихъ внѣшняя-же исторія развивалась по Sohm'у, приблизительно, слѣдующимъ образомъ. Самый ранній и первый видъ церковнаго собора это—собраніе мѣстной общины, въ главѣ съ ея епископомъ и кли-

[1]) У *Sohma* объ этомъ подробнѣе говорится ss. 52, 227 и 300. Новозавѣтно-библ. основы см. I, *Io. IV, 1:* „возлюбленные, не всякому духу вѣрьте, но испытывайте духовъ, отъ Бога ли они: потомучто много лжепророковъ появилось въ мірѣ". Ср. *Мѳ. VII, 15. Апок. II, 2.* А ап. Павелъ въ своемъ извѣстномъ перечнѣ духовныхъ дарованій говоритъ даже о спеціальномъ дарѣ „распознаванія, или различенія *(διακρίσεις)* духовъ", *I Кор. XII, 10. Ср. I Солун. V, 21:* „все испытывайте *(δοκιμάζετε)*, добраго держитесь". См. въ диссертаціи *о. М. П. Ѳивейскаго* „Духовныя дарованія въ первонач. христіанской церкви", 41—42.

[2]) *Ученіе XII апостоловъ (Διδαχη)* VI, 1 и XI, 1—2, 8, 11. Изданіе *Ad. Harnack*'а „Die Lehre der zwölfe Apostel nebst Unters. zur ältest. Geschichte d. Kirchenfassung". TU: II, 1 и новая серія V. См. также 18—19 стр. настоящаго изслѣдованія.

ромъ. На этихъ пленарныхъ собраніяхъ общины рѣшались всѣ ея практическія нужды и волновавшіе ее болѣе отвлеченные вопросы. При этомъ община рѣшала всѣ свои дѣла не по своему мнѣнію и произволу, а по „суду Божію", который возвѣщался ей чрезъ ея епископа. Епископъ, произнося то или иное сужденіе по существу затронутаго вопроса, тѣмъ самымъ уже „возвѣщалъ", или, точнѣе, долженъ былъ возвѣщать волю Божію. Послѣ этого клиръ и вся община обязаны были „испытывать" сказанное епископомъ, т. е. обсуждать, сказалъ-ли это имъ епископъ „отъ Бога", или „отъ себя"? И если они убѣждались въ первомъ, то сужденіе епископа пріобрѣтало силу общесоборнаго приговора и становилось соборнымъ канономъ или церковной нормой. Таковъ былъ обычный порядокъ и изначальный, примитивный видъ соборовъ.

Но, какъ мы уже это видѣли, скоро необходимость заставила ввести небольшое добавленіе—именно, расширить рамки замкнутаго мѣстно-церковнаго собора черезъ приглашеніе въ него нѣсколькихъ постороннихъ депутатовъ. На это натолкнулъ, по мнѣнію Sohm'a, тотъ самый случай, о которомъ говорится въ „церковныхъ канонахъ" [1])—древне-церковномъ памятникѣ конца втораго вѣка (по Sohm'у—между 140—180 г. См. 282 стр. Kirchenrecht),—т. е. когда малая церковь переживала критическое положеніе: она теряла своего епископа (своего органа и проводника воли Бога), приступала къ избранію ему преемника, но была слишкомъ малочисленна и слаба, такъ что нуждалась въ усиленіи со стороны и, прежде всего, по логикѣ Sohm'a [2]), въ чужомъ епископѣ, который

[1]) *Apostolische Kirchenordnung* c. 1: *„ἐὰν ὀλιγανδρία ὑπάρχῃ καὶ μήπου πλῆθος τυγχάνῃ τῶν δυναμένων, ψηφίσασθαι περὶ ἐπισκόπου ἐντὸς δεκαδύο ἀνδρῶν, εἰς τὰ πλησίον ἐκκλησίας, ὅπου τυγχάνει πεπηγυῖα, γραφέτωσαν, ὅπως ἐκεῖθεν ἐκλεκτοὶ τρεῖς ἄνδρες παραγενόμενοι δοκιμῇ δοκιμάσαντες τὸν ἄξιον ὄντα, εἴ τις φήμην καλὴν ἔχει"*. См. литературу этого памятника, его изданія и переводы, выше, на 21 стр.

[2]) Мы намѣренно выражаемся здѣсь: „по логикѣ Sohm'a", такъ какъ необходимость, именно, *епископскаго* участія постулируется всѣмъ вышесказаннымъ о роли епископа, какъ главнаго (даже почти единственнаго) органа откровенія божественной воли въ церкви. Но самъ-то Sohm здѣсь, къ сожалѣнію, не послѣдователенъ и говоритъ, что три „избранныхъ мужа" (auserwählte Männer) могли и не быть клириками" (keine klerikale Eigenschaft verlangt), такъ какъ во второмъ вѣкѣ еще не выдвигалось необходимаго требованія объ епископскомъ соборѣ. Поэтому, три присланныхъ депутата свободно могли быть тремя пресвитерами, или даже простыми мірянами. Kirchenrecht, 284 s. Но даже, если допустить, что два депутата могли быть и лицами іерархическаго достоинства, (на что, собственно, источники насъ не уполномачиваютъ), то третій депутатъ необходимо долженъ быть въ санѣ епископа, въ противномъ случаѣ весь избирательный соборъ оказался-бы безъ языка, т. е. безъ *провозвѣстника Божественной воли*. Впрочемъ, нѣсколькими строками ниже *Sohm* и самъ говоритъ объ епископѣ сосѣдней общины, какъ наиболѣе вѣроятномъ кандидатѣ на это почетное депутатство: wird an ersten Stelle der Bischöf der fremden Gemeinde erschien. Er ist selbstverständlich der auserwählte „Mann"—284 s.

открылъ бы вдовствующей общинѣ волю Бога относительно избранія новаго для нея главы. Въ такихъ случаяхъ собраніе осиротѣвшей общины восполнялось не менѣе, какъ двумя или тремя депутатами присланными со стороны, отъ сосѣдней болѣе сильной общины (*πεπηγυῖα ἐκκλησία*, die grossen befestigten Gemeinden) [1]). Вотъ это-то, вызванное необходимостью, усиленіе мѣстно-общиннаго собранія иноцерковными депутатами и было первичной формой превращенія мѣстнаго собора въ провинціальный. Начало этому, какъ думаетъ Sohm, было положено выборными соборами въ малыхъ и слабыхъ общинахъ. Но обычай этотъ скоро привился и въ другихъ болѣе численныхъ и сильныхъ церквахъ, которыя точно также стали производить избраніе и хиротонію своихъ епископовъ въ присутствіи и при содѣйствіи постороннихъ депутатовъ, въ роли которыхъ теперь исключительно стали выступать сосѣдніе провинціальные епископы. На закрѣпленіе такого обычая и его широкое распространеніе могучее вліяніе оказали два новыхъ фактора, усилившіе свое дѣйствіе съ начала 3 в. и въ особенности, съ эпохи Кипріана. Это, во-первыхъ, традиція апостольскаго преемства епископовъ, въ силу которой каждый новый членъ епископата могъ получать свои идущія отъ апостоловъ полномочія только изъ рукъ раннѣйшихъ, законнопоставленныхъ коллегъ по должности (von einem rechtmässigen Amtsvorgänger). И во-вторыхъ—идея какъ-бы нѣкотораго отождествленія епископа съ его церковью, вслѣдствіе чего каждый епископъ началъ трактоваться въ качествѣ представителя и замѣстителя всей своей церкви, такъ что „только чрезъ своего епископа каждая община могла стоять въ связи съ цѣлой церковью" [2]). Благодаря этому, то, что въ началѣ было лишь исключеніемъ, допускавшимся для избирательнаго собора малой церкви, стало общей нормой для всѣхъ выборныхъ соборовъ (т. е. соборовъ по выборамъ епископа), на которыхъ, слѣдовательно, происходило объединеніе собора провинціальныхъ епископовъ съ собраніемъ клира и народа мѣстной, осиротѣвшей общины.

По схемѣ этихъ избирательныхъ соборовъ, вскорѣ стали организовываться и другіе, аналогичные имъ соборы. Первоначально они составлялись сравнительно рѣдко и въ случаяхъ ка-

[1]) *R. Sohm* Op. cit. 282—283 s.

[2]) *Ibidem*, 289: „Auf der kirchlichen Anerkennung des Bischofs ruht jetzt die kirchliche Anerkennung der Gemeinde. Nur durch ihren Bischof steht die Gemeinde mit der Kirche in Zusammenhang".

кихъ-либо чрезвычайныхъ обстоятельствъ, въ родѣ появленія новой ереси или раскола, или для разрѣшенія какихъ-либо серьезныхъ недоумѣній и споровъ. Но жизненный опытъ и сознаніе огромной практической пользы такихъ соборовъ не замедлило привести ихъ къ болѣе правильному, юридическому устройству, т. е. превратить въ институтъ регулярныхъ провинціальныхъ соборовъ, типичный образецъ которыхъ мы и имѣемъ въ карѳагенскихъ соборахъ киприановой эпохи.

Всѣ эти соборы, а слѣдовательно и подлежащіе ближайшему нашему разсмотрѣнію карѳагенскіе соборы 251 г. были, дѣйствительно, органическимъ объединеніемъ общепровинціальнаго съѣзда епископовъ съ пленарнымъ собраніемъ церковной общины метрополя [1]). Причемъ, конструкція самаго собора, или взаимоотношеніе двухъ основныхъ его группъ (провинціально-епископской и мѣстно-общинной) строилась по той-же, старой, уже знакомой намъ схемѣ мѣстнаго, общиннаго собора. Въ этомъ послѣднемъ, какъ мы знаемъ, рѣшалъ, или открывалъ волю Божію, собственно, одинъ епископъ. Клирики-же и народъ, затѣмъ, испытывали это рѣшеніе, и, если его признавали за настоящую волю Божію, то одобряли (аппробировали) и принимали (рецепировали). Въ новомъ соборѣ на мѣсто одного епископа ставился numerus episcoporum: онъ точно также, первоначально, въ своемъ собственномъ кругу старался открыть волю Божію, которую и облекалъ въ форму извѣстнаго постановленія, или „мнѣнія“ (sententiae episcoporum). Въ этой, первой стадіи соборнаго дѣянія безъ сомнѣнія, происходило самое серьезное и всестороннее обсужденіе поставленнаго вопроса: сопоставленіе его съ словомъ Божіимъ (св. Писаніемъ) и съ раннѣйшей церковной практикой (церковные обычаи и преданія), соображенія практической цѣлесообразности и т. п. Не исключена была здѣсь возможность даже неполнаго согласія епископовъ, которая и отпечатлѣвалась въ различіи ихъ вотумовъ. Затѣмъ, данное мнѣніе выносилось на обсужденіе мѣстнаго обще-церковнаго собранія, т. е. клира и вѣрующаго народа той церковной общины, гдѣ самый соборъ происходилъ (а это почти всегда съ 3 в. была община метрополя). Народъ здѣсь продѣлывалъ совершенно то-же самое, что и прежде, т. е. „испытывалъ“ предложенное мнѣніе епископовъ и всѣми ему доступными путями старался убѣдиться, дѣйствительно-ли такова есть воля Божія? Здѣсь, въ этой второй фазѣ собора вопросъ снова подвергался свободному и широкому обсужденію. Руководилъ этимъ обсужде-

[1]) *E. Sohm* „Die Synode ist was ihr Name sagt: eine *Gemeindeversammlung*, in deren Mitte eine *Mehrheit* von Bischöfen versammelt ist“. Op. cit. 281 s.

ніемъ, надо полагать, глава и предсѣдатель мѣстной церкви—ея епископъ, который былъ предсѣдателемъ и руководителемъ и перваго, чисто епископскаго собора. Онъ знакомилъ второе собраніе съ мотивами епископскаго рѣшенія, разъяснялъ его отвѣчалъ на встрѣчные вопросы и возраженія и т. п. Активно выступали здѣсь, вѣроятно, и клирики, какъ лица наиболѣе свѣдующіе и опытные въ богословскихъ спорахъ и церковныхъ дѣлахъ. Чутко внимала община и голосу „исповѣдниковъ“,—этихъ уважаемыхъ своихъ сочленовъ и авторитетнѣйшихъ руководителей. Наконецъ, прислушивалась она и ко мнѣнію разныхъ ученыхъ спеціалистовъ, которые въ особо трудныхъ случаяхъ нарочито приглашались на соборъ, даже и изъ чужихъ церквей (Оригенъ на Бострійскомъ соборѣ). Въ результатѣ всѣхъ этихъ обсужденій, преній и обмѣна мнѣній вся мѣстно-церковная община составляла свой опредѣленный взглядъ на вотумъ епископовъ: по большей части, она его цѣликомъ принимала, а иногда вносила небольшія поправки и добавленія [1]). Въ послѣднемъ случаѣ окончательную редакцію епископскаго вотума, рецепированнаго общиной, давалъ епископъ мѣстной церкви, онъ-же и предсѣдатель собора. Въ этой своей формѣ вотумъ заслушивался еще разъ на объединенномъ засѣданіи собора, послѣ чего онъ излагался въ формѣ опредѣленнаго соборнаго посланія (или, по нашему, запротоколировался), самое посланіе подписывалось участвовавшими на соборѣ епископами, съ него снимались копіи и послѣднія разсылались по другимъ церквамъ.

Чтобы до конца исчерпать остроумную теорію Sohm'а о происхожденіи и сущности древне-церковныхъ соборовъ (въ особенности, изслѣдуемыхъ нами карѳагенскихъ) и не оставить въ ней ничего неяснаго, или недоговореннаго, намъ необходимо нѣсколько детальнѣе выяснить то, что составляетъ одинъ изъ краеугольныхъ камней этой теоріи и что имѣетъ для насъ особую важность—ученіе о такъ называемой церковной „рецепціи“ собора. Постараемся сдѣлать это возможно короче, пользуясь для сего, главнымъ образомъ, сжатой и удачной интерпретаціей даннаго пункта въ диссертаціи проф. Гидулянова, „Всякій соборъ созывается, чтобы говорить отъ имени Бога и рѣшать силою Св. Духа“,

[1]) Любопытно, что коллективнаго вотума народа не рѣшается отрицать, напримѣръ, и такой защитникъ епископскихъ соборовъ, какъ *O. Ritschl*, у котораго мы читаемъ: „ das Volk... dieses dem gefassten Beschluss durch, Acclamation seine Bestimmung ertheilte. Das ist uns freilich für ein Concil nirgends ausdrücklich bestätigt. Aber diese Annahme, liegt nahe, wenn wir bedenken, wie bei ähnlichen Gelegenheiten des Volk seine Zustimmung gab (vgl. Ep. 49, 2; 59, 15)“. Op. cit. 159.

комментируетъ Гидуляновъ мысль Sohm'a. Но онъ (т. е. соборъ) не имѣетъ никакого формальнаго права, чтобы заставить принять свое рѣшеніе, какъ волю Божію. Вопросъ о томъ, Богъ-ли говоритъ черезъ епископовъ, рѣшалъ не соборъ, а церковная рецепція. Отсюда всякое соборное опредѣленіе, чтобы получить фактическое примѣненіе, нуждается въ церковной рецепціи и только насколько оно было рецепировано, получало обязательную силу" [1]). Весь вопросъ теперь въ томъ, кому-же принадлежало это важное право рецепціи? Первоначально оно принадлежало каждой отдѣльной церковной общинѣ, т. е. ея клиру и народу. И для малыхъ, мѣстно-церковныхъ собраній все это полностью и сохранялось. Но по мѣрѣ того, какъ постепенно складывалось и обозначалось провинціально-административное дѣленіе церкви на округа, росло и значеніе главныхъ центровъ такихъ округовъ, т. е. *метрополей*, съ ихъ общинами и ихъ епископами. Епископъ метрополя поднимался на положеніе примаса, или первенствующаго епископа (будущаго митрополита); а сравнительно сильная и богатая община главнаго города пріобрѣтала особенное значеніе и вѣсъ въ глазахъ малыхъ провинціальныхъ общинъ. „Благодаря своей величинѣ, значенію, апостольскому происхожденію, осуществленію заботы о слабыхъ большая община имѣла огромное вліяніе на всѣ общины своего округа" [2]). Такое значеніе больше-городской общины обусловливалось и самой исторіей распространенія христіанства и насажденія малыхъ провинціальныхъ церквей: большіе города играли роль очаговъ христіанства, откуда лучи его проникали и въ окружающую ихъ провинцію, зажигая тамъ мѣстныя свѣтящіяся точки. Естественно, что всѣ эти точки и лучи тяготѣли къ своему исходному центру и въ немъ какъ-бы пересѣкались и сливались. Наконецъ, какъ справедливо отмѣчаетъ проф. Мищенко—все это „находитъ свое объясненіе въ государственно-общественномъ строѣ и обычаяхъ того времени: центральные города въ то время во многихъ отношеніяхъ считались представителями окружающихъ ихъ областей, и принципъ—„на чемъ города порѣшаютъ, на томъ и пригороды станутъ"—дѣйствовали въ свое время и въ греко-римской имперіи [3]). Благодаря всему

[1]) *Проф. П. В. Гидуляновъ* „Митрополиты въ первые три вѣка"... 172 стр.

[2]) *Тамъ-же* стр. 173-ья. Мы должны оговориться, что этотъ пунктъ—о значеніи и роли метрополей въ историческомъ ростѣ соборовъ, разработанъ Sohm'омъ наиболѣе слабо и противорѣчиво. Такъ что мы даемъ его, такъ сказать въ исправленномъ и улучшенномъ видѣ, съ поправками его послѣдователей и учениковъ Schultze, Гидулянова и др.

[3]) *Проф. Ѳ. И. Мищенко* „О составѣ помѣстнаго собора всероссійской церкви". Тр. Кіев. дух. академіи 1906 г. Январь, 68 стр.

этому, получалось то, совершенно естественное и даже какъ-бы неизбѣжное явленіе, что соборная рецепція общины метрополя являлась своего рода выраженіемъ рецепціи и всѣхъ остальныхъ малыхъ общинъ той провинціи, ея представительствомъ и какъ-бы замѣной. Увеличивая и расширяя данный масштабъ, мы можемъ сказать словами проф. Гидулянова—„въ природѣ вещей лежало то обстоятельство, что рецепція со стороны всего христіанства совершалась черезъ наиболѣе вліятельныя общины... Поэтому разъ данный актъ рецепировался большою общиною, тѣмъ самымъ предполагалось, что онъ будетъ рецепированъ и малыми общинами. Такимъ образомъ, фактически церковная рецепція принадлежала большимъ общинамъ большихъ городовъ" [1]). Вотъ, почему на соборѣ всѣхъ епископовъ провинціи совершенно достаточно было коллективнаго голоса только *одной общины* метрополя, такъ какъ онъ implicite включалъ въ себѣ и вотумъ остальныхъ провинціальныхъ общинъ. Разумѣется, все это, въ свою очередь содѣйствовало еще бо́льшему возвышенію главной общины и ея епископа, такъ какъ закрѣпляло іерархію церковныхъ общинъ и ихъ предстоятелей. „Нагляднѣе всего этотъ фактъ обнаруживается на соборѣ. Подобно тому, какъ община большаго города была главою всѣхъ общинъ опредѣленнаго мѣстнаго округа, такъ точно, опираясь на фактическую силу своей общины, епископъ главнаго города сталъ главою собора" [2]).

Ограничимся лишь самыми краткими замѣчаніями относительно изложенной теоріи [3]). Ея идейная, теоретическая база, на нашъ взглядъ, стоитъ внѣ какого-либо серьезнаго упрека и совершенно правильно, съ церковно-догматической стороны, вскрываетъ основу церковнаго собора и внутреннее взаимоотношеніе его составныхъ элементовъ. Основа эта, какъ мы знаемъ, слагается изъ трехъ главныхъ элементовъ: 1) изъ идеи единства вселенскаго тѣла Церкви и взаимосвязанности всѣхъ его органовъ или частей, т. е. говоря другими словами, изъ принципа церковной „соборности" [4]), 2) изъ взгляда на епископа, какъ на главный органъ

[1]) *Проф. П. В. Гидуляновъ* „Цит. сочиненіе", стр. 173.

[2]) *Тамъ-же*, стр. 175—176.

[3]) Мы не называемъ ее теоріей Sohm'a, потому что это было-бы не совсѣмъ точно: хотя всѣ основные пункты ея, дѣйствительно, и принадлежатъ Sohm'y, но въ раскрытіи ихъ мы пользовались и трудами другихъ ученыхъ (Гидулянова, Schultze), равно какъ вводили и свои посредствующія мысли.

[4]) Ученіе о церкви, какъ Тѣлѣ Христовомъ впервые, прикровенно, было выражено еще самимъ Господомъ (Мѳ. XXVI, 61. Мар. XIV, 58), Который въ многоразличныхъ образахъ раскрывалъ и идею вселенскаго единства церкви (Іо. XV, 4—6; Іо. X, 16; Мѳ. XVI, 18; Іо. XVII, 21 и др.). Особенно-же подробно

божественной воли, ея провозвѣстника и истолкователя въ церкви [1]), и 3) изъ ученія о церковной рецепціи, т. е. о правѣ и даже обязанности общенароднаго тѣла церкви „испытывать, гдѣ есть благая и совершенная воля Божія", которую необходимо воспринять („рецепировать") всѣмъ своимъ разумѣніемъ, всѣмъ сердцемъ и волей (т. е. нетолько теоретически принять, но и практически осуществить въ жизни) [2]).

Историческая сторона теоріи Sohm'a, наоборотъ, довольно уязвима и нуждается въ поправкахъ. Самымъ слабымъ ея мѣстомъ

и всесторонне раскрывалъ эту идею (церковь-тѣло) ап. Павелъ (Рим. XII, 4; 1 Кор. VI, 15; Еф. I, 23; IV, 4. 12. 16; V, 23. 30; Колос. I, 18, 24; II, 19 и мн. др.) Въ корреспонденціи Кипріана идея церкви, какъ единаго организма, нашла свое наиболѣе выпуклое изображеніе въ одномъ изъ писемъ римскаго клира: „всѣмъ намъ слѣдуетъ пещись о тѣлѣ цѣлой церкви, члены которой размѣщены по разнымъ провинціямъ". *Ep.* XXXVI, 4. 575. *P. n.* 155 стр. Свое символическое выраженіе идея каѳолической соборности церкви получила, какъ извѣстно, въ девятомъ членѣ никео-цареградскаго символа вѣры: „вѣрую во едину святую, *соборную* и апостольскую церковь". Подробнѣе см. объ этомъ въ диссертаціяхъ профессоровъ: *Е. Аквилонова* „Церковь. Научныя опредѣленія Церкви и апостольское ученіе о ней, какъ о тѣлѣ Христовомъ". СПБ. 1894 и *Вл. Троицкаго (архим. Иларіона)* „Очерки изъ исторіи догмата о церкви. Гл. I. Новозавѣтное ученіе о Церкви". Серг. Пос. 1912. А также въ популярной статьѣ *П. М. Минина* „Догматическія основы соборности", въ сборникѣ „Передъ церковнымъ соборомъ". М. 1906 г. 29—43.

[1]) Основаніе такому взгляду на роль „епископовъ" въ церкви также положено еще самимъ Іисусомъ Христомъ въ тѣхъ широкихъ полномочіяхъ, какія Онъ даровалъ своимъ апостоламъ и ученикамъ (Мѳ. XVIII. 18; Іо. XX, 22—23; Мѳ. X. 1 и др.). Что въ число этихъ благодатныхъ даровъ входилъ также и даръ пророческаго возвѣщенія черезъ нихъ воли Божіей, это съ несомнѣнностью открывается напр. изъ слѣдующихъ словъ ап. Павла: „Я не упускалъ возвѣщать всю волю Божію" (Дѣян. XX, 27). А такъ какъ „епископы" по ученію Св. Писанія (Дѣян. XX, 28; I Колл. V, 1—2. Тим. I, 5 и др.) и по свидѣтельству древнѣйшей и авторитетнѣйшей церковной литературы (Дидахэ, Игн. Богоносецъ, Ирин. Ліон., Тертулліанъ и др.) являлись непосредственными преемниками апостолата и наслѣдниками его благодатныхъ полномочій, то харисма „пророчества" и „служенія слова" была одной изъ главнѣйшихъ ихъ функцій. Все это хорошо выяснено у *Sohm'a* „Op. cit." § 19: „Die priesterliche Regierungsgewalt des Bischofs", s. 211 sq. и у проф. *В. Н. Мышцина* „Цит. сочин." 138, 157, 210 и др.

[2]) О правѣ обще-народной рецепціи, помимо вышеизложеннаго догматическаго ученія о тѣлѣ Церкви и общихъ совѣтовъ Евангелія относиться ко всему сознательно и разумно (Іо. VIII, 32; V, 39 и др.), говорятъ и прямыя указанія *Дидахэ* (XI гл. 8—12. Срав. *Евсев.* V, 18) и общій голосъ церковнаго сознанія, нашедшій наиболѣе полное и отчетливое выраженіе въ извѣстныхъ словахъ „окружнаго посланія восточныхъ патріарховъ" отъ 6 мая 1848 г. „у насъ ни патріархи, ни соборы не могли ввести что-нибудь новое, потомучто хранитель благочестія у насъ само тѣло церкви, т. е. самъ народъ".

мы признаемъ отправный ея пунктъ—что церковные соборы развились лишь изъ епископскихъ, выборныхъ соборовъ и притомъ, впервые возникли, именно, въ самыхъ малыхъ и слабыхъ церквахъ, у которыхъ такъ сказать, не хватало собственнаго избирательнаго кворума (не было даже 12 членовъ) и они волей неволей должны были пополнять его со стороны. Не отрицая самаго факта такихъ пополняемыхъ выборныхъ собраній, поскольку онъ авторитетно засвидѣтельствованъ „Церковными канонами", мы не находимъ, однако, того, что-бы онъ стоялъ въ какой-либо необходимой, генетической связи съ историческимъ развитіемъ и ростомъ церковныхъ соборовъ. Вся раннѣйшая, прошедшая предъ нашимъ критическимъ взоромъ, исторія церковныхъ соборовъ нисколько не подтверждаетъ теоріи Sohm'a ни относительно повода соборовъ, ни тѣмъ болѣе, относительно ихъ мѣста. Поводами чрезвычайныхъ церковныхъ соборовъ являлись, почти исключительно, какъ мы это видѣли, недоумѣнія и споры по вопросамъ вѣры и церковной дисциплины. И мы не могли отмѣтить ни одного случая, гдѣ-бы поводомъ большаго собора оказались выборы новаго епископа, хотя случай суда надъ старымъ епископомъ намъ, напримѣръ, и извѣстенъ (Бострійскій соборъ, по поводу заблужденія еп. Берилла).

Если въ вопросѣ о поводѣ и предметѣ соборовъ мы встрѣчаемся только съ краснорѣчивымъ умолчаніемъ исторіи, то въ другомъ вопросѣ—о мѣстѣ соборовъ—исторія даетъ намъ самыя рѣшительныя и ясныя противопоказанія, категорически опровергающія фантастичность quasi историческихъ ссылокъ Sohm'a. Въ самомъ дѣлѣ, вся вышеизслѣдованная нами, уже немалая серія церковныхъ соборовъ, начиная съ Апостольскаго іерусалимскаго и кончая карѳагенскими кипріановыми соборами 251 г., совершенно ясно и твердо устанавливаетъ тотъ безспорный фактъ, что церковные соборы устраивались не въ бѣдныхъ, малолюдныхъ и захолустныхъ мѣстечкахъ, какъ этого слѣдовало-бы ожидать по гипотезѣ Sohm'a [1]), а какъ разъ наоборотъ—въ сильныхъ, богатыхъ и вліятельныхъ центрахъ, преимущественно, въ главныхъ городахъ церковно-политическихъ провинцій, или въ ихъ метрополяхъ. Съ робкими попытками Sohm'a оспорить этотъ тезисъ относительно древнѣйшихъ изъ исторически извѣстныхъ намъ соборовъ—Апостольскаго и противомонтанистическихъ—мы, въ свое время, уже имѣли дѣло и достаточно выяснили ихъ

[1]) *R. Sohm*, напримѣръ, категорически заявляетъ, что die grosse, unerschütterte, „befestigte" dastehende Gemeinde (Rom. Alexandrien) bedarfte *der Synode nicht*". s. 292.

несостоятельность [1]). Но переходя къ болѣе позднимъ временамъ, въ особенности, къ эпохѣ Кипріана карѳагенскаго, Sohm и самъ вынужденъ сознаться, что теперь мѣстомъ церковныхъ соборовъ служатъ, преимущественно, главные города провинцій—ихъ метрополи [2]). Откуда-же взялась такая перемѣна, когда и почему именно она произошла? на всѣ эти вопросы Sohm не даетъ сколько-нибудь удовлетворительнаго отвѣта, такъ какъ нельзя-же, конечно, серьезно признать за подобный отвѣтъ его глухую, въ сущности ничего не говорящую историку ссылку на то, что съ начала III в. провинціальное устройство церкви вступаетъ въ новую фазу: морально-духовная власть смѣняется въ ней юридически правовой, въ силу чего и церковно-провинціальное устройство организуется по примѣру и образцу гражданскихъ провинцій, съ ихъ тяготѣніемъ къ метрополію, какъ своему центру. Это—не твердый историческій выводъ, а сомнительная гипотеза, которая стоитъ въ противорѣчіи съ дѣйствительными фактами, такъ какъ тяготѣніе церковной провинціи къ ея метрополію началось не съ первой половины III в., какъ ошибочно

[1]) *См. выше,* стр. 89 и слд., а также 106 и слѣд.

[2]) *R. Sohm:* „Mit dem 3 Jahrhundert treten daher gerade die in den *grossen* (к. а.) Gemeinden gehaltenen Synoden in der Vordergrund... sehen wir jetzt in den kirchlichen Mittelpunkten, in Karthago, in Rom, Synoden zusammentreten". s. 295. Это, конечно, плохо мирится съ тѣмъ, что сказано было Sohm'омъ нѣсколько выше, на стр. 292. Немудрено, поэтому, видѣть, что Sohm'а въ данномъ пунктѣ поправляютъ и его ученики, нетолько сильно расходящійся съ нимъ *K. Schwartz,* но и болѣе солидарный съ нимъ *проф. Гидуляновъ,* у котораго по вопросу о мѣстѣ раннѣйшихъ соборовъ мы находимъ такое, совершенно правильное утвержденіе. Указавъ на фактическую силу общины метрополя и и на руководящую роль ея епископа, проф. Гидуляновъ продолжаетъ: „соборы II и III в. вполнѣ подтверждаютъ наше предположеніе. Соборы Палестины, Италіи, Египта, Сиріи, Азіи, Понта, Сѣверной Африки, Аравіи и т. д. происходятъ подъ предсѣдательствомъ епископовъ главныхъ городовъ этихъ странъ. Вопросъ о предсѣдательствѣ вездѣ рѣшаетъ не личное достоинство извѣстнаго епископа, но исключительно положеніе той общины, епископомъ которой онъ является". Цит. соч. 176. Убѣдительно и хорошо о значеніи метрополей въ развитіи церковно-христіанской жизни и въ организаціи ея управленія говоритъ *Th. M. Lindsday,* въ разныхъ отдѣлахъ своей интересной монографіи „The Church and the ministry in the early centuries". London, 1903. Такъ, напримѣръ, на 101 р.: „The great cities which were the centres of trade and commerce—the ganglia of the great empire, as the roads were its nerve-system Ephesus, Corinth, Thesalonia, Rome, where we find the Christian prophets must active within the Gentil Christian Church, were the very places where this pagan Oriental prophecy most abounded". Такъ было уже въ самую раннюю, харизматическую эпоху. Позднѣе, въ смыслѣ главныхъ центровъ, группирующихъ около себя рядъ церквей, выдѣлились Римъ и Александрія (324 р.). Въ этихъ-то провинціальныхъ центрахъ естественно (it was natural) утвердились и соборы (336 р.).

заявляетъ Sohm, а гораздо раньше—съ момента самаго насажденія христіанства въ извѣстной провинціи и его первичнаго по ней распространенія. Для этого намъ нѣтъ надобности приводить какіе-либо частные факты, а совершенно достаточно сослаться на общую исторію внѣшней христіанской миссіи, которая, какъ извѣстно, почти исключительно шла по главнымъ городамъ и уже изъ нихъ и черезъ нихъ распространялась, сначала, по ближайшимъ окрестностямъ, а затѣмъ, постепенно проникала внутрь и вглубь провинціи [1]). Благодаря этому, метрополи провинціи съ самаго же начала христіанства заняли особо видное и вліятельное положеніе въ церкви: это были, по большей части, *церкви-матери,* наиболѣе древнія и уважаемыя церковныя общины данной провинціи, тѣ очаги христіанства, отъ которыхъ зажигали свою христіанскую свѣчу и всѣ другія, болѣе мелкія городскія общины той-же провинціи. Въ самомъ началѣ распространенія христіанства по той или другой провинціи, обычно, дѣло обстояло такъ, что вся эта провинція, т. е. всѣ ея пока еще немногіе и сосѣдніе съ метрополемъ христіане, были приходомъ въ метрополь, т. е. принадлежали къ составу его церковной общины. Но по мѣрѣ количественнаго умноженія такихъ окрестныхъ христіанъ и въ особенности ихъ географическаго удаленія отъ метрополя, такое церковное единеніе съ нимъ становилось все затруднительнѣе и неудобнѣе. Чувствовалась потребность наиболѣе отдаленную часть столичнаго прихода выдѣлить въ особый приходъ, который на первыхъ порахъ получалъ себѣ епископа и клиръ изъ состава старой общины метрополя. Возникалъ, такимъ путемъ, новый провинціальный центръ христіанства, филіальный къ общинѣ метрополя сохранявшій въ отношеніи къ выдѣлившей его изъ себя церкви-матери сыновне-почтительныя чувства. Съ теченіемъ времени и этотъ, ближайшій къ метрополію центръ, выдѣлялъ изъ себя новые и т. д. и т. д. до тѣхъ поръ, пока вся провинція не покрывалась цѣлой сѣтью такихъ городовъ-приходовъ. Но эти мелкіе городскіе приходы никогда не забывали своего духовнаго родства съ главной общиной метрополя, поддерживая съ нею самыя живыя и сердечныя сношенія, главнымъ образомъ, чрезъ своихъ епископовъ, являвшихся естественными органами междуцерковной связи [2]). Су-

[1]) Примѣрами этого рода полна спеціальная работа *Ad. Harnack'*а „Mission und Ausbreitung des Christentums in den ersten drei Jahrhunderten"[2] besond. II t. „Die Verbreitung". Leip. 1906. Для примѣра укажемъ въ этомъ томѣ на стр. 155 и слѣд.

[2]) *Bickel* „Op. cit." s. 30: Da nun bereits im Laufe dieser Periode (II-III Jahrh.) das Episcopat als das Organ der Einheit der einzelnen christlichen Gemeinden

ществовало, конечно, нѣсколько формъ такого единенія, изъ которыхъ довольно популярными были: посѣщенія епископомъ главнаго города его филіальныхъ церковныхъ общинъ (визитація Кипріаномъ адруметской церкви) и письменное обращеніе провинціальныхъ епископовъ къ епископу метрополя, а равно и наоборотъ—циркулярное посланіе епископа главнаго города ко всѣмъ церквамъ его провинціи. Но, конечно, лучшимъ, наиболѣе плодотворнымъ и прямымъ путемъ былъ и тогда, какъ и теперь, путь личныхъ поѣздокъ провинціальныхъ епископовъ въ общину метрополя, для разрѣшенія тѣхъ или иныхъ недоумѣній и для полученія авторитетныхъ указаній. Такимъ образомъ, совершенно естественно и понятно, подъ вліяніемъ самой жизни, возникъ и утвердился обычай у всѣхъ провинціальныхъ, епископовъ время отъ времени ѣздить въ главный городъ своей провинціи по дѣламъ своихъ общинъ. И эти поѣздки, по крайней мѣрѣ, въ то, болѣе древнее время, о которомъ говоримъ мы, предпринимались нестолько лично къ епископу главнаго города, сколько ко всей церковной общинѣ метрополя. Въ этомъ убѣждаютъ насъ, главнымъ образомъ, тѣ факты, что къ общинамъ болѣе вліятельныхъ городовъ (Рима,

angesehen wurde (Ign. ad Smyrn. c. 8. Cypr. de unit. eccles. c. 5) und daher die *Bischöfe* es waren welche die Verbindung mit den auswärtigen Gemeinden bewirkten. Причемъ, здѣсь-же Bickel указываетъ на одно изъ раннѣйшихъ и популярнѣйшихъ средствъ такого общенія—на письма, которыми обмѣнивались между собой древнія церкви, въ особенности, на руководственныя посланія епископовъ главнѣйшихъ городовъ, разсылаемыя по младшимъ общинамъ, стоявшимъ въ прямой моральной зависимости отъ ихъ авторитета (посланія Кл. Римскаго, Игн. Богоносца, Поликарпа Смирн. и др.). Болѣе подробный обзоръ всѣхъ практиковавшихся въ древности способовъ взаимнаго общенія церквей данъ въ спеціальной брошюрѣ *Th. Zahn'a* „Weltverkehr und Kirche wärend der drei ersten Jahrhunderten". Gannover, 1877. Работа эта интересна еще и потому что, повидимому, именно она, съ выдвинутой ею теоріей *помощи*, которую сильнѣйшія церкви оказывали слабѣйшимъ, дала главный толчекъ Sohm'y для построенія его своеобразной теоріи происхожденія соборовъ. Но Sohm, взявъ у Th. Zahn'a самую идею, перемѣстилъ ея элементы (центръ и периферію) въ обратномъ порядкѣ и тѣмъ самымъ совершенно исказилъ правильную мысль Zahn'a. У послѣдняго мы находимъ лишь то, что если какая-либо община не могла собственными силами справиться съ возникшимъ у ней недоразумѣніемъ, или церковнымъ нестроеніемъ, то она обращалась за помощью къ сосѣдней, сильнѣйшей, преимущественно, апостольской общинѣ, гдѣ традиціи древности были болѣе свѣжи и крѣпки. Отсюда выходитъ, что малая община, нуждавшаяся въ помощи, не къ себѣ звала депутатовъ отъ болѣе сильной общины, а сама, въ лицѣ своего представителя (епископа), шла на пленарное собраніе сильной общины: тамъ, предъ лицомъ мѣстнаго собора она излагала свое дѣло и совокупными силами всѣхъ присутствовавшихъ, такъ или иначе, его разрѣшала.

Карѳагена) сосѣдніе епископы пріѣзжаютъ за совѣтомъ даже и тогда, когда въ самихъ этихъ городахъ, по тѣмъ или инымъ причинамъ, епископовъ на лицо не было, что хорошо было извѣстно и пріѣзжавшимъ и что, однако, нисколько не удерживало ихъ отъ поѣздокъ въ эти города [1]). Ясный знакъ того, что пріѣзжавшимъ нуженъ былъ голосъ общины въ ея цѣломъ, а не мнѣніе одного ея епископа.

Первоначально визиты провинціальныхъ епископовъ къ общинѣ главнаго города были и сравнительно рѣдки и главное—спорадичны и случайны. Патріархально-примитивная жизнь какой либо захолустной провинціальной общины чужда была особенныхъ споровъ и недоумѣній, за разрѣшеніемъ которыхъ ей нужно было-бы часто ѣздить въ общину главнаго города. Но съ теченіемъ времени выростали и эти малыя провинціальныя общины, взаимныя отношенія въ нихъ усложнялись и уже все чаще и чаще ихъ предстоятелю - епископу приходилось отправляться въ метрополь. Иногда, совершенно случайно, въ метрополь одновременно прибывало нѣсколько провинціальныхъ епископовъ и тогда мѣстно-церковное собраніе общины метрополя, обычно устраивавшееся по случаю такихъ гостей, сразу пополнялось двумя, тремя и болѣе пріѣзжими епископами. Естественно, что случаи совмѣстнаго пріѣзда въ метрополь нѣсколькихъ провинціальныхъ

[1]) Убѣдительный примѣръ этого рода представляетъ напр., слѣдующая выдержка изъ XXXIII (18-го) письма Кипріана къ карѳагенскимъ пресвитерамъ и діаконамъ: „прочитайте-же это письмо и товарищамъ моимъ (et collegis meis), которые или будутъ при васъ (aut praesentes fuerint) или неожиданно придутъ къ вамъ (aut superuenerint), чтобы намъ, при пользованіи и врачеваніи ранъ падшихъ, единодушно и согласно держаться спасительнаго совѣта (consilium teneamus)". *Hartel*—570. *P. n.* 14. Отсюда съ несомнѣнностью открывается, что приходъ въ карѳагенскую общину сосѣднихъ епископовъ, даже и въ его отсутствіе, Кипріанъ считалъ дѣломъ вполнѣ обычнымъ и нормальнымъ и лишь хотѣлъ его использовать въ общецерковныхъ интересахъ. А въ другомъ письмѣ къ тому-же карѳагенскому клиру Кипріанъ предусматривалъ возможность посѣщенія Карѳагена даже какими-то „путешествующими епископами и клириками" (qui de peregrinis episcopi collegae mei uel presbyteri uel diacones praesentes fuerint uel superuenerint)—*Ep.* XXXII, 565. *P. n.* 23-ье, 155. Или вотъ еще, пожалуй, болѣе краснорѣчивое свидѣтельство изъ письма римскаго клира къ Кипріану, написаннаго въ періодъ его укрывательства и римскаго междуепископства: „долго изслѣдуя, чего держаться намъ по отношенію къ падшимъ, мы, въ большомъ множествѣ, и притомъ сообща съ нѣкоторыми сосѣдними и ближайшими епископами... постановили" (multi et quidem quibusdem episcopis uicinis nobis et adpropinquantibus... putauimus"). *Ep.* XXX. 8, 555—556. *P. n.*—224 стр. Ясно, что сосѣдніе провинціальные епископы нетолько по-прежнему пріѣзжали за совѣтомъ къ главной общинѣ, но и эта послѣдняя считала себя въ правѣ устраивать совмѣстныя совѣщанія соборнаго характера, съ постановленіемъ извѣстныхъ, обязательныхъ рѣшеній.

епископовъ имѣли мѣсто преимущественно тогда, когда многимъ провинціальнымъ церквамъ угрожала одна и та-же опасность, какъ это напримѣръ, было въ эпоху ранняго монтанизма, или когда ихъ волновалъ одинъ и тотъ-же церковный споръ, какъ напр. споръ о lapsi, въ эпоху первыхъ кипріановыхъ соборовъ [1]). Въ такихъ случаяхъ въ общину метрополя одновременно „сходилось“ или „съѣзжалось“ довольно значительное число (numerus) провинціальныхъ епископовъ и пленарное собраніе общины получало какъ-бы надстройку надъ собой, въ видѣ цѣлаго епископскаго съѣзда. Однако, надъ провинціальными епископами не тяготѣло никакого обязательства непремѣнно являться на соборы: это было ихъ право и ихъ личный интересъ, а отнюдь не обязанность и не принудительная повинность, во что превратилось это гораздо позднѣе. Поэтому-то на карѳагенскихъ кипріановыхъ соборахъ мы и видимъ такое полное разнообразіе „числа епископовъ“, начиная съ 31-го и кончая 87-ью.

Начальный моментъ такой эволюціи мѣстно-церковнаго собранія метрополя подъ вліяніемъ чрезвычайнаго епископскаго съѣзда надо относить, повидимому, къ первичной фазѣ ранняго, малоазійскаго монтанизма, (откуда, какъ мы знаемъ, идетъ уже сплошная, непрерывающаяся нить церковныхъ соборовъ) [2]) и ко времени почти синхронистичныхъ съ монтанистическимъ движеніемъ первыхъ пасхальныхъ споровъ на Востокѣ. Теперь для насъ становится яснымъ, что именно этотъ начальный, еще не вполнѣ опредѣлившійся, моментъ новыхъ провинціально-областныхъ соборовъ очень мѣтко схваченъ и запечатлѣнъ былъ и Евсевіемъ въ его своеобразной, также еще неустановившейся и раньше казавшейся намъ недостаточно точной, номенклатурѣ соборовъ. Припомнимъ, что въ рѣчи объ антимонтанистическихъ и пасхальныхъ

[1]) Въ этомъ пунктѣ сильные удары *Sohm'у* наноситъ одинъ изъ его учениковъ—*K. Schwartz*, который, впрочемъ, довольно независимъ отъ своего учителя, а нерѣдко и прямо ему оппозиціоненъ. Въ частности, Schwartz, напримѣръ, рѣзко расходится съ Sohm'омъ во взглядѣ на антимонтанистическіе соборы: die Zusammenkünfte der Gläubigen wegen des Montanismus waren nicht durch die numerische Schwäche einzelner Gemeinden veranlasst, sondern durch die Unsicherheit aller, auch der grossen über des einzuschlagende Verfahren“. Op. cit. 58—59. Вообще, *K. Schwartz*,—и совершенно справедливо,—выдвигаетъ иной мотивъ къ возникновенію соборовъ—не сознаніе слабости у малой общины (Sohm), а потребность къ объединенію, особенно чувствовавшаяся подъ угрозой общецерковной опасности: „die Synoden wollen angesehen sein als das Ergebnis des Bedürfnisses der Kirche, über schwierige Fragen, die weitere Kreise bewegten, zur Klarheit und Einigkeit zu gelangen. Dieses Bedürfnis und *nur* dieses fürte zu ihren Entstehung“. Op. cit. 80 c.

[2]) *См. выше*, стр. 99 и сл. настоящаго изслѣдованія.

соборахъ Евсевій еще избѣгаетъ употреблять техническій терминъ „соборъ“ *(σύνοδος)*, а все время пользуется описательными выраженіями (глаголы *συνέλθοντο* „сходились“, существительныя *σύνοδοι καὶ συγκροτήσεις*—„соборы и совѣщанія“). Не говоритъ-ли все это о томъ, что церковные соборы еще не вполнѣ опредѣлились и не усвоили себѣ одного техническаго термина *σύνοδος* „соборъ“? Не свидѣтельствуетъ-ли наиболѣе древній соборный терминъ Евсевія—„сходились“ *(συνέλθοντο)*.—также и о томъ, что новой, характеристической чертой расширенныхъ общинныхъ собраній метрополя были, именно, „сходы“ или „сборы“ въ немъ постороннихъ пришельцевъ-епископовъ, какъ это выразительно подчеркивается Евсевіемъ въ описаніи пасхальныхъ соборовъ, которое такъ прямо и начинается съ упоминанія *„о съѣздахъ и совѣщаніяхъ* епископовъ“? Въ терминологіи Евсевія больше и полнѣе, чѣмъ у другихъ древне-церковныхъ авторовъ отразился весь историческій генезисъ соборовъ: первоначально, это—только собраніе мѣстной церкви метрополя, или *ἐκκλησία*, до извѣстной степени аналогичная гражданской, общественной екклезіи, изъ обихода которой заимствовано и самое это названіе [1]). Но вотъ,

[1]) Что терминъ *ἐκκλησία* первоначально обозначалъ лишь частную, мѣстную церковь, а не универсально-вселенскую, это съ достаточной убѣдительностью подтверждается его новозавѣтнымъ употребленіемъ. „Въ Новомъ Завѣтѣ—говоритъ проф. *Вл. Троицкій (архим. Иларіонъ)*—изъ 110 случаевъ употребленія слова *ἐκκλησία* 90 разъ оно обозначаетъ не универсальную церковь, а мѣстную, обычно городскую общину христіанскую“, что авторъ въ примѣчаніи и подтверждаетъ соотвѣтствующими цитатами. Тѣмъ не менѣе самъ-то онъ пытается оспорить этотъ фактъ и защищаетъ изначальность универсальнаго пониманія *ἐκκλησία*, ставя ее въ связь съ ветхозавѣтно-еврейскимъ понятіемъ קָהָל. Однако проф. Троицкій правъ не больше, чѣмъ лишь наполовину. Его аргументацію можно принять и оправдать только развѣ для послѣдующаго періода церковной жизни, для эпохи Тертулліана и Кипріана, когда наступило болѣе спокойное и положительное отношеніе ко всему ветхозавѣтному и когда замѣтнѣе стало централизаторско-универсальное теченіе въ христіанской идеологіи и жизни. Раньше-же, въ вѣкъ апостоловъ и мужей апостольскихъ, когда юное христіанство переживало періодъ наиболѣе острой борьбы со старымъ іудействомъ, для такой пересадки еврейскаго „кагала“ на христіанскую почву еще не было удобной и готовой почвы. Бытовая-же греко-римская „екклезія“ была привычнымъ готовымъ образцомъ, по типу котораго начала съорганизовываться и церковно-христіанская община. Да и въ жизненно-психологическомъ смыслѣ гораздо естественнѣе и нормальнѣе путь развитія отъ частнаго къ общему, чѣмъ наоборотъ. См. „Очерки изъ исторіи догмата о Церкви“, стр. 15 и сл. Сравни также глубоко вѣрное наблюденіе проф. *Ам. С. Лебедева:* „существенныя черты греческой *политеіа:* равенство голосовъ въ собраніи народа, отвѣтственность общественныхъ служителей, верховный авторитетъ народнаго собранія—удержались и въ организаціи восточной церкви, издавна отличающейся соборнымъ

въ собраніе этой *ἐκκλησία* время отъ времени стали попадать *(συνέλθοντο)* посторонніе депутаты, именно, епископы малыхъ провинціально-церковныхъ общинъ, пріѣзжавшіе за совѣтами и указаніями къ главной общинѣ-руководительницѣ. Иногда такихъ епископовъ пріѣзжало сразу нѣсколько и тогда *ἐκκλησία* метрополя пополнялась цѣлымъ импровизированнымъ „съѣздомъ“ провинціальныхъ епископовъ, устраивавшихъ совмѣстныя съ главной общиной „совѣщанія“ *(συγκροτήσεις)*, которымъ постепенно и было усвоено техническое имя „соборовъ“ (*σύνοδοι*, concilia), взятое, повидимому, также изъ знакомаго общественно-гражданскаго обихода [1]).

Таковъ, наиболѣе вѣроятный генезисъ происхожденія и развитія древне-церковныхъ соборовъ, вполнѣ оправдываемый результатами нашего предыдущаго изслѣдованія и блестяще подтверждаемый нѣкоторымъ—раньше даже и для самихъ насъ несовсѣмъ яснымъ и понятнымъ — своеобразіемъ и разнообразіемъ соборной терминологіи Евсевія, зафиксировавшимъ различные этапы этой эволюціи и отобразившимъ ея, наиболѣе характерныя черты. Намъ остается добавить еще развѣ только то, что, вѣроятно, еще съ начала 3 в. и уже несомнѣнно съ его половины, во многихъ, болѣе вліятельныхъ и сильныхъ метрополяхъ (Карѳагенъ, Кесарія-Каппадокійская) эти случайные спорадическіе съѣзды провинціальныхъ епископовъ, получили нѣкоторую упорядоченность, именно, были пріурочены къ опредѣленному времени. Для Африки и Карѳагена такимъ излюбленнымъ срокомъ, когда епископы обычно съѣзжались, былъ весенній послѣпасхальный періодъ, что неразъ попутно отмѣчаетъ въ своихъ письмахъ и еп. Кипріанъ [2]). Другимъ, хотя и не столь популярнымъ, но все-же въ нужныхъ случаяхъ практиковавшимся срокомъ подобныхъ съѣздовъ былъ періодъ ранней осени—сентябрьскіе и октябрьскіе иды, на которые падаетъ нѣсколько извѣстныхъ кипріановыхъ соборовъ (и римскій соборъ Корнелія) [3]).

Въ заключеніе, вернемся снова къ ближайшему предмету настоящаго отдѣла — къ рѣчи о карѳагенскихъ соборахъ 251-го года и посмотримъ, насколько изложенная нами соборная теорія выдерживаетъ эту серьезную историческую пробу. Прежде всего, нельзя не быть признательнымъ къ данной теоріи уже за одно то, что она указываетъ прекрасный выходъ изъ

началомъ“. Вступит. лекція „Исторія церкви, какъ предметъ университетскаго преподаванія“. Вѣстникъ Европы 1875, Октябрь, стр. 788.

[1]) См. объ этомъ выше, примѣч. 1-ое, на стр. 214-ой настоящаго изслѣдованія.

[2]) *Ep.* XLIII, 7. 596. *P. n.* 34-ое, 194. *Ep.* LVI, 3. 649. *P. n.* 44-ое, 240.

[3]) Второй соборъ 251 г. соборъ 254 г. и второй 256 г.

безнадежнаго тупика, въ который мы попали въ началѣ предыдущаго отдѣла, когда знакомились съ внѣшне-противорѣчивыми *дособорными* и *послѣсоборными* отзывами Кипріана о характерѣ и составѣ соборовъ по дѣлу lapsi (251 г.). Теперь это внѣшнее, кажущееся противорѣчіе устраняется совершенно естественно и легко: такъ какъ церковные соборы того времени состояли, если можно такъ выразиться, изъ двухъ главныхъ пластовъ—*обязательнаго пленума общины метрополя* и *добровольнаго съѣзда сосѣднихъ провинціальныхъ епископовъ*,—то и различіе отзывовъ Кипріана стояло въ зависимости отъ того, какую изъ двухъ составныхъ частей собора онъ имѣлъ, преимущественно, въ виду: Въ *дособорныхъ* отзывахъ онъ, очевидно, изображаетъ первую и основную стихію церковнаго собора, его, такъ сказать, историческій фундаментъ,—т. е. мѣстный соборъ карѳагенской церкви, состоявшій изъ него самого, изъ его клира и вѣрующаго народа. Причемъ, однако, и здѣсь Кипріанъ не забываетъ отмѣтить необходимость второго соборнаго элемента, т. е. присутствія епископовъ, которые по обычаю, должны явиться на соборъ и приходъ которыхъ теперь имѣетъ особенную важность, въ виду серьезности дѣла (lapsi) и заинтересованности въ немъ широкихъ церковныхъ круговъ [1]). *Послѣсоборные-же* отзывы Кипріана описываютъ, преимущественно, епископскую группу собора, какъ такую, которая играла наиболѣе дѣятельную, лично-активную роль и которая, такъ сказать, опредѣляла собою самую физіономію собора, въ смыслѣ выработки рѣшенія и его писменной формулировки. При этомъ K. Schwartz дѣлаетъ одно, очень остроумное добавленіе, прекрасно объясняющее намъ, почему Кипріанъ въ первомъ случаѣ имѣетъ въ виду мѣстный, нижній слой собора, а во второмъ—общепровинціальный, верхній? Зависѣло это, по объясненію Schwartz'a, ни отъ чего другаго, какъ отъ различія адресатовъ, которымъ Кипріанъ писалъ свои письма. И въ самомъ дѣлѣ, вѣдь всѣ тѣ письма Кипріана, въ которыхъ особенно ярко выступаетъ предполагаемое и обѣщаемое участіе на соборѣ по дѣлу lapsi клириковъ, исповѣдниковъ и вѣрныхъ мірянъ, адресованы были, именно къ этимъ самымъ группамъ и потому, конечно, должны были говорить о томъ, что прямо относилось къ нимъ и удовлетворяло ихъ насущный интересъ. Мы прекрасно знаемъ, что „нѣкоторые изъ клириковъ“ многіе исповѣдники и значительная часть народа были особенно сильно заинтересованы въ скорѣйшемъ разрѣшеніи тревожнаго дѣла „падшихъ“

[1]) *Ep.* XVIII, 2, 526: quoniam non paucorum nec ecclesiae unius aut unius provinciae sed totius orbis haec causa est, expectent ante de Domini protectione ecclesiae ipsius publicam pacem“. *P. n.* 13-ое, 133.

и нерѣдко спѣшили съ своимъ частнымъ его разрѣшеніемъ. Кипріанъ и пишетъ всѣмъ этимъ нетерпѣливымъ группамъ, что такое ихъ отношеніе къ важному церковному дѣлу неправильно, незаконно и опасно: дѣло это не можетъ идти такимъ облегченнымъ и произвольнымъ путемъ, такъ какъ оно требуетъ разсмотрѣнія и приговора общаго собранія всей мѣстной церкви, во главѣ съ нимъ, ея епископомъ. И даже, такъ какъ дѣло это касается не одной карѳагенской церкви, а и весьма многихъ другихъ, то для болѣе цѣлесообразнаго и всѣхъ удовлетворяющаго рѣшенія его, необходимо участіе въ предстоящемъ соборѣ возможно бо́льшаго числа сосѣднихъ епископовъ провинціи „Африка“. Комментируя основной смыслъ всѣхъ *предсоборныхъ* писемъ Кипріана и переводя его на нашъ современный, обиходный языкъ, Кипріанъ какъ-бы такъ успокаивалъ свою взволнованную паству: не спѣшите, господа, и не нарушайте церковнаго благочинія и дисциплины своими скороспѣлыми, единоличными рѣшеніями важнаго и принципіальнаго, обще-церковнаго дѣла. Повѣрьте, что ваше отъ васъ не уйдетъ: вы получите свою законную долю участія въ обсужденія этого важнаго дѣла, когда наступитъ церковный миръ и мы, собравшись съ вами вмѣстѣ и соединившись съ имѣющими прибыть къ намъ епископами, самымъ полнымъ и всестороннимъ образомъ обсудимъ и разрѣшимъ это спорное дѣло по всей справедливости, къ общему удовольствію и миру.

Критики зомовской теоріи объединенія въ одинъ церковный соборъ провинціальнаго епископскаго съѣзда съ мѣстно-церковнымъ собраніемъ метрополя, въ качествѣ главнаго возраженія обычно выдвигаютъ тотъ аргументъ, что въ терминологіи Кипріана необходимо-де строго различать два типа соборовъ: *малые, мѣстные* соборы его карѳагенской общины отъ *большихъ, провинціальныхъ* соборовъ. На первыхъ, говорятъ, конечно, дѣйствовали клиръ и община, а на вторыхъ—исключительно епископы (Wetzer-Welte, Otto Ritschl, у насъ проф. И. С. Бердниковъ). Нечуждъ такой мысли и K. Schwartz, который усиленно старается отграничить „безформенныя собранія“ (formlosen Versammlungen) отъ „настоящихъ соборовъ“ (wirkliche Konzilien), понимая подъ первыми малыя, мѣстно-административныя собранія, а подъ вторыми—большіе, епископскіе соборы [1]). Къ группѣ первыхъ, т. е. малыхъ, мѣстно-административныхъ собраній K. Schwartz готовъ отнести и карѳагенскіе соборы 251 г., на томъ, главнымъ образомъ, основаніи, что преимущественной своей задачей они имѣли возстановленіе мира внутри карѳагенской паствы, пострадавшей отъ смуты lapsi и раскола Фелициссима. Но такому съуженію задачъ, объема и характера соборовъ 251 г. противорѣчатъ даже и *предсоборные* отзывы о нихъ Кипріана, гдѣ онъ ясно выставляетъ необходимость участія на этихъ соборахъ и сосѣднихъ епископовъ, чего, по логикѣ критиковъ Sohm'a, на мѣстныхъ собраніяхъ быть-бы не должно.

[1]) *K. Schwartz* „Op. cit.“ s. 5—7.

Спасая положеніе, K. Schwartz прибѣгаетъ къ новой и еще болѣе сомнительной гипотезѣ онъ предполагаетъ, что участіе епископовъ на карѳагенскомъ соборѣ по дѣлу lapsi было *исключительнымъ* случаемъ, причины котораго надо искать въ томъ, что личный авторитетъ Кипріана въ общинѣ былъ сильно поколебленъ, и вотъ онъ, чтобы поднять свой уроненный авторитетъ, приглашаетъ нѣсколькихъ епископовъ, съ цѣлью имѣть въ нихъ себѣ поддержку: „присутствіе его коллегъ должно было помочь ему выйдти господиномъ изъ создавшагося затруднительнаго положенія“ [1]). Но, не говоря уже о томъ, что такая гипотеза въ подозрительномъ свѣтѣ выставляетъ намъ самого еп. Кипріана, какъ человѣка, хватавшагося за исключительныя средства поднятія своего авторитета, она слишкомъ произвольна и, что называется, виситъ въ воздухѣ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ можно такъ легко, по единоличному произволу и для одного только случая ломать долго создававшіяся церковно-бытовыя формы? Если жизнь, какъ думаетъ Schwartz, рѣзко раздѣляла два типа соборовъ (мѣстный и провинціальный), то развѣ Кипріанъ могъ такъ легко ихъ перемѣшать и притомъ только на тотъ единственый разъ, когда это было ему выгодно и нужно? Вѣдь, исторія такъ не дѣлается и подобнымъ методомъ не реконструируется. Нельзя упускать изъ виду и того, что при напряженности церковной атмосферы въ карѳагенской общинѣ и при наличности серьезной оппозиціи Кипріану внутри этой общины, Кипріанъ, разумѣется, всего менѣе могъ прибѣгать къ какимъ-либо рискованнымъ новшествамъ, да притомъ еще къ такимъ, которые выдавали-бы его личную въ нихъ заинтересованность. Наконецъ,—и это самое важное—вѣдь, противъ узко-мѣстнаго характера предстоящаго собора о lapsi самымъ рѣшительнымъ образомъ высказался, какъ мы видѣли, и самъ Кипріанъ, когда писалъ къ своему клиру: „такъ какъ дѣло это (вопросъ о lapsi) касается *не немногихъ* (non paucorum) и не одной какой-либо церкви или области“, то оно, какъ выходящее за предѣлы мѣстной церкви, требуетъ и общецерковнаго обсужденія [2]). Въ

[1]) *K. Schwartz* s. 8: „Die Gegenwart seiner Kollegen konnte ihm helfen, der sich heraus ergebenden Schwierigkeiten Herr zu werden“.

[2]) *Ep.* XVIII, 2, 526. *P. n.* 13-oe. 133.

виду всего этого, мы не видимъ рѣшительно никакой возможности защищать мѣстно-общинный характеръ карѳагенскихъ соборовъ 251 г., въ особенности, если учесть еще и ихъ фактическую программу, изъ которой ясно видно, что соборы занимались, нисколько не меньше, если еще не больше, и дѣлами чужихъ церквей, имѣвшими важное, общецерковное значеніе (выборы римскаго еп. Корнелія, новаціанская схизма, вопросы еп. Фида и проч.). Ясно и безспорно, что соборы эти были не малыми и мѣстными, а большими и провинціальными.

По тому-же методу должны быть обработаны и *послѣсоборныя* свидѣтельства еп. Кипріана—о якобы исключительно епископскомъ составѣ и характерѣ карѳагенскихъ соборовъ 251 г. Очевидно, Кипріанъ говоритъ здѣсь о второй, верхней, епископской сессіи соборовъ, бывшей какъ-бы центральнымъ ихъ фокусомъ, отъ имени которой редактировались всѣ соборныя sententiae et litterae. Что касается мотивовъ такой перемѣны соборной декораціи у Кипріана, то они вполнѣ ясны и понятны. Опредѣляющая роль на общецерковныхъ соборахъ принадлежитъ, собственно епископамъ, которые и выражали свои личныя мнѣнія (sententiae, vota) по тому или другомъ предмету соборныхъ разсужденій. И хотя для того, чтобы эти личныя мнѣнія епископовъ, или ихъ общій согласный вотумъ, получилъ силу соборнаго сужденія или приговора (judicium) онъ долженъ былъ пройдти чрезъ обсужденіе (suffragium) мѣстно-общиннаго собранія и получить его рецепцію, но все-же, по своему происхожденію и существу, рѣшенія собора составлялись и формулировались епископами. Говоря совершенно безотносительно, епископатъ задавалъ тонъ всему собору и былъ его главной внутренней пружиной, почему и выдвиганіе его Кипріаномъ на передній планъ совершенно естественно и законно. Если все-же такого выдвиганія мы не замѣчали у него раньше, въ предсоборныхъ письмахъ, то это исключительно зависѣло отъ цѣли этихъ писемъ и отъ ихъ адресатовъ. Цѣлью названныхъ писемъ было, какъ мы видѣли, умиротвореніе мѣстной карѳагенской общины, а адресатами ихъ были мѣстные люди, вотъ почему Кипріанъ и говорилъ, именно, о *мѣстномъ* элементѣ будущихъ соборовъ. Теперь-же всѣ эти случайные мотивы отпадаютъ и Кипріанъ говоритъ о соборахъ по ихъ существу, отводя епископамъ, именно, то самое мѣсто, какое они, дѣйствительно, занимали на соборѣ. Если-же Кипріанъ, повидимому, впадаетъ теперь въ противоположность и говоритъ чуть-ли не исключительно объ однихъ епископахъ, какъ-бы забывая о другихъ соборныхъ группахъ, то многое здѣсь объясняется новыми адресатами: Кипріанъ пишетъ теперь епископамъ (Корнелію, Антоніану, Фиду); естественно, что онъ въ письмахъ къ епископамъ и говоритъ, преимущественно, объ ихъ-же коллегахъ. Подчеркиваемъ, преимущественно, но не исключительно. Нѣкоторые намеки на участіе клира и народа можно все-же находить и въ этой, послѣсоборной перепискѣ Кипріана. Таково, во-первыхъ,—важное косвенное свидѣтельство Кипріана, неразъ имъ повторенное, что соборы 251 г. состоялись съ точнымъ соблюденіемъ всѣхъ тѣхъ условій, которыя были выработаны еще раньше [1]). А во-вторыхъ—вотъ и прямое свидѣтельство того, что карѳагенская паства не пассивно подчинялась соборному рѣшенію, но принимала его только послѣ серьезныхъ разъясненій и настойчивыхъ убѣжденій: „едва я убѣждаю народъ, почти даже силой исторгаю, чтобы онъ снисходилъ къ принятію таковыхъ“ [2])—писалъ, напримѣръ, Кипріанъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ римскому папѣ Корнелію, присоединяя къ этому также и то характерное добавленіе, что народъ въ своемъ упорствѣ давать миръ падшимъ нерѣдко оказывался болѣе предусмотрителенъ и дальновиденъ, чѣмъ онъ, епископъ, принимавшій въ церкви и такихъ lapsi, которые являлись совершенно недостойными подобной милости и лишь позорили церковь. Конечно, намъ могутъ возразить, что это—не болѣе, какъ частный случай мѣстнаго практическаго примѣненія уже принятаго общесоборнаго рѣшенія. Но не въ правѣ-ли однако и мы, заключая по аналогіи, предположить, что подобный-же consensus или conscientia cleri et plebis необходимы были и при принципіальномъ общемъ рѣшеніи этого дѣла, нисколько не менѣе, если еще не болѣе, чѣмъ и при каждомъ частномъ случаѣ? Аналогія эта пріобрѣтаетъ характеръ настоящаго аргумента, когда мы сопоставимъ ее съ раннѣйшими письмами Кипріана, изъ которыхъ въ однихъ опредѣленно обѣщается такой consensus, а въ другихъ—говорится даже и объ исполненіи всѣхъ ранѣе данныхъ обѣщаній, а слѣдовательно и объ осуществленіи этого consensus'a.

Но особенно важное и показательное значеніе, въ смыслѣ активнаго участія на соборахъ клира и народа карѳагенской церкви, придаемъ мы случайнымъ свидѣтельствамъ самого Кипріана, изъ его писемъ къ еп. Корнелію. О содержаніи и цѣли этихъ писемъ достаточно говоритъ уже самое заглавіе ихъ, по русскому переводу:

---

[1]) *См. выше*, стр. 468-ую

[2]) *Ep.* LV'III, 15, 685: „uix plebi persuadeo, immo extorqueo ut tales patiantur admitti“. *P. n.* 47-oe, 267.

„Письмо къ Корнелію о непризнаніи Новаціана епископомъ“ (XLIII—35-ое) и „Письмо къ Корнелію о признаніи его епископомъ и о Фелициссимѣ“ (XLV — 36). А изъ знакомства съ текстомъ писемъ становится несомнѣннымъ, что внутреннимъ, движущимъ мотивомъ ихъ происхожденія послужило желаніе Кипріана реабилитировать себя въ глазахъ еп. Корнелія, который имѣлъ нѣкоторое основаніе обижаться на предсѣдателя карѳагенскаго собора — Кипріана, за то, что соборъ такъ недовѣрчиво и такъ медлительно-затяжно велъ все его дѣло (т. е. признаніе законности корнеліевыхъ и незаконности новаціановыхъ выборовъ). Оправдываясь отъ всякаго подозрѣнія въ какомъ-бы то ни было сочувствіи Новаціану и недовѣріи къ Корнелію, Кипріанъ настойчиво указываетъ на одинъ, особенно краснорѣчивый фактъ, имѣвшій мѣсто на весеннемъ карѳагенскомъ соборѣ 251 г. и состоявшій въ томъ, что какъ только онъ, Кипріанъ, въ свидѣтельствахъ двухъ, прибывшихъ на соборъ, епископовъ (Помпея и Стефана) получилъ болѣе твердую для себя опору, то тотчасъ-же опредѣленно наклонилъ вѣсы соборнаго рѣшенія въ сторону еп. Корнелія, именно тѣмъ самымъ, что на соборѣ онъ далъ слово только одной сторонѣ—посольству Корнелія, лишивъ этого права „противную сторону“, т. е. пословъ Новаціана. Для насъ, въ данномъ случаѣ, важенъ и интересенъ нестолько самый этотъ фактъ, сколько его обстановка, т. е. тѣ характерныя и случайныя (что еще цѣннѣе!) детали, которыми онъ сопровождается въ описаніяхъ Кипріана. Такъ, въ первомъ письмѣ Кипріанъ буквально говоритъ слѣдующее: „когда эти послы (Новаціана), произнося *въ собраніи христіанъ* (к. н.) хулы и возмутительныя рѣчи, неотступно требовали отъ насъ и народа *публично выслушать* то обвиненіе, которое они намѣревались представить и доказать; то мы почли несовмѣстимымъ съ достоинствомъ нашимъ допускать, чтобы добрая слава товарища нашего... была поносима долѣе злорѣчивыми устами завистниковъ“ [1]). Здѣсь мы обращаемъ вниманіе на фактъ рѣзкаго различія между „частнымъ собраніемъ христіанъ“, гдѣ послы Новаціана *произносили* свои оскорбительныя для Корнелія рѣчи, и между какимъ-то „большимъ публичнымъ“ собраніемъ, куда ихъ *не пустили*, несмотря на всѣ ихъ происки. Первое, частное собраніе обозначено здѣсь опредѣленно, техническимъ терминомъ in statione, указывающимъ на спеціальное собраніе *мѣстной* общины [2]). Второе-же собраніе хотя прямо и не

[1]) *Ep.* XLIII, 2, 598. *P. n.* 44-ое, 196.

[2]) *См. выше,* стр. 442-ая, примѣч.

названо по имени, но довольно прозрачно опредѣлено по одному важному его признаку—по чертѣ широкой его публичности (publice), обычно характеризовавшей провинціальные соборы, которые, въ отличіе отъ внутреннихъ, eo ipso всегда болѣе или менѣе закрытыхъ собраній мѣстной общины, широко открыты были для всѣхъ, добровольно съѣзжавшихся сюда епископовъ цѣлой провинціи.

Еще богаче такими случайными, а потому особенно показательными деталями, второе письмо Кипріана. Въ немъ, прежде всего, мы читаемъ: „впрочемъ наша мысль и наше рѣшеніе были уже явны тамъ *братьямъ и всему народу;* потомучто изъ писемъ, полученныхъ недавно отъ той и другой стороны, мы прочли только твое письмо, *объявивъ во всеуслышаніе* (auribus intimauimus) о поставленіи тебя епископомъ; а то, что съ оскорбительными грубостями изложено было противною стороною... съ пренебреженіемъ отвергли... разсуждая и соображая, что при столь многочисленномъ и благочестивомъ *собраніи братьевъ* (fratrum conuentu), гдѣ *совозсѣдаютъ священники Божіи* (considentibus Dei sacerdotibus), не должно этого ни читать, ни слушать,... дабы не причинить слушателямъ соблазна и невѣрною молвою не смутить *братьевъ*, находящихся вдали и живущихъ за моремъ“ [1]). Знакомый фактъ здѣсь излагается нѣсколько подробнѣе и съ его мотивировкой. Публичный характеръ того большого собранія, на которомъ выслушаны были послы Корнелія и состоялось его торжественное утвержденіе, подчеркивается и здѣсь, въ словахъ: „объявивъ во всеуслышаніе“. Къ этому присоединяется и новая деталь, что названное публичное собраніе состояло изъ двухъ основныхъ группъ: изъ *братьевъ и народа*, причемъ подъ „братьями“ естественнѣе всего разумѣть „епископовъ“, а подъ народомъ—мѣстную карѳагенскую паству, о частномъ собраніи которой говорилось уже и въ предыдущемъ письмѣ (in statione) [2]). Но вотъ и еще повторное свидѣтельство Кипріана о томъ-же фактѣ: „мы не дозволяемъ читать у себя таковыхъ писемъ, написанныхъ нѣкоторыми дерзкими клеветниками. Поэтому, возлюбленнѣйшій братъ, я велѣлъ читать *передъ клиромъ и народомъ* тѣ изъ доставленныхъ ко мнѣ писемъ о тебѣ и совозсѣдающихъ съ тобою сопресвитерахъ, которыя отзывались благочестивою простотою, а не лаяніемъ злосло-

[1]) *Ep.* XLV, 2, 600. *P. n.* 36-ое, 197. Обращаемъ вниманіе на то, что центральное мѣсто текста: „fratrum religiosoque conuentu“ имѣетъ варіантъ: „fratrum *numero*“, который и даетъ намъ главное основаніе видѣть здѣсь параллель съ хорошо извѣстнымъ, техническимъ соборнымъ терминомъ „numerus episcoporum“.

[2]) *Ep.* XLIII, 2, 598. *P. n.* 35-ое, 196. Срав. параллель на стран. 275—276.

вій и ругательствъ“ [1]). Этимъ съ несомнѣнностью устанавливается тотъ фактъ, что въ какомъ-то собраніи „клира и народа“ Кипріанъ *не допустилъ* оглашенія клеветническихъ писемъ Новаціана, а торжественно обнародалъ лишь положительныя письма Корнелія. А между тѣмъ изъ предшествующаго письма (XLIV—35) Кипріана намъ извѣстно, что въ собраніи мѣстной церкви, предъ лицомъ *одного* карѳагенскаго клира и народа, *выступали* съ своими „хульными, возмутительными рѣчами“ и послы Новаціана, причемъ, впрочемъ, еще тамъ-же было замѣчено, что на другое, болѣе полное собраніе, ихъ съ такими рѣчами не допустили. Нельзя-ли изъ даннаго сопоставленія фактовъ выводить, что это второе собраніе клира и народа, на которомъ послы Новаціана не получили слова, и есть, именно, то самое, торжественное и публичное собраніе „братьевъ и священниковъ Божіихъ“, о которомъ говорилось нѣсколькими строками выше? Слѣдовательно „многочисленное благочестивое собраніе братьевъ“ (соепископовъ) и собраніе „клира и народа“ были составными частями одного и того-же цѣлаго, т. е. большаго провинціальнаго собора, составлявшагося, какъ мы знаемъ, изъ двухъ главныхъ соборныхъ пластовъ—*сонма провинціальныхъ епископовъ* (numerus episcoporum) и пленарнаго *собранія мѣстной общины* (cleri et plebis) [2]).

Само собою разумѣется, что мысль объ активномъ, организованномъ участіи на соборахъ всей провинціи клира и мірянъ мѣстной общины далеко не для всѣхъ оказывается пріемлемой и вызываетъ многочисленныя попытки, такъ или иначе, ее ослабить и перетолковать. Не входя здѣсь въ подробный, критическій разборъ всѣхъ такихъ попытокъ, остановимся *на одной* изъ числа нихъ, какъ на наиболѣе авторитетной и серьезной. Попытка эта принадлежитъ видному нашему канонисту — покойному проф. Н. С. Суворову и содержится въ его критикѣ на магистерскую диссертацію его преемника и ученика—проф. П. В. Гидулянова. Критикуя усвоенный Гидуляновымъ взглядъ Sohm'a о роли

[1]) *Ep.* XLV, 2, 601—602. *P. n.* 36-ое, 199.

[2]) Въ дополненіе къ сказанному выше о подлинномъ составѣ Христовой церкви (стр. 470 и сл.), укажемъ еще на Ep. LXI (51-ое), гдѣ Кипріанъ на прямо поставленный отвѣтъ: „кто составляетъ Церковь (quae ecclesia)?“ даетъ не менѣе ясный и категорическій отвѣтъ, что церковь составляется: 1) изъ епископа, избраннаго по Божественному опредѣленію, 2) изъ пресвитеровъ, соединенныхъ съ епископомъ честью священства и 3) изъ истиннаго народа Христова, связаннаго любовью стада Господня. *Hartel*—696—697. *P. n.* 51-ое, 293. А такъ какъ всякій правильный церковный соборъ является какъ-бы миніатюрнымъ отображеніемъ всей церкви, то всѣ три названныхъ элемента соотвѣтственное имъ выраженіе должны получить и на соборѣ.

мѣстной общины на соборѣ (его рецепцію), проф. Суворовъ, между прочимъ, высказывается по поводу этого и самъ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „живой интересъ къ церковнымъ дѣламъ естественно привлекалъ на соборъ и подчиненное духовенство и мірянъ, главнымъ образомъ того города, гдѣ соборъ составлялся, могъ привлекать также и иногороднихъ; но источники рѣшительно ничего не говорятъ о какихъ-либо активныхъ шагахъ со стороны этой второй группы... Общее настроеніе могло повліять на епископовъ, или могло закрѣпить въ общемъ сознаніи состоявшееся рѣшеніе епископовъ, но современныя понятія о votum decisivum и votum consultativum не примѣнимы къ клиру и народу, собиравшемуся на древнихъ соборахъ“ [1]). Въ этой неувѣренной тирадѣ ученаго канониста все слишкомъ неопредѣленно, туманно и обще. Яснѣе и безспорнѣе всего въ ней только послѣдняя мысль—о неприложимости къ соборамъ древней церкви нашей современной терминологіи съ ея различеніемъ „рѣшающаго“ голоса епископовъ отъ „совѣщательнаго“ голоса клира и мірянъ. Но и это важное указаніе дано здѣсь въ слишкомъ общей, а главное — ничѣмъ немотивированной формѣ, такъ что оно сильно уступаетъ, напримѣръ, тому редакціонному примѣчанію, о которомъ мы уже упоминали выше [2]). Все-же остальное у проф. Суворова здѣсь крайне неопредѣленно, гадательно, а то и прямо даже ошибочно и спорно.

Начнемъ съ первой фразы: „живой интересъ къ церковнымъ дѣ-

[1]) *Проф. Н. Суворовъ*—Критика и библіографія. Журн. Мин. Народн. Просв. 1906 г. Февраль, 387—388 стр.

[2]) *См. выше,* стр. 452-ая. Приведемъ здѣсь нѣсколько наиболѣе существенныхъ выдержекъ изъ него. „Сужденіе автора (о. прот. Добронравова) о значеніи голоса мірянъ и клира на соборахъ требуетъ нѣкоторыхъ оговорокъ... Утверждая, что клиру и мірянамъ на соборахъ принадлежалъ лишь совѣщательный голосъ, авторъ слишкомъ *модернизируетъ* (к. н.) древніе памятники, влагая въ нихъ наши современныя понятія... Въ настоящее время строго различается качество голоса, принадлежащаго тѣмъ или инымъ членамъ собранія, причемъ совѣщательный голосъ ни къ чему не обязываетъ власть... Ничего подобнаго не бывало и не могло быть на древнихъ соборахъ... Качественное различіе голосовъ не сознавалось въ то время ясно, и не было формулировано, но епископы руководились на соборѣ здравымъ тактомъ, который никогда не позволилъ-бы имъ рѣзко разойдтись съ мнѣніемъ большинства присутствующихъ на соборѣ клириковъ и мірянъ и принять рѣшеніе, не соотвѣтствующее желаніямъ своихъ пасомыхъ“. *Бог. Вѣстн.* 1906 г. Февр. стр. 82. Мы, съ своей стороны, вполнѣ соглашаясь съ тѣмъ, что къ голосу клира и мірянъ современные парламентскіе эпитеты: „рѣшающій“ и „совѣщательный“ совершенно не приложимы, предлагаемъ обозначить его, сообразно съ его природой, какъ „рецепирующій“ обще-церковный голосъ.

ламъ—говоритъ проф. Суворовъ—естественно привлекалъ на соборъ и подчиненное духовенство и мірянъ". Что живой интересъ влекъ многихъ на соборъ—это, конечно, святая истина; но одновременно это и одинъ изъ тѣхъ шаблонныхъ трюизмовъ, которые лишены конкретнаго содержанія и потому не имѣютъ характера серьезной аргументаціи. Гораздо важнѣе, конечно, выяснить кого-же именно, влекъ къ себѣ этотъ живой, соборный интересъ? Исторія намъ отвѣчаетъ, что, помимо всей мѣстной церкви, соборъ привлекалъ къ себѣ сосѣднихъ епископовъ провинціи, съѣзжавшихся на соборъ за разрѣшеніемъ накопившихся у нихъ недоразумѣній и дѣлъ. Но проф. Суворовъ предпочитаетъ почему-то отмѣтить, что соборъ привлекалъ къ себѣ какое-то „подчиненное духовенство и мірянъ"? Что это за духовенство и что за міряне, откуда и зачѣмъ шли тѣ и другіе на соборъ? На все это проф. Суворовъ или вовсе не отвѣчаетъ, или даетъ неудовлетворительные и сбивчивые отвѣты. Такъ, напримѣръ, духовенство онъ опредѣляетъ, какъ „подчиненное". Но спрашивается, кому подчиненное? И почему, именно, подчиненное? Вѣдь, признакъ „подчиненности" далеко не характеризовалъ собою нормальныхъ отношеній епископа и клира той эпохи. Тамъ гораздо сильнѣе выступали впередъ не отношенія начальства и господства, а отношенія „братства" и „сослуженія", какъ это свидѣтельствуется хотя-бы терминологіей того-же Кипріана. А главное, что это были за клирики? Пріѣзжали-ли они на соборъ вмѣстѣ со своими епископами, въ качествѣ какъ-бы ихъ личныхъ помощниковъ и секретарей, или они шли на соборъ независимо и отдѣльно? Самъ проф. Суворовъ разумѣлъ, повидимому, скорѣе послѣднее, если говорилъ о живомъ интересѣ, какъ субъективно-личномъ мотивѣ поѣздки клириковъ и даже мірянъ на соборъ. Но тогда неизбѣженъ и слѣдующій вопросъ: существовала-ли какая-либо организованность для этихъ добровольцевъ собора, напр. ограниченіе въ числѣ, полномочіе общины и пр. или ничего подобнаго не было и такіе пріѣзды на соборъ носили случайный и безпорядочный характеръ? Прямого отвѣта на поставленные вопросы нѣтъ у автора, но косвенно онъ клонитъ больше въ сторону послѣдняго предположенія.

Впрочемъ, дальше проф. Суворовъ и самъ поясняетъ свою мысль, когда дѣлаетъ добавку, что на соборъ стекались клирики и міряне „главнымъ образомъ того города, гдѣ соборъ составлялся". Добавка эта, правда, значительно улучшаетъ дѣло, внося извѣстную опредѣленность въ вопросъ, именно, выдвигая на передній планъ *мѣстныхъ* клириковъ и мірянъ, присутствіе которыхъ на соборѣ безспорно и для насъ. Но и такое важное поясненіе

авторъ, сначала, обезцѣнилъ, добавивъ ограниченіе: „главнымъ образомъ", а затѣмъ и вовсе свелъ его почти къ нулю, повторивъ въ болѣе категоричной формѣ возможность присутствія на соборѣ и „иногородныхъ" клириковъ съ мірянами. Въ такомъ видѣ пояснительная глосса автора теряетъ всякое значеніе и цѣну: если-бы онъ строго ограничилъ неепископскій элементъ собора рамками одной мѣстной церкви, это было-бы ясно, опредѣленно и вполнѣ отвѣчало-бы природѣ и исторіи провинціальнаго собора. А коль скоро проф. Суворовъ внесъ свои неопредѣленно-колеблющіяся добавки: „главнымъ образомъ" и „могли иногородніе", то тѣмъ самымъ онъ опять вернулъ вопросъ къ его прежней неопредѣленности, усугубивъ ее только еще новой путаницей (черезъ то, что безъ всякихъ мотивовъ выдвинулъ на главное мѣсто „мѣстныхъ людей"). Итакъ, по нашему крайнему разумѣнію, вопроса о составѣ провинціальныхъ соборовъ проф. Суворовъ не только не разрѣшилъ, но еще сильнѣе и безнадежнѣе его запуталъ. Съ одной стороны, онъ произвольно урѣзалъ роль клира и мірянъ на соборѣ, такъ какъ призналъ ихъ случайными и неорганизованными его посѣтителями; съ другой—онъ безъ достаточныхъ основаній и расширилъ объемъ ихъ возможнаго представительства, такъ какъ допустилъ, на ряду съ мѣстными людьми, и иногородныхъ посѣтителей. А главное—и то и другое онъ сдѣлалъ безъ всякой мотивировки и вопреки свидѣтельству источниковъ.

Еще, на нашъ взглядъ, хуже и слабѣе обстоитъ у проф. Суворова дѣло съ выясненіемъ той положительной роли, какую играли присутствовавшіе на соборахъ клирики и міряне. Какъ-бы предупреждая возможныя на этотъ счетъ сомнѣнія и колебанія, онъ спѣшитъ, прежде всего, очень категорично заявить, что *„источники рѣшительно ничего не говорятъ* (к. н.) о какихъ-либо активныхъ шагахъ со стороны этой второй группы (т. е. неепископской), которые-бы можно было поставить въ параллель съ избраніемъ или указаніемъ кандидатовъ на чрезвычайномъ соборѣ". Но рѣшительность тона, съ какой сдѣлано это заявленіе, къ сожалѣнію, далеко не отвѣчаетъ его внутренней правдѣ. Мы только что передъ тѣмъ подробно выяснили, что какъ ни скупы тогдашніе источники свидѣтельствами о соборной роли клира и мірянъ (карѳагенской общины), однако, при добромъ желаніи, ихъ все-же можно заставить говорить и извлечь изъ нихъ достаточное количество косвенныхъ и прямыхъ указаній. Все дѣло, конечно, въ томъ, какъ понимать самую „активность?" Если ее трактовать, въ смыслѣ „активныхъ шаговъ", т. е. единоличной или даже групповой иниціативы въ самой постановкѣ и редакціи соборныхъ вопросовъ, то такой активности,

ни клиръ, ни тѣмъ болѣе народъ мѣстной церкви, дѣйствительно, не проявлялъ на провинціальныхъ соборахъ, какъ, добавимъ мы здѣсь—и это особенно подчеркнемъ,—онъ не проявлялъ ничего подобнаго и въ чрезвычайныхъ, избирательныхъ соборахъ. Относительно этихъ послѣднихъ проф. Суворовъ, какъ намъ кажется, держался довольно ошибочнаго взгляда. Критикуя взглядъ Sohm'a и Гидулянова (тоже, быть можетъ, нуждающійся въ поправкахъ), проф. Суворовъ, въ заключеніе своей критики, говоритъ: „какъ бы мы ни представляли себѣ производство древнихъ епископскихъ выборовъ... избраніе юридически должно быть признаваемо за мѣстной общиной, а за епископами одобреніе указаннаго кандидата, или одного изъ нѣсколькихъ указанныхъ кандидатовъ“ [1]). Причемъ, поясняя свою мысль, проф. Суворовъ заявляетъ, что *община избирала* или указывала желательнаго ей кандидата, а собравшіеся *епископы утверждали* этого кандидата, если находили его годнымъ и достойнымъ. Слѣдовательно, Суворовъ различаетъ *два* момента въ избирательномъ процессѣ, и изъ нихъ послѣдній и, въ сущности, важнѣйшій, рѣшающій — отдаетъ въ руки епископата.

Между тѣмъ, дѣйствительная картина древне-епископскихъ выборовъ была существенно иною, какъ это обстоятельно выяснилъ въ своей прекрасной, спеціальной статьѣ извѣстный католическій ученый Funk, основываясь, главнымъ образомъ, на нашихъ-же источникахъ, т. с. на письмахъ еп. Кипріана [2]). Funk въ процессѣ епископскихъ выборовъ различаетъ *три* момента и ставитъ ихъ въ слѣдующей хронологической послѣдовательности: 1) иниціатива мѣстнаго клира, 2) аппробація собравшихся епископовъ и 3) окончательное одобреніе или рецепція выбора со стороны всей мѣстной общины. Это вполнѣ естественно и согласно съ источниками. Дѣйствительно, въ періодъ междуепископства во главѣ вдовствующей церкви обычно становился ея клиръ, который и выполнялъ всѣ административныя функціи, въ чемъ легко убѣдиться, хотя-бы изъ примѣра римскаго клира за періодъ, такъ называемой, „вакантности каѳедры“ (Sedisvakanz). Естественно, что тому-же клиру должна была принадлежать и иниціатива ознакомленія собравшихся епископовъ съ тѣмъ, кто изъ состава мѣстной церкви выдвигался, въ качествѣ наиболѣе достойнаго и желательнаго кан-

[1]) *Проф. Н. Суворовъ*—Цит. соч., стр. 387-ая.

[2]) *Funk* „Die Bischofswahl im christlichen Altertum“ Im Kirchengeschichtlichen Abhandlungen und Untersuchungen“, I b. 23 sq. Paderborn, 1897.

дидата на епископство въ ней [1]). И клиръ могъ сдѣлать это тѣмъ легче и лучше, что обычно кандидаты на каѳедру вербовались изъ его-же состава, а самъ клиръ въ это время стоялъ очень близко къ народу и являлся выразителемъ нестолько своихъ, корпоративныхъ интересовъ, сколько обще-народныхъ настроеній и нуждъ всей мѣстной церкви [2]). Затѣмъ, кандидатъ, указанный клиромъ, въ качествѣ наиболѣе желательнаго (иногда б. м. даже и не одинъ) поступалъ на аппробацію его будущихъ коллегъ—собравшихся провинціальныхъ епископовъ, которые должны были всѣми доступными имъ средствами (путемъ личной бесѣды и ознакомленія съ его жизнью и особыми церковными заслугами напр. исповѣдничествомъ) выяснить пригодность или правоспособность этого кандидата съ его, такъ сказать, пастырско-канонической стороны. Если и это епископское испытаніе проходило благополучно для кандидата, то онъ подлежалъ третьему и послѣднему, въ сущности, рѣшающему моменту выборовъ—именно, отдавался на гласный судъ всего народа, т, е. общаго собранія всей мѣстной церкви, гдѣ онъ подвергался суду, или голосованію (judicium, suffragium) всей своей будущей паствы, которая должна была вынести ему свой послѣдній, рѣшающій вотумъ: „достоинъ“ (*ἄξιος*). Этимъ актомъ самое избраніе въ епископы заканчивалось и лицо выбранное соборомъ (нареченное имъ) поступало на хиротонію присутствовавшихъ, и заранѣе на его выборъ уже согласившихся (consensus), епископовъ.

Не трудно видѣть, что изъ трехъ моментовъ избирательнаго собора особенной важностью отличался послѣдній, заключительный, гдѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ являлась мѣстно-церковная община, т. е. ея клиръ и народъ. Источники особенно подчеркиваютъ значеніе „вѣрнаго народа“, который обладалъ здѣсь всей полнотой своей рецепціи: онъ могъ принять и одобрить того кандидата, который уже благополучно прошелъ чрезъ двѣ предшествующія выборныя стадіи, но могъ поступить и наоборотъ—не согласиться съ своимъ клиромъ и съ епископскимъ одобреніемъ и отвергнуть такого кандидата, какъ объ этомъ совершенно ясно и опредѣленно заявилъ однажды Кипріанъ, сказавъ слѣдующее: „*народъ*, повинующійся божественнымъ заповѣдямъ и боящійся Бога... *самъ весьма имѣетъ власть соглашаться*

[1]) *Funk:* Klerus in der Angelegenheit der hervorragendere Anteil zukam... der Klerus an der Wahl durch einem besonderen Akt beteilgt war, etwa in der Weise, *dass er Kandidaten bezeichnete oder vorschlug.* Ibid. 27 s.

[2]) Рядъ соотвѣтствующихъ свидѣтельствъ о положеніи клира и его отношеніи къ народу см. у *R. Sohm'a* s. 272—277 и *Гидулянова*—143 стр.

на избраніе священниковъ достойныхъ или отказываться отъ признанія недостойныхъ“ [1]). Значитъ, епископскіе выборы происходили нетакъ, какъ изобразилъ ихъ проф. Суворовъ, (будто-бы народъ предварительно избиралъ, или намѣчалъ кандидата, а епископы его окончательно утверждали), а почти наоборотъ,—клиръ и епископы намѣчали кандидата, а народъ окончательно его принималъ, или отвергалъ. У народа мѣстной церкви, разумѣется, была активность и самая большая (maxime potestatem habeat). Но активность эта была, такъ сказать, особаго рода: не активность иниціативы или, какихъ-либо отдѣльныхъ выступленій (хотя-бы напр. и въ смыслѣ предварительнаго указанія кандидатовъ, какъ ошибочно думалъ Суворовъ), а *активность послѣдующей рецепціи*, выражаемой коллективно, или одобрительными возгласами (per acclamationem), или путемъ общенароднаго голосованія (suffragium).

При такомъ пониманіи чрезвычайныхъ выборныхъ соборовъ, становится уже возможнымъ и ихъ сближеніе съ регулярными провинціальными соборами. Конечно, полнаго тождества здѣсь все-же быть не могло, такъ какъ на выборныхъ соборахъ роль мѣстной церкви, безъ сомнѣнія, должна быть все-же значительнѣе и активнѣе. Но основная схема, по которой строились и періодическіе соборы была та-же самая: активная роль принадлежала епископамъ и клиру мѣстной церкви, а одобреніе и принятіе того, что они рѣшали — было дѣломъ всего народа, т. с. всей мѣстной церкви (рецепція). И мы глубоко убѣждены въ томъ, что, именно, этотъ моментъ общенародной рецепціи имѣли въ виду и римскіе клирики, когда писали Кипріану: *„да и не можетъ быть твердымъ то опредѣленіе* (рѣчь идетъ о соборномъ опредѣленіи дѣла lapsi), *которое окажется не имѣющимъ признанія большинства* (причемъ, подъ этимъ большинствомъ, какъ очевидно изъ контекста, разумѣется большинство „общаго совѣта“

[1]) *Ep.* LXVII, 3. 737—738: „plebs obsequens praeceptis dominicis et Deum metuens... ipsa maxime habeat potestatem uel eligendi dignos sacerdotes (опять примѣръ того, какъ „священникъ“ употреблено вмѣсто „епископъ“) uel indignos recusandi“. Въ русскомъ кіевскомъ изданіи послѣднія слова переведены неточно: „и низлагать недостойныхъ“. Глаголъ recusare—отнюдь не синонимъ degradare: поэтому онъ не можетъ значить „лишать кого-либо уже имѣющагося у него положенія или должности;“ а исходя изъ точнаго его смысла, онъ долженъ значить лишь „не соглашаться на врученіе этой должности, опротестовывать результатъ выбора“. Принятіе такого перевода позволяетъ выдержать и данную въ текстѣ антитезу—eligere „выбирать, соглашаться на избраніе“ и recusare „отказывать въ своемъ согласіи на выборъ, опротестовывать его“. Въ канонической терминологіи, это—отрицательная форма церковной рецепціи.

изъ епископовъ, пресвитеровъ, діаконовъ, исповѣдниковъ и стойкихъ мірянъ) [1]). Такимъ образомъ, въ противоположность мнѣнію проф. Суворова, *но въ полномъ согласіи съ источниками*, мы отстаиваемъ и „активные шаги“ мѣстной общины на соборѣ и основной параллелизмъ періодическихъ соборовъ съ чрезвычайными (провинціальныхъ съ избирательными).

Намъ остается еще сдѣлать нѣсколько краткихъ замѣчаній о положительной сторонѣ взгляда проф. Суворова, т. е. о томъ, какъже самъ-то онъ рисуетъ себѣ взаимоотношеніе двухъ соборныхъ группъ? Объ этомъ Суворовъ говоритъ очень кратко и очень неясно: „общее настроеніе (?) могло повліять (?) на епископовъ, или могло закрѣпить (?) въ общемъ сознаніи (?) состоявшееся рѣшеніе“. Повидимому, въ такой гипотетичной (могло!) и туманно-общей формѣ авторъ хочетъ охарактеризовать то взаимовліяніе, какимъ связывали себя обѣ соборныхъ группы: епископы могли улавливать „общее настроеніе“ народа мѣстной церкви, а этотъ послѣдній могъ какъ-то „закрѣпить въ своемъ сознаніи состоявшееся рѣшеніе епископовъ“. Но какое-же, спрашивается, могло быть „общее настроеніе“, т. е. другими словами, согласное рѣшеніе у мѣстной церкви, если она организовывала у себя соборъ по данному, значитъ, неясному, или даже спорному для нея вопросу? Вѣдь, если-бы такое общее согласіе существовало на лицо, то не было-бы нужды и въ самомъ соборѣ. А затѣмъ, какимъ-же путемъ соборные епископы могли *уловить* это общее настроеніе, если послѣднее, какъ думаетъ авторъ, не имѣло на соборѣ своего правомѣрнаго внѣшняго выраженія? И, наконецъ, какой опредѣленный каноническій смыслъ можетъ имѣть такая, ничего, въ сущности, неговорящая фраза: „закрѣпить въ общемъ сознаніи состоявшееся рѣшеніе епископовъ“? Что это: публичная-ли декларація соборно-епископскаго рѣшенія, или вмѣстѣ и пассивная рецепція этой декларации со стороны остальныхъ элементовъ церкви? Повидимому, послѣднее. Но, вѣдь, это было-бы явнымъ насиліемъ надъ источниками и фактами, такъ какъ „пассивная рецепція“ это—contradictio in adjecto, полное отрицаніе дѣйствительной рецепціи, вообще. А между тѣмъ, соборная рецепція—и необходимый догматическій постулатъ (вытекающій изъ ученія о соборномъ тѣлѣ Церкви) и безспорный историческій фактъ (укажемъ для примѣра на Ефесскій „разбойничій“ соборъ 449 г. и на иконоборческій Константина Копронима 754 г., отвергнутые цер-

[1]) *Ep.* XXX, 5, 553: „quoniam nec firmum decretum potest esse quod non plurimorum uidebitur habuisse consensum“. *P. n.* 221 стр. примѣч.

ковью, несмотря на весь ихъ внѣшній блескъ и показную правильность). Приходится, къ сожалѣнію, положительно удивляться, какъ такой, въ общемъ строгій и точный канонистъ, какимъ безспорно былъ проф. Суворовъ, могъ наговорить такую кучу наивностей и пустыхъ фразъ, да сдѣлать все это еще въ критической рецензіи, гдѣ онъ придирчиво строгъ къ другимъ, а потому сугубо отвѣтственъ и самъ.

Разборъ критики проф. Суворова и ея обнаружившаяся слабость далъ намъ новое доказательство—argumentum a contrario—и тѣмъ самымъ только еще больше утвердилъ насъ въ ранѣе полученномъ убѣжденіи относительно композиціи карѳагенскихъ соборовъ 251 г. и взаимоотношенія ихъ составныхъ элементовъ. Заключая весь данный, весьма важный для насъ отдѣлъ, охотно признаемся, что мы, быть можетъ, слишкомъ расширили его рамки и ввели въ него немало посторонняго матеріала — историческаго, принципіальнаго и полемическаго характера. Но въ свое оправданіе, считаемъ долгомъ указать, что, во-первыхъ, все это было крайне важно и нужно намъ, для болѣе основательнаго выясненія этой важнѣйшей и труднѣйшей проблемы (составъ собора и роль его элементовъ); а во-вторыхъ, позволимъ выразить увѣренность, что все это и не пропадетъ у насъ даромъ, а значительно облегчитъ нашъ трудъ и сократитъ его размѣры при дальнѣйшей обработкѣ соотвѣтствующихъ отдѣловъ нашей диссертаціи, гдѣ мы будемъ продолжать свою постройку уже на готовомъ фундаментѣ.

VII.

Большой Римскій соборъ, при еп. Корнеліѣ (251 г.), и неизвѣстный восточный (вѣроятно, Антіохійскій).

Къ двумъ провинціальнымъ Карѳагенскимъ соборамъ 251-го г. непосредственно примыкаютъ, и своимъ авторитетомъ какъ-бы ихъ восполняютъ и скрѣпляютъ, и еще два большихъ, областныхъ собора, составлявшихся для рѣшенія тѣхъ-же самыхъ задачъ (lapsi и новаціанская схизма): это—*большой западный соборъ*, происходившій въ Римѣ, при еп. Корнеліѣ, осенью 251 года и *большой восточный*, относительно мѣста и времени котораго у насъ нѣтъ точныхъ свѣдѣній, хотя съ значительной дозой увѣренности и можно полагать, что онъ имѣлъ мѣсто въ Антіохіи, въ концѣ того-же 251 г. или, вѣрнѣе, въ началѣ слѣдующаго 252-го года.

Историческое существованіе этихъ соборовъ, засвидѣтельствовано вѣско и опредѣленно, такими солидными авторитетами, какъ

еп. Кипріанъ, Евсевій и бл. Іеронимъ. Въ особенности, ясна и тверда традиція о первомъ, западно-римскомъ соборѣ. О немъ, прежде всего, неоднократно упоминается въ письмахъ еп. Кипріана. Такъ, въ хорошо уже извѣстномъ намъ письмѣ къ еп. Антоніану, написанномъ, какъ мы знаемъ [1]), въ концѣ 251-го года, имѣются относительно даннаго собора слѣдующія строки: „и если бы число епископовъ показалось тебѣ недостаточнымъ; то знай, что мы писали объ этомъ дѣлѣ въ Римъ, къ товарищу нашему *Корнелію*, который и самъ, послѣ того, какъ *имѣлъ соборъ со многими сопископами*, согласился въ одномъ и томъ-же съ нами рѣшеніи, основанномъ на равной строгости и спасительной умѣренности“ [2]). Фактъ такого полнаго единомыслія Римскаго собора съ Карѳагенскимъ по вопросу о lapsi Кипріанъ отмѣчаетъ и еще разъ, въ письмѣ къ испанской церкви: „прежде (pridem) еще товарищъ нашъ Корнелій, священникъ миролюбивый и праведный, по удостоенію Божію почтенный даже мученичествомъ, вмѣстѣ съ нами и всѣми вообще (nobiscum et cum omnibus omnino episcopis), поставленными повсюду епископами, опредѣлилъ (decreuerit, техническій терминъ для соборныхъ рѣшеній)—допускать подобныхъ людей къ принесенію покаянія (рѣчь идетъ о двухъ павшихъ испанскихъ епископахъ—Василидѣ и Марціалѣ), но съ запрещеніемъ поступать имъ въ клиръ и носить священническій санъ“ [3]). Наконецъ, аналогичное упоминаніе о Корнеліѣ и его соборѣ дѣлается Кипріаномъ и въ письмѣ къ папѣ Стефану, по поводу еп. Маркіана арелатскаго: „нужно поддержать славное имя нашихъ предшественниковъ, блаженныхъ мучениковъ Корнелія и Луція... А они, исполненные Духа Божія... опредѣлили (decreuerunt) и въ писаніяхъ своихъ изъяснили, что падшимъ надлежитъ давать миръ и не отказывать имъ въ плодахъ общенія и мира“ [4]).

Вторымъ, еще болѣе опредѣленнымъ, свидѣтелемъ римскаго собора при еп. Корнеліѣ выступаетъ церковный историкъ Евсевій, который говоритъ объ этомъ въ слѣдующихъ,

---

[1]) *См. выше*, стр. 431-ую.

[2]) *Ep.* LV, 6, 628: „ac si minus sufficiens episcoporum in Africa numerus uidebatur, etiam Romam super hac re scripsimus ad Cornelium collegam nostrum qui et ipse cum plurimis coepiscopis habito concilio in eandem nobiscum sententiam pari grauitate et salubri moderatione consensit“. *P. n.* 43-ье, 219 стр.

[3]) *Ep.* LXVII, 6, 741 p. *P. n.* 56-ое, 319 стр.

[4]) *Ep.* LXVIII, 5. 748: „Seruandus est enim antecessorum nostrorum beatorum martirum Cornelii et Lucii honor gloriosus... illi enim pleni Spiritu Domini... dandam esse lapsis pacem censuerunt et paenitentia acta fructum communicationis et pacis negandum non esse litteris suis signauerunt“. *P. n.* 55-ое, 313 стр.

сомнѣній, выраженіяхъ: „по этому случаю (т. е. по поводу „новаціанъ“) въ *Римѣ созванъ былъ великій* (к. н.) *соборъ*, изъ шестидесяти епископовъ; а пресвитеровъ и діаконовъ на немъ было еще болѣе. Кромѣ того, областные пастыри разсуждали и отдѣльно, каждый въ своей епархіи, что̀ надобно дѣлать,—и наконецъ, постановлено для всѣхъ правило“... [1])—это, именно, уже извѣстные намъ каноны объ отлученіи новаціанъ и о покаянной дисциплинѣ для lapsi. Каноны римскаго собора, какъ видно изъ дальнѣйшаго повѣствованія Евсевія, были изложены въ особомъ соборномъ свиткѣ или посланіи, разсылавшемся по главнымъ представителямъ церквей Востока и Запада: изъ восточныхъ адресатовъ, напр., опредѣленно названъ антіохійскій епископъ Фабіанъ, а изъ западныхъ—карѳагенскій Кипріанъ [2]). Впрочемъ, такъ какъ Кипріанъ былъ ближайшимъ сосѣдомъ римскаго епископа и находился въ курсѣ всѣхъ перипетій новаціанской борьбы, то Корнелій освѣдомлялъ его кратко, быть можетъ, пославъ ему только самые акты римскаго собора. Другое дѣло еп. Фабіанъ: онъ и гораздо дальше отстоялъ отъ Рима, а потому хуже былъ освѣдомленъ о томъ, что въ немъ происходило, а главное—значительно больше довѣрялъ и даже симпатизировалъ Новаціану, котораго считалъ за серьезнаго мыслителя и выдающагося аскета [3]). Потому-то и Корнелій соборное постановленіе, отсылаемое Фабію, счелъ нужнымъ сопроводить особымъ обширнымъ письмомъ, въ которомъ онъ не щадитъ красокъ, чтобы очернить своего противника—Новаціана, какъ о томъ можно судить по приведеннымъ у Евсевія характернымъ выдержкамъ изъ этого письма. Но наше вниманіе останавливаютъ на себѣ не эти подлинныя полемическія выписки изъ письма Корнелія, а то заключеніе, которое дѣлаетъ къ нимъ Евсевій, говоря: „въ концѣ-же своего посланія Корнелій излагаетъ *списокъ тѣхъ епископовъ, которые приходили въ Римъ и осудили безуміе Новата;* здѣсь онъ означаетъ и имена ихъ, и то, надъ какой епархіей каждый изъ нихъ начальствовалъ; упоминаетъ также объ епископахъ, не приходившихъ въ Римъ, но подтвердившихъ мнѣніе прочихъ своими грамматами,

[1]) *Euseb.* VI, 43, 1. 612: *„ἐφ ᾧ συνόδου μεγίστης ἐπὶ Ῥώμης συγκροτηθείσης ἑξήκοντα μὲν τὸν ἀριθμὸν ἐπισκόπων, πλειόνων δ' ἔτι μᾶλλον πρεσβυτέρων τε καὶ διακόνων, ἰδίως τε κατὰ τὰς λοιπὰς ἐπαρχίας τῶν κατὰ χώραν ποιμένων περ τοῖδ πρακτέου διασκεψαμένων, δόγμα παρίσταται ἰοῖς πᾶσιν“. Евсев.* VI, XLIII, 386 стр.

[2]) *Ibidem* 614 s. *P. n.* 386—387 стр.

[3]) *Л. Дюшенъ:* „Взгляды Новаціана встрѣтили откликъ въ разныхъ мѣстахъ Малой Азіи. Фабій, еп. антіохійскій, открыто покровительствовалъ имъ“. „Исторія древней церкви“, I, 278 стр. Ср. *Aubé* „L'eglise et l'état“... 261—262 p.

причемъ равнымъ образомъ означаетъ ихъ имена и названія тѣхъ городовъ, откуда грамматы были присланы“ [1]).

Третьимъ источникомъ нашихъ свѣдѣній о Римскомъ соборѣ, бывшемъ при еп. Корнеліѣ, является бл. Іеронимъ, который въ LXVI гл. книги „о знаменитыхъ мужахъ“ заноситъ относительно сего слѣдующее: „Корнелій, епископъ римскій, къ которому есть восемь посланій Кипріана, написалъ посланіе къ Фабію, епископу антіохійской церкви, *о соборахъ Римскомъ, Италійскомъ и Африканскомъ;* другое посланіе о Новаціанѣ и о падшихъ; третье посланіе *о дѣяніяхъ собора* (de gestis synodi); четвертое посланіе къ тому-же Фабію, весьма обширное и заключающее въ себѣ опроверженіе и анаѳему новаціанской ереси; онъ управлялъ церковью два года при императорахъ Галлѣ и Волузіанѣ и когда увѣнчался мученичествомъ за Христа, то ему послѣдовалъ Луцій“ [2]). Къ сожалѣнію, запись бл. Іеронима не отличается желательной точностью и нуждается въ комментаріяхъ. Такъ напр. онъ различаетъ цѣлыхъ *три* собора: римскій, италійскій и африканскій, и указываетъ не больше, ни меньше, какъ четыре посланія еп. Корнелія къ еп. Фабію антіохійскому. Но нетрудно видѣть, что рѣчь о трехъ, будто-бы совершенно различныхъ соборахъ, въ сущности, какъ отмѣтилъ еще Routh [3]), есть дурно понятная и превратно истолкованная замѣтка Евсевія, въ которой говорится „о дѣлахъ рим-

[1]) *Euseb.* VI, 43, 21, 622—624 s. *„καὶ ἐπὶ τέλει δὲ τῆς ἐπιστολῆς τῶν ἐπὶ τῆς Ῥώμης παραγενομένων ἐπισκόπων τῆς τε τοῦ Νοουάτου κατεγνωκότων ἀβελτηρίας κατάλογον ἐκτίθησι, ὁμοῦ τά τε ὀνόματα καὶ ἧς ὁ καθεῖς αὐτῶν προηγεῖτο παροικίας, ἐπισημαινόμενος, τῶν τε μὴ παραγενομένων μὲν ἐπὶ τῆς Ῥώμης, συνευδοκησάντων δὲ διὰ γραμμάτων τῇ τῶν προειρημένων ψήφῳ τὰς προσηγορίας ὁμοῦ καὶ τὰς πόλεις, ὅθεν ἕκαστος ὁρμώμενος ἐπέστελλεν μνημονεύει“. Евсев.* VI, XLIII, 392 стр. Такъ какъ выше Евсевій привелъ цѣлый рядъ буквальныхъ выдержекъ изъ письма еп. Корнелія къ Фабіану, то несомнѣнно, что онъ имѣлъ его (или, вѣрнѣе, точную копію съ него) у себя подъ руками. Оттуда-же, конечно, взято имъ и упоминаніе объ епископахъ. А та опредѣленность и точность, съ какой въ письмахъ Корнелія перечисляются епископы и ихъ каѳедры, даетъ полное основаніе видѣть въ нихъ оффиціальныя подписи подъ соборными актами.

[2]) *S. Hieronymus,* Lib. De viris illustribus, c. LXVI, p. 148, ed. Fabricii: „Cornelius, Romane urbis episcopus, ad quem octo Cypriani extant epistolae. Scripsit epistolam ad Fabium Antiochenae ecclesiae episcopum, *de synodo Romana, Italica, Africana:* et aliam de Novatiano, et de his qui lapsi sunt, tertiam *de gestis Synodi,* quartam ad eundem Fabium valde prolixam, et Novatianae haereseos causas et anathema continentem. Rexit ecclesiam annis duobus sub Gallo et Volusiano; cui ob Christum martyrio coronato successit Lucius“. *Бл. Іеронима* „Книга о знаменитыхъ мужахъ“ LXVI гл., стр. 324-ая. Творенія, ч. 5-ая. Кіевъ 1879.

[3]) *M. I. Routh* „Reliquiae Sacrae“. Editio altora, vol. III, 14 p.: „De Hieronymo autem verba Eusebii male intelligente videndus“... Oxonii 1846.

скаго собора и объ образѣ мыслей всѣхъ въ Италіи, Африкѣ и тамошнихъ областяхъ“ [1]). У Евсевія провинція Африка, очевидно—синонимъ Карѳагенскаго собора, а слѣдовательно и Италія—синонимъ Римскаго собора. Значитъ, въ сущности, имѣются въ виду *два* большихъ провинціальныхъ собора—Карѳагенскій и Римскій. Бл. Іеронимъ изъ упоминанія о провинціи Италіи вывелъ еще существованіе и третьяго, какого-то „Италійскаго“ собора. Приблизительно то-же получилось и съ грамматами Корнелія къ Фабію. Изъ текста Евсевія опредѣленно можно выводить существованіе только *двухъ* такихъ граммать: одной — объ опредѣленіяхъ собора (вѣроятно, Римскаго 251 г.), другой—о поступкахъ Новата. Но такъ какъ Евсевій говоритъ объ этомъ дважды и каждый разъ съ нѣкоторыми варіаціями, то бл. Іеронимъ и предположилъ существованіе четырехъ особыхъ граммать. Но, во всякомъ случаѣ, и бл. Іеронимъ лишній разъ подтвердилъ, что при еп. Корнеліѣ въ Римѣ состоялся важный соборъ и этотъ соборъ явился выраженіемъ общаго голоса италійскихъ церквей, прозвучавшаго вполнѣ согласно съ такимъ-же голосомъ церквей африканскихъ.

Спутанная, или, по меньшей мѣрѣ, недостаточно ясная и отчетливая рѣчь Іеронима о соборахъ при папѣ Корнеліѣ нашла себѣ соотвѣтственный отголосокъ и въ извѣстномъ сборникѣ Mansi, который различаетъ *два римскихъ собора* при Корнеліѣ (одинъ по дѣлу падшихъ, другой для осужденія Новаціана) и *еще одинъ италійскій соборъ* [2]). Искусственность такого дробленія и произвольность его основанія (перетолкованіе словъ Евсевія и Іеронима) слишкомъ очевидны изъ самаго текста Mansi, чтобы нужно было объ этомъ говорить. Да это, впрочемъ, прекрасно, сознаетъ и самъ издатель разсматриваемаго сборника, который, хотя и подъ строкой, но все-же дѣлаетъ очень цѣнное примѣчаніе, говоря, что „авторъ, слѣдуя Баронію, *на два собора дѣлитъ одинъ* — именно, происходившій въ Римѣ при папѣ Корнеліѣ, въ октябрѣ мѣсяцѣ 251-го года, на которомъ были приняты и утверждены правила о падшихъ и вмѣстѣ Новаціанъ съ своими послѣдователями былъ преданъ отлученію. Не иное что представляетъ изъ себя и Италійскій соборъ бл. Іеронима, ибо всего менѣе возможно допустить отсутствіе на Римскомъ соборѣ Корнелія тѣхъ италійскихъ епископовъ, на мнѣніи которыхъ соборъ и основалъ свое рѣшеніе; отсюда одно и то-же называетъ Іеронимъ Римскимъ и

[1]) *Евсев.* VI, XLIII, 386 стр.

[2]) *Mansi:* a) Cornelium romanum I. in causa lapsorum, b) „Concilium romanum II, quo Novatianus condamnatur c) Concilium Italicum sub Cornelio papa I, vol. 865—867 p.

Италійскимъ соборомъ“ [1]). Признаемся, это небольшое подстрочное примѣчаніе Mansi гораздо цѣннѣе всѣхъ, почти двухъ страницъ его текста, гдѣ онъ ошибочно говоритъ о нѣсколькихъ римскихъ соборахъ при Корнеліѣ. Приведенное-же примѣчаніе совершенно правильно устанавливаетъ всего лишь одинъ соборъ при еп. Корнеліѣ, именно, въ Римѣ, осенью 251-го года.

Установкѣ болѣе точной хронологіи означеннаго римскаго собора, помогаетъ, главнымъ образомъ, уже извѣстное намъ письмо Кипріана къ еп. Антоніану, въ которомъ Кипріанъ дѣлаетъ вполнѣ опредѣленное указаніе на Римскій соборъ, именно на фактъ его полнаго согласія съ весеннимъ карѳагенскимъ соборомъ (251 г.). Отсюда, несомнѣнно, что Римскій соборъ былъ, во всякомъ случаѣ, *послѣ* Карѳагенскаго, такъ какъ иначе немыслимо было-бы говорить о признаніи и одобреніи того, чего еще не существовало. Не менѣе ясно, также и то, что ко времени написанія Кипріаномъ письма къ Антоніану успѣлъ уже закончиться и Римскій соборъ, безъ чего, конечно, была-бы невозможна и самая ссылка на него. А такъ какъ письмо къ Антоніану, какъ мы знаемъ, было написано въ концѣ октября, или въ началѣ ноября 251 г., то, слѣдовательно, къ этому времени Римскій соборъ долженъ былъ уже закончиться. Такимъ образомъ, границы того періода, которыми мы располагаемъ для помѣщенія даннаго собора, самое большее, могутъ быть раздвинуты съ начала іюля по конецъ октября. Іюль и августъ мѣсяцы, какъ самые жаркіе въ Римѣ и неудобные для съѣзда и занятія чле-

[1]) *Mansi:* „Hic auctor Baronium secutus in duo secat inicum a Cornelio Pontifice celebratum Romae concilum, mense Octobri anni 251 in quo simul et synodi Carthageniensis decreta de Lapsis recipiendis roborata, et Novatianus cum suis anathemate percusus. Nec aliud est *Concilium Italicum* Hieronymi; cum non pauci in Italia Episcopi Romano Concilio minime interfuissent, eorum quoque sententium Cornelius seorsim postulavit; unde idem Concilium *Romanum* ac *Italicum* Hieronymus appelavit“. 866 p. notae. Не избѣгъ, къ сожалѣнію, ошибки неотчетливаго сужденія о римскомъ корнеліевомъ соборѣ и болѣе осторожный коллекціонеръ соборовъ—ученый доминиканецъ Hardouin, который въ своемъ Index'ѣ соборовъ различаетъ какихъ-то два собора 251 г. Объ одномъ онъ сообщаетъ слудующее: „Rom. I Concilium—sub Cornelio Papa, cum episcopis LX, quorum decreto ejectum ex ecclesiae *Ναβάτου*, hoc est Novatianum, refert Geogrius Syncellus. Vide et Eusebium, lib. VI, c. XLIII. Ubi *Νοβάτου* vocat. et Hieron. lib. de viris... c, XVI—Italicum synodum a Romana distinguat, nihil causa apparet (упрекъ Іерониму за то, что онъ безъ нужды отличаетъ „италійскій“ соборъ отъ „римскаго“). А на 134 р. текста довольно, признаться, неопредѣленно, Hardouin называетъ и еще какой-то Romanum II concilium sub Cornelio, cum plurimis episcopis, qui decreta Carth. concil. comprobarunt (специфически католическая черта), teste Cypriano, in ep. LII ad Anton. et LXXVIII Basil. Magn“.

новъ собора, слѣдуетъ отсюда исключить. Остается, такимъ образомъ, промежутокъ лишь 1½—2 мѣсяца, который и позволительно отвести подъ засѣданія Римскаго собора. Въ виду этого, пріобрѣтаетъ полную убѣдительность догадка Nelke, что осенніе соборы 251-го года начались и въ Карѳагенѣ и Римѣ приблизительно одновременно, именно, 1-го Сентября [1]).

Не представляетъ особеннаго труда и отвѣтъ на вопросы—что-же дѣлалъ римскій соборъ 251-го года и какія постановленія онъ вынесъ?—такъ какъ достаточный матеріалъ для нихъ мы находимъ уже въ вышеприведенныхъ выдержкахъ изъ сочиненій Кипріана и Евсевія [2]). По крайней мѣрѣ, Mansi, вѣрный обычной своей тактикѣ, именно, изъ нихъ компануетъ весь свой разсказъ объ исторіи даннаго собора [3]). Судя по этимъ выдержкамъ, Римскій соборъ 251-го года почти всецѣло шелъ такъ сказать, по слѣдамъ весенняго Карѳагенскаго собора того-же года и подтверждалъ его постановленія. Въ центрѣ всѣхъ соборныхъ разсужденій, какъ это особенно ясно изъ писемъ Кипріана, стоялъ больной вопросъ времени—дѣло падшихъ, получившее тождественное съ карѳагенскимъ разрѣшеніе, „основанное на такой-же строгости и спасительной умѣренности“ [4]). Въ качествѣ живой иллюстраціи такого мудраго рѣшенія, Кипріанъ приводитъ дѣло падшаго епископа Трофима, который, вмѣстѣ со своей паствой (и именно, главнымъ образомъ за ея любовь и ревность къ нему) былъ обратно принятъ въ ограду церкви, хотя и съ потерей прежняго епископскаго сана, въ званіи лишь простаго мірянина. „Итакъ, по разсужденіи *тамъ*, (т. е. на римскомъ соборѣ при Корнеліи) со многими товарищами (очевидно, епископами—членами этого собора), былъ принятъ Трофимъ, котораго оправдывало возвращеніе братій и возстановленіе спасенія многихъ. Впрочемъ, онъ принятъ въ общеніе, какъ мірянинъ (ut laicus communicet), а не такъ, какъ передано тебѣ въ письмахъ злыхъ людей, то-есть—будто онъ незаконно занимаетъ мѣсто священника (locum sacerdotii usurpet) [5]). На фактъ такого, именно, соборнаго постановленія

[1]) *L. Nelke:* „Die gennanten Concilien, sowol das der afrikanischen als auch das italienischen Bischöfe, sind am warscheinlichsten am 1 September 251 eröffnet worden“. Op. cit. s. 66.

[2]) *См. выше,* стр. 506—507.

[3]) *Mansi* „Op. cit.“ I, Concilium Romanum I. In causa lapsorum, celebratum anno CCIV, tempore Cornelii Papae. 865—866 p.

[4]) *Ep.* LV, 6. 628: „pari gravitate et salubri moderatione consensit“. *P. n.* 43-ье, 219 стр. Не здѣсь-ли былъ добавленъ канонъ о „падшихъ клирикахъ“?

[5]) *Ep.* LV, 11, 632 p. *P. n.* 43-ье, 226 стр. Возможно, что канонъ о падшихъ „клирикахъ“ былъ дополненъ и спеціально разработанъ, именно, на Римскомъ соборѣ.

относительно падшихъ клириковъ Кипріанъ ссылается и еще разъ, по аналогичному дѣлу павшихъ испанскихъ епископовъ—Василида и Марціала. Здѣсь Кипріанъ справедливость своего рѣшенія по дѣлу названныхъ епископовъ мотивируетъ также и ссылкой на соборъ при Корнеліѣ, который „опредѣлилъ допускать подобныхъ людей къ принесенію покаянія, но съ запрещеніемъ поступать имъ въ клиръ и носить священническій санъ (ab ordinatione autem cleri adque sacerdotali honore prohiberi)“ [1]). Въ полномъ согласіи съ Кипріаномъ говоритъ о постановленіяхъ Римскаго собора при Корнеліѣ и церковной историкъ Евсевій, писавшій обо всемъ этомъ по подлиннымъ письмамъ Корнелія, а быть можетъ даже и по самымъ актамъ даннаго собора. У Евсевія мы читаемъ буквально слѣдующее: „наконецъ, постановлено для всѣхъ правило *(δόγμα παρίσταται τοῖς πᾶσιν)*: Новата (читай „Новаціана“) и другихъ, вмѣстѣ съ нимъ превозносящихся (разумѣется превозношеніе своей святостью и чистотой=новаціанскій каѳаризмъ) и рѣшившихся одобрять братоненавистную и безчеловѣчную мысль его (имѣется въ виду новаціанское отрицаніе всякаго прісма lapsi)—считать отлученными отъ церкви *(ἐν ἀλλοτρίοις τῆς ἐκκλησίας ἡγεῖσθαι)*. Напротивъ, братій, по несчастью падшихъ, исцѣлять и врачевать средствами покаянія *(ἰᾶσθαι καὶ θεραπεύειν τοῖς τῆς μετανοίας φάρμακοις)*“ [2]). Такимъ образомъ, анализируя краткое, но ясное свидѣтельство Евсевія, мы получаемъ, что постановленіе или канонъ (у Евсевія употребленъ еще терминъ *δόγμα*, а не *κάνων*, что показываетъ на невыработанность у него технической терминологіи) Римскаго собора при Корнеліѣ касался, въ сущности, лишь одного вопроса — именно, санкціи болѣе снисходительной практики относительно lapsi и установки для нихъ различныхъ степеней покаянной дисциплины т. е. того-же самаго, что было разработано и на предшествующемъ Карѳагенскомъ соборѣ (весной 251 г.).

Попутно съ этимъ главнымъ, положительнымъ канономъ Рим-

[1]) *Ep.* LXVII, 6, 741 p. *P. n.* 56-ое 319 стр.: „decreuerit eiusmodi homines (т. е. „падшихъ“ клириковъ) ad paenitentiam quidem agendam posse admitti, ab ordinatione autem cleri adque sacerdotali honore prohiberi“.

[2]) *Euseb.* VI, 2, 613—614. *P. n.* VI, XLIII, 386 стр. Такъ какъ, судя по характеру данной цитаты, она представляетъ собой буквальную выдержку изъ канона Римскаго собора, то приведемъ ее въ подлинникѣ, по тексту Евсевія: *„δόγμα παρίσταται τοῖς πᾶσιν, τὸν μὲν Νουάτου ἅμα τοῖς σὺν αὐτῷ συνεπαρθεῖσιν τούς τε συνευδοκεῖν τῇ μισαδέλφῳ καὶ ἀνθρωποτάτῃ γνώμῃ τἀνδρὸς προαιρουμένους ἐν ἀλλοτρίοις τῆς ἐκκλησίας ἡγεῖσθαι, τοὺς δὲ τῇ συμφορᾷ περιπεπτωκότας τῶν ἀδελφῶν ἰᾶσθαι καὶ θεραπεύειν τοῖς τῆς μετανοίας φαρμάκοις“.*

скій соборъ вынесъ и другой—отрицательный, осуждавшій горделивую и жестокую практику новаціанъ. Впрочемъ, осужденіе новаціанства было, такъ сказать, производнымъ дѣломъ собора, прямымъ логическимъ выводомъ изъ принятаго имъ рѣшенія по дѣлу lapsi. Соборъ, повидимому, не спускался до личной распри Корнелія съ Новаціаномъ и не изслѣдовалъ начавшейся тамъ епископской схизмы. По крайней мѣрѣ, на подобное заключеніе уполномачиваетъ насъ Евсевій, который ясно различаетъ *соборное* посланіе Корнелія къ Фабію отъ его *личнаго* письма къ нему-же съ характеристикой Новаціана: „къ этимъ посланіямъ присоединено одно посланіе Корнелія объ опредѣленіяхъ собора *(περὶ τῶν κατὰ τὴν σύνοδον ἀρεσάντων)* и *опять особое (καὶ πάλιν ἑτέρα)* о поступкахъ Новата“ [1]). Однако молчаніе Римскаго собора о самой личности Новаціана еще отнюдь не можетъ быть истолковано въ какомъ-либо благопріятномъ для него смыслѣ. Совершенно напротивъ, Римскій соборъ ясно и опредѣленно осудилъ Новаціана, когда категорически отвергъ его тактику въ дѣлѣ падшихъ. А такъ какъ, именно, эта тактика и являлась тѣмъ знаменемъ раздора, которымъ прикрывались и личныя вожделѣнія обиженнаго честолюбца, то eo ipso Новаціанъ проигрывалъ все свое дѣло: протестъ его терялъ всякую почву, а позиція его достойнаго обличителя—еп. Корнелія окончательно упрочивалась. Понятно, что никакого спеціальнаго осужденія Новаціана, послѣ всего этого, еще и не требовалось, по крайней мѣрѣ, для римской церкви, которая, повидимому меньше всѣхъ другихъ сомнѣвалась въ законности своего избранника—Корнелія и никогда не питала особенныхъ симпатій къ Новаціану.

Наиболѣе серьезное вниманіе историка соборовъ останавливаютъ на себѣ весьма цѣнныя, но нѣсколько какъ-бы противорѣчивыя, или во всякомъ случаѣ, недостаточно согласованныя, показанія двухъ главныхъ источниковъ—Кипріана и Евсевія—*о составѣ* разсматриваемаго Римскаго собора. Именно, въ то время, какъ Кипріанъ, въ качествѣ членовъ даннаго собора, усиленно подчеркиваетъ *однихъ лишь епископовъ*, Евсевій, опредѣленно устанавливая самую самую цифру этихъ епископовъ, говоритъ еще и о немаломъ количествѣ присутствовавшихъ на соборѣ *пресвитеровъ и діаконовъ* [2]). Правда, полнаго противорѣчія здѣсь

[1]) *Euseb.* VI, 4, 614. *Евсев.* VI, XLIII, 387 стр.

[2]) *Ep.* LV, 6, 628: „episcoporum in Africa numerus cum plurimis coepiscopis“. *P. n.* 43-ье, 219 стр. *Euseb.* VI, 43, I, 612: „*συνόδου μεγίστης ἐπὶ Ῥώμης συγκροτηθείσης ἑξήκοντα μὲν τὸν ἀριθμὸν ἐπισκόπων, δ' ἔτι μᾶλλον πρεσβυτέρων τε καὶ διακόνων*... *Евсев.* VI, XLIII, 386 стр. „въ Римѣ созванъ былъ великій соборъ,

еще нѣтъ, такъ какъ умолчаніе Кипріана о пресвитерахъ и діаконахъ отнюдь не равносильно отрицанію ихъ присутствія на соборѣ; равно какъ и простое упоминаніе о нихъ у Евсевія еще не служитъ ручательствомъ ихъ активной роли на соборѣ, аналогичной съ ролью болѣе выразительно подчеркнутыхъ 60-ти епископовъ. Но нѣкоторая разница несомнѣнно здѣсь чувствуется и она нуждается въ разъясненіи.

Едвали-бы, однако, справедливо было объяснять эту разницу ошибкой или тенденціей кого-либо изъ двухъ вышеназванныхъ авторовъ, такъ какъ оба они пользуются заслуженнымъ авторитетомъ освѣдомленныхъ и объективныхъ историковъ. Всего менѣе приложимъ подобный упрекъ къ Кипріану—современнику и главному дѣятелю той эпохи,—да къ тому-же сдѣлавшему свое указаніе на составъ римскаго собора не случайно и мимоходомъ, а намѣренно и спеціально, въ качествѣ особо вѣскаго аргумента. Исключается такая догадка и относительно Евсевія, который писалъ эту главу на основаніи самыхъ достовѣрныхъ источниковъ—подлинныхъ писемъ Корнелія,—почему и проявляетъ въ ней чисто документальную точность и освѣдомленность, какъ это видно, напр. хотя-бы изъ вопроса о числѣ епископовъ, о чемъ Кипріанъ говоритъ лишь въ общей формѣ (numerus episcoporum). Поэтому самой лучшей, на нашъ взглядъ, является та гипотеза, согласно которой разница въ извѣстіяхъ двухъ историковъ нестолько зависѣла отъ нихъ самихъ, сколько отразила на себѣ фактическое различіе въ положеніи двухъ соборныхъ группъ—епископской и остального клира. Очевидно, душой собора, его главной составной частью и его активной, опредѣляющей группой былъ епископатъ. Вотъ почему только объ епископатѣ говоритъ Кипріанъ, и его-же болѣе выразительно и опредѣленно отмѣчаетъ Евсевій. Другая-же составная часть собора—пресвитеры и діаконы—хотя численно здѣсь и превышала собой первую, т. е. епископскую группу, но по своему значенію и своей соборной роли, очевидно, стояла позади нея и была, такъ сказать, менѣе замѣтна [1]). Вотъ, почему Кипріанъ даже вовсе обошелъ ее молчаніемъ, а Евсевій, если и упомянулъ о ней, то въ самой общей, въ сущности, довольно мало говорящей формѣ.

Сопоставляя, далѣе, вышеуказанныя свидѣтельства Кипріана и Евсевія съ соотвѣтствующими имъ параллелями изъ предыдущей

изъ шестидесяти епископовъ, *а пресвитеровъ и діаконовъ было на немъ и того больше*“. (курс. нашъ).

[1]) Фактически это все сводилось къ „судящему мнѣнію“ епископата и „рецепирующему“ приговору клира и народа.

и послѣдующей соборной практики, мы можемъ и еще ближе подойти къ вопросу о составѣ и объемѣ Римскаго осенняго собора 251-го года. Такъ, цифра 60-ти епископовъ, опредѣленно указанная Евсевіемъ, при сопоставленіи ея съ 16-ью епископами, участвовавшими при выборахъ Корнелія [1]), (происходившихъ въ томъ-же Римѣ, всего лишь нѣсколькими мѣсяцами раньше), наводитъ на основательную догадку, что осенній Римскій соборъ былъ не малымъ, мѣстнымъ, а *большимъ, областнымъ* соборомъ. По всей вѣроятности, кромѣ ближайшихъ, сосѣднихъ съ Римомъ мѣстечекъ и городовъ, на соборъ этотъ прибыли епископы и всѣхъ, вообще, городовъ провинціи „Италіи", откуда совершенно естественнымъ становится наименованіе даннаго собора также и „Италійскимъ", встрѣчаемое у бл. Іеронима [2]). Да областной характеръ даннаго собора косвенно подтверждается и Евсевіемъ—именно, его замѣткой, что „кромѣ того (т. е. кромѣ римскаго собора) *областные пастыри* (к. н.) разсуждали и отдѣльно)" [3]). Если данной замѣткой Евсевій устанавливаетъ наличность нѣсколькихъ „мѣстныхъ" соборовъ, кромѣ Римскаго, то, разумѣется, Римскому собору, какъ собору метрополя всей обширной провинціи, по праву будетъ принадлежать эпитетъ „областного". Итакъ, у насъ на лицо всѣ данныя для того, чтобы смотрѣть на Римскій соборъ при Корнеліѣ, какъ на большой областный соборъ, на которомъ участвовалъ весь наличный епископатъ италійскихъ церквей, быть можетъ, даже, усиленный и епископами сосѣднихъ съ Италіей испанскихъ и галльскихъ церквей, нѣкоторые слѣды чего можно видѣть въ письмахъ Кипріана по дѣлу испанской и галльской церквей [4]).

Въ частности, проф. Ad. Harnack, отправляясь отъ указанной Евсевіемъ цифры 60-ти епископовъ Римскаго собора 251 г., и присоединяя къ ней нѣкоторое количество епископовъ, сторонниковъ Новаціана, а также извѣстный процентъ ихъ на соборъ не явившихся, пытается такимъ путемъ опредѣлить даже общее число италійскихъ епископовъ въ половинѣ третьяго вѣка и полагаетъ

[1]) *Ep.* LV, 8, 629 p. *P. n.* 43-ье, 235 стр.

[2]) *Hieronymus* „Lib. de Viris illustribus LXVI c. „Книга о знамен. мужахъ", стр. 324-ая.

[3]) *Euseb.* VI, 43, 1. 612: *„ἰδίως τε κατὰ τὰς λοιπὰς ἐπαρχίας τῶν κατὰ χώραν ποιμένων περὶ τοῦ πρακτέου διασκεψαμένων"... Евсев.* VI, XLIII, 386 стр.

[4]) *Ep.* LXVII, 6, 741 p, *P. n.* 56-ое, 317 стр. Здѣсь устанавливается фактъ тѣсной связи, существовавшей у испанскихъ церквей съ церковью римской, по дѣлу двухъ „надшихъ" испанскихъ епископовъ—Василида и Марціала. Срав. аналогич. письмо относительно галльскаго еп. — Марціана арелатскаго *Ep.* LXVIII, 744. *P. n.* 55-ое, 309.

что число это было близко къ цифрѣ 100 епископовъ[1]). Напомнимъ также и сказанное нами выше, въ обзорѣ пасхальныхъ соборовъ, что въ церковно-административномъ смыслѣ вся Италія представляла тогда собою еще одну, нераздѣльную провинцію, съ метрополемъ въ Римѣ [2]); и тогда наименованіе Римскаго собора еще и Италійскимъ, встрѣчаемое, напримѣръ, у бл. Іеронима, получаетъ свой достаточный raison d' etre.

Труднѣе всего, собственно говоря, точно опредѣлить, кто были тѣ пресвитеры и діаконы, о которыхъ, какъ даже *о преобладающихъ* въ числѣ надъ епископами, говоритъ Евсевій? Являлись-ли они выборными представителями отъ различныхъ церквей, присланными на соборъ вмѣстѣ съ епископами? Или они были лишь только помощниками епископовъ, ихъ, такъ сказать, личными секретарями, захваченными епископами вмѣстѣ съ собою на соборъ? Или-же, наконецъ, они представляли изъ себя членовъ клира одной только церкви, именно, мѣстной церкви метрополя, т. е. Рима, гдѣ происходилъ и самый соборъ? Первое предположеніе не имѣетъ за себя ровно ничего—нетолько въ смыслѣ фактическихъ данныхъ, но даже и въ смыслѣ теоретической возможности: послѣдняя исключается епископальнымъ строемъ современныхъ той эпохѣ церковныхъ приходовъ (исключительно еще городскихъ, возглавляемыхъ епископами) и выборнымъ характеромъ самого епископата, дѣлавшимъ болѣе или менѣе излишними всякія иныя выборныя представительства отъ мѣстныхъ церквей [3]). Второе предположеніе оказы-

[1]) *Ad. Harnack:* „Hiernach darf man annehmen, dass in Italien in der Mitte des 3 Jahrhundert mindestens gegen 100 Bistümer gewesen sind; denn zu den 60 in Rom auf der Synode anwesenden Bischöfen kommen die abwesenden und diejenigen, die zu Novatian hielten". Mission und Ausbreitung, II, 213.

[2]) *См. выше,* стр. 222-ую. Въ дополненіе къ имѣющемуся тамъ, сошлемся еще на отзывъ историка спеціалиста, который опредѣленно заявляетъ, что въ административно-политическомъ смыслѣ вся Италія той эпохи представляла изъ себя одно цѣлое, именно—союзъ свободныхъ городовъ: „ganz Italien bestand seitdem aus einem Complex freier römischer Städte". *Ioachim Marquardt* „Römische Staatsverwaltung" [2] I b. 216 s. Leipzig 1881. И хотя еще императоръ Августъ раздѣлилъ Италію на 12 округовъ, но это дѣленіе было произведено лишь въ видахъ административнаго устройства, и нетолько не ослабляло, а скорѣе даже усиливало централизацію Рима. И только лишь Діоклетіаново дѣленіе имперіи (292 г.) положило начало ослабленію такого единства. Церковное-же крѣпкое единство всей Италіи, со включеніемъ въ нее Сициліи и Сардиніи, кромѣ указаннаго политическаго мотива, имѣло и цѣлый рядъ своихъ спеціальныхъ, обуславливающихъ его причинъ, о которыхъ такъ обстоятельно и хорошо говорится у *Harnack*'а „Mission und Ausbreitung"..[2] II, 204, n. 3.

[3]) *См. объ этомъ выше,* стр. 128-ую, 216-ую, 276-ую и др. Къ немалому нашему удивленію, ярымъ защитникомъ строго епископскаго состава и характера

вается, сравнительно, уже болѣе пріемлемымъ, такъ какъ въ подтвержденіе его можно привести цѣлый рядъ историческихъ примѣровъ, частію изъ предыдущей, а главное изъ послѣдующей исторіи соборовъ: назовемъ хотя-бы знаменитаго Оригена, сначала, мірянина, а затѣмъ пресвитера, выступавшаго въ роли эксперта на соборѣ въ Бострѣ, или діакона Аѳанасія, прибывшаго вмѣстѣ съ престарѣлымъ своимъ епископомъ Александромъ на соборъ въ Никеѣ противъ Арія. Да и теоретически вполнѣ естественно и даже необходимо, что нѣкоторые епископы, въ особенности, болѣе немощные или менѣе образованные, отъѣзжая на соборъ, захватывали съ собой ближайшихъ сотрудниковъ и помощниковъ изъ состава своего клира, которые и находились при нихъ на соборѣ, какъ-бы въ качествѣ ихъ личныхъ секретарей [1]). Вполнѣ допу-

древне-церковныхъ соборовъ выступаетъ также и одинъ изъ наиболѣе радикальныхъ критиковъ ранняго христіанства—*К. Каутскій*, у котораго мы, между прочимъ, встрѣчаемъ такія строки: „на церковныхъ соборахъ делегатомъ данной общины всегда являлся ея епископъ. Власть епископа начала развиваться одновременно съ возникновеніемъ соборовъ, и послѣдніе съ самаго начала являлись съѣздами епископовъ". Античный міръ, іудейство и христіанство. Перев. Н. Рязанова, 398 стр. СПБ. 1909.

[1]) А что среди епископовъ того времени находилось немало такихъ, которые далеко не блистали своимъ образованіемъ (были *ἀγράμματοι, ἰδιῶται*) и потому весьма нуждались въ свѣдущихъ секретаряхъ, объ этомъ убѣдительно говоритъ подборъ краснорѣчивыхъ примѣровъ, заимствованныхъ изъ Canones ecclesiastici, Евсевія, Ипполита рим., Григ. нисскаго, данный въ монографіи *проф. А. П. Лебедева* „Духовенство древней вселенской церкви", 279—280 стр. Москва 1905. Изъ извѣстныхъ епископовъ III в. въ этотъ списокъ вошли напр. *Димитрій*, еп. александрійскій († 231 г.), и римскіе папы: *Зефиринъ* († 217 г.), *Каллистъ* († 222 г.) и *Фабіанъ* († 250 г.).

За самый фактъ присутствованія на Карѳагенскомъ и Римскомъ соборахъ 251 г. нетолько мѣстныхъ клириковъ, но также и провинціальныхъ, пріѣзжавшихъ вмѣстѣ со своими епископами, довольно рѣшительно высказываются *O. Ritschl* (Op. cit. 158) и *K. Schwartz* (Op. cit. 18 s.) Но, къ сожалѣнію, у нихъ нѣтъ ни принципіальной, ни фактической аргументаціи, такъ какъ единственной ихъ ссылкѣ—на малочисленность карѳагенскаго клира—легко противопоставить встрѣчную ссылку на многолюдство римскаго клира. Гораздо правильнѣе, какъ намъ кажется, думать, что пріѣзжіе клирики не входили въ составъ собора, въ качествѣ необходимой органической его части, чѣмъ былъ клиръ и народъ одной только мѣстной церкви. Но это, разумѣется, не означаетъ еще того, что чужимъ клирикамъ вовсе закрытъ былъ доступъ на засѣданія собора: наоборотъ, такъ какъ соборы происходили публично и такъ какъ самая цѣль привоза епископами своихъ клириковъ состояла въ разчетѣ на ихъ содѣйствіе и помощь, то, разумѣется, чужіе клирики нетолько могли, но даже и должны были находиться при соборѣ. Однако ихъ присутствіе было внѣшнимъ и служебнымъ, по отношенію къ собору, а не внутренно-органическимъ и не активно-дѣятельнымъ, какимъ было лишь соборное участіе клира и народа мѣстной церкви (общины метрополя).

стимо, что нѣкоторые изъ этихъ епископскихъ секретарей, отличавшіеся широкой эрудиціей или искусствомъ въ спорахъ, обращали на себя общее вниманіе членовъ собора, выдвигались и пріобрѣтали на немъ особое значеніе и вѣсъ. Но даже и въ такихъ случаяхъ ихъ голосъ имѣлъ лишь чисто моральный вѣсъ, точнѣе—онъ несъ служебное значеніе (подобно мнѣнію экспертовъ), а не получалъ равнаго съ голосами епископовъ, каноническаго авторитета. По крайней мѣрѣ, о послѣднемъ мы не имѣемъ никакихъ положительныхъ историческихъ свидѣтельствъ; а то, что намъ достовѣрно извѣстно о древне-церковномъ строѣ и составѣ соборовъ, скорѣй, даже вовсе исключаетъ подобное предположеніе.

Но всего болѣе оправдывается и подтверждается фактами третья гипотеза—о присутствіи на соборѣ клира *мѣстной* римской церкви. Дѣйствительно, всѣ сколько-нибудь извѣстныя историческія свѣдѣнія о составѣ древне-церковныхъ соборовъ, начиная еще съ ихъ прототипа—іерусалимскаго Апостольскаго собора, согласно свидѣтельствуютъ о томъ, что церковная община метрополя, гдѣ обычно происходилъ большой областный соборъ, не стояла отъ него въ дали, а наоборотъ, живо интересовалась ходомъ соборныхъ засѣданій и принимала на нихъ самое дѣятельное участіе. Въ особенности, должно замѣтить это относительно клира мѣстной церкви, который, очевидно, въ силу своего іерархическаго положенія, стоялъ ближе къ собору и проявлялъ бо́льшую заинтересованность ходомъ его работъ. Въ подтвержденіе этого тезиса, *K. Schwartz* ссылается, напримѣръ, на слѣдующее мѣсто изъ 59-го (47-го) письма Кипріана къ еп. Корнелію: „но если число тѣхъ, которые въ прошлый годъ *судили* ихъ (лжеепископа Фортуната и его приверженцевъ), соединить съ пресвитерами и діаконами; то при *судѣ и разслѣдованіи* было тогда больше, чѣмъ сколько повидимому находится ихъ теперь въ союзѣ съ Фортунатомъ" [1]). Здѣсь, въ рядахъ активныхъ участниковъ слѣдствія и суда надъ раскольниками (judicio et cognitione) опредѣленно названы и члены карѳагенскаго клира—его пресвитеры и діаконы, и притомъ нетолько, какъ лишь присутствовавшіе, но вмѣстѣ и какъ энергично дѣйствовавшіе члены собора (252 г.).

А вотъ о „вѣрномъ народѣ" и его участіи на Римскомъ корнеліевомъ соборѣ у Евсевія совсѣмъ нѣтъ никакого, даже хотя-бы косвеннаго упоминанія. Что-жъ это значитъ? Не указываетъ-ли на то, что

[1]) *Ep.* LVIII, 15, 684: „Si eorum qui de illis priore anno *iudicauerunt* numerus cum presbyteris et diaconis conputetur, plures tunc adfuerunt *iudicio et cognitione* quam sunt idem isti qui cum Fortunato nunc uidentur esse coniuncti". *P. n.* 47-oe, 266 стр.

„вѣрные міряне“ (laici stantes) не имѣли въ Римѣ того голоса, какимъ они располагали въ Карѳагенѣ? Разумѣется, нѣтъ ни основанія, ни надобности въ столь крайнемъ и немотивированномъ предположеніи. Совершенно достаточно будетъ ограничиться въ данномъ случаѣ объясненіемъ *Funk*'а [1]) и *Sohm*'а [2]), что клиръ видныхъ церковныхъ общинъ съ половины 3-го вѣка пріобрѣтаетъ особенный авторитетъ въ глазахъ всей своей общины и начинаетъ трактоваться, въ качествѣ ея представителя и защитника ея интересовъ. Въ частности, клиръ римской церкви, съ такимъ достоинствомъ и честью управлявшій дѣлами общины въ трудный для нея періодъ междуепископства, больше, чѣмъ еще какой-либо, заслужилъ эту общенародную любовь, такъ что съ полнымъ основаніемъ и правомъ могъ трактоваться какъ-бы представителемъ всей общины. Однимъ словомъ, въ понятіи римскаго „клира“ implicite мыслилась вся мѣстно-церковная община, а слѣдовательно и ея „вѣрные міряне“.

Составъ Римскаго собора заслуживаетъ того, чтобы на немъ остановиться и извлечь изъ него соотвѣтствующіе выводы. О чемъ онъ свидѣтельствуетъ? Да все о томъ-же, уже хорошо извѣстномъ намъ фактѣ, что древняя церковь, нисколько не пыталась замкнуть своихъ соборовъ строго епископскимъ кругомъ, а охотно допускала на нихъ нетолько прочихъ клириковъ (пресвитеровъ, діаконовъ), но и простыхъ мірянъ. Очевидно, никакихъ принципіальныхъ соображеній о томъ, что только одни епископы правомочны вершить дѣла церкви, тогда еще не существовало: древняя церковь признавала весьма полезнымъ и безусловно необходимымъ для дѣла выслушать также голосъ клириковъ и получить одобреніе народа, какъ это мы уже много разъ видѣли и еще неразъ увидимъ. Существуетъ даже полное основаніе предполагать, что въ принципѣ древняя церковь смотрѣла на свои соборы, какъ на собраніе всѣхъ вѣрующихъ [3]). И только лишь чисто физическія препятствія—невозможность собрать всѣхъ и немыслимость вести въ

[1]) *Funk* „Die Bischofswahl im christlichen Altertum und im Anfang des Mittelalters“—s. 28 sq. Kirchengeschichtliche Abhandlungen, I. Paderborn 1897.

[2]) *R. Sohm* „Kirchenrecht“, I, 245: „Das Ergebniss ist klar: der *Klerus* bildet nunmehr grundzätzlich die Vertretung der Gemeinde, das „Presbyterium“... 246 s.: „Denn der *Klerus* ist es, welcher jetzt die Gemeinde repräsentiert“...

[3]) Главнымъ теоретико-догматическимъ аргументомъ для такого убѣжденія служитъ идея „соборнаго тѣла“ церкви, а убѣдительнымъ жизненно-историческимъ—тотъ фактъ, что церковные соборы развились изъ собраній мѣстной церковной общины (метрополя), гдѣ имѣли право присутствовать всѣ наличные ея члены.

такомъ огромномъ собраніи правильно-упорядоченныя пренія—заставляли ограничивать объемъ соборовъ извѣстнымъ, организованнымъ minimum'омъ, именно, представительствомъ главъ отдѣльныхъ церковныхъ общинъ, т. е. ихъ епископовъ, которые, наряду съ высшими іерархическими полномочіями, (какъ спеціальные органы—провозвѣстники воли Бога), соединяли въ своемъ лицѣ и достоинство лучшихъ избранниковъ общины, въ силу выборнаго характера самой ихъ должности. Но тамъ, гдѣ указанныхъ препятствій не существовало, т. е. гдѣ церковная община могла удобно и легко собраться, и гдѣ она не была особенно громоздска, она являлась на соборъ in corpore, или, по крайней мѣрѣ, въ томъ количествѣ, которое опредѣлялось числомъ всѣхъ желающихъ изъ состава ея клира и ея вѣрнаго народа.

Заканчивая свою рѣчь о составѣ Римскаго собора 251-го года, попытаемся болѣе точно отвѣтить на вопросъ, какъ велика могла быть группа римскихъ клириковъ, присутствовавшая на этомъ соборѣ? По данному вопросу мы имѣемъ одно, совершенно случайное, но достаточно опредѣленное, фактическое показаніе: разумѣемъ приведенную Евсевіемъ цитату изъ письма римскаго епископа Корнелія къ антіохійскому еп. Фабіану о составѣ тогдашняго римскаго клира. Полемизируя съ Новаціаномъ, дерзко покусившимся на единство и миръ римской церкви, Корнелій, между прочимъ, пишетъ: „тотъ защитникъ Евангелія видно не зналъ, что въ церкви каѳолической (разумѣется, именно, римская) надлежитъ быть одному епископу; но онъ зналъ (да и какъ не знать?), что въ ней находится сорокъ шесть пресвитеровъ, семь діаконовъ, семь иподіаконовъ, сорокъ два прислужника (*ἀκολούθους*), пятьдесятъ два человѣка заклинателей (*ἐξορκιστάς*), чтецовъ (*ἀναγνώστας*) и привратниковъ (*ἅμα πυλωροῖς*) и болѣе тысячи пятисотъ вдовицъ и неимущихъ, которыхъ всѣхъ питаетъ благодать и человѣколюбіе Господа“ [1]). Даже если мы присутствовавшихъ на соборѣ членовъ римскаго клира строго ограничимъ только пресвитерами и діаконами, (такъ какъ текстъ опредѣленно называетъ лишь однихъ ихъ [2]), то и тогда получимъ цифру, въ 60-ть человѣкъ (46 пресвитеровъ + 7 діаконовъ + 7 иподіаконовъ), т. е. совершенно равную указанному Евсевіемъ числу епископовъ этого собора. Но такъ какъ у самого-же Евсевія подобное равенство нарушается въ сторону представительства отъ

[1]) *Euseb.* VI, 43, 11, 618. Ср. *Евсевій* VI, XLIII, 389 стр.

[2]) *Ibidem*, s. 612: „*πλειόνων δ' ἔτι μᾶλλον πρεσβυτέρων τε καὶ διακόνων*“... *Евсевій*, стр. 386-ая.

пресвитеровъ и діаконовъ, то для объясненія этого приходится допустить что-либо одно изъ двухъ: или—что, кромѣ пресвитеровъ и діаконовъ римской церкви, на соборѣ присутствовали и другіе низшіе клирики (общее число которыхъ по письму Корнелія превышало цифру 150-ти), или—что кромѣ мѣстныхъ клириковъ, въ составъ указанной цифры включены и высшіе клирики, привезенные чужими епископами [1]).

Въ заключеніе всей нашей рѣчи о Римскомъ корнеліевомъ соборѣ, еще разъ повторяемъ, что постановленія собора были изложены въ формѣ особаго соборнаго посланія и что къ посланію этому былъ приложенъ поименный перечень, или списокъ *(κατάλογον)* всѣхъ участвовавшихъ на соборѣ епископовъ, съ точнымъ обозначеніемъ ихъ каѳедръ. Причемъ, основываясь на предыдущихъ и послѣдующихъ аналогіяхъ [2]), вполнѣ естественно предположить, что такой списокъ состоялъ изъ собственноручныхъ ихъ подписей. Такія-же солидарныя подписи были собраны и отъ тѣхъ италійскихъ епископовъ, которые лично на соборѣ не присутствовали, но которые свое согласіе съ его постановленіями выразили позднѣе особыми письмами, что также было въ обычаѣ соборной практики того времени. Съ подлиннаго соборнаго свитка были сняты копіи, и онѣ разосланы по главамъ всѣхъ церковныхъ областей; по крайней мѣрѣ, мы располагаемъ точными свѣдѣніями о томъ, что онѣ копіи съ опредѣленій Римскаго корнеліева собора 251 г. имѣлись у

[1]) По поводу этихъ послѣднихъ, т. е. „чужихъ клириковъ“ считаемъ нелишнимъ отмѣтить слѣдующее ошибочное сужденіе *K. Schwartz*'а: „Zur Zeit Cyprians, genauer in den Jahren von 251 bis 256, verstand man in Africa unter Konzil eine Zusammenkunft von Bischöfen... An den Beratungen beteiligten sich Presbyter und Diaconon, deren jeder Bischof etliche mitbrachte“... *Op. cit.* 24—25 s. Такимъ образомъ, по *Schwartz*'у выходитъ, что подъ „пресвитерами и діаконами“, упомянутыми у Евсевія, надо разумѣть клириковъ чужихъ церквей, пріѣзжавшихъ со своими епископами. Но такое предпочтеніе „чужихъ клириковъ“ мѣстному клиру нетолько ни на чемъ не основано, но и рѣшительно противорѣчитъ всему тому, что намъ, болѣе или менѣе, положительно извѣстно о происхожденіи и составѣ древне-церковныхъ соборовъ, и о чемъ мы уже довольно подробно говорили выше, на стр. 478, 487 и др.

[2]) Имѣемъ въ виду примѣръ раннѣйшаго, Іерапольскаго антимонтанистическаго собора (см. выше, стр. 126 и сл.) и примѣръ позднѣйшаго—большаго Карѳагенскаго собора 256-го года. Впрочемъ, мы располагаемъ болѣе близкой и болѣе убѣдительной аналогіей—примѣромъ весенняго Карѳагенскаго собора 251 г., рѣшеніе котораго по дѣлу карѳагенскаго раскола было сообщено папѣ Корнелію въ особомъ письмѣ, за „собственноручной подписью“ (manu sua subscriptas) епископовъ—членовъ этого собора. См. выше, стр. 437-ую.

Фабія антіохійскаго, Кипріана карѳагенскаго и Діонисія александрійскаго [1]).

Наша рѣчь о другомъ соборѣ — неизвѣстномъ восточномъ, собиравшемся по тому-же самому поводу и около того-же времени—будетъ гораздо короче. Западные карѳагенско-римскіе соборы по дѣлу падшихъ и расколу Новаціана имѣли свой аналогичный отголосокъ и на Востокѣ. Къ сожалѣнію, всѣ достовѣрныя свѣдѣнія объ этомъ послѣднемъ соборѣ ограничиваются лишь слѣдующей краткой выдержкой Евсевія изъ письма Діонисія александрійскаго къ Корнелію римскому: „въ этомъ посланіи онъ (Діонисій) извѣщаетъ Корнелія, что епископъ Тарса и Киликіи Еленъ, вмѣстѣ съ прочими, епископъ каппадокійскій Фирміліанъ и палестинскій Ѳеоктистъ приглашаютъ его *на соборъ въ Антіохію*, гдѣ нѣкоторые рѣшились поддерживать расколъ Новата“ [2]). Мы не знаемъ точно даже и того, состоялся-ли этотъ соборъ и, если состоялся, то какое рѣшеніе онъ принялъ? Впрочемъ, находчивый коллекціонеръ соборныхъ фрагментовъ—Mansi и здѣсь пытается придти намъ на помощь: онъ увѣряетъ, что соборъ этотъ, дѣйствительно, существовалъ и происходилъ именно въ Антіохіи, въ 252 году [3]), при вступленіи на антіохійскую каѳедру еп. Димитріана, преемника Фабія, причемъ онъ остроумно выискиваетъ у Евсевія даже и опредѣленіе даннаго собора—это фрагментъ изъ письма Діонисія александрійскаго къ Діонисію римскому слѣдующаго содержанія: „мы по справедливости отвращаемся отъ Новаціана, который раздѣлилъ церковь и увлекъ нѣкоторыхъ братій къ нечестію и хулѣ, ввелъ негодное ученіе о Богѣ и на преблагаго Господа нашего Іисуса Христа клевещетъ, какъ на немилосердаго; также отвергаетъ святое крещеніе, извращаетъ предшествующую ему вѣру и исповѣданіе, и совершенно изгоняетъ изъ братій Святаго Духа, чтобы не оставалось и надежды на Его пребываніе или возвращеніе въ нихъ“ [4]). Дѣйствительно, все содержаніе приведеннаго отрывка, въ особенности, самый его характеръ и тонъ, какъ нельзя больше походятъ на

[1]) *Euseb.* VI, 43, 4, 614. *Евсев.* VI, XLIII, 387. *Cyprian. Ep.* LV, 6, 628. *P. n.* 43-ье, 219. *Euseb.* VI, 44, 624 и 46, 3, 628; *Евсев.* VI, XLIV, 393 стр. и 396 стр.

[2]) *Euseb.* VI, 46, 3, 628. *Евсев.* VI, XLVI, 396.

[3]) Benson, исходя изъ того, что Фабій антіохійскій умеръ въ концѣ 251 г., созваніе собора его преемникомъ—Димитріаномъ относитъ къ началу 252 г. и даже почему-то опредѣленно пріурочиваетъ его in March of the next year, 252 г. Op. cit. 168.

[4]) *Mansi* „Op. cit.“ Antiochena, Demetrii duo: ex Libello Synodico (очень краткая редакція) и ex nova collectione Baluzii (подробная, которой мы и воспользовались). I, 871—874 p. Ср. *Euseb.* VII, 8, 646 s. *Евс.* VII, 8, 405 стр.

формулу соборнаго опредѣленія. А то обстоятельство, что фрагментъ этотъ даже выдѣленъ въ особую главу у Евсевія, даетъ новое подкрѣпленіе названной гипотезѣ [1]). Ad. Harnack въ одномъ изъ своихъ раннѣйшихъ сочиненій указалъ и вѣроятный поводъ для созыва антіохійскаго собора—это смерть еп. Фабія антіохійскаго и попытка собравшихся восточныхъ епископовъ воспользоваться выборами его преемника, какъ удобнымъ поводомъ для того, чтобы отвлечь антіохійскую церковь отъ новаціанства къ которому она была настроена сочувственно, благодаря предшествовавшему епископу Фабію [2]). Фактъ „большаго восточнаго собора въ Антіохіи", на которомъ одержала побѣду антиноваціанская партія, признается Harnack'омъ и въ одной изъ поздѣйшихъ спеціальныхъ его работъ о новаціанствѣ [3]).

Но даже и независимо отъ того, состоялся-ли антіохійскій соборъ 252—253 г. или нѣтъ и какія рѣшенія онъ принялъ?—намъ, въ интересахъ исторіи организаціи и развитія соборнаго института, важенъ тотъ объемъ и характеръ собора пусть хотя-бы только и предполагавшагося—съ какими онъ выступаетъ въ случайной замѣткѣ виднаго современника этого собора—еп. Діонисія александрійскаго. Здѣсь особенно важны для насъ двѣ черты, изъ которыхъ одна имѣетъ отношеніе къ составу собора, другая — къ его объему. Что касается перваго, т. е. состава, то онъ, судя по замѣткѣ Діонисія ал., былъ епископскимъ [1]). Причемъ, весьма характерна та деталь, что представительство епископовъ, несомнѣнно, носило слѣды уже извѣстной организованности, именно—объединенія въ церковныя провинціи, или области. Это яснѣе всего изъ отмѣтки Діонисія относительно Елена, епископа г. Тарса—церковно-гражданскаго метрополя провинціи Киликіи,—что онъ собирался прибыть на соборъ, *вмѣстѣ съ прочими (καὶ τῶν λοιπῶν)*, т. е. очевидно, съ прочими епископами его провинціи, находившимися въ его церковно-административной юрисдикціи. Отсюда слѣдуетъ, что церковно-провинціальное дѣленіе церкви, или ея митрополичье - областная система къ половинѣ третьяго вѣка уже достаточно опредѣлилась и на востокѣ. По вопросу-же объ объемѣ соборовъ мы лишній разъ убѣждаемся, что къ тому времени востокъ могъ практиковать у себя и такіе большіе соборы, на которыхъ объединялись представители нѣсколькихъ провинціальныхъ округовъ, въ данномъ примѣрѣ, цѣлыхъ трехъ, хотя и смежныхъ, но все-же значительно раскинувшихся округовъ — Киликіи, Сиріи-Цѣлэ и Палестины.

[1]) Въ непосредственную связь съ двумя только что приведенными отрывками изъ Евсевія ставятъ и еще одинъ, въ которомъ онъ говоритъ о какомъ-то внутреннемъ умиротвореніи всѣхъ восточныхъ церквей, наступившемъ послѣ ихъ предварительнаго разъединенія. Это новое мѣсто, по русскому переводу, читается такъ: „знай, братъ, писалъ Діонисій александрійскій папѣ Стефану— что всѣ восточныя и еще отдаленнѣйшія церкви (Месопотаміи, Озроэны и Аравіи), бывъ нѣкогда раздѣлены, теперь пришли къ единенію. Представители ихъ вездѣ согласны въ образѣ мыслей, исполнясь великой радостью о неожиданномъ утвержденіи мира: Димитріанъ—въ Антіохіи, Θеоктистъ—въ Кесаріи, Мазабанъ—въ Эліи, Маринъ, по смерти Александра—въ Тирѣ, Иліодоръ, по упокоеніи Филимидра—въ Лаодикіи, Еленъ—въ Тарсѣ, и всѣ киликійскія церкви, Фирмиліанъ и вся Каппадокія. Не желая сдѣлать посланіе свое длиннымъ, а рѣчь тяжелой, я наименовалъ только знаменитѣйшихъ епископовъ"... *Евсев.* VII, V, 400—401. *Euseb.* VII, 5, 2, 638—640. А въ самомъ концѣ предыдущей главы опредѣленно заявлено, что такое примиреніе состоялось между церквами, „обратившимися къ Новатову нововведенію". Отсюда вполнѣ естественно заключать, что новаціанство породило было серьезный расколъ и между восточными церквами; но расколъ' этотъ вскорѣ-же былъ благополучно ликвидированъ, и именно, какъ многіе думаютъ – Антіохійскимъ соборомъ 252 (253 г.). Документальная выдержка изъ письма знаменитаго восточнаго дѣятеля той эпохи (Діонис. алекс.) интересна еще и по списку вліятельныхъ восточныхъ каѳедръ, вмѣстѣ съ именами занимавшихъ ихъ тогда епископовъ. Дополнительно объ Антіохійскомъ соборѣ см. *I. M. Neale* „A History of the holy eastern church", vol. I, 53—54 p. *Benson,* Op. cit. 168—196 Council at Antioch. *Свящ. А. Дружининъ,* „Жизнь и труды св. Діонисія Великаго" 190—192. Казань 1900 и *Проф. Вл. Троицкій (архим. Иларіонъ)* „Очерки изъ исторіи догмата о церкви", 441.

[2]) *Ad. Harnack* „Die Zeit des Ignatius". Leipzig 1870, 50 s. Но *Benson* опредѣленно созывъ этого собора приписываетъ Димитріану и относитъ къ марту 252 г. „Cyprian and his time" 168 p. хотя Harnack позднѣе и самъ смерть Фабія Антіохійскаго помѣщаетъ между осенью 252 и весной 253 года. Chronologie I, 218 s. и II, 61 и 135. *Dictionnary of sects...* примиряетъ это тѣмъ, что созывъ собора приписываетъ Фабію, а осуществленіе его—Димитріану. „Novatian", p. 388.

[3]) „Novatian" in RE, 14, 235, 44-46 s.

VIII.

Третій Карѳагенскій соборъ при еп. Кипріанѣ (съ 15 мая 252 г.).

Хотя подлинныхъ актовъ этого собора до насъ и не дошло, однако существованіе его завѣрено достаточно ясно и опредѣленно, благодаря цѣлому ряду писемъ Кипріана, изъ которыхъ одни непосредственно предшествуютъ собору, другія вскорѣ за нимъ слѣдуютъ.

Въ ряду первыхъ т. е. предшествовавшихъ собору писемъ мы, прежде всего, должны отмѣтить отвѣтное письмо Кипріана „къ Фортунату и другимъ его товарищамъ о невыдержавшихъ мученій" [2]). Основное содержаніе этого памятника таково. На хиротоніи

[1]) Разумѣется, чрезъ это нисколько не устраняется необходимый нижній этажъ собора—изъ клира и народа мѣстной общины метрополя.

[2]) Такъ заглавляется это письмо въ русскомъ переводѣ, гдѣ оно значится подъ номеромъ 44-ымъ, стр. 240—241. По латинскому-же изданію *Hartel'я.*

епископа къ церкви африканскаго города Капса [1]) одинъ изъ епископовъ — нѣкто Суперій поставилъ на разрѣшеніе своихъ коллегъ, недоумѣнный вопросъ, какъ поступить ему съ тремя падшими членами его церкви—Нимомъ, Климентіаномъ и Флоромъ,—которые, хотя и принесли языческія жертвы, но сдѣлали это по крайней необходимости, лишь уступая силѣ, послѣ продолжительнаго исповѣдничества и невыносимыхъ пытокъ; да и послѣ этого, вотъ уже въ теченіе трехъ лѣтъ они съ глубокой скорбью и обильными слезами оплакиваютъ свое вынужденное паденіе? А затрудненіе здѣсь состояло въ томъ, что по силѣ каноновъ предшествующаго карѳагенскаго собора (весенняго 251-го года) обратному пріему въ церковь подлежали только одни, такъ называемые, libellatici, т. е. давшіе лишь чисто фиктивную подпись объ отреченіи отъ христіанства, фактически-же нисколько ему не измѣнявшіе. Такихъ, какъ мы видѣли, рѣшено было допускать къ обратному пріему въ церковь, если они ходатайствовали о томъ и если это ихъ ходатайство подкрѣплялось одобреніемъ народа и получало утвержденіе епископа[2]). Но относительно другаго класса—болѣе тяжко падшихъ, такъ называемыхъ sacra или acta facientes, т. е. лицъ фактически осквернившихъ себя языческимъ жертвоприношеніемъ (turificati, воскурявшіе фиміамъ, sacrificati—приносившія идольскія жертвы), на томъ-же соборѣ было опредѣленно постановлено, что они, при жизни, обратному пріему въ церковь не подлежатъ, и могутъ быть допущены къ примиренію съ церковью лишь при наступленіи послѣдняго, предсмертнаго часа, да и то подъ условіемъ глубокаго сокрушенія въ своей винѣ за всю предыдущую жизнь [3]). Слѣдовательно, случай съ тремя вышеуказанными христіанами, очевидно, не подходилъ подъ понятіе *прощаемой вины* падшихъ, такъ какъ они были не libellatici, но acta facinetes. Однако онъ, строго говоря, не вполнѣ подпадалъ и подъ понятіе непрощаемыхъ lapsi, такъ какъ тутъ на лицо

Ep. LVI, 648—650 p. носитъ заглавіе: „Cyprianus Fortunato, Anthymo, Optato, Privatiano, Donatulo et Felici fratribus".

[1]) Городъ Капса (Capsa или Gafsa) расположенъ былъ недалеко на сѣверъ отъ Тритонійскаго залива, въ проконсульской провинціи. Это былъ богатый и древній городъ, лежавшій въ плодородной мѣстности. Онъ сильно пострадалъ при Маріи за вѣрность Югуртѣ. Плиній называетъ его всецѣло римскимъ городомъ—non civitas tantum, sed etiam natio. Позднѣе, при Юстиніанѣ, г. Капса одна изъ столицъ провинціи Byzacen'ы.—*Benson* Op. cit. 223, notae 4. На избирательномъ соборѣ въ Капсѣ происходила, повидимому, хиротонія того самаго еп. Донатула, подпись котораго имѣется въ актахъ осенняго собора 256 г.—„Sententiae episcoporum", ed. Harteli, I p. s. 457.

[2]) *См. выше,* стр. 435-ая.

[3]) *См. выше,* 435 стр. Ср. *Ep.* LVII, 1, 650. *P. n.* 49-ое, 282 стр.

были исключительныя, смягчающія вину обстоятельства. А главнымъ постановленіемъ Карѳагенскаго собора 251 года было требованіе—индивидуализировать каждый частный случай паденія и строгость наказанія соразмѣрять со степенью личной отвѣтственности [1]). Становясь на такую принципіально-психологическую точку зрѣнія, епископы, собравшіеся въ Капсѣ, склонялись, очевидно, больше къ снисходительной тактикѣ относительно трехъ вышеназванныхъ христіанъ. Но въ то-же время ихъ сильно смущалъ и категорическій тонъ соборнаго запрещенія—принимать какія-либо иныя категоріи lapsi, кромѣ libellatici. Ища выхода изъ указаннаго затрудненія, шесть епископовъ капсійскаго избирательнаго собора и написали письмо къ Кипріану, прося, во первыхъ, высказаться его самого, а во вторыхъ—предложить данный недоумѣнный случай на разрѣшеніе ближайшаго, очередного карѳагенскаго собора.

Кипріанъ удовлетворилъ полностью своихъ адресатовъ-коллегъ: въ отвѣтномъ письмѣ къ нимъ онъ высказалъ и свой собственный взглядъ, вполнѣ совпадавшій со снисходительнымъ мнѣніемъ капсійцевъ, и далъ обѣщаніе поставить предложенный вопросъ на обсужденіе собора. Заключительныя строки кипріанова письма, какъ имѣющія ближайшее отношеніе къ разсматриваемому нами собору, позволимъ себѣ привести здѣсь полностью: „такъ какъ вы писали, чтобы я полнѣе разсудилъ объ этомъ со многими товарищами (cum pluribus collegis), и такой предметъ въ самомъ дѣлѣ требуетъ лучшаго и обстоятельнѣйшаго совѣщанія и соглашенія многихъ (multorum conlatione consilium): а теперь, въ первые праздничные дни Пасхи, почти всѣ остаются дома съ братьями; то когда они совершатъ между своими праздничныя торжества и станутъ приходить ко мнѣ, я полнѣе побесѣдую объ этомъ съ каждымъ, чтобы касательно того, о чемъ вы совѣтуетесь, установилось у насъ твердое мнѣніе (firma sententia), взвѣшенное обсужденіемъ многихъ священниковъ (multorum sacerdotum consilio ponderata)" [2]).

[1]) *См. выше,* стр. 435-ую.

[2]) *Ep.* LVI, 3, 649—650 p. *P. n.* 44-ое, 241 стр. Хотя въ приведенныхъ словахъ Кипріана и нѣтъ прямого упоминанія слова „соборъ", но весь ходъ повѣствованія не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что рѣчь идетъ, именно, о соборѣ. Въ особенности показательна, во-первыхъ, самая просьба капсійскихъ адресатовъ —поставить вопросъ на обсужденіе *многихъ епископовъ,* очевидно, разсчитанная на возможность ихъ скораго собранія; а во-вторыхъ—упоминаніе Кипріана, что послѣ Пасхи къ нему начнутъ приходить многіе епископы, очевидно, по случаю ихъ съѣзда на очередной весенній соборъ въ Карѳагенѣ. Наконецъ, „обсужденіе" многихъ священниковъ (sacerdotum, здѣсь опять означаетъ „епи-

Вторымъ, и по существу дѣла, главнымъ источникомъ изслѣдуемаго нами собора является письмо Кипріана „къ Корнелію о дарованіи мира падшимъ“ [1]). Письмо это начинается съ поименнаго перечня 42 епископовъ, очевидно, присутствовавшихъ на соборѣ, и содержитъ въ себѣ довольно подробно мотивированный новый канонъ церкви по дѣлу „падшихъ“; почему на него и смотрятъ, если не какъ на копію соборнаго посланія, то, по меньшей мѣрѣ, какъ на его ближайшій отголосокъ [2]). По прозрачной ясности своей конструкціи, по силѣ и убѣдительности своей логической аргументаціи, по глубинѣ проникающаго его истинно-церковнаго духа, наконецъ, по степени вниманія его къ живымъ запросамъ и нуждамъ времени и искусству должнымъ образомъ на нихъ отзываться — письмо это представляетъ высокій образецъ развитаго церковно-каноническаго творчества и смѣло можетъ быть рекомендовано, въ качествѣ достойнаго примѣра для подражанія и въ наши дни.

Со стороны своего содержанія, настоящее письмо тѣсно примыкаетъ къ предыдущему, отличаясь отъ него только бо̀льшей широтой и принципіальной обоснованностью въ постановкѣ вопроса. Вмѣсто частнаго случая—о трехъ, заслуживавшихъ снисхожденія падшихъ,—рѣчь идетъ обо всѣхъ падшихъ, вообще, по отношенію къ которымъ рекомендуется ослабить прежнюю, крайне суровую дисциплину. Нисколько не порицая такой дисциплины, находя ее даже вполнѣ справедливой и цѣлесообразной по существу, такъ-какъ противъ серьезной болѣзни она предлагала и соотвѣтствующее ей лѣкарство, новый соборъ, тѣмъ не менѣе, полагаетъ, что суровая дисциплина хороша и полезна лишь для мирнаго времени, когда ее можно практиковать безъ всякихъ опасеній. Но она менѣе пригодна для военнаго времени, для періода воздвигаемой на Христову церковь жестокой брани, т. е. гоненія, когда каждый христіанинъ, а въ томъ числѣ и падшій, совершенно неожиданно для себя, можетъ очутиться предъ лицомъ смерти. Посылая воина на битву, снаряжаютъ его необходимымъ оружіемъ и продовольствіемъ. А такъ какъ для христіанина его крѣпкимъ забраломъ и его главной пищей служитъ евхаристія, то, разумѣется, нельзя посылать его на духовную брань, предварительно не снабдивъ его симъ спасительнымъ средствомъ. Потому, если мы хотимъ, чтобы и „падшіе“ явили себя доблестными воинами Христа въ предстоящей всѣмъ намъ брани—а истинные христіане не могутъ этого не желать—то мы должны допустить къ евхаристіи и ихъ т. е. тѣмъ самымъ принять ихъ въ полное церковное общеніе съ собою. Въ противномъ случаѣ—пишетъ Кипріанъ—„какъ мы сдѣлаемъ ихъ способными испить мученическую чашу, если прежде не допустимъ ихъ въ церкви, по праву общенія, къ питію чаши Господней“ [1]). Напрасно, разъясняетъ дальше Кипріанъ, нѣкоторые ригористы хотятъ обвинить насъ въ излишней снисходительности и безразсудной слабости. Ничего подобнаго на самомъ дѣлѣ нѣтъ, такъ какъ мы остаемся попрежнему вѣрны тому взгляду, что прощеніе должно быть даровано не всѣмъ падшимъ, а только тѣмъ, кто его заслужилъ: „должна быть разница, возлюбленный братъ, между тѣми, которые отпали отъ церкви, и, обратившись снова къ вѣку... живутъ по языčески, или, приставши къ еретикамъ, каждодневно поднимаютъ отцеубійственное оружіе противъ церкви, и между тѣми, которые не удаляясь отъ церковнаго порога и непрестанно со слезами вымаливая себѣ божественное и отеческое утѣшеніе, показываютъ теперь готовность къ сраженію, хотятъ твердо стоять и сражаться за имя своего Господа и за свое спасеніе“ [2]). Разумѣется, церковный миръ долженъ быть дарованъ только этой послѣдней группѣ lapsi. Опасеніе, что даже и среди этой группы не всѣ окажутся достойными такой милости, а нѣкоторые только лицемѣрно воспользуются ею, чтобы снова проникнуть въ ограду церкви, также не должно останавливать насъ. Вѣдь мы—не всевѣдущи, и таковыхъ лицемѣровъ пусть судитъ сердцевѣдецъ Богъ. Для насъ-же „злые не должны являться препятствіемъ для добрыхъ; наоборотъ, они сами должны получать помощь отъ добрыхъ... Нужно давать миръ всѣмъ, намѣревающимся сражаться, именно для того, чтобы, по незнанію нашему, не обойдти того, кто имѣетъ увѣнчаться въ сраженіи“ [3]). Казуистическое возраженіе нѣкоторыхъ, что примиреніе съ церковью излишне для тѣхъ, кто омоетъ себя кровью мученичества, Кипріанъ опровергаетъ, во-первыхъ, ссылкой на то,

скоповъ“) и ихъ „твердое мнѣніе“ (sententia firma)—все это несомнѣнные чисто техническіе термины собора.

[1]) Заглавіе взято изъ русскаго перевода, см. 49-ое письмо, 282—287 стр. Сравни *Ep.* LVII, 650—656. Въ русскомъ перечнѣ епископовъ есть одинъ пропускъ (третьяго еп. Saturnini) и двѣ ошибки „Сапій“, вмѣсто „Саттій“ (Sattius) и „Амилій“, вмѣсто „Ампій“ (Ampius).

[2]) Въ качествѣ главнаго источника Карѳагенскаго собора 252 г., приводитъ это письмо полностью и снабжаетъ его комментаріями напр. издатель „Reliquiae Sacrae“—*M. I. Routh*, vol. III², 93 sq. 132 sq. Ср. *Monceaux*, Op. cit. II, 50 sq.

[1]) *Ep.* LVII, 2, 652. *P. n.* 49-ое, 284 стр.

[2]) *Ibidem*—*P. n.* Тамъ-же.

[3]) *Ep.* LVII, 3. 653. *P. n.* 49-ое, 285 стр.

о чемъ онъ уже говорилъ выше—что жестоко предоставлять такихъ христіанъ однимъ только собственнымъ, слабымъ ихъ силамъ, а не подкрѣплять ихъ и благодатной помощью церкви, преподаваемой чрезъ таинство евхаристіи; а во вторыхъ — еще и указаніемъ на то, что въ случаѣ мученической смерти такихъ lapsi, мы постоянно подвергаемъ себя риску очутиться въ положеніи нарушителей церковнаго канона. Каноиъ опредѣленно повелѣваетъ пастырямъ разрѣшать такихъ падшихъ, передъ самой ихъ смертью. А во время гоненій всегда возможны такіе случаи, что мы или не поспѣемъ въ нужное время къ умирающему, или не будемъ даже и знать о предстоящей ему смерти, гдѣ-либо въ скрытомъ мѣстѣ, или въ недоступной темницѣ, и такимъ образомъ попустимъ умереть доблестному воину Христа безъ причащенія и мира съ церковью. „Не падетъ-ли на насъ въ день суда обвиненіе въ безпечномъ нерадѣніи или суровой жестокости за то, что мы, пастыри, не хотѣли ни во время мира заботиться объ овцахъ, намъ ввѣренныхъ, ни во время битвы дать имъ оружіе? Не отнесетъ-ли и къ намъ Господь того, что онъ возглашаетъ и говоритъ черезъ пророка". (Iезек. 34, 3—7; 10—11; 16)? [1]).

На основаніи всѣхъ указанныхъ, весьма вѣскихъ соображеній, Карѳагенскій соборъ 252 года и вынесъ постановленіе—смягчить каноиъ предшествующаго собора о „падшихъ", въ томъ смыслѣ, чтобы церковный миръ давать не однимъ только libellatici, но также и turificati и sacrafacientes, если они, по своему поведенію и настроенію, окажутся сего достойными. Заключительное опредѣленіе собора по данному предмету выражено въ письмѣ Кипріана, если не буквально, то въ терминахъ весьма близкихъ къ буквѣ соборнаго текста и читается такъ: „мы, *по внушенію Святаго Духа* и слѣдуя указаніямъ Господа, возвѣщающаго и показывающаго намъ многими явными знаменіями приближеніе врага, *заблаго-разсудили* собрать въ станъ воиновъ Христовыхъ, изслѣдовавши дѣло каждаго, *даровать миръ падшимъ* и намѣревающимся сражаться преподавать оружіе" [2]). Такимъ образомъ, опасность приближающагося новаго гоненія,—которое, дѣйствительно и не замедлило наступить при императорѣ Галлѣ,—причемъ оно осложнилось здѣсь еще и народнымъ возмущеніемъ противъ христіанъ, по поводу открывшейся тогда моровой язвы,—заставила африканскую церковь пересмотрѣть свой раннѣйшій каноиъ о „падшихъ" (каноиъ соборовъ 251 г.) и значительно его смягчить [1]). Не лишена значенія и остроумная догадка *о. Молчанова*, что на перемѣну канона могли оказать вліяніе также и внутреннія, чисто-церковныя причины—именно, новаціанская пропаганда, въ противовѣсъ которой и выдвинуто было смягченіе покаянной дисциплины въ нѣдрахъ православной церкви [2]).

Измѣненіе канона о lapsi было, очевидно, главнымъ законодательнымъ актомъ Карѳагенскаго майскаго собора 252-го года. Но кромѣ него, собору, по обычаю, пришлось заниматься и разборомъ нѣкоторыхъ, наиболѣе важныхъ, текущихъ церковно-административныхъ дѣлъ, какъ это открывается изъ новаго письма Кипріана къ Корнелію—третьяго, не менѣе важнаго, источника нашихъ свѣдѣній объ изслѣдуемомъ соборѣ [3]). А дѣла эти, въ данный разъ, были довольно запутанны и непріятны: они вытекали изъ борьбы различныхъ партій и угрожали церковными

[1]) *Ep.* LVII, 4, 654. *P. n.* 49-ое, 286 стр.

[2]) Въ виду особой типичности этой формулы нетолько по содержанію, но еще болѣе по ея формѣ, приведемъ ее и по подлинному тексту: *„Placuit nobis sancto Spiritu suggregente* (знаменательная соборная формула, см. выше 16 стр. настоящаго изслѣдованія) et Domino per uisiones multas et manifestas admonente, ut quia hostis nobis inminere praenuntiatur et ostenditur, colligere intra casta milites Christi et examinatis singulorum causis pacem lapsis dare, immo pugnaturis arma suggerere". *Ep.* LVII, 5, 655. *P. n.* 49-ое, 286-287 стр.

[1]) Гоненіе на христіанъ, затихшее было со смертью Декія (конецъ 251 г), при преемникахъ его—императорахъ Галлѣ и Волузіанѣ (251—253 г.) начинаетъ снова оживать. Гоненіе это стояло, повидимому, въ связи съ указомъ Галла объ особо торжественномъ отправленіи „культа цезаря", дававшемъ поводы къ бунтамъ черни противъ христіанъ. По крайней мѣрѣ, ясную жалобу на церковные крики толпы „Cyprianum ad leonem" и на опасность близкаго гоненія мы находимъ въ цѣломъ рядѣ его писемъ (*Ep.* LVIII, 1, 656: pressurae diem super caput: LVIII, 6, 673: totiens ad leonem petitus". *P. n.* 48-ое, 273 и 47-ое, 258). А въ трактатѣ „Къ Новаціану" даже прямо говорится о „второмъ сраженіи" (secundo prelio), причемъ подъ первымъ опредѣленно разумѣется Декіево гоненіе (Deciana persecutio). *Hartel* „Appendix Pars III, Ad Novatianum, 6, 57 р. Жертвой новаго гоненія палъ и римскій епископъ *Корнелій*, сосланный послѣ пытокъ, на заточеніе въ Centumcellae, гдѣ онъ вскорѣ и скончался отъ ранъ (Евсев. VII, 1, 398—399 стр. *Ep.* LX, 619 sq. *P. n.* 50-ое, 287 стр. и сл.).

[2]) „Въ этомъ случаѣ нельзя не обратить вниманія на мудрое приспособленіе пастырей къ обстоятельствамъ церкви: свои опредѣленія они всегда старались ставить въ совершенную противоположность съ возникавшимъ лжеученіемъ. Такъ, противъ раскола Новата и Фелициссима Кипріанъ опредѣлилъ строгое и продолжительное покаяніе падшимъ; расколъ Новаціана, напротивъ, требовалъ снисхожденія къ падшимъ, которое и было сдѣлано". *Цит. соч.* стр. 115, прим. 4.

[3]) *Ep.* LVIII Cyprianus Cornelio fratri, 666—691 р. *P. n.* 47-ое „Письмо къ Корнелію о Фортунатѣ и Фелициссимѣ, или противъ еретиковъ" 249—272 стр. *Монсеаux* въ своей таблицѣ карѳагенскихъ соборовъ кипріаиовой эпохи, въ графѣ документовъ собора 252 г. наряду съ Ep. 57, называетъ и это—Ep. 59. *Op. cit.* 48 р.

расколами и мятежами. Какъ это ни странно, но Карѳагенъ сдѣлался центромъ различныхъ, чуть не противоположныхъ раскольничьихъ партій. Яблокомъ раздора между ними служилъ вопросъ о lapsi. Мы уже видѣли, что здѣсь довольно сильна была партія лицъ, отстаивавшихъ, въ противовѣсъ Кипріану, самое снисходительное отношеніе къ падшимъ, доходившее почти до полнаго потакательства имъ. Во главѣ этой партіи стояли личные враги Кипріана, интриговавшіе противъ него, привлекшіе на свою сторону многихъ исповѣдниковъ, и выдвинувшіе въ послѣднее время двухъ вождей—организаторовъ партіи: Новата и Фелициссима. Но послѣ того, какъ соборы 251 года вполнѣ одобрили умѣренно-строгую дисциплину Кипріана, эта партія была, такъ сказать, разбита и временно какъ-бы стушевалась. Но зато въ періодъ тѣхъ-же карѳагенскихъ соборовъ 251 года здѣсь обосновалась новая партія—приверженцевъ Новаціана, явившаяся сюда искать себѣ поддержки въ борьбѣ съ Корнеліемъ. Послѣ того, какъ и эта новоявленная партія встрѣтила, въ лицѣ Кипріана, энергичный себѣ отпоръ, она также, очевидно, стала въ оппозицію Кипріану и лозунгомъ своего недовольства выставила не строгость Кипріана къ lapsi — какъ партія Новата и Фелициссима,— а наоборотъ, его снисходительность къ нимъ, такъ какъ на знамени строгихъ новаціанъ значилось полное непринятіе падшихъ. Хотя такой крайній ригоризмъ новаціанъ и былъ осужденъ на соборахъ 251 года, однако сектантамъ все-же удалось съорганизовать въ Карѳагенѣ небольшую новаціанную общину, и даже поставить себѣ епископомъ, или точнѣе, лжеепископомъ нѣкоего пресвитера Максима, одного изъ членовъ новаціанова посольства на Карѳагенскій соборъ [1]). Самый фактъ его поставленія, судя по замѣткѣ Кипріана, имѣлъ мѣсто уже послѣ соборовъ 251 года, какъ либо незадолго до майскаго собора 252 года [2]).

Смягченный канонъ этого послѣдняго собора не могъ, разумѣется, не оказать извѣстнаго вліянія на обѣ названныхъ партіи. Партію строгихъ новаціанъ онъ долженъ былъ еще больше озло-

[1]) О пресвитерѣ Максимѣ, какъ главѣ *перваго* новаціанова посольства изъ Рима въ Карѳагенъ свидѣтельствуетъ *Ep.* XLIII, 1, 597. *P, n.* 35-ое, 195. См. объ этомъ выше, на стр. 424-ой. По свидѣтельству *Ep.* L, 613. *P. n.* прим. на стр. 210-й, все это посольство, въ томъ числѣ и Максимъ, было изгнано изъ Карѳагена (inde fuisse expulsi). Но *послѣ* Римскаго собора 251 г. и *передъ* весеннимъ Карѳагенскимъ соборомъ Новаціанъ отправилъ *второе посольство* въ Африку, въ составъ котораго вошли: Никостратъ, Новатъ, Еварестъ, Примъ и Діонисій. *Ep.* L, 613. *P. n.* 210. Ср. *Ep.* LII, 1—2, 616—618. *P. n.* 42-ое, 219—211.

[2]) *Ep.* LVIII, 9, 676. *P. n.*—47-ое, 258 стр.

бить и ожесточить въ ея упорствѣ. Но на партію „широкихъ“, (laxi) распущенныхъ сторонниковъ Фелициссима канонъ майскаго собора могъ произвести совершенно обратное дѣйствіе: онъ могъ вселить въ нихъ горделиво-ложную мысль о торжествѣ ихъ взглядовъ т. е. о принятіи соборомъ африканскихъ церквей, именно, ихъ снисходительной практики въ отношеніи къ lapsi. Отсюда недалеко было и до мысли о личномъ пораженіи Кипріана,—отстаивавшаго раньше болѣе строгое отношеніе къ lapsi,—что и захотѣли теперь использовать, въ своихъ интересахъ, всѣ его враги. По крайней мѣрѣ, мы, именно, этимъ объясняемъ, что на майскій соборъ 252 года прибыли, въ серединѣ его засѣданій, извѣстные, ранѣе осужденные и отлученные отъ церкви, раскольники. Такъ, пришелъ было на соборъ „старый еретикъ Приватъ, тотъ, который много лѣтъ назадъ (ante multos fere annos) въ Ламбезитанской колоніи былъ осужденъ мнѣніемъ (sententia) девяноста епископовъ за многія и важныя преступленія, и котораго, какъ вамъ не безъизвѣстно, съ большой строгостью порицали въ письмахъ предшественники наши—Фабіанъ и Донатъ“ [1]). Приватъ явился на соборъ не одинъ, а съ цѣлой группой такихъ-же, какъ и онъ, отверженныхъ церковью своихъ сообщниковъ: здѣсь были два епископа—*Іовинъ и Максимъ*, осужденные церковью, сначала, приговоромъ девяти епископовъ, а затѣмъ, прошлогоднимъ Карѳагенскимъ соборомъ (251 г.)[2]),—какой-то *Феликсъ*, еще раньше поставленный Приватомъ во епископы и *Репостъ*, епископъ сатурникскій, запятнавшій себя паденіемъ во время гоненія Декія. Къ группѣ этихъ пяти лжеепископовъ примкнула и всецѣло родственная ей партія Фелициссима. И вотъ, вся эта компанія явилась было на засѣданія собора, въ надеждѣ реабилитироваться и возстановить свои утраченныя права, а если удастся, то и завинить своего главнаго врага—самого еп. Кипріана. Но разсчетъ ихъ оказался совершенно ошибочнымъ: соборъ нисколько не расходился въ своихъ взглядахъ съ Кипрі-

[1]) *Ep.* LVIII, 10, 677. *P. n.* 47-ое, 259 стр. Lambesitana colonia, Lambaesis, Lambese—свыше 1700 разъ встрѣчается въ Corpus Inscription. Latin. VIII, I, 283. Колонія эта находилась въ Нумидіи, на сѣверѣ хребта Aurasius, или въ области средняго Атласа. Сначала, при императорѣ Адріанѣ, это была лишь стоянка третьяго римскаго легіона. А съ 208 г. это уже municipium и столица Нумидіи. Соборъ, осудившій Привата, былъ по всей вѣроятности, въ Карѳагенѣ, при предшественникѣ Кипріана епископѣ Донатѣ († 248 г.) и современномъ ему римскомъ папѣ Фабіѣ (236—250). А отмѣтка Кипріана, что онъ былъ „за много лѣтъ раньше“ заставляетъ отодвигать хронологическую дату собора, скорѣе, къ началу, или къ серединѣ правленія двухъ вышеназванныхъ епископовъ, чѣмъ къ концу этого періода. *Benson*—226, n. 6. См. объ этомъ еще и выше, стр. 407 примѣч.

[2]) *См. выше,* стр. 448-ая, прим. 2.

аномъ, и послѣдній, по прежнему, былъ его главнымъ совѣтникомъ и вождемъ. Такъ что, по настоянію Кипріана, Привата съ сообщниками соборъ не сталъ вовсе и слушать, и даже не допустилъ ихъ на свои засѣданія. Тогда обиженные сектанты рѣшили составить свой *контръ-соборъ* и пустили ложный слухъ, что скоро къ нимъ прибудутъ еще 25-ть епископовъ изъ Нумидіи. „Но ихъ ложь—пишетъ Кипріанъ—была открыта и изобличена, послѣ того, какъ собралось только пять епископовъ, потерпѣвшихъ крушеніе и отлученныхъ нами“ [1]). Въ безсильномъ раздраженіи противъ Кипріана, сектанты на своемъ соборикѣ объявили объ его низложеніи и о возведеніи на его мѣсто пресвитера *Фортуната*, одного изъ числа пяти давнишнихъ личныхъ враговъ Кипріана, также уже осужденнаго на предшествующемъ Карѳагенскомъ соборѣ [2]).

Такимъ образомъ, въ церкви карѳагенской одновременно стало *три* епископа: православный епископъ—Кипріанъ, новаціанскій—Максимъ и партіи Фелициссима—Фортунатъ [3]). Но сектантскіе епископы, очевидно, особеннымъ вліяніемъ въ Карѳагенѣ не пользовались и нисколько не были опасны для Кипріана, всѣ взгляды и дисциплинарную тактику котораго вполнѣ одобрилъ и подтвердилъ и новый майскій соборъ 252 года. Сознавая ничтожество своихъ соперниковъ, Кипріанъ, очевидно, не считалъ даже нужнымъ съ ними особенно и бороться; по крайней мѣрѣ, онъ не спѣшитъ увѣдомлять объ этомъ своего ближайшаго сосѣда—епископа римской церкви, которому онъ, сначала, шлетъ лишь краткое извѣщеніе съ аколуѳомъ Фелиціаномъ, посланцемъ папы Корнелія. Такой медлительностью Кипріана и воспользовался было Фелициссимъ, который поспѣшилъ поѣхать въ Римъ и тамъ представить все положеніе дѣлъ Карѳагенской церкви въ совершенно превратномъ, но выгодномъ для себя свѣтѣ. И первое время такая наглая ложь имѣла было нѣкоторый успѣхъ, который, впрочемъ, былъ очень кратковременъ и совершенно разсѣялся послѣ подробнаго и обстоятельнаго письма Кипріана, возстановившаго истину и обличившаго всѣ происки раскольничествующихъ интригановъ. Вотъ, это-то защитительно-полемическое письмо Кипріана къ Корнелію и является тѣмъ важнымъ соборнымъ эхомъ, которое знакомитъ насъ со внутренней, церковно-административной работой майскаго собора 252 г.

[1]) *Ep.* LVIII, 10, 678. *P. n.* 47-ое, 260 стр.
[2]) *Ibid.* 9, 676. *Тамъ-же,* 258.
[3]) *Ad. Harnack:* „So hatte Karthago drei Bischöfe den Cyprian, den Fortunatus (von der Partei Felicissimus) und den Maximus“. RE, 14, 235, 13—14 „Novatian“.

Въ письмѣ этомъ, кромѣ уже изложенной фактической стороны дѣла, интересно подчеркнуть и нѣсколько любопытныхъ штриховъ принципіальнаго характера. Вотъ, напр., важное свидѣтельство Кипріана въ защиту мѣстно-церковной автономіи, или права каждой церкви на независимое внутреннее самоопредѣленіе: „всѣ мы постановили (statutum sit ab omnibus nobis)—и это справедливо и законно—чтобы дѣло каждаго выслушивать тамъ, гдѣ совершено преступленіе (crimen, вина); а такъ какъ всякому изъ пастырей ввѣрена своя часть стада, которой онъ долженъ управлять и руководить, имѣя дать отчетъ въ своей дѣятельности Господу, то управляемые нами не должны бѣгать туда и сюда, не должны нарушать согласія епископовъ своимъ лукавымъ и лживымъ поведеніемъ; но обязаны тамъ вести свое дѣло, гдѣ могутъ имѣть и обвинителей и свидѣтелей своего преступленія“. [1]). Примѣнительно къ данному частному случаю, т. е. къ попыткѣ Рима какъ-бы принять какую-то жалобу на приговоръ Карѳагенскаго собора, Кипріанъ рѣшительно заявляетъ: „и развѣ только немногимъ отчаяннымъ и потерянным людямъ можетъ казаться малою важность епископовъ (auctoritas episcoporum—авторитетъ епископовъ), поставленныхъ въ Африкѣ, которые уже судили ихъ и ихъ совѣсть, связанную узами многихъ преступленій, недавно осудили по всей строгости своего суда. Дѣло ихъ уже разслѣдовано и рѣшеніе о нихъ состоялось (de eis dicta sententia est)“ [2]). И такое рѣшеніе отнюдь не было легкомысленнымъ или поспѣшнымъ, нуждающимся въ пересмотрѣ. Наоборотъ, оно было принято цѣлымъ многочисленнымъ соборомъ предыдущаго 251-го года, подробно изслѣдовавшимъ всѣ обстоятельства дѣла и степень вины каждаго изъ подсудимыхъ: „а приговоръ священниковъ (sacerdotum=episcoporum) не подлежитъ упреку въ легкомысленной измѣнчивости и непостоянствѣ... Если число тѣхъ, которые въ прошлый годъ (priore anno) судили ихъ, соединить съ пресвитерами и діаконами; то при судѣ и разслѣдованіи (judicio et cognitio) было тогда больше, нежели сколько ихъ теперь состоитъ въ союзѣ съ Фортунатомъ“ [3]). Изъ этихъ ясныхъ словъ Кипріана, какъ и изъ всего вышесказаннаго, мы даже въ правѣ вывести заключеніе, что майскій соборъ 252 г. почти и не занимался дѣломъ раскольниковъ: онъ лишь отклонилъ ихъ неосновательныя претензіи добиться пересмотра дѣла и тѣмъ самымъ еще разъ подтвердилъ состоявшееся о нихъ опредѣленіе предыдущаго

[1]) *Ep.* LVIII. 14, 683—684 p. *P. n.* 47-ое, 265 стр.
[2]) *Ibid.* 14, 683. *P. n. Тамъ-же,* 265 стр.
[3]) *Ibidem.* 684 p. *P. n. Тамъ-же,* 266 стр.

собора. Такъ что всѣ дальнѣйшія выступленія мятежныхъ раскольниковъ—устройство ими собственнаго соборика, низложеніе на немъ Кипріана, поставленіе на его мѣсто Фортуната и происки въ Римѣ—стоятъ больше во внѣшне хронологической, чѣмъ во внутренно идейной связи съ работами майскаго Карѳагенскаго собора 252 года, дѣйствительный объемъ которыхъ, повидимому, только и ограничивался рамками пересмотра и измѣненія важнаго канона о lapsi, въ смыслѣ его значительнаго послабленія.

Намъ осталось еще кратко сказать о *времени и составѣ* даннаго собора. Точная дата его мѣсяца и числа стоитъ внѣ всякихъ споровъ, такъ какъ она ясно указана въ слѣдующихъ словахъ Кипріана относительно назойливой попытки Привата проникнуть на соборъ: „когда онъ сказалъ, что хочетъ защищать предъ нами свое дѣло на соборѣ, *который былъ у насъ пятнадцатаго числа прошлаго мая* (idibus Maiis, quae proximae fuerunt), а мы его не допустили; то онъ сдѣлалъ того Фортуната лжеепископомъ, достойнымъ своего товарищества“ [1]). Послѣ столь яснаго и категорическаго указанія почти нѣтъ даже и нужды въ другихъ, болѣе косвенныхъ. Впрочемъ, сошлемся еще на уже неразъ приводившуюся у насъ выдержку изъ письма Кипріана къ шести епископамъ, гдѣ онъ говоритъ, что *вскорѣ послѣ пасхи* въ Карѳагенъ начнется съѣздъ епископовъ и онъ получитъ возможность поставить на ихъ обсужденіе вопросъ, интересующій его корреспондентовъ [2]). А такъ какъ пасха 252 года, приходилась 11-го апрѣля [3]), то епископы могли тронуться изъ своихъ мѣстъ около 20-го апрѣля и, слѣдовательно, прибыть въ Карѳагенъ въ концѣ апрѣля, или въ началѣ мая. Къ половинѣ-же мая собрались, очевидно, всѣ даже и наиболѣе отдаленные епископы, такъ что соборъ могъ открыть свои засѣданія.

Продолжительность собора, надо думать, была не велика, вѣроятно не больше одного мѣсяца. Такъ заставляетъ думать и сравнительно малый объемъ работъ даннаго собора и, въ особенности, хронологія обширнаго, апологетическо-полемическаго письма Кипріана къ Корнелію. Письмо это уже считается съ послѣдствіями соборнаго отношенія къ объединившейся партіи раскольниковъ—т. е. съ ихъ происками въ Римѣ, имѣвшими было нѣкоторый успѣхъ тамъ. Значитъ оно, во всякомъ случаѣ, написано было *по окончаніи* майскаго собора, и даже послѣ нѣкотораго,

[1]) *Ep.* LVIII, 10, 677, *P. n.* 47-oe. 259 стр.
[2]) *Ep.* LVI, 3, 649—650. *P. n.* 44-oe, 241 стр.
[3]) *Benson* „Op. cit.“ 224 p. not. 2. *Ibidem*—Idae Maji=Май 15-oe число.

болѣе или менѣе, значительнаго промежутка [1]). И въ то-же время обширое письмо Кипріана ни однимъ словомъ не касается близости предстоящаго гоненія и исповѣдничества Корнелія. Тогда какъ непосредственно слѣдующее за этимъ LX (по рус. 50-oe) письмо Кипріана къ тому же Корнелію уже привѣтствуетъ Корнелія съ началомъ его славнаго исповѣдничества, по поводу открывшагося гоненія Галла. А эти послѣдніе факты имѣли мѣсто въ серединѣ іюля 252 года [2]). Слѣдовательно, раннѣйшее полемическое письмо Кипріана должно было явиться *до начала* всего этого, т. е. не позже конца іюня мѣсяца, или самыхъ первыхъ чиселъ іюля. Отсчитывая-же отсюда minimum двухнедѣльный промежутокъ, въ теченіе котораго Кипріанъ „не спѣшилъ“ извѣщать Корнеліи о постановленіяхъ закончившагося собора, мы самое окончаніе его не можемъ отнести позднѣе 15—20 іюня. Слѣдовательно, соборъ этотъ продолжался развѣ немногимъ чѣмъ больше одного мѣсяца.

Почти столь-же твердо засвидѣтельствовано и пріуроченіе даннаго собора, именно, къ 252-му году. Рѣшительнѣе всего говоритъ за это двукратная ссылка Кипріана на предыдущій соборъ, очевидно, на соборъ 251 г., съ совершенно опредѣленнымъ указаніемъ, что упомянутый соборъ имѣлъ мѣсто въ „прошломъ году“ (anno prioге) [3]). Въ качествѣ-же косвенныхъ свидѣтельствъ, отмѣтимъ указаніе капсійскихъ епископовъ, что трое ихъ „падшихъ“ глубоко каются вотъ уже „третій“ годъ [4]) (очевидно, съ начала 250 г.,—когда открылось гоненіе Декія), ссылку самого еп. Кипріана, что онъ состоитъ епископомъ вотъ уже „четвертый“ годъ [5]), (а вступилъ онъ на каѳедру или въ концѣ 248 г. или въ

[1]) Въ существованіи-же такого промежутка убѣждаютъ насъ слѣдущія слова письма Кипріана: „а что я тотчасъ же не писалъ тебѣ, возлюбленнѣйшій братъ, о Фортунатѣ,... такъ это не такое дѣло, чтобы о немъ немедленно нужно было извѣщать тебя, какъ о чемъ-нибудь важномъ и страшномъ“. *Ep.* LVIII, 9, 676. *P. n.* 47-oe, 258 стр. Здѣсь-же, нѣсколькими строками ниже, говорится и о чисто физическихъ причинахъ (сильные вѣтры) нѣкоторой задержки аколуѳа Фелиціана, чрезъ котораго Кипріанъ пересылалъ Корнелію свои, извѣстныя намъ письма о соборѣ—9, 677 р. *P. n.* 259 стр.
[2]) Правда, авторитетный хронологъ корреспонденціи Кипріана—L. Nelke, LX письмо относитъ къ серединѣ Іюля не 252 г., а 251 года. Но Harnack основательно разоблачаетъ ошибочность вычисленія Nelke и доказываетъ, что письмо это написано по поводу открывающагося гоненія Галла и падаетъ, слѣдовательно, на средину лѣта 252 г. *Nelke* „Op. cit.“ s. 63. *Harnack* ChAL, II, 353 s.
[3]) *Ep.* LVIII, 10, 678 и 15, 684. *P. n.* 47-oe, 260 и 266 стр.
[4]) *Ep.* LVI, 2, 649: „quod triennium“... *P. n.* 44-oe, 241 стр.
[5]) *Ep.* LVIII, 6, 673: „quadriennio iam probatus“... *P. n.* 47-oe, 256 стр.

самомъ началѣ 249 г.) и наконецъ, близкое соотношеніе собора съ гоненіемъ Галла и исповѣдничествомъ римскаго еп. Корнелія [1]).

Не скроемъ, впрочемъ, что такіе крупные авторитеты, какъ Ad. Harnack [2]) и O. Ritschl [3]) находятъ нужнымъ помѣстить настоящій соборъ годомъ позже, т. е. отнести его, не къ 252-му, а къ 253 г. Но, къ сожалѣнію, они дѣлаютъ это мимоходомъ, безъ какой-либо серьезной научной аргументаціи и мотивировки, ссылаясь на тѣ-же объективныя историческія данныя, на которыхъ утверждаются и защитники 252 года, т. е. на упоминаніе о „трехлѣтіи", „четырехлѣтіи" и близости наступающаго гоненія. Двѣ первыхъ ссылки на трехлѣтнее покаяніе и четырехлѣтнее епископство, неособенно категоричны и допускаютъ почти одинаковую возможлость относить ихъ и къ 252 и къ 253 году, въ зависимости отъ того, съ какого момента будемъ отсчитывать ихъ и какъ будемъ понимать? (т. е. полные-ли три и четыре года, или только „третій", „четвертый" годъ). Потому весь центръ тяжести искомой хронологіи падаетъ, очевидно, на послѣднее доказательство—начало гоненія Галла. И вотъ здѣсь-то тотъ-же Ad. Harnack, въ своей спеціальной статьѣ объ императорѣ Галлѣ, даетъ намъ совсѣмъ другія, болѣе точныя и опредѣленныя указанія. Онъ, прежде всего, строже устанавливаетъ время смерти этого императора, „въ концѣ лѣта 253-го года" [4]). Майскій-же Карѳагенскій соборъ, какъ мы видѣли, закончился въ серединѣ лѣта, не раньше 20-хъ чиселъ іюня. Но онъ, во всякомъ случаѣ, успѣлъ закончиться еще *до начала* открывшагося гоненія, такъ какъ постоянно говоритъ о немъ, только, какъ о приближающемся, а еще не наступившемъ фактѣ, лишь дѣятельно къ нему готовится, а уже не считается съ его результатами. Значитъ, если-бы допустить, что соборъ происходилъ въ 253 году, то для галлова гоненія оставался-бы слишкомъ краткій промежутокъ времени, всего какихъ нибудь $1^1/_2$—2 мѣсяца, протекшіе отъ окончанія собора до смерти Галла. Но такой малый срокъ оказывается совершенно непріемлемымъ, такъ какъ онъ положительно не можетъ включить въ себя цѣлаго ряда событій, имѣвшихъ мѣсто *послѣ* разсматриваемаго собора, но *до* заточенія и *до* смерти римскаго еп. Корнелія,—одной изъ первыхъ и наиболѣе видныхъ жертвъ галлова гоненія. А такими событіями были: нѣкоторое промедленіе Кипріана съ отсылкой Корнелію вѣстей о соборѣ и раскольникахъ, обмѣнъ этихъ двухъ епископовъ полемическими письмами, ссылка Корнелія въ заточеніе, отправка Кипріаномъ двухъ поздравительныхъ писемъ къ пострадавшему римскому епископу, томленіе послѣдняго въ ссылкѣ и его смерть тамъ.

[1]) *Ep.* LVII. 1, 651: „ sed enim cum uideamus diem rursus alterius infestationis adpropinquare coepisse"... *P. n.* 49-oe, стр. 283. *Срав. выше,* стр. 531-я, прим.

[2]) *Ad. Harnack* „Diese (die Entscheidung africanische Bischöfe) trat im Mai 253 zusammen—beschloss unter den Anzeichen einer neuen Verfolgung (z. Zeit d. Kaisers Gallus) dass allen bussfertigen Gefallenen sofort die Wiederaufnahme gewährt werden solle (ep. 57)" „Novatian", RE, 14, 235, 23—25.

[3]) *O. Ritschl* „Cyprian von Karthago und die Verfassung der Kirche" 161, 194—195 s., гдѣ авторъ все время совмѣстно говоритъ о церковной дисциплинѣ относительно lapsi, выработанной на карѳагенскихъ соборахъ 251 и 253 годовъ.

[4]) „Dies geschah, wie wir jetzt wissen, im Spätsommer 253". RE³. 6. 360, 28-29.

Terminus ad quem всѣхъ пречисленныхъ событій это—смерть епископа Корнелія, которую и Harnack, въ полномъ согласіи съ Lipsius'омъ [1]), вполнѣ опредѣленно относитъ къ Іюню 253-го года [2]). А между тѣмъ, Карѳагенскій соборъ, начавшись въ половинѣ мая, могъ закончиться не раньше, какъ въ половинѣ іюня. Ясно, что при отнесеніи собора къ 253-ему году, мы не только не имѣли-бы никакого мѣста для всѣхъ вышеназванныхъ событій,—раздѣленныхъ къ тому-же извѣстными, иногда довольно значительными промежутками (напр. томленіе Корнелія въ ссылкѣ, давшее Кипріану возможность написать ему туда послѣдовательно цѣлыхъ два письма),—но вопреки очевидности, принуждены были-бы лишить еп. Корнелія самой возможности что-либо знать объ этомъ соборѣ, такъ какъ конецъ Карѳагенскаго собора у насъ тогда совпадалъ-бы со смертью римскаго епископа. Поэтому, уже одна логика событій и внутренная хронологія писемъ Кипріана неизбѣжно заставляютъ насъ признать болѣе значительнымъ тотъ промежутокъ, который протекъ отъ окончанія Карѳагенскаго собора до смерти Корнелія. Слѣдовательно, если смерть Корнелія, какъ это довольно согласно всѣми устанавливается, послѣдовала въ іюнѣ 253 года, то Карѳагенскій соборъ могъ имѣть мѣсто въ маѣ не того-же 253-го, а лишь предшествовавшаго ему, т. е. 252-го года. [3]).

[1]) *Lipsius* „Chronologie der römisch. Bischöfe" 207 s.

[2]) *Ad. Harnack:* „Der Bischof Cornelius wurde mit einigen Klerikern nach Civita Vecchia verbannt, wo er Juni 253 gestorben ist". „Gallus, Kaiser" RE, 6, 360, 54-55.

[3]) Кромѣ обстоятельствъ заточенія и смерти еп. Корнелія, важное значеніе для установки соборнаго года имѣетъ точное опредѣленіе того момента, который можно считать началомъ галлова гоненія на христіанъ, такъ какъ соборъ этотъ, можно сказать, весь проникнутъ живымъ ожиданіемъ близкаго гоненія. Къ сожалѣнію, сдѣлать это не такъ-то легко, потомучто гоненіе Галла не было типичнымъ: ни продолжительнымъ, ни систематическимъ, ни жестокимъ, и потому оно очень слабо запечатлѣлось въ исторіи. Наиболѣе установленнымъ

Переходимъ къ послѣднему и для насъ всегда особенно важному и интересному вопросу—*о составѣ и характерѣ* Карѳагенскаго собора 252-го года. Изъ кого состоялъ этотъ соборъ? Были-ли на немъ только одни епископы, или-же здѣсь присутствовали также и другіе клирики и даже вѣрные міряне? Въ случаѣ утвердительнаго отвѣта на послѣдній вопросъ, какова была роль каждой изъ названныхъ соборныхъ группъ? Къ сожалѣнію, имѣющіеся у насъ источники не позволяютъ намъ дать категорическаго отвѣта на всѣ эти вопросы. Въ нихъ съ полной ясностью и опредѣленностью говорится лишь объ епископской группѣ, очевидно, представлявшей изъ себя основное ядро собора. Объ этой группѣ въ изслѣдуемыхъ нами источникахъ имѣется цѣлая масса, какъ прямыхъ, такъ и косвенныхъ указаній, и притомъ, указаній настолько категоричныхъ и рѣшительныхъ, что отъ нихъ, въ концѣ-концовъ получается такое впечатлѣніе, что какъ будто-бы епископская группа была единственной и исключительной въ составѣ разсматриваемаго собора. Въ самомъ дѣлѣ, объ этомъ, повидимому, свидѣтельствуетъ тотъ списокъ сорока двухъ епископовъ сѣверо-африканской церкви, который помѣщенъ въ заго-

---

слѣдуетъ признать тотъ взглядъ, что гоненіе Галла было нестолько правительственнымъ, сколько общественнымъ дѣломъ, т. е. такимъ, въ которомъ иниціатива принадлежала самому языческому обществу. Въ качествѣ-же мотивовъ для общества къ преслѣдованію христіанъ, указываютъ на два главныхъ факта: во-первыхъ, на отказъ христіанъ отъ участія въ торжественномъ празднованіи культа цезаря и во-вторыхъ, на эпидемію моровой язвы, начавшую свирѣпствовать тогда съ особенной силой во многихъ провинціяхъ римской имперіи. Слѣдовательно, хронологія этихъ двухъ фактовъ опредѣляетъ намъ и начало гоненія. Первый фактъ—торжествъ въ честь культа цезарей—былъ вызванъ, повидимому, тѣмъ, что изъ трехъ соправителей—Галла, его сына Волузіана и сына Декія Гостиліана — послѣдній въ серединѣ 252 г. утонулъ или былъ убитъ, и такимъ образомъ римскій престолъ окончательно перешелъ къ Галлу и его сыну. Такое знаменательное событіе и было повсюду ознаменовано всенароднымъ общественнымъ торжествомъ въ честь культа цезарей. Христіане-же отъ участія въ этихъ торжествахъ уклонялись, и нерѣдко въ довольно рѣзкой формѣ, чѣмъ и раздражали противъ себя общественныя массы. А съ 251 г. въ Римѣ и его провинціяхъ открылась еще моровая язва, державшаяся въ теченіе 15 м. и особенно свирѣпствовавшая въ Египтѣ и Сѣверной Африкѣ. Эта странная „черная смерть“ также ставилась въ вину, главнымъ образомъ, христіанамъ, какъ проявленіе гнѣва боговъ за оскорбленія, наносимыя имъ христіанами. Слѣдовательно, историческіе факты также благопріятствуютъ болѣе ранней датѣ Карѳагенскаго майскаго собора. Впрочемъ, Leclercq распространеніемъ чумы мотивируетъ и самое оживленіе религіозно-языческихъ церемоній: „en effet, Gallus, effrayé des progrès de l'epidémie espéra les conjurer en prescrivant l'accomplissement des sacrifices solonnels dans toutes les villes“. L'Afrique chrétienne I, 198 p.

ловкѣ важнѣйшаго источника собора—LVII (49) письма Кипріана къ Корнелію „о дарованіи мира падшимъ“. За епископскій составъ собора говоритъ, далѣе и чуть не каждая страница выше изслѣдованныхъ нами писемъ Кипріана, служащихъ источниками даннаго собора: мы то и дѣло встрѣчаемся въ нихъ съ такими выразительными указаніями, какъ „разсужденіе со многими товарищами“, отвѣтственность „епископовъ“ предъ Богомъ за неожиданную смерть непримиреннаго „падшаго“, „большая честь и слава для нашего епископства“ въ томъ, что мы облегчили положеніе будущихъ мучениковъ изъ числа lapsi, осужденіе Фелициссима „весьма многими епископами“, поставленіе лжеепископа Фортуната, „паперекоръ епископамъ“ (очевидно, засѣдавшимъ на соборѣ 252 г.), утвержденіе важности рѣшенія и суда „африканскихъ епископовъ“, постановившихъ свой приговоръ надъ еретиками и т. п. Такъ что главная, руководящая роль епископата на данномъ соборѣ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію и спору.

Было-бы, разумѣется, весьма важно попутно выяснить и то, изъ какихъ провинціальныхъ мѣстечекъ и городовъ собирались эти епископы, тѣмъ болѣе, что ключъ къ сему какъ будто-бы данъ въ самомъ перечнѣ ихъ. Но, къ глубокому сожалѣнію, перечень этотъ лишенъ самаго главнаго — указанія на каѳедры, а состоитъ изъ голаго списка латинскихъ именъ, къ тому-же еще и нерѣдко повторяющихся. Такъ что, если изъ подобнаго перечня и можно извлечь кое-какіе выводы, то лишь въ послѣдствіи, путемъ сравнительнаго сопоставленія его съ аналогичными перечнями отъ послѣдующихъ соборовъ, что мы и не приминемъ со временемъ сдѣлать [1]). А теперь принуждены пока ограничиться заявленіемъ, для котораго просимъ вѣры въ кредитъ, что всѣ эти епископы были „африканскими“, т. е. изъ ближайшей къ г. Карѳагену провинціи „Африки“, въ строгомъ смыслѣ слова (Africa Proconsularis).

Такое усиленное выдвиганіе Кипріаномъ одной *епископской* группы, безъ сомнѣнія, свидѣтельствуетъ и объ ея преимущественномъ положеніи на самомъ соборѣ, что стоитъ въ полномъ согласіи съ результатами того изслѣдованія, какое мы произвели въ одномъ изъ предыдущихъ отдѣловъ [2]), гдѣ предъ нами раскрылось

---

[1]) Въ особенности важно и показательно значеніе того, болѣе полнаго перечня епископовъ, съ обозначеніемъ ихъ каѳедръ, который данъ въ актахъ большаго осенняго собора 256 г. (Sententiae episcoporum). Изслѣдованію всего этого мы намѣрены посвятить одно изъ спеціальныхъ приложеній къ своей настоящей работѣ.

[2]) *См. выше,* стр. 469-ая и слѣд.

значеніе епископата, какъ главнаго органа откровенія Божественной воли. А то обстоятельство, что всѣ 42-а епископа пришли на соборъ изъ сосѣднихъ съ Карѳагеномъ церквей одной и той-же провинціи, достаточно опредѣляетъ и самый характеръ собора, какъ типичный, регулярный соборъ *одной провинціи*, собиравшійся въ излюбленный, послѣпасхальный срокъ. Однако здѣсь невольно встаетъ еще одинъ серьезнѣйшій вопросъ. Да имѣемъ-ли мы право считать соборъ 252 г. за типичный провинціальный соборъ, т. е. за такой, на которомъ происходило объединеніе пріѣзжихъ провинціальныхъ епископовъ съ мѣстной церковной общиной метрополя, въ лицѣ ея епископа, ея клира и вѣрнаго народа? Вѣдь, о клирѣ и народѣ источники не говорятъ намъ ничего. Поэтому, не лучше-ли считать этотъ соборъ особеннымъ, т. е. чисто епископскимъ, какимъ, повидимому онъ и выступаетъ въ источникахъ? На это мы можемъ дать только отрицательный отвѣтъ: никакихъ исключеній не надо, такъ какъ для нихъ нѣтъ вѣскихъ основаній, да нѣтъ въ нихъ и никакой потребности. Если во всѣхъ трехъ, вышеразсмотрѣнныхъ нами западныхъ соборахъ 251 г. (двухъ Карѳагенскихъ и одномъ Римскомъ) мы констатировали, болѣе или менѣе, ясные слѣды участія на нихъ клира и народа, то уже въ силу одного этого мы должны по тому-же образцу конструировать и составъ ближайшаго къ нимъ и по мѣсту, и по времени новаго Карѳагенскаго собора (252 г.). И мы съ тѣмъ бо́льшимъ правомъ можемъ провести такой знакъ равенства между двумя весенними Карѳагенскими соборами по ихъ составу, что, именно, въ источникѣ второго, т. е. нашего собора (252 г.), имѣется характерное свидѣтельство о составѣ перваго собора (т. е. собора 251 г.), гдѣ въ число членовъ собора опредѣленно включаются и всѣ, очевидно, карѳагенскіе пресвитеры съ діаконами: „и если число (numerus) тѣхъ, которые въ прошлый годъ (anno prioге) судили ихъ (Привата, Фелициссима и ихъ сообщниковъ), соединить съ *пресвитерами и діаконами* (cum presbyteris et diaconis); то при судѣ и разслѣдованіи присутствовало тогда (tunc adfuerunt) больше, чѣмъ сколько, повидимому, состоитъ ихъ теперь въ союзѣ съ Фортунатомъ“ [1]). Если „пресвитеры и діаконы“, т. е. клирики мѣстной общины метрополя, присутствовали на соборѣ 251 г. и участвовали „тогда“ въ судѣ собора надъ еретиками, то, разумѣется, нѣтъ никакихъ разумныхъ основаній исключать этихъ клириковъ „теперь“, изъ регулярнаго собора 252 г. Не упоминаетъ-же Кипріанъ объ этомъ просто потому, что въ такомъ упоминаніи не было никакой надобности: общее

[1]) *Ep.* LVIII, 15. 684. *P. n.* 47-ое, 266.

собраніе клира и народа мѣстной церкви составляло коренной и неизмѣнный нижній соборный пластъ, который всегда implicite мыслился въ самомъ понятіи церковно-провинціальнаго собора. Другое дѣло — верхній, епископскій пластъ собора: онъ подвергался постояннымъ измѣненіямъ и колебаніямъ со стороны своего объема и личнаго состава, почему о немъ и необходимо было каждый разъ говорить особо, съ большей опредѣленностью и ясностью.

IX.

Сомнительность существованія Карѳагенскаго собора 253 года.

Большинство церковныхъ историковъ и канонистовъ, изслѣдовавшихъ соборную эпоху Кипріана (251—256 г.), какъ-бы не желая ни одного года изъ указаннаго срока оставлять безъ собора, надѣляютъ таковымъ и 253-й годъ, обычно, называя данный соборъ „третьимъ Карѳагенскимъ соборомъ при еп. Кипріанѣ“. Такъ поступаютъ нетолько раннѣйшіе коллекціонеры соборовъ и издатели ихъ памятниковъ, какъ Hardouin [1]), Mansi [2]), Routh [3]) Migne [4]), но и такіе новѣйшіе ученые авторы, какъ Benson [5]), Monceaux[6]), Leclercq [7]) и др., считающіе источникомъ этого собора письмо Кипріана къ еп. Фиду [8]), а его предметомъ—обсужденіе одного частнаго случая изъ церковной практики „падшихъ“ и рѣшеніе спора о крещеніи младенцевъ. Довольно своеобразную позицію въ данномъ вопросѣ занимаетъ *Hefele*, который обсужденіе письма еп. Фида и разрѣшеніе поставленныхъ въ немъ вопросовъ считаетъ дѣломъ предыдущаго собора—252 г., а не собора 253-го года, относя къ нему (собору 252 г.) также и

[1]) *Hardouini* „Concilium Carthageniense III sub Cypriano, 253 anno (De infantibus baptisandis). *Index.*

[2]) *Mansi* „Opus cit.“ 899 p. Впрочемъ, Mansi здѣсь не ведетъ отдѣльной рѣчи о самомъ соборѣ, а только излагаетъ письмо Кипріана къ Фиду: „de infantibus baptisandis“, написанное отъ лица собора 66-ти епископовъ.

[3]) *Routh* „Op. cit.“ Carthageniense Concilium sub Cypriano tertium, anno. post Christum natum 253 habitum“ III t. 98—100 et „Annotationes“ 142—149 p.

[4]) *Migne* „Dictionnaire des Conciles“ I, 461 p. Paris 1846.

[5]) *Benson* „Third Council ef sixty-six bischops, who met Cyprian probably in September A. D. 253 an...“ Op. cit. 231 p. Ср. 224 p. n. 2 и 3. И еще его-же статью: „Cyprianus, in Dictionnary of Christian Biography und Litterature, p. 225, London 1911.

[6]) *Monceaux* „Histoire littéraire de l'Afrique chrétienne“ II t. 44 p. и 223 p.

[7]) *Leclercq* „L'Afrique chrétienne“ I, 170 p.

[8]) *Ep.* LXIII, 717—721. *P. n.* 46-ое, 246—249 стр.

все то, что и по общему мнѣнію, составляло работу даннаго собора, т. е. измѣненіе канона о lapsi и дѣло Привата съ Фелициссимомъ [1]). Благодаря этому, 253-й годъ у Hefele остается даже совсѣмъ пустымъ, незанятымъ никакимъ соборомъ. Наконецъ, почти противоположную ему позицію заняли здѣсь *Ad. Harnack* и *O. Ritschl*, которые, какъ мы видѣли [2]), всю общепризнаваемую работу собора 252 г. относятъ къ 253 году, оставляя черезъ то 252-ой годъ вовсе безъ собора, а собору 253-го года давая совершенно иное содержаніе, нисколько не совпадающее съ общепринятымъ представленіемъ о немъ.

Само собою понятно, что уже одно это почти полное разногласіе ученыхъ въ опредѣленіи не только хронологіи, но и самой работы, такъ называемаго, „третьяго Карѳагенскаго собора при еп. Кипріанѣ. 253-го года", мало благопріятствуетъ твердой исторической его установкѣ, и наоборотъ—широко открываетъ дверь различнымъ, вполнѣ законнымъ колебаніямъ и сомнѣніямъ на этотъ счетъ. Ближайшее-же ознакомленіе съ предполагаемыми источниками даннаго собора и обнаруженіе заключающихся въ нихъ историческихъ несообразностей и анахронизмовъ подрываетъ и послѣднюю вѣру въ дѣйствительность существованія такого собора. Оставляя въ сторонѣ одинокое мнѣніе Hefele (вѣрнѣе, б. м. Tillemont'a) и не касаясь уже разобраннаго нами выше взгляда Harnack'a и O. Ritschl'я, остановимся на томъ, наиболѣе принятомъ мнѣніи, которое за главнѣйшій источникъ собора 253 года принимаетъ отвѣтное письмо Кипріана Фиду, написанное отъ лица 66-ти епископовъ. Можно-ли названное письмо признать за написанное отъ лица собора 253-го года?—вотъ первый и самый главный вопросъ. Отрицательный отвѣтъ на него мы уже дали выше, когда вели рѣчь объ осеннемъ карѳагенскомъ соборѣ 251-го года, къ которому, вмѣстѣ съ Nelke, мы тогда и пріурочили соборное посланіе 66-ти епископовъ [3]). Теперь постараемся подкрѣпить ранѣе высказанное положеніе новыми аргументами, извлеченными главнымъ образомъ, изъ самаго текста даннаго письма.

Изъ содержанія письма 66-ти ясно видно, что соборъ долго и серьезно былъ занятъ (diu consiliu) разборомъ одного дисциплинарнаго случая изъ практики lapsi, въ которомъ проявилось довольно легкомысленное (praepropera festinatione) нарушеніе не-

[1]) *Hefele* Op. cit. I, 169—170 p. Повидимому Hefele ошибочно увлекся здѣсь подражаніемъ *Tillemont'y*, который допускаетъ ту-же самую путаницу. Op. cit. t. IV, p. 111.

[2]) *См. выше*, стр. 538-ая.

[3]) *См. выше*, стр. 438-ая и сл.

давно принятаго церковью (на соборѣ 251 г.) канона о падшихъ. И хотя, изъ уваженія къ епископскому престижу, соборъ оставилъ въ силѣ ранѣе допущенное послабленіе, однако виновному въ немъ епископу сдѣлалъ выговоръ и впушилъ ему воздерживаться отъ повторенія чего-либо подобнаго. Изъ анализа даннаго случая ясно, что покаянная дисциплина относительно lapsi была во время составленія разсматриваемаго соборнаго посланія еще *очень строга*, такъ что всякія ослабленія и поблажки считались преступленіемъ, восходившимъ даже до разбирательства на соборѣ. Но теперь намъ уже достовѣрно извѣстно, что въ такомъ положеніи дисциплина lapsi находилась лишь въ самое первое время, до майскаго собора 252 года, на которомъ, какъ мы знаемъ, она была серьезно смягчена и ослаблена. По измѣненному канону послѣдняго собора, всѣ lapsi, за исключеніемъ только нераскаянныхъ, подлежали въ сравнительно короткій срокъ обратному пріему въ церковь, въ виду близости ожидавшаго гоненія (галлова). Слѣдовательно, тотъ случай, который послужилъ предметомъ разбирательства и косвеннаго осужденія на соборѣ 66-ти епископовъ, съ точки зрѣнія Карѳагенскаго собора 252 г. а равно и всѣхъ послѣдующихъ, заслуживалъ-бы не порицанія, а скорѣй похвалы, такъ какъ онъ вполнѣ отвѣчалъ духу новой, болѣе смягченной тактики церкви въ дѣлѣ lapsi. Если-же, какъ это съ очевидностью вытекаетъ изъ текста отвѣтнаго соборнаго письма, данный случай попалъ подъ строгое замѣчаніе собора, то это ясный знакъ того, что онъ имѣлъ мѣсто *до* рѣшенія церкви смягчить первоначальную строгость своего канона о lapsi, *т. е. раньше майскаго собора 252 года*. Такимъ образомъ, та трактовка дѣла „падшихъ", которая дана въ письмѣ къ еп. Фиду отъ имени собора 66-ти епископовъ, рѣшительно не позволяетъ относить ея къ 253 году, т. е. ко времени послѣ собора 252 г. А слѣдовательно и самый соборъ 66-ти мы обязываемся поставить *не послѣ* 252 г. а непремѣнно *прежде* его, считая наиболѣе вѣроятной его датой осень 251-го года, что и доказывалось нами выше [1]).

Существуетъ въ текстѣ письма 66-ти и еще одинъ, повидимому, довольно мелкій, но, на самомъ дѣлѣ, очень характерный штрихъ. Это, именно,—отягченіе вины еп. Ѳерапія тѣмъ,

[1]) *См. выше*, стр. 438-ая и слѣд. Оспаривая мнѣніе Ritschl'я, и Benson'a изъ которыхъ первый относитъ письмо 66-ти къ 252 г., а второй даже къ 253 г. *Nelke* говоритъ: „уже и въ 252 г. не нужно было никакого „долгаго обсужденія", потому что тогда *всѣ*, а слѣдовательно sacrificati и turificati, были допущены къ церковному общенію". *Op. cit.* 66 s. n. 4.

что миръ павшему пресвитеру онъ даровалъ „при отсутствіи какой-бы то ни было настоятельной немощи и нудящей необходимости“. (sine... nulla infirmitate urgente ac necessitate cogente) [1]). Но въ устахъ членовъ собора 253 года подобная ссылка была-бы совершенно неумѣстна, такъ какъ въ это время въ Карѳагенѣ сильно свирѣпствовала эпидемія чумы, которая, въ силу своей внезапности и быстротечности, передъ каждымъ „падшимъ“ неизбѣжно ставила вопросъ о всегдашней близости смертельной „немощи и нудящей необходимости“. Равнымъ образомъ, къ этому времени успѣли уже обнаружиться неоднократные примѣры и тѣхъ народно-правительственныхъ гоненій, напряженнымъ ожиданіемъ которыхъ были продиктованы послабленія майскаго собора 252 г. Слѣдовательно, если письмо 66-ти, хоть и въ отрицательной формѣ, но все-же говоритъ о глубокомъ мирѣ, то ясно, что оно не усчитываетъ еще фактовъ моровой язвы и гоненія Галла, послѣдовавшихъ годомъ, или даже двумя, позже него и чувствительно затронувшихъ интересы церковнаго мира.

Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ *Nelke* [2]), впервые обратившимъ серьезное вниманіе на самое содержаніе письма 66-ти епископовъ, мы рѣшительно не находимъ возможнымъ относить его къ 253 году и считать за источникъ свѣдѣній объ этомъ соборѣ, потомучто въ такомъ случаѣ оно было-бы полно самыхъ грубыхъ историческихъ несообразностей и анахронизмовъ. Въ дѣйствительности-же, какъ мы это выше уже и видѣли, письмо 66-ти написано въ промежутокъ между двумя весенними Карѳагенскими соборами—251 и 252 года, вѣроятнѣе всего, какъ-либо осенью 251 года, по окончаніи втораго Карѳагенскаго собора этого года.

Monceaux [3]) и Leclercq [4]) гадательно указываютъ и еще одинъ источникъ для собора 253-го года—это, именно, поздравительное письмо еп. Кипріана, адресованное ко вновь избранному римскому папѣ Луцію, по случаю его благополучнаго возвращенія изъ ссылки [5]). Что письмо это написано Кипріаномъ не единолично, а исходитъ отъ цѣлой объединенной группы, это несомнѣнно, и яснѣе всего открывается изъ его вступленія и заключенія. Въ первомъ мы читаемъ: „Кипріанъ съ товарищами брату Луцію желаетъ здоровья“... А во второмъ: „Я, мои товарищи и все братство, посылаемъ къ

[1]) *Ep.* LXIII, 1, 717 p. *P. n.*—46-ое, 246 стр.
[2]) *Nelke* „Op. cit.“ 66—67 s.
[3]) *Monceaux*—44, 48 и 256 p.p.
[4]) *Leclercq* „Chronologie des conciles de Carthage“ Appendice III. *Hefele* „Histoire de conciles“ I, II, 1105.
[5]) *Ep.* LXI, 1, 695 sq. *P. n.* 51-ое, 291 и сл.

вамъ, возлюбленнѣйшій братъ, это письмо, вмѣсто себя“... [1]) Исходя изъ этого Leclercq, напримѣръ, и строитъ такую аргументацію. Коль скоро поздравительное письмо Кипріана написано имъ отъ лица „коллегъ“ и „всего братства“, то ясно, что оно—соборнаго происхожденія. Но соборы въ Карѳагенѣ обычно никогда раньше пасхи не составлялись. О папѣ-же Луціи достовѣрно извѣстно, что онъ былъ избранъ на каѳедру 25-го іюня 253 года, а умеръ 5-го марта 254 года [2]). Далѣе, какъ видно изъ анализа соборнаго Карѳагенскаго посланія, оно было уже не первымъ, а по меньшей мѣрѣ, вторымъ: „недавно, когда Господь удостоилъ почтить тебя сугубою честью въ дѣлѣ служенія церкви своей, содѣлавъ и исповѣдникомъ и священникомъ, *мы привѣтствовали тебя* (gratulati sumus), возлюбленный братъ“ [3]). Слѣдовательно, анализируемое нами, назовемъ его условно, *второе* письмо къ Луцію не могло быть написано раньше конца іюля 253 г. тѣмъ болѣе, что оно было отправлено къ Луцію послѣ того, какъ окончилась его ссылка. А такой срокъ, разумѣется, былъ-бы слишкомъ позднимъ для весенняго собора 253 г., который обычно заканчивался въ серединѣ іюня. Но соборъ, поздравлявшій Луція съ возвращеніемъ изъ ссылки не могъ быть и весеннимъ соборомъ слѣдующаго, 254-го года, потомучто въ началѣ марта этого года папа Луцій уже скончался, а соборъ могъ состояться только послѣ пасхи, т. е. не раньше конца апрѣля. Ясно, выводитъ изъ всего этого Leclerqc, что соборъ, поздравлявшій папу, могъ происходить только осенью 253 года.

Въ этой аргументаціи хорошо все, кромѣ одного—что она нисколько не устанавливаетъ и не доказываетъ самаго факта собора 253 г. Она сама отправляется отъ него, какъ отъ чего-то уже безспорно даннаго, и только занята лишь тѣмъ, чтобы подыскать для собора болѣе подходящее время (именно, осень). Въ этой части аргументаціи Leclercq'а мы охотно соглашаемся съ ней, т. е. также признаемъ, что LXI—(51-ое) письмо Кипріана къ Луцію написано осенью, или зимой 253-го года. Но мы рѣшительно расходимся съ авторомъ въ признаніи того, отъ лица какого, именно, Карѳаг. собора это письмо было послано? Leclerqc (а также и Monceaux) повидимому убѣждены, что письмо исходило отъ лица *большаго, провинціальнаго собора*, бывшаго осенью 253 г. Мы же утвер-

[1]) *Ep.* LXI, 1, 695: Cyprianus cum collegis Lucio fratri s... 4, 697: „ego, et collegae et fraternitas omnis has ad uos litteras mittimus, frater carissime... *P. n.* 51-ое, 291 и 293.
[2]) *Lipsius* „Chronol. der römischen Bischöfe“, 211 s.
[3]) *Ep.* LXI, 1, 595. *P. n.* 51-ое, 291.

ждаемъ, что оно исходило отъ лица *малаго, мѣстнаго* собора одной только Карѳагенской церкви. Противъ перваго утвержденія, т. е. противъ отождествленія этого собора съ провинціальнымъ мы выдвигаемъ два главныхъ отрицательныхъ аргумента: во-первыхъ, тотъ, что здѣсь нѣтъ выразительнаго и яснаго указанія на многихъ, чужихъ епископовъ, что является безусловно необходимой чертой провинціальнаго собора. Въ особенности непонятно и необъяснимо было-бы подобное умолчаніе въ устахъ еп. Кипріана, котораго, какъ мы знаемъ, скорѣй можно упрекнуть въ противоположномъ—т. е. въ излишнемъ выдвиганіи епископской группы, чуть-ли даже не въ ущербъ всѣмъ остальнымъ. На самомъ дѣлѣ, вѣдь, всякій разъ, когда Кипріанъ говоритъ отъ имени большаго провинціальнаго собора, онъ непремѣнно упоминаетъ о своихъ коллегахъ—„епископахъ", говоритъ иногда о тѣхъ областяхъ, изъ которыхъ они приходили, а нерѣдко даетъ и поименный перечень епископовъ-членовъ собора. А во-вторыхъ, если бы это поздравительное письмо, дѣйствительно, исходило отъ того провинціальнаго осенняго собора 253 г., на которомъ было редактировано и письмо еп. Фиду, то крайне трудно, почти невозможно допустить, чтобы въ соборномъ письмѣ къ римскому епископу,—пусть даже и поздравительномъ,—отсутствовалъ-бы всякій намекъ на дѣловую сторону соборной работы, тѣмъ болѣе, что она вовсе не была настолько малозначущей, чтобы не заслуживать упоминанія: въ ней, какъ разъ, затрагивался тотъ самый крещальный вопросъ, которому позднѣе суждено было стать главнымъ пунктомъ спора Рима съ Карѳагеномъ, (хотя и въ существенно иномъ его объемѣ).

Наоборотъ, въ защиту своего утвержденія—что письмо написано отъ лица малаго собора только одной карѳагенской общины,—мы можемъ сослаться на два солидныхъ, положительныхъ аргумента: это, во-первыхъ, на общій тонъ письма, изъ котораго достаточно ясно, открывается, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ письмомъ одной общины къ другой—карѳагенской къ римской. Въ этомъ отношеніи особенно характерно сопоставленіе тѣхъ мѣстъ текста, изъ которыхъ выясняется, кто и къ кому писалъ: „Кипріанъ съ товарищами брату Луцію... *я, мои товарищи и все братство*... мы привѣтствуемъ *тебя, твоихъ спутниковъ и все братство*..." [1]) Ясно, что здѣсь выдержана полная параллель между авторами письма и его адресатами: съ одной, карѳагенской стороны,—епископъ

[1]) *Ep.* LXI, 1, 695: Cyprianus cum collegis Lucio fratri s... 697: ego et collegae et fraternitas... 695, 1: tibi et comitibus tuis adque uniuersae fraternitati". *P. n.* 51, 291 и 293.

(Кипріанъ), его товарищи и братство, съ другой—также епископъ (Луцій), его товарищи, или спутники и тоже братство. Отсюда, если въ карѳагенскихъ отправителяхъ письма мы захотѣли-бы видѣть членовъ провинціальнаго собора, то и въ римскихъ получателяхъ этого письма должны были-бы усматривать то-же самое. Но, насколько извѣстно, къ римскимъ адресатамъ никто такой соборно-провинціальной мѣрки не прилагаетъ. Слѣдовательно, простая аналогія обязываетъ насъ не прилагать ее и къ карѳагенскимъ отправителямъ. Во-вторыхъ, какъ-бы для того, чтобы окончательно устранить всякую гипотезу о междуцерковномъ союзѣ (чѣмъ былъ-бы провинціальной соборъ), Кипріанъ въ самомъ текстѣ этого письма выясняетъ понятіе о церкви, и именно, несомнѣнно, только о *мѣстной* церкви, такъ какъ говоритъ лишь объ *одномъ* епископѣ, окружающихъ его пресвитерахъ и согласномъ съ ними вѣрномъ народѣ. Слѣдовательно, здѣсь мы имѣемъ дѣло лишь съ перепиской *мѣстныхъ* церквей, и потому, если можно говорить о соборѣ, то только о маломъ соборѣ, мѣстно-церковной карѳагенской общины, обратившейся съ частнымъ привѣтствіемъ къ другой, сосѣдней церковной общинѣ, находившейся съ ней въ дружественно-благожелательныхъ отношеніяхъ. Такимъ образомъ, весной 253-го года обычнаго провинціальнаго собора не могло быть, какъ это убѣдительно доказалъ выше и Leclercq, а осенью его не было потому, что тогда происходилъ только „мѣстный" соборъ.

Наконецъ, противъ возможности провинціальнаго собора 253 г. рѣшительно говорятъ и тогдашнія церковно- политическія обстоятельства. 253-й годъ, какъ мы неразъ ужъ отмѣчали, былъ годомъ разгара чумной эпидеміи въ Карѳагенѣ и сѣверной Африкѣ [1]). При такомъ бѣдственномъ положеніи народа, едва-ли бы пастыри церкви, хотя бы даже только на одинъ-два мѣсяца, рѣшились-бы покинуть свои паствы и уѣхать въ Карѳагенъ на соборъ: они ежедневно, чуть-ли не ежечасно нужны были на мѣстахъ: то для напутствія умирающихъ, то для подкрѣпленія и ободренія остававшихся въ живыхъ. Не забудемъ, что епископы мѣстныхъ церквей фактически стояли тогда еще очень близко къ своей паствѣ и напоминали, скорѣй, нашихъ приходскихъ пастырей, такъ что въ жизни каждаго города-прихода все болѣе важное проходило тогда черезъ руки епископа и совершалось лично имъ самимъ. Да обратимъ, вниманіе, нако-

[1]) „Grosse Strecken des Römerreiches, insbesondere auch Karthago und seine Umgebung, wurden 252—254 von einer furchtbaren Pest verwüstet, und das Edict des Kaiser Gallus und Volusianus, welche zur Abwendung der Seuche allgemeine Opfer anordnete (Ep. 59, 6) gab zu einer neuen Christenverfolgungen Anlass". *O. Berdenhewer* II, 400. Срав. *Monceaux* Op. cit. II, 204.

нецъ, и на то, что вѣдь, 253-й годъ—годъ серьезныхъ правительственныхъ и общественныхъ вспышекъ противъ христіанъ [1]), обрушивавшихся, прежде всего и преимущественно на главъ христіанскаго общества [2]), былъ крайне неблагопріятенъ для многочисленныхъ и сравнительно торжественныхъ собраній этихъ самыхъ церковныхъ главъ. Собираться въ такое тревожное время—не значило-ли бы лишь еще больше, и безъ особенной въ томъ нужды, раздражать язычниковъ и устраивать, такъ сказать, добровольную ловушку для тѣхъ, кого языческое общество считало главными своими врагами и кого оно получало-бы возможность особенно легко и удобно захватить, благодаря собору? Подобное, явно неосторожное, даже какъ бы вызывающее поведеніе христіанъ, никогда не было въ духѣ и характерѣ истиннаго православія, чуждаго всякой экзальтаціи и фанатизма. Изъ личнаго примѣра Кипріана мы можемъ видѣть, что христіане, иногда предпочитали даже укрываться, чтобы не усиливать опаснаго раздраженія гонителей. Въ частности, по отношенію къ соборамъ, мы въ письмахъ Кипріана отъ 250—251 г. находимъ цѣлый рядъ вполнѣ опредѣленныхъ заявленій, что въ эпохи гоненій устройство церковныхъ соборовъ считалось дѣломъ несвоевременнымъ и невозможнымъ, и они обычно откладывались до конца гоненій и наступленія лучшихъ дней церковнаго мира и покоя [3]). А такъ какъ 253-й годъ, повторяемъ, былъ, во всякомъ случаѣ, очень тревожнымъ для африканскихъ церквей, то мы не можемъ допустить даже и апріорной возможности устройства въ теченіе его церковнаго собора въ Карѳагенѣ.

Итакъ, выраженное нами въ заголовкѣ настоящаго отдѣла „сомнѣніе“ въ устройствѣ провинціальнаго собора въ Карѳагенѣ въ 253 году переходитъ теперь почти въ полное убѣжденіе, что ни весной, ни осенью этого года въ Карѳагенѣ обычнаго провинціальнаго собора не было, да и быть не могло, въ виду тревожныхъ обстоятельствъ того времени, обусловленныхъ развитіемъ чумы и вспышками народно-правительственныхъ гоненій. Обсужденіе-же тѣхъ недоумѣній,—случая изъ дисциплинарной практики lapsi и вопроса о крещеніи младенцевъ,—которые нѣкоторыми относятся къ предполагаемому собору 253-го года, въ дѣйствительности, имѣло мѣсто значительно раньше, на осеннемъ соборѣ 251-го года, какъ это выяснялось у насъ выше [1]).

[1]) *Ad. Harnack* „Sommer 252 bis Sommer 253 Verfolgungen des Gallus“. ChAL, II, 368 s.

[2]) Такъ было по указу Декія Траяна, дѣйствіе котораго снова возстановлено при Галлѣ. Въ качествѣ фактическихъ примѣровъ, укажемъ на преслѣдованія двухъ римскихъ папъ—Корнелія и преемника его Луція, а также и на грозные крики церковной толпы „Cyprianum ad leonem“! *Ep.* LVIII, 6, 673 p.

[3]) *Ep.* XXXIII, 3, 570 p. *P. n.* 18-oe, 142—143 стр. *Ep.* XLIII, 4, 593. *P. n.* 43-ье, 191 стр. Сравни: *Дюшенъ:* „соборъ (Карѳ.) превратился въ регулярное учрежденіе. Изъ посланій св. Кипріана видно, что *за исключеніемъ эпохъ гоненій* (курс. нашъ), онъ засѣдалъ ежегодно по крайней мѣрѣ разъ въ годъ, весной, а иногда еще и осенью“. Ист. древн. церкви I, 282 стр. А 253-й годъ и принадлежалъ, именно, къ такимъ исключительнымъ годамъ.

X.

Четвертый Карѳагенскій соборъ при Кипріанѣ (осенью 254 г.).

Прошелъ и тревожный, въ особенности для западнаго христіанскаго міра, 253-й годъ. И хотя онъ, къ счастію, не оправдалъ тѣхъ мрачныхъ ожиданій и предчувствій, которыя у большинства христіанъ съ нимъ соединялись [2]), однако унесъ все-же немало христіанскихъ жизней, погибшихъ то отъ чумы, то отъ народно-правительственныхъ гоненій. Довольно указать хотя-бы на то, что жертвами этого времени пали въ Римѣ два слѣдовавшихъ другъ за другомъ епископа—Корнелій и Луцій [3]), а въ Карѳагенѣ—мученики Рогаціанъ, Фелициссимъ и значительное число мужей, женъ и дѣтей, даже и изъ числа lapsi, которые тѣмъ самымъ вполнѣ реабилитировали себя и показали достойными милости, оказанной имъ на предшествовавшемъ майскомъ соборѣ 252 г.

Но вскорѣ общественно-политическій горизонтъ для христіанъ снова прояснился и наступилъ для нихъ періодъ почти полнаго мира и покоя, продолжавшійся не меньше трехъ лѣтъ. Въ междуусобной борьбѣ съ своимъ соперникомъ Эмиліаномъ осенью 253-го года погибъ императоръ Галлъ и на престолъ войсками былъ посаженъ одинъ изъ популярнѣйшихъ военачальниковъ — Публій Лициній Валеріанъ [4]). Это былъ умный, хитрый и коварный

[1]) *См. стр.* 445 и сл.

[2]) *Ad. Harnack:* „Die Verfolgungen scheinen überall mässige gewesen zu sein und die Vorahnungen des Cyprian (epp. 57. 58), dass die decianischen übertreffen würden, getäuscht zu haben“. Gallus, Kaiser, in RE³, 6, 360, 44—45. Ср. *Ep.* LX, 5, 694. *P. n.* 50-oe, 291 стр. Ср. также *Nelke* „Op. cit.“ 82.

[3]) Корнелій † въ концѣ Іюня 253 г., а Луцій † 5 Марта 254 г. *Lipsius* „Op. cit. 211—212. Ср. *Seefedler* „Zur Chronologie der Päpste Kornelius und Lucius“ (Theol. Quartalsch. LXXIII, 68—94 p. 1891).

[4]) „Valerianus, römischer Kaiser“ RE², 20, 420. *(Victor Schultze).* Впрочемъ

ный политикъ. Въ послѣдствіи онъ оказался однимъ изъ наиболѣе лютыхъ гонителей христіанъ. Но на первыхъ порахъ онъ заявилъ себя не только вполнѣ терпимымъ, но какъ-бы даже покровителемъ христіанъ, такъ что о началѣ его правленія Евсевій нашелъ нужнымъ даже отмѣтить, что „ни одинъ изъ предшествовавшихъ государей, не исключая и тѣхъ, которые явно считались христіанами (разумѣются, вѣроятно, Филиппъ Аравитянинъ и б. м. еще Александръ Северъ, за ихъ широкій религіозный экклектизмъ), не былъ къ нимъ столь благосклоненъ и снисходителенъ... весь домъ его наполнялся людьми благочестивыми и былъ какъ-бы церковью Божіею *(καὶ ἦν ἐκκλησία θεοῦ)*“ [1]). На ряду съ этимъ ослабла и вторая, общественно-народная причина гоненія—озлобленіе язычниковъ на христіанъ за ихъ мнимую вину въ развитіи чумной эпидеміи. Геройское поведеніе христіанъ во время этого тяжелаго народнаго бѣдствія, ихъ самоотверженный уходъ за брошенными на произволъ судьбы заразными больными и ихъ широкая благотворительность, не различавшая своихъ отъ чужихъ, радикально измѣнили взглядъ язычниковъ на христіанъ и снискали имъ общую любовь и уваженіе, смѣнившія прежнюю подозрительность и злобу [2]). Такимъ образомъ, христіане получили относительную безопасность и со стороны правительства и со стороны общества и могли снова, и даже еще болѣе безпрепятственно, заняться устройствомъ своихъ внутреннихъ дѣлъ.

Поэтому, въ 254-омъ году мы снова наблюдаемъ возобновленіе въ Карѳагенѣ обычая регулярныхъ соборовъ, изъ представителей африканскихъ церквей. Полныхъ и подробныхъ актовъ этого собора не дошло до насъ. Но въ перепискѣ Кипріана сохранилось документальное извѣстіе объ одномъ, быть можетъ, самомъ главномъ дѣлѣ Карѳагенскаго собора этого года. Мы имѣемъ въ виду „письмо къ клиру и народу испанскому о Василидѣ и Марціалѣ“, написанное отъ лица тридцати семи, поименно перечисленныхъ въ самомъ заголовкѣ письма, епископовъ [3]). Изъ

Aubé приводитъ серьезныя основанія въ пользу того, что все это произошло не въ концѣ 253 г., а въ началѣ 254-го года. Op. cit. p. 292, n. 1 и 2.

[1]) *Euseb.* VII, 10, 650 s. *Евсев.* VII, X, 408 стр.

2) *Vita* Caecilii Cypriani, 9—10. Ed. Hartel, III, Appendix XCIX—XCX p. О томъ же свидѣтельствуютъ и написанные около сего времени два подлинныхъ трактата Кипріана „о смертности“ (de mortalitate) и „о благотвореніи“ (de opere et eleemosynis) Hartel, I, 297 p. 373 p. *P. n.* 2 ч. 250 и 268 стр.

[3]) Городъ Leon-Astorga лежалъ въ сѣверо-западной части Испаніи и выросъ, какъ полагаетъ Mommsen, изъ мѣста стоянки римскаго гарнизона—legio septima—Römische Geschichte, V, 59 p.

содержанія настоящаго соборнаго посланія видно, что оно явилось, въ качествѣ отвѣта на запросъ испанскихъ церквей, какъ имъ выйдти изъ одного крайне непріятнаго и тяжелаго затрудненія, возникшаго на почвѣ дѣла lapsi? Самыя обстоятельства этого дѣла, поскольку они раскрыты въ письмѣ, состояли въ слѣдующемъ. Еще въ предыдущее гоненіе Декія епископы двухъ довольно видныхъ испанскихъ церквей—Василидъ, еп. города Леона-Асторга и Марціалъ, еп. г. Мериды [1]) не устояли въ христіанствѣ и пали, вмѣстѣ со своими церквами. Повидимому, они были только „либеллятиками“, такъ какъ въ соборномъ письмѣ Кипріана называются „осквернившими себя идолопоклонническими *записями*“ (libellis idolatriae conmaculatos) [2]). Но эта, сравнительно еще не особенно тяжкая вина, осложнялась у нихъ и общимъ невысокимъ ихъ моральнымъ состояніемъ, съ явно выраженнымъ наклономъ въ сторону не только чисто бытоваго, но даже и политическо-религіознаго общенія съ язычниками [3]). Всѣ эти вины, разумѣется, должны были лишить названныхъ епископовъ ихъ каѳедръ, причемъ Василидъ подтвердилъ такое лишеніе и добровольнымъ собственнымъ отреченіемъ отъ сана. По канону о lapsi, согласно утвержденному на соборахъ въ Карѳагенѣ, Римѣ и Антіохіи, падшіе испанскіе епископы, хотя снова и были приняты въ ихъ церкви, но лишь на положеніи простыхъ мірянъ. А на ихъ епископскія каѳедры были избраны другіе, достойные кандидаты, въ лицѣ, какъ думаютъ, Феликса и Сабина [4]). Вскорѣ, однако, „падшіе“ честолюбцы—Василидъ и Марціалъ,—не пожелавъ довольствоваться скромной ролью простыхъ мірянъ, заявили претензію на свое прежнее, епископское положеніе. По крайней мѣрѣ, изъ письма Кипріана это достовѣрно извѣстно про Василида: именно, что онъ поѣхалъ въ Римъ, къ вновь избранному папѣ Стефану и обманнымъ образомъ добился у него согласія на свои происки. Примѣръ Василида, конечно, не могъ не вызвать подража-

[1]) Городъ Merida=Emerita Augusta, въ провинціи Лузитаніи, на среднемъ теченіи рѣки Гвадіаны.

[2]) *Ep.* LXVII, 1, 735 p. *P. n.* 56-ое, 314 стр.

[3]) „Василидъ, впавшій въ болѣзнь, богохульствовалъ (in Deum blasphemauerit), а Марціалъ долго и часто посѣщавшій гнусныя пиршества язычниковъ, при публичномъ дѣлопроизводствѣ засвидѣтельствовалъ передъ двухсотеннымъ начальникомъ, что онъ держался идолопоклонства и отвергалъ Христа. Много есть и другихъ тяжкихъ преступленій, въ которыхъ Василидъ и Марціалъ замѣшаны“. *Ep.* LXVII, 6. 740. *P. n.* 56-ое, 318 стр.

[4]) Такъ заключаютъ, главнымъ образомъ, на томъ основаніи, что, эти два епископа, какъ особенно заинтересованные, явились на Карѳ. соборъ даже и лично. *Ep.* LXVII, 1, 735. *P. n.* 56-ое, 314 стр.

нія и у его коллеги—Марціала. Тѣмъ болѣе, что и у того и у другого нашлись сторонники, согласившіеся признать ихъ законно возстановленными, а наоборотъ, новыхъ ихъ замѣстителей—незаконно возведенными. Однимъ словомъ, въ двухъ испанскихъ церквахъ возникъ форменный епископскій расколъ, при нѣкоторомъ, косвенномъ участіи и римской церкви. Однако значительная часть благомыслящаго клира и народа испанскихъ церквей не захотѣла мириться съ такимъ явнымъ нарушеніемъ церковныхъ правилъ, недавно только что выработанныхъ и одобренныхъ на цѣломъ рядѣ соборовъ. Вотъ эти-то поборники правильно понятыхъ церковныхъ интересовъ и рѣшили предоставить свой споръ авторитетному суду ближайшаго-же очереднаго собора въ Карѳагенѣ. Съ этой цѣлью и снарядили на африканскій соборъ особое посольство изъ епископовъ—Феликса и Сабина, снабдивъ ихъ соотвѣтствующими письмами, какъ отъ клира и народа пострадавшихъ церквей, такъ и отъ нѣкоторыхъ сосѣднихъ испанскихъ епископовъ, безпристрастно излагавшихъ всю исторію данной церковной смуты [1]).

Карѳагенскій соборъ 254 г. горячо принялъ къ сердцу дѣло испанскихъ церквей и энергично поддержалъ ихъ. Вѣдь, здѣсь, не касаясь даже общей моральной характеристики Василида и Марціала, допущено было очевидное и вопіющее нарушеніе церковнаго канона о „падшихъ“, по ясному смыслу котораго каждый падшій клирикъ, хотя-бы онъ былъ только „либеллятикъ“, уже навсегда утрачивалъ право на какое-бы то ни было мѣсто въ клирѣ, тѣмъ болѣе, конечно, на отвѣтственный постъ епископа — главы и руководителя своей церкви. И что особенно важно, канонъ этотъ нетолько подробно былъ разработанъ на соборахъ сѣверо-африканской церкви, но всецѣло принятъ также и соборомъ римской церкви, бывшимъ въ 251 г. при еп. Корнеліи, на что съ особеннымъ удареніемъ указываетъ въ своемъ письмѣ и Кипріанъ [2]). Поэтому поведеніе римской церкви, или, собственно ея новаго предстоятеля—еп. Стефана, становилось совершенно непонятнымъ и непослѣдовательнымъ. И хотя Кипріанъ ни однимъ словомъ прямо не обвиняетъ здѣсь Стефана въ

[1]) Одинъ изъ такихъ епископовъ опредѣленно указанъ въ отвѣтномъ письмѣ Кипріана, это—„Феликсъ изъ Цезаравгусты, ревнитель вѣры и защитникъ истины“. *Ep.* LXVII, 6, 740. *P. n.* 56-ое, 318 стр.

[2]) „Еще прежде товарищъ нашъ Корнелій, священникъ миролюбивый и праведный... вмѣстѣ съ нами и *всѣми вообще, поставленными повсюду, епископами,* опредѣлилъ—допускать подобныхъ людей (т. е. клириковъ) къ принесенію покаянія, но съ запрещеніемъ поступать имъ въ клиръ и носить священническій санъ“. *Ep.* LXVII, 6, 741 p. *P. n.* 56-ое, 319 стр.

попустительствѣ расколу, но косвенно онъ очень чувствительно его задѣваетъ, когда приводитъ цѣлый рядъ опредѣленныхъ цитатъ изъ св. Писанія и сопровождаетъ ихъ такимъ комментаріемъ: „Писаніе ясно подтверждаетъ, что заслуживаютъ смерть и наказаніе нетолько тѣ, которые худо дѣлаютъ, но и тѣ, которые такъ дѣлающихъ одобряютъ“ [1]), ибо послѣдніе становятся полными сообщниками первыхъ и, слѣдовательно, раздѣляютъ ихъ участь. Впрочемъ, ближайшимъ образомъ, подъ преступными сообщниками здѣсь, очевидно, разумѣются тѣ испанскіе смутьяны, которые держали сторону Василида и Марціала [2]).

Въ виду полной ясности и безспорности даннаго дѣла, Карѳагенскій соборъ нестолько, повидимому, разоблачалъ неосновательность вздорныхъ претензій низложенныхъ епископовъ, сколько утверждалъ законность и правильность выборовъ лицъ, поставленныхъ на ихъ мѣста. Вотъ почему, разсматриваемое посланіе заключаетъ въ себѣ также и очень цѣнный матеріалъ по вопросу объ епископскихъ выборахъ въ древней церкви [3]). Заключается

[1]) *Ibidem,* 9, 743 p. *P. n. Тамъ-же,* 321 стр.

[2]) Это тѣмъ болѣе справедливо, что въ письмѣ Кипріана имѣются и такія, смягчающія вину папы Стефана строки: „при этомъ мы должны нестолько обвинять того, кто по неосторожности вдался въ обманъ (neglegenter obreptum est, „по небрежности былъ обманутъ“), сколько гнушаться тѣмъ, кто обманулъ такъ коварно“. *Ep.* LXVII, 5, 740. *P. n.* 56-ое, 318.

[3]) Отчасти, этотъ матеріалъ мы уже использовали выше, см. стр. 504-ую. Здѣсь-же приведемъ свидѣтельство о самомъ процессѣ выборовъ, гдѣ особенно выразительно и ясно проведено различіе между ролью сосѣднихъ, провинціальныхъ епископовъ, призванныхъ совершить правильную епископскую „ординацію, или хиротонію“ и ролью „всего братства мѣстной церкви“ (т. е. ея клира и народа), которое и *предварительно* намѣчало желаемаго кандидата и *окончательно* голосовало за него. *Ep.* LXVII, 5, 739: „Propropter quod diligenter de traditione diuina et apostolica obseruatione seruandum est et tenendum quod apud nos quoque et fere per prouincias uniuersas tenetur, ut ad ordinationes rite celebrandas ad eam plebem cui praepositus ordinatur episcopi ejusdem prouinciae proximi quique conueniant et episcopus deligatur plebe praesente, quae singulorum uitam plenissime nouit et uniuscuisque actum de eius conuersatione perspexit, quod et apud uos factum uidemus in Sabini collegae nostri ordinatione, ut de *uniuersae fraternitatis suffragio et de episcopum* (к. н.) („по голосованію всего братства и епископовъ“, а не „съ согласія всего братства *и по опредѣленію* епископовъ“, какъ интерполировано въ русскомъ кіевскомъ переводѣ—56-ое п. 317 стр.). Да и цѣлый рядъ приведенныхъ въ текстѣ письма ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ примѣровъ имѣетъ прямой своей цѣлью доказать важность и необходимость самаго активнаго участія всей мѣстной паствы въ выборѣ себѣ предстоятеля, участія, лишь контролируемаго сосѣдними епископами. Только такое избраніе епископа iusta et legitima, quae *omnium* suffragio et iudicio fuerit examinata, причемъ, какъ это ясно изъ ближайшаго-же контекста, подъ этими „всѣми“

настоящее посланіе похвалой испанскимъ церквамъ за ихъ „благочестивую заботливость и непорочность въ вѣрѣ“ и увѣщаніемъ всячески стропиться отъ какого-бы то ни было „святотатственнаго общенія съ нечестивыми, запятнавшими себя священниками“, т. е. Василидомъ и Марціаломъ и ихъ сообщниками.

Разсмотрѣнное нами соборное письмо Кипріана къ испанскимъ церквамъ—это единственный памятникъ дѣятельности Карѳагенскаго собора 254 года. На вопросъ, занимался названный соборъ чѣмъ-либо еще, по отсутствію другихъ данныхъ, мы, къ сожалѣнію никакого отвѣта дать не можемъ. Однако едва-ли все же правы тѣ авторы, которые,—какъ напр. Hefele,—дѣло испанскихъ церквей считаютъ чуть-ли не единственнымъ предметомъ собора и, именно, ему, какъ поводу, приписываютъ даже и самый созывъ собора [1]). Не естественнѣе-ли думать, что соборъ 254 г. былъ обычнымъ, очереднымъ соборомъ африканскихъ церквей, собиравшимся для обслуживанія мѣстныхъ церковныхъ нуждъ? Тѣмъ болѣе, что нѣкоторое основаніе для такого предположенія можно находить и въ самомъ текстѣ письма, гдѣ, между прочимъ, говорится: „*собравшись вмѣстѣ*, мы прочли ваше письмо, любезнѣйшіе братья“ [2]), чѣмъ, какъ будто-бы намекается на то, что письмо испанскихъ епископовъ стало извѣстнымъ (а слѣдовательно и было получено) лишь *послѣ того*, какъ епископы уже собрались на соборъ. А если это такъ, то соборъ, слѣдовательно, состоялся независимо отъ испанскихъ дѣлъ, по своему собственному почину. Достаточнымъ поводомъ для него могла, напримѣръ, послужить и окончательно упрочившаяся традиція ежегодныхъ провинціальныхъ соборовъ, а цѣлью—рѣшеніе внутренно-церковныхъ дѣлъ, вѣроятно, главнымъ образомъ, изъ числа тѣхъ недоумѣнныхъ случаевъ, которые вызывались дисциплиной падшихъ и интригами раскольниковъ. Однако, не желая поддаваться на счетъ этого какимъ-бы то ни было иллюзіямъ, мы предпочитаемъ строить свои выводы о соборѣ 254 г. на основаніи, хотя и единственнаго, но зато безспорнаго документа—письма Кипріана къ испанскимъ церквамъ [3]).

опредѣленно разумѣются члены мѣстной паствы, согласіе и одобреніе которыхъ (conscienția) и было, собственно говоря, рѣшающимъ моментомъ выборовъ. Совершенно та-же картина епископскихъ выборовъ дана и въ восьмой книгѣ „Апостольскихъ Постановленій“. *P. n.* 254—255 стр. Казань, 1864.

[1]) *Hefele-Leclercq:* „Un nouveau synode se réunit à Carthage au sujet des évêques espagnols Martial et Basilide“. Op. cit. I, 1, 171 p.

[2]) *Ep.* LXVII, 1, 735: „Cum in unum conuenissemus, legimus litteras vestras, fratres dilectissimi“.

[3]) Въ свою очередь, изъ самаго содержанія этого единственнаго, дошедшаго до насъ соборнаго памятника мы извлекаемъ указанія на рядъ другихъ, отно-

Первый вопросъ—можно-ли болѣе точно установить время собора, т. е. не только годъ, но и мѣсяцъ его? Несомнѣнно, да; и мѣсяцъ установить пожалуй, даже еще легче, чѣмъ самый годъ. Судя по раннѣйшимъ карѳагенскимъ соборамъ, они знали два срока—весной, непосредственно послѣ пасхи, и осенью—въ началѣ сентября. Первый срокъ практиковался, несомнѣнно, чаще; второй—сравнительно рѣже. Разсматриваемый нами соборъ, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ [1]), долженъ быть отнесенъ къ послѣдней группѣ—осеннихъ соборовъ и вотъ на какихъ основаніяхъ. Въ дѣлѣ испанскихъ церквей серьезно замѣшанъ римскій епископъ Стефанъ, который своимъ поспѣшнымъ и недостаточно обдуманнымъ (neglegenter) поступкомъ съ Василидомъ, несомнѣнно, не мало помогъ усиленію и обостренію испанскаго раскола. А Стефанъ, какъ извѣстно,—былъ поставленъ въ римскіе епископы лишь около половины мая 254-го года [2]). Разумѣется, Василидъ направился къ нему не въ первую-же недѣлю, по его избраніи, а хотя двумя недѣлями попозже, т. е. не раньше начала іюня. Затѣмъ, на самую дорогу въ Римъ, на пребываніе тамъ и возвратъ домой Василиду нужно было употребить не меньше мѣсяца. Да и послѣ возврата Василида въ Испанію опять-же былъ необходимъ нѣкоторый срокъ, хотя-бы опять въ 2—3 недѣли для того, чтобы слухъ объ его римскомъ возстановленіи могъ распространиться и онъ могъ навербовать себѣ сторонниковъ. На все это, по самому скромному разсчету, нужно было около двухъ мѣсяцевъ. Отсчитывая ихъ отъ половины мая—начала епископата Стефана—мы получаемъ первую половину іюля, т. е. самый жаркій и глухой сезонъ для Карѳагена, когда никакіе соборы тамъ были немыслимы, обычно происходя съ половины мая по конецъ іюня. Такимъ образомъ, тотъ фактъ, что на соборѣ 254 г. видное мѣсто занимало дѣло испанскихъ церквей, ни въ какомъ случаѣ не позволяетъ

сящихся къ тому-же дѣлу, но до насъ не дошедшихъ, писемъ. Въ спискѣ „утраченныхъ писемъ“ той эпохи, составленіемъ Ad. Harnack'омъ, указаны слѣдующія: 1) письмо къ Кипріану *Феликса*, пресвитера въ Легіо и *Элія*, діакона въ Эмеритѣ, равно какъ и самыхъ ихъ общинъ; 2) письмо *Феликса* изъ Сарагоссы къ Кипріану и 3) письмо испанскихъ епископовъ въ Легію и Эмериту. Texte und Untersuchungen N. 7, VIII, 2 Leip. 1902.

[1]) Напр. *о. Молчановъ:* „на соборѣ, бывшемъ въ 254 году послѣ праздника Пасхи...“ Цитов. сочин. 132 стр. Ср. *Langen:* „Das carthagische Concil... also bald nach dem Früling 254“ p. 315 n. 1.

[2]) *Ios. Langen* „Geschichte der römischen Kirche“, 313 s.: „Gegen Mitte Mai 254 bestieg ihm (den römisch. Stuhl) *Stephan.* P. S. Gemäss dem Liber. Chronisten wurde an 2 Aug. 257 beigesetz. *Wace-Piercy* Dictionnary of christian Biography... „From May 12, 254-to Aug. 2, 257“. 915 p.

намъ помѣстить соборъ весной, а рѣшительно требуетъ перенесенія его на осень.

Почти столь же безспоренъ и 254-ый годъ для даннаго собора. Онъ выводится, главнымъ образомъ, все изъ того-же факта опрометчиваго поступка Стефана, свидѣтельствующаго объ его малоопытности и неосвѣдомленности въ канонахъ церкви, возможной для епископа только развѣ на самыхъ первыхъ порахъ его служенія. Впрочемъ, здѣсь, конечно, не исключена возможность и другаго объясненія,—что папа Стефанъ сознательно и намѣренно продѣлалъ все это, съ цѣлью показать свою самостоятельность и несвязанность тѣми канонами, которые вырабатывались въ карѳагенской церкви. Такой взглядъ энергично развиваетъ и отстаиваетъ напр. Nelke, который видитъ въ данномъ письмѣ отголосокъ не *начала, а конца* борьбы Кипріана со Стефаномъ, почему и относитъ его къ веснѣ, или даже къ осени 256-го года [1]. Но приводимые Nelke аргументы далеко не такого свойства, чтобы поколебать общепринятый взглядъ. Дѣйствительно, если бы письмо это редактировалось *послѣ* окончательнаго разрыва со Стефаномъ, то, въ виду осязательной виновности Стефана, Кипріанъ, вѣроятно, не сталъ-бы его щадить и использовалъ-бы этотъ случай, для того, чтобы уронить своего заносчиваго оппонента. Въ данномъ-же письмѣ замѣтно крайне осторожное, даже бережное отношеніе къ личности еп. Стефана. Его вина какъ бы совершенно затушевывается и все время идетъ рѣчь лишь объ виновности обманувшихъ его испанскихъ епископовъ-либеллятиковъ. Если-же кое-гдѣ, больше между строкъ, и можно находить косвенныя обличенія Стефана, то они посятъ чисто принципіальный, а отнюдь не личный характеръ, какой, напр. получился въ позднѣйшихъ письмахъ Кипріана и Фирмиліана кесарійскаго, послѣ рѣзкаго столкновенія ихъ со Стефаномъ, по вопросу о крещеніи [2]. Поэтому гораздо логичнѣе видѣть здѣсь первичное зарожденіе полемической борьбы Кипріана со Стефаномъ, а отнюдь не ея окончательный финалъ, какъ то полагаетъ Nelke. Но весьма правдоподобно, что, именно, это самое—наполовину невольное вмѣшательство карѳагенской церкви въ распоряженіе Стефана относительно Василида—

[1] *Nelke* „Op. cit.“ 136—141 s. Солидаренъ съ нимъ и другой авторитетный хронологъ писемъ Кипріана—H. Soden, который, сравнивая тонъ и характеръ (Ton und Handlungsweise) 67 письма съ письмомъ 68-ымъ, относитъ первое не къ началу, а къ концу полемической переписки Кипріана со Стефаномъ. „Die Cyprianische Briefsammlung“, 31 s. Texte und Untersuchunger, XXV, Leipzig 1904.

[2] Для примѣра укажемъ *Ep.* LXXII, 2, 777. *P. n.* 59-ое, 330. *Ep.* LXXIII, 799 sq. *P. n.* 61-ое, 350. *Ep.* LXXV, 810 sq. *P. n.* съ 374 стр.

послужило однимъ изъ тѣхъ casus'овъ belli, которые, сначала, создали натянутость отношеній Стефана съ Кипріаномъ, а въ дальнѣйшемъ—привели ихъ и къ болѣе рѣзкому конфликту, закончившемуся полнымъ ихъ разрывомъ [1].

Здѣсь весьма умѣстно вставить сжатый экскурсъ и о другомъ, еще болѣе значительномъ поводѣ столкновенія Кипріана со Стефаномъ, который Benson, по аналогіи съ предшествующей „испанской апелляціи“ (the spanisch appeal), удачно называетъ „галльской апелляціей“ (the gaulische appeal) [2]. Это—извѣстное письмо еп. Кипріана къ папѣ Стефану по дѣлу галльскихъ церквей, требовавшихъ суда и низложенія новаціанствующаго еп. Марціана арелатскаго [3]. Письмо это, какъ видно изъ его анализа, было написано Кипріаномъ въ отвѣтъ на письмо митрополита галльскихъ церквей еп. Фаустина ліонскаго, послѣ того, какъ неоднократныя обращенія самого Фаустина и другихъ его коллегъ [4] къ папѣ Стефану оказались безрезультатными, въ силу чего, оно и получаетъ характеръ какъ-бы апелляціоннаго вмѣшательства въ дѣло римско-галльскихъ церквей. Одни изъ ученыхъ помѣщаютъ „галльскую апелляцію“ непосредственно передъ „испанской“ (Tillemont, Harnack, о. Молчановъ), большинство другихъ ставятъ ее тотчасъ-же послѣ нея (Benson, Aubé, Langen, Monceaux, Soden, Дюшенъ). А нѣкоторые, какъ, напримѣръ, о. Молчановъ готовы считать объ этихъ родственныхъ апелляціи синхронистичными и одинаково относящимися къ работѣ Карѳагенскаго собора 254 года [5]. Признаемся, что это послѣднее предположеніе очень заманчиво и для насъ. Но мы все-же не рискнемъ къ нему присоединяться, по полному

[1] О томъ, что уже и здѣсь замѣтенъ недостатокъ взаимной симпатіи епископовъ Карѳагена и Рима хорошо говоритъ *Aubé*, op. cit. 313 p. Ср. также и *Дюшенъ* „Исторія древней церкви“ I, 282—283.

[2] *Benson* „Cyprian, his life, his times, his work“, 311—322 p.

[3] *Ep.* LXVIII, Cyprianus Stephano fratri s. *Variant*-Incipit ad Stephanum de Marciano arelatense *(CZ)*. 744 sq. *P. n.* 55-ое. „Письмо къ Стефану о Маркіанѣ арелатскомъ, приставшемъ къ Новаціану“, стр. 309 и сл.

[4] *Ibid.* 1, 744: Faustinus collega noster Lugduni (Лугдунъ, древнее названіе города Ліона. Въ русскомъ-же кіевскомъ переводѣ допущена грубая ошибка, или, вѣрнѣе, опечатка—„въ Лондонѣ“) consistens...

[5] *О. Молчановъ* „Св. Кипріанъ Карѳагенскій“... 132 стр.: „на соборѣ, бывшемъ въ 254 г. послѣ праздника Пасхи (?), получено было Кипріаномъ отъ Фавстина, еп. ліонскаго (въ Галліи) извѣстіе о томъ, что арелатскій епископъ Маркіанъ перешелъ на сторону Новаціана... 133 стр.: „Св. Кипріанъ, вмѣстѣ съ отцами собора утвердилъ опредѣленіе испанской церкви касательно низложенія епископовъ Василида и Марціала, и въ то-же время писалъ Стефану о Маркіанѣ арелатскомъ“.

отсутствію объективнаго матеріала; да никакого намека на что-либо не находимъ мы, къ сожалѣнію, и у самого о. Молчанова. Однако чрезъ все это, „галльская апелляція“ не теряетъ для насъ своей цѣны, такъ какъ она, во-первыхъ, является важнымъ отголоскомъ новаціанской схизмы и постановленій предыдущихъ о ней соборовъ; во-вторыхъ, даетъ любопытный матеріалъ для характеристики тогдашняго церковнаго управленія и междуцерковныхъ отношеній, и въ-третьихъ—служитъ непосредственнымъ „введеніемъ“ къ исторіи послѣдующей драматической борьбы Карѳагена съ Римомъ, являясь, по выраженію Soden'a, „увертюрой къ ней“ [1]). Не входя, за недостаткомъ мѣста, въ подробное раскрытіе всѣхъ этихъ интересныхъ пунктовъ, ограничимся указаніемъ на общій тонъ и характеръ даннаго письма:. Оно—по словамъ Soden'a—написано въ очень энергичной формѣ (in ausserordentlich starken Formen), тономъ того авторитета, какимъ Кипріанъ привыкъ писать къ Корнелію“ [2]). Достаточно сослаться хотя-бы на то, что Кипріанъ почти предписываетъ папѣ, чтобы тотъ, какъ можно скорѣе, возстановилъ нарушенный порядокъ въ Арелатской церкви, т. е. чтобы низложилъ Маркіана и произвелъ новые выборы и чтобы обо всемъ исполненномъ не замедлилъ обстоятельно донести ему—Кипріану. „Карѳагенскій епископъ имѣетъ здѣсь видъ поборника дисциплины, установленной Корнеліемъ и Луціемъ, и традиціонной политики этихъ папъ, забытой ихъ преемниками. Тонъ посланія показываетъ, по правдѣ говоря, мало уваженія къ этому послѣднему. Заслуживалъ-ли Стефанъ или нѣтъ этихъ упрековъ, онъ вовсе не могъ быть доволенъ полученнымъ выговоромъ. При этихъ-то обстоятельствахъ и разразилась распря изъ изъ-за крещенія еретиковъ“ [3]).

Снова возвращаясь къ исторіи Карѳагенскаго собора 254 г., закончимъ свое изслѣдованіе объ этомъ соборѣ выясненіемъ *его характера и его состава.* Надежнымъ опорнымъ пунктомъ для сего является, конечно, прежде всего, списокъ тѣхъ тридцати шести (безъ Кипріана) епископовъ, которые поименно перечислены въ заголовкѣ 67-го письма (55-го р. п.). Къ сожалѣнію, самъ по себѣ этотъ списокъ довольно нѣмъ, такъ какъ при именахъ епископовъ нѣтъ указанія на ихъ каѳедры. Заставить этотъ списокъ кое-что сказать

[1]) *Hans von Soden* „Der Streit zwischen Rom und Karthago über die Ketzertaufe, s. 8. Rom. 1909.

[2]) *Ibid.*, s. 8—9.

[3]) *Дюшенъ* „Исторія древней церкви“, I, 283 стр.

можно лишь путемъ сравнительнаго изученія всѣхъ соборныхъ списковъ Кипріана и въ особенности, путемъ сопоставленія ихъ съ самымъ полнымъ и яснымъ спискомъ Sententiae episcoporum, чѣмъ мы и намѣрены позднѣе заняться спеціально. Теперь-же, заходя нѣсколько впередъ, лишь скажемъ, что почти всѣ эти епископы приходили въ Карѳагенъ изъ „проконсульской Африки“, т. е. были ближайшими сосѣдями своего метрополя, что, въ свою очередь, опредѣляло, такъ сказать, *узко-провинціальный* объемъ даннаго собора, превращало его въ соборъ епископовъ лишь одной церковно-политической провинціи, именно, „Африки“, въ строгомъ смыслѣ, или „Проконсульской“. Объ этомъ, отчасти, свидѣтельствуетъ уже и самое число присутствовавшихъ на соборѣ епископовъ, мѣньшее, по сравненію съ числомъ епископовъ на трехъ предшествовавшихъ соборахъ (весенній 251 г.—plurimi, по число не указано, осенній 251 г.—66-ть еп., весенній 252—41). Monceaux, впрочемъ, не безъ основанія подчеркиваетъ сходство и въ числѣ и въ самыхъ именахъ у списковъ двухъ послѣднихъ соборовъ—весенняго 252 г. и осенняго 254 г.,—объясняя его тѣмъ, что „большинство епископовъ приходило изъ окрестностей Карѳагена, или изъ сосѣднихъ съ нимъ округовъ“ [1]).

Основываясь на томъ, что документъ собора 254 г. въ качествѣ его членовъ опредѣленно называетъ лишь однихъ *епископовъ* (36 — numerus episcoporum), нельзя-ли заключать, что соборъ былъ строго-епископскимъ, какъ это и утверждаютъ многіе, нетолько ультрамонтанскіе, но также православные и даже протестантскіе авторы? Ни въ какомъ случаѣ, и именно, потому, что соборъ этотъ какъ видно изъ всего, былъ регулярнымъ, одно-провинціальнымъ соборомъ. А составъ такихъ соборовъ теперь, послѣ обстоятельнаго спеціальнаго ихъ изученія, намъ хорошо извѣстенъ: это—во-первыхъ, текучій, измѣнчивый и подвижной numerus провинціальныхъ епископовъ, а во-вторыхъ—неизмѣнно постоянный plenum мѣстной карѳагенской общины, въ составѣ ея клира и вѣрнаго народа и во главѣ съ ея епископомъ—всегдашнимъ предсѣдателемъ и самихъ этихъ соборовъ [2]). О клирѣ и народѣ карѳагенской церкви, какъ обязательномъ и неизмѣнномъ фундаментѣ и фонѣ соборовъ, Кипріанъ не находитъ даже нужнымъ и упоминать особо, какъ о предметѣ всѣмъ яснымъ и общеизвѣстнымъ, implice разумѣющемся въ самомъ понятіи провинціальнаго собора. О текучей-же и постоянно измѣняющейся цифрѣ епископовъ Кипріанъ, наоборотъ, говоритъ почти постоянно, такъ какъ эта величина

[1]) *Monceaux*—II, 54.

[2]) *См. выше, V—VI* отд. настоящей главы 449—498 стр.

заранѣе не могла быть опредѣлена; а между тѣмъ она была очень важна, поскольку давала представленіе о томъ радіусѣ, который, такъ сказать, непосредственно описывалъ собой тотъ или другой провинціально-соборный кругъ; а также косвенно она говорила и о степени авторитетности собора для другихъ церквей (чѣмъ бо́льше епископовъ, тѣмъ выше и авторитетъ самаго собора). Впрочемъ, хотя прямаго упоминанія о клирѣ и народѣ мѣстной церкви, какъ активныхъ элементахъ Карѳагенскаго собора 254 г., но вполнѣ понятнымъ мотивамъ и нѣтъ въ письмѣ епископовъ, однако нѣсколько косвенныхъ указаній на все это можно находить и въ немъ. И самое вѣское изъ такихъ указаній—это тотъ весьма высокій взглядъ на роль клира и народа въ каждой мѣстной церкви, который проходитъ черезъ все указанное письмо. Въ данномъ отношеніи характерны уже одни адресаты соборнаго посланія—пресвитеръ Феликсъ, изъ церкви города Леонъ-Асторги, и діаконъ Эмилій съ народомъ, изъ церкви города Мериды. Если цѣлый соборъ, на которомъ присутствовало не меньше 37 епископовъ, нашелъ возможнымъ адресовать свое, подробно мотивированное рѣшеніе, въ одномъ случаѣ, „пресвитеру“, а въ другомъ—даже „діакону и народу“, то ясно, что пресвитеры, діаконы и народъ, въ глазахъ собора, стояли достаточно высоко и имѣли всѣ права на вниманіе и уваженіе. Правда, многое здѣсь объясняется и обстоятельствами дѣла. Въ церквахъ городовъ Леона и Мериды не было безспорнаго епископа, или, выражаясь точнѣе, хотя Феликсъ и Сабинъ и были, какъ разъ, именно, такими вполнѣ законными епископами, но правильность ихъ не для всѣхъ была одинаково безспорна, и вообще нуждалась еще въ авторитетномъ утвержденіи, которое и сообщилъ имъ теперь Карѳагенскій соборъ 254 года. Такъ что, повторяемъ, адресованіе соборнаго посланія не на имя епископовъ двухъ испанскихъ церквей, а на имя вѣрнаго ихъ клира и народа, въ значительной степени, вызывалось самымъ предметомъ спора и сопутствующими ему обстоятельствами дѣла [1]). Но конечно, для Карѳагенскаго собора, если-бы онъ стоялъ на почвѣ признанія лишь исключительно епископскаго представительства, все-же оставался выходъ — онъ могъ-бы свое посланіе адресовать епископамъ сосѣднихъ съ двумя заинтересованными испанскихъ церквей, хотя-бы, напримѣръ, тому-же Феликсу, еп. Цезаравгусты, который по

1) Подъ послѣдними мы разумѣемъ, главнымъ образомъ, то, что, вѣдь, оба законныхъ преемника Василида и Марціала—епископы Феликсъ и Сабинъ лично присутствовали на соборѣ, слѣдовательно, ни о какой посылкѣ письма на ихъ имя не могло возникать и рѣчи.

этому дѣлу уже сносился съ Карѳагенскимъ соборомъ [1]). Однако соборъ ничего подобнаго не предпринимаетъ и безъ всякихъ колебаній или оговорокъ шлетъ свое посланіе, въ одномъ случаѣ, „пресвитеру“, въ другомъ—даже „діакону и народу“, чѣмъ молчаливо, но убѣдительно доказываетъ, что авторитетъ клира и народа въ каждой мѣстной церкви онъ ставитъ очень высоко.

Что касается, наконецъ, самыхъ постановленій или каноновъ Карѳагенскаго собора 254 г., то, если судить по единственному дошедшему до насъ его памятнику, соборъ не творилъ новыхъ каноновъ, а лишь примѣнялъ на практикѣ составленные раньше, на предыдущихъ соборахъ (Карѳагенскомъ и Римскомъ). Отличительной особенностью даннаго собора можно признать развѣ только то, что на этотъ разъ канонъ о „падшихъ“ пришлось примѣнить не къ простымъ lapsi, а къ епископамъ, да еще къ такимъ, какіе были возстановлены папой. Вотъ, въ исторіи развитія папства, или точнѣе говоря, исторической критики папскихъ притязаній, данный фактъ, какъ и вся, вообще, исторія столкновенія папы Стефана съ Кипріаномъ и восточными епископами, имѣетъ глубокій интересъ и весьма важное значеніе [2]). Не входя въ обсужденіе этого серьезнаго вопроса, какъ непосредственно къ нашей темѣ не относящагося, подчеркнемъ только то, что суть дѣла здѣсь ясна и очевидна: папы, очевидно, уже непрочь были считать себя полновластными хозяевами и распорядителями церкви, несвязанными никакими посторонними, пусть даже и соборными рѣшеніями [3]). Но еще больше очевидно, что ни испанская, ни кар-

1) *Ep.* LXVII, 6, 740: „utque alius Felix de Caesaraugusta fidei cultor ac defensor ueritatis litteris suis significat“... *P. n.* 56-oe, 318.

2) Понятно, поэтому, что правовѣрнымъ католикамъ всѣ такія вещи очень не по вкусу и они пытаются какъ-нибудь ихъ смягчить и видоизмѣнить. Такъ, напримѣръ, Mansi все дѣло представляетъ такъ, что папа Стефанъ сталъ будто-бы жертвой грубаго обмана со стороны падшаго еп. Василида. А когда обманъ этотъ раскрылся на соборѣ въ Карѳагенѣ, то соборъ, признавъ Василида и Марціала неправильно возстановленными, а Сабина и Феликса—законно поставленными, все-же будто-бы самъ не вынесъ окончательнаго постановленія въ этомъ смыслѣ, а направилъ двухъ послѣднихъ епископовъ въ Римъ, къ папѣ Стефану, передъ которымъ они лично изложили всѣ обстоятельства дѣла и отъ котораго получили свое законное утвержденіе. Op. cit. I, 905—906 p. Относительно-же еще болѣе непріятнаго для папистовъ письма Кипріана по дѣлу „галльской апелляціи“ тотъ-же Mansi и вовсе заявляетъ, что это письмо возбуждаетъ-де „справедливыя сомнѣнія“ (merito dubitari potest) въ его подлинности и многими учеными мужами (viri docti) относится къ числу нетолько „сомнительныхъ“, но даже „подложныхъ“ (ψεύδεια arguere). Ibid. 895—897. Нетрудно, конечно, видѣть, что всѣ подобныя разсужденія—эмоціональнаго, а не раціональнаго свойства.

3) *H. Leclercq:* „Il est assez probable que le Pape Etienne, froissé par l'écla-

ѳагенская церковь нисколько и не думаютъ признавать за папой такого права, и дѣлаютъ это настолько рѣшительно и твердо, что даже не считаютъ нужнымъ критиковать папскихъ взглядовъ, а просто ихъ игнорируютъ, основываясь лишь на Св. Писаніи, да руководясь постановленіями предыдущихъ соборовъ.

Не безъинтересенъ, наконецъ, и еще одинъ вопросъ, стоящій въ связи и съ исторіей разсматриваемаго нами Карѳагенскаго собора—какимъ образомъ Испанія, ближайшая сосѣдка Италіи и Рима, могла попасть въ сферу церковнаго вліянія Африки и Карѳагена? Здѣсь, помимо того сильнаго вліянія, какимъ пользовались тогда личность Кипріана и авторитетъ его церкви, нетолько на всемъ Западѣ, но въ значительной мѣрѣ даже и на Востокѣ, многое объясняется еще и этнографическимъ составомъ тогдашней западной Испаніи, а равно и существовавшими тогда путями сообщенія. На всемъ западно-приморскомъ побережьѣ Испаніи было разсѣяно множество финикійскихъ, африканскихъ и малоазійскихъ колоній, вливавшихъ сильную финикійско-азіатскую струю и въ основныя этническія группы аборигеновъ Испаніи [1]). Восточная-же половина Испаніи, примыкавшая къ Италіи, прорѣзывается нѣсколькими горными хребтами, затрудняющими сообщеніе съ Италіей и Галліей. Такъ что Испанія, въ особености, западная, приморская гораздо легче, удобнѣе и скорѣе могла сноситься моремъ съ Африкой и Карѳагеномъ, чѣмъ сухопутнымъ путемъ достигать напр. Рима. Наконецъ, не забудемъ, главное, того, что испанскія церкви ждали сначала справедливаго суда отъ Рима; и лишь послѣ того, какъ въ этомъ ожиданіи имъ пришлось глубоко разочароваться, онѣ, какъ-бы уже въ порядкѣ аппеляціи, принуждены были обратиться къ другой вліятельной сосѣдкѣ—къ церкви Карѳагена, испытанная твердость въ вѣрѣ и мудрость которой въ дѣлахъ этого рода получили широкую огласку и стояли заслуженно высоко въ глазахъ всего, въ особенности, западно-христіанскаго міра [2]).

tante situation qu' occupait Cyprien chez les catholiques, avait été bien aise de trouver une occasion de lui faire sentir que, hors de la province d'Afrique, les décisions des conciles de Carthage n'étaient rien". L'Espagne chrétienne, 51—52. Paris 1906.

[1]) *H. Leclercq*—„Op. cit." 47 p.

[2]) Въ виду сказаннаго, какъ-то неискренно и фальшиво звучитъ лицемѣрное удивленіе Monceaux на ту „легкость и смѣлость", съ какой Карѳагенскій соборъ вмѣшивается во внутреннія дѣла посторонніхъ ему церквей—Op. cit. 56 p. Испанскія церкви, во всѣхъ отношеніяхъ, стояли къ карѳагенской ближе, чѣмъ къ какой-либо другой, а главное—онѣ сами обратились къ собору съ просьбой о содѣйствіи и помощи.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

СОБОРЫ ПО ПОВОДУ СПОРА О „КРЕЩЕНІИ ЕРЕТИКОВЪ" (эпохи св. Кипріана Карѳаг.).

I.

Характеристика „крещальныхъ споровъ“ кипріановой эпохи.

Карѳагенскіе соборы кипріановой эпохи, какъ мы выше это уже и отмѣтили (352 стр.), естественно, самыми своими сюжетами, распадаются на двѣ группы: на соборы *по дѣлу lapsi* и соборы по спору о *„крещеніи еретиковъ“*.

Первую группу составляютъ четыре нами уже разсмотрѣнныхъ карѳагенскихъ собора—два 251-го года (весенній и осенній), одинъ—252 г. (весенній) и одинъ 254 г. (осенній). Другую группу образуютъ три собора, падающіе на періодъ глубокаго мира церкви, т. е. на первое трехлѣтіе правленія императора Валеріана (253—256 г.) и по годамъ они распредѣляются такъ: одинъ соборъ въ 255 г. (осенній), и два—въ 256 г. (весенній и осенній) [1]).

---

[1]) Такъ какъ послѣдней группой соборовъ нетолько трактуются важные догматико-дисциплинарные вопросы, но весьма чувствительно задѣваются и интересы папства, то литература по нимъ положительно огромна, почти, можно сказать, необъятна. Поэтому, нисколько не претендуя на полноту своего литературнаго перечня, мы подробнѣе укажемъ лишь одни первоисточники; а изъ обработокъ назовемъ только тѣ, которыя непосредственно относятся къ дѣлу и имѣютъ, по нашему мнѣнію, наиболѣе авторитетное, руководящее значеніе.

Источники: Cypriani, Epist. LXVIII—LXXV ed. Hartelii, II, 749—827. Рус. перев. I ч. Письма 62-ое, 360—374; 57-ое, 321—325; 58-ое, 325—328; 59-ое, 328—331; 60-ое, 331—350, 61-ое, 350—361 и письмо Фирмиліана еп. Кесаріи каппадокійской 374—388 стр. *Euseb.* Werke II t. im Auftrage der Kirchenväter-Kommission der Königl. Preussch. Akademie „Kirchengeschichte“ VII, 2—5, 636—640 s. 7, 642—644 и 9, 646—648. *Евсев.* „Церковная исторія“ I, СПБ. 1848 г. VII кн. II—V гл. 399—402 стр. VII гл. 403—405 стр. IX гл. 406—407 стр. *Pseudocyprian* „De rebaptismate“ Ed. Hartel. III, Appendix, 69—92 s. *Augustin. S. Aurel.* „Scripta contra Donatistas“, „De baptismo contra epistulam Parmeniani“, „De unico baptismo“. „Contra Gaudentium“. CSEL, vol. LI и LIII, recens. *Petschening* „Epistula“—vol. XXXIV, recens. *Ad. Goldhaber,* pars. II. *Hardouini* „Concilior. collectio regia“, I t. 153—160 p. *Mansi* „Sacror. concilior. nova et ampl. collectio“ I, 922 sq. *Routh* „Reliquae Sacrae“ Ed. altera, Vol. III, 108—131 p. et „Annotationes“, 165—217.

Литература. Смотри, прежде всего, общую церковно-историческую и монографическую литературу объ эпохѣ Кипріана и объ его личной дѣятель-

Связь новыхъ споровъ—о крещеніи еретиковъ—съ только что разсмотрѣнными нами—о принятіи lapsi—самая близкая и очевидная. Въ самомъ дѣлѣ, если церковь принципіально высказалась теперь за обратный пріемъ всѣхъ, раскаявшихся „падшихъ", то она необходимо должна была опредѣленно указать и практическій путь такого пріема, т. е., самый религіозный актъ, посредствомъ котораго должно было совершаться обратное воцерковленіе. А на счетъ этого въ тогдашней церкви еще не существовало одного общеобязательнаго рѣшенія. На практикѣ-же примѣнялись два способа: или актъ полнаго, повторнаго крещенія, или только актъ возложенія рукъ, символизирующій отпущеніе грѣховъ и низведеніе даровъ

ности, указанную нами выше, на стр. 355—358. Въ особенности: *Hefele-Leclercq:* Histoire des conciles I, I, „Synodes relatifs au baptême des heretiques" 6 chap. 172—191 p. и I, II, Appendice III „Chronologie des conciles de Carthage" 1107—1118 p. *Benson* „Cyprian, his life, his times, his work" Chap. VIII—„The baptismal question" 331—436 p. *Monceaux* „Histoire litteraire de l'Afrique chrétienne" II t. Chap. II, 55—66 p. и II par. III ch. 226—232 p. *O. Ritschl* „Cyprian von Karthago und die Verfassung der Kirche". Göttingen 1885, въ особенности Chap. V. „Der Streit Cyprians mit Stephanus von Rom und die Einheit der Kirche". 110—142 s. (съ догматико-исторической стороны). *Soden* „Die Cyprianische Briefsammlung", 29 s. Leipzig 1904. *Leo Nelke* „Die Chronologie der Correspondenz Cyprians". Thorn 1902, besonders, Drittes Kapitel: „Reihonfolge der Briefe aus der Zeit des Papstes Stephanus" (Mäinz 254—2 Aug. 257). Ep. 67—75. „Sententiae episcoporum" 84—149 s. *I. B. Thibaud* „Question du baptême des hérétiques, discutée entre le pape saint Etienne I et saint Cyprien de Carthage" Paris 1863. *H. Grisar* „Cyprians „Oppositionskonzil" gegen Papst Stephan (Zeitschr. für katholischen Theologie, t. V, 1881, 193—221 s.). Немало потрудился надъ разработкой даннаго вопроса *I. Ernst*, въ цѣлой серіи статей, напечатан. въ Zeitsch. für kathol. Theologie за 1893—1896, 1900, 1905, 1906 и въ монографіи „Die Ketzertaufangelegenheit in der altchristl. Kirche nach Cyprian" Mainz 1901. *Hans v. Soden* „Der Streit zwischen Rom und Carthago über die Ketzertaufe" Rom 1909 (цѣнна по полнотѣ библіографіи) *I. Ernst* „Papst Stephan I und der Ketzertaufstreit" Mainz 1905 (полемика съ Nelke). *Bonwetsch* „Ketzertaufe und Streit darüber" in RE^3, 10, 270—275. *Fechtrup* „Ketzertaufstreit" in Kirchenlexicon Wetzer-Welte, VI, 496—410 и *Adhémar d'Alès* „La question baptismal au temps de s. Cyprien" (Revue des question historiques, Nouv. Ser. t. XXXVII, Paris 1907. Avril 353—400=оч. обстоятельная и объективная статья).

На русскомъ языкѣ спеціальнаго упоминанія заслуживаетъ отдѣлъ въ монографіи *Свящ. А. Молчанова* „Св. Кипріанъ Каре. и его ученіе о церкви" съ 135—160 стр. *Фарраръ* „Исторія древней церкви" I, 1890 г. 113—114 стр. *Дюшенъ* „Исторія древней церкви" I, 1912 споръ о крещеніи—282—288 стр. *Вл. Троицкій* „Очерки изъ исторіи догмата о церкви" 1912, 450—461 (хорошо выяснена догматич. сторона дѣла). *Свящ. А. Дружининъ* „Жизнь и труды Св. Діонисія Великаго, еп. александрійскаго", Казань 1900. *В. В. Болотовъ* „лекціи по исторіи древней церкви" II, СПБ. 1910 г. 383—395 (наиболѣе обстоятельный обзоръ съ дисциплинарной точки зрѣнія).

Св. Духа (аналогія съ миропомазаніемъ, confirmatio). Первая, болѣе строгая практика, какъ мы видѣли, утвердилась въ церквахъ Малой Азіи, Сиріи и сѣверной Африки; вторая, смягченная—въ Римѣ, Александріи и Палестинѣ [1]).

Самое возникновеніе этой разницы, какъ мы уже знаемъ [2]), стоитъ въ связи съ ростомъ церковной ортодоксіи и обусловлено борьбой древней церкви съ ересями. По мѣрѣ того, какъ внутреннее содержаніе христіанства все больше и опредѣленнѣй выяснялось, все точнѣе и строже самоопредѣлялось и рѣзче отдѣлялось отъ соприкосновенныхъ съ нимъ гностическихъ философемъ, и его внѣшняя сторона или церковно-правовая организація также все рѣшительнѣй и строже заключалась въ свой собственный кругъ и яснѣе отмежовывалась отъ всего ей посторонняго, чуждаго и еретическаго. И чѣмъ дальше шелъ этотъ естественный церковный процессъ, чѣмъ яростнѣе были атаки на церковь со стороны окружавшаго ее язычества, а позднѣе—еретичества и сектантства, тѣмъ воинственнѣе становилось и сама христіанская церковь, тѣмъ строже она замыкала свои входы и выходы и тѣмъ отрицательнѣе и суровѣе дѣлалось ея отношеніе ко всѣмъ внѣшнимъ и внутреннимъ врагамъ, обозначаемымъ общимъ понятіемъ „еретиковъ".

Что церковная борьба съ ересями стояла въ самой тѣсной связи со спорами о крещеніи, это подтверждается и многочисленными фактами ихъ параллельнаго развитія и обостренія. Крещальные споры возникли, именно, тамъ, гдѣ началась и усиленная борьба съ ересями—именно, на Востокѣ, въ церквахъ Малой Азіи, Сиріи и Антіохіи. Едва-ли не первымъ толчкомъ къ развитію такихъ споровъ послужила борьба съ гностицизмомъ; а особенно обострила ихъ, какъ выше мы видѣли [3]), полемика съ монтанизмомъ, вызвавшая составленіе цѣлыхъ трехъ соборовъ по вопросу о крещеніи еретиковъ — это Карѳагенскаго, при Агриппинѣ (ок. 220 г.) Иконійскаго (окол. 230 г.) и Синадскаго (около 235 г.). Недаромъ мы, въ заключеніе своего изслѣдованія объ этихъ соборахъ, принуждены были констатировать, что „споры и соборы о крещеніи еретиковъ какъ-бы шли по слѣдамъ монтанизма" и проложили аналогичный-же путь развитія и для борьбы церкви съ родственнымъ ему новаціанствомъ [4]).

[1]) Глава III настоящаго изслѣдованія, отд. II и III, со стр. 261 и слѣд.

[2]) См. выше, стр. 284 и сл.

[3]) См. выше, стр. 285-ая и слѣд.

[4]) См. выше, стр. 288-ая. Срав. *Bonwetsch* „In Kleinasien scheinen besonders der dogmatisch mit der Kirche übereinstimmende Montanismus und diesem ver-

Но уже одно то. что вопросъ о крещеніи еретиковъ даже на мѣстѣ его возникновенія вызывалъ споры и потребовалъ соборовъ, говоритъ о принципіальной его неясности и практической несогласованности въ его рѣшеніяхъ. Мы уже знаемъ, что три вышеупомянутыхъ собора сдѣлали постановленіе объ обязательномъ перекрещиваніи еретиковъ. Но отсюда-же ясно, что, слѣдовательно, раньше-то такой обязательности не существовало, что возможны были и другіе, облегченные способы пріема еретиковъ въ церковь; потому-что въ противномъ случаѣ, разумѣется, не было-бы нужды ограждать авторитетомъ соборовъ то, что и такъ пользовалось общимъ признаніемъ. Отсюда, болѣе или менѣе, ясно, что суровая дисциплина перекрещиванія еретиковъ возникла въ церкви не отъ начала, а сложилась въ ней сравнительно позднѣе, приблизительно съ конца II вѣка; раньше-же ей предшествовала другая, болѣе снисходительная церковная практика. Вотъ почему и новая, вводимая соборами дисциплина перекрещиванія далеко не получала всеобщаго признанія: въ ней видѣли уклоненіе отъ древней апостольской традиціи, излишнее и безполезное новшество, новшество тѣмъ болѣе нежелательное, даже вредное, что оно противорѣчило и догматическому ученію объ единствѣ и неповторяемости таинства крещенія.

Во главѣ такихъ недовольныхъ болѣе строгой практикой перекрещиванія стояла вліятельная римская церковь, какъ это, между прочимъ, можно заключать и изъ одного полемическаго указанія извѣстнаго антипапы—Ипполита римскаго, гдѣ онъ обвиняетъ своего болѣе счастливаго соперника папу Каллиста также и въ томъ, что „при немъ дерзнули ввести въ церковь второе крещеніе“ [1]). Правда, проф. Болотовъ признаетъ это мѣсто изъ полемическаго трактата Ипполита однимъ изъ самыхъ темныхъ и комментаріи къ нему считаетъ наиболѣе запутанными [2]). Разбираясь во мнѣніяхъ и объясненіяхъ ученыхъ, самъ Болотовъ отдаетъ предпочтеніе взгляду Döllinger'a, согласно которому упрекъ Ипполита по адресу Каллиста носитъ чисто пассивный характеръ: римскій епископъ виноватъ уже тѣмъ, что не протестовалъ противъ повторнаго крещенія, введеннаго соборомъ Агрипинна карѳагенскаго. Признавая и съ своей стороны это мнѣніе наиболѣе удачнымъ, мы получаемъ ясное доказательство того, что Римъ *принципіально*

wandte Erscheinungen eine Erörterung der Frage herbeigeführt zu haben“. „Ketzertaufe“... in RE³, 10, 270, 38-40 s.

[1]) *Hyppol. v. Rom.* Philosoph. IX, 12: *ἐπὶ τούτου πρώτως τετόλμηται δεύτερον αὐτοῖς βάπτισμα*“.

[2]) *Проф. В. В. Болотовъ* „Цит. сочин.“ II. 373 стр.

былъ настроенъ *противъ* повторенія крещенія надъ еретиками, если даже такой, въ общемъ, строгій римскій ригористъ, какимъ былъ Ипполитъ и тотъ въ повтореніи крещенія видитъ тяжкое преступленіе [1]).

Такимъ образомъ, за первую половину третьяго вѣка окончательно выяснились и опредѣлились двѣ различныхъ точки зрѣнія на вопросъ о крещеніи еретиковъ: большинство восточныхъ церквей и церковь карѳагенская довольно рѣшительно склонились на своихъ соборахъ къ практикѣ перекрещиванія. Тогда какъ церкви западныя, во главѣ съ римской, а также церковь александрійская (и палестинская) отстаивали неповторяемость крещенія и практику иныхъ, облегченныхъ формъ пріема еретиковъ (чрезъ покаяніе и возложеніе рукъ).

Въ самомъ-же началѣ второй половины третьяго вѣка разность двухъ только что указанныхъ точекъ зрѣнія обострилась до послѣдней степени и привела даже къ временному разрыву церквей запада и востока. Обстоятельствами, подлившими масла въ огонь, явились, съ одной стороны, новаціанская схизма, а съ другой—личное столкновеніе двухъ крупнѣйшихъ дѣятелей той эпохи — Кипріана карѳагенскаго и Стефана римскаго. Новаціанскій расколъ, какъ мы видѣли [2]), возникъ, первоначально, на почвѣ, въ значительной мѣрѣ, личной борьбы Новаціана съ предпочтеннымъ передъ нимъ римскимъ епископомъ Корнеліемъ. Но вскорѣ это личное недовольство осложнилось и принципіальными мотивами—сначала, протестомъ противъ снисходительнаго отношенія къ lapsi, а затѣмъ и провозглашеніемъ абсолютнаго „каѳаризма“ новаціанской церкви, т. е. полнаго изверженія (или недопущенія въ нее) всѣхъ павшихъ и порочныхъ лицъ. Хотя суровое новаціанство и встрѣтило рѣшительный отпоръ на соборахъ Карѳагена, Рима и Антіохіи, однако это не помѣшало ему распространиться и, слившись съ родственными ему монтанистическими и, вообще, ригористическими кружками, съорганизоваться въ довольно прочныя новаціанскія общины, или церкви. Мы знаемъ, что кромѣ родины новаціанства—Рима, подобныя общины существовали и въ Карѳагенѣ (еп. Максимъ) и на всемъ Востокѣ, гдѣ новаціанство нашло, пожалуй, наиболѣе сочувственный себѣ пріемъ и чуть-ли даже не пользовалось прямой поддержкой нѣкоторыхъ православныхъ епископовъ [3]). Характерной

[1]) Срав. сказанное у насъ по этому поводу выше, стр. 267—268, 395 и сл.

[2]) *См. выше,* стр. 388-ая и слѣд.

[3]) *См. выше,* стр. 508-ая. Ср. „Dictionnary of sects, heresies, eccles. parties“, *(T. H. Blunt),* art. „Novatians“ p. 385: „und Novätian was anxious to be recognised by the three great Churches of Carthage, Antioch and Alexandria“.

чертой новаціанскихъ общинъ, такъ-же, какъ раньше и монтанистическихъ, являлось ихъ презрительно-гордое и высокомѣрное отношеніе къ православнымъ церквамъ: свои общины они считали союзомъ „святыхъ и чистыхъ христіанъ", православныя-же—сбродомъ порочныхъ грѣшниковъ, которыхъ они соглашались принимать въ свои общины только послѣ перекрещиванія. Такимъ образомъ, практику перекрещиванія наиболѣе энергично пропагандирвали сами-же новаціане.

Однако и изъ среды тѣхъ-же новаціанъ стали нерѣдки случаи ихъ раскаянія и обращенія къ церкви. Что на это повліяло—новая-ли гуманная тактика церкви въ отношеніи ко всѣмъ lapsi, или опасность смерти, въ виду сильнаго развитія чумной эпидеміи, или общее церковно-политическое успокоеніе?—отвѣтить довольно трудно: вѣрнѣе всего, что здѣсь дѣйствовали всѣ указанныя причины вмѣстѣ. Но фактъ былъ на лицо: новоявленные еретики—новаціане стали искать обратнаго пріема въ церковь и такимъ образомъ, снова поставили на очередь вопросъ о способахъ этого пріема, а слѣдовательно, тѣмъ самымъ снова подняли и принципіальный споръ о крещеніи. Hefele и о. Молчановъ предполагаютъ почему-то, что крещальный споръ на этотъ разъ начался между папой Стефаномъ I и восточными, малоазійскими епископами, и что Кипріанъ только позже встрялъ въ этотъ споръ [1]). Но мы совершенно не раздѣляемъ такого мнѣнія и не видимъ, почему-бы иниціативу спора надо непремѣнно приписывать или папѣ Стефану или церквамъ Востока? У Стефана, насколько извѣстно, не было никакого новаго повода поднимать старый крещальный споръ съ Востокомъ; а церкви Востока всего менѣе были расположены начинать борьбу съ новаціанами, хотя-бы уже по одному тому, что онѣ, скорѣй, имъ симпатизировали, чѣмъ съ ними воевали. Въ эту борьбу восточныя церкви были втянуты уже позднѣе, и по мотивамъ принципіальнаго, а не практическаго свойства. Всѣ-же дисциплинарные споры обычно начинались не съ теоріи, а съ практики, съ необходимости, такъ или иначе, рѣшить вопросъ, выдвинутый самой жизнью. И вотъ, подходящую почву для такой-то, именно, житейско-практической постановки даннаго вопроса мы и усматриваемъ въ церквахъ Африки, гдѣ эти споры первоначально носили чисто-мѣстный характеръ и зависѣли отъ мѣстныхъ-же условій. Дѣло въ томъ, что африканскія церкви, географически лежавшія между востокомъ

[1]) *Hefele-Leclercq*—I, 1, 174: „Les Orientaux suscitèrent donc la controverse du baptême des hérétiques *avant* saint Cyprien"... Срав. *о. Молчановъ* „Цит. соч." 138—139 стр.

и западомъ, и идейно испытывали на себѣ вліяніе и того и другаго. Потому-то и по вопросу о крещеніи здѣсь никогда не было такого однообразнаго, строго опредѣленнаго рѣшенія, какъ напр. въ Малой Азіи, или въ Римѣ. Правда, послѣ собора Агриппина здѣсь возобладала восточная практика перекрещиванія еретиковъ. Но, очевидно, и западно-римская точка зрѣнія не оставалась тутъ безъ вліянія, а кое-гдѣ встрѣчала даже еще бо́льшее сочувствіе, чѣмъ восточно-карѳагенская, какъ это можно заключать изъ переписки Кипріана съ нумидійскими и еще больше съ мавретанскими епископами [1]).

II.

Пятый Карѳагенскій соборъ при еп. Кипріанѣ (весной 255-го года).

Большинство ученыхъ первымъ документомъ, имѣющимъ отношеніе къ Карѳагенскому собору 255-го года, снова поднимающимъ самый вопросъ спора, склонно признавать письмо еп. Кипріана къ Магну [2]). Изъ анализа этого письма, дѣйствительно, открывается, что Магнъ запрашивалъ Кипріана относительно, того, „должно-ли въ числѣ прочихъ еретиковъ крестить и освящать въ католической церкви (baptisari et sanctificari in eccliessia catholica) законнымъ, истиннымъ и единымъ крещеніемъ (legitimo et uero unico ecclesiae baptismo) и тѣхъ, которые приходили отъ Новаціана, послѣ его бани (profanum eius lauacrum)?" [3]). На поставленный вопросъ Кипріанъ даетъ вполнѣ ясный и опредѣленный отвѣтъ, и отвѣтъ, именно, отрицательный, основывая его на такомъ силлогизмѣ: дѣйствительное крещеніе можетъ быть совершено только въ истинной церкви; новаціанская церковь — еретическая, слѣдовательно крещеніе ея не дѣйствительно, а потому, при обращеніи новаціанъ изъ еретичества въ православіе, ихъ необходимо перекрещивать, или точнѣе, только крестить. Несмотря на всю формаль-

[1]) *Epistula* LXVIII Cyprianus Magno Filio S. 749—766. Рус. пер. 62-ое, 360—374 стр. *Ep.* LXX (къ 18 нумид. еп.) 766—770 р. *P. n.* 57-ое, 321—324 стр.

[2]) Такъ думаютъ Harduin. Langen, Benson, Monceaux, Leclercq, Ad. d'Alès, о. Молчановъ и др. Но Nelke письмо къ Магну ставитъ въ ближайшую связь съ Sententiae episcoporum и относитъ къ болѣе позднему времени—Op. cit. 109—113 s. Однако всѣ тѣ аргументы, которыми онъ здѣсь оперируетъ (спокойный тонъ письма, ясность формулировки отвѣта) съ гораздо бо́льшимъ основаніемъ и правомъ могутъ быть обращены *противъ* него. Взять хотя-бы мирный и спокойный тонъ письма: вѣдь онъ—учитывая, что споръ привелъ не къ примиренію, а къ полному разрыву—гораздо болѣе умѣстенъ въ самомъ началѣ спора, чѣмъ въ его серединѣ, въ особенности, въ его концѣ.

[3]) *Ep.* LXVIII, 1, 749; *P. n.* 62-ое, 360 стр.

ную правильность такого силлогизма, далеко не всѣ были одинаково убѣждены въ его матеріальной состоятельности. Даже и въ нѣдрахъ самой сѣверо-африканской церкви нашлось не мало такихъ лицъ, которые думали иначе и вызвали Кипріана на слѣдующее серьезное сѣтованіе: „мы не удивляемся, что они сами (еретики новаціане) стоятъ за свое нечестіе... Но то удивительно, даже болѣе—досадно, и прискорбно, что христіане заступаются за антихристовъ и что внутри самой церкви стоятъ противъ церкви нарушители вѣры и предатели церкви“ [1]). Въ точности, конечно, еще не извѣстно, кого здѣсь Кипріанъ разумѣлъ подъ противниками церкви, нарушителями вѣры и предателями церкви“ (praeuricatores fidei atque ecclesiae proditores)? Весьма возможно, что онъ намекалъ здѣсь и на несимпатичную ему практику римской церкви, во главѣ съ ея предстоятелемъ—еп. Стефаномъ. Но болѣе вѣроятно, что подъ такими „измѣнниками своей вѣры“ Кипріанъ разумѣлъ здѣсь всѣхъ тѣхъ африканцевъ, которые отступали отъ постановленій своего-же раннѣйшаго собора (при Агриппинѣ). Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, одно, что корреспондентъ Кипріана—епископъ (?) Магнъ [2]) не имѣлъ какого-либо собственнаго, твердо опредѣленнаго рѣшенія, почему, онъ и обращался за совѣтомъ къ своему старшему и авторитетнѣйшему собрату [3]).

[1]) *Ep.* LXVIII, 10, 758—759 p.: „Quos tamen ipsos non miramur pro sua praepitate contendere... illud mirandum est, immo indigandum potius et dolendum, christianos antichristis adsistere ed praeuaricatores fidei adque ecclesiae proditores intus in ipsa ecclesia contra ecclesiam stare“. *P. n.* 62-oe, 368.

[2]) Личность Магна является довольно загадочной и спорной. Хотя большинство и старыхъ и новыхъ комментаторовъ считаетъ Магна *епископомъ*, однако и прежде и теперь находятся такіе авторы, которые не признаютъ его не только епископомъ, но даже и вообще клирикомъ, а видятъ въ немъ простого мірянина. Изъ древнихъ авторовъ назовемъ, напр. *Volusi'я*, который опредѣляетъ Магна, какъ homo laicus. Изъ новыхъ укажемъ на *Ad. d'Alès*, который говоритъ: „car Magnus n'était vraisemblablement pas évêque, ni même clerc“... (Op. cit. 363 p.). Но *Nelke*, въ противовѣсъ ему, рѣшительно заявляетъ, что Der Sohn Magnus, offenbar ein Bischof... и соглашается лишь допустить, что онъ былъ сравнительно молодымъ и малоопытнымъ епископомъ, почему Кипріанъ и обозначаетъ его не обычнымъ терминомъ frater, а болѣе покровительственнымъ—filius. *Op. cit.* 109 и 113 s.

[3]) *Nelke* готовъ даже признать, что самъ Магнъ въ душѣ больше склонялся на сторону признанія новаціанскаго крещенія, какъ совершаемаго во имя Св. Троицы; „Magnus scheint wirklich geneigt zu sein, wenigsten die Taufe der Novatianer anzuerkennen. Auf ihn wird sicherlich die Kunde, dass fast überall die regelrecht in Namen der Trinität gespendete Taufe det Häretiker und Schismatiker anerkant wurde, Eindruck geübt haben“. 112 n. 4.

Письмо еп. Магна и отвѣтъ на него еп. Кипріана, при всей ихъ принципіальной важности, были все же дѣломъ частной переписки двухъ лицъ—юнаго и малоопытнаго епископа, съ одной стороны (Magno *filio*) и умудреннаго опытомъ и годами старѣйшаго его коллеги, съ другой. Но вскорѣ мы встрѣчаемся и съ оффиціальной перепиской по тому-же самому вопросу объ еретическомъ крещеніи (въ болѣе широкомъ объемѣ—не одно новаціанское крещеніе, а еретическое и схизматическое, вообще),—перепиской тѣмъ болѣе цѣнной и важной для насъ, что она, повидимому, происходила между цѣлыми двумя арфиканскими соборами.

Единственнымъ, дошедшимъ до насъ памятникомъ этихъ двухъ соборовъ является письмо Кипріана, редактированное имъ отъ лица собора тридцати одного епископа и адресованное къ восемнадцати нумидійскимъ епископамъ [1]). Письмо это признается за одинъ изъ подлинныхъ актовъ Карѳагенскаго собора 255-го года и потому требуетъ особаго къ нему вниманія. Въ заголовкѣ названнаго письма помѣщены два перечня епископскихъ именъ: во первыхъ, списокъ карѳагенскихъ авторовъ посланія—тридцать одного епископа изъ провинціи Africa Proconsularis; а во вторыхъ—списокъ его нумидійскихъ адресатовъ—восемнадцати епископовъ изъ провинціи Numidia. Уже одно простое сопоставленіе двухъ списковъ наводитъ на догадку, что это—не случайная группа епископовъ двухъ провинцій, а какое-либо организованное ихъ собраніе. По отношенію къ первой, проконсульской группировкѣ вопросъ рѣшается просто и легко первыми же словами самаго текста посланія: „всѣ мы вмѣстѣ, *на соборѣ*, прочли, возлюбленнѣйшіе братья, ваше письмо“ (cum simul *in concilio*, essemus, fratres carissimi, legimus littera uestras). Ясно, что группа епископовъ проконсульской Африки представляла изъ себя *соборъ*, и именно, очередной Карѳагенскій соборъ 255 г., (вѣроятно, весенній). Заключая отсюда по аналогіи, мы приблизительно то-же должны допустить и относительно второй группы—восемнадцати нумидійскихъ епископовъ, т. е. что и она представляла собой также какой-либо мѣстный соборъ. Но былъ-ли этотъ соборъ провинціальнымъ соборомъ всѣхъ нумидійскихъ епископовъ, или здѣсь собрался только избирательный соборъ для поставленія епископа на какую-либо вакантную нумидійскую каѳедру? На это мы, къ сожалѣнію, ли-

[1]) *Ep.* LXX, 1, 766. *P. n.* 57-oe, 321-ая стр. Запросное-же письмо восемнадцати нумидійскихъ епископовъ, къ сожалѣнію, потеряно. Въ спискѣ утраченныхъ писемъ этой эпохи, составленномъ Ad. Harnack'омъ, оно значится подъ цифрой 66-ть. *Harnack* „Ueber verlorene Briefe...“ s. 41.

шены возможности отвѣтить вполнѣ опредѣленно. Учитывая, впрочемъ, сравнительно небольшое число епископовъ и имѣя въ виду прецендентъ аналогичнаго обращенія къ Кипріану шести епископовъ, собиравшихся въ городѣ Капсѣ для поставленія своего новаго коллеги [1]), мы склоняемся больше въ сторону второго предположенія, т. е. что соборъ восемнадцати нумидійскихъ епископовъ былъ не провинціальнымъ, а *избирательнымъ* [2]). Во всякомъ случаѣ, самый анализъ приложенныхъ двухъ списковъ и ихъ сопоставленіе съ подобными-же списками отъ предыдущихъ и послѣдующихъ соборовъ (252 и 254 г. и 256 г.) очень поучителенъ и даетъ цѣнные выводы по вопросу объ объемѣ и составѣ африканскихъ соборовъ той эпохи. Отлагая детальный анализъ всѣхъ соборныхъ списковъ на особое приложеніе къ нашей книгѣ, здѣсь только замѣтимъ, что имена перваго списка (тридцати одного епископа), за немногими, вполнѣ понятными исключеніями (вызванными, напр. смертью), почти полностію повторяются въ спискахъ соборовъ 252 и 254 г., откуда слѣдуетъ, что всѣ эти соборы принадлежали къ одной категоріи, были типичными соборами одной провинціи, именно, Проконсульской Африки, во главѣ съ метрополемъ ея—Карѳагеномъ [3]).

Существуетъ, впрочемъ, мнѣніе, что соборъ 255 г. былъ не регулярнымъ, а чрезвычайнымъ, именно,—вызваннымъ запросомъ нумидійскихъ епископовъ, который, хотя и былъ обращенъ къ Кипріану, по въ сущности, заключалъ въ себѣ совершенно опредѣленную просьбу—передать это дѣло на рѣшеніе собора [4]). Однако съ такимъ взглядомъ трудно согласиться, такъ какъ ему про-

[1]) *Ep.* LVI, 648 p. *P. n.* 44-oe, 240 стр. *Ср. выше,* стр. 526 и слѣд.

[2]) Срав. также цифру восемнадцати нумидійскихъ епископовъ съ цифрой шестнадцати италійскихъ, участвовавшихъ въ выборахъ и поставленіи еп. Корнелія—*Ep.* LV, 24, 642. *P. n.* 45-oe, 235 стр.

[3]) *Hefele-Leclercq* Op. cit. I, II, Appendice III III p.: L'etude des ces deux listes est instructive... Ces rapprochement (252, 254 и 255 г.) confirment les observation... sur la composition des premiers conciles, où ne se rencontraient guère que des évêques de la Proconsulaire, surtout des environs de Carthage ou du littoral". Ср. *Monceaux* Op. cit. II, 56 p.

[4]) Наиболѣе категорично высказываетъ такой взглядъ *о. Молчановъ*: „Вскорѣ съ подобнымъ же вопросомъ (какъ и Магнъ) обратились къ Кипріану 18 епископовъ нумидійскихъ... При этомъ, епископы просили Кипріана, не полагаясь на авторитетъ древности обычая, разсмотрѣть это дѣло соборомъ... Получивъ это письмо, св. Кипріанъ немедленно-же составилъ въ Карѳагенѣ соборъ изъ окружныхъ епископовъ (30)"... *Цит. соч.* 141 стр. Все это—плодъ личныхъ и даже довольно рискованныхъ догадокъ автора, совершенно расходящихся, какъ съ текстомъ даннаго посланія, такъ и съ общей исторіей карѳагенскихъ соборовъ.

тиворѣчитъ и заголовокъ даннаго посланія и самый его текстъ. Ниоткуда не видно, что письмо нумидійскихъ епископовъ было написано еще *до собора* и адресовано *лично* къ Кипріану. Наоборотъ, изъ перечня именъ обоихъ списковъ, помѣщенныхъ въ заголовкѣ письма, слѣдуетъ, что какъ отвѣтъ, такъ и запросъ носили коллективный характеръ, т. е. направлены были отъ лица одного собора (нумидійскаго, избирательнаго) къ другому (карѳагенскому, провинціальному). Не вѣрнѣе-ли полагать, что, какъ разъ то обстоятельство, что ко времени собранія нумидійскихъ епископовъ Карѳагенскій соборъ или уже начался, или вскорѣ имѣлъ открыться, и навело нумидійцевъ на мысль обратиться за разрѣшеніемъ своего сомнѣнія, именно, къ нему? Да то же самое подтверждаютъ и начальныя слова соборнаго посланія: „всѣ мы вмѣстѣ, *на соборѣ* прочли, возлюбленнѣйшіе братья, ваше письмо"... откуда совершенно ясно, что соборъ состоялся независимо отъ этого посланія, и только уже послѣ того, какъ онъ открылся, а быть можетъ, даже уже успѣлъ вырѣшить свои текущія дѣла, онъ занялся чтеніемъ и обсужденіемъ и нумидійскаго посланія. Мы констатируемъ здѣсь полную аналогію съ предыдущимъ Карѳагенскимъ соборомъ 254 года, гдѣ точно также видное мѣсто занимало разслѣдованіе посторонняго дѣла—схизмы испанскихъ церквей. Но какъ тогда мы не сочли возможнымъ признать, чтобы испанская схизма послужила поводомъ къ созыву карѳагенскаго собора, такъ теперь еще больше не видимъ основанія допускать подобной ошибки. Карѳагенскій соборъ 255 года, по аналогіи съ предыдущими соборами 251, 252 и 254 годовъ, былъ очереднымъ провинціальнымъ соборомъ, обычно собиравшимся вскорѣ послѣ пасхи, преимущественно въ маѣ мѣсяцѣ, если не встрѣчалось къ тому какихъ-либо особенныхъ препятствій, заставлявшихъ или вовсе отказываться отъ созыва очередного собора, (какъ это было напр. въ 253 году), или переносить его на осень (какъ произошло въ 254 г.). Такимъ-то весеннимъ, очереднымъ соборомъ былъ и Карѳагенскій соборъ 255 года, зная обычный срокъ котораго нумидійцы могли даже и заблаговременно, именно, къ этому моменту пріурочить и самую отсылку въ Карѳагенъ своего запроснаго письма [1]).

Въ самой трактовкѣ соборомъ вопроса, предложеннаго нумидійцами, мы не встрѣчаемъ почти ничего новаго, по сравненію

[1]) На этомъ, именно, основаніи *Nelke* относитъ отправку нумидійцами ихъ письма къ маю мѣсяцу (хотя, ошибочно, къ маю 254 г. а не 255 г.), und zwar von regelmässig alljährlich tagenden Frülingssynode... s. 91 *n.* 6: „weil das Concil der Africaner als eine gewönliche Synode erscheint"...

съ выше изложенной аргументаціей Кипріана въ письмѣ къ Магну. Вообще, рука Кипріана на редакціи соборнаго посланія замѣтна весьма сильно: большинство нетолько мыслей, но и самыхъ выраженій совпадаютъ съ личными письмами Кипріана, по тому-же самому вопросу [1]). Единственнымъ дополненіемъ въ посланіи собора является развѣ только то, что соборъ усиленно подчеркиваетъ *давность* своей традиціи, какъ-бы полемизируя съ тѣми, кто упрекалъ ихъ за новизну: „мы изложимъ вамъ наше мнѣніе, мнѣніе не новое, но давно уже постановленное нашими предшественниками“ [2]). Очевидно, здѣсь имѣется въ виду постановленіе Карѳагенскаго собора, состоявшееся при Агриппинѣ и дѣйствовавшее при его преемникахъ—Оптатѣ и Донатѣ. Основная мысль всего соборнаго посланія та, что „такъ какъ у нихъ (еретиковъ и схизматиковъ) все ничтожно и лживо (inania et falsa sint), то мы и не должны одобрять ничего, совершеннаго ими“; а слѣдовательно не долженъ признавать и ихъ крещенія, производя при ихъ пріемѣ свое, настоящее и единственно дѣйствительное крещеніе. Самый канонъ даннаго собора, повидимому, почти съ буквальной точностью воспроизведенъ въ концѣ посланія: „такимъ образомъ мы, пребывающіе съ Господомъ, соблюдающіе Его единство и, по удостоенію Его, проходящіе священническое служеніе въ Его церкви, должны отринуть, отвергнуть и почитать нечестивымъ все, совершаемое противниками Его и антихристами; должны тѣмъ, которые, обращаясь отъ заблужденія и нечестія, познаютъ истинную вѣру одной церкви, преподать вполнѣ таинства божественной благодати и истину единства и вѣры“ [3]).

[1]) Разумѣемъ, главнымъ образомъ, ближайшія по времени письма—предыдущее, къ *Магну* (Ep. LXVIII, *P. n.* 62-ое) и послѣдующее—къ *Квинту*, еп. мавретанскому (*Ep.* LXXI, *P. n.* 58-ое).

[2]) *Ep.* LXX, 1, 767: „Sententiam nostram non nouam promimus, sed iam pridem ab antecessoribus nostris statutam“... *P. n.* 57-ое, 322 стр. Уже въ самомъ этомъ оправданіи слышится отголосокъ обвиненія въ „новшествѣ“, и обвиненія, какъ мы знаемъ, не совсѣмъ произвольнаго, потомучто анабаптистская практика, дѣйствительно, введена была сравнительно говоря, недавно; такъ что и самъ Кипріанъ, отстаивая ея давность, могъ лишь глухо сослаться на своихъ предшественниковъ, а въ другомъ мѣстѣ болѣе опредѣленно указать только на соборъ Агриппина—LXXI, 4, 774. *P. n.* 58-ое, 328 стр.

[3]) *Ep.* LXX, 3, 770: „quare qui cum Domino sumus et unitatem Domini tenemus et secundum eius dignitationem sacerdotium eius in ecclesia administramus, quaecumque aduersarii eius et antichristi faciunt repudiare et reiecere et pro profanis habere debemus et eis qui de errore et prauitate uenientes agnoscunt unius ecclesiae ueram fidem, dare illis per omnia diuinae gratiae sacramenta unitatis et fidei ueritatem“. *P. n.* 57-ое, 324—325 стр.

Точно также не находимъ мы здѣсь ничего новаго и по другому, всегда особенно интересному для насъ вопросу—*о составѣ* Карѳагенскаго собора 255-го года. Впрочемъ, важно подчеркнуть уже одно то, что и здѣсь мы имѣемъ на лицо всѣ, хорошо знакомые основные элементы, изъ которыхъ обычно состоялъ регулярно-провинціальный соборъ, и къ тому-же наблюдаемъ ихъ все при тѣхъ же, уже опредѣленно извѣстныхъ намъ соотношеніяхъ и роляхъ. Физіономію каждаго провинціальнаго собора, какъ намъ это достаточно извѣстно, всегда опредѣляла присутствовавшая на немъ епископская группа. Вѣдь, именно, она—эта *группа епископовъ провинціи*, съѣзжавшихся одновременно въ церковную общину метрополя и превращала собраніе мѣстной метрополичьей церкви въ то самое, что получало названіе провинціальнаго собора. Отсюда совершенно несомнѣнно, что епископская группа и была его главной, образующей силой, которая, собственно, этотъ соборъ и составляла, такъ какъ безъ нея соборъ былъ-бы только мѣстнымъ, а отнюдь не провинціальнымъ. А такъ какъ епископы и по своему благодатно-іерархическому положенію и по своему церковно-административному значенію стояли во главѣ церкви, являлись ея пастырями, отцами и главными администраторами, то вполнѣ понятно, что и на провинціальномъ соборѣ они занимали особое, болѣе активное, руководственно-вліятельное положеніе, были, такъ сказать, верхнимъ, наиболѣе важнымъ и виднымъ соборнымъ пластомъ. Что все это вполнѣ осязательно и безспорно засвидѣтельствовано и въ источникахъ собора 255 г., объ этомъ распространяться не приходится: достаточно указать только на поименный списокъ епископовъ въ началѣ LXX (57) письма и на не менѣе ясное обозначеніе членовъ собора, какъ „проходящихъ священническое (епископское) служеніе“ (secundum eius dignitationem sacerdotium eius in ecclesia administramus), чтобы убѣдиться, что опредѣленіе собора, и составлено и исходитъ, именно, отъ лица бывшихъ на соборѣ епископовъ. Такъ что съ этой стороны, и данный Карѳагенскій соборъ, какъ всякій провинціальный (и чрезвычайный), можетъ быть названъ „епископскимъ“.

Однако, и изъ самаго понятія провинціальнаго собора и изъ всѣхъ раннѣйшихъ прецедентовъ, намъ не менѣе твердо извѣстно, что на каждомъ провинціальномъ соборѣ присутствовала и вся *мѣстная община метрополя*—ея клиръ и вѣрный народъ, составлявшіе какъ-бы низшій, основной соборный пластъ, его фундаментъ и опору, гдѣ sententiae episcoporum проходили чрезъ consensus cleri et plebis и получали общецерковное, кано-

нически-обязательное признаніе (receptio ecclesiae). Этотъ необходимый, всегда себѣ тождественный и неизмѣнный элементъ собора какъ бы implicite мыслился въ самомъ понятіи о немъ. А такъ какъ онъ, кромѣ того, стоялъ позади епископата, какъ-бы нѣсколько въ тѣни и былъ менѣе активенъ (да и самая его активность была существенно иною, именно,—коллективной, а не личной, какъ у членовъ епископской группы), то совершенно въ порядкѣ вещей, что соборные источники говорятъ объ этомъ элементѣ всегда меньше и скупѣе. Почти вовсе молчатъ объ этой соборной группѣ и наши источники, собора 255-го года. Однако, въ одномъ изъ нихъ мы находимъ такое, совершенно опредѣленное указаніе на членовъ клира—„пресвитеровъ“: „недавно на соборѣ постановили объ этомъ предметѣ мы, весьма многіе соепископы, съ присутствовавшими *сопресвитерами*“ [1]). Самое сопоставленіе здѣсь „соепископовъ“ съ „сопресвитерами“ не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что подъ послѣдними надо разумѣть дѣйствительныхъ „пресвитеровъ“—вѣроятно, членовъ карѳагенскаго клира. Слѣдовательно, наличность clerі—совершенно ясна; а она логически влечетъ за собой и присутствіе plebis, ибо это были двѣ связныхъ группы единаго цѣлаго (пленума мѣстной церкви).

Естественнымъ заключеніемъ исторіи весенняго Карѳагенскаго собора 255-го г. и вмѣстѣ какъ-бы логическимъ переходомъ къ дальнѣйшему повѣствованію является отвѣтъ на вопросъ—зачѣмъ нумидійцы, которые въ вопросѣ о крещеніи еретиковъ, по словамъ соборнаго посланія, „вѣрно и твердо держались каѳолическаго правила“ (veritatem et firmitatem catholicae regulae), запрашивали объ этомъ дѣлѣ Карѳагенскій соборъ? Подобный вопросъ понятенъ лишь въ устахъ того, кто, какъ еп. Магнъ, или колеблется, или даже больше симпатизируетъ противоположной практикѣ; но всего менѣе—въ устахъ тѣхъ, кто твердо держится одинаковой съ Карѳагеномъ практики. Остроумный и убѣдительный отвѣтъ на поставленный вопросъ даетъ Nelke, который говоритъ, что нумидійцамъ авторитетно-соборное подтвержденіе ихъ практики нужно было нестолько для нихъ самихъ, сколько для ихъ сосѣдей—епископовъ провинціи Мавретаніи. Въ этой послѣдней вліяніе римской практики сказывалось всего сильнѣе, и она готова была признать дѣйствительность крещенія у еретиковъ и, слѣдовательно, его неповторяемость при переходѣ въ православную

[1]) *Ep.* LXXI, 1, 771: de qua re quid nuper in concilio plurimi coepiscopi cum *vresbyteris*, qui aderant censuerimus“... *P. n.* 58-oe, 325.

церковь [1]). А когда нумидійцы указывали мавретанцамъ на ихъ отступленіе отъ постановленія Агриппинова собора, то мавретанцы мало этимъ смущались и въ свою очередь выставляли на видъ, что соборъ Агриппина ввелъ „новшество“, неизвѣстное древней церкви. Вотъ тогда-то нумидійцы и обратились въ Карѳагенъ за добываніемъ новыхъ, болѣе вѣскихъ полемическихъ аргументовъ, противъ мавретанцевъ [2]). Справедливость этой остроумной догадки въ полной мѣрѣ подтверждается и послѣдующими историческими фактами, ближайшимъ образомъ, перепиской Кипріана съ мавретанскимъ епископомъ Квинтомъ, къ разбору чего мы теперь и переходимъ.

Въ спорѣ нумидійцевъ съ мавретанцами о крещальной практикѣ побѣда оказалась на сторонѣ первыхъ, такъ какъ Карѳагенскій соборъ 255-го года всецѣло ихъ одобрилъ и поддержалъ. Но и мавретанцы не хотѣли такъ легко и безъ боя сдаваться: они рѣшили лично запросить Кипріана и получить отъ него копію соборнаго постановленія, какъ бы не довѣряя нумидійцамъ, или опасаясь съ ихъ стороны субъективной окраски того, что происходило на соборѣ. Съ такой просьбой обратился къ Кипріану (не извѣстно—устно, или письменно) черезъ пресвитера Лукіана нѣкто Квинтъ, какъ выясняется изъ одного позднѣйшаго письма [3]), епископъ мавретанскій. Во исполненіе всѣхъ этихъ вполнѣ законныхъ и весьма понятныхъ просьбъ, Кипріанъ, прежде всего, шлетъ Квинту „списокъ съ письма (exemplum epistulae, экземпляръ письма), въ которомъ изложено то, что недавно

[1]) *A. d'Alès:* „tandis que la Numidie marchait en somme, d'accord avec l'Afrique proconsulaire, la Maurétanie demeurait attachée a la tradition romaine“. La question baptismale au temps de S. Cyprien (Revue des questions historiques, t. XXXVII, nouv. ser. p. 364. Paris 1907.).

[2]) *Nelke:* „Die Anfrage der numidischen Bischöfe durch einen Streit mit mauretanischen Kollegen angeregt worden sei... Viel natürlicher und warscheinlicher ist die Auffasung, dass mauretanische Bischöfe, welche an der uralten Tradition hingen und die „Wiedertaufe“ verabscheuten (s. u. ep. 71), gegen mauretanischen Kollegen, die der Praxis der numidischen Nachbarbischöfe folgten, aufgetreten sind und damit die Numidier zur Beratung des strittigen Punktes und zur Anfrage bei den Kollegen von Africa proconsularis veranlasst haben“. *Op. cit.* 90—91 s. Вполнѣ солидаренъ съ Nelke и Ernst, который первое зерно африканскихъ споровъ о перекрещиваніи такъ-же готовъ видѣть въ столкновеніи взглядовъ нумидійцевъ и мавретанцевъ. „Papst Stephan I und Ketzertaufstreit“ 5—6 s.

[3]) *Ep.* LXXII, 1, 776: „Nuper expressum est in epistula, quae ad Quintum collegam nostrum in Mauretania constitutum“... *P. n.* 59-oe, 329 стр. Benson высказываетъ предположеніе, что Квинтъ—одно лицо съ Quietus, епископомъ г. Buruc'a, указаннымъ въ перечнѣ епископовъ большого осенняго собора 256 г. Op. cit. 350 not. 2.

на соборѣ (nuper in concilio) постановили объ этомъ предметѣ (т. е. крещеніи еретиковъ и раскольниковъ) весьма многіе соепископы, съ присутствовавшими сопресвитерами (plurimi coepiscopi cum conpresbyteris qui aderant)“ [1]. Списокъ этотъ предназначался нетолько лично для Квинта, но и для свѣдѣнія всѣхъ находящихся тамъ (т. е. въ Мавретаніи) соепископовъ [2]. Во вторыхъ, къ копіи соборнаго посланія Кипріанъ присоединяетъ и свое собственное письмо къ Квинту, въ которомъ опъ, отчасти, еще больше усиливаетъ мотивировку принятаго соборомъ рѣшенія, а главное—устраняетъ тѣ встрѣчныя возраженія, которыя, надо полагать, выдвигались мавретанцами и имѣли въ ихъ глазахъ особенный вѣсъ.

Первое и едва-ли не главное возраженіе—это ссылка на неповторяемость таинства крещенія. Да, соглашается, Кипріанъ несомнѣнно, что крещеніе едино: „но оно едино потому, что церковь едина, а внѣ церкви крещеніе не возможно“ [3]. Потому всѣ тѣ, кто крестились *внѣ* церкви, въ сущности, не получили никакого крещенія; и когда таковые приходятъ въ нашу единую истинную и спасающую церковь, то мы ихъ не перекрещиваемъ (ибо они и не были еще крещены, какъ слѣдуетъ), а только впервые крестимъ. На этомъ основаніи, если еретикъ былъ рожденъ въ православной церкви и отпалъ отъ нея въ послѣдствіи, но затѣмъ снова-бы сталъ искать союза съ нею, то такого еретика, какъ нѣкогда правильно крещеннаго, подвергать новому крещенію не слѣдуетъ; а совершенно достаточно только, въ знакъ покаянія, возложить на него руку, чтобы принять въ овчарню свою-же заблудшую овцу. Но если приходящій отъ ереси является въ истинную церковь только впервые, какъ совершенно ей чужой и непросвѣщенный, то, чтобы сдѣлать его овцой духовнаго стада, необходимо пропустить его въ ограду церкви чрезъ спасительную дверь крещенія. Противники анабаптистской практики ссылались, затѣмъ, на древность, якобы не знавшую ничего подобнаго. Кипріанъ готовъ имъ уступить въ признаніи самаго факта. Но онъ тутъ-же даетъ ему объясненіе и указываетъ неприложимость его къ измѣнившимся условіямъ жизни: въ древности существовали лишь первые, еще сравнительно слабые начатки ересей; и въ

[1] *Ep.* LXXI, Cyprianus Quinto fratri, 1, 771 p. *P. n.* 58-oe „Письмо къ Квинту о крещеніи еретиковъ“ 325 стр.

[2] *Ep.* LXXI, 3, 774: Exemplum earum ad notitiam tam tuam quam coepiscoporum nostrorum qui illic sunt pro communi dilectione transmisimus“. *P. n.* 58-oe, 328 стр.

[3] *Ep.* LXXI, 1, 771: quod unum scilicet in ecclesiae catholica est, quia ecclesia una est et esse baptisma praeter ecclesiam non potest“. *P. n.* 58-oe, 325 стр.

эти ереси уклонялись, преимущественно, рожденные и крещенные въ православной церкви. Ихъ, конечно, не было никакой надобности перекрещивать. Но не то стало теперь, когда ереси умножились и развились и когда большинство еретиковъ никогда и не принадлежало къ истинной церкви.

Наконецъ, оппозиція указывала на мѣстные традиціи и обычаи, укоренившіеся въ тѣхъ или другихъ церквахъ, ломать которые едва-ли позволительно и съ чисто церковной точки зрѣнія. Въ отвѣтъ на это Кипріанъ высказываетъ одну изъ замѣчательнѣйшихъ своихъ мыслей, что обычай въ церкви, самъ по себѣ, не имѣетъ нормативной силы закона: „не должно предписывать на основаніи обычая тамъ, гдѣ слѣдуетъ доказывать разсужденіемъ“ [1]. И эту мысль подтверждаетъ апостольскимъ примѣромъ извѣстнаго антіохійскаго спора объ обрѣзаніи двухъ первоверховныхъ апостоловъ—Петра и Павла, въ которомъ Петръ, хотя и дѣйствовалъ согласно обычаю, однако уступилъ Павлу, руководившемуся внутреннимъ пониманіемъ самого духа новой религіи. „Этимъ онъ научалъ и показывалъ, что каждому порознь можетъ быть многое открыто къ лучшему и что никто не долженъ отстаивать упорно то, что опъ однажды задумалъ и чего держится, но если будетъ предложено что-либо лучшее и полезнѣйшее, то всякъ долженъ охотно принимать это“ [2]. А такъ какъ Кипріанъ свой взглядъ на крещальную практику считалъ лучшимъ и совершеннѣйшимъ, логически вытекающимъ изъ догмата единства церкви, то въ силу этого онъ и требовалъ его общаго признанія, не взирая ни на какіе ошибочные прежніе обычаи и традиціи. И это тѣмъ болѣе, что новую практику „по здравомъ разсужденіи“ утвердилъ и цѣлый соборъ епископовъ африканской и нумидійской провинцій, состоявшійся подъ предсѣдательствомъ карѳагенскаго епископа Агриппина [3]. Такимъ образомъ, письмо Кипріана къ мавретанскому епископу Квинту, непосредственно примыкая къ исторіи Карѳагенскаго собора 255 г., прекрасно ее заключаетъ и одновременно вводитъ насъ въ исторію дальнѣйшаго собора.

[1] *Ep.* LXXI. 3, 773: „Non est autem de consuetudine praeseribendum, see ratione uincendum“.

[2] *Ibidem* 773, *P. n.* 58-oe, 327 стр. Fechtrup и Nelke въ самой ссылкѣ Кипріана на случай съ ап. Петромъ и въ довольно рѣзкой характеристикѣ упорствующихъ (insolenter aut adroganter adsumpsit) усматриваютъ рѣшительные намеки на поведеніе въ данномъ вопросѣ преемника и ап. Петра римскаго папы Стефана. Но въ подобномъ предположеніи нѣтъ особенной надобности, такъ какъ разсужденія Кипріана носятъ принципіальный, а не личный характеръ.

[3] *Ibidem*, 4, 774. *P. n. Тамъ-же*, стр. 328-ая.

III.

Шестой Карѳагенскій соборъ при еп. Кипріанѣ (весной 256 г.).

Весенній Карѳагенскій соборъ 255-го года, со всѣми сопутствовавшими ему обстоятельствами [1]), нетолько не локализовалъ вновь поднявшагося въ Африкѣ спора, но лишь сильнѣе его раздулъ, втянувъ въ него, сначала, Мавретанію, а затѣмъ и Римъ съ Востокомъ.

Мы уже ознакомились съ тѣмъ, какъ Мавретанія, тяготѣвшая больше къ римской крещальной практикѣ, реагировала на постановленіе предыдущаго собора (255 г.). Она не хотѣла ему вѣрить, и въ лицѣ одного изъ своихъ епископовъ (еп. Квинта) запросила у Кипріана точную копію соборнаго рѣшенія. Кипріанъ не замедлилъ исполнить эту просьбу, присоединивъ къ соборному посланію еще и свой собственный полемическій трактатъ противъ держащихся иной крещальной практики. Этимъ самымъ всякія сомнѣнія мавретанскихъ епископовъ насчетъ взглядовъ Кипріана и Карѳагенскаго собора совершенно уничтожались и мавретанцы окончательно убѣждались, что у себя въ Африкѣ, вмѣсто искомой ими поддержки, они встрѣчаютъ полное и единодушное осужденіе. Тогда они рѣшили обратиться за поддержкой туда, гдѣ, какъ имъ было не безъизвѣстно, иначе смотрѣли на дѣло, т. е. въ римскую церковь и къ ея предстоятелю—папѣ Стефану [2]). Послѣдній, надо думать, тѣмъ охотнѣе внялъ такой просьбѣ, что, помимо интересовъ самаго дѣла и защиты своей собственной церковной практики, она давала ему удобный поводъ свести старые, уже достаточно по разнымъ поводамъ, наконившіеся счеты съ вліятельнымъ карѳагенскимъ митрополитомъ—Кипріаномъ [3]). Свой первый откликъ на африканскій споръ о

[1]) Подъ сопутствовавшими обстоятельствами мы разумѣемъ, какъ предыдущія—письма Магна и восемнадцати нумидійскихъ епископовъ,—такъ и послѣдующія—письмо мавретанскаго еп. Квинта и отвѣтъ на него Кипріана,

[2]) Такъ, именно, освѣщаетъ прагматическую связь событій *Ad. d'Alès*, который говоритъ: l'episcopat de Maurétanie s'emut de cette declaration (разумѣется копія соборнаго посланія и сопроводительное письмо Кипріана къ Квинту) contraire à son usage, et *consulta Rome*. „La Question baptismal au temps de S. Cyprien" Rev. des quest. historiques 1907, Avril, 374 p. Еще категоричнѣе выражаетъ ту-же мысль *Nelke:* „Ferner ist auch an sich die Annahme im höchsten Grade unwahrscheinlich, dass die mauretanischen Bischöfe in einem bereits stark entfochten Streit, in welchem ein grosses Concil sich gegen sie versammelte, sich nicht an den römischen Bischof, den Hauptvertreter der von ihnen geübten Praxis, gewandt haben sollen". Op. cit. 98.

[3]) Самыми крупными изъ такихъ поводовъ было два: это—аппелляція испанской церкви по дѣлу Василида и Марціала и аппелляція галльской церкви,

крещеніи папа далъ въ письмѣ, адресованномъ къ мавретанцамъ, которое чрезъ мавретанскаго-же епископа Юбайяна стало извѣстнымъ и Кипріану [1]). Тогда Кипріанъ, видя, что необходимое согласіе по спорному вопросу далеко еще не достигнуто даже и для самой Африки и, особенно, чувствуя надвигавшуюся грозу изъ Рима, рѣшилъ еще разъ пересмотрѣть вопросъ о крещеніи на ближайшемъ-же очередномъ весеннемъ соборѣ 256-го года, причемъ самый соборъ Кипріанъ озаботился пополнить и солидарнымъ съ нимъ во взглядахъ епископатомъ сосѣдней провинціи—Нумидіи [2]).

Соборъ этотъ, дѣйствительно, и открылся въ Карѳагенѣ, въ составѣ семидесяти одного епископа, прибывшихъ изъ двухъ церковныхъ провинцій—„Африки" (Проконсульской, Africa Proconsularis) и Нумидіи [3]). Происходилъ онъ, вѣроятно, въ свое обычное время, т. е. весной, вскорѣ послѣ пасхи, хотя Benson почему-то и заявляетъ, что соборъ этотъ былъ „передъ пасхой" (before Easter) [4]). Повидимому, онъ исходитъ здѣсь изъ того соображенія, что, въ виду исключительной важности вопроса и необходимости поскорѣе освѣдомить о немъ папу, Кипріанъ долженъ былъ особенно поторопиться съ этимъ соборомъ и назначить его не послѣ пасхи, а передъ нею. Впрочемъ, нѣкоторые авторы проявляютъ еще бо́льшую поспѣшность и готовы данный соборъ, какъ чрез-

по дѣлу епископа Марціала арелатскаго. Первое намъ извѣстно во всѣхъ деталяхъ; о второмъ-же см. Ep. LXVIII, 744—749. *P. n.* 55-oe, 309—313 стр.

[1]) Объ этомъ хотя и косвенно, но достаточно ясно, говорится въ письмѣ Кипріана къ еп. Юбаяну: „въ письмѣ, съ котораго списокъ ты прислалъ ко мнѣ... упоминается даже о Маркіанѣ, въ томъ смыслѣ, что и отъ него обращающихся къ намъ не должно крестить". *P. n.* 59-oe, 334 стр. *Ep.* LXXIII, 4, 781 p. А признаніе крещенія Маркіона, Валентина, Апеллеса и др. еретиковъ въ письмѣ Кипріана къ Помпею ясно приписывается папѣ Стефану. *P. n.* 61-oe, 355 стр. *Ep.* LXXIII, 7, 805 p.

[2]) Ясное свидѣтельство о количественномъ и территоріальномъ составѣ собора дано въ слѣдующихъ строкахъ письма Кипріана къ Юбаяну: nunc quoque cum in unum conuenissemus tam prouinciae *Africae quam Numidiae* episcopi numero septuaginta et unus". *Ep.* LXXIII, 1, 779. *P. n.* 59-oe, 332 стр.

[3]) Поэтому мы вполнѣ привѣтствуемъ тотъ заголовокъ настоящаго собора, какой даетъ ему извѣстный издатель и комментаторъ древнихъ памятниковъ *Routh:* Carthaginiense concilium sub Cypriano sextum. Ex Africa provincia et Numidia, quod de baptismo secundum est, annoque post Christum natum 256 habitum". Rel. Sacrae² III, 112 p.

[4]) *Benson* Op. cit. „Next year, A. D. 256, the question occupies the Bischops in their Council before Easter" 351 p. Не слѣдуетъ-ли здѣсь Benson указанію Pearson'a у *Routh*'a „ante pascha anni sequentis 256 fuisse, docet celebratum hoc concilium Pearsonius"... Reliqu. Sac. III, 172 p.

вычайный, отнести даже на осень предыдущаго 255-го года [1]). Но едва-ли всѣ эти догадки могутъ быть достаточно обоснованы. Вѣдь, тогда между осеннимъ и весеннимъ соборами 255-го года у насъ оставался-бы промежутокъ всего въ какихъ-либо два-три мѣсяца, считая, что весенній соборъ закончился въ іюнѣ, а осенній открылся въ сентябрѣ, какъ это бывало здѣсь обычно. А между тѣмъ, мы знаемъ, что въ промежуткѣ между двумя послѣдними соборами произошелъ цѣлый рядъ событій, какъ-то: распространеніе, первоначально, смутнаго слуха о соборѣ по Мавретаніи, запросъ мавретанскаго епископа Квинта, отвѣтъ на него еп. Кипріана, недовольство мавретанцевъ такимъ отвѣтомъ и обращеніе ихъ въ Римѣ къ папѣ Стефану, сочувственный откликъ Стефана мавретанцамъ, полученіе извѣстій обо всемъ этомъ Кипріаномъ и созывъ имъ новаго, болѣе полнаго, (усиленнаго по составу) собора. На все это, при тогдашнихъ средствахъ сообщенія, разумѣется, необходимо было время, и время сравнительно немалое, по крайней мѣрѣ, превышающее вышеуказаный срокъ двухъ-трехъ мѣсяцевъ. Такъ что весну 256 г. слѣдуетъ признать гораздо болѣе пріемлемой для собора семидесяти одного епископа, чѣмъ осень предыдущаго 255-го года [2]).

Главнымъ, дошедшимъ до насъ памятникомъ весенняго собора 256 г. признается соборное посланіе, адресованное на имя папы Стефана и содержащее въ себѣ сжатый очеркъ исторіи крещальнаго вопроса, какъ онъ развивался и выяснялся въ церквахъ африканскихъ провинцій за послѣднее время [3]). Посланіе это начинается съ довольно глухого заголовка: „Кипріанъ и *прочіе* брату Стефану“ [4]), подавшаго нѣкоторымъ поводъ отрицать тождество даннаго собора съ тѣмъ соборомъ семидесяти одного епископа Африки и Нумидіи, о которомъ съ такой опредѣленностью говорится въ слѣдующемъ письмѣ Кипріана [5]). Но полная безпочвенность и произвольность такого отрицанія прекрасно разоблачена Nelke [6]). Далѣе выясняется задача собора, состоявшая въ томъ, „чтобы привесть въ порядокъ и обсудить общимъ соборнымъ изслѣдованіемъ (et consilii communis examinatione) нѣкоторыя дѣла“ [1]). Она и была достигнута соборомъ, „на которомъ много было обсуждено и выработано“ (multa quidem prolata atque exacta sunt) [2]). Здѣсь мы находимъ, хотя и косвенное, но вѣское подтвержденіе той мысли, что соборъ этотъ былъ не чрезвычайнымъ (ein aussergewöhnliches Concil—какъ думаетъ *Nelke* 100 s.), т. е. собраннымъ только по вопросу о крещеніи, а обычнымъ, ежегодно составлявшимся для обсужденія текущихъ дѣлъ, которыхъ за годичный срокъ, протекшій отъ собора 255 года, дѣйствительно, могло накопиться немало (multa).

Но изъ числа этихъ, глухо помянутыхъ *многихъ* дѣлъ отцы собора считаютъ нужнымъ освѣдомить папу только *о двухъ*, важнѣйшихъ, потомучто они „имѣютъ ближайшее отношеніе къ власти священства (ad sacerdotalem auctoritatem) и къ единству и достоинству церкви, проистекающему отъ богоустановленнаго порядка (de diuinae dispositionis ordinatione)“ [3]). Во-первыхъ, о выработанномъ еще на предыдущемъ соборѣ (255 г., 31-го епископа) и теперь снова подтвержденномъ рѣшеніи—принимать еретиковъ черезъ крещеніе—и во-вторыхъ, объ утвержденномъ на данномъ соборѣ канонѣ пріема бывшихъ клириковъ, безъ возврата имъ сана, а въ званіи простыхъ мірянъ. Послѣдній канонъ не былъ чѣмъ-либо новымъ, а являлся достаточно уже извѣстнымъ канономъ о „падшихъ клирикахъ“, неоднократно подтверждавшимся на предыдущихъ соборахъ, начиная съ соборовъ 251 г. и сравнительно недавно повтореннымъ на соборѣ 254 г., по дѣлу испанскихъ либеллятиковъ—Василида и Марціала. Тѣмъ не менѣе, бо́льшая половина соборнаго посланія посвящена мотивировкѣ, именно, этого канона, что, пожалуй, являлось и излишнимъ, потому что ни въ комъ не вызывало споровъ, а главное—было недостаточно осторожно и тактично, такъ бередило еще свѣжую рану папы Стефана, полученную имъ по дѣлу испанской схизмы, гдѣ онъ явно былъ неправъ. Однако, главнымъ предметомъ посланія служилъ все-же не этотъ вопросъ, а первый—о крещеніи еретиковъ, бывшій въ то время предметомъ оживленныхъ споровъ. Если-же, тѣмъ не менѣе, соборъ говоритъ о немъ сравнительно немного, то лишь потому, что считаетъ этотъ вопросъ „недавно и со всѣмъ тщаніемъ (diligenter nuper expres-

[1]) Такъ, именно, предположительно высказываются *Hefele*, I, 1, 175, *Дюшенъ*, I, 285 стр. *о. Молчановъ*, 143 стр. и даже *Nelke* 100 s.

[2]) И можно почти съ полной увѣренностью утверждать, что срокъ этотъ былъ *послѣпасхальнымъ*, такъ какъ *предпасхальный* исключается всѣми прецедентами и категорическимъ указаніемъ *Ep.* LVI, 3, 649. *P. n.* 44-ое, 241.

[3]) *Epist.* LXXII, 775—778. *P. n.* 59-ое, 328—331.

[4]) „Cyprianus et *ceteri* Stephano fratri s.“ *Ibidem.*

[5]) *Ep.* LXXIII, 1, 779. *P. n.* 60-ое, 332 стр.

[6]) *Nelke* „Op. cit.“ 99—100 s.: „Das Concil, von welchem ep. 72 stammt, und die Synode der Africaner und Numidier (ep. 73) *sind identisch* (к. н.)“. Этотъ тезисъ дальше у него подробно и обосновывается цѣлымъ рядомъ аргументовъ.

[1]) *Ep.* LXXII, 1, 775. *P. r.* 59-ое, 328.

[2]) *Ibidem.*

[3]) *Ibidem.*

sum est) [1]) уже дважды выясненнымъ, сначала въ соборномъ посланіи къ нумидійскимъ епископамъ, а затѣмъ, въ письмѣ Кипріана къ мавретанскому епископу Квинту. Потому, не желая повторяться, новый соборъ не дѣлаетъ своей собственной формулировки рѣшенія, а всецѣло принимаетъ и одобряетъ ту, которая дана была раньше, въ двухъ вышеназванныхъ посланіяхъ, копіи съ которыхъ онъ и посылаетъ теперь папѣ, чтобы ввести его въ курсъ дѣла. Отъ себя соборъ 71-го еп. добавляетъ лишь одинъ аргументъ, какъ видно, направленный спеціально противъ римской практики — это указаніе на недостаточность для пріема еретиковъ одного руковозложенія, безъ совершенія таинства крещенія. Римская церковь, какъ извѣстно, принимала всѣхъ еретиковъ только черезъ возложеніе рукъ, которое, съ одной стороны, символизировало собой актъ покаянія, съ другой—замѣняло таинство миропомазанія, или низведенія даровъ Св. Духа на воспринимаемаго отъ ереси. Посланіе собора и подчеркиваетъ, что „одного возложенія рукъ для принятія Св. Духа было-бы еще не достаточно для нихъ (т. е. еретиковъ), если-бы они не получили съ тѣмъ вмѣстѣ и церковнаго крещенія“ [2]), мотивируя это извѣстнымъ евангельскимъ текстомъ о крещеніи водою и духомъ (Іо. III, 5) и случаемъ изъ апостольской практики — съ семьей сотника Корнилія, членовъ которой ап. Петръ повелѣлъ все-же крестить, несмотря на то, что предварительное сошествіе благодатныхъ даровъ Св. Духа на нихъ было уже очевиднымъ.

Общій тонъ письма — достаточно рѣшительный и твердый, а его характеръ—положительный, а отнюдь не условный, или просительный, какъ хотятъ, иногда, представить дѣло авторы ультрамонтантскаго лагеря, которые находятъ, что Карѳагенскій соборъ будто-бы представляетъ здѣсь свое предварительное рѣшеніе чутьли не на окончательный судъ и утвержденіе папы [3]). Въ посланіи Карѳагенскаго собора нѣтъ и тѣни ничего условнаго, просительнаго, тѣмъ болѣе заискивающаго; наоборотъ, оно преподаетъ, хотя и въ очень деликатной формѣ, но твердый урокъ самому папѣ

[1]) *Ep.* LXXII, 1, 776 p. *P. n.* 59-oe, 329 стр.

[2]) *Ibidem* 1, 775. *P. n. тамъ-же.*

[3]) Въ смягченной формѣ замѣтна такая тенденція даже у *Monceaux* (II, 228 и 338) и еще больше у *Ernst*'а 12—14, утверждающихъ, что Карѳ. соборъ искалъ будто-бы сочувствія папы, хотѣлъ заручиться его санкціей и опереться на его верховный авторитетъ. Но даже *Migne* „Dictionnaire des conciles“ и тотъ признаетъ обратное—что соборъ поучалъ папу, давалъ ему совѣты: „Saint Cyprien donna avis de tous ces réglements au pape saint Etienne, par une lettre qu' il lui écrivit au nom des Pères du concile“. 465 p.

и написано, въ общемъ, съ большимъ достоинствомъ и даже со властью, какъ это видно хотя-бы напр. изъ слѣдующаго выраженія: „къ тому, возлюбленнѣйшій братъ, по общему согласію и *власти*, мы прибавляемъ и присовокупляемъ“ [1]). Но, разумѣется, посланіе собора, какъ прошедшее редактуру Кипріана, носитъ все-же печать его обычной осторожности, умѣренности, дипломатичности, даже любезности. Потому-то здѣсь встрѣчаются фразы о „степенности и мудрости“ папы Стефана (cum tua grauitate ac sapientia“ [2]), объ его „благочестіи и вѣрѣ“ (pro religionis tuae et fidei ueritate) [3]) „объ общемъ уваженіи и чистой любви“ къ нему (pro honore communi et pro simplici dilectione) [4]). Но все это, какъ справедливо характеризуетъ Nelke [5]), не болѣе, какъ „пустыя фразы“, обычная епистолярная любезность въ устахъ такого несравненнаго искусника этой литературы, какимъ былъ Кипріанъ, И Ernst, полемизирующій здѣсь съ Nelke, совершенно напрасно усиливается вложить въ эти фразы то содержаніе, котораго на самомъ-то дѣлѣ онѣ не имѣютъ [6]). Въ противномъ случаѣ, совершенно непріемлемой и необъяснимой была-бы, напримѣръ, такая фраза, непосредственно слѣдующая за вышеуказанными комплиментами: „впрочемъ, мы знаемъ, что нѣкоторые, разъ принявши что-нибудь, ни за что не хотятъ уже, отказавшись отъ принятаго, перемѣнить своихъ мнѣній; и держатся однажды допущенныхъ у себя злоупотребленій, не разрывая однакожъ союза мира и согласія съ товарищами своими“ [7]). Фраза эта, что называется попадаетъ папѣ не въ бровь, а прямо въ глазъ, и ужъ конечно, если-бы отцы Карѳагенскаго собора были, дѣйствительно, проникнуты какимъ-то особенно почтительнымъ піэтетомъ къ папѣ, то они не рѣшились-бы огорчать его этой колкой правдой и нашли-бы для привлеченія его на свою сторону иные аргументы и другой, болѣе подходящій, языкъ. Впрочемъ, дипломатично-любезный редакторъ соборнаго посланія тотчасъ-же пытается и смягчить сухость предыдущей фразы такимъ заключительнымъ признаніемъ: „въ этомъ дѣлѣ (въ спорѣ о крещеніи) и мы ни-

[1]) *Ep.* LXXII, 2, 776: „Addimus plane et adiungimus, frater carissime, consensu et *auctoritate* communi“... *P. n.* 59-oe, 329 стр.

[2]) *Ep.* LXXII, 1, 775. *P. n.* 59-oe, 328.

[3]) *Ibid.* 3, 777. *Тамъ-же*, 331.

[4]) *Ibid. Тамъ-же.*

[5]) *Nelke* „Die Worte: c. 1 „cum tua gravitate ae sapientia conferendum fuit“ sind eine gehaltlose Phrase“. *Op. cit.* 99. n. 2.

[6]) *Ernst* Op. cit. 11 s.

[7]) *Ep.* LXXII, 3, 778. *P. n.* 59-oe, 331.

кого не принуждаемъ, *никому не даемъ закона*, потомучто всякій предстоятель свободенъ управлять своею церковью по своей волѣ, имѣя дать отчетъ въ своемъ дѣйствованіи Господу“ [1]).

Такимъ образомъ, изъ анализа соборнаго посланія къ папѣ Стефану съ достаточной ясностью открывается, что весенній Карѳагенскій соборъ 256 г. ставилъ себѣ двѣ совершенно опредѣленныхъ задачи: первую — достичь возможно полнѣйшаго соглашенія африканскихъ церквей по вопросу о крещеніи еретиковъ, чрезъ привлеченіе къ обсужденію его еще и нумидійцевъ; вторую—вызвать папу Стефана, главнаго вдохновителя оппозиціонной партіи, на открытое, гласное обсужденіе вопроса, и даже попытаться, если это окажется возможнымъ, переубѣдить его, въ пользу карѳагенской практики[2]).

Въ виду важности предмета и почтенія къ адресату, соборъ даже снарядилъ въ Римъ къ папѣ Стефану особую депутацію изъ епископовъ, которой и поручилъ лично передать это посланіе папѣ, а также, быть можетъ, и устно договориться съ нимъ до какого-либо болѣе опредѣленнаго результата. При этомъ нисколько не исключалась возможность и того, что спорящія стороны могли и не придти къ соглашенію, а каждая остаться при своемъ собственномъ убѣжденіи, лишь-бы только чрезъ это не нарушалось единеніе духа въ союзѣ мира [3]). Но папа Стефанъ этимъ-то, самымъ важнымъ условіемъ какъ разъ и пренебрегъ, перенеся все дѣло на почву открытаго разрыва: онъ вовсе не пожелалъ принять соборной депутаціи; да запретилъ это дѣлать и всѣмъ членамъ своей церкви, поставивъ тѣмъ самымъ почтенныхъ африканскихъ епископовъ въ обидное положеніе какихъ-то отлученныхъ грѣшниковъ. Какъ о самой этой депутаціи, такъ и о презрительно-

[1]) *Ibidem.* Обращаемъ вниманіе на слова, нами подчеркнутыя—*„никому не даемъ закона* (aut legem damus), такъ какъ они лишній разъ показываютъ, что характеръ и тонъ посланія былъ опредѣленно положительнымъ и авторитетнымъ, производящимъ, скорѣе, впечатлѣніе „закона“, а уже никакъ не „просьбы“. Но, въ общемъ, и Monceaux, напр. признаетъ это письмо assurement fort remarquable, одновременно соединяющимъ въ себѣ сознаніе собственнаго достоинства съ чувствомъ благоразумной умѣренности и дипломатическаго такта. Op. cit. II, 59.

[2]) *Nelke:* „Um seiner Ansicht über Ketzertaufe eine grössere Autorität zu verschaffen und Stepanus nicht zum Schweigen, sondern möglicherweise zur Verwerfung der Ketzertaufe... zu bewegen, veranlasst der Metropolit von Africa eine grosse Synode von 72 Bischöfen aus Africa proconsularis und Numidien und schreibt namens dieser Versammlung an den römischen Bischof den 72 Brief“. *Op. cit.* 94 s.

[3]) *Ep.* LXXII, 3, 778. *P. n.* 59-oe, 331.

высокомѣрномъ отношеніи къ ней папы Стефана мы узнаемъ случайно, изъ отвѣтнаго письма Фирмилліана, еп. кесаріе-каппадокійскаго къ еп. Кипріану, гдѣ объ этомъ поразительномъ фактѣ говорятъ слѣдующія ироническія строки: „а какъ терпѣливо и кротко принялъ онъ (т. е. Стефанъ) епископовъ вашихъ, отправленныхъ къ нему посланниками, когда не допустилъ ихъ къ собесѣдованію съ собою, да сверхъ того, памятуя о взаимномъ уваженіи и любви, приказалъ всему братству не принимать ихъ къ себѣ въ домы, чтобы пришедшихъ лишить не только мира и общенія, но даже и гостепріимнаго крова“ [1]). Такимъ образомъ, разрывъ между Римомъ и Карѳагеномъ—и разрывъ въ довольно рѣзкой и обидной формѣ—открыто начался, и произошелъ, исключительно, по винѣ папы Стефана, такъ какъ со стороны Кипріана и африканскихъ епископовъ были употреблены всѣ усилія, чтобы предупредить конфликтъ, или, по крайней мѣрѣ, возможно его смягчить. Но все было напрасно, такъ какъ папа, повидимому, радъ былъ прицѣпиться къ случаю, чтобы свести старые счеты съ Кипріаномъ и проявить свой нецерковный абсолютизмъ.

Посланіе къ еп. Стефану является главнымъ, но все-же не единственнымъ дошедшимъ до насъ памятникомъ весенняго собора 256 года. Къ нему-же примыкаютъ и два другихъ документа—письма Кипріана: одно къ еп. Юбайяну, другое къ еп. Помпею, характеризующія отчасти, и аргументацію собора, а главное—тѣ событія, которыя происходили непосредственно въ слѣдъ за нимъ, въ тотъ небольшой промежутокъ времени, который раздѣлялъ собою весенній и осенній соборы 256-го года. Не вдаваясь въ подробный анализъ внутренняго содержанія этихъ писемъ, гдѣ болѣе полно и обстоятельно развиваются уже хорошо извѣстныя намъ мысли, отмѣтимъ здѣсь лишь то, что знакомитъ насъ съ внѣшней, фактической стороной спора.

По существу дѣла, оба названныхъ письма Кипріана представляютъ собой полемическіе трактаты, критикующіе опредѣленныя литературныя произведенія, въ которыхъ проводилась и защищалась римская точка зрѣнія на спорный вопросъ о крещеніи. Именно, письмо къ Юбайяну — это критика письма какого-то не названнаго по имени автора [2]), а посланіе къ еп. Помпею—прямая отповѣдь Кипріана на присланное къ нему

[1]) *Ep.* LXXV, 25, 826 p. *P. n.* 1 ч. 386 стр.

[2]) *Ep.* LXXIII Cyprianus Jubaino fratri S. 4, 781: plane quoniam inueni in epistula cuius exemplum ad me scriptum esse quod quaerendum non sit baptisauerit“. *P. n.* 60-oe, 334.

письмо папы Стефана [1]). А такъ какъ возраженія обоихъ сочиненій, съ которыми полемизируетъ здѣсь Кипріанъ, нерѣдко сходны до тождества (напр. ссылка на обычай, указаніе на крещеніе кровью, снисходительное отношеніе къ Маркіону и т. п.), то полагаютъ, что авторомъ ихъ обоихъ было одно и то-же лицо, именно, папа Стефанъ, принадлежность которому втораго трактата извѣстна вполнѣ опредѣленно [2]).

На основаніи этихъ двухъ писемъ Кипріана, а также и другой, синхронистичной имъ литературы [3]), самый ходъ дальнѣйшихъ событій должно представить въ такомъ видѣ. Хотя папа Стефанъ и не принялъ депутаціи Карѳагенскаго собора 256-го г., однако о состоявшемся на немъ рѣшеніи онъ, безъ сомнѣнія, былъ освѣдомленъ, чѣмъ только и можно объяснить его нетерпимое отношеніе къ соборному посольству. Властолюбивый папа настолько былъ раздраженъ поведеніемъ Карѳагенскаго собора и, прежде всего, его предсѣдателя Кипріана, что первое время не хотѣлъ, или даже психологически не былъ въ состояніи ему отвѣтить. Но задержавъ свой отвѣтъ Кипріану, папа поспѣшилъ ободрить сочувствовавшихъ ему мавретанскихъ епископовъ, изъ-за которыхъ, главнымъ образомъ, весь сыръ-боръ и загорѣлся. Съ этой цѣлью онъ отправилъ туда посланіе, въ которомъ, наряду съ критикой карѳагенской точки зрѣнія на крещеніе, далъ наиболѣе полную и обстоятельную защиту своей собственной, за что и получилъ отъ Кипріана титулъ „благопріятеля и защитника еретиковъ“, лица „упорно препирающагося изъ-за еретиковъ съ братьями и со священниками“ [4]). Письмо это, какъ думаемъ мы, вслѣдъ за Ad. Harnack'омъ, было уже вторымъ, отправленнымъ имъ въ Мавретанію, такъ какъ о первомъ, посланномъ вскорѣ послѣ Карѳагенскаго собора 255 г., говорилось выше [5]).

[1]) *Ep.* LXXIII, Cypr. Pompeio fratri S. 1, 799: quid mihi ad litteras nostras Stephanus frater noster rescripserit, misi tibi rescripti eius exemplum“. *P. n.* 61-oe, 350 стр.

[2]) Болѣе подробную защиту этого предположенія и критику встрѣчныхъ возраженій см. у *Nelke* Op. cit. 101—102 s.

[3]) Разумѣемъ анонимный трактатъ De rebaptismate и кипріановское—De bono patientiae, относящіеся, къ данному періоду, *A. Harnack* „ChAL, II, 365 и 395 s. *O. Bardenhewer*[2] II 419 и 449 s.

[4]) *Ep.* LXXIII, 22, 795: „homines suffragatores et fautores haereticorum“. *P. n.* 60-oe, 347 p.

[5]) *См. выше*, стр. 586-ая. Ср. *Ad. Harnack:* „Erstes, verlorenes Schreiben des Stephanus (wohl nach Mauretanien—nach Früjahrskonzil 255)... Zweites, peremptorisches, verlorenes Schreiben des Stephanus nach Africa im Sommer 256. ChAL, II, 360 s. Leipzig 1904. Принадлежность писемъ Кипріану отстаиваютъ также

Повидимому, папа Стефанъ, крайне заинтересованный въ торжествѣ своихъ взглядовъ, послѣ каждаго изъ карѳагенскихъ соборовъ, гдѣ эти взгляды терпѣли крушеніе, находилъ нужнымъ оказывать поддержку своимъ мавретанскимъ друзьямъ, являвшимся въ Африкѣ единственнымъ оплотомъ римской практики.

Полученное мавретанцами новое, болѣе обстоятельное по содержанію и болѣе рѣшительное по тону письмо папы [1]), привело ихъ въ немалое смущеніе и поставило въ крайне затруднительное положеніе. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь мавретанская провинція, хотя сравнительно и была удалена отъ Карѳагена, но все-же находилась въ административной юрисдикціи сѣверо-африканской церкви и стояла, слѣдовательно, въ извѣстной связи, а если угодно, то даже и зависимости отъ своего метрополя. Поэтому, разумѣется, и двойной вотумъ Карѳагенскихъ соборовъ (255 г. и 256 г.) не могъ не произвести на епископовъ Мавретаніи извѣстнаго и, надо полагать, внушительнаго впечатлѣнія. Съ другой стороны, настойчивыя убѣжденія папы, подкрѣпляемыя его спеціальными посланіями, также не могли оставаться безъ вліянія на мавретанцевъ, и вліянія тѣмъ болѣе сильнаго, что имъ оправдывалась и закрѣплялась крещальная практика, которая уже и безъ того господствовала здѣсь. Вполнѣ естественно поэтому, что мавретанскіе епископы искали выхода изъ создавшагося, крайне затруднительнаго для нихъ положенія, и нѣтъ ничего удивительнаго, что двое изъ нихъ—Юбайянъ и Помпей—обратились съ мучившими ихъ сомнѣніями къ авторитетнѣйшему епископу—Кипріану [2]).

изъ древнихъ—Baron. Pamel. Const. Launoy, Maran etc., а изъ новыхъ—Nelke и Ad. d'Alès—см. у послѣдняго, 373 стр. n. 1. Полемика съ ними, въ общемъ малоубѣдительная, у *Ernst*'а Op. cit. 23 и сл.

[1]) Къ сожалѣнію, письмо это потеряно и въ подлинномъ видѣ до насъ не дошло. Но оно дошло, такъ сказать, въ критической обработкѣ его Кипріаномъ. Кипріанъ получилъ отъ Юбайяна полную копію письма и даетъ его разборъ, изъ котораго и можно выводить, что въ письмѣ папы Стефана содержалась самая полная, можно сказать, исчерпывающая апологія его взгляда. Что касается тона даннаго письма, то Harnack недаромъ характеризуетъ его, какъ peremptorisch, т. е. „рѣшительный, окончательный“. Судя по всему, въ письмѣ Стефана, наряду съ категорическимъ изложеніемъ его положительной точки зрѣнія, заключалась и рѣзкая критики карѳагенской, сопровождавшаяся соотвѣтствующими угрозами, по адресу всѣхъ ее пріемлющихъ.

[2]) *Nelke:* „Dass Jubaian mauretanischer Bischof war, folgt aus ep. 73, 3: apud *nos*, in provinciis *nostris;* Cyprianus stellt hier Africa proconsularis und Numidien dem Lande Mauretanien, welches unter Agrippinus die Ketzertaufe nicht verworfen hat (vrg. ep. 70; 71 и 73, 3) entegen“. Op. cit. 103, n. 3. Ср. *Benson:* „Jubain, a prelate of Mauretania“... Op. cit. 352 p. *Ernst* первоначально считалъ Юбайяна „нумидійскимъ“ епископомъ, но потомъ, подъ вліяніемъ Nelke отъ

Первымъ, безспорно, обратился къ Кипріану и получилъ отъ него разъясненіе еп. Юбайянъ. Такъ какъ онъ выразилъ желаніе „узнать внутреннее основаніе“ (motum animi), какъ бы сокровенныя душевныя настроенія) [1]) взглядовъ Кипріана, то послѣдній, со всей обстоятельностью и излагаетъ ему, сначала, самую исторію вопроса, (начиная съ собора Агриппина и кончая соборомъ 71 еп. 256 г.), а затѣмъ и его мотивировку, т. е. тѣ догматико-дисциплинарныя, отправныя точки, изъ которыхъ исходили и которыми руководились карѳагенскіе соборы. Причемъ, въ этой второй, важнѣйшей части своего трактата, Кипріанъ очень видное мѣсто удѣляетъ и критикѣ римскихъ возраженій, съ которыми онъ ознакомился изъ письма Стефана къ мавретанцамъ, пересланнаго Кипріану тѣмъ-же Юбайяномъ [2]). Въ общемъ, отвѣтное письмо Кипріана къ Юбайяну, по своей исчерпывающей полнотѣ, по своему высокому объективизму, по своему логически-убѣдительному и спокойно-миролюбивому тону производитъ самое благопріятное, располагающее впечатлѣніе. Такое-же впечатлѣніе оказало оно и на Юбайяна, который послѣ того рѣшительно перешелъ на сторону Кипріана и даже благодарилъ его за братское наставленіе [3]).

Въ промежуткѣ между отсылкой Кипріаномъ писемъ къ Юбайяну и Помпею произошло событіе, ускорившее развязку и выведшее даже самого Кипріана изъ его сдержанно-ровнаго, братски-миролюбиваго настроенія. Мы говоримъ о рѣзкомъ письмѣ, которое получилъ въ это время Кипріанъ отъ папы Стефана, въ качествѣ запоздалаго отвѣта на постановленія Карѳагенскихъ соборовъ, въ особенности, послѣдняго, весен. 256 г. обращавшагося къ папѣ съ своимъ, увѣщательнымъ по смыслу, послаэтого отказался. Op. cit. 24 s. n. 1. Личность втораго адресата—*Помпея* O. Ritschl отождествляетъ съ „Помпеемъ, еп. Сабраты (пограничнаго съ Мавретаніей) нумидійскаго городка“, упоминаемымъ въ Sententiae episcopor. Op. cit. 120 s. Но Nelke считаетъ такую догадку мало обоснованной и приводитъ рядъ соображеній, что и Помпея правильнѣе считать также мавретанскимъ епископомъ. Op. cit. 106 s. n. 2. Leclercq—I, II, 1113 повтор. Ritschl'я.

[1]) *Ep.* LXXIII, 1, 778 p. *P. n.* 60-oe, 331 стр.

[2]) Весьма возможно, что Юбайянъ, подобно Помпею (Ep. LXXIII, 1 799 p.), уже и раньше состоялъ въ перепискѣ съ Кипріаномъ. Вѣроятно, онъ-же въ свое время ознакомилъ Кипріана и съ первымъ, утраченнымъ письмомъ Стефана къ мавретанцамъ.

[3]) „Non tantum consensit, sed etiam instructum se esse confessus gratias egit“. Sententiae episcoporum LXXXVII de haereticis baptisandis“ *Ed. Hartelii*, v. III, p. I, s. 435. Недаромъ и самъ Кипріанъ въ своемъ заключительномъ голосованіи на осеннемъ соборѣ 256 г. сослался на это письмо, какъ на лучшее выраженіе своего взгляда (plenissime exprimit ep. ad Jubaianum“—*Ibid.* 461).

ніемъ. Самаго текста этого, крайне важнаго, посланія мы опять, къ сожалѣнію, не имѣемъ. Но судить о немъ, и даже достаточно подробно, мы все-же можемъ, именно, благодаря тому, что съ нимъ знакомитъ насъ самъ Кипріанъ, въ своемъ письмѣ къ епископу Помпею.

Послѣ того, какъ слухъ о полученномъ въ Карѳагенѣ письмѣ Стефана дошелъ до одного изъ усердныхъ корреспондентовъ Кипріана—еп. Помпея [1]), то онъ, естественно, захотѣлъ ознакомиться съ грознымъ письмомъ папы и въ этомъ смыслѣ запросилъ Кипріана. Послѣдній не сталъ дѣлать секрета изъ письма папы и охотно отозвался на просьбу Помпея, переславъ къ нему списокъ съ папскаго письма, да кстати присоединивъ и свою критику на него. Вотъ эта-то критика Кипріана на посланіе Стефана и дошла до насъ подъ именемъ его письма къ Помпею. Отсюда-то мы и почерпаемъ свои свѣдѣнія о содержаніи и характеръ Стефанова отвѣта. Общій отзывъ Кипріана о немъ—далеко не лестнаго свойства: Кипріанъ характеризуетъ посланіе Стефана, какъ „слишкомъ высокомѣрное“, наполненное содержаніемъ (матеріаломъ) или „вовсе не идущимъ къ дѣлу“ или „внутренне противорѣчивымъ“ [2]). У автора посланія онъ находитъ „наклонность къ самомнѣнію и высокомѣрію“ [3]), „упорство и предубѣжденіе“ [4]), „стремленіе подражать еретикамъ“ [5]); говоритъ о немъ, что онъ „написалъ неискусно и необдуманно“, „защищаетъ ложь и заразу чуждаго кропленія“ [6]) и даже называетъ его въ одномъ мѣстѣ, хотя нѣсколько и условно, „другомъ еретиковъ, а врагомъ христіанъ[7])“. Съ матеріальной стороны, Кипріанъ полемизируетъ все время, въ сущности, съ однимъ тезисомъ Стефана—съ его стремленіемъ опереть свой взглядъ на древнецерковную традицію: „ничего, говоритъ онъ, да не вводится но-

[1]) Существованіе раннѣйшей переписки Кипріана съ Помпеемъ удостовѣряется вступительными словами настоящаго письма. *Ep.* LXXIII, 1, 794: „quamquam plene ea quae de haereticis baptizandis dicenda sunt conplexi simus in epistulis quarum ad te transmisimus“. *P. n.* 61-oe, 350.

[2]) *Ep.* LXXIII, 1, 799: „nam inter cetera uel superba uel ad rem pertinentia uel sibi ipsi contraria, quae inperite adque inprouide scripsit... *P. n.* 61-oe, 350.

[3]) Характерно, что это мѣсто (приблизительно около двухъ строчекъ) совсѣмъ опущено въ изданіи Hartel'я и потому приходится цитовать его только по русскому переводу 61-oe, стр. 357—358: „то это происходитъ единственно отъ наклонности къ самомнѣнію и высокомѣрію“.

[4]) *Ibid.* 3, 801: quae ista obstinatio est quaene praesumptio.., 61-oe, 352.

[5]) *Ibid.* 4, 802: „ut haereticorum exempla sectetur... 353 стр.

[6]) *Ibid.* 2, 800: mendacia et contagia profanae tinctionis... 61, 350 стр.

[7]) *Ibid.* 8, 805: „dat honorem Deo qui haereticorum amicus et inimicus christianorum?.. 356 стр.

ваго, кромѣ того, что предано“ [1]). И письмо Кипріана—это, безусловно, самая лучшая, самая сильная и убѣдительная критика слѣпого преклоненія передъ традиціей, или обычаемъ, во имя разумнаго усвоенія внутренняго духа христіанства. „Незамѣтно вошедшій у нѣкоторыхъ обычай не долженъ служить препятствіемъ къ побѣдѣ и утвержденію истины. Ибо *обычай безъ истины есть только старое заблужденіе*“ [2]). Нельзя, наконецъ, не отмѣтить, что и самый стиль письма Кипріана значительно иной: изъ обычно ровнаго и эпически спокойнаго онъ становится нерѣдко нервнымъ, страстнымъ, полемически язвительнымъ, какъ объ этомъ можно судить хотя-бы по слѣдующей тирадѣ, касающейся неудачной ссылки Стефана на примѣръ еретиковъ, которые иногда не перекрещивали переходившихъ къ нимъ изъ православной церкви: „прекрасное-же и законное преданіе предлагаетъ братъ нашъ Стефанъ своимъ ученіемъ! На приличный-же намъ авторитетъ указываетъ онъ!... До такого-то несчастія унижена Церковь Божія и невѣста Христова, что она должна подражать примѣрамъ еретиковъ... Какая эта слѣпота, какое лукавство душевное“!.. [3]). И Кипріанъ, дѣйствительно, не вѣрилъ, чтобы папа Стефанъ искренно могъ быть убѣжденъ въ правотѣ своихъ взглядовъ, настолько они казались Кипріану нелѣпыми и явно противорѣчащими догмату единства церкви, какъ его понималъ и трактовалъ самъ Кипріанъ. Потому-то карѳагенскій митрополитъ упорство римскаго папы объяснялъ, главнымъ образомъ, его „высокомѣріемъ и самомнѣніемъ“, нетерпящимъ ничьего чужаго мнѣнія, рядомъ со своимъ; а также—вытекающими отсюда „ревностью и завистью“ ко всякому чужому вліянію и успѣху, въ данномъ случаѣ, къ вліянію Кипріана, обнаружившемуся какъ въ вопросѣ о крещеніи, такъ и въ цѣломъ рядѣ другихъ важныхъ общецерковныхъ дѣлъ (въ дѣлѣ „падшихъ“, въ расколѣ Новаціана, въ схизмѣ испанской церкви и т. п.). Правда ни въ письмѣ къ еп. Помпею, нигдѣ либо еще Кипріанъ ниразу не унижается до личныхъ препирательствъ и счетовъ съ папой, на почвѣ оскорбленнаго самолюбія. Но какъ разъ въ это, именно, время онъ пишетъ трактатъ „о ревности и зависти“ [4]), въ которомъ, подъ предлогомъ отвлеченной разработки чисто моральной темы, дастъ выходъ накопившемуся въ его душѣ понятному чувству горечи и обиды на своего невольнаго соперника, вздумавшаго сводить съ нимъ свои личные счеты на почвѣ общецерковнаго дѣла. Какъ-бы то ни было, но письмо къ Помпею показываетъ, что отношенія Стефана къ Кипріану изъ области глухого недовольства и тайной зависти папы къ его, болѣе вліятельному сосѣду перешли уже въ состояніе открытой вражды, угрожавшей даже близкимъ церковнымъ разрывомъ [1]).

Справедливость требуетъ сказать, что со стороны Кипріана даже и въ этотъ періодъ разгара крещальныхъ споровъ не было допущено какихъ-либо большихъ крайностей и рѣзкихъ выходокъ по адресу папы, которыя-бы исключали возможность примиренія съ нимъ. Наоборотъ, даже письмо къ Помпею, несмотря на нѣкоторую его отвѣтную ироничность и колкость, написано, по признанію безпристрастнаго католика Monceaux, въ общемъ „примирительно и искусно, такъ что съ другимъ папой оно могло-бы привести и къ соглашенію“ [2]). Но не съ папой Стефаномъ, который мало склоненъ былъ идти на какія либо примирительные шаги, какъ это довольно правильно и учитывалъ Кипріанъ. Поэтому онъ не сталъ продолжать безплодной личной полемики со Стефаномъ, а принялъ мѣры къ возможно большему укрѣпленію своей собственной позиціи въ данномъ спорномъ вопросѣ. Съ этой цѣлью, Кипріанъ, во-первыхъ отправилъ своего діакона Рогаціана къ Фирмиліану, епископу кесаріе-капподокійскому, съ извѣщеніемъ его о всѣхъ перепетіяхъ спора, до рѣзко угрожающаго послѣдняго письма Стефана, включительно, и съ просьбой изложить восточно-малоазійскую точку зрѣнія на дѣло [3]). А во вторыхъ—онъ рѣшилъ созвать чрезвычайный, большой соборъ африканскихъ церквей, на который, вмѣстѣ съ солидарными представителями двухъ провинцій—Проконсульской и Нумидіи—пригласилъ также и представителей Мавретаніи, откуда больше всего раздавалось голосовъ, сочувствовавшихъ Риму, чтобы на этомъ соборѣ окончательно установить общее рѣшеніе всей сѣверо-африканской церкви.

---

[1]) *Ibid.* 2, 800. *P. n.* 351 стр.

[2]) *Ibid.* 9, 806: „nam consuetudo sine ueritate uetustas erroris est“. *P. n.* 357 стр.

[3]) *Ibid.* 4, 802, *P. n.* 353 стр.

[4]) *Cypr.* „De zelo et livore“—Harnack считаетъ его продуктомъ Ketzertaufstreit's и относитъ, именно, къ этому времени. ChAL. II, 365 s.

[1]) *Nelke:* Ep. 74 zeigt somit den zwischen Cyprian und Stephan mit der Zusendung von 72 eröffneten Streit über die Ketzertaufe in dem Stadium der Krisis und vollen Entwickelung“. Op. cit. 105 s.

[2]) *Monceaux:* „a la fois ferme et conciliante, la lettre était habile; et, avec un autre pape, il eût été facile de s'entendre“. Op. cit. II, 59 p.

[3]) *Ep.* LXXV Firmilianus Cypriano fratri in Domino S. 810—827 p. *P. n.* 1 ч. 374—388 стр.

Заключая свое обозрѣніе весенняго Карѳагенскаго собора 256 г., не можемъ не подчеркнуть двухъ, самыхъ характерныхъ его чертъ: во первыхъ—его полной аналогіи съ значительно ранѣе него происходившимъ соборомъ Агриппина, а во вторыхъ—его не совсѣмъ обычнаго, увеличеннаго объема. О родствѣ настоящаго собора съ Агриппиновымъ, по ихъ предметной или матеріальной сторонѣ, яснѣе всего говорится въ слѣдующихъ строкахъ письма Киприана къ Юбайяну: „впрочемъ у насъ это дѣло отнюдь не новое и не неожиданное, что мы признаемъ нужнымъ крестить тѣхъ, которые отъ еретиковъ обращаются къ церкви: тому ужъ много лѣтъ назадъ, много прошло времени (quando anni sint iam multi et longa aetas), какъ соборъ епископовъ, бывшій подъ предсѣдательствомъ блаженной памяти Агриппина, постановилъ то же самое (hoc statuerint)“ [1]). Тождество-же обоихъ этихъ соборовъ по ихъ территоріальному объему очевидно изъ сопоставленія двухъ киприановыхъ свидѣтельствъ: одного—относящагося къ собору Агриппина, другаго—характеризующаго карѳагенскій соборъ 256 г. Въ первомъ свидѣтельствѣ читаемъ: „то же постановилъ и съ общаго совѣта, по здравомъ разсужденіи, утвердилъ мужъ блаженной памяти Агриппинъ, съ другими своими соепископами, которые управляли въ то время Господней церковью въ области африканской и нумидійской“ [2]). Во второмъ—имѣемъ слѣдующее: „и теперь, собравшись вмѣстѣ, мы, епископы Африки и Нумидіи, въ числѣ семидесяти одного, общимъ мнѣніемъ нашимъ утвердили то-же самое“ [3]), т. е. необходимость православнаго крещенія для приходящихъ отъ ереси и въ ней крещенныхъ.

Изъ сопоставленія всѣхъ только-что приведенныхъ цитатъ открывается, прежде всего, то, что дѣло перекрещиванія еретиковъ не имѣло въ Африкѣ особенно глубокихъ корней: древность этого обычая, судя по всему едва-ли восходила дальше Агриппинова собора, которой, какъ мы знаемъ, имѣлъ мѣсто въ періодѣ 218—222 года [4]). А затѣмъ—и это для насъ здѣсь главное—сопоставленіе устанавливаетъ, такъ сказать, *два типа* провинціальныхъ соборовъ Африки, именно—кромѣ одно-провинціальныхъ соборовъ, еще и типъ соборовъ двухъ провинцій. Такими-то, несовсѣмъ обычными, увеличенными въ своемъ территоріальномъ объемѣ и были оба этихъ собора, (т. е. соборъ Агриппина, около

[1]) *Ep.* LXXIII 3, 760 p. *P. n.* 60-oe, 333 стр. *См. выше,* стр. 261 и сл.

[2]) *Ep.* LXXI, 4, 774 p. *P. n.* 58-oe, 328 стр.

[3]) *Ep.* LXXIII, 1, 779: „et nunc quoque... hoc idem denuo sententia nostra firmauimus“. *P. n.* 60-oe, 332.

[4]) *См. выше,* стр. 268-ая.

220 г. и весенній соборъ при Киприанѣ 256 г.), причемъ оба они охватывали одну и ту же территорію — Проконсульской Африки и Нумидіи. Весенній соборъ 256 г. это—первый изъ соборовъ киприановой эпохи, о которомъ имѣются опредѣленныя свѣдѣнія, что онъ былъ не одно-провинціальнымъ, а составлялся изъ епископовъ двухъ провинцій—собственно „Африки“ (Проконсульской) и „Нумидіи“, какъ это совершенно опредѣленно удостовѣряетъ самъ Киприанъ въ письмѣ къ еп. Юбайяну: „и теперь, собравшись вмѣстѣ, мы, епископы Африки и Нумидіи, въ числѣ семидесяти одного, общимъ нашимъ мнѣніемъ утвердили...“ [1]) Hans von Soden въ самомъ фактѣ привлеченія на соборъ нумидійцевъ усматриваетъ уже „нѣчто чрезвычайное“ (etwas Ausserordentliches) [2]). Эту чрезвычайность Nelke, со ссылкою на O. Ritshl'я, устанавливаетъ еще категоричнѣе [3]), мотивируя ее, главнымъ образомъ, вступительными словами соборнаго посланія папѣ Стефану, гдѣ Киприанъ опредѣленно заявляетъ, что обстоятельствами дѣла онъ „почелъ себя вынужденнымъ созвать соборъ (necesse habuimus.. cogere et celebrare concilium)“. По мнѣнію O. Ritshl'я, Киприану незачѣмъ было-бы ссылаться на „вынужденность“ коль скоро соборъ былъ обычнымъ, регулярнымъ [4]). Но не проще-ли смотрѣть на это упоминаніе Киприана „о вынужденности“ обсужденія на соборѣ щекотливаго для папы вопроса и еще болѣе непріятнаго для него рѣшенія собора, какъ на своеобразную литературную любезность Киприана, который всячески хочетъ, такъ сказать, подсластить папѣ горечь пилюли. „Мы не по собственной охотѣ занялись этимъ спорнымъ вопросомъ, не изъ желанія досадить тебѣ и огорчить тебя—какъ-бы такъ утѣшаетъ Киприанъ папу Стефана—а потому, что были вынуждены къ тому серьезными внутренними мотивами“ [5]).

[1]) *Ep.* LXXIII, 1, 779: „et nunc quoque cum in unum conuenissemus tam prouinciae Africae quam Numidiae episcopi numero septuaginta et unus, hoc idem denuo sententia nostra firmauimus“. *P. n.* 60-oe, 332. О характерѣ и мотивахъ такого церковно-этнографическаго (а не гражданско-административнаго) дѣленія сѣверо-африканской церкви *см. выше,* стр. 269 и сл.

[2]) *H. v. Soden* „Der Streit zwischen Rom und Karthago über Ketzertaufe, s. 11. Rom, 1909.

[3]) *d. Nelke:* „dass Cyprian hier ein aussergewöhliches Concil gefeiert hat (so auch Ritschl—s. 116)“. *Op. cit.* 100 s.

[4]) *O. Ritschl* „Op. cit.“ 116 s.

[5]) Тутъ на лицо, слѣдовательно, полная аналогія съ тѣми мотивами, въ силу которыхъ еп. Киприанъ не послалъ папѣ Стефану полной копіи соборнаго посланія, а ограничился лишь выдержками изъ него, что остроумно подмѣтилъ въ своей диссертаціи еще и *о. Молчановъ.* „Цит. соч.“ 144 стр.

Весенній Карѳагенскій соборъ 256 г. правильнѣе всего будетъ назвать *не регулярно-провинціальнымъ* соборомъ обычнаго типа (т. е. однопровинціальнымъ), а *расширеннымъ*, или увеличеннымъ, хотя и провинціальнымъ-же соборомъ, именно, расширеннымъ на счетъ включенія въ его составъ и нумидійскихъ епископовъ, которые, раньше-то повидимому, неособенно аккуратно посѣщали карѳагенскіе соборы. Здѣсь-же, благодаря особой важности вопроса и непосредственной заинтересованности въ немъ, какъ карѳагенской, такъ и нумидійской области, приходятъ въ Карѳагенъ и нумидійцы, составляя вмѣстѣ съ „африканцами“ болѣе полный и внушительный соборъ. Вотъ въ этомъ-то расширеніи территоріальнаго объема, а отсюда и въ увеличеніи самаго числа епископовъ (numerus episcoporum), и заключалось главное отличіе новаго Карѳагенскаго собора (весн. 256 г.) отъ ближайшихъ къ нему, предыдущихъ. Все-же остальное — самая конструкція собора, положеніе на немъ Кипріана, роль чужаго епископата и мѣстной общины, формулировка соборнаго рѣшенія, рецепція клира и народа, составленіе соборнаго посланія и разсылка его по другимъ вліятельнымъ церквамъ—все это, какъ очевидно изъ анализа соборныхъ документовъ, происходило на тѣхъ-же самыхъ, хорошо знакомыхъ намъ основаніяхъ, и было уже неоднократно нами разъяснено, почему мы и не считаемъ здѣсь нужнымъ еще разъ на всемъ этомъ задерживаться.

IV.

Большой Карѳагенскій соборъ, при еп. Кипріанѣ (седьмой соборъ, съ 1-го сентября 256-го года).

Если серію карѳагенскихъ соборовъ кипріановой эпохи мы назвали выше [1]) одной изъ наиболѣе блестящихъ главъ церковно-соборной исторіи, вообще, то исторію послѣдняго изъ соборовъ этой серіи—осенняго карѳагенскаго собора 256-го года, по всей справедливости, должны признать самой интересной и выдающейся ея страницей. Такой мы должны признать эту исторію какъ потому, что она раскрываетъ намъ величественную картину большаго, трехпровинціальнаго, и замѣчательно единодушнаго собора, такъ и еще больше потому, что она представляетъ собой документальный фрагментъ этого собора, полное и точное воспроизведеніе не только духа собора, но и самой его буквы. Такихъ документально-соборныхъ актовъ мы за весь изслѣдуемый нами періодъ первыхъ трехъ

[1]) *См. выше,* стр. 351-ая.

вѣковъ имѣемъ строго говоря, только одинъ, именно, протоколъ настоящаго собора, или, такъ называемыя „Мнѣнія епископовъ“ (sententiae episcoporum); такъ какъ то, что дошло до насъ отъ другихъ древнихъ соборовъ, въ видѣ отрывочныхъ фрагментовъ, сохраненныхъ у Евсевія и нѣкоторыхъ другихъ авторовъ, не можемъ идти въ сравненіе съ полной стенограммой соборнаго засѣданія отъ 1-го Сентября 256-го года.

Этотъ замѣчательный документъ обычно называется по первымъ двумъ словамъ его заголовка „Мнѣнія епископовъ“... (Sententiae episcoporum); но полное его заглавіе таково: „Мнѣнія епископовъ, въ числѣ LXXXVII о подлежащихъ крещенію еретикахъ“ [1]). По безпристрастному отзыву католическаго ученаго Monceaux, „этотъ документъ столь полный и столь интересный, удивительно передаетъ физіономію знаменитаго засѣданія 1-го сентября 256-го года. Несмотря на ея наружную сухость, эта протокольная запись превращается въ широкую картину, одновременно географическую и моральную, Африканской церкви того времени. Она краснорѣчива тѣмъ краснорѣчіемъ, которое исходитъ отъ фактовъ, а не отъ словъ. И она въ самой себѣ носитъ доказательство, не только своей подлинности, которая неоспорима и никогда не была заподозрѣваема (?), но также полной достовѣрности всего цѣлаго и скрупулезной точности редактора“ [2]). Получить всѣ эти свойства данному протоколу удалось, по мнѣнію Monceaux, лишь благодаря тому, что онъ представляетъ собой точную стенографическую запись всего, происходившаго на засѣданіи собора, запись, прошедшую, затѣмъ, личную редактуру самого предсѣдателя собора—еп. Кипріана [3]). Слѣдовательно, въ Sententiae episcoporum мы имѣемъ подлинную, стенографически воспроизведенную запись того, что дѣлалось и говорилось на знаменитомъ засѣданіи 1-го сентября—одного изъ самыхъ большихъ и авторитетныхъ соборовъ древней церкви, восходящихъ къ такой почтенной древности, какъ начало второй половины третьяго вѣка [4]).

[1]) „Sententiae episcoporum numero LXXXVII de haereticis baptizandis“. Объ изданіяхъ и редакціяхъ памятника рѣчь будетъ впереди.

[2]) *Monceaux* „Histoire de l'Afrique chrétienne“... II, 63 p.

[3]) Самъ Monceaux, вслѣдъ за лучшимъ издателемъ сочиненій Кипріана Hartel'емъ, признаетъ très vraisemblable древнюю традицію, что Кипріанъ усвоилъ и усовершенствовалъ систему классической стенографіи (Notes tironiennes), и что поэтому онъ легко могъ воспользоваться для сего важнаго собора услугами стенографовъ и провѣрить правильность ихъ работы. *Monceaux,* II, 63 p. *Hartel* „Praefatio“ LXVIII p. Vol. III, p. 3. Vindobonae MDCCCLXXI.

[4]) *Hefele-Leclercq:* „Sententiae episcoporum sont, jusqu' a ce jour, le premier document conciliaire autentique que nous possedons“. Op. cit. I, II, 1116 p.

Указанные характеръ и содержаніе древнѣйшаго, подлинно соборнаго акта, казалось-бы, сами собой обязывали-бы церковно-историческую и каноническую науку къ любовно-бережному храненію этого, единственнаго въ своемъ родѣ, памятника, и къ самому внимательному и научно-тщательному, всестороннему его изученію. Однако, къ немалому нашему удивленію, мы долгое время ничего подобнаго не наблюдаемъ: богословская наука удѣляетъ названному памятнику слишкомъ мало вниманія, говоритъ о немъ скупо и какъ будто неохотно, нерѣдко языкомъ совершенно неподходящимъ къ значенію памятника, а то и вовсе даже его замалчиваетъ. Не лишено показательнаго значенія уже одно то, что и наше русское кіевское изданіе твореній Кипріана, давшее переводъ его писемъ и большинства его трактатовъ, почему-то не сочло нужнымъ ознакомить русское общество съ „Мнѣніями епископовъ", обычно помѣщаемыми въ большинствѣ изданій среди подлинныхъ трактатовъ св. Кипріана [1]). Вѣдь для такого исключенія нѣтъ, въ сущности, и формальнаго отвода—что это-де не личный трудъ Кипріана, а протоколъ собора. Нѣтъ его, хотя-бы уже по одному тому, что въ этотъ протоколъ занесены и двѣ подлинныхъ рѣчи св. Кипріана (вступительная и заключительная), не говоря уже о несомнѣнной личной редактурѣ Кипріаномъ и всего остальнаго текста протоколовъ. Поэтому, восполняя такой осязательный пробѣлъ, мы даемъ, въ видѣ особаго приложенія къ настоящему труду, свой собственный переводъ Sententiae episcoporum.

Столь непростительно индиферентное, почти пренебрежительное отношеніе къ этому драгоцѣннѣйшему соборному памятнику древности становится для насъ совершенно яснымъ и понятнымъ при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла. Sententiae episcoporum, какъ мы ужъ отмѣчали, это — подробная протокольная запись осенняго собора 256-го года, на которомъ вся карѳагенская церковь торжественно и единодушно утвердила канонъ о крещеніи еретиковъ. Но, вѣдь, такое постановленіе собора стояло въ рѣшительномъ противорѣчіи съ только-что передъ тѣмъ выраженнымъ категорическимъ требованіемъ папы — не перекрещивать еретиковъ, а присоединять ихъ къ церкви лишь чрезъ возложеніе рукъ. Недаромъ, поэтому, въ наукѣ довольно популярно обозначеніе даннаго собора, какъ „оппозиціоннаго" папѣ

[1]) *Monceaux* „De bonne heure, les *Sententiae* ont été jointes aux oeuvres de saint Cyprien; et elles figurent encore à la suite de les traites dans les editiones modernes". II, 63 p. Ср. *O. Bardenhewer*, II, 438 s.

(Oppositionsconzil) [1]). Съ другой стороны, намъ прекрасно извѣстно, что главная разработка церковно-исторической и канонической науки, собираніе памятниковъ и ихъ комментировка, долгое время составляли какъ-бы исключительную монополію католическихъ богослововъ, папистовъ и даже ультрамонтанъ. Вполнѣ понятно, что симпатіями подобныхъ ученыхъ не могли пользоваться такіе памятники, которые не благопріятны росту папской идеи—свидѣтельствовали о независимости отъ папы, о критикѣ его дѣйствій и даже о цѣлой внушительной соборной демонстраціи противъ него, чѣмъ, въ сущности, былъ большой Карѳагенскій соборъ 256 г. Вотъ почему и акты этого собора, несмотря на всю ихъ документальность, находились въ такомъ пренебрежительномъ забвеніи у дѣятелей католической науки, которые, несомнѣнно, съ гораздо большимъ-бы удовольствіемъ готовы были вовсе вычеркнуть ихъ изъ исторіи, чѣмъ заниматься ихъ анализомъ и научной популяризаціей.

Лучшія времена для Sententiae episcoporum наступили лишь съ эпохи реформаціи. Впервые печатно издалъ ихъ извѣстный гуманистъ Эразмъ Роттердамскій, въ 1520 г. (въ Базелѣ), обнародовавши ихъ вмѣстѣ съ тремя, относящимися къ нимъ письмами Кипріана. Особенность эразмовскаго изданія та, что онъ предъ именами нѣкоторыхъ изъ епископовъ—членовъ собора 256 г., помѣстилъ особыя хвалебные стихи, какія принято было составлять въ похвалу мучениковъ и исповѣдниковъ. „Но, по справедливому замѣчанію Routh, добавленій этихъ не имѣютъ ни древнія греческія рукописи, ни позднѣйшія латинскія изданія; очевидно, ихъ не было и въ письменныхъ актахъ; привнесены они, несомнѣнно, позднѣе, и совершенно напрасно" [2]). Тѣмъ удивительнѣе, что ихъ все-же воспроизвелъ въ своемъ изданіи соборныхъ актовъ такой, въ общемъ, довольно осторожный

[1]) Обозначеніе большаго Карѳагенскаго собора 256 г. какъ Oppositionskonzil, еще со времени Баронія стало какъ-бы техническимъ, на что сѣтуетъ, напримѣръ, авторъ одной новой, спеціальной монографіи. *I. Ernst* „Papst Stephan I und der Ketzertaufstreit" s. 39. Mainz 1905. Сравн. *Ad. d'Alès:* „Le nom de *concile d'opposition contre Rome* (к. а.), donné parfois à l'assemblée du 1-es septembre est donc justifié, au moins dans une certaine mesure". *Op. cit.* p. 382. Вышеупомянутый *Ernst* протестуетъ противъ столь обидной для католичества традиціи и пытается опровергнуть ее тѣмъ, что третій Карѳагенскій соборъ былъ созванъ будто-бы по распоряженію папы Стефана. Op. cit. 40—41. Но даже если допустить и этотъ, совершенно невѣроятный аргументъ, то, вѣдь, и онъ совершенно не въ состояніи будетъ нетолько уничтожить, но и ослабить „оппозиціонности" собора.

[2]) *M. J. Routh* „Reliquiae Sacrae"[2], Vol. III, 184 p. Oxonii 1848.

издатель, какъ Hardouin [1]). Но другой извѣстный коллекціонеръ соборныхъ памятниковъ—Mansi издалъ Sententiae безъ лишнихъ вокабулъ. У послѣдняго изслѣдуемый нами памятникъ данъ дважды: сначала, однимъ латинскимъ текстомъ, съ примѣчаніями Severini Binii и Philippi Labbe, а затѣмъ — двумя параллельными столбцами: греческаго и латинскаго текста, предваренными такимъ-же изданіемъ письма Кипріана къ Юбайяну, а передъ нимъ—еще и любопытнымъ предисловіемъ къ данному собору извѣстнаго канониста Io. Зонары, извлеченнымъ изъ Парижскаго изданія Frontone Ducae 1618 г. [2]). Изъ послѣдующихъ изданій Sententiae лучшимъ и наиболѣе полнымъ слѣдуетъ признать изданіе De-Lagarde, въ которомъ, кромѣ греческаго, дается еще сирскій переводъ [3]). Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить еще ученое изданіе кардинала Pitra (сирскіе и армянскіе фрагменты), Routh (латин. текстъ, съ примѣчаніями) и Hartelii (лучшее критич. изданіе латин. текста, съ указаніемъ варіантовъ [4]).

Названныя новыя изданія Sententiae, въ особенности изданіе De-Lagarde, воочію убѣдили насъ, что этотъ памятникъ пользовался огромнымъ распространеніемъ и уваженіемъ въ древней церкви, лучшимъ доказательствомъ чего служитъ то обстоятельство, что онъ удостоился рѣдкой чести—перевода съ латинскаго языка на греческій [5]). И такой переводъ былъ сдѣланъ сравнительно рано, во всякомъ случаѣ, раньше бл. Ѳеодорита, который уже пользуется въ своихъ сочиненіяхъ мыслями Sententiae, хотя латинскаго языка Ѳеодоритъ, по заявленію Harnacka [6]), не зналъ и, слѣдовательно, долженъ былъ пользоваться уже греческимъ

[1]) *Hardouini* „Op. cit." p. 159 sq.

[2]) *Mansi* „Op. cit." I, 911—916 и съ 967—992 р.

[3]) *De-Lagarde* „Reliquiae juris ecclesiastici antiquissimae graece" 37—55 и 62—98 p. Lipsiae 1856.

[4]) *P. M. Pitra* „Analecta Sacra" IV, 72—80 и 338—344. *M. J. Routh* Op. cit. Vol. III, 101—130 и 182—217 p. Oxonii 1848. *Hartel* in Corp. Scrip. Eccles. Latinorum" S. Th. C. Cypriani „Opera omnia" Vol. III, p. I, 435—461 p. Vindobonae 1868.

[5]) Самолюбіе образованныхъ грековъ, считавшихъ менѣе культурныхъ латинянъ неизмѣримо ниже себя, не позволяло имъ считаться и съ латино-романской литературой. Поэтому западные писатели, если хотѣли, чтобы ихъ читали и на востокѣ, должны были писать по-гречески (Кл. Римскій, Тертулліанъ). Однако для нѣкоторыхъ выдающихся произведеній западной литературы, писанныхъ „варварской латынью", дѣлались лестныя исключенія—они удостоивались перевода на общелитературный греческій языкъ. Удостоились такой чести, наряду съ „Апологетикомъ" Тертулліана и Sententiae episcoporum.

[6]) *Ad. Harnack* GAL I Th. 2 n. 716 s. Leipzig 1893.

переводомъ Sententiae. Не позже конца VII в., какъ думаютъ ученые [1]), Sententiae episcoporum были переведены съ греческаго и на сирскій языкъ. Около того-же времени онѣ получаютъ, если не полную санкцію, то, во всякомъ случаѣ, сочувственное признаніе и на извѣстномъ пято-шестомъ вселенскомъ, или Трулльскомъ соборѣ (692 г.). Въ виду важности Трулльскаго канона, какъ подтверждающаго высокую авторитетность того Африканскаго собора, который мы изслѣдуемъ, считаемъ необходимымъ привести соотвѣтствующую изъ него выдержку: „согласіемъ нашимъ запечатлѣваемъ и всѣ прочія священныя правила, изложенныя отъ святыхъ и блажепныхъ отецъ нашихъ... еще-же и Кипріаномъ, архіепископомъ африкійскія страны и мученикомъ, и соборомъ, при немъ бывшимъ, изложенное правило, которое въ мѣстахъ предупомянутыхъ предстоятелей, и токмо у нихъ, по преданному имъ обычаю, сохраняемо было" [2]). Одинъ изъ авторитетныхъ канонистовъ половины прошлаго столѣтія—I. W. Bickel [3])—справедливо подчеркиваетъ данный фактъ, какъ одинъ изъ „замѣчательнѣйшихъ" (merkwürdigerweise), потомучто это—первый случай внесенія въ каноны вселенской церкви древнѣйшаго постановленія помѣстнаго". Но онъ почему-то видитъ здѣсь указаніе на соборъ не 256 г. а 255 года и даже, точнѣе,—на письмо Кипріана къ Януарію (Юбайяну?), явившееся результатомъ этого собора. Однако большинство позднѣйшихъ изслѣдователей, во главѣ съ Harnack'омъ, находятъ гораздо правильнѣе относить цитату Трулльскаго собора къ постановленію Карѳагенскаго собора 256 г. и именно, къ его протокольнымъ записямъ, въ формѣ Sententiae

[1]) *Renodotius* въ Liturg. Orient. Collectio: „paulo post occupatam a Muhamedanis Syriam, haec decreta reliquis conjunxerunt; tantique martyris nomen illis fraudi fuit, dum homines veteris historiae haud satis periti, quae ab illis octoginta septem episcopis de rebaptizandis haereticis constituta furant eodem loco habuerunt ac reliqua conciliorum decreta" 229 p. Взято у *Routh*[2] III, 185 p. О томъ, что Sententiae episcoporum было переведено съ греч. языка на сирскій около 687 г. говоритъ и *A. Harnack* GAL, I, II. 716 s. со ссылками на *Cod. Paris,* Bibl. Nat. Syr. 62, *Lagarde* „Symmicta I. 67 p. *Lightfoot*'a „Ign. und Polyc." I, 89 и *Pitra* „Anal. Sacra" II, 288—291 s.

[2]) „Правила Св. Апостолъ, свят. соборовъ и св. отецъ съ толкованіями". Изд. Моск. Об. Люб. дух. Просвѣщенія", вып. III, 26—28 стр. Москва 1899. Ср. *Lauchert-Krüger* „Die Kanones der wichtigsten altkirchl. Concilien", XII H. 102 s. Freib. in B. und Leipzig 1896.

[3]) *J. G. Bickel* „Geschichte des Kirchenrechts" I, 43: ein Brief *Cyprians an Januarius* „Welcher das Resultat einer um d. J. 255 zu Carthago gehaltenen Synode mittheilt, als *altester Synodalschluss* in den griechischen Codex Canonum aufgenomen worden". Giessen 1843.

episcoporum, пользовавшимся столь широкой популярностью на всемъ востокѣ [1]). Впрочемъ, еще и самъ Bickel принужденъ былъ отмѣтить, что извѣстный византійскій канонистъ XII в.—І. Зонара, въ своемъ комментаріи на канонъ Трулльскаго собора, опредѣленно трактовалъ это, въ смыслѣ признанія протоколовъ собора 256 года [2]).

Такъ какъ канонисту Зонарѣ принадлежитъ очень видная роль въ историко-канонической интерпретаціи разсматриваемаго нами памятника, то изложимъ его мнѣніе болѣе подробно, по той двойной версіи (греч. и латинской), какая приведена въ изданіи Mansi [3]). Въ предисловіи къ комментарію Зонары значится слѣдующее: „Этотъ соборъ—древнѣйшій изъ всѣхъ. Ибо древнѣе прочихъ есть также тотъ соборъ, который былъ въ Антіохіи Сирійской противъ Павла Самосатскаго, при императорѣ римлянъ Авреліанѣ; но этотъ по своей древности превосходитъ и тотъ. Такъ какъ великій Кипріанъ воспріялъ кончину мученика при императорѣ Декіи, а Авреліанъ былъ преемникомъ Декія послѣ длиннаго промежутка. Много императоровъ царствовало послѣ гибели Декія и наконецъ имъ наслѣдовалъ въ имперіи Авреліанъ. Итакъ, дѣйствительно, этотъ соборъ—древнѣйшій изъ всѣхъ (ex omnibus antiquissima). Въ немъ, далѣе, собрано было восемьдесятъ четыре епископа (quatuor supra octaginta episcopi) [4]) и ими было изслѣдовано, какъ относительно тѣхъ, которые возвращаются, отрекшись отъ ереси, такъ и относительно раскольниковъ, которые обращаются къ церкви, что тѣхъ и другихъ должно крестить. Юбайянъ, (Iovianus) епископъ не знаю какой, и съ нимъ прочіе епископы, о той же самой вещи, т. е. что людей подобнаго рода должно крестить, совѣтывались съ Кипріаномъ письменно. Ибо тогда Новатъ (Новаціанъ),—родоначальникъ секты тѣхъ, которые называли себя καθαρами, т. е. чистыми,—пресвитеръ римской церкви былъ, собственно, раскольникомъ, а не еретикомъ. Ибо онъ ни въ какомъ пунктѣ того, что относится къ догматамъ, не разногласилъ съ православными; но тѣхъ, которые въ несчастные для христіанъ времена подпали дурному поведенію и жертвоприносили демонамъ, онъ не допускалъ къ покаянію... Вотъ объ этихъ-то раскольникахъ и другихъ еретикахъ и спрашивалъ Юбайянъ, и къ нему и его соепископамъ, великій Кипріанъ, вмѣстѣ съ своимъ соборомъ и написалъ надлежащее письмо“ [1]). Далѣе идетъ буквальное изложеніе самаго текста письма Кипріана къ Юбайяну, послѣ чего излагается слѣдующее заключеніе Зонары: „посланіе это (epistola haec) повелѣваетъ крестить тѣхъ, которые крещены раскольниками или еретиками, если они присоединяются къ католической церкви; и эту самую мысль подтверждаютъ различными собственноручными и единодушными (epichirematibus ac enthymematibus—латинизированы греческіе термины *ἐπιχειρημάτων καὶ ἐνθυμημάτων*) письменными свидѣтельствами (testimoniis scripturaeque) [2])“. Затѣмъ Зонара отмѣчаетъ фактъ несоотвѣтствія даннаго канона седьмому канону второго вселенскаго собора, предписывающему крестить только тѣхъ, кто прежде крещенъ былъ совершенно неправильно (не во имя Св. Троицы и безъ троекратнаго погруженія въ воду); а прочихъ разрѣшено было присоединять черезъ муропомазаніе. Зонара совѣтуетъ въ данномъ случаѣ слѣдовать предписанію послѣдняго собора, какъ позднѣйшаго и болѣе авторитетнаго (вселенскаго). Впрочемъ, что канонъ Карѳагенскаго собора никогда не имѣлъ всеобщей силы, это, по мнѣнію Зонары, ясно и изъ мотивировки второго канона Трулльскаго собора, въ которой значится: „сверхъ того говорятъ они (отцы Трулльскаго собора) долженъ быть принятъ и канонъ, составленный Кипріаномъ, который былъ архіепископомъ африканской области и мученикомъ, совмѣстно съ соборомъ, бывшимъ подъ его предсѣдательствомъ, который соблюдаемъ былъ въ мѣстахъ оныхъ предстоятелей (in illorum praesulum locis), по преданному отъ нихъ обычаю. Изъ этого мѣста слѣдуетъ, что канонъ этотъ и въ первыя времена далеко не у всѣхъ имѣлъ силу. Таковъ и самый текстъ посланія: тѣ мнѣнія, которыя въ общемъ разсужденіи высказаны были каждымъ въ отдѣльности изъ собравшихся на соборъ, имѣются въ такомъ видѣ“... [3]) и далѣе идетъ дословный текстъ Sententiae episcoporum.

Отзывъ Трулльскаго собора и интерпретація Зонары—это два сравнительно позднихъ, но зато особенно ясныхъ и непререкаемо-авторитетныхъ свидѣтельства о подлинности Sententiae episcoporum. Но у насъ нѣтъ недостатка и въ гораздо болѣе раннихъ

[1]) *Ad. Harnack:* „in dem 2 Kanon des Trullanum wird unter vielen anderen Bestätigungen auch „der Kanon Cyprian's und seiner Synode“ bestätigt; warscheinlich sind die Sententiae episcoporum v. J. 256 gemeint“. GAL, I, II, 716 s.

[2]) *Bickel* „Op. cit.“ 44 s. и 243—247 s.

[3]) *Mansi* „Op. cit. I, 697 sq. „Johannis Zonarae Praefatio“.

[4]) Изъ числа 87-ми исключены здѣсь трое: самъ Кипріанъ и два триполитанскихъ епископа, лично неприсутствовавшихъ.

[1]) *Ibid.* 967—968 p.

[2]) *Ibidem* 971—972 p.

[3]) *Mansi* „Op. cit.“ I, 971—972 p.

и не менѣе авторитетныхъ свидѣтельствахъ того-же рода. Самымъ авторитетнымъ и достовѣрнымъ свидѣтелемъ является бл. Августинъ, который въ третьей главѣ второй книги „о крещеніи“ совершенно дословно воспроизводитъ весь текстъ предисловія къ Sententiae, начиная съ того, какъ въ сентябрьскіе календы весьма многіе епископы Африки, Нумидіи и Мавретаніи собрались въ Карѳагенѣ на соборъ и кончая вступительной рѣчью Кипріана [1]). А въ VI и VII книгахъ того-же сочиненія бл. Августинъ подробно, шагъ за шагомъ, излагаетъ и комментируетъ мнѣніе каждаго изъ 87 епископовъ, причемъ, не ограничиваясь подробнымъ собственнымъ перифразомъ и истолкованіемъ каждаго изъ этихъ мнѣній, онъ не забываетъ повторять текстъ ихъ и буквально [2]). Такъ что у Mansi въ Notae Severini Binii, приложенныхъ къ Sententiae episcoporum, не совсѣмъ безъ основанія высказывается та мысль, что, такъ называемыя, Sententiae—ничто иное, какъ извлеченія изъ книгъ Августина и писемъ Кипріана [3]). Но, разумѣется, подобный отводъ нисколько не затрагиваетъ самаго существа дѣла: вѣдь если даже мы и согласимся признать, что Sententiae episcoporum дошли до насъ только благодаря критикѣ ихъ бл. Августиномъ и въ его редакціи, то тѣмъ самымъ только лишній разъ докажемъ, что такой памятникъ, дѣйствительно, существовалъ и далъ собою обильную пищу для критико-полемическихъ выступленій бл. Августина. Вѣдь никто-же, разумѣется, не рискнетъ серьезно утверждать такого абсурда, что бл. Августинъ самъ сочинилъ то, что потомъ опровергалъ. Ясно, что Августинъ потому и подвергъ обстоятельному разбору данный памятникъ, что онъ не только существовалъ, но и пользовался уваженіемъ и популярностью, въ особенности у донатистовъ, на что неоднократно, и вполнѣ опредѣленно, указываетъ самъ бл. Августинъ [4]).

[1]) *S. Aur, Augustini* opera. Corpus scriptorum ecclesiasticorum (atinorum. Vol. LI Sect. VII, pars I, recensuit *M. Petschenig* „De baptismo“ lib. II, c. 3. 177—178 p. Vindobonae—Lipsiae MDCCCCVIII (1908).

[2]) *Ibidem* lib. VI—VII, 303—367 p. Въ тщательномъ изданіи Petschenig'a мѣста текста Августина, буквально совпадающія съ текстомъ Sententiae, по Hartel'ю напечатаны курсивомъ, что очень облегчаетъ ихъ сравнительное изученіе. Въ указанномъ объемѣ оба текста совпадаютъ во всемъ, за самыми мелкими разночтеніями. Въ качествѣ наиболѣе серьезной разницы, намъ удалось подмѣтить лишь одну, что имя третьяго епископа у Hartel'я читаемъ Primus a Misgirpa, а у Petschenig'ä—Felix a Misgirpa—308 d.

[3]) *Mansi*—„Op. cit.“ 965—966 p. Notae Severini Binii.

[4]) *S. Aur. Augustini:* „quae de hac re nobis Donatistae objectare consuerunt, sed etiam de beatissimi martyris Cypriani auctoritate, unde suam peruersitatem, ne ueritatis impetu cadat, fulcire conatur“... „De baptismo“ I, 1, 145 s. Vol. LI.

Наконецъ, наиболѣе раннее свидѣтельство о Sententiae episcoporum представляютъ дошедшіе до насъ каноны Арелатскаго собора, бывшаго въ 314 году, т. е. всего лишь спустя 58 лѣтъ послѣ самаго собора, когда еще могли быть живы его современники и, пожалуй, даже участники (въ особенности изъ лицъ, бывшихъ на Карѳаген. соборѣ въ числѣ младшихъ членовъ клира). Именно, восьмой канонъ Арелатскаго собора буквально содержитъ въ себѣ слѣдующее: „относительно Африканцевъ, которые пользуются своимъ собственнымъ *закономъ*, какъ крестить, угодно (placuit), что если кто-либо придетъ къ церкви отъ ереси, то спросить его символъ; и если будетъ дознано, что онъ крещенъ во имя Отца иСына и Св. Духа, то возлагается на него только рука, чтобы онъ получилъ Св. Духа. Если же спрошенный не отвѣтитъ (требованію) этой троичности, то онъ крестится“. [1]) Отсюда видно, что Арелатскій соборъ измѣнилъ какой-то особый законъ (propria lege), существовавшій въ Африканской церкви. Мы подчеркиваемъ здѣсь слово „законъ“, а не „обычай“, такъ какъ стоитъ латинскій терминъ lex, а не consuetudo. Законъ-же общій для всей Африканской церкви могъ быть данъ только соборомъ всѣхъ ея трехъ провинцій, чѣмъ и былъ Карѳагенскій соборъ 256-го года, выразившій этотъ законъ въ единодушномъ votумѣ 87-ми епископовъ Африки, Нумидіи и Мавретаніи (Sententiae episcoporum). Но если нашъ выводъ изъ довольно общаго указанія канона Арелатскаго собора о какомъ-то „частномъ законѣ“ африканцевъ можетъ показаться недостаточно убѣдительнымъ, то сошлемся на авторитъ того-же бл. Августина, который совершенно ясно и опредѣленно заявляетъ, что Арелатскій соборъ, какъ позднѣйшій, полнѣйшій и авторитетнѣйшій, измѣнилъ постановленіе Карѳагенскаго, кипріанова собора [2]).

И еще, „Frustra itaque tibi uidetur Agripini et Cypriani concilia in hac quaestione esse sectanda... De sententia uero Cypriani uel collegarum eius, quibus tunc placuit uenientes ab haereticis baptizari oportere, longum est ut pro merito disputem“... „Contra Gaudentium, lib. II, c. VIII, 264 p. Vol. LIII.

[1]) *Lauchert-Krüger* „Die Kanones der wichtigsten Concilien“ 27 s. Ср. *Hefele-Leclercq* I, I, 285—286 p.

[2]) *Augustini* „De baptismo“ lib. II, c. IX: „postea tamen dum inter multos ex utraque parte tractatur et quaeritur, non solum inuenta est sed etiam ad *plenarii concilii* auctoritatem roburque perducta, post Cypriani quidem passionem sed antequam nos nati essemus“. 189 p. То, что полъ plenarium concilium Августинъ разумѣлъ, именно, Арелатскій соборъ видно, напр. изъ слѣдующихъ его словъ: „Fatetur etiam Parmenianus ad Arelatense oppidum et episcopos iudices et partes ex Africa conuenisse, Caecilianum scilicet atque Donatistas“. Contra epist. Parmeniani, lib. I, c. VI, 30 p. LI vol.

Такимъ образомъ, подлинность Sententiae episcoporum, какъ протоколовъ важнѣйшаго Карѳагенскаго собора, состоявшагося при Кипріанѣ и окончательно установившаго анабаптистскую практику для Африканской церкви, не подлежитъ никакому сомнѣнію: она засвидѣтельствована такъ прочно и авторитетно, какъ рѣдко какой-либо еще церковный памятникъ столь почтенной канонической древности. Поэтому, мы считаемъ себя въ полномъ правѣ смотрѣть на Sententiae episcoporum, какъ на точную картину послѣдняго кипріанова собора, или, точнѣе, одного изъ его важнѣйшихъ засѣданій, и исходя изъ такого убѣжденія строить на ней свои, болѣе или менѣе рѣшительные выводы о характерѣ и типѣ соборовъ той эпохи.

V.

Хронологія собора и его объемъ.

Начнемъ съ вопроса о точной датѣ того собора, протоколомъ котораго являются Sententiae. Отправной точкой здѣсь служитъ указаніе предисловія къ Sententiae, что соборъ этотъ происходилъ kalendis Septembribus, т. е. 1-го Сентября [1]). А это даетъ уже надежную точку опоры и для точнаго опредѣленія самаго года. Сентябрьскія даты предшествовавшихъ лѣтъ, до 255 года, завершительно, здѣсь исключаются самой послѣдовательностью фактовъ, подробно раскрытой нами выше [2]). Слѣдовательно, рѣчь можетъ идти только о сентябрѣ мѣсяцѣ послѣдующихъ за 255-мъ годомъ лѣтъ; но однако не дальше Сентября 258-го года, когда св. Кипріанъ воспринялъ мученическую кончину[3]). Очевидно, этимъ самымъ исключается уже и 258 годъ, такъ что въ нашемъ распоряженіи остаются лишь два года—256-ой и 257-ой. Но и 257-ой годъ оказывается мало подходящимъ, или даже вовсе не подходящимъ: съ середины этого года началось снова одно изъ наиболѣе жестокихъ гоненій на христіанъ—гоненіе Валеріана, направленное преимущественно на главъ христіанскихъ церквей, т. е. на епископовъ. И поэтому, трудно предположить, чтобы епископы сознательно стали подвергать себя огромному риску сбора въ одно мѣсто, гдѣ такъ легко было-бы всѣхъ ихъ сразу захватить. Не забудемъ также и того, что жертвой валеріанова гоненія, еще отъ 2-го Августа 257 г., погибъ также и римскій папа Стефанъ [4]),

[1]) „Cum in unum Carthaginem conuenissent *kalendis Septembribus*". *Hartel*, I, 435 p.

[2]) *См. выше,* стр. 586-ая.

[3]) Кипріанъ былъ усѣкнутъ мечемъ 14-го Сентября 258 года. *Harnack* ChAL, II, 368.

[4]) *Langen, Ios.* „Geschichte der römischen Kirche"... „Gegen Mitte Mai 254 bes-

котораго если не прямо, то implicite, имѣлъ своимъ противникомъ „оппозиціонный" Карѳагенскій соборъ. Поэтому, если допустить, что соборъ открылся въ Сентябрѣ 257 года, т. е. спустя всего лишь мѣсяцъ послѣ мученической кончины папы Стефана, то онъ, прежде всего, не могъ-бы, въ той или иной формѣ, не откликнуться на его доблестную кончину; а во-вторыхъ, долженъ былъ-бы существенно измѣнить и свой оппозиціонный по отношенію къ папѣ характеръ. Если всякая, вообще, смерть противника невольно какъ-то миритъ съ нимъ и заставляетъ забыть прежніе счеты; то смерть въ ореолѣ мученика за вѣру и вовсе возводила папу Стефана на пьедесталъ мученика и героя вѣры, съ которымъ и для Карѳагенскаго собора, психологически и церковно, положительно не мыслимы были-бы никакіе критическіе счеты. А между тѣмъ въ протоколахъ Карѳагенскаго собора несомнѣнна не только общая оппозиціонно-критическая струя, но и прямыя полемическія упоминанія о папѣ Стефанѣ. Отсюда ясно, что протоколы эти составлены на соборѣ, который происходилъ *не послѣ* смерти Стефана, а еще при его жизни. Такимъ образомъ, мы послѣдовательно приходимъ къ тому выводу, что единственно свободными и возможными сентябрьскими календами для большаго Карѳагенскаго собора при Кипріанѣ могли быть только календы 256-го года. [1]).

Весьма важенъ и интересенъ, далѣе, вопросъ объ объемѣ и составѣ даннаго собора, поскольку все это нашло свое отраженіе въ его протоколахъ. Въ этомъ отношеніи огромную цѣнность имѣютъ начальныя строки введенія къ Sententiae episcoporum, гдѣ содержатся слѣдующія указанія: „*когда мы сошлись вмѣстѣ въ Карѳагенѣ въ календы Сентября весьма многочисленные епископы изъ провинціи Африки, Нумидіи, Мавританіи съ пресвитерами и діаконами, въ присутствіи также весьма большой части народа*"... [2]) Здѣсь,

tieg ihn (d. römische Stuhl) Stephan (bis Anfange August 257)... P. S. Gemäss dem Liber Chronisten wurde er am 2 Aug. beigesetzt". 313 s. Bonn 1881.

[1]) За чуть-ли не единственнымъ исключеніемъ—Nelke, который годомъ раньше передвигаетъ хронологію трехъ послѣднихъ соборовъ Кипріана,—всѣ остальные новые ученые вполнѣ солидарны въ указаніи даты большого Карѳагенскаго собора (256 г.). *Langen* — 332 s. *Fechtrup*—228 s. *Ritschl*—112 s. *Rettberg*—181 s. *Ernst*—481 (Zf. K. Th. 1894) и 76 s. (Papa Stephan I), *Benson*, 365 p. *Hefele-Leclercq*—I, II, 1114 p. *Monceaux*—II, 63. *Harnack*—GACh II, 361 s. и др.

[2]) „Cum in unum Carthaginem (варіантъ Carthagine V, chartagini—T) conuenissent kalendis (kalendas L) Semptembribus episcopi plurimi ex provincia Africa, Numidia, Mauretania, cum presbyteris et diaconibus, praesentibus (лучше варіантъ praesente hTv) etiam plebis maxima parte"... Sententiae episcoporum numero LXXXVII de haereticis baptisandis—ed. *Hartel*. v. I, 435, Vindobonae MDCCCLXVIII.

такимъ образомъ, совершенно ясно очерчивается объемъ собора, какъ охватывавшій собою три африканскихъ провинціи—Проконсульскую Африку (съ метрополемъ Карѳагеномъ), Нумидію и Мавретанію. Такъ какъ въ исторіи сѣверо-африканскихъ соборовъ мы впервые встрѣчаемся здѣсь съ столь обширнымъ, трехпровинціальнымъ соборомъ, то вполнѣ умѣстенъ вопросъ, возможенъ-ли былъ въ то время подобный соборъ, по существовавшимъ тогда политическимъ и церковнымъ, междупровинціальнымъ отношеніямъ? Вѣдь, преобладающее большинство карѳагенскихъ соборовъ киприановой эпохи принадлежало, повидимому, къ типу однопровинціальныхъ, т. е. такихъ, на которыхъ собирались епископы лишь одной провинціи—Проконсульской Африки, метрополемъ которой былъ г. Карѳагенъ. Правда, бывали и двухпровинціальные соборы—изъ епископовъ провинцій Африки и Нумидіи: опредѣленно намъ извѣстны два такихъ собора—одинъ происходившій еще при Агриппинѣ (ок. 220 г.) другой—при Кипріанѣ, именно, весенній 256 года [1]). Но съ соборами трехъ провинцій въ Африкѣ намъ до сихъ поръ имѣть дѣла еще не приходилось.

Однако, все-же нѣтъ никакихъ серьезныхъ возраженій и противъ признанія такихъ большихъ, трехпровинціальныхъ соборовъ. Наоборотъ, цѣлый рядъ мотивовъ рѣшительно говоритъ за ихъ возможность. И прежде всего, за это говоритъ, такъ сказать, внутренняя логика событій: послѣ весенняго Карѳагенскаго, двухпровинціальнаго собора, на которомъ было установлено полное согласіе епископовъ Африки и Нумидіи, по вопросу о крещеніи еретиковъ, только епископы Мавретаніи продолжали еще колебаться, и даже непрочь были склониться на сторону папы. Вполнѣ естественно и понятно со стороны Кипріана желаніе привлечь на свою сторону и этихъ послѣднихъ мѣстныхъ протестантовъ, чтобы установить полное единодушіе всѣхъ африканскихъ церквей и тѣмъ самымъ возможно сильнѣе импонировать Риму. Вполнѣ оправдываютъ возможность подобнаго объединенія и существовавшія въ то время между-провинціальныя отношенія сѣверо-африканской церкви, такъ какъ, хотя церкви каждой провинціи и были автономны, но онѣ не теряли своей связи съ обще-африканскимъ метрополемъ—Карѳагеномъ. Лучшимъ подтвержденіемъ этого могутъ служить и извѣстныя уже намъ слова самого Кипріана изъ его письма къ Корнелію о Поликарпѣ адруметскомъ, написанныя въ серединѣ 251-го года [2]): „но такъ какъ область наша

[1]) *См. выше,* стр. 269-ая и 598-ая.

[2]) *Nelke* относитъ его къ серединѣ іюня 251 г. Op. cit. 62 s.

простирается далеко, заключая въ себѣ Нумидію и Мавританію“ [1]); откуда съ полной очевидностью слѣдуетъ, что подчиненная Карѳагену церковная провинція была очень обширна, такъ какъ включала въ свой составъ и тѣ территоріально-этнографическія единицы, которыя имѣли нѣкоторое самостоятельное положеніе, нося названіе „Нумидіи“ и „Мавретаніи“. А что въ каждой изъ названныхъ провинцій христіанство имѣло довольно широкое распространеніе, объ этомъ мы имѣемъ документальныя свидѣтельства еще изъ сочиненій Тертулліана и даже еще раньше, изъ такъ называемыхъ „актовъ сциллитанскихъ мучениковъ“, пострадавшихъ около 180 г. [2]) Вотъ почему, именно, этотъ годъ и считается начальной эрой христіанства въ Сѣверной Африкѣ [3]). Распространеніе христіанства шло тамъ, почти исключительно, черезъ Карѳагенъ, что и возвышало его на положеніе prima sedes, церкви матери, метрополя христіанской Африки [4]). Поэтому раньше всего и сильнѣе всего была христіанизирована та провинція, столицей которой былъ Карѳагенъ, т. е. Проконсульская Африка, и чѣмъ ближе къ Карѳагену, тѣмъ гуще было христіанское населеніе и тѣмъ больше отдѣльныхъ епископскихъ каѳедръ. Недаромъ, ученые изслѣдователи соборныхъ списковъ эпохи Кипріана давно уже

[1]) *Ep.* XLVIII, 3, 607: „sed quoniam latius fusa est nostra prouincia, habet etiam Numidiam et Mauretaniam (vap. mauretanes duas Z) sibi cohaerentes“. *P. n.* 39-ое п. 203 стр.

[2]) *Tertulliani* Opera „Ad Scapulam“ c. 2, 5. „Apologet.“ c. 2, n. 37. *Advers. Jud.* c. 1. Цитаты изъ нихъ съ соотвѣтствующими выводами приведены у *Ad. Harnack'a* „Mission und Ausbreitung des Christentums“[2] II, 236, n. 2. „Acta martyrum Scilitanorum Graece edita (Herm. Usener), Bonnae 1881. Хорошо о нихъ сказано у *Neumann'a* „Der römische Staat und die allgemeine Kirche bis auf Diocletian“ I t. 71—76. Leipz. 1890. См. также интересную статью *проф. В. В. Болотова:* „Къ вопросу объ Acta Martyrum Scilitanorum“, гдѣ онъ, въ свойственной ему лингвистической щепетильностью называетъ ихъ „актами мучениковъ исхлискихъ“, пострадавшихъ 17 іюля 180 г. Хр. Чт. 1903 г. іюнь 882 стр. и сл. и Іюль, 60 стр. Scilium=*Σκήλη, Ἰαχλή*—мѣстечко въ Нумидіи (Прокон.).

[3]) *H. Leclercq* „L'Afrique chrétienne“ I, 31 p.; „L'Eglise d'Afrique entre dans l'histoire, en l'année 180, avec deux groupes des martyrs, l'un à Scilli l'autre à Maudure“. Paris 1904. *Ad. Harnach* „Mit Martyrien beginnt für uns die Kirchengeschichte Nordafricas und zwar erst in Jahre 180“ Miss. und Ausbr.[2] II, 237 s.

[4]) *H. Leclercq* „Le christianisme a dû pénétrer en Afrique par Carthage“... *Op. cit.* I, 34 p. Исключительно высокое положеніе Карѳагена въ христіанской Африкѣ породило даже и обычную легенду объ его просвѣщеніи еще апостолами. Salvian, de gubern. VII, 79 называетъ Карѳагенъ, какъ urbs christiana, urbs ecclesiastica, quam quondam doctrinis suis apostoli instituerunt“. *Дюшенъ* „Исторія древней церкви“ I т. 264 стр.: „Изъ Карѳагена, бывшаго здѣсь центромъ распространенія всего иноземнаго, христіанство довольно быстро распространилось по колоннизированной странѣ“.

отмѣтили, что большая часть собиравшихся на соборъ епископовъ приходилась на сосѣднія съ Карѳагеномъ мѣстечки и города, преимущественно, расположенныя на морскомъ побережьѣ Сѣверной Африки [1]). За Проконсульской по времени и степени распространенія христіанства непосредственно слѣдуетъ Нумидія, гдѣ слѣды христіанства почти такъ же древни, какъ и въ Карѳагенѣ: по крайней мѣрѣ существованіе четырехъ христіанскихъ пунктовъ Нумидіи — Адрумета, Тисдры, Ламбезы, и Утины—засвидѣтельствовано еще Тертулліаномъ [2]). И характерно, что объ этихъ провинціи въ сочиненіяхъ Кипріана выступаютъ часто вмѣстѣ и даже трактуются, какъ „одна провинція“ (provincia nostra) [3]), на что обращаетъ вниманіе A. Schwartze который объясняетъ данный фактъ тѣмъ тѣснымъ политическимъ союзомъ, въ которомъ находились тогда обѣ этихъ провинціи: „Нумидія, когда она съ 37 г. по Р. Х. подчинена была уже не проконсулу, а императорскому легату, стала принадлежать, какъ бы на положеніи діоцеза, къ провинціи Африки“ [4]). Такъ было въ эпоху Кипріана и это продолжалось до новаго раздѣла имперіи при Діоклетіанѣ.

Гораздо медленнѣе и слабѣе шла христіанизація третьей большой африканской провинціи — Мавретаніи, расположенной на сѣверо-западъ отъ рѣки Ампасаги. Хотя отдѣльные случаи христіанства можно прослѣдить тамъ также до временъ Тертулліана, но они были спорадичны, и количественно незначительны, такъ что даже и въ гоненіе Діоклетіана община христіанъ обозначается, какъ еще „малая“ [5]). Такая, довольно слабая христіанизація

[1]) *Monceaux* II, 54: „Plus de la moitié des membres du concile de 254... semblent originaires des environs de Carthage ou des districts voisins de la côte.

[2]) Подробнѣе см. у *Harnack*'а Mis. und Ausbreitung...[2] II, 238 s.

[3]) *Cypr.* Ep. XVIII, 2, 526: nec ecclesiae unius aut *unius prouinciae*. XXVII, 3, 542: „namque in *prouincia nostra*... Ibidem Ep. XLIII, 3, 592 s. XLV, 1, 600 etc.

[4]) *Alexis Schwarze*, „Nordafrikanische Kirche“ in RE[3], 14, 161 s. На тѣсное объединеніе римлянами обѣихъ провинцій (Африки и Нумидіи) въ военномъ и финансовомъ отношеніи очень опредѣленно указываетъ и другой извѣстный авторитетъ по тогдашней исторіи Рима и его провинцій — *Ioachim Marquardt* „Römische Staatsverwaltung“[2], I. 468: „dass die Militärstrassen durch die alte Provinz gingen... genügt allein zu beweisen, dass die Provinzen Africa und Numidia nicht von Anfang an getrennt waren“.

[5]) *Ad. Harnack*: „In Mauretanien war natürlich das Christentum am schwächsten. Die Märtyrakte des Typasius veteranus (Annal. Bolland. t. 9, 1890, p. 116), die in diese Provinz gehört, beginnt mit den worten: „In temporibus Diocletiani... parva adhuc christianitatis religio fuerat“. Mission und Ausbreitung[2], II, 239, n. 1. Тертулліанъ въ своемъ сочиненіи „ad Scapulam“ опредѣленно говоритъ объ

Мавретаніи находитъ свое вполнѣ естественное объясненіе, какъ въ сравнительной удаленности ея отъ главнаго разсадника христіанства въ Африкѣ—Карѳагена, такъ и въ особенностяхъ ея племеннаго состава и политической исторіи. Этнографически Мавретанія гораздо больше сохранила свой изначальный типъ: она населена была маврами, мазиками и гетулами, извѣстными больше подъ общимъ именемъ берберовъ или кабиловъ. Въ ней такъ же, какъ и во всей сѣверной Африкѣ съ незапамятныхъ временъ утвердилась ханаанская культура финикіянъ—ихъ нравы, языкъ и учрежденія. Въ періодъ второй римской республики. Мавретанія, вмѣстѣ съ своей сосѣдкой Нумидіей образовывали два главныхъ самостоятельныхъ царства сѣверной Африки. Нумидійскіе цари—Югурта и Массинисса извѣстны своими войнами съ Римомъ. Позднѣе нумидійскіе цари вступали въ союзъ съ Римомъ и оказывали ему поддержку при борьбѣ съ Карѳагенской республикой. Но въ эпоху диктатуры цезаря „великое нумидійское царство обращается въ римскую провинцію, а охрана границъ отъ варваровъ возлагается на римскихъ легіонеровъ“ [1]). Царство мавретанское не играло той видной роли, какъ нумидійское. Но зато оно дольше сохраняло свою независимость: при Цезарѣ оно поступаетъ въ вассальную зависимость отъ Рима, и только при его преемникахъ оно окончательно входитъ въ составъ римской имперіи. Еще при императорѣ Клавдіи римляне образовали изъ него двѣ провинціи: Мавретанію Кесарійскую, лежавшую дальше на западъ и Мавританію Тингитанскую, сосѣднюю съ Нумидіею. „Въ этихъ странахъ слишкомъ поздно начавшаяся колонизація далеко не въ такой степени удалась, какъ въ лежавшихъ къ востоку провинціяхъ: римскіе военные посты не были продвинуты такъ далеко къ югу: прибрежныя горы остались во власти независимыхъ племенъ... Римляне проводили большое различіе между страной мавретанской и восточными провинціями; ихъ раздѣляла таможенная стѣна; счетъ годамъ велся въ Мавретаніи не по римскимъ консуламъ, а по особому мѣстному счисленію. Правителями были здѣсь простые прокураторы, какъ въ дикихъ частяхъ страны Альпъ“ [2]).

Въ періодъ второй римской имперіи всѣ три главныхъ и прежде самостоятельныхъ части Сѣверной Африки—карѳагенская

одномъ начальникѣ Мавретаніи, который былъ гонителемъ христіанъ (ad Scapulam, c. 4).

[1]) *Моммсенъ* „Римская исторія“ т. 5-й перев. Невѣдомскаго, Москва 1885 г. 613 стр.

[2]) *Дюшенъ* „Исторія древней церкви“ I, 263 стр.

республика, царства нумидійское и мавретанское—превратились уже въ римскую провинцію, которая однако, въ значительной степени сохраняла свой былой общественно-политическій укладъ. Вся прежняя карѳагенская территорія съ примыкавшей къ ней восточной половиной бывшаго нумидійскаго царства, или такъ называемыя, „старая" (Карѳагенъ) и „новая" (Нумидія проконсульская) Африка составляли до конца царствованія Тиверія одну провинцію этого имени. При раздѣлѣ римскихъ провинцій на сенатскія и императорскія, Африка досталась сенату и управлялась его проконсуломъ (Africa proconsularis). Но такъ какъ она постоянно нуждалась и въ военной охранѣ, то туда назначенъ былъ также императорскій военачальникъ. Такое двоевластіе представителей сената и императора вызывало нерѣдкія между ними столкновенія; и чтобы положить имъ конецъ, въ 37 году по Р. Х. обширную провинцію Африку раздѣлили на двѣ: прибрежная полоса, во главѣ съ Карѳагеномъ, удержала названіе Африки и осталась подъ властью проконсула, а западная, нумидійская часть, во главѣ съ городомъ Циртой, была отдана въ распоряженіе военнаго претора [1]). Но, очевидно, это послѣднее, военно-политическое дѣленіе довольно туго прививалась къ народному сознанію и населеніе обѣихъ половинъ прежней провинціи Африки еще долгое время продолжало считать себя принадлежащимъ къ одной провинціи.

Изъ представленнаго краткаго очерка политической исторіи Сѣверной Африки мы можемъ пока извлечь для себя два твердыхъ историческихъ вывода. Первый—это тотъ, что Карѳагенъ и Нумидія съ эпохи римскаго владычества въ Африкѣ были настолько тѣсно объединены, что долгое время представляли даже одну гражданскую провинцію. Второй—тотъ, что Мавретанія, наоборотъ, стояла какъ-то особнякомъ отъ карѳагено-нумидійскаго союза и вообще, меньше поддавалась романизаціи и упорнѣе отстаивала свою самобытность, если уже не политическую, то этнографическую и культурно-бытовую. Сюда-же должно отнести и еще одно важное историческое показаніе, касающееся внутренняго общественно-политическаго строя африканцевъ. Такъ какъ главными культуртрегерами Африки были „просвѣщенные мореплаватели" древности—Финикіяне, то въ своихъ основанныхъ здѣсь колоніяхъ они ввели то самое общинно-политическое устройство, которое процвѣтало у нихъ и на родинѣ. Это былъ свободный союзъ самостоятельныхъ городовъ, наподобіе средневѣковаго, тоже торговаго, „ганзейскаго союза". Вотъ почему все сѣверо-африканское

[1]) Подробнѣе см. у *Моммсена* „Цит. сочин." 615—620 стр.

побережье издавна было усѣяно множествомъ отдѣльныхъ, независимыхъ мѣстечекъ и городковъ, входившихъ между собой въ дружественные союзы для общихъ торговыхъ, военныхъ и политическихъ цѣлей. А это важно для насъ, какъ показатель того, что въ сѣверной Африкѣ той эпохи преобладалъ общинно-городской строй жизни, что, въ свою очередь, содѣйствовало сравнительно быстрымъ успѣхамъ христіанской миссіи (она вездѣ шла по городамъ и торговымъ путямъ) и обусловливало значительный численный составъ ея епископата.

Опасаясь перегрузить свое изслѣдованіе побочнымъ, хотя и весьма интереснымъ для нашихъ цѣлей матеріаломъ, (поскольку церковное устройство обусловливалось и общественно-гражданскимъ), мы не будемъ входить въ подробности гражданско-политической исторіи Сѣверной Африки за періодъ второй римской имперіи; но интересующихся ею позволимъ отослать къ трудамъ Моммсена, Marquardt'a, Toulotte, Monceaux'a, Al. Schwarze, Mesnage, и др., гдѣ эта исторія обстоятельно освѣщена и гдѣ она, въ особенности, у двухъ послѣднихъ авторовъ, въ достаточной мѣрѣ подкрѣплена и цѣннымъ историко-археологическимъ, преимущественно, даже эпиграфическимъ матеріаломъ [1]). Къ сожалѣнію, далеко нельзя сказать того-же самаго о церковно-административной исторіи всей этой очень значительной и вліятельной части древнехристіанскаго міра. Здѣсь мы встрѣчаемся или съ совершенно категорически выраженнымъ заявленіемъ, что мы „ничего достовѣрнаго не знаемъ изъ исторіи африканскаго христіанства III в., чтобы надѣяться утвердить какое-либо соотношеніе въ эту эпоху между гражданскими раздѣленіями и раздѣленіями церковными" [2]); или съ тѣмъ-же по существу, но болѣе смягченнымъ по формѣ, что „мы не можемъ во всемъ его объемѣ точно опредѣлить отношеніе гражданскаго и церковнаго дѣленія", (разумѣется, конечно, провинціальное дѣленіе), хотя и можемъ полагать, что оба этихъ дѣленія не покрывали другъ друга" [3]). Съ

[1]) *Paul Monceaux* „Histoire littéraire de l'Afrique chrétienne depuis les origines jusqué l'invasion arabe" T. I, Paris 1901. 12—13 p. о богатыхъ раскопкахъ Delattre и др. 35 p. о Corpus inscription. latinor. *Dr. Alexis Schwarze* „Untersuchungen über die äussere Entwicklung der afrikanischen Kirche" Göttingen 1892, въ особенности 2—17 и 33 и слѣд. Самую богатую и цѣнную сводку всего историко-археологическаго, эпиграфическаго и документальнаго матеріала по исторіи древне-христіанской Африки представляетъ новѣйшій спеціальный трудъ франц. ученаго *P. I. Mesnage* „L'Afrique chrétienne. Evêches et ruines antiques... et les découvertes archéologiques les plus récents". Paris 1912.

[2]) *H. Leclercq* „L'Afrique chrètienne" I, Paris 1904, 44 p. n. 3.

[3]) *Al. Schwarze* „Op. cit." 18 s.

послѣднимъ мнѣніемъ такого осторожнаго и добросовѣстнаго изслѣдователя, какъ Alexis Schwarze, мы вполнѣ солидарны и отъ него будемъ исходить.

Вся трудность нашего положенія заключается въ томъ, что намъ приходится судить о церковно-административномъ строѣ Африки эпохи Кипріана, почти исключительно, на основаніи сочиненій его-же самого, такъ какъ предшествующая церковная литература и современные ей историческіе памятники и документы не даютъ по интересующему насъ вопросу ничего, или почти-что ничего. Поэтому намъ приходится базироваться чуть-ли ни всецѣло на Кипріанѣ, лишь изрѣдка обращаясь за справками къ его видному предшественнику—Тертулліану и еще болѣе знаменитому преемнику—бл. Августину. Изъ сочиненій Кипріана важное значеніе для данной цѣли имѣютъ, во-первыхъ, нѣкоторыя изъ его писемъ, гдѣ Кипріанъ попутно упоминаетъ о церковныхъ провинціяхъ. Но гораздо важнѣе, бывшіе при немъ соборы, въ особенности, конечно, тѣ, отъ которыхъ остались списки ихъ членовъ-епископовъ. Среди послѣднихъ совершенно исключительное по важности мѣсто занимаетъ списокъ Sententiae episcporum, такъ какъ въ немъ не только поименно перечислены всѣ 87 епископовъ, но и точно обозначены ихъ каѳедры, что даетъ ключъ къ надежной оріентировкѣ въ вопросахъ церковно-провинціальнаго дѣленія С. Африки.

Судя по письмамъ Кипріана, церковное дѣленіе въ это время еще не обозначалось съ полной опредѣленностью; но, во всякомъ случаѣ, оно не совпадало съ политическимъ, какъ это подчеркиваетъ и *P. Monceaux*, который говоритъ: „религіозная организація тогда была всецѣло независима отъ организаціи политической; для общинъ Нумидіи и Мавретаніи, такъ же, какъ и для общинъ Проконсульской, былъ одинъ центръ—Карѳагенъ, метрополь всѣхъ принявшихъ христіанство африканцевъ“ [1]). Однако и самъ Monceaux дальше признаетъ, что „нѣкоторыя черты будущей провинціальной группировки уже намѣчаются: такъ епископы Нумидіи вступаютъ въ соглашенія и пишутъ коллективныя письма (Ep. 62 и 70)“... [2]) Приблизительно то-же мы можемъ сказать и объ епископахъ Мавретаніи, которые заявляли о своей относительной самостоятельности самымъ фактомъ своихъ колебаній и возраженій противъ крещальной практики Кипріана. Но несомнѣнно, что сепаратическія тенденціи тогда только что еще нарождались, а объединительныя были выражены съ достаточной силой. Св. Кипріанъ имѣлъ полное основаніе и право говорить, что „провинція наша (разумѣется, церковная провинція) простирается далеко, включая въ себя Нумидію и Мавретанію“[1]), и могъ называть нетолько Проконсульскую, но и Нумидію и даже Мавретанію „нашей“ провинціей. Карѳагенъ, благодаря своему политическому значенію, своему географическому положенію, экономическому и религіозному вліянію [2]), былъ настоящимъ религіознымъ центромъ, метрополемъ африканскаго христіанства. „И хотя, въ эпоху Кипріана, всѣ епископы принципіально были самостоятельны [3]), однако фактически, епископъ Карѳагена въ цѣлой странѣ, до Мавретаніи включительно, занималъ положеніе примаса [4]). Онъ собираетъ своихъ коллегъ въ своемъ епископальномъ городѣ, который во всѣхъ отношеніяхъ является столицей римской Африки; онъ предсѣдательствуетъ на ихъ собраніяхъ, дѣйствуетъ за нихъ, говоритъ отъ ихъ имени [5]). Словомъ, Кипріанъ является настоящимъ митрополитомъ всей христіанской Африки, потенціально заключающимъ въ своемъ лицѣ и всѣ прерогативы власти будущаго патріарха [6]), наравнѣ съ другими его коллегами,—епископами главныхъ провинціальныхъ городовъ—Рима, Александріи, Антіохіи, Кесаріи, Ефеса и др.

Карѳагенъ былъ источникомъ всякаго, вообще, просвѣщенія Сѣверной Африки римскаго періода, а въ томъ числѣ и даже, по преимуществу, просвѣщенія христіанскаго. Лучи христіанства

[1]) *P. Monceaux* „Op. cit.“ II, 11 p. Ср. *Salvian* de gubern. VIII, 67: „universarum (Africae) urbium princeps et quasi mater, illa scilicet Romanis arcibus semper aemula armis quondam et fortitudine, post splendore ac dignitate, Carthaginem dico, et urbi Romae maxime adversariam et in Africano orbe quasi Romane“. *Tertull.* „de pallio“, 1: „Principes semper Africae viri Carthaginienses, vetustate nobiles, novitate felicies“.

[2]) *Ibidem*, 12 p.

[1]) *Ep.* XXVIII, 3, 607 p. *P. n.* 39-ое, 203 стр.

[2]) Ясно, убѣдительно и документально (съ постоянными ссылками на раскопки и новѣйшій эпиграфическій матеріалъ) говоритъ о такой роли Карѳагена *H. Leclercq* въ своей обстоятельнѣйшей статьѣ „Carthage“ in Dictionnaire d'Archéologie chrétienne et de liturgie“ 7. *Cabrol* fascicule XIX, p. 2190 sq. Paris 1910.

[3]) *Ep.* LXXII, 3, 778 p, *P. n.* 59-ое, 331 стр.

[4]) *Болотовъ* Лекція, III, 267.

[5]) *Monceaux* II, 13 p.

[6]) Впрочемъ, эпоха Кипріана была высшей точкой развитія митрополичьей власти Карѳагенскаго епископа. До патріаршей ступени эта власть здѣсь не поднялась, такъ какъ слишкомъ близко было сосѣдство могущественнаго римскаго епископа, неблагопріятное для подобнаго развитія. Однако весьма характерно, что даже римскій клиръ въ періодъ „вакантности каѳедры“ именуетъ еп. Кипріана почетнымъ титуломъ „папы“ и даже „блаженнѣйшаго и славнѣйшаго папы“ (beatissime et gloriosissime papa) *Ep.* XXX, 8, 556. *P. n.* прим. къ 43-му п. стр. 224.

выходили изъ Карѳагена и, разумѣется, сильнѣе освѣщали ближайшія къ нему мѣстности и слабѣе—отдаленныя. Вотъ почему, въ окрестностяхъ Карѳагена мы находимъ сравнительно наиболѣе густую сѣть христіанскихъ мѣстечекъ и городовъ, которая становится тѣмъ рѣже, чѣмъ она дальше отходитъ отъ своего естественнаго центра. Была-ли, однако, возможна при такомъ общецерковномъ объединеніи еще и мѣстная провинціальная централизація, напримѣръ—епископовъ Нумидіи, или Мавретаніи? На группировку послѣднихъ мы не имѣемъ никакихъ указаній. Но объ организаціи первыхъ, т. е. нумидійскихъ, кое-что знаемъ, хотя-бы, напр. изъ письма къ Кипріану шести нумидійскихъ епископовъ изъ города Капсы, по дѣлу о падшихъ [1]), или же изъ аналогичнаго запроса восемнадцати нумидійскихъ епископовъ, по вопросу о крещеніи [2]). Несомнѣнно, что все это — слѣды нарождающейся провинціальной автономіи; но, во всякомъ случаѣ, автономіи еще только намѣчавшейся, а далеко еще не сложившейся. Уже одинъ тотъ фактъ, что нумидійскіе епископы, даже собравшись въ довольно значительномъ числѣ, не могутъ принять какого-либо собственнаго, самостоятельнаго рѣшенія, а обращаются для этого въ Карѳагенъ, уже одинъ онъ, повторяемъ, краснорѣчиво опредѣляетъ истинный характеръ положенія вещей въ Нумидіи и ея отношеніе къ Карѳагену. Поэтому мы считаемъ неосновательнымъ предполагать, чтобы нумидійскіе епископы могли съорганизовывать свои самостоятельные церковно-провинціальные соборы, аналогичные карѳагенскимъ, устраиваемымъ Кипріаномъ. Вѣрнѣе, тамъ могли и даже должны были существовать лишь избирательные соборы, т. е. составлявшіеся для выбора и посвященія епископа на вдовствующую каѳедру, чѣмъ, несомнѣнно, былъ соборъ шести епископовъ въ г. Капсѣ, какъ вѣроятно и соборъ восемнадцати епископовъ, писавшихъ коллективное письмо къ Кипріану, съ запросомъ о крещеніи.

У защитниковъ церковной самостоятельности Нумидіи есть, правда, одинъ, на первый взглядъ какъ будто-бы даже и вѣскій аргументъ—это ссылка на соборъ въ Ламбезитанской колоніи, осудившій епископа Привата, общимъ приговоромъ 90 его коллегъ [3]). Но случай этотъ слишкомъ исключителенъ и неясенъ, чтобы на немъ можно было серьезно что-либо строить. Такого значительнаго числа епископовъ не имѣлъ ни одинъ изъ Кипріановыхъ соборовъ, не исключая даже и послѣдняго (осенняго

[1]) *Ep.* LVI, 649 sq. *P. n.* 44-ое, 241 сл. *См. выше*, стр. 527-ая.
[2]) *Ep.* LXX, 766 sq. *P. n.* 57-ое, 321 и сл. *См. выше*, стр. 575-ая и слѣд.
[3]) *Ep.* LVIII, 10, 677 p. *P. n.* 47-ое, 259 стр.

256 г.), несмотря на то, что онъ состоялъ изъ епископовъ всѣхъ трехъ провинцій. Въ виду этого трудно уже apriori допустить, чтобы одна Нумидія могла выставить такое огромное число епископовъ, въ особенности, если принять во вниманіе, что судившій Привата соборъ былъ, по выраженію Кипріана, ante multos fere annos за много лѣтъ раньше Кипріана, вѣроятно, при епископѣ Донатѣ, т. е., какъ думаетъ большинство ученыхъ, еще въ 30—40-хъ годахъ 3-го столѣтія [1]), когда общее число христіанъ въ Нумидіи было несомнѣнно гораздо меньше, чѣмъ 20—30 лѣтъ спустя, при Кипріанѣ.

Въ виду всего сказаннаго, лично намъ, напримѣръ, кажется гораздо болѣе правдоподобнымъ, то предположеніе, что соборъ 90 епископовъ, судившій Привата, происходилъ не въ Ламбезѣ, а въ томъ-же Карѳагенѣ. Предположеніе это легко оправдать и со стороны текста кипріанова письма, если только нѣсколько иначе разставить въ немъ знаки препинанія, благодаря чему изъ фразы: „пришелъ въ Карѳагенъ и старый еретикъ Приватъ—тотъ, котораго много лѣтъ назадъ въ Ламбезитанской колоніи общимъ голосомъ осудили 90 епископовъ“... получаемъ: „пришелъ въ Карѳагенъ и Приватъ, старый еретикъ (изъ) Ламбезитанской колоніи, котораго много лѣтъ назадъ общимъ голосомъ осудили 90 епископовъ“. Послѣдній переводъ филологически даже правильнѣй и ближе къ подлиннику, такъ какъ онъ обходится безъ всякихъ вставокъ и прибавокъ („тотъ“). Да наконецъ, если-бы подобные, столь многочисленные соборы были возможны въ Нумидіи за много лѣтъ до Кипріана, то, конечно, они должны-бы были продолжаться и при немъ, тѣмъ болѣе, что новыхъ поводовъ къ этимъ соборамъ было немало, какъ очевидно изъ писемъ къ Кипріану тѣхъ-же нумидійскихъ епископовъ. А если-бы подобные самостоятельные соборы и на самомъ дѣлѣ происходили-бы въ Нумидіи, то положительно не допустимо, чтобы они въ той или иной формѣ не нашли своего отраженія, или даже хотя-бы простого упоминанія, въ обширной и разносторонней корреспонденціи Кипріана. Кипріанъ, зорко стоящій на стражѣ общецерковныхъ интересовъ, чутко прислушивающійся ко всему, что происходитъ нетолько въ Африкѣ, но и въ Римѣ, и въ Испаніи, и въ Галліи и даже на Востокѣ—уже конечно не могъ бы обойдти молчаніемъ такой крупный фактъ, какъ соборъ епископовъ въ сосѣдней съ нимъ африканской-же провинціи? Но коль скоро Кипріанъ ни единымъ словомъ не выдаетъ существованія какихъ-либо иныхъ, кромѣ Карѳа-

[1]) *См. объ этомъ еще и выше*, стр. 407 прим. и стр. 533.

генскихъ, церковныхъ соборовъ въ Африкѣ его времени, то такое краснорѣчивое молчаніе получаетъ особую убѣдительность и твердо устанавливаетъ, что Африканская церковь эпохи Кипріана знала только одинъ пунктъ для церковныхъ соборовъ, куда и собирались всѣ желавшіе собора и въ немъ нуждавшіеся епископы, преимущественно, изъ Проконсульской, но нерѣдко также и изъ Нумидіи, иногда-же еще и изъ Мавретаніи. Слѣдовательно, существуетъ полное основаніе думать, что ламбезитанскій епископъ Приватъ былъ осужденъ на карѳагенскомъ-же соборѣ, и именно на такомъ, гдѣ, подобно собору Агриппина, объединялись епископы двухъ политическихъ провинцій — Проконсульской и Нумидіи [1]).

Такимъ образомъ, корреспонденція Кипріана уполномачиваетъ насъ на выводъ, что церковная организація сѣверо-африканской церкви того времени была независима отъ политической: она представляла собой единое цѣлое, съ центромъ въ Карѳагенѣ и съ ежегодными, регулярными, а иногда еще и экстраординарными церковными соборами въ томъ-же Карѳагенѣ. Если и можно говорить здѣсь о нѣкоторомъ параллелизмѣ въ строѣ церковной и политической жизни Сѣверной Африки, то развѣ только о томъ, который былъ обусловленъ, одинаково для обоихъ строевъ, иными, болѣе глубокими причинами, преимущественно, историко-этнографическаго характера. Мы разумѣемъ, во-первыхъ, сравнительно значительное количество епископовъ для небольшой сѣверо-африканской территоріи, что зависѣло отъ древне-сложившагося здѣсь строя, съ преобладаніемъ свободныхъ ассоціацій вольныхъ городковъ и мѣстечекъ [2]). А такъ какъ каждый подобный городокъ составлялъ и особый церковный приходъ, во главѣ котораго непремѣнно стоялъ и свой епископъ, то отсюда, т. е. изъ обилія въ Африкѣ отдѣльныхъ городовъ, объясняется и соотвѣтственное обиліе въ ней епископовъ, которое тамъ быстро росло по мѣрѣ распространенія христіанства въ новыхъ мѣстечкахъ и городахъ Сѣверной Африки [3]). Во-вторыхъ, нельзя не

[1]) Категорически всѣ эти критическія замѣчанія, включительно до неправильной пунктуаціи существующаго Кипріанова текста, поддерживаетъ и *Monceaux*, II, 5 p. и notae 4. *Harnack* „Mission und Ausbreitung...“ II, s. 240, n. 6 также не рѣшается считать этотъ соборъ *только* нумидійскимъ.

[2]) *Ad. Harnack* „Die bischöfliche Organisation ist in Africa noch strenger durch gefürt worden als in Kleinasien und Unteritalien“. Mission und Ausbreitung², II, 240. *Ibidem*, notae 7: „diese episcopale Organisation in Africa ist eine Folge der auf die Phönizer zurückgehenden Stadtgemeinden-Organisation Nordafricas“, со ссылкою на *Mommsen*'а „Röm. Gesch.“ V t. 644 s.

[3]) *Ad. Harnack* „Das Wachstum des nordafricanischen Episcopats zeigt also wenn unsere Erwägungen richtig sind, folgenge Stufenfolge: um das Jahr 220

подчеркнуть сравнительно бо́льшаго единства и тѣснѣйшей связи, которая существовала между Проконсульской и Нумидіей, что, помимо чисто географическаго сосѣдства, безспорно объясняется также и ихъ прежнимъ (до 37 г. по Р. Х.) политическимъ объединеніемъ въ одну провинцію, вѣрность которому сохраняло и всегда болѣе консервативное церковное дѣленіе [1]). Въ третьихъ, здѣсь-же можно сдѣлать и противоположное наблюденіе—о сравнительной слабости церковныхъ связей Карѳагена съ Мавретаніей,—что опять-же находитъ свое естественное объясненіе въ общей исторіи этой провинціи за эпоху второй римской имперіи.

Въ полномъ согласіи съ случайными и частичными показаніями, извлекаемыми изъ писемъ и сочиненій Кипріана, стоятъ и тѣ, болѣе многочисленныя и опредѣленныя данныя о церковно-административномъ строѣ Африки (главнымъ образомъ, объ епископскихъ каѳедрахъ), которыя вытекаютъ изъ анализа дошедшихъ до насъ соборныхъ списковъ. Такихъ списковъ отъ изслѣдуемой нами кипріановой эпохи мы имѣемъ цѣлыхъ шесть, а именно: четыре списка отъ карѳагенскихъ (регулярно-провинціальныхъ) соборовъ 252 г., 254 г., 255 г. и 256 г. и два списка отъ нумидійскихъ (выборныхъ) соборовъ: отъ восемнадцати нумидійскихъ (254—255 г.) и отъ восьми нумидійскихъ-же епископовъ, которымъ Кипріанъ пересылалъ пожертвованія для выкупа плѣнныхъ. Къ сожалѣнію, всѣ эти списки, за исключеніемъ одного Карѳагенскаго (списокъ 87 еп. осенняго собора 256 г.), даютъ лишь голый перечень епископскихъ именъ и лишены самаго главнаго—указанія на тѣ каѳедры и города, гдѣ эти епископы резедировали и откуда они приходили на соборъ. А вѣдь для насъ, именно, это-то обстоятельство и важно, такъ какъ лишь оно знакомитъ насъ и съ топографіей христіанства въ сѣверно-африканскихъ городахъ и съ тѣми между-церковными отношеніями и связями, по которымъ группировались и объединялись всѣ эти города. Впрочемъ, послѣдній списокъ, списокъ 87 еписко-

(Agripinus)—70—90 Bistümer, um die Mitte des 3 Jahrh. gegen—150, am Anfang d. 4 Jahrh. schwerlich under 250, am Anfang d. 5. Jahr. zwischen 500—700 Bistümer“. *Ibidem* 245 s. Вообще, какъ отмѣчаетъ Harnack „die bischöfliche Organisation ist in Africa noch strenger durchgefürt worden als in Kleinasien und Unteritalien. Von detahierten (т. е. объ особенныхъ, приходскихъ) Presbytern und Diaconen hören wir nichts“. *Ibid.* 240 s.

[1]) *Ф. К. Функъ* „Исторія хр. церкви“ въ пер. проф. Гидулянова, стр. 54: „Границы церковныхъ провинцій и ихъ церковныя метрополи первоначально совпадали не съ обширными римскими провинціями, а съ этиографическими округами, странами и ихъ центральными пунктами“.

повъ большого Карѳагенскаго собора, состоявшагося осенью 256 г. значительно исправляетъ бѣду и восполняетъ указанный, крупнѣйшій недочетъ предшествующихъ списковъ, такъ какъ онъ къ именамъ епископовъ присоединяетъ и точную номенклатуру ихъ каѳедръ. И если раннѣйшіе „нѣмые списки", по отзыву Harnack'a, ничему не могли насъ научить (können wir nichts lernen), то, наоборотъ, подробный протоколъ соборнаго заѣданія отъ 1 сентября 256 г. полонъ для насъ высокаго значенія (von hohen Wert) и интереса: „мы сразу, благодаря ему, ознакомляемся (werden wir... belehrt), съ большимъ числомъ епископій, какія къ тому времени были на лицо" [1]). Правда, какъ основательно сѣтуетъ, далѣе, Harnack, и ознакомленіе съ этимъ, полнымъ соборнымъ спискомъ, встрѣчаетъ теперь немалыя затрудненія, вслѣдствіе исчезновенія, замѣны и, вообще, крайней трудности, а иногда и невозможности, точнаго опредѣленія нѣкоторыхъ городовъ изъ числа помѣченныхъ въ спискѣ. Но все-же знакомство съ древними историками, сравненіе съ болѣе поздними соборами и въ особенности богатый археологическій и эпиграфическій матеріалъ, собранный на мѣстахъ древней Африки, благодаря новѣйшимъ изслѣдованіямъ и раскопкамъ, значительно помогаютъ дѣлу и позволяютъ почти полностью реставрировать топографическую карту Sententiae episcoporum. А эта карта является лучшимъ ключемъ и для расшифровки всѣхъ остальныхъ соборныхъ списковъ той-же эпохи. Но для того, чтобы на этомъ пути историко-топографическаго и сравнительно-статистическаго изученія соборныхъ списковъ, получить сколько-нибудь основательные и цѣнные результаты, необходимо войдти, сначала, въ подробный анализъ списка Sententiae episcoporum, а затѣмъ, уже при его помощи, дать сравнительное сопоставленіе и всѣхъ прочихъ списковъ. Весь процессъ такой кропотливо-сложной работы продѣлали и мы, опираясь частію на самые матеріалы (Corp. Inscr. Latin. VIII t.), а главнымъ образомъ, на его болѣе авторитетныя обработки (Toulotte, Marquardt, Harnack, Benson, Al. Schwarze, Monceaux, Mesnage etc). Но вводить эту, все-же до извѣстной степени, черновую работу, въ самое свое изслѣдованіе мы, по понятнымъ мотивамъ, все-же не рѣшились, а отвели ей особое, спеціальное приложеніе къ своей книгѣ [2]). Здѣсь-же позволимъ себѣ ограничиться только нѣкоторыми важнѣйшими выводами и заключительными результатами, имѣющими непосредственное отношеніе къ нашей темѣ.

[1]) *Harnack* „Mission und Ausbreitung"[2], II, 242.
[2]) См. приложеніе II-ое, въ концѣ настоящей книги.

Изъ шести названныхъ нами выше соборныхъ списковъ фактически въ изслѣдованіи сѣверо-африканскихъ епископскихъ каѳедръ участвуютъ только четыре карѳагенскихъ списка, какъ наиболѣе количественно полныхъ и территоріально широкихъ. Три-же нумидійскихъ списка имѣютъ не самостоятельное, а вспомогательно-служебное значеніе относительно тѣхъ первыхъ списковъ, именно, помогая точнѣе установить нѣкоторыя сомнительныя имена и каѳедры нумидійской области. А изъ четырехъ карѳагенскихъ списковъ, какъ это вполнѣ понятно, совершенно исключительное положеніе по степени своей ясности и опредѣленности занимаетъ списокъ, составленный по Sententiae episcoporum. Продѣланный нами его анализъ показалъ [1]), что изъ 87-ми именъ этого списка только два имени остаются совершенно не опредѣленными: это—имя, или точнѣе каѳедра—еп. Пелагіана изъ Люперціаны (№ 44) и Феликса изъ Бузлацены (№ 63) [2]). Остальныя-же 85 подписей позволяютъ опредѣленіе ихъ то съ абсолютной, то съ вѣроятной степенью точности; по областямъ-же единой въ то время церковно-политической провинціи онѣ распредѣляются приблизительно такъ: на долю Проконсульской падаетъ наибольшее количество подписей — 51-на, на долю Нумидіи — 32 подписи и на долю Мавретаніи всего меньше, только 2 подписи. При болѣе-же близкомъ ознакомленіи съ историко-топографической картой того времени, мы ясно видимъ, что все это были города важнаго гражданско-политическаго, военнаго, или торгово-промышленнаго значенія. Часть ихъ, неменьше 12 городовъ, концентрировалась непосредственно вокругъ метрополя всей Африки— г. Карѳагена и свѣтила, такъ сказать, заимствованнымъ изъ него свѣтомъ. Затѣмъ, около 20 городовъ представляли изъ себя приморскіе, торговые порты, ведшіе обширную колоніальную торговлю съ востокомъ и западомъ. Остальные-же города являлись или опорными стратегическими пунктами римской колонизаціи, или крупными торговыми центрами и складочными мѣстами, расположенными по теченію большихъ судоходныхъ рѣкъ (Баграды, Ампасаги и др.) и по большимъ, торгово-сухопутнымъ дорогамъ (изъ Карѳагена въ Тевесту, изъ Тевесты въ Ламбезу, изъ Ассура въ Капсу и проч.).

[1]) Названную здѣсь работу мы выдѣляемъ изъ текста и переносимъ въ спеціальное приложеніе, на концѣ книги.

[2]) Хотя и относительно нихъ существуютъ нѣкоторыя догадки: такъ, Lupercian'y Tissot отождествляетъ съ Afas Lupeici или Lupersi, лежавшей въ Прокон. въ 36 мил. на югъ отъ Тасаре. А Buslacen'y онъ-же готовъ отождествить со старымъ нумид. городомъ Lacena. *Mesnage* „L'Afrique chrétienne" pp. 206. 186. Paris 1912.

Владѣя въ прокоментированномъ спискѣ Sententiae episcoporum, своего рода, ключемъ къ топографической картѣ христіанства сѣверной Африки половины III в., мы при помощи его получаемъ возможность, какъ расшифровать прочіе списки, такъ и увеличить самый запасъ статистическаго матеріала. Благодаря этому, общій списокъ епископовъ той эпохи у насъ выростаетъ, вмѣсто цифры 87, уже до ста епископскихъ именъ [1]). Изъ числа нихъ шестнадцать именъ встрѣчаются во всѣхъ четырехъ основныхъ спискахъ (карѳагенскихъ): четырнадцать—въ трехъ, двадцать шесть—въ двухъ и сорокъ четыре имени—только въ какомъ-либо одномъ изъ списковъ, преимущественно, конечно въ послѣднемъ (Sententiae...)

Наиболѣе показательны и интересны, разумѣется, имена епископовъ первой категоріи, т. е. тѣхъ шестнадцати, которые согласно называются во всѣхъ четырехъ соборныхъ спискахъ, а именно: 1) Викторъ изъ Гордубы (Прок.) 2) Гонорат изъ Тукки (Прок.), 3) Квинтъ, изъ Аггіи (Прок.), 4) Лукіанъ, изъ Рукумъ (Прок.?) 5) Никомедъ, изъ Сегермеса (Прок.), 6) Поликарпъ, изъ Адрумета (Прок.) 7) Помпоній изъ Діонисіаны (Прок.?), 8) Примъ изъ Мисгирпы (Прок.?), 9) Рогаціанъ, изъ г. Новаго (Нумид.?) 10) Саттій, изъ Сициллибы (Прок.), 11) Сатурнинъ I изъ Авитины (Прок.), 12) Сатурнинъ II изъ Тукки (Пр.), 13) Суксессъ изъ Аббиръ-Германиціаны (Прок.), 14) Феликсъ изъ Утины (Прок.), 15) Фортунатъ изъ Туккабора (Прок.), 16) Цециліанъ изъ Билты (Прок.), неговоря уже, конечно, о безсмѣнномъ предсѣдателѣ всѣхъ этихъ соборовъ—сп. Кипріанѣ карѳагенскомъ. Изъ этихъ шестнадцати епископскихъ каѳедръ, по крайней мѣрѣ, *десять* извѣстны вполнѣ опредѣленно, какъ находившіяся въ Проконсульской и расположенныя или въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Карѳагеномъ (Сициллиба, Тукка, Гордуба, Утина и др.) или на юго-востокъ отъ него, по берегу моря (Сегермесъ, Адрументъ и др.). Надо полагать, что и остальные шесть, сравнительно меньше опредѣленныхъ городовъ, также находились на территоріи Проконсульской. Такимъ образомъ, основное ядро Карѳагенскихъ соборовъ составляли епископы Проконсульской

[1]) Причемъ не лишена остроумія догадка Harnack'a, что въ этотъ списокъ вошли только епископы солидарные съ Кипріаномъ и, болѣе или менѣе, сочувствующіе карѳагенской крещальной практикѣ. Большинство-же мавретанцевъ, несогласныхъ со всѣмъ этимъ, не являлось и на соборъ, почему въ протоколѣ большаго карѳаг. собора 256 г. и могло оказаться только два мавретанскихъ епископа. Такъ что общая цифра епископовъ сѣверо-африканской церкви временъ Кипріана, по мнѣнію Harnack'a „wird wohl schwerlich mehr als c. 150 betragen haben" *Mission*... II, 243 s.

(„Африки"), и именно, сѣверо-восточной ея части, получившей позднѣе названіе „Зевгитанія".

Затѣмъ, по степени важности для характеристики состава и объема африканскихъ соборовъ слѣдуетъ вторая категорія епископскихъ именъ, т. е. объединяющая въ себѣ епископовъ, встрѣчающихся въ трехъ спискахъ. Такихъ, какъ мы отмѣтили, четырнадцать епископовъ, а именно, кромѣ Кипріана, карѳ. еще: 1) Аврелій изъ Утики (Прок.) 2) Викторикъ изъ Табраки (Пр.) 3) Гортензіанъ изъ Ларъ (Нум.), 4) Димитрій изъ Лептиминуса (Пр.), 5) Донатъ изъ Цибаліаны (Пр.), 6) Луцій изъ Аузафы или Мембрессы (Пр.), 7) Сатурнинъ изъ Викторіи (Нум.). 8) Седатъ, изъ Тубурбо (Пр.), 9) Секундинъ изъ Карпъ (Пр.), 10) Фаустъ, изъ Тимиды (Пр.) 11) Юній изъ Неаполя (Пр.), 12) Ямбъ изъ Германиціаны (Пр.), 13) Януарій изъ Ламбезы (Нум.) и 14) Януарій изъ Викусъ-Цезаря (Пр.). Строго и точно опредѣленнымъ изъ названныхъ городовъ являются: Утика, Табрака, Лары, Лептиминусъ, Мембресса, Тукка нум. Карпы, Неаполь и Ламбеза; такъ что сравнительно менѣе извѣстными являются лишь четыре города: Цибаліана, Викторіана и Викусъ-Цезаря. Въ географическомъ распредѣленіи десяти хорошо извѣстныхъ городовъ мы наблюдаемъ вліяніе тѣхъ-же самыхъ факторовъ: сосѣдства съ Карѳагеномъ (Утика, Мембресса, Карпы) и направленія по берегу моря (Неаполь, Лептиминусъ). Но при этомъ констатируемъ и дальнѣйшее движеніе на западъ, въ область пограничной Нумидіи (Табрака, Туккаборъ, Лары), съ присоединеніемъ южной столицы этой провинціи—г. Ламбезы. Такимъ образомъ, второй, нѣсколько болѣе широкій, концентрическій кругъ африканскихъ соборовъ кипріановой эпохи охватывалъ собою опять ту-же Проконсульскую, съ нѣкоторымъ присоединеніемъ къ ней еще пограничной полосы Нумидіи и ея южной столицы [1]).

Третій кругъ епископскихъ каѳедръ, встрѣчающихся дважды, охватываетъ двадцать четыре имени. Но, къ сожалѣнію, нѣкоторой части ихъ мы опредѣлить не можемъ, именно, той, представителей которыхъ нѣтъ въ четвертомъ спискѣ — единственномъ, гдѣ при именахъ епископовъ имѣются и обозначенія ихъ каѳедръ. Извѣстны изъ этой группы слѣдующія имена: 1) Адельфій изъ Тасуалты (Пр.) 2) Венацій изъ Тиниссы (Пр.), 3) Вик-

[1]) Что въ эпоху Кипріана г. Ламбеза игралъ замѣтную роль и въ церковной жизни, это достаточно подтверждается борьбой Карѳагенской церкви съ извѣстнымъ еретикомъ Приватомъ, епископомъ Лабмезитанской колоніи *См. выше, стр.* 407, 533 и 620-ая.

торъ изъ Ассуры (Прок.), 4) Викторъ изъ Октавы (Нум.) 5) Винцентъ изъ Табары (Пр.), 6) Геминій изъ Фурни (Пр.) 7) Кассій изъ Макомадъ (Нум.), 8) Квіетъ изъ Буруки (Мавр.), 9) Либозъ изъ Вагъ (Пр.), 10) Маркъ изъ Мактары (Пр.), 11) Марцеллъ изъ Замы (Нум.), 12) Моннулъ изъ Жибры (Пр.), 13) Немезіанъ изъ Тубунъ (Нум.), 14) Павелъ изъ Оббы (Пр.), 15) Петръ изъ Иппона-Діарритскаго (Пум.), 16) Привациянъ изъ Суфетулы (Пр.), 17) Тенаксъ изъ Горреи-Цедіи (Пр.). Сюда-же должны быть присоединены имена и еще пяти епископовъ, согласно указанныхъ въ третьемъ и первомъ спискахъ, каѳедры которыхъ неизвѣстны, а именно: 18) Геркуланъ, 19) Донатъ, 20) Калдоній, 21) Либералъ, 22) Маруцій, 23) Сатурнинъ IV и 24) Тертуллъ.

И въ этомъ спискѣ, подобно другъ предыдущимъ, замѣчается все та-же тенденція—отмѣчать новые сосѣдніе съ Карѳагеномъ пункты (Табара, Фурни, Ваги) и приморскіе города Иппонъ-Діарритскій, Тиниеса, Горрея-Цедія, Тасуальта, Жибра). Но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтно и нѣсколько бо́льшее проникновеніе вглубь Нумидіи (Макомады, Тубуны) и какъ будто-бы имѣется первое слабое упоминаніе о Мавретаніи (Бурукъ). Но въ общемъ, центръ тяжести остается прежній—обширная Проконсульская Африка, именно, въ тѣхъ ея частяхъ, которыя позднѣе стали называться Зевгитаніей и Бизаценой.

Изъ послѣдней, самой обширной группы епископовъ, названныхъ однажды, перечислимъ лишь тѣхъ, которые имѣются въ четвертомъ спискѣ, не только потому, что здѣсь указаны и каѳедры, но также и потому, что четвертый списокъ такими униціальными именами всего богаче. По алфавиту они слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: 1) Ахиммъ изъ Авсуаги (Пр.?). 2) Веруллъ изъ Рузикады (Н.), 3) Дативъ изъ Вадъ (Н.), 4) Діога изъ Лептимагнуса (Пр.) 5) Донатулъ изъ Капсы (Пр.), 6) Евгеній изъ Аммедеры (Пр.), 7) Евкратій изъ Тенъ (Пр.), 8) Зосима изъТарассы (Н.), 9) Ириней изъ Улулы (Пр.), 10) Карпъ изъ Сикки (Н.), 11) Кларъ изъ Маскулы (Нум.), 12) Крескентъ изъ Цирты (Н.), 13) Левкій изъ Тевесты (Н.), 14) Литтей изъ Гемеллы (Н.), 15) Луцій изъ Кастро-Гальбы (Н.), 16) Луцій изъ Аузафы (Пр.), 17) Наталисъ изъ Оёи (Трип.), 18) Новатъ изъ Томогады, 19) Пелагіанъ изъ Люперціаны (Н?), 20) Поліанъ изъ Милева (Нум.). 21) Помпей изъ Сабратены (Пр.). 22) Приватъ изъ Суфы (Пр.), 23) Пуденціанъ изъ Куикуллы (Н.), 24) Пузиллъ изъ Ламазбы (Н.), 25) Сальвіанъ изъ Газавфалы (Н.), 26) Теогенъ изъ Иппона-Царскаго (Н.), 27) Терапій изъ Буллы (Н.), 28) Феликсъ изъ Баммакоры (Н.), 29) Феликсъ изъ Маразаны (Пр.), 30) Феликсъ изъ

Бузлацены (?), 31) Феликсъ изъ Гургитъ (Пр.), 32) Ядеръ изъ Мидилы (Н.), 33) Януарій изъ Мосулы (Н.), 34) Юліанъ изъ Телепты (Пр.), 35) Юліанъ изъ Марцеллины. [1]) (Н.? Пр.?).

Послѣдняя, четвертая таблица, въ смыслѣ выводовъ, самая утѣшительная. Она говоритъ, во-первыхъ, о новыхъ соборныхъ пріобрѣтеніяхъ и въ старыхъ провинціяхъ, на крайнемъ югѣ (Телепта, Суфетула, Тевеста) и юго-востокѣ Проконсульской и въ Триполи—(Сабрата, Оёя и Лептимагнусъ, Мосула и др.). Но самое важное, что она захватываетъ новый, весьма обширный районъ центральной Нумидіи и пограничной Мавретаніи, гдѣ называетъ около двадцати новыхъ каѳедръ. Всѣмъ этимъ она фактически убѣдительно доказываетъ, что осенній Карѳагенскій соборъ 256 г. былъ, дѣйствительно, большимъ общепровинціальнымъ соборомъ, объединившимъ въ своемъ составѣ чуть-ли не всѣхъ епископовъ тогдашней сѣверо-африканской церкви.

Можно-бы, конечно, изъ болѣе детальнаго сличенія всѣх четырехъ соборныхъ епископовъ извлечь и еще кое-какіе выводы, напр. хотя-бы подчеркнуть элементы бо́льшаго сходства, и даже по мѣстамъ параллелизма, именъ въ первомъ и третьемъ спискахъ, съ одной стороны, и во-второмъ и четвертомъ, съ другой [2]). Можно-бы, разумѣется, обратить еще вниманіе на то, что два нумидійскіе списка (18-ти еп. и 8-ми еп.), совпадаютъ буквально (конечно, только въ 8-ми случаяхъ) и даже придерживаются приблизительно одинаковаго распорядка именъ, съ именемъ Януарія, еп. Ламбезы, во главѣ; и отсюда предположительно заключать о группировкѣ нумидійскихъ епископовъ вокругъ Ламбезы, какъ ея намѣчавшагося, мѣстнаго центра. Но всѣ эти и имъ подобныя наблюденія—довольно относительны и условны,

[1]) Въ спискѣ униціальныхъ епископовъ имѣются еще слѣдующія имена: 1) Ампій (1 спис. 21 мѣсто), 2) Антоніанъ (3—47), 3) Веріанъ (1—31), 4) Гаргилій I (3—41), 5) Гаргилій II (3—43), 6) Максимъ (3—34), 7) Модіанъ (3—39), 8) Манѳанъ (1—29), 9) Памнулъ (3—46), 10) Проклъ (3—38), 11) Циттинъ (3—40). Любопытно отмѣтить, что во второмъ спискѣ вовсе не оказывается одинокихъ именъ, и что почти всѣ здѣсь перечисленныя имена, за исключеніемъ трехъ, принадлежатъ одному и тому-же списку, именно, третьему. Не говоритъ-ли это о томъ, что третій соборъ былъ нетолько полнѣе двухъ предыдущихъ (это несомнѣнно доказывается и бо́льшимъ количествомъ подписей), но и захватилъ новыя, еще прежде неизвѣстныя епископскія каѳедры, главнымъ образомъ, вѣроятно, изъ Нумидіи, на что указываетъ въ своемъ письмѣ и Кипріанъ карѳагенскій?—Ep. LXXIII, 1, 779. *P. n.* 60-ое, 332 стр.

[2]) Въ особенности это должно замѣтить про самыя начала списковъ: первый начинается именами: Либералъ, Калдоній, Никомедъ, Цецилій, Юній; третій—Либералъ, Калдоній, Юній, Примъ, Цецилій. Второй—Цецилій, Примъ, Поликарпъ; четвертый—тѣ-же три первыхъ имени.

такъ что отъ постройки на нихъ чего-либо положительнаго мы предпочитаемъ воздержаться.

Болѣе умѣстны чисто отрицательные выводы. Въ порядкѣ слѣдованія епископскихъ именъ нѣтъ распредѣленія по важности или значенію каѳедръ, какъ это видно, напр., хотя-бы изъ того факта, что епископы двухъ незначительныхъ городковъ Проконсульской—Билты и Миегирны—дважды начинаютъ собой списки (2-ой и 4-ый), а также и изъ того, что епископы двухъ провинціальныхъ нумидійскихъ городовъ—Томагады и Тубуны (4-й сп.), стоятъ раньше своего столичнаго епископа изъ г. Ламбезы. Нѣтъ въ спискахъ никакой выдержанной группировки и по политическому дѣленію провинцій, какъ это особенно показательно на четвертомъ соборномъ спискѣ. Здѣсь, напримѣръ, послѣ трехъ начальныхъ епископій Проконсульской, идутъ четыре—Нумидійской провинціи, потомъ двѣ—снова Проконсульской, далѣе — пять Нумидійской, пять—Проконсульской, двѣ—Нумидійской, четыре—Проконсульской и т. д. такъ что получается даже впечатлѣніе, что епископы различныхъ политическихъ провинцій какъ будто-бы намѣренно перетасованы. Довольно трудно говорить и о распорядкѣ епископовъ по старшинству ихъ хиротоній, такъ какъ, напримѣръ, завѣдомо младшій по хиротоніи (какъ это ясно изъ его-же словъ) и стоящій въ четвертомъ спискѣ на *послѣднемъ* мѣстѣ—*Юній еп. Пеаполя* въ первомъ спискѣ занимаетъ *пятое* мѣсто, а въ третьемъ—даже *третье;* или еще: епископъ виднаго города Адрумета—въ первомъ спискѣ занимаетъ тридцать пятое мѣсто, во второмъ—сразу повышается на третье, въ третьемъ—понижается на шестое, а въ четвертомъ—снова получаетъ третье мѣсто. Хотя нельзя не признать, что изъ всѣхъ другихъ мотивовъ данный—т. е. старшинство по хиротоніи—все-же имѣетъ подъ собой нѣкоторую почву, такъ какъ нельзя абсолютно отрицать извѣстнаго параллелизма именъ епископовъ и занимаемыхъ ими мѣстъ въ различныхъ спискахъ, а также и замѣтной тенденціи къ повышенію этихъ имент въ болѣе позднихъ спискахъ [1]). Но въ общемъ и мы не можемъ не присоединиться къ заключительной характеристикѣ Монсеаux, который гororитъ: „методическое сравненіе листовъ (т. е. списковъ), относящихся къ различнымъ соборамъ показываетъ, что

[1]) Тенденція эта больше чувствуется, чѣмъ осязательно доказывается. Послѣдняго трудно достигнуть еще и потому, что, вѣдь, количество епископскихъ имент въ разныхъ спискахъ далеко неодинаково, вслѣдствіе чего почти не поддаются точному учету и колебанія мѣстъ въ спискахъ. Однако, принципъ старшинства епископовъ подмѣтилъ здѣсь и *Benson.* Op. cit. Appendix H. 568 p. О важномъ значеніи „старѣйшинства“ епископовъ въ VI—V в. въ Африкѣ см. у проф. *Болотова* „Лекціи“... III, 267 стр. СПБ. 1913.

весьма часто имена общія большинству документовъ, не слѣдуютъ въ одномъ и томъ-же порядкѣ. Въ Карѳагенскихъ соборахъ не играли роли ни древность, ни возрастъ, ни даже происхожденіе изъ извѣстной страны: епископы нумидійскіе перемѣшаны съ епископами проконсульской. Не было ни классификаціи, ни іерархическаго старшинства, ни предсѣдательствованія, за исключеніемъ единственнаго предсѣдателя—епископа Карѳагена. Безъ сомнѣнія, здѣсь былъ только одинъ порядокъ—порядокъ мѣсть, избранныхъ для засѣданія, который обусловливалъ собою и порядокъ голосованій“ [1]). А этотъ порядокъ мѣсть являлся совершенно случайнымъ, лишь отдаленно слѣдовавшимъ нѣкоторой провинціальной группировкѣ, какъ это отчасти замѣчается въ четвертомъ спискѣ, гдѣ епископы размѣщаются небольшими группами земляковъ, какъ это обычно бываетъ и теперь у насъ на каждомъ большомъ общественномъ съѣздѣ.

Суммируя, въ заключеніе своей краткой статистики, положительные выводы о церковно-административномъ и соборномъ строѣ сѣверо-африканской церкви эпохи св. Кипріана, мы приходимъ къ слѣдующему. Главнымъ исходнымъ пунктомъ и средоточнымъ центромъ христіанства въ Африкѣ былъ городъ Карѳагенъ. Отсюда, въ его окрестностяхъ расположена была наиболѣе густая сѣть христіанскихъ городскихъ общинъ, которая становилась тѣмъ рѣже, чѣмъ она дальше отходила отъ метрополя. Затѣмъ, епископскія каѳедры существовали почти во всѣхъ крупныхъ портовыхъ городахъ, расположенныхъ по морскому побережью, на пути изъ Карѳагена въ Александрію. Далѣе, значительная группа христіанскихъ общинъ сконцентрирована была во внутренней части проконсульской Африки, которая позднѣе получила названіе Бизацены. Значительно слабѣе христіанизирована была Нумидія. Однако и въ ней можно наблюдать нѣкоторое сосредоточеніе христіанскихъ общинъ около двухъ видныхъ центровъ—на югѣ около Ламбезы и на сѣверѣ—около Цирты; причемъ христіанская миссія въ первомъ случаѣ держалась, очевидно, большой военно-торговой дороги изъ Ламбезы въ Тевесту, а во второмъ—шла по судоходной рѣкѣ Ампасагѣ. Не забыто было точно также и морское побережье проконсульской Нумидіи. Что касается третьей большой сѣверо-африканской провинціи—Мавретаніи, то, хотя слѣды христіанства тамъ и несомнѣнны на протяженіи

[1]) *Монсеаux* „Op. cit.“ II, 61 p. Ср. еще: 65 p.: „Dans les listes d'évêques, comme on l'a vu il n'y a pas trace de classement méthodiques par provinces ou par région, ni de hiérarchie d'aucune sorte, ni de préséance, si ce n'est qui le président de l'assamblée est toujours l'évêque de Carthage“.

всего третьяго вѣка, однако они, сравнительно съ Африкой и Нумидіей, гораздо малочисленнѣе и слабѣе. Но во всякомъ случаѣ, къ эпохѣ Кипріана тамъ существовало уже нѣсколько епископій, какъ это очевидно изъ переписки Кипріана съ нѣкоторыми мавретанскими епископами (Помпеемъ, Юбайяномъ) и изъ факта возникшаго между мавретанскими и нумидійскими епископами разногласія о крещеніи. Однако, если у мавретанцевъ, какъ видно отсюда, и существовали извѣстныя сношенія съ нумидійцами, ихъ связи съ Карѳагеномъ были все же очень слабы. Наглядное доказательство этого даютъ списки Карѳагенскихъ соборовъ, изъ которыхъ только въ одномъ послѣднемъ (Sententiae episcoporum) мы находимъ указаніе на мавретанскихъ епископовъ, да и то невполнѣ твердое и очень ограниченное (всего два, не исключающихъ сомнѣній, случая).

Христіанская миссія въ сѣверной Африкѣ шла, главнымъ образомъ, по слѣдамъ римской колонизаціи, почему и въ самомъ строѣ церковной жизни тамъ можно наблюдать значительный параллелизмъ съ гражданско-политическимъ устройствомъ. Какъ въ политическомъ, такъ и въ церковномъ отношеніи вся эта область представляла изъ себя *единую провинцію*, съ однимъ главнымъ центромъ, или верховнымъ метрополемъ—г. Карѳагеномъ, къ которому она вся и тяготѣла. Другіе опорные пункты римской колонизаціи—въ родѣ нумидійскихъ городовъ Ламбезы и Цирты—играли довольно аналогичную роль и въ церковной жизни. Но до значенія самостоятельныхъ центровъ, наподобіе Карѳагена, они еще далеко не развились къ тому времени. Самостоятельность нетолько Мавретаніи, но и Нумидіи находилась тогда, по выраженію Leclercq'a, еще „въ эмбріональномъ періодѣ“ и единственнымъ метрополемъ, царившимъ надъ всей Африкой былъ только г. Карѳагенъ [1]). Такъ что тотъ-же Leclercq находитъ возможнымъ сравнить положеніе Карѳагена въ Африкѣ въ 250 г. съ положеніемъ Рима въ Италіи [2]). Доминирующее положеніе метрополя всей Лфрики—г. Карѳагена, слишкомъ слабые слѣды только-что намѣчающагося провинціальнаго обособленія Нумидіи и Мавретаніи, наряду съ довольно ясно выраженнымъ ихъ тяготѣніемъ къ Карѳагену, наконецъ, самый фактъ присутствія нумидійскихъ и даже мавретанскихъ епископовъ на Карѳагенскихъ соборахъ, все это почти вовсе исключаетъ мысль о существованіи тогда въ предѣлахъ сѣверной

[1]) *H. Leclercq* „L'Afrique chrétienne“ I, 174.

[2]) *Ibidem* 175: „Elle (Karthago) se trouvait, vers l'an 250, établie sur un pied analogue à celle de Rome“.

Африки какихъ-либо другихъ регулярно-провинціальныхъ соборовъ, кромѣ Карѳагенскихъ. Соборы этого типа устраивались тогда въ Карѳагенѣ и только лишь въ немъ одномъ. Въ другихъ-же округахъ и городахъ (въ особенности въ Нумидіи) могли устраиваться и, дѣйствительно, устраивались, лишь малые, избирательные соборы, на которыхъ присутствовали только сосѣдніе епископы, и въ сравнительно небольшомъ числѣ (отъ 6—18 епископовъ). Въ Карѳагенѣ-же соборы составлялись, по возможности, ежегодно (за исключеніемъ эпохъ гоненій и народныхъ бѣдствій, въ родѣ чумы), предпочтительно весной, непосредственно послѣ пасхи, вообще, около 15-го мая. Иногда, въ зависимости отъ обстоятельствъ времени и нуждъ самой церкви, соборы эти переносились на начало осени (Сентябрь—Октябрь), а въ экстраординарныхъ случаяхъ устроялись даже дважды (весной и осенью). Ядро этихъ соборовъ постоянно образовывали епископы Проконсульской и, главнымъ образомъ, тѣхъ городовъ или мѣстечекъ, которые находились вблизи Карѳагена, или расположены были по берегу моря, или-же лежали на большихъ торговыхъ и военныхъ дорогахъ.

Любопытно, наконецъ, и самое сличеніе соборныхъ списковъ, такъ какъ оно осязательно указываетъ на расширеніе объема соборной территоріи и на ростъ вліянія еп. Кипріана и г. Карѳагена. Первоначально, на соборахъ присутствуютъ почти исключительно епископы Проконсульской, да и изъ нихъ только ближайшіе сосѣди. Но важныя обстоятельства церковной жизни, въ особенности, живой и отвѣтственный споръ съ Римомъ, пробуждаетъ интересъ къ соборамъ и у другихъ епископовъ. Замкнутый кругъ первыхъ соборовъ расширяется и захватываетъ все новые и новые города: сначала, онъ идетъ вглубь, во внутреннія, наиболѣе удаленныя части Проконсульской, затѣмъ, спускается внизъ—въ Триполи, и наконецъ, распространяется далеко на западъ по Нумидіи и Мавретаніи. Такъ что на послѣднемъ соборѣ (осенью 256) папа Стефанъ, по словамъ Monceaux'а „имѣлъ противъ себя все христіанство Африки, единодушное въ защитѣ своихъ традицій и своей автономіи въ дѣлѣ дисциплины“ [1]). Вотъ почему, Карѳагенскіе соборы кипріановой эпохи, какъ-бы выходятъ изъ рамокъ провинціальныхъ соборовъ и приближаются къ типу универсально-національныхъ, или, такъ называемыхъ „пленарныхъ“ соборовъ [2]).

[1]) *Monceaux* II, 66.

[2]) *Hefele-Leclercq* I, I, 5—6.

VI.

Составъ собора, самый его процесъ и его эпилогъ.

Составъ большого Карѳагенскаго собора 256-го года вполнѣ ясно опредѣленъ въ самомъ предисловіи къ Sententiae episcoporum, которое начинается слѣдующими словами: *„когда въ сентябрьскіе календы сошлись на соборъ въ Карѳагенъ весьма многіе епископы изъ провинціи Африка—Нумидія—Мавретанія, вмѣстѣ съ пресвитерами и діаконами, въ присутствіи также весьма большой части народа“*...[1]) Отсюда съ несомнѣнной очевидностью открывается, что соборъ состоялъ изъ трехъ основныхъ группъ: 1) большой епископской, 2) группы клира (пресвитеры и діаконы) и 3) значительной группы вѣрнаго народа, т. е. какъ разъ изъ тѣхъ самыхъ элементовъ, въ наличности которыхъ мы каждый разъ убѣждались и на всѣхъ предыдущихъ кипріановыхъ соборахъ. Попытаемся извлечь изъ даннаго авторитетнѣйшаго памятника какія-либо болѣе детальныя указанія на положеніе и роль каждаго изъ этихъ трехъ основныхъ соборныхъ элементовъ.

Первая, епископская группа занимала на соборѣ самое видное, авторитетное положеніе и выступала особенно энергично и активно. Число и составъ епископовъ (numerus episcoporum provinciae) опредѣлили собой и въ данномъ случаѣ, такъ же, какъ и во всѣхъ предыдущихъ, всю физіономію собора и сообщили, какъ собору, такъ и дошедшему до насъ его памятнику, свое имя („соборъ 87-ми епископовъ“ „Мнѣнія епископовъ, въ числѣ LXXXVII-ми“). Можно, дополнительно, отмѣтить только то новое, что каждый изъ присутствовавшихъ и вотировавшихъ на соборѣ епископовъ выступаетъ здѣсь нетолько, или, точнѣе, нестолько, какъ индивидуальная личность, заявляющая о своихъ собственныхъ взглядахъ, сколько, какъ выразитель мнѣнія и голоса всей той церкви, въ качествѣ главы и представителя который онъ пришелъ на соборъ. Такую догадку мы основываемъ, главнымъ образомъ, на томъ, что въ Sententiae episcoporum при имени каждаго епископа непремѣнно указана и его церковь, чѣмъ, на нашъ взглядъ, довольно прозрачно намекается, что за личностью епископа стоитъ и вся его церковь, отъ лица и по полномочію которой онъ и говоритъ. Другой, вспомогательный аргументъ извлекаемъ мы изъ мнѣнія Наталиса, епископа Оѣи (№ 83—85), именно, изъ того факта, что еп. Наталисъ говорилъ не только отъ лица своей Оѣйской церкви, но еще и отъ имени двухъ сосѣднихъ трипо-

[1]) См. полный переводъ этого памятника въ концѣ книги, приложеніе I-ое.

литанскихъ-же церквей—Сабратенской и Лептимагнійской—епископы которыхъ (Помпей и Діога) не присутствовали лично, а передали свои голоса ему. Отсюда законенъ, повидимому, тотъ выводъ, что единственно правомочнымъ и полномочнымъ представителемъ каждой провинціальной церкви на соборѣ метрополя считался только ея епископъ. Въ случаѣ-же болѣзни епископа и вообще, невозможности для него, по тѣмъ или инымъ причинамъ, явиться на соборъ лично, замѣны его пресвитерами или діаконами его церкви тогда еще не практиковалось; а за него, въ такихъ случаяхъ, разумѣется, по его-же полномочію и просьбѣ, представительствовалъ кто-либо изъ сосѣднихъ епископовъ. Причемъ, не исключалась возможность и такихъ случаевъ, что одинъ и тотъ-же епископъ получалъ голоса нѣсколькихъ своихъ коллегъ—сосѣдей, примѣръ чего мы имѣемъ и въ данномъ случаѣ. Отсюда-же косвенно вытекаетъ и тотъ выводъ, что низшіе клирики провинціальныхъ церквей (пресвитеры и діаконы) не имѣли самостоятельнаго представительства на соборѣ метрополя; а если иногда они на соборъ и попадали, то лишь совмѣстно со своимъ епископомъ, въ качествѣ его младшихъ помощниковъ—ассистентовъ. Да и вообще надо отмѣтить, что ни въ одномъ изъ 87-ми запротоколированныхъ епископскихъ мнѣній, мы не находимъ даже и отдаленнаго намека на то, чтобы въ редакціи этихъ мнѣній, вмѣстѣ съ авторами ихъ—епископами, принимали-бы то или иное участіе, въ качествѣ ихъ сотрудниковъ или помощниковъ, и еще какіе-либо ассистенты при нихъ, изъ состава ихъ клира. Такъ что, если даже и допустить гипотетическую возможность такихъ ассистентовъ при нѣкоторыхъ епископахъ (болѣе престарѣлыхъ, или менѣе образованныхъ), то, во всякомъ случаѣ, необходимо признать, что эти привозные клирики были отодвинуты на самый задній планъ собора и стояли настолько въ тѣни, что даже и не попали въ поле зрѣнія соборныхъ протоколовъ.

Вторая соборная группа состояла изъ клириковъ, причемъ памятникъ опредѣленно называетъ только двѣ степени этихъ клириковъ: пресвитеровъ и діаконовъ. Весь вопросъ теперь въ томъ, что это были за клирики: привозные или мѣстные т. е. пріѣхали-ли они изъ провинціи, въ качествѣ ассистентовъ при своихъ епископахъ, или они были здѣсь, на мѣстѣ и принадлежали къ составу церковной общины метрополя? Нѣкоторые склонны признать первое, основываясь на неправильномъ пониманіи текста подлинника: conuenissent... episcopi plurimi... cum presbyteris et diaconibus, что они переводятъ такъ: „пришли на соборъ весьма многіе епископы вмѣстѣ *во своими* пресвитерами и діаконами“. Но

такой переводъ—слишкомъ воленъ и даже произволенъ. Прежде всего, въ текстѣ нѣтъ подчеркнутыхъ нами словъ: „со своими“ (cum suis), отсутствіе которыхъ сразу мѣняетъ все дѣло и освобождаетъ отъ необходимости относить этихъ клириковъ къ категоріи пріѣзжихъ епископскихъ ассистентовъ. Во вторыхъ и главнымъ образомъ, латинскій терминъ conuenire cum отнюдь не значитъ „приходить съ кѣмъ либо вмѣстѣ“, т. е. изъ одного мѣста и „совмѣстно“; а какъ разъ наоборотъ, значитъ „одновременно сходиться“ изъ разныхъ мѣстъ, соединяться, объединяться въ одномъ мѣстѣ, или на какой-либо общей почвѣ [1]). Слѣдовательно, дословный переводъ подлинника долженъ быть таковъ: „когда въ одномъ Карѳагенѣ въ сентябрьскіе календы весьма многіе епископы изъ провинціи Африка-Нумидія-Мавретанія, соединились съ пресвитерами и діаконами“. Отсюда совершенно ясно, что сошедшіяся лица или группы, до момента ихъ схода, мыслились раздѣльными и обособленными. Слѣдовательно, и здѣсь двѣ различныхъ группы—епископовъ и клириковъ—выступаютъ, какъ двѣ самостоятельно обособленныя коллегіи, которые впервые соединились лишь здѣсь, на соборѣ въ Карѳагенѣ. А если такъ, то уже не представляетъ особеннаго труда опредѣлить и что это за клирики? Они не могли быть вывезены на соборъ ихъ епископами, т. е. придти вмѣстѣ со своими епископами, потому что этого не допускаетъ точный смыслъ подлиннаго текста. Не могли они придти изъ какихъ-либо провинціальныхъ церквей и отдѣльно отъ своихъ епископовъ, а тѣмъ болѣе, безъ нихъ, потому что, этого, какъ это мы только что видѣли, древняя церковь тогда еще не знала и не практиковала. Ясно, такимъ образомъ, что группа клириковъ могла быть только осѣдлой, мѣстной группой, въ соборный союзъ съ которой и вступала теперь пришлая группа провинціальныхъ епископовъ.

Труднѣе сравнительно отвѣтить на вопросъ, что-же дѣлала эта группа на соборѣ, въ чемъ заключалась ея роль на немъ? Нашъ соборный документъ хранитъ въ данномъ отношеніи полное молчаніе, которое нѣкоторые и склонны истолковывать, какъ аргументъ противъ какого-бы то ни было участія клириковъ на провинціальныхъ соборахъ. Но молчаніе — еще не есть доказательство. Въ данномъ случаѣ оно вполнѣ понятно и легко объяснимо: вѣдь памятникъ носитъ совершенно опредѣленный заголовокъ „Sententiae episcoporum“ т. е. „Мнѣнія епископовъ“; и онъ, дѣйствительно, содержитъ въ себѣ только

[1]) *Г. Шульцъ* „Латино-русскій словарь“, изд. 8-ое. стр. 136. СПБ. 1894.

одни епископскіе votumы. Было-бы, наоборотъ, удивительно, если-бы среди епископскихъ мнѣній замѣшались-бы и мнѣнія или рѣчи другихъ клириковъ; тогда и самый памятникъ получилъ-бы иное названіе и другой характеръ. А такъ какъ онъ только—Sententiae *episcoporum*, то мы не имѣемъ даже и права искать въ немъ отраженія какихъ-либо иныхъ, кромѣ епископскихъ, мнѣній. Но заключать отсюда, что такихъ мнѣній и вообще на соборѣ не было—это значитъ совершать непростительный логическій скачекъ. Скрытой причиной такого грубаго промаха служитъ неправильное представленіе о происхожденіи и смыслѣ соборнаго памятника—Sententiae episcoporum. Виновные въ такой ошибкѣ, очевидно, смотрятъ на Sententiae, какъ на исчерпывающе полный протоколъ всего того, что происходило на соборѣ; или, по меньшей мѣрѣ, какъ на заключительную резолюцію послѣдняго дня соборныхъ засѣданій. Но подобный взглядъ—глубоко ошибоченъ: Sententiae episcoporum всего менѣе похоже на протоколъ *послѣдняго*, заключительнаго собранія; это — скорѣй, протоколъ *перваго*, вступительнаго засѣданія, такъ какъ въ предисловіи къ нему говорится объ открытіи собора и указываются сентябрьскіе календы, когда соборъ могъ только начаться, но отнюдь еще не кончиться. Оставляя даже совсѣмъ въ сторонѣ споръ о томъ, что это—начало, или конецъ собора? мы должны признать, что это—пусть даже и полный—но протоколъ не всего собора, а только верхней и главной его палаты—епископской сессіи, которая выразила въ немъ свои мнѣнія, по существу разсматриваемаго соборомъ вопроса. А это, какъ мы хорошо знаемъ [1]), было кореннымъ свойствомъ каждаго церковнаго собора, что опредѣляющія мнѣнія на немъ высказывали, сначала, лишь одни епископы, которымъ и только имъ однимъ, принадлежало право „открывать и возвѣщать волю Божію“. Вполнѣ подтверждается все это и самымъ анализомъ „епископскихъ мнѣній“, изъ которыхъ всѣ наиболѣе оригинальныя и самостоятельныя мнѣнія, дѣйствительно, опираются на Слово Божіе и обнаруживаютъ прекрасное знакомство ихъ авторовъ съ текстомъ св. Писанія не только Новаго, но и Ветхаго завѣта [2]). Вполнѣ возможно, даже почти несомнѣнно, что письменное изложеніе соборныхъ протоколовъ только этимъ „возвѣщеніемъ воли Божіей“ черезъ епи-

[1]) *См. выше,* стр. 476—478.

[2]) Такимъ превосходнымъ знаніемъ Св. Писанія особенно выдѣляется, напр. „мнѣніе“ пятаго епископа—Немезіана изъ Тубунъ, а также седьмаго — Луція изъ Кастро-Гальбы, двадцать седьмаго—Квіета изъ Бурука, тридцать седьмаго—Винцента изъ Тибары, сорокъ седьмаго—Павла изъ Оббы и мп. др.

скоповъ и ограничивалось. Но это еще не значитъ, что только въ этомъ состояла и вся дѣятельность собора. Намъ извѣстно, что работа провинціальнаго собора проходила еще два послѣдовательныхъ этапа: именно—моментъ рецепціи опредѣленій епископскаго сонма въ пленарномъ собраніи мѣстно-церковной общины метрополя (ея епископа, клира и вѣрнаго народа), и заключительный моментъ объединеннаго засѣданія обоихъ этихъ круговъ—*пришлаго,* провинціально-епископскаго и *мѣстнаго,* общинно-народнаго,—для окончательной редакціи соборнаго постановленія и его торжественной декларації. Клирики мѣстной общины метрополя самое активное участіе и принимали, именно, во второй стадіи соборнаго процесса, т. е. въ рецептивномъ обсужденіи, или „испытаніи воли Божіей", открываемой чрезъ епископовъ, т. е. въ опредѣленіи того, сказали-ли имъ епископы „отъ себя", или „отъ Бога"? Здѣсь, въ этомъ рѣшающемъ моментѣ собора, голосъ клириковъ звучалъ вѣско и авторитетно и имѣлъ руководящее значеніе для сужденія и приговора (judicium et suffragium) всей общины о достоинствѣ епископскаго вотума [1]).

Переходимъ теперь къ третьей и послѣдней соборной группѣ—простыхъ мірянъ. Изъ кого она состояла и какую роль здѣсь играла? Послѣ только что сказаннаго нами о клирѣ, отвѣтъ уже ясенъ самъ собою, что эта группа образовывалась изъ вѣрнаго народа мѣстной карѳагенской общины и что она вмѣстѣ со своимъ епископомъ и клиромъ наиболѣе активно участвовала въ томъ-же второмъ моментѣ собора—въ его общецерковной рецепціи. Однако, но довольствуясь лишь чисто логическимъ выводомъ, подкрѣпимъ его и фактическими доказательствами, основанными на анализѣ самаго текста Sententiae. Въ немъ о положеніи и роли народа буквально имѣются только пять слѣдующихъ словъ: „paesentibus etiam plebis maxima parte", т. е. „въ присутствіи также очень большой части народа" [2]). О группѣ народа, или простыхъ мірянъ здѣсь, прежде всего, говорится, что она „присутствовала", но безъ всякаго намека ни то, что она „пришла, или прибыла" на соборъ, откуда-бы то ни было. Не новое-ли это доказательство того, что группа „народа" вербовалась не изъ пришлаго элемента, а изъ мѣстнаго, изъ среды

[1]) *См. выше,* стр. 476—480, 494—495, 519 и др.

[2]) *Sententiae episcoporum* Hartel, v. III, p. I, p. 1. Неудачно, на нашъ взглядъ, выбранную Hartel'емъ форму „praesentibus (ее не съ чѣмъ согласовать въ данномъ, придаточномъ предложеніи; относить-же ее къ предыдущимъ словамъ: presbyteris et diaconibus — не позволяетъ ни грамматическій, ни логическій смыслъ текста) мы предпочитаемъ замѣнить при переводѣ болѣе идущимъ къ дѣлу варіантомъ: „praesente", тѣмъ болѣе, что онъ данъ въ трехъ древнихъ кодексахъ—LTv.

тѣхъ, именно, карѳагенскихъ мірянъ,—стойкихъ представителей „вѣрнаго народа", которымъ, какъ мы хорошо это знаемъ, неразъ писалъ Кипріанъ еще изъ своего убѣжища и мнѣніемъ которыхъ ихъ всегда очень дорожилъ? [1]) Но тому-же самому термину „praesentibus, или praesente" усвояютъ и ограничительный смыслъ, говоря, что онъ является лучшимъ доказательствомъ простого, „пассивнаго присутствія" мірянъ на соборѣ, безъ всякаго „активнаго участія" въ его работѣ [2]). И филологія, повидимому, благопріятствуетъ такому пониманію роли мірянъ на церковномъ соборѣ, ибо, дѣйствительно, латинскій глаголъ praesum выражаетъ лишь идею личнаго присутствія, но присутствія, скорѣй, молчаливо-созерцательнаго, чѣмъ активно-дѣятельнаго. Міряне на соборѣ, по смыслу такой филологіи, были ничѣмъ инымъ, какъ благородными свидѣтелями всего происходящаго на соборѣ, обусловливающими публично-открытый, а не замкнутый характеръ его засѣданій. Но и только. Къ счастью, на выручку намъ противъ такой односторонне-узкой филологіи идетъ техническое употребленіе даннаго термина, и именно, самимъ-же Кипріаномъ и что еще важнѣе—въ отношеніи къ тому-же соборному процессу. Такимъ драгоцѣннымъ свидѣтельствомъ, безспорно и окончательно выясняющимъ данный вопросъ, является цитата изъ одного письма Кипріана къ карѳагенской паствѣ, гдѣ онъ обѣщаетъ ей послѣ пасхи непремѣнно явиться въ Карѳагенъ (изъ убѣжища), вмѣстѣ со своими товарищами (cum collegis meis=епископами) и въ *ихъ присутствіи* (quibus „praesentibus") по общему нашему совѣщанію

[1]) *См. выше,* стр. 382-ую, 403-ья, 456—460-ую.

[2]) Такъ, между прочимъ, истолковано это мѣсто въ диссертаціи *проф. Вл. (архим. Иларіона) Троицкаго* „Цит. сочин." 397. Но дальше самъ-же авторъ приводитъ нѣсколько авторитетныхъ свидѣтельствъ (Кипріана, Корнелія), изъ которыхъ съ достаточной убѣдительностью открывается далеко не пассивное поведеніе клира и народа на соборахъ древней церкви. Довольно близко къ истинѣ подходитъ проф. *Н. С. Суворовъ,* который несмотря на все свое принципіальное нежеланіе допускать клириковъ и мірянъ на церковный соборъ, все-же принужденъ былъ, по долгу научно-историческаго безпристрастія, признать, что на древне-церковные соборы „при живомъ всеобщемъ интересѣ къ дѣламъ церкви, собирались всѣ вѣрующіе. Такъ было на соборахъ при Кипріанѣ и на другихъ, о которыхъ говоритъ Евсевій... Всѣ одушевлены были однимъ духомъ, и епископы находились подъ нравственнымъ давленіемъ со стороны паствы. Нельзя сказать, чтобы клиръ и міряне имѣли тогда право нетолько рѣшающаго голоса, но даже и того, который мы называемъ теперь совѣщательнымъ. Можно сказать только, что епископы знали, что за ними стоятъ вѣрующіе, *которые могутъ принять и не принять ихъ рѣшенія* (к. п.)". „Журналы и протоколы Предсоб. присутствія", I, 10.

опредѣлить и постановить, что нужно дѣлать (съ падшими)“ [1]). Опредѣлено извѣстно, что здѣсь идетъ рѣчь о первомъ Карѳагенскомъ соборѣ по дѣлу „падшихъ“, состоявшемся весной 251 г., на которомъ, по свидѣтельству самого-же Киприана, дѣятельно работали „весьма многіе коллеги“ Киприана [2]). Такимъ образомъ, если самъ еп. Киприанъ, описывая дѣятельность многихъ епископовъ—членовъ одного изъ важнѣйшихъ Карѳагенскихъ соборовъ—нашелъ возможнымъ охарактеризовать ихъ терминомъ praesentibus, то ясно, что въ его устахъ данный терминъ не имѣетъ ограничительнаго смысла и не указываетъ непремѣнно на „пассивность“ присутствующихъ. Коль скоро однимъ и тѣмъ-же терминомъ квалифицируется работа и епископовъ и мірянъ, то ясно, что у тѣхъ и у другихъ она одинаково активна; хотя, конечно, у каждой изъ названныхъ группъ она активна въ своемъ родѣ: у епископовъ—активность первичнаго вотума, у народа-же—его послѣдующей рецепціи.

Переходя, теперь, къ характеристикѣ самаго соборнаго процесса, поскольку онъ отразился въ разсматриваемомъ нами памятникѣ, мы должны предварительно вообще замѣтить, что Sententiae episcoporum, въ качествѣ подлинной странички древне-соборной исторіи, дѣйствительно, проливаютъ значительный свѣтъ и на типичную форму соборнаго процесса, знакомятъ съ тѣмъ, какъ и что тамъ дѣлалось, по крайней мѣрѣ, въ первой, чисто-епископской фазѣ соборныхъ засѣданій. Судя по краткому предисловію къ Sententiae, большой Карѳагенскій соборъ 256 г. открытъ былъ чтеніемъ соотвѣтствующей литературы, освѣщавшей новѣйшія фазы спорнаго вопроса о крещеніи еретиковъ, которыя имѣли мѣсто со времени послѣдняго Карѳагенскаго собора, т. е. весенняго, того-же 256-го года. Это были, прежде всего, тѣ три письма, которыми Киприанъ успѣлъ за это время обмѣняться съ еп. Юбайяномъ [3]). Затѣмъ, какъ видно изъ словъ одного

[1]) *Ep.* XLIII. 7, 596. *P. n.* 34-ое, стр. 194. Ср. стр. 460-ую прим. 1-е.

[2]) *Ep.* XLIII, 1, 597. *P. n.* 35-ое, 195.

[3]) *Sententiae episcoporum*: „прочитано было письмо Юбайяна къ Киприану, а также и отвѣтное—Киприана къ Юбайяну о подлежащихъ крещенію еретикахъ, и то, что послѣ сего Юбайянъ отписывалъ Киприану“. Первое письмо—самый запросъ Юбайяна къ Киприану, свидѣтельствовавшій о колебательности взглядовъ автора. Второе—обстоятельный отвѣтъ Киприана, разсѣявшій всѣ сомнѣнія Юбайяна; и третье—благодарственное письмо Юбайяна къ Киприану. Изъ всѣхъ этихъ писемъ до насъ дошло лишь одно, но зато самое важное, именно, второе письмо, т. е. отвѣтное письмо Киприана къ Юбайяну. *Ep.* LXXIII, 778—779 р. *P. n.* 60-ое, 331—350.

автора Sententiae [1]), было еще прочитано письмо Киприана къ папѣ Стефану,—очевидно то, которымъ онъ знакомитъ папу съ мотивированными постановленіями двухъ предыдущихъ соборовъ (осенняго 255 г. и весенняго 256 года) [2]); а также, по правдоподобной догадкѣ Monceaux [3]), оглашенъ былъ и рѣзкій отвѣтъ на это посланіе со стороны римскаго папы. Благодаря заслушанію такого важнаго и обильнаго матеріала, члены собора сразу-же, и притомъ документально, вводились въ самую суть предстоящаго имъ дѣла и могли сознательно и отчетливо въ немъ разбираться. Чтобы еще больше оріентировать ихъ во всемъ этомъ и дать надлежащій тонъ самымъ разсужденіямъ епископовъ, предсѣдатель собора—еп. Киприанъ говоритъ краткую вступительную рѣчь членамъ собора, въ которой призываетъ ихъ къ полной искренности и откровенности въ выраженіи своихъ взглядовъ, не стѣсняемой никакими посторонними соображеніями и всего менѣе „страхомъ тираннической угрозы“, чѣмъ, несомнѣнно, дается довольно прозрачный намекъ на папскую угрозу отлученіемъ. Эта рѣчь Киприана—сжата, лаконична, но выразительна и сильна; а главное она проникнута такимъ истинно-соборнымъ духомъ широкой терпимости и глубокаго уваженія къ каждому мнѣнію, что ее недаромъ считаютъ идеальнымъ образцомъ вступительно-предсѣдательскаго слова на церковномъ соборѣ [4]). Дальнѣйшій ходъ соборнаго процесса, т. е. тотъ живой, перекрестный обмѣнъ мнѣній, который естественно долженъ былъ происходить между собравшимися епископами, не попалъ на страницы соборнаго протокола, для чего не было ни самой возможности, ни тѣмъ болѣе надобности; а туда занесенъ только окончательный результатъ епископскихъ дебатовъ, который и вылился въ форму мотивированныхъ вотумовъ, произносимыхъ каждымъ изъ епископовъ, поочередно. Изъ экономіи мѣста и времени, мы воздержимся здѣсь отъ анализа и характеристики „епископскихъ мнѣній“, тѣмъ болѣе, что

[1]) „Кресцентъ изъ Цирты сказалъ: по прочтеніи письма возлюбленнѣйшаго нашего Киприана къ Юбайяну, а *также и къ Стефану*“... „Sententiae episcoporum“, ed. *Hartel*, 441.

[2]) *Ep.* LXXII, „Cyprianus et caeteri (указаніе на соборъ) Stephano fratri“, 775—778. *P. n.* 59-ое „Письмо къ папѣ Стефану о соборѣ“, 328—331.

[3]) *Monceaux*: „et la reponse menaçante du pape“. Op. cit. II, 60. Свою догадку Monceaux остроумно опираетъ на то мѣсто изъ вступительной рѣчи Киприана, въ которомъ послѣдній дѣлаетъ намекъ на „страхъ тираннической угрозы“, очевидно, содержавшейся въ отвѣтномъ, угрожающемъ письмѣ папы. *Ibid.* p. 60, n. 4.

[4]) *Monceaux*. „Voilà de belles paroles, d'autant plus éloquentes que le président de cette assemblée d'évêques, si libéral, si respectueux de tous les droits, était le chef reconnu, incontesté, de toute l'Afrique chrétienne“. II, 60—61.

ниже, въ спеціальномъ приложеніи мы даемъ ихъ дословный русскій переводъ. Здѣсь-же отмѣтимъ лишь одну наиболѣе, пожалуй, характерную черту „Мнѣній"—что всѣ они находятся подъ самымъ сильнымъ вліяніемъ писемъ Кипріана и его вступительнаго слова, такъ что, въ сущности, представляютъ лишь индивидуальныя варіяціи на тѣ-же самыя темы. Послѣдніе, заключительное голосованіе дѣлалъ предсѣдатель собора Кипріанъ, который въ самой сжатой формѣ повторилъ лишь то, что подробно (plenissime) раскрылъ онъ раньше, въ своемъ, оглашенномъ на соборѣ, письмѣ къ Юбайяну.

Основной лейтъ-мотивъ всѣхъ 87-ми „епископскихъ мнѣній" тотъ, что еретиковъ, приходящихъ къ церкви, необходимо подвергать полному церковному крещенію, т. е. съ предварительнымъ оглашеніемъ (exorcismus—заклинаніе, изгнаніе злаго духа) и послѣдующимъ троекратнымъ погруженіемъ въ воду, во имя Отца и Сына и Св. Духа [1]). Какъ шло дальнѣйшее развитіе соборнаго процесса, т. е. какъ рецепированы были эти „Мнѣнія епископовъ" пленарнымъ собраніемъ мѣстной церковной общины (метрополя) и въ какомъ видѣ они были приняты на окончательномъ объединенномъ засѣданіи обоихъ соборныхъ круговъ?—прямо объ этомъ мы ничего изъ даннаго памятника узнать не можемъ, потомучто это выходитъ за рамки его ближайшей задачи—дать изложеніе лишь *епископскихъ* мнѣній. Но косвенно, основываясь на широкомъ распространеніи и высоко-авторитетности Sententiae, а также на отсутствіи въ немъ какихъ-бы то ни было позднѣйшихъ корректуръ или ограничительныхъ замѣтокъ, мы можемъ выводить, что „Мнѣнія епископовъ" были полностью рецепированы общиной метрополя и въ томъ-же самомъ видѣ были признаны за руководственный церковный канонъ. Догадку-же о. Молчанова [2]), что „на томъ-же соборѣ постановлено было, чтобы никто изъ епископовъ не дерзалъ именовать себя главою всѣхъ епископовъ, и чтобы церковь карѳагенская не искала суда у церкви римской

[1]) Считаемъ нелишнимъ напомнить то, что уже отмѣчено было нами выше, на стр. 284—285 настоящаго изслѣдованія и что касается несомнѣннаго родства карѳагенскаго канона о перекрещиваніи съ „Правилами Св. апостоловъ" (46 пр.) и „Апостольскими Постановленіями" (VI, 15; VII, 39). Можно добавить къ этому развѣ только то, что очень многое изъ „Мнѣній епископовъ" до буквальности сходно съ тѣми библейскими цитатами и той логической аргументаціей, какія имѣются въ текстѣ „Правилъ" и „Постановленій", откуда законенъ выводъ, что основная редакція тѣхъ и другихъ къ половинѣ 3 в. уже достаточно опредѣлилась и была широко популярна.

[2]) *Свящ. Алексѣй Молчановъ* „Св. Кипріанъ Карѳагенскій и его ученіе о церкви", стр. 155-ая.

(за моремъ)", мы считаемъ, болѣе или менѣе, произвольной и неотвѣчающей общему положительному и спокойно-миролюбивому тону этого собора, такъ выгодно отличающему его отъ рѣзко-полемическихъ выходокъ папы. Свой единственный канонъ, подробно мотивированный и изложенный, вѣроятно, въ формѣ протокола—Sententiae episcoporum, соборъ, какъ это было обычно, разослалъ и по всѣмъ другимъ важнымъ церквамъ. По крайней мѣрѣ, ясные слѣды знакомства съ нимъ мы находимъ у двухъ крупнѣйшихъ представителей тогдашняго церковнаго востока—у Діонисія александрійскаго и Фирмиліана кесаріе-каппадокійскаго [1]).

Для полноты и законченности изслѣдованія крещальныхъ споровъ кипріановой эпохи, намъ необходимо дать, хотя-бы самый краткій эпилогъ даннаго собора, т. е. разсказать и о ближайшихъ его послѣдствіяхъ. Несмотря на рѣшительную угрозу папы отлученіемъ, соборъ остался при своемъ прежнемъ, противоположномъ папѣ убѣжденіи, и даже выразилъ его особенно рѣшительно и твёрдо. Однако вступать въ открытую борьбу съ папой соборъ все-же не пожелалъ и предпочелъ вовсе умолчать о взглядахъ папы и объ его тактикѣ. Быть можетъ, отцами собора въ такомъ, для насъ, признаться, мало-понятномъ воздержаніи, руководила смутная надежда, что столь внушительный votumъ чуть-ли не всѣхъ епископовъ африканской церкви образумитъ, наконецъ, и самого папу, и если даже не переубѣдитъ его, то все-же заставитъ быть осторожнѣе и сдержаннѣе въ своихъ сужденіяхъ и приговорахъ обо всѣхъ, иначе мыслящихъ [2]).

Во всякомъ случаѣ африканская церковь заняла положеніе, которое Дюшенъ удачно называетъ позиціей „пассивнаго сопротивленія" [3]) и которое состояло въ томъ, что она торжественно заявила свой взглядъ на крещеніе, не думая тѣмъ самымъ ни навязывать его Риму, ни разрывать съ нимъ общенія, по причинѣ выяснившагося несогласія. Но римскій епископъ Стефанъ

[1]) Объ этомъ свидѣтельствуетъ оживленная переписка св. Діонисія александрійскаго съ цѣлымъ рядомъ римскихъ церковныхъ дѣятелей (къ папамъ Діонисію, Стефану, Сиксту, пресвитеру Филимону), о которой говоритъ *Евсевій*—VII, 2, 4, 5 и 7, 399—405 стр. А также—все большое полемическое письмо Фирмиліана кесаріе-каппадокійскаго *Ep.* LXXV, 810—827. *P. n.* 374—388.

[2]) Довольно ясный намекъ на такую надежду собора усматриваемъ мы въ слѣдующихъ словахъ вступительнаго слова Кипріана: „каждый епископъ, по праву своей свободы и власти, имѣетъ собственное рѣшеніе и настолько-же не можетъ быть судимъ отъ другаго, насколько и самъ не можетъ судить другаго. Но всѣ мы ждемъ суда Господа нашего Іисуса Христа, который одинъ и только Онъ одинъ имѣетъ власть и поставленія насъ къ управленію въ Его церкви и сужденія за нашъ поступокъ".

[3]) *Дюшенъ* „Исторія древней церкви", I, 287 стр.

думалъ и дѣйствовалъ иначе: въ такомъ, еще болѣе внушительномъ и единодушномъ вотумѣ всей карѳагенской церкви онъ усмотрѣлъ только новую демонстрацію по его адресу, почему и привелъ свою угрозу въ исполненіе, т. е. отлучилъ Кипріана и африканцевъ, или точнѣе—разорвалъ свое, и безъ того довольно при немъ слабое, общеніе съ карѳагенской церковью (сѣверо-африканской). Несомнѣнность этого печальнаго факта документально подтверждается письмомъ авторитетнаго современника и участника данныхъ споровъ—Фирмиліана, епископа кесаріе-каппадокійскаго, который прямо обвиняетъ Стефана въ томъ, что онъ, по причинѣ своей „дерзости и гордости“ дерзнулъ „прервать съ африканцами миръ“, который его предшественники всегда ревностно хранили во взаимной съ нимъ любви и уваженіи, чрезъ что самъ папа „отсѣкъ себя отъ единенія любви“ и сдѣлалъ „чуждымъ для братьевъ“ [1]).

Африканская-же церковь отъ такого вызывающаго поведенія папы нисколько не пострадала: она не чувствовала одиночества, такъ какъ встрѣтила самую горячую и сильную поддержку на востокѣ. Еще передъ самымъ началомъ осенняго собора 256 г., Кипріанъ послалъ въ малую Азію діакона Рогаціана съ письмомъ къ видному тамошнему епископу Фирмиліану кессарійскому, въ которомъ подробно излагались всѣ перепетіи спора съ Римомъ. Письмо это было принято Фирмиліаномъ и, вообще, восточными, какъ нельзя болѣе сочувственно, потомучто здѣсь еще раньше (на соборахъ въ Иконіи и Синаадѣ) была уже одобрена и принята та самая крещальная практика, за которую ратовалъ теперь Кипріанъ. Повидимому, и въ отношеніяхъ съ восточными епископами у Стефана дѣло дошло до сильнаго охлажденія, если не до полнаго разрыва [2]). Положеніе вещей было крайне обостреннымъ и напоминало то, что полвѣка назадъ происходило при папѣ Викторѣ, по поводу пасхальныхъ споровъ [3]). Фирмиліанъ держался еще независимѣе отъ папы, чѣмъ Кипріанъ и даже самъ

[1]) *Ep.* LXXV, Firmilianus Cypriano fratri in Dormino s. 810—827 p. *P. n.* 374—385 стр. Одни изъ авторовъ признаютъ формальное отлученіе состоявшимся (Baronius, Fechtrup, Harnack, Nelke и др.), другіе ограничиваютъ его лишь моментомъ угрозы (Benson, Bardenhewer, Grisar, A. d'Ales etc.).

[2]) „Ибо что можетъ быть смиренномудреннѣе и кротче, какъ войдти въ разладъ съ такимъ множествомъ епископовъ, — какъ по поводу разнаго рода несогласій прерывать миръ, то съ восточными (мы думаемъ вамъ это не безъизвѣстно), то съ вами—южными“? *P. n.* 387 стр. *Ep.* LXXV, 25, 826 p. По крайней мѣрѣ Фунъ посылку папой Стефаномъ грознаго, отлучительнаго письма и на востокъ къ епп. Фирмил. и Элану считаетъ твердымъ фактомъ,—„Церк. Ист“. 59 стр.

[3]) *См. выше*, стр. 248.

язвительно и безпощадно изобличалъ папу. Открытый церковный разрывъ, при которомъ, римская церковь очутилась въ изолированномъ положеніи, продолжался около года. Хотя Діонисій александрійскій, подобно Иринею ліонскому при пасхальныхъ спорахъ, и пытался выступить въ роли примирителя, но при Стефанѣ онъ успѣха не имѣлъ [1]). Положеніе вещей измѣнилось лишь съ послѣдовавшей вскорѣ смертью папы Стефана († 2 Авг. 257) и вступленіемъ на папскій престолъ болѣе миролюбиваго и кроткаго его преемника—Сикста II, который возстановилъ прерванныя отношенія Рима съ Карѳагеномъ и Востокомъ [2]).

Но и по возстановленіи мирныхъ отношеній между спорившими церквами, разность крещальной практики нѣкоторое время еще продолжала существовать. Раньше всего отказалась отъ излишней строгости своихъ взглядовъ Карѳагенская церковь, которая на соборѣ въ Арлессѣ (314 г.) согласилась принять римскую практику воцерковленія еретиковъ, т. е. безъ обязательства перекрещиванія ихъ [3]). Къ этому она вынуждена была борьбой съ донатистами,

[1]) „Но ни авторитетъ многолюдныхъ соборовъ, ни сильная аргументація Кипріана, ни кроткія увѣщанія александрійскаго епископа, ничто не могло склонить римскаго епископа къ уступчивости“. *Свящ. А. Дружининъ* „Жизнь и труды св. Діонисія Великаго, еп. александрійскаго“, стр. 218. Казань 1900. Попутно отмѣтимъ здѣсь и то, что о. Дружининъ удачно реабилитируетъ св. Діонисія александрійскаго отъ всѣхъ тенденціозныхъ попытокъ представить его или сторонникомъ какой-либо одной практики (по однимъ—римской, по другимъ карѳагенской), или лицомъ, неимѣвшимъ своего собственнаго взгляда на спорный предметъ и потому постоянно колебавшимся. Въ противовѣсъ этому, о. Дружининъ не безъ успѣха доказываетъ, что Діонисій александр. имѣлъ опредѣленный взглядъ на спорный предметъ, и взглядъ самый правильный и надлежащій, который позднѣе былъ принятъ и вселенскими соборами. Особенно полезнымъ для цѣлей автора оказалось новооткрытое письмо Діонисія александрійскаго къ „Діонисію и Стефану, представителямъ римской церкви“, фрагменты котораго приводитъ *Pitra* „Analecta Sacra“ t. IV, p. 170 и 413—414.

[2]) Главныя доказательства состоявшагося примиренія римской церкви съ карѳагенской почерпаются изъ Vita Cypriani, гдѣ, во первыхъ, Сикстъ (или Ксистъ) характеризуется, какъ „священникъ добрый и мирный“ (bono et pacifico sacerdota), а во-вторыхъ — говорится, что имя папы Сикста было внесено въ диптихи африканскихъ церквей, что являлось несомнѣннымъ знакомъ церковнаго общенія. Vita Caec. Cypr. CV, 14.

[3]) *Concilium Arelatense* primum, can. VI: „Относительно Африканцевъ, которые пользуются своимъ закономъ, чтобы перекрещивать (rebaptizent), постановлено (placuit), что если кто-либо изъ ереси придетъ къ церкви, то его вопрошаютъ о символѣ; и если убѣдятся, что онъ крещенъ во имя Отца и Сына и Св. Духа, то на него только возлагаютъ руку, чтобы онъ получилъ Св. Духа. Если-же спрошенный не отвѣтитъ такой троичности, то онъ крещается“. *Lauchert-Krüger*—27 s.

которые, продолжая сурово-ригористическую тактику монтанистовъ и каѳаровъ-новаціанъ, требовали безусловнаго перекрещиванія всѣхъ, въ томъ числѣ и православныхъ. А такъ какъ донатистскій пожаръ охватилъ тогда чуть-ли не бо́льшую половицу Африки, то православная сторона, въ борьбѣ съ нимъ, пошла на уступки, и въ вопросѣ о крещеніи стала на сторону анти-донатистской, т. е. римской практики. Обстоятельство это дало донатистамъ поводъ провозгласить православныхъ измѣнниками чистаго ученія и отступниками отъ Кипріана и бывшихъ при немъ соборовъ. Съ этого-же времени донатисты воспылали особенной любовью и уваженіемъ къ Кипріану, а Sententiae episcoporum избрали, въ качествѣ одного изъ наиболѣе употребительныхъ своихъ орудія въ полемикѣ съ православными. Вотъ почему и главному борцу съ донатизмомъ—бл. Августину пришлось писать спеціальный обширный комментарій на Sententiae, въ которомъ онъ установилъ правильную точку зрѣнія на ихъ содержаніе и доказалъ неприложимость ихъ къ защитѣ донатизма [1]). Но на востокѣ прежняя крещальная практика держалась еще и при жизни св. Василія Великаго, который въ своемъ сочиненіи „о св. Духѣ“ (29, 74) и въ „письмѣ къ Амфилохію“ съ уваженіемъ отзывается объ одномъ изъ главныхъ восточныхъ ея защитниковъ—еп. Фирмиліанѣ [2]). Окончательное рѣшеніе вопросу о крещеніи еретиковъ дано было на первыхъ двухъ вселенскихъ соборахъ, въ томъ смыслѣ, что еретиковъ, отрицающихъ основные догматы христіанства (св. Троицу, божество Господа Іисуса Христа, воплощеніе, искупленіе и пр.) должно принимать черезъ крещеніе, а всѣхъ остальныхъ еретиковъ и раскольниковъ—чрезъ отреченіе отъ заблужденій и таинство миропомазанія [3]).

[1]) *S. Aur. Augustini* „De baptismo libri septem“ ed. CSEL, recen. *M. Petschening* Vol. LI, 145—375 p. Lips. 1908. Обстоятельная интерпретація взглядовъ бл. Августина дана въ диссертаціи *проф. Вл. Троицкаго*—(арх. Иларіона) *Цит. соч.* 530 и сл. Основная идея всей полемики Августина та, что донатисты, цѣпляясь за букву Кипріана, не слѣдуютъ духу его ученія и его живому примѣру, какимъ онъ постоянно училъ что изъ-за разногласія въ частныхъ мнѣніяхъ епископовъ не должно разрывать мирнаго общенія церквей.

[2]) См. у *Ad. Harnack*'а GAL I, I, 409 s.

[3]) 1-го вс. собора, пр. 8-ое и 2-го вс. собора 7-ое. См. у *Lauchert-Krüger* „Die Kanones der wichtigsten altkirchl. Concilien“ XII, 39 и 86-87 s. По русски въ изданіи Об. люб. Дух. просвѣщ. „Правила св. вселен. соборовъ“ вып. II, 35 и 117 стр. М. 1897 и *Еп. Никодима* „Правила православной церкви съ толкованіями“ I, 206—210 и 271—286 стр. гдѣ очень обстоятельное изложена историческая сторона этихъ каноновъ. СПБ. 1911. См. также и спеціальную монографію *Dr. I. Ernst*'а „Die Ketzertaufangelegenheit in der altchr. Kirche nach Cyprian“. Mainz 1907.

Такимъ образомъ, по существу самаго спора о крещеніи оба главныхъ представителя противоположныхъ взглядовъ—и св. Кипріанъ каре. и папа Стефанъ—оказались одинаково односторонни и потому неправы. Но самый споръ этотъ, независимо отъ его предметнаго, фактическаго содержанія, продолжаетъ имѣть и до сихъ поръ важное идейное значеніе. Здѣсь столкнулись двѣ различныхъ церковныхъ идеологіи: одна—типично папская и даже ультрамонтантская, требовавшая безусловнаго подчиненія папѣ, безъ всякихъ разсужденій, просто по принципу абсолютнаго послушанія „апостольскому престолу“. Другая — истинно-церковная, которая достоинство и заслугу церкви полагаетъ не во внѣшней униформѣ, а въ внутреннемъ согласіи и мирѣ (возможномъ и при наличности своеобразныхъ церковныхъ обычаевъ и мѣстныхъ преданій), а ея высшимъ авторитетомъ признаетъ соборъ всѣхъ единомыслящихъ епископовъ, какъ выраженіе факта единства церкви. По этой своей, важнѣйшей сторонѣ, споръ о крещеніи представляетъ полную аналогію раннѣйшему спору—о времени празднованія пасхи; и какъ раньше, на пасхальномъ спорѣ папа Викторъ, такъ и теперь, на крещальномъ папа Стефанъ, были одиноки, такъ какъ даже и солидарные съ ними по предмету спора—Ириней ліонскій, въ первомъ случаѣ и Діонисій александрійскій во второмъ—не раздѣляли папскихъ тенденцій и примыкали къ противопапской, соборно-церковной идеологіи. Вотъ почему, Sententiae episcoporum,—какъ протоколъ „оппозиціоннаго“, противопапскаго собора и письмо еп. Фирмиліана,—какъ уничтожающая критика папскаго высокомѣрія и произвола,—являются до сего времени какъ-бы бѣльмомъ на глазу для католиковъ-ультрамонтанъ и ихъ авторы немало положили тщетныхъ усилій, чтобы такъ или иначе „разъяснить“, т. е. скомпрометтировать эти документы и лишить ихъ огромной полемико-апологетической цѣнности для всѣхъ критиковъ папства [1]).

[1]) Обычный пріемъ ультрамонтантствующихъ авторовъ относительно осенняго собора 256 г. состоитъ въ выясненіи того, что онъ будто-бы не носилъ оппозиціоннаго характера и даже совершенно не имѣлъ въ виду папы Стефана. Съ письмомъ-же еп. Фирмиліана церемонятся еще меньше, по просту отрицая его подлинность (M. Molkenbuhr, Tizzani). Впрочемъ, новѣйшіе католики уже не раздѣляютъ подобныхъ, ненаучныхъ пріемовъ (Bardenhewer, Monceaux. Leclercq etc.) и самое большее—пытаются лишь нѣсколько все это смягчить и ослабить. Небезъинтересныя подробности полемики по даннымъ пунктамъ католиковъ и протестантовъ см. въ особомъ приложеніи у *Leo Nelke* Op. cit. 141—148 s. и спеціальную монографію *I. Ernst*'а „Papst Stephan I und der Ketzertaufstreit“, 39—63 s. Mainz 1905, а также два спеціальныхъ отдѣла въ извѣстной монографіи *Benson*'а—„Firmilian and letter“ и „On the Genuineness of the Epistle of Firmilian“. Op. cit. 372—390 p.

Подводя послѣдній, заключительный итогъ своимъ, по необходимости сильно разросшимся рѣчамъ о соборахъ эпохи св. Кипріана карѳагенскаго, мы не можемъ еще разъ не повторить того, съ чего и начали весь теперь заканчиваемый кипріановъ отдѣлъ (V—VI гл.) — именно, что онъ является самой блестящей главой въ исторіи древне-церковныхъ соборовъ, вообще. Съ полнымъ убѣжденіемъ и правомъ мы должны признать, что, именно, здѣсь въ Африкѣ и, преимущественно, въ эпоху св. Кипріана церковно-соборная форма окончательно сложилась и окрѣпла во всѣхъ своихъ трёхъ типическихъ формахъ (собора избирательнаго, одно- и много-провинціальнаго) въ особенности-же, во второй формѣ—*регулярныхъ провинціальныхъ соборовъ*. Вмѣстѣ съ характеромъ регулярнаго института, соборъ получилъ и значеніе высшей, рѣшающей инстанціи для всѣхъ важнѣйшихъ общецерковныхъ дѣлъ. Параллельно со всѣмъ этимъ шла и разработка внѣшнихъ процессуальныхъ формъ церковнаго собора, типическимъ образцомъ чего служитъ подлинный стенографическій протоколъ одного изъ важнѣйшихъ засѣданій большого Карѳагенскаго собора 256 г. А въ примѣрѣ и всей исторіи этого послѣдняго—самаго широкаго по своему объему изъ всѣхъ соборовъ кипріановой эпохи,—мы имѣемъ одну изъ важныхъ подготовительныхъ ступеней и къ послѣдующимъ вселенскимъ соборамъ, такъ какъ на немъ была представлена уже почти вся церковная universitas Africae.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

АНТІОХІЙСКІЕ СОБОРЫ

ПО ДѢЛУ МѢСТНАГО ЕП. ПАВЛА (САМОСАТСКАГО)

(съ 264—269 г.).

I.

Характеристика Антіохійскихъ соборовъ и личности еп. Павла. [1]).

Приступая къ изложенію послѣдней, заключительной главы своей монографіи о соборахъ древнѣйшей церкви, мы не безъ чувства нѣкотораго удовлетворенія можемъ заявить, что принятая

---

[1]) *Источники:* Главнымъ самостоятельнымъ первоисточникомъ является *Euseb.* VII, 27, 28, 29 и 30 *c.* Въ изд. Kirchenväter-Comm. Preuss. Acad. recens. *Ed. Schwartz.* Zweit. b. zweite Theil, Leipzig 1909, 702—715 s. *Евсев.* VII, XXVII—XXX г.г. 445—455 стр. СПБ. 1848. *Его-же* „Изложеніе хроники Евсевія Памфила", сдѣланное *бл. Іеронимомъ*, Творенія бл. Іеронима Стридонскаго, ч. 5-ая, 386 стр. Кіевъ 1879 г. *S. Hieronymus* „Lib. de Viris illustribus" cap. LXXI. Рус. пер. ч. 5-ая, стр. 327-ая. Фрагменты диспута еп. Павла съ пресвитеромъ Малхіономъ, кромѣ приведенныхъ у Евсевія, еще у *Imp. Justinian.* in tractatu „Contra Monophysitas" ed. *A. Majo* in Scriptorum Vet. et Novae Collect. 299 p. t. VII. *Leont. Byzant.* „Adversus Nestorianos et Eutychianos" lib. III. *Concil. Ephesin.* „in Contestatione ad Clerum CP." *Pertus Diacon.* „De incarnatione ad Fulgentium", *Epistola Synodica* ad Dionysium et Maximum. По существу дѣла, большинство этихъ фрагментовъ — ничто иное, какъ распространенная редакція краткихъ Евсевіевыхъ извѣстій. Лучшая сводка всего этого, наиболѣе цѣннаго историческаго матеріала, снабженная нѣкоторымъ критическимъ аппаратомъ, дана *M. I. Routh*[2], III, Concilium Antiochenum contra Paulum Samosatenum, 287—316 p. Oxonii 1848 г. Добавочный, но уже менѣе достовѣрный матеріалъ предлагаетъ еще *Mansi* Op. cit. I съ 1032 sq., а именно: Epistola beati Dionysii adv. Paulum Samosatensem 1039—1047, по-гречески и по-латыни. Продолженіемъ письма служатъ Pauli Samosatensi haeretici decem quaestiones, quas Dionysio Alexandrino proposuit, трактатъ, изложенный въ вопросо-отвѣтной формѣ съ 1047—1088. Правда, *Harnack* считаетъ оба послѣднихъ трактата неподлинными (entschieden unecht—RE[3], 13, 319, 29 s.), но все-же не лишенными извѣстнаго значенія для знакомства съ внутренней стороной дѣла. Сравнительно гораздо меньше значенія и интереса имѣютъ явно подложныя сочиненія, приводимыя Caspari (Quellen IV, s. 161) и Mansi (IV, 1010), а именно — у перваго мнимый никейскій символъ противъ Павла Самосатскаго, а у второго—упоминаніе о Павлѣ въ обличеніи Несторія. Гораздо большее значеніе тотъ-же Harnack придаетъ открытому Маі'емъ фрагменту *Λόγοι πρὸς Σαβῖνον*, извлеченному изъ одного антимоноѳелитскаго сборника „doctrinae patrum de verbi incarnatione", приложеніяго къ сочиненіямъ патр. Анастасія. *Λόγοι* эти имѣются и въ цитов. изданіи *Routh*[3], 328—329 p.

нами предметно-хронологическая нить изслѣдованія въ самомъ концѣ намѣченнаго нами пути снова привела насъ туда, откуда мы этотъ путь и начали. А начали его мы съ города Антіохіи (сирійской), гдѣ впервые возникла и обострилась та серьезная іудео-христіанская распря, которая вызвала устройство самаго ранняго изъ церковныхъ соборовъ—такъ называемаго, іерусалимскаго Апостольскаго собора. И, разумѣется, недаромъ соборъ этотъ получилъ свой сравнительно ранній и яркій отголосокъ въ древней традиціи еще и объ *Антіохійскомъ апостольскомъ соборѣ*.

Къ источникамъ второго рода, или производнымъ, относятся довольно многочисленныя упоминанія объ ученіи Павла самосатскаго и его соборномъ изобличеніи, имѣющіяся въ сочиненіяхъ древне-церковныхъ писателей и въ постановленіяхъ древнихъ соборовъ. Всего больше такихъ упоминаній можно находить у св. *Аѳ. Вел.* (cont. Apollin. II, 3, IX, 3; de synod. Arim. et Seleuc. 26, 43, 45, 51, 93; Oratio cont. Arian. II, 43), у *Иларія Пикт.* (De synod. 86. 1200 p.) *св. Григ. Нисск.* (Antirrhet. adv. Appol. § 9, 141 p.) у св. *Вас. Вел.* (ep. 52), у св. *Епифанія* (haer. 65), у папы *Иннокентія I* (ep. 22), у діак. *Василія и Ѳеодора* изъ Ретики *(Routh*[3], III, 327 и 357 p.), у *Фотія* (Cod. 229), въ 19 кан. 1-го вселен. собора и въ дѣяніяхъ соборовъ 5-го вѣка, упоминаем. *бл. Августиномъ* (44), *Филастріемъ* (h. 64), *Ѳеодоритомъ* (h. II, 8), *Созоменомъ* (h. e. IV, 15) и др. Подробности ниже, въ IV отдѣлѣ этой главы.

Литературная обработка источниковъ кромѣ неразъ уже названныхъ важнѣйшихъ сборниковъ Routh и Mansi дана главнымъ образомъ въ сочиненіяхъ *Ad. Harnack*'а GAL, I, II, 520—525 s. 1893. ChAL, II, 135 — 138, Leip. 1904 г. и RE[3], 13, 319 s. *O. Bardenhewer*'а „Gesch. Altch. Litt." II, 232—235. *C. P. Caspari* „Alte und neue Quellen zur Geschichte des Taufsymb. und der Glaubensregel, 161—172 s. Christiania 1879. *Hahn*'а „Bibliotheca der Symbole[2], § 85 und 89. Съ историко-догматической стороны, лучшія обработки принадлежатъ *Ad. Harnack*'у „Lehrbuch der Dogmengeschichte"[4], I b. 722—732 s. Tübingen 1909 и *Ejiusdem* in RE[3]. Monarchianismus, 13, 318—324 s. *J. Tixeront* „Histoire des dogmes" 429—433. 1905. *J. Schwane* „Dogmengeschichte der vornicänischen Zeit"[2] Freib. in Breisgau 1892. *Проф. А. А. Спасскій*, „Исторія догматич. движеній". стр. 161 и слѣд. *Проф. В. В. Болотовъ* „Динамическое христіанство Павла самосатскаго" изъ „Лекцій" по исторіи древней церкви" II, 332—337, СПБ. 1910. *Проф. Анатолій Орловъ* „Тринитарныя воззрѣнія Иларія Пиктавійскаго", 143—152 стр. Серг. Пос. 1908. Изъ спеціальныхъ монографій о Павлѣ самосатскомъ укажемъ двѣ древнѣйшихъ—*Ehrlich*'а „De errorbus Pauli Samosat." Lipsiae 1745 и *Feurlin*'а „De haeresi Pauli Samos." Göttingen 1741 и одну новѣйшую—*A. Réville* „La christologie de Paul de Samosate" (Bibl. de l'Ecole des haut. études. Sciences relig. VII, 189—208). Кромѣ того, о личности Павла самосатскаго см. въ соотвѣтствующихъ отдѣлахъ церковныхъ исторій *Moeller-Schubert, Hergenröther-Kirsch, Функъ, Дюшенъ* и др. А также въ спеціальныхъ артикляхъ богословскихъ и церковно-біографич. словарей *Herzog-Hauck*'а, *Wetzer-Welte*, *Smith-Wace* (Wace-Piercy), *Vacant-Mangenot, Cabrol, Baudrillert- Vogt-Rouziès* ets. Спеціально объ антіохійскихъ соборахъ по дѣлу Павла самосатскаго см. у *Hefele-Leclercq* „Opus cit." I, I, 195—208, *Ab. Migne* „Dictionnaire des Conciles" I, 132—138 p.1848. и небольшую, но очень содержательную монографію *S. Pape* „Die Synoden von Antiochien" 1903.

Такъ что на Антіохію, бывшую родоначальницей самаго имени „христіанъ" (Дѣян. XI, 26), мы вправѣ смотрѣть если и не прямо какъ на родину церковнаго собора, то во всякомъ случаѣ, какъ на одинъ изъ самыхъ древнихъ и видныхъ его центровъ.

Въ частности, объ одномъ изъ недавнихъ Антіохійскихъ соборовъ намъ пришлось кратко упоминать даже и въ предыдущей главѣ, при обозрѣніи соборовъ кипріановой эпохи. То былъ довольно видный по объему соборъ восточныхъ епископовъ, состоявшійся въ Антіохіи въ концѣ 252 или въ началѣ 253 года, по вопросу о новаціанской схизмѣ[1]). Вообще, періодъ высокаго развитія соборовъ на западѣ, въ особенности, въ Африкѣ половины 3-го вѣка, не менѣе благопріятенъ, надо полагать, былъ и для развитія ихъ на востокѣ, служившемъ какъ мѣстомъ зарожденія церковныхъ соборовъ, такъ и главной ареной ихъ первичнаго образованія и распространенія. Относительно этого мы имѣемъ одно, вполнѣ ясное и высоко авторитетное свидѣтельство—именно, въ письмѣ восточнаго епископа Фирмиліана кесаріе-каппадокійскаго къ св. Кипріану карѳагенскому, гдѣ читаемъ слѣдующее: „*и у насъ признано необходимымъ собираться ежегодно* старѣйшинамъ и начальникамъ вмѣстѣ (ut per singulos annos seniores et praepositi in unum conveniamus), для распоряженій по дѣламъ, ввѣреннымъ нашему попеченію, для рѣшенія важнѣйшихъ общимъ совѣтомъ (ut si qua graviora sunt communi consilio dirigantur) для преподаянія, въ покаяніи, также врачества падшимъ братьямъ (lapsis quoque fratribus) и послѣ спасительной бани уязвленнымъ отъ діавола,—чтобы они чрезъ насъ нестолько получали оставленіе грѣховъ, сколько приводились къ уразумѣнію своихъ прегрѣшеній и возбуждались полнѣе удовлетворить Господу (et Domino plenius satisfacere)" [2]). Отсюда совершенно ясно, что и востокъ, современный Кипріану, широко практиковалъ у себя устройство, такъ называемыхъ, *регулярныхъ* (per singulos annos) провинціальныхъ соборовъ, причемъ однимъ изъ главныхъ поводовъ къ упроченію такого порядка послужилъ и здѣсь, такъ-же, какъ на западѣ, вопросъ о падшихъ (lapsi). Очевидно все-же, что это были сравнительно небольшіе ежегодные соборики, на которыхъ сходились вмѣстѣ всѣ епископы извѣстной церковно-гражданской провинціи, или даже двухъ-трехъ сосѣднихъ провинцій.

Но кромѣ такихъ провинціально-регулярныхъ соборовъ, на востокѣ существовали и другіе соборы, значительно бо́льшаго объ-

[1]) *Ср. выше*, стр. 523. и сл.
Ep. LXXV, 4, 813 p. *P. n.* 376 стр.

ема, на которыхъ объединялись епископы нѣсколькихъ, иногда и довольно даже отдаленныхъ другъ отъ друга областей. Однимъ изъ послѣднихъ примѣровъ этого соборнаго типа былъ, между прочимъ, и Антіохійскій соборъ 253 года, объединившій на себѣ представителей нѣсколько видныхъ политическо-религіозныхъ центровъ: Тарса, Кесаріи палестинской, Кесаріи каппадокійской, Антіохіи и другихъ, прибывшихъ на соборъ, какъ можно заключать изъ текста Евсевія, не единолично, а въ союзѣ со своими провинціальными коллегами [1]). Эти, такъ сказать, расширенные, *между-провинціальные* соборы составлялись сравнительно рѣже и вызывались вопросами болѣе важнаго характера, требовавшими и болѣе авторитетно-вѣскаго рѣшенія.

Наконецъ, явились на христіанскомъ востокѣ и такіе церковные соборы, которые по степени ихъ внушительнаго объема и по характеру ихъ исключительной важности, должно признать почти всеобщими (разумѣется, только для востока-же) и назвать ближайшими прецедентами будущихъ вселенскихъ соборовъ, происходившихъ на томъ-же православномъ востокѣ. Соборами даннаго типа и были *три важныхъ Антіохійскихъ собора* по дѣлу мѣстнаго еп. Павла самосатскаго, которые не безъ основаній нѣкоторыми учеными сближаются съ послѣдующими вселенскими соборами [2]). Эти антіохійскіе соборы сильно напоминаютъ собою и славные Карѳагенскіе соборы кипріановой эпохи; въ частности, напримѣръ, большой Антіохійскій соборъ представляетъ довольно близкую аналогію съ большимъ Карѳагенскимъ соборомъ, происходившимъ осенью 256 г. и составившимъ знаменитыя Sententiae episcoporum. Но есть между двумя только что названными соборными группами и весьма существенная разница, которую мы усматриваемъ, какъ въ исторической обстановкѣ обѣихъ этихъ группъ, такъ и еще больше въ характерѣ самыхъ ихъ сюжетовъ. Въ первомъ отношеніи, т. е. со стороны своей исторической обстановки карѳагенскіе и антіохійскіе соборы, можно сказать, діаметрально противоположны: поскольку Карѳагенскіе соборы, въ особенности большой осенній соборъ 256-го года, являлись внушительной демонстраціей полной солидарности и единства всѣхъ сѣверо-африканскихъ епископовъ со своимъ митрополитомъ—еп. Карѳагена Кипріаномъ, постольку, наоборотъ, Антіохійскіе соборы, преимущественно, послѣдній—большой Антіохійскій соборъ 269 г., оказались еще болѣе внушительной иллюстраціей несогласія

[1]) *Euseb.* VI, XLIII, 396 стр. *См. выше* стр. 255-ая.
[2]) *Mansi, Tillemont, Hefele* и др.

почти всей восточной церкви съ однимъ изъ важнѣйшихъ ея митрополитовъ — еп. г. Антіохіи Павломъ самосатскимъ. Если Карѳагенскіе соборы вполнѣ одобрили всю церковную тактику Кипріана (и въ дѣлѣ падшихъ и въ спорѣ о крещеніи) и дружно поддержали его въ борьбѣ съ папой Стефаномъ, то Антіохійскіе соборы совершенно наоборотъ — вотировали полное неодобреніе ученію и поведенію еп. Павла самосатскаго, осудили и низложили его. Солидарность собора съ виднымъ епископомъ—дѣло естественное и обычное. Рѣзкое-же расхожденіе съ нимъ—наоборотъ, событіе экстраординарное и исключительное, такъ что уже одно это обстоятельство сообщаетъ Антіохійскимъ соборамъ особый, выдающійся интересъ.

Такое значеніе Антіохійскихъ соборовъ выростаетъ еще больше, въ зависимости отъ характера ихъ главнаго предмета. Всѣ Карѳагенскіе соборы второй половины третьяго вѣка (V и VI гл. настоящаго изслѣдованія), равно какъ и „малоизвѣстные соборы“ первой половины этого вѣка (IV гл.) имѣли своимъ предметомъ дисциплинарно-практическіе споры и вопросы, относящіеся ко внѣшне-обрядовой, или административно-правовой сторонѣ церковной жизни, затрагивающей вопросы церковнаго строя, порядка управленія и суда. Принципіально иное наблюдаемъ мы теперь: центръ тяжести антіохійскихъ споровъ лежитъ въ совершенно другой плоскости—въ плоскости внутренне-догматическихъ интересовъ и касается самыхъ основъ христіанскаго богословія—догматовъ Троичности лицъ и божественности Господа Іисуса Христа. Такимъ образомъ, изъ области дисциплинарныхъ споровъ мы снова переходимъ въ сферу догматическихъ, и, разумѣется поскольку христіанская догматика превалируетъ надъ церковной дисциплиной, постольку и соборы догматическаго характера имѣютъ рѣшительный перевѣсъ, по степени своей важности и интереса, надъ соборами дисциплинарными. Правда, въ ту примитивную эпоху, какъ мы неоднократно это отмѣчали [1]), еще плохо отличали догматъ отъ обряда, и вопросамъ дисциплинарнаго характера нерѣдко усвояли такое-же принципіальное значеніе, какъ и чисто-догматическимъ вопросамъ. Но все-же у лучшихъ и передовыхъ церковныхъ вождей (Ирин. ліон., Діонис. алек. и др.) въ томъ числѣ и у самого Кипріана мы уже замѣчаемъ пониманіе этого различія, когда Кипріанъ, напр. говоритъ, что въ вопросѣ о крещеніи мы никого не принуждаемъ слѣдовать непремѣнно нашей практикѣ и что въ дѣлахъ этого рода каждый

[1]) *См. напр. стр.* 259-ая, 352—353 и др.

епископъ воленъ поступать по своему усмотрѣнію [1]). Ничего подобнаго, разумѣется, не могло существовать въ области основныхъ, догматическихъ споровъ, гдѣ рѣшеніе собора должно было имѣть строго опредѣленный характеръ и общеобязательный авторитетъ. Вотъ почему, если карѳагенскіе соборы о крещеніи, съ перемѣной дисциплинарной тактики церкви, вскорѣ-же, черезъ какихъ-либо 50—60 л., утрачиваютъ свой каноническій авторитетъ даже для самого-же Карѳагена, то Антіохійскіе соборы, наоборотъ, имѣютъ непреходящее значеніе и авторитетъ, какъ видная и весьма важная ступень въ антитринитарной и христологической борьбѣ вселенской церкви противъ ея внутреннихъ враговъ. Въ частности, Антіохійскіе соборы по дѣлу Павла самосатскаго справедливо считаются, ближайшимъ введеніемъ къ исторіи аріанской смуты и ея разоблаченія на двухъ первыхъ вселенскихъ соборахъ (Никейскомъ и Константинопольскомъ). Благодаря всему этому, названные Антіохійскіе соборы получаютъ характеръ величественной борьбы древней церкви за чистоту своего ученія съ однимъ изъ наиболѣе сильныхъ и опасныхъ ея внутреннихъ враговъ, что, разумѣется, во всѣхъ отношеніяхъ серьезно повышаетъ и самый интересъ къ этимъ соборамъ.

Чтобы составить себѣ болѣе полное и правильное сужденіе объ Антіохійскихъ соборахъ противъ Павла самосатскаго, необходимо, хотя-бы въ самомъ сжатомъ видѣ, обрисовать тогдашнее политическое положеніе Антіохіи и характеризовать личность самого еп. Павла, равно какъ и занимаемое имъ, довольно исключительное, церковное и, въ особенности, гражданское положеніе. А для того, чтобы успѣшнее достигнуть этой цѣли, намъ придется вернуться приблизительно на пятилѣтіе отъ начальной даты антіохійскихъ соборовъ (264 г.) назадъ, къ послѣднимъ годамъ правленія императора Валеріана, омраченнымъ систематическимъ и жестокимъ гоненіемъ на христіанъ, производившимся по указамъ императора Валеріана отъ 257 и 258 годовъ и направленнымъ, преимущественно, на главъ христіанскаго общества, т. е. на епископовъ и іерархію, вообще [2]). Гоненіе это разразилось довольно неожиданно для христіанъ, такъ какъ въ первые годы своего правленія Валеріанъ относился къ христіанамъ въ высокой степени терпимо, почти даже покровительственно, какъ свидѣтельствуетъ о томъ Евсевій [3]). Доискиваясь причинъ такой

[1]) *См. выше,* стр. 643-я, прим. 2.

[2]) Жертвой этого гоненія палъ св. еп. Кипріанъ карѳагенскій—† 31 Августа 258 г., а почти годомъ раньше и папа Стефанъ.

[3]) *Евсев.* VII, X, 408 стр.

крутой и рѣзкой перемѣны позиціи Валеріана, ученые наиболѣе вѣроятной изъ нихъ считаютъ дурное вліяніе на императора приближеннаго министра Макріана, человѣка грубаго и суевѣрнаго, преданнаго магіи и чародѣйству и заклятаго врага христіанства. Внѣшнимъ-же поводомъ, использованнымъ въ своихъ цѣляхъ Макріаномъ, послужили тѣ общественно-политическія невзгоды, которыя обрушились въ то время на римскую имперію и которыя Макріанъ истолковывалъ, какъ гнѣвъ обиженныхъ боговъ за измѣну отечественной религіи и попустительство христіанамъ. Особенно тревожно было положеніе вещей на дальнемъ Востокѣ, въ областяхъ Арменіи и Месопотаміи, гдѣ новая персидская династія Сассанидовъ нетолько овладѣла всей Арменіей, но угрожала захватомъ и старыхъ римскихъ провинцій, во главѣ съ Каппадокіей и Сиріей. Въ сознаніи такой опасности для всѣхъ восточно-малоазійскихъ провинцій Рима, императоръ Валеріанъ отправилъ туда для борьбы съ персидскимъ царемъ Ардаширомъ I свои войска и принялъ личное командованіе надъ ними. Сначала дѣло шло успѣшно и персы потерпѣли пораженіе. Но въ одной неудачной схваткѣ императоръ Валеріанъ былъ разбитъ и попалъ въ плѣнъ къ персамъ, гдѣ вскорѣ и умеръ. Въ Римѣ преемникомъ ему былъ провозглашенъ его юный сынъ Галліенъ. Но восточная армія не признала Галліена и по настоянію коварнаго Валеріанова друга Макріана провозгласили императорами двухъ сыновей послѣдняго. Предстояло обычное въ такихъ случаяхъ кровопролитное междоусобіе, которое и должно было рѣшить судьбу династіи. На этотъ разъ положеніе уже царствовавшей римской династіи, довольно неожиданно, спасъ владѣтель восточнаго царства Пальмиры—Оденатъ, который сталъ на сторону Галліена и рядомъ быстрыхъ и рѣшительныхъ ударовъ разбилъ побѣдителей—персовъ, возстановилъ границы римской имперіи и объявилъ себя вѣрнымъ вассаломъ римскаго императора Галліена. Благодарный Галліенъ охотно призналъ всѣ права Одената и помогъ ему усилиться. Когда лѣтъ черезъ пять послѣ этого Оденатъ умеръ, то всѣ его права и привиллегіи Галліенъ укрѣпилъ и за его женой—царицей Зиновіей, назначенной въ качествѣ опекунши ея малолѣтняго сына Ваалбалата. Зиновія была очень энергичной и предпріимчивой правительницей, причемъ стремилась нетолько поддержать полученное отъ мужа политическое наслѣдство, но и значительно его пріумножить, насчетъ сосѣднихъ, и даже довольно отдаленныхъ, римскихъ провинцій (Египетъ, Халкидонъ). Она готовилась уже перейдти въ Европу и овладѣть Византіей, но тогда преемникъ Галліена императоръ Авреліанъ рѣшилъ,

наконецъ, обуздать свою коварную союзницу и положить предѣлъ ея завоевательной авантюрѣ. Пальмирская царица оказала энергичное сопротивленіе, и Риму пришлось вести съ ней упорную, двухгодичную борьбу, которая, закончилась лишь въ 272 г. разгромомъ столицы пальмирскаго царства—г. Антіохіи и захватомъ въ плѣнъ самой царицы Зиновіи.

Епископство въ Антіохіи Павла самосатскаго и всѣ три бывшихъ противъ него собора падаютъ, какъ разъ, на время наибольшаго могущества царицы Зиновіи, и это обстоятельство многое выясняетъ намъ въ деталяхъ исторіи вышеназванныхъ соборовъ. Дѣло въ томъ, что Павелъ самосатскій былъ persona grata у царицы Зиновіи, при дворѣ которой онъ занималъ должность одного изъ высшихъ правительственныхъ сановниковъ (дуценарія). Мы не имѣемъ безспорныхъ данныхъ, чтобы судить о томъ, получилъ-ли эту вліятельную должность Павелъ самосатскій уже послѣ того, какъ онъ былъ избранъ въ епископы, или-же состоялъ въ ней еще и до своего избранія, но на лицо тотъ фактъ, что ко времени судившихъ его соборовъ онъ совмѣщалъ обѣ этихъ должности, причемъ гражданской должностью, по словамъ собора, дорожилъ даже больше, чѣмъ церковной [1]).

Ad. Harnack довольно категорически высказывается за то, что Павелъ епископомъ христіанскимъ сталъ раньше своего знакомства съ пальмирскими владѣтелями и независимо отъ нихъ. Именно, онъ былъ выбранъ на мѣсто еп. Димитріана, который, по всей вѣроятности, былъ уведенъ въ плѣнъ персами, при ихъ завоевательномъ набѣгѣ на Антіохію, около 260-го года. Когда, приблизительно черезъ годъ послѣ этого, Антіохію отнялъ у персовъ пальмирскій владѣтель Оденатъ, то онъ уже нашелъ тамъ христіанскаго епископа Павла и вскорѣ-же приблизилъ его къ себѣ, какъ лицо, вполнѣ отвѣчавшее національно-политическимъ взглядамъ новаго обладателя Антіохіи. По словамъ того-же Harnack'a, Оденатъ, хотя и сильно помогъ римскому императору Галліену, но его помощь была далеко небезкорыстна: онъ разсчитывалъ расширить свое пальмирское царство, на счетъ Антіохіи и смежныхъ съ нею римскихъ провинцій и управлять имъ независимо отъ Рима, лишь опираясь на его военную поддержку для борьбы съ персами, главными врагами и его и римлянъ. Но въ глубинѣ души Оденатъ все-же не сочувствовалъ римлянамъ, какъ своимъ сюзеренамъ и мечталъ со временемъ окончательно отъ нихъ освободиться. Въ такомъ, именно, національно-сирійскомъ и антиримскомъ духѣ и велъ Оденатъ всю, довольно тонкую политику своего почти шестилѣтняго царствованія на новыхъ началахъ, т. е. въ качествѣ римскаго союзника и намѣстника на Востокѣ.

[1]) *Euseb.* VII, 30, 8. 708 s.: „*Καὶ δουκηνάριος μᾶλλον ἢ ἐπίσκοπος θέλων καλεῖσθαι*". Отсюда открывается, что Павелъ занималъ гражданскую должность „дуценарія" (отъ ducenti „двѣсти", какъ получающій двѣсти тысячъ сестерцій жалованья), т. е. правительственнаго прокуратора, завѣдывавшаго сборомъ государственныхъ доходовъ и податей, нѣчто въ родѣ современнаго министра финансовъ. Ducenarius procurator и ducenarius judex—два высшихъ правительственныхъ чиновника, оплачиваемыхъ двухсотъ тысячнымъ окладомъ—*A. Neander* „Allgem. Geschichte"... I, 332, n. 1. *Ad. Harnack* „Mission und Ausbreitung"...[2] II, 107 s.

Однако, въ случайно подпавшей подъ власть Одената Антіохіи далеко не всѣ были довольны новымъ правительственнымъ курсомъ: многимъ, повидимому, больше нравилось состоять въ номинальной зависимости отъ далекаго Рима, чѣмъ чувствовать на себѣ реальное давленіе близкой власти пальмирскаго сосѣда. Но немало все-же было сторонниковъ и у Одената, за его приверженность къ національной сирской старинѣ и за его оппозицію греко-римскимъ новшествамъ [1]). Епископъ Павелъ примыкалъ, именно, къ этой послѣдней, консервативно-національной партіи, что одно уже привлекало къ нему симпатіи Одената. А такъ какъ христіанскій епископъ Антіохіи былъ главой очень внушительнаго къ тому времени религіознаго общества, то вполнѣ естественно, что Оденатъ поспѣшилъ закрѣпить свое сочувствіе къ Павлу предоставленіемъ ему видной и доходной должности. Слѣдовательно, еп. Павелъ Самосатскій былъ приближенъ ко двору пальмирскаго владѣтеля, въ качествѣ сторонника его національно-патріотической политики и ео ipso—противника римской партіи. Вотъ почему, даже и послѣ его соборнаго осужденія Павелъ не думаетъ признавать себя побѣжденнымъ и въ теченіе цѣлыхъ четырехъ лѣтъ еще продолжаетъ жить въ епископскомъ домѣ, пользуясь поддержкой сочувственной ему свѣтской власти. Но потому-же самому, когда эта власть смѣнилась новой, — именно полнымъ торжествомъ Рима (272 г.), наступаетъ конецъ и произволу Павла.

На почвѣ той-же партійно-политической борьбы понятнѣе всего становится и обвиненіе Павла самосатскаго въ сочувствіи къ іудейству. Обвиненіе это выдвигаетъ такой авторитетный свидѣтель, какъ св. Аѳанасій Великій [2]), который ставитъ его въ

[1]) Ясные слѣды такого двойного теченія проходятъ черезъ всю исторію древнесирійской церкви, какъ свидѣтельствуетъ одинъ изъ авторитетныхъ ея изслѣдователей—проф. Кембриджскаго университета *F. C. Burkitt* „Early Eastern Christianity", London, 1904. См. русскій переводъ проф. *А. И. Сагарды* „Очерки по исторіи христіанства въ Сиріи". *Хр. Чт.* 1914 г. Мартъ, стр. 403.

[2]) *Athanas* „Historia Arian. ad Monachos" 71 с. *Ἰουδαΐζα ἦν Ζηνόβια καὶ Παῦλον*

связь съ іудеофильствомъ царицы Зиновіи. На самомъ дѣлѣ, въ ученіи Павла—человѣка, по тогдашнему, очень образованнаго и тонко мыслящаго, разумѣется, нѣтъ прямыхъ слѣдовъ грубаго іудейства. Поэтому попытки нѣкоторыхъ древнихъ ересеологовъ, въ особенности Филастрія (с. 64), обвинить Павла во введеніи обрѣзанія и моисеева закона, вообще, не выдерживаютъ критики, хотя-бы уже по полному молчанію о томъ осудившаго его Антіохійскаго собора (269 г.) и еще больше—по ясному свидѣтельству Епифанія, который, хотя и отмѣчаетъ сходство павлинистовъ съ іудеями, но опредѣленно указываетъ на отсутствіе у первыхъ обрѣзанія. Однако, у Павла есть извѣстная конкретно-реалистическая тенденція, типичная всему національно-семитическому складу мышленія сирійцевъ—черта, до извѣстной степени, общая у нихъ, конечно, и съ іудействомъ. Впрочемъ, связь Пальмиры съ іудействомъ, кромѣ причинъ національно-психологическихъ, объясняется еще и чисто исторически. Вѣдь, пальмирское царство возникло на развалинахъ древней Палестины и Финикіи. Въ частности, столица его—городъ Пальмира была основана знаменитымъ іудейскимъ царемъ Соломономъ [1]). Послѣ этого нисколько не удивительно, что іудаистическія традиціи сохранялись и въ Пальмирѣ, гдѣ они вошли, можно сказать, въ самое содержаніе

προέστη τοῦ Σαμοσατέως". *Твор. св. Аѳ. Вел.* „Посланіе еп. Аѳанасія къ монахамъ" („Исторія аріанъ") гл. 71-ая: „Покровительница Павла Самосатскаго была іудеянка", ч. 2-ая, стр. 163. Сергіева Лавра 1902.

[1]) *M. Treppner* „Das Patriarchat von Antiochien von seinem Entstehen bis zum Ephesinum 431. Würsburg 1891, s. 88: („Palmyra)—es ist die berühmte, von König Salomon erbaute Euphratstadt, das spätere Hadrianopolis... Heute ist es ein zerfallenes Dorf Fayd genannt". Въ основѣ этого извѣстія лежитъ, очевидно библейское упоминаніе о г. Ѳадморѣ (евр. обозначеніе תדמר довольно близко по начертанію съ תלמר)—однимъ изъ отдаленныхъ пограничныхъ городовъ, построенныхъ Соломономъ для военныхъ надобностей (III Цар. IX, 17). Моммсенъ, хотя и разоблачаетъ вкравшуюся здѣсь ошибку отождествленія двухъ различныхъ, лишь нѣсколько созвучныхъ городовъ, однако, въ глубокой древности такой ошибки (она уже имѣла мѣсто въ кн. II Парал. II, 4 и въ переводѣ LXX) онъ и самъ усматриваетъ доказательство довольно ранняго существованія Пальмиры. *Моммсенъ* „Римская имперія", V т. стр. 413, пр. 1. О томъ, что г. Пальмиры одно время былъ важнымъ культурно-административнымъ центромъ, говоритъ обильный эпиграфическій матеріалъ, который такъ и извѣстенъ въ наукѣ подъ именемъ: „пальмирскихъ надписей". Онъ относится къ тремъ первымъ вѣкамъ христіанской эры и касается, преимущественно, фактовъ римско-провинціальнаго управленія. Самая древняя надпись относится къ 9-му г. до Р. Х. Въ одной надписи 80 г. по Р. Х. упоминается „Клавдіева фила". Съ эпохи импер. Адріана городъ называется Hadriana Palmyra, или просто Hadrianopolis.

національныхъ идеаловъ и повліяли на образованіе народнаго характера[1]). Такимъ образомъ, подозрительная, на первый взглядъ, дружба Павла самосатскаго съ пальмирской царицей Зиновіей и его, раньше нѣсколько непонятное, тяготѣніе къ тенденціямъ монархическаго іудаизма объясняется совершенно естественно и просто, коль скоро разсмотрѣніе ихъ мы перенесемъ на почву исторіи и этнографіи.

Значительно труднѣе, оказывается, составить себѣ правильное представленіе о личности самого Павла, его происхожденіи, образованіи, характерѣ и поведеніи. И это вовсе не потому, чтобы у насъ не было соотвѣтствующаго матеріала, или-бы матеріалъ этотъ являлся-бы слишкомъ блѣднымъ и мало говорящимъ. Скорѣй, наоборотъ, мы имѣемъ много и притомъ самаго яркаго, красочнаго матеріала для характеристики еретика Павла самосатскаго. Но бѣда въ томъ, что матеріалъ-то этотъ слишкомъ односторонне-тенденціозенъ и требуетъ большой критической осторожности. Виной всему обычная писательская манера древнихъ авторовъ не соблюдать чувства мѣры въ своихъ похвалахъ и порицаніяхъ. Вслѣдствіе этого, они, если пишутъ о какомъ-либо положительномъ лицѣ, то превозносятъ его, что называется, до небесъ. А если имъ приходится отмѣчать и отрицательную личность, то не находятъ возможнымъ сказать про нее ничего хорошаго и, такъ сказать, окончательно топчутъ ее въ грязь [2]). Учитывая эту

[1]) Выражаясь правильнѣе и точнѣе, надо говорить не объ іудейскомъ, а о семитическомъ вліяніи, или духѣ, вообще. Въ послѣплѣнную эпоху, во времена Іисуса Христа и первыхъ вѣковъ новой эры, скорѣй, можно даже говорить о вліяніи самой Пальмиры на тогдашнюю Іудею. Слѣды этого вліянія яснѣе всего сказывались въ языкѣ. Жители Пальмиры говорили на, такъ называемомъ, „арамейскомъ" языкѣ, именно, на юго-западномъ его нарѣчіи, представлявшемъ изъ себя простонародный діалектъ семитическаго языка, значительно пострадавшій отъ долговременнаго порабощенія „арамлянъ" различными народами (египтян. ассирійц. вавилон. персами и др.). Вотъ этотъ-то вульгарный діалектъ, послѣ вавилонскаго плѣна, сталъ господствующимъ языкомъ и всей Палестины и самого Іерусалима. На немъ говорили І. Христосъ и апостолы, какъ это видно изъ различныхъ словъ и оборотовъ Новаго Завѣта. См. *Fr. Buhl* „Hebräische Sprache" RE³, 7, 508 sq. и *Bolk* „Aram". RE³. I. 774. Но *Burkitt-Сагарда* вноситъ поправку. См. *Хр. Чт.* 1914 г. Май. Въ описываемую нами эпоху римскаго владычества пальмирцы очень стойко защищали право своего языка и добились того, что римляне признали за ними это право. *Моммсенъ*—415—416 стр.

[2]) Припомнимъ, напр. взаимную полемическую характеристику двухъ соперничавшихъ между собой римскихъ епископовъ—Калликста и Ипполита (см. выше, стр. 267), или подобную же характеристику Новаціана у еп. Корнелія (выше, стр. 402, примѣч.), или рѣзко-грубую характеристику такого достойнаго столпа церкви, какъ карѳагенскій епископъ Кипріанъ, котораго папа Стефанъ

печальную, типическую черту всѣхъ древнихъ характеристикъ, мы и къ рѣзко-отрицательной характеристикѣ Павла самосатскаго, данной въ исторіи Евсевія, должны подходить съ необходимой и неизбѣжной критической осторожностью, усугубляемой еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что авторомъ этой характеристики является лицо, совершенно отрицательно и даже враждебно настроенное въ отношеніи къ Павлу самосатскому [1]). А въ этой характеристикѣ портретъ Павла самосатскаго нарисованъ самыми темными, исключительно мрачными красками. Такъ, со стороны своего происхожденія и карьеры, Павелъ, рисуется человѣкомъ, который, что называется, изъ грязи пролѣзъ въ князи: будучи жалкимъ нищимъ, онъ превратился въ чрезвычайнаго богача, достигнувъ этого путемъ самыхъ низкихъ, уголовно-наказуемыхъ средствъ—насилія, угрозъ и святотатства, благодаря чему и самое свое христіанское служеніе онъ какъ-бы обратилъ въ постыдный промыселъ. Въ своемъ должностномъ епископскомъ служеніи Павелъ велъ себя совершенно не соотвѣтственно духовному сану, которымъ онъ, впрочемъ, мало и дорожилъ, предпочитая скромному званію христіанскаго епископа громкій титулъ гражданскаго чиновника [2]). Всю декоративную внѣшнюю пышность и всю надменность и кичливость свѣтской службы онъ перенесъ и въ свой епископскій обиходъ: горделиво выступалъ онъ на общественныхъ площадяхъ, окружаемый толпой коньеносцевъ, громогласно читалъ свои указы въ публичныхъ мѣстахъ, любилъ пышныя церковныя церемоніи, построилъ себѣ особую возвышенную каѳедру, наподобіе свѣтскихъ троновъ, имѣлъ у себя начальническій кабинетъ или, вѣрнѣе, цѣлую канцелярію *(σεκρέτον)*, крайне развязно и даже непристойно держался на церковной проповѣднической каѳедрѣ, подражая дурнымъ манерамъ свѣтскихъ ораторовъ („ударялъ себя рукой по бедру", и „топалъ ногами по каѳедрѣ") и даже окружалъ себя во время проповѣди чуть-ли не наемными клакёрами (claquer—бить въ ладоши, хлопать, вообще, выражать знаки сочувствія и одобренія).

Въ самомъ содержаніи своихъ проповѣдей, а также и въ отправленіи христіанскаго богослуженія Павелъ, по отзыву Евсевія, держался одного правила—унижать всѣхъ другихъ и возвеличивать только одного себя. Поэтому, объ отшедшихъ истолкователяхъ слова Божія онъ выражался, напр. „весьма дерзко" *(φορτικῶς*, derogans), наоборотъ, о самомъ себѣ — „съ велерѣчивой похвалой" *(καὶ μεγαλορημόνων περὶ ἑαυτοῦ)*, не какъ смиренный христіанскій епископъ, а какъ кичливый языческій „софистъ и фокусникъ" *(ἀλλὰ σοφιστὴς καὶ γόης)*. Дерзость Павла дошла, по словамъ евсевіевой характеристики, до того, что онъ покусился изъять изъ церковнаго употребленія „псалмы въ честь Господа нашего Іисуса Христа", какъ якобы позднѣйшія новшества, что однако-же, не помѣшало ему устроить на праздникъ пасхи особый хоръ изъ женщинъ, воспѣвавшихъ лично его самого *(εἰς ἑαυτὸν δε... ψαλμῳδεῖν γυναῖκας παρασκευάζων)*, чего нельзя было слушать безъ понятнаго возмущенія и негодованія. Наконецъ, въ области церковнаго управленія Павелъ велъ себя двояко: съ одной стороны, онъ проявлялъ преступную слабость и нерадѣніе, въ особенности, относительно моральной распущенности подчиненнаго ему духовенства, гдѣ онъ поощрялъ, напримѣръ, институтъ „духовныхъ женъ", *(γυναῖκας συνεισάκτας*, virgines subintroductae, съ которымъ боролся Кипріанъ карѳ.); съ другой—запугивалъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ церкви „своимъ тиранствомъ и властью" *(τῇ ῥᾳθυμίᾳ καὶ δυναστείαν αὐτοῦ πεφόβηνται)*. [1]).

Такова типично-полемическая древняя характеристика еп. Павла самосатскаго, гдѣ всѣ, сколько-нибудь положительныя и свѣтлыя черты старательно обойдены и затушеваны; наоборотъ, всѣ тѣневыя и даже только нейтральныя—тенденціозно освѣщены и страшно преувеличены. Объективно безпристрастно разбираясь во всемъ этомъ матеріалѣ, мы все-же можемъ составить себѣ приблизительное представленіе о Павлѣ самосатскомъ, какъ о способной, энергичной и предпріимчивой личности, но къ сожалѣнію—натурѣ недостаточно уравновѣшанной и излишне честолю-

---

не постѣснялся, однакожъ, назвать и „врагомъ" Божьей церкви и лютымъ „волкомъ" и даже „антихристомъ" (см. стр. 591).

[1]) Приводимая Евсевіемъ характеристика Павла самосатскаго извлекается имъ изъ посланія большаго Антіохійскаго собора (269 г.). А это посланіе, по ясному свидѣтельству бл. Іеронима, было редактировано, или, проще говоря, даже написано, пресвитеромъ Малхіономъ, главнымъ оппонентомъ Павла, разоблачившимъ его на соборѣ—„Книга о знамен. мужахъ", гл. LXXI, стр. 327.

[2]) *Euseb.* VII, 30, 8, 708: *„καὶ δουκηνάριος μᾶλλον ἢ ἐπίσκοπος θέλων καλεῖσθαι". Rufin.:* „cum se magis *ducenarium* quam episcopum videri vellit", 709 p. Титулъ „дуценаріевъ" носили римскіе прокураторы второго класса, получавшіе годовой окладъ содержанія въ 200.000 сестерцій. *J. Marquardt* „Römische Staatsverwaltung", I², s. 558. Чтобы понять, какимъ образомъ, Павелъ самосатскій могъ стать римскимъ дуценаріемъ въ Антіохіи, необходимо припомнить, что пальмирскіе владѣтели (Оденатъ II и его жена Баттъ-Забаи, или по-гречески Зиновія) были въ то время, по милости Рима, какъ-бы верховными намѣстниками и распорядителями всего востока, которые уже отъ себя ставили прокураторовъ по разнымъ его городамъ. Вотъ, въ Антіохію сирійскую, въ качествѣ такого главнаго гражданскаго начальника и былъ поставленъ ими христіанскій епископъ Павелъ самосатскій. См. *Harnack* „Mission und Ausbreitung"², II, 108 sq.

[1]) *Euseb.* VII, 30, 6—16. 708—712. *Евсев.* VII, XXX, 450—453 стр.

бывой [1]). Роковое значеніе для судьбы епископа Павла, повидимому, имѣла и его блестящая свѣтская карьера, которая, что называется, вскружила ему голову и изъ смиреннаго служителя алтаря превратила его въ гордаго и надменнаго владыку. Въ лицѣ Павла самосатскаго мы видимъ первый историческій примѣръ государственнаго служенія христіанскаго епископа, яркій прецедентъ будущихъ духовныхъ прелатовъ и князей церкви. Въ этомъ, дѣйствительно, нельзя не признать серьезной и крупной вины Павла; но и эта вина—нестолько личности, сколько положенія, обстановки, именно, того ложнаго государственнаго положенія, въ какомъ очутился христіанскій епископъ, попавшій въ фаворъ у свѣтской власти и использованный ею въ ея же политическихъ цѣляхъ и интересахъ.

Что касается самаго лжеученія Павла самосатскаго, вызвавшаго рядъ соборовъ противъ него, то характеръ этого лжеученія опредѣляется, по словамъ Ad. Harnack'a, древними писателями различно: то какъ возобновленіе артемонитства, то какъ новоіудейство и эвіонитство, позднѣе—какъ несторіанство, монофелитство и т. д. [2]). Очевидно, Павелъ самосатскій былъ однимъ изъ наиболѣе типичныхъ представителей своеобразныхъ особенностей антіохійской школы, гдѣ „отличительной чертой какъ древнихъ (θеодотіанство), такъ и позднѣйшихъ (Павелъ Самосатскій и аріанство) антіохійскихъ богослововъ является строго-индивидуальное понятіе о божественной сущности, исключающее идею объ ея внутренней реальной тріипостасности... логически приводившее „антіохійскихъ“ богослововъ къ отрицанію, какъ догмата о Троицѣ, такъ и догмата объ ипостасномъ соединеніи во Христѣ двухъ природъ“ [3]). Исходнымъ пунктомъ богословствованія Павла самосатскаго былъ строгій монархіанизмъ, т. е. признаніе только единой Божеской сущности, соединенный съ отрицаніемъ троичности лицъ въ Божествѣ: Отецъ, Сынъ и Духъ—одинъ Богъ, одна Божественная Личность“ *(ἐν πρόσωπον)* [4]). Можно, пожалуй,

[1]) Объ энергіи и предпріимчивости Павла свидѣтельствуетъ уже одно то, что онъ съ низовъ общественной лѣстницы поднялся почти на самый ея верхъ, будучи обязанъ достигнутымъ успѣхомъ только одному себѣ. О природномъ-же хорошемъ умѣ Павла и его незаурядной образованности говоритъ его богословствованіе, которое, хотя и нечуждо было ошибокъ и заблужденій, однако обнаруживало въ Павлѣ крѣпкую отъ природы и достаточно развитую отъ упражненія и самообразованія философскую мысль. Ср. *Дюшенъ*—318 стр.

[2]) *Ad. Harnack* „Lehrbuch der Dogmengeschichte“[4], I, 724 s. Tübingen 1909.

[3]) *Проф. А. Орловъ* „Тринитарныя воззрѣнія Иларія Пиктавійскаго“, 144 стр. Сергіевъ Посадъ 1908.

[4]) *Ad. Harnack*—724 s.

по Павлу, въ единой Божественной сущности различать Сына, или Логоса, а также Софію, или Духа—но они будутъ не самостоятельными личностями, а только различными качествами, свойствами или обнаруженіями одной и той-же сущности единаго Божества. Слѣдовательно, со стороны своей теологіи Павелъ самосатскій былъ типичнымъ *монархіанистомъ-династистомъ*, т. е. представителемъ ученія о строгомъ монотеизмѣ (іудаистическаго оттѣнка) и отрицателемъ христіанскаго догмата о Троичности, который онъ перетолковывалъ лишь въ смыслѣ обитанія въ человѣкѣ Іисусѣ Христѣ особой, чрезвычайной силы *(δύναμις)* Божества [1]).

Въ полномъ соотвѣтствіи съ такой теологіей Павла самосатскаго находилась и его христологія, т. е. ученіе о лицѣ Іисуса Христа и о соотношеніи въ Немъ божеской и человѣческой природы. „Христосъ, по ученію Павла, по своей сущности *(οὐσία)* былъ простой человѣкъ, который за свои нравственные подвиги удостоился того, что божественная сила или Логосъ (безыпостасный), воодушевлявшій его свыше, обиталъ въ немъ, какъ въ храмѣ, содѣлалъ его Сыномъ Божіимъ, хотя не по природѣ а по благодати (усыновленію, adoptione), „по преуспѣянію“ [2]). „Марія поэтому, родила не Логоса, а только подобнаго намъ человѣка“, и въ крещеніи Духъ Святый снизшелъ не на Логоса, но на человѣка“ [3]). Но затѣмъ человѣкъ Іисусъ, за свою выдающуюся святость и полную согласованность своей жизни съ волей Божества, былъ удостоенъ чрезвычайной божественной милости и какъ-бы усыновленъ Богомъ. Такимъ образомъ, со стороны своей христологіи Павелъ самосатскій былъ типичнымъ *адопціанистомъ*.

Такимъ образомъ, суемудріе Павла самосатскаго въ корнѣ подрывало самый фундаментъ христіанской догматики (догматы Троичности Лицъ и Божественности І. Христа), а вмѣстѣ съ тѣмъ ниспровергало и все спасительное значеніе христіанства. Послѣднее, какъ извѣстно, зиждется на тайнѣ искупленія рода человѣческаго, совершеннаго Господомъ. Догматъ-же искупленія, въ свою очередь, основанъ на тайнѣ воплощенія Богочеловѣка. А этой исходной тайны Павелъ не принималъ, или искажалъ ее своимъ раціоналистическимъ перетолкованіемъ настолько, что, по

[1]) Проф. *А. А. Спасскій:* „Общій характеръ системы Павла самосатскаго совершенно ясенъ и не вызываетъ никакихъ споровъ. Это есть вполнѣ законченное и послѣдовательно развитое ученіе динамическаго монархіанства“. Исторія догматич. движеній, стр. 166-ая.

[2]) Проф. *А. Орловъ*—146 стр.

[3]) *Ad. Harnack*—725 s.

справедливому отзыву проф. Болотова, „собственно о воплощеніи у Павла Самосатскаго не можетъ быть и рѣчи“ [1]). Значитъ, по своимъ отправнымъ пунктамъ, по своей основной тенденціи и по своимъ прямымъ логическимъ выводамъ, богословствованіе Павла самосатскаго было очень рѣшительнымъ и послѣдовательно-принципіальнымъ извращеніемъ самой сущности христіанства и его отличительнаго характера, какъ новой, искупительно-возрождающей и благодатно-спасающей религіи. Во всемъ этомъ важны были даже и нестолько тѣ или другія детали богословствованія Павла,—быть можетъ лишь только слабо намѣченныя и недостаточно имъ развитыя,—сколько тотъ общій духъ сухого и узкаго раціонализма, который сказался въ самомъ методѣ такого богословствованія и который еще неразъ давалъ себя знать и потомъ, въ крайнихъ увлеченіяхъ богослововъ антіохійской школы (аріанство, несторіанство) [2]). Въ исторической-же скалѣ древне-христіанскихъ ересей, лжеученіе Павла самосатскаго представляло собой какъ-бы переходъ отъ антитринитарныхъ споровъ второго и третьяго вѣка къ христологическимъ спорамъ четвертаго вѣка и, ближайшимъ образомъ, явилось преддверіемъ аріанской смуты [3]).

II.

Два первыхъ собора по дѣлу еп. Павла (самосатскаго).

На вопросъ о количествѣ антіохійскихъ соборовъ по дѣлу еп. Павла церковно-историческая наука, къ сожалѣнію, не даетъ одного вполнѣ категорическаго отвѣта, колеблясь между признаніемъ то двухъ, то трехъ такихъ соборовъ [4]). Зависитъ это, очевидно, отъ

[1]) Проф. *В. В. Болотовъ* „Лекціи...“ II, 334.

[2]) Въ этомъ смыслѣ нельзя не считаться съ Newman'омъ, который замѣтилъ о Павлѣ, что онъ „скорѣй основатель школы, чѣмъ секты“—„Arians of the Fourth Centur“, p. 6.

[3]) *H. Leclercq:* „Quant à la personne du Christ, il en expulsait la notion du Logos et toutes les conclusions qu'on avait déduites, il se contentait d'un Christ humaine sans mélange de divinité. C'étais le premier essais d'arianisme“. *Hefele-Leclercq* I, I, 204, n. 1.

[4]) Опредѣленную жалобу на это мы находимъ у *Pape* „Die Synoden von Antiochien“, s. 11: „дальнѣйшее теченіе спора (послѣ перваго Антіохійскаго собора 264 (265 г.) окутано туманомъ. Именно, споренъ самый вопросъ—что рѣшающій соборъ *(τελευταία σύνοδος)* былъ только одинъ, или имѣлся еще и второй? Послѣднее предположеніе опирается, главнымъ образомъ, на вышеупомянутое двукратное пребываніе Фирмиліана въ Антіохіи... Однако Евсевій ни-

того, что главный источникъ нашихъ свѣдѣній объ этихъ соборахъ—Евсевій также не отличается надлежащей опредѣленностью: съ одной стороны, въ немъ болѣе отчетливо и раздѣльно выступаютъ лишь *два* собора—первый, предупредительный и второй—окончательный для Павла. Но съ другой стороны, у того-же Евсевія достаточно ясно оттѣняется, что Фирмиліанъ, еп. кесаріе-капподокійскій, ѣхавшій на послѣдній соборъ противъ Павла и скончавшійся во время пути (въ г. Тарсѣ), раньше этого уже успѣлъ *дважды* судить Павла, что само собою предполагаетъ и существованіе двухъ, а не одного предварительнаго собора по дѣлу Павла. Въ виду этого, большинство ученыхъ склоняется къ признанію *трехъ* антіохійскихъ соборовъ, судившихъ еп. Павла: двухъ первыхъ, ограничивавшихся только, болѣе или менѣе, внушительными предостереженіями и вразумленіями Павла, и одного послѣдняго, окончательно его осудившаго и низложившаго. Въ такомъ, именно, порядкѣ поведемъ и мы свое разсмотрѣніе этихъ соборовъ, т. е. сначала, скажемъ о двухъ подготовительныхъ соборахъ, а потомъ—о третьемъ заключительномъ.

чего не говоритъ *о второмъ* большомъ соборѣ, хотя и говоритъ *о многихъ* соборныхъ разсужденіяхъ... Достойно вниманія, что Ѳеодоритъ, который выражается много яснѣе, говоритъ лишь о двухъ соборахъ“ *Op. cit.* s. 11. Въ виду этого, *R. Sohm* „Kirchenrecht“ предпочитаетъ уклониться отъ опредѣленія точной цифры собора и стоять на почвѣ евсевіева текста, неопредѣленно говорящаго о „многихъ соборахъ“—s. 259. *K. v. Schwartz*, хотя и признаетъ, что „извѣстія о второмъ соборѣ настолько скудны, что его легко можно совершенно отрицать“, однако самъ высказывается за признаніе всѣхъ *трехъ* соборовъ. „Die Entstehung der Synoden“—s. 34—35. *Hefele-Leclercq*, хотя и отмѣчаетъ, что „извѣстное число историковъ... не желаютъ признавать больше двухъ соборовъ“, однако самъ не раздѣляетъ такого взгляда и считаетъ его ошибочнымъ (à tort)—Histoire de conciles, I, 1, 205. Авторъ статьи „Samosateues“ въ Dictionary of sects, heresies... *Blunt'*а выражается колебательно: „Two council certainly, perhaps three, were held at Antioch concernins this heresy“—p. 516. Авторъ монографіи объ антіохійскомъ патріархѣ—*Max Treppner* говоритъ относительно сего даже самопротиворѣчиво: „unter ihm (Paul. Samos.) oder besser gegen ihm wurden zu Antiochien *zwei* Synoden abgehalten, die eine um 264... die andere um 269 (s. 25)“. А на s. 92: „Der Irrlehrer (Paul. S.) wurde auf den *drei* seinetwegen zu Antiochien gehaltenen Synoden seines Irrthums überfürt und abgesetz von den versammelten Bischöfern“. Однако, преобладающее большинство ученыхъ опредѣленно становится на сторону традиціоннаго различенія *трехъ* антіохійскихъ соборовъ, разбиравшихъ дѣло Павла. *Harnack*—GAL, I, II, s. 800. *Bardenhewer*—II, s. 232. *Tillemont*, III, 296—297. *Migne* „Dictionnaire des conciles“ 133 s. *Routh*—III, 317 sq. *Wace-Piercy* „Dictionnary of christian biography“—p. 815. Проф. *П. В. Гидуляновъ*—„Митрополиты“... стр. 156. Проф. *А. А. Спасскій*—„Исторія догматич. движеній“—стр. 164. Проф. *В. В. Болотовъ* „Лекціи...“ II, 332. *Дюшенъ* Истор. древней церкви I, 316 и др.

Суммарная рѣчь Евсевія о двухъ первыхъ соборахъ по суду надъ антіохійскимъ епископомъ Павломъ излагается въ двухъ смежныхъ главахъ седьмой книги его „церковной исторіи“ и содержитъ въ себѣ буквально слѣдующее: „около того-же времени (т. е. смѣны римскихъ епископовъ Ксиста и Діонисія) и въ Антіохіи, по преставленіи Димитріана, епископство получилъ Павелъ самосатскій. Когда, вопреки церковному ученію, онъ началъ низко и неуважительно мыслить о Христѣ, представляя его обыкновеннымъ по естеству человѣкомъ; то Діонисій александрійскій приглашаемъ былъ на соборъ; но извинясь старостью и слабостью тѣлесною, отказался отъ личнаго присутствованія и мнѣніе свое объ этомъ вопросѣ представилъ письменно. Прочіе же пастыри церквей со всѣхъ сторонъ устремились на Павла, какъ на хищника стада Христова и поспѣшно собрались въ Антіохіи“. И непосредственно вслѣдъ за этимъ, съ начала-же слѣдующей главы читаемъ: „Изъ нихъ наиболѣе знамениты были: епископъ Кесаріи каппадокійской Фирмиліанъ, пастыри понтійскихъ епархій, братья Григорій и Аѳинодоръ, потомъ тарсійской епархіи Еленъ и иконійской — Пикомасъ; равнымъ образомъ епископъ іерусалимской церкви—Именей и сопредѣльной съ нею кесарійской—Ѳеотекнъ; кромѣ того, прекрасно управлявшій бострійскими братьями Максимъ. Не трудно-бы насчитать множество и другихъ, собравшихся тогда по сему дѣлу въ вышесказанномъ городѣ вмѣстѣ съ пресвитерами и діаконами; но наиболѣе славившіеся были именно эти. Всѣ они въ разныя времена и часто сходились въ одно мѣсто, и въ каждомъ засѣданіи разсматривали отдѣльный вопросъ. Приверженцы Самосатскаго старались прикрыть и утаить свое иномысліе, а другіе ревностно обнажали и выводили на свѣтъ ересь и хулу его на Христа. Въ это время, на двѣнадцатомъ году царствованія Галліенова, скончался Діонисій, управлявшій александрійской епископіей семнадцать лѣтъ и преемникомъ его сдѣлался Максимъ“ [1]).

Вотъ главное извѣстіе о первомъ Антіохійскомъ соборѣ противъ еп. Павла самосатскаго. Къ сожалѣнію, оно благодаря своей краткости, не сообщаетъ намъ ни года этого собора, ни его непосредственнаго повода, предоставляя обо всемъ этомъ догадываться намъ самимъ. Хронологическую дату перваго Антіохійскаго противъ Павла собора всѣ ученые довольно согласно, въ общемъ, помѣщаютъ въ промежутокъ времени отъ 263—265 г. по Р. Х. [2]). Основаніемъ

[1]) *Euseb.* VII, 27, 2. и 28, 1, 702—704. *Евсев.* VII, XXVII—XXVIII, 446—447.

[2]) *Ad. Harnack* ChAL, 263—264 an. II. 136 s. Leipzig 1904. *Hefele*—264—265 an.

такого вычисленія служатъ хронологическія рамки двухъ событій—самаго вступленія еп. Павла на антіохійскую каѳедру, въ качествѣ преемника еп. Димитріана (260 годъ, по Harnacky и Болотову [1]), съ одной стороны (terminus a quo), и годъ смерти престарѣлаго александрійскаго епископа Діонисія (264-й г. по Harnack'y или начало 265 г. по другимъ) [2]), съ иной стороны—(terminus ad quem). Въ теченіе указаннаго періода естественнѣе всего останавливаться на двухъ послѣднихъ годахъ 264—265: во первыхъ, потому, что необходимо дать извѣстный срокъ самому Павлу, чтобы упрочиться въ Антіохіи и развить свое новое антицерковное ученіе настолько, чтобы вызвать соборный протестъ; а во вторыхъ, крайне важное показательное значеніе имѣетъ здѣсь и упоминаніе Евсевія о дряхлости и болѣзненности Діонисія александрійскаго, что умѣстнѣе всего отнести къ самымъ послѣднимъ годамъ его жизни. Наконецъ, не лишена извѣстнаго вѣса и историческая справка Harnack'a, что Пальмирскій владѣтель Оденатъ II лишь съ 264 г. сталъ почти неограниченнымъ властелиномъ Востока (unumschränkter Herr des Ostens), благодаря чему и его фаворитъ—еп. Павелъ могъ, именно, съ того-же времени почувствовать болѣе твердую почву подъ ногами.

На вопросы, изъ кого состоялъ данный соборъ, кто его собралъ и кто на немъ предсѣдательствовалъ? приходится отвѣчать также только лишь предположительно. Изъ свидѣтельства Евсевія, повидимому, вытекаетъ лишь одно,—что соборъ этотъ по самой своей задачѣ былъ оппозиціоннымъ, именно направленнымъ про-

„Op. cit.“ I, 196 p. Но *Leclercq* въ примѣч. его поправляетъ, указывая 263—264-й годъ. *Mansi* высказывается неопредѣленно и колебательно, то за 266 г., то за 264, то, наконецъ, вмѣстѣ съ Бароніемъ—за 255 г. Op. cit.—1031—1032 p. *Hardouini* — circiter 265. Op. cit. Index. *Migne*, „Dictionnaire des Conciles“, I, къ 264 г.—135 p. *Болотовъ* 264 г. Цит. соч. 332 стр.

[1]) *Ad. Harnack* ChAL, I, 215: „Was das Todesjahr des Demetrianus und den Antritt des Paul vol Samosata betrifft (i. J. 255 Einnahme Antiochiens durch Sapores, 260 kam die Stadt in die Gewalt von Palmyra, seit 264 ist Odenath unumschränkter Herr des Ostens, ermordet i. J. 267), so lässt sich die Angabe des Euseb. Paulus sei unter Gallieus resp. im 7 Jahr desselben (Herbst 259 (260) Bischof geworden, nicht controliren... И еще: „Paul von Samosata wurde Bischof von Antiochien um d. J. 260“ II, 135 s.

[2]) *Harnack* ChAL: Der im 12 Jahr des Gallienus (Euseb. VII, 28, 3) gestorben ist 264—265, II, 58 s. Довольно подробно выясняетъ этотъ вопросъ свящ. *А. Дружининъ* „Жизнь и труды св. Діонисія Великаго“, который въ заключеніе всего приходитъ къ убѣжденію въ наибольшей точности даты абиссинскаго агіолога, пріурочивающаго кончину св. Діон. Ал. къ 9 марта 265 г.—стр. 344.

тивъ личности Павла самосатскаго и для осужденія его еретическихъ мудрованій: „пастыри церкви—говоритъ Евсевій—со всѣхъ сторонъ устремились на Павла, какъ на хищника стада Христова и поспѣшно собрались въ Антіохіи“ [1]). Въ виду этого, какъ будтобы получаетъ полную убѣдительность догадка Дюшена, что самъ Павелъ не желалъ такого собора и онъ собирался безъ его иниціативы [2]). Если-же мѣстный епископъ, т. е. въ данномъ случаѣ самъ Павелъ, такого собора не созывалъ и даже, какъ полагаетъ Дюшенъ, его и не желалъ, то какъ же всетаки соборъ съорганизовался? Тутъ возможны два отвѣта: или этотъ соборъ былъ очереднымъ провинціальнымъ, или онъ былъ чрезвычайнымъ, собраннымъ безъ еп. Павла и б. м. даже вопреки ему. Впрочемъ, самымъ лучшимъ выходомъ будетъ, пожалуй, объединеніе обоихъ этихъ возможностей въ одну, именно—соборъ этотъ былъ очереднымъ, провинціальнымъ, наподобіе тѣхъ, какіе несомнѣнно существовали въ данное время въ Кесаріи каппадокійской [3]). Но будучи по своему происхожденію и своей основѣ провинціально-очереднымъ, антіохійскій соборъ оказался въ то-же время и усиленнымъ по своему составу и объему, въ виду особой важности подлежавшаго соборному обсужденію дѣла (судъ надъ епископомъ провинціи=митрополитомъ) и высокой заинтересованности въ немъ всѣхъ сосѣднихъ церквей.

Кто-же, однако, вчинялъ данный соборъ и кто былъ въ немъ всего больше заинтересованъ? А что были, дѣйствительно, какіе-то особые организаторы собора, это ясно изъ фразы Евсевія *о приглашеніи* на соборъ еп. Діонисія александрійскаго. Дюшенъ, очевидно, основываясь на особенно активной роли въ церковныхъ событіяхъ той эпохи извѣстнаго кесаріе-каппадокійскаго епископа Фирмиліана, утверждаетъ, что именно, онъ былъ „душой обвиненія среди епископовъ“, направленнаго къ обличенію лжеученія Павла. Но изъ того, что еп. Фирмиліанъ, на всѣхъ тѣхъ Антіохійскихъ соборахъ по дѣлу Павла, на которыхъ онъ присутствовалъ (т. е. на первыхъ двухъ, такъ какъ передъ началомъ третьяго онъ уже скончался, въ дорогѣ, на пути къ Антіохіи), постоянно какъ-бы бралъ Павла подъ свою защиту и склонялъ рѣшеніе собора въ его сторону, можно выводить, скорѣй, обратное,—что еп. Фирмиліанъ нисколько не былъ лично заинтересованъ въ осужденіи

[1]) *Euseb.* VII, 27, 2, 702 s. *Евсев.* VII, XXVII, 446 стр.
[2]) *Дюшенъ* „Исторія древней церкви“ I, 316 стр.
[3]) *Hartel*—III p. 812 p. Ep. LXXV, 4. Рус. пер. писемъ Кипріана, 376 стр.
[4]) *Дюшенъ* Цит. соч. 316 стр.

своего антіохійскаго коллеги и даже какъ будто-бы щадилъ его и ему покровительствовалъ. Поэтому, отклоняя гипотезу о непосредственной соборной иниціативѣ еп. Фирмиліана, мы склонны ближайшій поводъ къ созыву собора и его начальный толчекъ искать гораздо ближе,—именно, въ самой Антіохіи, въ средѣ ея пресвитерата и клира, вообще. Основаніемъ подобной догадки служитъ для насъ та побѣдоносно-обличительная роль, какую игралъ на третьемъ антіохійскомъ противъ Павла соборѣ мѣстный антіохійскій пресвитеръ Малхіонъ. Она, во всякомъ случаѣ, показываетъ, что въ нѣдрахъ самого-же антіохійскаго клира существовало сильное недовольство дѣятельностью и ученіемъ еп. Павла, и что, именно, оттуда вышли его главные обличители и антагонисты. Естественно предположить, что оттуда-же исходила и самая иниціатива собора: пресвитератъ антіохійской церкви, недовольный своимъ епископомъ и заподозрѣвшій его въ ереси, искалъ авторитетнаго суда надъ нимъ и соборнаго рѣшенія возникшей церковной распри [1]). Съ этой цѣлью антіохійскіе клирики, надо полагать, обратились къ сосѣднимъ епископамъ и, быть можетъ, къ тому-же епископу Фирмиліану, прося ихъ прибыть къ нимъ на соборъ и разсудить ихъ съ епископомъ. Возможно даже, что и самъ Павелъ ничего не имѣлъ противъ собора, разсчитывая на немъ реабилитироваться, укрѣпить свое положеніе и со ipso окончательно сломить существовавшую противъ него оппозицію. Вотъ почему нѣкоторые ученые не безъ основанія допускаютъ, что Павелъ самосатскій даже самъ могъ собирать Антіохійскіе соборы и, какъ епископъ церковно-гражданскаго метрополя, самъ на нихъ и предсѣдательствовалъ; хотя, конечно, положеніе Павла, какъ главнаго отвѣтчика передъ соборомъ, естественно дѣлало его предсѣдательствованіе чисто номинальнымъ, фактическимъ-же предсѣдателемъ, судя по его болѣе активной роли, былъ, по всей вѣроятности, еп. Фирмиліанъ.

Объемъ и составъ перваго Антіохійскаго собора по дѣлу еп. Павла Евсевій опредѣляетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ. „Изъ нихъ (собравшихся въ Антіохію епископовъ) наиболѣе знамениты были: епископъ Кесаріи каппадокійской—Фирмиліанъ, пастыри понтійскихъ епархій, братья Григорій и Аѳинодоръ, потомъ (пастырь) тарсійской церкви—Еленъ и иконійской—Никомасъ; рав-

[1]) Аналогичный прецедентъ имѣлъ мѣсто въ Бострійской церкви, гдѣ соборный судъ надъ ея епископомъ Берилломъ также, повидимому, организованъ былъ по просьбѣ и почину мѣстной церкви и ея пресвитерата. *См. выше,* стр. 335.

нымъ образомъ (епископъ) іерусалимской церкви—Именей и сопредѣльной съ нею кассарійской—Θеотекнъ; кромѣ того, прекрасно управлявшій бострійскими братьями Максимъ. Не трудно-бы насчитать множество и другихъ, собравшихся тогда по сему дѣлу въ вышесказанномъ городѣ, вмѣстѣ съ пресвитерами и діаконами; но наиболѣе славившіеся были именно эти“ [1]). Отсюда видно, что Антіохійскіе соборы были довольно внушительными по объему—захватывали значительную часть малой Азіи (провинція Тарсъ) и всю область Сиріи, Палестины и Аравіи. Такъ что, со стороны своего объема они могутъ быть названы соборами бо́льшей части восточной церкви, въ особенности, если принять во вниманіе, что на нихъ откликнулась и александрійская церковь, именно, въ формѣ того обстоятельнаго письма, которое Діонисій александрійскій прислалъ на соборъ, адресуя его не на имя еп. Павла, которому, очевидно, еп. Діонисій не сочувствовалъ и не довѣрялъ, а на имя всей антіохійской паствы, а слѣдовательно и происходившаго здѣсь собора [2]).

[1]) *Euseb.* VII, 28, 1, 702 s. *Евсев.* VII, XXVIII, 446 стр. Хотя здѣсь Евсевій, дѣйствительно, и не обозначаетъ съ надлежащей точностью, о какомъ изъ Антіохійскихъ соборовъ онъ говоритъ, однако сказанное можетъ быть отнесено только къ первымъ двумъ, такъ какъ о составѣ послѣдняго антіохійскаго собора, еще болѣе многочисленнаго и широкаго по объему, Евсевій говоритъ отдѣльно, въ послѣдующихъ главахъ 29—30 той-же книги. *Euseb.* VII, 29, 1, 704 s. и 30, 1, 704 и 706 s. *Евсев.* VII, XXIX—XXX, 447—448 стр.

[2]) *Euseb.* VII, 27, 2, 702 s. *Евсев.* VII, XXVII, 446 стр. „Діонисій александрійскій былъ приглашаемъ на соборъ... и мнѣніе свое объ этомъ вопросѣ представилъ письменно“. Ср. *Euseb.* VII, 30, 3, 706 s. *Евсев.* VII, XXX, 449. Существуетъ очень правдоподобная догадка, что передатчикомъ письма еп. Діонисія къ антіохійской паствѣ и происходившему здѣсь собору былъ александрійскій клирикъ Евсевій, впослѣдствіи еп. лаодикійскій. Солиднымъ основаніемъ такой догадки служитъ случайная замѣтка о немъ церковнаго историка Евсевія, въ которой мы находимъ такія любопытныя подробности: „а епархіей лаодикійскою, послѣ Сократа, управлялъ урожденецъ г. Александріи Евсевій. Поводъ-же къ переселенію подало ему дѣло съ Павломъ *(αἰτία δ'αὐτῷ τῆς μεταναστάσεως ὑπῆρξεν ἡ κατὰ τὸν Παῦλον ὑπόθεσις)*. Когда ради него онъ прибылъ въ Сирію, то тамошніе любители божественнаго Писанія, какъ нѣкоему возлюбленному современному намъ сокровищу благочестія, не позволили возвратиться домой“. *Euseb.* VII, 32, 4, 718. *Евсев.* VII, XXXII, 457. Изъ этихъ лестныхъ для пресвитера Евсевія строкъ сопременнаго ему церковнаго историка выходитъ, что какъ будто-бы посолъ Діонисія не былъ только молчаливымъ передатчикомъ посланія, но являлся краснорѣчивымъ истолкователемъ Св. Писанія, плѣнившимъ собой лаодикійцевъ, которые и выбрали его себѣ въ епископы. А отсюда уже недалеко и до заключенія о томъ, что свое краснорѣчіе и стойкость въ вѣрѣ Евсевій александрійскій могъ обнаружить ни гдѣлибо еще, а именно на происходившемъ тогда Антіохійскомъ соборѣ. Слѣдовательно, заключаютъ изъ всего этого, клирикъ г. Александріи—Евсевій присутствовалъ на соборѣ по порученію своего больного и престарѣлаго епископа и какъ-бы замѣнялъ его собою. Въ такомъ случаѣ мы получили-бы первый случай делегаціи епископомъ на церковный соборъ своего клирика. Но даже признавая за этой гипотезой нѣкоторую степень убѣдительности, мы все-же находимъ ее еще очень проблематичной и не свободной отъ сильныхъ возраженій. Пресвитеръ (?) Евсевій могъ по пути спеціально заѣхать къ лаодикійцамъ и тамъ показать себя, какъ знатока св. Писанія. Да и въ самой Антіохіи онъ могъ это сдѣлать не на церковномъ соборѣ, въ присутствіи епископовъ (что было даже не въ традиціяхъ, именно, александрійской церкви и за что, въ частности, пострадалъ Оригенъ отъ еп. Димитрія), а гораздо удобнѣе—напр. въ богослужебномъ собраніи мѣстной антіох. церкви, слухъ о чемъ могъ дойдти и до сосѣдней лаодикійской церкви. Делегація отсутствовавшихъ епископовъ производилась, обычно, черезъ сосѣднихъ епископовъ, какъ это мы видѣли въ примѣрѣ триполитанскихъ епископовъ—*Sententiae episcoporum* 83.

Крупный интересъ имѣетъ для насъ и то немногое, что говоритъ здѣсь Евсевій *о составѣ* изслѣдуемаго Антіохійскаго собора. Прежде всего, изъ отдѣльныхъ замѣчаній Евсевія и приложеннаго имъ примѣрнаго списка выдающихся участниковъ собора съ полной несомнѣнностью открывается, что главными членами собора были епископы, и именно, епископы метрополей изъ провинцій: Сиріи, Палестины, Финикіи, Аравіи, Каппадокіи, Иконіи, Виѳиніи, Понта и др. Вся-же обширная провинція „Азія“, во главѣ съ ея метрополемъ Ефесомъ, повидимому, не участвовала на этомъ соборѣ, такъ что соборъ этотъ, по всей справедливости, долженъ быть признанъ объединеніемъ восточно-сирійскихъ, а не западно-малоазійскихъ церквей [1]). Почти несомнѣнно, что всѣ поименно названные епископы метрополей приходили на соборъ не одни, а „вмѣстѣ съ прочими“ *(καὶ τῶν λοιπῶν)*, т.-е. съ прочими провинціальными епископами, состоявшими въ ихъ церковно-административной юрисдикціи. Полное право такъ думать даетъ намъ, во первыхъ, ближайшій прецедентъ Антіохійскаго-же собора 253 г., гдѣ объ еп. г. Тарса—Еленѣ, присутствовавшемъ на обоихъ этихъ соборахъ (253 и 264 г.), опредѣленно заявляется, что онъ собирался на соборъ не одинъ, а вмѣстѣ со своими провинціальными

[1]) *Euseb.* VII, 27, 2, 702: *„οἱ δὲ λοιποὶ τῶν ἐκκλησιῶν ποιμένες ἄλλος ἀλλοθεν ὡς ἐπὶ λυμεῶνα τῆς Χριστοῦ ποίμνης συνῆεσαν, οἱ πάντες ἐπὶ τὴν Ἀντιοχείαν σπεύδοντες“*. *Евсев.* VII, XXVII; 446. Что касается поименнаго перечня славнѣйшихъ епископовъ, даннаго въ началѣ слѣдующей, 28-ой главы, то нельзя не отмѣтить, что онъ почти всецѣло совпадаетъ съ перечнемъ того-же Евсевія, помѣщеннымъ нѣсколько выше (VII, 5, 2, 638—640. *P. n.* VII, V, 400—401), удостовѣрявшимъ миръ церквей, наступившій послѣ новаціанской смуты. Нельзя-ли видѣть въ такомъ объединеніи цѣлой группы церквей зарожденіе будущаго антіохійскаго патріархата? Срав. *выше,* стр. 524, примѣч. 1.

коллегами [1]). А затѣмъ, на это уполномачиваетъ насъ и прямое указаніе самаго текста евсевіева повѣствованія о настоящемъ соборѣ, въ которомъ отмѣчается „огромное множество другихъ (очевидно изъ контекста „епископовъ-же"), которое трудно и исчислить" [2]). Такимъ образомъ, присутствіе на Антіохійскомъ соборѣ множества епископовъ изъ цѣлаго ряда восточныхъ и центральныхъ провинцій Азіи, во главѣ съ ихъ митрополитами, засвидѣтельствовано Евсевіемъ совершенно ясно, пожалуй, даже излишне сильно (разумѣемъ его невинную гиперболу о *μυρίους τε ἄλλους*).

Однако какъ ни сильно представленъ былъ епископскій элементъ на данномъ соборѣ, онъ все-же не являлся на немъ единственнымъ и исключительнымъ: на соборѣ имѣлъ мѣсто еще и другой элементъ—представители клира: пресвитеры и діаконы, съ которыми объединились и прибывшіе въ Антіохію епископы [3]). На первый взглядъ нѣсколько какъ будто-бы несовсѣмъ ясно, о какихъ представителяхъ клира идетъ здѣсь рѣчь: о мѣстныхъ-ли антіохійскихъ, или о пріѣзжихъ съ епископами? И многіе, особенно не углубляясь въ этотъ вопросъ, а также б. м. руководясь недостаточно точнымъ переводомъ Руфина, склонялись больше въ сторону послѣдняго предположенія, или предпочитали вовсе не опредѣлять этого элемента, ограничиваясь лишь самымъ общимъ о немъ упоминаніемъ [4]). Но для насъ данный вопросъ имѣетъ слишкомъ серьезное значеніе, чтобы мы могли такъ легко къ нему отнестись. Строго держась почвы евсевіева текста, сообразуясь съ характеромъ тогдашняго церковнаго строя и учитывая

[1]) *Euseb.* VI, 46, 3, 628: *„ὑπό τε Ἑλένου τοῦ ἐν Ταρσῷ τῆς Κιλικίας ἐπισκόπου καὶ τῶν λοιπῶν τῶν σὺν αὐτῷ". Евсев.* VI, XLVI, 396. Срав. *выше,* стр. 525.

[2]) *Euseb.* VII, 28, 1, 702: *„μυρίους τε ἄλλους οὐκ ἂν ἀπορήσαι"... Ruf.:* „quos longum est enumerare per singulos". *Ibid.* 703. *Евсев.* VII, XXVIII, 446: „не трудно-бы насчитать множество и другихъ" (переводъ слишкомъ свободенъ). Но *μυρίους* Евсевія—все-же, конечно, гипербола, хотя и невинная, такъ какъ она слишкомъ очевидна.

[3]) *Euseb.* VII, 28, 1, 702: *„ἅμα πρεσβυτέροις καὶ διακόνοις τῆς αὐτῆς ἕνεκεν αἰτίας ἐν τῇ προειρημένῃ πόλει συγκροτηφέντας".* Буквальный русскій переводъ: „вмѣстѣ съ епископами и діаконами ради той вины (т. е. дѣла Павла) въ вышеназванномъ городѣ собравшихся". Руфинъ-же даетъ болѣе свободный перифразъ: „sed et presbyteri quam plurimi et diaconi ad supra dictam urbem causa conpescendi, immo delendi novi, hujus dogmatis convenerunt". *Ibid.* s. 703.

[4]) Такъ поступаетъ, напр., даже *Tillemont* „Ils (episcopi) vinrent en effet de tous costez, et en tres grand nombre, outre les Prestres et les Diacres". *Op. cit.* IV, p. 294. И *Hefele:* „et bocoup d'autres évêques, des prêtres et des diacres". *Op. cit.* I, 196. Но *Mansi* предпочитаетъ вовсе обойдти молчаніемъ этотъ, несовсѣмъ симпатичный для него элементъ. Op. cit. I, 1032.

многочисленные раннѣйшіе соборные примѣры, мы съ достаточной категоричностью высказываемся за то, что упомянутые Евсевіемъ, въ качествѣ членовъ Антіохійскаго собора, пресвитеры и діаконы не были пришельцами, а принадлежали къ составу мѣстной церкви. Противъ полноправнаго участія на соборѣ пріѣзжихъ клириковъ, яко-бы прибывшихъ вмѣстѣ со своими епископами, рѣшительно возстаетъ все то, что намъ извѣстно о строѣ церковнаго управленія въ древній, до-константиновскій періодъ, когда приходы почти исключительно были городскими и неизмѣнно возглавлялись лишь епископами. Поэтому только епископы, и лишь одни они, являлись отвѣтственными главами своихъ церквей и ихъ полномочными представителями и на обще-церковномъ соборѣ [1]). Это, конечно, отнюдь не равносильно тому, чтобы остальные клирики ничего не значили при епископѣ и совершенно, такъ сказать, обезличивались передъ нимъ. Скорѣй, наоборотъ, въ каждой *мѣстной* церкви клиръ имѣлъ очень большой удѣльный вѣсъ, такъ такъ представители его—пресвитеры и діаконы—составляли ближайшій совѣтъ епископа („пресвитеріумъ"), въ согласіи съ которымъ епископъ и правилъ своей церковью. Поэтому, каждый епископъ, прежде, чѣмъ ѣхать на соборъ, долженъ былъ держать совѣтъ и съ своими клиромъ и вѣрнымъ народомъ. Но на самый соборъ онъ все-же ѣхалъ уже одинъ, въ качествѣ полномочнаго представителя всей своей церкви. Разумѣется, этимъ, конечно, нисколько не исключалось право епископа захватить съ собою одного или нѣсколькихъ клириковъ, въ качествѣ своихъ личныхъ помощниковъ и секретарей. Но такіе помощники епископа не были и не могли быть полноправными членами провинціальнаго, а тѣмъ болѣе, чрезвычайнаго собора.

Изъ аргументовъ положительнаго свойства остановимся, прежде всего, на буквѣ самаго текста Евсевія. Здѣсь обращаетъ на себя вниманіе сказуемое *συγκροτηθέντας*, несомнѣнно тождественное по корню съ терминомъ *συγκρότησις*. А этотъ послѣдній терминъ, какъ намъ хорошо извѣстно изъ исторіи еще пасхальныхъ соборовъ [2]), имѣлъ въ соборной терминологіи Евсевія техническій смыслъ—указывалъ на совѣщательныя собранія епископовъ. Слѣдовательно и здѣсь при сказуемомъ *συγκροτηθέντας* мы въ правѣ мыслить только то-же самое подлежащее, т.-е. епископовъ, которые одни только и стекались въ городъ Антіохію для суда надъ еп. Павломъ. И только уже здѣсь, въ Антіохіи на самомъ соборѣ они

[1]) См. *объ этомъ выше,* стр. 128.

[2]) *См. выше,* стр. 211 и сл., а также стр. 490.

объединялись съ другимъ мѣстнымъ элементомъ — съ пресвитерами и діаконами антіохійской церкви, какъ это выразительно и подчеркивается въ текстѣ союзомъ ἅμα. Вообще, подлинный текстъ Евсевія, и со стороны грамматики и со стороны терминологіи, какъ нельзя болѣе благопріятствуетъ нашему взгляду, т.-е. тому, что на соборѣ объединялись два главныхъ элемента: одинъ—пришлый, изъ епископовъ и другой—мѣстный, изъ пресвитеровъ и діаконовъ антіохійской церкви, за которыми стояла и вся мѣстная паства. Испортилъ этотъ текстъ своимъ слишкомъ свободнымъ переводомъ лишь Руфинъ, который и пресвитеровъ съ діаконами, приравнялъ къ епископамъ тѣмъ самымъ, что заставилъ и ихъ приходить въ Антіохію. Но этого дѣлать вовсе не нужно, и текстъ Евсевія не даетъ на это никакого права. Другимъ солиднымъ аргументомъ, именно, за нашу композицію Антіохійскаго собора является практика всѣхъ остальныхъ соборовъ того времени, въ особенности, Кипріановскихъ соборовъ, составъ которыхъ намъ извѣстенъ достаточно опредѣленно, въ смыслѣ „собора епископовъ“ и пленума мѣстной, метрополичьей церкви. Наконецъ, за широкое участіе въ Антіохійскомъ соборѣ, именно, мѣстнаго-же антіохійскаго клира, говоритъ выдающаяся роль мѣстнаго пресвитерата, во главѣ съ пресвитеромъ-риторомъ Малхіономъ. Но объ этомъ спеціально будемъ говорить ниже, при изслѣдованіи третьяго Антіохійскаго собора противъ Павла.

Относительно самаго хода соборнаго процесса, его общаго характера и духа мы находимъ у Евсевія такое, хотя и очень сжатое, но нелишенное интереса сообщеніе: „всѣ они (т. е. члены собора) въ разныя времена (такъ въ русскомъ переводѣ; въ подлинникѣ-же κατὰ καιροὺς διαφόρως καὶ πολλάκις—по временамъ различно и часто) сходились въ одно мѣсто и въ каждомъ засѣданіи (σύνοδον) предлагали рѣчи и изслѣдованія (λόγοι καὶ ζητήσεις)“ [1]). Взятая отдѣльно, фраза эта недостаточно ясна и опредѣленна. Повидимому, она наводитъ даже на мысль о нѣсколькихъ, частыхъ (πολλάκις) соборахъ, составлявшихся въ Антіохіи въ различныя времена и подробно разслѣдовавшихъ дѣло Павла самосатскаго [2]). Но снеся это мѣсто съ послѣдующимъ контекстомъ, въ особенности, съ опредѣленнымъ показаніемъ Евсевія, что Фирмиліанъ

[1]) *Euseb.* VII, 28, 2, 702. *Евсев.* VII, XXVIII, 441 стр.

[2]) Въ такомъ духѣ понялъ слова Евсевія и церковный историкъ Руфинъ, который соотвѣтствующее мѣсто изъ исторіи Евсевія перевелъ такъ: hi igitur omnes saepius in unum conuentes Paulum Samosatenum statuentis in medio... me tamen uno id aut secundo tantum concilio ad finem perducere potuerunt, sed et conventum saepe est absque operae pretio discessum“, VII, 28, 1, 703 s.

пріѣзжалъ въ Антіохію для суда надъ Павломъ только „дважды“ (δὶς ἀφικόμενος) [1]), мы, самое бо́льшее, можемъ говорить лишь о двухъ антіохійскихъ, предварительныхъ соборахъ противъ еп. Павла. Слѣдовательно, и вышеприведенныя слова Евсевія, что епископы „сходились часто вмѣстѣ“ и на „каждомъ соборѣ“ подробно изслѣдовали дѣло Павла, надо относить нестолько къ различнымъ соборамъ (ихъ, пока, было только два), сколько къ разнымъ засѣданіямъ однихъ и тѣхъ-же соборовъ [2]). Такимъ образомъ, подлинный смыслъ сжатой фразы Евсевія можетъ быть въ болѣе распространенномъ видѣ переданъ такъ: многочисленные члены составлявшихся въ Антіохіи двухъ предварительныхъ соборовъ внимательно и подробно, со всѣхъ сторонъ (διαφόρως—различно) изслѣдовали и изучали дѣло Павла, причемъ часто (πολλάκις) сходились для этой цѣли и на общія, пленарныя засѣданія, въ которыхъ дѣлились результатами своего изученія, предлагая вниманію всѣхъ членовъ собора свои рѣчи и слѣдственные матеріалы. Отсюда можно выводить, что засѣданія соборовъ не были безпрерывными, а раздѣлялись извѣстными промежутками времени; во-вторыхъ — что засѣданій этихъ было нѣсколько, назначались они въ условное время (κατὰ καιροὺς) и происходили, въ общемъ, все-же довольно часто (πόλλακις). Наконецъ, что на этихъ совмѣстныхъ, пленарныхъ засѣданіяхъ спорный вопросъ изслѣдовался подробно и всесторонне: говорились рѣчи и производились слѣдствія (λόγοι καὶ ζητήσεις).

Какъ и гдѣ производились эти изслѣдованія и словопренія, существовало-ли и здѣсь строгое разграниченіе собора на двѣ палаты — верхнюю, епископскую и нижнюю, мѣстно-общинную, какъ это практиковалось, напримѣръ, въ Карѳагенѣ? Ни на что такое текстъ Евсевія не даетъ ни прямого, ни даже косвеннаго отвѣта. И если все-же позволительно дѣлать изъ него какіе-либо выводы, то, скорѣй, въ сторону не разъединенія, а наоборотъ — сближенія, двухъ основныхъ соборныхъ группъ, какъ это яснѣе всего обнаруживается на третьемъ соборѣ, гдѣ лидеромъ православной стороны и главнымъ обвинителемъ Павла явился пресвитеръ Малхіонъ. „Мы видимъ, слѣдовательно,—справедливо заключаетъ отсюда K. v. Schwartz—что въ Антіохіи пресвитеры участвовали также и въ составленіи опредѣленій, чего въ Карѳагенѣ и Римѣ, какъ мы нашли, никогда не было“ [3]).

[1]) *Euseb.* VII, 30, 4, 706. *Евсев.* VII, XXX, 449 стр.

[2]) Такое пониманіе даннаго текста Евсевія частично находимъ мы еще у *Tillemont*'а: „ce qui marque assez clairement qu'il se tint diverses Conciles sur cette affaire, et diverses sessions dans chaque Concile“. *Op. cit.* IV, 296.

[3]) *Karl von Schwartz* „Die Entstehung der Synoden“, s. 36.

Характеризуя общій духъ и тонъ двухъ первыхъ антіохійскихъ соборовъ, нельзя не отмѣтить еще и того, что они отличались чертой высокой терпимости, полнаго безпристрастія и крайне осторожнаго отношенія къ обвиняемому, какъ все это ясно и убѣдительно удостовѣрено Евсевіемъ. Такъ, онъ отмѣчаетъ, что на соборахъ были партіи, стоявшія въ совершенно одинаковыхъ условіяхъ и боровшіяся между собой только словомъ убѣжденія. „Приверженцы самосатскаго *(τῶν μὲν ἀμφὶ τὸν Σαμοσατέα)* старались прикрыть и утаить свое неправославіе *(τῆς ἑτεροδοξίας)*; другіе-же *(τῶν δὲ)* старательно пытались обнажить и сдѣлать ясной ересь и хулу на Христа“ [1]). Осторожность и терпимость соборовъ доходили даже до того, что партія сторонниковъ Павла самосатскаго оказывалась, сначала, какъ-бы даже побѣдительницей. Правда, со стороны Павла и его партіи, здѣсь было больше лицемѣрія, хитрости и двоедушія, чѣмъ настоящей, дѣйствительной побѣды, какъ это видно изъ посланія третьяго антіохійскаго собора, гдѣ читаемъ: „такъ какъ Павелъ обѣщался оставить свои мысли; то, вѣря ему,—въ надеждѣ, что дѣло обойдется безъ всякой ссоры за слово, Фирмиліанъ, обманутый тѣмъ, который отрекся отъ своего Бога и Господа и не соблюлъ прежней вѣры—тогда отсрочилъ приговоръ“ [2]). Но во всякомъ случаѣ характерно, что соборъ очень терпимо отнесся къ заблужденіямъ Павла самосатскаго, не спѣшилъ съ его окончательнымъ осужденіемъ и удовлетворился, пока, его, какъ вскорѣ-же обнаружилось, довольно притворнымъ обѣщаніемъ исправиться. И что еще характернѣе, такое крайне гуманное отношеніе къ Павлу было проявлено нетолько первымъ, но и вторымъ Антіохійскимъ соборомъ, который имѣлъ передъ собой уже доказанный фактъ неискренности и двоедушія Павла самосатскаго. Однако и онъ все-же не рѣшился низложить Павла, очевидно, въ надеждѣ на то, что, тотъ, наконецъ, оставитъ свое суемудріе и сдѣлается искреннимъ поборникомъ православія. Такое крайне снисходительное отношеніе къ Павлу самосатскому, кромѣ общаго духа высокой толерантности Антіохійскихъ соборовъ, мы склонны объяснять еще и тѣмъ, что Павелъ, по своему уму и образованности, былъ выдающейся, или во всякомъ случаѣ, незаурядной умственной силой, такъ что соборъ, безъ крайней надобности, не хотѣлъ терять его для церкви [3]). Далеко не послѣднюю роль съиграло въ этомъ и софистическое искусство самого Павла, благодаря которому онъ могъ искусно скрывать свои собственныя убѣжденія и удачно отражать доводы своихъ критиковъ и оппонентовъ [1]); а всего больше вліяла тутъ неразвитость догматической терминологіи, позволявшая въ одни и тѣ-же термины влагать совершенно разный смыслъ.

[1]) *Ibid.* VII, 28. 2, 702—703. *Евсев.* XXVIII.

[2]) *Euseb.* VII, 30, 4, 706 s. *Евсев.* VII, XXX, 449 сл.

[3]) Тѣмъ болѣе, что у отцовъ Антіохійскихъ соборовъ сравнительно на свѣжей памяти былъ и совершенно аналогичный примѣръ такого благопріятнаго исхода,—разумѣемъ соборъ Бострійской церкви, по дѣлу ея еп. Берилла. *См. выше,* стр. 328 и слѣд.

Все, что мы до сихъ поръ говорили о двухъ, предварительныхъ Антіохійскихъ соборахъ противъ Павла, относится, собственно, лишь къ одному изъ нихъ, именно первому, такъ какъ какихъ-либо вполнѣ осязательныхъ слѣдовъ второго собора у насъ, строго говоря, даже почти и нѣтъ. Все историческое существованіе второго Антіохійскаго противъ Павла собора держится, можно сказать, буквально на одномъ словѣ Евсевія, и притомъ, самомъ маленькомъ, трехбуквенномъ словѣ—*δίς* „дважды“, употребленномъ въ приложеніи къ еп. Фирмиліану, два раза пріѣзжавшему въ Антіохію для увѣщанія и суда надъ Павломъ [2]). А такъ какъ передъ самымъ началомъ большого и окончательнаго собора противъ Павла, Фирмиліанъ скончался, то двукратный соборный (?) пріѣздъ Фирмиліана въ Антіохію долженъ былъ состояться, слѣдовательно, раньше того. Другимъ, уже косвеннымъ доказательствомъ второго, промежуточнаго собора, служитъ наименованіе большаго Антіохійскаго собора не *вторымъ*, а послѣднимъ *(τελευταίας συνόδου)* [3]), чѣмъ, повидимому, дается знать, что раньше былъ не одинъ соборъ, а нѣсколько, не меньше двухъ. Признанію сравнительно большого числа судившихъ Павла соборовъ благопріятствуетъ, наконецъ, и общій духъ евсевіева повѣствованія о Павлѣ, гдѣ ясно сквозитъ та мысль, что соборная борьба съ Павломъ долгое время была безрезультатна, и что только послѣ цѣлаго ряда соборовъ Малхіону и его стенографамъ удалось, наконецъ, доказать неправомысліе Павла и уличить его въ ереси.

Но даже и послѣ того, какъ мы, хотя отчасти, утвердили шаткую позицію второго Антіохійскаго собора, мы все-же лишены возможности сказать о немъ что-либо болѣе конкретное и детальное. Поэтому серьезные церковные изслѣдователи открыто признаются, что имъ

[1]) *Проф. А. Спасскій:* „Діалектика, которой владѣлъ Павелъ въ совершенствѣ, позволяла ему хорошо оправдываться отъ возводимыхъ на него обвиненій“. Цит. соч. 164. Объ утонченности богословствованія еп. Павла см. у *Дюшена,* I, 318.

[2]) *Euseb.* VII, 30, 4, 706: *„ὁ δὲ Φιρμιλιανός, καὶ δὶς ἀφικόμενος, κατέγνω μὲν τῶν ὑπ'ἐκείνου καινοτομουμένων“. Евсев.* VII, XXX, 449.

[3]) *Euseb.* VII, 29, 1, 704. *Евсев.* VII, XXIX, 447.

ничего не извѣстно объ этомъ соборѣ, не извѣстенъ даже и самый его годъ [1]). Тѣ-же, кто несмотря ни на что, пытаются указать точную дату втораго Антіохійскаго собора, предпочитаютъ, вообще, пододвинуть ее возможно ближе къ датѣ третьяго собора и останавливаются на 268-омъ году [2]). Во всемъ остальномъ, второй соборъ трактуется изслѣдователями по образу и подобію перваго, въ качествѣ его болѣе блѣдной копіи. Отсюда, предсѣдателемъ его считаютъ или самого Павла, или, фактическимъ—Фирмиліана кесаріе-каппадокійскаго, членами его—приблизительно тѣхъ-же чужихъ епископовъ и мѣстныхъ клириковъ; а результатъ его видятъ все въ той-же дипломатически клириковъ; а результатъ его видятъ все въ той-же дипломатически уклончивой политикѣ Павла и снисходительно-нерѣшительной тактикѣ собора [3]).

III.

Большой Антіохійскій соборъ противъ мѣстнаго епископа Павла (самосатскаго.).

Рядъ церковныхъ соборовъ противъ еп. Павла самосатскаго заключаетъ собой знаменитый большой Антіохійскій соборъ 268—269 г., названный у Евсевія „послѣднимъ“, разумѣется, въ ряду серіи соборовъ по дѣлу Павла, но являющійся таковымъ-же и для насъ, въ общемъ планѣ нашего настоящаго изслѣдованія.

Догматическая важность дебатировавшихся на этомъ соборѣ вопросовъ, его высокая церковная авторитетность и нѣкоторыя особенности самаго соборнаго процесса (диспутъ Павла съ Малхіономъ, стенографическая запись этого диспута и подробные протоколы собора) обусловили большому Антіохійскому собору такую широкую и продолжительную популярность, по степени которой онъ далеко оставляетъ позади себя всѣ соборы древнѣйшей церкви, неисключая и очень извѣстнаго, въ особенности, на западѣ—большого Карѳагенскаго собора 256 г., съ его Sententiae episcoporum [4]). Въ виду этого, отъ него и о немъ дошла до насъ значи-

[1]) *E. Venables* „Paulus of Samosata“ in Dictionary, *Wace-Piercy*, 815 p.: „the date is non precisely known“. *Проф. А. А. Спасскій:* „ни этотъ соборъ (264 г.), ни слѣдующій, годъ котораго неизвѣстенъ, не смогли уличить Павла въ заблужденіяхъ“. Цит. соч. 164. *Hefele:* „la date de cette réunion n'est pas bien connue“.

[2]) *Hardouini*—„Antiochenum II adversus Samosatenum“ 268 an. Index.

[3]) Впрочемъ, *Hardouin, Mansi, Routh* и др. именно, этому второму собору приписываютъ составленіе особаго, соборно-увѣщательнаго посланія къ Павлу—Op. cit. I. Index.

[4]) Апостольскій соборъ въ Іерусалимѣ, занимающій свое особое положеніе и мѣсто, здѣсь конечно въ счетъ не идетъ.

тельная и весьма авторитетная еще древняя-же литература, которую пополнилъ одинъ, уже менѣе надежный, средневѣковый авторъ Fridrich Turrannius (XVI-го в.).

Начало всей этой литературѣ (разумѣемъ только источники) было положено еще на самомъ-же этомъ соборѣ, по совершенно опредѣленнымъ показаніямъ Евсевія и бл. Іеронима. Евсевій говоритъ, во-первыхъ, о „преніи“ *(ζήτησιν)*, которое велъ на соборѣ Малхіонъ съ Павломъ, сообщая, что преніе это записывали „скорописцы“ и что оно „сохранилось до нынѣ“; а во-вторыхъ—о спеціальномъ „посланіи“ собора, адресованномъ на имя римскаго (Діонисія) и александрійскаго (Максима) епископовъ, гдѣ подробно излагалась вся исторія Павла и откуда Евсевій приводитъ рядъ интересныхъ фрагментовъ [1]). Въ одномъ изъ этихъ послѣднихъ онъ упоминаетъ вскользь и еще о какихъ-то „дѣяніяхъ“ *(ὑπομνημάτων)* собора, которыми съ очевидностью доказывается неправомыслiе Павла [2]). Но эти „дѣянія“, повидимому, справедливо отождествляются съ стенографической записью соборныхъ преній, или диспута Павла съ Малхіономъ [3]). Блаженный-же Іеронимъ, по существу, не даетъ ничего новаго: онъ лишь повторяетъ Евсевія и добавляетъ только то, что редактуру, какъ стенографически записанныхъ „преній“, такъ и составленнаго отъ лица собора „посланія“ онъ болѣе опредѣленно приписываетъ Малхіону, а также снова говоритъ, что все это еще существовало и въ его время († 420 г.) [4]). Слѣды существованія первоисточниковъ большаго Антіохійскаго собора идутъ и дальше, за весь пятый и шестой вѣка. Отъ пятаго вѣка отдѣльные фрагменты „диспута“ сохранились въ протоколахъ третьяго вселенскаго собора (въ Ефесѣ 431 г.), а

[1]) *Euseb.* VII, 29, 2, 704: „*οὗτός γέ (Μαλχίων) τοι ἐπιδημειουμένων ταχυγράφων ζήτησιν πρὸς αὐτὸν ἐνστησάμενος, ἣν καὶ εἰς δεῦρο φερομένην ἴσμεν*“. И еще: VII, 30, 1, 704; „*μίαν δὴ οὖν ἐκ κοινῆς γνώμης οἱ ἐπὶ ταὐτὸν συγκεκροτημένοι ποιμένες διαχαράξαντες ἐπιστολήν*“. *Евсев.* VII, XXIX, 448.

[2]) *Euseb.* VII, 30, 11, 710: „*ἀλλ' ἐξ ὧν ἐπέμψαμεν ὑπομνημάτων δείκνυται πολλαχόθεν*“. *Евсев.* VII, XXX, 452.

[3]) *Routh* „Annotationes in synodum Antiochenum“, „*ὑπομνημάτων*—Acta autem illa Synodi Antiochenae, nihil aliud erant, quam disputatio Malchionis adversus Paulum Samosatenum, quae a notariis excepta fuerat, ut supra dixit Eusebius“. *Op. cit.* III², p. 341. Ср. *O. Bardenhewer* II, 235.

[4]) *Hieronymus* „De viris illustribus“, CLXXI: „Malchion, disertissimus Antiochenae ecclesiae presbyter, quippe qui in eadem urbe rhetoricam florentissime docuerat, adversum Paulum Samosatenum, qui Antiochenae ecclesiae episcopus dogma Artemonis instaurarat, excipientibus notariis disputavit: qui dialogus usgue hodie extat. Sed et alia grandis Epistola ex persona synodi ab eo scripta“. *Бл. Іероним.* „Кн. о знам. мужахъ“ гл. LXXI, ч. 5, стр. 327.

отъ шестого — въ трактатахъ императора Юстиніана (527 — 565) и въ сочиненіяхъ Леонтія Византійскаго († ок. 543 г.) и Петра діакона (VI в.) [1]. Отдѣльныя-же слова и понятія изъ литературы Антіохійскаго собора встрѣчаются и еще у многихъ раннѣйшихъ и позднѣйшихъ церковныхъ авторовъ, какъ увидимъ это ниже, въ послѣднемъ отдѣлѣ настоящей главы. Здѣсь-же отмѣтимъ, что, къ сожалѣнію, полный текстъ, какъ диспута, такъ и соборнаго посланія давно уже утраченъ. Тѣмъ не менѣе попытку возстановить все это сдѣлалъ небезъизвѣстный католическій ученый Fridrichus Turrianus (полов. XVI в.) [2], который и издалъ цѣлую серію относящихся къ этому дѣлу документовъ, а именно: 1) посланіе шести епископовъ Павлу самосатскому, 2) письмо св. Діонисія александрійскаго на имя того же Павла 3) десять вопросовъ Павла, обращенныхъ къ Діонисію александрійскому, съ отвѣтами на нихъ послѣдняго и 4) посланіе Антіохійскаго собора 269 г. къ Діонисію римскому и Максиму александрійскому [3]. Изъ этихъ опытовъ реставраціи № 2-й—письмо еп. Діонисія александрійскаго къ Павлу самосатскому—рѣшительно отвергается всѣми, какъ противорѣчащее ясному свидѣтельству Евсевія, что Діонисій не адресовывалъ никакого письма къ Павлу [4]. Остальныя попытки Turrian'a встрѣчаютъ различный научный

[1]) *Concilum Ephesinum* in „Contestatione ad Clerum", ed Labbe p. 337. *Imper. Justinianus* in tractatu „Contra Monophysitas" ab Angelo Maio edito in tomo VII Scriptorum Vet. et Novae Collectionis, p. 229. *Leontius Byzant.* „Adversus Nestorianos et Eutychianos" lib. III, e codice MS. Bodleiano. *Petrus Diaconus* in lib. „De incarn. et gratia Domini Christi ad Fulgentium, c. III, p. 78, t. VI Bibl. Patrum Colon. Agrip. necnon inter Opera Fulgentii Ruspensis. Цитація сдѣлана по *Routh*'у „Reliquiae Sacrae"2, гдѣ всѣ эти фрагменты приведены полностью и даны съ латинскимъ переводомъ. *Op. cit.* III, 300—302.

[2]) Ученый іезуитъ Fridrichus Turrianus († 1584), извѣстный и подъ сокращенной французской фамиліей *Fr. Torrés*. Онъ горячо полемизировалъ противъ „магдебургскихъ центурій" и въ жару полемики не пренебрегалъ излюбленнымъ іезуитскимъ пріемомъ—открытія, или точнѣе, фабрикаціи древнихъ документовъ. Съ однимъ изъ такихъ фабрикатовъ Turrian'a мы уже имѣли дѣло въ самомъ началѣ настоящаго изслѣдованія. *См. стр.* 92 и сл.

[3]) Полностью, и даже въ двухъ параллельныхъ текстахъ (греческомъ и латинскомъ), приведена вся эта литература у *Mansi* Op. cit. I, 1033—1100 p. Два главныхъ посланія: 1) шести епископовъ и 2) большаго Антіохійскаго собора даны и въ сборникѣ *Routh*, III, 289—299 и 303—313.

[4]) Даже малокритичный Mansi и тотъ, помѣщая письмо Діонисія къ Павлу, сопровождаетъ его рѣшительнымъ примѣчаніемъ Valesii, что письмо это falsa et supposita creditur. Впрочемъ, самъ-то Mansi, далѣе, беретъ его подъ свою защиту и ложнымъ, или ошибочнымъ считаетъ только указаніе на адресата; самый-же текстъ посланія признаетъ подлиннымъ. *Op. cit.* 1040, n. 1.

пріемъ: одни ихъ, болѣе или менѣе, признаютъ (Mansi, Routh, даже отчасти Harnack), другіе—довольно рѣшительно отвергаютъ (Pape и даже Bardenhewer) [1]. Но даже и признающіе, съ извѣстными ограниченіями, работу Turrian'a соглашаются съ ней лишь постольку, поскольку она опирается на Евсевія и другихъ древнихъ авторовъ, или, по крайней мѣрѣ, имъ не противорѣчитъ. Значитъ, чего-либо серьезно новаго и самостоятельно цѣннаго репродукція Turrian'a, во всякомъ случаѣ, не представляетъ. А такъ какъ она, кромѣ того, касается почти исключительно лишь внутренней стороны собора, т. е. самыхъ богословскихъ преній, нисколько не затрагивая внѣшне-исторической обстановки собора, которая насъ интересуетъ предпочтительно, то мы и вовсе не видимъ для себя нужды обращаться къ этой производной и искусственной композиціи, а предпочитаемъ имѣть дѣло съ подлиннымъ и оригинальнымъ матеріаломъ, т. е. прежде всего, съ текстомъ Евсевія, а затѣмъ—дополнительно и съ свидѣтельствами другихъ древне-церковныхъ авторовъ.

Первоисточникомъ всѣхъ свѣдѣній о третьемъ Антіохійскомъ соборѣ, осудившемъ Павла самосатскаго, является текстъ церковной исторіи Евсевія, сохранившей въ себѣ нѣсколько весьма цѣнныхъ фрагментовъ изъ того обширнаго посланія, которое было составлено отъ лица даннаго собора и разослано по другимъ главнымъ церквамъ. Посему къ этому авторитетнѣйшему источнику мы, прежде всего, и обратимся.

Первый фрагментъ, сохраненный Евсевіемъ, воспроизводитъ намъ самое начало соборнаго посланія, его заголовокъ, который читается такъ: „посланіе Діонисію, Максиму и всѣмъ сослужителямъ нашимъ во вселенной, епископамъ, пресвитерамъ и діаконамъ, всей поднебесной вселенской церкви—Еленъ, Именей, Ѳеофилъ, Ѳеотекнъ, Максимъ, Проклъ, Никомасъ, Эліанъ, Павелъ, Воланъ, Протогенъ, Іераксъ, Евтихій, Ѳеодоръ, Малхіонъ и прочіе епископы, пресвитеры и діаконы ближайшихъ къ намъ городовъ и народовъ и церкви Божіи—возлюбленнымъ о Господѣ братіямъ желаемъ здравія" [2]). Прокомментируемъ этотъ отрывокъ. Онъ имѣетъ для насъ огромную важность и является настоящимъ ключемъ къ собору, такъ какъ ясно указываетъ кому и кто

[1]) Лучшая научная защита ихъ, хотя очень осторожная и условная дана *Ad. Harnack*'омъ „Geschichte d. Altchristl. Litteratur" I, II, 550—524. И еще „Die Chronologie d. altchristl. Litteratur" II, 135—138. А наиболѣе серьезная критика ихъ принадлежитъ ученому католическому патрологу *O. Bardenhewer*'у „Geschichte der altkirchlichen Litteratur" II, 234—235.

[2]) *Euseb.* VII, 30, 2, 706. *Eccles.* VII, XXX, 449 стр.

писалъ, т. е. опредѣленно называетъ видныхъ современниковъ собора и его главныхъ участниковъ. Изъ числа современниковъ собора—адресатовъ посланія названы только два, но зато самыхъ главныхъ епископа—представители церквей запада и востока: *Діонисій Римскій* и *Максимъ Александрійскій*. Оба этихъ имени, въ особенности, послѣднее имѣютъ крайне важное значеніе для установки точной хронологической даты собора, въ чемъ мы будемъ имѣть возможность фактически убѣдиться нѣсколько ниже. Независимо отъ сего, они лишній разъ и очень вѣско подтверждаютъ уже давно хорошо извѣстный намъ важный обычай изъ практики древнихъ церковныхъ соборовъ—разсылать свои посланія, съ болѣе или менѣе подробнымъ изложеніемъ обстоятельствъ спорнаго дѣла и съ надлежащей мотивировкой принятаго на соборѣ его рѣшенія, по епископамъ другихъ церквей, въ особенности такихъ, которые стояли во главѣ цѣлыхъ большихъ областей (Римъ, Александрія, Антіохія, Кесарія-Каппадокійская, Карѳагенъ и проч.). Послѣднее дѣлалось сколько изъ почтенія къ личности самихъ этихъ епископовъ, столько-же, или даже еще больше, изъ уваженія къ достоинству занимаемыхъ ими каѳедръ, а также и въ разсчетѣ на болѣе широкую публикацію ихъ такихъ крупныхъ центровъ и самихъ соборныхъ опредѣленій.

Изъ числа составителей посланія—участниковъ послѣдняго антіохійскаго собора—вступительное обращеніе опредѣленно называетъ шестнадцать лицъ, которые, судя по прецеденту [1]), были наиболѣе видными и активными его членами. То были: Еленъ—еп. Тарса, Именей,—еп. Іерусалима, Ѳеотекнъ—Кесаріи-Палестинской, Максимъ—Бостры, Никомасъ—Иконіи, а также епископы неизвѣстныхъ церквей—Ѳеофилъ, Эліанъ, Павелъ, Воланъ, Протогенъ, Гераксъ, Евтихій, Ѳеодоръ и два антіохійскихъ пресвитера—Малхіонъ и Лукій (Лукіанъ?) Прежде всего, само собою напрашивается сравненіе этого новаго соборнаго списка 16-ти со спискомъ 8-ми отъ перваго Антіохійскаго собора противъ Павла самосатскаго. Оба этихъ списка являются только, такъ сказать, примѣрными, а отнюдь не исчерпывающими, какъ это видно изъ сопроводительной ремарки къ одному изъ нихъ [2]). Однако-же списокъ третьяго собора ровно вдвое длиннѣе списка перваго собора, чѣмъ, хотя и молчаливо, но какъ будто-бы все-же дается понять, что и общее число присутствовавшихъ на послѣднемъ противъ Павла соборѣ (третьемъ Антіохійскомъ) было гораздо больше, чѣмъ на первомъ. Невыгодное отличіе второго, болѣе длиннаго списка, по сравненію съ первымъ, состоитъ въ томъ, что списокъ 16-ти даетъ лишь имена, безъ указанія каѳедръ, каковое указаніе для насъ всегда особенно важно. Этотъ существенный недостатокъ отчасти восполняется спискомъ 8-ми, благодаря которому мы получаемъ возможность пріурочить къ опредѣленнымъ каѳедрамъ пять епископовъ второго списка: Елена—къ Тарсу, Именея—къ Іерусалиму, Ѳеотекна—къ Кесаріи-палестинской, Максима—къ Бострѣ и Никомаса—къ Иконіи. Изъ перваго, болѣе краткаго списка не вошли во второй еще три имени—Фирмиліана Кесаріи каппадокійской и двухъ понтійскихъ епископовъ—братьевъ Григорія и Аѳинодора. О Фирмиліанѣ мы опредѣленно знаемъ, что онъ скончался на пути въ Антіохію, въ г. Тарсѣ [1]); а о Гр. Чудотворцѣ и его братѣ Аѳинодорѣ лишь предположительно можемъ судить, что и они къ этому времени уже успѣли скончаться [2]). Кромѣ пяти уже названныхъ епископскихъ именъ, во второмъ спискѣ легко опредѣлимы и еще два послѣднихъ имени: Малхіонъ и Лукій. Пресвитеръ Малхіонъ—фигура хорошо извѣстная. Лукій-же, вѣроятно, ближайшій сподвижникъ Малхіона, и тоже пресвитеръ антіохійской церкви [3]). Что онъ — не епископъ, это доказывается уже однимъ тѣмъ, что онъ помѣщенъ послѣ пресвитера. Слѣдовательно, онъ могъ быть или тоже пресвитеромъ, или даже діакономъ. Полагаютъ, что это былъ вліятельный въ послѣдствіи пресвитеръ антіохійской церкви—Лукіанъ, преемникъ Малхіона по риторскому училищу, глава антіохійской школы и учитель цѣлаго ряда церковныхъ писателей и дѣятелей такъ назыв. „солукіанистовъ“ [4]). Остальные-же девять именъ, несомнѣнно, принадлежали епископамъ (такъ какъ они поставлены выше самаго крупнаго изъ дѣйствовавшихъ на соборѣ пресвитеровъ—Малхіона) и, вѣроятнѣе всего—предстоятелямъ сравнительно сосѣднихъ сирско-палестинскихъ церквей.

[1]) *Euseb.* VII, 28, 1, 702. *Евсев.* VII. XXVIII, 447 стр.

[2]) *Евсев.* VII. XXVIII, 446: „нетрудно-бы насчитать множество и другихъ собравшихся тогда по сему дѣлу... Но наиболѣе славившіеся были именно эти. *Euseb.* VII, 28, 2; 702.

[1]) *Евсев.* VII, XXX, 449: „Фирмиліанъ... спѣшилъ опять достигнуть Антіохіи и уже доѣхалъ до Тарса, но между тѣмъ, какъ мы собрались, приглашали его и ожидали, скончался“. *Euseb.* VII, 30, 5, 706—708.

[2]) *O. Bardenhewer* II: 274—275. По Suidas Григорій Чудотворецъ скончался въ гоненіе Авреліана (270—275). Но *Harnack* этому извѣстію цѣны не придаетъ. ChAL, II, 97.

[3]) Опору для сего даетъ и *Руфинъ*, который въ текстѣ Евсевія, послѣ словъ Малхіонъ и Лукій сдѣлалъ вставку—„presbyteri“—VII, 30, 2, 707.

[4]) *Συλλουκιανιστά*—выраженіе Арія въ письмѣ къ Евсевію Никомид. *Epiph.* Haeres. 69, 6. *Theodor.* Hist. eccl. I, 4.

Послѣ такого именнаго перечня слѣдуетъ характерное общее указаніе: „и прочіе епископы, пресвитеры и діаконы ближайшихъ къ намъ городовъ и народовъ *(παροικοῦντες τὰς ἐγγυς πόλεις καὶ ἔθνη)* и церкви Божіей *(καὶ αἱ ἐκκλησίαι τοῦ θεοῦ)*—возлюбленнымъ о Господѣ братьямъ радоваться“ [1]). Изъ этой небольшой приписки, подобно тому, какъ изъ изъ анализа епископскихъ каталоговъ карѳагенскихъ соборовъ, мы ясно видимъ, что на каждомъ церковномъ соборѣ, прежде всего и больше всего, концентрировалось мѣстное провинціально-церковное представительство т. е. епископатъ сосѣднихъ съ метрополемъ мѣстечекъ и городовъ и клиръ мѣстной церкви метрополя, въ лицѣ его пресвитеровъ и діаконовъ.

Нельзя не отмѣтить также и той весьма важной черты настоящаго посланія, что въ немъ церковное представительство клира выступаетъ особенно отчетливо и рѣзко. О представительствѣ этомъ выразительно упоминается дважды: и при указаніи адресатовъ, и при перечисленіи авторовъ соборнаго посланія. Причемъ, въ томъ и другомъ случаѣ представительство отъ клира не ограничивается рамками какой-либо одной церкви, напр. антіохійской; нѣтъ, оно ясно и опредѣленно носитъ „вселенскій характеръ“, *(„καὶ τοῖς κατὰ τὴν οἰκουμένην πᾶσιν συλλειτουργοῖς ἡμῶν ἐπισκόποις καὶ πρεσβυτέροις καὶ διακόνοις)*. Поэтому, мы, напримѣръ, несовсѣмъ согласны съ Routh, который находитъ, что изслѣдуемое нами предисловіе написано совершенно въ планѣ извѣстнаго proemii Кипріана къ Sententiae episcoporum (*Annot.* 334 p.). Здѣсь сходство—чисто внѣшнее. По существу-же дѣла—на лицо крупное различіе. На западѣ, какъ намъ хорошо извѣстно, соборное представительство клира ограничивалось лишь рамками мѣстной, преимущественно, метрополичьей церкви. А главное — формулировка соборныхъ каноновъ и редакція соборныхъ посланій принадлежали однимъ только епископамъ (примѣръ—Sententiae episcorum). Здѣсь же, въ предисловіи къ посланію Антіохійскаго собора мы видимъ значительно бо́льшее, а именно: и представительство другихъ клириковъ, кромѣ антіохійскихъ (хотя во второмъ указаніи оно ограничено лишь ближайшими селеніями и городами) и, самое важное—наблюдаемъ ихъ непосредственное участіе въ составленіи соборнаго посланія. Въ силу этого, мы готовы усмотрѣть въ Антіохійскомъ посланіи родство не съ современными западными, а съ болѣе древними восточными соборами, въ частности, даже съ т. н. „апостольскимъ декретомъ“ Іерусалимскаго собора (Дѣян. XV, 22—23). Попутно

[1]) *Euseb.* 30, 2, 706. *Евсев.* VII, XXX, 448.

и вообще позволяемъ себѣ отмѣтить, что востокъ и западъ не вполнѣ одинаково относились къ соборному участію клира: на западѣ епископатъ раньше созналь себя, какъ привеллигированное ordo; на востокѣ-же отношенія епископа къ клиру дольше сохраняли свою патріархальную непосредственность и близость.

Второй отрывокъ соборнаго посланія, сохраненный Евсевіемъ, взятъ имъ также почти изъ самаго начала и содержитъ въ себѣ слѣдующее: „извѣщали мы также и приглашали къ себѣ, для увраченія смертоноснаго ученія, многихъ отдаленныхъ епископовъ *(πολλοὺς καὶ τῶν μακρὰν ἐπισκόπων)*, какъ-то: блаженной памяти *(τοὺς μακαριτάς)* Діонисія Александрійскаго и Фирмиліана каппадокійскаго. Изъ нихъ одинъ, отсылая посланіе въ Антіохію, начальника заблужденія не удостоилъ и привѣта, и писалъ не на его имя, а ко всей церкви, списокъ съ чего *(ἧς καὶ τὸ ἀντίγραφον)* мы прилагаемъ. Другой—Фирмиліанъ пріѣзжалъ даже два раза и отвергъ нововведеніе Павла, какъ это знаемъ и свидѣтельствуемъ мы, при семъ присутствовавшіе, а также и многіе другіе“ [1]). Въ приведенномъ фрагментѣ обращаетъ на себя вниманіе косвенное указаніе на экстраординарный характеръ антіохійскихъ соборовъ и ихъ расширенный и увеличенный объемъ, что вытекаетъ изъ приглашенія даже и „отдаленныхъ епископовъ“. Слѣдовательно, Антіохійскіе соборы по дѣлу Павла самосатскаго были гораздо шире по объему обычныхъ сосѣдне-провинціальныхъ соборовъ, потомучто на нихъ, кромѣ сосѣднихъ провинцій, присутствовали представители и болѣе отдаленныхъ; да и общее число ихъ участниковъ описывается въ такихъ терминахъ, которые ясно говорятъ о незаурядномъ объемѣ Антіохійскихъ соборовъ („пастыри устремились со всѣхъ концовъ“, „ихъ было весьма много“, такъ что даже „трудно было и пересчитать“) [2]). Попутно выдѣлимъ изъ этого фрагмента и еще два фактическихъ указанія: первое—что еп. Діонисій александр. прислалъ антіохійской паствѣ письмо, очевидно, неблагопріятное для еп. Павла, а второе—что соборъ включилъ это письмо въ свои дѣянія.

[1]) *Euseb.* VII, 30, 3, 706 s. *Евсев.* VII, XXX, 449. Конца этого фрагмента мы здѣсь не помѣщаемъ, такъ какъ уже приводили его выше.

[2]) Послѣдующіе церковные писатели пытаются дать даже точную цифру присутствовавшихъ на послѣднемъ соборѣ епископовъ. Св. Аѳанасій александрійскій говоритъ о 70 еп. (De Synod. Arim. et Seleuc.), а Иларій Пиктавійскій о 80 еп. (De Synodis). Монахъ-же Василій въ актахъ четвертаго вселенскаго собора говоритъ даже о 180. Но такое преувеличенное показаніе считаютъ явной ошибкой переписчика и держатся обыкновенно средней цифры Иларія. См. подробности объ этомъ у насъ ниже.

Третьяго, самаго большого изъ занесенныхъ Евсевіемъ въ свою исторію фрагментовъ изъ соборнаго посланія мы излагать и комментировать здѣсь не будемъ, такъ какъ онъ почти исключительно касается личной характеристики еп. Павла, а не интересующихъ насъ вопросовъ соборной организаціи и дѣлопроизводства. Да къ тому-же, довольно подробное знакомство съ этимъ фрагментомъ мы уже имѣли выше, при характеристикѣ личности Павла и возведенныхъ на него обвиненій, равно какъ вернемся къ нему еще и ниже.

Переходимъ прямо къ четвертому и послѣднему фрагменту, содержащему въ себѣ заключительное опредѣленіе собора. „Итакъ мы вынуждены были *(ἠναγκάσθημεν οὖν*, igitur neccessarium *visum est*—Rufin.) отлучить этого неуступчиваго противника Богу, и вмѣсто него, по Божію, какъ мы увѣрены, промышленію, поставить епископомъ каѳолической церкви другаго—сына славно управлявшаго тою-же епархіей, предшественника того, (т. е. Павла) блаженнаго Димитріана—Домна, украшеннаго всѣми потребными для епископа дарами. Извѣщаемъ-же васъ также и для того, чтобы вы ему писали и отъ него приняли общительныя грамматы *(τὰ κοινωνικὰ γράμματα)*. А тотъ пусть пишетъ Артемѣ и пусть артемино мысляще съ нимъ и общаются“ [1]). Въ этомъ заключительномъ актѣ собора характерна implicite проведенная въ немъ мысль о спеціальномъ божественномъ внушеніи, руководившемъ дѣйствіями отцовъ собора (избраніемъ Домна, а слѣдовательно и предварительнымъ освобожденіемъ для него антіохійской каѳедры, чрезъ деградацію Павла самосатскаго). Особенно типиченъ въ данномъ случаѣ латинскій текстъ Руфина, съ его, столь знакомой намъ стереотипно-соборной формулой „visum est“. Знаменательно, далѣе, обозначеніе антіохійской церкви не какъ частной и мѣстной, а какъ общей, вселенской церкви *(καθολικὴ ἐκκλησία)*. Каждая отдѣльная церковь считала себя, слѣдовательно, живой составной частью всего организма вселенской, соборно-апостольской церкви, или даже смотрѣла на себя, какъ на полное отображеніе всей Христовой церкви [2]), что, разумѣется, возможно было только при наличности жи-

[1]) *Ключев.* VII, 30, 17, 712 s *Евсев.* VII, XXX, 453—454 стр.

[2]) По сознанію древнихъ христіанъ, каждая мѣстная церковь отображала въ себѣ всю вселенскую церковь, только, такъ сказать, въ различномъ масштабѣ: подобно тому, какъ, напр. одинъ и тотъ-же солнечный дискъ, по-своему отражается и въ цѣломъ морѣ воды, и въ любомъ наполненномъ ею сосудѣ и даже въ каждой мельчайшей ея каплѣ. Въ этомъ мы усматриваемъ новое и весьма вѣское подтвержденіе принятаго нами взгляда *Sohm*'а на соотношеніе вселенской и мѣстной экклессіи. *См. выше,* стр. 473 и сл.

вого, единаго, проникающаго все множество частныхъ помѣстныхъ церквей, соборно-вселенскаго духа.

Изъ болѣе частныхъ пунктовъ соборнаго опредѣленія, хотя и неимѣющихъ прямого отношенія къ нашей темѣ, но любопытныхъ въ церковно-истерическомъ смыслѣ, заслуживаетъ упоминанія, во-первыхъ, то, что епископы бывали тогда и людьми семейными и что принципъ извѣстной наслѣдственности ихъ служенія, повидимому, даже поощрялся: сынъ прославившагося своими заслугами епископа („блаженнаго Димитріана“) уже по одному этому получалъ преимущественное благоволеніе у мѣстной паствы, невольно переносившей свои симпатіи съ отца и на его сына (еп. Домна). Лишній разъ можно также подчеркнуть и то, въ какомъ широкомъ ходу были тогда, такъ называемыя, „общительныя грамматы“, или грамматы мира, которыми обмѣнивались древнія церкви между собой во всѣхъ, наиболѣе важныхъ случаяхъ ихъ жизни, въ особенности, при смѣнѣ руководителей церкви—ихъ епископовъ. Наряду съ соборами онѣ являлись однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ и могучихъ средствъ для поддержанія живой вселенской связи всѣхъ помѣстныхъ церквей и укрѣпленія ихъ взаимной солидарности [1]).

Въ дополненіе къ подлиннымъ фрагментамъ третьяго, или большаго Антіохійскаго собора противъ Павла самосатскаго краткое сообщеніе объ его эпилогѣ дѣлаетъ отъ себя уже самъ Евсевій. Онъ именно, говоритъ о томъ, что Павелъ, когда его дѣло было окончательно проиграно на соборѣ, проявилъ вызывающую дерзость и упорство. Опираясь, очевидно, на партію немалыхъ своихъ сторонниковъ изъ среды народа и духовенства, а главное на могущественную поддержку пальмирской царицы Зиновіи, Павелъ отказался признать состоявшійся надъ нимъ приговоръ соборнаго суда, продолжалъ считать себя правящимъ епископомъ Антіохіи и даже по прежнему оставался жить въ епископскомъ домѣ. Всѣ протесты вновь избраннаго соборомъ законнаго епископа Домна оставались безуспѣшны и въ Антіохіи наступилъ настоящій епископскій расколъ, наподобіе римской схизмы Каллиста и Ипполита, или Корнелія и Новаціана. Такое неопредѣленно тяжелое положеніе антіохійской церкви продолжалось до тѣхъ поръ, пока римскій импе-

[1]) Съ подлиннымъ историческимъ матеріаломъ о такихъ „грамматахъ“ мы неоднократно встрѣчались выше, см. напр. въ предыдущей главѣ споръ Корнелія съ Новаціаномъ, стр. 420 и сл. А также статью *Funk*'а „Die Bischofswahl im christlichen Altertum und im Anfang des Mittelalters“, Kircheng. Abhandlungen und Untersuchungen, I, 23—39 s. и брошюру *Th. Zahn*'а „Weltverkehr und Kirche während der drei ersten Jahrhunderte“. Hannover, 1877.

раторъ Авреліанъ не положилъ конца пальмирской авантюрѣ, что произошло около 272 года [1]). Партія православныхъ антіохійцевъ обратилась тогда къ императору Авреліану съ просьбой выселить низложеннаго епископа Павла изъ незаконно занимаемаго имъ церковнаго дома. И римскій императоръ-язычникъ остроумно рѣшилъ споръ въ пользу того изъ двухъ тяжущихся христіанскихъ епископовъ, сторону котораго поддерживаютъ итальянскіе и римскіе епископы, т. е. слѣдовательно, въ пользу еп. Домна. „Тогда-то—отмѣчаетъ Евсевій, вышеупомянутый мужъ (т. е. Павелъ самосатскій) съ величайшимъ стыдомъ, изгнанъ былъ изъ церкви мірскою властію“ [2]).

Весь этотъ дополнительный разсказъ Евсевія о послѣдствіяхъ большого Антіохійскаго собора интересенъ для насъ въ двоякомъ отношеніи. Во-первыхъ, онъ даетъ новое и довольно убѣдительное доказательство тому, ранѣе выраженному нами положенію, что карьера Павла самосатскаго, со всѣми ея удачами и неудачами, въ очень сильной степени обязана была и его общественно-политической программѣ. Онъ являлся консерваторомъ-націоналистомъ, а потому сторонникомъ пальмирской партіи и противникомъ римской. А такъ какъ обѣ этихъ партіи, обычно, интриговали и боролись между собою, то слѣды этой борьбы ясно сказывались и на судьбѣ Павла: сильна была пальмирская партія и Павелъ чувствовалъ себя господиномъ положенія, даже невзирая и на низложеніе его соборомъ; но стоило только этой партіи проиграть свою политическую ставку и участь Павла была рѣшена. Причемъ, особенно характерно, что рѣшеніе его судьбы было отдано на третейскій судъ, именно, Италіи и Рима, т.-е. съ точки зрѣнія Авреліана предоставлено партіи римскихъ христіанъ.

Безотносительное-же къ судьбѣ Павла самосатскаго, обращеніе антіохійскихъ христіанъ къ императору Авреліану знаменательно тѣмъ, что это—первый случай вмѣшательства свѣтской, императорской власти во внутреннюю жизнь христіанской церкви. Вмѣшательство это было сдѣлано по просьбѣ самой-же церкви, и съ практически-утилитарной точки зрѣнія оказалось для нея полезнымъ. Но разсматриваемое чисто принципіально, оно было всеже нарушеніемъ внутренней автономіи христіанской церкви, тѣмъ историческимъ прецедентомъ, который какъ-бы открывалъ собою дверь для доступа въ церковь мірской, полицейско-принудительной силы, принесшей немало зла и горя церкви (при-

[1]) *Моммсенъ* „Римская исторія“, т. 5, стр. 430.

[2]) *Euseb.* VII, 30, 19, 714: *„οὗτο δῆτα ὁ προδηλωθεὶς ἀνὴρ μετὰ τῆς ἐσχάτης αἰσχύνης ὑπὸ τῆς κοσμικῆς ἀρχῆς ἐξελαύνεται τῆς ἐκκλησίας“. Евсев.* VII, XXX, 454.

помнимъ хотя-бы различные „энотиконы“ и „типосы“ въ эпоху монофизитскихъ и монофелитскихъ смутъ, или гоненія на православіе со стороны императоровъ-иконоборцевъ).

Мы не отмѣтили-бы одной изъ самыхъ важныхъ отличительныхъ особенностей большого Антіохійскаго собора, если-бы прошли молчаніемъ и тотъ цѣнный историческій матеріалъ, который предлагаетъ Евсевій въ другомъ мѣстѣ своей исторіи, именно, въ предыдущей 29-ой главѣ той-же книги, гдѣ мы находимъ слѣдующее: „Около этого времени (т.-е. времени смѣны римскихъ императоровъ Галліена и Клавдія) составился послѣдній соборъ изъ весьма многихъ епископовъ. На немъ основатель антіохійской ереси былъ совершенно обнаруженъ, всѣми уже ясно обличенъ въ неправославіи и отлученъ (*ἀποκηρύττεται*) отъ вселенской поднебесной церкви“. Здѣсь еще нѣтъ ничего новаго, если не считать довольно туманнаго хронологическаго указанія: „около того времени“, т.-е. судя по концу предыдущей 28-й главы, времени смѣны императоровъ Галліена, Клавдія и Авреліана, и даже какъ будто-бы съ наклономъ ко времени послѣдняго, т.-е. императора Авреліана, что даже и ошибочно, такъ какъ императоръ Авреліанъ занялъ престолъ не раньше половины 270 года, а соборъ состоялся не позже конца 269 года [1]).

Кстати, попытаемся здѣсь болѣе точно установить дату послѣдняго Антіохійскаго собора противъ Павла. Въ нашемъ распоряженіи имѣются для этой цѣли слѣдующіе синхронистичные собору факты и относящіеся сюда матеріалы: смерть еп. Фирміліана, смерть римскаго еп. Діонисія, разцвѣтъ могущества пальмирской царицы Зиновіи, кратковременный епископатъ Домна и поставленіе ему преемника, въ лицѣ еп. Тимея, наконецъ, показанія древнихъ епископскихъ хроникъ объ общей продолжительности правленія Павла самосатскаго. Не всѣ перечисленные факты одинаковаго достоинства и значенія. Такъ, смерть еп. Фирміліана и поставленіе еп. Домна обыкновенно и сами опредѣляются по соборному низложенію еп. Павла—первая, какъ фактъ непосредственно ему предшествующій, второе, какъ обстоятельство тотчасъ-же за нимъ послѣдовавшее. Наиболѣе твердо установлена дата смерти одного изъ адресатовъ соборнаго посланія,—именно, римскаго еп. Діонисія, скончавшагося 26 декабря 268 г. [2]). А такъ какъ со-

[1]) *Euseb.* VII, 29, 1, 704. *Евсев.* VII, XXIX, 447. По свидѣтельству Моммсена, Авреліанъ занялъ престолъ умершаго римскаго императора Клавдія около половины 270 года. „Рим. исторія“—427 стр.

[2]) *Ad. Harnack:* „Dionysius v. Rom. ist am 26 Dec. 268 gestorben“. Die Chro-

боръ обращается къ нему, какъ къ еще здравствующему папѣ, то, заключаетъ Harnack, самый соборъ мы должны, слѣдовательно, самое позднее, отнести на конецъ 268 года [1]). Затѣмъ, очень устойчивой оказывается цифра общей продолжительности законнаго епископата Павла въ Антіохіи, которую всѣ древнѣйшіе „епископскіе листы“ (ältesten Bischofslisten) согласно опредѣляютъ въ восемь лѣтъ [2]). А такъ какъ Павелъ занялъ каѳедру, насколько извѣстно, около 260 г., то слѣдовательно, присоединивъ цифру 8, мы получаемъ опять тотъ-же 268 г., какъ годъ его низложенія соборомъ, который, слѣдовательно, долженъ имѣть мѣсто въ томъ-же 268 году. Основываясь на всемъ этомъ, проф. Harnack категорически и заявляетъ, что „антіохійскій соборъ, на которомъ Павелъ былъ низложенъ, происходилъ не позже, какъ въ 268-мъ году“. Признавая за мотивировкой Harnack'а извѣстную степень убѣдительности, мы все-же не считаемъ ее безспорной, такъ какъ главный фактическій аргументъ, на которомъ она зиждется—смерть Діонисія римскаго, не имѣетъ въ нашихъ глазахъ того значенія, какое, очевидно, придаетъ ему самъ Harnack. Мы-же считаемъ вполнѣ возможнымъ, что если Антіохійскій соборъ происходилъ въ началѣ 269 г., то вѣсть о смерти Діонисія римскаго, послѣдовавшей въ самомъ концѣ предыдущаго года, свободно могла еще не дойдти до собора и онъ bona fide могъ адресовать свое посланіе къ уже умершему адресату [3]). Такъ что какихъ либо принудительно обязательныхъ мотивовъ отступать отъ традиціонной даты собора (269 г.) [4])

nologie... I, 205. Ср. *Langen*: Er (Dionysius) regierte bis zu Ende des J. 268. Not. 1. Der Liberianische Chronist bezeichnet den 27 December als seinen Depositionstag“. *Op. cit.* 353.

[1]) *Ad. Harnack:* „Somit fällt diese (Antiochenische) erste Synode warscheinlich in das J. 263 oder 264. Die letzte kann nicht später fallen als 268“. Die Chronologie... I, 216.

[2]) Мы имѣемъ здѣсь въ виду, главнымъ образомъ, ту сводную таблицу, составленную по пяти хронографамъ, какую даетъ намъ Harnack въ своей хронологіи „Nacheuseb. orientalische Bischofslisten. Die Antiochenische“. Die Chronologie, s. 95.

[3]) Поддержку для своей догадки находимъ мы у *J. Langen*'а, который также выражаетъ сомнѣніе, получилъ-ли папа Діонисій посланіе антіохійцевъ? И во всякомъ случаѣ онъ находитъ, что ссылка Hefele, Caspari (а также, добавимъ мы, и Harnack'а) на Euseb. VII, 30 далеко еще не достаточно, чтобы отвѣчать на этотъ вопросъ утвердительно. Op. cit., 365—366 s. и n. 1.

[4]) Наиболѣе точную дату пытается установить *Tillemont*: „et le dernier (concile) qui la termina à la fin de 269, ou fort peu apres“. Op. cit. III, 296. Съ такой датой, по его мнѣнію, вполнѣ согласуется и показаніе актовъ 3-го вселенскаго собора (430 г.), гдѣ говорится, что лжеученіе Павла самосатскаго соборно изобличено было 160 л. тому назадъ. *Ibid.* 297.

мы не видимъ и предпочитаемъ держаться, именно ея, тѣмъ болѣе, что она и даетъ больше удобствъ въ размѣщеніи двухъ предыдущихъ антіохійскихъ соборовъ и, хотя только на годъ, но все-же сокращаетъ тяжелый для антіохійской церкви періодъ полнаго, соблазнительнаго раскола (до 272 г.).

Но возвратимся снова къ тексту Евсевія и отмѣтимъ у него слѣдующее: „не смотря на скрытность Павла, особенно опровергъ и обличилъ его Малхіонъ, мужъ ученѣйшій, начальникъ одного греко-софистическаго училища въ Антіохіи, за выдающуюся (*διὰ ὑπερβάλλουσαν*) вѣру въ Христа удостоенный даже пресвитерства въ мѣстной церкви. Онъ-же, вступивъ съ Павломъ въ преніе, которое, какъ записали его скорописцы (*ταχύγραφοι*= стенографы), сохранилось донынѣ, одинъ только изъ всѣхъ оказался въ состояніи (*μόνος ἴσχυσεν τῶν ἄλλων*) обнаружить мысли этого скрытнаго и обманчиваго человѣка“ [1]). Здѣсь, какъ видимъ, идетъ рѣчь о главномъ виновникѣ побѣды православныхъ надъ Павломъ самосатскимъ, или, выражаясь ближе къ духу и тону подлиннику, его уловленія на словахъ. До сихъ поръ, на обоихъ предшествующихъ соборахъ ортодоксальные члены собора, хотя и чувствовали неправославіе Павла, но не могли изобличить его въ этомъ съ безспорной для всѣхъ убѣдительностью. Павлу, какъ человѣку видимо образованному, а главное—изощренному въ словесныхъ препирательствахъ и спорахъ удавалось искусно маскировать еретичность своихъ взглядовъ и обезоруживать своихъ противниковъ. Но вотъ теперь епископу Павлу съ его софистическими уловками былъ противопоставленъ пресвитеръ Малхіонъ, человѣкъ высокообразованный и бывшій начальникомъ антіохійскаго философско-софистическаго училища. Ему-то, наконецъ, и удалось путемъ своей блестящей діалектики разоблачить предъ отцами собора все неправославіе Павла и избавить антіохійскую церковь отъ епископа-еретика.

Изъ этого, весьма категоричнаго свидѣтельства Евсевія видно, что пресвитеръ Малхіонъ игралъ выдающуюся роль на соборѣ, былъ главной активной его силой, или, выражаясь по современному, являлся лидеромъ собора: онъ велъ главный диспутъ съ Павломъ, онъ организовалъ точную запись этого диспута своими стенографами, онъ уличилъ Павла въ еретичности и онъ-же, по словамъ бл. Іеронима [2]), редактировалъ самый текстъ посланія собора. Однимъ словомъ, пресвитеръ Малхіонъ фактически являлся

[1]) *Euseb.* VII, 29, 2, 704. *Евсев.* VII. XXIX, 447—448.

[2]) *Hieron.:* „sed et alia grandis epistola ex persoui synodi al eo (Malchion) scripta“. De vir. illustr. c. LXXI.

если и не предсѣдателемъ собора, то во всякомъ случаѣ, самой видной и крупной его фигурой. А это, разумѣется, немогло косвенно не свидѣтельствовать и, вообще, о довольно замѣтной роли пресвитерата на данномъ соборѣ, въ особенности, если учесть прокомментированныя нами ранѣе указанія посланія на „пресвитеровъ и діаконовъ“ [1]). Правда, пресвитеръ Малхіонъ на Антіохійскомъ соборѣ, какъ раньше и пресвитеръ Оригенъ на Бострійскомъ—личности совершенно исключительныя и какой-либо общей нормой для роли пресвитерата на соборахъ, они конечно, служить не могутъ. Но симптоматично ужъ и то, что такіе ученые пресвитеры-эксперты появляются почему-то только лишь на восточныхъ соборахъ, тогда какъ на западныхъ мы не видимъ ничего подобнаго. Что это?—дѣло-ли простого случая, или характерный показатель нѣкотораго различія въ соборной практикѣ—категорически рѣшать не беремся. Однако все-же замѣтимъ, что второе предположеніе имѣетъ на своей сторонѣ сравнительно больше объективныхъ историческихъ шансовъ [2]).

Такова, въ цѣломъ, версія Евсевія (и самаго собора) о судѣ и приговорѣ надъ антіохійскимъ еп. Павломъ самосатскимъ. Относясь къ ней съ подобающимъ уваженіемъ и должнымъ довѣріемъ, мы все-же не можемъ не констатировать ея довольно близкой аналогіи съ предшествующей, исключительно мрачной характеристикой Павла, по тому-же Евсевію [3]). Какъ раньше тамъ, также точно и здѣсь теперь еп. Павелъ рисуется какимъ-то хитрымъ обманщикомъ и изворотливымъ интриганомъ, который постоянно лжетъ, хитритъ, двоедушничаетъ, даетъ ложныя обѣщанія, притворно раскаивается и искусно скрываетъ свои настоящія убѣжденія, словомъ, всячески лицемѣритъ. Въ подобномъ изображеніи процесса соборнаго суда чувствуется нестолько голосъ подлинной, безпристрастной правды, сколько какая-то плохо замаскированная тенденція, или, во всякомъ случаѣ неполная и односторонняя правда. Очевидно и картину соборнаго суда надъ Павломъ окрасили все тѣ-же субъективныя вліянія, съ которыми мы познакомились и при характеристикѣ самой его личности. Необходимо поэтому вскрыть эти вліянія и по возможности корректировать ихъ для того, чтобы составить болѣе правильное и глубокое представленіе обо всемъ этомъ дѣлѣ.

[1]) *См. выше*, стр. 674 и слѣд.

[2]) О бо́льшей свободѣ „пресвитеровъ“ на Востокѣ, по сравненію съ Западомъ см. и у проф. *Болотова* „Лекціи... III, 163.

[3]) *См. выше*, стр. 661-ая и слѣд.

IV.

Заключительная характеристика всего дѣла Павла самос. Послѣдующіе отголоски его въ древне-церковной литературѣ.

Когда въ началѣ данной главы мы изслѣдовали вопросъ о приведенной у Евсевія характеристикѣ Павла самосатскаго и о мотивахъ начавшейся соборной оппозиціи противъ него, то совершенно самостоятельно пришли къ предположенію, что главной движущей пружиной всей этой исторіи послужило личное раздраженіе и недовольство Павломъ самосатскимъ, выходившее изъ среды антіохійскаго клира и объяснявшееся борьбой двухъ церковно-политическихъ партій—національно-сирійской и эллино-римской [1]). Вскорѣ послѣ того намъ пришлось познакомиться съ небольшой, спеціальной монографіей *P. Pape* „Die Synoden von Antiochien“, гдѣ, къ немалому своему удовольствію, мы встрѣтили развитіе и обоснованіе той-же самой руководящей точки зрѣнія на все это дѣло. Пользуясь подходящимъ случаемъ, мы и приведемъ теперь нѣсколько дополнительныхъ разсужденій Pape, которыя еще больше укрѣпятъ занятую нами позицію и помогутъ намъ объективнѣе и лучше вскрыть истинный характеръ Антіохійскихъ соборовъ противъ Павла, и въ надлежащемъ свѣтѣ представить себѣ поведеніе какъ самого Павла, такъ и всѣхъ его критиковъ и оппонентовъ.

Прежде всего, Pape совершенно опредѣленно различаетъ въ антіохійско-пальмирскомъ государствѣ того времени двѣ взаимно боровшихся партіи — національно-сирскую и эллинско-римскую. Принадлежность Павла къ первой изъ нихъ онъ аргументируетъ и самымъ его происхожденіемъ изъ восточной Сиріи (г. Самосата лежитъ на Евфратѣ, въ округѣ Коммагенѣ). „Восточная-же Сирія съ г. Едессой, какъ средоточіемъ духовной жизни, была и главнымъ опорнымъ пунктомъ (die Heimat—родиной, мѣстомъ происхожденія) національно-сирской жизни, въ противоположность почти вполнѣ эллинизированной (fast völlig hellenisierten) западной Сиріи, съ ея метрополемъ Антіохіей, гдѣ все было проникнуто печатью эллинизма“ [2]). Павелъ былъ виднымъ представителемъ первой, т. е. національно-

[1]) *См. выше*, стр. 658-ая и слѣд.

[2]) *Lic. theol. Paul Pape* „Die Synoden von Antiochien 264—269, 4 s. Berlin 1903. Wissenschaftliche Beilage zum Jahresbericht der Siebenten Realschule zu Berlin. Ostern 1903.

сирской партіи, которая въ эпоху пальмирскихъ владѣтелей взяла верхъ надъ римской партіей и въ Антіохіи, такъ что задавала тонъ всей мѣстной жизни. Самый выборъ Павла въ епископы антіохійскою церковью объясняется, по мнѣнію Pape, именно, его принадлежностью къ господствующей національно-сирійской партіи—къ партіи временнаго большинства. Но здѣсь-же лежитъ и источникъ оппозиціи противъ Павла, исходившей изъ партіи меньшинства—сторонниковъ греко-римскаго вліянія. Причемъ, здѣсь Pape дѣлаетъ и одно, очень важное дополненіе, ближе вводящее насъ въ самую суть разсматриваемой національно-церковной распри. Онъ говоритъ, именно, о томъ, что общая національно-политическая борьба осложнилась здѣсь спеціальнымъ церковнымъ расколомъ, который, хотя и не развился до степени открытаго сопротивленія еп. Павлу, тѣмъ не менѣе носилъ въ себѣ всѣ признаки глубоко затаеннаго недовольства имъ, выжидавшаго только удобнаго предлога для того, чтобы перейдти въ открытую оппозицію и борьбу.

Начало такой церковной оппозиціи, по взгляду Pape, было положено еще при самомъ выборѣ Павла во епископы (ок. 260 г.), когда боролись двѣ вышеназванныхъ общественно-политическихъ партіи. Кандидатомъ одной партіи (греко-римской) былъ, по всей вѣроятности, философски-образованный пресвитеръ Малхіонъ—начальникъ эллинско-риторскаго училища, а кандидатомъ другой (сирской) былъ Павелъ самосатскій. Національная партія собрала значительно бо́льшее количество голосовъ и провела, такимъ образомъ, своего кандидата на каѳедру. Кандидатъ-же римской партіи оказался въ меньшинствѣ и принужденъ былъ уступить позицію своему болѣе счастливому конкурренту [1]). Здѣсь Малхіонъ впервые проявилъ также и талантъ дальновиднаго практическаго дѣятеля. Онъ не повторилъ ошибки двухъ римскихъ антипапъ — Ипполита и Новаціана, бывшихъ, въ нѣсколько аналогичныхъ съ нимъ условіяхъ, но дѣйствовавшихъ болѣе необдуманно и импульсивно. Малхіонъ не сталъ опорочивать выборовъ Павла, не отдѣлился отъ него и не запятналъ себя расколомъ; по внѣшности, онъ какъ будто-бы даже вполнѣ примирился съ состоявшимся фактомъ и до поры до времени ни въ чемъ не обнаруживалъ своего затаеннаго недоброжелательства къ Павлу, тѣмъ

[1]) *Pape:* „und die Wahl des nationalgesinnten Paul... wenn nicht ausschliesslich, so doch zu grossen Theil durch politische Motive bestimmt... Die bei der Bischofswahl im Jahre 260 unterlegene Partei (Minorität mit Malchion in Spitze) hatte sich nur mit Wiederstreben dem Regiment des neuen Bischofs gefügt". *Op. cit.*, s. 4 и 9.

болѣе, не вступалъ съ нимъ въ открытую, неравную борьбу. Но по существу дѣла, Малхіонъ и вся предводимая имъ римско-церковная партія была крайне обижена нанесеннымъ ей пораженіемъ и затаила въ себѣ мечту о реваншѣ [1]). Съ этой цѣлью партія оппозиціи стала усиленно слѣдить за личной жизнью еп. Павла и всѣмъ его церковно-общественнымъ поведеніемъ, въ разсчетѣ собрать такимъ путемъ достаточный обвинительный противъ него матеріалъ. Въ результатѣ этого, вѣроятно, и получилась та, явно тенденціозная характеристика Павла самосатскаго, съ которой мы уже имѣли дѣло выше. Долгое время, однако, партія оппозиціи Павлу не имѣла почти никакого успѣха, тогда какъ, наоборотъ, положеніе его самого, видимо, становилось все тверже и прочнѣе. Послѣднее обстоятельство объяснялось, конечно, какъ общимъ антиримскимъ духомъ пальмирскаго владычества, такъ и личными качествами самого Павла—во-первыхъ, его виднымъ, гражданско-общественнымъ положеніемъ, а во вторыхъ, особыми пріемами вводимаго имъ церковно-богослужебнаго строя, симпатичнаго большинству клира и народа антіохійской паствы. О положеніи Павла, какъ вліятельнаго гражданскаго сановника мы уже достаточно сказали выше [2]); нѣкоторыя-же особенности-же его церковной тактики попытаемся раскрыть здѣсь.

Различіе греко-римскихъ и національно-сирскихъ взглядовъ, какъ мы уже неоднократно отмѣчали, чувствовалось положительно во всемъ. Проникло оно, разумѣется и въ сферу христіанско-церковной жизни, гдѣ выразилось въ различіи богословскихъ взглядовъ и церковныхъ обычаевъ. О разности теоретическаго богословствованія мы спеціально будемъ говорить нѣсколько позже; теперь-же скажемъ нѣсколько словъ о различіи вкусовъ въ области церковной практики. Довольно опредѣленное представленіе о немъ мы извлекаемъ изъ извѣстной уже соборной характеристики Павла, гдѣ ему вмѣняются въ вину, между прочимъ, такіе факты, какъ: 1) пышность церковнаго богослуженія, 2) живая, свободная проповѣдь, печуждавшаяся пріемовъ простонароднаго ораторства, 3) введеніе общаго церковнаго пѣнія, съ свободными собственными композиціями и 4) поощре-

[1]) *P. Pape:* „Da steht dem Bischof, dem seine Anhänger begeistert zujbeln, eine kleine, aber entschlossene Partei von verbissenen Feinden unter der Führung jenes Malchion gegenüber, die seiner Herrschaft hartnäckigen Wiederstand leisten". *Op. cit.* 5 s. Нѣкоторую ошибку Pape мы усматриваемъ въ томъ, что онъ, повидимому, допускаетъ болѣе активную, открытую оппозицію, тогда какъ, по нашему мнѣнію, она долгое время была совершенно скрытой и глухой.

[2]) *См. стр.* 658-ая и 662-ая.

ніе института „дѣвственницъ“. Въ евсевіевой характеристикѣ всѣ эти факты возведены въ значеніе огромныхъ преступленій Павла и, разумѣется, получили соотвѣтствующую сему окраску. Но, вѣдь, сами-то по себѣ они отнюдь не преступны—даже нетолько не предосудительны, а скорѣй похвальны, за исключеніемъ развѣ только перваго и послѣдняго фактовъ (архіерейской пышности и покровительства дѣвственницамъ), хотя даже и они, несомнѣнно, мотивировались самыми чистыми и благими побужденіями. И если, говоря безотносительно, можно еще спорить по поводу всѣхъ этихъ новшествъ и даже сомнѣваться въ ихъ соотвѣтствіи духу христіанскаго богослуженія и благоповеденія, то въ практической ихъ цѣлесообразности и въ популярности у большинства тогдашней антіохійской паствы едва-ли приходится даже и сомнѣваться. Дѣйствительно, въ характерѣ жителей востока, вообще, а сирійцевъ-семитовъ, въ частности и по преимуществу, лежитъ любовь къ пышности и декораціи, наклонъ къ пластикѣ и позѣ. Поэтому, имъ могла сильно импонировать и та декоративная пышная внѣшность, какой началъ окружать себя Павелъ; а также должны были придтись по вкусу и тѣ, въ сущности, довольно грубоватые, нелишенные даже комизма пріемы вульгарнаго ораторства, которые практиковалъ еп. Павелъ съ своей церковной каѳедры [1]. Еще больше должны были нравиться народу два другихъ пріема Павла—живая, свободная проповѣдническая рѣчь епископа и введенное имъ общецерковное пѣніе новыхъ, болѣе простыхъ и понятныхъ народу гимновъ [2]. Благодаря всѣмъ этимъ мѣрамъ,

[1] *Евсев.* VII, XXX, 450—451: „не упомянемъ и о его пышности въ церковныхъ собраніяхъ *(ἐκκλεσιαστικαῖς συνόδοις)*, которую онъ заботился выказывать въ своемъ славолюбіи и мечтательности, изумляя этимъ души неопытныхъ... онъ ударялъ себя рукой по бедру и топалъ ногами па каѳедрѣ, порицая и браня тѣхъ, которые не хвалили его, не махали платками, какъ на зрѣлищахъ, не вскрикивали и не вскакивали, вмѣстѣ съ поставленными нарочно вокругъ него мужчинами и женщинами—самыми непристойными его слушателями, но слушали благопристойно и скромно, какъ надлежитъ въ домѣ Божіемъ“. *Euseb.* VII, 30, 9—10, 708—710.

[2] *Тамъ-же*, 451: „объ отошедшихъ отъ жизни толкователяхъ слова *(ἐξηγητὰς τοῦ λόγου)* отзывался въ собраніи *(τῷ κοινῷ)* весьма дерзко, а о себѣ—въ выраженіяхъ очень хвастливыхъ, не какъ епископъ, а какъ софистъ и фиглярь... Среди церкви, въ великую пасху приказывалъ пѣть въ честь самого себя, и для того назначилъ женщинъ, которыхъ слушая, нельзя было не содрагаться. Подобнымъ образомъ позволялъ онъ бесѣдовать къ народу и льстившимъ ему епископамъ ближайшихъ селеній и городовъ *(ἐπισκόπους τῶν ὁμόρων ἀγρῶν*—предполагаютъ, что это были т. н. „хорепископы“. Но это еще не доказано: возможно, что это—епископы его провинціи) и пресвитерамъ. *Euseb.* Ibid. 710.

Павелъ, безъ сомнѣнія, былъ очень популяренъ въ огромной массѣ простаго вѣрующаго народа антіохійской паствы. Но онъ съумѣлъ также заслужить расположеніе и у большой части своего клира. Клиръ онъ привлекъ на свою сторону, конечно, не тѣми подкупами, въ которыхъ весьма недвусмысленно обвиняетъ Павла авторъ евсевіевой характеристики [1], даже не тѣмъ попустительствомъ, въ которомъ онъ дополнительно обвиняетъ Павла, а общимъ снисходительно-дружескимъ обращеніемъ съ нимъ и, въ особенности, сочувственнымъ отношеніемъ къ давно бытовавшему въ клирѣ обычаю совмѣстнаго сожительства клириковъ съ дѣвственницами [2]. Хотя съ половины 3-го вѣка обычай этотъ, видимо, началъ вырождаться и терять свой настоящій, дѣйствительный смыслъ, но по своему происхожденію, онъ очень древенъ, а по первоначальному своему замыслу достаточно цѣлесообразенъ и высокъ, почему древняя церковь за него такъ упорно и держалась [3]. Даже и тогда, когда институтъ этотъ уже значительно деморализовался и вызвалъ противъ себя борьбу такихъ архипастырей, какъ карѳагенскій епископъ Кипріанъ, онъ все-же былъ еще сильно распространенъ среди клира и энергично имъ отстаивался [4]. Нетрудно поэтому себѣ представить, при

[1] *Тамъ-же.* 450: „нынѣ онъ сталъ безмѣрно богатъ, посредствомъ беззаконій, святотатства и того, что вынудилъ у братій насиліемъ и угрозами, изгоняя съ безчестіемъ обиженныхъ и обѣщая помочь имъ за плату... слѣдовательно, считая вѣру за промыселъ“. *Euseb.* Ibid. 708.

[2] *Тамъ-же,* 452: „не скажемъ и о такъ называемыхъ антіохійцами сообщницахъ Павла, его пресвитеровъ и діаконовъ, которымъ (*οἷς*—слѣдовательно, клирикамъ) онъ помогалъ скрывать и этотъ, и другіе смертные грѣхи, зная ихъ и не обличивъ ихъ, чтобы такимъ образомъ эти люди были ему обязаны и, страшась за самихъ себя, не смѣли обвинять его, когда-бы онъ словомъ или дѣломъ нанесъ кому обиду. Павелъ даже обогатилъ ихъ, за что искатели подобныхъ благъ любили его и удивлялись ему *(φιλεῖται καὶ θαμάζεται*—доказательство любви и популярности Павла и среди членовъ мѣстнаго клира)“. *Euseb. Ibid.*—710.

[3] Древность этого института восходитъ чуть-ли не ко времени самихъ св. апостоловъ (I Кор. 9, 5) и во всякомъ случаѣ къ эпохѣ мужей апостольскихъ, какъ можно заключать по сочиненіямъ автора „Пастыря“—Ерма (Vis. I, 1, Simil. IX, 11, X, 3). О духовныхъ „сестрахъ“ говоритъ еще *Ириней ліонскій* (Adv. Haer. I, 6, 3), а объ институтѣ „духовныхъ браковъ“ съ похвалой отзывается даже такой строгій ригористъ, какъ *Тертулліанъ* (De exhort. cast. 12. De monogamia, 16. De praeser. heret. 30). См. спеціальную работу *H. Achelis* „Virgines subintroductae“, Leipzig 1902.

[4] О серьезной борьбѣ съ институтомъ „дѣвственницъ“, предпринятой Кипріаномъ карѳагенскимъ, говоритъ его обширное и рѣшительное по тону спеціальное письмо. Ep. III, ed. Hartel, 472—478. *P. n.* 3-ье, 104—108 стр. *См. у насъ выше,* стр. 369 примѣч.

начавшемся довольно дружномъ гоненіи на данный институтъ со стороны многихъ епископовъ, какъ долженъ былъ выиграть, въ смыслѣ популярности и любви у клира тотъ епископъ, который нетолько не заносилъ своей руки на этотъ стародавній и популярный институтъ, но даже какъ бы покровительствовалъ ему. Вотъ почему многіе и изъ среды антіохійскаго клира, по отзыву евсевіевой характеристики, „любили Павла и удивлялись ему“, а его положеніе на каѳедрѣ антіохійской церкви настолько упрочилось, что онъ могъ уже перестать бояться оппозиціи.

Но въ то время, когда еп. Павелъ былъ, такъ сказать, въ апогеѣ своей свѣтской власти и своей церковной популярности, съ нимъ какъ разъ и произошли тѣ обстоятельства, которыя дали новое направленіе всему дѣлу. Павелъ самосатскій сталъ на опасную почву богословствованія и на этой почвѣ поскользнулся и упалъ: онъ высказалъ рядъ сомнительныхъ и двусмысленныхъ положеній, чѣмъ и воспользовались его враги, которые сдѣлали изъ этихъ тезисовъ прямо уже еретическіе выводы и поспѣшили приписать ихъ самому Павлу. Важно и интересно, конечно, отвѣтить на вопросъ, почему-же православный епископъ столь видной митрополіи, какъ Антіохія, вставъ на такой скользкій и опасный путь суемудреннаго богословствованія? Какъ могъ онъ позволить себѣ уклониться отъ чистоты общецерковной догмы, да еще въ столь важныхъ пунктахъ, какъ ученіе о Троичности Лицъ и Божественности Господа Іисуса Христа? Лучшимъ отвѣтомъ на него мы считаемъ тотъ, который данъ Р. Раре и который главную причину еретическаго заблужденія Павла видитъ опять въ томъ-же общемъ его уклонѣ ко всему національно-сирскому. Отвлеченное школьное богословствованіе съ его догматическими тонкостями было почти исключительнымъ достояніемъ философски образованныхъ грековъ и сторонниковъ греко-римской образованности. Здѣсь царила александрійская школа съ ея самымъ блестящимъ представителемъ Оригеномъ. Въ Антіохіи того времени на почвѣ такого философствующаго богословія стояла партія эллино-романистовъ, во главѣ съ начальникомъ риторско-философской школы—пресвитеромъ Малхіономъ. Однако, большинство коренного антіохійскаго населенія, выросшее въ традиціяхъ сирійскаго семитизма, не было склонно къ такому абстрактно-философскому мышленію и предпочитало ему другой путь—путь болѣе простыхъ, конкретно-реальныхъ представленій. И вотъ, Павелъ самосатскій, который и самъ лично по всему своему духовному складу тяготѣлъ къ такому, именно, упрощенному богословствованію, сознательно и опредѣленно становится на этотъ путь, чтобы демократизировать богословіе и приблизить его къ пониманію простого народа. „Въ лицѣ Павла господствующая національно-сирская партія (die grosse nationalsyrische Partei) получала человѣка, который нетолько въ этомъ пунктѣ (политическомъ) стоялъ на ея сторонѣ, но также провозглашалъ простонародное пониманіе (volkstümliche Auffassung) о Лицѣ Іисуса Христа, чуждое (frei, свободное отъ) философской спекуляціи“ [1]. Очевидно, Павелъ хотѣлъ продѣлать въ данномъ случаѣ то-же самое, что такъ удачно прошло у него въ области церковно-богослужебной реформы, гдѣ демократизація богослуженія (живая проповѣдь, общее пѣніе, сочиненіе новыхъ гимновъ), какъ мы видѣли, имѣла большой успѣхъ у народа и сильно его популяризовала. Мы не станемъ повторять здѣсь самыхъ деталей своеобразнаго богословствованія Павла самосатскаго, рѣчь о чемъ уже была у насъ раньше [2]); отмѣтимъ только, что богословствованіе Павла имѣло ясно выраженный наклонъ въ сторону довольно грубаго семитическаго реализма и тѣхъ болѣе примитивныхъ, болѣе осязательныхъ и конкретныхъ, если угодно, даже позитивно-матеріалистическихъ, представленіи о Божествѣ, которыми характеризуется наивное, пластическое мышленіе сыновъ востока, вообще, и семитасирійца въ частности [3]). Несомнѣнно, отсюда, именно, вытекаетъ и перевѣсъ въ богословствованіи Павла монархіанской тенденціи надъ идеей Троичности и извѣстная степень приближенія его къ „евіонитству“ и даже „іудейству“ въ чемъ, не безъ нѣкотораго основанія, упрекало Павла большинство его противниковъ.

Ясно, что такое семитическо-іудействующее направленіе Павла должно было рѣзко столкнуться съ господствовавшимъ типомъ греко-александрійскаго школьнаго богословія. Всѣ основные устои послѣдняго, какъ, напр., субстанціальная троичность Лицъ въ Божествѣ, персонификація Логоса, предвѣчное Божество Іисуса Христа и проч. подверглись у Павла коренной переработкѣ и получили новую, упрощенно-матеріализованную формулировку. Весьма возможно, что Павелъ даже намѣренно затрогивалъ, именно, эти, самые главные пункты ученаго александрій-

---

[1]) *P. Pape* „Op. cit. 5 s.

[2]) *См. выше,* стр. 664 и слѣд.

[3]) *В. В. Болотовъ* „Лекціи по исторіи древней церкви“. IV-й вып, 7-ая стр.: „Арій и Павелъ самосатскій имѣли понятіе о Богѣ почти антропоморфическое и конкретное, и это воззрѣніе вело къ такимъ ужаснымъ послѣдствіямъ для ихъ ученія о Св. Троицѣ“. Прилож. къ *Христіанск. Чтенію,* Май 1913 г.

скаго богословія, чтобы отчасти исправить ихъ, а главное—одѣть въ одежду болѣе близкихъ къ народу и вполнѣ доступныхъ ему представленій, въ замѣнъ непопятныхъ и туманно-отвлеченныхъ умозрѣній александрійскихъ, философствующихъ богослововъ [1]). И болѣе, чѣмъ вѣроятно, что усилія Павла и на этомъ пути—теоретическаго богословствованія не остались безплодными: пришедшіеся, какъ нельзя болѣе, по плечу народа упрощенно догматическіе взгляды епископа должны были широко распространяться, въ особенности благодаря тому, что Павелъ, подобно тому, какъ въ послѣдствіи и Арій, влагалъ свои новые догматическіе взгляды въ спеціально сочиненные имъ церковно-богослужебные гимны [2]).

Но этотъ послѣдній успѣхъ Павла обошелся ему слишкомъ дорого. Онъ далъ, наконецъ, въ руки антіохійской оппозиціи то оружіе, котораго ей такъ долго не доставало [3]). Нельзя не отмѣтить, прежде всего, что Павелъ своимъ новымъ богословствованіемъ какъ-бы дѣлалъ вызовъ оппозиціи, такъ какъ задѣвалъ ее въ самомъ больномъ для нея пунктѣ,—передѣлывалъ то научно-школьное богословіе, которое составляло главную заслугу этой партіи и предметъ ея гордости. Во-вторыхъ, слѣдуетъ подчеркнуть, что Павелъ и, дѣйствительно, становился на ложную дорогу, если не прямого еретичества, то во всякомъ случаѣ, очень сомнительнаго православія. Возможно даже, что самъ Павелъ прямыхъ ересей не проповѣдывалъ. Но онъ все-же проводилъ такіе взгляды, которые при желаніи, легко было довести до степени грубой ереси. А такого желанія, такого добровольческаго усердія было больше, чѣмъ надо у давнихъ противниковъ Павла — членовъ александрійско-римской оппозиціи. Всѣ они теперь съ радостью ухватились за новое, болѣе грозное и дѣйствительное орудіе борьбы противъ ненавистнаго имъ

[1]) *P. Pape:* „Es ist klar, dass ein Zusammenstoss mit den Anhänger des herschenden Lehrtypus unvermeidlich war... Paul mit richtigem Blick die unüberwindbare Kluft erkannt, die ihn von der alexandrinischen Schule trennte, den verschiedenen philosophischen Gottesbegriff". Op. cit. 7—8.

[2]) Мы имѣемъ здѣсь въ виду, съ одной стороны, извѣстный ріанскій сборникъ *„Θάλεια"*, съ другой,—тѣ новые гимны, которые ввелъ Павелъ самосатскій въ богослужебное употребленіе, въ отмѣну прежнихъ, прославлявшихъ Божество Господа Іисуса Христа. *Euseb.* VII, 30, 10, 710 s. *Eccles.* XXX, 451 стр.

[3]) *P. Pape:* „Da diese (Gegner Paul Samosat.) nun keine Waffen hatten, um den verhassten Mann aus seiner Stellung zu verdrängen, so bot sich ihnen die eigenartige Lehre von Christi Person und Werk als willkommene Handhabe, die Bischöfe des Orients gegen den Ketzer aufzurufen". 5 s.

епископа: тщательно отмѣчали всякія уклоненія Павла, тенденціозно ихъ комментировали, а главное—доводили ихъ до степени тѣхъ крайнихъ абсурдовъ, въ формѣ какихъ они пріобрѣтали характеръ настоящей и очевидной ереси [1]). Слѣдовательно, еретичность самого Павла самосатскаго была больше, такъ сказать, потенціальной, т. е. заключавшей въ себѣ возможность еретическихъ выводовъ и заключеній. И она, по всей вѣроятности, объяснялась нестолько сознательнымъ злымъ намѣреніемъ Павла, сколько, во-первыхъ, общей невыработанностью точной тринитарной и христологической православной догматики; во-вторыхъ, его сравнительно грубымъ, конкретно-реалистическимъ міровоззрѣніемъ и въ особенности, языкомъ, и, наконецъ, отсутствіемъ точной технической формулировки богословскихъ понятій, благодаря чему въ одни и тѣ-же словесныя формулы нерѣдко влагалось совершенно различное содержаніе, равно какъ и наоборотъ—разные термины заключали въ себѣ одну и ту-же идейную сущность. Такъ что не будь въ Антіохіи того времени такихъ выдающихся по своему образованію лицъ, какъ мѣстный пресвитеръ Малхіонъ, а главное—не имѣй они личныхъ мотивовъ придирчиво слѣдить за своимъ епископомъ и отрицательно къ нему относиться, весьма вѣроятно, что никто и не рѣшился-бы усомниться въ православіи Павла и онъ, пожалуй, успѣлъ-бы даже умереть на каѳедрѣ антіохійскаго митрополита, прежде, чѣмъ его, быть можетъ даже безсознательное и для него самого, еретичество стало-бы для всѣхъ яснымъ и безспорнымъ. Но Духъ Божій, живущій въ церкви и заправляющій ея судьбами, не попустилъ заблужденію укорениться и пресѣкъ зло въ самомъ его началѣ. Орудіемъ промыслительныхъ цѣлей и была избрана та партія александрійско-римской оппозиціи, которая все время интриговала противъ Павла и ревниво слѣдила за каждымъ его шагомъ. Пусть, въ выступленіи этой оппозиціи, въ особенности въ его цѣляхъ и мотивахъ, было немало личнаго и даже своекорыстнаго; но, отрѣшившись отъ всякихъ личныхъ и партійныхъ оцѣнокъ, мы не можемъ не признать, что оппозиція сдѣлала большое дѣло и оказала важную услугу церкви.

При свѣтѣ данныхъ нами разъясненій, окончательно проясняются и вопросы о томъ, кто былъ душою и организаторомъ

[1]) „Die Minoretätspartei in Antiochien nach nnd nach auf das Eigenartige der Auffasung Pauls von Christi Person und Werk aufmerksam wurde und nun in diesem Punkte einsetzte, um dem verhassten Bischof zu beseitigen". *Ibid.* 8 s.

Антіохійскихъ соборовъ противъ Павла и почему два первыхъ собора оказались, можно сказать, безрезультатными? Такъ какъ съ протестомъ противъ ложнаго богословствованія Павла выступила греко-римская оппозиція александрійскихъ богослововъ, во главѣ съ начальникомъ антіохійской богословско-философской школы—пресвитеромъ Малхіономъ, то ей-же, надо полагать, принадлежитъ и починъ въ вопросѣ о соборномъ разсмотрѣніи даннаго дѣла. Къ этому ее привела неизбѣжная логика фактовъ. Первоначально, конечно, Малхіонъ и его партія должны были вынести свой богословскій споръ съ епископомъ на судъ мѣстной антіохійской церкви, т. е. предложить на обсужденіе ея общаго собранія. Но въ виду того, что еп. Павелъ, какъ мы уже убѣдились, пользовался широкими симпатіями антіохійскаго клира и народа, протестъ оппозиціи не могъ имѣть здѣсь желаннаго успѣха и Павелъ долженъ былъ выйдти побѣдителемъ изъ спора. Тогда оппозиціи не оставалось больше ничего дѣлать, какъ только аппеллировать къ высшей инстанціи, т. е. къ провинціальному собору всѣхъ сосѣднихъ епископовъ [1]). Чтобы съорганизовать такой чрезвычайный у себя соборъ, партія антіохійской оппозиціи, повидимому, обращалась къ епископамъ нетолько лично, но и письменно, какъ объ этомъ можно догадываться изъ отвѣтнаго письма александрійскаго епископа Діонисія къ членамъ антіохійской церкви, т. е. по всей вѣроятности, къ Малхіону и его сторонникамъ [2]). Письмо это характерно еще и тѣмъ, что въ немъ звучитъ какъ-бы недовѣріе къ Павлу и сочувствіе къ его противникамъ, что было вполнѣ естественно для предстоятеля, именно, александрійской церкви, подъ знаменемъ которой стояли Малхіонъ и вся его партія. Можно пойдти даже и еще нѣсколько дальше, именно, предположить, что свои пригласительныя письма партія Малхіона разсылала, главнымъ образомъ, тѣмъ епископамъ, которые были одной съ ней богословской школы. По крайней мѣрѣ, серьезную основу для такой почвы даетъ текстъ Евсевія, во-первыхъ, своими двумя перечнями наиболѣе знаменитыхъ епископовъ, присутствовавшихъ на Антіохійскихъ соборахъ; а во-вторыхъ еще и тѣмъ, что онъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ своей исторіи, гдѣ перечисляетъ знаменитыхъ епископовъ востока, бывшихъ непосредственными учениками Оригена, въ ряду которыхъ онъ называетъ почти всѣхъ главныхъ участниковъ соборовъ противъ Павла [1]).

[1]) *P. Pape:* „Da aber bei der Begeisterung, mit welcher der überwiegende Theil der Gemeinde an Paul hing, innerhalb derselben nichts auszurichten war, so ertolgte eine Anklage bei den Bischöfen Syriens und wohl auch bei den angesehensten Gemeindeleitern der Nachbarprovinzen". Op. cit. 9 s.

[2]) *См. выше,* стр. 670 и 672-ая.

Не менѣе ясной становится теперь для насъ и причина неуспѣха двухъ первыхъ Антіохійскихъ соборовъ. Она состояла нестолько въ лицемѣріи, двоедушіи и вѣроломствѣ Павла, какъ хочетъ представить дѣло Евсевій, сколько въ необычности самаго повода къ собору и исключительной трудности подлежавшаго его разсмотрѣнію и суду дѣла. Поводомъ собора послужила аппелляціонная жалоба партіи меньшинства антіохійской церкви на партію большинства и, главнымъ образомъ, на самаго епископа. Все это было слишкомъ исключительно и необычно для того времени. Для того, чтобы начать подобный процессъ, нуженъ былъ не менѣе, какъ дружный и единодушный протестъ противъ епископа всей его паствы. Но въ данномъ случаѣ, этого-то какъ разъ и не было, а было, скорѣй, нѣчто обратное: именно, большинство антіохійской паствы поддерживало Павла, и лишь сравнительное меньшинство выступало противъ него съ своимъ протестомъ. Вотъ почему, мы и называемъ самый поводъ къ собору, взятый въ его исторической перспективѣ, необычнымъ и даже недостаточнымъ для собора. При наличности такого повода, соборъ могъ состояться только въ томъ случаѣ, если его нетолько не избѣгалъ, но даже искалъ и желалъ и самъ еп. Павелъ, что было вполнѣ возможно. Послѣ пораженія оппозиціи на пленарномъ собраніи антіохійской церкви, еп. Павелъ имѣлъ всѣ шансы разсчитывать на подобную-же, и даже еще болѣе полную побѣду, и на областномъ соборѣ: епископы, по чувству коллегіальной солидарности должны были поддержать его въ борьбѣ съ честолюбивымъ пресвитеромъ (Малхіономъ), а единственно опасный для него оппонентъ—епископъ Діонисій алекс., по старости и слабости не могъ уже прибыть на соборъ.

И, дѣйствительно, разсчеты Павла, если и не вполнѣ, то больше чѣмъ на половину, оправдались. Собравшіеся епископы, судя по всему, были настроены благожелательно къ своему антіохійскому коллегѣ и не склонны были его осуждать. Хотя, съ другой стороны тѣ-же епископы не проявляли готовности, во что-бы то ни стало, и оправдывать Павла. Повидимому, несмотря на общій тонъ благожелательнаго отношенія къ Павлу, соборъ все-же чувствовалъ, что и за нимъ есть какая-то вина, состоявшая, правда, по мнѣнію

[1]) *Euseb.* VII. 14. 668. *Евсев.* VII. XIV, 420. Изъ членовъ антіох. соборовъ названы: Фирміліанъ, Григорій и Аеинодоръ, Θеотекнъ и Именей.

собора, нестолько въ неправильности мыслей, сколько въ неясности, неосторожности и соблазнительности ихъ внѣшней формулировки. Поэтому-то соборъ и удовлетворился только тѣмъ рѣшеніемъ, что взялъ съ Павла обѣщаніе исправиться въ указанномъ отношеніи и не давать больше поводъ къ соблазну подобными неосторожными выраженіями.

При такомъ освѣщеніи всего дѣла еп. Павла и хода разсужденій на Антіохійскихъ соборахъ, разсказъ о нихъ Евсевія легко освобождается отъ тѣхъ неясностей и даже почти противорѣчій, какихъ въ немъ немало. Въ самомъ дѣлѣ, Евсевій считаетъ Павла самосатскаго крайне безнравственнымъ человѣкомъ и грубымъ еретикомъ. Но въ то-же время говоритъ, что отцы двухъ первыхъ Антіохійскихъ противъ него соборовъ не могли ни въ чемъ серьезно уличить Павла и оставили его на каѳедрѣ. Уже тутъ чувствуется нѣчто несовсѣмъ ладное: не могли-же, въ самомъ дѣлѣ, члены собора отнестись къ личности Павла столь снисходительно и мягко, если, не говоря уже о трудно распознаваемомъ богословствованіи Павла, его личное поведеніе было-бы и въ дѣйствительности крайне соблазнительно и порочно и совершенно не соотвѣтствовало-бы положенію главнаго епископа всего азіатскаго востока. Вѣдь подобное снисхожденіе тогда граничило-бы съ преступнымъ попустительствомъ и даже чуть-ли не съ молчаливымъ одобреніемъ Павла. А это тѣмъ болѣе удивительно и даже просто непонятно, что въ текстѣ Евсевія мы не находимъ никакихъ указаній на то, чтобы соборъ зазиралъ Павла за подобное поведеніе и требовалъ-бы его рѣшительнаго исправленія и въ этомъ отношеніи. Здѣсь дѣло было вполнѣ просто и ясно: оно не требовало никакихъ діалектическихъ тонкостей; такъ что будь Павелъ въ моральномъ смыслѣ, дѣйствительно, виновенъ въ глазахъ собора, послѣдній, разумѣется, не преминулъ-бы уже за одно это его осудить и низложить (въ числѣ проступковъ Павла Евсевій называетъ и грѣхъ симоніи, порока совершенно нетерпимаго въ епископѣ и строго караемаго еще по апостольскимъ правиламъ 29-ое прав.).

Во-вторыхъ, разсказъ Евсевія грѣшитъ еще и такой непослѣдовательностью: съ одной стороны выходитъ, что соборъ будто-бы убѣдился въ виновности еп. Павла; съ другой—онъ все-же не наложилъ на него никакого наказанія, а ограничился одними словесными объясненіями и обѣщаніями Павла. Тутъ останавливаетъ на себѣ вниманіе полная несоразмѣрность вины съ наказаніемъ: если соборъ убѣдился въ виновности Павла, то онъ не могъ ограничиваться какими-то пустыми обѣщаніями. А если онъ удовлетворился столь малой жертвой со стороны Павла, то

не ясный-ли это знакъ того, что соборъ вовсе не придавалъ серьезнаго значенія и самой его винѣ? Если даже допустить, что Павелъ злоупотребилъ довѣріямъ и снисходительностью отцовъ перваго собора, то второй Антіохійскій соборъ, который всецѣло шелъ по слѣдамъ перваго, не могъ снова даться въ обманъ Павлу и обязанъ былъ судить его съ удвоенной строгостью, нетолько за неисправимость въ заблужденіяхъ и порокахъ, но и за тотъ сознательный обманъ, который позволилъ себѣ Павелъ въ отношеніи къ членамъ перваго собора. Если-же второй Антіохійскій соборъ не дѣлаетъ даже и упоминанія объ обманѣ со стороны Павла, то очевидно, что все это дѣло развивалось въ совершенно иной атмосферѣ.

Наконецъ, согласно извѣстіямъ Евсевія, третьему Антіохійскому собору удалось, послѣ долгихъ усилій, изобличить Павла въ еретичности, и то лишь благодаря находчивости и искусству пресвитера Малхіона. Но гдѣ-же, спрашивается, былъ этотъ самый пресвитеръ Малхіонъ раньше? Почему-же онъ не изобличилъ Павла на двухъ предыдущихъ соборахъ? Предположеніе, что Малхіона на нихъ не было вовсе едва-ли допустимо, въ виду ясныхъ словъ евсевіева текста, что на соборѣ были не одни епископы, а также и пресвитеры съ діаконами, и въ силу того вліятельнаго общественнаго положенія, какое долженъ былъ занимать въ мѣстной церкви пресвитеръ Малхіонъ — начальникъ философской школы. Если-же пресвитеръ Малхіонъ, какъ это болѣе чѣмъ вѣроятно, присутствовалъ на всѣхъ трехъ Антіохійскихъ соборахъ противъ Павла, то совершенно непонятно, почему онъ такъ долго не могъ уличить еретика, который ему давно и хорошо былъ извѣстенъ, и изобличеніе котораго для Малхіона не представляло никакой дѣйствительной-то трудности? Очевидно, дѣло здѣсь не въ Малхіонѣ и не въ Павлѣ, а въ самой соборной атмосферѣ, въ той исторической обстановкѣ этихъ споровъ, о которой подробно мы говорили выше. Малхіонъ потому такъ сравнительно долго и не достигалъ успѣха, что онъ, какъ интригующій противъ своего епископа пресвитеръ, очевидно, не внушалъ особаго довѣрія отцамъ собора (въ подавляющемъ числѣ епископамъ-же); такъ что потребовалась длительная и упорная работа Малхіона, чтобы побѣдить такое недовѣріе членовъ собора и, такъ сказать, перетянуть ихъ на свою сторону.

Нарисованная нами картина взаимоотношенія всѣхъ трехъ Антіохійскихъ соборовъ по дѣлу Павла самосатскаго (точнѣе, двухъ первыхъ соборовъ, съ одной стороны, и третьяго, послѣдняго, съ другой) получаетъ нѣсколько новыхъ дополнительныхъ штриховъ

въ освѣщеніи ея у бл. Θеодорита.Онъ сообщаетъ что неправомысліе Павла на, первыхъ двухъ соборахъ еще только изслѣдовывалось, но не сознавалось ясно: ему предлагали вопросы, обсуждали его отвѣты, брали съ него извѣстныя обѣщанія и даже обращались къ нему съ особымъ соборнымъ посланіемъ, вызывая его на болѣе подробное и ясное изложеніе его подозрительнаго ученія. Посланіе это написано отъ лица шести епископовъ, перечисленныхъ въ заголовкѣ, почему нерѣдко для краткости такъ и называется „посланіемъ шести епископовъ“ [1]). По своему содержанію оно представляетъ подробное изложеніе символа православной, еще до-никейской церкви, составленнаго по поводу еретическихъ заблужденій Павла самосатскаго, почему у Mansi оно, напримѣръ, и сопровождается пояснительной ремаркой: Catholica fides contra Paulum scripta. Оно заканчивается такимъ категорическимъ вопросомъ, обращеннымъ къ еп. Павлу: „вотъ, изъ многаго мы обозначили немногое *(σημειωσάμενοι*, notavimus). Мы хотимъ теперь знать, одинаково-ли съ нами ты мыслишь и учишь? И пусть ты обозначишь, соглашаешься-ли ты со всѣмъ вышенаписаннымъ (*προγεγραμμένοις*), или нѣтъ“? [2]).

[1]) „Именей, Θеофилъ, Θеотекнъ, Максимъ (четыре уже извѣстныхъ изъ Евсевія), Проклъ и Воланъ (два новыхъ и ранѣе неизвѣстныхъ епископа) Павлу во Христѣ радоваться“. Полный текстъ на двухъ языкахъ (греч. и латин.) приведенъ у *Mansi*, I. 1033—1079 и у *Routh*², III, 289—299.

[2]) *Mansi*—1070. *Routh*—299. Впрочемъ, тотъ экземпляръ этого посланія, которымъ мы владѣемъ теперь, открытъ сравнительно недавно, въ XVI в. ученымъ іезуитомъ Turrian'омъ, и онъ во многихъ изслѣдователяхъ вызываетъ небезосновательныя сомнѣнія. Достойно вниманія, что во главѣ такихъ сомнѣвающихся, вѣрнѣе, даже отрицающихъ подлинность находки Turrian'a, стоитъ довольно правовѣрный католикъ Hefele, который выражаетъ сожалѣніе, что рядъ ученыхъ историковъ и богослововъ поспѣшилъ съ признаніемъ подлинности такой вещи, которая очень подозрительна и выдаетъ свое позднѣйшее нетолько анти-аріанское, но и анти-несторіанское происхожденіе. *(Hefele-Leclercq,* I, I, 198 p. n. 4. Изъ числа увѣровавшихъ въ подлинность письма Hefele называетъ здѣсь Baron. Mansi и Jahn'a. А изъ числа сомнѣвающихся—Du Pin, Remi Ceillier, Lumper и др.). На сторону Hefele въ этомъ вопросѣ рѣшительно всталъ и извѣстный современный католическій патрологъ O. Bardenhewer, который довольно рѣшительно называетъ его „мнимымъ письмомъ“ (ein angeblicher Brief) и видитъ въ немъ отголосокъ позднѣйшихъ несторіанскихъ споровъ. *(O. Bardenhewer*, Op. cit., II, 234). Но другой, еще болѣе извѣстный протестантскій ученый—Ad. Harnack склоняется, скорѣе, къ признанію этого письма за подлинный памятникъ древности: „оно—говоритъ Harnack—не содержитъ въ себѣ ничего такого, что безспорно указывало-бы на поддѣлку, и со стороны своихъ мыслей и даже характерныхъ словъ и выраженій вполнѣ можетъ быть признано за продуктъ до-никейской полемики. *(Ad. Harnack*—наиболѣе рѣшительно за подлинность высказывается въ Die Chronol. d. altchrist. Litteratur... II, s. 136, n. 3). Еще болѣе рѣшительно подлинность даннаго посланія защищаетъ историкъ римской церкви кардиналъ Hagemann *(Hagemann*—„Die Romische Kirche und ihr Einfluss auf Disciplin und Dogma in den ersten Jahrhunderten, 458—460, Freib. im Breisgau, 1864). Въ виду разногласія столь крупныхъ ученыхъ, мы предпочитаемъ держаться компромисса, именно, что въ текстѣ имѣющагося у насъ теперь „письма шести епископовъ“ заключается подлинный памятникъ той эпохи; но этотъ памятникъ испыталъ судьбу большинства аналогичныхъ, т. е. былъ разбавленъ и интерполированъ позднѣйшими церковными полемистами, которые использовали памятникъ для цѣлей своей полемики, болѣе или менѣе, аналогичной съ полемикой отцовъ Антіохійскаго собора. Но самый фактъ составленія какого-то увѣщательно-вопросительнаго письма, кажется, сомнѣнію подлежать не долженъ, тѣмъ болѣе, что онъ подтверждается и свидѣтельствомъ бл. Θеодорита *(Theodoret* „Haeret. Fabul“ II, 8: *„πρῶτον μὲν ἐπειρᾶσθησαν ἰατρεῦσαι γράμμασι τὴν νόσον“*—„прежде пытались вылечить болѣзнь посланіемъ“. *Ad. Harnack* глухое упоминаніе объ этомъ посланіи находитъ у Максима Исповѣдника († 662 г.)—въ Prolog. zu den Opp. Dion. Areop. ed. Corder, p. 36, гдѣ онъ отмѣчаетъ, что Евсевій въ своей церковной исторіи многое выпустилъ; между прочимъ и то, что касается дѣятельности Именея и Наркиса, святительствовавшихъ въ Іерусалимѣ. Chronologie. II, 137, n.

[1]) О какомъ-то „письмѣ“, или даже „письмахъ“ Павла самосатскаго ясно говоритъ, напримѣръ, *Викентій Лиринскій* (Pauli Samosateni opuscula Commonit. c. 25, 35).

Повидимому, именно, это „посланіе шести“ дало и новый, болѣе рѣшительный оборотъ всему дѣлу Павла самосатскаго. Послѣдній надо думать, не могъ оставить письма безъ отвѣта [1]); а въ самомъ своемъ письменномъ-же отвѣтѣ онъ вынужденъ былъ болѣе ясно и опредѣленно изложить и систематизировать свои мысли, откуда уже сама собою открывалась и вся ихъ еретичность. Если раньше, при устномъ обмѣнѣ мнѣній на двухъ предшествующихъ соборахъ, Павлу удавалось, такъ или иначе, маскировать свои мысли, то теперь, въ писменномъ изложеніи такой пріемъ становился уже менѣе удобнымъ и Павлу пришлось, что называется, показать свое настоящее лицо, и тѣмъ самымъ передъ большинствомъ епископовъ документально обнаружить свое неправославіе. Одновременно съ этимъ, по правдоподобной догадкѣ Pape, обострилась вражда партій и среди самой Антіохійской церкви. Вполнѣ возможно, что еп. Павелъ, вышедшій по крайней мѣрѣ, наружно, какъ-бы побѣдителемъ на двухъ бывшихъ Антіохійскихъ соборахъ, захотѣлъ теперь смирить опозицію и ея лидеру—пресвитеру Малхіону грозила перспектива опытно познакомиться съ проявленіями гнѣва могущественнаго епископа. Вмѣстѣ съ этимъ Павелъ, повидимому, вступилъ въ аггрессивную полемику и со школой римско-александрійскихъ богослововъ, какъ

объ этомъ догадываются на основаніи глухой ссылки Евсевія, что Павелъ критиковалъ почтенныхъ „умершихъ экзегетовъ“, въ чемъ вводятъ намекъ на Оригена, а слѣдовательно и на оригенистовъ, вообще. Совокупность всѣхъ этихъ обстоятельствъ ускорила созывъ третьяго, „окончательнаго“ собора противъ Павла самосатскаго и предрѣшила самый его исходъ: Павелъ еще больше раздражилъ оппозицію, яснѣе обнаружилъ свое неправомысліе и потерялъ симпатіи епископовъ [1]). Собору оставалось только, такъ сказать, оформить все это и произвести окончательный церковный приговоръ по затянувшемуся дѣлу. Тѣмъ не менѣе, соборныя пренія, по свидѣтельству Евсевія, носили очень оживленный характеръ—характеръ ученаго диспута между еп. Павломъ и пресвитеромъ Малхіономъ,—въ которомъ рѣшительную побѣду одержалъ послѣдній. Весь этотъ диспутъ былъ стенографически запротоколированъ и если не цѣликомъ, то въ главной и существенной своей части, включенъ въ то посланіе, которое отъ лица собора направлено было къ еп. Максиму александрійскому и папѣ Діонисію римскому,—къ первому, конечно, какъ къ главѣ той александрійской церкви, богословіе которой вышло побѣдителемъ изъ продолжительной и упорной борьбы съ Павломъ; а ко второму—вѣроятно, какъ къ епископу главнаго метрополя всей греко-римской имперіи и церкви [2]).

[1]) *Pape* „Ситуація здѣсь была существенно иной, чѣмъ на соборѣ 264—265 г. Тогда епископы какъ-бы туго шли на жалобу, выходившую изъ среды мѣстной общины и эта жалоба, повидимому, представлялась имъ больше, какъ произвольно выведенное слѣдствіе изъ ученія Павла, почему онъ и могъ сравнительно легко ее отклонять. Теперь-же епископы сами убѣдились, гдѣ лежитъ основное зерно различія вѣры... И прежде всего, они увидали, что была поколеблена самая почва христіанской вѣры... догматъ воплощенія Логоса, который все болѣе и болѣе становился основнымъ камнемъ нетолько богословія, но и самой вѣры“. *Op. cit.* 12.

[2]) Съ самымъ текстомъ протоколовъ диспута, равно какъ и съ посланіемъ всего собора повторилась исторія, довольно аналогичная съ судьбой „посланія шести“, нѣсколько только развѣ болѣе опредѣленная. Протоколы и посланіе, прежде всего, повидимому, не различались и больше даже были извѣстны подъ именемъ „словъ“ или „записей“ диспута. Несомнѣнно, что они были въ довольно широкомъ распространеніи у древней церкви и существовали до первой половины четвертаго вѣка, о чемъ опредѣленно свидѣтельствуетъ *Евсевій* (см. выше, стр. 681-я) и по слуху—*св. Ав. Великій* („Посланіе о соборахъ, бывшихъ въ Ариминѣ италійскомъ и въ Селевкіи исаврійской“: „а если-бы можно было имѣть въ рукахъ посланіе, которое, какъ говорятъ написано ими (т. е. отцами Антіохійскаго собора 269 г.), то, думаю, нашлись-бы многіе предлоги, по которымъ блаженные отцы принуждены были писать такъ“. (т. е. противъ слова ὁμοούσιος)—Твор. Ав. архіеп. Александр. ч. 3-ья, стр. 176. М. 1853. Затѣмъ,

Фактически, однако, какъ мы знаемъ, соборный приговоръ нѣкоторое время не могъ быть полностью приведенъ въ исполненіе, о причинахъ чего Евсевій кратко говоритъ такъ: „поелику-же первый (т. е. Павелъ самосатскій) и не думалъ выходить изъ церковнаго дома; то обратились съ просьбой къ Авреліану, который рѣшилъ дѣло весьма справедливо,—предписалъ передать домъ тѣмъ, съ кѣмъ италійскіе и римскіе епископы имѣютъ переписку объ ученіи вѣры. Тогда-то уже вышеупомянутый мужъ, съ величайшимъ стыдомъ, изгнанъ былъ изъ церкви мірской властью“. Дѣлая справку съ церковной и политической исторіей того времени, мы краткую и субъективно окрашенную замѣтку Евсевія, можемъ распространить и корректировать въ такомъ видѣ. Побѣда Малхіона надъ Павломъ на третьемъ Антіохійскомъ соборѣ была, собственно говоря, торжествомъ греко-римской партіи въ нѣдрахъ мѣстной Антіохійской церкви. Но это все-же была только партія, а не вся мѣстная паства, и даже, какъ напримѣръ думаетъ Pape—партія меньшинства, большинство-же осталось вѣрнымъ Павлу и защищаемому имъ національно-сирскому идеалу богословствованія. Такъ что ближайшимъ слѣдствіемъ соборнаго приговора явился лишь фактическій

слѣдъ полнаго текста протокола уже теряется; но съ V—IX в. идутъ, болѣе или менѣе, ясные слѣды отдѣльныхъ его фрагментовъ, приводимыхъ у различныхъ авторовъ. Лучшій подборъ этихъ фрагментовъ сдѣланъ въ изданіи Routh „Reliquiae Sacrae“ III, 300—302. Здѣсь приведены: 1) фрагментъ изъ трактата импер. Юстиніана Contra Monophusitas (въ 6 строчекъ), 2) изъ него-же еще три фразы, непосредственно усвояемыхъ самому Павлу самосатскому („Логосъ былъ больше Христа. Христосъ черезъ Софію сталъ больше. Достоинства Софіи мы не умаляемъ“); 3) фрагментъ изъ „Дѣяній Ефесскаго собора“ (5 строч.), 4) отрывокъ изъ сочиненія Леонтія Византійскаго „Advers. Nestorian. Eutychianos“ lib. III, (2½ стр.), 5) еще отрывокъ оттуда-же (2½ стр.) и 6) фрагментъ изъ сочиненія Петра діакона, lib. De Incarnation. et Gratia Domini Christi ad Fulgentium, c. III (12½ стр.). Нѣсколько ниже, въ отдѣлѣ Annotationes in synodum antiochenum тотъ-же Routh приводитъ и еще нѣсколько выраженій, или, правильнѣе говоря, перефразированныхъ мыслей Павла самосатскаго, изъ сочиненій Theodor. de Raithu, Gelasii Cyzicensi, Mar. Mercatori и Leontii Byzant. Все это Routh заканчиваетъ греческимъ текстомъ одного древняго памятника,—„*Παυλοῦ Σαμοσατέως ἐκ τῶν αὐτοῦ πρὸς Σάβινον λόγων*“, раздѣленнаго на пять небольшихъ отрывковъ, съ особымъ заголовкомъ каждое (329 s.). Послѣдній памятникъ имѣетъ претензію служить наиболѣе точнымъ изображеніемъ ученія Павла самосатскаго. Но, если даже и допустить, что основа этого памятника подлинна, то все-же она сильно интерполирована позднѣйшими антимонофелитскими вставками, чего не отрицаетъ даже и въ общемъ сочувственно настроенный къ данному памятнику *Ad. Harnack* „Die Chronologie“... II, 136—137. Bardenhewer-же болѣе рѣшительно считаетъ его продуктомъ антимонофелитской полемики, составленнымъ въ концѣ седьмого вѣка—Op. cit. II, 235.

расколъ антіохійской церкви, гдѣ меньшинство приняло новаго епископа Домна (греко-римская партія), а большинство продолжало энергично поддерживать популярнаго стараго—еп. Павла самосатскаго. Положеніе Павла облегчалось еще и тѣмъ, что избранный ему въ преемники еп. Домнъ, повидимому, не отличался сильнымъ характеромъ, а главное, онъ вскорѣ-же померъ, въ концѣ 270 г. или въ самомъ началѣ 271 г. Правда, на его мѣсто былъ тотчасъ-же избранъ новый епископъ — Тимей, но и онъ также не принадлежалъ къ числу особенно энергичныхъ, активныхъ дѣятелей [1]). Такъ что церковныя обстоятельства были вполнѣ благопріятны для Павла. Еще болѣе, разумѣется, благопріятствовали ему гражданско-политическія обстоятельства, такъ какъ эпоха около 270 г. была высшимъ расцвѣтомъ могущества и вліянія пальмирской владѣлицы Зиновіи, всецѣло симпатизировавшей Павлу. Неудивительно послѣ всего этого, что Павелъ и послѣ рѣшительнаго низложенія его соборомъ, въ теченіе двухъ или трехъ лѣтъ, продолжалъ еще жить въ епископскомъ домѣ и считать себя правящимъ епископомъ антіохійской церкви.

Но вотъ, гражданско-политическая атмосфера рѣзко измѣняется: эфемерное пальмирское царство рушится и римскій императоръ Авреліанъ тріумфаторомъ входитъ въ Антіохію. Національно-сирская партія разбита и терпитъ униженіе, а греко-римская, наоборотъ, торжествуетъ свою полную побѣду по всей линіи. Совершенно понятно, что и греко-римская партія антіохійскихъ христіанъ ищетъ себѣ поддержки у римскаго императора въ борьбѣ со старымъ лидеромъ національно-сирской партіи — еп. Павломъ самосатскимъ. Но эта партія получаетъ характерный отвѣтъ отъ римскаго императора-язычника, что его поддержка будетъ оказана тому изъ двухъ антіохійскихъ епископовъ (Павелъ и Тимей), который находится въ церковномъ общеніи съ Римомъ [2]). Ясно, что Павелъ самосатскій теперь уже проигрываетъ свое дѣло и, какъ говоритъ Евсевій, „съ позоромъ изгоняется изъ епископскаго дома". Финалъ этой исторіи—совершенно естественный и ясный, лишній разъ подчеркивающій то, насколько важно было вліяніе партійно-политической борьбы во всемъ этомъ дѣлѣ.

[1]) *Ad. Harnack:* „Domnus wirklich schon im ersten Jahr Aurelians gestorben (270—271)"... Timeus wurde Bischof (nach Euseb.) 271. Die Chronologie... I, 216 und 218 s.

[2]) *Ad. Harnack:* „Der antiochenische Bischof soll in der Hauptstadt des Orients die römische Politik stützen: das ist der Sinn der Entscheidung Aurelians". Mission und Ausbreitung...[2] II, 108—109.

Личность самого еп. Павла самосатскаго послѣ сего исчезаетъ съ дѣйствующей исторической сцены. Но память о немъ и его ученіи еще долго живетъ въ церковной исторіи. Прежде всего, съ изгнаніемъ Павла церковный расколъ въ самой Антіохіи, повидимому, не кончился, такъ какъ во главѣ національно-сирской оппозиціи сталъ ближайшій послѣдователь и другъ Павла—пресвитеръ Лукіанъ (тоже самосатскій). Доказательство этого мы находимъ въ „Церковной исторіи" бл. Ѳеодорита, точнѣе, въ приводимомъ имъ окружномъ посланіи еп. Александра александрійскаго, гдѣ дано слѣдующее, весьма важное сообщеніе: „ученіе Арія первоначально принадлежало Евіону и Артемѣ и есть подражаніе ереси Павла самосатскаго, который, бывъ епископомъ въ Антіохіи, соборнымъ судомъ всѣхъ во вселенной епископовъ отлученъ отъ церкви, и котораго *преемникъ Лукіанъ* (к. н.) въ продолженіе многихъ лѣтъ не имѣлъ общенія съ тремя епископами" [1]), подъ которыми, очевидно, разумѣются епископы: Домнъ, Тимей и Кириллъ. Основываясь, на этомъ, Ad. Harnack и полагаетъ, что „Лукіанъ раздѣлялъ христологическія положенія (christolo-gischen Sätze) своего великаго земляка (т. е. Павла самосатскаго) и послѣ его смерти былъ главой національно-церковной сирской партіи въ Антіохіи, по противоположности съ эллинистическо-римской" [2]). Еще рѣшительнѣе утверждаетъ то-же самое проф. А. А. Спасскій, говоря: „съ изгнаніемъ Павла самосатскаго изъ Антіохіи не уничтожились всѣ его послѣдователи. Во главѣ національно-сирской церкви сталъ Лукіанъ, и въ теченіе времени отъ 272 г. до 303 г. [3]) дѣйствовалъ какъ учитель экзегетической школы, стоявшей внѣ общенія съ тогдашними антіохійскими епископами" [4]). Этотъ формальный церковный расколъ въ началѣ гоненія Декія и закончился. Но идейное вліяніе своеобразнаго богословія „антіохійской школы" несомнѣнно шло дальше и глубже, и непосредственно приводило къ аріанству, а чрезъ

[1]) *Бл. Ѳеодоритъ,* еп. Кирскій „Церковная исторія", гл. 4, стр. 28. СПБ. 1852 г. *Migne,* PG, t. LXXXII, p. 883 sq. Цитата о Лукіанѣ въ подлинникѣ выражена такъ: „*ὁ διαδεξάμενος Λουκιανὸς ἀποσυνάγωγος ἔμενε τριῶν ἐπισκόπων πολυτελῆς χρόνος*".

[2]) *Ad. Harnack* „Lucian der Märtyrer", RE[3], 11, 655, 21-23.

[3]) Первая дата—изгнаніе Павла импер. Авреліаномъ, вторая — годъ смерти третьяго послѣ Павла епископа—Кирилла и вступленіе четвертаго—Тиранна, при которомъ какъ думаютъ, Лукіанъ, сначала былъ воссоединенъ съ церковью *(O. Bardenhewer*—II, 236, n. 1), а затѣмъ даже и прославленъ, какъ ея мученикъ, пострадавшій въ 312 г. (*Евсев.* VIII, XIII, 494—495).

[4]) *Проф. А. А. Спасскій* „Исторія догматич. движеній", 169. См. еще статью свящ. *Д. Лебедева* „Евсев. ником. и Лукіанъ" (Б. В. 1912 г. Апр.—Май).

него и къ несторіанству. Вотъ здѣсь-то и сыграло рѣшающую роль болѣе тонкое богословіе лукіановой школы, которое, по взгляду Спасскаго, Дюшена и др. какъ-бы перекидывало мостъ между грубымъ, матеріалистическимъ реализмомъ Павла самосатскаго и сравнительно гораздо болѣе тонкимъ, раціоналистическимъ позитивизмомъ Арія [1]).

Непосредственная внѣшне-историческая и болѣе глубокая внутренне-идейная связь ученія Павла самосатскаго съ христологическими движеніями четвертаго и послѣдующихъ вѣковъ обусловили собою, между прочимъ и то обстоятельство, что личность Павла, его ученіе и все его дѣло, получили особенно яркій и длительный отпечатокъ въ жизни и литературѣ древней церкви. „Имя Павла—говоритъ проф. Ad. Harnack — съ конца 3 в. названо безчисленное количество разъ... въ многочисленныхъ цитатахъ вплоть до конца 6-го вѣка... Прежде всего, Павелъ сопоставленъ съ Артемономъ; такъ уже въ самомъ соборномъ посланіи, далѣе *Евсев.* V, 28. *Памфилъ* Apol. pro Orig. c. 5, *Epiph.* 65, 1 и др. Потомъ, явилась въ 4 в. тріада—„Евіонъ, Артемонъ, Павелъ" (такъ впервые у Александра алекс. s. Theodor. h. e I, 4) перешедшая, затѣмъ въ четверицу: „Евіонъ, Артемонъ, Павелъ, Фотинъ". Въ несторіанскомъ спорѣ также снова вспоминаютъ Павла; такъ какъ и на самомъ дѣлѣ антіохійцы учили очень сходно съ нимъ; слѣдовательно, возможно было постановленіе Антіохійскаго собора (269 г.) обратить противъ нихъ, тѣмъ болѣе, что столѣтіемъ позже ими-же (чрезъ Леонтія Виз.) оно было пущено и въ обращеніе. Тогда появляются акты, въ качествѣ его отголоска; но въ монофелитскомъ спорѣ призракъ Павла могъ-бы еще разъ быть процитированъ, такъ какъ Павелъ высказывался такъ, что діофелиты могли на немъ дискредитировать своихъ противниковъ" [2]). Вообще, должно замѣтить, что личность Самосатскаго, за эпоху вселенскихъ соборовъ, являлась символомъ чуть-ли не всѣхъ тогдашнихъ, наиболѣе грубыхъ ересей, и къ его имени прилипло немало такого, за что онъ вовсе не отвѣтственъ. Въ качествѣ иллюстраціи тѣхъ историческихъ нелѣпостей и анахронизмовъ, которые соединяются съ дѣломъ Павла самосатскаго и происходившихъ при немъ Антіохійскихъ соборовъ, не можемъ не указать здѣсь на краткую версію о соборѣ 269 г. извѣстнаго Libelli synodici, за-

[1]) *Проф. А. А. Спасскій* „Цит. соч." 170 и сл. *Дюшенъ* Церк. ист. I, 335. А Pape не менѣе остроумно въ ученіи Лукіана усматриваетъ своеобразный компромиссъ „оригенизма" съ „павлинизмомъ"—Op. cit. 14 s.

[2]) *Ad. Harnack* „Paul von Samosata" in Gesch. d. altchrist. Litteratur, I, 525.

ставляющую присутствовать на этомъ соборѣ, въ числѣ другихъ епископовъ, также и Θеодора Мопсуестскаго, родившагося чуть-ли не столѣтіемъ послѣ даннаго собора [1]).

Не желая, безъ крайней въ томъ нужды, удлинять своего изслѣдованія, мы изъ массы любопытныхъ историческихъ отголосковъ о дѣлѣ еп. Павла самосатскаго остановимся только на тѣхъ, которые особенно авторитетны, и непосредственно касаются основного предмета настоящей главы—„Антіохійскихъ соборовъ противъ Павла". Такихъ важныхъ свидѣтельствъ, или, выражаясь точнѣе, авторитетныхъ свидѣтелей мы имѣемъ неменьше трехъ, причемъ, всѣ они касаются одного и того-же недоумѣннаго пункта—именно, кажущагося рѣзкаго несогласія, даже противорѣчія, между Антіохійскимъ (269 г.) и Никейскимъ (325 г.) соборами въ ихъ отношеніи къ главнѣйшему вопросу тогдашнихъ христологическихъ споровъ—понятію и термину „омоусіосъ" (*ὁμοούσιος*). Суть этой историко-догматической контроверзы, говоря кратко, сводится къ тому, что въ разгаръ аріанскихъ споровъ, партія защитниковъ православно-никейской вѣры, или такъ называемыхъ, „омоусіанъ" (т. е. защитниковъ ученія о полномъ тождествѣ по существу Отца и Сына) сильно соблазнялась посланіемъ отцовъ большаго Антіохійскаго собора противъ Павла, гдѣ этотъ самый терминъ „омоусіосъ" подвергался рѣшительному осужденію, какъ характеризующій собою основное заблужденіе Павла самосатскаго.

Немало надъ выясненіемъ и устраненіемъ этой соборной контроверзы поработалъ крупный церковный дѣятель и писатель западной церкви—*Иларій еп. Пиктавійскій*, умершій почти ровно столѣтіемъ позже Антіохійскихъ соборовъ († 14 янв. 368 г.). Проживая нерѣдко и подолгу на востокѣ Иларій узналъ, что христіане восточныхъ провинцій—„Азіи" и Геллеспонта были-бы готовы принять никейскую формулу „омоусіонъ", если-бы ихъ не сму-

[1]) *Libellus synodicus* „Eadem synodus Antiochena Heleni: synodus divina et sacra provincialis, Antiochiae collecta (cujus praeses erat Helenus, Tarsi episcopus; Theodorus, Mopsuestiae; miraculorum effector, Gregorius, Caesareae Ponti; Anatolius Laodiceae, hierosophus, cujus de paschate canones circumferuntur et Malchion Antiochiae sanctissimus) quae deposuit et abdicavit Paulum Samosatenum, qui nihil aliud, quam Annas et Cajaphas, de Christo docuit". *Mansi*—Op. cit. p. 1100. Попутно отмѣтимъ здѣсь и приведенную у Mansi еще новую версію о томъ-же большомъ Антіохійскомъ соборѣ противъ Павла, какую онъ заимствуетъ ex annalibus Eutychii Patriarchae Alexandrini (X вѣка). Изъ любопытныхъ особенностей этой позднѣйшей версіи укажемъ: на точную дату собора (что онъ происходилъ послѣ восьмилѣтняго правленія Павла), на то, что онъ состоялся уже по смерти подсудимаго, т. е. Павла и, наконецъ, на то, что на соборѣ присутствовало *тридцать* епископовъ. *Ibid.* 1101—1102.

щало категорическое осужденіе этого слова въ посланіи большого Антіохійскаго собора противъ Павла самосатскаго. Желая устранить такое препятствіе, Иларій и пишетъ спеціальный трактатъ Liber de Sinodis seu Fide Orientalium (вѣроятно, въ концѣ 359 года). Здѣсь онъ вполнѣ ясно представлялъ себѣ самое возраженіе и въ должной мѣрѣ съ нимъ считался [1]). Онъ парируетъ его, главнымъ образомъ, тѣмъ, что терминъ „омоусіосъ“ имѣетъ нѣсколько смысловъ и можетъ быть употребленъ, какъ въ православномъ (въ смыслѣ равенства по существу всѣхъ лицъ св. Троицы), такъ и въ еретическомъ значеніи (унитарно-монархіанскомъ, отрицающемъ равноправную личную Троицу) [2]). „Антіохійскіе отцы—комментируетъ мысль Иларія проф. А. Орловъ—осудили этотъ терминъ въ его еретическомъ (унитаристическомъ) значеніи, какое, какъ мы знаемъ, хотѣлъ навязать ему Павелъ. Но когда этотъ самый терминъ оказался удобнымъ для отраженія аріанскаго лжеученія, то никейскіе отцы имѣли полное право возстановить его“ [3]). „Самосатскій нехорошо исповѣдывалъ „омоусіосъ“—говоритъ Иларій: но развѣ аріане лучше поступили, отрицая этотъ терминъ? Восемьдесятъ епископовъ нѣкогда отвергли его, но триста восемнадцать нынѣ приняли его“ [4]). И самъ Иларій, не смотря на все свое сочувствіе антіохійской школѣ [5]), скорѣй на сторонѣ собора трехъ сотъ восемнадцати и *за* принятіе термина „омоусіосъ“, разумѣется, въ его новомъ, православномъ пониманіи [6]). Но этимъ Иларій нисколько не опорачиваетъ авторитета раннѣйшаго Антіохійскаго собора противъ Павла самосатскаго, такъ какъ находитъ и его постановленіе вполнѣ правильнымъ, осудившимъ еретическое употребленіе термина „омоусіосъ“,

[1]) *Sancti Hilarii* Liber de Synodis seu Fide Orientalium“ 81 n.: „secundo quoque id addidistis, quod patres nostri, cum Paulus Samosateus haereticus pronuntiatus est etiam homousion repudiaverint“. *Migne,* PL. X. 479.

[2]) *S. Hilarii:* „habet hoc verbum in se et fidei conscientiam et fraudem paratam“. *Ibid.* 67.

[3]) *Проф. Анатолій Орловъ* „Тринитарныя воззрѣнія Иларія Пиктавійскаго“, стр. 371. Сергіевъ Посадъ 1908.

[4]) *S. Hilarii:* „Male homousion Samosatenus confessus est: sed numquid melius Arii negaverunt? Octoginta episcopi olim respuerunt; sed trecenti ed decem octo nuper receperunt“. *Ibid.* 86.

[5]) О „тѣсной связи“ церковно-литературной дѣятельности Иларія съ направленіемъ знаменитой антіохійской богословской школы смотри у проф. *А. Орлова,* во введеніи къ его монографіи—LXIII стр.

[6]) Развитіе и обоснованіе этого см. въ той-же диссертаціи проф. *Орлова,* стр. 375.

какъ подробнѣе раскрываетъ это Иларій уже въ другой своей историко-полемической работѣ [1]).

Считается съ этимъ возраженіемъ и главный вождь „новоникейской“ группы — каппадокійскій архіепископъ *св. Василій Великій,* занимавшій на востокѣ приблизительно ту-же примирительную позицію, на какой стоялъ Иларій на западѣ [2]). Но Василій Великій судитъ объ этомъ все-же строже, какъ это видно, напр. изъ слѣдующихъ строкъ его „письма къ монахинямъ“: „слово *единосущный (ὁμοούσιος),* будучи худо понимаемо, еще не принято нѣкоторыми... И дѣйствительно, отцы, собравшіеся по дѣлу Павла самосатскаго, опорочивали сіе реченіе, какъ несовсѣмъ удачное. Они говорили, что слово *единосущный* заключаетъ въ себѣ понятіе о сущности и о томъ, что отъ этой сущности; почему раздѣленная уже сущность тѣмъ частямъ, на которыя она раздѣлена, даетъ наименованіе единосущнаго. Но такая мысль имѣетъ развѣ мѣсто въ разсужденіи мѣди и монетъ, сдѣланныхъ изъ мѣди; въ разсужденіи-же Бога Отца и Бога Сына не усматривается такой сущности, которая была-бы первоначальнѣе и выше обоихъ; потому-то и думать и говорить это—выше всякаго нечестія... И таковыхъ—замѣчаетъ Вас. Вел. нѣсколько выше—справедливо иной укоритъ, но опять-же ихъ удостоитъ и извиненія“ [3]), очевидно, за ихъ ревность, хоть и несовсѣмъ по разуму.

Но обстоятельнѣе и глубже всего выясняетъ изслѣдуемое недоразумѣніе главный столпъ православія и борецъ за „омоусію“—св. Аѳанасій, архіеп. александрійскій, въ цѣломъ рядѣ своихъ трактатовъ, въ особенности въ „посланіи о соборахъ, бывшихъ въ Ариминѣ италійскомъ и въ Селевкіи исаврійской“. Онъ отчетливо ставитъ самый предметъ спора: „намъ не нравятся, говорятъ они (противники „омоусіи“), реченія *отъ сущности и единосущный,* потому-что оныя нѣкоторыхъ соблазнили и многихъ возмутили“ [4]). Въ особенности, соблазнялись этимъ почитатели Антіохійскаго собора противъ Павла, какъ отмѣчаетъ это и св. Аѳанасій: „но поелику, какъ они говорятъ, (посланія-же у себя не имѣю), епископы, осу-

[1]) *S. Hilarii*: „Verum omnium conciliorum juste legitimeque actorum decreta firmanda, majorum nostrorum gesta consignat... et iterum in Orientale sub Paulo Samosatis quod statutum est, ab omnibus est signatum“. Ex Opere historico, fragmentum III, *Mg.* PL. X, col. 662 (p. 675).

[2]) *Проф. А. А. Спасскій,* „Исторія догматич. движеній“, стр. 429, 483 и слѣд.

[3]) *Св. Василія Великаго,* Творенія, письмо 48 (52), изд. 3-ье, ч. 6, стр. 130. Сер. Пос. 1892.

[4]) *Св. Аѳанасія, архіеп. александрійскаго,* творенія, ч. 3-ья, стр. 155-ая. Москва 1853.

дившіе самосатскаго, написали, что Сынъ не единосущенъ Отцу, а потому и они, уважая и чтя сказавшихъ сіе, не пріемлютъ сіи реченія" [1]). Св. Аѳанасій, вполнѣ понимая такую психологію и даже сочувствуя искренно заблуждающимся, приглашаетъ ихъ къ совмѣстной спокойно-благожелательной бесѣдѣ. И прежде всего, онъ предлагаетъ отказаться отъ самой неблагочестивой мысли выискивать у отцовъ соборовъ какія-либо несогласія, тѣмъ болѣе, противорѣчія: „почему, если кто порицаетъ отцевъ, сошедшихся въ Никеи: будто-бы сказали они вопреки опредѣленіямъ прежде бывшихъ; то по справедливости долженъ онъ порицать и сихъ семьдесятъ, потомучто они не соблюли опредѣленнаго прежде нихъ бывшими... Но противно справедливости обвинять тѣхъ и другихъ; потомучто всѣ они защищали вѣру Христову, и всѣ ревностно подвизались противъ еретиковъ, и одни осудили самосатскаго, а другое аріанскую ересь. Какъ тѣ, такъ и другіе правильно и хорошо написали относительно къ предположенной имъ цѣли" [2]). Вотъ это-то постоянное вниманіе къ цѣли собора, отрѣшеніе отъ буквы и проникновеніе въ самый духъ ихъ постановленій и должно, по Аѳанасію, быть нашимъ руководственнымъ критеріемъ при оцѣнкѣ соборовъ. „Такъ, если и отцы обоихъ соборовъ (т. е. Никейскаго и Антіохійскаго) различно отзывались о реченіи *единосущный*, то намъ не надлежитъ совершенно не соглашаться съ ними; но должно вникнуть въ ихъ мысль и тогда, безъ сомнѣнія, усмотримъ единомысліе обоихъ соборовъ" [3]). И дальше онъ довольно подробно выясняетъ и доказываетъ, что „каждый соборъ имѣлъ основательную причину, по которой одни сказали такъ, а другіе иначе... Ибо низложившіе Самосатскаго реченіе *единосущный* понимаютъ тѣлесно, потомучто Павелъ хотѣлъ употребить хитрость и говорилъ: если Христосъ не изъ человѣка сдѣлался Богомъ, и слѣдовательно, единосущенъ Отцу, то необходимо быть тремъ сущностямъ—одной первоначальной и двумъ отъ нея происшедшимъ; а посему самому, справедливо опасаясь такого лжеумствованія, составленнаго Самосатскимъ, сказали, что Христосъ неединосущенъ... О Божествѣ-же Сына написавъ, напротивъ, не углубились въ точное значеніе слова *единосущный*" [4]).

[1]) *Тамъ-же,* стр. 169-ая.

[2]) *Тамъ-же*—стр. 170—171.

[3]) *Св. Аѳан. алекс.* творенія, стр. 171.

[4]) *Тамъ-же,* стр. 172 и 173. Комментируя это мѣсто изъ посланія Аѳ. алекс. *проф. Болотовъ* въ особую заслугу святому отцу ставитъ то, что онъ не „стоитъ на сторонѣ дешевой критики, которая желаетъ умолчать, затемнить непріятное. Онъ принимаетъ фактъ, но не желаетъ приводить въ столкновеніе отцовъ". Лекціи II, 336.

„Посему да прекратится всякій споръ, и не будемъ болѣе препираться, если соборы различно принимали реченіе *единосущный*" [1]), вкладывая въ него, каждый разъ, вполнѣ православный, только нѣсколько, быть можетъ, односторонній смыслъ.

Такъ, вполнѣ вѣско и авторитетно, лучшіе богословы четвертаго вѣка защитили честь большого собора въ Антіохіи, отъ того, только кажущагося урона, какой, по мнѣнію нѣкоторыхъ наносилъ ему догматомъ „омоусіи" первый вселенскій соборъ въ Никеѣ. На самомъ-же, дѣлѣ, Никейскій соборъ, въ отношеніи къ ереси Павла самосатскаго былъ вполнѣ солидаренъ съ опредѣленіями раннѣйшихъ Антіохійскихъ соборовъ, и свой строгій взглядъ на послѣдователей Самосатскаго закрѣпилъ даже особымъ канономъ объ ихъ перекрещиваніи, въ случаѣ обращенія ихъ въ истинную церковь [2]). Для насъ-же вся эта полемика и апологія—только лишній и очень убѣдительный показатель того огромнаго идейнаго вліянія, какое продолжали сохранять Антіохійскіе соборы для всего православнаго востока, даже почти столѣтіе спустя послѣ того, какъ они тамъ происходили.

„Соборами въ Антіохіи—говоритъ Hefele—заканчиваются соборы третьяго вѣка" [3]), съ чѣмъ вполнѣ согласны и мы, такъ какъ разсказъ Libelli synodici о соборномъ диспутѣ въ Месопотаміи между еп. Архелаемъ и ересіархомъ Манесомъ, по вѣрному отзыву того-же Hefele, „не болѣе, какъ выдумка", а непосредственно слѣдующій, далѣе, Эльвирскій соборъ принадлежитъ уже началу четвертаго вѣка (наиболѣе вѣроятная дата 305 г.) и во всякомъ случаѣ характеренъ не для гонимой церкви первыхъ трехъ вѣковъ, а для начинающей торжествовать церкви константиновой эпохи. Поэтому, надѣемся, въ правѣ и мы считать себя достигшими естественнаго предѣла своего утомительно длиннаго и многотруднаго пути.

[1]) *Тамъ-же,* стр. 174.

[2]) Правило 19-ое „о павлинистахъ". *Никодимъ Милашъ* „Правила съ толкованіями", стр. 233 и слѣд. Объ этой ереси или сектѣ „павлинистовъ" или „самосатянъ" (по имени или прозвищу ея основателя) говорятъ ересеологи *Епиф.* 65 и *бл. Августинъ,* 44. Но уже *бл. Ѳеодоритъ,* писавшій около 450 г. отмѣчаетъ, что самая секта исчезла, а осталась только память объ ея имени. См. *Tillemont*—VI, 302—303 и „Samosatens" in Dictonary... *Blunt,* 517.

[3]) *Hefele-Leclercq* Op. cit. I, I, 205.

Окидывая весь пройденный нами путь, въ его цѣломъ, однимъ послѣднимъ, прощальнымъ взглядомъ, мы, наряду съ чувствомъ понятнаго облегченія отъ завершенія работы нѣсколькихъ лѣтъ, охвачены порывомъ самаго искренняго преклоненія и благоговѣйнаго восторга предъ внутреннимъ величіемъ, несокрушимой мощью и духовной красотой древнѣйшей церкви—церкви первыхъ трехъ вѣковъ! Лишенная нетолько какой-либо внѣшней опоры, но и самыхъ элементарныхъ правъ граждански-легальнаго существованія, поставленная лицомъ къ лицу предъ враждебнымъ и нерѣдко жестоко ее гнавшимъ римскимъ правительствомъ и тогдашнимъ обществомъ, обуреваемая со всѣхъ сторонъ многочисленными внѣшними и внутренними врагами, эта церковь была преисполнена такихъ могучихъ, жизненно-творческихъ началъ, что нетолько жила, росла и процвѣтала сама, но постепенно подготовляла и свою полную побѣду надъ враждебными ей стихіями языческаго міра, окончательно приведеннаго ею при Константинѣ Великомъ къ подножію креста! Всѣмъ этимъ древняя церковь, разумѣется, прежде всего, была обязана тому, что она являлась хранительницей и провозвѣстницей великой небесной религіи, принесенной на землю самимъ Богочеловѣкомъ. Но если говорить о земныхъ, естественно-историческихъ факторахъ ея развитія и роста, то въ ряду нихъ на одно изъ первыхъ мѣстъ мы должны поставить „церковные соборы“, какъ наиболѣе дѣйствительное и могучее средство возбуждать къ работѣ коллективный разумъ церкви и возгрѣвать присно живущій въ ней духъ соборно-вселенскаго единства.

Въ этомъ мы и видимъ главную заслугу соборовъ древнѣйшей церкви и ихъ краснорѣчивый, незабываемый урокъ, или вѣрнѣе, святой завѣтъ на всѣ послѣдующія времена.

Приложеніе 1-ое.

„Мнѣніе епископсвъ въ числѣ LXXXVII-ми о подлежащихъ крещенію еретикахъ“ (по изданію Hartel'я).

Когда въ сентябрьскіе календы собрались на соборъ (сошлись вмѣстѣ cenuenissent in unum) въ Карѳагенъ весьма многіе епископы изъ провинціи Африка — Нумидія — Мавританія вмѣстѣ съ пресвитерами и діаконами, въ присутствіи также большой части народа, и послѣ того, какъ прочитано было письмо Юбайяна къ Киприану, а также и отвѣтное—Киприана къ Юбайяну о подлежащихъ крещенію еретикахъ и то, что послѣ сего Юбайянъ отписывалъ Киприану, Киприанъ сказалъ: „вы выслушали, любезнѣйшіе товарищи, что писалъ мнѣ епископъ нашъ Юбайянъ, совѣтуясь съ нашей мѣрностью, о недозволенномъ и скверномъ (inlicito et profano) крещеніи еретико въ что я ему отписывалъ, придерживаясь, разумѣется, того, что разъ-навсегда (semel adque iterum et saepe, однажды и снова и часто) мы положили, именно, что еретиковъ, приходящихъ къ церкви, надлежитъ крестить и освящать церковнымъ крещеніемъ. Также прочитано вамъ и другое письмо Юбайяна, которымъ онъ, по своему искреннему и религіозному почтенію, отвѣчая на наше письмо, нетолько соглашается, но даже и благодаритъ, признаваясь, что онъ теперь наученъ. Остается теперь, чтобы объ этой самой вещи мы, каждый по одиночкѣ, объявили то, что думаемъ (quid sentiamus, отсюда, очевидно, и sententiae episcoporum), никого не осуждая, или не отдѣляя судомъ отъ общенія, если кто-либо думаетъ различное (diuersum, несогласное, противоположное, обратное). Ибо никто изъ насъ не поставляетъ себя епископомъ епископовъ (episcorum se episcoporum constituit), или тираннической угрозой не приводитъ своихъ товарищей къ необходимости послушанія (obsequendi, слѣдованія, уступки), когда каждый епископъ, по праву своей свободы и власти, имѣетъ собственное рѣшеніе (arbitrium) и настолько-же не можетъ быть судимъ отъ другого, насколько и самъ не можетъ судить другаго. Но всѣ мы ждемъ суда Господа нашего Іисуса Христа, который одинъ и только Онъ одинъ имѣетъ власть и поставленія насъ къ управленію въ Его церкви и сужденія за нашъ поступокъ“.

1. Цецилій изъ Билты сказалъ:

Я знаю одно крещеніе—въ церкви, и внѣ церкви—никакого. Одно будетъ то, гдѣ есть истинная надежда и правильная вѣра (fides certa). Ибо такъ написано: *едина вѣра, едина надежда, едино крещеніе*, но не

у еретиковъ, гдѣ нѣтъ никакой надежды и гдѣ ложная вѣра, гдѣ все ведется путемъ обмана: заклинаетъ бѣсовъ одержимый бѣсомъ и вопрошаетъ о таинствѣ тотъ, уста и слова котораго посылаютъ гангрену, гдѣ вѣру даетъ невѣрующій, прощеніе прегрѣшеній раздаетъ преступникъ, во имя Христа кропитъ антихристъ, благословляетъ проклятый Богомъ, обѣщаетъ жизнь мертвый, даетъ міръ безпокойный, призываетъ Бога богохульникъ, священство правитъ мірянинъ, алтаремъ располагаетъ святотатецъ. Ко всему этому присоединяется и то зло, что намѣстникъ діавола (antistes diaboli) осмѣливается совершать евхаристію. Или тѣ, которые при нихъ состоятъ говорятъ, что все это—ложно объ еретикахъ. И вотъ, слѣдовательно, церковь принуждается на таковое соглашаться и принимать безъ крещенія и безъ прощенія преступленій. Мы, братіе, этой вещи должны бѣгать и отдѣлять себя отъ такого преступленія и держать едино крещеніе, которое даровано Богомъ одной только церкви.

2. Примъ изъ Мисирпы сказалъ:

Полагаю, что всякаго человѣка, приходящаго отъ ереси, должно крестить. Ибо напрасно онъ думаетъ, что крещенъ, когда нѣтъ крещенія, кромѣ какъ въ церкви, единаго и истиннаго, потомучто и Богъ единъ и вѣра одна и церковь едина, въ которой находится едино крещеніе и освященіе и прочее. Ибо что исполняется внѣ (ея, т. е. церкви), то не имѣетъ никакого спасительнаго дѣйствія.

3. Поликарпъ изъ Адрумета сказалъ:

Кто одобряетъ крещеніе еретиковъ, тотъ упраздняетъ наше.

4. Новатъ изъ Тамогады сказалъ:

Да будетъ намъ извѣстно, что все Писаніе даетъ намъ свидѣтельство о спасительномъ крещеніи: слѣдовательно, мы должны выразить нашу вѣру, что еретиковъ и раскольниковъ (haereticos et schismaticos) приходящихъ къ церкви, которые оказываются ложнокрещенными, тѣхъ надлежитъ крестить въ неизсякаемомъ источникѣ; и посему, согласно свидѣтельству Писаній и согласно опредѣленію нашихъ коллегъ, мужей священнѣйшей памяти, усматривается, что всѣхъ схизматиковъ и еретиковъ, которые обращаются къ церкви, крестить, а тѣхъ, которые были рукоположены—принимать мірянами.

5. Немезіанъ изъ Тубунъ сказалъ:

Крещеніе, которое даютъ еретики и схизматики не есть истинное и повсюду въ священномъ Писаніи возвѣщено, что сами предстоятели ихъ (praepositi) суть ложные христы и ложные пророки, по слову Господа черезъ Соломона: *кто утверждается на лжи, тотъ пасетъ вѣтры, тотъ гоняется за птицами летающими: ибо онъ оставилъ пути своего*

виноградника и блуждаетъ по тропинкамъ поля своего; проходитъ чрезъ безводную пустыню и землю, обреченную на жажду, собираетъ руками безплодіе. И снова: *отъ воды-же чужой удаляйся, и изъ источника чужаго не пей, чтобы пожить многое время и чтобы прибавились тебѣ лѣта жизни* (Притч. 9, 12 и 18). И въ Евангеліи божественнымъ своимъ голосомъ Господь нашъ Христосъ сказалъ, научая: *„если кто не будетъ возрожденъ отъ воды и Духа, не можетъ войдти въ царствіе Божіе* (Іо. 3, 5). Это есть Духъ, который отъ начала носился надъ водою. Ибо не Духъ безъ воды, ни вода безъ Духа не можетъ дѣйствовать отдѣльно. Слѣдовательно, плохо толкуютъ себѣ тѣ, которые говорятъ, что они получаютъ Святаго Духа черезъ возложеніе рукъ и такимъ образомъ принимаются обратно, такъ какъ очевидно что и тому и другому таинству надлежитъ оздоровить ихъ въ каѳолической церкви. Тогда они могутъ быть сынами Божіими, по слову апостола: *стараясь сохранить единство духа въ союзѣ мира, одно тѣло и одинъ духъ, какъ вы и призваны къ одной надеждѣ вашего званія, одинъ Господь, одна вѣра, одно крещеніе* (Ефес. 4, 3—5). Все это говорится о каѳолической церкви. И снова въ Евангеліи говоритъ Господь: *рожденное отъ плоти, плоть есть, а рожденное отъ Духа, духъ есть, потомучто Богъ есть Духъ и отъ Бога рожденъ* (Іо. 3, 6). Слѣдовательно, всѣ еретики и схизматики и все, чтобы они не дѣлали суть плотское, по слову апостола: *ибо дѣла плоти извѣстны, они суть: прелюбодѣяніе, блудъ, нечистота, непотребство, идолослуженіе, волшебство, вражда, ссоры, зависть, гнѣвъ, распри, ереси и тому подобное: о чемъ я прежде сказалъ вамъ, какъ и предваряю, что кто это дѣлаютъ, тѣ царствія Божія не наслѣдуютъ* (Гал. 5, 19—21). Итакъ, апостолъ осуждаетъ наравнѣ со всѣми злыми и тѣхъ, которые дѣлаютъ раздѣленія, то есть схизматиковъ и еретиковъ. Слѣдовательно, если они не получатъ спасительнаго крещенія въ каѳолической церкви, которая есть одна, то не могутъ быть спасены, но осудятся съ плотскими, по суду Господа Христа.

6. Януарій изъ Ламбезы сказалъ:

Согласно авторитету Священнаго Писанія опредѣляю, что всѣ еретики должны быть крещены и такимъ путемъ присоединены къ церкви.

7. Луцій изъ Кастро-Галльбы сказалъ:

Когда Господь въ своемъ Евангеліи сказалъ: *„вы соль земли. Если-же соль потеряетъ силу, то чѣмъ-же она приправляется (condietur)? Она уже ни къ чему не годна, какъ развѣ выбросить ее вонъ, на попраніе людямъ* (Мѳ. 5, 13). И въ другой разъ, послѣ своего воскресенія, посылая своихъ апостоловъ, поручаетъ имъ, говоря: *„дана Мнѣ всякая власть на небѣ и на землѣ. Итакъ идите, научите всѣ*

народы, крестя ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа (Мѳ. 28, 18, 19). Итакъ, да будетъ очевидно, что еретики, т. е. враги Христа не имѣютъ цѣльнаго исповѣданія таинства, что равнымъ образомъ схизматики не могутъ снабдѣвать (condire, приправлять, снабжать) небесной мудростью, когда, удалившись отъ церкви, которая есть едина, они сами сдѣлались заблудившимися противниками, пусть будетъ, какъ написано: *„домы противниковъ закона подлежатъ разоренію“* (Притч. 14, 11); и слѣдовательно тѣхъ, которые осквернены, будучи крещены противниками, слѣдуетъ прежде очистить и тогда только крестить.

8. Кресцентъ изъ Цирты сказалъ:

Когда столь большое собраніе святѣйшихъ сослужителей (consacerdotum), по прочтеніи письма возлюбленнѣйшаго нашего Киприана къ Юбайяну, а также и къ Стефану, которое содержитъ въ себѣ такой подборъ (descendentium, схожденіе, проникновеніе) святѣйшихъ свидѣтельствъ изъ божественнаго Писанія, что по справедливости всѣ мы, объединенные по благодати Бога, должны придти къ соглашенію; то я полагаю, что всѣ еретики и схизматики, которые пожелаютъ придти къ каѳолической церкви, не раньше должны быть допущены, какъ будутъ предварительно оглашены (exorcizati, закляты, освобождены отъ злаго духа) и крещены; примиряются они, однако, чрезъ возложеніе руки, путемъ церковнаго покаянія (in paenitentia ecclesiae reconcilientur).

9. Никомедъ изъ Сегермиса сказалъ:

Мое мнѣніе таково, что еретики, приходящіе къ церкви, крещаются для того, чтобы внѣ (церкви), у грѣшниковъ не достигалось-бы никакого отпущенія грѣховъ.

10. Моннулъ изъ Жирбы сказалъ:

Истина матери нашей (каѳолической) церкви (всегда) у насъ, братья, пребывала и остается въ томъ, что въ крещеніи есть Троичность, по слову нашего Господа: *„идите и крестите народы во имя Отца и Сына и Святаго Духа“* (Мѳ. 28, 19). Поэтому, когда мы завѣдомо знаемъ, что еретики не имѣютъ ни Отца, ни Сына, ни Духа Святаго, то должно приходящихъ къ матери нашей церкви возрождать и крещать, чтобы зараза (cancer, ракъ, гангрена), какую они имѣютъ и препятствующій гнѣвъ осужденія и заблужденія былъ-бы омытъ (sanctificetur— освященъ) чрезъ святую и небесную баню (lauacrum).

11. Секундинъ изъ Цедіи сказалъ:

Такъ какъ Господь нашъ Христосъ говоритъ: *кто не со Мною, тотъ противъ Меня* (Мѳ. 12, 30) и ап. Іоаннъ тѣхъ, которые вышли изъ церкви называетъ антихристами, то несомнѣнно, что враги Христа, названные также антихристами, не могутъ сообщать (ministrare) благодати спасительнаго крещенія. И потому я полагаю, что тѣ, которые прибѣгаютъ отъ еретическихъ козней къ церкви, должны быть крещены нами, которые названы друзьями Бога, по удостоенію отъ Него.

12. Феликсъ изъ Багъ сказалъ:

Подобно тому, какъ слѣпецъ, ведущій слѣпца падаетъ вмѣстѣ съ нимъ въ ровъ, такъ и когда еретикъ крещаетъ еретика, то оба впадаютъ въ смерть. И потому еретикъ долженъ быть крещенъ и оживотворенъ (uiuificandus), чтобы мы живые не пріобщались-бы мертвымъ.

13. Поліанъ изъ Милео сказалъ:

Справедливо еретику быть крещену во святой церкви.

14. Теогенъ изъ Иппона Царскаго сказалъ:

Согласно таинству (sacramentum) небесной благодати Бога, которое мы получили, вѣримъ во едино крещеніе, которое есть во святой церкви.

15. Дативъ изъ Вадъ сказалъ:

Мы, поскольку зависитъ отъ насъ, съ еретикомъ не сообщаемся, развѣ только, если онъ будетъ крещенъ и получитъ отпущеніе грѣховъ.

16. Сукцессъ изъ Аббиръ-Германиціаны сказалъ:

Еретикамъ или все позволено, или ничего не позволительно. Если они могутъ крестить, то могутъ преподать и Св. Духа. Если же дать Св. Духа они не могутъ, такъ какъ сами Св. Духа не имѣютъ, то не могъ духовно (spiritualiter) и крестить. Потому я полагаю, что еретики должны быть крещаемы.

17. Фортунатъ изъ Туккабора сказалъ:

Господь и Богъ нашъ Іисусъ Христосъ Сынъ Бога-Отца и Творца основалъ церковь на Петрѣ, а не на ереси, и далъ властъ (potestatem, возможность, полномочіе) крещенія епископамъ, а не еретикамъ. Посему, кто внѣ церкви и стоятъ противъ Христа, хотя и окропляютъ овецъ Его и стадо, но извнѣ крестить не могутъ.

18. Седатъ изъ Тубурбо сказалъ:

Насколько вода во святой церкви по молитвѣ священства омываетъ согрѣшенія, настолько чрезъ еретическую рѣчь, какъ-бы черезъ какую-то заразительную гангрену, она умножаетъ грѣхи. Поэтому, всѣмъ ищущимъ мира, надо всемѣрно стараться, чтобы никто не былъ зараженъ еретическимъ заблужденіемъ и не раздумывалъ-бы одиноко получить истинное крещеніе церкви, такъ какъ каждый, кто не будетъ имъ крещенъ, становится чуждъ небеснаго царствія.

19. Привацианъ изъ Суфетулы сказалъ:

Кто говоритъ, что еретики имѣютъ власть крещенія, пусть прежде скажетъ, кто основалъ ересь? Ибо, если ересь — отъ Бога, то можетъ

имѣть и божественное отпущеніе грѣховъ (indulgentiam); если-же она не отъ Бога, то какимъ-же образомъ можетъ она имѣть, или кому либо сообщить божественную благодать?

20. Приватъ изъ Суфъ сказалъ:

Тотъ, кто одобряетъ крещеніе еретиковъ, что иное дѣлаетъ, какъ не вступаетъ въ общеніе съ еретиками?

21. Гортензіанъ изъ Ларъ сказалъ:

Пусть видятъ предубѣжденные или покровители еретиковъ: мы объявляемъ одно крещеніе, относительно котораго мы знаемъ, что оно бываетъ не иначе, какъ только въ церкви. И какимъ-же образомъ могутъ крестить кого-либо во имя Христа тѣ, кого Самъ Христосъ назвалъ своими противниками?

22. Кассій изъ Макомадъ сказалъ:

Такъ какъ двухъ крещеній быть не можетъ, то тотъ, кто уступаетъ крещеніе еретикамъ, отнимаетъ его у себя. Поэтому полагаю, что достойные слезъ и тлѣющіе еретики должны быть крещаемы, когда начнутъ приходить къ церкви, и омытые святой и божественной баней будутъ воспринимаемы въ церковь, (прежде) непросвѣщенные въ свѣтѣ истины, не врагами, но примиренными, не чужими, но домашними по божественной вѣрѣ, не блудниками, но дѣтьми Бога, достигшими не заблужденія, но спасенія, кромѣ тѣхъ, которые изъ церкви вѣрныхъ были пересажены къ мраку ереси; тѣхъ должно возстановлять чрезъ возложеніе рукъ.

23. Другой Януарій изъ Вико-Цезаря сказалъ:

Если заблужденіе не повинуется истинѣ, то тѣмъ болѣе истина не сочувствуетъ заблужденію. Мы потому и стоимъ при церкви, въ которой начальствуемъ (praesidemus), чтобы объявлять крещеніе въ ней самой и только въ ней одной, и чтобы крестить тѣхъ, кого она не крестила.

24. Другой Секундинъ изъ Карпъ сказалъ:

Еретики христіане или нѣтъ? Если христіане, то почему они не въ церкви Бога? Если-же не христіане, то пусть будутъ. Или къ кому-же относится рѣчь Господа говорящаго: *кто не со Мною, тотъ противъ Меня, и кто со Мною не собираетъ, тотъ расточаетъ* (Мѳ. 12, 30)? Отсюда слѣдуетъ, что на чужихъ сыновъ и питомцевъ антихриста Св. Духъ чрезъ руковозложеніе никоимъ образомъ низведенъ быть не можетъ, такъ какъ очевидно, что еретики не имѣютъ крещенія.

25. Викторикъ изъ Табраки сказалъ:

Если позволить еретикамъ крестить и давать отпущеніе грѣховъ, то за что-же мы ихъ хулимъ и называемъ еретиками?

26. Другой Феликсъ изъ Утины сказалъ:

Никому несомнѣнно, святѣйшіе сослужители, что нестолько человѣческое предрасположеніе можетъ, сколько величіе Господа нашего Христа должно быть почитаемо и прославляемо. Итакъ, помня объ опасности, мы должны нетолько уберечься отъ нея, но также и согласно (ab omnibus nobis ото всѣхъ насъ) утвердить истину, что всѣ еретики, которые прибѣгаютъ къ лону матери церкви, крещаются, чтобы еретическая мысль, которая осквернялась продолжительной болѣзнью (tabe), будучи очищена освященіемъ омовенія, преобразилась-бы къ лучшему.

27. Квіетъ изъ Бурука сказалъ:

Мы, которые живемъ вѣрою, должны повиноваться тому, что для нашего поученія раньше сказано, на основаніи достовѣрнаго наблюденія. Ибо написано у Соломона: *кто крестится отъ мертваго, что пользы получаетъ отъ его омовенія?* (Прем. І. Сир. 34, 25). Это во всякомъ случаѣ говорится о тѣхъ, которые окропляются отъ еретиковъ и объ окропляющихъ. Ибо если тѣ, кто у нихъ крещаются, наслѣдуютъ чрезъ отпущеніе грѣховъ вѣчную жизнь, то зачѣмъ приходятъ къ церкви? Если-же въ дѣйствительности отъ мертваго не получается никакого спасенія, и потому отъ признаннаго прежняго заблужденія возвращаются съ покаяніемъ къ истинѣ, то очевидно, что должны и освятиться животворящимъ крещеніемъ, которое есть въ каѳолической церкви.

28. Кастъ изъ Сикки сказалъ:

Кто, презрѣвъ истину, напередъ убѣжденъ, что онъ слѣдуетъ обычаю, тотъ или завидуетъ братьямъ и недоброжелателенъ (malignus) къ тѣмъ, кому открылась истина, или неблагодаренъ по отношенію къ Богу, внушеніемъ котораго церковь руководится.

29. Еврατій изъ Тенъ сказалъ:

Господь и Богъ нашъ Іисусъ Христосъ восполнилъ нашу вѣру и благодать крещенія и правило церковнаго закона, лично (suo ore, своими устами) поучая апостоловъ и говоря: *идите и научите язычниковъ, крестя ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа* (Мѳ. 28, 19). Слѣдовательно, ложное и неправое крещеніе еретиковъ должно быть отвергнуто нами и лишено всякаго удостовѣренія, изъ устъ которыхъ течетъ ядъ, а не жизнь, не небесная благодать, но поруганіе троичности. И потому очевидно, что приходящихъ къ церкви еретиковъ должно крестить неповрежденнымъ каѳолическимъ крещеніемъ, чтобы очищенные отъ богохульнаго своего предубѣжденія могли быть возстановлены благодатью Св. Духа.

30. Либозъ изъ Ваги сказалъ:

Господь въ Евангеліи говоритъ: „*Я—истина*“ (Іо. 14, 6), а не сказалъ: Я—обычай. Итакъ, по удостовѣренію самой истины, обычай усту-

паетъ истинѣ, такъ что, хотя-бы въ прошломъ кто-нибудь еретиковъ и не крестилъ, теперь пусть начнетъ крестить.

31. Левкій изъ Тебесты сказалъ:

Я полагаю, что хулящіе и нечестивые еретики, извращающіе пустыми словами святыя и достопочтенныя словеса Писаній, должны быть приняты и потому должны быть очищены (exorcizandos) и крещены.

32. Евгеній изъ Аммедеры сказалъ:

И я полагаю то-же самое, что еретики должны быть крещаемы.

33. Также другой Феликсъ изъ Баммакоры сказалъ:

Вотъ, слѣдуя авторитету божественнаго Писанія, я полагаю, что еретики должны быть крещаемы, а также и тѣ, которые считаются схизматиками. Ибо, если навѣрное нашъ источникъ есть собственность Христа, то пусть разумѣютъ всѣ противники нашей церкви, что чуждымъ онъ быть не можетъ. И не можетъ двумъ народамъ удѣлять спасительную воду тотъ, кто есть Пастырь единаго стада. И потому ясно, что еретики и схизматики не могутъ присвоять себѣ чего-либо небеснаго, тѣ, которые осмѣлятся получать отъ грѣшныхъ людей, ушедшихъ отъ церкви. Когда-же ничего не значитъ дающій (нѣтъ мѣста дающему), то ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть полезно и получающему.

34. Также другой Януарій Музуленскій сказалъ:

Удивляюсь, когда всѣ соглашаются, что крещеніе едино, но не всѣ разумѣютъ единство того самаго крещенія. Ибо церковь и ересь—двѣ и различныхъ вещи. Если крещеніе имѣютъ еретики, то не имѣемъ его мы; если же имѣемъ мы, то не могутъ имѣть еретики. Несомнѣнно также, что одна только церковь владѣетъ Христовымъ крещеніемъ, потомучто она одна только обладаетъ и Христовой благодатью и истиной.

35. Аделфій изъ Тасуалты сказалъ:

Безъ причины, ложнымъ и завистливымъ (inuidioso) словомъ сражаются съ истиной, когда говорятъ, что мы перекрещиваемъ, тогда какъ церковь еретиковъ не перекрещиваетъ, но креститъ.

36. Димитрій изъ Лептиминуса сказалъ:

Мы охраняемъ едино крещеніе, такъ какъ приписываемъ одной только церкви ея дѣло. Кто-же говорятъ, что еретики истинно и законно крестятъ, сами суть тѣ, которые допускаютъ (faciunt, совершаютъ) не два, но многія крещенія. Ибо, такъ какъ ересей много, то по числу ихъ сосчитываются и крещенія.

37. Винцентъ изъ Тибары сказалъ:

Мы знаемъ, что еретики хуже, чѣмъ язычники. Если-бы они, обратившись пожелали-бы придти ко Господу, то пусть, во всякомъ случаѣ,

имѣютъ правило истины, которое Господь преподалъ божественной заповѣдью апостоламъ, говоря: *идите, именемъ Моимъ возлагайте руку, изгоняйте бѣсовъ*. И въ другомъ мѣстѣ: *идите и научите язычниковъ, крестя ихъ во имя Отца и Сына и Св. Духа* (Мр. 16, 17; Мѳ. 28, 19). Итакъ, во первыхъ, чрезъ возложеніе руки въ оглашеніи (exorcismo. заклинаніями), во вторыхъ, чрезъ возрожденіе крещенія; тогда-то они могутъ приходить къ обѣтованію Христа. Иначе-же не должно.

38. Маркъ изъ Мактары сказалъ:

Неудивительно, если враги и воюющіе съ истиной присвояютъ себѣ вещь истины, и власти и чуждаго достоинства. Но то удивительно, что нѣкоторые наши лицемѣры истины содѣйствуютъ еретикамъ и противостоятъ христіанамъ. Потому мы опредѣлили, что еретики должны быть крещаемы.

39. Саттій изъ Сициллибы сказалъ:

Если еретикамъ въ ихъ крещеніи отпускаются грѣхи, то безъ причины приходятъ они къ церкви. Ибо хотя и есть грѣхи, которые наказываются въ день суда, но нѣтъ ничего такого, почему еретики могли-бы бояться суда Христа, если они получаютъ отпущеніе грѣховъ.

40. Викторъ изъ Гордубы сказалъ:

Такъ какъ грѣхи отпускаются не иначе, какъ только чрезъ крещеніе въ церкви, то, кто присоединяетъ къ общенію еретика безъ крещенія, поступаетъ вопреки всякому разсужденію: и еретиковъ не очищаетъ и христіанъ оскверняетъ.

41. Аврелій изъ Утики сказалъ:

Такъ какъ апостолъ говоритъ, что не должно пріобщаться чужимъ грѣхамъ, то что иное (дѣлаетъ), какъ не пріобщается чужимъ грѣхамъ тотъ, кто сообщается съ еретиками безъ крещенія церкви? И посему я полагаю, что должны быть крещаемы еретики, чтобы они получили отпущеніе грѣховъ и чтобы съ ними, такимъ образомъ, возможно было общеніе.

42. Ямбъ изъ Германиціаны сказалъ:

Которые одобряютъ крещеніе еретиковъ, тѣ не одобряютъ нашего, такъ какъ отрицаютъ, что надлежитъ крестить въ церкви, не скажу, измовенныхъ, но загрязненныхъ внѣ церкви.

44. Луціанъ изъ Рукумы сказалъ:

Написано: *и увидѣлъ Богъ свѣтъ, что онъ хорошъ и раздѣлилъ между свѣтомъ и тьмою* (Быт. I, 4). Если-бы возможно свѣту сойдтись со тьмою, можно было-бы и намъ быть въ общеніи съ еретиками. Посему полагаю, что еретики должны быть крещаемы.

44. Пелагіанъ изъ Люперціаны сказалъ:

Написано: *ибо или Богъ есть Богъ, или Ваалъ есть Богъ* (III Цар. 18, 21). Такъ и теперь: или церковь есть церковь, или ересь есть церковь. Далѣе, если-же ересь не есть церковь, то какимъ образомъ у еретиковъ возможно крещеніе церкви?

45. Ядеръ изъ Мидилы сказалъ:

Мы знаемъ, что нѣтъ крещенія, кромѣ единаго въ каѳолической церкви, и посему мы не должны присоединять еретика, если онъ не будетъ крещенъ у насъ, чтобы онъ не подумалъ, что существуетъ крещеніе и внѣ каѳолической церкви.

46. Также другой Феликсъ изъ Маразаны сказалъ:

Едина вѣра, едино крещеніе, но позволено крестить только одной каѳолической церкви.

47. Павелъ изъ Оббы сказалъ:

Меня не трогаетъ, если кто-либо не признаетъ вѣры и истины церкви, когда апостолъ говоритъ: *ибо что-же, если нѣкоторые изъ нихъ отпадаютъ* (excidunt) *отъ вѣры? Развѣ невѣрность ихъ упраздняетъ вѣрность Божію? Это отсутствуетъ. Ибо Богъ вѣренъ, всякій-же человѣкъ ложь* (Рим. 3, 3—4). Какимъ-же образомъ можетъ быть истина крещенія у еретиковъ, у которыхъ нѣтъ Бога?

48. Помпоній изъ Діониссіаны сказалъ:

Очевидно, что не могутъ крещать и давать отпущенія грѣховъ еретики, которые не имѣютъ власти что-либо рѣшить и вязать на землѣ.

49. Венацій изъ Тиниссы сказалъ:

Если мужъ отправляясь путешествовать за-границу передалъ-бы своему другу свою жену для охраны, то не сохранялъ-ли бы этотъ порученную ему, съ возможнымъ для него усердіемъ, чтобы ея чистота и непорочность ни отъ кого не нарушалась-бы (adulteraretur)? Господь и Богъ нашъ Христосъ, отходя къ Отцу, поручилъ намъ свою невѣсту. Что-же мы, сохранимъ-ли ее неповрежденной и свободной отъ насилованія, или предадимъ ея нетронутость и чистоту прелюбодѣямъ и растлителямъ? Ибо, кто церковное крещеніе дѣлаетъ общимъ съ еретиками, тотъ предаетъ любодѣямъ невѣсту Христову.

50. Ахиммъ изъ Авсуаги сказалъ:

Мы получили одно крещеніе и это самое совершаемъ (exercemus, практикуемъ). Кто-же говоритъ, что позволено крещать еретикамъ, тотъ самъ дѣлаетъ два крещенія.

51. Сатурнинъ изъ Викторіаны сказалъ:

Если еретикамъ позволено крещать, то они, дѣлающіе незаконное,

извинены и защищены, и я не вижу, почему Христосъ назвалъ ихъ своими противниками, а апостолъ антихристами?

52. Другой Сатурнинъ изъ Тукки сказалъ:

Хотя язычники чтутъ идоловъ, однако они знаютъ и признаютъ и высочайшаго Бога Отца и творца. На Него Маркіонъ изрекаетъ хулу: и нѣкоторые не краснѣютъ одобрять крещеніе Маркіоново. Какимъ-же образомъ таковые священники или сохраняютъ священство Божіе, или его присвояютъ (uindicant), которые враговъ Божіихъ не крестятъ и такъ сообщаются съ оными?

53. Марцеллъ изъ Замы сказалъ:

Такъ какъ грѣхи отпускаются не иначе, какъ только чрезъ крещеніе въ церкви, то тотъ, кто не крститъ еретика, пріобщается грѣшнику.

54. Ириней изъ Улулы сказалъ:

Если церковь не крестила еретика, но кто-либо скажетъ, что онъ крещенъ, то это—еще бо́льшая ересь.

55. Донатъ изъ Цибальяны сказалъ:

Я призналъ одну церковь и одно крещеніе. И если кто-либо скажетъ, что у еретиковъ есть благодать крещенія, тотъ предварительно долженъ показать и доказать, что тамъ есть церковь.

56. Зосима изъ Тарассы сказалъ:

Послѣ того, какъ совершилось откровеніе истины, страхъ уступилъ мѣсто истинѣ, потомучто и Петръ, который прежде обрѣзывалъ (circumcidebat), уступилъ Павлу, проповѣдующему истину.

57. Юліанъ изъ Телепты сказалъ:

Написано: *никто не можетъ чего-либо получить, если не будетъ дано ему съ неба* (Io. 3, 27). Если ересь — съ неба, она можетъ дать и крещеніе.

58. Фавстъ изъ Тимиды Царекой сказалъ:

Пусть не обольщаются тѣ, которые покровительствуютъ еретикамъ. Кто вступается за еретиковъ въ церковномъ крещеніи, тотъ дѣлаетъ оныхъ христіанами, а насъ еретиками.

59. Геминій изъ Фурны сказалъ:

Нѣкоторые изъ товарищей могутъ еретиковъ предпочесть себѣ, но не могутъ намъ. И потому, какъ опредѣлили однажды, держимъ, что еретиковъ приходящихъ крестимъ.

60. Рогаціанъ изъ Новы сказалъ:

Христосъ основалъ церковь, діаволъ ересь. Какимъ-же образомъ синагога сатаны можетъ имѣть крещеніе Христа?

61. Терапій изъ Буллы сказалъ:

Кто уступаетъ и передаетъ еретикамъ крещеніе церкви, чѣмъ иначе оказывается, какъ не Іудой Христовой невѣсты?

62. Также другой Луцій изъ Мембрессы сказалъ:

Написано: *Богъ грѣшника не слушаетъ* (Io. 9, 31). Еретикъ—есть грѣшникъ, какимъ-же образомъ онъ можетъ быть услышанъ въ крещеніи?

63. Также другой Феликсъ изъ Бузлацены сказалъ:

Въ принятіи еретиковъ безъ крещенія церкви никто пусть не предпочитаетъ обычая разуму и истинѣ, такъ какъ разумъ и истина исключаютъ обычай.

64. Другой Сатурнинъ изъ Авитины сказалъ:

Если антихристъ можетъ кому-либо сообщать Христову благодать, то могутъ крестить и еретики, которые названы антихристами.

65. Квинтъ изъ Аггіи сказалъ:

Нѣчто дать можетъ тотъ, кто что-либо имѣетъ. Что-же могутъ дать еретики, о которыхъ извѣстно, что они ничего не имѣютъ?

66. Другой Юліанъ изъ Марцеллины сказалъ:

Если человѣкъ можетъ служить двумъ господамъ—Богу и мамонѣ, то можетъ и крещеніе служить обоимъ—христіанину и еретику.

67. Тепаксъ изъ Горреи-Целіи сказалъ:

Писано, что единъ Богъ и единъ Христосъ и едина церковь и едино крещеніе. Какимъ-же образомъ кто-либо можетъ крестить тамъ, гдѣ нѣтъ Бога, Христа и церкви?

68. Другой Викторъ изъ Ассуры сказалъ:

Одно крещеніе, но въ церкви. Гдѣ-же нѣтъ церкви, тамъ не можетъ быть и крещенія.

69. Дѳнатулъ изъ Капсы сказалъ:

И я всегда мыслилъ (sensi, чувствовалъ), что еретики, которые ничего не могутъ достигать внѣ (церкви), когда обращаются къ церкви, крещаются.

70. Верулъ изъ Рузиккафы сказалъ:

Еретикъ человѣкъ не можетъ дать, чего не имѣетъ; тѣмъ болѣе схизматикъ, который, и что имѣлъ, то потерялъ.

71. Пуденціанъ изъ Куикулы сказалъ:

Постановленіе епископата сдѣлало (novitas episcopatus effecit), любезнѣйшіе братья, чтобы я поддерживалъ то, что рѣшили старшіе. Ибо очевидно, что ереси не могутъ имѣть ничего. И потому, если кто-либо отъ нихъ придетъ, весьма справедливо рѣшено крестить.

72. Петръ изъ Иппона Діарритскаго сказалъ:

Такъ какъ крещеніе одно—въ каѳолической церкви, то ясно, что нельзя быть крещену внѣ церкви. И посему я полагаю, что, когда окропленные въ ереси или схизмѣ приходятъ къ церкви, ихъ должно крестить.

73. Также другой Луцій изъ Аузафы сказалъ:

По внушенію моей души и Св. Духа, такъ какъ есть одинъ Богъ Отецъ Господа Іисуса Христа и одинъ Христосъ и одна надежда,—одинъ Духъ въ церкви, одно имѣетъ быть и крещеніе. И потому я говорю, что если кто-либо у еретиковъ, будучи поколебленъ и подготовленъ (motum aut factum fuerit), пожелалъ-бы отколоться (rescindi), то тѣхъ, которые пришли оттуда въ церковь, должно крестить.

74. Также другой Феликсъ изъ Гургитъ сказалъ:

Я полагаю, сообразно съ заповѣдями Св. Писанія, что крещенные незаконно, внѣ церкви, если они пожелаютъ прибѣгнуть къ церкви, получаютъ благодать крещенія тамъ, гдѣ она дается законно.

75. Пузиллъ изъ Ламасбы сказалъ:

Я вѣрю (credo), что спасительнаго крещенія нѣтъ нигдѣ, кромѣ каѳолической церкви. Все-же, что бываетъ безъ католической—поддѣлка.

76. Сальвіанъ изъ Газавфалы сказалъ:

Извѣстно, что еретики не имѣютъ ничего, и потому они и приходятъ къ намъ, чтобы имѣть возможность получить то, чего у нихъ нѣтъ.

77. Гонораті изъ Тукки сказалъ:

Такъ какъ Христосъ есть истина, то мы больше обязаны слѣдовать истинѣ, чѣмъ обычаю, чтобы еретиковъ, которые приходятъ къ намъ потому, что внѣ (церкви) не могутъ получить ничего, мы освящали-бы крещеніемъ церкви.

78. Викторъ изъ Октавы сказалъ:

Что вы знаете и сами, я недавно поставленъ епископомъ и потому я ждалъ мнѣнія предшествовавшихъ (епископовъ, praecessorum). Посему я также думаю, что тѣ, которые приходятъ, такъ какъ они отъ ереси, безъ сомнѣнія, крещаются.

79. Кларъ изъ Маскулы сказалъ:

Очевидна мысль Господа нашего Іисуса Христа, посылающаго своихъ апостоловъ и однимъ только имъ передавшаго власть, сообщенную Ему Отцомъ, которымъ (т. е. апостоламъ) мы наслѣдуемъ въ силу той-же власти, управляя церковью Господа и крестя вѣрующихъ. И посему еретики, которые не имѣютъ ни власти внѣ, ни церкви, не могутъ никого крестить Его крещеніемъ.

80. Секундіанъ изъ Тамбы сказалъ:

Мы не должны обманывать еретиковъ относительно нашего убѣжденія (praesumptione), чтобы они, не крещенные въ церкви Господа нашего Іисуса Христа и не получившіе чрезъ Него отпущенія грѣховъ, когда наступитъ день суда, не поставили-бы намъ въ вину, что они, благодаря намъ, остались не крещенными и не получили разрѣшенія божественной благодати.

81. Также другой Авреліи изъ Хуллабы сказалъ:

Апостолъ Іоаннъ въ своемъ посланіи изложилъ: *если кто къ вамъ придетъ, но ученія Христа не имѣетъ, того не допускайте въ вашъ домъ и не говорите ему привѣтствія (аще, здравствуй). Ибо кто его привѣтствуетъ, тотъ пріобщается и злымъ его дѣламъ* (II Io. 1, 10—11). Какимъ-же образомъ безразсудно могутъ быть допущены въ домъ Божій тѣ, которымъ запрещается доступъ и въ частный вашъ домъ? Или какимъ образомъ безъ крещенія церкви можно вступать въ общеніе съ тѣми, злымъ дѣламъ которыхъ мы пріобщаемся, если только скажемъ имъ привѣтствіе?

82. Литтей изъ Гемиллы сказалъ:

Если слѣпецъ поведетъ слѣпца, то оба падаютъ въ яму. Посему, такъ какъ очевидно, что еретики не могутъ кого-либо просвѣщать, какъ слѣпые, то и крещеніе ихъ не имѣетъ силы.

83—85. Наталисъ изъ Оёи сказалъ:

Итакъ, я присутствующій, такъ-же, какъ *Помпей Сабратенскій* и какъ еще *Діога Лептимагнійскій*, которые, отсутствуя тѣломъ, но присутствуя духомъ, передали голоса мнѣ (mandauerunt, поручили)—мы полагаемъ, какъ и наши товарищи, что еретики не могутъ имѣть общенія съ нами, если не будутъ крещены церковнымъ крещеніемъ.

86. Юній изъ Неаполя сказалъ:

Отъ того, что разъ положили, я не отступаю, чтобы приходящихъ къ церкви еретиковъ мы крестили.

87. Кипріанъ изъ Карѳагена сказалъ:

Мое мнѣніе весьма полно выразило письмо, которое написано къ товарищу нашему Юбайяну, что еретики, которые, согласно евангельскому и апостольскому удостовѣренію названы противниками Христа и антихристами, когда приходятъ къ церкви, должны быть крещаемы единымъ церковнымъ крещеніемъ, чтобы они могли стать изъ грѣшниковъ—друзьями, изъ антихристовъ—христіанами.

Приложеніе 2-ое.

Краткій историко-топографическій анализъ каѳедръ и именъ епископовъ по Sententiae episcoporum.

Sententiae episcoporum—памятникъ глубокой древности и высокой авторитетности—является, какъ мы знаемъ, настоящимъ ключемъ и къ топографической картѣ христіанства сѣверной Африки половины III-го вѣка. Посему изученіе его, именно, съ этой стороны можетъ составить предметъ особаго, спеціальнаго изслѣдованія, имѣющаго большую важность, какъ въ интересахъ исторической миссіи христіанства сѣверной Африки, вообще, такъ и въ цѣляхъ болѣе детальнаго ознакомленія съ мѣстнымъ соборно-епископальнымъ и церковно-провинціальнымъ строемъ, въ частности и по преимуществу. Не претендуя въ настоящемъ своемъ приложеніи на какое-либо глубокое и всестороннее самостоятельное изслѣдованіе Sententiae episcoporum съ указанными цѣлями, мы скромно ограничиваемъ свою задачу лишь краткой сводкой того историко-топографическаго матеріала, который по данному вопросу удалось намъ отыскать и собрать у цѣлаго ряда ученыхъ и авторитетныхъ изслѣдователей (Mansi, Harnack, Al. Schwarze, Benson, Marquardt, Monceaux, Mommsen, Leclercq, Toulotte, Mesnage etc.) [1]).

Первымъ, послѣ вступительнаго слова предсѣдателя большаго Карѳагенскаго собора 256 г. еп. Кипріана, подалъ свой голосъ *Цециліанъ, еп. г. Бильты* [2]). Къ сожалѣнію, ни объ этомъ епископѣ, ни о самой его каѳедрѣ мы не располагаемъ вполнѣ точными и опредѣленными свѣдѣніями. Тѣмъ не менѣе и прежніе и новые авторы согласно относятъ этотъ небольшой—въ послѣдствіи, очевидно, легко затерявшійся городокъ, или даже только мѣстечко — къ Проконсульской Африкѣ, гдѣ-либо по сосѣдству съ Карѳагеномъ. Такъ, Mansi категорически от-

[1]) *Hans von Soden* въ своемъ очеркѣ Der Streit zwischen Rom und Karthago über die Ketzertaufe, напечатанномъ еще въ 1909 г. (Separat-Abdruck aus *Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven und Bibliotheken*" Band XII, Heft, 1 Rom, 1909) дѣлалъ обѣщаніе (стр. 16-ая) въ слѣдующемъ выпускѣ Quellen und Forschungen дать новый переводъ Sententiae episcoporum и снабдить его соотвѣтствующимъ изслѣдованіемъ. По наведенныя нами справки не доказали намъ того, чтобы это обѣщаніе уже приведено было имъ въ исполненіе.

[2]) Sententiae episcoporum, ed, *Harteli:* Caecilius a Biltha, bilta, *Ac*, v. III, p. I, 436 p. Idem Mansi t. I, p. 952, варіанты: Bidit, Bida; на стр. 973: Caecilius Liberalius.

мѣчаетъ: „Bilta in provincia Proconsulari“ [1]), а Harnack, повторяя то-же самое, указываетъ для сего и основаніе, въ спискѣ Карѳагенскаго собора 411-го года [2]), къ чему Benson присоединяетъ еще и указаніе на списки африканскихъ соборовъ 525 г. и 646 г. Наиболѣе полную и новую сводку историко-археологическаго матеріала о Bilth'ѣ, какъ и о всѣхъ прочихъ епархіяхъ сѣверной Африки той эпохи, даетъ авторъ спеціальнаго труда „Description de l' Afrique du Nord. L'Afrique chrétienne, evêchés et ruines antiques“ *P. J. Mesnage*, Paris, 1912. Онъ Bilth'у кипріановой эпохи отождествляетъ съ позднѣйшей Salah el Balthi и считаетъ ее епископіей, находившейся въ Проконсульской [3]).

Вотировавшій вторымъ названъ у Hartel'я *„Примомъ изъ Мисгирпы“*. Но Mesnage, слѣдуя большинству авторитетныхъ кодексовъ, называетъ его „Феликсомъ изъ Мисгирпы“, причемъ слово „Примъ“ считаетъ здѣсь за опредѣляющее числительное: „первый (primus) Феликсъ“, въ отличіе отъ ряда другихъ Феликсовъ бывшихъ и голосовавшихъ на томъ же соборѣ. О самомъ городкѣ Мисгирпѣ (Misgirpa, Migirpa, Migrippa) тотъ-же Mesnage, вслѣдъ за Moricelli и Toulott'омъ, опредѣленно заявляетъ, что его слѣдуетъ искать въ части Проконсульской, сосѣдней съ Карѳагеномъ, мотивируя это однимъ изъ трактатовъ Пасхазія [4]).

Подпись третьяго епископа — *Поликарпа изъ Адрумета* извѣстна намъ особенно опредѣленно и хорошо. Достаточно знакомъ намъ, прежде всего, самъ еп. Поликарпъ, съ личностью котораго мы неоднократно встрѣчались въ письмахъ Киприана [5]). Въ особенности памятна должна быть переписки о немъ и объ его адрумстской церкви, которую велъ Кипріанъ съ римскимъ епископомъ Корнеліемъ, по поводу непослѣдовательности адрумстцевъ въ отношеніи къ папѣ [6]). Еще болѣе извѣстенъ намъ самый городъ Адрумстъ—видный торговый пунктъ и приморскій портъ, расположенный въ Проконсульской, на юго-востокъ отъ Карѳагена, въ заливѣ of Hammet. У римлянъ онъ извѣстенъ былъ съ давнихъ поръ, какъ colonia Concordia Ulpia Trajana

[1]) 952 p. n. 3.

[2]) „Der Ort ist nach der Liste des Konzil von 411 in Africa Proconsularis zu suchen“. *Mission und Ausbreit.*² II, 248. *Benson* „Appendix K“, 608 p.: Biltha, Bilta. Vilta August. de Baptism. contr. Donatt. VI, VIII, *Not.* Bps. a Donat. 411, 525, 646.

[3]) Въ частности, онъ приводитъ здѣсь и рядъ новыхъ варіантовъ самаго текста Sententiae: a Bilta, ab Ilta, a Belta, ab Elta; а также называетъ имена епископовъ этой каѳедры, бывшихъ на соборахъ—411 г. *Felecianus Villensis*, донатистъ, на соборѣ 525 г.—*Restitutus Viltensis, Viltensis* и на соборѣ 646 г. *Theodorus Biltensis.* Op. cit. 137 p.

[4]) Кромѣ *Феликса*, извѣстны еще: *Titus Migirpensis*, отъ 397 г. *Victor, ep. plebis Migirpensis*, отъ 411 г. *Paschasius Migirpensis*, отъ 484. *Mesnage*—211 p.

[5]) *Epistolae* XLVIII, 1. LVII titulus, LXVII tit. LXX tit.

[6]) *Ep.* XLVIII, 606—608. *P. n.* 39-ое, 202—204. *См. выше*, стр. 422 и сл.

Augusta Frugifera, позднѣе—Hunuricopolis, Justinianpolis, теперь это—Sousse [1]). Al. Schwarse полагаетъ, на основаніи найденной въ Циртѣ надписи тиверіевой эпохи съ упоминаніемъ императорскаго прокуратора г. Адрумета, что Адрумстъ еще тогда былъ столицей самостоятельнаго діоцеза [2]). Но несомнѣнно, что такимъ онъ сталъ при Деоклитіанѣ, когда этотъ діоцезъ былъ выдѣленъ въ особую самостоятельную административную единицу, такъ называемую, провинцію Бизаціумъ, или Бизацену (Byzacium, Byzacena) [3]). Въ церковномъ отношеніи г. Адрумстъ, какъ мѣсто прославленія христіанскихъ мученниковъ, является также однимъ изъ самыхъ раннихъ пунктовъ христіанской Африки. Изъ сочиненій Тертулліана опредѣленно извѣстно, что здѣсь, около 212 г. пострадали мученики Мавилъ и Рутилій [4]). А позднѣйшія раскопки обнаружили тамъ слѣды древне-христіанскихъ катакомбъ и фресокъ, подобныхъ тѣмъ, которыя характерны для катакомбъ Каллиста [5]). „Благодаря двумъ кладбищамъ различныхъ эпохъ, изъ которыхъ состоятъ катакомбы Адрумета, коллекція надписей тамъ открытыхъ, безъ сомнѣнія, одна изъ самыхъ интересныхъ коллекціи во всей сѣверной Африкѣ“ [6]). Въ настоящее время тамъ имѣется два спеціальныхъ историко-археологическихъ музея.

Четвертый епископъ—*Новатъ изъ Тамогады* [7]) былъ нумидіецъ. Его каѳедральный городъ лежалъ въ юго-западной части провинціи Нумидіи, по сосѣдству съ другими извѣстными нумидійскими городами — Ламбезой, Маскюлой и Багами. Ученые полагаютъ, что начало этому городу положила около 100 г. по Р. Х. римская военная колонія, превратившаяся, потомъ, въ одинъ изъ цвѣтущихъ городовъ Нумидіи, существовавшій до эпохи вандальскаго нашествія въ VII в. Раскопки, ведущіяся теперь на мѣстѣ этого города, подарили ученый міръ цѣлымъ рядомъ открытыхъ здѣсь церквей и монастырей и интересныхъ надписей изъ ранней поры христіанства (III—VII в.) [8]).

[1]) *Mesnage*—146.

[2]) *Al. Schwarze,* op. cit. 6 s.

[3]) *Ibidem*—11 s.

[4]) *Tertul.* „Ad Scapulam“, 3. „De fuga in persecut.“ 5.

[5]) *Wittig* Römische Quartalschr. Bd. 19, H. 1, 2, 1905, 83 ss.: „Auf dem Tuft, der die Wände bekleidet sind schwache Spuren von Fresken zu sehen, ähnlich denen der'Callistuskatakombe“.

[6]) *Mesnage* „Op. cit.“ 149 p.

[7]) *Hartel* 438 p.—Nouatus a Thamogade, вар. thomagade ST, thamocade L, thamugade Av. 4 Mansi—Thamugade, 453 и Novatus a Thannuregio—976 (семитич. конецъ слова מֶלֶךְ переведенъ словомъ „царь“—rex). По Mesnage-Timgad—386 p.

[8]) *Al. Schwarze* Op. cit. 10. 68. 86 s.

Пятый епископъ—*Немезіанъ изъ Тубунъ* [1]). Тубуны, или Тобна былъ также нумидійскій городъ, расположенный въ крайнемъ юго-западномъ углу Нумидіи. Онъ являлся пограничной крѣпостью Нумидіи, отдѣлявшей ее отъ Мавретаніи, такъ что Wilmann даже ошибочно относилъ его къ этой послѣдней [2]). Что касается тубунскаго епископа Немезіана, то Benson считаетъ его однимъ изъ старѣйшихъ епископовъ (a very senior bischop) и видныхъ соборныхъ ораторовъ, выступавшихъ, подобно Кипріану, даже дважды [3]) Mesnage справедливо отмѣчаетъ, что Кипріанъ упоминаетъ объ еп. Немезіанѣ въ нѣсколькихъ своихъ письмахъ [4]).

Шестой епископъ—*Януарій изъ Ламбезы* [5]). Согласно Деоклетіанову раздѣлу римской имперіи, городъ Ламбеза сталъ столицей Нумидіи (Numidia Miliciana) Милиціанской, т. е. южной Нумидіи, колонизованной римскими милиціонными войсками [6]). Значеніе главной квартиры римскаго третьяго легіона г. Ламбеза получила еще гораздо раньше, въ 120 году, унаслѣдовавъ его отъ города Тевесты [7]). Расположенъ онъ былъ вблизи г. Ѳомогады, немного на сѣверо-западъ отъ него. Въ эпоху кипріановыхъ соборовъ Ламбеза, безспорно занимала очень видное мѣсто въ южной Нумидіи [8]). Въ исторію христіанства Ламбеза попала также значительно раньше Кипріана: О ней упоминаетъ еще Тертулліанъ. Епископа этого города—Привата, какъ мы знаемъ, судили и низложили два африканскихъ собора—одинъ, бывшій еще при еп. Донатѣ, въ сороковыхъ годахъ 3-го вѣка, другой—при Кипріанѣ, 15-го мая 252 г. [9]).

Нельзя не подчеркнуть здѣсь и особенной точности номенклатуры Кипріана, который говоря о старинномъ еретикѣ еп. Приватѣ, называетъ его епископомъ въ „Ламбезитанской колоніи“ [10]), такъ какъ, дѣйствительно, это долгое время былъ чисто военный римскій лагерь, постепенно колонизуемый римлянами-же и сохранявшій дольше другихъ городовъ свою спеціально колоніальную физіономію и даже наименованіе, какъ

[1]) *Hartel*, 438 p.: Nemesianus a Thubunas, thubunis *Av*, также и у *Mansi*—953 p.
[2]) *Benson* „Op. cit.“ Appendix *K*. 592 p.
[3]) *Ibidem*.
[4]) *Epist*. 62, 72, 76, 77. *Mesnage*—388.
[5]) *Hartel*—440 p.: „Januarius a Lambese“, a lambes. *S*, salambese *L*. a lambaese, *cod. Aug. Mansi* a Laba—976 p.
[6]) *Al. Schwarze* „Op. cit.“ 11 s.
[7]) *Ibid*. 11 s.
[8]) *Al. Schwarze* „Stadt gelegene Lambäsis, von dessen Bedeutung die umfangreichen Trümmer und zahlreichen Inschriften ein beredetes Zeugniss ablegen“ 75 s.
[9]) *См. выше;* стр. 407, 410, 533.
[10]) *Ep*. LVIII, 10, 677: „Priuatum ueterem haereticum in *Lambesitana Colonia P. n.* 47-oe, 259 стр.

объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ многочисленныя, открытыя здѣсь надписи [1]). Въ Ламбезѣ находилась главная квартира римскаго гарнизона и отъ нее шелъ большой торговый путь чрезъ города Тевсату и Тены къ Лептисъ-Магну [2]).

Седьмой епископъ—*Люцій изъ Кастро-Гальбы* [3]), съ точностью не установленъ. Ad. Harnack полагаетъ, что онъ принадлежалъ также къ группѣ нумидійцевъ [4]). На это указываетъ и военно-колонизаторскій характеръ города, образовавшагося, очевидно, изъ лагерей (castra) полководца Гальбы, что, какъ мы уже неоднократно убѣждались, было особенно типично для Нумидіи. Къ Нумидіи-же г. Castra Galbae относитъ и Mesnage, вслѣдъ за Toulott'омъ [5]).

Восьмой епископъ—*Крескентъ изъ г. Цирты* [6]) былъ, несомнѣнно, нумидійцемъ и управлялъ церковью хорошо извѣстнаго, древне-африканскаго города Цирты, въ послѣдствіи болѣе извѣстнаго подъ именемъ Константины. Городъ этотъ процвѣталъ уже въ эпоху второй пунической войны и былъ избранъ нумидійскимъ царемъ Массиниссой въ качествѣ столицы обширнаго сѣверо-африканскаго государства, которое Римляне временно позволили съорганизовать ему, какъ своему союзнику въ борьбѣ съ Карѳагеномъ [7]). Но и послѣ полнаго покоренія Римлянами всей сѣверной Африки и объединенія ея въ одну Проконсульскую провинцію, г. Цирта былъ выдѣленъ и отданъ въ даръ предводителю свободныхъ войскъ—Публію Ситтію [8]). При Августовомъ дѣленіи имперіи г. Цирта былъ сдѣланъ метрополемъ нумидійскаго діоцеза [9]), каковое значеніе онъ удержалъ и при послѣдующемъ Деоклитіановомъ дѣленіи, образовавъ даже особую провинцію Нумидію Циртенскую (Numidia Cirtensis) съ главнымъ городомъ Циртой-Константиной (Cirta-Constantina) [10]). Послѣднюю прибавку она получила въ честь императора Константина Великаго, возстановившаго ее послѣ страшнаго разрушенія,

[1]) *Al. Schwarze* –7—11, 19, 73—76. 86. 93. *Benson*—586—587 p.
[2]) *J. Marquardt* „Romisch. Staatsverwaltung“ I, 468.
[3]) *Hartel*, 440: „Lucius a Castra Galbae“, Castro *A*, galbae *A*. *Mansi*—Castrogalbae 954 p. Castro-Galbae, 976 p.
[4]) *Ad Harnack* MA[21], II, 248 s.
[5]) *Mesnage*—410.
[6]) *Hartel* 447: „Crescens a Cirta“, *Idem-Mansi* 954 и 976 p. *Benson*—583 называетъ Цирту the tragical capital of the Numidian kings“ и связываетъ съ ней цѣлый циклъ другихъ городовъ. Документальное основаніе для сего даютъ открытыя тамъ надписи, которыя прочно устанавливаютъ IV coloniae cirtenses: Cirta, Rusicade, Mileu et Chullu *Corp. Inscript. Latin.* VIII, 7080, 8318, 8319.
[7]) *Al. Schwarze* op. cit. 3, 80 etc.
[8]) *Ibidem*—5 s. и n. 3.
[9]) *Ibidem* 6 s.
[10]) *Ibid*. 11 s.

которому она подверглась отъ руки тирановъ—Александра и Максентія въ 314 г. [1]). Въ церковномъ отношеніи съ г. Циртой, древнее преданіе связываетъ, между прочимъ, одинъ донатистскій соборъ, происходившій въ началѣ IV вѣка [2]). Вообще, г. Цирта былъ однимъ изъ главныхъ опорныхъ пунктовъ донатизма, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ находимыя здѣсь древніе предметы съ характерными надписями: in Deo vivas, Deo laudes [3]).

Девятый епископъ—*Никомедъ изъ г. Сегермиса* [4]) долгое время былъ совершенно неизвѣстенъ. Но въ 1884 г., благодаря удачнымъ раскопкамъ, были открыты развалины древняго городка Сегермиса или Сегермеса, расположеннаго въ Проконсульской (позднѣе, въ Бизаценѣ), въ пяти миляхъ отъ моря, на сѣверѣ залива of Hammamet, приблизительно на срединѣ пути между Карѳагеномъ и Адруметомъ [5]). Городъ этотъ находился неподалеку отъ современнаго Henchir-Harat'a и древняго Bibae, но все-же не совпадалъ съ ними, какъ это полагаютъ Ad. Harnack и Tissot [6]).

Десятаго епископа—*Моннула изъ Жирбы* [7]) Ad. Harnack почему-то отказывается опредѣлить болѣе точно, и лишь предположительно высказывается за островъ Жирбу (Girba), расположенный на границѣ съ Триполитаніей и до сего времени удержавшій свое историческое имя [8]). Но Benson категорически утверждаетъ полное тождество древней и новой Жирбы [9]). Это — именно тотъ самый широкій островъ Mennix въ странѣ Лотоса, о которомъ говоритъ еще Гомеръ. Въ эпоху Киприана онъ населенъ былъ однимъ берберскимъ племенемъ, успоившимъ

[1]) *Ibid.*—80 s. *Mesnage*—277.

[2]) Главнымъ свидѣтелемъ этого собора является бл. Августинъ, который говоритъ о немъ, какъ о соборѣ при выборѣ епископа—Contra Crescon. III lib. 26 cap. CSEL, Vol. LII, M. Peschenig. Hefele и Al. Schwarze относятъ соборъ этотъ къ гоненію Деоклитіана—*Hefele* (305 s.) I, 1 209 и Al. Schwarz *133* (305 s.) Mansi—къ 303—304 I, 1247 p. *Harnack* и новѣйшіе—къ 311 г. GAL. I, II, 801 s. но *Mesnage* снова отдаетъ предпочтеніе болѣе ранней датѣ — 5-го Марта 305 г.—176 s.

[3]) *Mesnage*—278—279.

[4]) *Hartel*, 441: „Nicomedes a Segermis", у *Mansi* „Nicodemes a Segermis (Seggera, Semero, Suringa)—954 и Nicomedes a Sergomeis—976 p.

[5]) *Benson* „Op. cit." 579 p. Ср. Bulletin archéol. du Com. des Travell. Histor. 1885, 162 p. и 1886, 76 p.

[6]) *Ad. Harnack* MA², II, 250 s. *Tissot* „Géographie comparée de la Prov. Rom. d'Arique II, 588 p. 1888 an.

[7]) *Hartel* 442: „Monnulus a Girba", monnulus *L*, monulius *T*, munnulus *v*, mommilius. *Concil* girba *S*, gibar *T*. *Mansi*—„Mommilius a Girpa" и „Munulus a Girba" 954.

[8]) *Ad. Harnack* MA², II, 249 s. Теперь онъ называется „Djerba"—*Mesnage*—55.

[9]) *Benson* Op. cit. 367 и 598 p.

хананейскую культуру. Между прочимъ, Benson и самое имя мѣстнаго епископа—Monnulus—находитъ очень характернымъ. Оно интересно нетолько грамматически, — гдѣ въ буквальномъ переводѣ значитъ: „камень заблужденія" (the stain of error),—но и технически, поскольку находится въ широкой практикѣ до нашихъ дней [1]).

Каѳедра одиннадцатаго епископа—*Секундина изъ Цедіи* [2])—находилась въ Нумидіи, на одной линіи съ извѣстной намъ Тамогадой, лишь немного ея восточнѣе [3]). Городъ этотъ въ послѣдствіи сталъ однимъ изъ главныхъ центровъ донатизма и въ немъ открыто немало типично-донатистскихъ надписей [4]).

Двѣнадцатымъ епископомъ былъ снова нумидіецъ—*еп. Феликсъ изъ Багъ* [5]). Городъ Баги былъ расположенъ между Тамогадой и Цедіей, нѣсколько на сѣверъ отъ нихъ. Онъ такъ же, какъ и два его сосѣда, прославился главнымъ образомъ въ послѣдующую эпоху донатистскихъ споровъ, освѣщенную теперь многочисленными открытыми тамъ надписями, характеризующими періодъ донатистской борьбы: съ формулами: Deo gratias и Deo laudes [6]).

На тринадцатомъ мѣстѣ въ Sententiae значится подпись епископа *Поліана изъ Милео* [7]). Опредѣленіе этого города представляетъ нѣкоторыя трудности. Съ одной стороны, онъ очень созвученъ съ извѣстнымъ нумидійскимъ городомъ Милевомъ или Милетомъ, откуда, между прочимъ, происходилъ и извѣстный полемистъ съ донатизмомъ писатель Оптатъ Милевійскій или Милетскій. Съ другой стороны, стоящее въ подлинникѣ слово Mileo не достаточно тождественно съ формой Milev, или Milet и, къ сожалѣнію, не имѣетъ на этотъ разъ у Hartel'я никакихъ иныхъ варіантовъ. Mansi, въ подстрочномъ примѣчаніи,

[1]) *Ibidem*: „Their bischop Monnulus ist interesting, not only for his sad grammar, but as using, to express „the *stain* of error" a very technical term of Dyeing, and that in a form nowhere else exesting". 367 p.

[2]) *Hartel*, 442: „Secundinus a Cedias, accedias *T*, accedius *L*, a chezas *Conc.* a quida *conjec. Hard. Mansi* „Secundinus a Cheza", notae 1-a Cedias, 954 и Secundianus a Carindia 977 p.

[3]) *Benson* –590 p.

[4]) *Ibidem* 590—591 и *Al. Schwarze* Op. cit. 69—70 s. Теперь это мѣстечко Oum-Kif.—*Mesnage* 346.

[5]) *Hartel* 443: „Felix a Bagai", *om, L.* bacai *S*, altagai *ex* altai *L m*, 2, bigae *Conc. Mansi* Bigae, Vagae, Bagae 454 a Gametis—977.

[6]) *Al. Schwarze* Op. cit. 73 и 151—152 s. *Mesnage* называетъ Bagaï (теперь Ksar) „un des principaux foyers du donatisme"—*Op. cit.*—255.

[7]) *Hartel* 433: „Polianus a Mileo" *Mansi* въ текстѣ idem 954 и 977; но въ примѣчаніи на стр. 954 Polianus a *Mileto. Mila=Milevum,* colonia Sarnensis, *Mesnage*—335.

рѣшительно высказывается, однако, за форму a Mileto [1]), съ чѣмъ солидаренъ также и Ad. Harnack [2]). Если это такъ, то городъ Milev находился въ сѣверо-западномъ углу Нумидіи, между городами Циртой на югѣ и Туккой, на сѣверѣ [3]). Послѣдующая церковная исторія знаетъ о двухъ видныхъ соборахъ, происходившихъ здѣсь: одномъ—противъ донатистовъ (402 г.), другомъ—противъ пелагіанъ (416 г.), подробно описанныхъ тогдашнимъ епископомъ Оптатомъ Милевійскимъ († 384), а въ новое время дополнительно освѣщенныхъ еще и результатами археологическихъ раскопокъ [4]).

Четырнадцатымъ подписался *Θеогенъ, епископъ Иппона — Царскаго* [5]). Такъ назывался приморскій городъ Нумидіи, въ отличіе отъ соименнаго ему приморскаго-же города, но находившагося въ Проконсульской и называвшагося Иппономъ Діарритскимъ (Hippo Diarrhytus) [6]). Al. Schwarze считаетъ нумидійскій Иппонъ (въ послѣдствіи г. Бонъ) значительнымъ и древнимъ городомъ, основаннымъ еще финикійцами и пользовавшимся благоволеніемъ царя Массиниссы, при которомъ онъ получилъ и свою прибавку „regius“ (отъ rex, царственный, величественный, важный, вообще) [8]). Бл. Августинъ въ одной изъ своихъ рѣчей упоминаетъ даже и самое имя епископа Θеогена, какъ славнаго мученика, пострадавшаго, повидимому, въ гоненіе Валеріана, памяти котораго посвящена была одна изъ церквей г. Иппона [8]). Изъ сочиненій Августина извѣстны имена еще двухъ иппонскихъ епископовъ—Леонтія и Фаустина. Но самымъ главнымъ украшеніемъ Иппонской каѳедры явился въ послѣдствіи самъ бл. Августинъ, скончавшійся въ санѣ мѣстнаго епископа 28-го Августа 430-го года [9]).

[1]) *Mansi* „Op. cit.“ 954 p. notae 4: Ms. noster *Polianus a Mileto.* Mileum in Numidia.

[2]) *Harnack* MA², II, 249: „Milev (Numidien)“. Также и *Al. Schwarze*—79 s.

[3]) *J. Marquardt* категорически указываетъ *coloniam Sarsensis Mileu* въ числѣ IV-ехъ „циртенскихъ колоній“ (coloniae Cirtenses)“ *Op. cit.* 479.

[4]) *Optatus* „De schisma donatistorum“ Corp. eccles. latinorum“ recen. *Ziwza* V. XXVI. См. у *Benson*'а—584 p. и *Al. Schwarze*—79 s. О важномъ значеніи Милевійскихъ раскопокъ см. Duschesn'a in „Acad. d. Inscription“, Novem. 1890.

[5]) *Hartel* 443: „Theogenes ab Hippone regio“. regione *T. Mansi*—idem 954 p. и Theognis ab Hippone Regio—977 p.

[6]) *Benson*—„op. cit.“ 582 p.

[7]) *Al. Schwarze* op. cit. 84 s.

[8]) *August.* „Sermo ad populum“ 273, 7. „D'après certains auteurs, il aurait été martyr aves 36 compagnons sous la persécution de Valerien, en 259. *Ruinart* „Act. sinc.“ 224—225. *Mesnage* 263.

[9]) Бл. Августинъ былъ епископомъ въ Иппонѣ Царскомъ съ 396—430 г. Онъ является самымъ блестящимъ и плодовитымъ писателемъ западной церкви, человѣкомъ широко образованнымъ и съ глубокимъ философскимъ взглядомъ на вещи. Недаромъ въ русской литературѣ ему удѣлено такъ много вниманія и нашими свѣтскими писателями-философами и историками—Герье, Е. Трубецкимъ, С. Булгаковымъ и др.

Пятнадцатымъ подписался еп. *Дативъ изъ г. Вадъ* [1]). Benson, хотя и относитъ городъ Вады предположительно къ Нумидіи, но помѣщаетъ его въ рубрику „неотождествленныхъ“ (the cities unidentified) [2]). Ad. Harnack на этотъ разъ рѣшительнѣе Benson'а и. проведя знакъ равенства между Badis=Vada, Вада (теперь, Ad Badias) категорически помѣщаетъ названный городъ по ту сторону Атласа, на крайнемъ югѣ Нумидіи [3]). Также поступаетъ и большинство другихъ авторитетныхъ изслѣдователей (Moricelli, Toulotte etc.), замѣняя Vadis—Hartel'я чтеніемъ Badis—по большинству др. списковъ [4]).

Менѣе опредѣленной является каѳедра шестнадцатаго епископа—*Сукцесса изъ Аббиръ-Германиціаны* (Abbir Germaniciana) [5]). Впрочемъ, всѣ наши авторитетные руководители согласно ищутъ этого города гдѣ-либо въ Проконсульской, причемъ Ad. Harnack рекомендуетъ искать его поближе къ городу Германиціанѣ (Germaniciana) [6]), находившемуся въ юго-восточной части провинціи, уходя нѣсколько вглубь страны отъ приморскихъ городовъ—Адрумета и Лептисъ-Магны (Hadrumetum et Leptis-Magna). Епископа-же Сукцесса Al. Schwarze отождествляетъ съ тѣмъ мученикомъ Сукцессомъ, пострадавшимъ вмѣстѣ съ Павломъ и товарищами (вѣроятно, при Валеріанѣ), о которомъ говорится въ „Актахъ мучениковъ“ Африканскихъ [7]).

Семнадцатымъ далъ свою подпись подъ соборнымъ протоколомъ *еп. Фортунатъ изъ Туккабора* (Tuccabori) [8]). Это—опредѣленно извѣстный городъ Проконсульской, расположенный въ группѣ городовъ, сосѣднихъ съ Карѳагеномъ, отстоящихъ нѣсколько вглубь страны, по направленію

[1]) *Hartel* 443: „Datiuus a Vadis“, a uadis *S*, abbadis *T*, a badis *LAv.* Mansi—„Dativus a Badis“, Badrin, Baradrim, Vadis. Notae 5—„Bada in Numidia“. Онъ же на 977 p.—„Diatius a Seada“—явно испорченное чтеніе.

[2]) *Benson*—„Op. cit.“ 607—608 p.

[3]) *Ad. Harnack* MA², II, 251 s.

[4]) *Mesnage*—253.

[5]) *Hartel*, 443: Successus ab Abbir Germaniciana“, abbir, abbis *L*, sed bis s. m. l. germanicipiana T. Mansi—„Successus a Birgemaniciana“, Abbirgermaniciana, n. 6, Ms, Abbir Germaniciana—954 p.

[6]) *Al. Schwarze*—122 s. *Benson*—608 p. *Ad. Harnack*, MA², II, 246 247 s. *Mesnage* 175 p. предположительно высказывается за отождествленіе съ Abbir—Minus.

[7]) *Al. Schwarze*—122 s. со ссылкой на *Moricelli* „Africa christiana“, II 360 s. и на Codex Augiensis CXXVIII, въ которомъ акты африкан. мучениковъ имѣютъ заголовокъ: Africa. Pauli. Secussi. not. 3.

[8]) *Hartel*, 444: „Fortunatus a Thuccabori *SA*, thuccabori LT. tuchabori, *v. Mansi*, 7, a Thuccabori, Tucca Terebinthina, 954 p.

къ юго-западу отъ Карѳагена. Benson разстояніе Туккабора отъ Карѳагена опредѣляетъ въ 40 миль [1]). Онъ былъ основанъ еще финикійскими колонистами и довольно упорно сохранялъ свою пуническую физіономію. Полагаютъ, что, именно, къ этому Фортунату Кипріанъ адресовалъ свое сочиненіе De exhortatione martyrum [2]).

Слѣдующая восемнадцатая подпись принадлежитъ епископу *Седату изъ Тубурбо* (Thuburbo) [3]). Такъ какъ въ извѣстныхъ карѳагенскихъ актахъ мучениковъ Перпетуи и Фелицата, есть упоминаніе о нихъ, какъ о „пригородныхъ мученикахъ"=saburbitanische Märtyrer, то Hilgenfeld'омъ [4]) и была, между прочимъ, высказана нелишенная остроумія догадка, что никакого города Тубурбо въ Африкѣ вовсе и не существовало. Что это—не болѣе, какъ искаженная пуническая передѣлка латинскаго слова suburbitanus, т. е. подгородный житель. Самъ Hilgenfeld считалъ названныхъ мучениковъ пригородными жителями метрополя Карѳагена. Но едва-ли возможно допустить такую, все-же искусственную гипотезу, при наличности историческаго существованія даже не одного, а цѣлыхъ двухъ городовъ съ именемъ Thuburbo: Thuburbo majus и Thuburbo minor. Еще Птоломей говоритъ о колоніи *Θουβουρβώ*, что подтверждаетъ и Плиній, называя Thuburbis. А въ надписяхъ мы то и дѣло встрѣчаемся съ формами Thuburb, Thubur etc. Въ особенности замѣчательна одна большая надпись, открытая M. Tissot еще въ 1857 г., гдѣ имѣется форма Thuburbo, т.-е. тождественная съ текстомъ Кипріана и Sententiae [5]). По извѣстіямъ Плинія, городъ Тубурбо—одна изъ восьми колоній, основанныхъ еще Цезаремъ, но усиленныхъ Коммодомъ. Это—Thuburbo Magnus, расположенный по прямой линіи на югъ отъ Туккабора, почти въ одной широтѣ, съ приморскимъ городомъ Сегермисомъ. На Арльскомъ соборѣ 314 г. упоминаются два города съ этимъ именемъ, которые на соборѣ 411 г. (Карѳ.) уже опредѣленно различаются, какъ „majus" и „minus" [6]). Послѣдній, по Benson'у, находился въ окрестностяхъ г. Карѳагена. Если сопоставить это съ гипотезой Hilgenfeld'а, то, пожалуй, больше основаній будетъ думать, что еп. Седатъ былъ изъ Thuburbo minus [7]).

[1]) *Benson*—580 p.: „Thuccaboris, 40 miles in a dircet line west of Carthage".
[2]) *Mesnage*—161—162.
[3]) *Hartel* 444: „Sedatus a Thuburbo", *Mansi* S, a Tuborba, Tuburbo—955, и S. a Turbis—977 p.
[4]) *Hilgenfeld* Zeitsch. für wissenschatl. Theologie XXXIV, 367 s. 1891. Ср. *Ruinart* „Acta martyr". 135 s.
[5]) *Benson*—„Op. cit." 579, not. 6.
[6]) *Ibidem*.
[7]) За *Thuburbo minus* высказывается и *Al. Schwarze*, 122 s. тогда какъ *Benson* и *Mesnage*—за *Thuborbo majus*—579 и 91 p.

Девятнадцатая подпись — *Привациана изъ Суфетулы* [1]). Городъ этотъ расположенъ былъ въ южной части Проконсульской и позднѣе вошелъ въ составъ провинціи Бизацены (Bizacena). Теперь онъ назыв. Sbeitla (Mesnage—318). Благодаря раскопкамъ археологовъ Saladina и Cagnit'a, произведеннымъ въ 80-ыхъ годахъ 19 столѣтія, этотъ городъ, вмѣстѣ съ лежащими въ той-же территоріи городами—Аммедерой и Лептисъ Магнусомъ, Лептисъ Минусомъ и Танарурой, теперь значительно освѣщены, въ особенности за эпоху арабскаго здѣсь владычества [2]). Изъ ранѣйшаго римскаго періода въ Суфетулѣ найдены развалины трехъ великолѣпныхъ храмовъ, построенныхъ, какъ догадывается Al. Schwarze, еще въ IV вѣкѣ [3]).

Двадцатымъ подписался *Приватъ изъ г. Суфъ* [4]). Онъ находился въ той-же Проконсульской провинціи, нѣсколькими милями сѣвернѣе созвучнаго съ нимъ предыдущаго города. Benson очень остроумно считаетъ городъ Суфы (теперь — Sbiba, Mesnage—141) родоначальникомъ г. Суфетулы и производитъ оба этихъ имени отъ одного финикійско-берберійскаго корня—*suf*, что значитъ „рѣка" (а дальше—наносимый ею песокъ, которымъ такъ богаты были эти города) [5]). Первоначальное населеніе Суфъ состояло изъ финикійцевъ; но уже съ эпохи импер. Августа среди раскопокъ начинаютъ попадаться тамъ и римскія надписи [6]). Такъ, напр. одна изъ этихъ надписей говоритъ о пути Антонина, проходившемъ inter Sufibus [7]).

Подпись двадцать перваго епископа читается такъ: *Гортензіанъ изъ Ларъ* [8]). Mansi [9]) ошибочно указываетъ этотъ городъ въ Проконсульской, тогда какъ въ дѣйствительности онъ лежалъ въ Нумидіи Проконсульской (Numidia Proconsularia), на большомъ торговомъ пути изъ Карѳагена въ Тевесту, въ 117-ти миляхъ на югъ отъ Карѳагена[10]). Имя еп. Гортензіана въ соборныхъ спискахъ Кипріана встрѣчается дважды: на соборѣ 252 г. и 256 г. По свидѣтельству Martyrol. hieron. онъ мученически скончался въ III иды января [11]).

[1]) *Hartel* 444; Priuatianus a Sufetula", a sufetolanus *T, Mansi*, P. a suficula, sufecula, Sufetula, n. *lege Sufethula*—955 p. и Probationus a Sophetia—977 p.
[2]) *Al. Schwarze*—49 s.
[3]) *Ibidem*. Ср. *Benson*—601 p.
[4]) *Hartel* 444: „Privatus a Sufibus". *Idem* у *Mansi*—955 p. и Probatus a Zophisto" 980 p.
[5]) *Benson* „op. cit." 601—602.
[6]) *Ibidem*—602 s.
[7]) *Corp. Inser. Latin.* VIII, 41. Ср. 926, 1190.
[8]) *Hartel*, 445: „Hortensianus a Laribus", idem—*Mansi*—955 p.
[9]) *Mansi*, „op. cit."—954—955 p. not. 12.
[10]) *Benson*—594 p. The Thevest road. 2 not.
[11]) *Mesnage*—103.

Подпись двадцать второго—*Кассій изъ Макомадъ* [1]). Городъ Макомады, по согласному показанію всѣхъ нашихъ авторитетовъ (Tissot, Al. Schwarze, Harnack, Benson и Mesnage), лежалъ въ центрѣ Нумидіи, на большомъ пути изъ г. Цирты въ Мавретанію, въ сорока семи миляхъ на югъ отъ Цирты [2]). Al. Schwarze предостерегаетъ отъ ошибки (въ которую впалъ даже извѣстный De-Rossi) отождествленія этихъ Макомадъ (теперь Merkeb Talhat—Mesnage, 331) съ другими „малыми Макомадами" (Macomades minores теперь—Chorib), находившимися на приморскомъ берегу Проконсульской [3]). Benson подчеркиваетъ, что макомадскій епископъ—Кассій оказывается чуть-ли не самымъ образованнымъ ораторомъ изъ всѣхъ своихъ нумидійскихъ коллегъ [4]).

Двадцать третья подпись—*Януарій (другой) изъ Вико-Цезаря* [5])—значится въ группѣ „неотождествленныхъ" (unindentified, unbekannt). Извѣстенъ, впрочемъ, городъ съ очень аналогичной номенклатурой—„Викусъ Августа"—въ Проконсульской, неподалеку отъ городовъ Вагъ и Туккабора [6]). Но почему-то наши авторитеты не хотятъ имѣть съ нимъ дѣла и высказываются предположительно за другой Викусъ—за Викусъ, именно, Цезаря, котораго они ищутъ въ Нумидіи [7]).

Двадцать четвертая подпись—*„другой Секундинъ изъ Карпъ"* [8]). Это—одинъ изъ наиболѣе близкихъ къ Карѳагену городовъ, расположенный визави Карѳагену, по ту сторону залива. Слѣдовательно, онъ лежалъ въ Проконсульской, позднѣе—въ Зевгитаніи. Самая номенклатура этого города нѣсколько спорна. Греки, напр., называли его и *Κάρπη* и *Κάρπις* [9]). Отсюда и латинская его форма тоже имѣетъ двоякій видъ—

[1]) *Hartel*, 445: „Cassius a Macomadibus". *Mansi*—idem, 455 и 980 p.

[2]) *Benson*—585 и *Al. Schwarze*—76 s.

[3]) *Al. Schwarze*—78 s. Ср. *Ad. Harnack*—249 s.

[4]) *Benson:* „Cassius its bischop rather copious and retorical in a schort space"—585; а для того, чтобы это сдѣлать надо, конечно, быть искуснымъ ораторомъ.

[5]) *Hartel*, 445: „Alius Januarius a Vico Caesaris" idem—Mansi 955 p. и „J. ab Ubico"—980 p.

[6]) *Harnack*—MA², II, 251 s. со ссылкой на *Tissot*, II, 251, 607 и 770 s. Mesnage говоритъ даже о цѣлыхъ трехъ Vicus Augusti: о двухъ въ Византіи (Sidi el Hani) и о третьемъ—въ Нумидіи (a Bir bon Saadia). Кромѣ того, въ Нумидіи-же онъ указываетъ *Aquae Caesaris* (Youks les Bains) и *Turris Caesaris*, возлѣ Sigus. *Op. cit.*—88. Ср. 392—393.

[7]) *Mansi:* „In Numidia, ut videtur (?)" 954—956, notae. *Ad. Harnack*—251: unbekannt, wohl in Numidien; schwerlich=Vicus Augusti". *Mesnage,* назвавши цѣлый рядъ Vicus, все-же говоритъ: „Peut-être même faut-il supposer un *Vicus Caesari*, qui serait reste inconnu"—88.

[8]) *Hartel* 445: „Alius Secundinus a Carpos", carpos *SLV*; carpus *T*, carpis *Av; Mansi*—a Carpis, Ms, not.—a Carpo in Provincia Procons.—955 p. и S. a Carpis 980 p.

[9]) См. у *Benson*'а—421 p. n. 2.

Carpus и Carpos. Слѣдуя Киприану и показаніямъ надписей, должно предпочесть форму Carpos, которая, напр. въ надписяхъ 350—361 г. имѣла такой видъ: kar'pos [1]). Въ эпоху донатистскихъ споровъ городъ этотъ игралъ видную роль.

Двадцать пятая подпись—*Викторика изъ Табраки* [2]). Приморскій городъ, лежавшій на границѣ между Проконсульской и Нумидіей, на большомъ торговомъ пути между двумя Иппонами, съ одной стороны, и городомъ Булой, съ другой [3]). Онъ былъ расположенъ частію на сушѣ, а частію, на сосѣднемъ островѣ и отличался своими выдающимися природными богатствами. Раскопки обнаружили здѣсь слѣды довольно ранняго и развитаго христіанства, такъ что Toutain находитъ возможнымъ говорить о существованіи здѣсь особаго „христіанскаго некрополя" [4]). Подробныя и интересныя свѣдѣнія объ открытыхъ здѣсь базиликахъ, монастыряхъ, гробницахъ и кладбищахъ даетъ *Mesnage* [5]).

Двадцать шестая подпись—другого *Феликса изъ Утины* [6]). Это—одинъ изъ тѣхъ древнѣйшихъ христіанскихъ городовъ Африки, о которыхъ есть упоминанія еще въ сочиненіяхъ Тертулліана [7]). Онъ находился въ Проконсульской, нѣсколькими милями южнѣе Карѳагена, по сосѣдству съ городомъ Тимидой,—древней столицей нумидійскаго царства [8]). Епископы г. Утины присутствовали на соборахъ—Арлесскомъ (314 г.) и Карѳагенскомъ (411 г.). Но въ началѣ VI в. самостоятельной каѳедры здѣсь, повидимому не стало, такъ какъ на соборѣ 525 г. одинъ изъ его участниковъ подписывается такъ: „Фелициссимъ, епископъ народа Седеленскаго и Утинскаго" [9]). Mesnage отмѣчаетъ, что въ началѣ VIII в. въ спискахъ александрійскаго патріархата числилась каѳедра *Οὔτιτα* [10]).

Относительно двадцать седьмой подписи—*Квіета изъ Бурука* [11])—

[1]) *Benson*—421, n. 2. См. Corp. Ins. Latin. VIII, 1, n. 994.

[2]) *Hartel*, 446: „Victoricus a Thabraca", *idem*—Mansi—956 и 980 p.

[3]) *Benson*—581—582 p.

[4]) *Ibidem*—n. 3. *Toutain* „Bill. Trav. Hist. 1892, p. 195.

[5]) *Mesnage*—150—152.

[6]) *Hartel* 446: „Alius Felix ab Uthina", idem у *Mansi* 956 и 980 p. Uthina colon.=Oudna, *Mesnage*, 127.

[7]) *Tertulliani S.* „De monogamia" 12 c. „Utinensis Episcopus".

[8]) *Benson*—580 p. Uthina... и Thimida" Royal—ancient seat of Numidian kings".

[9]) *Benson*—580 n. 2: „Felicissimus episcopus plebis Sedelensis qui et Utinensis".

[10]) *Mesnage*—128.

[11]) *Hartel* 446: „Quietus a Buruc", a buruc *ST*, a burug *V*, ab urbe *L*, a buruch *v. Mansi*—Quintus a Buruc, Baruc, notae—Ms.—ei alii Quietus. pro Buruc, alii habent Burug—956 p. и Quintus ab Uruc—980 p. Послѣднее чтеніе—ab Uruc *Mesnage* находитъ болѣе правильнымъ, почему у него и имя самаго города получаетъ форму Uruc, или Urus, Urusi (теперь Souqda). *Op. cit.* 115.

среди ученыхъ существуетъ нѣкоторое разногласіе. Ad. Harnack, напр. категорически заявивъ, сначала, что этотъ городъ „неизвѣстенъ“ (unbekannt), далѣе, почему-то предположительно указываетъ его въ Проконсульской [1]). Но Benson, на нашъ взглядъ, съ большимъ основаніемъ и правомъ, указываетъ этотъ городъ въ Мавретаніи [2]). Онъ считаетъ города „Бурукъ“ и „Новый“ — наиболѣе безспорными представителями провинціи Мавретаніи въ Sententiae episcoporum, такъ какъ относительно двухъ другихъ — Тубуны и Тукки—возможны еще и сомнѣнія, въ принадлежности ихъ, именно, къ Мавретаніи [3]). Главный аргументъ Benson'a въ пользу Мавретаніи это—матеріальное и даже вербальное сходство [4]) между краткой рѣчью епископа г. Buruc въ Sententiae episcorum и 71-мъ письмомъ Кипріана [5]), болѣе подробно излагающимъ большинство тѣхъ-же самыхъ мыслей мавретанскаго епископа, что Benson документально и подтверждаетъ цѣлымъ рядомъ краснорѣчивыхъ сопоставленій. На томъ же основаніи онъ считаетъ ошибочнымъ чтеніе Hartel'я Quietus и предлагаетъ корректуру Quintus, съ чѣмъ согласно и большинство другихъ ученыхъ изслѣдователей и издателей даннаго текста [6]).

Двадцать восьмая подпись принадлежитъ епископу *Касту изъ Сикки* [7]). Mansi ошибочно помѣщаетъ г. Сикку въ Проконсульской [8]), тогда какъ онъ лежалъ въ Нумидіи (Numidia Proconsularis) и былъ извѣстенъ съ добавленіемъ Sicca Veneria [9]). Послѣдняя добавка была дана ему за упорное сохраненіе языческаго, древне-финикійскаго культа Астарты-Венеры [10]). Лежалъ онъ на пути изъ Карѳагена въ г. Цирту и былъ резиденціей царя Массиниссы. Позднѣе—онъ послужилъ родиной западнаго писателя—Арнобія [11]).

---

[1]) *Ad. Harnack* MA². II, 248 s.

[2]) *Benson*—607 p.

[3]) *Ibidem:* „Mauretania seems to have been represented, except as claming to itself a half schare in the bishop of Tucca, only by the bishops of Buruc and Nova“.

[4]) *Benson*—„op. cit.“ 363—364 и 607.

[5]) *Pamel, Labbe, Mansi, Moricelli, Mesnage* etc. *Benson:* „I schould venture to read *Sent. Epp.* 27. Quintus a Buruc“ 364 p. *Mesnage:* „Quintus ab Urus, Ab Uruc“ etc.—145.

[6]) Ep. LXXI Cyprianus Quinto fratri s. 771—774. *P. n.* 58-oe, 325—328 стр.

[7]) *Hartel,* 447: „Castus a Sicca“. Idem—*Mansi,* 956 и 980 p.

[8]) *Mansi*—956 p. not. 5 „in Proconsulari“. Тоже, вслѣдъ за Toulott'омъ, повторяетъ и *Mesnage,* относя Sicca Veneria (теперь Kef) къ Проконсульской—*Op. cit.* 92.

[9]) *Joach. Marquardt*—480.

[10]) *Benson*—582 p.: „Seat of infamous, originally Punic, rites“.

[11]) *Ibidem*—582 p.

Двадцать девятая подпись—*Евкратія изъ г. Тенъ* [1]). Приморскій городъ Проконсульской, расположенный въ юго-восточной ея части, въ округѣ Емпоріи (Emporia, въ Византіи). Это—древній городъ, встрѣчающійся въ сочиненіяхъ Страбона, Плинія и Птоломея [2]). Въ немъ, между прочимъ, открытъ большой некрополь, указывающій на давность заселенія. Самое имя—Тены—финикійско-берберійскаго происхожденія и указываетъ на него, какъ на городъ „финиковой пальмы“ [3]). Benson подчеркиваетъ также особую рѣзкость и суровость отзыва еп. Евкратія объ еретическомъ крещеніи, даже и тогда, когда оно совершается правильно, т. е. съ призываніемъ Св. Троицы, такъ какъ „еретиками Троица не славится, а только хулится“ [4]).

Тридцатая подпись—*Либоза изъ Ваги* [5]). Этотъ городъ довольно созвучный съ вышеупомянутымъ Багами Нумидійскими [6]) долженъ быть отличаемъ отъ нихъ, такъ какъ онъ иначе транскрибируется (тамъ Bagae, а здѣсь Vaga). Городъ Вага лежитъ въ Проконсульской, по сосѣдству съ Викусъ-Цезаря и съ Туккабором. Въ періодъ правленія нумидійскаго царя Массиниссы онъ былъ важнымъ торговымъ центромъ [7]). По свидѣтельству Martyr. Hieron. еп. Либозъ претерпѣлъ мученическую кончину 29 Декабря 258-го года. А диптихи карѳагенской церкви отмѣчаютъ подъ 29 Октября цѣлую группу мучениковъ „Vagenses“, что косвенно еще разъ подтверждаетъ принадлежность г. Ваги къ Карѳаг. области [8]).

Тридцать первая подпись—*Левкія изъ Тебесты* [9]). Это—видный городъ центральной Нумидіи (Numidia Proconsularis). Онъ былъ первой стоянкой римскихъ легіонеровъ въ Нумидіи до 120 г. по Р. Х., когда значеніе военной столицы перешло къ городу Ламбезѣ [10]). Тебе-

---

[1]) *Hartel,* 447: „Eucratius a Thenis“, idem—*Mansi* 956 и 981 p. *Mesnage*—Thenae=теперь Tina, *Op. cit.* 160.

[2]) *Benson*—603, n. 1.

[3]) *Ibidem*—Thenae *Θέναι*, отсюда и „финики“.

[4]) Its bishop was now Eucratius—a man of precision and violence. „Blasphemy of the Trinity“—in his phrase for heretic baptisma—603 p.

[5]) *Hartel,* 448: „Libosus a Vaga“; libosus [confessor et martyr in nouis areis positus libosus Vuaga] gaua T. *Mansi*—„L. ab Agra, Agiria, Vaga, Vagais Ms. 8. Libosus a Baca: forte a Vaga in Byzacena vel Proconsulari—957 p. и Libyssus ab Urgasa (совершенно испорченное чтеніе)—981 p.

[6]) См. выше, стр. 741-ая.

[7]) *Benson* op. cit. 581 p.

[8]) *Mesnage*—Vaga=теперь Beja въ визант. эпоху—Theodorias, 36 p. А Benson помѣщаетъ Vaga въ the circle of Carthage—581.

[9]) *Hartel,* 448: „Leucius a Thebeste“, leucius *SLT,* et cod. Aug. lucius *v,* confessor et martyr in fausti positus leucius *V,* theueste *LV.* thaueste *T, Mansi*—L. a Thabeste, Thebeste, 9 In Numidia—957 p. и Lucinus a Thebeste—981 p.

[10]) *A. Schwarze*—Op. cit. 7 s. и 10 s.

ста являлась также конечнымъ пунктомъ большой военно-торговой дороги, которая шла отъ г. Карѳагена до границъ Нумидіи Проконсульской, какъ она обозначается въ цѣломъ ридѣ древнихъ надписей [1]). Благодаря такому своему положенію, г. Тевеста, по удачному выраженію Al. Schwarze, сталъ „преимущественными входными путями для проникновенія христіанства въ Нумидію“ [2]). Въ церковной исторіи г. Тебеста извѣстенъ еще, какъ мѣсто мученической кончины исповѣдника Максимиліана [3]) и какъ одинъ изъ видныхъ оплотовъ донатизма [4]). По количеству и качеству произведенныхъ здѣсь раскопокъ христіанской эпохи г. Тебесты занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ области Сѣверной Африки [5]).

Тридцать вторая подпись—*Евгенія изъ Аммедеры* [6]). Городъ этотъ отстоялъ на сѣверъ отъ Тевесты не болѣе, какъ на 19 миль и лежалъ на той-же знаменитой дорогѣ изъ Карѳагена въ Тевесту [7]). Изъ 282 надписей, открытыхъ здѣсь, 34 христіанскихъ, свидѣтельствуютъ о давности и процвѣтаніи тамъ христіанства [8]). Принадлежалъ онъ къ той части Проконсульской, которая позднѣе стала называться Визаценой.

Каѳедра подписавшагося тридцать третьимъ—другаго *Феликса изъ Баммакоры* [9]), повидимому, находилась въ Нумидіи, какъ полагаютъ почти всѣ изслѣдователи: Mansi [10]), Tissot [11]), Benson съ Harnack'омъ и Mesnage [12]).

Каѳедра тридцать четвертаго епископа—другаго *Януарія Мозулен-*

[1]) *Ibidem*, 16 s. „Via a Karthagine usque ad fines Numidiae provinciae“ находится въ надписяхъ 10047. 10063, 10075, между тѣмъ, какъ въ надписяхъ 10048, 10065, 10081, 10091, 10092, 10114—въ сокращенной формѣ: „via a Karthagine Thevestem“.

[2]) *Ibidem*, 62 s.

[3]) Maximilian † 12 Марта 295 г. *Al. Schwarze*—126 s.

[4]) *Harnack* MA², II, 251, со ссылкой на Optat. Milev. II, 18.

[5]) См. о нихъ у *Mesnage*—380—382 p.

[6]) *Hartel* 448: „Eugenius ab Ammedera“, ab amacora *L*, abbamacora *T*, ab amaccura *Av. Mansi*—E. ab Ammeclera, Ammedera, Amedera 10. MS ab Ammedara in Numidia—957 p. и E. ab Amedaris—918 p.

[7]) *Benson*.—595 p.

[8]) *Ibidem*, 595 p. not. 2. Ср. *Al. Schwarze*—49—50 s. о раскопкахъ Saladin'a, открывшаго здѣсь слѣды пяти христіанскихъ церквей, древнѣйшая изъ которыхъ относится къ VI в.

[9]) *Hartel*, 448: „Item alius Felix a Bammacora“, ab amacora *L*, abbamaccora *T*, ab amaccura *Av.* 11 Ms. a Bamaccora 957 p. и a Meccora—981 p.

[10]) *Mansi*—a Bamaccora in Numidia—11 MS. 957 p.

[11]) *Tissot* „Op. cit.“ II, 777 p. со ссылкою на Plin. V, 4: Bamacures—нумидійское племя.

[12]) *Benson*—608 p. и *Ad. Harnack* MA², II, 248 s. *Mesnage*—404.

скаго [1]) является недостаточно опредѣленной. Проф. Harnack называетъ ее „неизвѣстной“, хотя предположительно и относитъ къ Проконсульской [2]). Но Benson, опираясь на авторитетъ Tissot, довольно рѣшительно помѣщаетъ ее въ области большаго Сирта, 150 милями ниже Lepsis Magna, между городами Dissio и Ficum, въ бывшей Проконсульской, а позднѣе—триполитанской провинціи [3]).

Невполнѣ установлена и каѳедра тридцать пятаго епископа—*Адельфія изъ Тасуалты* [4]). Проф. Harnack высказываетъ догадку, что, быть можетъ; городъ этотъ тождественъ съ Тисартой, находившейся въ южной части Бизаціума, на границѣ съ Триполи [5]). Къ древней Проконсульской склоненъ отнести эту каѳедру также и Benson [6]). Греческое имя епископа (ἄδελφος=братъ), по нашему мнѣнію, вполнѣ благопріятствуемъ такой догадкѣ, поскольку свидѣтельствуетъ о бо́льшей территоріальной близости къ Элладѣ [7]).

Тридцать шестымъ далъ свою подпись—*Димитрій изъ Лептиминуса* [8]). Богатый и вліятельный приморскій портъ, лежавшій въ прежней Проконсульской, позднѣе Визаценѣ, нѣсколькими милями южнѣе Адрумета. У раннѣйшихъ греческихъ и латинскихъ авторовъ онъ извѣстенъ просто, какъ Λέπτι или Λέπτις, Lepti [9]). И лишь со второго вѣка по Р. Х. онъ получилъ добавку *μικρά*, minus, въ отличіе отъ Leptis Magna, въ Триполи.

Каѳедра тридцать седьмаго епископа—*Винцента изъ Тибары* [10]) находилась въ Проконсульской, немного южнѣе уже извѣстныхъ намъ городовъ Туккабора и Вико-Цезаря. Къ населенію этого города писалъ

[1]) *Hartel*, 449: „item alius Januarius Muzulensis“, mozulensis *S*, *Mansi*—J. Muzulensis, 12 MS noster Mutucensis. In MS. Fus. Mosulensis, in Corb. a Mazucha—957 p. и J. Mucuza 981 p.

[2]) *Ad. Harnack*—249 s.

[3]) *Benson*—595 p. *Tissot* II, 228 и 231 p. Къ Проконсульской относитъ ее и *Mesnage*, транскрибируя ее, какъ Muzuca, или Mnzua теперь Khachoum—96.

[4]) *Hartel* 449: „Adelphius a Thasualthe“, thasualte *Av*, thasuate *T*, *Mansi*—A. a Thasbalte, Thasvalte, 1 MS. Thasvalte in Byzacena—959 p. и A. a Thasvelthe—981 p.

[5]) *Ad. Harnack*—250, ср. *Tissot* II, 656 s. Догадку эту всецѣло поддерживаетъ и *Mesnage*, отождествляющій древнюю Thasuart'у съ соврем. Segui—142.

[6]) *Benson*—608 p. въ частности, отмѣчаетъ и сходство съ Thasbalthe—Aug. de Baptism. contra Donatist. VI, XLII.

[7]) *Hartel* 449: „Demetrius a Leptiminus“, *Mansi*—D. Aleptuninus, Aleptiminus, a Lepti minore—959 и D. Polemone—981 p.

[8]) См. у *Benson'a*, 605, n. 4.

[9]) *Ibidem*: „Leptis (λέπτη, Procop.) until *μικρά* added in the second century“.

[10]) *Hartel* 450: „Viucentius a Thibari“, dhibari. *Mansi*—idem. Городъ сохранилъ свое историческое имя и теперь—Thibar, *Mesnage*—159.

одно изъ своихъ писемъ самъ еп. Кипріанъ—„письмо Θиваритянамъ, съ увѣщаніемъ къ мученичеству“ [1]).

Каѳедра тридцать восьмаго епископа—*Марка изъ Мактары* [2]) лежала въ Проконсульской, (позднѣе—Бизацена) на прямой линіи вглубь страны отъ г. Адрумета. Она расположена была въ гористой мѣстности, поднимавшейся чуть не на тысячу футовъ надъ уровнемъ моря и, судя по раскопкамъ, служила однимъ изъ видныхъ культурныхъ центровъ древней Африки [3]).

Тридцать девятая подпись принадлежитъ—*Саттію изъ Сицилибы* [4]). Это—одна изъ ближайшихъ къ Карѳагену (33 мили отъ него) станцій на великомъ пути изъ Карѳагена въ Тевесту [5]). Слѣдовательно, она находилась въ Проконсульской.

Сороковая подпись—*еп. Виктора изъ Гордубы* [6]). Hartel почему-то предпочитаетъ сравнительно менѣе популярное чтеніе Gorduba, тогда какъ большинство другихъ кодексовъ, имъ-же самимъ отмѣченныхъ, а также Mansi и Benson удерживаютъ болѣе краткую форму—Gor [7]). Это—чисто пуническое имя, означающее въ переводѣ „гостинницу“ (Hospice) [8]). Такъ назывался городъ въ Проконсульской, лежавшій между горнымъ Тубурбо-Большимъ (Thuburbo Majus) и приморскимъ Сегермисомъ.

Сорокъ первая подпись—*Авреліи изъ Утики* [9]). Старинный африканскій городъ, расположенный въ Проконсульской, на рѣкѣ Багарадѣ, нѣсколькими милями сѣвернѣе Карѳагена. Тертулліанъ называетъ его soror civitas [10]), по отношенію къ Карѳагену. И, дѣйствительно, извѣстно,

[1]) *P. n. 48-oe n.* 272—282. Ep. LVIII Cyprianus plebi Thibari consistenti 656—666 p. варіанты: Incipit ad tibarithanos *O*, inc. ad tibaritanos *BR*, inc. ad Thebaritanos exhortatoria. Письмо это написано, въ виду предполагавшейся новой вспышки гоненія, при Галлѣ, т. е. въ серединѣ 253 г.

[2]) *Hartel 450:* „Marcus a Macthari“, Mactari *Av*, machari T. *Mansi*—M. a Mactari—959 и M. a Matharis 981 p.

[3]) *Benson:* „Mactharis is 944 feet above the sea“ 604 p. Объ интересныхъ христіанскихъ находкахъ въ Мактарѣ см. у *Al. Schwarze* „Op. cit.“—53 s. и у *Mesnage*—103—104.

[4]) *Hartel* 450: Sattius a Sicilіba, satius *A*, sicilibra T. *Mansi*—Sicilippa, F. Forte Cicilibba in Provincia Proconsulari—959. Srttius a Sicilibba—984 p.

[5]) *Benson*—581 и 594, not. 2.

[6]) *Hartel* 451: „Victor a Gorduba“, gorduba *SV*, gor *LTAv. Mansi*—V. a Gor—959 p.

[7]) *Mansi*—959 p. и *Benson*—580 p. Съ ними солидаренъ и *Mesnage*, который древній Gor отождествляетъ съ болѣе поздней Goritana и современ. Drâa el Gamara—62 p.

[8]) *Benson*—580: „Gor-pur punic for „Hospice“.

[9]) *Hartel* 451: „Aurelius ab Utica“, ab utica, abutle *T. Mansi*—ab Utica—959 p. Uthica—984 p,

[10]) *Tertull.* De pallio 1 c.

что этотъ городъ долгое время былъ вторымъ послѣ Карѳагена и даже соперничалъ съ нимъ, пока не принужденъ былъ уступить своей роли г. Адрумету [1]). Раньше здѣсь была резиденція римскихъ намѣстниковъ, до 14 г. предъ Р. Х. когда, по возстановленіи Карѳагена, они окончательно утвердились въ немъ [2]). Впрочемъ, посѣщали его намѣстники и послѣ этого, какъ видно, напр., изъ исторіи мученической кончины Кипріана [3]).

Сорокъ вторая подпись—*Ямба изъ Германиціаны* [4]). Городъ, расположенный въ Проконсульской, между Aquae regiae (въ 22 миляхъ) и Thysdrus. Его иногда смѣшиваютъ съ городомъ Аббиръ-Германиціаной, который уже знакомъ намъ по Sententiae episcoporum [5]). Benson, для устраненія этой путаницы, рекомендуетъ слѣдовать Wilmanns'y, который различаетъ два города Аббира: Abbir Majus или Celense и Abbir Minus, онъ-же Abbir Germaniciana [6]). Поэтому, если выше мы имѣли дѣло съ Abbir Germaniciana, то здѣсь уже нѣтъ никакого Аббира, а остается лишь г. Германиціана, лежавшій въ Проконсульской.

Каѳедру подписавшагося сорокъ третьимъ—*еп. Луκіана изъ Рукумы* [7]) Mesnage довольно увѣренно относитъ къ Проконсульской и ищетъ ее гдѣ-либо въ приморской ея части, основываясь на анализѣ пуническаго имени Rucuma, гдѣ префиксъ ru въ переводѣ означаетъ „мысъ, носъ“ [8]). Съ такимъ опредѣленіемъ Rucum'ы согласны въ сущности, *Mansi*, *Benson* и *Harnack* [9]).

Довольно печально обстоитъ дѣло съ каѳедрой сорокъ четвертаго *еп. Пелагіана изъ Люперціаны* [10]), относительно которой многіе ученые

[1]) *Benson*—478 p.

[2]) *Al. Schwarze* „Op. cit.“ 3 s.

[3]) Vita Cypriani—c. 14, *Hartel* III, CVI и Acta proconsul. *Ibidem.* CXI. О массѣ христіанскихъ мучениковъ древней Утики (теперь, Chateur bou) и открытыхъ здѣсь интересныхъ іудео-христіанскихъ надписяхъ см. у *Mesnage*—44—45.

[4]) *Hartel* 451: „Jambus a Germaniciana“, lambus *S*, confessor Jambus-Erasm. germaciana *S*, germaniciana *T. Mansi*—Confessor Jambus a Germaniciana—960 p. и J. a Germanicia—984 p.

[5]) *См. выше,* стр. 743-я.

[6]) *Benson*—603 p. n. 4. *Mesnage*—200: „Cette ville est mentionnée par l' Itin. d'Antonin à 22 milles d'Aquae Regiae et à 16 d' Aeliae, sur la route de Sufetula á Thysdrus“.

[7]) *Hartel* 451: „Lucianus a Rucumna“, lucilianus *L*, rucina *S*, rucima *I*, *Mansi*—Lucianus a Rucumma, Rucuma, MS. 8, noster Racuma—960 p. a Rucuma—984 p.

[8]) *Mesnage* 218.

[9]) *Mansi*—„Racuma in Provincia Proconsulari“ 960 p. 8 MS. *Benson*—608 p. и *Harnack*—250 s.

[10]) *Hartel* 452: „Pelagianus a Luperciana“, pelacianus S. *Mansi*—Pelagius a Luperciana 984 p.

не строятъ даже и предположительныхъ догадокъ, или вовсе проходя ее молчаніемъ (Mansi), или категорически помѣщая ее въ разрядъ „неизвѣстныхъ“ [1]). Но *Mesnage* не поддается такому пессимизму и вслѣдъ за Tissot отождествляетъ Luperciana съ Afas Lupeici, или Lupersi, находившейся въ Проконсульской, въ 36 мил. къ югу отъ Тасарае [2]).

Недостаточно опредѣленной оказывается и каѳедра сорокъ пятаго епископа *Ядера изъ Мидилы* [3]). Benson довольно колебательно относитъ ее то къ Нумидіи, то, вслѣдъ къ Tissot, къ Проконсульской [4]). Болѣе устойчивъ въ этомъ случаѣ Harnack, который склоненъ отождествить ее съ нумидійскимъ епископатомъ Мидилой, получившимъ бо́льшую извѣстность съ V в. и расположеннымъ, вѣроятно, гдѣ-либо вблизи современнаго Туниса [5]). Обращаетъ на себя вниманіе и оригинальное имя епископа — Ядеръ, явно туземнаго происхожденія. Въ 1890 г. открыта одна, несомнѣнно, христіанская надпись съ тѣмъ-же именемъ [6]).

Сорокъ шестая подпись принадлежитъ—*еп. Феликсу* (тоже другому) *изъ Маразаны* [7]). Городъ этотъ находился въ Проконсульской (позднѣе, въ Бизаценѣ), въ двадцати двухъ миляхъ отъ Германиціаны и по сосѣдству съ извѣстными намъ Суфами [8]). Benson отмѣчаетъ авторитетность мѣстныхъ епископовъ и даже упоминаетъ о какомъ-то бывшемъ здѣсь соборѣ [9]).

На сорокъ седьмомъ мѣстѣ стоитъ подпись *еп. Павла изъ Оббы* [10]). Mansi [11]) и вообще прежніе авторы искали этого города въ Мавретаніи.

[1]) *Benson* 609: „province uncertain“. *Harnack* 249: Luperciana (unbekannt).

[2]) *Mesnage*—206.

[3]) *Hartel* 452: „Jader a Midili“, confessor et martyr Jader-*Erasm*, midili *ST*, madili *L*, midila *Av. Mansi*—Confessor et Martyr Jader a Midila, Midili, 9 MS, noster Midili, nec habet illas voces *confessor et martyr*—960 p. и J. a Media—984 p. *Moricelli*, основываясь на нѣкоторыхъ варіантахъ, готовъ вмѣсто Medili читать Sedili и признать ее, такимъ образомъ, за сосѣднюю съ Проконсульской Utina—см. у *Mesnage*—115.

[4]) *Benson*—608 p. Ср. *Tissot* II, 591.

[5]) *Harnack*—249 s.

[6]) *Benson*—608, со ссылкой на христ. надпись, открытую въ Тебессѣ: „Julio Jaderi patri dulcissimo in pace *α ω*“. *Academ. des Inscrip. Maj* 1890.

[7]) *Hartel* 452: „Item alius Felix a Marazana, Marazanda T. *Mansi*—F. a Marrazana, 10 MS—a Maraza—960.

[8]) *Benson*—604 p. и *Harnack*—249.

[9]) *Benson*—604: in this highland was a council held, of unknown date, but four of its canons survive“. (*Ferrandus*, Brev. Can. 44, 76. *Harduin*—Con. I, 1251 col.). *Mesnage* высказываетъ догадку, что на мѣстѣ древней Marazanae стоитъ современная Guennara—74, 280.

[10]) *Hartel* 452: „Paulus ab Obba“, ab obba *SL*, a bobba *TAv. Mansi*—Confessor Paulus ab Obba, a Bobba, Bubba—960 p. и Paulus ab Obba—984 p.

[11]) *Mansi*—960 p. 11 not. Obba in Mauretania. *Mesnage* отмѣчаетъ двѣ Оббы,

Но Harnack, вслѣдъ за Tissot, указываетъ его теперь въ Нумидіи (Проконсульской), неподалеку отъ городовъ Лары и Мактары [1]). На пятомъ вселенскомъ соборѣ въ Константинополѣ (553 г.) представителемъ африканской церковной провинціи Тингитаны, (совпадавшей съ политической) былъ Валеріанъ, епископъ г. Оббы [2]).

Каѳедра сорокъ восьмаго епископа—*Помпонія изъ Діонисіаны* [3]) относится къ числу „неотождествленныхъ“ (nicht undentificirt, unindentified), хотя предположительно и указывается въ Проконсульской (Бизаценѣ) [4]), чему благопріятствуетъ и греческое имя города, менѣе умѣстное для Нумидіи и еще меньше для Мавретаніи. Имя-же еп. Помпонія хорошо извѣстно по корреспонденціи Кипріана, такъ какъ ему, кромѣ нѣсколькихъ общихъ писемъ, было адресовано и одно личное письмо [5]).

Сорокъ девятымъ подписался *еп. Венанцій изъ Тинниссы* [6]), подъ чѣмъ Harnack разумѣетъ теперешній Тунисъ, принадлежавшій прежде Проконсульской (Зевгитаніи) [7]). Это—старинный, приморскій городъ, лежавшій нѣсколько сѣвернѣе Карѳагена, но южнѣе Иппона Діарритскаго.

Пятидесятая подпись—*Ахимма изъ Авсуаги* [8]). Со словъ донатистскаго епископа Приміана на Карѳагенскомъ соборѣ 411 г. Ad. Harnack заявляетъ, что существовали два города этого имени, и оба въ Проконсульской, хотя, гдѣ именно—съ точностью неизвѣстно [9]). *Mesnage* ищетъ данную Авсуагу гдѣ-либо въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ съ Vaga (Béja) [10]).

одну въ Нумидіи, или, точнѣе, на пограничной чертѣ Нумидіи съ Мавретаніей Кесарійской (Obbi—498 p.), другую—въ Проконсульской, на мѣстѣ современной Евви (63 p.), и самъ онъ больше склоняется къ послѣдней.

[1]) *Ad. Harnack*—250 p. ср. Tissot, II, 459 s.

[2]) *Al. Schwarze* Op. cit.—27 s., со ссылкой на *Moricelli*, 310 s.

[3]) *Hartel* 453: „Pomponius a Dionysiana“. *Mansi*—Confessor Pomponius a Josiniana, Dionysiana, 12 MS Lege Dionysiana in Byzacena—960 p. и P. a Dionysiana—984 p.

[4]) *Mansi*—960 p. MS, 12. *Harnack* II, 248; *Benson*—608 p.

[5]) *Epist.* 57, 67 и 70. Личное—4-ое письмо, ed. *Harteli*.

[6]) *Hartel* 453: „Venantius a Thinisa“, uenantibus *L*, thinuissa *L*, thinusa T, tinisa *Av. Mansi*—Confessor Venantius a Tinisa, Thimisa, Thinisa, 1 MS a Thimisa in Provincia Proconsulari—961 p. и Vinatus a Thenisa—984 p.

[7]) *Harnack*—251 s. То-же и *Mesnage*: „Avec toutes ces données, on est arrivé à fixer avec une quasi-certitude l'emplacement de Thinisa aux ruines de Ras el Djebal—132.

[8]) *Hartel* 453: „Ahymmus ab Ausuaga, ahymmus *SL* et cod. Aug. ahummus *Tv*, ausuago S, ausuagga *L*, adasuagga T. Aymmus ab Ausuagiga—*Aug.* „De baptismo“, ed. Petschenig. V. LI, 325 s. *Mansi*—Aymnius ab Ausuagia, Ausuaga. 3 MS noster Ausvagga—961 и Aymnius ab Asuagga—984 p.

[9]) *Harnack* 247. Ср. *Benson*—608 p. и *Mansi*—961 p. MS. 3. *Tissot* II, 817 p.

[10]) *Mesnage*—181.

Пятьдесятъ первая подпись—*Сатурнина изъ Викторіаны* [1]). Въ опредѣленіи этой мѣстности среди ученыхъ нѣтъ полнаго согласія. Harnack, заявивъ объ ея „неотождествленности", относитъ ее къ Нумидіи [2]). А Mansi и Benson — къ Проконсульской (Визаценѣ) [3]). Впрочемъ, у Benson'а приводится выдержка изъ бл. Августина, дающая больше основаній относить Викторину къ Нумидіи, чѣмъ къ Проконсульской: „Викториной—говоритъ бл. Августинъ [4])—называется городъ, отстоящій отъ Иппона (Regius) менѣе, чѣмъ на 30 миль.

Пятьдесятъ вторая подпись—*другаго Сатурнина изъ Тукки* [5]). Въ Африкѣ, по словамъ *Mesnage* [6]), существовало неменьше четырехъ городовъ съ такимъ именемъ. Но болѣе извѣстны изъ нихъ были два: одинъ—городъ Тукка, или Тугга лежалъ въ 46 миляхъ отъ приморскаго города Ilgilis'a, на границѣ Нумидіи съ Мавретаніей; другая—Тукка, или Тугга, съ прибавкой, Теребинтская (Tucca Therebintina)—находилась въ Проконсульской (Зевгитаніи), неподалеку отъ извѣстныхъ намъ городовъ—Оббы и Мактары [7]). Изъ какой Тукки явился на соборъ еп. Сатурнинъ—категорически рѣшить нѣтъ данныхъ, хотя Benson [8]) и въ особенности Mansi [9]) больше стоятъ за нумидійскую Тукку. Въ противоположность имъ Mesnage рѣшительно высказывается за проконсульскую Туггу [10]).

Пятьдесятъ третья—*Маркелла изъ Замы* [11]). Городъ Зама попалъ въ исторію еще съ эпохи второй пунической войны, какъ мѣсто пораженія Карѳагенянъ Римлянами [12]). Побѣдители Римляне уступили его своему вѣрному союзнику нумидійскому царю Массиниссѣ, за что, вѣроятно, онъ и получилъ эпитетъ Regia, т. е. царской Замы [1]). Расположенъ онъ былъ въ центрѣ Нумидіи Проконсульской, вблизи городовъ Лары, Оббы и Мактары, на перекресткѣ двухъ большихъ дорогъ—изъ Тенъ въ Ассуръ и изъ Тевесты въ Карѳагенъ [2]).

Пятьдесятъ четвертая—*Иринея изъ Улулъ* [3])—остается неопредѣленной, хотя Harnack и дѣлаетъ попытку отождествить этотъ городъ съ Узелисомъ или Узалисомъ, находившимся вблизи Утики, слѣдовательно, въ Проконсульской (Зевгитаніи) [4]).

Мало опредѣленна каѳедра пятьдесятъ пятаго епископа—*Доната изъ Цибаліаны* [5]). Harnack, однако, предположительно высказывается за принадлежность ея къ Проконсульской [6]).

Каѳедру пятьдесятъ шестаго епископа — *Зосимы изъ Тарассы* [7]), Harnack и Benson, гипотетически, относятъ ее къ Нумидіи [8]). Но Mesnage вноситъ поправку, указывая на существованіе двухъ Тарассъ: одной въ Визаценѣ, другой—въ Нумидіи. Отказываясь опредѣлить категорически, къ какой именно, изъ этихъ Тарассъ принадлежалъ еп. Зосима, Mesnage все-же больше склоняется къ Проконсульской Тарассѣ, такъ какъ въ текстѣ Sententiae онъ помѣщенъ между епископами Проконсульской [9]).

Пятьдесятъ седьмая подпись сдѣлана еп. *Юліаномъ изъ Телепты* [10]). Городъ—хорошо извѣстный. Онъ находился на югѣ Проконсульской, въ 44 миляхъ на сѣверъ отъ города Капсы [11]), извѣстнаго намъ, между прочимъ, и по письму отсюда шести епископовъ къ Кипріану [12]) Benson отмѣчаетъ также, что и языческое имя Юлій—характерно для Телепты, такъ какъ оно неоднократно встрѣчается въ надписяхъ, открытыхъ при богатыхъ раскопкахъ въ данной территоріи [13]).

---

[1]) *Hartel* 453: „Saturninus a Victoriana", uictoriana *S.* Mansi—*idem* 961 p. и Saturnilus a Juetoriana—984 p.

[2]) *Harnack*—251.

[3]) *Mansi*—Victoriana in Byzacena—961, n. 3. *Benson*—609 p.

[4]) *August.* „De civitate Dei" 22, 8. 7. Однако *Mesnage* уменьшаетъ силу этого свидѣтельства, выясняя, что бл. Августинъ говоритъ здѣсь лишь о пресвитерѣ Реститутѣ, а не объ епископѣ; слѣдовательно, его Викторіана, какъ не епископія, будто-бы не тождественна съ Викторіаной Sententiae—235 p.

[5]) *Hartel* 454: „Alius Saturninus a Tucca", a tucga *S*, attuca *T*, a thucca *v. Mansi*—Confessor Saturninus a Tucca—961 p. и Alius Saturnilius a Syca"—985 p.

[6]) *Mesnage* „Op. cit." 59 p.

[7]) *Harnack*—251 s. *Tissot*—II, 411 и 619 s.

[8]) *Benson* 585 и 602 p.: „The bishop was Saturninus, for Honoratus belongs to Tucca of Numidia.

[9]) *Mansi*—сбоку текста: „Civitas Numidiae ad fluvium Rubricatum"—961 p.

[10]) *Mesnage*: „Saturninus doit revenir à la Proconsulaire"—60 p.

[11]) *Hartel* 454: Marcellus a Zama", *Mansi*—idem 961 и 985 p.

[12]) И не смотря на такое историческое значеніе „Замы", съ полной точностью ея мѣсто еще до сихъ поръ не опредѣлено. *Mesnage*—467 sq.

[1]) *Al. Schwarze* op. cit.—3 и 15 s.

[2]) *Benson*—605 p.

[3]) *Hartel* 454: „Irenaeus ab Ululis", ululis, uzulis, conjcc. Hardouin. *Mansi*—Confessor Hirenaeus ab Ululis, a Bubulis—961 p. *Mansi*—n. 6. Forte ab Uzulis in Byz. и Irenaeus ab Ulis—985 p.

[4]) *Harnack*—251 s. Mansi, не приводя какихъ-либо основаній, говоритъ: Uzulis in Byzacena—962, n. 6.

[5]) *Hartel*—454: „Donatus a Cibaliana", *Mansi*—a Cibaliana, Cybaliana, F. Ms. Gubaliana—961 p.

[6]) *Harnack*—248 s.

[7]) *Hartel*—454: „Zosimus a Tharassa", *Mansi*—idem 982 p. и Z. a Tharaza—985 p.

[8]) *Harnack*—„in Numidien, nicht identifiziert" 250 s. *Benson*—608 p.

[9]) *Mesnage*—„op. cit." 226.

[10]) *Hartel*—455: „Julianus a Thelepte", telepte *Av*, *Mansi* J. a Philippo—985 p.

[11]) *Benson*—600 p. n. 6.

[12]) *Ep.* LVI, 648—650 p. *P. n.* 44-ое 240—241 стр.

[13]) *Benson* 600 p. n. 7: „C. Julius Saturninus of Thelepte и C. Julius of Thelepte—are the names of two officers at Lambaesis" C. I. L. VIII, 1, 2568 и 2569.

Пятьдесятъ восьмая подпись—*ep. Фауста изъ Тимиды Царской* [1]). Эпитетъ regia—„царская“ указываетъ на то, что г. Тимида былъ когда-то резиденціей царя. И, дѣйствительно, по свидѣтельству Benson'a [2]), она была древней резиденціей объединеннаго нумидійскаго царства. Въ римскій-же періодъ она вошла въ составъ Проконсульской, такъ какъ находилась вблизи Карѳагена и въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ г. Утиной [3]).

Пятьдесятъ девятая подпись—*Геминія изъ Фурниса* [4]). Имена и епископа и города намъ извѣстны по одному изъ раннѣйшихъ писемъ Киприана, содержащему въ себѣ едва-ли не первый опытъ его дисциплинарныхъ распоряженій [5]). Правда, Геминій тогда былъ еще пресвитеромъ, да еще такимъ, который подвергся церковному наказанію. Но самый поводъ къ этому наказанію свидѣтельствуетъ, скорѣе, о популярности Геминія, выдвигаетъ его, какъ дѣятельнаго пресвитера, а слѣдовательно, какъ виднаго кандидата и на епископство. По крайней мѣрѣ, Nelke [6]) находитъ вполнѣ возможнымъ отождествленіе бывшаго пресвитера Геминія (Фаустина) съ настоящимъ епископомъ Геминіемъ. Самый-же городъ Фурни находился въ Проконсульской, всего на разстояніи 29 миль отъ Карѳагена на Адріановой дорогѣ въ Тевесту [7]).

Шестидесятая подпись—*Рогаціана изъ Новой* [8]). Относительно этой каѳедры проф. Ad. Harnack рѣшительно, но нельзя сказать, чтобы вмѣстѣ и убѣдительно, заявляетъ: „Новая, именно, Новая Спарса, на сѣверъ отъ Діаны въ Нумидіи“ [9]). Но еще Mansi категорически отнесъ

[1]) *Hartel* 455: „Faustus a Thimida regia“, thimida *L. Mansi*—Confessor Faustus a Timida 962 s. и 985 p.

[2]) *Benson*—580 p.: „Thimida Royal—that is, an ancient seat of Numidian kings“.

[3]) *Harnack*—II, 251 s. и *Tissot* II, 590 p.

[4]) *Hartel*—455: „Geminius a Furnis“, gemminus *T*, geminus *M*, Geminimus Aug. *L* fornis, *Aug. N. Mansi*—G. a Furnis, 10 MS. Geminus—962 и G. a Forma—985 p.

[5]) *Epist.* I, 465—467: „Cyprianus presbyteris et diaconibus et plebi Furnis consistentibus“. P. n. 5-oe, 112—113: „Письмо къ клиру и народу фурнитанскому о Викторѣ, назначившемъ пресвитера Фавстина (неточно, надо Геминія Фаустина) опекуномъ“.

[6]) *Nelke* „Die Chronologie der Correspondenz Cyprians“... 150 s. Самъ Nelke, впрочемъ, относитъ данное письмо Киприана не къ началу, а къ концу его дѣятельности, незадолго до Sententiae.... Онъ подчеркиваетъ, что умершаго члена фурнит. церкви звали также *Геминій* Викторъ и что онъ былъ епископомъ. Это, вѣроятно, Furnos minus=теперь Msaadine, какъ полагаетъ *Mesnage*—122.

[7]) *Benson*—580 p. *Harnack* 248 и *Tissot* II, 322 и 580 p.

[8]) *Hartel* 455: „Rogatianus a Noua“, *Mansi* R. a Nova“ 962 и R. ab Usa—985 p. *Mesnage*—Noba—213.

[9]) *Harnack* II, 250: „Nova (wohl Nova Sparsa, nördlich von Diana in Numidien, *Tissot* II, 509).

этотъ городъ къ Мавретаніи [1]), а Benson указываетъ для этого и серьезные мотивы. Онъ говоритъ, что въ новой Африкѣ, за исключеніемъ южнаго Египта, извѣстны были два города съ именемъ „Новаго города“ (Oppidum Novum) и оба они лежали въ Мавретаніи. Одинъ—на крайнемъ сѣверо-западѣ, въ 62 мил. отъ Тингиса и въ 1613 мил. отъ Карѳагена. Другой—значительно ближе къ Карѳагену, всего лишь въ 210 мил. отъ Нумидійской границы. Еп. Рогаціанъ былъ представителемъ, именно, послѣдняго [2]).

Шестьдесятъ первая подпись—*Терапія изъ Буллы* [3]). Mansi относитъ этотъ городъ къ Проконсульской [4]). Ad. Harnack тоже какъ будто склоненъ допустить существованіе какой-то неизвѣстной Буллы въ Проконсульской провинціи [5]). Но, впрочемъ, и онъ, а еще рѣшительнѣе Benson, высказываются за тождество данной Буллы съ г. Буллой царской (Bulla regia), находившейся въ Нумидіи (Проконсульской), въ 29 миляхъ на западъ отъ Викусъ-Цезаря [6]). Это—древній, еще пуническій городъ, современныя раскопки котораго обнаруживаютъ его былыя богатство и славу [7]). Но изслѣдователи жалуются на скудость находимыхъ здѣсь памятниковъ христіанской поры [8]).

Шестьдесятъ вторая подпись—также другаго *Луція изъ Мембрессы* [9]). Городъ этотъ всѣми изслѣдователями относится къ Проконсульской (Zeug.), такъ какъ достовѣрно извѣстно, что онъ находился въ группѣ сосѣднихъ съ Карѳагеномъ городовъ—Фурни, Сициллибы, Тимиды и др. Греческій писатель Прокопій говоритъ о Мембрессѣ, какъ о городѣ, лежащемъ „въ мѣстности высокой и трудной“ [10]). Дѣйствительно,

[1]) *Mansi*—962 p. n. 11: „Nova in Mauretania“.

[2]) *Benson*—607 p. О мавретанской колоніи Oppidum Novum, впервые заселенной римскими ветеранами еще при императорѣ Клавдіи, говорится и у *Момсена* „Римская исторія“, т. 5-й. Провинціи“ стр. 637. Москва 1885.

[3]) *Hartel* 455 p.: „Therapius a Bulla“, *Mansi*—Confessor Therapius a Bulla, Terapius—962 p. и Therapius a Bulismio—985 p.

[4]) *Mansi*—962 p. n. 12 Bulla in Provincia Proconsulari. Также и *Mesnage*, отождествляющій Bulla regia съ современнымъ Derradj—50 p.

[5]) *Ad. Harnack* II, 248: doch scheint (?) es auch in Africa procon. ein Bulla gegeben zu haben“.

[6]) *Ibidem*: „ist wohl mit Bulla Regia in Numidia procon. identisch“. Ср. *Benson*—581 p.

[7]) *Benson* 581 p.: „It was, lake Samaria, „The Head of the Fat Valley“. О производящ. здѣсь раскопкахъ см. *Dr. Carton* Bull. archeol. du Comité des Trav. Hist. 1891, 212 p. и 1892, 69 p.

[8]) *Carton* у *Mesnage* 50 p.

[9]) *Hartel* 455: „Item alius Lucius a Membressa“, membressa—*L*, membrosa *M. Mansi*—*L* a Membressa, Membresa—962 и L. a Memeresa—985 p. Теперь это—Medjez el Bab—*Mesnage* 113 p.

[10]) *Procop. ἐν χωρίῳ ὑψηλῷ τε καὶ δυσκόλῳ*, V, 11, 15 у *Tissot* II, 327.

онъ находился на прекрасной, самой природой защищенной возвышенности, господствовавшей надъ плодородной долиной р. Баграды [1]).

Шестьдесятъ третья подпись *Феликса изъ Бузлацены* [2]) (также другаго). Это—одна изъ наименѣе опредѣленныхъ каѳедръ. Уже самое обиліе варіантовъ показываетъ, что мы не владѣемъ настоящимъ именемъ этого города, такъ какъ имѣющееся, вѣроятно, представляетъ его сильно испорченную форму. Moricelli высказалъ нелишенную остроумія догадку—не имѣемъ-ли мы здѣсь дѣла съ городомъ Bisica Lucana, лежащимъ на западъ отъ Тубурбо Большаго, въ близкомъ сосѣдствѣ съ предыдущимъ г. Мембрессой [3]). Но Harnack относится къ этому довольно скептически [4]). Benson предположительно указываетъ еще на Visicensis, упоминаемый на Карѳагенскомъ соборѣ 411 г. [5]). Mesnage отмѣчаетъ еще г. Lacene, лежавшій на сѣверъ отъ Gabes и отождествляемый съ развалинами Tarf el ma [6]). Съ увѣренностью можно только говорить одно, что этотъ городъ лежалъ гдѣ-либо въ предѣлахъ Проконсульской.

Шестьдесятъ четвертая подпись—другаго *Сатурнина изъ Авитины* [7]). Городъ Авитина или Абитина извѣстенъ намъ, между прочимъ, благодаря упоминанію о немъ бл. Августина, который разсказываетъ, какъ мембрессій еп. Сальвій (допатистъ) злоупотребилъ довѣрчивостью Абитинцевъ [8]). Отсюда Harnack и др. заключаютъ, что Абитина лежала гдѣ-либо по сосѣдству съ Мембрессой, т. е. въ той-же Проконсульской (Zeug.) [9]). Другимъ важнымъ памятникомъ Авитинской церкви являются „мученическіе акты Сатурнина, Датива и др.“ изъ

[1]) *Benson*—581 p. *Harnack*—249 s.

[2]) *Hartel* 456: „Item alius Felix a Buslacensis“. a buslacenis *A*, a bustiacgenis *L*, abustlaccens *T*, abusti lacceni *M*, a byzacene conjec. Fell. Buslaccenis—*Aug.* de baptismo VII, XXVII, 359 p. *Mansi* F. a Bussacenis, Buslaceni—962 p. и F. a Vaglacenne—985 p.

[3]) *Moricelli* у *Tissot* II, 333. Ср. также *Mesnage*—186 p.

[4]) *Harnack* 248: „Buslacenae (=Busica Lucana in Africa procon. Zeug.?? schwerlich“...

[5]) *Benson*—609 p.

[6]) *Mesnage*—186.

[7]) *Hartel* 456: „Alius Saturninus ab Auitinis“, abitinis A, auitinisi *T*, uitinis *L*, ab Abitinis—*Aug. Mansi*—S. ab Itinis, Avitinis, Abitinis, 14 MS Abitinis—962 и A. *Plutimna*—985 p.

[8]) *S. A. Augustini Contra epistola Parmeniani*, lib. III, 6, 29: „qualia certe jam Membressitanis suis dicit etiam Saluis, cui tantas Abitinenses plagas et contumelias infulerunt... ut postremo cum illo ad turpes uoces cantionesque saltarent“. *CSEL*, v. LI, 139 p.

[9]) *Harnack*—247. *Benson*—609 p. *Mesnage* даже прямо считаетъ Авитину, расположенной на другомъ берегу рѣки Баграды—43.

города Абитины въ Проконсульской Африкѣ, пострадавшихъ въ Карѳагенѣ, въ гоненіе Максимиліана, въ 304 г. [1]).

Шестьдесятъ пятая подпись—*еп. Квинта изъ Аггіи* [2]). Съ точностью данный городъ не извѣстенъ, хотя, предположительно, ученые и относятъ его къ Проконсульской, отождествляя съ тѣмъ „Агенскимъ городомъ“ (Oppidum Agence), о которомъ говорится въ одномъ изъ соборныхъ посланій VII вѣка [3]).

Шестьдесятъ шестая—*Юліана (другаго) изъ Марцеллины* [4]). Harnack категорически признаетъ ее „неизвѣстной“ (unbekannt) [5]). Но Benson дѣлаетъ попытку отождествить съ Giru Marcelli въ Нумидіи [6]), а Mansi относитъ къ Проконсульской [7]).

Шестьдесятъ седьмая—*Генакса изъ Горреи-Целіи* [8]). Приморскій городъ, лежавшій немного выше Адрумета, слѣдовательно—въ Проконсульской. Benson полагаетъ, что имя этого города—греческаго происхожденія, образовано изъ формы *ἀπὸ Ὁριῶν Κελλίων*, т. е. отъ тѣхъ небольшихъ, нагорныхъ хлѣбныхъ магазинчиковъ (какъ-бы „келіекъ“), которыми былъ опоясанъ этотъ городъ—одинъ изъ главныхъ центровъ хлѣбной торговли Африки [9]).

Шестьдесятъ восьмая подпись—*другаго Виктора изъ Ассуры* [10]). Къ епископу этого города—Епиктету и его ассуританской паствѣ написано одно изъ увѣщательныхъ писемъ Кипріана, по дѣлу ихъ падшаго епископа Фиртунанціана [11]). Лежалъ этотъ городъ въ Нумидіи Проконсульской, между извѣстными уже намъ городами—Замой и Оббой, слѣдовательно, на границѣ съ Проконсульской Африкой [12]). Производимыя въ немъ

[1]) „Acta SS. Saturnini, Dativi, et aliorum primorum“... in civitate Abitinensi. *Ruinart* „Acta primorum martyrum², 381—390. *O. Bardenhewer* II, 638 s.

[2]) *Hartel* 456: „Quintus ab Aggya“, aggya *A*, acbia *MT*, acdia *L. Mansi*—Q. ab Aggiva, Aggya, 1 MS Abachia, unde incertum, an a Bachia, an ab Achia legendum sit—963 p. и Q. ab Ugba—988 p.

[3]) *Mansi*—963 p. (incertum), *Benson*—609 p. и *Harnack* 247 s. „Agensis oppidum“ in Epist. Synod. ad Paul. Const. 646 r.

[4]) *Hartel* 456: „Alius Julianus a Marcellina“, ad marcellinam *L, Mansi*—M. a Marcellina, Marceliana, Marceliliana, 2 MS, noster Marcelliniana—963 p. и Marceliana—988 p.

[5]) *Harnack*—249 s.

[6]) *Benson*—608 p.

[7]) *Mansi*—963 p. notae. Также поступаетъ и *Mesnage*, предостерегающій отъ смѣшенія этой Марцеллины съ Нумидійской Girou Marcelli—208 p.

[8]) *Hartel* 456: „Tenax ab Horreis Caeliae“. *Mansi*—idem 963 p. и 988 p.

[9]) *Benson* 606 p. и not. 5. Horrea Caelia vicus—въ 18 миляхъ отъ Адрумета.

[10]) *Hartel* 456: „Alius Victor ab Assura, assuris *Av. Mansi*—V. ab Assuris. 5 MS. ab Assuras—963 p. и ab Asuras—988 p.

[11]) Ep. LXV „Cyprianus Epicteto fratri et plebi Assuras (Assuritanorum, Assyritanorum) consistenti“. 721—726 p. P. п. 45-ое, 241—245 стр.

[12]) *Harnack* 247 ср. *Tissot* II, 568, 619, 818 s. *Benson*—602—603 p. Mansi ошибочно относитъ его къ Проконсульской—963 p. not.

раскопки показываютъ, что это—одно изъ древнѣйшихъ финикійскихъ поселеній и вмѣстѣ—одна изъ раннѣйшихъ римскихъ колоній [1]).

Неменѣе извѣстенъ намъ и слѣдующій, шестьдесятъ девятый епископъ—*Донатулъ изъ Капсы* [2]), при посвященіи котораго шесть епископовъ отправили Кипріану коллективное письмо, съ запросомъ по дѣлу „падшихъ“ [3]). Хорошо извѣстенъ и самый городъ Капса—одинъ изъ наиболѣе южныхъ пунктовъ Проконсульской (позднѣе, Бизацены), почти на границѣ уже съ Сахарой и Суданомъ [4]). Это—древній, богатый, торговый городъ, лежавшій на пути съ юго-востока на сѣверо-западъ и бывшій однимъ изъ первыхъ центровъ финикійской торговли въ центральной Африкѣ, Впрочемъ, Moricelli, а вслѣдъ за нимъ и Ad. Harnack готовы допустить существованіе какой-то еще нумидійской Капсы [5]). Но не проще-ли думать, что удаленная отъ Карѳагена Капса слабо сознавала свою связь съ Карѳагеномъ и Проконсульской и больше тяготѣла къ сосѣдней съ ней Нумидіи?

Семидесятымъ подписался *еп. Веруллъ изъ Рузикады* [6]) Rusicade (теперь Philippeville)—Нумидійскій портъ, лежавшій нѣсколько западнѣе Иппона Царскаго (Боны). Отъ него шла большая торговая дорога, лежавшая черезъ г. Цирту [7]). Здѣсь, среди мѣстныхъ раскопокъ, немало найдено и цѣнныхъ памятниковъ христіанства [8]).

Семьдесятъ первая подпись—*Пуденціана изъ Куикулы* [9]). Западный пунктъ Нумидіи, лежавшій уже на самой границѣ ея съ Мавретаніей [10]). Среди открытыхъ тамъ древнихъ надписей одни говорятъ о тѣсномъ политическо-религіозномъ союзѣ Куикулы съ г. Циртой, отъ которой она отстояла на протяженіи 37 миль [11]). Al. Schwarze говоритъ о великомъ сѣверо-западномъ пути, который велъ отъ Тебесты, чрезъ

[1]) *Benson*—603 p.

[2]) *Hartel* 457: „Donatulus a Capse“, gapse *T*, capsed *S*. *Mansi*—Donatulus a Capse, Donatus Cabse, 7 MS. noster Donatus—963 p. и Donatulus a Capse—988 p.

[3]) *Ep.* LVI Cyprian. Fortunato, Anymo, Optato, Privatiano, *Donatulo* et Felici fratribus S. 648—650 p. *P. n. 44-oe.* Письмо къ Фортунату и др. товарищамъ о невыдержавшихъ мученій“ 240—241 стр.

[4]) *Benson* 599 p. Route (I). Oea to Assuras by the Salt Lakes and Capsa.

[5]) *Moricelli* ap. Benson: „M. dreams of two Capsas also“. *Harnack*—248 s. Cp. *Tissot* II, 777 p.

[6]) *Hartel* 457: „Verulus a Rusiccada“, martyr de schismaticis Verulus *Erasm.*, rusicade *L*, rusiccade *T*, succade *S*. *Mansi*—Martyr de schismaticis Verulus a Rusiccade—963 p. V. a Rusiccade 988 p.

[7]) *Benson*—584 p. и *Harnack* 250 s. Рузикада отстояла въ 37 миляхъ отъ Цирты.

[8]) *Mesnage* 351.

[9]) *Hartel* 457: „Pudentianus a Cuiculi“. *Mansi* idem 963 и P. a Quincola 988 p. Въ формѣ Cuicul встрѣчается этотъ городъ и въ др. надписяхъ *Corp. Ins. Lat.* VIII, 8322, 8329.

[10]) *Benson* 584—585 p.

[11]) *Benson:* „Flamen perpetuus IIII coloniarum Cirtensis et Cuiculi“—585 p. n. 1.

Макомады, Цирту, Милео и Куикулу въ мавретанскій городъ Ситифисъ [1]). „Крескентъ, еп. святой каѳолической церкви Cuiculitanae“ значится въ числѣ членовъ пятаго вселенскаго собора (553 г.) [2]).

Семьдесятъ вторая подпись—*Петра изъ Иппона Діарритскаго* [3]). Извѣстный приморскій портъ Проконсульской, лежавшій нѣсколькими милями сѣверо-западнѣе Карѳагена. Нелестный эпитетъ διάῤῥυτος былъ данъ ему, какъ полагаетъ Benson, за антипатріотическую тактику дезертирства изъ населенія этого города въ эпоху пуническихъ войнъ [4]).

Семьдесятъ третья подпись—*Луція изъ Аузафы* [5]). Каѳедра эта открыта сравнительно недавно—въ 1884 году [6]). Входила она въ составъ Проконсульской и лежала недалеко отъ извѣстныхъ намъ городовъ Ассуры, Замы, Тукки Теребинтской, Мактары и другихъ по дорогѣ въ Акву-Регію [7]).

Семьдесятъ четвертая подпись—*Феликса (другаго также) изъ Гургитъ* [8]). Harnack называетъ эту каѳедру „неотождествленной“, хотя и относитъ ее къ Проконсульской (Byzac.) [9]). Benson справедливо жалуется на искаженность имени и пытается произвести его то отъ Gergis въ Бизаценѣ, то даже отъ острова Церцины (Gerg.=Cerc.=Cercina) [10]).

Семьдесятъ пятая подпись—*Пузилла изъ Ламазбы* [11]). Нумидійскій городъ, лежавшій 21 милей западнѣе г. Ламбезы, по дорогѣ къ одной изъ столицъ Мавретаніи—г. Ситифису [12]).

Семьдесятъ шестая—*Сальвіана изъ Газавфалы* [13]). Испорченное имя вмѣсто Gadiaufala [14]). Прокопій опредѣляетъ ее, какъ городъ, лежащій въ двухъ дняхъ пути отъ Цирты. Находилась она въ Нумидіи, между

[1]) *Al. Schwarze* Op. cit. 76 s. Cp. 87 s.

[2]) *Harduin.* t. III, p. 204.

[3]) *Hartel* 457: „Petrus ab Hyppono diarrhyto“, ippone *T*, diarrito *LA*, diharrito *T*, diarrhytorum *v. Mansi*—„Martyr Petrus ab Hipponezarito, Hippone Diarrhyto—963 p. и P. ab Hippone Diarrhyto—988 p.

[4]) *Benson*—578: „The fame of neither city seemed ever clear from the unpatriotic memory of having deserted Carthage in its extremity“.

[5]) *Hartel* 457: „Item alius Lucius ab Ausafa“, ausafa, ausura S. *Mansi*—*L.* ab Avasafa, Ausafa, n. 11 forte Ausafa—963 p. и L. ab Ausafa—988 p.

[6]) *Benson* 604 p. n, 8. Ausafa=Αὐσάφη Zonar. ap. *Tissot*, II, 575. Found only in 1884. Baal Usappâu, citizen of Usappa. Pun. Insc. *Acad. des Inscript.* Jan. 1890.

[7]) *Harnack*—247 s. и *Benson*—604 p.

[8]) *Hartel* 458: „Item alius Felix a Gurgitibus“, ab haeriticis *v. Mansi*—a Turitis—988 p.

[9]) *Harnack*—„Curgites (Africa procons. Byz. nicht zu identifiziren) 249 s.

[10]) *Benson*—609 p.

[11]) *Hartel* 428: „Pusillus a Lamasba“, lamasba *LTA*, labama *S*, lambese *v. Mansi*—Plutianus a Labana—989 p.

[12]) *Benson*—591 p. *Harnack*—249 s.

[13]) *Hartel* 458: „Saluianus a Gazaufala“, cazauphala, gazauphalia, *Mansi*—S. a Zyphala—989 p.

[14]) Gadiaufala=Sbehi (Ksar)—*Mesnage*—364.

городами Циртой и Макомадами [1]). О найденныхъ здѣсь христіанскихъ надписяхъ изъ эпохи императора Іустиніана говоритъ Al. Schwarze [2]).

Семьдесятъ седьмая подпись—*Гонората изъ Тукки* [3]). Въ отличіе отъ ранѣйшей Тукки съ еп. Сатурниномъ [4]), т. н. Тукки Теребинтской, эта Тукка извѣстна у ученыхъ подъ именемъ Нумидійской [5]). Она лежала на границѣ между Нумидіей и Мавретаніей, въ близкомъ сосѣдствѣ съ Милевомъ, съ которымъ она, повидимому, и вообще-то находилась въ самой тѣсной связи [6]).

Семьдесятъ восьмая подпись—*Виктора изъ Октавы* [7]). Хотя съ полной опредѣленностью этотъ городъ еще не открытъ, однако большинство ученыхъ относитъ его къ Нумидіи [8]). И едва-ли не главнымъ основаніемъ такой догадки является упоминаніе Оптатомъ Милевійскимъ Octabensis'а—города въ Нумидіи, подъ которымъ произошла кровавая рѣзня православныхъ циркумцелліонами [9]).

Семьдесятъ девятая подпись—*Клара изъ Маскулы* [10]). Важный нумидійскій городъ, лежавшій на пути изъ Тевесты въ Ламбезу, почти посрединѣ между городами Томагудой и Цедіей [11]). Теперь онъ называется Khenschelu и извѣстенъ, какъ мѣсто интересныхъ древне-христіанскихъ раскопокъ [12]).

Восьмидесятая подпись—*Секундіана изъ Тамбы* [13]). Harnack категорически признаетъ эту каѳедру „неотождествленной“ [14]); Benson [15])—условно, а Mansi и Mesnage болѣе рѣшительно относятъ ее къ Проконсульской, помѣщая въ Бизаценѣ [16]).

Восемьдесятъ первая подпись—также другаго *Аврелія изъ Хуллабы* [1]). Проф. Ad. Harnack почему-то отказывается опредѣлить этотъ городъ [2]). Иначе поступаютъ Benson [3]) и Schwarze [4]), которые видятъ здѣсь испорченную форму словъ Chulli или Chullu и находятъ обозначеніе приморскаго города Нумидіи, лежавшаго по сосѣдству съ Рузикадой. Al. Schwarze на основаніи раскопокъ, говоритъ даже о существованіи цѣлаго особаго колоніально-городского союза четырехъ нумидійскихъ городовъ: Цирты, Рузикады, Милева и Хуллы [5]).

Восемьдесятъ вторая подпись—*Литтея изъ Гемеллы* [6]). Въ то время, какъ Ad. Harnack [7]) называетъ цѣлыхъ три Гемеллы, не останавливаясь, въ сущности, не на одной, Benson [8]) опредѣленно указываетъ нумидійскую Гемеллу, лежавшую на границѣ съ Сахарой. Это былъ видный стратегическій пунктъ Римлянъ, одно время—даже мѣсто стоянки третьяго легіона, какъ заявляетъ объ этомъ, на основаніи раскопокъ, извѣстный Al. Schwarze [9]).

Восемьдесятъ третья подпись—*Наталиса изъ Оёи* [10]) останавливаетъ на себѣ особенное вниманіе потому, что она тройная. Давши свою личную, мотивированную подпись, еп. Наталисъ подписался еще и по поручительству за двухъ своихъ ближайшихъ коллегъ—*еп. Помпея изъ Сабратены* [11]) *и Діоги изъ Лептимагнуса* [12]). Всѣ эти три города находились на крайнемъ юго-востокѣ Проконсульской, въ области позднѣйшаго Триполиса: Сабрата, по направленію къ Карѳагену, т. е. на западѣ, Оеа—по срединѣ и Лптимагнусъ—на востокѣ. Не эти-ли три древнѣйшихъ и важнѣйшихъ города дали, позднѣе, свое имя и всей этой провинціи, какъ округу „трехъ городовъ“ *(τρεῖς πόλεις)*? Впрочемъ,

---

[1]) *Benson*—585 p. Въ 45 миляхъ отъ Карѳагена. *Harnack* 248 s. *Tissot* II, 385 и 418 p.

[2]) *Al. Schwarze* op. cit. 174 s.

[3]) *Hartel*—458: „Honoratus a Thucca“.

[4]) Senten. 52. См. выше, стр. 756-я.

[5]) *Benson*—585 p. *Harnack*—251. *Mansi*—Sent. LXXVII сбоку текста: „Civitas Mediterranea inter Thabracam civitatem et Bagradam amnem“.—964 p.

[6]) *Benson*—585 p. Птоломей относитъ её къ Нумидіи, а Плиній—къ Мавретаніи.

[7]) *Hartel* 459: „Victor ab Octauu“, octauo. *Mansi*—V. ab Octave—964 и 989 p.

[8]) *Benson*—609, *Harnack*—250, *Mansi*—964 p.

[9]) *Optat Milev.* „De schisma Donat. III, 4“ см. *Al. Schwarze* Op. cit. 113 s.

[10]) *Hartel* 459: „Clarus a Mascula“, massula *S. Mansi*—Confessor Clarus a Mascula—964 p. 989 p.

[11]) *Benson* 590—591 p. *Harnack*—249 s. *Tissot*, II, 480 и 817 p.

[12]) *Al. Schwarze*—73. Открытъ рядъ надписей и развалины одного древняго храма. *Mesnage*—315 p.

[13]) *Hartel*—459: „Secundianus a Thambis“, secundinus *S*, thambis *LT*, thanbis *S*, thambeis *Av. Mansi*—Martyr Secundianus a Tabeis, Thambeis, 18 MS noster Thambris—964 и a Thamba—989 p.

[14]) *Harnack:* Thambi (nicht identifiziert)—250 s.

[15]) *Benson*—609 p.

[16]) *Mansi*—„Thambris in Byzacena“ 964 p. 18 MS. *Mesnage*—225.

[1]) *Hartel* 459: „Item alius Aurelius a Chullabe“, chullabi *T.* A. a Cillaui—*Aug. Mansi*—965 p. 1 MS. noster a Cullabi. In Colbert. a Buccadi и A. a Chollabe—989 p. Но *Mesnage* отдаетъ предпочтеніе рѣдкому варіанту Cillaui и потому отождествляетъ этотъ городъ съ Проконсульскимъ г. Cillium, въ Бизаценѣ—91 p.

[2]) *Harnack*—248: „Chullabi (unbekannt)“.

[3]) *Benson*—584 p.

[4]) *Al. Schwarze*—79 s.

[5]) *Ibidem:* Es führte die Bezeichnung Colonia Sarnensis und gehörte zu den vier Kolonialstädten (Cirta, Busicada, Milev, Chullu), welche unter dem Vororte Cirta vereint“...

[6]) *Hartel* 460: „Litteus a Gemellis, littaeus *T. Mansi*—Confess. Licteus a Gemellis—965 и Victor a Gemellis—989 p.

[7]) *Harnack* Gemellae von Numidien (=Milili), oder das mauretanische G. südöstlich v. Sitifis.. oder ein drittes G. (so Monceaux) bei Capsa in der Byzac.—248 s.

[8]) *Benson*—592 и 599 p.

[9]) *Al. Schwarze* 177 s.: „Dass auch das Schargebiet zum Bezirke der kaiserlichen Legaten gehörte, folgt aus der Auffindung v. Gemellä, wo sich eine vexillatio der III kais. Legion befand“.

[10]) *Hartel* 460: „Natalis ab Oëa“, oë *T.* Mansi N. a Boca, ab Oea—965 p. и 989 p.

[11]) *Ibidem* „Pompeius Sabratensis“ pompetus *S*, sabrathensis *T*, abrathensis *L*, gabratesis *S*. Mansi—Pompejus Sabratensis—965 p. и 989 p.

[12]) *Ibidem* „Dioga Leptimagnensis“, lepcimagnensis *LT*. Mansi—idem 965 и 989 p.

триполитанская провинція была также и трехъ-національна и трехъязычна [1]). По даннымъ исторической археологіи, г. Оеа былъ магистратомъ еще въ первомъ столѣтіи предъ Р. Х.; по особенпаго процвѣтанія онъ достигъ при Септиміи Северѣ [2]). О Сабратѣ, какъ красивомъ и важномъ городѣ, говоритъ греческій писатель Прокопій [3]). Наконецъ, о Лептисмагнусѣ, т. е. о Большомъ Лептѣ (ливійскомъ) исторія знаетъ со временъ Помпея и Юлія Цезаря [4]). Desjardin предполагаетъ, что триполитанскій округъ издавна составлялъ пятый діоцезъ Проконсульской Африки, съ главнымъ городомъ Лепти-Магнусомъ [5]).

Восемьдесятъ шестая, предпослѣдняя подпись была сдѣлана *еп. Юніемъ изъ Неаполя* [6]). Mansi и Moricelli [7]), основываясь, повидимому, только на томъ, что подпись еп. Юнія слѣдуетъ непосредственно за вотумомъ трехъ триполитанскихъ епископовъ и въ своемъ текстѣ говоритъ о согласіи съ тѣмъ, „что мы однажды ужъ рѣшили“, готовы думать, что Неаполь былъ какой-то триполитанской колоніей и б. м. находился гдѣ либо въ той области. Но въ подобной догадкѣ нѣтъ никакой надобности, во-первыхъ, потому, что еп. Юній говорилъ о своей солидарности *со всѣми* товарищами, высказавшимися раньше, а не съ одними только триполитанцами; а главное—потому, что г. Неаполь намъ прекрасно извѣстенъ, какъ торговый портъ Проконсульской, лежавшій на полпути между Карѳагеномъ и Адруметомъ [8]). Городъ Неаполь зналъ еще Θукидидъ, который называетъ его *Καρχηδονιακὸν ἐμπόριον* [9]). Предпослѣднее мѣсто подписи еп. Юпія наводитъ Mesnage на остроумную догадку, что этотъ епископъ былъ секретаремъ на соборѣ, почему и подписался въ концѣ соборнаго протокола, вмѣстѣ съ самимъ предсѣдателемъ собора.

Заключительную, восемьдесятъ седьмую подпись сдѣлалъ предсѣдатель собора—*еп. Кипріанъ изъ Карѳагена*, который тѣмъ самымъ какъбы скрѣпилъ весь соборный протоколъ.

---

[1]) *Benson* „The Tripolis was... trilingual, and the fusion of its population was never accomplisched, any more than than of its tree tongues, Libycized Punic, Siceliot Greck und Latin“. 597 p.

[2]) *Ibidem*—596 p.

[3]) *Procop.* d. Aedif. VI. 4: *„Ἀλλὰ καὶ Σαβραθὰν ἐτειλίσατο πόλιν; οὐ δὴ καὶ λόγον ἀξίαν πολχοῦ ἐδείματο“* у *Benson*'а 597 p. n. 1.

[4]) *Benson*—596 p.

[5]) *Al. Schwarze*—6 s. *Desjardin* „Revue archeol. nouv. sér. XXVI 72 p.

[6]) *Hartel* 460: „Junius a Neapoli“ niopali S, neapoli T. *Mansi*—*J.* a Neapoli—965 p. idem 992 p.

[7]) *Mansi*—965: „N.—in Tripolitana provincia“ n. 4. *Morcelli* ap. *Benson* 579 p. n. 3.

[8]) *Harnack*—250. *Benson*—579 p.

[9]) *Thucidides* VIII. 50 ap. *Benson*—579, n. 3. Называя Неаполь „Карѳагенскимъ рынкомъ“, Θукидидъ тѣмъ самымъ устанавливалъ и его сравнительную близость съ Карѳагеномъ.

Приложеніе 3-ье.

Таблицы соборныхъ списковъ кипріановой эпохи [1]).

III Карѳ. соборъ съ 15 Мая 252 г.	IV Карѳ. соборъ 245 г.	V Карѳ. соборъ, весной 255 г.
Ер. LVII, P. n. 49-ое.	*Ер. LXVII, P. n. 56-ое.*	*Ер. LXX, P. p. 57-ое.*
1. Либералъ.	1. *Цецилій.*	1. Либералъ.
Калдоній.	*Примъ.*	Калдоній.
Никомедъ.	*Поликарпъ.*	Юній.
Цецилій.	*Никомедъ.*	*Примъ.*
5. Юній.	5. *Лукіанъ.*	5. *Цецилій.*
Марруцій.	*Сукцессъ.*	*Поликарпъ.*
Фелѣксъ.	Седатъ.	*Никомедъ.*
Сукцессъ.	*Фортунатъ.*	*Феликсъ.*
Фаустинъ.	Януарій.	Марруцій.
10. *Фортунатъ I.*	10. Секундъ.	10. *Сукцессъ.*
Викторъ	*Помпоній.*	*Лукіанъ.*
Сатурнинъ I.	*Гонорат.*	*Гонорат.*
Сатурнинъ II.	*Викторъ.*	*Фортунатъ.*
Рогаціанъ.	Аврелій I.	*Викторъ.*
15. Тертуллъ.	15. *Саттій.*	15. Донатъ I.
Лукіанъ.	Петръ.	Луцій.
Саттій.	Януарій II.	Геркуланъ.
Секундинъ.	*Сатурнинъ I.*	*Помпоній.*
Сатурнинъ III.	Аврелій II,	Димитрій.
20. Евтихій.	20. Венанцій.	20. *Квинтъ.*
Ампій.	*Квіетъ.(Квинтъ?)*	*Сатурнинъ I.*
Сатурнинъ IV.	*Рогаціанъ.*	Януарій I.
Аврелій.	Тенаксъ.	Маркъ.
Приск. (Примъ?)	*Феликсъ.*	*Сатурнинъ II.*
25. Геркуланъ.	25. Фавстъ.	25. Донатъ II.
Викторикъ.	Квинтъ.	*Рогаціанъ.*
Квинтъ.	*Сатурнинъ II.*	Седатъ.
Гонорат.	Луцій.	Тертуллъ.
Манеанъ.	Винценцій.	Гортензіанъ.
30. Гортензіанъ.	30. Либозъ.	30. Сатурнинъ III.
Веріанъ.	Геминій.	*Саттій.*
Ямбъ.	Марцеллъ.	
Донатъ I.	Ямбъ,	
Помпоній.	Аделфій.	
35. *Поликарпъ.*	35. Викторикъ.	
Димитрій.	Павелъ.	
Донатъ II.		
Привапіанъ.		
Фортунатъ II.		
40. Рогатъ.		
Моннулъ.		

[1]) Курсивомъ напечатаны имена тѣхъ сѣверо-африканскихъ епископовъ, которые согласно указаны во всѣхъ основныхъ четырехъ карѳагенскихъ спискахъ.

Таблица епископовъ, вотировавшихъ въ Sententiae episcoporum.

Епископъ.	*Его каѳедра.*	*Провинція* (граждан.)
1. *Цециліанъ*	Бильта	Проконсульская.
2. *Примъ*	Мисгирпа	Проконсульская.
3. *Поликарпъ*	Адрумет̀ъ	Проконсульская.
4. Поватъ	Тамогады	Нумидія.
5. Немезіанъ	Тубуны	Нумидія.
6. Януарій	Ламбеза	Нумидія.
7. Луцій	Кастро-Гальба	Нумидія(?)
8. Крескентъ	Цирта	Нумидія.
9. *Никомедъ*	Сегермисъ	Проконсульская.
10. Монинулъ	Жирба	Проконсульская.
11. Секундинъ	Цедія	Нумидія.
12. Феликсъ	Баги	Нумидія.
13. Поліанъ	Милевъ	Нумидія(?)
14. Ѳеогенъ	Ипонъ-Царскій	Нумидія.
15. Дативъ	Вады	Нумидія.
16. *Сукцессъ*	Аббиръ-Германиціана.	Проконсульская (?)
17. *Фортунатъ*	Туккаборъ	Проконсульская.
18. Седатъ	Тубурбо	Проконсульская.
19. Привціанъ	Суфетула	Проконсульская.
20. Приватъ	Суфы	Проконсульская.
21. Гортензіанъ	Лары	Нумидія.
22. Кассій	Макомады	Нумидія.
23. Януарій	Викусъ-Цезаря	Проконсульская (?)
24. Секундинъ	Карпы	Проконсульская.
25. Викторикъ	Табрака	Проконсульская.
26. *Феликсъ*	Утина	Проконсульская.
27. Квіетъ. (Квинтъ?)	Бурукъ	Мавретанія (?)
28. Кастъ	Сикка	Нумидія.
29. Евкратій	Тены	Проконсульская.
30. Либозъ	Ваги	Проконсульская.
31. Левкій	Тевеста	Нумидія.
32. Евгеній	Аммедера	Проконсульская.
33. Феликсъ	Баммакора	Нумидія.
34. Януарій	Мосула	Проконсульская (?)
35. Аделфій	Тасуалта	Проконсульская.
36. Димитрій	Лептиминусъ	Проконсульская.
37. Винцентъ	Тибара	Проконсульская.
38. Маркъ	Мактара	Проконсульская.
39. *Саттій*	Сицилліба	Проконсульская.
40. *Викторъ*	Гордуба	Проконсульская.
41. Авреліій	Утика	Проконсульская.
42. Ямбъ	Германиціана	Проконсульская.
43. *Лукіанъ*	Рукумы	Проконсульская.
44. Пелагіанъ	Люперціана	Проконсульская (?)
45. Ядеръ	Мидила	Нумидія ?
46. Феликсъ	Маразана	Проконсульская.
47. Павелъ	Обба	Нумидія.

48. *Помпоній*	Діонисіана	Проконсульская.
49. Венацій	Типисса	Проконсульская.
50. Ахиммъ	Авсуага	Проконсульская.
51. Сатурнинъ I	Викторіана	Нумидія (?)
52. *Сатурнинъ II*	Тукка	Проконсульская (?)
53. Маркеллъ	Зама	Нумидія.
54. Ириней	Улулы	Проконсульская (?)
55. Донатъ	Цибаліана	Проконсульская.
56. Зосима	Тарасса	Нумидія(?) Прок.(?)
57. Юліанъ	Телепта	Проконсульская.
58. Фаустъ	Тимида Царская	Проконсульская (?)
59. Геминій	Фурнисъ	Проконсульская.
60. *Рогаціанъ*	Новый г.	Мавретанія (?)
61. Терапій	Булла	Нумидія.
62. Луцій	Мембресса	Проконсульская.
63. Феликсъ	Бузлацена	Проконсульская (?).
64. *Сатурнинъ III*	Авитина	Проконсульская.
65. Квинтъ	Аггія	Проконсульская.
66. Юліанъ	Марцеллина	Нумидія(?) Проконс.(?)
67. Генаксъ	Горрея-Целія	Проконсульская.
68. Викторъ II	Ассура	Нумидія.
69. Донатулъ	Капса	Проконсульская.
70. Веруллъ	Рузикада	Нумидія.
71. Пуденціанъ	Куикуллы	Нумидія.
72. Петръ	Иппонъ-Діаррисъ	Проконсульская.
73. Луцій	Аузафа	Проконсульская.
74. Феликсъ	Гургиты	Проконсульская.
75. Пузиллъ	Ламазба	Нумидія.
76. Сальвіанъ	Газавфала	Нумидія.
77. *Гонорат̀ъ*	Тукка	Нумидія.
78. Викторъ III	Октава	Нумидія.
79. Кларъ	Маскулы	Нумидія.
80. Секундіанъ	Тамба	Проконсульская (?)
81. Авредій	Хуллаба	Нумидія.
82. Литтей	Гемелла	Нумидія.
83. Наталисъ	Оёя	Проконсульская.
84. Помпей	Сабратена	Проконсульская.
85. Діогъ	Лептимагнусъ	Проконсульская.
86. Юній	Неаполь	Проконсульская.
87. *Кипріанъ*	Кароагенъ	Проконсульская.

Таблицы нумидійскихъ епископовъ.

Ep. LXII, P. n. 53-ье.	*Ep. LXX, P. n. 57-ое.*
1. Януарій.	1. Януарій.
Максимъ.	Сатурнинъ I.
Прокулъ.	Максимъ.
Викторъ.	Викторъ I.
5. Модіанъ.	5. Викторъ II.
Немезіанъ.	Кассій.
Нампулъ.	Прокулъ.
8. Гонораторъ.	Модіанъ.
	Циттинъ.
	10. Гаргилій I.
	Евтихіанъ,
	Гаргилій II.
	Сатурнинъ.
	Немезіанъ.
	15. Нампулъ.
	Антоніанъ.
	Рогаціанъ.
	18. Гонораторъ.

Изъ сравненія двухъ нумидійскихъ списковъ легко убѣдиться, что первый списокъ цѣликомъ входитъ въ составъ второго, сохраняя даже и основной свой распорядокъ. Во второмъ-же спискѣ на цѣлыхъ десять именъ больше, причемъ добавочными являются слѣдующія имена: 1) Сатурнинъ I, 2) Викторъ II, 3) Кассій, 4) Циттинъ, 5) Гаргилій I, 6) Евтихіанъ, 7) Гаргилій II. 8) Сатурнинъ II, 9) Антоніанъ и 10) Рогаціанъ.

Сопоставленіе-же нумидійскихъ списковъ съ предыдущими, карѳагенскими, во первыхъ, позволяетъ установить каѳедры слѣдующихъ восьми епископовъ: 1) Януарія изъ Ламбезы, 2) Сатурнина I изъ Викторіаны, 3) Виктора I изъ Ассура, 4) Виктора II изъ Октавы, 5) Кассія изъ Макомадъ, 6) Рогаціана изъ г. Поваго (пограничнаго съ Мавретаніей), 7) Гонората изъ Тукки и 8) Немезіана изъ Тубунъ. Во вторыхъ, это сравненіе показываетъ, что десять нумидійскихъ епископовъ, по тѣмъ или инымъ причинамъ, вовсе не были ни на одномъ изъ карѳагенскихъ соборовъ; ихъ имена: 1) Максимъ, 2) Прокулъ, 3) Модіанъ, 4) Нампулъ, 5) Циттинъ, 6) Гаргилій I, 7) Гаргилій II, 8) Евтихіанъ, 9) Сатурнинъ II и 10) Антоніанъ.

Указатели [1]).

а) Именной: лицъ и мѣстностей.

А.

Аббиръ-Германиціана—г. Проконсульской Африки, 626.
Абгаръ VIII, баръ-Ману—просвѣтитель Озроены (Месопотаміи), 225.
Авгарей династія—225 и п.
Авгендъ—карѳаг. раскольникъ, 392.
Авгендъ—римскій раскольникъ, діак. членъ посольства, 424.
Августинъ бл.—еп. иппонскій, 261. 262. 280 п. 344 и п. 348 п. 608. 618. 646. 652 п. 719 п.
Августъ — римскій императоръ, 278 п. 517 п.
Аверкій Маркеллъ—писатель антимонтанистъ, 103 и п.
Авитина— г. Проконсульской Африки, 626.
Авлъ Корнелій Пальма—сирійскій намѣстникъ, 339.
Аврелліанъ — р. императоръ, 606. 657. 691. 712.
Аврелій Сирій — александрійскій либеллятикъ, 375 п.
Аврелій—еп. Утики, 627.
Аврелій Квиринній—мученикъ, 119. 122.
Авсуага — г. Проконсульской Африки, 628.
Achelis (Ach. und Flemming) *Hans* 7 п. 19. 20. 21 п. 36 п. 38 п. 42 п. 69 п. 84 п. 153 п. 174 п. 181 п. 206 п. 246 п. 251 п. 312. 314 п. 699 п.
Агавъ прор., 40.
Аггія— г. Проконсульской Африки, 626.
Агриппинъ—еп. карѳагенскій, 261. См. Карѳ. соб. Агриппина.
Адамантовый—см. Оригенъ.
Аделфій — еп. Тасуалты, г. Проконс. Африки, 627.
Адріанъ—р. императоръ, 219.
Адраметъ—г. Мизіи, 237 п.
Адрумметъ—приморскій г. Проконсульской Африки, 443 п. 614. 626. 630.
„Азія“ („Асія“)—р. провинція на М.-Азійскомъ полуостровѣ, 177. 227. 230. 233. 238. 673. „Азійская группа“—244.
Аквилоновъ Е. П. — проф. 482 п.
Акила — выходецъ изъ Понта, 223 п.
Акмонія —г. въ Малой Азіи, 236. 237 п.

[1]) Для удобствъ ориентировки въ нашей объемистой и многопредметной книгѣ прилагаемъ два, довольно подробно разработанныхъ, указателя. Первый мы называемъ *именнымъ*, такъ какъ даемъ въ немъ алфавитный перечень именъ историческихъ лицъ, географическихъ мѣстъ и ученыхъ авторовъ. Второй-же указатель обозначаемъ, какъ *предметный*, поскольку въ немъ даемъ алфавитный-же, а въ болѣе важныхъ случаяхъ еще и систематическій, перечень предметовъ, фактовъ и понятій, трактуемыхъ въ самомъ текстѣ книги (но безъ „приложеній“ къ ней). Цифрами отмѣчаются страницы, а буквой „п.“— „примѣчанія“; обозначеніемъ-же „и п.“ регистрируются такіе предметы, рѣчь о которыхъ идетъ, какъ въ текстѣ извѣстной страницы, такъ и въ примѣчаніяхъ къ ней.

Аксаковъ Н. П. 12. 24. 43 п. 53 п. 54 п. 80 п.
Александрія — г. въ дельтѣ Нила, столица Египта, 303. 312. 314. 315. 363.
Александръ, еп. александрійскій, — 313 п. 318.
Александръ, еп. іерусалимскій — 124. 283. 290. 294. 362.
Александръ — монтанистич. расколовождь, 160.
Alès d'Adehmar—266 п. 287 п. 573 п. 574 п. 581. 584 п. 593 п. 603 п.
Алкивіадъ—монтанистъ, 160. 164.
Алляцій Левъ—115.
Алмазовъ А. И. проф.—358 п.
Амалекитяне—338.
Амазисъ (Амизъ, Амастрида) столица Понта, 222—223.
Амвросій — другъ и попечитель Оригена, 294 и п. 295.
Аммедера—г. Проконсульской Африки—628.
Аммоній Саккъ—глава неоплатониковъ, 292.
Аммоній еп. тмуитскій—325.
Ампасага—рѣка въ Сѣверной Африкѣ, граница Нум. и Мавретаніи, 270 п. 614. 631.
Ампій еп. Сѣверной Африки, 629 п.
Амфилохій, еп. Иконійскій—646.
Аніанъ, еп. александрійскій 297.
Аникита папа—187. 188. 191.
Анкира — г. метрополь Галатіи, 105. 278. 470 п.
Анонимъ—авторъ антимон. у Евсевія, 101. 136. 137 п. 159.
Антіохія—г. столица Востока, Великая или Сирійская, 38. 41. 60. 81. 120. 652. 653. 695. См. „Антіохійскіе соборы".
Антіохія Писидійская—277.
Антоніанъ—еп. Сѣв. Афр. (Нум.), 395 п. 418 п. 428. 629 п.
Антонинъ Каракалла—р. императоръ, 236. 292.
Антонинъ Пій—р. императоръ 236.
Анхіалъ—г. во Оракіи, 122.
Апамея—г. во Фригіи, 237 п.
Апеллесъ—еретикъ, 585 п.
Аполлинарій, еп. іерапольскій—(Клавдій Аполлинарій?), 101. 116—117. 118. 125 п. 136. 137 п. 157 п. 178 п. 194.
Аполлоній антимонтан., 137 п. 160.
„Аравія" и *„Аравитяне"* — 334. 336. 337 и сл. 339—340.
„Арамъ" и *Арамляне"*, 38. 338. 661 п.
Ардаширъ I—царь персидскій, 657.
Арелатъ (Арлесъ, Арль)—г. въ Южной Галліи, 17. 609. 645.
Арій—б. пресв. александрійскій, ересіархъ, 318. 713.
Ариминій(нъ)—г. въ Италіи—247 п. 710 п. 717.
Артемонъ—еретикъ (Артема), 330. 688. 713—714.
Артоболевскій И. А. проф.—278 п.
Арфаксадовъ Ѳ. 68—69 п.
Асклепіадъ, еп. антіохійскій—120.
Аспазій, пресв. карѳагенскій, 269 п.
Ассуръ—г. Проконсульской Африки, 625. 628.
Аттикъ, еп. синаадскій—283.
Aubé— 145 п. 360 п. 361. 388 п. 401 п. 411 п. 417 п. 508 п. 559 п.
Audolent—268 п.
Аузафа—г. Проконсульской Африки, 628.
„Ахаія" р. провинція, древняя Греція—226 и п. 299. 300 п. 308. 347.
Ахиммъ—еп. Авсуаги, въ Сѣверн. Африкѣ, 628.
„Африка"—р. провинція, 269—270 418 п. 492. 510. 541. 561. 599. 614. 616. 619. 632.
Аѳанасій Вел. св. еп. александрійскій—186 п. 247 п. 318 п. 518. 659. 687 п. 710 п. 717—718.
Аѳинодоръ—еп. понтійскій, 668. 671. 685.

Б.

Багрида—рѣка въ Сѣверной Африкѣ, 625.
Баммакора—г. Нумидіи, 628.
Барсовъ М. и его сборникъ по истолковательному чтенію кн. Дѣяній Апостольскихъ, 26.

Батанія—округъ рим. провинціи Аравіи—337.
Бердниковъ И. С. проф., 52. 452. 492.
Беріллъ, еп. Бостры аравійской, 328. 330. 679 п.
Бизацена (Бизаціумъ) — округъ Проконс. Африки, 628. 631.
Бильта, г. Прокон. Африки, 630.
Благоразумовъ, Н. В. 24. 247.
Болотовъ, В. В. проф.—99. 129 п. 137. 138. 139. 140 п. 142. 143. 144 п. 146. 148. 150 п. 172. 179 п. 180 п. 184 п. 185. 186 и п. 206 п. 225 п. 226 п. 244. 308 п. 246 п. 250—251 п. 251. 267 п. 284—285 и п. 286 п. 297 п. 323 п. 327 п. 331 п. 339 п. 361. 368 п. 369 п. 376 п. 395 п. 399. 408 п. 570 п. 613 п. 619 п. 630 п. 666. 667 п. 669 п. 679 п. 694. 701. 718—719 п.
Бостра аравійская (Босра, Боцра, Восоръ)—метрополь аравійской провинціи и церкви, 294. 337. 340. 668.
Бузлацена—г. Сѣверной Африки, 625. 629.
Булла—г. Нумидіи, 628.
Буруккъ—г. Сѣверной Африки (Мавретаніи?), 628.

В.

Ваалбалатъ — малолѣтній властитель Пальмиры, 657.
Вавила—еп. Антіохіи, 362.
Ваги—г. Проконсул. Африки, 628.
Вады—г. Нумидіи, 628.
Важгилъ—еп. Коринѳа, 211. 226.
Валезій и Валезіанцы — еретики, 348 п.
Валентинъ—гностикъ, 264. 585 п.
Валеріанъ—рим. императоръ, 359. 551. 610. 656.
Вальсамонъ—канонистъ, 302.
Bardenhewer, Otto—19. 120. 197 п. 199 п. 210 п. 273 п. 274. 288 п. 300 п. 322 п. 326 п. 329 п. 368 п. 400 п. 549 п. 592 п. 602 п. 667 п. 681 п. 683 п. 685 п. 708 п. 711 п.
Варнава ап.—40. 78. 86. 175.
Baronius—91. 132. 275 п.
Barns Th.,—5 п. 30 и п.
Васанъ—округъ р. провин. Аравіи, 337—8.
Василидъ—гностикъ, 264.
Василидъ — еп. испанскій, 365. 513. 552.
Василій Великій св.—646 п. 717.
Василій монахъ—687 п.
Baudissin—70. 338 п.
Baumgarten—55.
Beer—38 п. 225 п.
Венаціи—еп. Тиниссы (Прокон. Афр.), 627.
Benson, E. W.—15. 264. 267. 273 п. 280 п. 284. 368 п. 374 п. 399. 435. 438 п. 449 п. 523 п. 524 п. 533 п. 536 п. 543. 559 п. 581 п. 585 п. 630 п.
Benzinger, 65.
Berendts, 4 п.
Верховской, П. В. проф.—XVI п.
Веруллъ, — еп. Рузикады (Прок. Афр.), 628.
Beyschlag—70.
Bickel, J. B.—10. 21. 93. 154 п. 213 п. 453. 485 п. 605.
Византія—г. рим. провинціи, 657.
Викентій Лиринскій, 709 п.
Викторикъ, еп. Табраки (Прок. Афр.), 627.
Викторъ—папа римскій, 124. 165. 177 п. 195. 206. 210. 227. 331.
Викторъ— пресвит. карѳагенскій, 365 п. 445.
Викторъ — еп. Сѣверо-Африканскій, 392.
Викторъ — еп. Гордубы (Прок. Афр.), 626.
Викторъ еп. Октавы (Нумидія), 628.
Викторія—г. Нумидіи, 627.
Викусъ-Цезаря—г. Прокон. Африки, 627.
Bingham—312.
Винцентъ, еп. Табары (Пр. Афр.), 628. 637 п.
Виѳинія—рим. провинція на Сѣверѣ М. Азіи, 234.

Byzacena — округъ Прок. Африки, 526 п.
Blass, Fried. — 33 п. 41 п. 42 п. 45 п. 60 п. 77 п.
Властъ римск. раскольникъ, 205.
Blunt—140 п. 259 п. 343 п. 345 п.
Böckenhoff—94 п.
Böhmer, H.—207 п. 210 п.
Боланъ, еп. на Антіох. соборѣ—683.
Bolk—661 п.
Волузіанъ—р. императоръ, соправит. Галла, 540 п.
Bonwetsch, Nathan. prof. 99. 120. 123. 135. 139. 141 п. 142 п. 144 п. 145 п. 147 п. 150 п. 153 п. 156 п. 158. 163 и п. 191. 201 и п. 268 п. 569 п.
Bruders, H.—10. 51 п. 61 п. 62. 65 п.
Buhl—661 п.
Bunsen—284.
Burkitt, F. C.—226 п. 659 п. 661 п.
Вьенна—г. Галліи, 209.

С (Це).

Cabrol—XIV. 619 п.
Caspari—692 п.
Cave—343 п.
Centumcellae—мѣсто ссылки папы Корнелія, 531 п.
Clemen, Carl—27. 31.
Cnabenbauer — 39 п. 43 п. 61 п. 77 п. 80.
Cornely, R.—30 п.
Cramer—138 п.

Г (G и H).

Gabius, episc. Hierosolymitanus—297 п.
Hagemann—709 п.
Гай дидденскій, осужден. пресвитеръ, 370. 384.
Галатія и Галаты, 234. 272.
Галикарнасъ г. Каріи въ М.-А. 237 п.
Галліенъ—р. императоръ, 657.
Галлія—160. 223.
Галлъ—р. императоръ. 531. 538. 539—540 п. 551.
Гаргилій I и II — епископы С. Африки (Нумидіи), 629.
Hardouinus—91. 92. 114. 247 п. 275 п. 283 п. 343 п. 406 п. 511 п. 543. 604. 669 п. 680 п.
Hardy, E. G.—360 п.
Harnack, Adolf, XX. 10. 32 п. 39 п. 88. 91. 99. 102—103. 114. 117. 120. 123. 126 п. 131 п. 136 п. 139. 145 п. 157 п. 158 160 п. 161 и п. 162 п. 191. 192 п. 210 п. 218. 220. 224. 225, 226 п. 238. 239. 245 п. 250. 263. 265. 266 и п. 268. 291. 293. 294. 295. 297 и п. 300 п. 304. 306. 308 п. 309 п. 316 п. 318 п. 319 п. 322. 326 п. 331. 339 п. 340. 342 п. 345. 346—347. 360. 361. 368 п. 374 п. 379 п. 394 п. 395 п. 396 п. 397. 399. 400 п. 407 п. 408. 409 п. 438 п. 439. 455. 474 п. 475 п. 485. 516. 517 п. 524. 534 п. 537 п. 538. 539, 544. 550 п. 551 п. 557 п. 575 п. 592 и п. 596 п. 604. 605. 606. 610 п. 613 п. 614 п. 622 п. 626. 646 п. 658. 662 п. 664—5. 668. 669. 683 п. 685. 691 п. 692 п. 708 п. 709. 711 п. 712 п. 713 п. 714.
Harvey—250. 251 п.
Hatsch, Edw. 62. 70.
Hauck, Alb. 99. 193 п. 213. 454 п.
Hausschildt, 65 п. 317 п.
Gebhardt, 192.
Hefele (и *H.-Leclercq*), XX, 9. 13 п. 15 п. 31. 50. 113. 185 п. 210 п. 267. 268 п. 274 п. 279 п. 281 и п. 308 п. 324. 343 п. 347 п. 374 п. 391 п. 394 п. 407 п. 409 п. 449 п. 450—1. 543. 556. 572. 576 п. 586 п. 601 п. 609 п. 654 п. 666 п. 667 п. 668 п. 674 п. 680 п. 708 п. 719 и п.
Heinrici, G. 10 и п.
Гемела—г. Нумидіи. 628.
Геминій—еп. г. Фурни (Пр. Аф.). 628
Геминій — пресвитеръ антіохійскій, 330.
Геннадій—патр. константинопольскій, 330.

Henneke, E.—454 п.
Hergenröther (-Kirsch), 149. 210 п. 275 п. 300 п.
Геркуланъ—еп. С. Африки, 387. 425 и другой Г.—628.
Германиціана—г. Прок. Афр., 627.
Геттэ, аб.—190.
Гиббонъ—374 п.
Гидуляновъ, П. В., проф. 99. 218. 222. 284 п. 278 п. 279 п. 311 и п. 313. 314 п. 315. 318 п. 319 п. 320 п. 323 п. 331. 449 п. 469 и п. 479 и д. 481. 484 п. 498. 503. 667 п.
Hilgenfeld, A. 182 п. 184. 191 п. 195. 203 п. 204. 206 п. 251 п.
Глубоковскій, Н. Н., проф. 12. 26 п. 30 п. 31. 33 п. 46 п. 48 п. 53 п. 58—59 и п. 61 п. 80 п. 171 п. 178 п.
Holtzmann, O. 31.
*Гонорат*ъ, еп. Тукки (Пр. А.), 626.
Гордіанъ — р. императоръ, 329. 342, 343 п.
Гордій—пресвит. карѳаг., 370 и п.
Гордуба—г. Прок. Африки, 626.
Горрея-Целія—г. Прок. Афр., 628.
Горскій, А. В., 11. 37 п. 41. 46 п. 57. 76. 84 п. 85 п.
Гортензіанъ, еп. Ларъ (Нум.), 627.
Goute—338 п.
Гратъ — проконсулъ М. А., 157. 163 п.
Greeg, J.—360 п.
Григорій Чудотворецъ — св. 322. 360. 366. 668. 685.
Григорій Нисскій, св. 361 п. 366 п.
Григорій, еп. Питсундскій, 92.
Grisar, H.—644 п.
Guiraud, P.—235 п.
Гургиты—г. Пр. Африки, 629.
Gutschmid, Alfr. 225 п. 311 и п.
Gwatkin, H. M., 139. 140 п. 144 п. 146. 150 п.

Д.

Дамаскъ—339. 340.
Darmarius—115.
Дативъ, еп. Вадъ (Нум.), 628.
Девельта, г. Ѳракіи—119. 122.
Дезидерій, еп. г. Вьенны, 209 п.
Deissmann, Ad.—62. 65 п. 78 п.
Декаполисъ—337.
Декій Траянъ—р. императоръ, 359. 360—361. 386. 393. 431. 537.
De-Lagarde—19. 91. 604. 605 п.
Деоклетіанъ—р. императоръ, 218. 270. 279 п. 517 п. 614.
Діога, еп. Лептимагнуса (Пр. Аф.), 628. 635.
Діонисіана—г. Прок. Африки, 626.
Діонисій Вел., еп. александр. св., 106. 272. 273 и п. 281. 317 п. 322. 363. 366. 470 п. 523. 643. 668. 672. 691 и п.
Діонисій, еп. коринѳскій, 154. 157 п. 223.
Діонисій—папа римскій, 681. 684.
Діонисій—раскольн. новац., 532 п.
Діонъ Кассій, 294.
Дидимъ, слѣпецъ—135. 142 п.
Димитріанъ, еп. антіох. 523 п. 658. 668.
Димитрій, еп. александрійскій, 124. 283. 289. 291. 296 и д. 518 п.
Димитрій, еп. Лептимагнуса (Пр. Афр.), 627.
Döllinger, Ign. 267 п. 268 п. 274 п. 279 п. 282 п. 284. 325 и п. 326 п. 570.
Добронравовъ, Н. П. прот. 451-452.
Домиціанъ—р. императоръ, 242.
Домнъ, еп. антіохійскій, 688. 712.
Домнъ—мученикъ. 120.
Донатъ, еп. карѳагенскій, предшеств. еп. Кипріана, 261. 369 п. 406. 533. 578. 621.
Донатъ, пресв. карѳаг. 370.
Донатъ, еп. Сѣверо-Африканскій, 628.
Донатъ, еп. Цибаліаны (Прок. Афр.), 627.
Донатулъ, еп. г. Капсы (Пр. Аф.), 526 п. 628.
Донатизмъ, Донатисты, 262, 402. 646.
Drey—284.
Дубъ — селеніе близъ г. Халкидона, 322.

Дружининъ, А., свящ., 311. 314 п. 524 п. 645 п. 669 п.
Duchesne, 174 п. 245 п. 394 п. 442 п.
Дюшенъ, Л., 31. 143. 173 и п. 251 п. 268 п. 287 п. 307 п. 309. 318 п. 326 п. 332. 335 п. 342. 347 п. 387 п. 399. 407 п. 416. 508 п. 550 п. 559 п. 560 п. 586 п. 613 п. 615 п. 643. 664 п. 667 п. 670. 679 п. 714.

Е и Э.

Евангелъ—одинъ изъ адресатовъ бл. Іеронима, 313 п.
Еварестъ—новаціанинъ, 532 п.
Евгеній, еп. Аммедеры (Пр. Афр.), 628.
*Евдоким*ъ (іером., нынѣ архіеп.). 83 п. 241 п. 243 п.
Евелпидъ, еп. Ларанды, 283.
Евкратій, еп. г. Тенъ (Пр. Аф.), 628.
Евменія, г. М. Азіи, 235. 237 п.
Евсевій Памфилъ—отецъ церковной исторіи и нашъ главный первоисточникъ. Подробно цитуется нами чуть не на каждой страницѣ.
Евсевій александр., позже еп. Лаодикійскій, 672 п.
Евтихій, патр. александрійскій, 313. 319 п. 715 п.
Евтихій, еп. (?), членъ 3-го Антіох. собора противъ Пав. сам., 683.
Ecchelensis, Abraham 312 п.
Египетъ—рим. провинція, съ своеобразнымъ гражданско-политическимъ и религіозно-общественнымъ строемъ, 313 и д. 657.
Едесса—метрополь Озроены, 225. 695.
Едомъ, земля Едома=см. Идумея.
Eichhorn—453.
Елевоерій, папа р. 144. 164. 165. 203.
Еленъ, еп. г. Тарса, 523. 668. 673. 683.
Элій Публій Юлій, еп. г. Девельты (Оракія), 119. 122. 132.
Элій, діаконъ г. Эмериты, въ Испаніи, 557.
Элія Капитолина=Іерусалимъ.
Эмерита—г. въ Испаніи, 557.
Емилій Фронтинъ, прокопс. М. А. 160.
Епифаній Кипрскій—135. 138 п. 141 п. 142. 143 и п. 158. 318 п. 327. 340 п. 348 п. 660. 585 п. 719 п.
Эразмъ Роттердамскій 603.
Ермъ, 138 п. 146. 173 п. 699 п.
Ernst, J. 273 п. 588—589. 593 п. 603 п. 646 п. 647 п.
Ефесъ—метроп. провинціи „Азія“, 60. 160. 228. 234. 239.

Ж.

Жибра—г. Прок. Африки, 628.

З.

Зама—г. Нумидіи, 628.
Заозерскій, Н. А., проф., 24. 53 п. 304 п. 474 п.
Зефиринъ—р. папа, 165. 251. 267. 293. 406 п. 518 п.
Зиновія (Бать-Забай), владѣтельница Пальмиры, 657. 658. 662. 712.
Зомъ, Руд.—73 п. См. еще *Sohm R.*
Зонара — византійскій канонистъ, 604. 606.
Зосима, еп. г. Тарассы (Нум.), 628.
Зотикъ, команскій—133.
Зотикъ отринскій, 103.

І. И.

Иванцовъ-Платоновъ, А. М. проф., 162 п. 204 п. 327 п.
Игинъ—р. папа, 187.
Игнатій Богоносецъ, св. еп. антіохійскій, 71. 139. 175 п. 482 п. 486 п.
Идумея=земля Едома, 338.
Іеракъ—еп. на Антіох. соборѣ, 683.
Іераполь — г. метрополь Фригіи, 117. 126. 202. 227. 234.

Іеронимъ, бл. 120. 136. 158. 161. 194. 226. 230. 289 294. 308 п. 309 п. 320 п. 322 п. 329 и п. 399. 509. 681 и п. 693.
Іерусалимъ=Элія Капитолина, 52. 175. 219—220. 339.
Иконія—г. центр. Малоазіи, 277.
Иларій, еп. пиктавійскій. 687 п. 715. 716 и п. 717.
Иліодоръ, еп. Лаодикійскій, 524 п.
Иліонъ, городъ, 235.
Имѣней, еп. іерусалимск., 668. 683.
Иннокентій I— р. папа, 92.
Іоаннъ Богословъ, ап., 82—83, 188. 228. 230. 239. 242. 243. 244. 264.
Іоаннъ Дамаскинъ, св., 344.
Іоаннъ Златоустъ, св., 43 п. 50 п. 247 и п. 322 и п.
Іоаннъ Ефесскій (пресв?) 241.
Іовинъ, еп. С. Африки, Iapsus—365. 448 п. 533.
Jordan, Herm.—398 п.
Ипполитъ, еп. римскій, 130 п. 136. 138 п. 142 п. 143 п. 257. 265. 267. 324 п. 395. 570.
Иппонъ-Діарритскій — г. Прок. Аф., 628.
Иппонъ-Царскій, г. Нумидіи, 628.
Ириклъ, еп. александрійскій, 292. 296. 316 п. 320 п. 325.
Ирина—карѳ. раскольница, 392.
Ириней Ліонскій, еп. св., 136 п. 162. 172. 187. 210. 211. 224. 239. 241 п. 248. 249. 482 п. 699 п.
Ириней, еп. Улулы (Пр. Аф.), 628.
Иродъ Великій, 339.
Исаврія—277.
Исавъ и его потомки, 338 п.
Исидоръ, египетскій либеллятикъ, 375 п.
Испанія—564.
Италія—222. 517.
Іустинъ Филос. мученикъ, 136 п. 146 п. 175 п. 203.

К.

Калдоній, епископъ С.-Африканскій, 364 п. 387. 388. 423. 442. 461. 462. 628. 629 п.
Каллистъ—р. папа, 130 п. 266. 376. 395. 486 п. 518 п. 571.
Каппадокія—р. провинція, 277.
Капса—г. Пр. Африки, 526. 537. 576. 620. 623.
Каракалла — р. императоръ, см. „Антонинъ Каракалла“.
Карашевъ, А.,—19 п.
Карія, р. провинц., 126 п. 234. 235.
Карикъ, 119. 121 и п.
Карпъ, еп. Сикки (г. Нумид.) 628.
Карпы—г. Прокон. Африки, 627.
Карѳагенъ—г. метрополь Сѣверной Африки, 363. 368. 490. 613. 618. 619—620.
Касицынъ, Дм. Ѳ., 142 п. 150.
Кастро-Гальба—г. Нумидіи, 628.
Кассъ, еп. Тира, 221.
Квакеры—140.
Квіетъ, еп. Бурука (Нумид. или Маврет.), Онъ-же, вѣроятно, и *Квинтъ*, одинъ изъ корреспонд. еп. Кипріана, 261. 571. 581. 583. 628. 637.
Квинтъ, еп. г. Аггіи (Пр. Аф.), 626.
Керинѳъ, еретикъ, 241 п.
Кесарія капподок., 277. 490. 654.
Кесарія палестинская, 219. 220. 294. 337. 654.
Кефро—египет. мѣстечко, 318 п.
Кизикъ—г. Малой Азіи. 236.
Киликія—малоаз. рим. провинція, 272. 277.
Кипріанъ, еп. карѳагенскій, св. 255. 256. 261. 273. 319. 354. 363. 366. 367. 368. 371. 382. 385. 387. 393. 402. 403—404. 406. 409. 415. 454. 459. 465. 466—467. 468. 496—497. 537. 564. 578. 596. 608. 610 п. 619. 643. 656. См. также „Карѳагенская церковь“ и „Карѳагенскіе соборы“.
Кириллъ, еп. антіохійскій, 713 и п.
Клавдій Аполлинарій, еп. іерапольскій=см. „Аполлинарій Іерапольскій“.
Клавдій, р. императоръ, 33. 62. 615.
Кларъ, еп. Птолемаиды, 221.
Кларъ, еп. Маскулы (Нумид.) 628.

Климентъ Александрійскій, 136. 138 п. 142. 173 п. 196. 284. 290.
Климентъ Римскій, papa, 175. 307.
Koetschau—322 п.
Коммодъ—р. императоръ, 210 п.
Колоссы, г. Фригіи, 126.
Коллуфіонъ, егип. селеніе, 318 п.
Константинъ Вел.—р. императоръ, 186 п. 720.
Коракіонъ, хиліасть, 106.
Коринѳъ, г., 60.
Kornemann, 214 п.
Корнелій, еп. римскій, 388. 393—4. 398. 400. 415. 418. 420. 421. 425. 430. 431. 514. 516. 537. 539. 551.
Корнилій, сотникъ, 74. 76. 588 п.
Кохаба г. Палестины, 340.
Krebs, F.—317 п.
Кременцій, иподіак. карѳ. 372—373.
Крескентъ, донатистъ, 280.
Крескентъ, еп. Цирты, 628. 641 п.
Krüger, G., 120 п. 343 п. 345 п.
Ксистъ (Сикстъ)—р. папа, 177. 187.
Kuhn—278 п.
Кипенъ—70.
Куикуллы—г. Нумидіи, 628.

Л.

Labbeus-Cossart, 3. 114.
Lagarde=см. „De-Lagarde".
Ламазба, г. Нумидіи, 628.
Ламбѣза, г. Нумидіи, 533 п. 614. 625. 627. 631.
Лампсакъ, г. въ Малой Азіи, 236. 237 п.
Langen, Jos. 189 п. 193 п. 206 п. 251 п. 268. 393 п. 394 п. 402 п. 411. 557. 610 п. 692 п.
Лаодикія—р. провинція въ М. А., 126 п. 202. 233—234.
Ларанды, г. М. Азіи, 283.
Лары, г. Нумидіи, 627.
Lauchert (Krüger), 24 п. 605 п. 609 п. 645 п. 646 п.
Лебедевъ, Амф. Стеф. проф. 489 п.
Лебедевъ, А. П., проф., 21 п. 37 п. 62. 71. 73 п. 138 п. 306 п. 316 п. 367 п. 518 п.
Лебедевъ, Д., свящ. 252 п. 713 п.
Левкій, еп. Тѳбесты (Нум?), 628.
Leclercq, H. 51 п. 57. 81 п. 83 п. 93. 115. 165. 269 п. 283 п. 309. 373 п. 400 п. 407 п. 409 п. 411 и п. 414. 416. 540 п. 543. 546. 563 п. 564 п. 613 п. 619. 632. 669.
Легія—г. Испаніи, 557.
Leimbach, K. 388 п. 454 п.
Lejay, P. 93. 94.
Леонидъ, риторъ, 290.
Леонъ-Астора—г. Испаніи, 552 п.
Леонтій Византійскій. 682. 711.
Лептимагнусъ—г. Прок. Африки, 628.
Лептиминусъ — г. Прок. Африки, 627.
Le-Quien, 312 п.
Либералъ, еп. сѣверо-африканскій, 444. 629 п.
Либератъ, діак. карѳ. ц. 314 п.
Лидія—провинція М. А. 126 п. 234.
Ликаонія—р. провинція М. А., 277.
Ligthfoot, 31. 62. 71 п. 192. 244 п. 605 п.
Лионъ (Lugdunensis) — метрополь Галліи, 164. 224.
Ликія —р. провинція М. А.— 234.
Lipsius, F. 210. 393 п. 402 п. 438 п. 539. 547 п. 551 п.
Литтей, еп. Гемелы (Пум.), 628.
Lindsday, Th. M. 484 п.
Löning, E. 62. 70.
Лонгинъ, рим. новаціанинъ, 424.
Loofs, Fr. 332 п. 343 п. 379 п.
Лука, ап. Дѣписатель, 83.
Лукіанъ, пресвитеръ сѣверо-афр. ц., 581.
Лукіанъ, пресв. антіох. церкви, 685. 713.
Лукіанъ, еп. Рукумъ (Прок. Аф.), 626.
Лукіанъ, карѳ. исповѣдникъ, 380.
Луцій, р. папа, 467. 507. 546. 547. 551.
Луцій, еп. Аузафы, 628.
Луцій, еп. Кастро-Гальбы, (Нум.), 628. 637 п.
Lübeck, Conr. 155 п. 218.

Люперціана—г. с. Африки, 625 и п. 628.
Люцій Веръ рим. полковод., 224.

М.

Мавретанія—р. провинція сѣверной Африки, 271. 582. 584. 593. 597. 614—617.
Магнъ, еп. с.-африканск., 573. 574 п.
Мазабанъ еп. Эліи (Іерусалима), 524 п.
Макарій, рим. исповѣдникъ, 395 п. 396.
Макомады, г. Нумидіи, 628.
Макріанъ, прибл. министръ имп. Валеріана, 657.
Максимиліанъ Ѳракійскій—р. императоръ, 329.
Максимилла — монтанистич. пророчица, 103. 113. 135. 137. 143. 159. 160.
Максимъ, еп. антіохійскій, 119. 297 п. (Maximus, patriarchus Antiochenum).
Максимъ, еп. африк. „падшій", 365. 448. 533.
Максимъ—рим. исповѣдн. 373 п. 395. 399. 424.
Максимъ—новац. еп. въ Карѳагенѣ, 532. 571.
Максимъ—еп. с. Африки, 629 п.
Максимъ, еп. Бостры, 668.
Максимъ, еп. александрійскій, 668. 681. 684.
Мактары, г. Прок. Африки, 628.
Малая Азія=см. „Азія" и „Малоазійцы".
Малхіонъ, антіох. пресв. и риторъ, 662. 671. 683. 693.
Mansi, 9. 17. 31. 82. 91. 92. 114. 209 п. 221 п. 226 п. 231 п. 245. 247 п. 260 и. 275 п. 280 и. 286 п. 300 п. 301 п. 308. 311 п. 323. 331 п. 343 п. 344 п. 347—348. 393 п. 406 п. 407 и. 411 п. 510. 511 п. 512. 523. 543. 563 и. 604. 606. 608. 654. 674 п. 680 п. 682 п. 708 и п. 715 и.
Манвалъ—еп. сѣв.-африк., 629 п.
Маппаликъ, мученикъ карѳ., 363.
Маразана—г. Прок. Арфики 628.
Марсотическ округъ Александріи, 318.
Маринъ, еп. тирскій, 524 п.
Маркъ Аврелій — р. императоръ, 118. 203. 224.
Маркъ, евангел. св. 312.
Маркъ, еп. іерусалимскій, 220.
Маркъ, еп. Мактары (Пр. Афр.), 628.
Маржіанъ, еп. арелатскій, 516 п. 559.
Маркеллъ, ерет. антитрин. 330.
Маркіонъ, ерет., 161. 223 п. 585 п.
Marquardt Joach. 235 п. 517 п. 617. 662 п.
Марціалъ, еп. испанскій, 365. 513. 552.
Марцеллъ, еп. Замы (Нум.), 628.
Маруѳій, еп. с.-африканскій, 628.
Маскула, г. Нумидіи, 628.
Массинисса—ц. Нумидіи, 615.
Матѳей, евангел., св. 339.
Матѳей—р. исповѣдн., новац., 424.
Менна, еп. константинопольск., 326 п.
Мелитонъ, еп. сардійскій, 117. 131. 136. 194. 197 и д. 228.
Мембресса, г. Прок. Афр., 627.
Мерида, г. Испаніи, 553 и п.
Mesnage, P. J., 617 и п. 625 п.
Меттій, иподіак. 395 п. 442.
Meyer-Wendt, 28 п. 31. 39 п. 47 п. 51 п. 55. 63. 73. 74. 76. 77. 78. 84 п. 86.
Migne, Ab. Dictionnaire d. conciles— 164 п. 287 п. 300 п. 406 п. 543. 588. 667 п. 669 п.
Мидила—г. Нумидіи, 629.
Мизія—р. провинція въ М. Азіи, 146. 234.
Милевъ, г. Нумидіи, 628.
Милетъ—г. Малой Азіи, 234.
Мильтіадъ, еп. антимонтанистъ, 103.
Мининъ, П. М., 482 п.
Мисгирпа, г. Прок. Афр., 626. 630.
Мищенко, Ѳ. И., проф. 26 п. 31. 35 п. 75 п. 451 и п. 469 п. 480.
Моавитяне, 338.
Модіанъ, еп. сѣв.-африкан., 629 п.
Moeller-Schubert, 35 п. 99. 177 п. 188. 210 п. 300 п.

Моисей, мучен. каре. 363.
Моисей, рим. исповѣдн. 373 п. 399.
Молчановъ, Алексѣй, свящ., 393 п. 416 п. 531. 557 п. 559 п. 572. 576 п. 586. 599 п. 642.
Моммсенъ, *О.* 218 и п. 219. 233 и сл. 270 п. 277 п. 278 п. 337 п. 339. 393 п. 615—616. 660 п. 661 п. 690 п.
Mommsen, *Th.* 214 п. 235 п. 552 п.
Монсеаux, *P.* 15 п. 214 п. 235 и п. 236 п. 268. 368 п. 385. 394 п. 407 п. 411. 449 п. 528 п. 531 п. 543. 546. 549 п. 561. 564 п. 576 п. 586 п. 597. 601. 602. 614 п. 617. 618. 619. 622. 630. 631 и п. 633. 641.
Моннулъ, еп. Жибры (Пр. Аф.), 628.
Монтанъ, еретикъ. 113. 135. 137 и п. 141. 147 п. 151 п. 166. 286.
Mosheim, 55. 328 п.
Мосулъ—г. Нумидіи, 629.
Муретовъ, *М. Д.*, *проф.* 4 п. 9 и п. 14 п.
Мышцынъ, *В. Н.*, *проф.* 19 п. 21 п. 24 п. 26 п. 31. 62. 63. 64. 71. 72—73. 139. 259 п. 482 п.

Н.

Набатея=страна Набата, аравійское государство, 339.
Нампулъ, еп. сѣверо-африк., 629 п.
Наркиссъ, еп. іерусалимскій. 124. 180 п. 211. 220.
Наталисъ, еп. Оёи (Трип.), 628. 634.
Nau, *F.* 93. 94.
Neal, *J. M.* 297 п. 312 п. 326 п. 524 п.
Neander, *Aug.* 139. 145 п. 149. 191. 210 п. 245 п. 399. 658 п.
Неаполь, г. Прок. Африки, 627.
Nelke, *Leo*, 15 п. 390 п. 391 п. 392 п. 411. 413 и п. 414. 428. 429 п. 438 п. 439. 444 п. 449 п. 512. 537 п. 544. 545 п. 546. 551 п. 558. 573 п. 574 п. 577 п. 580. 581 п. 583 п. 584 п. 586. 590 п. 593 п. 597 п. 599. 611 п. 647 п.
Немезіанъ, еп. Тубунъ (Нумиді.). 628. 637 п.
Неокессарія—363.
Неонъ, еп. Ларанды, 283.
Непотъ, хиліастъ, 317 п.
Nestle, *Eberh.*—222.
Neumann, *K. J.* 295. 613 п.
Никита Хоніатъ, 348.
Никифоръ—патр. конст.—115.
Никодимъ (Милашъ) еп. далматинскій, 24. 284 п. 316 п. 646 п. 719 п.
Николинъ, *И. П.*, 32 п.
Никомасъ, еп. Иконіи, 668.
Никомедъ, еп. Сегермеса (Прок. Афр.), 626. 629 п.
Никополь, г. близъ Акціума, 293.
Никострать, рим. исповѣдникъ, 399. 532 п.
Нисса, г. М. Азіи, 237 п.
Новатъ, еп. Томогады, 261. 628.
Новатъ, раскольникъ, 370. 371. 388. 397. 399. 400—401. 432 п. 532 п.
Новаціанъ, раскольникъ, 395 и сл. 398—399. 401. 402 п. 418 и п.
Noel, *Alex.* 92.
Ноэтъ, антитринит. 347.
Нумидикъ, пресв. каре. 365 п. 387.
Нумидія—р. провинція въ Сѣверн. Африкѣ. 269. 270. 273. 286. 429. 533. 599. 614. 615. 631.

О.

Обба—г. Прок. Африки, 628.
Оденатъ II, пальмирскій владѣтель, 657. 669.
Озроена=Месопотамія, 211. 217. 224. 247. 341.
Оптатъ, еп. карѳаг., 269 п. 578.
Оригенъ—Адамантовый, 92. 136. 138 п. 263. 288. 289 и сл. 291—296. 298. 299. 300. 307 п. 308. 309. 322 п. 326 п. 327 и п. 336. 342. 344. 347. 362. См. еще подъ словами: „Александрійскіе соборы“, „Бострійскій“ и „Аравійскій“ соборы.
Орловъ, *А. П.* проф. 664—665. 711. 716.

П.

Павелъ, ап. 27. 29. 33. 35. 40. 42—45. 48. 49. 52. 62. 75. 78—79. 80. 137. 239.
Павелъ, антіохіецъ, еретикъ, 290.
Павелъ самосатскій, 247. 332. 606. 655. 657. 658—665. 662. 668. 689. 690. 696. 697. 698. 699. 701. 703. 710. 713.
Павелъ Сервилліи, м.-азійскій проконсулъ, 194.
Павелъ, еп. Оббы 628. 637 п.
Павла, портниха, раск. каре., 392.
Павлинъ, еп. иконійскій, 283.
Павловъ, *А. С. проф.*, 451.
Pagi—274 п.
Палестина, р. провин., 219—220.
Палимъ, еп. Понта, 211. 223.
Пальмира, г. и царство въ Азіи, 338. 657. 660 и п.
Палютъ, еп. озроенскій, 226.
Паммахій, — корресп. бл. Іеронима, 291.
Памфилія—р. м.-а. провинц., 277.
Памфилъ, пресв. кесарійскій, 92. 289. 301. 309 п. 310 п.
Пантенъ—алекс. дидаск., 290. 294.
Pape, *S.* 652 п. 666 п. 695—697. 700—702. 709. 710—711.
Папій, *еп. іерапольскій*, 126.
Папирій, блаж. 228.
Pappus, *Joh.*, 114.
Пароляне—224.
Пасбей егип. либеллятикъ, 375 п.
Патмосъ, островъ. 242.
Paulus-Wissowa, 214 п.
Pearson, *J.* 284. 418.
Пелагіанъ, еп. Люперціаны, 625.
Пелла, г. 340.
Пентаполь, 316 п.
Пепуза, мѣстн. Фригіи, 143. 150 п.
Перамъ, г. малоаз. 234.
Перпетуя, муч. каре. 269 п.
Перея, 337. 340.
Perrot, *M.* 279.
Персія, 247. 338.
Peters, 280.
Петръ. ап. 10. 27. 48. 74. 75. 76—77. 80. 81.
Петръ, *еп. александрійскій*, 326 п.
Петръ, еп. Иппона-Діаррит., 628.
Петра, г. Аравіи, 338.
Pfaffius, *Ch. M.*—250 п.
Pfleiderer, *O.* 27. 28.
Пинитъ, еп. о. Крита, 151 п.
Писаревъ, *Л. И.*, *проф.* 21 п.
Писидія, 234. 277.
Pitra, 91. 604. 605 п. 645 п.
Плиній, проконсулъ М. А., 223. 526 п.
Поликарпъ, *еп. смирнскій*, 122. 161. 168. 191. 192. 193 п. 228. 486 п.
Поликарпъ, *еп. адрумметскій*, 442.
Поліанъ, еп. Милева (Нум.), 628.
Поликратъ, еп. ефесскій, 131. 161. 195. 227. 228.
Помпей, еп. Сабраты (Сѣв. Афр.), 628. 635.
Помпей, рим. намѣст., 219. 222.
Помпей, еп. сѣв.-африкан., 425. 441. 585 п. 591. 594 п. 595. 632.
Помпоній, еп. Діонисіаны (Пр. Афр.), 626.
Понтіанъ, рим. папа, 324.
Понтъ, рим.-малоаз. провинц., 222.
Понтикъ (и Карикъ) фриг. клирикъ, 119. 121.
Праксей, исповѣдникъ (раскольн.?), 129. 136. 204 и п. 239.
Praedestinatus, 348 и п. 451.
Pressancé, *E.* 145 п. 259 п.
Preusschen, *Erw.* 148 п. 170 п. 182 п. 187. 190. 200 п. 201. 223. 225 п. 247. 283. 294—295. 299. 311. 312. 320 п. 329 п. 343 п. 376 п. 377 п. 379 п.
Приватъ, еп. Суфъ (Сѣв. Афр.), 628.
Приватъ, еп. Ламбезы (раскольникъ), 407 п. 410. 533. 620.
Привиціанъ, еп. Суфетулъ (С. А.), 628.
Примитивъ, пресв. каре., 425. 442.
Примъ, еп. Мистирны (Пр. А.), 626.
Примъ, новаціанинъ, 532 п.
Приска, или Прискилла, монтанист. пророчица, 119. 160. 286.
Проклъ, *(Прокулъ?)*, еп. Нум. 629 п.

Пуденціанъ, еп. Куикуллъ (Нум.), 628.
Пузиллъ, еп. Ламазбы (Нум.), 628.
Pusey, E D., XIX. 453.

Р.

Ramsay, W. M. 64 п. 121. 126 п. 275 п. 277 и п. 278—279 п.
Ренанъ, Эрн., 38 п. 39 п. 41 п. 147 п. 151 п. 152. 225 п. 226 и п.
Renodotius, Euseb. 312 п. 605 п.
Репостъ, еп. сатурникскій (lapsus), 365. 392. 533.
Resch, Gottlib, 29. 94 п.
Reville J., 62. 86 п. 145 п.
Римъ (Roma), 60. 165. 188 п. 222. 363. 517.
Ritschl, Alb., 151 п.
Ritschl, Otto, 273 п. 392 п. 407 п. 466. 479 п. 492. 518 п. 538. 544.
Рогаціанъ, пресв. каре., 387. 551.
Рогаціанъ, діак. каре., 597. 644.
Рогаціанъ, еп. г. Новаго (Нум.? Мавр.?), 626.
Родонъ, антимонтан., 102.
Roma dea, 235.
Routh, M. J. 118. 124 п. 126 п. 131 п. 228 п. 241 п. 249 и п. 273 п. 301 п. 327 п. 509 п. 528 п. 543. 585 п. 603. 604. 605 п. 667 п. 680 п. 681. 682 п. 686. 708 п. 711 п.
Rufinus, 194 п. 195. 248. 249. 274 п. 276 п. 283 п. 299. 301 п. 309 п. 311 п. 316 п. 323. 343—344. 346. 402 п. 594 п. 599. 662 п. 674 п. 676 п. 685 п. 688.

С.

Сабинъ, испанскій епископъ, 553.
Сабратена, епископія Пр. Афр., 628.
Сагарда, А. И., проф., 659 п. 661 п.
Сагарда, Н. И. проф., 242 п. 244 п.
Сагирисъ, еп. лаодикійскій, 131. 161. 194. 195 п. 203. 228.
Сальвіанъ, еп. Газавфалы (Нум.), 628.
Самосаты, г. восточной Сиріи, на рѣкѣ Евфратѣ, 695.
Сарды—метрополь провинціи Лидіи, 195. 228. 284.
Сассаниды—персид. династія, 657.
Саттій, еп. Сициллибы (Пр.), 626.
Сатурнинъ, еп. Авитины (Пр.), 626.
Сатурнинъ, еп. Тукки (Пр.), 626.
Сатурнинъ, еп. Викторіи (Нум.), 627.
Сатурнинъ, еп. сѣв.-африк., 628.
Saysce, A. H. 338 п.
Свѣтловъ, П. Я., проф. 11. 12. 53 п. 56 п. 57 п.
Schanz A.—357 п. 380 п.
Schenz, Wilg. 29 п. 31. 41. 55 п. 56. 78 п. 84 п. 86.
Schmidt, K. 10. 28 п. 31. 57. 252 п.
Schteitz—170 п. 187 п.
Schultz, Victor, 373 п. 431 п.
Schürer, E. 33 п. 64. 67. 69. 84 п.
Schwartze, Alexis. 271 п. 614. 617.
Schwartz, Eduard, 120 п. 252 п.
Schwartz von, Karl, 99. 108. 153 п. 275 п. 276 п. 300 п. 333 п. 343 п. 484 п. 488 п. 491. 492. 518 п. 522 п. 667. 677 п.
Schwegler, F. C. 98. 151 п. 153 п. 182 п. 206 п. 207.
Седатъ, еп. Тубурбо (Пр. Аф.), 627.
Секундинъ, еп. Карпъ (Пр. Аф.), 627.
Селевкія, исаврійская, 247 п. 717.
Senfleder, 394 п. 551 п.
Септимій Северъ—р. императоръ, 120. 219. 236. 237.
Северъ, Александръ—р. императоръ, 274. 290. 320 п.
Сераніонъ, еп. антіохійскій, 119. 137 п. 226.
Сергій, архіеп. Финляндск., 52 и п.
Сергій Павелъ—малоаз. проконсулъ, 33. 161.
Сидоній, повац., 396. 399.
Сикка, г. Нумидіи, 628.
Сикстъ II (Ксистъ) р. папа, 645.
Синнада, г. Фригіи, 237 п. 279 и сл.
Сирія заіордан., 87. 146 п. 285.
Six, K. 94 п.
Смирна, г. Малой Азіи, 234. 235.
Смирновъ, С. И. проф., 380 п.

Соболевскій, С. И. проф. 65. 317.
Soden, Hans, 31. 275 п. 287 п. 560. 599.
Созоменъ, 182 п. 200. 652 п.
Sohm, Rudolf XVI. XX. 62. 89—90. 106. 110. 153. 214 п. 215. 304 п. 305. 343 п. 454. 464. 469. 473. 474 и п. 476 и п. 477—479. 482 п. 483. 486 п. 503. 520. 667 п. 688 п.
Соколовъ, В. А. проф., 451.
Сократъ, церк. истор., 182 п. 318 п. 329 и п.
Сократъ, еп. лаодикійскій, 672 п.
Сота, еп. анхіальс., 113. 119. 122.
Сотеръ—р. папа, 203.
Спасскій, А. А., проф. 314 п. 318 п. 331 п. 665 п. 679 п. 680 п. 713 п. 714.
Spitta, Fr.—55 п.
Stade—68 п.
Стацій Квадратъ, р. прок., 192 п.
Стефанъ, архид. 38. 63 и п. 71. 76.
Стефанъ—р. папа, 273 п. 275 п. 425. 441. 507. 553 и д. 557. 571. 592. 595. 610. 644. 645.
Strack, Herm. 68 п.
Суворовъ, Н. С., проф.. 11. 55 п. 57. 498 и сл. 639 п.
Сукцессъ, еп. Аббиръ-Германиціаны (Прок.), 626.
Суперій, еп. сѣверо-африк. 526.
Суфетула г. Прок. Африки, 628.
Суфы—г. Прок. Африки, 628.

Т.

Табара, г. Прокон. Африки, 628.
Табрака, г. Прок. Африки, 627.
Тавръ—малоаз. провинція, 278.
Тапозирисъ, египет. селеніе, 318 п.
Тарасса—г. Нумидіи, 628.
Тарсъ—метроп. Киликіи, 40. 277. 654.
Тасуальта—приморскій г. Прок. Африки, 628.
Тацитъ, 39 п. 235.
Тевеста, г. Нумидіи, 625 п. 628.
Телепта, г. Прок. Африки, 629.
Телесфоръ, р. папа, 177. 187.
Тенакскъ, еп. Горреи Целіи (Прок. Африки), 628.
Тены, г. Прок. Африки, 628.
Теогенъ, еп. г. Иппона-Царск. (Нумидія), 628.
Терапій, еп. г. Буллы (Нум.), 628.
Терновскіе, бр. Ф. и С., 175. 210 п. 360 п.
Тертулліанъ, 132 п. 136. 138 п. 142. 143. 144 (Ps.-Tert.) 148. 149. 155. 196. 204. 255. 256. 265. 287. 376. 482 п. 613 п. 614. 618. 699 п.
Тертулла, еп. сѣверо-африк., 628.
Тіатиры, г. М. Азіи, 236. 237 п.
Тиверій, р. императоръ, 616.
Thibaud, I, B. 568 п.
Tillemont, Naïn de Sebastian, 92. 288 п. 308 п. 326 п. 345 п. 360 п. 399. 416 п. 418 п. 450. 544 и п. 559. 654. 667 п. 674 п. 677 п. 692 п. 719 п.
Тимей, еп. антіохійскій, 691. 712.
Тимонъ, г. Фригіи, 143.
Тимида царская, г. Пр. Афр., 627.
Тинисса, г. Прок. Африки, 627.
Тисдра, г. Нумидіи, 614.
Tissot, 625 п.
Титъ, ап. изъ 70-ти, 43. 45. 46. 48. 51.
Титъ, р. императоръ, 219.
Тмуисъ—египетскій городъ, 325.
Thomas, J. ab. 30 п. 36 п. 41 п. 45 п. 48 п.
Томогады, г. Нумидіи, 261. 630.
Torrés (Turannius), Fr. 91. 92. 681. 682 и п. 708 п.
Toulotte, 357 п. 617.
Тразей (Өразей), еп. г. Траллъ, 131. 160. 161. 228.
Траллы, г. М. Азіи, 131. 192 п. 234.
Траянъ—р. импер., 218. 219. 224.
Treptner, Max, 660 п. 667 п.
Троицкій, В. А., проф. (архим. Иларіонъ), 35 п. 43 п. 109 п. 130 п. 139 п. 143 п. 145 п. 150 п. 363 п. 380 п. 482 п. 489 п. 524 п. 639 п. 646 п.
Трофимъ, еп. сѣверо-африканскій (lapsus), 365 п. 463. 512.

Тубуны, г. Нумидіи, 628. 630.
Тубурбо, г. Прок. Афр., 269 п. 627.
Тужка, г. Прок. Африки, 626.
Туккаборъ, г. Нумидіи, 627.
Тунисъ, г. Сѣв. Африки, 270 п.

У.

Улулы, г. Прок. Африки, 628.
Урбанъ—р. исповѣдникъ, новац., 396. 399.
Утика—г. Прок. Африки, 627.
Утина—г. Нумидіи, 614.

Ф (и Θ).

Фабіанъ—р. папа, 237 п. 323. 345. 362. 393. 396. 420. 518 п.
Фабій, еп. антіохійскій, 398. 401 п. 508. 523 п.
Fabricius, 91 и п.
Фаворинъ, карѳаг. аколуфъ, 365 п.
Фадморъ-сирійскій, г. библ. эпохи, 660 п.
Фаустинъ, еп. ліонскій, 559.
Фаустъ, еп. Тимиды (Пр. Африки), 627.
Fechtrup, Bernh. 407 п. 418 п. 583 п.
Θедотъ кожевникъ, монтанистъ, 112. 113. 137 п. 164. 239. 331 п.
Феликсъ, пресвит. карѳ. laps. 365 п.
Феликсъ, сѣверо-афр. еп. laps., 533.
Феликсъ, еп. Цезаравгусты (Испан.), 553. 554 п.
Феликсъ, пресв. испанскій (изъ Легіо), 557.
Феликсъ, еп. Бузлацены (С. А.), 625 и п. 629.
Феликсъ, еп. Баммак. (Нум.), 628.
Феликсъ, еп. Маразаны (Пр. Аф.), 628.
Феликсъ, еп. Гургитъ (Пр. Афр.), 629.
Фелиціанъ, аколуфъ рим. ц. 534.
Фелициссимъ, карѳ. мучен., 551 п.
Фелициссимъ, карѳ. раскольникъ, 388—389. 392. 403 п. 415. 436. 461. 532.
Θемизонъ, монтанистъ, 133 п. 137 п. 160.
Θеодоритъ, блаж. 186 п. 604. 667 п. 685 п. 708. 709. 713 п. 719 п.
Θеодоръ, еп. Синаады, 283.
Θеодоръ мопсуестскій, 715.
Θеодоръ, еп. на Ант. соборѣ противъ Павла самос. 683.
Θеоктистъ, еп. Кесаріи палестинской, 289. 294. 299. 523.
Θеосъ, г. пров. Лидіи, 237 п.
Θеотекнъ, еп. Кесаріи палестинской, 668. 683.
Θеофилъ, еп. Кесаріи палестинской, 209 п. 211. 220.
Θерапій, еп. сѣв.-афр., 445. 545.
Θивейскій, М. П., 88. 138 п. 475 п.
Фидъ, еп. сѣверо-африканскій, 438. 445. 464. 543.
Филадельфія—г. провин. „Азія“, 235. 237 п.
Филадельфія—г. провин. „Аравія“, 329.
Филастрій, 660.
Филимидръ, еп. лаод. 524 п.
Филимонъ, пресвитеръ, 272. 276 п.
Филиппъ, ап. и его дочери-пророчицы. 126 п. 227. 244 п.
Филиппъ Траллійскій, („азіархъ“) 192 и п.
Филиппъ, еп. тмуисскій, 325.
Филиппъ Аравитянинъ—р. императоръ, 343. 345. 552.
Филистимляне, 338.
Филоѳей Вріенній, 18 п.
Филумелъ, иподіак. карѳ. 365 п.
Фирмиліанъ, еп. Кесаріи каппадокійской, 264. 272. 273 и сл. 281. 286. 326, 334 п. 523. 591. 597. 643. 644. 667. 668. 671. 685.
Флавій, Іос. 69.
Флоринъ, 193 п. 205.
Фортуанціанъ, еп. ассурск., 365.
Фортунатъ, карѳ. иподіак. 365 п.
Фортунатъ, карѳ. пресв. 370.
Фортунатъ, еп. сѣверо-африк. 423. 425. 442. 461—462.
Фортунатъ, лжеепископъ, карѳ. 519. 534.
Фортунатъ, еп. Туккаборъ (Проконс.), 626.
Фотій, патр. констант. 115. 301. 308. 310. 311 п. 325.

Фотинъ, еретикъ, 714.
Θракія, 134. 155. 160.
Фригія, 126. 146 п. 147 п. 234. 272. 287.
Funk, 18. 172 п. 380 п. 502. 520. 689 п.
Функъ, 210 п. 247 и п. 268 п. 275 п. 327 п. 623 п.
Фурни—г. Прок. Афр., 407 п. 628.

V. W.

Waddington, 192 п. 194 п. 235 п. 236 п.
Valesius, 275 п.
Valois, 274 п.
Weiss B., 55 п.
Weiss, I. 126 п. 278 п.
Weiszäcker, 63 п. 70.
Venables, 343 п. 680 п.
Westcott—289 п.
Wiesler—193 п. 195.
Wietzel—189 п.
Wilken—317 п.
Völter, Dan. 157 п. 163 п.
Voïgt—135 п.

Х.

Халкидонъ, г. 657.
Хоранъ—округъ Аравіи, 337.
Херемонъ, египет. епископъ, 366.

Ц.

Zahn, Theod. 30 п. 31. 33 п. 40 п. 62. 103. 108. 120. 122. 124. 125. 127 п. 137 п. 157. 158. 163 п. 189 и п. 192 п. 193 п. 210 п. 239. 240. 241 п. 245 п. 486 п. 689 п.
Целестинъ, р. папа, 241 п.
Цельсъ, еп. Иконіи, 283.
Цецилліанъ, еп. Бильты (Пр. Афр.), 626.
Цибаліана, г. Прок. Афр.. 627.
Циттинъ, еп. сѣв.-африк., 629 п.
Цирта—метрополь сѣверн. Нумидіи, 616, 628. 631.

Ю.

Юбайянъ, еп. сѣверо-африканскій, 262. 585. 591. 594. 599. 606. 632.
Югурта, нумид. царь, 615.
Юліанъ, апамейскій, 133 п.
Юліанъ, еп. Марцел. (Нум.), 629.
Юліанъ, еп. Телепты, 629.
Юлій Африканъ, 225. 297.
Юлія Маммея, 295. 329.
Юній, еп. Неаполя (Прок. Афр.), 627. 630.
Юстиніанъ—р. импер. 326 п. 682.

Я.

Ядеръ, еп. г. Мидилы (Нум.), 629.
Ямбъ, еп. Германиціаны (Прокон. Афр.), 627.
Януарій, еп. Викусъ-Цезаря (Пр. Афр.), 627.
Януарій, еп. Ламбэзы (Нумид.), 627. 629.
Януарій, еп. Мосулы (Нум.), 629.

б) Предметный указатель.

А.

Автономія мѣстно-церковная 109. 155. 471. Въ особенности—въ Сѣверной Африкѣ киприановой эпохи, 535. 590. 620. 643 п. Автономія епископовъ=см. подъ словомъ „епископы“.

Агапы, 303.

Агриппина соборъ = первый Карѳагенскій, съ 261—271. Его источники, 261—263. Хронологія собора, 264—268. Его составъ, 269. Его объемъ, 269—270. Строго-ригористическое отношеніе собора къ еретикамъ, 265. Свидѣтельство бл. Августина о присутствіи на этомъ соборѣ 70-ти епископовъ, 263 и п. Связь Агриппинова собора съ Иконійскимъ и Синаадскимъ, 287 и п. Высокая авторитетность даннаго собора и неоднократныя ссылки на него въ письмахъ Киприана, 287 п. 376. 406. 569.578. 583. 598. Гипотеза второго Агриппинова собора, 406 п.

Admotatio, 392.

Адруметская церковь, 425. 442—443. 462.

„Азіархи“—235.

„Азійскій“ соборъ четыренадесятниковъ—см. „Ефесскій оппозиціонный соборъ“.

„Азіатскій“ и „Ахейскій“ соборы (мнимые), 347.

Александрійская церковь и своеобразіе ея церковно-административнаго строя, 311 и сл. Реформа въ ней произведенная еп. Димитріемъ, 319—320. Состояніе ея въ никейскую эпоху, 318 п.

Александрійскіе соборы противъ Оригена, 288—327. Характеристика исторической обстановки и специфической атмосферы этихъ соборовъ, 289 и сл. Источники *перваго александрійскаго* собора, 300—301. Мѣстно-церковный характеръ даннаго собора, 302. Его составъ, 303—305. Смыслъ упоминанія о „нѣкоторыхъ сосѣднихъ епископахъ“—305. 307. Компромиссное постановленіе этого собора и общая неудовлетворенность имъ, 307. *Второй александрійскій соборъ* противъ Оригена, при еп. Димитріѣ, 308. Комментированіе его источниковъ (Евсевія, Іеронима и Фотія). 308. Строго „епископскій“ составъ этого собора, 309—310. 321. Видимая разнохарактерность александрійскихъ соборовъ и ихъ дѣйствительное взаимоотношеніе,320. Недостаточная церковно-каноническая правомѣрность второго александрійскаго собора, 322. 323 и п. Признаніе этихъ соборовъ на западѣ и непризнаніе ихъ на востокѣ, 323 и п. Традиція о *третьемъ александрійскомъ соборѣ* противъ Оригена, при еп. Ираклѣ, и ея неисторичность, 325—327.

Александрійская школа (огласительная) 291 и богословская, 700. 701. 702. 704. 709.

Алоги—162.

„Ангелы церквей“ въ Апокалипсисѣ — (не „епископы“-ли малоазійскихъ церквей?) 241 п.

Антиномистическія (противоіудействующія) теченія въ первенствующей антіох. церкви, 76. и въ древне-римской, 186. 187. 206. 209. 252.

Антіохійская церковь — въ вѣкъ апостольскій, 38 и сл. 40. 43 и сл. 87, 89. Въ періодъ пасхальныхъ споровъ, 247, Въ эпоху св. Киприана и Павла самосатскаго, 523. 653. 654. 659. 696. 702. 705. 711. 713 и сл.

Антіохійскіе соборы. Антіохійскій апостольскій соборъ (мнимый), 47. 90. 91. 93—94. 652. Антіохійскій соборъ еп. Сераціона (сомнительный), 123. Антіохійскій соборъ (большой восточный) киприановой эпохи, 506. 523. 653. Его источники, 523. Вѣроятное его опредѣленіе, 523—524. Его историческая роль и значеніе для нашего изслѣдованія, 525. *Три Антіохійскихъ собора по дѣлу мѣстнаго еп. Павла (самосатскаго)* 651—720. Литература этихъ соборовъ, 651—652 п. Ихъ важное историческое и догматическое значеніе, 654—655. Антіохійскіе соборы—это историко-догматическій прологъ перваго вселенскаго собора и необходимое введеніе къ исторіи антитринитарныхъ и христологическихъ споровъ, вообще, 656. 666. 713—714. *Два первыхъ собора* по дѣлу еп. Павла (самосатскаго) съ 666 и д. Вопросъ о количествѣ этихъ соборовъ, 667. Ихъ главный источникъ, 668. Хронологическая дата перваго собора, 668—669. Его вѣроятный предсѣдатель, 669—670. Особая роль на немъ еп. Фирмиліана Кесаріе-каппадокійскаго, 670—671. Объемъ собора, 671—672. Составъ собора и его характеръ, 673—675. Анализъ нѣкоторыхъ, особенно показательныхъ терминовъ соборной терминологіи Евсевія, 675. Догадки о ходѣ соборнаго процесса, 676—677. Отличительный характеръ постановленій двухъ первыхъ Антіохійскихъ противъ Павла соборовъ, 678. Дополнительныя данныя о второмъ изъ нихъ, 679. *Большой (третій) Антіохійскій соборъ по дѣлу Павла (самосатскаго), съ 680* и д. Высокая важность этого собора и его сравненіе съ Большимъ Карѳагенскимъ соборомъ, быв. осенью 256 г., 680. Критическій анализъ его источниковъ, 681—683. Комментарій четырехъ соборныхъ фрагментовъ, сохраненныхъ Евсевіемъ, 683—688. Дополненія къ нимъ самого Евсевія, 689—690. Еще цѣнный матеріалъ о томъ-же, 691. Хронологія собора, 691—692. Лидеръ этого собора — пресвитеръ Малхіонъ, 693—694. Неполнота, односторонность и даже внутренняя несогласованность данныхъ Евсевія о личности Павла и работѣ ант. соборовъ, 694. Необходимость углубить этимъ матеріалъ и корректировать его, 694. Широкое, научно-историческое освѣщеніе политической и церковной атмосферы въ Антіохіи того времени, съ 695 и д. Борьба двухъ политическихъ и вмѣстѣ церковныхъ партій: національно-сирской (большинства), во главѣ съ еп. Павломъ, и грекоримской (меньшинства), во главѣ съ пресвитеромъ Малхіономъ 659. 696 и др. Начало этой борьбы еще при выборахъ еп. Павла, 696. Ея обостреніе по поводу нѣкоторыхъ реформъ еп. Павла въ области церковной практики, 697—698. Широкая популярность Павла у простого народа и у большинства клира, 699. Попытка еп. Павла провести аналогичную реформу и въ сферѣ теоретическаго богословствованія, 700—701. Его рѣзкое столкновеніе на этой почвѣ съ господствующимъ типомъ греко-александрійскаго школьнаго богословія, 701—702. Торжество оппозиціи и неудача Павла, 702—703. Эта оппозиція и лидеръ ея пресвитеръ Малхіонъ—настоящая душа всѣхъ соборовъ противъ еп. Пав-

ла, 704. Причина неуспѣха двухъ первыхъ соборовъ, 705. Разрѣшеніе всѣхъ раньше указанныхъ неясностей и противорѣчій, 706. Дополнительные штрихи къ этой картинѣ, заимствуемые у бл. Ѳеодорита, 708. „Посланіе шести епископовъ“—повидимому протоколъ втораго Антіохійскаго, противъ Павла, собора, 709. „Дѣянія“ собора, 681. Диспутъ Павла съ Малхіономъ, на третьемъ соборѣ и его стенографическая запись, 680. 693. 710 и п. Низложеніе еп. Павла на соборѣ, составленіе и отправка соборныхъ посланій къ рим. папѣ Діонисію и александр. епископу Максиму, 710. Упорство Павла и его неповиновеніе собору, 711. Фактическій расколъ въ антіохійской церкви, 712—713. Окончательное торжество православной партіи антіохійцевъ, при императорѣ Авреліанѣ, 712. Послѣдующіе историческіе отголоски этого собора, 715—719. Свидѣтельство Иларія пиктавійскаго, св. Аѳанасія александрійскаго и Евтихія, патріарха александрійскаго объ этомъ соборѣ и о числѣ присутствовавшихъ на немъ епископовъ, 715 и п. 716. 717-719. Изъ никейскихъ споровъ о терм. *ὁμοούσιος*, 715-719.

Антіохійскіе споры — апостоловъ Павла съ Петромъ, 28; ап. Павла и Варнавы—съ „лжебратіями“, 42.

Антіохійская школа—ея общій духъ и методъ богословствованія, 666. 700. 701. Главный организаторъ школы и его сотрудники—Лукіанъ“ и „солукіанисты“, 685. 713—714.

Анхіальскій (Ахилліанскій) соборъ еп. Соты 113. 134.

Апокалипсисъ Іо. Б.—241 п. 243.

Апологія Евсевія и Памфила—289. 301. 309 п.

Апокалипсическія тенденціи монтанизма, 138 и п. 145 п. 148. 162.

Апокрифическая литература — 176 п.

„Апостолическая литература“: Дидахэ, 17. 18 и п. 54. 138 п. 139. 146. 173 п. 475. 482 п. Дидаскалія (сирская), 19 и п. 20—21. Апостольскія Постановленія, 19 и п. 21. 24. 247. п. 284. 556 п. Церковные каноны св. апостоловъ, 18. 21 и п. Каноны св. Ипполита Римскаго, 18. 21 и п. 22. Правила св. апостоловъ, 18. 23. 285. Каноны апостольскаго собора въ Антіохіи, 18. 92—93. 94.

Апостольскій вѣкъ — 4 п. 12. 13. 146. 152. 176.

Апостольскій соборъ въ Іерусалимѣ, съ 3—94. А. с.—какъ эра христіанскаго самоопредѣленія и отграниченія отъ іудейства, 7. Типологическое значеніе А. с. для церковныхъ соборовъ, вообще, 3. 15. 17. 24. 216. „Декретная“ и „соборная“ стороны А. с., 8—9. Предметъ и поводъ собора—споръ объ обрѣзаніи и о legalia, вообще—4. Принципіальная важность этихъ вопросовъ—7. 54. 212. Споръ католическихъ, протестантскихъ и православныхъ (преимущественно, членовъ Предсоборнаго Присутствія) богослововъ о мѣстѣ и значеніи А. с. въ историческомъ ряду древнецерковныхъ соборовъ, 9—12. 100. Выводы отсюда, 12—14. Послѣдующая историческая рецепція А. с., въ смыслѣ идеальной нормы и авторитетно-руководственнаго образца, 14-17. 24. 94. Источники А. с.; ихъ критика („тюбингенцы“, „фрагментаристы“) и апологія, 25—30. Устраненіе мнимаго противорѣчія двухъ первоисточниковъ—Дѣян. XV г. и Гал. II, 1—10, 27—28. 82. 83. Хронологія А. с. и ея методологія—30—33. Непосредственный поводъ А. с.—антіохійскіе споры—34. 38. Два различныхъ типа первенствующаго христіанства: іерусалимскій и антіохійскій, 36. 37. Начало антіохійско-іерусалимской распри и ея послѣдовательное развитіе, 37—38. Роль Варнавы и Савла (ап. Павла) въ этомъ дѣлѣ, 40—41. Приходъ въ Антіохію „іерусалимскихъ соглядатаевъ“ 41—42. Ихъ „стязаніе“ съ Павломъ и Варнавой 42—43. Снаряженіе въ Іерусалимъ антіохійскаго посольства, 44—46. Торжественный пріемъ его въ Іерусалимѣ, 47. Предварительная „частная“ бесѣда членовъ антіохійскаго посольства съ тремя „столпами“ іерусалимской церкви, 34. 47—48. 82. Благопріятный исходъ этой бесѣды для антіохійцевъ, 48—49. Недовольство такимъ оборотомъ дѣла со стороны іерусалимскихъ „ревнителей закона“, 49—51. Дебаты ученыхъ богослововъ о характерѣ А. с.—„мѣстномъ“, „провинціальномъ“, или „вселенскомъ“? 52—54. Разногласія ученыхъ по вопросу о томъ, кто и съ какимъ правомъ голоса участвовали на А. с.?—55—59. Нашъ отвѣтъ на это изъ анализа библейскаго текста, 60. Два главныхъ момента А. с.: а) бытовыя пренія и б) самый соборъ—59 и п. А. с.—*conventus triplex*, по Cnabenbauer'у, 61. Въ центрѣ всего биб. текстъ помѣщаетъ „сильныя пренія“, 61. Слѣдовательно, здѣсь были, но меньшей мѣрѣ, двѣ состязавшихся группы: именно, *апостольско-антіохійская и пресвитерско-іерусалимская*, 61—62. Библейско-историческій экскурсъ о своеобразіи іудейско-іерусалимскаго „пресвитерата“, 62—73. Анализъ самаго термина „*πρεσβύτερος*“ и любопытное освѣщеніе его данными египтологіи, 65 п. „Іудейскіе старѣйшины“ 66—67. „Герусія“, „синедріонъ“, „старцы людскіе“, „первосвященники и книжники“ этапы христіанско-іерусалимскаго пресвитерата, 68—72. Нѣкоторая аналогія этого „пресвитерата“ съ выборнымъ, специфически-іерусалимскимъ-же институтомъ „семи мужей“—73. Слѣдовательно, „іерусалимскіе пресвитеры“ временъ А. с.—это „старѣйшины“ народа, его авторитетные вожди и популярные, полномочные представители и какъ-бы опекуны, 74. Они-то и вступили въ горячій споръ съ „тремя“ апостолами и антіохійцами за преданія своего отеческаго закона, 75. Роль на А. с. „вѣрующихъ братій“ или, по современному, „мірянъ“—77. Анализъ термина *πᾶν τὸ πλῆθος*, со стороны его техническаго значенія и употребленія, 77—78 и п. Міряне имѣли свободный доступъ на А. с. и активно реагировали на все, тамъ происходившее — 79. Но фактически всѣ свои права они какъ-бы передовѣрили своимъ вождямъ и руководителямъ—„старѣйшинамъ“ („пресвитерамъ“)—79. Полное единодушіе, достигнутое на соборѣ, путемъ разумнаго компромисса, 6. 79. Неприложимость критерія о рѣшающемъ и совѣщательномъ голосѣ членовъ собора, 80. Всѣ были активны, но степень этой активности у всѣхъ, даже и у самихъ апостоловъ, была различной, 80. Апостолы выступали лично, а „пресвитеры“ — лишь коллегіально, 81. Заключительная рѣчь предсѣдателя А. с. — іерусалим. еп. ап. Іакова, какъ искусное объединеніе двухъ главныхъ, состязавшихся теченій, 81. 82. „Апостольскій декретъ“, 83. Анализъ его текста и комментарій къ нему, 84—85. Письменная редакція соборнаго постановле-

нія, 85—86. Отправка соборнаго посольства въ Антіохію 86—87. Знаменитая формула „декрета", ставшая позднѣе соборнымъ стереотипомъ: „изволися Духу Св. и намъ" (ἔδοξεν. visum est), 87—88. 447 п. 474. 688. Вопросъ о рецепціи А. с. 88—89. Эпилогъ А. с. въ Антіохіи, 89. Критика взгляда R. Sohm'a на характеръ и взаимоотношеніе іерусалимскаго и антіохійскаго соборовъ, 90. Традиція о второмъ Апостольскомъ соборѣ, въ Антіохіи, и ея несостоятельность 91—94. Увѣковѣченіе памяти объ А. с. въ „апостолической" литературѣ и въ послѣдующей соборной исторіи и практикѣ—23—24. 94.

Аравійскій соборъ противъ „енетописихитовъ" 343. Сущность самого заблужденія, 343. Соборъ этотъ, по Евсевію и Руфину, былъ „немалымъ" 343. Версія о немъ Libelli synodici—344. Хронологія собора, 345. Его вѣроятная связь, и по времени и по мѣсту, съ предыдущимъ Бостріискимъ соборомъ противъ еп. Берилла, 345. По своему типу, Арав. с. былъ „однопровинціальнымъ" 346. Версія коптско-арабскаго синаксаря, относящаяся, повидимому, къ данному собору 346.

Арелатскій соборъ—17. 609. 645.

Африканская церковь и ея особенности. Вся она трактуется, какъ *единая* церковная провинція, съ метрополемъ въ Карѳагенѣ, 270. 614. 619. 632. Почему въ Африкѣ было такъ сравнительно много епископовъ? 617. 622. Статистика епископата африканской церкви, по Harnack'y, 622—623 п. Старшинство епископской хиротоніи здѣсь играло извѣстную роль, 630. Намѣчались и слѣды нѣкотораго провинц. подраздѣленія, 623. См. еще „Карѳагенскіе соборы" и „Кипріанъ".

Б.

Бострійскій соборъ противъ еп. Берилла, 328—342. Литература даннаго собора, 328 п. Анализъ его источниковъ, 328—329 и п. Версія Libelli synodici, 330. Предметъ собора — заблужденіе еп. Берилла. 331. Попытки отрицанія этого собора и ихъ разборъ, 332—333. Составъ и объемъ даннаго собора, 334. Одно-провинціальный типъ этого собора, 334. Его наиболѣе правдоподобная исторія, 334—335. Роль на этомъ соборѣ Оригена, 336. 341. Хронологія собора—342. Вѣроятность существованія письменнаго протокола собора, или записи диспута Оригена съ Бериллом, 333. 342 п. Оригенъ убѣдилъ еп. Берилла въ заблужденіи, и тотъ раскаялся и примирился съ церковью, 336. Заблужденіе Берилла было осуждено и въ Римѣ—335. Нѣкоторая аналогія этого собора съ позднѣйшими антіохійскими (въ особенности, съ третьимъ) противъ еп. Павла (самосатскаго), 671 п.

„Братія" Галльской церкви, 164.

„Братія" Синаадскаго и Иконійскаго соборовъ, 275.

„Братство, живущее на землѣ"—119. 125. 130. 283.

В.

Взаимоотношеніе Апостольскаго собора съ антимонтан., 99—100.

Власть священства (auctoritas sacerdot.) 587. См. еще „епископы".

О „власти ключей"—379 п.

Возложеніе рукъ, 286. 568. 571. 588.

Воскресный день (dies solis), 175.

Воскресники и ихъ соборы (пасхальные), 172. 178. 190. 232. 240.

„Вспоможеніе" однихъ церквей другимъ (сущн. соборной теоріи Sohm'a) 90. 305. 306. 486 п. См. еще „Соборы".

„Вѣрующіе"—какъ члены противомонтанистическихъ соборовъ, 104. 106. 112. 276.

Выборы епископовъ, 306. 477. 502—503. 555 и п.

С (Це).

Concilium—филологич. и реально-историч. комментарій термина—214 и п.

Concilia—религіозно-политич. союзы въ рим. имперіи—237 и п.

Conscientia plebis—446 п. 495. 556 п.

Consensus епископа, клира и народа, 475. 495. 579.

Crimen lesae majestatis, 359.

Г (G и H).

Галльскіе братья (исповѣдники) и ихъ письмо малоазійскимъ монтанистамъ, 130 п. 144. 163. 249. 285.

Галльскіе соборы—по поводу монтанизма, 164 и по поводу пасхальныхъ споровъ, 223. 249—250.

Главенство Рима (точнѣе, неудачныя притязанія на него), при папахъ Викторѣ, 206. 207. 248. 251. 252 и Стефанѣ—273 и п. 275 п. 591. 595. 644. 647.

Глоссолалія—151 п.

Гностики египетскіе и ихъ пасха, 201.

Гностицизмъ—іудействующій, 176. эллинизованный, 145. 285.

Голодъ въ Іерусалимѣ и Палестинѣ въ 1-омъ в., 40. 62.

Гоненіе въ Іерусалимѣ, 38. 71 п. 76.

Гоненіе Декія Траяна, 359. 360 и сл.

Гоненіе Валеріана 656—657.

Honoratioren=πρεσβύτεροι іерусал. 73—74. 86 п.

Д.

„Давность"—аргументъ въ полемикѣ съ расколомъ, 578.

Decretum=соборное опредѣленіе, 446. 464.

Delicta mortalia et leviora—376.

Депутаты на соборѣ, со стороны—306. 476—477.

Дидаскалія и Дидахэ—см. подъ словомъ „Апостолич. литература".

Dies stationes, 173, 442 п. 496.

Диспутъ Архелая съ Манесомъ (ложный)—719.

Δόγμα, какъ синонимъ у Евс. термину *κάνων*, 508 ип. 513.

Дома молитвенные (въ Іерусалимѣ), 72. 174.

Домостроительство божественное (*οἰκονομία*), 136.

Е и Э.

Евіонитство—151. 176. 180. 181 и п.

Евхаристія—171 п. 245. 529.

Эдиктъ Траяна въ письмѣ къ Плинію—360.

Единодушіе соборныхъ рѣшеній, 60. 79. 216. 458.

„О единоначаліи" — трактатъ св. Иринеяліонскаго, 205.

„О единствѣ церкви" (De unitate ecclesiae) трактатъ св. Кипріана, еп. карѳагенскаго, 409 и п. 410. 416. 417. 436. 437 п.

Ἐκκλησία—церковная и гражданская, 10 и п. 35 п. 88. 473. 474. 489 и п.

Ἐκλεκτοί ἄνδρες—306. 476 п.

Эксперты на соборахъ, 303. 342. 479. 518.

De extasi—утраченное сочин. Тертулліана, 136 п. 161.

Елкезаиты—еретики, 181 п.

Эллинисты (іудеи разсѣянія), 35. 63. 76.

Эльвирскій соборъ—719.

Епископальный строй древне-церковнаго управленія, 128. 130. 154. 216. 280. 471. 517. 675.

Episcoporum numerus=см Numerus episcoporum.

Епископы, ихъ важное значеніе и руководящая роль на соборахъ древней церкви, 128. 154. 215. 233. 269. 277. 452—453. 461. 464. 474. 481. 494.

541—542. 579. Епископы—настоятели своихъ городскихъ церквей=приходовъ, 130 216. 280. Е.—естественные представители своихъ городовъ-приходовъ и носители іерархически-административной власти въ церкви, вообще, 122. 462. 464. 485. 521. 549. Е.—преемники апостоловъ и стражи церковной традиціи—154. 477. 482 п. Е. связующіе органы междуцерковнаго единства и представители церквей во всѣхъ внѣшнихъ ихъ сношеніяхъ 154 п. 485—486 и п. Е.—одновременно и выборные, излюбленные, лучшіе люди своей общины, 216. 276. 521. 579. Е.—естественные *главы* своихъ церквей—521. 550. Е.—отождествляется со своею церковью, 477. Е.—полномочные представители своихъ церквей и на общепровинціальномъ соборѣ, 129. 216. 521. 579. 635. Е.—носители благодатной „харисмы", открывающей на соборѣ „волю Божію", 474. 637. Е.—органы „суда Божія"—476. 482 и п. 542. Е.—лишь одни имѣютъ право, или даже долгъ личнаго вотума на соборѣ, 637. Но ихъ sententiae подлежатъ рецепціи клира и народа (мѣстной церкви) 478—480. 504. Слѣдовательно, со стороны епископовъ здѣсь не было и не могло быть никакой узурпаціи общецерковныхъ правъ, 129. 216. 276. 520. Смыслъ техническаго термина „епископскій соборъ" 215. 233. 303. 472. Е.—къ своему сану восходили постепенно, 430. Е.—бывали и людьми семейными—689. Е.—иногда были и *ἀγράμματοι*—518. Поэтому на соборахъ они нуждались въ помощи образованныхъ секретарей, изъ состава своихъ клириковъ, 518. Е.—поставлены были высоко и самостоятельно (автономно), 216. 435. 590. 643 п. Еп. метрополя—обычный предсѣдатель церковнаго собора, 484 п. Е—а авторитетъ щадилъ и даже поддерживалъ цѣлый соборъ. 447. 535.
Epistolae Victoris, Parae I, 208. 209.
Ереси и расколы и ихъ связь съ крещальн. спорами, 569.
Ересь—филологич. анализъ термина, 284.
Ессенизмъ, 151 п.
Этнархъ іудейскій—315.
Этнографическій факторъ церк.-провин. строя, 234 и д. 271. 279 п.
Ефесскій оппозиціонный соборъ „азійскихъ" четыренадесятниковъ=„Азійскій" соборъ четыренадесятниковъ, 227—252. Источники этого собора, 227—228. Ихъ анализъ, 229—230. Версіи католическихъ соборныхъ сборниковъ, 231 п. Установка самаго факта даннаго собора, 231—232. Поводъ собора—232. Его составъ и объемъ—233. Справки съ гражданско-политической и общественно-религіозной исторіей рим. провинціи „Азіи" той эпохи, 233—238. Ефесскій соборъ—самый большой и значительный изъ всѣхъ пасхальныхъ соборовъ, 238. Постановленіе собора, въ смыслѣ рѣшительной защиты практики „четыренадесятниковъ" 240. Выясненіе причинъ этого, 240—245. Преобладающее вліяніе въ „Азіи" традиціи Іо. Богослова и его школы, 243. Хронологія Ефес. собора, 245—246. Результатъ собора—разрывъ съ папой и Римомъ, 248. Примирительное посредничество св. Иринея ліонскаго, 249—250. Замѣчаніе о послѣдующихъ фазахъ пасхальныхъ споровъ, 252—252 п.

Ж.

Журналы и Протоколы засѣданій Предсоборн. Присутствія 1905—1906 г. 6 п. 11 и п. 12. 53 п. 54 п. 58 п. 61 п. 639 п.

З.

Запрещеніе священнодѣйств. 383.
Зилоты іерусалимскіе=ревнители закона, 36. 41—42. 49.

И. І.

Игры религіозныя, 235 и сл.
„Изволися Духу Святому и намъ" 15—17. 87. 474. 688.
„Избранные мужи" см. *ἐκλεκτοὶ ἄνδρες*.
Іерапольскій соборъ (большой) противъ монтанизма. 111—134. Традиція о немъ Libelli synodici—112 и п. 116—117. Ея критическій анализъ, 113. Экскурсъ о Libellum synodicum 113—116. Изложеніе и разборъ данныхъ Евсевія, относящихся къ исторіи этого собора, 117—119. Письмо Серапіона антіохійскаго 119—123. Выводы изъ него, 123. Поеланіе Клавдія Аполлинарія іерапольскаго, какъ коллективно-соборное произведеніе, 125. Вопросъ о предсѣдателѣ и мѣстѣ собора, 126. 153. Составъ его членовъ: епископы и исповѣдники, 127. Объясненіе такого факта, 129. Внушительный объемъ даннаго собора, 130. Подписи подъ соборнымъ посланіемъ, или протоколомъ, 131. Догадки о ходѣ соборнаго процесса, 132. Принятыя на немъ постановленія, 133.
Іерархія—харисматическая и должностная, 138. 139. 150. 153. 474.
Іерусалимская церковь, какъ цитадель номинализма, 52. 174. Она строго держалась монархическаго епископата, 72. Въ ней существовалъ особый „совѣтъ апостоловъ и старцевъ", по аналогіи съ іудейскимъ синедріономъ, 36. Ея первымъ епископомъ былъ ап. Іаковъ, братъ Господень и теократическій вождь іерус. христіанства, 37, 80. 81 п.
Иконійскій соборъ, съ 272 и д. 569. Источники собора, 272—273. Его постановленіе, 273. Участіе на немъ еп. Фирмиліана кесаріе-каппадокійскаго, 274. Составъ и объемъ собора, 275 и д. 277. Хронологія собора, 274. 275 п. „Братія"—какъ члены Иконійскаго (и Синаадскаго) собора, 275—276. Иконійскій соборъ, по типу, былъ „пленарнымъ", 278. Онъ является какъ-бы апелляціонной инстанціей по отношенію къ меньшему собору (Синаадскому) 282. 288. Дополнительныя данныя о предсѣдателѣ собора, 283. Связь каноновъ собора съ Апостольскими правилами, 284.
Иконоборческій соборъ не былъ рецепированъ церковью, 505.
Институтъ „семи" въ Іерус. церкви, 24 п. 63. 75. 76.
Интенсивность религіозн. споровъ на др. Востокѣ, 334.
Интрига „нѣкоторыхъ пресвитеровъ" противъ Кипріана, 367. 369. 377. 379. 385. 390. 403. 461.
Испанская схизма и ея отраженіе въ Римѣ и Карѳагенѣ, 554.
Исповѣдники=„герои вѣры", 378. 382. Они носители моральнаго авторитета и нравственной доблести церкви. 130. Отсюда, ихъ видная роль на соборахъ, 127. 129. 269. 473. 479. И ихъ участіе въ покаянной дисциплинѣ, 377. 379 и д. 457. Злоупотребленія на этой почвѣ, 378. 380. 381 и п.
„Испытываніе Духа", какъ основаніе соборной рецепціи, 474.
Италійскіе епископы, рукоположив. Новаціана, 402 п. 418 п.
Италійскіе соборы=Римскіе собор.
Іудеи разсѣянія (діаспора), 37. 173. 315.
Іудействующія секты—251.
Іудействующія теченія въ др. церкви, 35. 37. 49. 82. 146. 149.

176. 183 — 184. 197. 207. 243. 660. 701.

К.

Каноническія посланія (пасхальныя) 180 и п.
Κάνων=δόγμα, decretum 216. 259. 261 п. 352. 513. *Κάνων τῆς πίστέως*=regula fidei, 240. См. „правило вѣры".
Канонъ книгъ Св. Писанія, 142. 259.
Карѳагенская схизма=расколъ Новата и Фелициссима, см. подъ собств. именами расколовождей.
Карѳагенская церковь—385. 386. 387. 391. 613. 618. 619. См. также подъ словами: „Африканская церковь", „Карѳагенъ", „Киприанъ".
Карѳагенскіе соборы до-киприановой эпохи. См. *Агриппина соборъ*. Карѳагенскій соборъ еп. Доната, по дѣлу еп. Привата изъ Ламбезы, 407 п. Другой соборъ того-же еп. Доната, по дѣлу Виктора и Фаустина фурнитанскихъ, 407 п. Гипотеза раннѣйшаго карѳагенскаго собора при Киприанѣ, до начала гоненія Декія, 407 и п.
Карѳагенскіе соборы киприановой эпохи, 351—648. Ихъ общая характеристика, 351. Окончательное сформированіе типа регулярно-провинціальныхъ соборовъ, 352. Дисциплинарный характеръ карѳ. соборовъ, и два главныхъ ихъ предмета („дѣло падшихъ" и „споръ о крещеніи"), 352. Соборные источники и ихъ своеобразіе, 353—354. Неустойчивость терминологіи главнаго источника—писемъ еп. Киприана, 354. Освѣщеніе предсоборной атмосферы въ карѳагенской и римской церквахъ, въ связи съ дѣломъ „падшихъ" и карѳагено-римской схизмой Новата, Фелициссима и Новаціана, 355—406.
Первый Карѳагенскій соборъ при еп. Киприанѣ (весной 251 г.). Особая важность этого собора, 408. Его хронологія, 409. 459. Обширность программы этого собора и его вѣроятное распаденіе на двѣ сессіи (весеннюю и осеннюю), или, точнѣе, на два самостоятельныхъ собора, 410 411. Его подлинные акты утрачены, 412. 428. Но они существовали, въ формѣ соборнаго свитка, или „книжицы" (libellum), 412. 417. 427. Изъ дошедшихъ до насъ косвенныхъ источниковъ главный—это письмо еп. Киприана къ еп. Антоніану (LV по Hartel'ю 43-ье по русск. переводу), 412. Дополнительные матеріалы въ рядѣ другихъ, преимущественно, болѣе раннихъ писемъ Киприана, 413—414. Обработка этихъ источниковъ, 414—415. Историческій ходъ фактовъ, 415. Гипотеза предварительнаго „мѣстнаго" собора одной только карѳагенской церкви, 416. 492—493. Открытіе соборныхъ засѣданій чтеніемъ трактатовъ Киприана, отвѣчавшихъ на нужды времени (De lapsis и De unitate ecclesiae)—417. Протестъ римскихъ новатистовъноваціанъ противъ выборовъ еп. Корнелія, 420—421. Отказъ предсѣдателя собора—еп. Киприана огласить этотъ протестъ 422. 441. 498. Полученіе соборомъ „извѣстительной грамматы" Корнелія, 422. Прибытіе въ Карѳагенъ особой депутаціи римскихъ раскольниковъ, 423. Усиленная атака ими членовъ собора, 424. Противодѣйствіе имъ со стороны Киприана, 422—424. Частичный успѣхъ раскольниковъ, 425—426. Прибытіе на соборъ епископовъ Помпея и Стефана, остановившихъ успѣхъ раскольниковъ, 425. 441. Мудрое, компромиссное рѣшеніе спорнаго дѣла на соборѣ, въ смыслѣ снаряженія и отсылки

въ Римъ особой, соборно-слѣдственной коммиссіи, 425—426. Переходъ къ главному предмету соборныхъ засѣданій—къ „дѣлу падшихъ" (lapsi), 427. 640. Чтеніе трактата „о падшихъ", 427. Послѣдовательный ходъ соборнаго процесса, 427. Соборъ смягчилъ строго-ригористич. точку зрѣнія Киприана, 418. 427. 467. Постановленіе собора и его письменная форма. 427. Разсылка соборнаго „свитка" по другимъ церквамъ, 428. Вышеупомянутое письмо Киприана къ Антоніану—лучшій комментарій къ опредѣленію собора, 428—435. Оправданіе новаго церковнаго курса въ отношеніи къ „падшимъ" 432. 507. „Падшіе" раздѣлены на классы, 433. Морально-психологическій критерій собора, 427. 433. Фрагменты изъ каноновъ собора „о падшихъ", 434 п. 436 п. Резюмэ каноновъ въ четырехъ главныхъ тезисахъ, 435. Высокая, истинно-церковная мудрость соборнаго постановленія. 436. 462. Санкція со стороны „провинціальнаго" собора предварительныхъ рѣшеній „мѣстнаго" собора (о схизмѣ Фелициссима) 436. 437. Собственноручныя подписи епископовъ подъ соборными актами, 437. 461. Окончаніе весенняго собора 251 г.—437.
Второй Карѳагенскій соборъ при еп. Киприанѣ (осенью 251 г.)—438—448. Вѣроятный источникъ этого собора—письмо Киприана къ еп. Фиду, 438. Защита самостоятельности и раздѣльности собора, 439. Мотивировка собора, 441. Событія междусоборнаго промежутка, 442—444. Окончательно опредѣлившееся отношеніе карѳ. церкви и собора къ римской схизмѣ, 445. Переходъ ко внутреннимъ дѣламъ: обсужденіе неправильнаго поступка еп. Ѳеранія, 445—446. Вопросъ о крещеніи младенцевъ и исчерпывающее, высоко-христіанское рѣшеніе его соборомъ, 447—448. Фактъ повторнаго осужденія на одномъ изъ соборовъ 251 г. падшихъ епископовъ—Іовина и Максима, 448 п. О составѣ и характерѣ Карѳагенскихъ соборовъ 251 года см. подъ словомъ: „соборы".
Третій Карѳагенскій соборъ при еп. Киприанѣ (съ 15 мая 252 г.), 525—543. Источники собора и комментарій къ нимъ, 526—529. Постановленіе собора, въ смыслѣ смягченія каноновъ предыдущаго собора и распространенія пріема на другія категоріи lapsi, 530. Типично-соборная формула канона, 530 п. Прибытіе на майскій соборъ цѣлой группы осужденныхъ еретиковъ, и ихъ безуспѣшная попытка реабилитироваться, 533. Раскольничій контръ-соборъ въ Карѳагенѣ и возведеніе на немъ въ епископы пресвитера Фортуната, 534. 536. Временный успѣхъ интриги Фелициссима въ Римѣ, 534. Хронологія собора, 536—539. Составъ собора, 540. Руководящая роль на немъ епископата, 541. Именной перечень 42 сп. участниковъ собора, 528. 542. По своему характеру это былъ типичный регулярный соборъ одной провинціи („Африки"), 542. Участіе на соборѣ клира и народа мѣстной церкви, 542—543.
Карѳагенскій сомнительный соборъ 253-го года, 543—551. Серьезныя разногласія ученыхъ о времени и работѣ этого собора, 543—544. Неприложимость къ этому собору его предполагаемаго источника, 545—546. Отсутствіе указаній на чужихъ епископовъ, 548. Препятствія для устройства большого „провинціальнаго" собора въ тревожныхъ условіяхъ церковно-

политической жизни, 549—550. Гипотеза малаго „мѣстнаго“ собора одной только карѳагенской церкви, 548—549.

Четвертый Карѳаг. соборъ при еп. Кипріанѣ (осен. 254 г.)— 551 — 564. Благопріятствующая собору политическая атмосфера, 551—552. Хотя полныхъ актовъ этого собора до насъ и не дошло, но о главномъ его дѣлѣ мы можемъ судить по письму 37-ми епископовъ „къ клиру и народу испанскому о Василидѣ и Марціалѣ“, 552. Исторія испанской схизмы, 552. Неудачное вмѣшательство въ нее папы Стефана, 553—554. Карѳагенскій соборъ осудилъ раскольниковъ, 554—555. Попутно онъ далъ очень цѣнный матеріалъ по выборамъ епископа, 555 и. Неумѣстная интерполяція текста въ рус. кіев. переводѣ, 555 п. По своему типу— это былъ очередной однопровинціальный соборъ, 556. Его хронологія, 557—558. Экскурсъ о „галльской аппеляціи“, 559—560. Характеръ и составъ собора, 560 и д. Видная роль на немъ епископской группы, 561. Слѣды присутствія и другой важной группы— клира и народа мѣстной церкви, 562. Соборъ не творилъ новыхъ каноновъ, но съ рѣшительностью подтвердилъ старые (о lapsi, въ особенности изъ клириковъ), 563. Соборъ косвенно осудилъ и папу, 560. 563 и п. Взаимоотношеніе испанской и карѳагенской церквей, 564. Ростъ вліянія карѳагенской церкви и ея митрополита—Кипріана, 564.

Пятый Карѳагенскій соборъ при еп. Кипріанѣ (весной 255 г.)— 573—583. Письмо еп. Кипріана къ Магну, какъ одинъ изъ частныхъ источниковъ этого собора, 573. Оффиціальные источники собора: посланіе нумидійскаго избирательнаго собора 18-ти еп. и отвѣтъ на него карѳагенскаго провинціальнаго собора 31-го епископа, 575—576. Несостоятельность мнѣнія о чрезвычайномъ характерѣ даннаго собора, 576. Это былъ типичный, одно-провинціальный, регулярный соборъ, 577. Ясные слѣды редактуры Кипріана на соборномъ посланіи, 578. Вѣроятный фрагментъ изъ канона этого собора, 578 и п. Хорошо знакомый составъ собора: группа епископовъ провинціи и мѣстная община метрополя (Карѳагена), 579. „Сослужители“ и „сопресвитеры“ собора, 580. Предположеніе о спорѣ нумидійцевъ съ мавретанцами относительно крещенія, 581. Доводы Кипріана въ защиту анабаптистской практики, 582—583. Его взглядъ на соотношеніе въ церкви „обычая“ съ „здравымъ разсужденіемъ“, 583.

Шестой Карѳагенскій соборъ при еп. Кипріанѣ (весной 256 г.)— 584—600. Обращеніе мавретанцевъ въ Римъ за поддержкой въ спорѣ о крещеніи, 584. Сочувственное письмо къ нимъ рим. папы Стефана, 585. Очередной карѳагенскій соборъ 71-го епископа изъ двухъ провинцій—Африки и Нумидіи, 585 и п. Хронологія собора 586. Анализъ главнаго памятника этого собора—письма Кипріана къ Стефану, 586—590. Снаряженіе къ папѣ особой соборной депутаціи, 590. Оскорбительно-обидный пріемъ этой депутаціи въ Римѣ, 590—591. Дополнительные источники собора, 591. Общій ходъ крещальныхъ споровъ даннаго времени, 592. Второе письмо Стефана мавретанцамъ, 593. Колебанія мавретанцевъ между Карѳагеномъ и Римомъ, и запросы двухъ ихъ епископовъ (Юбайяна и Помпея) къ Кипріану, 593. Отвѣтъ имъ Кипріана, съ сильной критикой римской крещальной практики, 594. Рѣзкое письмо папы Стефана еп. Кипріану, съ угрозой отлученія, 595—597. Кипріанъ ищетъ поддержки на Востокѣ и получаетъ таковую въ лицѣ еп. Фирміліана кесаріе-каппадокійскаго. 597. Аналогія настоящаго собора съ Агриппиновымъ, 598. По своему составу и территоріальному объему соборъ этотъ былъ расширеннымъ и увеличеннымъ, *двухпровинціальнымъ*, 599—600. По всей-же остальной конституціи онъ вполнѣ совпадалъ съ предыдущими карѳ. соборами, 600.

Седьмой (большой) Карѳаг. соборъ при еп. Кипріанѣ (осенью 256 г.) 600—648. Выдающееся значеніе этого собора, 600. Документальность его протокола—т. н. Sententiae episcoporum, 601—610. См. подробнѣе подъ этимъ словомъ особо. Названіе этого собора „оппозиціоннымъ“, и протестъ противъ этого катол. ученыхъ 602. 603 и п. 647 и п. Установка точной хронологіи собора 610—611. По объему соборъ былъ *трехпровинціальнымъ*, 612. По типу—„*пленарнымъ*“. Историко-политическое и церковно-религіозное провинціальное дѣленіе Африки той эпохи, 613—624. Анализъ соборныхъ списковъ и выводы отсюда, 625—633. Составъ большого Карѳагенскаго собора, по предисловію Sententiae episcoporum, 634. Первая, опредѣляющая соборная группа— numerus episcoporum, 634. Епископы вотировали лично, и нетолько за себя, но и за всю свою церковь, 534—535. Передача голоса отсутствовавшаго на соборѣ епископа допускалась только чрезъ епископа-же, 635. Одинъ епископъ могъ быть представителемъ отъ лица нѣсколькихъ своихъ коллегъ, 635. Вторая соборная группа—коллегія мѣстныхъ клириковъ и ея роль на данномъ соборѣ. 635—638. Третья группа— корпорація простыхъ мірянъ и ея положеніе на соборѣ, 638. Смыслъ термина praesentibus, характеризующаго роль мірянъ на соборѣ, 639—640. Отраженіе самаго процесса соборныхъ преній въ Sententiae episcoporum, 640—641. Вступительная рѣчь предсѣдателя, 641. Чтеніе относящихся къ дѣлу документовъ, 640. Живой, перекрестный обмѣнъ мнѣній участниковъ собора, 642. Мотивированные вотумы епископовъ. Заключительный голосъ предсѣдателя. Лейтъ-мотивъ всѣхъ „епископскихъ мнѣній“ даннаго собора, 642. Разсылка его протокола по другимъ церквамъ, 643 и п. Эпилогъ собора, 643. Позиція „пассивнаго сопротивленія“ карѳагенской церкви, 643. Разрывъ церковнаго общенія между Римомъ, съ одной стороны, и Карѳагеномъ и Востокомъ —съ другой, 644. Неуспѣхъ примирительнаго посредничества св. Діонисія александрійскаго, 645 ип. Возстановленіе общенія у Рима съ Карѳагеномъ по смерти Стефана, при папѣ Сикстѣ II, 645. Отказъ карѳаг. церкви отъ своей позиціи въ крещальномъ вопросѣ на Арелатскомъ соборѣ, 645. Внутренній смыслъ спора—столкновеніе различныхъ церковныхъ идеологій, 647. Заключительный отзывъ о соборной эпохѣ Кипріана и о значеніи послѣдняго собора, какъ подготовительной ступени ко вселенскимъ, 648.

Катафриги, катафригійская ересь. См. „монтанизмъ“.

Католическая (=ультрамонтантская) тенденція церковной уни-

формы (борьба съ мѣстно-церковными особенностями), 190. 212.
Кавариэмъ, какъ ригористическое теченіе въ древней церкви, 144. 402. 454. 571. 606.
Квартодецимане=см. „Четырнадесятники".
Квасной хлѣбъ, 228.
Клиръ и его руководящая роль въ мѣстно-церковной общинѣ, 473. 479. 502. 519—520. 638. 675. Его отношеніе къ епископу, 500. и къ народу, 520.
Книжники-фарисеи, 50. 68—69. 70. 74. 75 п.
Комиссія карѳаг. по распредѣленію пособій, 387. 391.
Конфискація имуществъ у христіанъ во времена гоненій, 361. 363. 364 п. 387.
Κοινά, 214. 219. 227. 236. 278 п. 279.
Κοινὸν Ἀσίας, 235 и п. 236 и п. 237 и п. 238.
Коптскій синаксарь, 297 и п. 346.
Крещальные споры (и самая дисциплина), 259. 262. 263 и п. 265. 267. 272. 284—288. 447 (крещ. младенцевъ), 568 и п. 571. 583. 592. 642. 645. См. еще: пятый, шестой и седьмой карѳ. соборы.
Культъ цезарей, 219. 235 и д. 237. 278 п. 359. 531 п. 540 п.
Κώμη=селеніе, деревня (египетское), 303. 316.

Л.

Ламбезитанскій соборъ (мнимый). 407 п. 533. 620—622.
Лаодикійскій великій споръ (о пасхѣ), 197. 202—203.
Lapsi=см. „падшіе".
Laxi=„широкіе", партія крайняго попустительства въ церк. дисциплинѣ „падшихъ", 533.
„Лжебратія"—42.
Лжеисидоровскій сборникъ, 115.
Libellatici, („либеллятики"), 375. 396. 413 п. 433. 526.
Libelli 374—375 п.
Libelli pacis=„граматы мира", 377. 380.
Libellus synodicus=*Συνόδικον*, 112. 113—117. 208. 222. 226. 247. 248. 330. 344. 714 п.
Ліонскій соборъ, при еп. Иринеѣ, 249. См. также еще „Галльскіе соборы".
Λόγοι („записи") Антіох. собора, 710 п. 711 п.

М.

Магдебургскія центуріи, 92, 682 п.
Малоазійцы, 65 п. 106. 118. 131. 155. 160. 163. 176. 179. 182. 195. 202. 204. 227. 233. 235. 236. 239. 240 и д. 285. 572.
„Малые" соборы (мѣстно-церковные). 101. 104—107. 110—111. 302—305. 469. 548.
Методисты и ихъ нѣкоторая аналогія съ монтанистами, 140.
Метрополи церковно-политическіе и ихъ роль въ исторіи развитія соборнаго института, 41. 46. 51. 52. 87. 105. 111. 117. 126. 219—220. 222. 223. 224. 225. 227. 237. 239. 271. 277. 280. 283. 314 — 315. 334. 340. 345. 471. 473. 479—480. 484 и п. 485. 525. 579. 593. 613. 616. 619. 622. 631. 654. 673.
Метрополичье-областная система, 217. 223. 227. 260. 271. 279 п. 485. 525. 673. См. еще предыдущее слово: „Метрополи".
Миръ церкви, продолжительный (pax longa), 159. 363 и п. 551. 567.
Миссія христіанства, ея обычный путь—485.
Монархіанизмъ Берилла бостр. 331 и Павла самосат., 664—665. 701.
Монархическій епископатъ (строго) Іерусалима—72. и Александріи, 312.
Монтанизмъ и монтанисты. Литература о нихъ, 97—98. Сущность монтанизма, 102. 135. Оппозиція

противъ него, 119. 133. Его духъ ригористическаго аскетизма, 129. и экзальтированнаго фанатизма, 129. 139. 151 п. Мученики и исповѣдники у монтанистовъ—129. 144. „Новая профетія" монтанизма, 102. 135. 137 п. 138 п. 147 п. 148. 286. „Пророки" и „пророчицы" монтанизма, 135. 137 и п. 141. 160. 286. Попытка возродить угасающую „харисму" апостольскаго вѣка 139. Теорія „возрастовъ" Христовой церкви 142. 147. 181. Эсхатологическія чаянія монтанистовъ 143 и п. 150. Идея „третьяго завѣта"—новаго, совершеннѣйшаго откровенія въ монтанизмѣ, 138. 142. 147, 181 п. „Пневматики" и „психики", 142. 147. 149. Монтанистич. канонъ свящ. книгъ, 142. Мессіаническіе идеалы монтанизма, 143. Риторическая суровость его морали, 144. 145 п. 285. Его полярная противоположность гностицизму, 145 п. 146. Его демократическій характеръ, 146. 239. Принадлежность монтанизма къ типу іудействующихъ теченій церк. мысли и жизни, 145 п. 176. 181. М. и его отрицательное отношеніе къ „должностной" церковной іерархіи, 147—148. 150—152. А также и къ твердо установленному церк. канону св. Писанія 148-259. Идея „всеобщаго священства" въ монтанизмѣ, 150. Консервативная тенденція монтанизма, 151. Раціоналистич. попытки объяснить происхожденіе монтанизма на почвѣ борьбы идеаловъ „первенствующей" церкви съ церковью „исторической" (каѳолической), 151 п. Огромная опасность монтанизма для іерархіи, канона и церковнаго устройства, вообще, обусловившая собою необходимость дружной и энергичной борьбы противъ него, 152. 153 п. 154. Колеблющаяся позиція Рима, 204. Рѣшительное осужденіе монтанизма на цѣломъ рядѣ соборовъ, 154. Начальная исторія монтанизма и ея хронологія довольно темны, 156. 157—8. 160. Монтанистическая „троица" первыхъ расколовождей, 160. Родина монтанизма—Фригія, 100. 109. 164. 287. Отсюда монтанизмъ называется „фригійской, или катафригійской" ересью, 118. 126. 157 п. Послѣдующіе этапы монтанизма, 166 п.
Монтанистическіе (точнѣе, „противо-м." „анти-м.") *соборы, 97—166*. Литература о нихъ, 97 п. и сл. Изъ значеніе въ общей исторіи церковныхъ соборовъ и взаимоотношеніе съ Апостольскимъ соборомъ, 97—98. 99 и п. 100. 166. Первоисточникъ свѣдѣній объ этихъ соборахъ, 100. Анализъ и комментарій фрагментовъ Евсевія и „Анонима", относящихся къ даннымъ соборамъ, 100—104. Споръ о самомъ типѣ ихъ, 105—108. „Вѣрующіе"—какъ члены этихъ соборовъ, 106. Торжественно-публичный характеръ ихъ 107. Объемъ соборовъ превышалъ границы одной только мѣстной церкви, 108. Мѣстомъ ихъ были крупные центры 108. На нихъ отлучали нетолько отъ „общенія" (мѣстнаго), но и отъ „церкви" (областной), 109. Однако, это были все-же еще сравнительно небольшіе групповые соборики, составлявшіеся „часто" и „повсюду" 111. 213. О большомъ „іерапольскомъ соборѣ" противъ монтанизма см. отдѣльно.
Мудрая каноническая тактика древне-церковныхъ соборовъ, 6. 85. 427. 430.
Мужи апостольскіе и ихъ эпоха, 175. 238.
Мученики 432. 434. 435—436. 446. 448. 513. См. еще „Исповѣдники".
Мученическіе акты, 163. 191. 201.

224. 238. 268 п.
Мѣстная церковь, ея соборы („малые“) и ея роль на провинціальныхъ соборахъ, 215. 226. 302. 305. 452. 470. 474. 476. 479. 481. 486. 488. 491. 492. 496. 499. 500. 503. 505. 519. 542. 549. 561. 579. 638 640. 675. См. еще: „Малые соборы“, и „Метрополи“.

Н.

Назореи, 181 п. 340 п.
Народъ и его участіе въ церковномъ управленіи. При выборахъ епископа, 503. 504. 555 п. На соборахъ 495. 500. 505. См. еще: „Малые соборы“, „мѣстная церковь“ и „соборы“.
Недѣльный циклъ первохристіанъ, 175.
Неокораты, 236.
Низверженіе изъ сана (еп. и пресв.) 302 и п.
Никейскій соборъ (перв. вселенскій) 17 п. 252 п. 313 п. 316 п. 518. 719.
Новатисты карѳ. и рим. раскольники, 386. 388—389. 391. 392. 399. 400. 419. 460.
Новаціане, „новаціанская схизма“ 288. 399—401. 415. 418. 419—420. 429. 432. 443. 498. 508. 514. 523. 532 и п. 571. 571.
„Новые апостолы“=новаціанскіе лжеепископы, 432 п.
„Новое преданіе“ раскольниковъ, 403—404.
„Новые пророки“ = см. „Монтанизмъ“.
Новвы заповѣди, 84.
Номинализмъ, іудаистическій. 146.
Numerus episcoporum 155. 462. 463. 472. 478. 488. 497 п. 515. 561. 600. 634.

О.

„Область наша“ (provincia nostra) у Кипріана, 270—271. 444. 598. 612—613. 616. 619.
Обрѣзаніе, 7. 42. 74. 76.
„Общее собраніе“ мѣстной церкви= см. „малые соборы“.
„Общительныя грамматы“ (litterae commun.) 401. 429. 442. 681.
Озроэнскій соборъ (пасхальн.) 224.
Окружное посланіе восточн. патріарховвъ, 482 п.
„Ὁμουσίοσ“ и полем. о немъ, 715.
Оригенистическіе споры—327 и п.
„Откровеніе Духа“ (ἀποκάλυψις) 40. 45. 52. 138.
Отличіе истиннаго пророческаго вдохновенія отъ ложнаго, 140.
Ordines minores, 365.
Отлученіе (excommunicatio), 106. 108—109. 231. 232. 248 и п. 251. 391. 405. 408. 513.

П.

„Падшіе“ (lapsi), 353. 356 и п. 359. 361 п. 363 и п. 364 и п. 365. 373—374 и п. 375. 377. 381 и п. 385. 386. 396. 404. 416. 427. 433—435. 466. 493. 512. 528. 530. 533. 553. 554. 563.
„Падшіе клирики“, 365 и п. 432. 507. 512. 513. 553—554. 587.
Палестинскій соборъ (о пасхѣ). 219. 221.
Параклетъ (у монтанистовъ), 135. 136. 138 п. 141. 149. 163 п. 202.
Параллелизмъ церковнаго и гражданскаго провинціальнаго дѣленія=см. „Метрополи“, „Метрополичье-областная система“.
Παρέργον проф. В. В. Болотова, 297п.
Папа—въ прилож. къ александр. и карѳ. еп-амъ, 316 п. 619 п.
Пастырскія бесѣды путешествующихъ еп-овъ, 105—106.
Пасха, при Кипріанѣ (251—252 г.). 392. 408. 536.
Пасхальные соборы, конца II в., 207—227. Серію этихъ соборовъ открылъ собою „Римскій соборъ“ италійскихъ епископовъ, при папѣ Викторѣ, 207. Постановленіе этого собора, съ предложеніемъ

папы организовать подобные-же соборы и повсемѣстно, 208. Версія Libelli synodici съ „четырьмя письмами“ папы Виктора, 208—209. Хронологія перваго римскаго собора, 210. Даты другихъ пасхальныхъ соборовъ, 210. Откликъ на предложеніе изъ Рима отъ цѣлаго ряда древн. церквей и соборовъ, перечисленныхъ Евсевіемъ, 211. Анализъ суммарной рѣчи Евсевія о пасхальныхъ соборахъ, освѣщающихъ составъ, характеръ и процессъ соборовъ, 212. Чрезвычайный характеръ пасхальныхъ соборовъ, 213. Епископскій составъ этихъ соборовъ и его правильная трактовка, 215. Единодушіе соборныхъ постановленій, 216. Перечень пяти пасхальныхъ соборовъ у „воскресниковъ“, 217. Слѣды начавшейся провинціально-областной группировки древне-церковныхъ округовъ, 217. 227. Историческія данныя о Палестинской церкви, 219. 220. Ея этническое и культурное родство съ Александріей, 220. 221. Замѣчанія къ исторіи „римскаго собора“, 222. О соборѣ „церквей Понта“ и примасѣ Понта еп. Пальмѣ амастридскомъ, 223. О соборѣ „галльскихъ церквей“ и еп. Иринеѣліонскомъ, 224. О соборѣ „церквей Озросны“ (Месопотаміи) и еп. Палютѣ, 224—6. „Частное“ посланіе коринѳ. еп. Вакхилла, 226. Гипотеза Libelli synodici о пасхальномъ соборѣ въ Ахаіи, 226. Значеніе пасхальныхъ соборовъ въ общей эволюціи церковно-провинціальнаго строя и въ ростѣ соборнаго института, 227.
Пасхальные споры. Важное историческое значеніе этихъ споровъ, 169. Оживленная полемика по поводу нихъ въ школѣ „тюбингенскихъ богослововъ“, 169. 171 п. Основной пунктъ споровъ—когда справлять пасху? 171. Второй важный вопросъ—какъ ее справлять? 171. Пасха „крестная“ и „воскресная“ 171. Третій, производный вопросъ—о предпасхальномъ постѣ, 172. Начало споровъ—бытовыя различія во времени окончанія поста и начала пасхи, 173. Пасхальныя даты синоптиковъ и четвертаго евангелія, 178. Разногласія въ лагерѣ „воскресниковъ“, обусловленныя различіемъ календарей (лунnаго—въ Палестинѣ и солнечнаго—въ Александріи и Египтѣ) 179. Пасхальныя посланія и древнія пасхаліи, 180 и п. 221. Связь пасхальныхъ споровъ съ монтанизмомъ и евіонитствомъ 181—182. Отзвукъ въ нихъ борьбы православія съ тенденціями іудаизма, 183. 186. 212. Пасха „четыренадесятниковъ“ это (по Болотову) — это „христіанизированная ветхозавѣтная пасха“, 186. Римская (воскресная) пасха стоитъ въ явной оппозиціи къ іудаизму, 186. Первый фазисъ споровъ о пасхѣ, это — мирная бесѣда Поликарпа смирнскаго съ папой Аникитой, 189. Хронологія этого факта, 191—193. Вторая, восточно-фригійская фаза пасхальныхъ споровъ, 194. Роль здѣсь антимонтаниста Мелитона сардійскаго и его трактата „о пасхѣ“, 196—198. Аполлинарій лаодикійскій, какъ рѣшительный защитникъ „четыренадесятниковъ“ 199—200. Расколъ въ лагерѣ послѣднихъ, 202. „Великій лаодикійскій соборъ“ 202. Ср. 194 и 197. Третій фазисъ пасхальныхъ споровъ — рѣзкое столкновеніе западно-римской церкви съ восточно-малоазійскими, 203. Римская схизма „четыренадесятника“ Власта, 205. Личность папы Виктора, его психологія и притязанія, 206. См. еще:

„Пасхальные соборы“ и „Ефесскій оппозиціонный соборъ „азійскихъ“ четыренадесятниковъ“.
„Пасхальная хроника“, 158 п. 171 п. 178 п. 198 п. 199. 242 п.
Патріархальный строй древне-приходской общины, 216. 303. 470. 487.
Первые вѣка христіанства и ихъ огромное, идейно-нормативное значеніе для всей послѣдующей церк. жизни, XV. XVI и п. 720.
Первое миссіон. путешествіе ап. Павла, 41.
Перекрещиваніе еретиковъ = см. „Крещальные споры“.
Переходъ отъ чрезвычайныхъ соборовъ къ регулярнымъ. 271. 525.
Philosophumena—251. 267 п.
Πῆθος, τὸ, 55. 77. 78 п.
„Пневматики“ и „психики“ 138 п. 142. 147. 148 п. 149. 266.
Подписи подъ актами соборовъ, 123. 127. 132. 229. 433. 552 и п.
Покаянная дисциплина 130 п. 144. 267. 376. 395—396. 433. 513. 528. 531.
Посланія соборовъ=см. „соборы“.
Постановленія Апостольскія=см. „Апостолическая литература“.
„Правило вѣры“ (κανὼν τῆς πίστεως, regula fidei), 195. 216. 228. 240. 244. 259. 290. См. еще *„κανὼν=δόγμα“*.
Правила апостольскія=„Апостолическая литература“.
Предсоборное Присутствіе, XVII. 6 п. 11 п. 43 п. 52. 53 п. 54—55 п. 56 п. 57. 58 п. 61 п. 452 п. 639 п.
Предсѣдатели церковныхъ соборовъ, 80. 81. 126. 207. 219. 221. 223. 224. 226. 229, 249. 262. 301. 311. 422. 479. 524 п. 641. 642. 671.
Пресвитеры народные, іерусалимскіе, *(πρεσβ. τοῦ λαοῦ)*, 60. 62. 65. 73. 317.
Пресвитеры церковные (πρεσβ. τῆς ἐκκλησίας), 73. 86. 276 и. 303. 304. 312. 313. 317 п. 318. См. еще „клиръ“.
„Пресвитеры селеній“, (въ Егип. церкви), 316. 317 п. 318.
Приходы древне-церковные, 128. 130. 216. 303. 485.
Провинціально-этнографич. дѣленіе р. имперіи и хр. церкви. 217. 218. 227, 239. 260. 270. 271. 278—279 п. 313 и сл. 616 и сл. 622—623. См. еще „Метрополи“.
Провинціальные соборы, 155 п. 213, 469 и сл. 525. 561.
Прозелиты, 75. 84.
Проповѣдничество мірянъ въ церкви, 283. 295. 299.
„Пророки“—харизматич. и монтан. 40. 119. 136. 137 п. 139.

Р.

„Разбойничій соборъ“, 505.
Раздѣленіе церквей (запада и востока), 169. 248. 353 и п. 571. 644.
Разсылка соборныхъ посланій, 86. 121. 123 и п. 124. 125. 164. 207. 210. 216. 229—230. 249. 308. 412. 428. 509. 522 и п. 575. 582. 588. 643 681. 684.
Расколъ церковный, 205. 352. 357. 386. 391—392. 444. 523. 534.
„Ревнители закона“=см. „Іудействующіе“, „іерус. пресвитеры“.
Регулярные соборы, 213, 256. 439. 472. 490. 527. 575, 577. 633. 653. См. еще „провинц. соборы“.
Recusare—504 п.
Редакція соборныхъ посланій, 126. 230. 232. 249. 427. 530. 575.
Рецепція соборная, 88, 310 п. 473. 481—482. 502. 505. 580. 638.
Рецидивъ іудейства, 175—176.
Римскіе клирики и исповѣдники, 372. 385. 415. 459. 521.
Римская церковь и ея положеніе въ хр. ц. 188 п. 222. 401. 426. 684.
Римскіе соборы. Пасхальный соборъ (или даже „соборы“) при папѣ Викторѣ. 211. 221. Соборъ (мнимый) по дѣлу Оригена, 323. *Большой римскій соборъ, при Корнеліѣ, съ 506—522.* Источники этого собора, 507. Его канопы заключены были въ особый соборный свитокъ, 508. Хронологія собора, 511 и д. Его предметъ—дѣло lapsi. 512. Его постановленіе, 513. Подлинные фрагменты послѣдняго, 517. Разногласія Евсевія и Кипріана по вопросу о составѣ сего собора, 514. Ядро собора—италійскій епископатъ, 515. Но фундаментъ и фонъ его—клиръ и народъ мѣстной, римской церкви, 515. Это былъ большой, областной соборъ всей Италіи, 516. Перечень епископовъ, участвовавшихъ на соборѣ, съ обозначеніемъ ихъ каѳедръ, 522. Разсылка соборнаго посланія, 522. Отклики на него, 522.

С.

Sacerdos (consacerdos) 244. 394 п. 463 и п. 497. 527 п.
„Священное Писаніе“—228.
Sedes apostolicae, 271. 315. 480. 484 и п.
Sedisvakanz—395. 502.
Senatus presbyterorum = пресвит. совѣтъ, 324. 304 и п. 311.
Sententiae=мнѣнія, опредѣл. рѣшенія епископовъ и соборовъ, 447. 478. 497. 533. 547 п. 579.
„Sententiae episcoporum“... опредѣл. памятникъ, 261 п. 601. 602—604. 610. 618. 624. 625. 626. 640.
Синаадскій соб., 272, 280. 282. 569.
Синедріонъ—68 и сл. 219.
Сирійско-арамейскій языкъ, 339. 661 п.
Соборы древне-церковные *(σύνοδοι*, concilia). Значеніе и роль соборовъ въ развитіи церковной догматики и ея каноники, XV. 129. 258. 263. 441. 470. 720. Изслѣдованіе соборовъ—важная очередная задача церковно-исторической и канонической науки, XVII. Обостреніе интереса къ соборной проблемѣ послѣ извѣстнаго мартовскаго доклада Св. Синода (1905 г.), о возстановленіи у насъ соборности, XVII. Первое Предсоборное Присутствіе 1905—1906 г. и его труды, въ частности, по соборн. вопросу XVII—XVIII.
Историческая схема происхожденія и развитія церковно-соборнаго института. Апостольскій соборъ въ Іерусалимѣ, какъ важнѣйшее введеніе въ исторію церковныхъ соборовъ 3. Почти столѣтній перерывъ въ начальной исторіи соборовъ, его причины и значеніе. 13. 54 п. 98. Начало сплошной исторіи соборовъ 99. 153. Еще одна временная задержка, или, правильнѣе, только замедленіе въ темпѣ развитія соборнаго института, и причины этого, 255. Первичная, эмбріональная форма церковнаго собора — общее собраніе одной мѣстной церкви, 107. 303—305. 470. 476. Вторая, собственно соборная—групповое объединеніе двухъ-трехъ сосѣднихъ церквей въ „малый“ соборъ по какому-либо чрезвычайному поводу 108. 110. 111. 154. Отсюда, и первые „большіе“ соборы были также *чрезвычайнымъ* явленіемъ церковной жизни, а не постояннымъ и ридовымъ, 107. 212. 213. 470. Типичнымъ примѣромъ такихъ чрезвычайныхъ областныхъ, или провинціальныхъ соборовъ являются пасхальные соборы 107—127. 489. Наиболѣе-же устойчивымъ видомъ ихъ служатъ „избирательные“ соборы, составлявшіеся для выборовъ епископа. 306. 470 п. 477. 502—504. 555 п. Переходъ отъ чрезвычайныхъ соборовъ къ регулярнымъ, 227.

258. 352. 472. 478. Онъ совершался въ мѣстной общинѣ метрополя и шелъ параллельно развитію митрополичье - областной системы церковнаго строя, 108. 110. 126 п. 164. 213. 227. 237. 252. 260. 282. 303. 315. 335. 345. 471—472. 480—481. 483—485. Постепенный естественно-историческій процессъ превращенія „мѣстныхъ“ соборовъ метрополя въ регулярные соборы всей провинціи, 107. 213. 486—488. 520 п. Сначала, такіе соборы составлялись лишь по особымъ, чрезвычайнымъ поводамъ; а затѣмъ, они постепенно вошли въ обычную практику и стали пріурочиваться даже къ опредѣленнымъ срокамъ, 213. 260. 488. 633. 490. 557. 561. 653. Древнѣйшее свидѣтельство о періодически-регулярныхъ соборахъ — цитата Тертулліана и ея анализъ, 156. 256 и п. Карѳагенскіе соборы кипріановой эпохи, какъ наиболѣе развитая и типичная форма такихъ соборовъ 478. 490—498. 648. Первые опыты устройства расширенныхъ, (т. н. „пленарныхъ“) между провинціальныхъ соборовъ — въ Карѳагенѣ и, въ особенности, на Востокѣ, 525. 612. 633. 648. 654. 672. Большой Карѳагенскій соборъ (осенью 256 г.) и большой Антіохійскій соборъ 269 г. — какъ непосредственные прецеденты будущихъ „вселенскихъ“ соборовъ, 648. 654. 680. 686.

Опредѣленіе церковнаго собора и его основная конституція. Филологическій анализъ терминовъ: *σύνοδος*, concilium и ихъ техническое употребленіе 214 и п. Слѣды нѣкотораго, условнаго параллелизма церковныхъ соборовъ съ гражданско-религіозными собраніями (*σύνοδοι, κοινά*, concilia, conventus), практиковавшимися въ тогдашнемъ греко-римскомъ мірѣ, 214. 218. 227. 235—238. 489. Но заимствуя внѣшнюю форму и самое имя „собора“, христіанство претворяло ее по своему духу и вливало въ нее цѣнное новое содержаніе, 64 п. Развитіе соборовъ обусловливалось внутренними потребностями самой церкви 213 п. Соборная номенклатура Евсевія: „собранія церквей“, „съѣзды и совѣщанія епископовъ“, союзы „вѣрующихъ“ „живущее на землѣ братство“, „братія“ и т. п. 101. 106. 125. 130. 209. 211. 213 п. 232. 275—276. 307. 489. 675. Кажущаяся невыработанность и даже противорѣчивость такой терминологіи и ея дѣйствительная точность и полное соотвѣтствіе историческому ходу соборнаго процесса. 488—490. Соборная терминологія Кипріана и ея мнимая несогласованность и противорѣчивость, 465. 468. 490 и сл. *Внутреннія идеологія* церковнаго собора: 1) принципъ „соборности“ церкви и его обоснованіе въ догматическомъ ученіи о церкви, какъ тѣлѣ Христа, 473. 475. 481 и п. 482 п. 498 п. 2) Взглядъ на епископа и епископатъ, вообще, какъ на органъ божественной воли, ея провозвѣстника и истолкователя въ церкви, 475, 481. 482 и п. 3) Ученіе о церковной „рецепціи“, т. е. о правѣ, или вѣрнѣе, даже обязанности всенароднаго тѣла церкви „испытывать“, гдѣ есть благая и совершенная воля Божія 475. 480. 482 и п. 504, 580. См. еще и отдѣльно, подъ словомъ „рецепція“. *Основные виды соборовъ* эпохи первыхъ трехъ вѣковъ: мѣстный соборъ, избирательный, регулярно - провинціальный и пленарно-областной, или между-провинціальный,

348. 417. 470. 472. 478. 492. 516. 548—549. 561. 598. 600. 612. 633. 672. См. о каждомъ изъ нихъ еще и особо. Наиболѣе показательны и типичны: „мѣстный“ соборъ (для характеристики соборной конституціи) и „избирательной“ (для знакомства съ самымъ процессомъ собора и ролью составлявшихъ его элементовъ). См. о нихъ отдѣльно. *Схема* мѣстнаго *собора:* 1) съ одной стороны, епископъ, полномочный обладатель „пророческой харисмы“, открывающій „волю Божію“; 2) съ другой—вся его паства, т. е. клиръ и народъ мѣстной церковной общины, 475 и п. 476. 637—638. Но этой же. въ сущности, схемѣ строился и провинціальный соборъ, съ тѣмъ различіемъ, что на немъ мѣсто одного епископа занималъ весь объединенный епископатъ, или т. н. numerus episcoporum, 478; а затѣмъ, рѣшенія, или „мнѣнія епископовъ“ (sententiae episcoporum) поступали на апробацію мѣстнаго собора церкви метрополя и имъ рецепировались, 478—479. Ergo, каждый церковный соборъ, составлялся какъ бы изъ двухъ палатъ: верхней, *епископской*, (numerus episcoporum) и нижней, *мѣстно-церковной*, т. е. формировавшейся изъ клира и народа той церкви, гдѣ данный соборъ происходилъ, 475. 491. 498. 543. 579. Обѣ этихъ основныхъ половины собора были одинаковы важны и активны, хотя самая активность ихъ была различна: у епископата—индивидуальная активность предварительно опредѣляющаго мнѣнія; у мѣстно-церковной общины—коллективная активность послѣдующей рецепціи епископскихъ вотумовъ, 80. 504. 640. 686. Отсюда неприложимость къ древнимъ соборамъ нашего современнаго различенія голосовъ на „рѣшающій“ и „совѣщательный“ и болѣе соотвѣтственное обозначеніе ихъ, какъ „опредѣляющій“ и „рецепирующій“ голоса, 499 п. 639 п. 686. Естественнымъ руководителемъ епископской группы собора являлся ея предсѣдатель, каковымъ обычно бывалъ епископъ метрополя провинціи. См. „предсѣдатель“. Руководителями-же мѣстно-церковной группы, кромѣ своего епископа, являлись „пресвитеры“, „діаконы“ и, вообще, „клирики“, а также еще „исповѣдники“, 127—130. 473. 478—479. 502—503. 505. 520. 562. Истинный смыслъ наименованія собора „епископскимъ“ у Евсевія, а отчасти и у Кипріана, 215. 472—473, 491. 494. 514. 520. 561. 579. 634. 638. 675. Нѣкоторые изъ провинціальныхъ епископовъ привозили съ собой клириковъ, состоявшихъ при нихъ на положеніи личныхъ секретарей, 517—519. 675.

Внѣшняя сторона церковно-соборнаго процесса. Соборы происходили въ большихъ городахъ, или метрополяхъ, подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго епископа. См. „метрополи“ и „предсѣдатель“. Они или созывались, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, особыми посланіями епископа метрополя, или, по большей части, составлялись самостоятельно, въ опредѣленно установленные сроки, 123, 207, 406. 472. 490. 537. 577. 670. Всѣ древне-церковные соборы носили открытый, торжественно-публичный характеръ, 79. 106. 129. 215. 457 и сл. 473. 492. 496 и сл. 520—521. 535. 659 и п. Мѣстомъ соборныхъ засѣданій служили, повидимому, мѣста тогдашнихъ молитвенныхъ собраній, какъ можно догады-

ваться изъ упоминанія Кипріана *объ алтарѣ*, стоявшемъ на соборѣ, 460. Соборъ открывался рѣчью предсѣдателя, въ которой онъ знакомилъ съ существомъ дѣла и призывалъ всѣхъ къ безпристрастному, свободно-искреннему его рѣшенію, 641. Иногда здѣсь же читалась и относящаяся къ дѣлу полемическая, или апологетическая литература: частныя письма, посланія другихъ соборовъ, спеціально составленные трактаты, 133. 416—417. 422. 427. 445. 533. 575. 577. 606—607. 640—641. 676. 687. Затѣмъ, начинался оживленный обмѣнъ мнѣній епископовъ по существу разсматриваемыхъ соборомъ спорныхъ вопросовъ, 82. 107. 133. 273. 282. 431. 446. 512. 527. 535. 544. 668. 677. 708. Всѣ разсужденія и дебаты предпочтительно велись на почвѣ Священнаго Писанія и Св. Преданія (церковной традиціи, древняго обычая) 227—8. 240. 436. 556. 576. 637. Возникали иногда и горячіе диспуты между отдѣльными, болѣе выдающимися противниками, 329. 333. 677. 681. 693. 710. Эти диспуты въ особо важныхъ случаяхъ даже стенографировались, 333. 681. Бывала на церковныхъ соборахъ, въ потребныхъ случаяхъ, и своего рода ученая экспертиза, и даже назначеніе особой соборно-слѣдственной коммиссіи и депутаціи, 303. 342. 422. 590. 694. Послѣ всесторонняго обсужденія дѣла, сначала, только епископы, каждый въ отдѣльности, высказывали свои рѣшительныя мнѣнія. 607. 634. Затѣмъ, эти мнѣнія епископовъ выносились на обсужденіе нижней палаты собора—общаго собранія мѣстной, метрополичьей церкви. 476—478. 637—8. Здѣсь они снова еще разъ внимательно просматривались и обсуждались, въ большинствѣ случаевъ, цѣликомъ принимались, а иногда нѣсколько передѣлывались и дополнялись, 479 и п. 638. 642. Вообще, церковные соборы всемѣрно стремились къ тому, что окончательное рѣшеніе собора было, по возможности, „единодушнымъ“ 60. 79. 216. 458. 504. 598. 662. Послѣ этого, принятыя въ обѣихъ палатахъ собора „мнѣнія епископовъ“ окончательно редактировались предсѣдателемъ собора, заслушивалась на объединенномъ засѣданіи всего собора и заносились въ соборный протоколъ или „посланіе собора“, 85—86. 125. 207. 216 п. 230. 412. 427. Излюбленная, стереотипная фраза соборныхъ опредѣленій, ведущая свое начало еще со временъ Апостольскаго собора, „изволися Духу Св. и намъ“... (placet, visum est...) 15. 84. 87. 454 п. 530. 688. Посланіе собора подписывалось присутствующими епископами (всѣми, или только нѣкоторыми) и отъ лица предсѣдателя собора разсылалось, какъ по своимъ, отсутствовавшимъ епископамъ, такъ и по епископамъ другихъ, главныхъ церквей, 128. 130. 132. 221. 229. 428. 461. 508. 522. 581—582. 600. 607. Получившіе это посланіе обычно старались на него откликнуться, выражая, по большей части, свою полную съ нимъ солидарность, 221. 226. 522. 594. Но иногда отъ другихъ церквей и ихъ предстоятелей получались, какъ частичныя возраженія противъ соборнаго посланія, 248. 251, такъ и его полное отклоненіе, 251. 308—309. 585. 592. 644.

Sodalium, 236.

Споры древней церкви: объ „обрѣзаніи“, о „пасхѣ“, о „падшихъ“ и о „крещеніи“. См. о каждомъ изъ нихъ отдѣльно.

„*Старѣйшины народа*“ іудейск. 66.

„*Старѣйшины городовъ*“—67.

„*Старцы іерусалимскіе*“=см. „пресвитеры іерусалимскіе“.

Stantes, 373. 459 п. 473.

Statio—„dies stationis“, 496.

„*Строматы*“ Климента Александ. 142. 201.

„*Судящее мнѣніе*“ (judicium) епископата, 475. 478. 481. 515 п.

Suffragium клира и народа, 475. 476. 482. 494. 503—504.

Сцилліанскіе акты, 613.

Схизмы древне-церковныя: Ипполита и Каллиста, 257. 267. 395. 570. Корнелія и Новаціана, 394. 398 и сл. 410. 419 и сл. 425—426. 571.

Συγγράμματα—118 п. 119.

Synaxarium, 222 п. 297 п. 346.

Συνζήτησις πολλή, 42 п. 61. 77.

Synodicon (Συνόδικον) = см. „Libellus synodicus“.

Σύνοδοι гражданскіе и церковные, 237 и п. См. еще „соборы“.

Σύνταγμα Ипполита Римскаго, 347.

Т.

Талмудъ, 75 п.

Thurificati—431 п. См. „падшіе“.

Τηρεῖν, 186 п. 188. 189. 205. 228. 240. 250 п.

Третій вселен. соборъ, 681 п.

Трулльскій соборъ, 605.

У.

Удаленіе отъ церковнаго общенія, 109. 246. 248. 384 и п. См. еще „Отлученіе“.

Укрывательство (благоразумное) отъ гоненій, 366.

Ф (и Θ).

Θάλεια, 702 п.

Фарисействующіе христіане, 50. См. „зилоты“, „іудействующіе“.

„*Философумена*“ Иппол. Р. 138 п.

Флагелланты, 151 п.

Flamini, 237.

„*Фрагментаристы*“, 29—30.

Фрагменты „Анонима“ о монтанизмѣ), 102 и сл. 136.

Фрагменты Евсевія объ антіохійскихъ соборахъ противъ Павла самосатскаго, 683 и сл.

„*Фригійская ересь*“, 158 п. См. еще „монтанизмъ“.

„*Фрументаріи*“, 361.

V.

Venia irremissibilia (непрощаемые грѣхи), 376.

Virgines subintroductae (συνεισάκται), 369 п. 663. 699 и п.

Vota (соборные голоса) 452. 499.

Х.

„*Харисматическая*“ *іерархія*, 138. 139. 474.

Харисма „пророчества“ и „служенія слова“, перенесенная на епископовъ, 482 п.

Хиліасты, 140. 176. 317 п.

„*Хожденіе въ духѣ*“, 228 и п.

Хорепископы, 318 п.

Храмы Августу и Риму, 235.

Христіане—происхожд. и смыслъ самаго имени, 39 и п. 93.

„*Хроника*“ *Евсевія*, 157. 297 п.

Ц.

Церковь = „народъ Божій“, „тѣло Христово“, 473, 481—482 и п. 498 п. 520 п. См. еще *ἐκκλησία*.

Церковное собраніе. 215. См. еще „statio“, „мѣстный соборъ“.

Церковные „обычай“ и „законъ“ 609.

Церковный судъ, 535.

Церковная дисциплина, 434. 436. См. еще „падшіе“.

Церковные каноны 18. 306. 476. 483.

Церковная униформа, 319.

Церк.-областн. группировка. 217.

Церковная община метрополя—органъ соборной рецепціи, 518 п. Срав. 486. 487 и п.

Ч.

Четвертый вселенскій соборъ (въ Ефесѣ), 241 п.

„*Четыренадесятники*“, 172. 178. 199. 200. 208. 228. 230. 240. 251.

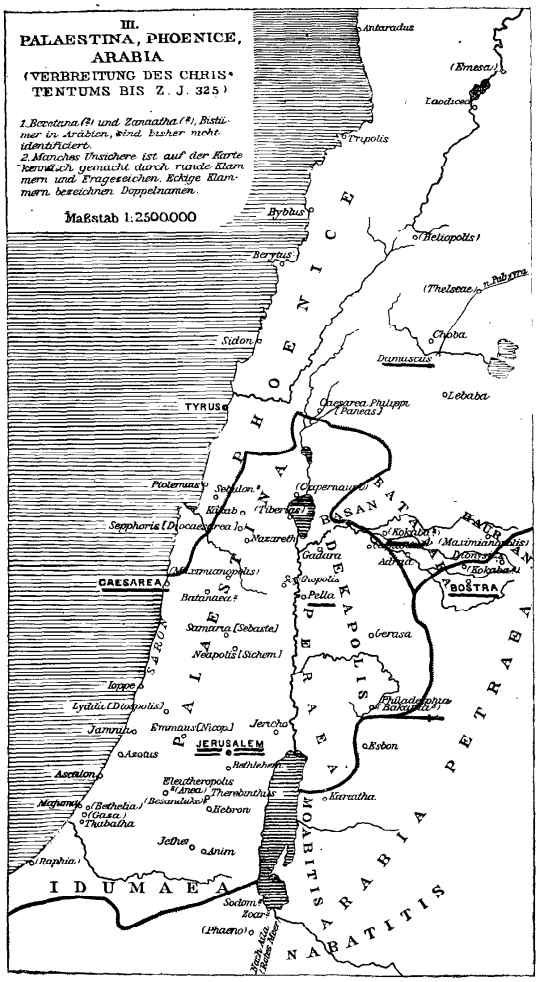
Дополненія и поправки.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
XIX,	3 сн.	*Pusey'я*	*Pusey'я*
5	2 сн.	seiner kanonischen und ausserkanon.	seiner ausserkanonischen

Та-же самая ошибка еще разъ повторена и на 29 стр. въ примѣч. 1.

18. Въ отдѣлъ объ „апостолической“ литературѣ необходимо ввести новое спеціальное изслѣдованіе профессора Томскаго университета *П. А. Прокошева* „Didascalia Apostolorum и первыя шесть книгъ Апостольскихъ Постановленій. II. Приложеніе: Didascalia Apostolorum (текстъ памятника въ русскомъ переводѣ)“ Томскъ 1913. Лично мы лишены были возможности сдѣлать это потому, что монографія проф. Прокошева вышла въ свѣтъ послѣ того. какъ соотвѣтствующій отдѣлъ въ нашей диссертаціи былъ уже напечатанъ. По новому переводу рекомендуемъ провѣрить и имѣющіяся у насъ цитаты изъ самаго текста „Апостольскихъ Постановленій“.

37 п.	7 сн.	Jesri	Jesu.
55	10 сн.	Mosgeim	Mosheim
98	20 сн.	Вставить указаніе на новую капитальную монографію того-же автора *Pierre de Labriolle* „La Crise Montaniste“. Paris, 1913. Ею мы не могли воспользоваться по тѣмъ-же мотивамъ, какъ и диссертаціей проф. Прокошева.	
134	15 св.	предидущихъ.	предыдущихъ
135	8 сн.	св. Дидимъ	слѣпецъ Дидимъ
156	3 св.	Со словъ: „Но и въ этой цитатѣ“... до конца отдѣла опустить, такъ какъ тутъ вкралась ошибка, исправленная нами ниже, на стр. 256 п.	
204	12 св.	что	опустить
223	14 сн.	карѳагенскомъ	коринѳскомъ
240	14 св.	выры	вѣры
256	11 сн.	на общую пользу	сообща
261	12 сн.	257 года	256 года
273		До этой страницы, по досадному недосмотру, имя извѣстнаго католич. издателя и интерпретатора древне-церковныхъ памятниковъ все время имѣетъ у насъ форму *Ruth*, тогда какъ надо—*Routh*.	
355		Перечень литературы объ эпохѣ Кипріана и его соборовъ необходимо дополнить новой работой *Ad. Harnack*'а „Das Leben Cyprians von Pontius. Die erste christliche Biographie. Leipzig, 1913. Texte u. Unters. 39, 3.	
359	14 сн.	преемственно	почти преемственно.
360	8 сн.	непосредственнаго	близкаго.
425	16 св.	Геркулана	Фортуната
431	5 сн.	пресвитера Трофима	епископа Трофима.
454	1 св.	всего	вовсе
480	3 сн. пр.	Schultze	Schwartz
508	13 св.	Фабіанъ	Фабій
516	14 сн.	Послѣ слова „областнаго“ сдѣлать слѣдующую вставку: „Да, наконецъ, Евсевій прямо такъ и называетъ этотъ соборъ „большимъ“ (*συνόδου μεγίστης* VI, 43, i. 612), тѣмъ категорически исключается гипотеза „малаго“, т. е. мѣстнаго собора.	
556	8 св.	занимался	занимался-ли
583	1 св. пр.	see	sed
601	5 св.	не можемъ	не можетъ
625	5 св.	три	два
651	11 св. пр.	Pertus	Petrus
721	заголовокъ	Мнѣніе	Мнѣнія
—	2 св.	cenuenissent	conuenissent
787	19 св.	2 кол. этимъ	этоть

A MAP OF
PROCONSULAR AFRICA AN
to illustrate
THE WRITINGS OF CYP
The Cities in thicker type are not
SCALES
English Miles
Roman Miles
Kilometres
Hippo Diarrhytus
Utimmus
(C Bon)
CARTHAGO
Carpos
Furni
Thuburbo Minus
Cossyra
Curubis
Neapolis
Pupput
Segermes
(GULF OF HAMMAMET)
Horrea Cacha
Hadrumetum
Leptis Minus
Germaniciana
Thysdra
Usilla
Cercina
Thaenae
Sufemula
Macomades
Tunisia
Thuburbo Majus
Tubursicu
Theveste
Ammaedara
Cillium
Thelepte
Gemellae
Ad Dadena
MÖKRAN
Chott Melghigh
Chott-el-Djerid)
Tritonis P
SYRTIS PARVA
(GULF OF GABES)
Tacape
Girba
Gergis
Sabrata
Oea
TRIPOLITANA
MAURETANIA
NUMIDIA
PROCONSULARIS
EMPORIA

